

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

В. В. КРЕСТОВСКАГО.

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ
ВСЕВОЛОДА ВЛАДИМИРОВИЧА
КРЕСТОВСКАГО

ТОМЪ VIII

- 1) ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ.
- 2) ТАМАРА БЕНДАВИДЪ. Романъ.
- 3) ТОРЖЕСТВО ВААЛА. Романъ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ.

РОМАНЪ.

Се тьмьнота покроетъ землю и
мракъ народы.

Исаия, гл. LX, ст. 2.

И удѣлѣвшій остатокъ дома
Иудина опять пустить корня вни-
зу и принесеть плодъ наверху.
Исаия, гл. XXXVII, ст. 31.

I.

Шаббось-кодесть.

«И былъ вечеръ, и было утро—день шестой».

Такъ думалъ каждый добрый израильтянинъ изъ обывателей западно-русскаго губернскаго города Украинска, во едину отъ пятницъ, мѣсяца Сивана (по нашему—мая), въ лѣто отъ сотворенія міра 5636, отъ Рождества же Христова годъ 1876.

«И былъ вечеръ, и было утро—день шестой». Такъ, впрочемъ, испоконъ вѣковъ думаютъ и молитвенно повторяютъ израильтяне въ любую изъ пятницъ, ибо въ этотъ благодатный день недѣли къ каждому еврею нисходятъ съ небесъ вселюбезная, всерадостная, всесвѣтлая, общая во Израилѣ невѣста Шаббось, которую въ просторѣчій русскіе и польскіе *юйимъ* ¹⁾ столь непоэтично называютъ жиновскимъ шабашемъ, извращая при этомъ самый полъ прекрасной невѣсты, какъ будто вселюбезная Шаббось—особа мужескаго рода.

И такъ, многочисленныя еврейскіе обыватели города Украинска готовились къ шабашу.

Еще съ ранняго утра всѣ добрыя балбосты ²⁾, «онѣ же находятъ милость въ глазахъ Бога и людей», были уже на ногахъ, совершили омовеніе, затопили печи, исполнили обрядъ *хале*, сплели по три шабашовыя калача, *халасъ* ³⁾,

устроили каждая по два пирога, одинъ на коровьемъ, другой на деревянномъ маслѣ, въ воспоминаніе того, что Іегова въ пустыни отпущалъ евреямъ на субботній день двойную порцію манны.

Затѣмъ балбосты сбѣгали на базаръ закупить кашерной ⁴⁾ говядины и рыбы, преимущественно *шупаковъ* ⁵⁾, которыхъ будутъ на-

ичный хлѣбъ домашняго приготовленія, безъ чего нельзя исполнить обрядъ *хале*, который состоитъ въ слѣдующемъ: козяйка дома (балбоста) беретъ небольшой кусокъ отъ тѣста, приготовленнаго для субботнихъ хлѣбовъ, произноситъ надъ нимъ установленную молитву и затѣмъ бросаетъ его въ огонь. Это и есть обрядъ *хале*, установленный Моисеемъ (Числа, гл. XV, ст. 20), вслѣдствіе чего и шабашовому хлѣбу присвоено названіе *халесъ*, или *халасъ*. Для шабаша должно печь три хлѣба: большой, средній и малый, изъ коихъ средній употребляется въ пищу въ пятницу вечеромъ, большой въ субботу днемъ, а малый въ субботу вечеромъ, при окончаніи шабаша (Талмудъ. Куцеръ Шулкохъ Арухъ, гл. 72, ст. 6 и 71).

¹⁾ Въ каждомъ городѣ, гдѣ лишь есть еврейское населеніе, существуютъ и особая лавки для продажи мяса исключительно евреямъ. Это мясо должно быть *кашернымъ*, т. е. чистымъ. Существуетъ дѣльный рядъ правилъ и постановленій, какъ рѣзать скотину, какъ дѣлать осмотръ ея внутренностей и въ какихъ случаяхъ должно признавать мясо *трефнымъ*, т. е. поганымъ, негоднымъ въ пищу евреямъ. Говядина, признанная *трефною*, идетъ въ продажу христіанамъ. Въ каждомъ кагалѣ существуетъ особая организація мясниковъ, рѣзниковъ, продавцовъ кашернаго мяса и наблюдателей за правильностію его продажи въ домахъ и на базарахъ. Всѣ они, предварительно вступленія въ свои должности, обязываются публичной присягой въ *бейс-динъ* (камеръ общественныхъ дѣловыхъ собраній и суда).

²⁾ Шупакъ—щука, рыба, наиболее любимая евреями въ Западной Россіи. Вообще, шабашовая рыба пользуется такимъ почетомъ, что ученые раввины совѣтуютъ оставлять часть ея и на будничные дни и употреблять оную хотя бы по крошечному кусочку, ибо въ такомъ случаѣ

¹⁾ Иноплеменники, невѣрные.

²⁾ Домохозяйки.

³⁾ Въ шабашъ на столѣ каждого еврея обязательно долженъ быть употребленъ свѣжій пше-

чинять перцово-луковым фаршем и варить на отдельном огне их благочестивые супруги, потому что по закону каждый еврей обязан самолично пожертвовать некоторым трудом рук своих в честь наступающей Шаббось-кодеш¹⁾. Никто не жалел денежных издержек и хозяйственных расходов, так как в Талмуді сказано, что čím больше расходует еврей в шабаш и праздники, тѣмъ болѣе Богъ прибавляетъ ему дохода²⁾.

Балбосты, промежъ стряпни и работы, всласть наругались и насудачились съ сосѣдками, ибо къ шабашу надлежитъ покончить всѣ злыбы дѣя и свести міркіе расчеты. Тѣ балбосты, что поспорѣ, уже заранѣе приваляли себѣ *шаббось-юимъ*³⁾, саморучно накроили *локшени* и поставили ее вариться, устроили *кугель*, смастерили *цымисъ*, приготовили на завтрашній день *шолентъ*⁴⁾ и замазали глиной заслонъ жарко вытопленной печи, гдѣ этотъ шолентъ нерушимо долженъ храниться до завтрашней трапезы, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ и охраной *малохимъ*, то есть ангеловъ, которые оберегаютъ шолентъ отъ «трефнаго» дѣйствія *шедъ* — нечистой силы.

Но врядъ ли гдѣ справлялся шабангъ съ большимъ удовольствіемъ и задушевностью, čím въ старинномъ домѣ мѣстнаго *гвира* — богача аристократа — достопочтеннаго рабби Соломона Бендавида. Это былъ самый почтенный, самый родовитый и самый богатый человекъ во всемъ кагалѣ города Украинска. — «Ихусъ мишпохе!» знаменитый родъ, знатная фамилія! — съ уваженіемъ въ глаза и за глаза отзывались о его семействѣ всѣ сограждане украинскаго *гвира*. Ему уже исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, и еслибы Богъ Сарры и Ревекки благословилъ плодъ чрева его маститой супруги нѣсколько большею долгою дней, то нѣтъ сомнѣнія, что рабби Соломонъ могъ бы теперь быть уже прапрадѣдомъ. Но роковая бритва Малохъ-гавумеса⁵⁾ устроила такъ, что на склонѣ дней рабби Соломона семья его, если не считать какой-то бѣдной родственницы-приживалки и какого-то дальняго родственника гимназиста, Айзика Шацкера, состояла лишь

изъ его почтенной супруги Сарры и девятинадцатилѣтней внучки, оспротѣвшей назадъ тому два года. Имя этой дѣвушки было Тамара.

Рабби Соломонъ Бендавидъ исполнилъ сегодня все, что подобаешь исполнить всякому добропорядочному еврею въ пятницу до наступленія шабаша. Онъ, по обычаю, съ утра еще покушалъ только-что испеченнаго, горячаго и хрусткаго на зубахъ пшеничнаго калача, артистически вкусно макая каждый его кусочекъ въ *росль-флейшъ*¹⁾, затѣмъ сходилъ въ общественную еврейскую баню и троекратно окунувшись съ головой въ очистительную *микву*²⁾, а возвратившись домой, помогъ своей женѣ и ая батрачкамъ нафаршировать шунака, самъ вычистилъ, въ честь возлюбленной Шаббось, пару старинныхъ серебряныхъ шандаловъ, принялъ и провѣрялъ отчеты отъ приказчиковъ по тремъ своимъ лавкамъ — бакалейной, галантерейной и москательной, а также по мельничьей, лабазу и дровяному складу, тщательно подвелъ на счетахъ недѣльный итогъ въ приходо-расходной хозяйственной книгѣ, опустилъ въ три свои жестяные кружки еженедѣльную «ленту милосердія» и, по исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей, методически принялся обрѣзывать себѣ ногти, строго соблюдая при семъ талмудическое правило, повелѣвающее во время стрижки переходить съ перваго пальца на третій, сперва на лѣвый, потомъ на правой рукѣ, и непремѣнно стричь ногти въ пятницу, дабы дать имъ отдыхъ въ шабангъ, такъ какъ, по замѣчанію Талмуда, ногти начинаютъ отростать лишь на третій день и, стало-быть, если остричь ихъ въ четвергъ, то имъ придется противузаконно расти въ субботу. Послѣ стрижки, рабби Соломонъ тщательно собралъ обрѣзки ногтей, аккуратно завернулъ ихъ въ бумажку и закопалъ въ цвѣточный горшокъ, во избѣжаніе того, чтобы на эти обрѣзки не наступили какъ-нибудь женщины; рабби Соломонъ очень хорошо знаетъ, что кто не соблюдаетъ сего постановленія, тотъ, по Талмуду, подвергается потерѣ памяти, дѣтей и состоянія, и становится *роше* — грѣшникомъ, нарушителемъ закона, потому что если женщина нечаянно наступитъ на разбросанные по полу обрѣзки ногтей, то можетъ родить мертваго ребенка, что, въ свой чередъ, соста-

часть субботней благодати ниспадетъ и на этотъ день» (Кудеръ Шульхен Арухъ, гл. 72).

¹⁾ *Шаббось-кодешъ* — священная суббота.

²⁾ *Ойрахъ-хаимъ*, гл. 242, стр. 3.

³⁾ *Шаббось-гой* — христіанскій батракъ, нанимаемый на время шабаша для носки тяжестей, дровъ, воды, зажиганія свѣчъ, купли и продажи и т. п.

⁴⁾ *Локшени* — лапша, *кугель* — запеченные макароны, *цымисъ* — нѣчто въ родѣ компота или соуса изъ фруктовъ, сладкихъ корней и пряностей съ медомъ и жиромъ. Всѣ эти блюда необходимо являются въ смыслѣ неизмѣннаго шабашоваго *теги* въ каждомъ мало-мальски зажиточномъ домѣ. *Шолентъ* — горячее, т. е. тѣ же кушанья, оставляемые въ печи до завтра.

⁵⁾ *Малохъ-гавумесъ* — ангелъ смерти, который пресѣкаетъ жизнь евреевъ не косою, а бритвою.

¹⁾ Соусъ, приготовляемый изъ луку, перцу и мяса.

²⁾ *Миква*, или *микве* — водоемъ при банѣ, предназначенный преимущественно для женщинъ, совершающихъ въ немъ обрядное очистительное омовеніе послѣ родовъ и извѣстныхъ физиологическихъ періодовъ. Мужчины, ради очищенія, также погружаются въ микву, для чего положены извѣстные дни и часы, въ которые миква отдается въ исключительное пользованіе мужскому полу. Постановленіе о миквѣ основано на законѣ Моисея (Левитъ, гл. 12, ст. 8 и гл. 15, ст. 19, 33).

вляегъ «хетъ годулъ» — великій грѣхъ противъ важнѣйшей заповѣди во Израилѣ: «плодитесь и множитесь» ¹⁾).

Окончивъ операцію ногтей и слегка подшипавъ, особенными щипчиками кое-какіе отбившіеся, неправильно выросшіе волоски своей длинной библейски-патріархальной бороды, достопочтенный рабби Соломонъ тщательно вытряхнулъ изъ кармановъ своего платья всѣ соринки и крошки, такъ какъ по закону не дозволяется въ шабашъ имѣть на себѣ какую бы то ни было пошу и тяжесть, — и тогда уже съ молитвой сталъ облачаться въ праздничный костюмъ: надѣлъ на себѣ бѣлые чулки, башмаки и напковые палевые панталоны, осмотрѣлъ, въ порядкѣ ли спасительныя кисти «цыциса» на его «арбе-канфосѣ», называемомъ въ просторѣчій «лапсердакомъ» ²⁾, опоясавъ широкимъ шелковымъ поясомъ и, наконецъ, облекся въ длинный шелковый кафтанъ нѣмецко-еврейскаго стариннаго покроя, съ бархатнымъ отложнымъ воротникомъ и такими же обшлагами.

Рабби Соломонъ Бендавидъ, нѣсколько породный, высокаго роста человѣкъ, несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, успѣлъ еще сохранить въ себѣ много бодрости, свѣжести и той величественной старческой красоты, которую мы любимъ въ произведеніяхъ

¹⁾ По толкованію Талмуда, пришествіе Мессіи, а съ нимъ окончательное господство еврейства надъ всѣмъ земнымъ міромъ совершится лишь тогда, когда въ *гифѣ* уже не останется ни одной запасной души изъ предназначенныхъ для евреевъ. *Гифѣ* — это родъ небеснаго магазина или склада запасныхъ душъ для новорожденныхъ. Души израильтянъ находятся, конечно, особо отъ душъ *нустриковъ* (христіанъ) въ этомъ *гифѣ*. И вотъ, для того, чтобы царство Мессіи настало скорѣе, необходимо ускорить расходъ израильскихъ душъ изъ *гифы*; поэтому-то «плодитесь и множитесь» и составляетъ у евреевъ важнѣйшую заповѣдь; поэтому и неуклонное исполненіе супружескихъ обязанностей поставлено на первомъ мѣстѣ *тарязъ-мицесъ*, т. е. 613 благихъ дѣлъ, обязательныхъ для каждого еврея.

²⁾ *Арбе-канфосъ* — родъ жилета или камзола безъ рукавовъ, который надѣвается какъ русская фуфайка. *Арбе-канфосъ* внизу необходимо долженъ выкраиваться четырьмя углами, въ которыхъ прокалываются дырочки и въ эти-то отверстія продѣваются нити *цыциса* — четыре нитки, длинной около 12 вершковъ, изъ коихъ одна нить длиннѣе прочихъ. Складываютъ ихъ вдвое и завязываютъ два узелка, затѣмъ длинной ниткой окручиваютъ семь разъ остальные короткія нитки и опять завязываютъ два узелка; далѣе окручиваютъ восемь разъ и дѣлаютъ два узелка; послѣ этого окручиваютъ одиннадцать разъ и дѣлаютъ два узелка; наконецъ окручиваютъ тринадцать разъ и снова дѣлаютъ два узелка; такимъ образомъ получается родъ кистей, напоминающій плетку; между бѣлыми нитями вилетается одна нить голубой шерсти. *Цыцисъ*, на основаніи закона Моисея (Числа, гл. 15, ст. 38), носится въ знакъ страха Божія (отсюда и форма его въ видѣ плети), въ знакъ послушанія вѣлвіямъ Іеговы, и какъ талисманъ противъ нападенія злого духа.

кисти старинныхъ мастеровъ, изображающихъ намъ библейскихъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ. Въ этомъ старцѣ все дышало строгимъ и въ то же время благодуннымъ сознаніемъ собственного достоинства, все было полно свѣтлой простоты и серьезности, что въ совокупности съ перваго же взгляда на него невольно возбуждало въ каждомъ чувство почтенія къ этому человѣку.

Принарядившись и оглядѣвшись, рабби Соломонъ протеръ стекла своихъ круглыхъ очковъ въ роговой и серебряной оправѣ, поправилъ на головѣ бархатную ермолку и съ довольнымъ видомъ человѣка, исполнившаго все, закономъ ему положенное, усялся въ своемъ кабинетѣ, у письменнаго стола, въ глубокое кожаное кресло съ высокою спинкой и, въ ожиданіи часа, когда раздастся на улицѣ призывъ *шумלקлепера* ⁴⁾ къ предпечерной молитвѣ, погрузился въ чтеніе какого-то еврейскаго фоланта въ толстомъ кожаномъ переплетѣ.

Ужюно, тихо и прохладно было въ кабинетѣ рабби Соломона, гдѣ все дышало солидною стариной, благочестіемъ и серьезностію. Каждый кабинетъ всегда болѣе или менѣе рисуетъ характеръ или душу своего хозяина; поэтому, пока въ квартирѣ нашего рабби кипитъ суета шабашовыхъ приготовленій, пока тамъ бѣгаютъ по комнатамъ босоногія бабачки, шумливо двигая мебелью, подмывая полы, очищая пыль и сметая паутину; пока на кухнѣ стучатъ ножи, чистится посуда, заправляются свѣчи и идетъ усердная ошпика, ошпариваніе и потрошеніе куръ и гусей; пока продолжается бѣготня

⁴⁾ Должность *шумלקлепера* всегда занимаетъ одинъ изъ синагогальныхъ *шамесовъ* (служителей). Его обязанность заключается въ томъ, чтобы, при началѣ шабаша, равно какъ и во всѣ праздничные дни громкимъ голосомъ по всѣмъ улицамъ призывать евреевъ въ синагогу; для этого шумלקлеперъ выкликается зычно: «иъ! шуль арайтъ!» т. е. въ школу или синагогу собирайтесь! А въ будничные дни, при наступленіи часовъ общеннаго моленія, онъ призываетъ къ молитвѣ согражданъ-единовѣрцевъ просто постукиваніемъ въ ставни всѣхъ еврейскихъ домовъ деревяннымъ молоткомъ. Онъ же обыкновенно прислуживаетъ и при исполненіи разныхъ обрядовъ религіознаго свойства. Вообще, обязанность синагогальныхъ шамесовъ заключается въ себѣ отчасти обязанности нашихъ дьячковъ и пономарей. При *беисъ* или *бетъ-динъ* (синагогальныхъ совѣтахъ старѣйшинъ, которые въ то же время имѣютъ значеніе и судовъ) также существуютъ шамесы, называемые *бетъ-динъ-шамоникъ*, равно какъ и при кагалѣ — *шамесъ-какагалъ*. Послѣдній исполняетъ обязанности секретаря, дѣлопроизводителя, нотаріуса и т. п. Въ *бетъ-динѣ* же шамесъ вызываетъ къ суду каждого еврея, къ которому имѣется претензія какъ со стороны учреждений, такъ и со стороны частнаго лица; онъ же, по приказанію *бетъ-дина*, заявляетъ ослушникамъ прелостереженія, а иногда исполняетъ и экзекуцію. Наконецъ, шамесы при разныхъ братствѣхъ и обществахъ исполняютъ разныя порученія старшинъ братства по дѣламъ онаго.

съ надворной галлерей на погребъ, съ погреба на верхъ и раздается вездѣ и повсюду рѣзкій, недовольный, повелительный голосъ почтенной Сарры, — пока продолжается вся эта обычная суетня, полагаю, будетъ не лишнимъ бросить взглядъ на кабинетъ почтеннаго Бендавида, именно для того, чтобы поближе ознакомиться съ внутренними свойствами этого человѣка.

Это была довольно просторная и опрятно содержимая комната, въ красномъ углу которой, на самомъ видномъ мѣстѣ, помѣщался, въ видѣ кюта или висючаго шкафчика, *орн-нако-деши* — кивотъ завѣта, задержанный спясю шелковою занавѣскою *пораухесъ*, съ золотою бахромой. Синій цвѣтъ — издревле національный цвѣтъ евреевъ. По срединѣ занавѣски красовался нашитый изъ золотого позумента государственный гербъ еврейскихъ полководцевъ-царей — два равнобедренные треугольника, въ видѣ шестиугольной звѣзды, которую и понынѣ каждый еврейскій мальчуганъ, пребывающій на первомъ курсѣ первоначальнаго *гедера* (училища), непременно умѣетъ начертить быстро и съ одного почерка. Въ кивотѣ, какъ святыня, хранятся у рабби Соломона пергаментные свитки *Торы* — Пятикнижія Моисея — фамильная драгоценность, завѣщанная въ нисходящіе поколѣнія Бендавидовъ однимъ изъ ихъ предковъ, славнымъ раввиномъ Шкловскимъ, который въ свое время былъ «ламданъ годулъ», великій ученый, «авъ бейсъ-динъ» — глава раввината и, наконецъ, «мекадешъ гашемъ» — человѣкъ, прославившій имя Божіе.

Послѣ кивота, самое видное мѣсто въ кабинетѣ занимали книжныя полки, гдѣ въ большомъ порядкѣ помѣщались книги Ветхаго Завѣта съ комментаріями, Талмудъ Іерусалимскій и Талмудъ Вавилонскій, въ изданіяхъ амстердамскомъ и франкфуртскомъ, всѣ *Торы* (сборникъ законовъ) въ полномъ вѣнскомъ изданіи, затѣмъ безчисленное множество разныхъ комментарий на Тору и Талмудъ, трактатовъ богословскихъ и юридическихъ, подъ названіемъ «Шаалотъ уте Шуботъ». Къ этому основному фонду древней, чисто еврейской библіотеки, присоединялось немалое количество разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ научнаго содержанія на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; тутъ были сочиненія по части медицины, географіи и астрономіи, о которыхъ старикъ, какъ автодиактъ, любилъ иногда поговорить на досугѣ съ какимъ-нибудь знакомымъ еврейскимъ ламданомъ (ученымъ). Но превыше и пренебрежительнѣе всѣхъ изданій этой библіотеки была у рабби Соломона одна завѣтная книга, неизмѣнно пребывавшая не на полкѣ, а на самомъ видномъ мѣстѣ его письменнаго стола. То была «книга книгъ», «книга созданія», гдѣ вписаны всѣ имена ангеловъ и всѣ отъ начала вѣка роды и поколѣнія и семейства человѣковъ, прошедшіе, настоящіе и будущіе до скончанія міра, —

книга *Зоаръ* (свѣтъ, сіяніе), источникъ и основаніе мистическаго ученія *Кабалы*, записанная нѣкогда по вдохновенію свыше ученымъ рабби Шимономъ Бенъ-Іеханъ. Къ этой книгѣ, въ часы полного уединенія, любилъ иногда прибѣгать рабби Соломонъ и погружаться душой въ пучины ея мистическихъ загадокъ.

Противъ книжныхъ полокъ, у другой стѣнки, помѣщался массивный шкафъ, гдѣ за стеклянчатыми створками хранилась серебряная и золотая посуда, разные фарфоровыя вещи и бездѣлушки, древніе драгоценныя кубки, стоны и чарки. На шкафу стоялъ массивный серебряный седмисвѣщникъ, работы XVII вѣка, съ рельефными на его подножіи изображеніями братьевъ Маккавеевъ и ихъ сподвижниковъ. Въ этомъ седмисвѣщникѣ ежегодно въ мѣсяцъ теветъ (ноябрь) зажигаются и горятъ въ продолженіе семи дней восковыя свѣчи, въ память побѣды Іуды Маккавея надъ Антиохомъ Епифаномъ и возстановленія храмова *канука* (жертвенника).

Надъ письменнымъ столомъ красовался въ рамкѣ подъ стекломъ затѣшливый рисунокъ, испещренный самыми фантастическими арабесками, обрамлявшими собою центръ рисунка, гдѣ по-еврейски изображено: «Богъ всегда имѣю предъ собою!» По краямъ рисунка, въ завиткахъ, гирляндахъ и зигзагахъ видѣлись изображенія леопарда, орла, оленя и льва, съ подписью: «Будь храбръ какъ леопардъ, легокъ какъ орелъ, быстръ какъ олень и мужественъ какъ левъ, при исполненіи воли Отца твоего небснаго». Подобныя аллегорическія картинки служатъ неизмѣннымъ украшеніемъ комнатъ благочестивыхъ еврейскихъ гвировъ, но занимаютъ почетное мѣсто и въ синагогѣ, надъ *амедомъ* — аналоемъ, предъ которымъ канторъ воспѣваетъ гимны — *брохесъ*, *тфилаесъ* и *бакошесъ* — благословенія, молитвы и просьбы за себя и за народъ израильскій.

Свободныя пространства стѣнъ кабинета рабби Соломона украшались старинными гравированными портретами еврейскихъ знаменитостей, какъ, на примѣръ, рабби Іезекииля Липдау, рабби Іонасава Эйбеница, рабби Иліи Гаона и современнаго намъ, признаннаго евреями за своего *насси* (князя) Моисея Монтефиоре съ супругой, изображенныхъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они молились въ вилецкой синагогѣ. Среди этихъ портретовъ висѣла прекрасная масляная копія съ извѣстной картины Поля Делароша «Еврей, молящійся у стѣны древняго іерусалимскаго храма». Но что болѣе всего бросалось въ глаза при выходѣ изъ кабинета, это сплошной черный прямоугольникъ, выведенный на стѣнѣ надъ самою дверью, и въ немъ двѣ бѣлыя буквы: *י* — *заимъ*, *а* — *омедъ*, служащія инициалами словъ «Захеръ Лахурбанъ», что значитъ «въ память паденія

храма и царства». Эта траурная надпись должна вечно напоминать еврею об утраченном величии его древней родины и о необходимости восстановления отечества не только в прежнем блеске, но еще в наибольшем могуществе и славе.

Въ остальной мебелировке этого кабинета замѣчалось нѣсколько вещей, хотя и сборной, но замѣчательно хорошей старинной мебели, скупленной нѣкогда по случаю, разновременно и поштучно изъ отжившихъ свое время дворцовъ Сапегъ, Чарторыйскихъ и Четвертинскихъ. Но послѣднюю оригинальную особенность кабинета достопочтеннаго Бендавида составляли три жестяныя кружки, приколотыя рядомъ къ стѣнкѣ и запечатанныя печатью самого хозяина. Въ эти кружки онъ, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, опускалъ «грошъ обѣта и милостыни». Въ первую кружку опускалась лепта въ пользу бѣдныхъ братьевъ-евреевъ во Святой Землѣ, во вторую—пособіе для еврейскихъ юношей, изучающихъ Тору и Талмудъ въ знаменитыхъ *ешетотъ*¹⁾ землѣ Литовско-Русской, пребывающихъ въ мѣстечкахъ Воложинѣ, Мирѣ, Конялѣ и Эйшишкахъ. Наконецъ на третьей кружкѣ значилась надпись: «Въ пользу Мейера, Бааль-Гамеса», и эта послѣдняя лепта употреблялась на неугасимую лампаду надъ гробницей сего знаменитаго еврейскаго чудотворца.

Таковъ былъ кабинетъ рабби Соломона Бендавида, кабинетъ, извѣстный не только всему еврейскому Украинску, но и прославленный далеко по всей обширной округѣ, какъ нѣкое святилище мудраго ученаго, *шейше-морейне*²⁾, *гавра* и благотворителя и какъ собраніе разныхъ *шейнесъ кунстштюкесъ*.

И такъ, рабби Соломонъ сидѣлъ надъ боль-

шимъ фоліантомъ. Сквозь запертую дверь кабинета доносились до его слуха отголоски суетливыхъ хлопотъ его супруги, внучки, приживалки и двухъ батрачекъ, накрывавшихъ столъ шабашовой трапезы. Но ни звякъ посуды, ни стукъ ножей и вилокъ, ни ворчливые возгласы почтенной Сарры, ни даже грузный топотъ торопливыхъ шаговъ босоногихъ батрачекъ, шаговъ, отъ которыхъ скрипѣли половицы и дрожала вся мебель въ комнатѣ, — ничто не могло разсѣять сосредоточеннаго вниманія рабби Соломона. И чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ все больше и больше углублялся въ свои внутреннимъ существомъ въ смыслъ читаемой книги.

Но вотъ на улицѣ громко раздался знакомый голосъ синагогальнаго шулькленера:

«Инь шуль арайнь!»

Но и это не вывело мысль рабби Соломона изъ ея напряженной сосредоточенности. Рабби продолжалъ читать, пока шулькленеръ не подошелъ вплоть подъ раскрытое окошко и, по обычаю, трижды стукнувъ деревяннымъ молоткомъ въ ставню, повторилъ свое условное «инъ шуль арайнь» чуть не надъ самымъ ухомъ рабби Соломона.

Старикъ вздрогнулъ, какъ бы очнувшись, ласково кивнулъ головой удалявшемуся шулькленеру—слышу, дескать, спасибо,—затѣмъ положилъ между листовъ фоліанта широкую алюю ленту, служившую ему закладкой и, прежде чѣмъ захлопнуть книгу, набожно поцѣловалъ прочтенную страницу³⁾.

Онъ все любилъ дѣлать по старинѣ, какъ дѣлалось въ былыя счастливыя времена, до 1844 года, когда въ силу *изейрасъ юмалхуъ*, т. е. царскаго указа, русско-польскимъ евреямъ предстала горькая необходимость обрѣзать свои «святые пейсы»⁴⁾, снять мѣховыя шапки—*штраймеле*, и нарядиться въ кургузое нѣмецкое платье. Хотя и пришлось рабби Соломону подчиниться этому богопротивному насилию надъ своею наружностью, тѣмъ не менѣе, у себя дома, а со-временемъ даже и внѣ дома, онъ по возможности соблюдалъ старый костюмъ и старый обычай. Такимъ образомъ, отправляясь въ *бейс-гамидрашъ*⁵⁾ на

¹⁾ *Ешетоты*—талмудическіе университеты, гдѣ проходили высшій курсъ всѣхъ Торъ (законоположеній) и Талмуда со всѣми комментаріями на оныя.

²⁾ *Морейне*—особаго рода титулъ, даваемый по особому постановленію бейс-дина (совѣта старѣйшинъ) тѣмъ изъ евреевъ, которые получили полное талмудическое образованіе и доказали оное на ученыхъ диспутахъ. Не получившій титула *морейне* не можетъ войти въ составъ членовъ кагала. Тѣмъ не менѣе титулъ этотъ приобрѣтается и простолыдинами за деньги, впрочемъ, довольно рѣдко. Въ постановленіи бейс-дина о производствѣ кого-либо въ морейне упоминается, напримѣръ, что въ синагогахъ къ чтенію Торы (аліе) такого-то должно призывать не иначе, какъ прибавляя къ его имени и означенный титулъ. За нѣкоторые проступки протѣивъ кагала этотъ титулъ иногда и снимается съ виновнаго, тоже по постановленію совѣта старѣйшинъ, который при этомъ постановляетъ, чтобы провинившійся впредь именовался привсѣхъ обычаяхъ во Израилѣ не *морейне* а *хаборамъ*, т. е. простолыдиномъ, неучемъ. Иногда это наказаніе снимается, и тогда прощенному возвращается его прежній титулъ. Эпитетъ *шейне*, прилагаемый къ титулу, означаетъ прекрасный (*schön*).

³⁾ При окончаніи чтенія Торы, молитвенниковъ и вообще благочестивыхъ сочиненій, добрый еврей необходимо долженъ благоговѣнно поцѣловать послѣднюю изъ прочтенныхъ страницъ.

⁴⁾ Пейсы—нависочные локоны, называются у евреевъ святыми, такъ какъ мошеніе ихъ установлено самимъ Моисеемъ: „Не остригайте висковъ на головѣ вашей кругомъ и не уничтожай боковъ бороды твоей“ (Левитъ, гл. 19, ст. 27). Это постановленіе сдѣлано для того, чтобы наибольшимъ числомъ наружныхъ особенностей отличить израильтянъ отъ другихъ народовъ.

⁵⁾ *Бейс-гамидрашъ* или *бетъ-гамидрашъ*—общественный молитвенный домъ, въ которомъ, кромѣ богослуженія, занимаются еще частныя лица, а иногда и цѣлыя ученыя братства, изученіемъ

молитву, онъ продолжалъ, какъ и во время оно, надѣвать поверхъ кафгана старозаконную *деге* — длинный плащъ съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ и чуть не до самой земли ниспадающими рукавами. Онъ, впрочемъ, ухитрился носить контрабанднымъ образомъ и нѣкое подобіе пейсовъ, не въ прежнемъ, конечно, роскошномъ видѣ, когда эти пейсы, бывало, въ каждую пятницу завивались щипцами, умащались елеемъ и ниспадали до самаго подбородка двумя лоснящимися локонами, но все-таки у него и теперь сохранялись, такъ сказать, полупейсы, которые рабби Соломонъ, выходя на улицу, зачесывалъ съ висковъ за уши, а приходи домой или въ синагогу, выпускалъ ихъ изъ заведѣннаго плѣна на надлежащее, по святому закону подобающее имъ мѣсто. Полицейскіе чины въ прежнее строгое время, благодаря довольно щедрымъ подачкамъ украинскаго *шири*, смотрѣли сквозь пальцы на его косвенныя попытки нарушенія высочайшаго указа, ибо разъ, что пейсы находятся за висками, они уже не пейсы, — и вотъ такимъ образомъ рабби Соломонъ и царскому *зайрасу* не перечилъ, и Моисееву заповѣдь сохранялъ. Такъ было и теперь. Заложивъ пейсы за уши и накинувъ на себя деге, онъ захватилъ подмышку толстый «Сидуръ»¹⁾ и степенною походкой направился въ ближайшій беисъ-гамидрашъ совершить въ мужскомъ собраніи пятничную *микве*²⁾. Въ этомъ беисъ-гамидрашѣ у него, какъ у человека богатаго и давно уже почтеннаго титуломъ *морейне*, было разъ навсегда откуплено у кагала самое почетное мѣсто, первое въ первомъ ряду, мѣсто на *мизрахи*, т. е. на восточной сторонѣ, ибо пришествіе Мессіи ожидается съ востока³⁾.

Старая Сарра, почтительно проводивъ мужа до порога, еще послѣднѣе занялась теперь послѣдними приготовленіями къ шабашу, которыя, въ силу закона, необходимо должны быть окончены къ закату солнца. Обѣденный столъ былъ уже накрытъ двумя бѣлыми скатертями, въ память двойного отпуску субботней маины и въ честь Шаббось «удваивающей душу»⁴⁾. Предъ столовымъ приборомъ главы дома положены два священные хлѣба — халъ и поставленъ старшій серебряный кубокъ, въ

Талмуда, чтеніемъ вазидательныхъ книгъ и т. п. Въ беисъ-гамидрашахъ перѣдко помѣщаются и эшеботы (университеты, высшія школы), а также братскія и общественныя библіотеки.

¹⁾ Сидуръ — молитвенникъ, заключающій въ себѣ сборникъ молитвъ на библейскомъ языкѣ, въ отличіе отъ Тхино, такого же молитвенника, составленнаго на нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ.

²⁾ Предвечерняя молитва.

³⁾ Поэтому евреи въ главнѣйшихъ мѣстахъ своей молитвы всегда обращаются лицомъ къ востоку.

⁴⁾ По ученію Талмуда, еврей въ шабашъ живетъ удвоенной жизнью, удвоенной душой. Поэтому на

видѣ чаши, для совершенія *кидуца*¹⁾, ради чего тутъ же стояла и бутылка кашернаго вина, до котораго никогда не касалась *трефная* рука *ойи*²⁾.

Окончивъ всѣ приготовленія по части стола, женщины занялись своимъ праздничнымъ туалетомъ. Почтенная Сарра облеклась въ шелковое клѣтчатое платье, украсила голову высокимъ уборомъ *штерн-тиллъ*, который весь былъ роскошно унизанъ рядами жемчуга, и сверху платья надѣла нагрудникъ, вышитый золотомъ и серебромъ въ самомъ затѣйливомъ узорѣ! Въ этотъ-то парадъ вновь появивъ въ столовой она самолично зажгла шабашовыя свѣчи — за души «взятыхъ родителей, родственниковъ и дѣтей»³⁾ сперва въ старинной айцеобразной мѣдной люстрѣ, освѣщавшей съ потолка всю комнату, а затѣмъ въ настольныхъ высокихъ серебряныхъ шандалахъ, произнося при этомъ условныя слова «благословенія» Богу, повелѣвшему израильскимъ женщинамъ возжигать субботнія свѣчи. Послѣ этого, протянувъ къ настольнымъ свѣчамъ руки, она плавнымъ кругообразнымъ движеніемъ сверху внизъ обвела ихъ около огня, «осѣнила огонь» и, закрывъ пальцами глаза, произвела въ подголоса молитву за себя, за мужа, за внуку и всѣхъ домочадцевъ — молитву, сопровождаемую воззваніемъ къ четыремъ великимъ женамъ Ветхаго Завета: «Сорре, Ривке, Рохль вой Лейв». По исполненіи этого обряда, искони совершаемаго исключительно хозяйками дома, къ бобѣ⁴⁾ Сорре по-

каждый шабашъ еврею ниспосылается «нишуме исойре», т. е. добавочная душа, которая отходитъ отъ него съ окончаніемъ шабаша. Нишуме исойре полагается только на шабашовые и праздничные дни. Талмудисты установили при окончаніи шабаша курить и нюхать благовонныя вещества, для того чтобы укрѣпить духовную нишею будничную душу, которая груститъ объ отходящей до слѣдующаго праздника нишуме исойре. На основаніи этой добавочной души, а самый шабашъ называется «удваивающимъ душу».

¹⁾ *Кидушъ* — обрядъ благословенія субботняго вина и угощенія всей семьи и сотрапезниковъ изъ общей чаши. Хозяинъ дома произноситъ надъ чашей положенное «благословеніе», молитву «кидушъ» (что собственно значитъ *освященіе*), которую послѣ него повторяютъ по-очереды всѣ мужчины, не исключая и мальчиковъ, находящихся въ домѣ.

²⁾ Кидушъ совершается либо надъ чаркой воды, либо надъ виномъ, сфабрикованнымъ изъ лѣзума, либо же наконецъ надъ обыкновеннымъ винограднымъ виномъ, при необходимомъ однако же условіи, чтобы какъ то, такъ и другое, и третье было *кашернымъ*, т. е. приготовленнымъ исключительно еврейскими руками. На Западѣ, а также и въ Россіи существуютъ особые еврейскія винодѣльни, посвященныя специально выдѣлкѣ кашернаго вина.

³⁾ У евреевъ объ умершихъ не принято говорить, напримѣръ, онъ *умеръ*; слѣдуетъ всегда выражаться метафорически: онъ *взятъ*, онъ *принятъ* или онъ *отнятъ* Богомъ.

⁴⁾ Бобѣ — бабушка, въ звательномъ падежѣ — бобелѣ.

дошла ея внучка Тамара, уже успѣвшая принарядиться въ легкое сѣренькое платьице изъ какой-то легкой матеріи, и почтительно преклонила предъ старухой красную головку. Бобе Сорре вложила на эту головку свои руки и дала внучкѣ обычное благословеніе ¹⁾. Послѣ этого, бросивъ вокругъ себя послѣдній внимательный взглядъ, дабы убѣдиться, что исполнено уже все достоудное, что все въ полномъ порядкѣ и въ наилучшемъ праздничномъ видѣ, онѣ вышла на крылечко и— какъ требуетъ обычай— усѣлась на порогѣ ожидать возвращенія хозяина дома изъ бейс-гамидраша.

Надъ городомъ тихо воцарились ясныя, теплыя сумерки. На западѣ догорала длинная полоса заката, какъ бы мѣля своими послѣдними, все болѣе и болѣе слабѣющими переливами пурпурно-золотистаго свѣта. Весенняя будраяя зелень начинала принимать сплошную сѣроватую окраску, свойственную ночи, и только на свѣтломъ фонѣ заката еще отчетливо вырѣзывалась она своими прихотливыми очертаніями, которыя отъ контраста съ этимъ свѣтомъ, казались и рѣзче, и чернѣе. Дневная жара уже спала и стихъ дневной гомонъ. Лавки только что заперлись и улицы Украинска вдругъ опустѣли, какъ и во всякомъ еврейскомъ городѣ при вхождѣ шабаша. Только изрѣдка видѣлись на мостовой исключительно христіанскіе прохожіе; зато у каждаго еврейскаго порога чинно, воссѣдали разряженные балбосты съ кучами чадъ и домохадцевъ. Изъ раскрытыхъ оконъ ближайшаго бейс-гамидраша ²⁾, вмѣстѣ съ духотой, насыщенной смѣшаннымъ запахомъ чеснока и чернушки, далеко неслись въ тихомъ воздухѣ виртуозно-затѣйливыя рулады синагогальнаго кантора, а порой, когда эти рулады затихали, то изъ тѣхъ же оконъ, словно изнутри переполненнаго роємъ улья, исходилъ глухой жужжащій гулъ *теморо-ниена*, этого мурлычливаго речитатива, который въ обычай у евреевъ при чтеніи Торы и молитвъ, какъ въ-одиночку, такъ и цѣлымъ кагаломъ. Синагога была биткомъ набита народомъ. Сквозь окна, изнутри залитыя свѣтомъ, видѣлось множество мужскихъ головъ въ шапкахъ, покрытыхъ бѣлыми

шерстяными «таліасами» ³⁾ съ черными каймами и серебро-галунными налобниками. Эти выразительныя лица, искаженные фанатическимъ изступленіемъ и полныя то скорбнаго отчаянія, то молитвеннаго экстаза, казались мертвенно бѣдными отъ блеска многочисленныхъ свѣчей. Сонмъ бѣлыхъ фигуръ молящихся парализируя порой то затихалъ, какъ бы замирая въ изнеможеніи, то вдругъ по знаку кантора или по удару кожаной хлопунки на *аль-мемора* ⁴⁾, начиналъ испускать неистовые дикіе вопли, вскрики, взвизги, — и все молитвенная зала наполнялась нестройнымъ, оглушительнымъ «галласомъ». Бѣненіе себя въ грудь кулаками, мѣрные раскачиванія цѣмъ корпусомъ взадъ и впередъ, закатываніе зрачковъ, почти конвульсивное подергиваніе всеми членами тѣла, отилевываніе въ сторону ⁵⁾ и подпрыгиваніе на мѣстѣ, дабы въ патетическихъ моментахъ молитвы наиболѣе приблизиться къ Богу, — все это болѣе походило на какое-то фантастическое сонмище оживленныхъ посредствомъ галланизма мертвецовъ въ бѣлыхъ саванахъ, чѣмъ на живыхъ людей, собравшихся для молитвы.

Но ни для бобе Сорре, ни для ея внучки, это зрѣлище, какъ дѣло давно знакомое, ни мало не представлялось интереснымъ. Звукъ, жужжащій изъ синагоги, летѣлъ мимо ихъ слуха, не оставляя по себѣ никакого впечатлѣнія; привычное ухо даже и не замѣчало ихъ. Мысли почтенной Сарры вращались около предстоявшаго обѣда—все ли въ немъ бу-

¹⁾ *Талис*—родъ савана или бѣлой шерстяной простыни съ черными либо съ темпо-синими каймами. Женатые люди, при утренней молитвѣ, а также и при общественныхъ богослуженіяхъ, накидываютъ талисъ на голову и плечи; богатые обшиваютъ этотъ уборъ серебрянымъ галуномъ, Умершихъ погребаютъ не иначе какъ въ талисѣ, уничтоживъ предварительно одну изъ кистей цыца, который также прилѣпляется и къ этому савану. Кто надѣвается на себя талисъ, тотъ почитается какъ бы уже исполнившимъ 613 благихъ дѣяній «тарягъ-мицвевъ».

²⁾ *Альмемора*—возвышенная эстрада посреди синагоги, съ которой читается Тора.

³⁾ Моленіе свое какъ въ будничные, такъ и въ праздничные дни, евреи заключаютъ молитвой «Улейны лойшабодяхъ», т. е. благодареніемъ Богу за то, что онъ не создалъ ихъ гоими (не-чистыми, невѣрными) и не сравнялъ ихъ съ такими племенами, что покланяются суетѣ ничтожной и молятся такому богу, который ихъ не спасетъ. Договоривъ эти слова, они плюютъ, добавляя: «тфу! имахъ шмой войзыхрой!»—да исчезнуть имя его и память, или «тфу! имахъ шмой войзыхромъ!»—да исчезнуть изъ имени и память о нихъ. Въ первомъ случаѣ это относится ко Христу Спасителю, во второмъ же вообще къ христіанамъ. Молитва Улейны обязательна для еврея три раза въ день. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что въ повѣдѣніи еврейскихъ молитвенниковъ слова «имакъ шмой» и пр. выкинуты, такъ какъ всякій еврей еще съ дѣтства обязательно долженъ знать ихъ наизусть. Но въ прежнихъ изданіяхъ ихъ можно видѣть.

¹⁾ У евреевъ старшіе члены семейства, какъ мужчины, такъ и женщины, даютъ благословеніе младшимъ. Въ шабашъ это обязательно.

²⁾ Бейс или бетъ-гамидрашъ имѣетъ значеніе главнаго молитвеннаго дома, хотя въ большихъ городахъ ихъ бываетъ по нѣскольку, кромѣ главной городской синагоги. Для бейс-гамидрашей канторы или «хазаны» нанимаются на общественный счетъ. Кромѣ бейс-гамидрашей въ каждомъ еврейскомъ городѣ существуетъ еще не малое число частныхъ молитвенныхъ домовъ, какъ-то «клаузы», «мнионъ», «штибель», называемыхъ по русски вообще «школами»; эти послѣднія пользуются безвозмездными канторами изъ числа своихъ же прихожанъ.

детъ удачно, такъ какъ она знала, что у нихъ сегодня обѣдаютъ трое постороннихъ: одинъ странствующій *ламданъ*, онъ же и *маидъ* ¹⁾, еще вчера приглашенный рабъ Соломона, одинъ ищущій-еврей и одинъ молодой *бохеръ-эшеботникъ*, получивше на выѣздъ шашбашъ «плеты» отъ «плетень-тайлера» къ столу Бендавида ²⁾. Гдѣ были мысли Тамары, о томъ знало только ея сердце; добрая же бо-ба и не догадывалась. «Да и о чемъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ думать этотъ ребенокъ? о новомъ платьицѣ? о сладкихъ пирожкахъ? о вечеринкѣ съ подругами?.. Мысли ея, какъ бутонъ розы, благоуханный и незрѣлый въ своей невинности». Такъ всегда думала почтенная Сарра о своей внучкѣ. И дѣйствительно, взглянувъ на безпечно покойный взоръ дѣвушки, устремленный въ эту минуту на ясную полосу заката, ничего иного и не могло бы придти въ голову ея бабушкѣ.

Но спустя лишь нѣсколько мгновеній, со взоромъ и лицомъ Тамары произошла какая-то перемѣна. Впрочемъ, бабушка Сарра, погруженная въ заботливый вопросъ о предстоящемъ обѣдѣ съ гостями, и не замѣтила, какъ ея внучка слегка вздрогнула и какъ на ея мгновенно поблѣдѣвшемъ лицѣ отразилась внутренняя тревога, полная и смущенія и за-таенной радости. Взоръ молодой дѣвушки, оторвавшись отъ заката, почти инстинктивно перекинулся вдругъ совсѣмъ въ другую сторону, къ досчатому тротуару, по которому въ эту самую минуту приближался къ дому Бендавида высокій, статный мужчина, въ элегантномъ лѣтнемъ костюмѣ.

Онъ шелъ обыкновеннымъ шагомъ, слегка опираясь на изящную трость съ золотымъ набалдашникомъ. Рядомъ съ нимъ шагала рѣд-кой породы громадный датскій песъ на сталь-ной цѣпочкѣ. Въ наружности прохожаго все, начиная съ манеръ и кончая малѣйшими мелочами костюма, изобличало хорошо усвоенную претензію на жанръ настоящаго джентльмена. Его нѣсколько небрежная походка и выраже-ніе красиваго лица, украшеннаго небольшою продолговатою бородкой — такъ — называемою американскою бородкой — и длинными русыми, выхолопными усами, были исполнены не

столько сознаніемъ дѣйствительнаго внут-ренняго достоинства, сколько выражали со-бою безграничную самоувѣренность, не знав-шую доселѣ еще никакой существенной преграды, никакого отпора. Тѣмъ не менѣе, общее впечатлѣніе его наружности было исполъ нзащное, даже солидное. На взглядъ ему ка-залось между тридцатью и тридцатью-пятью годами.

Проходя мимо Тамары, онъ на одно лишь мгновеніе, но почти въ упоръ выразительно бросилъ на нее многозначительный пытливый взглядъ и слегка приподнял шляпу, не безъ желанія придать своему поклону нѣкоторую почтительность.

Почувствовавъ на себѣ этотъ вопрошающій твердый взглядъ, дѣвушка смутилась еще бо-лѣе и поспѣшила глубоко потупиться. Растерян-но и вся зардѣвшись, отвѣтила она на его поклонъ, показавшійся ей не совсѣмъ-то умѣст-нымъ въ присутствіи бабушки. Легкое движе-ніе досады чуть замѣтно дрогнуло у нея въ какой-то жилкѣ надъ бровями.

Джентльменъ, ни на югу не измѣнивъ себѣ, съ полнымъ спокойствіемъ прошелъ мимо.

— Кто это?—спросила вслѣдъ ему Сарра, удивленная поклономъ, адресованнымъ ея Та-марѣ.

— Графъ Каржоль де-Нотрекъ,—отвѣтила внучка, сдѣлавъ надъ собой немалое усиліе, чтобы придать своему голосу тонъ совершенно равнодушнаго спокойствія.

— Ахъ, это тотъ, что какую-то компанію здѣсь учреждаетъ, водопроводъ или газопро-водъ, такъ что ли... концессіи какія-то?

— Да; кажется и то, и другое,—съ легкой улыбкой подтвердила Тамара.

— Гм... Такъ вотъ онъ каковъ!.. Видный мужчина,—процѣдила сквозь зубы бабушка.—А ты развѣ съ нимъ знакома?—вдругъ спросила она.

— Какъ видите.—Я иногда встрѣчаюсь съ нимъ въ обществѣ, въ особенности въ домѣ у моей гимназической подруги, Ольги Уховой.

— Видный мужчина,—какъ бы про-себя повторила бабушка.—Только зачѣмъ намъ всѣ эти его заводы да водопроводы!.. Графское ли дѣло!.. Отцы и дѣды, слава Богу, кажись, жили себѣ и безъ этого и не хуже насъ, право... Все это, сдается мнѣ, одна только глупая новая мода, новый способъ шакровать ³⁾ на счетъ обывательскихъ кармановъ.

Тамара ничего не отвѣтила на это въ-сколько безгласивсе замѣчаніе бабушки, и раз-говоръ ихъ на томъ и презрѣли.

Но долго еще не улеглось внутреннее вол-

¹⁾ Ученый и проповѣдникъ.

²⁾ *Бохеръ* или *багуръ-эшеботникъ*—ученикъ, сту-дентъ эшебота. Бѣдные еврейскіе ученики, не имѣющіе въ городѣ никого изъ родныхъ и зна-комыхъ, а также и нищіе евреи обыкновенно по-лучаютъ отъ одного изъ синагогальныхъ ша-мешовъ „плеть“—пригласительный билетъ, дающій право на шашбовую трапезу у кого-либо изъ достаточныхъ обывателей, по очереди, учреждае-мой кагаломъ съ добровольнаго согласія самихъ обывателей, заявляющихъ напередъ, что на та-кой-то праздникъ или шашбашъ они могутъ принять къ своему столу столько-то бѣдныхъ. Шамешъ, специально завѣдующій раздачей пригласитель-ныхъ „плетей“, называется, плетень-тайлеръ.

³⁾ Шакровать—выраженіе специально еврейское, означающее отчасти спекулировать, отчасти за-ниматься разными не совсѣмъ-то чистыми дѣ-лишками, гешефтами, факторствомъ и т. п. Отсюда же и еврейское „шакеръ-макеръ“.

неніе, возбужденное въ дѣвущѣ неожиданнымъ появленіемъ графа, хотя она и довольно удачно постаралась замаскировать свое чувство во время разговора съ бабушкой. Возволновалъ ее въ особенности этотъ пристальный, хотя и мимолетный взглядъ,—взглядъ настойчивый, какъ бы повелѣвающий и ждущій неуклонно-подтвердительною отвѣта на вѣчто, заранѣе условленное.

«Что, какъ если вдругъ бабушка замѣтила?.. Что, если въ нее вдругъ закрадется какое-нибудь подозрѣніе?»

Но, взглянувъ на Сарру, дѣвушка не могла не убѣдиться точно же, что добродушная и доверчивая бобе Сарре не замѣтила ровню ничего, кромѣ поклона, котораго, конечно, нельзя было не замѣтить даже и ея подслѣповатыми глазами.

— Однако минха уже кончилась,—замѣтила Сарра черезъ минуту.—А вонъ никакъ и хозиппъ мой идетъ съ гостями. Погляди-ка, Тамаре-лебенъ¹⁾, такъ ли?

И дѣйствительно, народъ повалилъ изъ бейс-гамидраша, съ праздничнымъ говоромъ, быстро расходясь группами въ разныя стороны.

Вотъ идетъ и рабби Соломонъ. По правую его руку, прихрамывая, ковыляетъ жидкій, какъ гнутая жердина, армеръ ламдамъ, рабби Ионаанъ, по лѣвую—убогій старикъ-нищій, а сзади молодой бохеръ-эшеботникъ рядомъ съ такимъ же юношей гимназистомъ, Айзикомъ Шацкеромъ.

Тамара хорошо помнила свою обычную обязанность встрѣтить дѣдушку на порогѣ столовой залы и подать ему субботнюю мѣховую шапку «штраймеле», подъ покровомъ которой дѣдушка, по обычаю всякаго благочестиваго еврея, совершаетъ въ теченіе шабаша сто благословеній и сто разъ провозноситъ имя Господа.

Но прежде чѣмъ переступить порогъ и принять штраймеле, рабби Соломонъ прикоснулся правой рукой къ «мезизе»²⁾, прибитой къ косяку входной двери, и поцѣловалъ пергаментный свертокъ этого талисмана, произнеся про

себя положенную краткую молитву о сохраненіи себя отъ всякаго зла. Армеръ ламдамъ сдѣлалъ почти то же, съ тою лишь разницей, что вмѣсто самой мезизе поцѣловалъ свой собственный, коснувшійся до нея указательный палецъ, а за нимъ сему же примѣру послѣдовали и остальные мужчины.

— Гитъ шабесъ! гитъ шабесъ!³⁾—ласково произнесъ рабби Соломонъ, привѣтствуя всѣхъ домашнихъ, которые отвѣтили ему тѣмъ же, послѣ чего, принявъ изъ рукъ Тамары штраймеле, онъ возложилъ на склоненную голову внички свои руки и далъ ей субботнее благословленіе въ словахъ: «да будешь ты матерью многихъ милліоновъ людей израильскихъ!»

За сямъ приступили къ привѣтствію ангеловъ небесныхъ, которые, по ученію Талмуда, невидимо присутствуютъ на шабашѣ каждаго благочестиваго еврея, если въ этотъ день въ его домѣ царствуетъ семейное согласіе и спокойствіе⁴⁾.

— Шеломъ алейхемъ, малохай гашурейс!—торжественно началъ въ полный голосъ рабби Соломонъ, предварительно надѣвъ на себя штраймеле.—Привѣтъ вамъ, ангелы, служители Всевышняго, Царя царей и святого Бога, да будетъ благословенъ Онъ! Привѣтствую входъ вашъ, ангелы мира! Благословите насъ миромъ вы, ангелы мира, ангелы Всевышняго, Царя царей, да будетъ благословенъ Онъ!

Каждый стихъ привѣтствія ангеламъ повторился троекратно, послѣ чего хозяинъ дома, по уставу, проговорилъ заключительную главу «Притчей Соломона» о женѣ доброй, что многоцѣннѣе жемчуга. Всѣ присутствующіе и въ особенности женщины старались при этомъ выразить на лицахъ радость и спокойствіе, и держать себя какъ можно тише и скромнѣе, чтобы какимъ-либо неподходящимъ взглядомъ, движеніемъ или помысломъ не удалить ангеловъ и не накликать демоновъ. Затѣмъ благоговѣнно приближались всѣ ко главѣ семейства—выслушать изъ его устъ и повторить за нимъ слово въ слово «освященіе субботы», выражаемое молитвой «кидушъ», что произносится надъ чашей. Для этого рабби Соломонъ наполнилъ до верху стоявшій предъ его приборомъ кубокъ и, взявъ его за донце въ правую руку, произнесъ какъ бы про-себя, тише чѣмъ въ полголоса:

— «И былъ вечеръ, и было утро—день шестой. Благословенъ Ты, предвѣчный Боже

¹⁾ У евреевъ между родными и интимными лицами принято въ разговорѣ иногда прибавлять къ собственному имени еще ласкательный эпитетъ „зееле“, „лебенъ“—душа, жизнь и т. п.

²⁾ Въ охраненіе себя отъ нечистой силы „шедъ“, евреи употребляютъ, кромѣ цыдиса, еще и слѣдующее средство: къ правому косяку воротъ и дверей прибиваютъ свертокъ пергамента, длиною около четверти, гдѣ написанъ условный текстъ изъ Торы, именно изъ Второзаконія, гл. 6, ст. 4 и 5, гл. 11, ст. 13 и 21. Этотъ пергаментный свертокъ, приколотенный извѣстнымъ способомъ ко входу и получаетъ названіе „мезизе“, т. е. косякъ. Въ силу древняго обычая, каждый еврей, входя въ домъ и выходя изъ него, непременно прикасается губами къ мезизе; иные же цѣлуютъ свой палецъ, прикасавшійся къ этому талисману, который служитъ также и для охраненія порога отъ нечистой силы.

³⁾ Выраженіе нѣмецко-еврейскаго жаргона, означающее привѣтствіе: добрый шабашъ, или съ добрымъ шабашемъ!

⁴⁾ Въ томъ же домѣ, гдѣ несогласіе и раздоръ, скопляется стая демоновъ, которые наполняютъ не только всю внутренность дома, но, за немѣнѣемъ въ немъ мѣста, обсыпаютъ своими сонмами весь дворъ, всю крышу, трубы и т. п. Такъ учитъ Талмудъ.

вашъ, сотворившій плодъ виноградный! Благословенъ Ты, Царю вселенныи, производящій хлѣбъ изъ земли!».

И затѣмъ, благословивъ Бога за дарованіе евреямъ субботы и за предпочтеніе народа израильскаго всѣмъ другимъ земнымъ народамъ, рабби Соломонъ отхлебнулъ изъ благословеннаго кубка и далъ пригубить отъ него, по очереди старшинства и гостеприимства, всѣмъ присутствовавшимъ.

Тѣмъ часомъ служанка внесла кувшинъ воды, покрытый чистымъ полотенцемъ, и мѣднѣй, отлично вычищенный тазъ, надъ которымъ и былъ теперь совершенъ обрядъ обмыванія рукъ—«*нетилатъ ядаимъ*», послѣ чего всѣ усялись за столъ самымъ чиннымъ образомъ. Армеръ ламданъ, какъ уважаемый гость, конечно, занялъ мѣсто по правую руку хозяина.

Но и тутъ обычные обряды еще не окончились. Надо было благословить хлѣбъ, безъ чего невозможно принятыя за субботнюю трапезу. Поэтому рабби Соломонъ обѣими руками приподнялъ вверхъ священный хлѣбъ *хамецъ* съ необходимыми словами: «*биршишъ мойрой-понъ вой рабойнонъ вой раббосай*»¹⁾, прочелъ краткое благословеніе надъ хлѣбомъ, разрѣзалъ его на части и роздалъ по куску всѣмъ присутствующимъ, не исключая и домашней прислуги. Такимъ образомъ былъ исполненъ обрядъ еврейскаго приращенія виномъ и хлѣбомъ, по окончаніи котораго уже ничто не препятствовало приступить и къ самому ужину.

Первымъ блюдомъ принесли фаршированнаго шупака съ прикостями—и всѣ вослѣдъ за хозяиномъ заѣли: «*Лехо доди ликрасъ кала*»—выходи, другъ, навстрѣчу невѣстѣ! Примемъ весело Субботу!—Принесли «*лопшенъ*», затѣмъ говядину изъ супа и вареныхъ цыплятъ, жаренаго гуся и «*кугель*» и наконецъ, въ смыслѣ вѣнца-вѣнцовъ и блюда-блюды всего субботняго пира, появился на столъ вселюбезный «*цмиеъ*» жирный, приный и сладкій.

Между кушаньями всѣмъ хоромъ распѣвались субботнія пѣсни *замиротъ*. Тутъ пѣли и *Мнухо асимхо*, и излюбленную *Маюфисъ*, и вообще всѣ эти заветныя застольныя пѣсни, воспѣвающія великое значеніе еврейскаго народа въ мірѣ и значеніе святости субботняго дня, какъ внутренней связи еврейства,—пѣсни, выражающія общую надежду израильтянъ на скорѣйшее собраніе евреевъ въ родной землѣ, на возстановленіе храма и жертвенника, а главное—на возстановленіе скипетра Іуды и царя Давида, который будетъ господствовать надъ всѣми народами земными.

II.

Слово рабби Ионаана.

— Рабби Ионаанъ!—обратился хозяинъ къ своему гостю.—Наша скромная трапеза, благодареніе Богу, окончена. Но мы, прежде чѣмъ сказать наше общее «*борухъ гу уворухъ-шмо*»²⁾, конечно, можемъ учинить маленький «*кидушъ*»³⁾. Вы не будете противъ? А потому позвольте-ка вашъ стаканъ! Мы его наполнимъ до края и выпьемъ.

— Мазель-товъ! въ часть добрый!—пріятно осклабясь, проговорилъ гость и съ удовольствіемъ подставилъ свой стаканъ подъ горлышко бутылки.

И всѣ мужнины чокнулись, проговоривъ взаимно «*лехамъ!*» на здорье!

— Но, рабби Ионаанъ,—продолжалъ хозяинъ,—я хочу получить съ васъ маленькую взятку. Вы такой «*харифлъ*» и «*маггидъ*»⁴⁾, вы стужали внодѣй усвоить себѣ «*дерехъ эрецъ*»⁵⁾, хотя, къ вашей чести будь сказано, и придерживаетесь старыхъ обычаевъ, не подражая нынѣшнимъ модамъ, тогда какъ увы!—кто изъ васъ не дѣлаетъ имъ большихъ уступокъ!.. Не будете ли, рабби, такъ любезны, сказать намъ какое-нибудь маленькое словцо? Это такъ пріятно въ шаббосъ!.. Я, конечно, не претендую на большую *дромъ*⁶⁾; это значило бы злоупотреблять вашею любезностью, но какой-нибудь легкій *муссеръ*⁷⁾ вмѣсто десерта, если это не затруднитъ васъ!

— Съ удовольствіемъ!—согласился армеръ ламданъ и затѣмъ озабоченно потеръ свой лобъ рукой, какъ бы придумывая тему.—Съ удовольствіемъ!—продолжалъ онъ.—Только не ждите отъ меня «*харифусъ* и «*маггидусъ*»⁸⁾ на талмудическія темы... Нѣтъ, я не коснусь Талмуда; я не расположенъ къ этому сегодня. Мое словцо будетъ сполна построено лишь на подборѣ «*носуковъ*»⁹⁾ нашей вселюбезной Торы и нашихъ пророковъ.

— Мы слушаемъ,—покорно склонилъ свою голову хозяинъ, пригласивъ жестомъ и всѣхъ остальныхъ къ вниманію.

Рабби Ионаанъ еще разъ потеръ рукой наморщенный лобъ, подумалъ съ минуту и, вскинувъ на всѣхъ вдохновившійся взоръ, приступилъ къ дѣлу.

¹⁾ Благодарственная молитва по окончаніи трапезы.

²⁾ Кидушъ въ переносномъ смыслѣ означаетъ выпивку.

³⁾ Остроумный талмудистъ и проповѣдникъ.

⁴⁾ Религіозную ученость и свѣтское образованіе.

⁵⁾ Проповѣдь.

⁶⁾ Нравоученіе.

⁷⁾ Харифусъ и маггидусъ—остроумный разборъ и ловкое истолкованіе текстовъ Торы, Талмуда и вообще религіозныхъ узаконеній.

⁸⁾ Стиховъ, изреченій Св. Писанія.

⁹⁾ Съ позволенія моихъ господъ раввиновъ.

— Раббосай! ¹⁾—началь оу съ пріятною улыбкой.—Я буду говорить на тему наиболѣе любезную, наиболѣе сочувственную каждому еврейскому патриоту въ *голусъ* ²⁾. Я буду говорить о задачахъ и значенія еврейства въ мірѣ и о напей будущности, поколику указываетъ на нихъ наше священное писаніе.

— Мы слушаемъ! «Шма Израель!» ³⁾—съ благочестивымъ видомъ и почти шопотомъ повторилъ хозяинъ.

— Раббосай, — продолжалъ армеръ дам-давъ, — я напому вамъ шестидесятую главу пророка Исая. О! сколь горячо надо было любить свой народъ, сколь глубоко вѣрить въ его будущность, чтобы начертать эти великія строфы!.. Пророкъ говоритъ: «Встань, освѣтись, ибо пришелъ свѣтъ твой и слава Господня возсіяла надъ тобой. Се темнота покроетъ землю и мракъ народы». Рабби Соломонъ! Вы, увлеченный опытомъ житейской мудрости, вы, человекъ большого опыта, вдумайтесь, развѣ это не такъ? Развѣ въ наши дни не во-очію сбываются слова пророка? Развѣ не покрыла землю темнота мелкой себя-любивой суетности, невѣрія и нечестія? Развѣ не мракъ объемлетъ теперь народы хотя бы одной лишь Европы, и въ особенности народъ, среди котораго мы здѣсь живемъ? Мракъ и тѣмъ паче мракъ, *су:убы* мракъ, что этотъ народъ воображаетъ себя, будто онъ идетъ ко свѣту, будто онъ подымается на подвигъ выполненія своихъ якобы великихъ историческихъ задачъ! Да, раббосай, се темнота-покрыла землю и мракъ народы. И это такъ, ибо внѣ еврейства нѣтъ спасенія ничему сущему! Ибо сказано. «И пойдутъ народы къ *твоему* свѣту и цари къ лучамъ *твоею* сіянія». Къ чьему это свѣту и къ лучамъ чьего сіянія? Пророкъ на это указываетъ ясно: къ Израилеву свѣту, къ Израилеву сіянію. Далѣе: «Тогда ты (Израиль) увидишь и просіяешь отъ радости; востропещеть и расширится сердце твое, потому что богатства моря обратятся къ тебѣ и достояніе народовъ пойдетъ къ тебѣ... Тогда сыны иноземцевъ воздвигнутъ стѣны твоя и цари ихъ будутъ *служить тебѣ*... И постоянно будутъ открыты врата твоя и не будутъ затворяться ни днемъ, ни ночью, *чтобы приносимы были тебѣ сокровища народовъ* и приводимы цари ихъ; ибо народъ и царство, которые не

*станутъ служить тебѣ—погибнутъ; и тѣе народы совершенно истребятся... Ты будешь питаться *трупомъ народовъ* и наслаждаться царскимъ изобиліемъ... Вмѣсто мѣди я буду снабжать тебя золотомъ, вмѣсто желѣза стану доставлять серебро, вмѣсто дерева мѣдь, и вмѣсто камней желѣзо... Да! твое солнце уже не закатится и дни плача твоего кончатся».—Такъ говоритъ пророкъ, одинъ изъ величайшихъ патриотовъ еврейскихъ. И какая свѣтлая, какая завидная будущность сулится намъ въ этихъ строфахъ!.. Наши цѣли не въ загробной жизни, какою стараются утѣшить себя лучшіе люди изъ «акимовъ» вѣрующахъ въ *пейль* ⁴⁾—наши цѣли всѣ осязательныя, всѣ здѣсь, на землѣ, которая самимъ Всевышнимъ — *гашемъ* *исборейхъ*! ⁵⁾ — обѣщана намъ въ наслѣдіе. Небо и загробная жизнь уже безъ того принадлежать намъ, въ силу того, что мы—евреи, народъ избранный Богомъ, и доколѣ мы будемъ оставаться вѣрными и добрыми евреями, намъ нечего особенно о нихъ заботиться: они наши! Наше призваніе, повторяю,—здѣсь, на землѣ, и оно исполнѣ земное, реальное, какъ и указываетъ на то многократно священное Писаніе, не говори уже о Талмудѣ. Хотите прослѣдить со мною, исключительно по посукамъ Писанія, нашу великую земную программу?—Вотъ она! Но... предварительно—одно маленькое отступление. Говимъ ⁶⁾ укоряють насъ, что мы любимъ золото (какъ будто они сами не любятъ его!). Да, мы любимъ золото, мы *обязаны* любить его! Ибо золото—сила. Мы любимъ золото, потому что это металлъ чистый и твердый, какъ должна быть чиста и тверда душа еврея. Благородный металлъ — и душа благородная! Замѣчательно, что уже въ самомъ началѣ нашей достохвальной Торы, при описаніи ганъ-Эйдена ⁷⁾ первыхъ челоѣковъ, упоминается, что «и золото той земли хорошее» ⁸⁾, и упоминается о немъ, какъ объ одномъ изъ несомнѣнно важныхъ, даже, пожалуй, важѣйшемъ изъ преимуществъ земли, данной въ поселеніе нашимъ прародителямъ. Казалось бы, на что, къ чему имъ золото, когда они не нуждались даже въ покровѣхъ для своего гуфъ ⁹⁾, когда, и безъ того уже они жили въ золотомъ вѣкѣ? Но тутъ, можетъ быть, даже безосознательно сказала сама суть нашей натуры. Первобытный бытописатель нашъ уже инстинктомъ постигъ и оцѣнилъ качество этого благороднаго металла. «И золото той земли хорошее», — замѣтите:*

¹⁾ Господа.

²⁾ Въ изгнаніи. Иго *голуса* началось для евреевъ послѣ окончательнаго разрушенія іерусалимскаго храма и разсѣянія по лицу земли народа еврейскаго.

³⁾ Внемля, Израиль! — изреченіе библейское, употребляемое въ разговорѣ кромѣ какъ въ прямомъ смыслѣ, еще и въ двухъ переносныхъ значеніяхъ: какъ восклицаніе, при какой либо поразительной неожиданности, и какъ талисманъ противъ нечистой силы, въ родѣ нашего: чуръ меня!

⁴⁾ *Акимъ* — одно изъ названій, даваемыхъ христіанамъ, *пейль* — крестъ.

⁵⁾ Хваленіе ему.

⁶⁾ Невѣрные, христіане.

⁷⁾ Рая.

⁸⁾ Бытія, гл. 2, ст. 12.

⁹⁾ Тѣла.

«хорошее». Не кроется ли въ этихъ словахъ таинственное указаніе, что вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ источникъ вашей силы, вашего господства надъ человечествомъ? Уже въ то первобытное время, значить, еврей обратилъ вниманіе на существеннѣйшій корень и рычагъ жизни; уже и тогда постигъ онъ силу и значеніе золота. И это упоминаніе о золотѣ въ самомъ началѣ нашего ученія весьма важно и характеристично: оно есть, говорю, первоначальное указаніе на то, что наши цѣли и задачи должны быть земными, матеріальными, ибо небо, повторяю, и безъ того уже принадлежитъ намъ отъ вѣка, какъ евреямъ. Итакъ, возвращаясь къ задачамъ и цѣлямъ еврейства. Наше писаніе вездѣ и постоянно придаетъ весьма важное значеніе матеріальному благосостоянію. Такъ, напримѣръ, о великомъ праотцѣ Авраамѣ — зихроно диврохо¹⁾ — упоминается, что былъ онъ «очень богатъ скотомъ и серебромъ, и золотомъ»²⁾. Далѣе: «И сказалъ Онъ Аврааму: знай, что потомки твои будутъ пришельцами въ землѣ не своей. Но надъ народомъ, у котораго они будутъ находиться въ порабощеніи, Я проведу судъ; послѣ сего они выйдутъ съ великимъ имуществомъ»³⁾. Замѣтите это «съ великимъ имуществомъ», — это воздаяніе за порабощеніе. Такъ и акимы: они, этотъ современный намъ гордый Фараонъ, это «христіанство», мнящее себя царемъ земного міра, развѣ не тислилось оно въ теченіе восемнадцати столѣтій держать насъ въ политическомъ порабощеніи, не допускать насъ до сравненія въ гражданскихъ правахъ съ собою? И что же въ концѣ-концовъ мы видимъ? Постепенное съ теченіемъ вѣковъ накопленіе богатствъ всего міра въ рукахъ евреевъ, постепенное овладѣваніе рынками и биржами Старого и Нового свѣта, пока наконецъ не сдѣлались мы финансовыми владыками вселенной. Банкирскій домъ бароновъ Ротшильдовъ — вотъ достойный отвѣтъ Израиля акимамъ на всѣ ихъ вѣковыя неправды и угнетенія народа, избраннаго Богомъ. И пускай-ка попробуетъ любая изъ такъ-называемыхъ «великихъ державъ» поссориться съ другою, объявить ей войну, если этого не захочетъ Ротшильдъ! «А что скажетъ Ротшильдъ? А какъ взглянетъ Ротшильдъ? А пожелаетъ ли Ротшильдъ гарантировать своимъ авторитетомъ реализацію займа, потребнаго на веденіе войны?» Такъ нынѣ поневолѣ думаетъ каждый изъ земныхъ владыкъ царствъ и народовъ, прежде чѣмъ отважится объявить войну своему сосѣду. Захочетъ этотъ капризный Ротшильдъ — ладно, а не захочетъ, такъ и безъ войны онъ можетъ одною какою-нибудь игрой

на пониженіе въ самое мирное время, при наилучшихъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ любого государства, шлепнуть его бумаги до нуля, довести его до полного банкротства. Стало-быть, кто же выходитъ дѣйствительнымъ владыкой міра — гордые ли фараоны христіанскаго міра, или онъ, этотъ «ничтожный», презираемый *жидъ* Ротшильдъ? — Вотъ она гдѣ, эта ветхозавѣтная мудрость Израиля!

— Такимъ образомъ мы видимъ, что и въ наши дни опять во-очію сбывается предреченное праотцу Аврааму: послѣ восемнадцати вѣковъ угнетенія, въ теченіе коихъ еврей все богатѣлъ и богатѣлъ, мы, какъ и наши предки изъ Египта, начинаемъ выходить на мировой просторъ «съ великимъ имуществомъ». Такъ-то!.. Но пойдемъ далѣе! Праотцу нашему Исааку сказано: «буди *пришельцемъ* въ этой землѣ и Я буду съ тобой и благословлю тебя, потому что тебѣ и потомству твоему дамъ всѣ эти земли»⁴⁾. «Буди *пришельцемъ*!..» И дѣйствительно, всегда, вездѣ и повсюду мы были только пришельцами, и — зачѣмъ скрывать отъ самихъ себя! — пришельцами нежелаемыми, повсюду отвергаемыми, пришельцами злыми, жестокосердыми. Вспомните, еще древле, гдѣ хитростью и коварствомъ, гдѣ открытымъ насильствомъ врываются евреи въ земли чуждыхъ имъ и осѣдлыхъ народовъ. Врываются они во владѣнія Эдома, и Эдомъ не выпускаетъ ихъ, ибо знаетъ, чѣмъ грозитъ прикосновеніе Израиля. И Сихонъ, подобно Эдому, не выпускаетъ къ себѣ евреевъ, и Огъ, царь Вассанскій, и Балакъ, царь Моавитскій, тоже, — всѣ боялись нашествія евреевъ, всѣ жаждали отъ нихъ избавиться. Почему такъ? Отвѣтъ находится въ той же книгѣ «Числъ»: «И сказали моавитяне старѣйшимъ мадіамскимъ: «этотъ сонмъ (израильтянъ) поядаетъ теперь все вокругъ насъ, какъ вошь поядаетъ траву полевую»⁵⁾. Вотъ почему! Мы шли, повидимому, на чужое и имъ постепенно овладѣвали; но это потому, что въ сущности для насъ нѣтъ чужого на землѣ: все чужое — наше, ибо и вся земля по обѣту Всевышняго *наша*, *намъ* завѣщана, *намъ* принадлежитъ, какъ лучшимъ, избранныйшимъ сынамъ Божіимъ. «Да послужатъ тебѣ народы и да поклонятся племена. Проклинающіе тебя прокляты, благословляющіе тебя благословенны»⁶⁾. «И будетъ потомство твое, какъ песокъ земной, и распространишься къ западу и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню»⁷⁾. «Отнынѣ имя твое Израиль, потому что ты боролся съ Богомъ и людьми и одолѣлъ»⁸⁾. Сколько

¹⁾ Да будетъ благословенна его память.

²⁾ Бытія, гл. 13, ст. 2.

³⁾ Ibid. гл. 15, ст. 13, 14.

⁴⁾ Бытія, гл. 26, ст. 3, 4.

⁵⁾ Числъ, гл. 21, ст. 4.

⁶⁾ Бытія, гл. 27, ст. 28, 29.

⁷⁾ Ibid. гл. 28, ст. 14.

⁸⁾ Ibid. гл. 32, ст. 29.

же мѡщень духомъ великій представитель нашего племени, если онъ могъ бороться не только съ людьми, но даже съ самимъ Богомъ—Готъ бороху гу! ¹⁾—и одолѣть Его, въ чемъ, по писанію, сознается и Самъ Готъ, чьего имени неумытыми устами и произнести не смѣю! Кто же еще есть другой столь дерзновенный во человѣчѣхъ?.. Не даромъ же сказано еще издревле, что «дерзновеннѣйшій между племенами—Израиль». И кому же какъ не Израилю, послѣ того долѣтъ обладать цѣлымъ міромъ? Да, это наше право, наше преимущество, ибо сказано: «Иуда! тебя восхлалатъ братья твои; рука твоя на хребтѣ праговъ твоихъ. Не отойдетъ окиптръ отъ Іуды и жезлъ отъ ногъ его, дондеже не придетъ покой, и ему покорность народовъ» ²⁾.

Рабби Іонасанъ приостановился, чтобы перевести духъ. Сухошавое, болѣзненно-желтоватое лицо его было оживлено до необычайности, а глубокие глаза исподлобья сверкали какъ угли, и горѣлъ въ нихъ огонь вдохновенія. По всему было видно, что это въ своемъ родѣ поэтъ, человѣкъ увлекающійся, но глубоко убѣжденный въ томъ, что онъ высказываетъ. И сила его внутренняго убѣжденія какъ бы посредствомъ электрическаго тока невольно передавалась слушателямъ.

Одна только Тамара казалась нѣсколько разсѣянною, какъ будто въ ней копошились совѣсть иныя думы, иныя чувства. Она по часту взглядывала на стѣнные часы, висѣвшіе какъ-разъ противъ ея мѣста, и на ея нервномъ личикѣ порой прорывалось наружу выраженіе какой-то озабоченности, вѣтеривнія и досады. Хорошо, что вниманіе бобе Сорре въ эти минуты до самозабвенія было поглощено словомъ рабби Іонасана, а то не избѣжать бы Тамарѣ ея замѣчаній и даже серьезнаго выговора за разсѣянность и неприличіе.

— Продолжайте, достопочтенный рабби, продолжайте!—восторженно умоляющимъ шопотомъ проговорила бобе Сорре, судорожно сжимая пальцы своихъ рукъ, сложенныхъ въ комочекъ. На ея лицѣ отражалось не только прѣстосердечное наслажденіе, но полное упоеніе рѣчью ламдана-маггиды.

Соломонъ Бендавидъ подлилъ маггиду въ стаканъ вина и тоже просительнымъ образомъ подмигнувъ ему глазами—продолжайте, дескать, почтеннѣйшій.

Рабби Іонасанъ освѣжился глоткомъ вина, глубоко вздохнулъ и, собравшись съ мыслями, началъ.

— И вотъ, народъ Израильскій въ Египтѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, сыны Израилевы «расплодился и размножился, и увеличился, и усилились чрезвычайно и наполнилась ими

земля та» ¹⁾. И не надо думать, будто имъ было ужъ такъ особенно дурно въ Египтѣ — вовсе вѣтъ! Я готовъ сказать даже напротивъ, — хорошо; въ извѣстной степени даже привлекательно было евреямъ въ землѣ Фараоновъ, очутившейся у нихъ, благодаря мудрымъ государственнымъ мѣрамъ Іосифа, можно сказать, на откупъ. «Книга Бытія» когда хочетъ похвалить долину Іорданскую, то говоритъ, что хороша она, «какъ садъ Господень, какъ земля Египетская» ²⁾. И наконецъ, при северномъ житѣ-бытѣ, извѣстное дѣло, особенно не расплодился и не усилился. А во время странствій по пустынѣ сколько разъ, бывало, и съ какимъ сердечнымъ сожалѣніемъ вспоминали евреи о землѣ Египетской, о ея привольѣ, изобиліи, богатствѣ, и какъ горько, и какъ много и часто упрекали Моисея съ Аарономъ за то, что они вывели ихъ изъ этого рая земного! Конечно, народу египетскому, обезземеленному и закрѣпощенному Іосифомъ ³⁾, было не легко подѣ евреями, но Фараону, исправно получавшему съ народа свои подати и богатства чрезъ посредство евреевъ, напротивъ, было прекрасно. Оттого-то Фараонъ такъ и упорствовалъ въ нежеланіи своемъ отпустить народъ израильскій изъ Египта, вопреки волѣ народа египетскаго, умоляшаго, да избавить его поскорѣ отъ этихъ припелъцевъ. Въ чемъ же дѣло? Зачѣмъ понадобилось вдругъ покидать этотъ прекрасный край? А дѣло въ томъ, что времена деремѣнились: умножились, усилились, расширился народъ Божій, а вмѣстѣ съ этимъ расширился и кругозоръ его политическихъ задачъ, его стремленій не только къ самостоятельному, независимому существованію, но и къ господству надъ другими народами. И тогда Всевышній обѣщаетъ евреямъ, что пойдутъ они «не съ пустыми руками», «но испроситъ каждая женщина у сосѣдки своей и у живущей въ домѣ ея вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ, и одеждъ, и вы положите все это на сыновей вашихъ и на дочерей вашихъ и оберете египтянъ» ⁴⁾. Такъ сказалъ Господь. И затѣмъ еще сказалъ Онъ Моисею: «Я поставилъ тебя Богомъ Фараону, а Ааронъ, братъ твой, будетъ твоимъ пророкомъ» ⁵⁾. Какая великая миссія! Смертный и вдобавокъ рабъ, по волѣ Бога, самъ становится богомъ для другого смертнаго, но уже не для раба, а для царя, для гордаго Фараона Египетскаго! Ни до того, ни послѣ того въ человѣчествѣ не было примѣра подобной миссіи. Римскіе цезари, почитаемые за боговъ рабами, — это совсѣмъ не то! Это только безобразный апогей рабствѣнности, презрѣннаго и льстиваго визкопклонства, и больше ничего. И сказалъ Богъ

¹⁾ Да благословится имя Его!

²⁾ Бытія, гл. 49, ст. 8, 9.

³⁾ Исходъ, гл. 1, ст. 7.

⁴⁾ Бытія, гл. 13, ст. 10.

⁵⁾ Ibid. гл. 47, ст. 20.

⁶⁾ Исходъ, гл. 3, ст. 22.

⁷⁾ Ibid. гл. 7, ст. 1..

Моисею: «И наложу руку мою на Египетъ», — и наложилъ. И наслалъ на него десять казней. И была между ними девятою казнью *тьма тма египетская*. Вспомните это слово: «и будетъ тьма на всей землѣ, осызаемая тьма». Это слово, не въ физическомъ, конечно, смыслѣ, повторяется и въ наши дни. Десятая казнь — смерть первородныхъ. Для нашего времени она еще въ будущемъ. Нынѣ враги, насъ окружающіе, находятся пока еще въ періодѣ тьмы египетской. «И былъ поплъ великій по всей землѣ Египетской, какого не было и какого не будетъ болѣе. И сказали рабы Фараона ему: доколѣ этого человѣкъ¹⁾ будетъ вредить намъ? Отпусти этихъ людей.. Неужели ты еще не видишь, что гибнетъ Египетъ?!» — И сдѣлали сыны Израилевы по слову Моисея: испросили у египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ, и одежду. Господь далъ милость народу своему въ глазахъ египтянъ, и обобралъ онъ египтянъ»²⁾. Да, обобралъ, и это справедливо, ибо заповѣдано намъ отплативать «око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ»³⁾. Этого мы не должны, не смѣемъ забывать и нынѣ, и во вѣки. И вотъ, народъ израильскій идетъ въ землю Обѣтованную, и Господь говоритъ ему: «ужасъ мой поплъ предъ тобой и въ смятеніе приведу всякій народъ, къ которому ты придеши, и обратишь всѣхъ враговъ твоихъ къ тебѣ тыломъ... Не выгони ихъ отъ лица твоего въ одинъ годъ, чтобы земля не запустѣла и не умножились бы противъ тебя звѣри полевые; но мало-по-малу буду прогонять ихъ отъ лица твоего, пока ты не расплодишься и не завладѣешь землею этою. Не заключай союза ни съ ними, ни съ богами ихъ. Только противъ Господа не возставайте и не бойтесь народа этой земли, потому что онъ дастся вамъ въ слѣдѣніе»⁴⁾. Если же вы не прогоните жителей земли отъ лица своего, то уцѣлѣвшіе изъ нихъ будутъ тернами для глазъ вашихъ и иглами для боковъ вашихъ, и будутъ тѣснить васъ на землѣ, въ которой вы поселились»⁵⁾. И такъ, вотъ задача: ослаблять и, по возможности, искоренять, *истреблять* тѣхъ, среди которыхъ мы, пришельцы, поселяемся. Для этого мы должны строго блюсти законы братства и круговой поддержки между собою и не вступать ни въ какое общеніе и соглашеніе съ не-евреями, а напротивъ всего быть твердыми въ вѣрѣ нашей. Мы должны не налагать на брата своего еврея никакой работы, приличествующей рабамъ. «Когда обѣднѣетъ у тебя братъ твой и проданъ бу-

детъ тебѣ, то не налагай на него работы рабской. А рабъ твой и рабыня твоя, которые могутъ быть у тебя, должны быть изъ народовъ, которые вокругъ васъ». «Отъ нихъ покупайте раба и рабыню; также и дѣтей поселенцевъ водворившихся у васъ можете покупать, и изъ племени ихъ, — они могутъ быть вашею собственностью, и можете передавать ихъ въ наслѣдство и сынамъ вашимъ по себѣ какъ имѣніе. *Вѣчно владѣйте ими, какъ рабами*»¹⁾. Вотъ откуда, стало быть, истекаетъ наше священное общеврейское право *мерони* и *хазаки*, право тайной кабалы надъ личностью и имуществомъ движимымъ и недвижимымъ каждого не-еврея.

— Мы должны въ концѣ каждого седьмого (юбилейнаго) года прощать денежныя и иныя долги ближнимъ и братьямъ своимъ и не взыскивать съ нихъ; но подѣ «ближнимъ» и «братомъ» надо понимать *только еврея*, потому что намъ сказано: «Съ иноплеменика *взыскивай*, а что будетъ твое у брата твоего — прости»²⁾. Мы должны не отдавать *въ ростъ* брату своему, еврею, ни серебра, ни хлѣба, ни чего-либо иного. — «*Иноплеменику же отдавай въ ростъ* для того, чтобы Богъ благословилъ тебя во всемъ, что дѣлается руками твоими на землѣ, въ которую ты входишь, чтобы овладѣть ею»³⁾. Мы должны не ѣсть ничего сомнительнаго, ибо сказано: «Не ѣшьте никакой мертвечины; иноземцу, который въ городахъ твоихъ, отдай ее, — онъ пусть ѣстъ ее, или продай ее иноплеменику, потому что ты народъ святой у Господа Бога твоего»⁴⁾. Отсюда, какъ видите, истекаетъ не только наше право, но и священный *долгъ* нашъ сбывать всякій грѣхъ гоимъ, на скорѣйшую ихъ погибель, во славу Господа. Далѣе намъ сказано: «Изъ среды братій твоихъ поставь надъ собою паря; не можешь поставить надъ собою царемъ иноземца, который не братъ тебѣ»⁵⁾. Изъ сего вы видите, что если мы и вынуждены какъ бы покоряться чуждой власти той страны, въ которой живемъ, то это только наружно, для виду, для собственнаго спокойствія; въ душѣ же мы свято обязаны чтить только нашъ законъ и сообразныя съ нимъ велѣнія и рѣшенія Верховнаго Совѣта нашего «Всемирнаго Кагала». Только сии велѣнія и рѣшенія суть для насъ, послѣ Торы и Талмуда, законъ непрекаемый и священный. Паче же всего должны мы пребывать твердыми въ вѣрѣ. «Если будетъ вѣнчать тебѣ тайно братъ твой, сынъ матери твоей, или сынъ твоей, или дочь твоя, или жена на лошѣ твоемъ, или другъ твой, который для тебя какъ душа

¹⁾ Моисей.

²⁾ Исходъ, гл. 12, ст. 35, 36.

³⁾ Ibid. гл. 21, ст. 23, 24, 25.

⁴⁾ Числа, гл. 14, ст. 9.

⁵⁾ Ibid. гл. 33, ст. 55.

¹⁾ Левитъ, гл. 25, ст. 39, 44, 45, 46.

²⁾ Второзаконіе, гл. 15, ст. 1, 2, 3.

³⁾ Ibid. гл. 23, ст. 19, 20.

⁴⁾ Ibid. гл. 14, ст. 3, 21.

⁵⁾ Ibid. гл. 17, ст. 15.

твоя, говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ, которыхъ не зналъ ты и отецъ твой, то не соглашайся съ нимъ и не слушай его и да не пощадитъ его глазъ твой, не жалѣй его и не прикрывай его, но убей его; твоя рука прежде всѣхъ должна быть на немъ, чтобы убить его, а потомъ руки всего народа. Побей его камнями до смерти» ¹⁾).

При этихъ словахъ писанія, произнесенныхъ грознымъ голосомъ, раздался вдругъ рѣзкій стукъ ложки, упавшей изъ руки Тамары на тарелку. Рабби Ионаанъ приостановился, какъ человѣкъ, котораго рѣчь неожиданно перебила. Старая Сарра вздрогнула и вскинула глаза на внучку.

— Что съ тобой?... Ты блѣдна, какъ полотно... ты разстроена... Ты нездорова?—спросила она въ полголоса.

И дѣйствительно, лицо Тамары было блѣдно и грудь дышала взволнованно, а глаза съ выраженіемъ ужаса глядѣли на проповѣдника. Это паденіе ложки произвело совсѣмъ невольно, нечаянно и столь рѣзко нарушило собой тишину общаго напряженнаго вниманія, что всѣ моментально вскинули взгляды въ сторону дѣвушки. Она была, что называется, захвачена на мѣстѣ, такъ что выраженіе ужаса на ея лицѣ не успѣло ускользнуть отъ вниманія бабушки, сидѣвшей рядомъ съ нею.

Угадавъ, что бабушка замѣтила что съ ней, Тамара на мгновеніе смутилась еще болѣе, но въ тотъ же мигъ постаралась овладѣть собой и улыбнуться.

— Нѣтъ, милая бобе, я ничего, я здорова, — поспѣшила она увѣрить бабушку. — Это оттого, что я такъ заслушалась... Такъ увлеклась до самозабвенія словами почтеннаго ламдана... Я прошу Рабби Ионаана извинить мнѣ мою неосмотрительность.

Армеръ ламданъ самодовольно улыбнулся и, пославъ дѣвушкѣ снисходительно пріятельный поклонъ кивкомъ головы, воспользовался неожиданнымъ перерывомъ его рѣчи, чтобы съ наслажденіемъ потянуть вина изъ своего стакана. Рабби Соломонъ, въ качествѣ гостепріимнаго хозяина, тотчасъ же предупредительно наполнилъ его снова.

— А впрочемъ, бобе, я дѣйствительно нѣсколько устала, — замѣтила дѣвушка на ухо старухѣ, бросивъ предъ тѣмъ мимолетный взглядъ на стѣнные часы — Я бы, пожалуй, не прочь уйти къ себѣ, если вы мнѣ позволите.

Сарра нѣсколько поморщилась на это.

— Мм... неловко, — шепотомъ замѣтила она внучкѣ. — Какъ же это такъ вставать раньше старшихъ!.. Потерпи ужъ! Ничего!

И вождь за тѣмъ, съ улыбочкой наслажденія повернулась къ проповѣднику.

— Продолжайте, достопочтеннѣйшій рабби!

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ продолженія вашихъ мудрыхъ словъ, которыя для насъ «мошукъ мидвашъ» ¹⁾. Поучайте насъ, продолжайте! Слушайте насъ—это «тайныгъ» ²⁾, это значить совершать одно изъ благихъ дѣлъ «тарягъ мицвешъ». Продолжайте!

— И такъ!—со вздохомъ началъ рабби Ионаанъ.—Вотъ, раббосай, существеннѣйшія изъ постановленій, которыя должны мы неуклонно соблюдать для достиженія великихъ цѣлей, свыше завѣщанныхъ еврейству. Но помните и запечатлѣйте въ сердцахъ вашихъ что сказано: «Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, за вину отцовъ наказующій дѣтей до третьего и четвертаго рода!» ³⁾. И вотъ на рубежѣ земли Амореетъ, первоначальной изъ всѣхъ земель, и царствъ, и странъ нашей планеты, предоставленныхъ намъ «на сѣдненіе», Господь сказалъ намъ: «Начинай овладѣвать землею! Съ сего дня Я начну распространять страхъ и ужасъ предъ тобою на народы *подъ всякою небу*; тѣ, которые услышатъ о тебѣ, вострепещутъ и ужаснутся тебя» ⁴⁾. Я научилъ васъ уставамъ и постановленіямъ, дабы поступать такъ въ землѣ, въ которую вы входите, чтобы овладѣть ею. Храните же и исполняйте ихъ, потому что въ этомъ мудрость ваша и разумъ вашъ предъ глазами народовъ, которые услышатъ о всѣхъ этихъ уставахъ и скажутъ: исполнѣй мудрый и разумный народъ этотъ, великій народъ» ⁵⁾. Но помни, что «Господь Богъ твой есть огнь пожигающій, Богъ ревнитель» ⁶⁾. — «Вывелъ тебя Онь Самъ великою силою своею изъ Египта, чтобы прогнать отъ лица твоего народы, которые больше и сильнѣе тебя и дать тебѣ землю ихъ въ удѣлъ, какъ нынѣ». «Соблюдай же уставы Его и заповѣди Его, чтобы хорошо было тебѣ и сынамъ твоимъ послѣ тебя и чтобы ты долготѣлъ былъ на землѣ, которую Господь Богъ твой даетъ тебѣ навсегда» ⁷⁾. «И введетъ тебя Господь Богъ твой въ землю, которую Онь

¹⁾ Сладкъ меда—выраженіе библейское.

²⁾ Тайныгъ—удовольствіе, наслажденіе. Талмудъ предписываетъ евреямъ доставлять себѣ въ шабашъ какъ можно больше физическихъ и духовныхъ удовольствій, *тайныгмъ*, въ числѣ коихъ находится и бесѣда съ *гитимъ-юдешъ*, то-есть съ добрымъ или ученымъ евреемъ, или съ раввиномъ, а также и слушаніе его поученій. Исполняя это, еврей совершаетъ тѣмъ самымъ одно изъ шестисотъ тринадцати благихъ дѣлъ, заключающихся въ «тарягъ мицвешъ» и обязательныхъ для каждаго добраго еврея. Въ число этихъ благихъ дѣлъ самую первую статью вводятъ *таимыгъ закитъ*, то-есть любовныя отношенія между супругами, обязательныя съ пятницы на субботу; постановленія объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ «Пиріе ворывіе», составляютъ дѣльный особый отдѣлъ (Ойрахъ Хаймъ. гл. 280).

³⁾ Исходъ, гл. 20, ст. 5

⁴⁾ Второзаконіе, гл. 2, ст. 25.

⁵⁾ Второзаконіе, гл. 4, ст. 5, 6.

⁶⁾ Ibid., гл. 4, ст. 24

⁷⁾ Ibid., гл. 4, ст. 37, 38, 40.

⁸⁾ Ibid., гл. 13; ст. 7, 9, 10, 11.

клялся отцамъ твоимъ дать тебѣ съ большими и хорошими городами, *которыхъ ты не строилъ*, и съ домами, наполненными всякимъ добромъ, *которыхъ ты не наполнилъ*, и съ колодцами, выкопанными изъ камня, *которые ты не выкопалъ*, съ виноградниками и маслинами, *которыхъ ты не насаждалъ*, и будешь *пстъ и насытитишься* ¹⁾.

— Бефереишъ! ²⁾—восторженно выпалилъ вдругъ гимназистъ Айзикъ Шацкеръ, несущій превозмочь своего чувства.

Рабби Йонафану хотя и не совсѣмъ-то понравилось, что его прерываютъ, но, взглянувъ на этого, чуть не захлебывающагося восторгомъ юношу, онъ тотчасъ же предложилъ гнѣвъ на милость и обратился къ нему съ полнымъ благоволеніемъ убогоствореннаго самолюбія.

— Вы находите, бохеръ?

— О, да, мой рабби! И хотя жалкіе *анимы* обзываютъ насъ эксплуататорами чужого труда и достоинства, но клянусь! быть евреемъ—это такое преимущество, такое даже блаженство, *симхасъ-а-нефешъ* ³⁾, что я никогда не сдѣлаюсь *мешумедомъ*! ⁴⁾. Мамзель Тамара, вы какъ объ этомъ думаете?

При этомъ неожиданномъ обращеніи дѣвушка даже вздрогнула, словно ее что ужалило. Удивленнаго и пылливо-безпокойнаго взглядомъ вскинулась она на Айзика, какъ-бы желая разгадать, въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлю предложенъ ей вдругъ этотъ неумѣстный вопросъ? Но за тѣмъ, какъ бы отъ боли закусивъ на мгновенье свою нижнюю губу и глубоко потупивъ глаза въ тарелку, она отытилась ему тихо и значительно.

— Я думаю только одно, что мнѣ очень хочется слушать далѣе рабби Йонафана.

— И безъ перерывовъ,—встала со своей стороны замѣчаніе бабушка Сарра, особенно подчеркнувъ это слово, чтобы дать понять молодому человѣку всю неумѣтность и даже неприличіе его выходки, сдѣланной быть-можетъ вслѣдствіе нѣкоторой возбужденности отъ излишне выпитаго стакана. Почтенная Сарра никогда и нигдѣ не забывала, что она жена богача и родовитаго аристократа, въ домѣ котораго всѣ обязаны преполняться глубочайшимъ къ ней уваженіемъ и отнюдь не нарушать уставовъ строгой благопристойности.

Айзикъ понялъ ея замѣчаніе и сконфузился, и въ свою очередь закусилъ себѣ губу.

— Шейнеръ бохеръ! ⁵⁾ — снисходительно похвалилъ его ламданъ, обращаясь умилюющимъ взоромъ къ почтенной Саррѣ и тѣмъ самымъ какъ бы приглашая ее къ снисхо-

жденію — Шейнеръ бохеръ! Онъ не *шойте*, хотя и не *хахомъ гдауль* покаместъ ¹⁾. Но *пишатъ* ²⁾ у него въ порядкѣ, и конечно онъ не смыслилъ бы *миколь шекенъ* ³⁾, еслибы не сдѣлалъ замѣчанія насчетъ нашего яко-бы эксплуататорства. Пускай, впрочемъ, молодой человѣкъ, называютъ насъ какъ угодно—мы должны быть къ этому равнодушны; болѣе того: мы должны презирать это и идти своею дорогой. Но, съ вашего позволенія, раббосай, я продолжаю мое слово.

— Ахъ, пожалуйста! Просимъ!—воскликнули сразу всѣ слушатели.

Маггидъ откашлялся, сосредоточенно подумалъ надъ своимъ стаканомъ и, вспомнивъ надлежащій текстъ, продолжалъ поучающимъ голосомъ:

— «Когда введетъ тебя Господь Богъ твой въ землю, въ которую ты идешь, чтобы овладѣть ею, и изгнать Онъ отъ лица твоего многочисленные народы, и предастъ ихъ тебѣ, и поразишь ихъ,—тогда предай ихъ заклатию, не вступай съ ними въ союзъ *и не щади ихъ*. Но поступите съ ними такъ: жертвенники ихъ разорите и столбы ихъ разрушите, и священные деревья ихъ вырубите, и истуканы ихъ сожгите огнемъ, потому что ты—народъ святой у Господа Бога нашего; тебя избралъ Господь Богъ твой, чтобы ты былъ *собственнымъ Ело народомъ изъ всѣхъ народовъ, что на землѣ*. Не потому, чтобы вы были многочисленнѣе всѣхъ народовъ возжелалъ васъ Господь и избралъ васъ—вѣдь вы малочисленнѣе всѣхъ народовъ—но изъ любви къ вамъ Господа и ради соблюденія имъ клятвы, которую Онъ клялся отцамъ вашимъ». И потому—«благословенъ ты будешь больше всѣхъ народовъ; не будетъ ни безплоднаго, ни безплодной ни у тебя, ни въ скотѣ твоёмъ. *И ты истребишь всѣ народы*, которые Господь Богъ твой отдаетъ тебѣ; *да не пощадитъ ихъ глазъ твой!* То же содѣлаетъ Господь Богъ твой со всѣми народами, которыхъ ты боишься. И будетъ вытѣснять Господь Богъ твой предъ тобою эти народы мало-по-малу; не можешь ты истребить ихъ скоро, чтобы не умножились противъ тебя дикіе звѣри. И предастъ Господь Богъ твой эти народы тебѣ, и приведетъ ихъ въ великое смятеніе, такъ что они погибнутъ. И предастъ царей ихъ въ руки твои, и ты истребишь имя ихъ изъ поднебесной: не устоятъ никто противъ тебя, пока не искоренишь ихъ» ⁴⁾. «И тогда размножится крупный и мелкій скотъ твой—*и будетъ у тебя много серебра и золота, и всего у тебя будетъ много;*

¹⁾ Ibid., гл. 6, ст. 10, 11.

²⁾ Ясно, толково сказано!

³⁾ Радость душевная, торжество, праздникъ души.

⁴⁾ *Мешумедъ*—отступникъ звѣри, ренегатъ.

⁵⁾ Славный малый!

¹⁾ *Шойте*—дурень, дуракъ. *Хахомъ гдауль*—особенно умный человѣкъ.

²⁾ *Пишатъ*—смыслъ.

³⁾ *Миколь шекенъ*—а ни аза, ни бельмеса.

⁴⁾ Второзаконіе, гл. 7, ст. 1, 2, 5, 6, 7, 8, 14, 16, 19, 22, 23, 24.

помни Господа Бога твоего, потому что Онъ Тотъ, Который даетъ тебѣ *силу приобрести богатство*, чтобы исполнить, какъ нынѣ, заветъ Свой, которымъ Онъ клялся отцамъ твоимъ» ¹⁾. — «Знай же, что не за праведность твою Господь Богъ твой даетъ тебѣ овладѣть этою доброю землею, потому что ты — народъ жестоковыйный» ²⁾. — Еще Моисею въ пустыни оказалъ Господь: «вижу этотъ народъ и се — народъ жестоковыйный; ты знаешь этотъ народъ, что онъ золъ», — и увидѣлъ Моисей, что это народъ необузданный» ³⁾. Тѣмъ не менѣе, Богъ предастъ намъ «на съѣденіе и истребленіе» всѣ народы земные, ибо Онъ вѣренъ Своему слову, Своей клятвѣ. И вотъ, вспомни, что «въ семидесяти думѣхъ принялъ отцы твои въ Египетъ, а нынѣ Господь Богъ твой содѣлалъ тебя многочисленнымъ, какъ звѣзды небесныя» ⁴⁾, ибо Онъ вѣренъ Своему слову, клятвѣ Своей. И знайте, потомки Израиля, что «*всякое мѣсто, на которое ступитъ нога ваша, будетъ ваше. Никто не устоитъ противъ васъ*, ибо Господь Богъ вашъ наведетъ страхъ предъ вами и трепетъ предъ вами на всякую землю, на которую вы ступите, какъ Онъ говорилъ вамъ» ⁵⁾, потому что Онъ вѣренъ Своему слову, Своей клятвѣ, Своему контракту, заключенному съ вами въ лицѣ нашего Израиля въ Вееилѣ. — «Господь Богъ твой благословитъ тебя, какъ Онъ говорилъ тебѣ», изрекъ намъ Моисей раббину ⁶⁾: — «*и ты будешь давать взаймы многимъ народамъ, а самъ не будешь брать взаймы, а господствовать будешь надъ народами*, а они надъ тобою не будутъ господствовать» ⁷⁾. — «А въ городахъ этихъ народовъ, которые Господь Богъ твой даетъ тебѣ во владѣніе, не оставляй въ живыхъ ни одной души, но истреби ихъ» ⁸⁾. — «Не желай имъ мира и благополучія во все дни твой, во вѣки» ⁹⁾. — «Дочерей своихъ не выдавайте за сыновей ихъ и дочерей ихъ не берите за сыновей своихъ и не ищите мира имъ и блага имъ во вѣки, дабы вамъ укрѣпиться и питаться благами земля этой и предать ее въ наслѣдіе сынамъ вашимъ во вѣки. Неужели же мы опять стали бы нарушать заповѣди Твои и вступать въ родство съ этими мерзкими народами?» восклицаетъ пророкъ нашъ Эзра. «Не прогнѣвался ли бы Ты на насъ, говоритъ онъ, даже до истребленія насъ, такъ что не было бы ни уцѣлѣвшихъ, ни избавленія!» ¹⁰⁾

Съ началомъ послѣдней тирады, какъ только рабби Ионасанъ заговорилъ о воспрещеніи дочерямъ и сынамъ Израиля *блжиться* съ ино-
вѣрными, Айзикъ Шацкеръ не безъ злорадства чуть замѣтно улыбнулся про-себя, какъ бы въ отвѣтъ какой-то своей собственной за-
таенной мысли, и многозначительнымъ при-
стальнымъ взоромъ уставился вдругъ на Та-
мару и ни на мигъ не свелъ съ нея глазъ во
все продолженіе этой тирады, словно пыталъ
ее, такъ что дѣвушка не могла наконецъ не
почувствовать на себѣ его взгляда.

Съ безпокойствомъ раза два взметнувъ на Айзика взоромъ, она однако же постаралась и успѣла придать себѣ равнодушное выраже-
ніе недоумѣвающего вопроса, между тѣмъ какъ
рука ея нервно и досадливо мила конецъ ле-
жавшей на столѣ салфетки. Это машинальное
движеніе невольно выдавало ея истинное на-
строение, которое не ускользнуло отъ Айзика:
онъ тутъ же постарался дать ей замѣтить,
что понимаетъ ея внутреннее состояніе и по-
тому, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ
дѣвушки, съ легкою язвительною улыбкой пе-
ревелъ глаза на ея пальцы, мѣвшіе салфетку.

Тамара сняла со стола руку и, какъ бы съ
намереніемъ показать Айзика, что не желаетъ
удостоивать его дальнѣйшимъ вниманіемъ, хо-
лодно отвернулась отъ него въ сторону про-
повѣдника.

Этотъ обоюдный разговоръ глазами, благо-
даря тому, что вниманіе остальныхъ состо-
яниковъ всецѣло было отдано ламдану, остался
никѣмъ незамѣченнымъ.

— Итакъ, — продолжалъ между тѣмъ рабби
Ионасанъ, — мы, евреи, какъ видно изъ вы-
шедшаго свода священныхъ посуковъ,
должны твердо держаться нашей религіозной и
общественной обособленности и строго подде-
рживать чистоту нашей расы, отнюдь не мѣ-
шая ея кровію расъ нечистыхъ, «мерзкихъ»,
по выраженію пророка, — и вотъ тогда «Богъ
поставитъ тебя превыше всѣхъ народовъ, ко-
торые Онъ сотворилъ въ чести, славѣ и ве-
ликолѣпії» ¹⁾. «И увидятъ всѣ народы земли,
что имя Господа нарицается на тебѣ, и убоятся
тебя. *И будешь давать взаймы многимъ на-
родамъ, а самъ не будешь брать взаймы* (за-
мѣтите себѣ, обитованіе это дается намъ *сто-
рично*, — стало быть, сколь оно важно!); со-
дѣлаетъ тебя Господь главою, а не хвостомъ,
и будешь только на высотѣ, а не будешь вни-
зу» ²⁾. — «И соберетъ Господь разбросанныхъ
израильтянъ — говоритъ пророкъ Исаія — и со-
единитъ разсѣянныхъ иудеевъ отъ четырехъ
концовъ земли... Полетятъ они къ предѣламъ
филлистимлянъ, къ морю, и ограбятъ всѣхъ
сыновъ Востока, наложатъ руку свою на Эдома

¹⁾ Второзаконіе, гл. 8, ст. 13, 18.

²⁾ Ibid., гл. 9, ст. 6.

³⁾ Исходъ, гл. 32, ст. 9, 22, 25.

⁴⁾ Второзаконіе, гл. 10, ст. 22.

⁵⁾ Ibid., гл. 11, ст. 24, 25.

⁶⁾ Моисей, нашъ учитель.

⁷⁾ Второзаконіе, гл. 15, ст. 6.

⁸⁾ Второзаконіе, гл. 20, ст. 16, 17.

⁹⁾ Ibid., гл. 23, ст. 7.

¹⁰⁾ Эзра, гл. 9, ст. 12, 14.

¹⁾ Второзаконіе, гл. 28, ст. 19.

²⁾ Ibid., гл. 28, ст. 10, 12, 13.

и Моава, и сыны Аммона будутъ покорны имъ»¹⁾. — «И уцѣлѣвшій остатокъ дома Іудина опять пуститъ корни внизу и принесетъ плодъ наверху»²⁾. — «Вы будете питаться богатствами народовъ и выѣсто нихъ прославитесь»³⁾. — «Мясо сильныхъ будете пожирать и станете пить кровь князей земныхъ, какъ бы кровь барановъ, ягнятъ, козловъ и тельцовъ. И досыта нажретесь жиру и допьяна напьетесь кровью жертвы Моей, которую Я заколю для васъ»⁴⁾. — «И будетъ остатокъ Іакова среди народовъ, среди многочисленныхъ племенъ, какъ левъ среди стада въ лѣсу, какъ львицищъ среди стада овецъ, который лишь выступить, то попираетъ и терзаетъ, и никто не спасетъ отъ него. Поднимется рука твоя надъ врагами твоими, и всѣ непріатели твои будутъ истреблены»⁵⁾. — «Господь есть Богъ ревнитель и мститель; мститель Господь и страшенъ его гнѣвъ»⁶⁾. — «Предъ лицомъ Его идетъ язва, по стопамъ Его убійственный зной»⁷⁾. — Устами пророка Аггея возвыщено: «Слово Мое, которое Я заключалъ съ вами по исходѣ вашемъ изъ Египта, и духъ Мой пребываютъ среди васъ: не бойтесь... Я поколеблю небо и землю, и ниспровергну престолы царствъ, и истреблю силу царствъ и народовъ, ниспровергну колесницы и сидящихъ на нихъ, и низринуты будутъ кони и всадники ихъ, одинъ мечемъ другого»⁸⁾. — Устами пророка Захаріи возвыщено: «И укрѣплю домъ Іудинъ и спасу домъ Іосифовъ, и опять водворю ихъ. И они будутъ какъ сильный Ефремъ. Они умножатся, какъ умножились некогда. И разѣю ихъ между народами, и въ отдаленныхъ странахъ они возвыстятъ обо мнѣ. Ихъ содѣлаю сильными»⁹⁾. — Устами пророка Малахіи возвыщено: «И вы выступите и возрастете, какъ тельцы упитанные, и будете поирать нечестивыхъ, ибо они будутъ прахомъ подъ стопами ногъ вашихъ въ тотъ день, который Я устрою. Помните же законъ Мойсея, равно какъ и правила, и уставы»¹⁰⁾. — «Всякое мѣсто, на которое вступитъ стопа ноги вашей, Я отдаю вамъ, какъ Я сказалъ Моисею»¹¹⁾.

— Итакъ, раббосай! — вдохновенно воздѣлъ свои руки проповѣдникъ, — *всемирное господство* — вотъ задача и конечная цѣль еврейства. Она, какъ видите, совсѣмъ земная и притомъ ясно указана намъ въ Торѣ и про-

рокахъ. Къ ней мы должны стремиться!.. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: что стали бы дѣлать мы, еслибъ, узко понявъ свою задачу, стремились къ одной лишь Палестинѣ и возстановленію царства еврейскаго въ его скромныхъ предѣлахъ? Настъ на землѣ всего только шесть миллионъ. Представьте себѣ, что всѣ эти шесть миллионъ, по природѣ своей мало способные къ земледѣльческому труду, вдругъ очутились бы на берегахъ Іордана, на этой узкой, безплодной, сожженной солнцемъ полоскѣ земли, — что они стали бы тамъ дѣлать и что такое, какую политическую силу они изображали бы собою? Нѣчто въ родѣ жалкой, ничтожной Румыніи, съ тою лишь разницею, что Румынія хлѣбородна, а Палестина безплодна. Да они тамъ съ голоду подошли бы! Они пропали бы, задохлись бы въ своей безвыходности! Они другъ друга перегрызли бы въ одной лишь междоусобной борьбѣ за существованіе!.. Нѣтъ, это была бы смерть еврейской идеи, смерть еврейства, ибо ограниченное предѣлами маленькой Палестины, оно явилось бы сущимъ ничтожествомъ въ средѣ могущественныхъ державъ и народовъ. Потому-то и сказано «разсею ихъ между народами», чтобы мы были среди ихъ дѣйствительною силой. Сѣть еврейства должна опутать собою всѣ обитаемыя страны. Еврей въ Канадѣ, еврей въ Самаркандѣ, еврей въ Новой Зеландіи и еврей въ Эйшишкахъ должны быть повсюду одинъ и тотъ же: братственный какъ единоутробный, цѣпкій какъ репейникъ, липкій какъ камедь между собою, взаимно другъ друга поддерживающій, защищающій, охраняющій, покрывающій взаимные грѣхи и прорѣхи, и стремящійся къ одной и той же заветной цѣли, которая въ наши дни, по благодати Господа, уже начинается осуществляться. Въ томъ порукую намъ великія имена насоя¹⁾ Монтефиоре, Ротшильдовъ, Кремье и д'Израели, создавшихъ и скрѣпившихъ всемирный союзъ еврейскаго братства, который, конечно, уже и теперь несравненно крѣпче и могущественнѣе даже самаго могучаго союза у гойевъ-католиковъ — союза іезуитскаго. «Хаббуръ Колъ Израель Хабериъ», «Союзъ всѣхъ еврейскихъ союзовъ», каталъ кагаловъ, — словомъ, «Alliance Israélite Universelle» есть нашъ первый, вполне прочный шагъ на пути къ осуществленію свыше дарованной намъ цѣли. Каждый еврей *обязанъ* быть членомъ этого союза и ежегодно вносить на пользу общаго дѣла свою посильную лепту, сколь бы мала и скудна она ни была. Оно такъ и есть — и великій всемирный союзъ нашъ, основанный еще такъ недавно, растетъ и крѣпнетъ съ каждымъ годомъ. Это, однако, не исключаетъ для насъ возможности вступать

¹⁾ Исаія, гл. 11, ст. 12, 14.

²⁾ Ibid., гл. 37, ст. 31.

³⁾ Ibid., гл. 61, ст. 6.

⁴⁾ Іезекіиль, гл. 39, ст. 18, 19, 21.

⁵⁾ Михей, гл. 5, ст. 7, 8.

⁶⁾ Наумъ, гл. 1, ст. 2.

⁷⁾ Аввакумъ, гл. 3, ст. 5.

⁸⁾ Аггей, гл. 2, ст. 5, 21, 22.

⁹⁾ Захарія, гл. 10, ст. 6, 8, 9, 12.

¹⁰⁾ Малахія, гл. 3, ст. 20, 21, 22.

¹¹⁾ Исусъ, сынъ Навина, гл. 1, ст. 3.

¹⁾ Князя.

членами и во всевозможные яны, не еврейские союзы, явные и тайные, консервативные и революционные, лишь бы мы имѣли при этомъ въ виду единственную главѣйшую нашу цѣль: незамѣтно подчинять и направлять дѣйствія подобныхъ союзовъ къ нашимъ еврейскимъ пользамъ и выгодамъ. Правъ!.. Правъ!.. Уравненія и расширенія нашихъ гражданскихъ правъ и свободы должны мы требовать и добиваться отъ правительствъ и народовъ, во имя справедливости, цивилизаціи, прогресса и гуманности; но пользоваться этими правами обязаны не иначе, какъ стараясь всяческими путями сохранять свою индивидуальность, свою національную обособленность. Для этого, въ случаѣ надобности, мы можемъ поступиться, пожалуй, нашими вѣшними особенностями, даже (ужасно вымолвить!) принять по наружности другую религію (тьфу!). И это даже намъ разрѣшается въ крайнемъ случаѣ, но мы должны при этомъ свято сохранить тайникъ своей внутренней сущности, ни на мигъ не переставая въ душѣ быть евреями, быть вѣрными рабомъ еврейства. Для этого паче всего старайтесь и заботьтесь о преумноженіи своихъ богатствъ, своего матеріальнаго благосостоянія: овладѣвайте всегда, вездѣ и повсюду биржею и торговлею; арендуйте земли, угодья, дома, заводы и фабрики, арендуйте и, коли можно и на сколько можно, высасывайте изъ нихъ все, все, не жалѣя,—все равно, вѣдь не ваше пока! Рядомъ съ этимъ овладѣвайте печатью, журналистикою, овладѣвайте законодательствомъ и для этого стремитесь, въ качествѣ представителей и инако проникать въ парламенты, въ палаты; обходите или подкупайте законъ и администрацію; гдѣ можно, проползайте сами въ нее и становитесь у кормила власти; гдѣ нельзя—разлагайте ее тайно подкупомъ, инсинуаціей, смутю и мало ли чѣмъ еще!.. Вмѣстѣ съ финансами всѣхъ странъ и народовъ, забирайте въ свои руки всякіе акцизы, откупъ, монополіи, желѣзныя дороги, пароходства, акціонерныя компаніи, подряды и поставки на правительство, на флотъ, на армію и даже самую армію—и въ нее проникайте! Забирайте себѣ судъ, адвокатуру, науку и искусство во всѣхъ его видахъ и формахъ—словомъ сказать, дѣйствуйте во всѣхъ направленіяхъ и вслѣдскими путями если не къ убѣжденію въ свою пользу, то къ разложенію всего того, что лежитъ бревномъ къ осуществленію нашей конечной цѣли, и знайте, что если блаженной памяти еврей Ласкаль подымаетъ въ Германіи социальный рабочій вопросъ, если банкирскій домъ Блейх-редеръ и К^о играетъ на повышеніе или пониженіе въ Берлинѣ, если Бенъяминъ д'Израели произноситъ патріотическій спичъ на банкетѣ у лорда-мера, если какой-нибудь мед-

вѣдскій студентъ Гиршъ Шмудевичъ фигурируетъ въ политическомъ процессѣ съ русскими вигилистами, а Лейба Соловейчикъ попадаетъ на контрабандѣ или съ фальшивыми кредитками, если Гейнрихъ Гейне поетъ свои страстно капризные, болельные и ѣдкія пѣсни, а рабби Оффенбахъ ставитъ на подмостки всего міра свою безнабашно-веселую, непольно подкупающую «Прекрасную Елену» или «Герцогиню Герольштейнскую» — знайте, что всѣ они, въ сущности, заняты однимъ и тѣмъ же дѣломъ: всѣ они, сознательно или безсознательно, служатъ одной и той же великой цѣли и задачѣ еврейства; всѣ они, такъ или иначе, каждый на своемъ поприщѣ, дѣйствуютъ разлагающимъ образомъ на этотъ ненавистный христіанскій міръ, лежащій главѣйшимъ бревномъ на пути къ нашей цѣли. Борьба съ нимъ возможна, а потому обязательна. Замѣчается даже, что съ теченіемъ времени она становится все легче и легче. «Не желѣзомъ, а золотомъ, не мечемъ, а карманою» — вотъ, что должно быть нашимъ общимъ, разумнымъ и вѣчнымъ девизомъ. Аминь.

— Аминь! Аминь! Да будетъ!—восторженно воскликнуть юный Айзикъ и, схвативъ руку проповѣдника, запечатлѣть на ней звонкій поцѣлуй.

— *Оръ ла іудимъ!* Свѣтъ всего іудейства! ¹⁾ *Уримъ и тумимъ*—свѣтъ и истина въ словахъ вашихъ, рабби!—качая головою и посылая жестаи благословенія проповѣднику, со слезами на глазахъ, восклицала растроганная Сарра.

— *Минъ ганио ламъ!*—такъ предопредѣлено небомъ!—разводя руками и съ фаталистическою покорностью склонивъ голову, отзывался ламданъ.

— Благословенъ Ты Господи, Боже мой, что не сотворилъ меня иновѣрцемъ!—въ видѣ обычной молитвенной формулы произнесъ со вздохомъ наслажденія самъ рабби Соломонъ Бендавидъ и отключился, какъ подобаетъ по уставу ²⁾.

— *Коль-тувъ! Коль-тувъ!*—всякаго блага желаю вамъ, рабби Іонаанъ, за эту великодушную *дромъ!* ³⁾—смирненно лепетала родственница-приживалка.

Одна только Тамара ни словомъ, ни взглядомъ, ни инымъ какимъ-либо движеніемъ не выразила впечатлѣній, произведенныхъ на нее проповѣдью ламдана. На ея лицѣ слегка проскальзывало порой одно лишь нетерпѣливое

¹⁾ *Оръ ла іудимъ*—свѣтъ всего іудейства. Это своего рода титулъ и любезный комплиментъ, обращаемый къ ученому человѣку.

²⁾ Еврей обязанъ отплываться въ концѣ извѣстныхъ молитвъ, и плевки эти, въ смыслѣ знака величайшаго презрѣнія, адресуются всѣмъ не-евреямъ.

³⁾ Проповѣдь.

желаніе, одна лишь мысль: «скоро ли же все это кончится!»

А юный Айзикъ Шацкеръ, несмотря на всѣ свои восторги, не переставалъ-таки подмѣчать за нею, исподтишка бросая на нее время отъ времени косвенные взгляды, и наконецъ не выдержалъ.

— Фрейленъ Тамаре!—тихо, подъ шумокъ общаго разговора обратился онъ къ дѣвушкѣ.—Неужели вы не раздѣляете нашего общаго восторга и удивленія?

— Почему вы такъ думаете, бохеръ?—отозвалась она, смѣривъ его холодно удивленнымъ взглядомъ.

— Потому... потому, что хотѣлось бы видѣть проявленіе этихъ чувствъ.

— Почему вы знаете,—усмѣхнулся Тамара;—быть можетъ мои впечатлѣнія такъ сильны, что для нихъ не находится виѣшнихъ изъясненій. Довольны ли вы, сударь?

Айзикъ не нашелся что ей отвѣтить и только постарался многозначительно улыбнуться: понимаемъ, дескать, все понимаемъ!

Тамара въ отвѣтъ на это, не стѣсняясь, бросила ему въ лицо презрительную усмѣшку и отвернувшись.

Оскорбленный Айзикъ только губы закусилъ себѣ отъ злости и досады на это равнодушное и даже холодно-презрительное отношеніе къ нему дѣвушки, которая еще такъ недавно была подругой его дѣтства. Онъ чуть не плакалъ, чувствуя, что въ одно и то же время готовъ надѣлать ей и множество всяческихъ оскорбленій, даже прибѣгнуть къ ней, какъ бывало иногда въ дѣтствѣ, но точно также готовъ и рыдая упасть предъ ней на колѣни съ мольбой простить его, не отвергать его, измѣнить съ нимъ свое нынѣшнее обращеніе, быть съ нимъ какъ прежде, по старому, и позволить ему цѣловать, цѣловать безъ счета эти ручки и глазки, какъ бывало иногда въ годы ихъ счастливаго дѣтства, когда она, среди густыхъ кустовъ большого тѣнистаго сада, играли въ жениха и невесту. Увы! неужели это золотое время для него безвозвратно миновало?

Трапеза была окончена, послѣдніе стаканы выпиты за здоровье ламдана и хозяина. Батрачка давно уже выжидала за полупритворенною дверью удобную минуту, чтобы войти съ *машъ ахройнимъ*, т. е. съ такъ называемою «послѣднею водой» въ серебряномъ кувшинѣ и съ мѣднымъ тазомъ, надъ которымъ каждый изъ состояльниковъ, по обязательному во Израилѣ обычаю, обмылъ себѣ концы пальцевъ и мокрыми пальцами вытеръ себѣ ротъ. Тогда торжественно была сказана молитва благодаренія и благословенія Бога за виноградъ и плодъ его, за древо и плодъ его, за пшеницу и питаніе, за произрастенія полей и за «предѣстную, добрую, пространную землю», которую Богъ отдалъ въ удѣлъ Израилю, и

заключилось все это всеобщимъ воплемъ ко Господу, да сжалится Онъ наконецъ надъ народомъ своимъ, надъ Іерусалимомъ и надъ Сіономъ, надъ жертвенникомъ и храмомъ.

Гости и всѣ домашніе, поблагодаривъ хозяйина съ хозяйкой, простились съ ними и разошлись во-свои. Армеръ ламданъ побрелъ въ *ахсаніе*¹⁾, гдѣ онъ остановился по приѣздѣ въ городъ, нишій—въ *кадешъ*²⁾, бохеръ—эшеботникъ—на свою общественную ученическую квартиру, а Айзикъ Шацкеръ, ради прохлады, отправился спать на сѣноваль, тутъ же, во дворѣ Бендавида. Удалились наконецъ и хозяйка въ спальню, ушла и Тамара въ свою дѣвическую комнатку, гдѣ заблаговременно, еще до вступленія шабаша, была у нея на столѣ зажжена ночная лампа.

III.

Да или нѣтъ.

Первый часъ ночи.

Тамара не раздѣвается. Она сидитъ надъ толстою тетрадкой въ корешковомъ переплетѣ и разсѣянно перелистываетъ ее, останавливаясь иногда надъ кое-какими строками. Это ея заветная тетрадка, которую тщательно и ревниво хранить она отъ всякаго домашняго глаза; это ея интимныя, «секретныя» записки,—*Дневникъ*, начатый ею, по приѣзду подругъ-гимназистокъ, еще въ послѣднемъ классѣ Украинской еврейской гимназіи.

Чтобы никто изъ домашнихъ не могъ заглянуть въ него нескромнымъ глазомъ и познакомиться съ содержаніемъ рукописи, Тамара вела свой *Дневникъ* на русскомъ языкѣ, которому, за время семилѣтняго пребыванія своего въ гимназіи, выучилась, можно сказать, въ совершенствѣ, такъ что мѣстный учитель русскаго языка и словесности нерѣдко ставилъ ее, еврейку, даже въ примѣръ инымъ ученицамъ чисто русскаго происхожденія. Писать по-русски было спокойнѣе: какъ-нибудь случайно попадись эта тетрадка на глаза бабушкѣ, не понимающей по-русски, всегда можно съ успѣхомъ «отвергнуться», что это, молъ, ученическія записки по какому-нибудь научному предмету.

Вообще же, для избѣжанія контроля бабушки, самое лучшее — держать *Дневникъ* между своими старыми ученическими тетрадками и вытаскивать его на свѣтъ Божій лишь ночью, когда уже вполне безопасно можно и читать и писать.

Старухѣ никогда и въ голову не придетъ слѣдить за внучкой по почамъ и самолично

¹⁾ Специально еврейскій постоялый, или, какъ выражаются въ Западномъ краѣ, «заѣздный» домъ.

²⁾ Общественная богадѣльня.

справляться, что такое дѣлаетъ она въ своей комнатѣ: разъ улеглась старуха въ постель, она уже не разстанется до утра съ ибжащими объятіями своихъ мягкихъ и теплыхъ пуковыхъ *bebehoes*.

Но на этотъ разъ Тамара скорѣе по привычкѣ, скорѣе машинально, чѣмъ сознательно взялась за свою завітную тетрадку. Мысли ея были далеко отъ всякихъ «записокъ» и дневныхъ впечатлѣній и еще дальше отъ потребности записывать ихъ сегодня. Именно сегодня-то она и не могла бы записать ровно ничего, потому что не чувствовала себя въ состояніи на такое дѣло. Ей просто надо было какъ-нибудь и надъ чѣмъ-нибудь убить ненавистное время, которое, кажется, будто вечно длится теперь такъ безконечно долго. Весь вечеръ она притворялась до послѣдней возможности, желая казаться какъ можно спокойнѣе, чтобы, Боже сохрани! — никому не подать ни малѣйшихъ подозрѣній; весь вечеръ томила она внутреннею тоской ожиданія, котораго тайная причина понятна и сердечно близка была только ей одной, томила вѣтерпѣніемъ и досадой на этотъ скучный, безконечный вечерній столъ съ его пѣснями и поученіями, и хотя до условнаго, ей одной извѣстнаго часа было еще далеко, тѣмъ не менѣе Тамара изнывала внутренне. Ей казалось, что вся эта питячная обычная процедура, со всѣми ея шабашевыми обрядами и тонкостями никогда, никогда не кончится, что проповѣдь ламдана затянется въ безконечность, и она, бѣдная Тамара, поневолѣ просрочить, пропустить свое условное время.

А тутъ еще этотъ противный Айзикъ.

Какъ странно, какъ дерзко велъ себя въ отношеніи ея сегодня этотъ ничтожный, но заносчивый мальчишка, этотъ бѣдный, изъ милости призрѣнный, дальній родственникъ ея дѣда! И неужели же смѣетъ онъ, жалкій еврейчикъ, мечтать, чтобы она, миллионная наследница своего отца (не говоря уже о громадномъ и ей одной достоящемся состояніи дѣда), чтобы она, дѣвушка, получившая свѣтское образованіе въ Россіи и окончившая его за границей, чтобы она, Тамара Бендавидъ, кровная аристократка, ведущая свой родъ ни болѣе, ни менѣе какъ отъ самого царя Давида, вдругъ сдѣлалась женой какого-то Айзика Шадкера!.. Положимъ, почему бы и тѣтъ, еслибъ этотъ Айзикъ, вѣкогда другъ и товарищъ ея дѣтства, серьезно ей нравился; но въ томъ-то и дѣло, что Айзикъ никогда, рѣшительно никогда ни на одну минуту не нравился ей сердечнымъ образомъ, хотя они и играли когда-то вдвоемъ съ жениха и невесту, но... это было такъ давно, это были однѣ лишь дѣтскія игры, дѣтскія глупости. И послѣ этихъ ребяческихъ глупостей Тамарѣ довелось увидѣть такъ много «свѣта», ближай-

шимъ образомъ познакомиться съ этимъ «свѣтомъ» за границей, войти въ него не только равноправнымъ, но уважаемымъ «имущественнымъ» членомъ, довелось еще въ Европѣ вкушать и познать всѣ сладости роли «миллионной невесты», что конечно не какой-нибудь жалкій, безвѣстный гимназистъ Айзикъ Шадкеръ осмѣлился бы мечтать о правѣ на ея сердце и руку. Какая смѣшная, какая жалкая идея — быть женой Айзика Шадкера! Нѣтъ, Тамара любитъ не Айзика, ея идеаль не тотъ, совсѣмъ не тотъ! Не въ адѣшнемъ, не въ жалкомъ еврейскомъ мірѣ какого-то жидовскаго города Украинска кроется этотъ завітный ея идеаль, хотя временно и проживаетъ онъ въ этомъ самомъ Украинскѣ... Этотъ человѣкъ совсѣмъ иного склада, иного міра, иного общества, и вотъ его то гордо называть предъ всѣми своимъ мужемъ—о, какое это было бы блаженство, какая завидная доля.. Подобныя идеалы она иногда встрѣчала только на Западѣ, въ Европѣ, и вдругъ точно такой же неожиданно-негаданно является здѣсь, въ Украинскѣ! Кто бы могъ ожидать этого, но... такъ случилось. Къ нему, къ этому желанному человѣку летать теперь всѣ помыслы, всѣ чувства Тамары, и летать затѣенно отъ всѣхъ, потому что ни дѣдушка, ни бабушка, какъ добрые евреи, никогда не одобрили бы никогда не снабдили бы своимъ благословеніемъ подобный бракъ, — разнѣ ужъ что — ии-будь особенное, выходящее изъ обычнаго ряда ихъ установившейся еврейско-общественной жизни и крайне лѣстящее ихъ самолюбію подвигло бы ихъ на согласіе; но ничего такого и быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, вопреки всѣмъ традиціямъ и взглядамъ, и чувствамъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, Тамара любитъ, Тамара увлечена, безъ ихъ согласія и разрѣшенія. Что изъ всего этого выйдетъ — она не знаетъ, она не думаетъ, она почти во все не задается этою мыслью: она увлечена подхватившимъ ее потокомъ перваго горячаго чувства: въ девятнадцать лѣтъ ей слѣпо кажется и слѣпо вѣрится, будто все это счастливо устроится какъ-нибудь такъ, само собой, къ общему благу, какъ ея самой, такъ и бабушки, и дѣдушки, и всѣхъ, всѣхъ на свѣтѣ, и что въ концѣ концовъ всѣ будутъ довольны и счастливы, — счастливы потому, что прежде всего и прежде всѣхъ будетъ счастлива она, сама Тамара. Но этотъ Айзикъ! Но эти его выходы за кнѣишимъ ужиномъ, выходы понятныя только ей одной!.. Надо его остерегаться: онъ, кажется, догадывается, кажется, подозрѣваетъ что-то... Но не все-ли равно! Вѣдь Айзикъ въ нее влюбленъ, вѣдь ему въ сущности надо только немножко ласки, а для самой Тамары — немножко умнѣнья повести себя съ Айзикомъ, и тогда онъ будетъ слѣнъ! И надо только разбивать его радужныя на-

дежды. Но не въ этомъ главное дѣло. А вотъ,—скоро ли заснетъ дѣдушка?.. Бабушка, обыкновенно, засыпаетъ скоро и крѣпко, бабушка не помѣха, но онъ, этотъ несносный, добрый дѣдушка,—онъ имѣетъ привычку долго и громко молиться на сонъ грядущій и иногда страдаетъ бессонницей. Впрочемъ, сегодня, благодаря проповѣди ламдана, кажется, и дѣдушка хватилъ лишній стаканчикъ,—значить, надо думать, бессонница не угрожаетъ ему этой ночью.

Только удалась въ свою комнату, Тамара перестала притворяться. Только здѣсь, наединѣ сама съ собой, могла она наконецъ дать волю своимъ дѣйствительнымъ чувствамъ, не опасаясь ни взглядовъ, ни разспросовъ заботливой бабушки. Она была крайне возбуждена; ее била лихорадка, сердце колотилось и замирало въ груди коющимъ беспокойнымъ ощущеніемъ, въ которомъ боролись между собой и страхъ, и ожиданіе. Лицо ея было блѣдно, руки дрожали. Нетерпѣливо взглядывала она на часы, всматривалась сквозь раскрытое настежь окно въ глубину тихаго, темнаго сада, то чутко прислушивалась ко внѣшнимъ звукамъ ночи и къ набожному бормотанью дѣдушки, внятно доносившемуся до нея въ тишинѣ сквозь стѣну смежной комнаты.

Дѣдушка творилъ свои послѣднія молитвы на сонъ грядущій.

— «Не спать, не дремлетъ стражъ Израилѣ!»—возглашалъ онъ трижды.—«На Твое спасеніе уповаю, Боже! Уповаю, Боже, на спасеніе Твое! Боже, на спасеніе Твое уповаю!»

— А, дѣдушка уже «линуосхо» произносить!—мысленно сказала себѣ Тамара, съ нѣкоторымъ напряженіемъ уха прислушавшись къ застѣнному бормотанью.—Теперь, значить, остается только «Бешеймъ», «Ригзу» и «Адонъ-оломъ». Слава Богу, скоро конецъ!

— «Во имя предвѣчнаго Бога, Бога Израилева!»—взываетъ между тѣмъ Соломонъ Бепдавидъ!—«Одесную меня Михаэль, оную Габріэль, предо мною Уріэль, въ тылу у меня Рафаэль, а надо мной, надъ изголовьемъ моимъ Духъ Божій, все величіе Господне!»

Но прошло еще минутъ семь, прежде чѣмъ дѣдушка произнесъ заключительныя слова молитвы «Адонъ-оломъ»: «Господь со мной, никого не боюсь».

Въ это самое время въ саду, подъ окномъ Тамары, послышался вдругъ шорохъ вѣтвей и хрустнула сухая вѣтка, словно кто-то, пробираясь сквозь кусты, нечаянно наступилъ на нее ногою.

Тамара вздрогнула и мгновенно поблѣднѣла. Какъ кошка, беззвучно легкими шагами прокраившись на цыпочкахъ къ окну и осторожно поднявъ указательный пальчикъ, она уставилась тревожнымъ взглядомъ въ темноту сада,

видимо стараясь кого-то тамъ разглядѣть и предостеречь, что еще не время.

И дѣйствительно, подъ самымъ окномъ изъ вѣтвей двѣтущей сарени выдѣлялся вдругъ чей-то мужской обликъ, едва озаренный слабымъ отблескомъ свѣта, упавшаго сюда сквозь окно изъ комнаты Тамары.

Погрозивъ и указавъ ему пальцемъ въ направлении спальни своихъ стариковъ, что тише, молъ, тамъ еще не спать!—дѣвушка облокотилась на подоконникъ и страстнымъ влюбленнымъ взоромъ стала любоваться темнымъ обликомъ мужчины, притаившагося подъ самымъ ея окномъ, между кустомъ и стѣною.

Тихо отошла Тамара отъ окна ко внутренней стѣнѣ, отдѣлившей спальню стариковъ отъ ея комнаты и напряженно стала у нея прислушиваться. Въ сосѣдней горницѣ все тихо. Дѣдушка кончилъ свои молитвы и, кажется, засыпаетъ... Бабушка,—та уже давно сладко всхрапываетъ съ легкимъ носовымъ высвистомъ (Тамара знаетъ этотъ бабушкинъ высвистъ, и въ немъ она не ошибется), но дѣдушкина сопѣнья не слышать еще. «Господи! что же это будетъ, если его вдругъ и сегодня бессонница одолѣетъ?» Но нѣтъ, дѣдушка не ворочается съ боку на бокъ, не крахтитъ, не вздыхаетъ, не кашляетъ—вѣрный признакъ того, что засыпаетъ... Только скоро ли?... Сколь томительно долгими кажутся Тамарѣ эти, въ сущности, немногія минуты!.. Но вотъ послышалось наконецъ и дѣдушкино сопѣнье, составившее вмѣстѣ съ бабушкинымъ высвистомъ довольно своеобразный и даже согласный дуэтъ, каковымъ въ сущности была и вся жизнь этой образцовой во Израилѣ пары. Итакъ, старики успокоились, спать... Они спать и не подозреваютъ, и во снѣ имъ даже не снится того, что въ эту самую минуту продѣлываетъ ихъ любимая внучка, единственная пока прямая представительница во Израилѣ нисходящаго поколѣнія знаменитаго рода Бендавидовъ.

Значительно ослабивъ огонь своей лампы, Тамара, словно преступникъ, задумавшій бѣжать изъ своей тюрьмы, тихо, осторожно взобралась на подоконникъ, перенесла свои маленькія, изящно выточенные и еще изящнѣе обутыя ножки за окно, спустила ихъ внизъ и чрезъ мгновеніе упала на сильные руки ожидавшаго ее мужчины. Тотъ принявъ дѣвушку въ свои объятія и бережно опустилъ ее на землю.

Осторожно, чтобы не надѣлать лишняго шума, продрались они сквозь кусты на дорожку и беззвучными шагами торопливо пошли на противоположный конецъ громаднаго заупущеннаго сада, въ самую его глубину, чтобы быть подалѣе отъ дома. Тамъ, въ густыхъ кустахъ орѣшника и жимолости, подъ нависшими вѣтвями старорослыхъ ясеней и гра-

бовъ, среди роскошнаго хмѣля, сплошь опутаннаго рѣшетку дравчатыхъ стѣнъ старой бесѣдки, можно сидѣть и говорить спокойно, безопаснѣ, чѣмъ въ какомъ-либо яномъ мѣстѣ этого сада; хотя, впрочемъ, какая же опасность могла бы встрѣтиться для нихъ и во всемъ-то саду въ такое глухое время ночи!..

Но Тамару манило именно сюда, въ самое глухое, укромное мѣсто, потому что именно въ этой одичало-укрытой бесѣдкѣ царствуетъ по ночамъ какая-то особенная фантастичность: въ ней все такъ таинственно темно и тихо, что отъ этой тишины и тьмы даже на душу вѣетъ какимъ-то сладостно жуткимъ, трепетнымъ ощущеніемъ. Тамара любила такую обстановку, потому что она какъ вельзя болѣе отвѣчала ей романтически-влюбленному настроенію, ея вѣщу, пылному духу, всѣмъ поэтическимъ струнамъ ея горячаго сердца.

— Тамара! милія!—убѣдительно страстнымъ шопотомъ говорилъ ея спутникъ, горячо сжимая ея руки.—Надо же наконецъ рѣшиться! Такъ вельзя!.. Я больше такъ не могу... Я люблю тебя выше всего на свѣтѣ, какъ никогда и никого еще не любилъ, но... повторяю, я не могу выносить долѣе подобнаго положенія... Я люблю тебя честно и потому хочу открыто, предъ цѣлымъ міромъ назвать тебя своею женой. Я хочу на тебѣ жениться... да, да! Я наконецъ высказываю это прямо и жду отъ тебя такого же прямого отвѣта.

Тамара безнадежно опустила на грудь голову.

— Вѣдь это же невозможно!—тоскливо прошептала она.—Вы христіанинъ, а еврейка... Ни ваши, ни наши законы никогда этого не допустить... Неужели же...

— Что неужели... стремительно перебилъ ее мужчина.—Неужели же принимать христіанство, хочешь сказать ты? Да, Тамара, принимать, принимать!.. Я уже неоднократно говорилъ тебѣ это и теперь опять повторяю, прошу, молю тебя объ этомъ!.. Я знаю, это величайшая жертва; но ради нашей любви, которая для насъ вѣдь выше всякихъ религій на свѣтѣ, развѣ вельзя принести такую жертву? Подумай!.. Я самъ охотно принялъ бы ради тебя іудейство, мнѣ это рѣшительно все равно,—быть ли христіаниномъ, быть ли іудеемъ; но вѣдь ты же знаешь, я не могу принять его: я съ этимъ потерялъ бы все: имя, права, положеніе въ свѣтѣ; наконецъ, просто попалъ бы на скамью подсудимыхъ, какъ уголовный преступникъ. Ты же ничего не теряешь. Напротивъ, законъ нашъ въ этомъ случаѣ еще болѣе беретъ тебя подъ свое покровительство; всѣ гражданскія права остаются за тобой, никто не смѣетъ посягнуть на нихъ.

Тамара отрицательно покачала головой.

— Я теряю не права, но больше, чѣмъ права,—грустно сказала она.—Развѣ еврейство про-

ститъ мнѣ мое отступничество? Развѣ мои родные помирятся съ моею измѣной ихъ вѣрѣ?

Душа и сердце Тамары уже давно склонялись въ этомъ отношеніи на сторону ея друга, котораго доводы и убѣжденія еще и прежде отвѣчали этому сердцу ближе и симпатичнѣе, чѣмъ доводы ея собственнаго разсудка, очернутые изъ повседневно-ходячей практической морали еврейскихъ отношеній и быта и построенные на сознаніи грознаго гнета, которымъ еврейскій кагалъ рабаки оковываетъ жизнь и волю и мысль каждаго еврея. Такъ и теперь, Тамара высказывала своему другу всѣ эти доводы, давно ею продуманные и уже далеко не казавшіеся ей въ душѣ неизменно состоятельными, но высказывала лишь для того, чтобы снова услышать противъ нихъ изъ устъ любимаго человѣка еще и еще новыя, болѣе горячія, болѣе вѣскія опроверженія и убѣжденія, которыя прочнѣе утвердили бы ее самое въ тѣхъ рискованныхъ, но заманчивыхъ намѣреніяхъ, къ какимъ и безъ того уже втайнѣ стремилось ея влюбленное сердце. Она испала и жаждала такихъ убѣжденій, которыя укрѣпили бы ея все еще колеблющуюся рѣшимость.

— Родные... продолжала Тамара.—Да они проклянутъ меня!.. А если и вѣтъ, то вѣдь я убью ихъ этимъ, я въ гробъ уложу несчастнаго старика и старуху...

— О, какое заблужденіе!—привялся себе-сѣдникъ утѣшать и убѣждать Тамару.—«Проклянутъ», «убьютъ» и... еще что такое?.. Полноте!.. Вы развитая дѣвушка и можете говорить серьезно о такомъ вздорѣ!.. Еще если бы съ этимъ проклятіемъ связывались какія-нибудь матеріальныя потери и лишеніе, ну, тогда я понимаю. Но у васъ есть свое собственное, независимое отъ дѣдушекъ и бабушекъ состояніе, стало быть что же? проклянутъ,—ну, и на здоровье!

— Зачѣмъ вы мѣрите это дѣло на одинъ лишь аршинъ матеріальныхъ средствъ,—съ дружескою укоризной и не безъ горечи замѣтила Тамара.—Дѣло не въ деньгахъ, не въ изслѣдствѣ и даже не въ словѣ «проклинаю тебя...» Какъ вы не понимаете этого!

— Не понимаю, виноватъ! — пробормоталъ нѣсколько опѣшенный собесѣдникъ;—и если дѣло не въ этомъ, то въ чемъ же?

— А въ томъ, что каково будетъ ихъ сердцу перенести этотъ ударъ; какое страшное горе нанесу я имъ, какой позоръ положу на ихъ сѣдыя головы,—вотъ въ чемъ!

На минуту между ними водворилось раздумчивое молчаніе, пока тотъ, собравшись съ мыслями, не заговорилъ первый.

— Прежде всего, другъ мой,—началъ онъ доказательнымъ и даже отчасти лекторскимъ тономъ,—прежде всего надо жить для себя, для собственнаго личнаго счастья, а не для безмысленнаго подчиненія себя какимъ-то фа-

натиическимъ фанаберіямъ какого-то кагала и не для людей, и безъ того уже глядящихъ въ могилу. Оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ! Ваши родные... Но вѣдь тутъ даже не они собственно будутъ вопіять противъ васъ, а только ихъ предразсудки, — такъ неужели же такъ-таки и пожертвовать своимъ собственнымъ счастьемъ ради чьихъ-то чужихъ предразсудковъ?!

Тамара сидѣла глубоко понурясь и не отвѣчала ни слова.

— Что же вы молчите?—нѣжно и тихо взялъ собесѣдникъ ея руку.—О чемъ вы думаете?.. Тамара! Вѣдь вы же дѣвушка умная, развитая; вы должны трезвыми глазами смотрѣть на вещи, искать и требовать отъ жизни трезвой правды и одной лишь правды, а ваше чувство, ваша любовь ко мнѣ, развѣ оно не правда? Вѣдь оно-то и есть самая живая, настоящая правда! Не бѣгите же отъ нея, не противорѣчьте сами себѣ, будьте послѣдовательны!..

— Вотъ съ этой-то теоріей эгоистическаго счастья и не могу я помириться, — возразила наконецъ дѣвушка.—Я люблю моихъ стариковъ,—что жъ съ этимъ дѣлать!.. Не думайте, впрочемъ,—продолжала она,—чтобъ я ужъ такъ особенно была предана нашей вѣрѣ; нѣтъ, эта вѣра если хотите знать откровенно, во многомъ даже тяготитъ меня, и именно этимъ сушитъ своимъ формализмомъ. Я же вѣдь училась кое-чему, я читала кое-что, я думала надъ многими вещами, сравнивала ихъ, и изъ всего этого я знаю теперь, что христіанство въ идеѣ своей шире, любовнѣе, человѣчнѣе, ну, словомъ... да, оно *выше* еврейства; я сознаю это, но... еслибъ я была одна,—изъ глубины души вздохнула Тамара,—да, совсѣмъ одна въ свѣтѣ, круглою сиротой; еслибъ у меня не существовало ни родныхъ, ни отношеній къ моимъ единовѣрцамъ, такъ, чтобы мое отступничество никому, никому не причинило ни малѣйшей боли, горя, стыда,—о!.. тогда бы совсѣмъ другое дѣло!.. тогда я ни минуты не задумалась бы надъ этимъ шагомъ. Но теперь...

— Но теперь, Тамара,—перебилъ ее собесѣдникъ,—теперь надо вѣзѣсить обѣ эти вещи и безповоротно выбрать одну изъ нихъ. Кто вамъ дороже: я ли и наша любовь, или ваши старики? Если старики, тогда намъ не о чемъ больше говорить и не зачѣмъ мучить себя! Тогда лучше не видѣться больше; лучше теперь же, разъ навсегда оборвать, кончить, сказать «прости» другъ другу и разстаться на вѣки, чѣмъ безцѣльно продолжать эту безконечную муку!.. Вѣдь пойми ты, что я люблю тебя не только нравственно не только душу твою, но и тѣло... Да, тѣло, это дивное тѣло!—страстнымъ шопотомъ продолжалъ онъ, притягивая дѣвушку въ свои объятія.—Я хочу обладать тобою вѣчно, ненасытно... Но—я честный человѣкъ, Тамара, это прежде всего,—и

потому я буду обладать тобою не иначе, какъ если ты сдѣлаешься моею законною женой. Неужели это такъ преступно?!

— Но старики... старики мои! — шопотомъ протестовала Тамара.

— О, Боже мой! Опять эти старики! — досадливо пожалъ онъ плечами.—Ну и старики! Ну и что жъ изъ того?.. Поплачутъ и утѣшатся... Ну, наконецъ, положимъ, лишитъ тебя дѣдъ наслѣдства (извини, что я опять по-неволи возвращаюсь къ той же темѣ!), пускай такъ; что жъ изъ того? У тебя, слава Богу, и безъ дѣдовскаго свое есть, отъ отца съ матерью, законное, котораго никто не въ правѣ отнять у тебя.

— Вы полагаете?—спросила Тамара.—Вы значить не знаете, что такое еврейскій кагалъ!.. Кагалъ можетъ лишитъ меня всего, всего до послѣдней копейки, до послѣдней сорочки моей: у него на это есть тысячи своихъ путей и способовъ, и ваши же русскія власти сами первыми безсознательно помогутъ ему въ этомъ.

— Въ наше-то время!—съ глубокою увѣренностью и совсѣмъ какъ на пустыхъ слова усмѣхнулся собесѣдникъ.—Мой ангелъ, что это вы говорите!.. Да вамъ стоить только взять какого-нибудь Плеваку, а то и самого Спасовича, такъ они вамъ не только всѣ ваши кагалы, а и всѣ наши русскіе законы однимъ разомъ своимъ вокругъ десяти пальцевъ обернуть и вывернуть!.. Полюте, пожалуйста! Слыхавшая ли вещь, чтобы могъ кто лишитъ законную наслѣдницу ея безспорнаго имуществъ! Оно и теперь уже ваше. Дѣдушкина опека не помѣха. Вы по закону имѣете право требовать себѣ другого опекуна или попечителя, по собственному вашему выбору. Да наконецъ, не въ этомъ дѣло,—какъ бы спохватясь, нетерпѣливо, перебилъ онъ самого себя.—Я не понимаю даже, съ какой стати заводите намъ подобный разговоръ объ имуществѣ! Развѣ я ищу вашихъ денегъ?

— Разговоръ не разговоръ, а просто къ слову пришлось,—возразила Тамара.—И наконецъ, это вовсе не маловажно: я не желала бы всею своею тяжестью лечь на плечи мужа.

— Почему же?

— Да потому, во-первыхъ, что это нравственно принижало бы, подчиняло бы меня чужой волѣ, дѣлало бы мое положеніе зависимымъ и неправомернымъ,—отрапортовала дѣвушка словно заученный по книжкѣ урокъ.

— А во-вторыхъ?

— Во-вторыхъ?.. и во-вторыхъ то же самое.

— А вы любите независимость?—съ усмѣшкой спросилъ ее собесѣдникъ.

— Разумѣется!

— Но вѣдь въ еврейской семьѣ и замужемъ за евреемъ вы никогда имѣть ее не будете и не можете имѣть, при своихъ богатствахъ.

— О, не говорите мнѣ о еврейхъ! — перебила его Тамара. — Никогда и никакой еврей не будетъ моимъ мужемъ, никогда!.. Мнѣ душно въ этомъ еврействѣ, я задыхаюсь въ немъ!.. Я хочу свѣта, жизни, простора!.. А вы мнѣ вдругъ о еврейскомъ мужѣ!.. Да наконецъ, ужъ если такъ, то Богъ съ нимъ, съ этимъ моимъ состояніемъ: я сумѣю и безъ него обойтись! Я кое-что знаю, кое-что умѣю дѣлать, я могу сама работать, чтобы не быть въ тягость мужу. Деньги, разумеется, не составятъ для меня ужъ такого особеннаго, непреодолимаго препятствія, но... опять-таки повторяю вамъ, старики мои, ихъ любовь ко мнѣ, вотъ что!.. Съ этимъ какъ быть-то?

— Надо пожертвовать ими.

— Легко сказать, пожертвовать!.. А совѣсть?

— А любовь? а счастье, спрошу я?.. Старикъ ваши ужъ и безъ того въ могилу смотрятъ. Днемъ раньше, днемъ позже, имъ все равно одинъ конецъ...

— Да... такъ и подождете до ихъ конца, потерпите, не такъ ли? — стремительно сжала Тамара руки своего друга. Ей показалось, будто желанный, примиряющій, средній исходъ изъ ея нынѣшняго безвыходнаго положенія наконецъ-то найденъ: стоитъ только подождать до смерти стариковъ и тогда все само собой развяжется и устроится.

Собесѣдникъ ея на это только съ грустною усмѣшкой покачалъ головою.

— Вы, полагаете, — сказалъ онъ, — старики, прежде чѣмъ умереть, не постараются пристроить васъ замужъ?

— Очень можетъ быть, — согласилась дѣвушка. — Но я могу вѣдь и не пойти, я могу не захотѣть этого.

— Гм!.. не захотѣть!.. Какъ будто кто-нибудь станетъ еще справляться съ вашимъ хотѣньемъ!.. Сколько я знаю, у евреевъ это не принято: дѣвушкѣ помимо ея воли, а то и помимо вѣдома, находятъ жениха и просто, безъ разговора выдаютъ ее замужъ. Вамъ уже девятнадцать лѣтъ — еще годъ, другой дѣвчества, и старикамъ вашимъ, по еврейскому же обычаю, станетъ зазорно, что вы все еще сидите въ дѣвкахъ, и тогда они, безъ сомнѣнія, постараются выдать васъ за перваго мало-мальски подходящаго человѣка. Развѣ не правда? Отвѣчайте откровенно!

— Правда, — тихо вздохнула Тамара.

— Ну, вотъ то-то же! А они могутъ прожить еще и не годъ, не два, а двадцать лѣтъ, тогда что?.. Ихъ-то вѣкъ уже конченъ, а предъ вами вѣдь цѣлая жизнь впереди... Цѣлая жизнь!.. А вы такъ жаждете жизни и свѣта, — вы только-что сами сказали это. Вѣдь, подумайте, оставаться со стариками, чтобы ждать у моря погоды — это значитъ отказаться на вѣкъ и отъ жизни, и отъ простора: это значитъ убить, погребсти свою душу и сердце и

обречь себя на глупую жизнь, на растительное прозябаніе съ какимъ-нибудь еврейскимъ мужемъ, котораго даже не вы сами себѣ выберете.

— О, да!.. Это правда!.. Грубая, жестокая правда!.. Я не хочу этого! — скорбно закрыла Тамара лицо руками.

— Въ такомъ случаѣ надо рѣшиться на мое предложеніе. Иного выхода нѣтъ.

— Да, но какъ рѣшиться!..

— Очень просто. Я говорилъ уже вамъ, да вы и сами знаете, что въ нашемъ городѣ есть очень почтенная женщина — мать игуменія Серафима. Къ ней, подѣ ей крыло! Она вамъ поможетъ все это обдѣлать и устроить какъ нельзя лучше!

— Я васъ не понимаю, — вопросительно взглянула на него Тамара.

— Чего жъ тутъ не понимать! Все это очень просто. Вотъ видите ли, — принялся объяснять собесѣдникъ. — Надо вамъ сказать, что, по моимъ хорошимъ отношеніямъ къ здѣшней губернаторшѣ, я у этой матери Серафимы въ большомъ фаворѣ; ну, а Серафима — особа съ вѣсомъ, я не только здѣсь, но и въ Петербургѣ, какъ бывшая фрейлина. Она вѣдь нарочно съ тою цѣлью и посажена на окраинѣ, чтобы «насаждать» и «укрѣплять» здѣсь православіе. Стало-быть и для матери Серафимы такая прозелитка, какъ вы, какъ разъ на руку. Съ ея стороны, полагаю, ни въ какомъ случаѣ отказа не будетъ. Я хотѣ завтра же съѣзжу къ ней, переговорю откровенно и подготовлю ее заранѣе, такъ что когда вы явитесь къ ней, то все уже будетъ готово къ вашему приему и васъ тамъ встрѣтятъ съ распростертыми объятіями.

— Ну и что же? — недоумѣло спросила дѣвушка. — Далѣе-то что?

— Далѣе? Монастырь дастъ вамъ надежный, спокойный и безопасный пріютъ до крещенія, а вслѣдъ за крещеніемъ, я хотѣ въ тотъ же день обвенчаюсь съ вами. Все это можетъ совершиться очень скоро: вѣдь при вашихъ знаніяхъ и способностяхъ вамъ не надо много времени, чтобы ознакомиться съ нашимъ катехизисомъ и выучить наизусть Символъ вѣры. Все это можетъ устроиться чрезъ недѣлю, а еще чрезъ недѣлю вы уже будете моею женой.

— Двѣ недѣли! — ужаснулась Тамара. — Цѣлыя двѣ недѣли!.. А что можетъ произойти за эти двѣ недѣли! Подумайте!..

— Что тамъ произойдетъ или можетъ произойти, объ этомъ нечего думать, — нетерпѣливо махнулъ рукой собесѣдникъ, — надо только рѣшиться на то или другое. Да наконецъ даже и такого срока не надо: я хотѣ завтра же доведу васъ катехизисъ, а вы постарайтесь только въ теченіе этихъ дней прочесть его, и вытвердить наизусть «Вѣрую», — тогда ваше крещеніе мы устроимъ въ монастырѣ чрезъ день-два, не далѣе.

— Страшно... такой шаг!—закрывъ глаза и отрицательно качая головой, съ тоской прошептала дѣвушка.

— Тамара! вы опять за ту же пѣсню!—съ нетерпѣливою досадою укорялъ ее собесѣдникъ, дернувъ и крѣпко сжавъ ея руку.—Этакъ мы никогда не кончимъ!.. Я наконецъ требую отъ васъ рѣшительнаго отвѣта. Да или нѣтъ? и если нѣтъ, то прощайте, нечего долѣе мучаться!

Глубоко погруженная въ раздумье дѣвушка молчала.

— Да или нѣтъ, Тамара, да или нѣтъ?—настоячиво повторялъ онъ, продолжая порывами стискивать ея руку.

Но отвѣтомъ съ ея стороны оставалось все то же неопредѣленное молчаніе, исполненное внутренней борьбы и скорби. Ея грудь высоко и медленно надымалась подъ напоромъ тяжелыхъ и затрудненныхъ вздоховъ, какъ будто ей не хватало воздуха.

Мужчина еще около минуты выжидалъ молча.

— Ну, Тамара, прощайте,—съ грустью и отчаяніемъ въ голосъ проговорилъ онъ, наконецъ, въ послѣдній разъ пожавъ и быстро выпустивъ ея руку.—Богъ съ вами!.. Не поминайте лихомъ и будьте счастливы!

И съ этимъ послѣднимъ словомъ онъ рѣшительными шагами пошелъ вопъ изъ бесѣдки. Тамара стремительно кинулась за нимъ въ донку и удержала его у входа.

— Да... да! — прошептала она, — останьтесь. Да!

И, припавъ къ его плечу, дѣвушка зарыдала горько, но тихо и сдержанно, какъ бы боясь нарушить звукомъ этихъ рыданій тишину яочи и тайну ихъ свиданія.

Онъ далъ ей выплакаться и, бережно взявъ за талію, молча довелъ до скамейки и снова усадилъ на нее, продолжая тихо и нѣжно ласкать и гладить головку дѣвушки, пока не уюмонялись ея слезы.

— Я вѣрю въ твою любовь, Тамара,—заговаривалъ онъ, наконецъ, когда она поуспокоилась и оправилась нѣсколько.—Да, я вѣрю въ нее, но, Боже, я не знаю, что далъ бы, чтобъ окончательно убѣдиться, что это твоё да не есть минутная вспышка, что вся нерѣшительность, всё сомнѣніе и колебаніе твои уже миновались вмѣстѣ съ этимъ да и болѣе не повторятся. Вотъ чего, убѣжденія-то этого мнѣ и не хватаетъ... А вдругъ ты опять раздумашь... тогда что?

Тамара взяла его руку и глянула ему прямо въ глаза.

— Мнѣ трудно было рѣшиться,—сказала она, къ удивленію его, серьезно твердымъ и убѣжденнымъ тономъ.—Да, крайне трудно и тяжело. Но разъ, что я рѣшилась—это у меня уже безповоротно. Никакимъ сомнѣніемъ нѣтъ болѣе мѣста. Можете твердо вѣрить этому.

Онъ порывисто прилекъ ее къ себѣ и радостно сталъ осыпать своими страстными поцѣлуями ея лобъ, глаза и щеки. Но дѣвушка высвободилась изъ его объятій и мягко, но рѣшительно отстранила отъ себя рукой его лицо.

— Нѣтъ... нѣтъ... этого не надо... не надо,—прошептала она съ мольбой и болью въ голосъ.

Онъ какъ бы опомнился и, стараясь овладѣть самимъ собою, провелъ себѣ по лбу ладонью.

— Простите этотъ невольный порывъ!—со вздохомъ сказалъ онъ, смущенно глядя въ землю,—но вы видите, что онъ искрененъ. Онъ только доказываетъ, какъ безумно люблю я васъ, какимъ счастьемъ подарили вы меня, какъ воскресали меня, однимъ лишь своимъ словомъ, своимъ да, Тамара!.. И такъ, это безповоротно?

— Я уже сказала,—подтверждала дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что: надо условиться,—предложилъ онъ,—въ теченіе недѣли едва-ли намъ доведется свидѣться иначе какъ только въ обществѣ, при постороннихъ; поэтому уговоримся теперь же. Я завтра же поѣду къ втуменъ и конечно, подъ строжайшею тайной предупрежу ее о вашемъ желаніи,—разумѣется, не называя имени,—а она уже въ теченіе этихъ дней успѣетъ приготовить все къ вашему пріему. Уйти изъ дома,—продолжалъ онъ,—мнѣ кажется, всего удобнѣе будетъ вамъ въ шабашъ, въ пятницу, въ такое время какъ вотъ теперь; по крайней мѣрѣ, вы не рискуете встрѣтиться на улицѣ ни съ однимъ евреемъ. Я явлюсь сюда, а моя карета будетъ ожидать насъ въ вашемъ глухомъ переулкѣ, и я отвезу васъ прямо къ Серафимѣ. Согласны?

— Я свое уже сказала; теперь—ваше дѣло и ваша воля,—проговорила дѣвушка, подымаясь со скамейки.

— Стало-быть въ пятницу ночью? Такъ? Рѣшено?

— Когда хотите. Я исполню все, что вы скажете. Однако пора уже... Проститесь,—добавила она, протягивая ему руку, къ которой тотъ прильнулъ горячимъ, долгимъ поцѣлуемъ, и они вышли изъ бесѣдки.

Задній конецъ сада выходилъ на глухой, безлюдный переулокъ, гдѣ не было ничего, кромѣ покосившихся ветхихъ заборовъ да убогихъ плетней, окаймленныхъ изобильными зарослями бурьяна, будяговъ, лопушияка и крапивы. На этотъ переулокъ, нестерпимо пыльный въ вѣдро и до невылазности грязный въ ненастье, выходили съ обѣихъ сторонъ только окраины садовъ да задворки и огороды какихъ-то убогихъ мѣщанскихъ мазанокъ и домишекъ. Тамъ и днемъ-то за рѣдкость было повстрѣчать человѣка, а по ночамъ даже и собаки не лаiali.

Тамара проводила своего спутника до калитки, продланной въ заборѣ и, простясь задвинула вслѣдъ за нимъ желѣзную замочку, которая была сегодня предъ шабашемъ осторожно отомкнута ея же предупредительною рукою.

Оставшись одна, дѣвушка съ минуту еще простояла въ раздумьи у забора, прислушиваясь къ слабому шелесту удалявшихся шаговъ ея друга, и затѣмъ вышла изъ бурьяна на дорожку, направляясь къ дому.

IV.

Теперь или никогда.

Она шла подъ темнымъ, почти сплошнымъ навѣсомъ вѣтвей старорослыхъ липъ и грабовъ и уже почти поровнялась со своею заветною бесѣдкой, какъ вдругъ на встрѣчу ей изъ-за ближайшаго куста выступила и стала поперекъ пути чья-то мужская фигура.

Тамара въ испугѣ отшатнулась назадъ.

— Не пугайтесь, фрейленъ, это я, — не безъ ироніи предупредилъ ее мужской голосъ, по звуку котораго она узнала Айзика Шацкера.

— Что вы здѣсь дѣлаете, бохеръ? — взволнованно спросила она, чужа улавлившимъ сердцемъ что-то недоброе.

— То же, что и вы, фрейленъ, — насмѣшливо отвѣтилъ гимназистъ, — вѣроятно, подобно вамъ, наслаждаюсь поэзіей ночи. Но мнѣ-то оно сподручнѣе сползти сюда съ стѣны, — продолжалъ онъ, — а вотъ вы, скажите, какими путями попали сюда? Конечно не въ дверь, а чрезъ окошко?

— Предположите, что и такъ, если угодно, — сухо оборвала его Тамара.

— Увы, фрейленъ, — ядовито вздохнулъ Айзикъ, — это не предположеніе, а къ несчастію фактъ, прискорбный фактъ, котораго самъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

— Что жъ изъ того? я васъ не понимаю, сударь.

— Полноте! Что тутъ притворяться! — съ горечью воскликнулъ Айзикъ и, чего давно уже не смѣлъ онъ себѣ позволить, вдругъ довольно безцеремонно взялъ ее за руку. — Я знаю все, Тамара, — произнесъ онъ значительнымъ всѣмъ тономъ, — понимаете ли, все!.. Я все видѣлъ и слышалъ.

— Подслушивали? — уязвила его дѣвушка. — Гм... что жъ, тѣмъ хуже для васъ.

— Не для васъ ли скорѣе фрейленъ? — возразилъ Айзикъ. — Вы сейчасъ сидѣли въ этой бесѣдкѣ съ графомъ Каржолемъ, — продолжалъ онъ. — Не вздрагивайте, чего это вы такъ вздрагнули вдругъ? Видъ я же предупредилъ васъ, что мнѣ все извѣстно.

Тамара слегка скользнула по немъ испытующимъ взглядомъ, для того, чтобы разсѣнить

себѣ, точно ли говоритъ онъ правду, или же только хитрить съ намѣреніемъ поддѣть ее на удочку и такимъ способомъ вывѣдать то, что ему нужно.

— Да, вы сидѣли съ нимъ, — продолжалъ гимназистъ тономъ твердаго убѣжденія и не безъ торжествующей ироніи. — А теперь не угодно ли посидѣть со мною. Я *требую* этого, фрейленъ. Понимаете, что вы теперь въ моихъ рукахъ: въ моей волѣ и спасти, и погубить васъ. Мнѣ надо объясниться съ вами. Пойдемте!

Сраженная этою бѣдой, столь внезапно обрушившеюся на ея голову, Тамара, не успѣвъ еще сообразить, какъ ей быть теперь, машинально послѣдовала въ бесѣдку за Айзикомъ, который почти тащилъ ее туда насильно, не выпуская изъ своей руки ея руку.

— Сядьте! — повелительно предложилъ онъ, садясь и самъ рядомъ съ ней на скамейку. — Сядьте и постарайтесь выслушать меня хладнокровнѣе.

И онъ какъ-то инквизиторски примолкъ на мгновеніе съ нарочнымъ расчетомъ усилить посредствомъ этого молчанія «громоподобность» послѣдующаго впечатлѣнія того, что онъ скажетъ, и затѣмъ, не безъ нѣкоторой театральности скрестивъ на груди руки и въ упоръ устремивъ пылливый взглядъ на дѣвушку, спросилъ ее вдругъ чуть не верховнымъ тономъ вопроса, въ которомъ, однако же, кромѣ возмущенности его собственнаго духа, слышалась еще и доля состраданія.

— Скажите, Бога ради, что это вы задумали, несчастная?

— Айзикъ, — предупредила она, рѣшаясь и потому стараясь говорить какъ можно сдержаннѣе и спокойнѣе. — Это дѣло моей совѣсти; но вамъ-то что до того?

— Какъ что до того? Мнѣ-то?.. Ха-ха! Да видъ я, кажется, пока еще еврей, благодареніе Богу!.. Это не личное мое, а общее еврейское дѣло; каждый изъ насъ обязанъ сдѣлать то же. Вы забываете, кто вы и что вы!

— Но у меня есть свой рассудокъ и своя воля, Айзикъ.

— Своя воля, свой рассудокъ! — укоризненно негодующимъ тономъ повторилъ гимназистъ. — И они вамъ указываютъ измѣнить вѣрѣ отцовъ!.. Вы хотите отъ нея отступить? Этому не бывать, Тамара, не бывать!.. Я не допущу до этого! Я сегодня же утромъ открою все рабби Соломону. Я могъ бы это сдѣлать сію же минуту, но воздерживаюсь, въ надеждѣ, что можетъ быть еще удастся повліять на васъ во благоую сторону.

При этихъ послѣднихъ словахъ, счастливая (какъ показалось ей) мысль озаряла вдругъ голову Тамары. Обмануть Айзика, показать ему, что онъ дѣйствительно убѣждалъ ее, пожалуй, приласкать его и тѣмъ убаюкать его

подозрительность,—такова была эта мысль, и девушка глубоко затаила ее в своем сердце. Прежде всего она решила дружелюбно и покорно выслушать все, что ни сказал бы ей Айзикъ.

— Скажите,—продолжалъ межъ тѣмъ гимназистъ.—Что прилекло васъ къ этому человеку? Красота его, изящество? Но развѣ между евреями нѣтъ и красивѣе, и изящнѣе? Поблизайте опять въ Вѣну, вы встрѣтите тамъ въ тысячу разъ лучше его, и притомъ истыхъ, чистокровныхъ евреевъ. Богатство его, что ли? Но зачѣмъ око вамъ, коли вы сами и теперь уже богаче не только его самого, но пожалуй, и всѣхъ то предковъ его въ совокупности; да еще вопросъ крайне сомнительный, — какое это богатство у графа Каржолъ и есть ли оно въ дѣйствительности? Не пылъ ли онъ пускаться въ глаза одному лишь городу Украинску? Ну, наконецъ, прельщаетъ васъ имя его, графскій титулъ, аристократическое происхождение? Но, Боже мой! Вамъ ли, Тамаръ Бендавидъ, кровной аристократкѣ во Израилѣ, прямой потомственной отрасли царя Давида, вамъ ли гоняться за жалкимъ титуломъ какого-то эмигрантскаго графчика Каржолъ-де-Нотрель, родъ котораго доходитъ до временъ... ну, положимъ какого-нибудь Людовика Святого; но допустимъ, до самаго даже Карла Великаго. — Боже мой, что такое всѣ эти Людовики и Карлы предъ любимымъ изъ нашихъ Когановъ, которые идутъ свое древо отъ самаго Аарона, брата Моисеева! Кто же болѣе аристократы — они или мы?.. Да не только я, Айзикъ Шацкеръ, а каждый «пархатый жидъ», *ам-та-реце* ¹⁾, конечно, въ тысячу разъ болѣе родовитъ и кровно аристократичеъ, чѣмъ любой изъ потомковъ всѣхъ этихъ Людовиговъ и Карловъ. И вамъ ли — вамъ ли, дочери Бендавидовъ, опускаться до какихъ-то жалкихъ Каржолей!.. Какой позоръ! Какое униженіе!

— Бохеръ, мнѣ кажется, вы все это сильно преувеличиваете, — замѣтила Тамара, уже успѣвшая овладѣть собой на столько, чтобы придать себѣ и видъ, и тонъ наибольшаго спокойствія и хладнокровія.

— Какъ? Я? Я преувеличиваю?—взволновался Айзикъ. — Фрейленъ! Да самый тотъ фактъ, что вы теперь въ саду,—что это такое, позвольте спросить васъ?

— Что бы то ни было, бохеръ, но... во всякомъ случаѣ не вы цензоръ моихъ поступковъ.

— Ошибаетесь, фрейленъ. Не только я, вашъ родственникъ и нѣкогда другъ вашъ, но каждый еврей имѣетъ право и долгъ удерживать васъ отъ пагубнаго шага.

— Но съ чего вы взяли, что я дѣлаю ка-

кое-то «шагъ», да еще «пагубный»? — какъ бы съ недоумѣніемъ усмѣхнулась девушка.

— Фрейленъ, опомнитесь! — укоризненно останавливалъ ее Айзикъ. — Съ чего я взялъ!.. Выпрыгивать ночью изъ окна для свиданія съ мужчиной, да еще съ *гойемъ*, это ничего по вашему?.. Я подозрѣвалъ васъ уже давно; я нарочно пошелъ сегодня спать на сѣноваль, чтобъ имѣть возможность сойти сюда и убѣдиться собственными глазами, и... къ несчастью, убѣдился.

— Ну, положимъ,—согласилась Тамара. — Я поступила нѣсколько легкомысленно, я увлеклась немножко, мнѣ просто захотѣлось имѣть свой маленькій романъ; но неужели же вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что изъ всего этого можетъ выйти что-нибудь серьезное?

— Такъ бѣжать съ Каржолемъ изъ родного дома къ Серафимъ, это не серьезное?—съ негодованіемъ воскликнулъ гимназистъ. — Измѣнить своей вѣрѣ, своему народу, это тоже ничего?

— Успокойтесь, бохеръ, ничего этого не будетъ,—рѣшительно и твердо сказала Тамара. — Ни къ какой Серафимъ я не убѣгу и никакой измѣны вѣрѣ и народу не сдѣлаю.

— Тогда, что жъ это?—недоумѣло пробормоталъ Айзикъ, чувствуя, что его сбиваютъ съ толку. — Уши мои обманули меня? Галлюцинаціи слуха подвержена я, что ли?

— Нѣтъ, не то, — продолжала Тамара съ выдержкой прежняго спокойствія. — Вашъ слухъ нѣсколько не обманулъ васъ! все это дѣйствительно говорилось, но... одно дѣло *говорить*, а другое дѣло дѣйствительно *сдѣлать*. Въ этомъ есть маленькая разница, бохеръ.

— Но... если не сдѣлать, то тогда для чего же и говорить.

— Гм... для чего!.. Предположите, что хотя бы для романа, для того маленькаго своего собственнаго романа, о которомъ я вамъ уже сказала.

— Фрейленъ!—съ недоумѣніемъ отрипательно покачалъ головой Айзикъ. — Я не вѣрю вамъ; вы меня вышучиваете, вы смѣтаетесь надо мною!

— Я и не заставляю васъ вѣрить,—равнодушно замѣтила девушка. — Вѣрите вы или нѣтъ — для меня это рѣшительно все равно; смѣяться же надъ вами мнѣ тоже нѣтъ ни надобности, ни охоты.

Наступило мгновеніе обоюднаго молчанія, исполненнаго для юности мучительныхъ душевныхъ колебаній.

— Тамара! Скажите, вы меня очень презираете? — спросилъ онъ вдругъ порывисто, съ какою-то лихорадочною тоской и трепетомъ.

— Васъ? — удивленно взглянула на него девушка. — Почему вы это думаете?

— По всему фрейленъ.. Я это вижу... вижу по тому, какъ вы говорите со мной, какъ

¹⁾ *Ам-та-реце* — плебей, невѣжда, лишенный талмудическаго образованія.

вы смотрите на меня... Я чувствую это... Я для вас меньше чѣмъ ничто!.. А между тѣмъ... вѣдь я люблю васъ, Тамара!.. Я мучаюсь, злюсь и то-скую... Я готовъ порою чортъ знаетъ что сдѣлать и себѣ, и вамъ... Этотъ тонъ вашъ, который вы въ послѣднее время берете въ отношеніи меня, онъ мнѣ невыносимъ... невыносимъ!.. Онъ меня бѣситъ!.. Это презрительное равнодушіе ваше ко мнѣ... Господи! Да хоть разо-злитесь же на меня наконецъ! Ну, оттолкни-те меня ногой, какъ собаченку—я хоть рку-шу васъ за это!

— И толкать я васъ не буду, и укусить вамъ меня не удастся,—спокойно усмѣхнулась Тамара.—Вы сами виноваты, Айзикъ, — продолжала онъ совершенно мирнымъ, почти дру-жескимъ тономъ.—Мы съ вами могли бы быть большими друзьями, если бы вы были со мной инымъ, не такимъ, напрямѣръ, какъ сегодня за ужинкомъ.

— Боже мой! Но не могу же я!.. не могу! — домаи руки, воскликнулъ Айзикъ.—Поймите же вы, что я злюсь, я ревную васъ и не могу подавить въ себѣ этого чувства, какъ вспо-мню объ этомъ проклятомъ человѣкѣ... Вѣдь вы любите его, Тамара?

— Да, онъ мнѣ нравится.

— Нѣтъ, вы его любите.

— Если хотите, пожалуй, да... Люблю не-множко.

— Нѣтъ, не немножко — вы вся, вся въ немъ, вы увлечены, вы тонете въ этомъ чув-ствѣ.

— Если вамъ это болѣе нравится, думайте и такъ.

— Тамара, къ чему же опять такіа загад-ки!—съ мольбой и страданіемъ въ голосѣ уко-рылъ ее Айзикъ.—Ну хорошо... Ну, положимъ, я вамъ вѣрю,—поспѣшилъ онъ согласиться, впадая опять въ тонъ примиренія. — Вѣрю, что тутъ ничего серьезнаго нѣтъ, что все это говорилось и дѣлалось вами только для «ро-мана», что этотъ человѣкъ вамъ нравится, только нравится и то немножко — пусть такъ: все жъ таки чѣмъ это кончится?

— Вѣрнѣ всего, что ничѣмъ,—съ видомъ равнодушія отвѣтила дѣвушка.

— Но ваше увлеченіе...

— Вѣроятно, пройдетъ со-временемъ, какъ и все на свѣтѣ.

— О, еслибъ это было такъ! — съ сомнѣ-ніемъ вздохнулъ юноша. — Еслибы возможно было повѣрить этому!.. Но пусть такъ. Хоро-шо. Положимъ, я вѣрю вамъ... Я предлагаю вамъ мою дружбу,—хотите Тамара?

— Охотно, Айзикъ; отчего и нѣтъ!

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ я буду гово-рить какъ другъ. Убѣжайте отсюда, Тамара, убѣжайте поскорѣе... Завтра или послѣ-завтра, только поскорѣе. Умоляю васъ!

— Зачѣмъ и куда это, бохеръ?

— Да хоть въ Вѣну, опять къ теткѣ. Убѣжайте съ ней въ Парижъ, въ Неаполь, куда хотите, только чтобы здѣсь васъ не было, чтобы не видѣть болѣе Каржоля, пока не прой-детъ это ваше увлеченіе.

— Оно можетъ пройти и такъ, безъ выѣзда изъ Украинска.

— А, такъ стало-быть вы не желаете ѣхать? — опять ехидно ббозлился Айзикъ. — Значить, это чувство побольше чѣмъ «малень-кое увлеченіе»!.. Господи! — воскликнулъ онъ со страстью и злобой. — Я, кажется, въ со-стояніи убить этого ненавистнаго человѣка!.. Я убью его!.. Я изобью его! Я ему скандалу надѣлаю... Публично... такого скандалу, что онъ самъ долженъ будетъ уѣхать отсюда!

— Не совѣтую, бохеръ, — усмѣхнулась Та-мара съ прежнимъ своимъ презрительнымъ равнодушіемъ. — Съ нимъ всегда ходитъ на цѣпочкѣ презлая датская собака.

Айзикъ окончательно обозлился.

— Вы издѣваетесь надо мной... Хорошо. Смѣйтесь, — погрозилился онъ.—Смѣйтесь!.. Я посмотрю, каково-то посмѣетесь вы завтра, когда я при васъ открою раббѣ Соломону все, чему самъ я былъ свидѣтелемъ этою ночью... я по-смотрю тогда!

— Дѣдушка не повѣритъ вамъ, — сказала Тамара спокойнымъ тономъ, хотя на дунѣ у нея при этой угрозѣ стало далеко не спокой-но.—И тѣмъ болѣе не повѣритъ, продолжала она, — если я скажу ему, что все это ложь, что вамъ, вѣроятно, все это просто присни-лось.

— Н-ну, повѣритъ ли, не повѣритъ ли,—злорадно возразилъ Айзикъ,—а все-таки за вами послѣ этого, на всякій случай, станутъ приглядывать позорче, и клянусь вамъ, что ни въ слѣдующую, ни въ слѣдующія пят-ницы вамъ не удастся убѣжать къ Серафимѣ!.. Я самъ буду имѣть честь караулить васъ... Я спущу съ цѣпи обѣихъ нашихъ собакъ и по-дому такой гвалтъ, устрою такую травлю, что у сѣятельнаго графа только пятки засвер-каютъ!

— Вы мелкодушный и злой мальчишка. Я не боюсь васъ и не хочу болѣе говорить съ ва-ми!—рѣзко, но все-таки съ кажущимся спо-койствіемъ сказала Тамара, поднявшись со ска-мейки, и быстрыми шагами пошла вонъ изъ бесѣдки по направленію къ дому.

Айзикъ постоялъ нѣсколько мгновеній въ му-чительномъ раздумьи и затѣмъ быстро поспѣ-шилъ вслѣдъ за дѣвушкой.

Вскорѣ онъ догналъ ее и нѣсколько време-ни молча шелъ на шагъ позади, только грудь его взволнованно вздымалась частымъ поры-вистымъ дыханіемъ.

— Тамара!—робко произнесъ онъ наконецъ молящимъ и почти задыхающимся голосомъ.—Фрейленъ Тамара!

Дѣвушка шла не оборачиваясь.

— Фрейлейн Тамара... постойте... остановитесь... умоляю вас... фрейлейн!.. Простите меня... простите!.. Я оскорбилъ васъ, я самъ не помню что говорилъ... Да, я злой, мелкодушный мальчишка, я не стою васъ... я самъ себя презираю, но... Бога ради!.. простите, простите меня!

И схвативъ ее за руку, Айзикъ упалъ предъ ней на колѣни и вдругъ разрыдался.

Досадливо подернувъ плечами, Тамара приостановилась, намѣреваясь холодно и сухо попросить его оставить ее въ покоѣ; но услышавъ этотъ рыдающій и молящій шопотъ, ей стало жалко бѣднаго юношу.

— Богъ съ вами, бохеръ.. Я не сержусь на васъ, — проговорила она почти безъ горечи, ровнымъ, миролюбивымъ тономъ.

— Нѣтъ... это не то... не такъ, — сокрушался Айзикъ. — Когда прощають отъ души, говорить не такъ... Отъ души простите меня, Тамара!

— Ну, чего жъ вамъ еще, Айзикъ?.. Ну, вотъ, я жму вашу руку — достаточно ли такъ?.. Хорошо?.. Ну, я прощаю васъ... Ну, чѣмъ же доказать вамъ еще?

Юноша, продолжая стоять на колѣняхъ, покрывалъ поцѣлуями протянутую ему руку.

— Ну, проводите меня до дому и пособиите взобраться на окошко; ужъ если прощу этого, значитъ не сержусь, — улыбулась дѣвушка.

Айзикъ радостно вскочилъ на ноги и съ прояснившимся духомъ пошелъ рядомъ съ Тамарой, безсвязно напептывая ей какія-то слова восторга, любви и благодарности.

Подъ окномъ Тамары давно уже лежала старая заброшенная колода, служившая нѣкогда ульемъ. При помощи этой своеобразной пристушки было очень легко и удобно вылезать и влезать въ окно, такъ что въ помощи Айзика Шацкера, собственно говоря, не было никакой надобности, но дѣвушка позвала его нарочно, съ тѣмъ расчетомъ, чтобы, во-первыхъ, дать ему этою интимною просьбой доказательство ея прощенія и, во-вторыхъ, чтобы Айзикъ убѣдился, что она не останется дольше въ саду и болѣе не предприметъ на сей разъ ничего предосудительнаго.

Осторожно раздвинувъ полныя ночной влаги душистыя вѣтви цвѣтущей сирени, Айзикъ пропустилъ подъ ними впередъ Тамару и затѣмъ посадилъ ее за талию на подоконникъ. Дѣвушка ловко и безшумно очутилась въ своей комнатѣ и, перегнувшись за окно, протянула гимназисту руку.

— Покойной ночи, Айзикъ! Благодарю васъ, — ласково прошептала она, съ дружескимъ пожатіемъ. — Ступайте себѣ спать и не думайте больше обо мнѣ такихъ глупостей.

Айзикъ давно уже не видалъ Тамару такою ласковой, какъ въ эту минуту

Въ послѣдній разъ горячо, хотя и беззвучно, поцѣловалъ онъ ее руку и, успокоенный, даже умиленный, прокрался сквозь кустъ и осторожными шагами побрелъ во дворъ, къ своему сѣновалу.

Тамара между тѣмъ, стоя у окошка, напряженно и съ чувствомъ недоумѣнія прислушивалась къ шелесту его удалявшихся шаговъ, чтобы убѣдиться, точно ли пойдетъ онъ теперь спать на сѣновалъ, а не останется еще подкарауливать ее и бродить по саду.

Какъ быть ей дальше — она рѣшила себѣ еще въ бесѣдкѣ, во время объясненія съ Айзикомъ. Для нея теперь вполне стало ясно, что на него ни въ какомъ случаѣ нельзя положиться. Хотя она и примирилась съ нимъ, но можетъ ли это имѣть какое-нибудь значеніе, при свойствахъ такого неустойчиваго и впечатлительнаго характера, какъ у Айзика? Гдѣ ручательство, что Айзикъ завтра же, быть можетъ, даже безъ всякаго повода съ ея стороны, не вздумаетъ снова подожаривать и ревновать ее и что подъ вліяніемъ этихъ чувствъ не выдастъ ее головой старикамъ? Да и во всякомъ случаѣ Айзикъ будетъ теперь зорко слѣдить за каждымъ ея шагомъ, такъ что о слѣдующей цѣтницѣ нечего и думать! Нѣтъ, если рѣшиться, то надо рѣшиться теперь же, сейчасъ, не теряя ни одной лишней минуты, — теперь или никогда!

Притворство въ теченіе всего вечера, за ужиномъ, потомъ сцена съ графомъ Каржомъ въ бесѣдкѣ, наконецъ, притворство и игра въ равнодушное спокойствіе при послѣднемъ столкновеніи съ Айзикомъ, тогда какъ въ душѣ въ это самое время подымался чуть не взрывъ совсѣмъ иныхъ чувствъ и ощущений, — все это крайне измучило, истерзало душевно Тамару, и въ то же время все это наткнуло ее нервы до той степени напряженности, что сдѣлать самый рѣшительный шагъ какого бы то ни было рода для нея теперь было не трудно. Чѣмъ болѣе притворялась и таила она въ себѣ свои истинныя ощущенія, тѣмъ сильнѣе сказывалась ее нервная возбужденность. И именно теперь-то, пока еще не упала вся эта возбужденность ее нервовъ, Тамарѣ и казалось необходимымъ рѣшиться. Завтра, быть можетъ, она передумала бы, потому что при спокойномъ, освѣжившемся состояніи духа естественно явились бы опять разныя сомнѣнія, раздумье, заговорилъ бы въ душѣ голосъ здравой житейской логики, сказались бы опасенія и страхъ предъ рискованнымъ шагомъ, за которымъ уже нѣтъ возврата къ прошлому; но теперь ей казалось, будто для нея нѣтъ никакихъ выходовъ кромѣ одного, самаго рѣшительнаго и безповоротнаго. Въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась въ эти минуты, въ ее душѣ, подъ угнетая

щимъ давленіемъ извѣстнаго впечатлѣнія, уже не осталось мѣста раздумью и сомнѣніямъ.

Что Айзикъ точно ушелъ на сѣноваль, Тамарѣ не трудно было убѣдиться по легкому скрипу калитки, ведущей изъ сада во дворъ, и по лаю пары цѣпныхъ собакъ, разбуженныхъ этимъ скрипомъ. Она было испугалась, какъ бы этотъ лай не разбудилъ дѣдушку, но на ея счастье — собаки, узнавъ Айзика, тотчасъ же замолкли. Дѣвушка прислушалась сквозь стѣну, что дѣется въ сосѣдней комнатѣ, но, слава Богу, тамъ продолжаетъ раздаваться согласный дуэтъ бабушкина носового высвиста съ легкимъ дѣдушкинымъ всхрапываньемъ. Это успокоило Тamarу.

Осторожно, чтобъ не надѣлать шума, отворивъ свой комодъ, она достала нѣсколько необходимыхъ бѣлья да кое-какія вещи, связала все это въ небольшой узелокъ, куда кстати заодно уже сунула и свой заветный *Дневникъ*; затѣмъ надѣла шляпу, опустилъ на лицо густой черный вуаль, покрылась широкою шалью и, минутою спустя, прежнимъ своимъ путемъ, чрезъ окошко, очутилась уже въ саду, въ его темной, сыроватой и нѣжной прохлаждѣ.

Ни раздумья, хотя бы мгновеннаго, надъ своимъ рѣшительнымъ шагомъ, ни сожалѣнія, хотя бы легкаго, о покидаемомъ домѣ, ни грусти о своихъ старикахъ, о которыхъ еще такъ недавно сокрушалась, какъ о главнѣйшей сердечной преградѣ къ осуществленію своихъ влюбленныхъ цѣлей и стремленій, — ничего такого, подъ давленіемъ все того же всепоглощающаго впечатлѣнія, не шевельнулось въ ея душѣ даже и въ эти послѣднія роковыя минуты. Напротивъ, все существо ея какъ бы слилось въ одну лишь мысль, въ одно стремленіе, «скорѣе! скорѣе и осторожнѣе, чтобы кто не помѣшалъ, чтобы никому не попасться!» Она пошла теперь не по кратчайшей прямой дорожкѣ, а свернула въ сторону, къ забору, гдѣ кусты были гуще и адезю темнѣе, и чѣмъ дальше отходила отъ дома, тѣмъ тревожнѣе билось ея сердце и тѣмъ быстрѣе становился шагъ, такъ что, приближаясь къ своей бесѣдкѣ, она уже не шла, а почти бѣжала, пугливо озираясь вокругъ и чутко прислушиваясь къ звуку собственныхъ шаговъ: ей все казалось, что Айзикъ не то погонится за нею, не то вдругъ снова вынырнетъ изъ-за какого-нибудь куста и загородитъ ей своею фигурой дорогу.

Но, слава Богу, вотъ и калитка, въ которую часть тому назадъ она выпустила Каржолу. Дрожащею рукою отомкнула Тамара замочку, крайне боясь, чтобы какъ-нибудь неосторожно не звякнуть ею и, съ замирающимъ сердцемъ, переступивъ высокій порогъ, пустилась бѣжать по глухому переулку...

V.

Два сюрприза.

Спокойно и беззаботно возвращался къ себѣ домой графъ Валентинъ Николаевичъ Каржолъ де-Нотрекъ послѣ свиданія съ Тамарой. Онъ былъ вполне доволенъ и счастливъ: доволенъ собой, своею удачей, своимъ умомъ и умѣньемъ внушить къ себѣ чувство такой любви, какъ у Тамары, и счастливъ перспективой близкаго осуществленія своихъ самыхъ заветныхъ желаній и стремленій, всегда составлявшихъ любимѣйшую мечту, задачу и цѣль всей его жизни. И вдругъ теперь все это осуществляется; уже близится минута, когда мечта превратится въ осязательный фактъ. Конечно, до наступленія этой блаженной минуты, быть можетъ, предстоитъ еще не мало затрудненій и препятствій, но съ его умомъ и изворотливостью, съ его энергіей и умѣньемъ дѣйствовать настойчиво, ему ли не побѣдить всѣхъ этихъ затрудненій и препятствій, если главное уже достигнуто, а это главное — болѣе половины всего дѣла! Такъ думалъ о себѣ самъ графъ Каржолъ, возвращаясь въ ратужномъ настроеніи отъ Тамары. Впрочемъ, такое самовѣріе и такая самоуверенность не составляли принадлежности исключительно данной минуты: они являлись собою черту, всегда присущую его характеру.

Онъ жилъ недалеко отъ Бевдавидовъ, но на этотъ разъ пошелъ домой не кратчайшею дорогой, а избралъ окольный и длиннѣйшій путь, такъ какъ ему хотѣлось пройтись, прогуляться, чтобы дать время остыть и успокоиться своему радужному, чуть не ликующему волненію, и въ то же время помечтать о будущемъ въ полномъ уединеніи, среди поэтической тишины весенней ночи.

Графъ занималъ небольшой и совершенно отдѣльный, съ барскими удобствами построенный домикъ, съ садомъ, сараями и конюшней, расположенный въ глубинѣ обширнаго двора, посреди котораго былъ разбитъ большой газонъ съ кустами сирени и цвѣточными клумбами. Этотъ домъ принадлежалъ проживавшимъ постоянно въ деревнѣ наслѣдникамъ какого-то подескаго папа, не то сосланнаго въ Самару, не то бѣжавшаго за-границу, и Каржолу было тѣмъ удобнѣе нанять его, что въ немъ онъ нашелъ готовое, вполне комфортабельное убранство. Графъ хотя и жилъ на холостую ногу, но, по роду своей дѣятельности, ему постоянно являлась надобность принимать у себя разнаго рода «нужныхъ людей» и губернскихъ «тузовъ», иногда устраивать для нихъ холостые обѣды, иногда задавать карточные вечера съ роскошными ужинами и вообще «располагать» къ себѣ, показывая «умѣнье жить»

на широкую ногу и заставляя предполагать у себя очень большія средства. Поэтому подобнаго рода домашняя обстановка была для него вполне необходима. «Вѣшная обстановка, это почти все для умнаго и практическаго человека»—такое было убѣжденіе графа.

Мурлыча какую-то шикарную шансонетку, съ легкимъ духомъ послѣ-хорошей и довольно продолжительной прогулки, подошелъ онъ въ эту ночь къ воротамъ своего обиталища, проскользнулъ согнувшись подъ цѣпь полурастворенной калитки и, уже подходя къ самому дому, вдругъ, къ немалому удивленію, замѣтилъ сквозь щели ставень свѣтъ въ своемъ кабинетѣ.

Это его даже озадачило. — Неужели гости? Но кто жъ бы могъ быть въ такую пору?

— Что это за свѣтъ у насъ? — спросилъ онъ у камердинера, отворившаго ему дверь съ параднаго крыльца.

— Барышня тамъ дожидается, — доложилъ тотъ, съ нѣкоторой таинственностью понизивъ голосъ.

— Какая барышня?

— Госпожа Ухова, Ольга Семеновна-съ.

— Что такое! — какъ бы про себя пробормоталъ графъ, окончательно уже озадаченный.

— Не могу знать. Я имъ докладывалъ, что вашего сіятельства дома нѣтъ, а онѣ говорятъ, все равно: крайне, молъ, надо видѣть.

— И давно ждетъ уже?

— Давно-съ; около часа будетъ.

Нельзя сказать, чтобъ этотъ неожиданный поздній визитъ пришелся по сердцу графу. Недоумѣвая, зачѣмъ она здѣсь и что все это значитъ, съ чувствомъ нѣкоторой тревоги въ душѣ вошелъ онъ въ дверь своего кабинета.

Навстрѣчу ему поднялась изъ кресла высокая, стройная блондинка, съ неправильно красивымъ и нѣсколько капризнымъ типомъ лица, которое вмѣсто привѣта выражало въ эту минуту одно только утомленіе и недовольство.

— Ольга!.. Какими судьбами?.. Въ такую пору... Что это значитъ? — заговорилъ онъ, протягивая руку.

— Необходимость заставила, — съ плохо скрытой раздражительностью пожала она плечами. — Я ждала васъ третьяго дня, ждала вчера, наконецъ сегодня утромъ нарочно послала съ кучеромъ письмо, прося васъ заѣхать хоть на минутку, и вмѣсто того ни васъ, ни отвѣта!.. Пришлось крадучись идти самой и дожидаться...

— Бога ради, извини меня, милая, дорогая моя! — цѣлуя руку своей гостьи, сталъ оправдываться графъ. — Мнѣ крайне совѣстно, — говорилъ онъ. — Но еслибы знала ты,

какая у меня масса дѣла, и самого нетерпѣливаго дѣла, и сколько еще неприятностей при этомъ! Просто голова кругомъ идетъ!.. Я крайне виноватъ предъ тобой, но ей-Богу, клянусь тебѣ—вотъ до сей самой поры ни минуты не было свободной.

— Будто? — недоувѣрчиво и зло усмѣхнулась дѣвушка.

— Вѣрь, не лгу, — горячо увѣрялъ Каржоль. — Я не отвѣчалъ тебѣ, потому что разсчитывалъ непременно заѣхать вечеромъ, но, видя Богъ, не могъ, не успѣлъ, задержали... Въ чемъ дѣло, однако? — доспросилъ онъ съ озабоченной торопливостью.

— Дѣло очень серьезное, — вскинулъ и размиреннымъ тономъ сказала дѣвушка.

Каржоль вопросительно вскинулъ на нее встревоженный взглядъ, предчувствуя нѣчто скверное. Этотъ тонъ и нѣсколько раздраженное, недовольное выраженіе лица Ольги казались ему подозрительными: ужъ не провѣдала ли она чего-нибудь насчетъ Тамары? И графъ на всякій случай приготовился возражать увѣреніями и клятвами.

— Что такое? — спросилъ онъ, серьезно сдвинувъ брови.

— Я беременна, — объявила дѣвушка.

У Каржоль, что называется, опустились руки.

— Не можетъ быть! — испуганно пробормоталъ онъ. — Ты, вѣрно, ошибаешься, Ольга...

— Нѣтъ, — отрицательно качнула она головой. — Въ этомъ не осталось болѣе ни малѣйшихъ сомнѣній...

Каржоль закусилъ себѣ губы и глядѣлъ на нее растерянными, чуть не бессмысленными глазами.

— Но что-жъ тебя такъ поражаетъ тутъ? — продолжала Ольга, удивленная въ немъ этимъ испугомъ и растерянностью, которыхъ, почитому, никакъ отъ него не ожидала. — Что съ тобой, Валентинъ?.. Ты испуганъ?.. Ты какъ-будто недоволенъ даже?..

— Признаюсь, я не ожидалъ этого... Но что-жъ теперь мы будемъ дѣлать однако? — пробормоталъ онъ сквозь зубы, принимаясь озабоченно шагать по комнатѣ.

Дѣвушка, прежде чѣмъ отвѣтить что-либо, нѣсколько времени слѣдила за нимъ все тѣмъ же недоумѣвающимъ, удивленнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется, — заговорила она наконецъ, — остается только одно: объявить отцу все какъ есть, всю правду. Я беру это на себя; ты же пріѣзжай завтра просить моей руки.

— Завтра? — переспросилъ Каржоль, круто повернувшись на ходу и остановясь съ такимъ видомъ, какъ будто его вдругъ по лбу ошарашили.

— Да, не иначе; непременно завтра,—подтвердила Ольга.—И сколь отцу ни неприятно это,—продолжала она,—ты знаешь, онъ тебя очень не жалуетъ,—но, конечно, въ виду такого обстоятельства, поневоли долженъ будетъ согласиться.

— Ты думаешь?—оборонилъ онъ съ какимъ-то разсѣяннымъ видомъ.

— Разумѣется. Не подвергать же свое имя публичному скандалу!.. Мы, наконецъ, вмѣстѣ можемъ объявить ему, и, я увѣрена, отказа не будетъ... Теперь отказъ невозможенъ, немислимъ.

Каржоль въ молчаливомъ раздумьи раза два прошелся по комнатѣ.

«Положеніе, однако, чортъ возьми! И не распутаешься!» А какъ былъ бы онъ доволенъ такимъ положеніемъ не даѣе какъ три мѣсяца тому назадъ, когда только-что началась его тайная связь съ Ольгой Уховой, когда онъ еще не зналъ, что существуетъ на свѣтѣ Тамара, въ то время еще не возвращавшаяся изъ-за границы, и когда эта самая Ольга Ухова, дочь почтеннаго кавказскаго генерала, вдовца, невѣста со стотысячнымъ приданымъ, казалась ему отличной партией, которая дала бы ему блестящій выходъ изъ его нынѣшняго, все еще шикарнаго, но въ сущности уже очень подорваннаго и стѣсненнаго положенія. Три мѣсяца назадъ эта беременность лучше всего могла бы повести къ такому счастливому результату, волей-неволей вынудивъ у строптиваго, неговорчиваго старика-генерала согласіе на бракъ Ольги съ Каржолемъ. Но жениться на Ольгѣ теперь, когда миллионная Тамара не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться его женой, да это было бы просто безуміемъ!.. Каржоль пересталъ бы уважать себя за это; онъ сталъ бы презирать себя!.. Упустить Тамару! Нѣтъ, это невозможно! Каржоль рѣшится на все и все принесетъ въ жертву, но этого онъ не сдѣлаетъ. Что жъ дѣлать однако? Какимъ образомъ выйти изъ этого невозможнаго положенія?—вотъ о чемъ болѣе всего думалъ теперь графъ Каржоль де-Нотреть, и единственное что удалось ему придумать и на что онъ пока рѣшился, это выиграть время, время и время прежде всего! Выиграть его на столько, чтобъ успѣть привести въ исполненіе задуманный планъ относительно Тамары, а тамъ уже будь что будетъ! Тамъ ужъ онъ придумаетъ, какъ быть ему даѣе. Но вотъ на эти роковыя полторы, двѣ недѣли надо во что бы то ни стало убавлять, усыпить Ольгу Ухову.

— Хорошо!—согласился онъ наконецъ, въ отвѣтъ на ея предложеніе.—Хорошо, пускай по-твоему! Но... какъ ты думаешь, не лучше-ли будетъ приготовить старика постепенно,

сроднить его мало-по-малу съ мыслью о твоёмъ выходѣ замужъ за меня?

— Какимъ же образомъ?—недоумѣло пожала плечами Ольга.—Вѣдь четыре мѣсяца назадъ ты уже дѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ?

— Да, но объ этомъ отказѣ, кромѣ насъ троихъ, никто въ городѣ не знаетъ.—подхватилъ Каржоль.—Вѣдь еще тогда же старикъ согласился дать мнѣ слово, что отказъ останется тайной между нами, и онъ вѣдь не болтунъ, на сколько я его знаю; стало-быть, новое согласіе на бракъ ни предъ кѣмъ не поставитъ его въ неловкое положеніе: почему-де сперва отказалъ, а теперь вдругъ согласился? И вѣдь въ сущности,—продолжалъ графъ,—вся эта его антипатія ко мнѣ просто глупа и совершенно безпричинна. Ето вотъ и надо прежде всего постараться какъ-нибудь побороть, разсѣять, а для этого, мнѣ кажется, слѣдуетъ дѣйствовать исподволь и вѣтъ надобности открывать ему всю правду.

— Безъ этой правды онъ не согласится,—увѣренню возразила Ольга.—Только страхъ огласки и скандала можетъ заставить его не перечить нашей свадьбѣ. Я-то вѣдь, повѣрь, лучше чѣмъ ты его знаю!

— Хорошо!—согласился Каржоль и на это.—Пусть такъ, но только, что касается завтрашняго дня, то ужъ извиня: ни завтра, ни послѣзавтра я рѣшительно не могу этого сдѣлать.

Тѣмъ недовѣрію и подозрѣнію, что ужъ не отвиливаетъ ли графъ отъ женитьбы,—смутно дрогнула въ какой-то жилкѣ надъ бровями Ольги. Она окинула его испытующимъ взглядомъ и спросила, почему это онъ не можетъ?

— О, Боже мой!—возразилъ онъ со вспыхивающей нѣкоторой досады.—Вѣдь жениться, полагаю, не то что надѣть пару перчатокъ! Для этого мнѣ прежде всего необходимо устроить свои дѣла, и дѣла весьма важныя, на которыхъ строится все благосостояніе моей дальнѣйшей жизни! Не могу же я вести мою жену на неопредѣленное и необезпеченное положеніе въ будущемъ!

— У меня есть свои сто тысячъ,—замѣтила Ольга.

— Покорнѣйше благодарю!—иронически поклонился графъ.—Онѣ при васъ и останутся! Неужели мнѣ нужны ваши деньги! Ужъ не думаете ли вы, что я на нихъ хоть сколько нибудь разсчитывалъ?.. Сто тысячъ, моя милая, въ наше время не есть еще нѣчто существенное; сто тысячъ годятся развѣ женѣ на одѣй лишь ея тряпки, а намъ надо жить, и вотъ потому-то, какъ честный человекъ, я и обязанъ сперва позаботиться объ

обезличенныхъ средствахъ къ жизни. Для этого мнѣ потребуется около двухъ недѣль времени, не болѣе. Но что такое двѣ недѣли! Вѣдь ровно ничего не стоитъ переждать ихъ! Вѣдь въ двѣ недѣли ничто еще не успѣетъ у тебя обнаружиться, и никто ничего не замѣтитъ. Бога ради!—нѣжно сталъ онъ предъ ней на колѣни, сжимая ея руки.—Я умоляю тебя, ради нашего же собственнаго, общаго блага, не торопись ты пока съ этимъ дѣломъ! Дай мнѣ этотъ срокъ, и тогда я сдѣлаю все что хочешь, все что ты прикажешь.

Ольга не успѣла сказать на это ни да, ни нѣтъ, какъ въ прихожей раздался вдругъ чей-то громкій, порывистый звонокъ.

Это было такъ неожиданно, что оба они вздрогнули и исполошились, наскоро хватая и пряча Ольгины вещи: перчатки, платокъ, соломенную шляпку... Рѣшительно невозможно было не только предположить, но даже и понять, кто и зачѣмъ могъ быть въ такую пору. Каржоль, ради предосторожности, предложилъ Ольгѣ удалиться въ его спальню, изъ которой онъ рассчитывалъ, въ случаѣ надобности, провести ее по небольшому боковому корридору въ диванную, откуда уже можно было незамѣтно вывести ее сквозь стеклянную дверь на террасу въ садъ, а изъ сада, дорога домой уже не представила бы ей никакихъ затруднений. Едва Ольга скрылась за портьерой, онъ поспѣшилъ къ двери кабинета и чутко насторожилъ ноздрей ней ухо, въ расчетъ—не узнаетъ ли предварительно, хотя бы по голосамъ, что тамъ такое? Но едва успѣлъ онъ это исполнить, какъ дверь осторожно приотворилась, и камердинеръ Каржоля, видимо озадаченный и даже смущенный чѣмъ-то, не безъ таинственности вызвалъ его въ прихожую. Тамъ, на порогѣ раскрытой половинки наружныхъ дверей, первое что бросилось графу въ глаза—была женская фигура, ноздрюля и съ узелкомъ въ рукахъ. По общему очертанію онъ узналъ въ ней Тамару.

— Tout est découvert!.. On nous a écouté... Sauvez moi! :) — едва успѣла проговорить она задыхающимся голосомъ, какъ Каржоль поспѣшилъ остановить ее.

— Тсс!.. У меня посторонніе!—предупредилъ онъ шопотомъ, указывая на дверь кабинета.—Я сейчасъ ихъ спроважу,—продолжалъ онъ.—Войдите пока сюда, налѣво, въ столовую, и подождите меня одну минуту... Только тихо, Бога ради!

И введя Тамару въ комнату, онъ плотно заперъ за ней дверь, а самъ поспѣшилъ къ Ольгѣ.

Слегка держась за портьеру, дѣвица Ухова сторожко, что называется, на чеку стояла на порогѣ спальни и кабинета, эластически

готовая каждое мгновеніе отпрянуть внутрь и спрятаться за драпировкой отъ посторонняго глаза. На ея лицѣ выражалось не одно лишь сильно возбужденное любопытство и опасеніе за себя, но и тревожащее чувство ревнивой подозрительности.

— Уходи, Бога ради, скорѣе!.. Сію минуту! — быстро подходя къ ней на цыпочкахъ, прошептала Каржоль умоляющимъ голосомъ.

— Тамъ женщина?—подозрительно спросила Ольга.

— Какая женщина!.. Гдѣ?.. Что это тебѣ чудится!—досадливо проговорилъ встревоженный графъ.—Умоляю тебя, уходи Бога ради!

— Нѣтъ... Я слышала тамъ женскій голосъ... Ты сейчасъ говорилъ съ женщиной.

— Ольга, не дури!—строго остановилъ онъ дѣвушку.—Уходи, говорю тебѣ! Пощади и себя, и меня... Иначе ты рискуешь страшно скомпрометироваться.

— Нѣтъ, я не уйду. Скажите, кто тамъ? Кто эта женщина?

— Фу, ты, Господи!—схватился онъ за виски.—Женщина!.. Компаньонъ мой только-что вернулся изъ Петербурга съ важнѣйшими извѣстіями... Намъ надо сейчасъ же переговорить о дѣлѣ.

— Изъ Петербурга... Ночью?.. Да на какомъ же это поѣздѣ?—съ явнымъ недовѣріемъ спросила Ольга.

— Ахъ, да не на поѣздѣ!.. Онъ съ поѣзда, сперва тутъ въ одно имѣніе пробѣжалъ, а теперь изъ имѣнія сюда... На лошадахъ.

Барышня Ухова сомнительно качнула головой.

— Кто-жъ этотъ компаньонъ вашъ съ такимъ женскимъ голосомъ? И что это за дѣла въ три часа ночи?

— Ольга!—отчаянно метнулся графъ, почти теряя всякое терпѣніе.—Это глупо, наконецъ!.. Мнѣ некогда объяснять вамъ подробно, завтра узнаете; завтра скажу вамъ все, но теперь уходите: вѣдь человекъ тамъ стоитъ, ждетъ... Я просилъ его обождать лишь одну минуту... Ну что онъ можетъ подумать!.. Это наконецъ неделикатно съ вашей стороны... Въ какое положеніе вы меня ставите!.. Я долженъ чуть не выгонять васъ...

А Ольга, словно наслаждаясь этимъ неприятнымъ, безвыходнымъ его положеніемъ, съ улыбкой смотрѣла на него какимъ-то страннымъ, не то явно недоумѣвающимъ, не то явно презрительнымъ взглядомъ, и не трогалась съ мѣста.

— Да уйдете ли вы, наконецъ!—въ бѣшенствѣ прохрипѣлъ Каржоль сквозь стиснутые зубы.—Это чортъ знаетъ что такое!.. Что же вы хотите, чтобъ я насилье употребилъ надъ вами, что ли?

*) Все открыто!.. Насъ подслушали... Спасите меня!

— Насиліе?... А ну-ка, попытайтесь!... Я закричу! — возразила та вызывающим тономъ.

Графъ обезсиленно опустилъ руки и тоскливо оглядѣлся вокругъ, словно ищущи, гдѣ же, наконецъ, и въ чемъ найти ему свой камень спасенія.

— Извольте, оставайтесь, если вамъ хочется, — вздохнулъ онъ, какъ бы сдаваясь. — Только сидите же смирно, не выдайте вашего присутствія ни малѣйшимъ шорохомъ... Позвольте затворить дверь, и помните, что если васъ застанетъ здѣсь утро, то не я виноватъ въ этомъ... А для болѣе предосторожности замкните, пожалуйста, дверь на ключъ.

— Зачѣмъ это? — возразила Ольга.

— На всякій случай. Нравно компаньонъ не вздумалъ бы заглянуть въ спальню.

— Да развѣ вы намѣрены долго сидѣть съ нимъ?

— Не знаю; это не отъ меня зависитъ... Извините, однако, мнѣ некогда... Прощайте.

И графъ рѣшительно затворилъ за собой дверь. «Види же коли такъ, чортъ тебя возьми!» злобно подумалъ онъ и, захвативъ въ прихожей шляпу да надежную трость съ кастетомъ, осторожно, чтобы не услышала Ольга, замкнулъ дверь изъ кабинета въ прихожую, опустилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и, рассчитывая вернуться домой минутой черезъ десять-двадцать, вышительно шелпнулъ челушку:

— До моего возвращенія не выпускать госпожу Ухону изъ дома ни подъ какимъ видомъ и ни въ какіе съ ней разговоры не вступать. Понимаешь?

Отлично дрессированный, привычный и безмолвный исполнитель приказаній своего барина только поклонился въ знакъ готовности безусловно исполнить его волю.

Затѣмъ, пріотворивъ дверь столовой, графъ жестомъ позвалъ Тамару и осторожно вышелъ съ ней изъ дома.

— Я не могъ васъ принять у себя, — объяснилъ онъ, идя съ ней по двору: — ко мнѣ сейчасъ пріѣхалъ изъ пѣтія одинъ изъ моихъ компаньоновъ и почуетъ у меня... Онъ не спитъ еще... Я не хотѣлъ васъ компрометировать... Въ чемъ дѣло однако?

Тамара въ двухъ словахъ рассказала ему все, что произошло послѣ ихъ свиданія.

— Что же теперь дѣлать? — невольно воскликнулъ графъ, у котораго дѣйствительно голова пошла наконецъ кругомъ отъ сплетенія всѣхъ этихъ неожиданностей. — Что дѣлать, Тамара?

— Проводите меня въ монастырь, — рѣшительно предложила она, — и пойдемъ сейчасъ же, пока еще не разсвѣло. Домой я не вернусь, а другого ничего не остается

— Да, вы правы, — согласился Каржоль. —

Такъ что жъ, я къ вашимъ услугамъ. Поспѣшайте.

И, подавъ Тамарѣ руку, онъ быстрыми шагами направился съ ней со двора по улицѣ, держа путь къ Свято-Троицкой женской обители.

VI.

Божья воля.

Начинало свѣтать, когда они подошли къ монастырскимъ святымъ воротамъ, расписаннымъ живописью *al fresco*, въ византийскомъ стилѣ. Строгіе, темноватые лики божьихъ угодниковъ, іерарховъ, иноковъ и страсотерлицъ глядѣли своими нарисованными очами съ каменныхъ стѣнъ и съ обѣихъ широкихъ створъ святыхъ воротъ на подошедшую къ нимъ въ столь необычный часъ мірскую пару. Каржолу показалось, что эти продолговатые, изможенные образы, въ черныхъ схимахъ, смотрятъ на него изъ своихъ золотыхъ вѣнчиковъ какъ-то особенно сурово, словно требуютъ отчета, такъ что его даже покорило немного, и хотя онъ вообще былъ человѣкъ безъ предразсудковъ и насчетъ религіи вполне беззаботенъ, тѣмъ не менѣе ему невольно стало какъ-то непріятно, жутко глядѣть на эти лики, и онъ отвернулся отъ нихъ въ сторону.

Мигающий красноватый свѣтъ большой лампы, висѣвшей предъ надворотнымъ образомъ Святой Троицы, все болѣе утрачивалъ свою силу, уступая блѣсоватому, прозрачному свѣту небосклона, предвѣстнику скорого восхода. Звѣзды уже потухли и только одна лишь утренняя звѣзда ярко сверкала въ вышинѣ, какъ чистая алмазная слезинка.

Каржоль брякнулъ большимъ желѣзнымъ кольцомъ въ скобу монастырской калитки, но на этотъ стукъ отозвались ему не скоро, такъ что пришлось постучать посильнѣе и подольше, во второй и въ третій разъ, пока наконецъ не скрикнула дверь подворотной сторожки, и не послышались чьи-то старческіе шаги, кряхтѣнье и звѣнки, сопровождаемые молитвеннымъ присловьемъ.

Старикъ сторожъ однако отворилъ не сразу, а сначала обаялся, — кого-де носить нелегкая по ночамъ въ обитель? Проходи, молъ, своею дорогой! — а затѣмъ, въ отвѣтъ на настойчивую просьбу графа, приступилъ къ долгимъ, раздумчивымъ и обстоятельнымъ разпросамъ, — кто, молъ, стучитъ, какой человѣкъ, изъ какихъ онъ будетъ, зачѣмъ такъ рано, къ кому и для чего и за какую надобностію? Приходи, молъ, поодиѣ, какъ ударятъ къ заутрени, тогда и ворота растворимъ, а теперь матушечку почиваетъ еще и сестры спятъ, нельзя отворять-то.

Между тѣмъ понятно, насколько была дорога

и опасна для Каржоля каждая лишняя минута. «Приходи позднѣе»... Но куда онъ дѣнется, гдѣ проскитается, пока настанетъ это «позднѣе»? Домой вернуться нельзя: тамъ сидятъ ваперти Ольга, которая теперь, вѣроятно, рветъ и мечетъ отъ злости. Бродить по улицамъ? Но если, какъ на грѣхъ, кто-нибудь встрѣтитъ или изъ окна увидитъ—сейчасъ же поднимутся толки, слетни, всяческая грязь всевозможныхъ догадокъ и хихиканья, скандалъ... Нѣтъ, это невозможно! Оставаться и ждать у монастыря, предъ воротами? Но евреи обыкновенно встаютъ рано; большая часть изъ нихъ привыкла подыматься съ разсвѣтомъ; какой-нибудь Шмудька, живя по сосѣдству, легко можно увидѣть и узнать его съ Тамарой, и тогда все пропадетъ! Тогда скандалъ еще хуже, еще несправедливѣе: ее просто отобьютъ у него на улицѣ, не дадутъ и ввести подъ монастырскія ворота... О, тогда подымется дѣлая исторія, изъ которой еще чортъ знаетъ какъ и выпутаться!...

— Я заплачу тебѣ, голубчикъ... Возьми пять рублей, толькопусти, Бога ради, — умолялъ графъ и, для наибольшаго убѣжденія несговорчиваго сторожа, опустился на колѣно, просунувъ ему въ скважину подворотни пятирублевую кредитку.

Вѣроятно, соблазнившись столь щедрымъ даяніемъ, тотъ наконецъ снялъ съ крючка желѣзный болтъ, поослабилъ слегка калиточную цѣпку и осторожно оглядѣвъ въ одинъ глазъ, кто тамъ просится и много ли ихъ? Но убѣдясь по вѣншиности Каржоля и Тамары, что люди, должно-быть, не лихіе и что ихъ только двое, уже безъ недовѣрія пропустилъ обоехъ въ калитку.

— Есть у васъ тутъ какая-нибудь дежурная монахиня, что ли?—спросилъ его Каржоль.

— Дежурная,—запикалъ сторожъ.—Что ты ты, мой батюшка! Какія у васъ дежурныя, зачѣмъ?.. Господь Богъ надъ нами, зачѣмъ намъ?.. Помплуй Бога!.. Мы живемъ просто, по Божьему, что намъ!

— Но кто же можетъ разбудить игуменью?

— А пошто ее будить-то!.. Нушай починаетъ матушка. Будить ее не для чего, не время... Ее колоколъ взбудитъ: какъ ударятъ къ заутренѣ, такъ и сама проснется.

— Да намъ необходимо сейчасъ же, сію минуту,—убѣждалъ его графъ.—Поди, пожалуйста, голубчикъ дѣдушка, самъ ты и разбуди кого-нибудь... Я заплачу тебѣ

— Зачѣмъ же, мы и такъ много доплатили, а только мнѣ нельзя... Отъ воротъ я отлучаться не могу... Не мое это дѣло инокинь будить, сами свой часъ знаютъ... А вы лучше послѣдите малость, пообождите до заутрени-то; вотъ, по двору, по кладбищу погуляйте: проснутся инокини, тогда о васъ матушкѣ и доложить... сами доложить... это точно. А я не могу; мое

дѣло сторожевское, мужское, развѣ я смѣю по кельямъ-то ходить?.. Мнѣ никакъ невозможно.

Очевидно, что дальше толковать со сторожемъ было нечего. Да Каржоль и тѣмъ уже былъ доволенъ, что, слава Богу, удалось кое-какъ проникнуть хотя за монастырскую ограду: здѣсь все-таки пріютъ, здѣсь безопасно.

Изеньскіе, одноэтажные флигеля монашескихъ келій, соединенные на подобіе корридора общею стеколычатой галлереей; высокій храмъ, передѣланный нѣкогда изъ католическаго костела, и широкій монастырскій дворъ, обсаженный кустами старорослыхъ кампановъ, да аллеями пирамидальныхъ тополей, все это еще было пусто, безлюдно и беззвучно, и стояло въ своей отшельнической оградѣ словно проникнутое таинственною и важною тишиной, словно благоговѣнно и недвижно погруженное въ какую-то глубокую, не отъ міра сего ночную думу. Дерявые могилки съ каменными плитами, бѣлые кресты и намогальные памятники около церкви, съ ихъ чугуныными рѣшетками, вѣнками изъ иммортелей, завившимся площемъ и пестрыми цвѣтниками, все это еще дремало, овлаженное ночною росой; но ласточки уже начинали выглядывать изъ гнѣздъ, прилѣпившихся подъ церковнымъ карнизомъ, и проснувшіеся воробьи тамъ и сямъ подымали въ кампановыхъ вѣтвяхъ свое задорное чириканье. Повѣяло рѣзкимъ утреннимъ холодкомъ; изъ монастырской пекарни вдругъ потянуло въ воздухъ вкуснымъ запахомъ свѣжихъ, только что вынутыхъ изъ печи просфоръ, и вскорѣ на золоченыхъ, узорчато-прорѣзныхъ крестахъ двухъ церковныхъ башенокъ заиграли первые розоватые лучи восходящаго солнца.

Но долго еще пришлось Каржолю просидѣть на каменныхъ ступеняхъ паперти, бережно кутая нѣсколько продрогнувъ Тамару въ ея широкую шаль, прежде чѣмъ людское населеніе монастыря стало просыпаться. Тамара усѣла за эти часы во всѣхъ подробностяхъ рассказать ему свое приключеніе съ Айзикомъ и переговорить о многомъ касательно своего будущаго. Много гадательныхъ плановъ и предположеній развернулось и пронеслось предъ ней; много ласкъ, и увѣреній, и клятвъ, и нѣжныхъ словъ любви и страсти выслушала она отъ своего друга... Но расточая свои ласки, Каржоль могъ только безконечно удивляться изъ души этой замѣчательной въ ея годы выдержкѣ характера и еще болѣе этой твердой рѣшимости ея намѣреній и взглядовъ на свою будущую судьбу, какова бы она ни была, рѣшимости, какая и теперь, въ эти томительные часы неизвѣстности и ожиданія на церковной паперти, ни на минуту не покинула дѣвушку. Ни раздумья, ни сомнѣній, ни тѣни какого-либо колебанія ни разу не проскользнуло не только въ ея словахъ, но даже и во взорѣ. Напротивъ, судя по ея виду, Каржоль могъ

смѣло заключить, что тутъ дѣйствительно все уже продумано до конца и рѣшено безповоротнo. И въ самомъ дѣлѣ, Тамара чувствовала себя гораздо цѣльнѣе, спокойнѣе, чѣмъ Каржоль, и успокаивала даже его самого, когда въ немъ прорывались нетерпѣливая досада и ропотъ на это сонное монастырское царство.

Но вотъ, въ шесть часовъ утра, на колокольнѣ раздался первый ударъ благовѣста, и вскорѣ послѣ этого нѣсколько темныхъ женскихъ фигуръ, словно движущіяся тѣни, показались въ разныхъ углахъ зданія, и во дворѣ, и вдоль по стекольной галлерей.

Каржоль обратился къ одной изъ монахинь, прося доложить о немъ матери игуменнѣ.

— А это вы уже къ ея послушницѣ, къ Натальѣ... Это она вамъ все можетъ, — отвѣчала някня и, не вступая въ дальнѣйшіе разспросы, радушно предложила графу проводить его до дверей настоятельской квартиры и вызвать къ нему послушницу Наталью.

Графъ предварительно досталъ свою визитную карточку и на лѣвомъ французскомъ языкѣ написалъ на ней карандашемъ о своей настоятельнѣйшей надобности видѣть мать Серафиму немедленно, по крайне важному, безотлагательному дѣлу.

Черезъ пять минутъ молодая, шустрая послушница, у которой носикъ былъ уточкой, а глаза какъ двѣ вишенки, довольно развязно выжила ему, что матушка теперь только-что встала съ постели и облачается изволить, а потому просить обождать немного.

Всѣ эти ожиданія и проволочки времени только раздражали графа и усиливали его внутреннюю тревогу. Онъ крайне беспокоился о томъ, что выдѣлывастъ теперь въ его квартирѣ запертая Ольга Ухова, какова-то выйдетъ его неизбѣжно предстоящая встрѣча съ ней, и какими бы судьбами уйти ей среди бѣла дня изъ его квартиры, безъ скандала, да и удастся ли еще проскользнуть никѣмъ не замѣченною?.. А тутъ еще этотъ старый дуракъ генералъ, пожалуй хлѣтитъ утромъ, гдѣ дочь, подниметъ цѣлую бурю, перенолохъ, весь домъ вверхъ дномъ... И опять-таки скандалъ, исторія, опять-таки толки и сплетни... Господи! Каржоль обзывалъ себя мысленно дуракомъ за то, что не догадался оставить ключъ отъ кабинета своему камердинеру и не приказалъ ему выпустить Ольгу чрезъ полчаса послѣ своего ухода... Но могъ ли тогда онъ предвидѣть, зачѣмъ пришла къ нему Тамара, могъ ли предполагать, что ему придется немедленно же идти съ ней къ Серафимѣ? Онъ разсчитывалъ, что объясненіе его съ Тамарой продлится на дворѣ или на улицѣ не болѣе минутъ десяти, а вмѣсто того... О, Господи! Нужно же такое непредвидѣнное, просто дьявольское сплетеніе обстоятельствъ! Впрочемъ, у Каржоль оставалась еще одна маленькая

надежда, что авось-либо Ольга, отыскивая себѣ выходъ, проникнетъ изъ спальни по корридорчику въ диванную и тамъ уже догадается уйти чрезъ стеклянную дверь на террасу, въ садъ и такъ далѣе. Одна только эта гадательная надежда и успокаивала немнoжко графа.

Спустя около получаса, та же шустрая послушница ввела его въ пріемный покой настоятельницы. Тамара, по его же совѣту, осталась пока въ стекольномъ корридорѣ одна, предъ дверью Серафимы, чтобы не затруднить и не стѣснять своимъ присутствіемъ его объясненія съ игуменнѣй.

Обстановка настоятельской пріемной была въ высшей степени проста, почти сурова: штукатурныя стѣны безъ обоевъ, окна безъ занавѣсокъ, съ одѣвѣми лишь шторами, на подоконникахъ ни одного цвѣточнаго горшка; въ красномъ углу большой старинный образъ безъ ризы и украшеній; стариннаго фасона красноедеревяныя жесткія стулья въ строгомъ порядкѣ вдоль стѣнъ, такой же диванъ съ гарусною на немъ подушкой, предъ диваномъ овальный столъ съ керосинкою, довольно убогаго вида лампой; у одного изъ оконъ большой мольбертъ и на немъ начатая масляными красками картина духовнаго содержанія (Серафима занималась живописью); на стѣнахъ—въ простѣйшихъ рамкахъ подъ стекломъ, литографированные виды какихъ-то обитателей, изображенія государя и нѣсколькихъ іерарховъ русской церкви, да два-три фотографические портрета высокыхъ особъ, очевидно, покровительницъ Серафимы, съ ихъ собственноручными подписями: «въ знакъ памяти такой-то отъ такихъ-то, тогда-то».

Каржоль не успѣлъ еще хорошенько разсмотрѣть всѣ эти предметы, какъ къ нему уже вышла высокая, нѣсколько дородная женщина, лѣтъ пятидесяти, съ лицомъ, еще сохранившимъ черты породистости и красоты уже поклекшей, одѣтая въ строгій и суровый костюмъ полной монахини. Она встрѣтила графа какъ стараго знакомаго, привѣтливо, хотя и съ невольнымъ выраженіемъ въ глазахъ нѣсколько недоумѣвающаго вопроса, и пригласила его садиться.

— Pour sûr, madame, vous êtes bien surprise de me voir à cette heure matinale, mais... почтительно началъ было извиняться графъ, но игуменья безъ дальнихъ околичностей, тотчасъ же перебила его прямымъ вопросомъ, въ чемъ дѣло?

— Я привезъ къ вамъ прозелитку, — объявилъ Каржоль, — прозелитку, которая настолько жаждетъ принять православіе, что рѣшилась для этого даже убѣжать изъ дома своихъ родныхъ. Она обратилась къ моей помощи и конечно, какъ русскій человѣкъ и христианинъ, я не счелъ себя въ правѣ отказать ей, и вотъ привезъ ее къ вамъ, подѣ вашу за-

щиту и покровительство. Помогите ей, Бога ради!

Игуменья, къ удивленію Каржоль, не только не выразила при этомъ стремительной готовности исполнить его просьбу, но раздумчиво поджавъ губы, какъ-будто даже поморщилась съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Она совершеннолѣтняя?—спросила наконецъ Серафима.

— Н-нѣтъ... Но впрочемъ ей уже двадцатый годъ пошелъ.

— Католичка?

— Нѣтъ, еврейка. Но pardon!—поспѣшилъ предупредить Каржоль. — Мнѣ кажется, вы какъ будто сомѣщаетесь въ чемъ-то..

— Нѣтъ, не то, — перебила его Серафима. — Не то... Но скажу вамъ откровенно, я крайне боюсь этихъ еврейскихъ прозелитокъ... Ихъ у меня перебывало уже нѣсколько, и при этомъ каждый разъ приходится имѣть столько всевозможныхъ непріятностей съ ихъ родными, съ каталомъ, и даже съ нашими властями, что и не приведи Богъ!..

— Возможно ли! — воскликнулъ графъ. — Мнѣ кажется,—продолжалъ онъ,—наши власти въ такихъ случаяхъ, напротивъ, должны бы оказывать и вамъ, и прозелиткамъ всяческое содѣйствіе.

— Н-да, это такъ *кажется*; но вѣдь кагалы очень богаты. И потому это принятіе православія... продолжала игуменья.—Вы знаете ли, вѣдь оно нерѣдко выходитъ у нихъ изъ побужденій очень мутныхъ: одинъ еврей, напримеръ, недавно еще крестился четыре раза въ разныхъ епархіяхъ ради того, что ему за это каждый разъ дарили отъ тридцати до пятидесяти рублей вспоможенія.

— О, нѣтъ, въ данномъ случаѣ ничего такого и быть не можетъ! — поспѣшилъ графъ разувѣрить монахиню. — Напротивъ, эта дѣвушка имѣетъ свои собственныя богатыя средства, которыми могла бы даже служить на пользу разныхъ богоугодныхъ цѣлей... Это ей ничего не стоитъ...

— Серафима поморщилась: въ послѣднихъ словахъ Каржоль ей заподозрѣлось какъ будто нѣкоторое намѣреніе соблазнить ее на согласіе возможностью хорошаго вклада въ ея обитель со стороны будущей неопитки.

— И кромѣ того, — продолжала она, какъ бы вовсе пропустивъ безъ вниманія его слова, — если тутъ и нѣтъ иногда прямого расчета на «гешефтъ», то ко крещенію очень часто прибѣгаютъ въ расчетъ какъ на спасительное средство люди порочные, неблагонадежные... Ужъ тутъ такъ и гляди, что онъ либо въ чемъ-нибудь жестоко провинился предъ своею общиною, даже какое-нибудь преступленіе сдѣлалъ, либо же ищетъ себѣ въ христіанствѣ просто ширму, чтобъ удобнѣе про-

живать, гдѣ ему вздумается и легче обдѣлывать свои темныя дѣлянки.

Каржоль, конечно, поспѣшнѣе протестовать и противъ этихъ послѣднихъ предположеній игуменьи, убѣждая и доказывая, что его прозелитка вовсе не изъ такихъ, что она достаточно хорошо ему извѣстна и онъ можетъ даже поручиться, чѣмъ угодно, что ее влечетъ ко Христу не какой-либо расчетъ, а одно лишь искреннее глубокое убѣжденіе.

— Можетъ-быть... Охотно готова вамъ вѣрять, — сказала ему на это Серафима — Но если оно такъ, то для меня тѣмъ хуже...

Каржоль на это только выпучилъ на нее глаза съ видомъ удивленія и вопроса.

— Да, тѣмъ хуже—подтвердила игуменья.— Чѣмъ чѣще побужденія прозелитки, тѣмъ чѣще ухватываются за нее и родные, и кагалъ, чтобы вырвать ее у насъ и возвратитъ еврейству. Тутъ сейчасъ же пойдутъ у нихъ разные доносы, жалобы, глупозы... начнутъ насъ со всѣхъ сторонъ и отъ разныхъ властей бомбардировать запросами, поднимутся перенаски да отписки... А сколько сплетенъ да дрызгъ еще при этомъ!.. Боже мой!.. Я уже знаю все это, испытала достаточно и потому, сознаюсь вамъ, всячески избѣгаю этихъ еврейскихъ прозелитокъ... Отъ нихъ обитель каждый разъ только покой лишается на нѣсколько мѣсяцевъ!

— Пусть такъ, — со вздохомъ согласился Каржоль,—конечно, все это крайне... крайне грустно и даже прискорбно, *но*... мать Серафима!—попросилъ онъ вдругъ тѣмъ особымъ интимно дружескимъ тономъ, дескать «для меня!», на который обыкновенно не ожидается отказа. — Сколь ни тяжело вамъ, по ужъ на этотъ-то разъ (только на этотъ!) не откажите, Бога ради!.. Сдѣлайте маленькое исключеніе... Принесите такую жертву въ послѣдній разъ, не откажите принять эту дѣвушку... Ей-Богу, хорошая дѣвушка! Я бы не сталъ и просить иначе!.. Вы этимъ сдѣлаете такое доброе дѣло, за которое, конечно, и въ сей, и въ будущей жизни... Бога ради!..

— Нѣтъ, графъ, — убѣдительно; тономъ просьбы перебила его мать Серафима,—избавьте меня, если возможно, отъ этого новаго бремени... Обратитесь лучше къ преосвященному, къ губернатору, къ супругѣ начальника края, къ кому знаетъ, но только не ко мнѣ, Бога ради!

— Къ сожалѣнію,—заявилъ Каржоль,—это дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Ей надо дать немедленно же пріютъ, успокоить, укрыть се... Она, говорю вамъ, только-что сейчасъ убѣжала изъ дома... Оставить ее у себя я не могу, это ее скомпрометируетъ, а она дѣвушка честная, вполне достойная, образованная... Она ищетъ христіанства, повторяю, не изъ выгодъ, а по глубокому убѣжде-

нію... Церковь не въ правѣ отказывать стучащимся въ ея двери!.. Мать Серафима!—воскликнулъ онъ наконецъ, отъ всей души и для большей экспрессивности стискивая самому себѣ руки. — Вѣдь это же ваша миссія, вѣдь вы для этого сюда и посланы. Во имя Христа Спасителя заклинаю васъ!.. Молю васъ какъ христіанку, какъ женщину, не откажите!.. Не оттолкните эту несчастную!.. Подумайте, куда же ей, бѣдной, дѣваться!?. Отказывать вы не можете, это было бы безчеловѣчно!

Каржоль говорилъ горячо, съ убѣжденіемъ и даже со слезами.

Игуменья начала нѣсколько сдаваться.

— Право, ужъ и не знаю,—раздумчиво разводя руками и видимо колеблясь въ душѣ, говорила она. — Я бы, повѣрьте, отъ всего сердца... мнѣ самой очень жаль... Конечно, нашъ долгъ, но... еслибъ она еще была совершеннолѣтнею или изъ другого какого мѣста, а то вѣдь она здѣшняя, не такъ ли?

— Да, она здѣшняя,—подтвердилъ графъ.

— Гм! Вѣдь это значитъ, кагалъ сегодня же спохватится, не успѣемъ и мѣръ никакихъ принять.

— Но вѣдь сегодня шабашъ,—напомнилъ Каржоль.

— Это ничего не значить. Для такого дѣла они и шабашомъ поступятся, законъ разрѣшаетъ... У насъ однажды уже было такое дѣло, и какъ разъ въ шабашъ. А кто такая?—спросила Серафима.—Фамилія ея какъ?

— Тамара Бендавидъ, — объявилъ графъ съ вѣкторію, затаенною впрочемъ, неохотою и колебаніемъ, опасаясь, какъ бы изъ этого не возникло еще новыхъ пренатетвій.

— Бендавидъ?! Ни за что!—энергически воскликнула Серафима, отрицательно простирая впередъ свои руки, словно бы желала этимъ жестомъ запитаться или оттолкнуть отъ себя нѣчто. — Ни за что, графъ! И не просите... Все что угодно, но этого я вамъ никакъ не сдѣлаю... Ни за что на свѣтѣ! Ни подъ какимъ видомъ!

— Но отчего же?.. Отчего?—повторялъ Каржоль, пораженный и смущенный непреклонною рѣшительностью этого отказа.

— Будь еще это кака-нибудь простая, бѣдная еврейка,—продолжала Серафима, — будь она сирота, бездомная, я бы, пожалуй, и согласилась. Но внучка извѣстнаго богача... О, вы не знаете, что тутъ подымется! Вы и представить себѣ не можете!.. Тутъ уже не только всѣ здѣшніе евреи, а и въ Петербургѣ, и за границей подымутъ гвалтъ, пустятъ въ ходъ разныя вліянія, клевету, пистригу... Тутъ сейчасъ явятся всѣ эти адвокаты разныя, корреспонденціи, статьи газетныя; выйдетъ цѣлый скандалъ для нашего монастыря... И Богъ знаетъ, какъ еще взглянуть на все на

это тамъ, свине, въ Петербургѣ? Да, Боже мой, тутъ и не оберешься самыхъ ужасныхъ дрызгъ, и грязя, и неприємностей!.. Нѣтъ, графъ, извините, но... я вынуждена отказать вамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Но что же теперь дѣлать этой несчастной! — воскликнулъ глубоко огорченный и взволнованный Каржоль.—Войдите въ ея положеніе: домой вернуться нельзя; ей и говорить объ этомъ нечего, она не согласится. Что жъ остается ей?.. Съ моста да въ воду?.. Подумайте!

Серафима, не находя словъ отвѣтить что-либо, только плечами пожала какъ-то неопредѣленно.

— И вы, христіанка, монахиня, — укоризненно продолжалъ графъ,—вы являетесь такою эгоисткой! Простите, я поневолѣ говорю, быть можетъ, рѣзко, но неужели же вы въ самомъ дѣлѣ на столько предпочитаете ваше собственное спокойствіе, что рѣшаетесь равнодушно закрыть глаза на ужасную судьбу безпомощной дѣвушки, обрекая ее тѣмъ самымъ, быть можетъ, на самоубійство!.. Если молчить въ васъ сердце, то разсудкомъ хотя пощадите достоинство вашего сана!

Всю эту горячую и даже дерзкую рѣчь монахиня, сверхъ ожиданій самого Каржоля, выслушала довольно хладнокровно, съ подобающимъ смиреніемъ.

— Упреки ваши, графъ, быть можетъ, и справедливы отчасти,—проговорила она очень сдержаннымъ тономъ, — но что же дѣлать, если печальный опытъ нашъ неоднократно уже былъ таковъ, что мнѣ поневолѣ приходится вамъ отказывать... Что же съ этимъ дѣлать, если у насъ и христіанскій долгъ, и санъ, и духовныя дѣла, и все на свѣтѣ облечено въ такой стѣснительный чиновничій формализмъ!.. Положайте къ преосвященному.—посовѣтовала она Каржолу,—объясните съ нимъ, попросите его, пусть онъ пришлетъ мнѣ формальную бумагу, предписаніе что-ли: это, по крайней мѣрѣ, будетъ мой оправдательный документъ, и тогда я приму вашу protégée тотчасъ же... Я сдѣлаю все, что возможно къ ея пользѣ и благу, но принять ее такъ, какъ вы теперь предлагаете, этого я, извините, несмотря на всю тяжесть вашихъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ, рѣшительно не могу... Не могу, графъ!

И мать Серафима сдѣлала легкій, исполненный скромнаго достоинства поклонъ, давши тѣмъ понять Каржолу, что аудіенція ея кончена.

Каржоль замаялся было, чувствуя, что почва какъ бы ускользаетъ изъ-подъ его ногъ и не зная, что предпринять ему. Выйти изъ стѣтъ монастыря вмѣстѣ съ Тамарой теперь, когда городъ уже проснулся, окончательно невозможно: это погубило бы все дѣло.

Но раздумье графа продолжалось не болѣе одного мгновенія.

Порывисто метнулся онъ вонъ изъ комнаты, выбѣжалъ въ корридоръ и, схвативъ Тамару за руку, втащилъ ее въ пріемную.

Все это случилось такъ быстро, что Серафима я опомниться не успѣла.

— Мать игуменья не хочетъ принять васъ,—говорилъ Тамарѣ Каржоль, весь блѣдный и взволнованный до нервной дрожи, съ выраженіемъ какой-то отчаянности въ лицѣ,—она не хочетъ... Я истощилъ всѣ усилія, всѣ просьбы, доводы, она не соглашается... Простите, но я ничего больше не могу сдѣлать!.. Вы знаете сами весь ужасъ вашего положенія, просите ее сами, умоляйте сжалиться надъ вами...

Тамара испуганно взглянула на Каржоля, взглянула на Серафиму, и, блѣдая какъ полотно, съ какимъ-то лютымъ выраженіемъ мольбы, страданія и отчаянія въ глазахъ, молча упала вдругъ съ земнымъ поклономъ предъ монахиней.

— Примите... Спасите меня! — простонала она, вадрываясь отъ прилива рыданій, вдругъ заклокотавшихъ въ ея груди.

Неожиданность такого оборота дѣла и самая внезапность появленія Тамары, самый видъ молодой дѣвушки, исполненный такого страданія и скорби, этотъ молящій стонъ, прорвавшійся изъ глубины сердца, и эти судорожныя рыданія такъ потрясли Серафиму, что она смутилась и, взглянувъ на образъ, висѣвшій въ углу, словно испрашивая себѣ свыше помощи и рѣшенія, какъ поступить, вдругъ покорно склонила голову и проговорила со вздохомъ:

— Ну, видно ужъ такъ угодно Богу... Его святая воля!

И нагнувшись къ Тамарѣ, она подняла ее съ помощью графа.

— Встаньте, дитя мое... Я принимаю васъ... Успокойтесь... Господь надъ вами!

До глубины души потрясенная слезами и восторгомъ благодарнаго чувства, которое вдругъ смѣнилось теперь въ ея душѣ весь гнетъ отчаянія и скорби, Тамара склонилась къ благословившей ее рукѣ монахини.

Серафима ласково положила эту руку на голову дѣвушки и поцѣловала ее въ лобъ.

— Божья воля... Божья воля,—взволнованно повторяла она. — Что же дѣлать, оставайтесь... Такъ видно надо... Вамъ тутъ покойно будетъ.. И не бойтесь: мы не обидимъ и не выдадимъ васъ. А вы, графъ, — обратилась игуменья къ Каржолу, — все-таки побѣждайте сейчасъ же къ преосвященному... Сейчасъ же, не медля ни минуты, и сдѣлайте то, что я вамъ говорила... Непремѣнно, а плаче я не могу... Я только на время даю приютъ ей... Понимаете?

Каржоль поклонился въ знакъ безусловнаго подчиненія ея волѣ.

— Наташа! — позвала она свою послушницу,—подай мнѣ мантию и посохъ... Заутреня началась уже. Да вотъ что: приготожь-ка сейчасъ же келійку для нихъ вотъ, рядомъ съ моею, и прикажи привратнику ворота и калитку сейчасъ же на запоръ, на заднемъ дворѣ тоже, и никакихъ евреевъ и евреекъ ни подъ какимъ видомъ, безъ доклада мнѣ, въ монастырь не пропускать... Скажи: матушка-де настрого приказали. А вы не бойтесь, милая,—снова обратилась она къ Тамарѣ,—мы васъ оградимъ... Оставайтесь пока у меня, располагайтесь въ этой комнатѣ, вамъ успокоиться надо: отдохните, пока я вернусь изъ церкви... А если что понадобится, Наташа будетъ здѣсь... Господь съ вами!

И опираясь на длинный посохъ, игуменья, въ широкой мантии со шлейфомъ и съ ниспадающимъ съ клобука длиннымъ вуалемъ изъ чернаго флера, какъ нѣкій призракъ, величественный и строгій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ ожидавшихъ ее въ корридорѣ старшихъ монахинь, пошла по стеклянчатой галлерей ко храму своею неслышною, какъ бы плывущею походкой.

VII.

Дѣла идутъ на ладъ.

Каржоль, почтительно откланявшись, направился вслѣдъ за Серафимой и, проводивъ ее до наперти, вернулся снова къ стеклянчатой галлерей. Онъ еще выходя отъ игуменья успѣлъ исподтишка выразительно кивнуть ея нустрой послушницѣ, что надо, молъ, сказать одно слово. Догадливая бѣлица поняла этотъ кивокъ и потому, провожая «матушку», замедлилась зачѣмъ-то на галлерей, гдѣ и засталъ ее теперь графъ.

— Вотъ что, сестрица, — сказалъ онъ сунувъ ей въ руку красненькую кредитку, — если мнѣ неравно понадобятся извѣстить о чемъ-нибудь эту евреечку, могу я расчитывать на васъ, передать ей черезъ васъ письмо напрямѣръ?

— Отчего же-съ! Спаси Господи! Съ большимъ удовольствіемъ даже! — согласилась привѣтливая послушница.

— Только какъ же бы намъ устроить это такъ, чтобы другія-то не знали?.. А ужъ васъ я буду очень, очень благодарить потоку,—поспѣшилъ онъ предупредить ее, въ особенности нанирая на «васъ» и «очень». — Ужъ вы только постарайтесь, а я не забуду... И я еще, я еще разъ поблагодарю, повѣрьте!

— Помилуй Господи! Зачѣмъ же-съ! — заманерничала та, опуская свои глазки-вишенки. — Мы и такъ уже много довольны вашею милостью,

спаси васъ Господи! И вы, ежели что, присылайте, а то лучше и сами приносите писмецо привратнику, на мое имя: послушникъ Натальѣ... Я ужю, не беспокойтесь, предупрежу его, а тамъ мое дѣло... Все будетъ исполнено въ самой точности, будьте благонадежны-сь. Господь съ вами, сударь!

Такимъ образомъ заручившись на случай надобности содѣйствіемъ шустрой бѣлицы, Каржоль усталый, размазанный всѣми передрыганиями этой безсонной ночи, вышелъ изъ монастыря на улицу и, оглянувшись, нѣтъ ли гдѣ по близости извозчика, къ счастью своему замѣтилъ одиноко стоявшаго на углу ваньку-христианина, который нарочно выѣхалъ сегодня пораньше, чтобы въ отсутствіи еврейской конкуренціи побольше заработать въ шабашъ. Графъ тотчасъ же порядилъ его, однако не домой: графу пока еще было не до отдыха и даже не до Ольги Уховой. Слѣдуя правилу «куй желѣзо пока горячо», онъ преодолѣлъ на время усталость, постарался даже удвоить въ себѣ необходимую энергію и бодрость, и приказалъ извозчику гнать поскорѣй къ архіерейскому дому.

«Прежде всего надо кончить это, главное, чтобы тамъ у Серафимы ужю никакихъ сомнѣній, безъ сучка и задоринки... А съ Ольгой, — чертъ бы се драгъ! — ну, съ Ольгой какъ-нибудь обдѣлаемъ!» Такъ думалъ графъ Каржоль, подпрыгивая на трясинахъ, дребезжащихъ дрожкахъ. Онъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ полководцемъ, который открываетъ первый огонь генеральнаго сраженія.

— Владыка не принимаютъ, — заявилъ ему какой-то семинарообразный субъектъ, встрѣтившій его въ обширныхъ сѣняхъ архіерейскаго дома.

Графъ началъ было объяснять, что ему надо видѣть владыку по самой неотложной, настоятельнѣйшей надобности.

— Все равно не принимаютъ. Они воды пьютъ и по саду теперь прогуливаются. А вы, ежели что по дѣлу какому, къ секретарю пожайте.

Каржоль даже обрадовался этому «секретарю», ибо вспомнилъ какъ нельзя болѣе кстати, что, по городскимъ слухамъ и сплетнямъ, всѣми дѣлами, да чуть ли и не самимъ владыкой поручается его секретарь, господинъ Горизонтовъ. Поэтому Каржоль, поблагодаривъ за указаніе, прямо къ нему и направился, благо ходить пришлось недалеко, такъ какъ секретарь проживалъ тутъ же, по корридору, первая дверь направо.

Отворила ему какая-то среднихъ лѣтъ баба, въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ въ мушку, по вѣтхому виду — кухарка изъ прѣзжихъ великороссокъ, изъ себя весьма румяная и

дебелая, кровь съ молокомъ, съ рожи ничто-себѣ, за то тѣдеса — что называется «боберъ»!

— Вамъ кого-ста? Митрофана Миколаевича? — спросила она съ лѣживо медлительнымъ распѣвцемъ (графъ, на всякій случай, постарался съ ея словъ схватить и запомнить это имя и отчество). — Сождите малость, не одѣмшись ишшо.

И впустивъ Каржоль въ приемную, она же и кабинетъ, толстуха на цыпочкахъ, съ медвѣжатымъ перевальцемъ, прошла въ смежную комнату, очевидно спальную, и осторожно, но неуклюже притворила за собою дверь.

Въ надеждѣ разгадать по нѣкоторымъ вѣшнымъ признакамъ, съ какого рода человѣкомъ придется имѣть дѣло, графъ принялся пока оглядывать окружающую его обстановку, которая — собственно, не вѣсть почему, но почти безусловно вѣрно сразу изобличала въ хозяинѣ человѣка холостого. Это чувствовалось какъ-то. На всемъ былъ замѣтенъ беспорядокъ, но далеко не живописный: на полу разный соръ и окурки, повсюду пыль и папирсная зола, на подоконникѣ и въ углу пустыя пивныя бутылки, на стульяхъ бумаги, газеты и кое-какія принадлежности туалета; вообще сказывалась расхлябанность какая-то. Видно было, что въ комнатѣ давно не мыли, не мели, не прибирали и что никто особенно не заботился о порядкѣ. Надъ зеленымъ клеенчатымъ диваномъ висѣли подѣ стекломъ, въ узенькихъ черныхъ рамкахъ, чьи-то два литографированные портрета. Каржоль нагнулся къ нимъ и прочемъ подѣ однимъ подиись *Добролюбовъ*, подѣ другимъ *Писаревъ*. На этажеркѣ и на забрызганномъ чернилами письменномъ столѣ, между кшами дѣловыхъ бумагъ, валялись растрепанные книжки журнала «Дѣло».

Не прошло и двухъ минутъ, какъ къ Каржолью какъ-то сутуловато-повуру, плечами впередъ, вышелъ изъ спальни господинъ Горизонтовъ, въ лиджачкѣ и сѣреныхъ брючкахъ, но въ грязной рубашкѣ и безъ галстука. На видъ это былъ среднихъ лѣтъ золотушно-не-взрачный мужичка плюгаво-семинарскаго пошиба, съ характерно-выдвинутою впередъ нижнею челюстью, что придавало его лицу какое-то заостренное пучье выраженіе. Геморроидально-сѣроватый цвѣтъ его лица какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ тонкими, безцвѣтными, растянутыми губами, которымъ Горизонтовъ, очевидно, силится придать саркастическую улыбку, что впрочемъ успѣло у него отъ долгой практики обратиться даже въ привычку. Бѣлобрысыя, жидковатые волосенки его висѣли на кончикахъ въ мелкія кудерки, усики существовали тоже, но не болѣе какъ въ видѣ намека, а вмѣсто бороды изъ-подъ ворота сорочки выползала наружу какая-то короткая рыжеватая шерстина, которую господинъ Горизонтовъ видимо желалъ себѣ устроить *по-до-*

брюловски. Очки въ золотой оправѣ отчасти прикрывали жестокое выраженіе его водянисто-бесцвѣтныхъ и вѣчно прищуренныхъ глазокъ. Каржоль сразу же подмѣтилъ въ его лицѣ особаго рода тикъ: при разговорѣ Горизонтовъ безпрестанно поправлялъ свои очки, живообразно хватаясь за ихъ окрайки большимъ и среднимъ пальцами правой руки, при чемъ, глядя исподлобья мимо очковъ, какъ-то мазалъ, именно мазалъ косыми глазами въ стороны и выдѣлывалъ ртомъ особую, не поддающуюся описанію гримасу.

Каржоль отрекомендовался ему съ полнымъ своимъ титуломъ, но семинаръ, къ удивленію его, слегка лишь кивнувъ головой, буркнулъ сквозь зубы одно только «знаю-съ, въ одномъ городѣ живемъ», и затѣмъ ни самъ не сѣлъ, ни гостю своему не предложилъ стулъ, такъ что все послѣдующее объясненіе происходило между ними стоя.

— Въ чемъ дѣло-съ?—сухо и съ какою-то напускною угрюмостью спросилъ Горизонтовъ, какъ будто счелъ за должное принять такой замкнутый видъ потому, что предъ нимъ было произнесено аристократическое, да еще и титулованное имя.

Графъ, отчасти озадаченный такимъ приемомъ, напрямикъ объяснилъ ему, что сейчасъ только доставилъ къ Серафимѣ внучку извѣстнаго Бендавида, желающую креститься, и что Серафима совсѣмъ согласна на это, но только стѣсняется дѣйствовать безъ архипастырскаго формальнаго разрѣшенія или благословенія на принятіе къ себѣ прозелитки, что ей нужно-де форменное предписаніе; поэтому будьте столь любезны, помогите устроить это.

— Какое же тутъ предписаніе?—недоумѣло пожалъ плечами еще суше возразилъ Горизонтовъ. — Это добрая воля самой игуменьи Серафимы принять или не принять къ себѣ кого ей угодно. На это никакихъ предписаній не требуется, да и примѣра такого у насъ никогда не было.

— Этого я уже не знаю,—съ удвоенною любезностью замѣтилъ Каржоль, думая тѣмъ смягчать угрюмую сухость хозяина. —Я передаю вамъ,—продолжалъ онъ,—только то, что мнѣ поручила мать игуменьи, и если она нашла нужнымъ дать подобное порученіе, то, согласитесь, вѣроятно у нея есть на то и достаточныя основанія.

— Никакихъ такихъ основаній я не знаю,—еще круче и рѣче пожалъ плечами Горизонтовъ, какъ-то нагло-недовѣрчиво глядя на Каржоля, — и... извините меня, милостивый государь, но... если это дѣйствительно такъ, то... я думаю, что матушка въ этомъ дѣлѣ затѣяла сущій вздоръ-съ.

Графъ только вскинулся на него вопрошающимъ взглядомъ, ожидая дальнѣйшихъ разслѣдованій.

— Именно, вздоръ-съ,—подтвердилъ секретарь, поправивъ себѣ очки своею рогулькой. — Окрестить прозелита, — объяснилъ онъ, — имѣетъ полное право любой священникъ, а ужъ тѣмъ паче такое духовное учрежденіе, какъ монастырь. Сами вы посудите, какія тутъ разрѣшенія!.. Тутъ одна только добрая воля крепсаемаго и больше ничего-съ.

— Да, это конечно, въ разсужденіи ординарныхъ прозелитовъ оно такъ, — скороговоркой замѣтилъ Каржоль. — Но тутъ, видите ли, дѣло вовсе не ординарное: тутъ вѣдь хотеть креститься внучка извѣстнаго богача и, въ своемъ родѣ, очень вліятельнаго человѣка. Это тоже надо взять въ соображеніе.

— Ну, такъ что же?.. Коли хотеть, пусть ее и крестится, мы не препятствуемъ... И при чемъ же тутъ, я не понимаю, соображенія о богатствѣ и вліятельности Бендавида? Какое намъ до этого дѣло?

— То-есть... Я полагаю, — пояснилъ Каржоль, — мнѣ такъ кажется, что въ этомъ разѣ игуменьи хотеть только гарантировать себя на случай, еслибы возникли какія-нибудь недоразумѣнія со стороны властей, что при нашихъ малыхъ порядкахъ (вставляя въ рѣчь и подчеркивая эти «милые порядки», графъ вспоминалъ оба наддвиганные портрета и подумалъ, что это слово должно угодить хозяину), сами вы знаете, не невозможно, коль скоро Бендавидъ захочетъ пустить въ ходъ свои средства, хотя бы, положимъ, въ Петербургѣ... Тутъ вѣдь могутъ возникнуть разные запросы, исторія... вообще непріятности и мало ли что!

— Н-да-съ!.. Такъ вотъ оно что!—саркастически-нагло усмѣкнулся господинъ Горизонтовъ, подтопывая ножкой. — Другими словами, это значить,—продолжалъ онъ съ ироніей,—что матушкѣ-игуменьѣ желательно бы свернуть это дѣло съ болыной головы на здоровую?.. Тѣ акъ-съ!.. Понимаемъ!.. Только зачѣмъ же-съ? — ехидно вздохнулъ онъ съ лукавымъ смиренствомъ. — Коль ужъ сама заварила кашу, пушай сама и расклебываетъ.. Намъ-то изъ-за чего же соваться, сами подумайте?

— Но... я полагаю, что это дѣло общее,—сказалъ Каржоль. — Интересы православія въ этомъ краѣ безразлично и равно должны быть дороги всѣмъ правительственнымъ органамъ. Поэтому, мнѣ кажется, ваша даже обязанность оказать Серафимѣ всяческое содѣйствіе.

— Это всеконечно-съ, — согласился Горизонтовъ. — И развѣ мы отказываемся?.. Помилуйте-съ!.. Ежели потребуется окрестить эту госпожу Бендавидъ, то владыка можетъ совершить обрядъ даже самолично, со всею торжественностью, въ сослуженіи цѣлаго собора, мы очень рады-съ!

Каржоль почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ

родѣ въ положеніи живого пискари, котораго поджариваютъ на сковородкѣ то съ одного, то съ другого бока: и такъ не хорошо, и эдакъ скверно, и всячески не везетъ! Онъ ясно уразумѣлъ, что съ господиномъ Горизонтовымъ на такой почвѣ ничего не подблещь, что тутъ надо играть совсѣмъ на другихъ струнахъ, пускать въ ходъ совсѣмъ иные ресурсы: на честолюбіе, что-ли, подбѣствовать, или взятку, напимѣръ, хорошую предложить. Но, съ другой стороны—какъ предложишь, коль у него на стѣнѣ вонъ Писаревъ съ Добролюбовымъ висятъ? Дѣло щекотливое!.. Надо это какъ нибудь съ подходить, половчѣе, поосторожнѣе..

— Видите ли,—приступилъ къ нему графъ, нѣсколько подумавъ.— Должно вамъ сказать, что эта дѣвушка желаетъ принять христіанство по глубокому внутреннему убѣжденію... Она просто *жаждетъ* этого... И вы понимаете, что одно ужъ ея положеніе въ еврейской средѣ произведетъ въ этотъ случай громадное впечатлѣніе и вліяніе...

— То-есть какое же вліяніе?—недовѣрчиво и съ ужамкой хихиканулъ Горизонтовъ.

— А то, что ея примѣру могутъ послѣдовать многіе... Примѣръ внушительный.

— Ну, такъ что же-съ?—продолжалъ тотъ, все такъ же недовѣрчиво глядя мимо очковъ на графа.

— Какъ что?! Развитие презелитизма!—убѣждающимъ тономъ подхватилъ Каржоль.— Помилуйте, да на такую миссіонерскую дѣятельность здѣшней епархіи, мнѣ кажется, и высшее ваше начальство позволѣтъ обратить благосклонное вниманіе... Такая благотворная дѣятельность во всякомъ случаѣ не останется безъ поощренія и награды, тѣмъ болѣе, что и мы, съ своей стороны, приложимъ всѣ старанія, чтобы это дѣло стало извѣстно даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

— Намъ это безразлично-съ,—заложивъ руки въ кармашки брючекъ и покачиваясь стѣ ноги на ногу равнодушно усмѣхнулся Горизонтовъ.— Мы знаемъ только свое, чтобы значить ровненько и аккуратно исполнить свое формальное дѣло, что положено-съ, а тамъ что до угожденія начальству, Богъ съ нимъ!—махнулъ онъ рукой.— Это тоже вѣдь какъ взглянуть, дѣло сомнительное... Палка, сами изволите знать, о двухъ концахъ бываетъ...

Видитъ Каржоль, что и на струнку честолюбія не подблещь господина Горизонтова. Остается одно: предложить ему взятку.

— Кромѣ того,—продолжалъ онъ,—вы безъ сомнѣнія знаете, что эта Бендавидъ-оченьбогата.

— Какъ не знать-съ!—мотнулъ головой Горизонтовъ.— Въ одномъ, кажись, городѣ живемъ; только причемъ же это въ данномъ случаѣ?.. Намъ вѣдь это рѣшительно все равно: мы тутъ люди посторонніе.

— Какъ вамъ сказать,—возразилъ на это Каржоль, нѣсколько пожевываясь.— Оно конечно посторонніе, но... съ другой стороны и не совсѣмъ-таки посторонніе... Если, напимѣръ, принять въ соображеніе, что эта дѣвушка, при своемъ пламенномъ рвеніи къ религіи, охотно жертвуетъ значительныя суммы на различныя богоугодныя цѣли, на монастырь, напимѣръ, и прочее... на сколько я знаю,—съ нѣкоторымъ удареніемъ добавилъ графъ,—она не постоитъ за этимъ.

— Та-экъ-съ! — замѣтилъ семинаръ опять все съ тою же своею подло-проницескою ухмылочкой, которая въ иныхъ обстоятельствахъ могла бы просто вывести изъ себя и взбѣсить Каржоль. — Понимаемъ-съ!.. Оно точно, что хоть и журавль въ небѣ, я-но.. для матери Серафимы дѣло не безъ заманчивости и стоитъ иной синицы... Только ради чего же намъ-то собственно помогать ей? — спросилъ онъ, отступивъ на шагъ и по-наполеоновски скрепящая на груди руки.— У нея, слава Богу, и своихъ связей довольно... да валиши она хоть прямо въ Питеръ, хоть къ этимъ, къ высокимъ-то своимъ покровителькамъ, такъ и Господи помилуй!—ей и помню насъ приплютутъ сколько угодно и разрѣшеній, и благословеній прямо изъ Синода... Мы тутъ опять же со всѣмъ въ сторонѣ, намъ-то что?

— Написать въ Петербургъ, конечно, можно бы, — замѣтилъ графъ,—но это все очень долгая процедура, а тутъ между тѣмъ надо сдѣлать дѣло какъ можно скорѣе, не теряя времени... Вотъ почему я собственно къ вамъ и обращаюсь... Помогите, батюшка! Выручите!—бухнулъ ему прямо Каржоль, съ поклономъ разставляя руки.— Ужъ я вамъ за это просто и не знаю, какъ буду благодаренъ... Повѣрьте, что труды ваши не останутся безъ солиднаго вознагражденія.

Господнякъ Горизонтовъ даже подпрыгнулъ какъ-то на мѣстѣ, словно бы его неожиданно шиломъ сзади кольнули, и вдругъ изобразилъ на лицѣ своемъ чувство благороднаго негодованія.

— Еслибы, милостивый государь, здѣсь были свидѣтели, — разбѣревно сказалъ онъ оскорбленнымъ и внушительнымъ тономъ,—то я, конечно, пригласилъ бы ихъ къ составленію протокола; но мы одни, а потому, что же мнѣ остается?.. На дверь указать вамъ, что ли?

И онъ сдѣлалъ подобающій жестъ по направлению къ двери.

Каржоль совсѣмъ опѣшилъ. Все его дѣло, всѣ махинаціи готовы были рухнуть сию же минуту. Поэтому онъ поспѣшилъ принять до испуга ужаснувшійся видъ чловѣка, который вдругъ и якобы невзначай совершилъ непростительный промахъ.

— Извините меня, Бога ради!—заговорилъ

онъ съ самымъ предупредительнымъ видомъ. — Но вы, ей-Богу, не такъ меня поняли.. Я вовсе не имѣлъ въ виду... Повѣрьте, господинъ Горизонтовъ, я отнюдь не желалъ оскорбить васъ... И въ мысляхъ даже не имѣлъ!.. Бога ради!..

И говори это, графъ протягивалъ впередъ обѣ свои длани, лоя для пожатія руку Горизонтова, пока наконецъ удалось поймать ее.

— Конечно, я охотно извиняю, и прошу извинить также и мнѣ, — сказалъ тотъ, успокоившись и не отказавъ Каржолу въ пожатіи. — Что дѣлать! Самолюбіе-съ!.. Оно, знаете, въ моемъ положеніи даже странно и оскорбляться-то... Эти наши гнусныя конвенторіи да попы такъ ужъ приучили ко взяткамъ и всякой мерзости, что общество не привыкло еще видѣть порядочнаго человѣка на подобныхъ мѣстахъ... Разумѣется, назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ.

Графъ, обрадованный этою смягченностью, опять разсыпался въ подходящихъ увѣреніяхъ.

— Я не сержусь, — продолжалъ Горизонтовъ, — и со своей стороны могу только обѣщать вамъ позабыть, что вы мнѣ сказали.

«Слава Тебѣ, Господи!» отлегло на сердцѣ у Каржолы. «Однако же гусь, должно-быть!» подумалось ему. — «Гусь несомнѣнный!.. Потому, еслибы взаправду оскорбился, то не сталъ бы разводить дальнѣйшіе разводы. Тутъ, какъ видно, пустяками не отдѣлаешься. Н-ѣтъ!.. Раскрывай мошну пошире!»

— Отъ всей души благодарю васъ, — съ особеннымъ чувствомъ еще разъ потрясъ Каржолъ его руку — отъ всей души!.. И вы не повѣрьте какъ я радъ, что судьба посылаетъ мнѣ возможность вести это дѣло именно съ такимъ человѣкомъ, какъ вы... Позвольте мнѣ присѣсть и закурить папироску?

— Сдѣлайте одолженіе, — буркнулъ на это Горизонтовъ, указавъ на стулъ и подвинувъ спичечницу.

Графъ досталъ серебряный портсигаръ и любезно предложилъ папироску хозяину.

— Не прикажете ли?

Семинаръ запустилъ въ папиросникъ свои гнутые, тонкіе уловатые пальцы съ обкусанными чуть не до крови ногтями и досталъ себѣ гурева. Графъ предупредительно поднесъ ему первому и зажженую спячку. Закурили. Горизонтовъ, видя, что гость уже сидитъ, и самъ опустился въ свое рабочее кресло.

— Итакъ, многоуважаемый... Митрофанъ... Николаевичъ, кажется, — съ заигрывающею любезностью заговорилъ Каржолъ.

— Николаевичъ, — кивнулъ головой Горизонтовъ.

— Мм... да-съ. Такъ вотъ будьте столь добры, многоуважаемый Митрофанъ Николаевичъ, не откажете помочь вамъ!.. Я обра-

щаюсь къ вамъ именно какъ порядочный человѣкъ къ порядочному человѣку... Помогите!

— Хорошо-съ, — ужъ значительно мягче отзывался Горизонтовъ. — Только я, право, не понимаю, въ чемъ можетъ заключаться моя помощь?

— Да вотъ, все насчетъ предписанія...

— То-есть какое же тутъ предписаніе? На это и формы канцелярской у насъ не имѣется.

— Но вѣдь форма ужъ не такая помѣха... Для такого опытнаго дѣльца, какъ вы, ничего не стоитъ и создать надлежащую форму, если потребуется.

— Оно конечно... Но какъ ее создашь-то! — носился Горизонтовъ, впрочемъ съ такимъ видомъ, который ясно намекалъ, что создать для него плевое дѣло, было бъ изъ-за чего трудиться.

— Ну, ужъ не мнѣ же учить васъ... Я въ этихъ дѣлахъ пассъ! — преклонился предъ нимъ Каржолъ головой и плечами, — я пассъ и отдамъ вполовѣ вашему авторитету. Предписаніе ли, разрѣшеніе, благословеніе, или, какъ тамъ оно называется... Надо только написать безъ недомолвокъ и неясностей, чтобы никакихъ потомъ недоразумѣній и закорючекъ ни съ чьей стороны, ни съ вашей, ни съ монастырской.

— Хм?.. Оно конечно, — раздумался нѣсколько Горизонтовъ, выпячивая впередъ свои каучуковыя губы, — только мудрено вѣдь это.. Очень мудрено... Да скажите пожалуйста, — спросилъ онъ вдругъ, — я все время думаю, причѣмъ вы-то тутъ? Изъ-за чего вы-то собственно хлопочете?

— Я?... То-есть, какъ вамъ сказать!.. Конечно, изъ участія къ этой дѣлушкѣ... Я принимаю въ ней большое участіе, — пояснялъ графъ, давно ожидавшій столь прямого вопроса и очень о немъ безпокоившійся, именно о томъ, что отвѣчать ему.

— Я вижу, что участіе, — ухмыльнулся себѣ на умѣ секретарь, — да ради чего жъ однако?

— Собственно какъ ея хорошій знакомый... Кромѣ меня, ей не къ кому было обратиться..

— Та-экъ-съ... Ну, а родные ея развѣ остаются безучастны?.. Вѣдь это дѣло, поди-ка чай, безъ ихъ согласія варганится?

— Разумѣется, — подтвердилъ Каржолъ.

— Та-экъ-съ. Но почему же дѣвица-то эта такъ уже вдругъ восчувствовала сладость православія? Что ей такъ приспичило?

— Такъ... убѣжденіе... замаялся графъ, затрудняясь подходящимъ отвѣтомъ.

— Полноте, какія тутъ убѣжденія! — усмѣхнулся секретарь совѣмъ какъ на пустыхъ слова. — Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, въ православіи такого ужъ ахти-какъ заманчиваго, особенно для еврейки?.. Вы бы ее отговорили... Пускай лучше чѣмъ-нибудь дѣльнымъ займется, полезнѣе будетъ.

— Да чѣмъ же? — пожалъ Каржолъ плечамъ.

— Мало ли есть!.. Пусть на медицинскіе курсы поступает, или въ Цюрихъ ѣдетъ. Вотъ на этотъ счетъ господинъ Шелгуновъ въ журналѣ «Дѣло» отлично говоритъ... Не читали?

Каржоль на этотъ вопросъ сдѣлалъ только безмолвный жестъ, который въ одно и то же время выражалъ и извиненіе, и сожалѣніе, что не читалъ статьи господина Шелгунова. Онъ чувствовалъ, что всѣми этими Цюрихами да Шелгуновыми господинъ Горизонтовъ, какъ-то, намѣревается всю душу изъ него выматывать, чтобы затягивать свой рѣшительный отвѣтъ и ставку по дѣлу.

— Не читали? Жаль-съ. Ничего мало что такъ дѣльно писать. Такъ вотъ-съ, вы бы этой дѣвницѣ я посоветовали глупость-то бросить, а заняться практически настоящимъ, реальнымъ дѣломъ. Право-съ!

— Ей теперь не до совѣтовъ, — замѣтилъ графъ. — Она въ такомъ положеніи, что кромѣ крепленія выходовъ нѣтъ.

— Что же такъ? Али замужъ за христіанина захотѣлось?

— Мм... да, она, кажется, предполагаетъ выйти замужъ.

— Такъ-съ... Понимаемъ. Но въ разсужденіи родныхъ-то?.. Вѣдь тутъ пойдутъ ой-ой какія серьезныя исторіи!.. Вамъ бы лучше отстраниться загодя, коли вы человѣкъ посторонній. Чего вамъ путаться!.. Неприятностей только наживете себѣ, ей-Богу, большихъ неприятностей!

— Видите ли, Митрофанъ Николаичъ, — послѣ нѣкотораго колебанія и видя, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, съ задушевнымъ вздохомъ приступилъ къ нему Каржоль. — Вы мнѣ позвольте говорить съ вами совсѣмъ откровенно?

— Коли хотите, говорите...

— Ну, такъ вотъ что. Я въ этомъ дѣлѣ человѣкъ не посторонній... Госпожа Бендавидъ моя невѣста... Я женюсь на ней.

Секретарь, конечно, не удивился, только испоса какъ-то прищурился на графа какимъ-то испытующимъ, одионымъ взглядомъ.

— Безъ согласія ея родныхъ, разумѣется? — спросилъ онъ наконецъ ухмыльнувшись.

— Разумѣется, — подтвердилъ тотъ. — Теперь вы понимаете?

— Понимаемъ-съ... Какъ, не понять!.. Цыплатинка хорошая! — лукаво хихикнулъ онъ себѣ подъ-носъ.

Эта «цыплатинка», и въ особенности халуйски-ваглый тонъ, какимъ она была сказана, внутренно покорибли графа, тѣмъ болѣе, что онъ ужъ и раньше чувствовалъ, какъ господинъ Горизонтовъ, Богъ-вѣсть почему, все сильнѣе и сильнѣе забираетъ надъ нимъ какую-то оскорбительную доминирующую ноту, вслѣдствіе которой онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, свѣтскій джентльменъ, въ нѣкоторомъ родѣ особа, долженъ предъ этимъ семинарскимъ прохвостомъ улыбаться и заискивать. Однако-

же графъ не выдалъ своихъ внутреннихъ ощущенийъ, напротивъ, счелъ за лучшее тоже хихикнуть совершенно подѣ-ладъ господину Горизонтову.

— Такъ вотъ, Митрофанъ Николаичъ, — вдохнулъ Каржоль, ласково улещая и какъ бы глядя его масляными глазами, — теперь вы знаете все. Помогите... Бога ради!

Секретарь почесалъ всю пятерней свою подбородную шерстину.

— Подумать надо... Дѣло-то вѣдь такое, — съ ужимкой процѣдилъ онъ сквозъ зубы.

— Что же дѣло? Дѣло самое обыкновенное.

— Хм!.. Обыкновенное.. Вы полагаете?.. Такія, батюшка, дѣла не часто встрѣчаются... Вамъ-то что! Вы свое клянули да и упорхнули отсюда, а намъ-то вѣдь здѣсь оставаться... Тутъ жидовѣй гвалтъ подымуть, а я изъ-за васъ потомъ своими боками отдувайся... Эдакъ-то вѣдь нельзя-съ!

— Повѣрьте, Митрофанъ Николаичъ, — заговорилъ Каржоль съ благороднымъ видомъ и не менѣе благородною интонаціей, — повѣрьте, это уже мой нравственный долгъ не допустить ни до чего подобнаго.

— Хм!.. Не допустить... Да какъ же это вы не допустите?

— О, Боже мой, для человѣка состоятельнаго и притомъ со связями на это есть множество способовъ!.. На этотъ счетъ ужъ можете быть совершенно покойны.

— Не въ безпокойствѣ дѣло. А только... Срокъ-то ужъ вы больно короткій хотите.

— Бога ради! — съ умоляющимъ видомъ сложилъ свои руки Каржоль. — Бога ради!.. Вы понимаете, тутъ все именно въ срокѣ... Медлить невозможно.

— Н-да-съ... А между тѣмъ надо бы предварительно справочки забрать кое-какія; это ужъ порядокъ, — продолжалъ уклончиво мяться господинъ Горизонтовъ. — Такъ скоро нельзя-съ... Пока въ докладъ, пока резолюція, пока что, на все это время-съ... Безъ времени никакъ невозможно... Я бы я готовъ, по... подумать надо... Дѣло-то вѣдь это, повторяю вамъ, острое-съ, объ него и порѣзаться можно, сами понимаете!

— Не телеграфировать ли къ начальнику края или къ митрополиту, какъ вы полагаете? — подумавъ, попробовалъ еще якобы посоветоваться Каржоль; — они меня знаютъ, и тотъ и другой... Губернаторъ тоже, пожалуй, напишетъ...

— Это ужъ ваше дѣло; я тутъ ничего не могу сказать вамъ, — безразлично пожалъ плечами Горизонтовъ.

Видя, что и послѣдній маневръ не выигрываетъ и что прижимистый семинаръ, очевидно, намѣренъ тѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше выматывать изъ него душу, графъ взмолился къ нему снова.

— Помогите же, батюшка, ради самого Господа! — воскликнул онъ, схватывая и съ чувствомъ пожимая обими руками его холодно-потную руку. — Вы мнѣ просто благодаріе сдѣлайте... То-есть такое благодаріе, что и словъ нѣтъ!.. Выручите!.. Я по весь вѣкъ мой вашъ неоплатный должникъ... Нравственный должникъ... Моя совѣсть, повѣрьте...

— Да въ чемъ помогать-то? — перебилъ его Горизонтовъ. — Вы мнѣ скажите, наконецъ, толкомъ, въ чемъ помогать вамъ?

— Боже мой, да все въ томъ же... Ну, по-совѣтуйте, научите... насчетъ разрѣшенія-то...

— Да хорошо-съ!.. Насчетъ разрѣшенія... Такъ вѣдь тутъ нуженъ документъ, а мы съ вами вотъ уже цѣлый часъ только пустыми словами языкъ околачиваемъ. Документъ пожалуйста.

— То-есть, какъ документъ?.. Какого рода? — недоумѣвая, заморгавъ глазами Каржоль. При словѣ документъ, въ его мозгу сейчасъ же возникло представленіе о векселѣ или роспискѣ въ видѣ заручки, либо задатка Горизонтову. — Я готовъ... Съ удовольствіемъ даже! — пробормоталъ онъ, и рука его уже сдвинула было понятное движеніе за пазуху, къ боковому карману. — Съ величайшимъ удовольствіемъ, но... извините, какого именно рода документъ вы желали бы?

— Какъ какого рода? — выпучилъ на него глаза секретарь, словно бы на дурака какого. — Заявленіе, конечно! Формальное заявленіе-съ.

Все еще не вполнѣ уразумѣвъ, Каржоль вопросительно продолжалъ глядѣть на Горизонтова съ какимъ-то глупо подчиненнымъ и даже извиняющимся видомъ, словно бы прося у него и снисхожденія къ своему непониманію, и разжеванія себѣ сути его требованій. Странное дѣло! Съ каждою дальнѣйшею минутой, онъ, къ стыду своему, все болѣе и болѣе начиналъ чувствовать въ душѣ, какъ, чортъ его знаетъ почему, невольно какъ то пассуетъ нравственно передъ своеобразною наглостью этого грубаго и вѣчноплотнаго хама, презирая его въ то-же время до полной ненависти, но не столько за его хамскій видъ, сколько за это самое свое предъ нимъ пассованье. Досада и оскорбленія на самого себя, графъ тѣмъ не менѣе сдвигался, какъ будто покорно признавалъ въ лицѣ Горизонтова какую-то силу, не вполнѣ ему понятную, но несомнѣнно болѣе дѣйствительную и стойкую, чѣмъ его собственная нравственная сила. Поэтому онъ, чуть не до жгучей боли, самъ предъ собой сознавалъ вполнѣ ясно, какъ его чувство собственного достоинства и вся его обычная самоувѣренность, все самолюбіе, вся эта французски-гордая «noblesse» его виѣшности и даже самая манера держать себя, какъ все это вдругъ слабѣетъ, испаряется, улечивается куда-то, тогда какъ этотъ «хамъ плюгавый» стоитъ аки гра-

нитъ и господствуетъ надъ нимъ во всей своей великой хамской несокрушимости. И онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, долженъ предъ нимъ лебезить и заискивать... О, никогда еще не переживалъ онъ подобнаго униженія! Но... всѣ эти чувства пришлось запереть въ самый отдаленный и темный карманъ своего сердца и вмѣсто нихъ все время покорно вызывать на лицо любезную, искательную улыбку.

— Неужто не понятно? — дивясь, воскликнулъ между тѣмъ господинъ Горизонтовъ и съ улыбкой принялся объяснять ему по пальцамъ. — Вѣдь для того, чтобы намъ имѣть законный поводъ пустить этокое предписаніе матеръ-игуменѣ, — говорилъ онъ, — должны же мы на чемъ-нибудь основаться! Не святымъ же духомъ узнали мы!.. Это развѣ. Понимаете? Каржоль утвердительно кивнулъ головой.

— Прекрасно-съ. Поэтому вамъ нужно, — продолжалъ секретарь, — подать намъ на имя преосвященнаго маленькое заявленіе отъ своего лица, что такого-то, молъ, числа доставивъ въ Святѣ-Троицкую Украинскую женскую обитель новокрещаемую еврейскаго закона такую-то, честь имѣю покорнѣйше просить архипастырскаго благословенія вашего преосвященства на принятіе означенною обителью оной новокрещаемой дѣвицы, и прочее... Тогда мы сейчасъ же заготовимъ бумажку и пустимъ въ докладъ.

— Такъ это такъ просто! — не воздержался отъ невольнаго восклицанія обрадованный графъ, чувствуя, что съ его плечъ словно бы гири многопудовая свалилась и подъ ногами снова почва кое-какимъ начинаетъ ощущаться.

А торжествующій про себя семинарь только поглядывалъ на него полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ, но во всякомъ случаѣ довольно снисходительнымъ взглядомъ: дескать, дуракъ ты, братецъ, аристократиска несмысленный, а туда же съ формомъ!

— Господи! — восклицалъ между тѣмъ Каржоль. — Какъ мнѣ благодарять васъ!.. Нѣтъ словъ, ей-Богу!.. Ужъ будьте такъ добры, позволите клочечекъ бумажки, — а адѣсь же присяду и, не теряя времени, настрочу все, что требуется... Вы ужъ продиктуйте мнѣ. Митрофанъ Николаевичъ, будьте такой добрый!

— Пож...жалуй, — какъ бы не-хотя, но ужъ такъ и быть, изъ милости только, согласился секретарь, указавъ графу на искляксанный чернилами столъ и подвинувъ ближе къ нему своими загребистыми, узловатыми пальцами тетрадку чистой бумаги да баночку чернилъ съ воткнутымъ въ ея горлышко стальнымъ перомъ на изгрызанной деревянной ручкѣ. На каждое изъ этихъ его движеній Каржоль безмолвно отвѣчалъ короткими, но признательными поклонками, словно бы ужъ и не зная, какъ благодарить за подобную милость и снисхожденіе.

Заложивъ руки въ кармашки брючекъ и выставивъ нѣсколько ножку, обутую въ неуклюжую, стоптанную гарусную туфлю, Горизонтовъ однимъ взмахомъ закинулъ голову назадъ, якобы многодумно и потому усиленно прищуривъ глазки и наконецъ, подумавъ нѣсколько, принялся за диктовку такимъ вдобычно методическимъ тономъ, упоминая гдѣ запятая, гдѣ тире, гдѣ точка, какъ будто бы ему пришлось диктовать какому-нибудь ученику изъ самыхъ отъявленныхъ олуховъ.

Каржоль все это чувствовалъ, но покорился и послушно писалъ все, что лишь соблаговолялъ продиктовать ему многоопытный учитель.

— Готово, что-ли, у васъ?

— Готово... Вотъ только росчеркъ...

— Ну, слава тебѣ, тетереву!—Чего тамъ еще росчеркъ! Давайте сюда.

И явно не довѣря грамотности графа, онъ самовольно, съ перомъ въ рукѣ, принялся провѣрять написанное, причемъ со сдержанно досаднымъ цокотомъ и крякотомъ проставилъ двѣ недостающія запятыхъ, да одно ошибочно написанное *e* вмѣсто *ъ* (отчего Каржоль внутренно даже сконфузился) и наконецъ, читая про-себя съ легкимъ бормотаньемъ, «...всепочтительнѣйше прошу васъ, преосвященнѣйшій владыка...»—а-ахъ!—сказалъ секретарь и началъ было передѣлывать *a* въ *o*.

Каржоль при этомъ нашелъ даже нужнымъ немножко постоять за себя.

— Тутъ,—замѣтилъ онъ, — написано, ка-жись, такъ, какъ вы сказали, *владыка*.

— Вижу, что *владыка*,—отозвался, не глядя на него, Горизонтовъ и окончательно пере-правилъ *a* въ *o*.

— Ну, да, *владыка*... Въ чемъ же неправильность?—недоумѣвалъ графъ, которому стало уже казаться, что этотъ прохвостъ просто блажить и самодурствуетъ надъ нимъ. — *Владыко!*..

— То-то, что *ка!*—подфыркнулъ Горизонтовъ.—Потому и поправляю!

— То-есть, какъ же это?.. *Владыка!*

— Да не *владыка*, а *владыко*,—понимаете ли, *ко!* *Ко*, а не *ка*, потому звательный падежъ.

— Ахъ, звательный!—опять сконфузился Каржоль.—Я и забылъ совсѣмъ, извините, пожалуйста...

— Н-да «звательный»... Оно вотъ и видно, что русской-то грамотѣ плохо учился, а все больше насчетъ бонжура происходили.

Каржоль, вѣчего дѣлать, проглотилъ и эту послѣднюю уже не пылюю, а нацѣсто дерзкую грубость: очень ужъ онъ былъ доволенъ, когда секретарь, окончивъ вслѣдъ за симъ провѣрку бумагъ, нашелъ наконецъ, что теперь ничего, все какъ слѣдъ, въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ, только вотъ надо бы марки законныя приложить, безъ чего дѣло не можетъ получить надлежащаго хода.

— Сколько слѣдуетъ? — предупредительно ослѣдомился графъ.

— Шестигривенный-съ. Одну на прошеніе, другую на отвѣтъ. Рубль двадцать, а ежели въ табачной взять—рубль тридцать копеекъ.

Графъ досталъ свой бумажникъ. Тамъ лежала одна рублевая и одна сторублевая, послѣдняя его бумажка.

«Сейчасъ пробу пера сдѣлаю», лукаво подумалось графу.

— У меня мелочи вѣтъ,—деликатно и яко бы въ явномъ затрудненіи проговорилъ онъ, съ какимъ-то извиняющимся видомъ, вытаскивая эту сторублевку.

— Хм!.. Какъ же быть-то?.. Размѣнять бы, да теперь еще рано, и къ тому же шабашъ,—замѣтилъ Горизонтовъ.

— Все равно-съ!—поспѣшилъ Каржоль сунуть ему на столъ радужную бумажку.—Это рѣшительно все равно!.. Тамъ же, вѣроятно, придутся и еще какіе-нибудь другіе расходы... Потомъ сочтемся какъ-нибудь, право!..

— Да когда же потомъ-то?—нахмурился нѣсколько Горизонтовъ, показывая видъ, что это обстоятельство ему даже совсѣмъ непріятно.—Постойте, попытаюсь послать къ отцу казначею.

— Ахъ, Боже мой, это такіе пустяки!.. Стоять ли, право, безпокоиться!—скороговоркой и съ отягивающимся видомъ забормоталъ Каржоль.—Видъ этакое дѣло, я же понимаю... И притомъ не кончаемъ же мы съ вами на этомъ, и не въ послѣдній, конечно, разъ видимся.. Безъ расходовъ нельзя же!

— Ну, какіе же тамъ расходы!.. Развѣ ужъ такъ, консяторской братья на молитву?—съ приническимъ смѣшкомъ замѣтилъ Горизонтовъ.—На молитву можно; передамъ,—равнодушно согласился онъ, даже и не взглянувъ, хотя бѣ исхода на оставленную ему бумажку.

— Такъ могу быть въ надеждѣ?—уже откланиваясь, въ послѣдній разъ пустилъ Каржоль въ ходъ лебезище-просительный тонъ и занскивающую улыбку.

— Сегодня же пустимъ въ докладъ,—удовольствовалъ семинаръ, уже значительно мягче.—Сегодня же... А вечеромъ я, можетъ быть, постараюсь и самъ завернуть къ вамъ съ отвѣтомъ.

И протянувъ на сей разъ уже первымъ свою руку, секретарь простеръ любезность до того, что проводилъ графа даже до дверей прихожей.

Только кончивъ съ Горизонтовымъ и выйдя отъ него на свѣжій воздухъ, наконецъ-то могъ Каржоль вздохнуть облегченною грудью. Главное сдѣлано, можно и отдохнуть. Онъ взглянулъ на часы—было уже безъ пяти минутъ девять. Теперь оставался одинъ лишь смущающій вопросъ объ Ольгѣ, о встрѣчѣ и объясненіи съ ней. Но неужели жъ она на столько глупа, чтобы не догадаться уйти чрезъ

стеклянную дверь? И Каржоль, размышляя объ этомъ, все болѣе склонялся въ пользу предположенія объ уходѣ. Оно казалось ему и естественнымъ, и логичнымъ, почти до полной увѣренности, что онъ уже не застанетъ у себя Ольгу. Что же касается оправданій и объясненій ей своего ночного поступка, то «вечеръ мудренѣе утра, когда человѣку прежде всего выспаться надо; къ вечеру что-нибудь и придумаемъ», рѣшилъ себя графъ, подъѣзжая къ воротамъ своего дома.

Но здѣсь, еще за нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ совершенно неожиданно былъ озадаченъ однимъ обстоятельствомъ, которое показалось ему не только страннымъ, но и подозрительнымъ.

У самыхъ воротъ его дома стояла кучка евреевъ, которые словно ожидали чего-то. Эти евреи, завидѣвъ его, какъ-то оживились, зашевелились, зашумелись между собой и вдругъ разсыпались въ разныя стороны по улицѣ, словно бы они и ничего, «такъ-себѣ», за исключеніемъ двухъ человѣкъ, которые остались у воротъ молча и неподвижно.

«Не проѣхать ли мимо?» мелькнуло въ умѣ Каржолы, но почему-то вдругъ стало совѣстно: «еще, пожалуй, подумаютъ, каналы, что струсилъ!» и онъ остановилъ извозчика предъ воротами. Расплатясь съ нимъ и при этомъ взглянувъ мимоходомъ на двухъ оставшихся евреевъ, графу показалось, что они какъ бы открыто слѣдятъ за нимъ и смотрятъ на него чуть не въ упоръ довольно нагло, явно враждебными и злобно подозрительными взглядами.

Тѣмъ не менѣе, показавъ видъ, будто не удостоиваетъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ, онъ прошелъ въ калитку, но и адѣсь: новое удивленіе! Человѣкъ до пятнадцати евреевъ, преимущественно изъ молодежи, явно въ ожиданіи чего-то, частію сидѣли на ступеняхъ его крыльца, частію стояли и ходили мимо оконъ, все еще закрытыхъ ставнями, а двое молодыхъ еврейчиковъ виднѣлись даже въ саду, у калитки. Вся эта компанія, при появленіи Каржолы, вдругъ всполошилась, сошлась въ одну кучку и предъ самымъ крыльцомъ стала ему навстрѣчу.

«Что-жъ это, однако?» невольно ёкнулъ тревожный вопросъ въ сердцѣ Каржолы. Онъ очутился какъ бы въ западнѣ: еврей у крыльца, еврей у калитки, ни въ домъ, ни со двора. «Неужели пронюхали, каналы?»

VIII.

Цоресъ грейсе!—Великія бѣды!

Айзикъ Шацкеръ, расставшись съ Тамарой, благополучно добрался до сѣновада и, успокоенный, умиленный, даже счастливый, завалился на душистое сѣно. Но спалось ему пло-

хо. Возбужденная мысль его работала даже и во снѣ, который отъ этого былъ перерывчатъ и кратокъ. Это скорѣе было какое-то полулунно-хораочное забытье, чѣмъ среднее между сномъ и бдѣніемъ, чѣмъ настоящей сонъ здороваго человѣка. Айзику порой казалось, что въ него забралась *клина* — нечистая сила въ соблазнительно-прекрасномъ образѣ богини-дьяволицы Лились, этой еврейской Венеры, которая прокрадывается къ людскимъ изголовьямъ во время сна и навѣваетъ на добрыхъ евреевъ сладострастные грѣзы и грѣшныя мысли. Уже не Лець-ли шельмецъ, этотъ сатиръ еврейскихъ повѣрій, коварно подстроилъ ему на-смѣхъ такія штуки, *мисе*?—Грезится вдругъ бѣдному Айзику, что онъ уже не бѣдный безъизвѣстный Айзикъ, а *ламданъ-годуль* и *таммудъ-хухемъ*, великій ученый, мудрецъ-талмудистъ, успѣвшій приобрести себѣ *шема*, т. е. имя, славу и знаменитость, такъ что его во всемъ Израилѣ прозываютъ не иначе какъ «гордостію вѣка», *заонъ гадоръ*, и онъ вступаетъ съ самыми знаменитыми *хатомимъ*, мудрецами-раввинами, въ торжественный *милъ-туль* ¹⁾, показываетъ на удивленіе всѣмъ такой *харибусъ* и *матидусъ* ²⁾, не оставляя ничего даже на долю *тейку* ³⁾, что предъ нимъ преклоняются не только свои, но и не-еврейскіе ученые, которыхъ онъ впрочемъ отъ души презираетъ, хотя и охотно принимаетъ отъ нихъ поклоны и лѣстливыя выраженія ихъ похвалъ, восторга и почтенія. Евреи признаютъ его даже *цадикомъ*, святымъ человѣкомъ, и въ качествѣ падики онъ разбѣзжаетъ по всѣмъ еврейскимъ палестинамъ Россіи, Польши, Австріи и Румыніи, со свитой учениковъ и помощниковъ, трубящихъ и возвѣщающихъ его славу, лечитъ отъ неплодія, исцѣляетъ съ одного нашепту всѣческіе недуги, рѣшаетъ семейныя дѣла и споры, судитъ и ридитъ, учитъ и проповѣдуетъ, и повсюду собираетъ обильную дань въ видѣ рублей, дукатовъ, гульденовъ и левовъ... Хорошо, дали-Бугъ, прекрасно Айзику Шацкеру!.. Но для его самолюбія мало этого. Онъ чувствуетъ себя великимъ человѣкомъ, онъ переустроитъ вселенную по своему социально-политическому плану: наверху евреи, надъ евреями—онъ, а внизу—все остальное...

¹⁾ Религіозный казуистическій или юридическій диспутъ въ общемъ собраніи всѣхъ ученыхъ бейсъ-гамидраша.

²⁾ Остроумный разборъ (*Галаза*) религіозныхъ узаконеній, и ловкость въ свободномъ истолкованіи избранныхъ текстовъ (*Агада*), что является обыкновенно двумя составными частями *дераша*, т. е. самаго полнаго религіознаго ученія.

³⁾ *Тейку*—слово, искусственно составленное талмудистами изъ начальныхъ буквъ фразы: *Тыиби* (т. е. Илія пророкъ) разрѣшитъ вопросы и недоумѣнія. Талмудическое восклицаніе «тейку» употребляется обыкновенно при неподдающихся разрѣшенію спорныхъ вопросахъ теологическаго или философскаго характера.

Онъ второй Лассаль, у котораго всё эти великіе Бебели и Ласкеры даже и сапоги снять недостойны! И кромѣ всего этого Айзикъ еще лично счастливъ: у него есть своя *эйшесъ неуримъ*, подруга юности, даже почише тѣхъ нѣмецкихъ аристократокъ, что Лассаль любилъ, — *эйшесъ неуримъ*, которой онъ даритъ свою *аваатъ неуримъ*, свою первую юношескую любовь. Ея *уфъ* и *понимъ* — о, этотъ *мазальдигъ* *понимъ* для него *мосукъ мидваигъ*! ¹⁾ источникъ вѣчной *симхасъ танефешъ*, радости, праздника души, именина его сердца, и онъ знаетъ, онъ увѣренъ, что она будетъ исполнѣнъ نابожною, честною женою во Израилѣ, что называется *эйшесъ хаиль*. Онъ — раввинъ, она — его будущая *раббецне* ²⁾. И вотъ, онъ уже на столько вознесся и возвеличился, что самъ рабби Соломонъ Бендавидъ почтительно является къ нему — о, удивленіе! — въ роли *шадхена* (свата) и предлагаетъ руку Тамары со всѣми ея милліонами, да за-одно ужъ и со своими въ придачу!.. Этихъ милліоновъ, просто, несчетное количество! Боже мой! Тутъ и голландчики, и лабанчики, и червончики, гиней и со-времены, дублоны и дукаты, лиры и наполеондоры, просто духъ захватываетъ!.. Золотой дождь на него такъ и сыплется, такъ и льется, и весь этотъ дождь принадлежитъ ему; онъ, его единственный, исключительный обладатель. У, какіе крупные проекты и гешефты, какія банковыя операціи и биржевыя спекуляціи мерещатся ему въ туманѣ!.. Словно въ дивной фантазмагоріи милліарды kaleidosкопически какъ-то и радужно смѣняются милліардами, а ему все ни по чемъ, потому неизсякаемый источникъ!.. И вотъ онъ подписываетъ брачный контрактъ съ Тамарой. Теперь она *хассонъ* и *калло*, женихъ и невеста. Начинается *хассуно*, свадьба; ихъ ведутъ въ торжественной процессіи къ вѣнцу, ставятъ на сорное-сметье, подъ великолѣпнымъ вѣнчалъномъ балдахиномъ, и совершаютъ свадебный обрядъ. *Клезмеримъ*, эти милѣйшіе еврейскіе музыканты, гремятъ въ честь имъ обычную поздравительную кантату *Мазель-товъ*. Молодыхъ сажаютъ за свадебный столъ и угощаютъ рисовымъ супомъ, этою «золотою свадебною ухой»; *батханъ* ³⁾ импровизируетъ для нихъ подъ музыку веселые куплеты; дѣдушка съ бабушкой, ставъ въ надлежащую позу, деликатно, цирляхъ-на-пирляхъ танцуютъ *хунто-минуэтъ*, и просто умилятельно глядѣтъ на этотъ ихъ деликатный стариковскій танецъ!.. Выплесываютъ и прочіе гости особые свадебные танцы — *муяловъ* и *эсрогъ*. —

¹⁾ Ея тѣло и лицо — о, это счастливое, довольное лицо! — для него слаще меда.

²⁾ Раббецне — жена раввина.

³⁾ Импровизаторъ и шутъ, необходимое лицо на всѣхъ еврейскихъ свадьбахъ, отправляющее свою обязанность, впрочемъ, не иначе какъ съ разрѣшенія кагала. Ремесло батхана считается отчасти унизительнымъ.

«Ты понимаешь ли, *тарарамъ* (шелопуть) ты эдакій», говоритъ Айзику рабби Соломонъ, «какой тебѣ всѣ добрые люди оказываютъ *ководъ*, честь, почетъ! Это тебѣ *згаръ* за всю твою *зхусъ* и за *зехосъ овозъ*!» ⁴⁾ И всѣ гости приносятъ Айзику *мазель-товъ*, поздравленія и пожеланія счастья и благополучія... Наконецъ, вотъ сюрпризъ-то! Вотъ куда проникла его слава! Самъ Гамбетта и самъ Кремье, и Ротшильдъ, и Монтефиоре шлютъ ему поздравительныя телеграммы. Всѣ знаменитые адвокаты и ходатаи, господа Бинштокъ и Пуштокъ, Куперники и Муперники, братья Гантоверы и Пасоверы со всѣми остальнымъ своимъ сонмомъ и кагаломъ наперерывъ, чуть не до драки между собой, предлагаютъ ему свои услуги для веденія всевозможныхъ его гражданскихъ исковъ, дѣлъ и процессовъ, а коли и вѣтъ ихъ, такъ выдумаемъ! Рабби Оффенбахъ посвящаетъ ему свою новую оперетку, Влейхредеръ и всѣ остальные банкиры, берлинскіе, гамбургскіе, бременскіе, амстердамскіе и прочіе, и прочіе, и прочіе приглашаютъ его въ свои компаньоны, въ почетные директора своихъ банковъ; отовсюду предлагаютъ ему всевозможныя акціи, облигаціи, цѣнныя бумаги; на всѣхъ биржахъ гремитъ одно только имя Айзика Шацкера; газеты посвящаютъ ему сочувственныя передовыя статьи, телеграфное агентство Вольфа аккуратно извѣщаетъ о томъ, съ кѣмъ онъ видѣлся и что замѣчательнаго сказалъ. Персидскій шахъ присылаетъ ему орденъ Льва и Солнца. Производятъ его, наконецъ, сразу въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и жалуютъ баронскій титулъ. Генералы съ пѣтушьими перьями и даже министры въ звѣздахъ терпѣливо ожидаютъ въ приемной, пока ихъ не соблаговолятъ по-одиночкѣ пригласить на аудіенцію въ его кабинетъ. Да что ему всѣ эти министры, если одно его собственное «Правленіе» равняется четырѣмъ министерствамъ! Какая масса людей у него служитъ, а въ «Совѣтѣ» его засѣдаютъ все генералы, все бывшіе сановники, губернаторы, директора департаментовъ, и онъ всѣмъ имъ платитъ жалованье и отпускаетъ наградныя деньги. Онъ самъ живетъ и даетъ жить другимъ, — таковоъ принципъ Айзика Шацкера. Онъ беретъ миллионныя подряды, получаетъ выгоднѣйшія концессіи, даетъ за это въ департаментахъ, канцеляріяхъ и будуарахъ солидныхъ взятки въ цѣлыя сотни тысячъ; строитъ зданія, мосты, желѣзныя дороги, поставяетъ на армію сухари и подметки, жертвуетъ сто тысячъ — шутка-ль, сто тысячъ! — на реальное училище (чортъ съ нимъ, куда ни шло!) и, наконецъ, открываетъ «Всемирную Гласную Кассу Судъ», разсуждая при этомъ, что если

⁴⁾ Воздаяніе за твою заслугу и за заслуги твоихъ предковъ.

существует «Всемирный еврейский Союз», то отчего не быть и «Всемирной Гласной Кассе». Тут уже благодарное человечество положительно вытискивает себя от восторга и само заказывает художнику Маковскому портрет благодарного Айзика, причем Айзикъ на этомъ портретѣ, по собственному своему желанію, заранѣе уже пишется въ Станиславской лентѣ черезъ плечо. А скульпторъ Антокольскій, въ поученіе и на память благодарному потомству, высѣкаетъ изъ каррарскаго мрамора благородныя черты фізіономіи Айзика... Известные писатели посвящаютъ ему оды, предлагаютъ въ полное его распоряженіе свои «честные органы печати», газеты и журналы, и заранѣе поступаютъ въ гувернеры его будущихъ дѣтей, и онъ уже не Айзикъ, нѣтъ, не Айзикъ! Онъ теперь его превосходительство баронъ Ансельмъ Исаевичъ Шапкеръ фонъ-Украинцевъ. Онъ златой телецъ, онъ Молохъ, онъ Вааль нашего времени, вотъ онъ кто! И хотя Айзикъ принимаетъ всѣ эти почести и оміями довольно благосклонно, какъ должную законную дань, однакожъ ему на нихъ просто ваплеваетъ, потому что онъ, въ сущности, новый Лассаль, потому что онъ міръ переустрояетъ по-своему и всѣмъ равно благодѣтельствуетъ (одна уже «Всемирная Гласная Касса» чего стоитъ!) и всѣхъ равно презираетъ.—«Чортъ съ вами! Всѣ вы *символы* и не стоите моихъ о васъ заботъ и попеченій, тѣмъ не менѣе я, по великодушію своему, соглашусь быть вашимъ благодѣтелемъ. Получите и убирайтесь!» А свадебная музыка между тѣмъ гремитъ въ честь его *куранны* (концерты), батханъ провозглашаетъ тостъ за тостомъ, экспромтитъ за экспромтитомъ. И вотъ, предъ тѣмъ, какъ отправиться на свою брачную постель, приготовленную какъ бы руками самой соблазнительной богини Лиліисъ, Айзикъ въ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ подаетъ своей рабецѣ Тамарѣ руку, деликатно берется, какъ и она, кончиками пальцевъ за кончикъ ея носового платка и, по обычаю, начинаютъ они вдвоемъ послѣдній офіціальный полонезъ, *амичватанцъ*—благочестивый, кашерный танецъ... И тутъ уже наступаетъ моментъ ореола. Айзика и Тамару окружаетъ *млухо* и *идуло*—величіе и слава, какъ бы самого Ротшильда или Беніаміна д'Израэля, съ ихъ законными подругами жизни. Но что жъ это такое? «Ф-фе! Каково паскудства!» — Сквозь лучи ореола начинаетъ вдругъ прорисовываться статная, изящная, но крайне для него непріятная фигура, съ огромною датскою собакой на цѣпочкѣ... Айзикъ узнаетъ знакомыя черты и приходитъ въ бѣшенство, хочетъ броситься на этого проклятаго человѣка, и не можетъ, собственныя руки и ноги его не слушаются, словно бы какая-то посторонняя невидимая сила приковываетъ его къ мѣсту и

парализуетъ малѣйшее движеніе. — «Ай, *ду шейнец!*» черезъ силу вскрикиваетъ онъ дикимъ голосомъ и просыпается.

Сонъ этотъ, впрочемъ, не оставилъ въ немъ надолго непріятнаго впечатлѣнія, потому что дѣйствительность, послѣ примиренія съ Тамарой, улыбалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Айзикъ около часу проворочался съ боку на бокъ, однако уже болѣе не заснулъ. Вскорѣ первый солнечный лучъ заглянулъ къ нему на сѣновалъ сквозь щели досчатой стѣны; со двора слышалось гоготанье молодыхъ гусей, изъ сада доносился щебетъ всякой мелкой птички; утро вступило уже въ свои права, и Айзикъ потягиваясь подвинулся со своего ложа.

Каждый сынъ Израэля обязанъ прямо съ постели приступить къ омовенію рукъ, безъ чего не смѣетъ прикоснуться ни до рта, чтобы не сдѣлаться нѣмымъ, ни до глазъ, чтобы не ослѣпнуть, ни до ушей, чтобы не оглохнуть, ни до носа, чтобы не получить насморкъ, ни даже до воды, приготовленной для мыванія, потому что иначе она уже будетъ нечистою ¹⁾. Айзикъ зналъ по Талмуду, что прежде омовенія нельзя сдѣлать по комнатѣ и четырехъ шаговъ, не рискуя смертною казнью свыше, потому что оставшаяся въ его рукахъ нечистая сила, шедъ, оскорбляетъ святость Бога, господствующаго надъ нимъ ²⁾, но такъ какъ онъ почивалъ не въ комнатѣ, а на сѣновалѣ, насчетъ котораго въ Талмудѣ онъ не помнитъ, что бы имѣлись прямые указанія, то потому и счелъ себя въ правѣ сдѣлать не только четыре шага, а и сойти внизъ, во дворъ, къ колодцу, гдѣ у него еще съ вечера былъ приготовленъ наполненный водой кувшинъ, специально на случай утренняго омовенія. И Айзикъ, по обрядовой привычкѣ, взявъ эту посудину въ правую руку и передалъ въ лѣвую, послѣ чего облилъ водой сперва правую кисть, потомъ лѣвую, потомъ опять правую, потомъ опять лѣвую; и такъ до трехъ разъ, пока нечистая сила не удалась ³⁾. Не то чтобы Айзикъ вѣрилъ въ нее, — «сынъ вѣка», онъ скорѣе ни во что не вѣрилъ, но онъ исполнилъ обрядъ по привычкѣ, унаследованной и вкоренившейся съ дѣтства, равно какъ по привычкѣ же тотчасъ послѣ омовенія перешелъ и къ другому обряду *тфиліна*, для чего на-

¹⁾ Шилхентъ-Урихъ-Ойрахъ-Хаймъ (сборникъ раввинскихъ ученій), трактатъ Брухесъ, гл. IV, ст. 1 и 5. Эти правила слѣдуетъ соблюдать вслѣдствіе того, что, по ученію Талмуда, душа выходитъ изъ тѣла спящаго, а алой духъ, пользуясь этимъ, овладѣваетъ тѣломъ. При пробужденіи же душа возвращается и тогда алой духъ исчезаетъ, но не совсемъ, — онъ остается на концахъ пальцевъ проснувающагося еврея (книга Зоаръ, отдѣлъ Ваіойшевъ).

²⁾ Ойрахъ-Хаймъ, гл. 1, ст. 7. Въ подлинникѣ въчетъ четырехъ шаговъ сказано четыре локтя.

³⁾ Достаточно облить собственно концы пальцевъ, но лучше облить цѣлую кисть руки (*ibid*).

дѣлать себѣ на лобъ *шель-рошъ*, а на лѣвую руку *шель-ядъ*, обмотавъ себѣ идущимъ отъ него ремешкомъ семь разъ запястье и три средніе пальца, послѣ чего приступилъ къ утренней молитвѣ, вызывая между прочимъ: «Боже отищеній, Боже отищеній, явился! Возвысься: Судія земли, отищи возмездіе надменнымъ!»¹⁾ Не то чтобы онъ чувствовалъ потребность въ молитвѣ,—въ Бога Айзикъ тоже не совсѣмъ-то вѣрилъ или по крайней мѣрѣ сильно сомнѣвался въ Его бытіи,—но будучи большимъ еврейскимъ патриотомъ, онъ полагалъ свою гордость и долгъ, какъ еврея, въ неуклонномъ исполненіи всѣхъ обрядовъ религіи, столь рѣзко отличающей израильтянскую расу отъ остальной міровой нечисти, называемой *человѣчествомъ*. Онъ, по ученію своихъ ламдановъ новѣйшаго покроя, твердо придерживался этой обрядовой стороны собственно потому, что, вѣря въ великое *земное* призваніе

всепокоряющаго еврейства, смотрѣлъ на обрядъ какъ на цементъ, какъ на силу, скрѣпляющую и объединяющую людей его расы. Притомъ же его самолюбію было и лестно, и пріятно, когда посторонніе, видя, сколь пунктуально исполняетъ онъ обряды, съ похвалой называли его добрымъ, истиннымъ евреемъ. Это, конечно, было своего рода фарисейство; но Айзикъ находилъ, что и фарисейство не только не лишнее, а напротивъ, очень хорошее, вполне необходимое дѣло для практическихъ житейскихъ цѣлей. Разсѣянно пробормотавъ положенныя молитвы, онъ наконецъ покончилъ съ утренними обрядами, убралъ въ карманъ свои *шель-рошъ* и *шель-ядъ* и отправился помочать да погулять по саду.

Утро было великолѣпное. Длинные тѣни отъ деревьевъ и кустарниковъ бѣжали и пятнами разсыпались по свѣжей зелени еще не скошенныхъ лужаекъ, ярко озаренныхъ солнцемъ и словно бы омытыхъ росой. При взглядѣ на эти лужайки, просто въ глазахъ рябило отъ массы одуванчиковъ, разсыпанныхъ въ свѣтло-зеленой травѣ, изъ которыхъ одна ужъ отдѣляла и торчала бѣлопуховыми шапками, а другіе только-что распускались и махровились ярко-желтыми, золотистыми звѣздочками. «Точно червонцы разсыпаны!» невольно и съ удовольствіемъ подумалось Айзику. По клумбамъ, окаймленнымъ резедой, маргаритками и гвоздикой, рдѣли роскошные плюны, высились оранжево-красныя лиліи, лиловые колокольчики, а по краямъ дорожекъ сирень благоухала изобильными гроздьями лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Весенній ароматъ всѣхъ этихъ цвѣтущихъ растений и травъ, только что пригрѣтыхъ солнышкомъ, носился тонкими струями въ утреннемъ воздухѣ. Черный дроздъ, малиновки и пѣночки гдѣ-то въ близкихъ вѣтвяхъ оглашали садъ своими мелодическими вскриками... Поэтически хорошо и привлекло почувствовалъ себя влюбленный бохеръ въ эту пору въ запущенномъ вѣковомъ саду Бендавида. «Вотъ тутъ-то любить и быть любимымъ,—о, какое счастье!» мечталось ему, когда, сорвавъ мимолетомъ лиловую вѣтку сирени, онъ съ наслажденіемъ упивался ея ароматомъ. Вотъ и то мѣсто, гдѣ давеча ночью въ слезахъ онъ упалъ предъ Тамарой на колѣни, гдѣ она сказала ему первое ласковое слово и протянула руку.—Ахъ, еслибъ удалось ему наконецъ побѣдить ея гордое сердце!.. Какое счастье и какія богатая перспективы открылись бы тогда ему въ будущемъ! Какая широкая финансовая дѣятельность!..

А вотъ и бесѣдка, вотъ и тотъ самый кустъ, у котораго онъ стоялъ и подслушивалъ... О, преклѣпный, ненавистный челоѣкъ!.. Лучше не вспоминать о немъ... Зачѣмъ не онъ, Айзикъ, на его мѣстѣ!.. Но вѣдь она сама же сказала, что все это только такъ, пустяки,

¹⁾ Обрядъ этотъ (Исходъ, гл. 13, ст. 16 и Второзаконіе, гл. 11, ст. 18) состоитъ въ слѣдующемъ: изъ кожи, покрытой лакомъ, дѣлаются двѣ квадратныя коробочки, величиной около вершка. Одна изъ нитъ, называемая *шель-рошъ*, надѣвается на голову такъ, чтобы она приходилась на лбу. *Шель-рошъ* держится на головѣ посредствомъ ремешка, завязаннаго съ затылка такимъ образомъ, чтобы два его конца, *реймисъ*, спускались съ обѣихъ плечъ на грудь. Внутри *шель-рошъ* раздѣленъ на четыре части, изображающія какъ бы четыре ящичка, въ которые вкладывается по одной пергаментной полоскѣ, *паршесъ*, съ выдержками изъ Пятикнижія. На первой полоскѣ пишется текстъ изъ книги Исходъ, гл. 13, ст. 1 до ст. 11; на второй полоскѣ—Исходъ гл. 13, ст. 11 до конца; на третьей—Второзаконія гл. 6, ст. 4 до ст. 10 и на четвертой—Второзаконія же гл. 11, ст. 13 до ст. 22. Другая коробочка, *шель-ядъ*, прикрѣпляется къ лѣвой рукѣ; ремешкомъ, идущимъ отъ *шель-яда*, окружаютъ всю руку семь разъ и обертываютъ концомъ его три средніе пальца, стараясь изобразить букву *7* (дешетъ, Д). Эта послѣдняя коробочка уже не раздѣляется внутри на четыре отдѣленія и всѣ вышеприведенныя выдержки изъ Пятикнижія пишутся для нея на одной паршесѣ. Въ будничные дни, во время утренней молитвы, *паршесъ* слѣдуетъ возлагать на лобъ и привязывать къ лѣвой рукѣ въ знакъ того, что въ мозгу находится душа и что крѣпкою рукой Богъ извелъ евреевъ изъ Египта. На *шель-рошѣ* непременно должна быть вытѣснена буква *Ш* (шину), какъ инициалъ имени Бога—*Шадай*, «чтобы всѣ народы видѣли, говорить Талмудъ, что сынъ Израиля названъ именемъ Бога». Тфилинъ считается однимъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ, потому-де, что его исполняютъ самъ Богъ (кн. Раббимъ ушеръ, отд. Тфилинъ, гл. 1, ст. 12), надѣвая на себя каждое утро точно такія же кожаныя коробочки, только на паршесахъ этихъ коробочекъ изображенъ—де, вмѣсто выписокъ изъ Исхода и Второзаконія, комплиментъ избранному народу: «Кто еще такой единственныи народъ на свѣтѣ, какъ мой Израиль?»—По увѣренію талмудистовъ, Моисей видѣлъ Бога одѣтымъ въ тфилинъ. Уставъ, заключающій въ себѣ правила о тфилинѣ, состоитъ изъ 248 статей, помѣщенныхъ на четырехъ печатныхъ листахъ мелкаго шрифта

легкая шалость... Романъ, вишь, свой маленькій имѣть захотѣлось...

— Эге!.. Однако, что жъ это такое?!

И Айзикъ, незамѣтно дойдя до конца сада, въ крайнемъ изумленіи остановился предъ калиткой, тою самою, въ которую Тамара выпустила Каржолъ.

Калитка стояла растворенною настежь.

Что это значить? Какъ я чѣмъ объяснить себѣ такое странное обстоятельство? Вѣдь онъ самъ, на сколько было возможно въ сумракѣ ночи, очень хорошо видѣлъ, какъ Тамара вслѣдъ за Каржолемъ затворила ее и даже замкнула на желѣзную замочку. Скрипъ ржавыхъ петель и звякъ этой замочки онъ слышалъ ясно, отчетливо, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; онъ точно слышалъ его и ошибиться не можетъ.

— Боже мой, неужли же?!...

И странное подозрѣніе, какъ змѣя, невольно заползло въ душу Айзика.

Почти бѣгомъ пустился онъ назадъ, къ дому, и, раздвинувъ саренные кусты, очутился предъ раскрытымъ настежь окномъ Тамары. Заглянулъ въ ея комнату, — пусто... Постель не смята, лампа не потушена, плакъ раскрытъ и ящики комода на-половину выдвинуты; нѣкоторыя вещи, выброшенные изъ нихъ, валяются кое-какъ на полу, на столѣ, на креслѣ. Очевидно, все это вынута было вторыхъ да такъ и покинуто.

Поблѣднѣвшій Айзикъ въ отчаяніи только хлопнулъ себя о полы безсильно повисшими руками. Сомнѣній для него уже не осталось, всѣ иллюзіи разсѣялись разомъ, и страшная дѣйствительность безмолвно, но убѣдительно свидѣтельствовала лишь одинъ ужасающій фактъ: Тамары нѣтъ, Тамара убѣжала.

Первою мыслью Айзика было броситься будить стариковъ, чтобъ имъ первымъ сообщить ужасную вѣсть. Онъ побѣжалъ-было къ крыльцу, но тутъ нашло на него внезапное раздумье: поразишь ихъ ударомъ, а пользы изъ того никакой не будетъ. Надо прежде всего, пока еще не поздно, вырвать Тамару изъ рукъ Каржолъ. Если силу придется для того употребить, то брать и силой. Но что и какъ сдѣлать, объ этомъ лучше всего посоветоваться съ армеръ-ламданомъ, рабби Ионаеаномъ; онъ, конечно, живѣйшимъ образомъ приметъ къ сердцу все дѣло и дастъ самый разумный совѣтъ. И Айзикъ бросился въ *ахсаге*.

— Цоресъ грейсе! Цоресъ грейсе!—Великія бѣды!—восклицалъ онъ, влетая въ нумеръ ламдана, который еще покоился сладкимъ сномъ и, пробужденный Айзикомъ, сразу никакъ не могъ взять себя въ толкъ, чего надо бохеру и въ чемъ собственно эти его «цоресъ» да еще и «грейсе», но наконецъ понялъ.

— Старики знаютъ?—было его первымъ вопросомъ.

— Хасъ вешолаумъ! Сохрани Боже!—поднявъ Айзикъ къ вискамъ ладони.—Зачѣмъ прежде времени!.. Можетъ, еще все и такъ устроится... Никто не знаетъ,—заявилъ онъ,—никто!.. Къ вамъ первому прихожу за совѣтомъ и помощью.

— И хорошо сдѣлалъ, — похвалилъ ламданъ. — Оно и точно, что не зачѣмъ пугать ихъ до времени. А гдѣ эта Тамара?—спросилъ онъ, подумавъ.—Какъ ты полагаешь, куда именно могла она скрыться.

Айзикъ объяснилъ, что больше некуда какъ къ Каржолю.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ,—присовѣтовалъ ламданъ тономъ приказанія, — сію же минуту, сынъ мой, собери десятка полтора-два нашихъ молодцовъ и окружи съ ними домъ этого шейгеца (бездѣльника), чтобъ онъ никуда не успѣлъ увезти ее. А я сейчасъ же даю знать старшинамъ и *тубамъ*...¹⁾ Надо собрать *бейсъ-дина*...²⁾ О, такое дѣло... Это все равно, что *аунусъ нефошосъ*³⁾, тутъ можно и шаббось по боку!.. Живѣе, другъ, живѣе!

Айзикъ въ ту же минуту побѣжалъ на общественную ученическую квартиру, поднялъ тамъ нѣсколько знакомыхъ *бохеровъ-шборровъ*, силачей изъ старшаго курса, да забѣжалъ по пути къ тремъ своимъ пріятелямъ, приказчикамъ изъ галантерейнаго магазина рабба Соломона, и со всею этою компаніей осадилъ квартиру Каржолъ.

Съ одной стороны, благодаря Айзику, съ другой—рабби Ионаеану, слухъ о побѣгѣ Тамары и объ экспедиціи Айзика Шапкера къ дому графа очень быстро распространился въ еврейской средѣ, такъ что къ семи часамъ утра большая часть Украинскаго Израиля уже знала въ чемъ дѣло и исполнилась и запылала, принимая эту исторію очень близко къ сердцу. Предъ квартирой графа къ

¹⁾ *Тубъ*, представитель общины, засѣдающій въ кагалномъ совѣтѣ. Кагалныя власти дѣлятся на три степени: младшая, *икоръ*, изъ которой производятъ въ тубы (средняя степень), а изъ тубовъ въ *роши* (старшины или головы); изъ нихъ *рошъ-бейсъ-динъ* есть предсѣдатель кагалнаго суда. Для признанія законной силы за рѣшеніями по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію бейсъ-дина, необходимо, чтобы въ засѣданіи присутствовало не менѣе семи тубовъ рода.

²⁾ *Бейсъ-динъ* или *бетъ-динъ*, домъ суда, судилище, состоитъ не менѣе какъ изъ трехъ судей (дайновъ), рѣшающихъ всѣ дѣла, возникающія въ общинѣ, какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго характера.

³⁾ Случай, когда жизни еврея угрожаетъ смертельная опасность,—*секонасъ-нефошосъ*, и когда поэтому Талмудъ разрѣшаетъ нарушеніе постановленій и обрядовыхъ законовъ субботнаго дня.

этому времени собралось уже достаточное количество никѣмъ незваныхъ и несланныхъ добровольцевъ, готовыхъ принять участіе въ битвѣ Тамары.

Въ это-то время и подъѣхалъ Каржоль къ воротамъ своего дома.

IX.

Н е т а.

— Что вамъ здѣсь надобно? — далеко не любезнымъ образомъ спросилъ онъ всю эту компанію.

Жидки переглянулись между собой.

— Ми до васъ дѣло имѣемъ, — заявилъ одинъ изъ наиболѣе бойкихъ, который поэтому и взялъ на себя починъ переговоровъ.

Айзикъ, весь блѣдный, съ искаженнымъ отъ злости лицомъ, сверкая на Каржоль полными ненависти глазами, рванулся было впередъ, но двое пріятелей-приказчиковъ успѣли во время удержать его за руки, уговаривая вполголоса быть какъ можно спокойнѣе и благоразумнѣе. — «Маггъ, кайнъ гармидеръ, Айзикъ, кайнъ гармидеръ!.. Ш-ша!»

Каржоль, при этомъ вызывающемъ движеніи Айзика, только крѣпче сжалъ въ рукѣ свою палку съ кастетомъ.

— Какое дѣло? — нахмурился онъ, изображая якобы недоумѣніе.

— Зжвините, издѣсь неудобно объяснитъ-ся, — вѣжливо, но значительнымъ тономъ замѣтилъ переговорищикъ. — Для васъ же самихъ неудобно будетъ. Ми лучше войдемъ у ваша квартара.

— Это вадоръ. У меня съ жидами никакихъ дѣлъ нѣтъ, если вы не подрядчики, — довольно рѣзко возразилъ Каржоль. — Коли нужно что, говори здѣсь.

— Издѣсь неловко.

— А неловко, такъ можешь и убраться.

— Однако, ваше сшійательство, позжвольте!.. Сшто такова?.. Зачиво?.. Зачѣмъ? — зароптали вдругъ голоса въ еврейской кучкѣ.

— Къ чорту!.. Дайте мнѣ дорогу!

— Нѣтъ, жжвините, такъ не можно!.. Пазжволте пожагуста безъ шкандалъ!.. Для васъ самихъ за лучше!

— Какой скандалъ и что такое «за лучше»? Въ чемъ объясняться мнѣ?

Переговорищикъ опять рѣшительно выступилъ впередъ.

— Зжвините, — сказалъ онъ. — У васъ скрывается одново нашево дѣвицу.

Каржоль принялъ въ высшей степени удивленный видъ.

— Дѣвица?.. У меня?.. Ваша дѣвица? Что-за вздоръ такой!

— Такъ. То вже не вздоръ... Одново бла-

городнаво еврейскаво дѣвицу. Ми знасмъ за-вѣрно.

— Да вы съ ума сошли!

— Зачѣмъ съ ума! Отдайте намъ наша дѣвица и кончимъ безъ шкандалъ.

— Но увѣрю васъ честью, у меня никого нѣтъ.

— Пфѣ!.. Зачѣмъ изъ честиюмъ, когда ми знаемъ што есть!.. Ми знаемъ!.. Ви эта дѣвица хочете на правосшлавье навертатъ... Н-ну, отдайте лучше безъ шкандалъ... Оставьте этово дѣлу... Съ таково штука кепсьи интересъ выйдеть, вамъ же хуже будетъ.

— Однако мнѣ это надобло. Проваливай-те! — порѣшилъ съ ними Каржоль и сдѣлавъ попытку рѣшительнаго движенія къ крыльцу. Но жидки снова преградили ему дорогу и снова загадѣли что-то въ разомъ.

— Къ чорту! — гнѣвно возвысилъ графъ голосъ, замахнувшись палкой. — Прочь!..

Жидки мгновенно разступились.

Пользуясь этою минутой, онъ взбѣжалъ на крыльцо и сильно, обычною своею хозяйскою манерой, дважды дернулъ ручку звонка. Но жидки столь же мгновенно обступили его снова.

Въ это время камердинеръ, узнавъ хозяйскій звонокъ, поспѣшно отворилъ дверь, и не успѣлъ графъ переступить порога, какъ человѣкъ шесть евреевъ вмѣстѣ съ нимъ сильно ворвались въ прихожую.

— Это что такое?!.. Гоня ихъ вонъ, — крикнулъ онъ лакею.

— Но-но!.. Зачѣмъ вонъ... Не пойдемъ ми вонъ... Отдайте намъ наша дѣвица!

Между тѣмъ въ прихожую одинъ за другимъ набиралось все больше и больше евреевъ.

— Вонъ, говорю, гони!.. Въ шею!..

— Уфъ, шея?.. Го-го! — загадѣли жидки въ разомъ. — Зжвините, нонче нельзя уфъ шей! Не тово время!.. Ми объяснитъся изъ вамъ желаемъ, ми въ свавомъ правѣ!

Шумъ и гомонъ еврейской кучки разрослся все больше, становясь и громче, и рѣзче, и настойчивѣе.

— Вонъ, мерзавцы! — топнулъ на нихъ Каржоль, опять замахнувшись палкой.

Но на этотъ разъ такая угроза уже не по-дѣйствовала.

— Зжвините, не пойдемъ ми вонъ!.. И вы не замѣрайтесь на насъ изъ вашихъ палкомъ!.. Ми не сшингаемъ!.. Отдайте нашево дѣвицу!

— Я наконецъ пошлю за полиціей, чортъ возьми! — пригрозился графъ.

— За палычія? Очень даже хорошо! Ми и сами пойдемъ за палычія! Пускай приходитъ, будемъ дожидаться.

Въ эту самую минуту изнутри кабинета раздался энергическій стукъ въ дверь и сильно за-дергалась замочная ручка.

Каржоль поблѣднѣлъ и выразительно взглянул на своего человѣка.

— Развѣ тамъ еще? — съ безпокойствомъ опросилъ онъ его вполголоса.

— Тамъ-съ. Я, какъ вы приказать изволили, не пустилъ ихъ, и даже стеклянную дверь съ террасы нарочно коломъ подперъ, чтобы не вышли... Очень плакали и стучались.

— Болванъ! — въ безсильно-бѣшеной досадѣ прехрипѣлъ ему графъ.

«Господи! Что жъ это будетъ теперь? что это будетъ?» думалось ему. «Увидитъ вся эта сволочь, — скандалъ на цѣлый городъ»...

А стукъ изъ кабинета между тѣмъ продолжается порывисто, нервно, не прерываясь ни на мгновеніе.

— Отворите!.. Отворите мнѣ двери! — отчаянно кричалъ оттуда внѣ себя до изступленія раздраженный женскій голосъ.

Евреи всполошились еще болѣе.

— Ага!.. Это она!.. Она самая и есть!.. Она! — завопила она на всѣ лады уже заравнѣ торжествуя свою побѣду. — А што, не наша правда?.. Это такъ-то «изъ честномъ клянусь, што никого нѣтъ?»... Ха-ха!.. Хорошаво чество!.. Н-ну, теперь и мы пойдемъ за палача, пускай она сама отворяетъ!.. Юдхентъ, гей шнайлеръ цу палачмайстеръ ундъ битте няъ глайхъ гиръ-геръ цу кумментъ... Аберъ шнайлеръ, Юдхентъ! Гирстъ ду!

Этого только бы и не доставало въ довершеніе всей прелести и безъ того уже великаго скандала. Допустить, чтобы полиція открыла здѣсь Ольгу, Каржоль, разумеется, не могъ и потому поспѣшилъ остановить одного изъ наиболѣе юныхъ и юркихъ жидковъ, который уже собрался было бѣжать къ полицій-мейстеру.

— Не надо. Я самъ отворю, — сказалъ онъ евреямъ, — и вы сейчасъ увидите, та ли.

Ключъ повернулся въ замкѣ и предъ изумленною кучкой въ распахнутой двери предстала блѣдная, негодующая, глубоко потрясенная дочь генерала Ухова, столь хорошо знакомая въ лицо всему Украинску.

Для евреевъ это было до того неожиданно и такое постигло ихъ разочарованіе, что они сразу смутились и даже сконфузились до послѣдней степени, какъ только можно себя представить.

— Не та!.. Что же это такое? — въ полномъ недоумѣніи переглядывались они между собою.

— Теперь вы убѣдились?.. Довольно съ васъ? — обратился къ нимъ графъ. — Довольно? Ну, такъ вонъ, сію же минуту!

— Што вонъ!.. Зачемъ вонъ, когда, можно-бить, тамъ еще есть нашево дѣвицу? — наконецъ-то очнувшись заговорили въ кучкѣ, но уже далеко не съ прежнею бойкостью

и увѣренностью. — Можно-бить, она зашпратана уфъ другому комнату?.. Што ми знаемъ!.. Надо обискъ на повѣрка издѣлать...

Но тутъ, къ крайнему удивленію графа, къ евреямъ выступила вдругъ сама Ольга.

— Здѣсь нѣтъ никакой нашей дѣвицы, — сказала она голосомъ, дрожащимъ отъ волненія, — теперь по крайней мѣрѣ нѣтъ больше... Но ночью былъ кто-то... Это навѣрное... Я слышала женскій голосъ... И этотъ человѣкъ, — указала Ольга на графа, — ночью же увелъ ее куда-то.

— Шма Изрозель!.. О, это значить уфъ манаштиры!.. Ваймиры!.. Вусъ махентъ іетцъ?!.. Она уфъ манаштиру вже! — въ смятеніи всполошились и загладѣли евреи.

— *Бохеримъ!* — горестно воскликнулъ Айзикъ, съ мольбой обращаясь къ товарищамъ п въ отчаяніи ломая себѣ руки. — *Инсъ клейстеръ, бохеримъ!.. Митъ миръ... инсъ клейстеръ!.. Битте!*

И кучка вслѣдъ за Айзикомъ опрометью кинулась вонъ изъ прихожей, а черезъ минуту уже ни души еврейской не осталось не только во дворѣ, но и у воротъ на улицѣ. Все это гурьбой хлынуло къ монастырю, въ самомъ тревожномъ и злобномъ возбужденіи.

X.

Вывернулся.

Даже и не взглянувъ больше на графа, Ольга пошла было вслѣдъ за евреями вонъ изъ его дома.

Но Каржоль не могъ отпустить ее не объяснившись. По его расчетамъ, для него теперь нужнѣе всего было примириться съ Ольгой, для того чтобы сейчасъ же, что называется, втереть ей розовые очки, обезоружить ея гнѣвъ, обмануть подозрительность, усыпить на извѣстное время ревность и вернуть къ себѣ ея довѣріе, — нѣтъ! мало довѣріе, прежнюю вѣру въ него, пока не обработается окончательно то дѣло. Поэтому онъ тотчасъ же бросился вслѣдъ за ней и, нагнавъ ее уже на послѣдней ступенькѣ крыльца, успѣлъ выше кисти схватить ея руку и насильно не ввелъ, а почти втащилъ ее обратно въ кабинетъ.

— Не сумасшествуйте!.. Вамъ невозможно идти въ такомъ видѣ, — заговорилъ онъ твердо и строго, постаравшись придать себѣ возможно больше спокойствія.

Графъ понималъ, что въ предстоящемъ объясненіи ему прежде всего необходимо вполнѣ владѣть собой.

Между тѣмъ Ольга молча и мрачно глядѣла на него мало что съ испавиостью, а даже съ какимъ-то отвращеніемъ.

— Сейчасъ запрягутъ мою карету и отве-

зутъ васъ,—продолжалъ онъ.—Сядьте... Успокойтесь прежде.

Вмѣсто всякаго отвѣта дѣвушка лишь сдѣлала попытку вырвать отъ него свою руку.

— Напрасно, Ольга: я не пушу васъ. Пока не успокоитесь, вы не выйдете отсюда.

— Пустите руку! — повелительно крикнула она, сдѣлавъ новое порывистое движеніе. — Не держите меня!.. Вы мнѣ гадки!

— Извольте,—согласился Каржоль, освобождая ея руку. — Но изъ этой комнаты вы все-таки не выйдете. — Прикажи сейчасъ же запрягать карету, запри подъѣздъ и никого не впускать сюда! — крикнулъ онъ чело-вѣку.

— Не къ чему! — отозвалась Ольга. — Не удерживайте меня. Я пойду.

— Нѣтъ, Ольга... Бога ради...

— Я пойду, говорю вамъ!

— Но вѣдь васъ увидятъ...

— Такъ что же?.. Меня уже видѣли, мнѣ все равно теперь.

— Не дѣлайте глупостей, Ольга! Не компрометируйте себя еще болѣе!

— Я уже скомпрометирована... Все равно!

— Нѣтъ, не все равно!.. Не все равно, Ольга!.. Во всякомъ случаѣ, я не пушу васъ такъ.

— Ахъ, да поймите же,—раздраженно крикнула она съ нервными слезами въ голосъ,—поймите вы, что послѣ такого гнуснаго вашего поступка, мнѣ мерзко оставаться съ вами, мерзко глядѣть на васъ, мерзко дышать однимъ воздухомъ... Не могу я больше!.. Не могу!

— Если ужъ кого винять, то вините себя,—пожалъ Каржоль плечами. — Вы сами пожелали этого. Я предупреждалъ васъ, я предлагалъ вамъ уходить тогда же.

— Да; для того чтобы самому остаться съ другою женщиной, — азвительно сказала дѣвушка, обдавъ его презрительною усмѣшкой.

— Поберегите вашу ревность, Ольга, до другого случая,—спокойно замѣтилъ графъ,—здѣсь она не причеъ и ни съ какою женщиной я не оставался.

— Какъ!.. Вы отпираетесь?.. Вы еще лгать хотите? Лгать предомой! — яростно накинулась она на Каржоль, потерявъ уже послѣднее терпѣніе. — И вы смѣете мнѣ говорить это! Вы можете еще смотрѣть мнѣ прямо въ глаза!.. Мнѣ?.. Гнусный, безсовѣстный, безчестный вы человѣкъ послѣ этого!

— Перестаньте, Ольга. Брань вамъ вовсе не къ лицу, и тѣмъ болѣе что лгать предъ вами мнѣ нѣтъ никакой надобности.

— Такъ у васъ не было никакой женщины?.. Не было?.. Отвѣчайте же!.. Я васъ спрашиваю, никакой?.. Вы чисты и невинны? И стало-быть это я лгу?

— Нѣтъ, женщина приходила,—спокойно и даже апатично какъ-то возразилъ графъ.—И что она была здѣсь, доказательство вамъ эти евреи. Но не имѣлъ же я возможности объяснять вамъ все это дѣло тогда же!.. Вѣдь я общаюсь, что послѣ все скажу. Да и наконецъ, это была чужая тайна... Открывать ее раньше времени я не имѣлъ даже права. Теперь другое дѣло, она въ монастырѣ уже.

— Кто это она? О комъ говорите вы?

— О вашей пріятельницѣ, Тамарѣ Бенда-видъ.

Изумленная Ольга даже вскопчила съ мѣста.

— Какъ?.. Тамара Бендавидъ?!.. Да что вы за вздоръ говорите!

— Отнюдь не вздоръ. И съ какой же стати я сталъ бы вдругъ злоупотреблять именемъ честной дѣвушки? Подумайте!

— Такъ это она приходила къ вамъ? Тамара.

— Да, Тамара. Она задумала креститься въ православную вѣру и обратилась ко мнѣ съ просьбой помочь ей устроить все это дѣло.

— Ну? — нетерпѣливо перебила Ольга съ крайне изумленнымъ, жаднымъ любопытствомъ.

— Я далъ слово. — продолжалъ графъ.—Быть можетъ, это была неосторожность, но... дѣлать нечего!.. Пришлось, разумеется, исполнить. Было условлено, что въ эту ночь я отвезу ее въ монастырь, къ Серафимѣ.

— Ну?

— Ну, и вы чуть было не помѣшали всему этому. Вѣдь я же не рассчитывалъ найти васъ у себя чуть не въ три часа ночи! Ну и подумайте, какъ было бы красиво, еслибы вдругъ она застала здѣсь васъ... среди ночи! Въ хорошемъ свѣтѣ, нечего сказать, оба мы предстали бы предъ ней!

— Вы должны были тотчасъ же предупредить меня,—замѣтила Ольга.

— Да когда же, подумайте! И до того ли мнѣ было, когда вы сразу огоршили меня такимъ сюрпризомъ, да и наконецъ, повторяю, я не имѣлъ тогда права выдавать чужую тайну, и не показалось ли бы вамъ все это слишкомъ невѣроятнымъ, если даже и теперь вы едва вѣрите?

— Хорошо; но гдѣ же вы до сихъ поръ пропадали и къ чему было запираеть меня на замкъ такимъ предательскимъ образомъ?—все еще раздраженно и подозрительно спросила дѣвушка.

— Къ тому, что не запи я васъ, вы, съ вашею вѣзломощною натурою и съ этою ревностью безшабашною, навѣрное выбѣжали бы вслѣдъ за нами и надѣлали бы только величайшихъ скандаловъ и ей, и мнѣ, и себѣ... Что же мнѣ оставалось, коли вы добромъ не уходите?! Я рассчитывалъ вернуться вскорѣ, но вмѣсто

того въ монастырь, да у архіерея задержали. Теперь, слава Богу, она уже принята.

Это открытіе относительно Тамары, когда наконецъ Ольга вполнѣ повѣрила словамъ Каржоль, такъ поразило ее, что нѣсколько времени она не могла сказать ни слова и только во все глаза глядѣла на графа.

— Ну и скажите же, милая Ольга,—заговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—Убѣждаетесь ли вы хоть теперь-то, что все это дѣло гораздо проще и честнѣе, чѣмъ вамъ вообразилось?

— Боже мой!—схватила она за голову.—Какихъ же я глупостей надѣлала!..

— Да, и преогромныхъ, къ сожалѣнію,—нѣсколько менторскимъ тономъ замѣтилъ графъ,—но... вините свою собственную взбалмошность. Мнѣ же болѣе всего прискорбно, что теперь я убѣдился, на сколько мало вы въ меня вѣрите. Печальное убѣжденіе, Ольга, для будущей супружеской жизни,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Да, но... вотъ что однако,—заговорила она въ раздумьѣ, какъ бы соображая нѣчто,—все это хорошо, но... съ какой стати Тамара съ этимъ дѣломъ обратилась къ вамъ? Почему къ вамъ именно.

— А ужъ это вы ее спросите,—съ легкой усмѣшкой пожалъ Каржоль плечами.—Это ужъ ея дѣло... Но полагаю потому, вѣроятно, что а болѣе другихъ внушалъ ей довѣрія.

— Да, но что же вы за миссіонеръ такой? Откуда вдругъ это такое рвеніе къ религіи въ васъ-то, въ васъ?! Подумайте, вѣдь это курамъ на смѣхъ!

— Что жъ васъ такъ удивляетъ?—невольно усмѣхнулся Каржоль (внутренно ему и самому, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалось очень смѣшно).—Mais non, dites sérieusement, отчего бы и не помочь человѣку, коли ужъ у него такое искреннее рвеніе, какъ вы сказали? Да тутъ и всякій на моемъ мѣстѣ помогъ бы просто изъ гуманности и... наконецъ, какъ русскій человѣкъ, коли хотите. Въ этомъ краѣ оно даже и политически кстати. Вѣдь я же русскій: какъ вы полагаете? Но это въ сторону, — небрежно махнулъ онъ рукой. — Меня заботитъ совсѣмъ другое, гораздо болѣе важное для насъ съ вами.

— То есть что жъ именно? — спросила Ольга.

— А то, что творить теперь дома вашъ батюшка и чѣмъ объясните вы ему свое странное отсутствіе.

Ольга нѣсколько насупилась, но не надолго. Черезъ минуту ея чувственно крупныя, всегда полуоткрытыя губы, позволявшія видѣть рядъ жемчужно-бѣлыхъ зубовъ, опять сложились въ спокойно-самоувѣренную и даже безпечную улыбку, которая необыкновенно шла къ ея капризно-красивому, мило-неправильному

лицу и вообще ко всей физически-задорно сложившейся, довольно крупной и развитой фигурѣ.

— Что же, — поднявъ брови, мотнула она головой, — такъ и скажу, что была у васъ, и всѣмъ скажу то же.

— Однако?

Каржоль въ недоумѣніи отъ ея словъ даже нѣсколько смутился.

— Разумѣется, — подтвердила Ольга, — другого ничего не остается и тѣмъ болѣе, что эти жиды меня видѣли.

— Но вѣдь тогда весь городъ заоретъ, что ты моя любовница.

— А пусть его оретъ на здоровье!

— Ну, нѣтъ, мой другъ! Je vous demande pardon!.. Развѣ для тебя это такъ безразлично?

— Какъ сказать тебѣ? И да, и нѣтъ. Но развѣ нельзя вайти приличнаго объясненія?

— «Приличнаго объясненія?» — возразилъ графъ, недоумѣвая. — Объясненія такому невѣроятному факту, что въ девять часовъ утра цѣлый жидовскій кагалъ находитъ тебя въ квартирѣ холостого человѣка, котораго, вдобавокъ, и дома-то сначала не оказалось.

— Вотъ это-то и хорошо, что не оказалось. Оно и кстати.

— Pardon chère, но я тебя рѣшительно не понимаю. Вѣдь жиды видѣли, что ты была заперта на ключъ; ты при нихъ лопилась въ дверь и кричала благимъ матомъ: отворите! Ты сама, наконецъ, сказала имъ, что была здѣсь ночью, слышала женскій голосъ... Стало быть, весь городъ будетъ знать, что ты именно ночью была у меня!

— Да, именно ночью. Что жъ изъ того? Скажу, что причиною всему та же Тамара, если только вы не лжете мнѣ, что это была она.

— Нѣтъ, Ольга, видитъ Богъ, я не лгу, дѣйствительно она, — искренно подтвердилъ графъ. — Но, грѣшный человѣкъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все меньше начинаю я понимать тебя. Или ужъ отъ всей этой передраги да отъ безсонной ночи мой мозгъ усталъ наконецъ работать, я не знаю, но только объясни, Бога ради, какими судьбами ты находишь возможнымъ приплести сюда еще и эту бѣдную евреечку?

— Я скажу всѣмъ, что участвовала въ ея тайнѣ, даже лично помогла ей уйти изъ дому, сама привела ее сюда, потому что между нами троемъ это уже заранѣе было такъ условлено, и когда ты повелъ ее въ монастырь, я осталась здѣсь ожидать твоего возвращенія, чтобъ узнать о результатѣ, ну и въ ожиданіи заснула на диванѣ да и проспала до утра, пока не испугалъ меня какой-то гвалтъ жидовскій. Весь этотъ шумъ я надѣлала отъ перепуга, съ-просонья, это такъ понятно!

— Хорошо, хорошо!.. Превосходно! «Понял Михайло Васильевич! Понял!» — комически воскликнул графъ знаменитою фразой Расплюева, радостно потирая себѣ руки. — Однако ты, моя прелесть, просто Наполеонъ въ юнкѣ, ей-Богу!

— Ну, пожалуйста, нельзя ли безъ подобныхъ сравненій! — слегка оборвала его Ольга, нѣсколько задѣтая за живое этою, какъ показалось ей, неумѣстной шуткой. — Миѣ вовсе не до смѣха, — прибавила она не безъ горечи, — да и радоваться здѣсь, право, нечему.

Коржоль отскѣки и немножко задумался.

— Это хорошо придумано, — сказалъ онъ уже серьезнымъ тономъ. — Даже очень хорошо, мой другъ, и, пожалуй, вполне правдоподобно, но все-таки есть и въ этомъ своя маленькая закорючка.

— Какая еще?... Что за закорючка? — досадливо сдвинула брови дѣвица Ухова.

— Да то, что вѣдь ты же сама выдала ее жидамъ чуть не головой, — пояснилъ Каржоль. — Ты засвидѣтельствовала имъ, что здѣсь была *какая-то* женщина, что ты *слышали* ее голосъ и прочее; стало быть, сама ты ее не видѣла и не знаешь, кто именно. Вѣдь это тоже распространится, ну и стало быть, ты была у меня совсѣмъ независимо отъ Тамары, вотъ что!

— Хм!.. мало ли какія выдумки и сплетни распространяются! — презрительно двинула губой Ольга. — Кто же станетъ повѣрять это? И кому какая нужда спрашивать?... Будутъ говорить, конечно, и такъ и этакъ. Но вѣдь вопросъ: въ какой средѣ оно распространится? Между жидами? Такъ вѣдь намъ, полагаю, важны не жида, а общество. А для общества всегда можно подобрать достаточно убѣдительное доказательство.

— Воля твоя, я не вижу его, — сомнительно двинулъ графъ приподнятыми бровями и плечами.

— Не видишь?.. Гм!.. Убогій ты человѣкъ, какъ я погляжу! — съ добродушной ироніей покачала она головой. — А еще «дѣятель практическій» называешься, «современный дѣятель». Ну, и какіе же вы «дѣятеля», коли даже дѣвчонки, какъ я, должны не только-что думать за васъ, а даже жевать и въ ротъ вамъ класть!.. Дѣло очевидное, — пояснила Ухова. — Для этого стоитъ только миѣ самой написать къ этой бѣдной Тамарѣ. Я признаюсь ей, что я твоя невѣста, что я была у тебя въ то время, какъ она приходила, однимъ словомъ, расскажу откровенно все, что случилось, и попрошу ее подтвердить въ случаѣ надобности и мое тоже участіе въ ея дѣлѣ. Она дѣвушка съ сердцемъ и, конечно, для старой подруги не откажетъ, да если даже не для меня лично, то хотя бы изъ благодарности къ тебѣ, за твою услугу. Ты и самъ, кромѣ того, можешь попросить ее.

Внутренно Каржоль очень испугался этого проекта. Объяснить Тамарѣ, что Ольга его невѣста — какъ разъ кстати, что и говорить!..

— Н-вѣтъ, моя милая, — сказалъ онъ соображившись. — Къ чему тебѣ самой выдавать на себя такіе документы? Мало ли что въ жизни случается! Сегодня друзья, завтра враги. Эта у васъ промежъ женщинъ такъ легко дѣлается. Да и Богъ знаетъ еще, попадетъ ли твое письмо непосредственно въ руки Тамары: вѣдь въ монастырѣ есть тоже своя цензура, и очень даже строгая. А лучше ужъ предоставь миѣ, я самъ скажу ей все это и попрошу ее.

— И то правда, — согласилась Ольга. — Въ самомъ дѣлѣ, скажи; этакъ даже лучше. А затѣмъ, — продолжала она съ нѣсколько циническою усмѣшкой истинно житейской практичности, — гдѣ тамъ еще да я кому разбирать, что правда, что вѣтъ: добрыя души повѣрятъ, а кто и не повѣритъ — такъ наплевать!

— «Наплевать!» — весело изобразилъ Каржоль всю фигуру своею комическій ужасъ. — «Наплевать»... Что за выраженіе?.. Барышня, благовоспитанная барышня!.. Генеральская дочка!.. Отъ васъ ли это слышу я?

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! — досадливо дернулась Ольга. — Стану я еще съ вами-то выбирать теперь мои выраженія! Какъ сказало, такъ и сказала. Миѣ, ей-Богу, не до шутокъ!.. Я хочу, — добавила она, — сказать только одно, что въ глаза миѣ высказать этого никто, конечно, не посмѣетъ, а если и найдется кто, то вѣдь такъ оборву, что и своихъ не узнаетъ. А за глаза пусть себѣ болтаютъ, что хотятъ! Про всѣхъ говорятъ вѣдь и всѣхъ однако же принимаютъ и уважаютъ, и никому отъ этихъ разговоровъ ни теплѣе ни холоднѣе.

— О, да ты у меня, въ самомъ дѣлѣ, что называется, козырь-дѣвка! — съ видомъ напускнаго восторга воздѣлалъ свои руки Каржоль. — Ей-Богу! И знаешь, все это придумано тобой вовсе не дурно, даже очень хорошо! Прекрасно придумано! И я могу только изумляться такой находчивости. Именно, такъ и говорить: ждала, молъ, у Каржоль. И чѣмъ откровеннѣе, тѣмъ лучше: по крайней мѣрѣ, грязныхъ подозрѣній меньше будетъ.

Разъ два онъ прошелся по комнатѣ и снова остановился предъ нею.

— Только, пожалуйста, рассказывай объ этомъ съ самымъ невиннымъ, обыкновеннымъ видомъ, понимаешь? Чтобы всѣ были окончательно съ толку сбиты, начиная съ твоего почтеннѣйшаго родителя. Это непременно. Молодецъ, Ольга!.. Умница!.. Что дѣло, то дѣло! — Карета уже подака, — слегка пріотворивъ дверь, объявила камердинеръ.

Барышня Ухова поспѣшно поднялась съ мѣста и стала собираться, надѣвать шляпку, зашпиливать предъ зеркаломъ вуаль, поправлять волосы, натягивать длинныя шведскія перчатки.

Каржоль невольно залибовался плавнымъ изгибомъ и вообще всѣмъ этимъ красивымъ рисункомъ ея соблазнительно стройной фигуры, которая, что грѣха таить!—правилась глазу и говорила его чувственности несравненно болѣе, чѣмъ нервная фигурка Тамары, хотя и Тамара тоже была очень и очень красива, только совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Наконецъ, окончивъ сборы, Ольга подошла къ нему проститься и протянула свою красивую руку, изящно затаенную далеко выше кисти въ сѣрую замшевую перчатку.

— Что будетъ дома, вечеромъ постараюсь написать; ты не приходи сегодня, — сказала она и на прощаніе подарила графу noctулу полного примиренія.

— Фу-у!.. вывернулся! — съ облегченнымъ вздохомъ, потягиваясь всѣми членами и отъ души зѣвая, сказалъ себѣ Каржоль послѣ ея ухода.

Повидимому, дѣла его начинали устраниваться не дурно!

Между тѣмъ Ольга, никѣмъ не замѣченная, усѣвшись въ вѣжажъ, ради предосторожности отъ постороннихъ взглядовъ, спустила всѣ сторжки и безъ всякихъ приключеній благополучно дойшла до дому.

XI.

Аунусъ нефошосъ.

Талмудъ вѣщаетъ всѣмъ добрымъ евреямъ, что кто въ «шаббосъ» предается «тайныгимъ», т. е. удовольствіямъ и сладостямъ душевнымъ и тѣлеснымъ, тотъ въ награду за это будетъ вѣчно наслаждаться Богомъ ¹⁾, а раввины вдобавокъ еще обѣщаютъ, что такому примѣрному человѣку отпустятся всѣ его грѣхи и освободится онъ отъ судьбы «гегенема» ²⁾.

Сонъ составляетъ также одну изъ принадлежностей шаббосовыхъ «тайныгимъ» и потому рабби Соломонъ проснулся сегодня нѣсколько позже обыкновеннаго. Мечтая о томъ, какимъ образомъ проведетъ онъ этотъ праздничный день и сколь пріятно побесѣдуетъ по душѣ съ ламданомъ Ионаеаномъ, старикъ благодушно слѣдилъ улыбающимися глазами, какъ его достопочтенная супруга, поспѣшивъ прежде всего троекратно облить водой свои руки, кряхтя и зѣвая, не безъ труда натягивала на свои толстыя икры чистые вѣтяные чулки. Но прежде чѣмъ удалась она изъ спальни къ отправленію своихъ утреннихъ обязанностей по хозяйству, поднялся рабби Соломонъ съ мяскихъ бебеховъ.

Мы уже говорили, что каждый сынъ Израили обязанъ прямо съ постели приступать къ омовенію рукъ, безъ чего не смѣетъ прикоснуться

ни до единого изъ членовъ собственнаго тѣла, чтобы не приключилось каждому изъ таковыхъ какой нибудь особенной мерзости, специально для cadaго предназначенной, именно за нарушение этого талмудическаго постановленія. Никто, конечно, лучше рабби Соломона не зналъ и того, что прежде омовенія нельзя сдѣлать по комнатамъ и четырехъ шаговъ, не рискуя за это смертною казнью свыше. Но отъ постели рабби Соломона до его умывальнаго столика было ровно три съ половиною шага, на мѣру еврейскаго «локтя»,—стало быть, онъ никакъ уже не рисковалъ возможностью быть сраженнымъ небесною стрѣлой, ибо Талмудъ говорить не о трехъ съ половиною, а именно о четырехъ локтяхъ ³⁾.

Не прежде, какъ совершивъ удаленіе нечистой силы съ кончиковъ своихъ пальцевъ, посредствомъ троекратнаго и попережняго обливанія ихъ водою, нарочно приготовленною съ вечера, могъ рабби Соломонъ безгрѣшно встать за мыло и приступить къ основательному умыванію рукъ, лица и шеи. Еще не успѣвъ до-суха обтереться полотенцемъ, почтенный рабби поспѣшилъ накрыть себѣ голову бархатною ермолкой,—«чтобы чувствовать на себѣ страхъ Божій» ⁴⁾, и, осмотрѣвъ кисти ципцыса—цѣлы ли въ немъ всѣ нити,—еще поспѣшилъ надѣть лапсердакъ, совершая надъ ципцысомъ положенную молитву ⁵⁾.

Въ эту самую минуту сквозь притворенную дверь донесся до его слуха встревоженный говоръ перебивающихъ другъ друга женскихъ голосовъ домашней прислуги и вмѣстѣ съ ними отчаянный вопль—именно, вопль его супруги.

Рабби даже вздрогнулъ при этой страшной и непонятной необычайности, почувствъ сердцемъ что-то недоброе.

Недоумѣвая, что могло бы это значить, поспѣшно насузнулъ онъ на-босу ногу свои бархатныя пантуфли и накиннулъ на плечи шлафрокъ, въ намѣреніи идти и самолично осведомиться о причинѣ внезапнаго переполоха, какъ вдругъ увидѣлъ, что въ спальню, шатаясь

¹⁾ Ойрахъ-Хаимъ, гл. IV, ст. 18.

²⁾ Талмудъ, Трактатъ „Шаббосъ“, стр. 118.

³⁾ Надѣвая ципцысъ, евреи пѣлуютъ его, въ знакъ любви къ Богу и страха предъ его повелѣніями. Ципцысъ служитъ тайсманомъ противъ посягательства алого духа, а потому многіе евреи никогда не снимаютъ его, даже и ночью. По Талмуду, «всякій еврей долженъ стараться съ утра, какъ можно скорѣе, сейчасть же по омовенію рукъ, надѣть ципцысъ и сотворить надъ нимъ положенную молитву». Но предъ этимъ надлежитъ осмотрѣть, цѣлы ли всѣ нити. Если же кто въ дорогѣ и не имѣетъ запасныхъ нитей, на случай порчи, то можетъ надѣть ципцысъ и не осматривая его, но при этомъ обязанъ зажмурить глаза, дабы уподобиться слѣпому, такъ какъ слѣпые, по закону, освобождены отъ этого обряда, ибо написано въ законѣ „и увидиши ихъ“, а слѣпецъ видѣть ихъ не можетъ (Кн. Реббѣ Ушеръ и Маадане-Лонтовъ, отдѣлъ „Ципцысъ“).

⁴⁾ Талмудъ, Трактатъ „Шаббосъ“, тр. 118.

⁵⁾ Т. е. ада.

и чуть не падая на каждом шагу, вопла почтенная Сарра, съ лицомъ, искаженнымъ отъ испуга и отчаянія.

— Тамара... Тамара... простояла она задыхающимся голосомъ и вдругъ, потерявъ сознание, повалилась на полъ.

— Боже мой! Воды!.. Доктора!.. Людей сюда!.. Кто тамъ?!.. Скорѣе!—кричалъ растерявшійся Бендавидъ, возясь надъ недвижно лежавшею женою и тщетно усиливаясь поднять съ полу ея грузное тѣло.

На крикъ его прибѣжали обѣ батрачки и родственница-приживалка. Гдѣ бы схватиться разомъ да помогать, эти бабы съ перепугу подняли вой съ причитаньями и только всхлипывали да ломали себѣ руки и головами жалостливо покачивали, стоя надъ распростертою ницъ старухой.

— Да пособи́те же мнѣ поднять ея!.. Дуры! Олухи!—съ мольбой и гнѣвомъ отчаянія крикнулъ имъ Бендавидъ.

И только послѣ этого возгласа, ошалѣвшія бабы какъ бы очнулись, поняли, что надо дѣлать и, соединивъ съ хозяиномъ общія дружныя усилія, помогли ему перенести на постель тѣло старухи.

— Доктора!.. Скорѣе доктора!—кидался изъ угла въ уголъ Бендавидъ—Бѣгите за ребѣ Зельманомъ... бѣгите за нимъ. Кто-нибудь... Воды, Бога ради!.. Спирту!..

— Но вѣдь шаббось, достопочтенный рабби,—какъ же бѣжать-то?.. Вѣдь шаббось, подумайте!—возразила которая-то изъ бабъ.

— Какъ вы хотите, рабби, чтобы мы нарушили святость субботы!—присоединилась къ ней и другая батрачка. — Это невозможно!.. Докторъ Зельманъ живетъ за нашимъ ойривомъ—надо къ нему бѣжать за мостъ, какъ же бѣжать за ойривъ? ¹⁾ Что подумаютъ, что скажутъ?!

¹⁾ *Ойривъ* или *эйривъ* значить смѣсь, соединеніе. Ойривъ бываетъ двухъ родовъ: *ойривъ-ха-ойриксъ*—соединеніе дворовъ, и *ойривъ-тхиминъ*—соединеніе пространства. Живавшіе въ нашемъ Западномъ краѣ, безъ сомнѣнія, помнятъ въ еврейскихъ кварталахъ городовъ, мѣстечекъ и даже въ поселкахъ особые шесты съ натянутою на нихъ вверху поперекъ дороги проволокою или шнуромъ, въ родѣ телеграфа. Это-то и есть ойривъ-хаойриксъ или соединеніе дворовъ. Обыкновеніе ойрива зиждется на слѣдующихъ основаніяхъ: въ Талмудѣ (кн. Мугинъ-Эрецъ, гл. 366) говорится: „Если два, или болѣе евреевъ живутъ въ одномъ домѣ, но въ отдѣльныхъ квартирахъ, то имъ не дозволяется ничего перевозить въ шабашъ ни изъ комнатъ во дворъ, ни со двора въ комнаты, ни изъ одного дома въ другой и т. п.“ Стало быть, еврей въ шабашъ является какъ бы заточникомъ въ своей собственной квартирѣ. Вотъ для устройства такихъ-то стѣсненій и придуманъ у талмудистовъ, ради общей еврейской пользы, ойривъ. Ойривъ-хаойриксъ (соединеніе дворовъ) исполняется слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ хозяевъ двора беретъ пѣлый хлѣбъ, но не иначе какъ собственный, и передаетъ его сосѣду или

— О, пропадай-ты!.. «Ойривъ!»—въ отчаяніи крикнулъ Бендавидъ.—Тутъ *аунусъ-небошосъ*, понимаешь ли? Смертная опасность для еврейской души!

— Все-жъ таки, рабби, лучше послать шаб-

товарищу, который объясняетъ присутствующимъ еврейскимъ жильцамъ дома, что этотъ хлѣбъ въ его лицѣ дарится на всѣхъ жильцовъ двора, при чемъ приподнимаетъ его нѣсколько вверхъ и передаетъ опять хозяину. Этотъ же послѣдній произноситъ при семъ слѣдующее „благословеніе“: „Благословляю, Боже нашъ, Тебя, освятившаго насъ Своими заповѣдями и повелѣшаго намъ творить ойривъ, посредствомъ коего можно намъ будетъ вынести и перенести изъ дома во дворъ и со двора въ домъ все потребное для всѣхъ израильтянъ, въ семь дворѣ обитающихъ“. Такъ какъ всѣ жильцы двора приобряли одинъ общій хлѣбъ, то они считаются на время шабаша какъ бы жильцами одной квартиры, гдѣ переноска вещей изъ одной комнаты въ другую не возбраняется. (Куперъ-Шулхонъ-Арухъ, гл. 94, ст. 6) Если же въ этомъ дворѣ живетъ акимъ (христіанинъ), то у него слѣдуетъ купить его позволеніе на включеніе въ ойривъ и его квартиры. Но обрядъ этотъ пригоденъ только для переноски чего либо въ зданіяхъ одного двора; по этой-то причинѣ, между прочимъ, у евреевъ постоянно сохраняется въ синагогѣ одна „маца“, какъ общій хлѣбъ въ общемъ домѣ, куда поэтому, несмотря на разстояніе, можетъ придти каждый еврей, принадлежащій къ данной общинѣ, не нарушая тѣмъ шабашовыхъ постановленій. Если же понадобится въ шабашъ перенести что-либо на улицу или за ограду собственнаго двора, то на такой случай дѣлается ойривъ внѣшній, а именно: посредствомъ шнура или проволоки обводятъ то мѣсто, на которомъ предполагается имѣть сообщеніе между собою и дѣлать переноску чего либо, и эти проволоки означаютъ будто бы ограду собственнаго дома. Что же касается *ойривъ-тхиминъ*, то это вотъ что: Талмудъ (Ойрахъ-Хаймъ, гл. 397, ст. 1) гласитъ: „Не должно въ праздникъ или въ шаббось отходить отъ мѣста своего жительства болѣе какъ на 2,000 шаговъ“. Если же кто желаетъ въ праздникъ или въ шабашъ идти далѣе двухъ тысячъ шаговъ, то долженъ наканунѣ сдѣлать ойривъ-тхиминъ, т. е. соединеніе пространства, и тогда мѣсто, гдѣ находится этотъ послѣдній ойривъ, считается какъ бы его собственнымъ домомъ, мѣстомъ его жительства. Самый же обрядъ „ойривъ-тхиминъ“ заключается въ томъ, что наканунѣ праздника или шабаша, еврей, собирающійся въ путь за черту, дозволенную Талмудомъ, отправляется на ту дорогу, по которой долженъ идти завтра, отсчитываетъ на ней двѣ тысячи шаговъ, останавливается на этомъ мѣстѣ, копаетъ въ землѣ ямку и прячетъ въ ней кусочекъ хлѣба, засыпавъ же ямку, должно произнести молитву, какъ и при обрядѣ „ойривъ-хаойриксъ“, прибавляя къ ней лишь слѣдующія слова: „Посредствомъ этого ойрива да позволено мнѣ будетъ отправиться въ путь съ этого мѣста на всѣ стороны на разстояніе двухъ тысячъ шаговъ“. Закапывая или кладя подъ камень кусочекъ хлѣба, еврей знаменуетъ этимъ, что въ данномъ мѣстѣ онъ приготовилъ себѣ трапезу, въ силу положенія, что „гдѣ хлѣбъ мой, тамъ домъ мой“. Хотя этого хлѣба и никто ѣсть не будетъ, но это все равно „гдѣ хлѣбъ мой, тамъ домъ мой“—все-таки остается во всей своей силѣ. Такимъ образомъ, подходя въ шабашъ къ мѣсту, гдѣ закопанъ хлѣбъ, еврей останавливается на минутку, будто для трапезы, и такъ какъ шабашовая тра-

бось-гойи¹⁾, чѣмъ самой-то нарушать субботу.

— Аунусъ нефошость, говорю!—совсѣмъ уже разсвирѣпѣла на дуру служанку хозяйни.

Та оробѣла и опрометью кинулась въ комнаты, но все-таки не отважилась нарушить святость субботняго дня и ограничилась тѣмъ, что, кликнувъ съ кухни шаббось-гойя и нанявъ ему у воротъ извозчика, растолковала тому и другому гдѣ живетъ докторъ Зельманъ и что нужно-де его какъ можно скорѣе къ умирающей хозяйкѣ, а сама осталась у воротъ поджидать ихъ возвращенія, — пускай-де хозяйни думаетъ, что сама побѣжала.

Въ комнатахъ между тѣмъ продолжалась суматоха: одна баба бѣжала въ кабинетъ за нашатырнымъ спиртомъ, другая въ кухню за водою; старикъ всячески старался привести въ чувство жену: ей прыскали на лицо водою, смачивали голову, подносили къ носу спиртъ, растирали имъ виски, терли подъ локтечкой, но никакія усилія не могли пока преодолѣть глубокаго обморока.

«Тамара... Она сказала. Тамара», думалось въ то же время рабби Соломону.

— Что такое Тамара? Въ чемъ дѣло?... Изъ-за чего все это у васъ тамъ случилось?—спросилъ онъ родственницу-приживалку.

— Послѣ, рабби, послѣ... Некогда!—скороговоркой и какъ бы мимоходомъ отвѣчала та, явно желая отдѣлаться отъ подобныхъ разспросовъ.

— Да гдѣ Тамара?—не унимался старикъ.—Отчего ея нѣтъ здѣсь? Позовите ее... Гдѣ она?

— Н... не знаю,—смущенно пробормотала служанка, стараясь не глядѣть на хозяйна.

— Трите!.. Я самъ пойду за нею.

И Бендавидъ быстрымъ движеніемъ поднялся съ мѣста. Предчувствіе чего-то недобраго все сильнѣй и сильнѣй хватало его за сердце, и поэтому, все росла, все усиливалась въ немъ нетерпѣливость узнать наконецъ, въ чемъ дѣло, которое отъ него бчевидно скрываютъ.

— Не ходите, рабби, — проворно предупредила его приживалка. — Не ходите, ея тамъ нѣтъ.

— Но гдѣ жъ она наконецъ?! Ступайте, сбѣгайте за нею!.. Гдѣ она?

пеза считается и мѣстомъ праздничнаго отдыха, то, стало-быть, онъ имѣетъ законное право отправляться съ этого мѣста въ дальнѣйшій путь во всѣ стороны, лишь бы разстояніе этого пути не превышало двухъ тысячъ шаговъ. Въ случаѣ надобности отправиться далѣе, стѣбитъ только законать предварительно по кусочку хлѣба на предстоящемъ пути черезъ каждыя двѣ тысячи шаговъ,—тогда на всемъ его протяженіи благочестивый еврей все равно, что у себя дома. Такимъ-то образомъ обходятъ евреи постановленія своего же собственнаго закона.

¹⁾ Слуга-христіанинъ, нарочно нанямаемый жилищными евреями на шаббасовое время, для исполненія тѣхъ домашнихъ работъ и надобностей, которыя, по закону, запрещены самимъ евреямъ.

— Не знаемъ, рабби... потомъ... потомъ все узнаете...

— Да что тамъ у васъ вышло?... Отчего этого обморокъ съ женою?

— Потомъ... потомъ, рабби,—смущенно лепетали обѣ женщины, кидая на него умоляющіе взгляды.—Ничего особеннаго... Вѣрите, ничего!.. Трите, Бога ради, помогайте намъ... Некогда теперь...

Бендавидъ только досадливо пожалъ плечами.—«Съ вами, видно, ничего не подѣлаешь толкомъ!»—и усѣвшись подлѣ жены на край постели, послушно принялся снова за растиранье.

— Это глупо, наконецъ!—съ неудовольствіемъ говорилъ онъ въ то же время;—глупо, что вы отъ меня скрываете... Все равно, я же вѣдь узнаю... Кажись, пока еще, слава Богу, мужчина, въ обморокъ не упаду и не расшачусь, какъ ребенокъ. Говорите! — прибавилъ онъ строго и настойчиво.—Говорите, я вамъ приказываю!

— Что жъ дѣлать, рабби!—слезливо завздыхала приживалка.—На все воля Божья... Все-вышній знаетъ, что творилъ, когда я много-страдальному Іову посылалъ испытанія... Мы должны слѣдовать великимъ примѣрамъ Та-наха...¹⁾

— Не учите меня обѣ Іовѣ! Я и безъ васъ знаю! — перебилъ ее старикъ.—Я васъ спрашиваю, что такое у насъ случилось?

— Ахъ, рабби, въ этомъ-то и дѣло... Я, по правдѣ, и сама не знаю еще хорошенько, что именно случилось и на сколько все это правда; но... такъ слыхала я... такъ посторонніе говорили... Чужіе люди забѣжали къ намъ на кухню справляться, правда ли... Мы въ то время еще только съ постели подыались, какъ они уже прибѣжали и спрашиваютъ, точно-ли?—А мы и не подозрѣвали еще ничего, даже въ толкъ себѣ взять не могли... И чужіе-то—никто, просто, вѣрить не хочетъ, хотя, кажись, весь городъ уже знаетъ и кричитъ обѣ этомъ...

— О, Боже мой! Что за безтолковая!—теряя терпѣніе и какъ бы обезсиливъ отъ досады, опустилъ руки Бендавидъ.—Да объясните же толкомъ, о чемъ кричатъ, чему вѣрить не хочется?

— Я же и объясняю, рабби... Я все, какъ есть, по порядку объясняю... Но только вы-то сами, рабби, Бога ради, будьте поспокойнѣе.

— Да не мучьте же!.. Чего вы душу изъ меня тянете!

— Хасъ вешолаумъ, рабби!—Сохрани Боже!.. Какъ это можно!.. Я только хочу предварить, приготовить васъ, моего благодѣтеля, къ тяжкому удару и разсказать по порядку.

— О, мучительница!—воскликнулъ старикъ въ досадѣ отчаянія, воздвѣвъ вверхъ глаза и

¹⁾ Виблія.

плечи. — Ну, говорите по порядку — пусть так! Но только скорѣе!

— Вотъ, я же и говорю, рабби... Они, говорю вамъ, спрашиваютъ, точно ли, а мы не вѣримъ, не можемъ вѣрить... Да и какъ по-вѣрить, чтобы дѣвица такого благороднаго дома, отрасль такой благочестивой, знаменитой фамилии... А тутъ, вдругъ входитъ сама балбоста ⁽¹⁾ и спрашиваетъ, гдѣ Тамара? — Это балбоста, значитъ, вставши съ постели, по обыкновенію, къ ней въ комнату прошла. Мы ей на это и объясняемъ, что такъ и такъ, молъ, а тутъ сейчасъ съ ней и обморокъ этотъ сдѣлался... При насть, впрочемъ, только вскрикнула, а ужъ обмороку вы сами, рабби, свидѣтелями были... Мы вѣдь ужъ потомъ прибѣжали на вашъ же зовъ... Мы этому не свидѣтели.

— Да говорите толкомъ! — вскапѣлъ наконецъ выведенный изъ терпѣнія Бендавидъ. — Умерла она, что ли?

— О, рабби!.. Если-бъ умерла, это бы еще ничего... Но нѣтъ, къ несчастію... хуже, гораздо хуже этого...

Старикъ поблѣднѣлъ и, опустивъ руки, впился въ приживалку неотступно вопрошающимъ взглядомъ.

— Что же хуже?.. говорите... говорите все... Я готовъ, — съ трудомъ переводя духъ, пролепеталъ онъ почти шопотомъ.

— Увы, рабби!.. Она убѣжала.

— Какъ убѣжала?! Куда? — сорвавшись съ мѣста, вскопчилъ вдругъ на ноги Бендавидъ.

— Не знаю въ точности, но говорятъ... Только, Бога ради, не пугайтесь, достопочтенный рабби.

— Куда, чортъ возьми?! — гнѣвно крикнулъ на нее Бендавидъ.

— Въ монастырь, рабби, въ женскій монастырь, принимать аюиде зуре ⁽²⁾.

Старикъ на минуту остолебенѣлъ, но потомъ очнувшись, словно бы пробуждаясь отъ тяжелаго кошмара, медленно провелъ по лицу рукою.

— Какой вздоръ! — сказалъ онъ тихо и, повидному, спокойнымъ голосомъ. — И какъ не стыдно болтать такіе пустяки! Развѣ это статочное дѣло, ну, подумайте сами! Кто это выдумалъ такую глупость? Кому пришло въ голову?

— Мы тоже не вѣримъ, рабби, — робко замѣтила служанка, — но посторонніе болтаютъ... посторонніе пришли и первые сказали намъ... Мы не повѣрили.

— Кто эти посторонніе? — нахмурилъ брови Бендавидъ. — Гойи какіе-нибудь, прощальги, смутители... Надъ честнымъ семействомъ надругаться захотѣлось! Кто они?

⁽¹⁾ Госпожа, хозяйка дома.

⁽²⁾ Христіанскую вѣру.

— Да все наши же, все евреи... И съ такимъ участіемъ прибѣжали... Возмущены всѣ ужасно...

— Я не вѣрю этому, — твердо и рѣшительно заявилъ Бендавидъ.

— Я и сама такъ думаю, что тутъ какое-нибудь недоразумѣніе, — поспѣшила вернуть слово родственница-приживалка.

Въ это время вошла другая служанка и доложила, что докторъ Зельманъ уже прибѣжалъ и ожидаетъ въ залѣ.

Рабби Соломонъ вышелъ навстрѣчу.

— Бога ради, докторъ, — простеръ онъ къ нему руки. — Бога ради!.. Спасите ее... Помогите... Умираетъ... Можетъ, и умерла уже...

Зельманъ, медлительно потирая себѣ ладони объ ладони, думалъ-было сначала методически разспросить въ чемъ дѣло, что-за болѣзнь, съ чего началась и прочее; но рабби Соломонъ, ухвативъ его за руку, такъ быстро и энергически повлекъ его въ спальню, что тому уже не до методики стало.

— Давно это съ немъ? — спросилъ онъ, шупая пульсъ у безчувственной старухи.

— И десяти минутъ еще нѣтъ... Но, Бога ради, что это? Обморокъ? Смерть?.. Ни вода, ни спиртъ, ни растиранья — ничто не беретъ!.. Что это, докторъ, что? Не томите!

— М-м... такъ, маленький ударъ, — объявилъ Зельманъ. — Это ничего, пройдетъ, надо только легкое кровопусканіе сдѣлать. Пустяки, успокойтесь!

И доставъ изъ бокового кармана мягкій сафьянный футляръ съ хирургическимъ наборомъ, онъ спѣшно и толково, какъ мастеръ своего дѣла, отдавъ прислугѣ приказаніе насчетъ всѣхъ необходимыхъ ему приспособленій къ операціи.

Пока изъ разныхъ мѣстъ появлялись на оценку то губка, то полоскательная чашка, то полотенце и горячая вода, ребъ Зельманъ обратился къ Бендаvidу.

— Безъ сомнѣнія, — сказалъ онъ съ видомъ грустнаго участія, — это послѣдствіе нынѣшняго случая? Это такъ подѣйствовало на почтенную даму сегодняшнее печальное происшествіе?

Рабби Соломонъ вздрогнулъ.

— Какое происшествіе? — почти невольно сорвалось у него съ языка, и почти невольно же выпучилъ онъ свои недоумѣлые глаза на доктора.

«Неужели и онъ, и онъ знаетъ уже... Неужели и онъ подтвердитъ, что это правда?» буравила его мозгъ убійственная мысль, — и рабби Соломонъ одновременно и желалъ, и боялся услышать изъ устъ посторонняго чловека подтвержденіе страшнаго факта. Онъ самъ еще не вполне вѣрилъ, не хотѣлъ вѣрить этому «вздору». Его вопросъ: «какое происшествіе»? въ упоръ брошенный доктору вмѣсто

отвѣта, и это выпученіе глазъ были хотя и притворны, но внутреннее движеніе, ихъ вы- знавшее, мгновенно явилось какимъ-то совѣмъ невольнымъ, даже искреннимъ образомъ, непосредственно, само собою.

— Развѣ у васъ въ домѣ ничего такого... особеннаго не случилось?—возразилъ докторъ.

— У меня въ домѣ?... А что такое?

Теперь уже и докторъ, въ свой чередъ, выпучилъ недоумѣвающіе глаза на Бендавида.

— Н-нѣтъ, ничего,—пробормоталъ онъ.—Я такъ думалъ только, полагая, что должна же быть какая-нибудь причина.

Рабби Соломонъ ничего на это не отвѣтилъ и только глаза свои отвелъ куда-то въ сторону.

Оба нѣсколько сконфузились, обоимъ стало какъ-то неловко другъ передъ другомъ. Докторъ, чтобы замать какъ-нибудь это положеніе, съ усиленной хлопотливостію обратился къ своимъ приготовленіямъ и сталъ засучивать себѣ рукава.

— Я не могу видѣть крови, докторъ,—сказалъ межъ тѣмъ Бендавидъ.—Можно мнѣ пока удалиться?

— О, разумѣется! Васъ позовутъ, если понадобится,—охотно отпустилъ его Зельманъ.

Рабби Соломонъ нарочно сослался на кровь—это для него былъ первый пришедшій на умъ предлогъ, чтобы выйти изъ спальни и имѣть возможность пройти наконецъ въ комнату Тамары. Его томило глужее нетерпѣливое чувство—убѣдиться самому своими глазами—правда ли то, что ему сказали? Но въ то же самое время онъ боялся окончательно убѣдиться въ этомъ и потому въ послѣднее мгновеніе остановился передъ дверью внучкиной комнаты въ какой-то странной даже для себя самой нерѣшительности.

«Да что же я, мужчина, наконецъ, или трипка?» подбодрилъ онъ себя и съ достаточною твердостію переступилъ порогъ.

Увы!.. Видъ этихъ выдвинутыхъ ящичковъ и разбросанныхъ вещей не оставлялъ больше мѣста сомнѣніямъ—«ушла... убѣжала... опозорила...»

Никакимъ внѣшнимъ движеніемъ не проявилъ Бендавидъ того, что произошло въ его душѣ въ эту минуту. Онъ остался, повидѣнію, спокоенъ и тихими шагами удалился изъ комнаты, плотно притворивъ за собою дверь, какъ бы для того, чтобы посторонній глазъ какъ-нибудь, даже случайнымъ образомъ, не проникъ туда и не увидѣлъ бы въ безпорядкѣ этой комнаты нѣмыхъ свидѣтельствъ бѣгства Тамары. Онъ прошелъ къ себѣ въ кабинетъ и сосредоточенно погрузился въ свое глубокое кресло. Но лицо его не выражало ничего—ни скорби, ни гнѣва,—скорѣе въ немъ можно было подмѣтить выраженіе тупой апатіи, пришибленности и недоумѣнія, словно бы

онъ тамъ гдѣ-то, въ нѣдрахъ своей души, вопрошалъ кого-то: «за что?.. за что мнѣ все это?»

Въ такомъ положеніи, нѣсколько времени спустя, засталъ его вшедшій въ кабинетъ докторъ.

— Слава Богу, привели въ чувство,—сказалъ онъ съ довольнымъ видомъ спеціалиста, которому удалось хорошо исполнить свое дѣло.—Теперь ничего, все хорошо; надо только полное спокойствіе и не говорить, даже намекомъ не напоминать ей ни о чемъ неприятномъ... понимаете?... Позвольте присѣсть, я напишу рецептъ. Черезъ нѣсколько дней, дастъ Богъ, она поправится.

— Зачѣмъ?—какъ-то странно, не то съ укоромъ, не то съ недоумѣніемъ проронилъ слово Бендавидъ.

Докторъ, прежде чѣмъ отвѣтить, съ нѣкоторымъ внутреннимъ безпокойствомъ окинулъ его взглядомъ.

— Какъ, «зачѣмъ», говорите вы?—сказалъ онъ.—Зачѣмъ, разумѣется, чтобы быть здоровой.

— Зачѣмъ?—повторилъ Бендавидъ.—Для чего быть здоровой?.. Теперь это лишнее.

— Однако, какъ же такъ лишнее?

— Лишнее, докторъ. Теперь умереть бы скорѣе. Если ужъ такіа молодая умираютъ, такъ намъ-то, старикамъ... Что же намъ жить теперь!..

— М-м... н-да, конечно... ваше горе велико, я понимаю,—говорилъ сквозь зубы докторъ, наскоро прописывая рецептъ.—Н-но!.. Что же дѣлать!.. Божья воля—надо покоряться...

— То-то, что Божья... Я и покоряюсь,—горько усмѣхнулся старикъ.—Бѣдная дѣвочка,—прибавилъ онъ въ раздумьи.—Умереть такъ рано... Это... ужасно... Ужасно, докторъ.

— О комъ говорите вы, рабби?—съ недоумѣніемъ спросилъ Зельманъ, пытливо оглядывая старика все съ большимъ и большимъ безпокойствомъ.

— О ней!.. О внучкѣ нашей!.. Развѣ вы не слышали?

— Н...нѣтъ... то-есть... я слышалъ уже... мнѣ сказывали,—проговорилъ докторъ какъ бы не-хотя и нарочно потупясь, чтобы не глядѣть на старика.

— Да, умерла, къ несчастію... Бѣдное дитя... Мы всѣ такъ ее любили...

И вдругъ поднявшись съ мѣста, онъ какъ-то рѣшительно подаль Зельману руку:

— Прощайте, добрый докторъ... Благодарю васъ.

Зельманъ между тѣмъ продолжалъ стоять въ явной нерѣшительности. Опасливое сомнѣніе о самомъ Бендавидѣ начинало его безпокоить не на шутку. «Ужъ не снятилъ ли ты, чего добраго?» читалось на его лицѣ.

Бендавидъ, казалось, понялъ его мысль и принужденно улыбнулся.

— Я здоровъ, докторъ... Я совершенно здоровъ и, къ несчастію, уму, какъ и, еще не особенно скоро. До свиданья, дорогой мой... Извините, но... мнѣ очень тяжело на душѣ и хочется остаться одному... Вы меня понимаете...

И еще разъ горячо пожавъ руку Зельмана, рабби Соломонъ выпроводилъ его изъ своего кабинета.

Зельманъ однако же не ушелъ, а отправился опять къ больной Саррѣ, справедливо рассчитывая, что въ такіе острые минуты помощь его можетъ еще пригодиться и ей, и самому Бендавиду.

Снова оставшись наединѣ, старикъ наконецъ далъ волю своему горю. Въ тоскѣ стыда и отчаянія, изнемогая и задыхаясь отъ подступа глухихъ рыданій, онъ порывисто раздралъ на себѣ отъ ворота до самаго края сорочку, сбросилъ съ ногъ башмаки и, забившись въ темный уголъ своего кабинета, обѣл тамъ на голомъ полу, какъ садится обыкновенно каждый добрый еврей, находящійся въ *ишувъ*¹⁾. Съ той минуты какъ онъ убѣдился, что Тамары нѣтъ, онъ сказалъ себѣ въ сердцѣ своемъ, что она умерла—умерла для него, для родныхъ, для еврейства. Но сердце его все же не могло примириться сразу съ этою ужасною мыслью; голосъ родной крови, естественный голосъ любви, жалости и состраданія къ заблудшей воцѣл въ немъ не менѣе сильно, чѣмъ и чувство негодованія къ ней за ея поступокъ и за тотъ позоръ, что наложила она на себя и на его сѣдую голову и на весь родъ

¹⁾ *Шива* значить по-еврейски *сечь*. Войдя изъ древне-библейскаго языка въ обыкновенный еврейскій жаргонъ, слово это нынѣ выражаетъ собою семисуточный трауръ по умершемъ близкомъ родственникѣ, обязательный для всѣхъ членовъ семьи обонхъ половъ. Юмъ исполнилось еврейское совершеннѣйшее, т. е. минуло 13 лѣтъ и 1 день отъ роду. Скорбь по умершемъ выражается для мужчины въ томъ, что онъ разрыгаетъ на себѣ одежду, не чешетъ и не стрижетъ волосъ и ногтей. Затѣмъ, какъ мужчины, такъ и женщины обязаны въ теченіе всей траурной недѣли не выходить изъ дому, не надѣвать никакой обуви, ни новаго платья, не мыть лица, не перебивать бѣлья, не сидѣть на возвышенномъ мѣстѣ, какъ напримѣръ, на обыкновенномъ стулѣ, скамьѣ, диванѣ, а только на полу, и притомъ на голомъ, въ той комнатѣ, гдѣ скончался родной. Тутъ же, въ теченіе траурнаго періода должна постоянно горѣть заупокойная свѣча (*тефиле-лихтзъ*), для того чтобы бездомная душа усопшаго имѣла пріютъ на землѣ, пока Богъ не укажетъ ей надлежащее мѣсто. Всѣ житейскія дѣла и занятія, какъ торговля, ремесленный трудъ и проч. на это время прекращаются. Кромѣ того, ежедневно утромъ, въ полдень и вечеромъ совершается соборнае, въ присутствіи не менѣе какъ десяти взрослыхъ мужчинъ, заупокойная молитва, послѣ которой однимъ изъ членовъ семьи, по-очередно, читается громко душеспасительный *кадеишъ*.

Бендавидовъ, въ которомъ до сихъ поръ не бывало еще мимеровъ и мешумедовъ¹⁾. И онъ чувствовалъ все свое безсиліе спасти ее. Упершись локтями въ колѣна и глубоко закусивъ пальцы съ вискомъ во всклокоченные волосы своей понурой головы, старикъ долго сидѣлъ въ полной неподвижности. Отяжелѣлый и оступѣлый взоръ его изъ-подъ мрачно сведенныхъ бровей уставился въ одну клѣтку крашеннаго пола и какъ бы застылъ на ней. Казалось, вся жизнь этого человѣка сосредоточилась теперь гдѣ-то далеко, внутри тайниковъ души, все же внѣшнее точно бы перестало существовать для него, точно бы онъ вдругъ потерялъ способность воспріятія какихъ бы то ни было внѣшнихъ впечатлѣній и ощущеній.

Докторъ Зельманъ осторожно заглянулъ въ кабинетъ и очень удивился, что не видитъ тамъ рабби Соломона.

— Хозяинъ не выходитъ никуда?—повернувшись въ дверяхъ лицомъ въ залу, спросилъ онъ стоявшую за нимъ служанку.

— Никуда, рабби.

— Странно, гдѣ жъ это онъ?

И лишь внимательно осмотрѣвшись по всей комнатѣ, наконецъ-то замѣтилъ Зельманъ въ углу удрученно-скорчившуюся фигуру босоногого и гологрудаго Бендавида.

Зельманъ назвалъ его по имени.

Старикъ не откланялся, не поднялъ глазъ и не пошевелился, точно бы и не видѣлъ и не слышалъ его. Тотъ повторилъ свой призывъ—и опять никакого отклика. Тогда встревоженный докторъ бросился къ нему и энергично схватилъ его за руку, пытаясь поднять его съ полу.

— Полноте, рабби!—авторитетно говорилъ онъ, слегка тормоша старика, чтобы вывести его изъ этого оціѣнѣнія. — Встряхнитесь!.. Стыдно такъ!.. Вѣдь вы же мужчина.. Горе ваше велико, но нельзя такъ падать духомъ, грѣхъ!..

Бендавидъ, какъ бы очнувшись, уставился на него сначала недоумѣлыми глазами, потомъ слѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы собрать свои мысли и, слегка шатаясь, поднялся съ его помощью на ноги. Видимо смущенный своимъ положеніемъ и костюмомъ, онъ только взглянулъ на Зельмана извиняющимся взоромъ, поспѣшавшись при этомъ слабо и какъ-то скрюженно улыбнуться, и тихо проговорилъ:

— Прощу васъ, дорогой мой, оставьте меня.

— Нельзя васъ оставить, рабби, въ такомъ положеніи,—съ участіемъ возразилъ ему докторъ. — Теперь надо, напротивъ, мужаться какъ можно болѣе. Я пришелъ сказать вамъ,—продолжалъ онъ,—что васъ дожидается въ прихожей шульцлеперъ²⁾ изъ кагала. Весь ка-

¹⁾ Выкрестовъ и отступникъ.

²⁾ Кагальный позывщикъ къ богомоленію.

галъ собрался въ полномъ составѣ и просить васъ сейчасъ же пожаловать въ собраніе.

— Нѣтъ, вѣтъ, не надо... Бога ради, не надо... Зачѣмъ! — испуганно забормоталъ старикъ, отмахиваясь руками. — Зачѣмъ это!.. Что имъ!..

— Кагалъ, вѣроятно, желаетъ обсудить, — началъ было докторъ, но старикъ съ нервной нетерпѣливостью и рѣшительно перебилъ его:

— Не надо... ничего не надо, слышите!.. О, Боже мой, что это еще за мука! — вырвалось у него изъ души со вздохомъ отчаянія, и онъ растерянно и тоскливо заматался глазами по комнатѣ, какъ бы ища и не находя чего-то.

— Вотъ что... прошу васъ, — заговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ, держа въ обѣихъ рукахъ руку доктора. — Прошу васъ, передайте имъ, что я не буду... не могу быть... что я такъ разстроенъ и боленъ... и прошу у нихъ снисхожденія... Словомъ, избавьте меня отъ лишняго позора... И безъ того уже!..

И онъ удрученно закрылъ глаза рукою.

Почтительно снисходя къ столь великому горю, докторъ тихо вышелъ передать шульклеру отвѣтъ рабби Соломона, присвокупивъ къ нему и отъ себя, что, по его мнѣнію, дѣйствительно лучше бы кагалу оставить пока старика въ покоѣ.

Но не прошло и получаса, какъ явились новые посланцы. На этотъ разъ прибывъ отъ кагала цѣлая депутація изъ трехъ человѣкъ, съ ламданомъ рабби Ионашаномъ во главѣ. Въ числѣ депутатовъ были одинъ рошъ и одинъ изъ тубовъ ¹⁾, что должествовало знаменовать особый почетъ, оказываемый Бендавиду со стороны кагала. Не принять такое повѣстово было нельзя, даже и въ положеніи рабби Соломона.

— Скажите, раббосай! — собравъ всѣ свои силы, обратился къ посланцамъ старикъ, когда они переступили порогъ его кабинета. — Скажите, развѣ я бааль-динъ ²⁾ какой и въ чемъ провинился такъ предъ кагаломъ, что мнѣ не желаютъ дать снисхожденія даже въ такіе ужасныя минуты?!.. Не могу я теперь давать никакихъ объясненій. Я прошу оставить меня хоть на нѣсколько дней въ покоѣ. Не я—само горе мое, великое горе требуетъ къ себѣ уваженія. Поймите вы это и пощадите меня.

— Горе ваше, рабби, есть общее наше горе, — почтительно и тихо началъ ламданъ, — потому-то вотъ мы и посланы къ вамъ, чтобы просить васъ разсудить сообща со всѣми нашими почтеннѣйшими старѣйшинами, какъ помочь этому горю.

¹⁾ Рошъ—голова. Въ одной и той же общинѣ можетъ быть нѣсколько рошей; тубъ—представитель или депутатъ отъ общества въ кагалѣ, гдѣ должно быть не менѣе семи тубовъ.

²⁾ Подсудимый.

— Мертвымъ, рабби, нѣтъ помощи. Кто умеръ, тотъ не воскреснетъ, — грустно проговорилъ, качая головою, Бендавидъ.

— О какихъ мертвыхъ говорите вы? Пока еще, слава Богу, никто, кажись, не умеръ, — съ недоумѣніемъ замѣтилъ ламданъ.

— О тѣхъ, кто умеръ для семьи, для Израиля, для Бога...

— А, да, я понимаю васъ, но погодите ихъ оплакивать! — съ живостью воскликнулъ рабби Ионашанъ. — Я вижу, вы приготовились къ пищу, но это рано еще. Дорогое вамъ существо еще живо, оно еще наше, оно обманомъ завлечено во вражескія сѣти — поймите вы, обманомъ! Оно не осквернено еще махинаціями авойдесъ-эзлымыъ ¹⁾. Не плакать надо; а торопиться спасать живую еврейскую душу.

— Какъ?.. Обманомъ, говорите вы? — какъ орелъ встрепенулся Бендавидъ, схвативъ выше кисти руку Ионашана. — Обманомъ?.. И это точно?.. Она, значить, не сама ушла?.. Ее увели, украли?..

— Да, да, обманомъ! — съ силой полного убѣжденія, настойчиво подтвердилъ ему ламданъ. — Обманомъ же, говорю вамъ! Поэтому энергіи, почтеннѣйшій рабби, какъ можно болѣе энергіи! Ободритесь! Нельзя терять и минуты лишней. Пресвѣтлѣй и праведнѣйшій кагалъ нашъ убѣдительнѣе проситъ васъ сдѣлать ему честь пожаловать въ собраніе. Надо сейчасъ же принять мѣры, но безъ васъ нельзя обсудить ихъ. Торопитесь! При супругѣ нашей останется пока ребѣ Зельманъ.

— О, я, сейчасъ... сейчасъ... сію минуту, — заторопился вдругъ Бендавидъ. — Прошу васъ, господа, на минутку въ другую комнату — я только переодѣнусь.

И онъ въ сильномъ волненіи торопливо сталъ надѣвать на себя дрожащими руками свѣжую сорочку и всѣ остальные принадлежности обычнаго еврейскаго костюма.

Нѣсколько минутъ спустя, депутація вмѣстѣ съ рабби Соломономъ уже быстрыми шагами направлялась къ бейсъ-гамидрашу.

XII.

Великій Совѣтъ Кагала.

Главный бейсъ-гамидранъ города Украинска помѣщался въ центрѣ старыхъ еврейскихъ кварталовъ, въ этомъ, своего рода, *гето*, уцѣлѣвшемъ отъ временъ польскаго господства, гдѣ сохранилось еще съ XVII столѣтія нѣсколько дрихлыхъ, неуклюже оригинальной архитектуры, каменныхъ домовъ (по мѣстному *каменицъ*), наслѣдственно переходившихъ во всей своей неприкосновенности изъ поколѣнія

¹⁾ Авойдесъ-эзлымыъ — идолослуженіе. Эзлы — божокъ, идолъ. Первымъ терминномъ обозначается христіанское богослуженіе, вторымъ — св. иконы.

въ поколѣніе пяти-шести еврейскихъ родовъ. Впрочемъ, большинство построекъ этого украинскаго гетто состояло изъ жалкихъ, косыхъ и кривыхъ лачугъ да глинобитныхъ мазанокъ, съ убогими, безграмотными вывѣсками разныхъ ремесленниковъ, изъ кабаковъ и корчемъ, съ устойчивымъ запахомъ сивушнаго масла, «забздныхъ» домовъ съ зияющими широкими воротами, ведущими непосредственно въ пасть внутренняго крытаго и пропатаннаго миазмами двора (онъ же сарай и конюшня) и наконецъ, изъ несчастныхъ тѣсныхъ лавченокъ со всевозможными жидовскими товаромъ, стоимость коего въ каждой лавчкѣ едва-ли превышала нѣсколько рублей; но бѣдный еврейскій торгошъ за большимъ и не гонится: ему «абы гандель былъ!» Всѣ эти тѣсно скученныя постройки образовали собою убого-пестрое, облупленное и заплятанное ожерелье узкихъ улицъ и кривыхъ переулковъ, съ вѣчно парящею на нихъ вонью гниющихъ лужъ и острымъ запахомъ чернушки, чесноку, дыбуди и сеledки, что въ совокупности составляетъ специфическій букетъ, навѣстный подъ названіемъ характернаго «жидовскаго запаха». Бѣдность, нечистоплотность, израильская плодливостъ съ дѣтскими царшами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая-то неугомонно юркая, лихорадочно алчная и внутреннимъ огнемъ сгорающая жизнь, полная вѣчной борьбы за существованіе и вѣчно неудовлетворимой жаждой наживы, сказывалась на каждомъ шагу и въ этихъ улицахъ, и во дворахъ, и за стѣнами домишекъ.

Самое зданіе бейтъ-гамидрана помѣщалось внутри большаго двора, окруженнаго давно уже пришедшимъ въ ветхость, высокимъ, кирпичнымъ заборомъ, къ которому съ наружной стороны, словно ласточки гнѣзда, вплотную прилягались нѣсколько строеній, лачугъ, лавченокъ и ятокъ. Зданіе было деревянное, двухъ-этажное, очень старой постройки, съ высокою гонтовою крышей, давно почернѣвшею отъ времени. Основаніе этой крыши было приподнято отъ вѣда верхнихъ балокъ, въ видѣ выступа, высокимъ, полукругло изогнутымъ карнизомъ, въ томъ родѣ какъ у китайскихъ кюсковъ. На досчатомъ фронтонѣ замѣчались остатки узорчатой деревянной рѣзбы и токарныхъ орнаментовъ. Широкая веранда съ навѣсомъ служила крыльцомъ и напертью и, кромѣ того, охватывала собою съ двухъ продольныхъ сторонъ наружныя стѣны, зданія. Въ общемъ типъ постройки сказывалось что-то восточное, азиатское. Здѣсь помѣщалась главная городская синагога, служившая мѣстомъ не только богомоленій, но и всѣхъ вообще чрезвычайныхъ собраній по вопросамъ религознымъ и дѣламъ общественнымъ. Довольно обширный дворъ болѣе чѣмъ на половину былъ застроенъ разными сараями и общественными домами, гдѣ помѣщались кладовыя,

отдаваемые кагаломъ въ наймы подъ складъ разныхъ товаровъ, эшеботъ (вышнее училище), талмудъ-тора (начальная школа), гакдешъ или страннопріимный пріютъ и богадѣльня, а также и специально еврейскія бібліотеки, заключавшія въ себѣ фоліанты и книги на языкахъ древне-еврейскомъ, халдейскомъ и на современномъ жидовскомъ жаргонѣ. Одна изъ этихъ бібліотекъ была общественная, остальные же принадлежали ученому братству «Хабура Шасъ», учрежденному для чтенія и толкованія Талмуда, Союзу Страннопріимства—«Хабура Гахнасаъ Охримъ» и Украинскому Отдѣленію Общества распространенія просвѣщенія между евреями въ Россіи—«Хабура Марбе Гагаскала Ливне Изроэль». При всѣхъ этихъ учрежденіяхъ и около нихъ жило и кормилось, на счетъ общественной благотвори-тельности, не малое число дармоѣдовъ, которыми безъ того, по совершенной ихъ безполезности для всякаго линого труда, было бы рѣшительно не къ чему приткнуться и некуда дѣваться; здѣсь же всѣ они находились какъ бы при богоугодномъ дѣлѣ, подъ крыльями *ишкино*, сирѣчь величія Господня.

Дворъ синагоги былъ наполненъ большою толпою исключительно еврейскаго люда, когда въ воротахъ его появилась почетная депутація, вмѣстѣ съ Соломономъ Бендавидомъ. Главная масса этой толпы тѣснилась на крыльцѣ, гдѣ къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ навѣсъ, было прибито свѣже-написанное объявленіе. Вся эта толпа жадно слушала, какъ одинъ изъ грамотеевъ читалъ ей во всеуслышаніе:

— «Слѣдующею скорбію да опечалится всякій! Предъ нами открылась пропасть!»¹⁾—и затѣмъ слѣдовало краткое извѣщеніе о томъ, что внучка знатѣйшаго и ученѣйшаго рабби Соломона Бендавида, дѣвица Тамара, по обольщенію гоія-вечестивца графа Каржолъ и другихъ его соумышленниковъ, столь же безчестныхъ, совращена на путь погибели и идолопоклонства.

Впечатлѣніе этой новости на толпу было громадное и выражалось общимъ удивленіемъ и негодованіемъ; не въ то время какъ одни негодовали противъ «нечестивцевъ» и «обольстителей», другіе, по человѣческой слабости, злорадствовали и на счетъ семейства Бендавида.

— Ага! —слышались въ толпѣ замѣчанія и толки. —Басъ гедлаумъ, дочь знатнаго, внучка гвира и пожелала вдругъ стать свинымъ мясомъ; *хазиръ*! Хе, хе, хе! Поучительно!..

— Вотъ вамъ и ихусъ мишпохѣ, вотъ вамъ и знатный родъ!

¹⁾ Такое начало составляетъ одну изъ условныхъ и наиболѣе употребительныхъ формулъ для публичныхъ объявленій о подобныхъ прискорбныхъ для еврейства событіяхъ.

— Ой-вай, хатонимъ, хатонимъ. Грѣхи наши тяжкіе!

— Шейнеръ штейгеръ! Хорошіе нравы пошли, нечего сказать!

— Тамара?! Фрейленъ Тамара? Возможно ли?!.. Да это гафлѣ фѣфеле, чудеснѣе всякихъ чудесъ!

— Э, не даромъ мудрецы наши сказали, «кто дочь свою обучаетъ наукамъ, тотъ научаетъ ее безстыдству».

— Вотъ, вотъ именно! А она у нихъ была такая паца, ученая, съ нашими дочками и знаться не хотѣла — все съ генеральскими, все со срѣбимъ да съ шѣроримъ ¹⁾.

— И по дѣломъ ей! Пускай подохнетъ безъ тинуво, какъ прице! ²⁾

— Да и дѣдушкѣ ногиду (богачу) по дѣломъ! Утучнѣлъ Іешурунъ и сталъ лягаться ³⁾, вотъ и его лягнули!

— Старый шойтѣ онъ (дуралей), до чего распустилъ дѣвчонку! А еще хахомъ годуюль ⁴⁾, говорить!

— Ну, да и бѣе Сорре хороша тоже...

— Рахмонесъ, раббосай, рахмонесъ вой Іешуа! ⁵⁾.

— Ой-вай, Бендавидъ лойцляхъ, злопучный человекъ!..

— Однако, раббосай, вѣдь это же хетъ годулъ великій, смертный грѣхъ, и этотъ грѣхъ одинъ способенъ задержать геула ⁶⁾.

— Еще бы. За это прямо ей каретъ.

— Нядуй!

— Нидуй и каретъ! ⁷⁾.

— Не ей, а имъ, совратителямъ, каретъ, а она что!..

— Ну, тамъ ужъ разсудятъ кому! Объ этомъ сегодня будетъ сдѣланъ газеротъ ⁸⁾ въ кагалѣ.

— Готъ Борухъ Гу! Слава Богу, чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Ш-ша, Изроэль! Ш-ша!.. Бендавидъ идетъ... Самъ идетъ, самъ! Смотрите, смотрите, ⁹⁾ вотъ онъ, вотъ!..

— Дорогу!.. Дорогу достопочтенному рабби Соломону Бендаvidу и достойнѣйшей денутаци! — энергично раздвигая на обѣ стороны толпу, громко возглашали кагалъные мейшоресы ¹⁰⁾.

¹⁾ Споримъ—дворяне-помѣщики, шероримъ—вообще господа.

²⁾ Везъ покаянія, какъ гадина.

³⁾ Выраженіе пророка Ісаи, въ просторѣчій примѣняется иногда къ богатымъ зазнавшимся евреямъ.

⁴⁾ Большого ума человекъ.

⁵⁾ Состраданіе, господа, состраданіе и поможь.

⁶⁾ Пришествіе Мессіи.

⁷⁾ Нидуй—отлученіе, каретъ—искорененіе, т. е. смерть гражданская и иногда физическая, что есть высшая степень *херица* (еврейской анаемы).

⁸⁾ Газеротъ—постановленіе.

⁹⁾ Мейшоресъ—служитель.

Толпа раздвинулась, притихла, и сотни глазъ устремились съ наглымъ и жаднымъ любопытствомъ на Бендавида, какъ точно бы они до этого раза никогда его ни видали. Онъ чувствовалъ на себѣ эти пронизывавшіе его взгляды и торопливо шелъ сквозь толпу, съ глубоко потупленными глазами, весь блѣдный, какъ бы пришибленный. Видъ его невольно вызывалъ жалость и состраданіе.

— Некомѣустъ, раббим! — сочувственно крикнулъ ему изъ народа чей-то фанатическій голосъ, — и вдругъ вся толпа, наэлектризованная этимъ возгласомъ, какъ одинъ человекъ подхватила:

— Некомѣустъ!.. Некомѣустъ коль іемей и хай-ѣвъ! Мшеніе!.. Мшеніе искусителю-нечестивцу! Мшеніе во вся дни живота его! Пусть праведный кагалъ рѣшаетъ и да помогутъ ему все наши кадаушимъ ¹⁾.

Такъ кричали и зывали все: и тѣ, что сочувствовали старику, и тѣ, что сейчасъ только поносили и ругали его. У сангвиническихъ, быстро увлекающихся семитовъ такіе рѣзкіе переходы, подъ вліяніемъ случайнаго впечатлѣнія минуты, являются совершенно нормальною чертою національнаго ихъ характера.

Двери бейсъ-гамидраша распахнулись — и толпа, вслѣдъ за Бендавидомъ, широко волною стремительно хлынула въ синагогу. Въ дверяхъ началась давка и свалка. Шумъ, гамъ, визгъ и крикъ наполнили всю молитвенную залу, гдѣ и безъ того уже было тѣсно и душно отъ множества заранѣе набравшагося народа. Изъ-за рѣшетокъ особыхъ женскихъ галлерей выглядывали любопытныя лица разныхъ «мадамъ» Хаекъ, Ривокъ, Басекъ и Цирокъ. На обширной эстрадѣ, извѣстной подъ именемъ альмеморы, или бимы, и возвышавшейся посреди залы, между четырьмя подпирающими потолокъ столбами, возсѣдали за длиннымъ столомъ, покрытымъ синимъ сукномъ, все представители мѣстнаго кагала: роши, шофты и дайоны, менаглы, тубы и икоры, а за ними, во второмъ ряду, вдоль точеной балюстрады, тѣснились на длинныхъ деревянныхъ скамьяхъ лемалоты, габаи разныхъ братствъ и союзовъ и весь кели-кодешъ, священнослужительскій причтъ синагоги ²⁾. Сбоку, на той же эстрадѣ, за особымъ стоикомъ за-сѣдалъ шамешъ-гакагалъ, со своимъ толстымъ, раскрытымъ на бѣлой страницѣ *тукнесомъ*,

¹⁾ Святые угодники.

²⁾ Роши — головы, шофты и дайоны или дайны — судьи кагала и бейсъ-дняз, менаглы — проводители, тубы — общественные представители, икоры — действительные члены кагала (последнее званіе есть младшая степень кагалъной іерархіи), лемалоты — выборные кандидаты на кагалъныя должности, габаи — старшины, кели-кодешъ — причтъ, состоящій изъ кантора, или, иначе, хазаана, псаломщика, пѣвцовъ и шульклепера.

готовый вписывать туда все протоколы и постановления пресвѣтлаго собора ¹⁾. На большомъ столѣ, противъ предсѣдательскаго мѣста авъ-бейсъ-дина, лежали рядомъ пергаментный свитокъ священной Торы и трехвостая ременная плетка, какъ символы закона и власти ²⁾. Внизу же, у подножія бимы, стали кагальныя шаменш, шотры и меноресы ³⁾, стремительно готовые тотчасъ же исполнить «во славу Божию», малѣйшую волю и распоряженіе «праведнаго» кагала. Всѣ роши, тубы и икоры сидѣли на креслахъ и буковыхъ стульяхъ, покрытые своими бѣлыми саванами-талесъ съ темно-синими каймами и священными письмами ципцыса. Собраніе имѣло видъ вполне торжественный.

При усиленныхъ стараніяхъ двухъ шатровъ, уседно пролагавшихъ Бендаvidу путь въ толпѣ собственными локтями и кулаками, старикъ съ трудомъ добрался наконецъ до своего всегдашняго, ежегодно откупаемаго имъ мѣста на *мизрахъ* ⁴⁾ и смиренно сталъ на немъ, въ ожиданіи своего вызова къ столу, опершись обѣими руками и подбородкомъ на высокій посохъ.

¹⁾ *Шамешъ-закагалъ* — кагальный дѣлопроизводитель и нотаріусъ. *Пикнесъ* — кагальная книга, куда своевременно вписываются въ хронологическомъ порядкѣ всѣ *песакимы*, *такомоты* и *газеты*, т. е. рѣшенія, правила и постановленія кагала. *Пикнесами* же называются также и уставы разныхъ еврейскихъ братствъ и союзовъ.

²⁾ На основаніи Туръ Хошенъ Гамяшпоть, гл. I. Вмѣсто плетки могутъ лежать также палка или цѣпь, причемъ всѣ эти атрибуты власти составляютъ даже болѣе существенную эмблему судилища, чѣмъ символъ собственно закона, Тора, присутствіе коего не безусловно необходимо (Я. Брафманъ, «Книга кагала», ч. II, стр. 28, изд. 1882 г.)

³⁾ Низшіи кагальныя и бейсъ-динныя должностныя лица, исправляющія обязанности, частью въ родѣ судебныхъ приставовъ, наблюдателей за порядкомъ и чиновниковъ для мелкихъ порученій (шаменш), частью въ родѣ экзекуторовъ и полицейскихъ десятскихъ (шотры) и, наконецъ, несущія черныя служительскія работы при синагогѣ и ея учрежденіяхъ (меноресы). Въ дни общественной скорби многіе благочестивые евреи добровольно подвергаютъ себя душевнотелесному бичеванію на папертяхъ синагогъ, и въ этихъ случаяхъ шотры являются исполнителями такихъ наказаній; они же наказываютъ плетками и по судебнымъ приговорамъ кагала и бейсъ-дина.

⁴⁾ *Мизрахъ* — восточная, самая почетная сторона синагоги, на томъ основаніи, что пришествіе Мессии ожидается съ востока, и, стало быть, тѣ, которые будутъ на мизрахѣ, встрѣтятъ его скорѣе прочихъ. Почетныя мѣста въ молитвенныхъ домахъ обыкновенно продаются кагаломъ однажды въ годъ, съ публичныхъ торговъ, желающимъ, и плата за такія мѣста нерѣдко доходитъ до значительной цифры отъ 100 до 400 и даже до 1,000 рублей въ годъ (послѣднее, конечно, только въ очень богатыхъ еврейскихъ городахъ и въ первоклассныхъ синагогахъ). Поэтому мѣста на мизрахѣ составляютъ привилегію исключительно лицъ богатыхъ.

Депутація между тѣмъ поднялась на биму, и ламданъ Ионаанъ тихо заявилъ авъ-бейсъ-дину ¹⁾ просьбу рабби Соломона — не признавать ли кагалъ справедливымъ и возможнымъ удалить предварительно изъ бейсъ-гамидраша всю эту шумную толпу, которую влечетъ сюда одно лишь праздное любопытство и предъ которой старику будетъ слишкомъ тяжело выставлять на показъ, какъ на базарѣ, всю язву постигшаго его стыда и горя. Авъ-бейсъ-динъ охотно согласился на эту просьбу, тѣмъ болѣе, что утренніе часы общественного богомоленія уже окончились, и шумъ толпы мѣшалъ бы ходу самого совѣщанія. Тотчасъ же подозвавъ къ себѣ старшаго шотра, онъ отдалъ ему приказъ удалить изъ залы всю публику. Но это не такъ-то легко было исполнить. Тщетно ударяли кожаную хлопущую по особой доскѣ на бимѣ, чтобы ея рѣзкими звуками, подобными пистолетнымъ выстрѣламъ, заставить толпу притихнуть и обратить вниманіе на заявленіе шамешъ-гакагала о томъ, что засѣданіе будетъ закрыто; тщетно надсѣдальскіе въ толпѣ шотры и шаменш, выкрикивая во всю глотку приглашеніе публикѣ очистить залу, — еврейскій шумъ и толкотня не унималась, и толпа сзади все болѣе и болѣе напирала впередъ, къ бимѣ. Поневолѣ пришлось наконецъ, не взирая на день субботній, пустить въ дѣло вещественныя атрибуты кагальнаго власти, — и шотровскія трехвостки, купно съ «жезлами Аароновыми», по-просту палками, безъ перемоніи загнали куда ни попадя, по головамъ, плечамъ и спинамъ неподатливаго Израиля. Поднялся невообразимый гвалтъ и галласъ, посыпались либеральныя протесты, горячія ссоры и ругань, пошла всеобщая сумятица, мѣстами завязались драки съ шотрами, но тѣмъ не менѣе, героическое средство мало-помалу подѣйствовало, и публика, частью въ сняткахъ, частью со вздутою щекой или расквашеннымъ носомъ, съ помятыми боками и оборванными фалдами, очистила наконецъ залу. Велѣдъ за послѣдними, выпертыми на крыльцо любителями общественныхъ дѣлъ и сильныхъ ощущеній, кагальныя меноресы заперли на замокъ двери, и въ залѣ водворились надлежащая тишина и спокойствіе. Кромѣ членовъ совѣта и служащихъ лицъ (*минимы*), тамъ не осталось никого посторонняго. Всѣ заняли присвоенныя имъ мѣста, по порядку: въ центрѣ — авъ-бейсъ-динъ, на предсѣдательскомъ креслѣ, по обѣ стороны отъ него — роши, по старшинству, затѣмъ тубы и далѣе икоры. Бендаvidъ продолжалъ уединенно и сосредоточенно стоять на своемъ мѣстѣ, не развлекая ничѣмъ потупленные взоры. Наступила минута торжественнаго молчанія, среди котораго раздался вдругъ старчески тихій, но явственный голосъ авъ-бейсъ-дина:

¹⁾ Предсѣдатель.

— Да приблизится къ пречистому кагалъному столу достопочтеннѣйшій, достойнѣйшій, достославнѣйшій во Израилѣ морейне, ребъ Соломонъ Бендавидъ!

Тотъ встрепенулся и съ покорно степеннымъ видомъ поднялся на бѣму и сталъ предъ столомъ, какъ призванный къ отвѣту.

— Кресло достопочтенному ребъ Соломону! — распорядился предсѣдатель, обратясь къ ближайшему шамешу. — Мужу столь высокочтимому не подобаетъ стоять предъ Совѣтомъ, онъ самъ членъ сего высокаго собранія и призванъ не къ допросу, а лишь для братскаго совѣщанія.

Бендаvidу принесли и поставили противъ предсѣдателя кресло, въ которое онъ опустился, предварительно повернувъ его нѣсколько въ сторону, чтобы не сидѣть спиною къ орнаменту¹⁾.

— Прежде всего, приглашаю почтенное Собрание къ молитвѣ, — началъ авъ-бейсъ-динъ. — Встанемъ и помолимся, да дастъ намъ Господь Богъ *жаръ засиме тове*, благоприятное рѣшеніе въ предстоящемъ намъ дѣлѣ.

И всѣ встали и тише чѣмъ вполголоса повторили вслѣдъ за старцемъ-предсѣдателемъ надлежащую молитву и славословіе. Затѣмъ, когда всѣ снова усѣлись, авъ-бейсъ-динъ, обращаясь къ Бендаvidу, произнесъ подобающее случаю *таухехо*, раввинское увѣщаніе, гдѣ напомнилъ ему, что Талмудъ и другіе древніе еврейскіе трактаты вмѣняютъ народу Израильскому въ особую и великую заслугу то, что, при откровеніи на Синаѣ, онъ далъ *недеръ*, обѣтъ *покорности* прежде чѣмъ еще *услышалъ* законы Бога.

— Чувствуете ли вы себя въ состояніи, — спросилъ онъ Бендаvida, — дать намъ такой же *недеръ* подчиниться съ покорностію тому общему рѣшенію, которое, съ Божьей помощью, въ духѣ нашихъ священныхъ законовъ и отеческихъ преданій, по всестороннему обсужденіи дѣла, произнесетъ вамъ Совѣтъ кагала, какъ надѣюсь, *пехъ-эходъ*?²⁾

Послѣ нѣкотораго сосредоточеннаго раздумья, Бендавидъ, склонивъ голову, тихо, но твердо произнесъ:

— Покоряюсь.

— И такъ, раббосай, въ часъ добрый!³⁾ Приступаемъ къ дѣлу. Достойнѣйшему собранію рошей, тубовъ и икоровъ нашего города ребъ Ионаанъ, извѣстный своею ученостію и богобоязнію, краса науки и свѣтло мудрости, высокоученая знаменитость, соединяющая въ

себѣ науку и славу⁴⁾, сегодня утромъ, до вашего, рабби Соломонъ, прихода, заявилъ, что вашъ достоуважаемый, честнѣйшій и въ Богѣ пребывающій домъ неожиданно посѣтило великое горе, покрывшее душу вашу непломъ неописуемой скорби. Для обсужденія, какъ помочь этому горю, я собрался сюда въ полномъ составѣ члены нашего богохранимаго кагала, которыхъ очи ваши видятъ предъ собою. Рабби Соломонъ, можете вы рассказать и объяснить намъ все, что вамъ извѣстно по сему прискорбному дѣлу?

Тяжелое внутреннее волненіе замѣтно сказалося на лицѣ Бендаvida.

— Я знаю менѣе всѣхъ... Я почти ничего не знаю, какъ и что, — началъ онъ прерывающимся, пересохшимъ голосомъ. — Знаю только то, что единственная внучка моя сегодня умерла для Израиля. Такъ мнѣ сказали.

И онъ угрюмо опустилъ на грудь голову.

— Рабби Ионаанъ, — обратился предсѣдатель къ ламдану, — можете вы доложить Собранію, какъ было дѣло?

— Съ вашего позволенія, рабби, — почти-тельно поднялся тотъ съ мѣста. — Я полагаю, бы, что самымъ обстоятельнымъ образомъ могъ бы познакомить высокій Совѣтъ съ этимъ дѣломъ его ближайшій свидѣтель. Это родственникъ — достопочтеннаго ребъ Соломона, гимназистъ Айзикъ Шацкеръ. Шамешъ, по моей просьбѣ, уже успѣлъ разыскать его въ городѣ и доставить. Онъ здѣсь, если потребуется.

— Прекрасно. Да предстанетъ къ пречистому кагалъному столу гимназистъ Айзикъ Шацкеръ.

Двое шамешей тотчасъ же ввели въ залу блѣднаго, взволнованнаго и отчасти перетрусившаго Айзика. Поставленный предъ «пречистый столъ», при видѣ столь торжественной обстановки и столь высокаго собранія, онъ окончательно смутился и растерялся. Но предсѣдатель ободрилъ его нѣсколькими ласковыми словами, и юноша началъ свое показаніе, сначала неровно, съ запинками и недомолвками, но затѣмъ, видя всеобщее къ себѣ вниманіе и одобрительное покачиваніе головою со стороны предсѣдателя и ламдана, онъ приободрился и рассказалъ обстоятельно и подробно все, что ему было извѣстно, съ начала и до конца.

Во время его разсказа, на рѣсницы Бендаvida раза два навертывалась слеза, которую онъ старался незамѣтно смахивать рукою. Страшное чувство испытывалъ старикъ въ душѣ въ эти минуты. Когда привели Айзика, ему стало какъ-то жутко и неловко, даже совѣстно смотрѣть на него, и совѣстно не за себя, а за этого самаго Айзика. — «Зачѣмъ онъ здѣсь! Лучше бы его не было!» Онъ точно бы

¹⁾ Кивотъ завѣта; настѣнный шкафчикъ, гдѣ хранится священный свитокъ Пятикнижія.

²⁾ Единогласно. Техническое выраженіе изъ практики кагалъной юриспруденціи.

³⁾ Обычно условный приступъ къ рѣшенію каждаго кагалънаго дѣла.

⁴⁾ Обычная кагалъная формула для торжественно официальнаго титулованія кого-либо изъ особо уважаемыхъ лицъ и членовъ.

боялся этого благодѣтельствованнаго имъ мальчика, боялся, предчувствуя, что этотъ Айзикъ своимъ разсказомъ долженъ нанести ему страшный, неостратимый ударъ въ самое сердце, что онъ отниметъ отъ него лучшую, драгоценнѣйшую часть этого сердца, его единственную въ жизни радость и надежду, какою до сего дня была для него Тамара,—отниметъ и не оставитъ въ душѣ на ся счетъ ни малѣйшей иллюзіи, никакого сомнѣнія. Онъ страшился при мысли, что изъ этого разсказа увидитъ свою Тамару, облитуя грязью такого чернаго поступка, какаго нѣтъ хуже во Израилѣ.—«О, лучше бы не слышать, лучше бы прямо умереть на мѣстѣ!» Нѣсколько разъ, во время показанія Айзика, Бендаvidу хотѣлось крикнуть ему. «Замолчи, несчастный! Ты лжешь! Этого не можетъ быть! Это неправда»—но увь! Айзикъ разсказывалъ такъ просто и чистосердечно, что никакимъ сомнѣніямъ не оставалось мѣста. И чѣмъ дальше говорилъ и объяснялъ онъ, тѣмъ все больше замѣчалъ въ себѣ старикъ, что начинаетъ испытывать къ нему какое-то странное, непріязненное чувство досады, злобы и даже ненависти за этотъ самый его разсказъ, за эту его обстоятельность и правдивость. Ему казалось, какъ будто Айзикъ предъ его глазами живьемъ рѣжетъ связанную Тамару на части, постепенно отхватывая ножомъ одинъ за другимъ, все ея суставы и члены, и онъ, Бендаvidъ, не можетъ, не смѣетъ остановить его. Это было смутное и тяжелое ощущеніе, похожее на кошмаръ. Но въ то же время разсудокъ, вопреки гнѣву сердца, говорилъ ему, что за что же досадовать и негодовать на бѣднаго мальчишку, который такъ искрененъ, который очевидно любитъ и его, и Тамару — все дѣйствія его безспорно доказываютъ это—и который, сверхъ всего, является во всемъ этомъ дѣлѣ такимъ примѣрно добрымъ евреемъ. За что же его ненавидѣть? Въ чемъ виноватъ онъ?..

Когда же юноша кончилъ, среди общаго молчанія, явившагося слѣдствіемъ общаго подавленнаго чувства, Бендаvidъ всталъ съ мѣста и, положивъ ему руку на плечо, проговорилъ надорваннымъ голосомъ:

— Спасибо, Айзикъ, ты сказалъ правду, но... ты убилъ меня ею. Что же спасти ее, раббосай!—обратился онъ къ собранію,—что же тутъ спасать, если, вы слышали, она сама... сама, своею доброю волей ушла къ этому негодю и такъ легко отеклась отъ еврейства!.. Меня казните... Не она, а я виноватъ... Я, моя глупая сѣдая голова, которая ничего не видѣла и своимъ потворствомъ довела ее до такого конца... Судите меня, я одинъ достоинъ яры!..

И онъ, съ прорвавшимся наконецъ рыданіемъ, предъ всѣмъ соборомъ упалъ на колѣна.

Собраніе разомъ исполнилось и встало съ

мѣстъ. Никто не ожидалъ такого исхода. Нѣкоторые заботливо бросились къ Бендаvidу помогать ему подняться на ноги; кто-то изъ шамшей побѣжалъ за стаганомъ воды; со всѣхъ сторонъ раздались восклицанія и слова сочувствія, утѣшенія и дружескіе протесты противъ такого самообвиненія со стороны рабби Соломона, котораго-де все такъ любятъ, такъ уважаютъ и проч. Одинъ лишь Айзикъ остался, какъ стоялъ, на своемъ мѣстѣ, по-видимому, спокойнѣе и даже безучастнѣе остальныхъ; но это быть можетъ потому, что онъ былъ ошеломленъ и смущенъ послѣдними, обращенными къ нему, словами Бендаvida «ты убилъ меня».

Ламданъ Ионаанъ съ предѣтелемъ и нѣкоторыми друзьями успѣли наконецъ успокоить нѣсколько старика и уговорили его удалиться на время въ канцелярію, отдохнуть тамъ и успокоиться вполнѣ, пока Совѣтъ, знающій теперь хорошо все дѣло, успѣетъ обсудить надлежащія мѣры, — тогда-де мы снова попросимъ васъ сюда и окончательно рѣшимъ все, какъ слѣдуетъ, съ нашего одобренія.

Двое шамшей увели старика подъ руки въ смежную комнату, гдѣ помѣщалась кагалъная канцелярія, и оставались при немъ все время, пока шло засѣданіе, ухаживая и предупреждая малѣйшее его желаніе. Айзика тоже вывели изъ залы, приказавъ ему дожидаться въ сѣняхъ, на случай, если еще окажется въ немъ надобность для какихъ-либо дополнительныхъ разъясненій.

Спустя часа полтора, Бендаvida опять пригласили въ Совѣтъ и снова усадили съ почетомъ въ то же кресло.

— Достопочтеннѣйшій рабби Соломонъ!—обратился къ нему предѣтель.—По соображенію всѣхъ подходящихъ правилъ, законовъ и постановленій нашихъ великихъ мудрецовъ и на основаніи оныхъ, высокій Совѣтъ нашего кагала единогласно постановляетъ...

При этихъ послѣднихъ словахъ, все члены Совѣта торжественно и въ полномъ молчаніи поднялись съ мѣста и какъ бы замерли въ нѣмомъ благоговѣйномъ чувствѣ. Приостановившійся на минуту предѣтель продолжалъ:

— Первое. Талмудъ вѣщаетъ: «Три вѣнца есть: вѣнецъ закона, вѣнецъ священства и вѣнецъ царственный! Но вѣнецъ добраго имени выше всѣхъ ихъ вмѣстѣ». Ваше доброе имя, рабби, во всемъ этомъ дѣлѣ признается выше всякихъ нареканій, оно останется по-прежнему кристально чистымъ, несокрушимо твердымъ и высокочтимымъ, какъ драгоценный алмазъ, если вы соблаговолите послѣдовать всѣмъ тѣмъ глубоко искреннимъ и дружескимъ совѣтамъ, каіе, по рѣшенію сего высокаго Собранія, будутъ вамъ преподаны.

Бендаvidъ почтительно поклонился въ знакъ своего безирекословнаго согласія.

— Второе, — продолжалъ авъ-бейсъ-динъ, методически и послѣдовательно загибая пальцы лѣвой руки указательнымъ правой. — Внучка ваша, дѣвица Тамара, при наетси пока еще не оксверненною безвозвратно ни душой, ни тѣломъ, а потому священный долгъ каждого еврея — способствовать всѣми средствами и стараться всѣми силами, какъ можно наипослѣднѣе, вырвать ее изъ нечестивыхъ когтей гегенема ¹⁾. Приступить къ этому каждый обязанъ немедленно же, не взирая на день субботнѣй, ибо тутъ дѣло идетъ о спасеніи отъ смертной погибели души еврейской.

Бендавидъ вторично поклонился еще почтительнѣе. Это постановленіе подавало ему нить нѣкоторой надежды. Было утѣшительно уже и то, что онъ получалъ теперь право не считать пока Тамару умершей.

— Третье, — продолжалъ между тѣмъ авъ-бейсъ-динъ. — Принять всѣ мѣры къ немедленному же удаленію не только изъ города, но и изъ самаго края нашего главнаго виновника всего судяняго зла, и да не дерзнетъ болѣе этотъ гнусный хоцефъ ²⁾ никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не только возвращаться въ наши мѣста, но и гдѣ бы то ни было помышлять о вашей внучкѣ. Чтобы согнуть его въ дугу ³⁾ и заставить безусловно покориться справедливому постановленію Совѣта, въ нашихъ рукахъ имѣются всѣ средства. Шаменъ-гакагалъ привелъ въ точную извѣстность по шикесу всѣ долгиныя обязательства этого негодяя во всемъ районѣ, куда лишь простирается лучъ власти нашего праведнаго кагала, — обязательства какъ по векселямъ, роспискамъ и вѣрительнымъ письмамъ, такъ и по подписнымъ магазиннымъ и инымъ счедамъ. Сумма всѣхъ такихъ обязательствъ оказалась въ 41.600 рублей. Кагалъ беретъ на себя поужденіе всѣхъ евреевъ, приобрѣтшихъ на графа Каржолъ де-Нотрека право меропіа ⁴⁾, немедленно же, то есть не позже пяти часовъ шикнѣшняго дня, представить подъ страхомъ херима, въ кагалную канцелярію всѣ такіе документы, и, для облегченія вамъ сдѣлки, обязать владѣльцевъ получить по

онимъ не ту сумму, какая въ нихъ обозначена, а лишь ту, какая была дѣйствительно ими выдана. Согласны ли вы на этихъ условіяхъ скупить всѣ долгиныя обязательства графа Каржолъ?

— Согласенъ, — отвѣчалъ Бендавидъ, — но съ тѣмъ, что я плачу всю ихъ стоимость полностью.

При этихъ словахъ, весь кагалъ даже ротъ разинулъ отъ изумленія. Спятилъ, что-ли, старикъ съ ума, что отказывается вдругъ отъ такого великолѣпнаго гешефта?! Возможно ли, платить болѣе сорока тысячъ, когда человѣку предлагаютъ купить все за восемь, много за десять!.. И онъ не хочетъ!.. Сумасшествіе!..

— Да, не иначе, — подтверждалъ Бендавидъ. — Я не хочу, чтобы мои братья во Израилѣ потеряли изъ-за меня хоть одну полушку изъ своихъ барышей, я не допущу, чтобы хоть одинъ изъ нихъ могъ роптать на меня. Я плачу все, *адъ прудо ахроно* — до послѣдней копейки. Я сказалъ.

— Дѣлаетъ вамъ великую честь, — поклонился ему въ поясъ предсѣдатель. — Иного отвѣта, впрочемъ, кагалъ и не могъ ожидать отъ вашего всему міру извѣстнаго великодушія. Прѣтому, — продолжалъ онъ, — принимая во вниманіе *аунусъ нефонось*, высокій Совѣтъ праведнаго кагала разрѣшаетъ вамъ, еслибы потребовалось, распорядиться сегодня же, не взирая на день субботнѣй, вашими денежными средствами *собтвенноручно*, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ признаете нужнымъ. Равнымъ образомъ, и всѣмъ владѣльцамъ означенныхъ документовъ, буде пожелаютъ, разрѣшается на тѣхъ же основаніяхъ принять за нихъ уплату сегодня же. Шаменъ гакагалъ немедленно составить законное постановленіе, какъ на еврейскомъ, такъ и на русскомъ языкахъ, что ребъ Соломонъ Бендавидъ есть единственный собственникъ всѣхъ долговыхъ обязательствъ графа Каржолъ, скупленныхъ имъ на законныхъ основаніяхъ.

Бендавидъ снова отдалъ почтительный поклонъ.

— Четвертое, — продолжалъ предсѣдатель. — Разрѣшается начать немедленное преслѣдованіе помянутаго Каржолъ всѣми доступными кагалу, явными и тайными способами, а равно принять всѣ мѣры къ успѣшному склоненію на нашу сторону минуевъ отъ мемшелевъ задонъ ¹⁾. За денежными средствами на это

¹⁾ Ада.

²⁾ Наглець, безстыдникъ.

³⁾ Техническое выраженіе кагалныхъ актовъ.

⁴⁾ *Меропіа* или *марофія* есть право эксплуатаціи личности не-еврея, приобретаемое съ торговъ у кагала. Сюда относятся: право быть поставщикомъ не-еврею какихъ-либо продуктовъ и прочаго, право давать ему въ долгъ на проценты, давать и принимать за него подкупъ и вообще обирать его всякими способами и путями, ибо личность и имущество не-еврея считаются *зефкеръ*, т. е. свободными для эксплуатаціи, и кто изъ евреевъ раньше ими завладѣетъ, тому они и принадлежатъ (Хошенъ-Гаминшпотъ, т. е. Сводъ Евр. Законовъ, § 156, ст. 17 и Мардехай, трактатъ Баба-Батра, гл. 8, Но-Гахпоръ).

¹⁾ *Минувъ*, множ. ч. *минуимъ* — чиновники, должностныя лица, безразлично, какъ государственнаго, такъ и кагално-еврейскаго правительства. *Мемшелевъ задонъ* значитъ варварское, т. е. не-еврейское, правительство. Эпитетъ „варварское“ прилагается евреями не только къ русскому, но и вообще ко всякому правительству, подъ которымъ они вынуждены жить въ *голусть*, т. е. въ изгнаніи, до пришествія ихъ Мессіи. Къ официальному правительству примѣняется также

вы, рабби Соломонъ, конечно, не постыте. Для этой цѣли Совѣтъ съ почетомъ избираетъ двухъ тайныхъ преслѣдователей ¹⁾, въ лицѣ достойныхъ талмудъ-хахомимъ, рабби Ионафана ламдана и рабби Абрама, сына Йосефа Блудштейна, ибо въ Талмудѣ сказано: «тотъ не талмудъ-хахамъ, кто не умѣетъ жалить и мстить, какъ змѣя»; мы же въ этомъ отношеніи вполне полагаемся на ихъ талмудическую и житейскую мудрость и опытность. Поручаемъ имъ дѣйствовать такъ, какъ Богъ освѣтитъ ихъ разумъ въ пользу настоящаго богоугоднаго, великаго и заповѣднаго дѣла. Да принесутъ они въ томъ надлежащую присягу и да поведетъ ихъ Господь по благочестивѣйшему и благопослѣдному пути, на срамъ и поношеніе врагамъ и на торжество Израиля!

Рабби Соломонъ, рабби Ионафанъ и рабби Абрамъ Блудштейнъ въ отвѣтъ на это отвѣсили каждый по молчаливому поклону.

— Пятое. Такъ какъ со стороны настоятельныхъ здѣшняго женскаго клейстера ²⁾ это уже не первый случай способствованія гибели душъ евреевъ, то высочайшій Совѣтъ кагала, въ справедливомъ гнѣвѣ своемъ, постановляетъ надъ нею *херимъ*: искоренять ее навсегда изъ здѣшняго края какими бы то ни было спосо-

названіе *адоне-гаарецъ*, т. е. невѣжественное, некомпетентное.

¹⁾ Учрежденіе о „тайномъ преслѣдователѣ“ есть одно изъ древнихъ еврейскихъ учреждений талмудическаго періода. Тайный преслѣдователь избирается временно, иногда ежемѣсячно, по баллотировкѣ въ закрытомъ засѣданіи кагала. Съ него берется торжественная присяга никогда и никому въ мірѣ не открывать, что онъ когда-либо былъ тайнымъ преслѣдователемъ и никому на свѣтѣ не потворствовать, но дѣйствовать согласно данной ему кагаломъ инструкціи. Последнее и страшное слово этой инструкціи, имѣющей цѣлью „въ дугу согнуть ослушника“, гласитъ: „*Унишио шебиомъ покодй юфкатъ оловъ раото*“, что значитъ: „Въ роковой часъ да разразится надъ нимъ его несчастье“. Тайный преслѣдователь имѣетъ право дѣйствовать для приведенія оглашеннаго къ покорности всевозможными путями, начиная отъ убѣжденія словомъ, соблазна подкупомъ, обманомъ, подлогомъ и угрозою на словахъ, затѣмъ, при содѣйствіи кагала, херимомъ, исключеніемъ виновнаго изъ еврейской среды или вообще изъ общества, если онъ не-еврей, ложными доносами на него правительству, клеветой, и, наконецъ, инквизиционнымъ убійствомъ. Опредѣленіе рода смертной казни оглашенному, равно какъ выборъ лицъ для приведенія ея въ исполненіе, вполне завѣсятъ отъ усмотрѣнія тайнаго преслѣдователя. (Я. Брафманъ, т. I, 193, 194, т. II, 84, 85 и акты кагала за № 155 и 156). Права эти представляются на основаніи ст. 2 Туръ-Хошенъ-Гаминшотъ (Сводъ Еврейскихъ законовъ, обязательныхъ на вѣки), гдѣ между прочимъ сказано: „Бейсь-динъ имѣетъ власть наказывать плетью неподлежащаго наказанію плетью, убивать неподлежащаго смертной казни, и это не съ цѣлью нарушенія закона, а напротивъ, для поддержанія его, согласно требованіямъ времени“.

²⁾ Клейстеръ, или клеистеръ—монастырь.

бами и путями, какіе раньше или позднѣе окажутся въ нашей возможности.

— Амины!—единодушно отвѣтило вразъ все Собраніе.

— Шестое, — продолжать председатель. — Впредь до возвращенія дѣвицы Тамары Бендавидъ въ лоно еврейства, она приравнивается къ тѣмъ изверженнымъ изъ Израиля мамзерамъ ¹⁾, кои, по закону нашему, не имѣютъ ни правъ наслѣдія, ни вообще какихъ-либо гражданскихъ правъ, а посему все принадлежащее ей имущество движимое и недвижимое, — послѣднее отъ нѣдръ земли и до высоты небесъ ²⁾, — а равно и все ея наслѣдственные капиталы объявляются подъ запрещеніемъ. Собственникомъ же ихъ, на основаніи Хезкатъ-Ишубъ ³⁾, кагалъ города Украинска объявляетъ себя самого и всецѣло препоручаетъ ихъ попеченію морейне Соломона Бендавида, на его отвѣтственность, но съ тѣмъ однако, что достойный мужъ сей, подъ страхомъ херима, обязается предъ пречистымъ и праведнымъ кагаломъ—ни подъ какимъ видомъ, ни прямо, ни косвенно, ни полностью, ниже малѣйшею долею не помогать означенной дѣвицѣ Тамарѣ ни изъ своихъ, ни изъ отнимаемыхъ у нея по закону средствъ, во вся дни живота ея, дондеже не возвратится въ еврейство.—Рабби Соломонъ принимаетъ ли на себя такое обязательство?

— Принимаю, — тихо промолвилъ старикъ упавшимъ голосомъ.

— Въ такомъ случаѣ, приглашаю васъ къ текіатъ-кафу ⁴⁾.

¹⁾ Незаконнорожденнымъ.

²⁾ Обычная формула кагалныхъ постановленій этого рода.

³⁾ *Хезкатъ-Ишубъ* — законоположеніе о власти кагала надъ территоріей и населеніемъ его района. Въ силу *Хезкатъ-Ишубъ*, кагалъ имѣетъ право на все, что входитъ въ подвѣдомый ему округъ, и все можетъ подчинить своей власти. Опираясь на это законоположеніе, кагалъ считаетъ себя хозяиномъ всѣхъ безъ исключенія имуществовъ, какъ еврейскихъ, такъ и христіанскихъ, находящихся въ его районѣ. Согласно *Хезкатъ-Ишубу*, личность и имущество каждаго еврея находится въ полной фактической и юридической зависимости отъ кагалной власти; личность и имущество христіанина и вообще не-еврея также не изъята изъ-подъ кагалнаго вѣдѣнія. По *Хошенъ-Гаминшоту* (ст. 156), „имущество не-еврея — *гефкеръ*“, т. е. свободно; по талмудическому трактату *Баба-Батра* (стр. 55), „имущество не-еврея — что пустыня свободна“, по „Юридическимъ Респонсамъ“ раввина Йосифа Кулуна (1552 г.), „имущество не-еврея — что озеро свободное“ (№ 132). Согласно такому взгляду закона и его толкователей, кагалъ, руководствуясь *Хезкатъ-Ишубомъ* видитъ не только въ еврейскихъ, но и въ христіанскихъ жителяхъ своего района и въ ихъ имуществохъ какъ въ свою государственную или казенную собственность, которую онъ и распоряжается на своеобразныхъ правовыхъ началахъ. (Я. Брафманъ, т. I, 129).

⁴⁾ *Текіатъ-кафъ*, равно какъ *кабалотъ сударъ*, или *кинонъ* суть обрядовыя дѣйствія равнаго

Авъ-бейсъ-динъ и Бендавидъ протянули другъ другу черезъ столъ свои правыя руки и энергично пожали ихъ.

— Аминь! — единодушно скрѣпило этотъ актъ все Собраніе.

— Да будетъ же листъ вашъ зеленъ! ¹⁾ — пожелалъ Соломону предсѣдатель съ поклономъ, и всѣ остальные члены также поклонились ему и пожелали всякаго благополучія, а главное, какъ только удастся выцарапать Тамару изъ клештера, немедленно же отдать ее замужъ за добраго, богобоязненнаго еврея, тогда-де и всѣмъ ея глупостямъ конецъ!

— Въ заключеніе же, — продолжалъ предсѣдатель, — Совѣтъ постановляетъ еще слѣдующій *мицвотъ* ²⁾: для скорѣйшаго устраненія постигшихъ насъ *бегулесъ*, смуты и горести, обвести бѣлою ниткою синагогу и еврейское кладбище и, осушивъ изъ нея фитиль, карѣвать его и вставить въ восковыя свѣчи, которыя будутъ зажигаться въ синагогѣ во время молитвы. При совершеніи сего испытаннаго, вѣрнаго средства, каждому предоставляется одѣлать добродѣтельное пожертвованіе, на основаніи *посуха*: «Милостыня спасаетъ отъ смерти» ³⁾.

— Аминь! — отвѣтило Собраніе.

— Еще одну минуту! — остановилъ авъ-бейсъ-динъ нетерпѣливыхъ членовъ, готовыхъ уже встать изъ — за стола и легѣть поскорѣе домой, гдѣ ихъ давно ожидали вкусные кугли, шупаки и дымыши. — Раббосай! Одну минуту терпѣнія!.. Да предстанетъ предъ пречистый кагалный столъ гимназистъ Айзикъ Шацкеръ!

Шамени тотчасъ же ввели и поставили Айзика на надлежащее мѣсто.

— Сынь мой! — милостиво обратился къ нему предсѣдатель. — Пречестное Собраніе единогласно признаетъ, что ты въ настоящемъ дѣлѣ, отъ начала и до конца, велъ себя, какъ подобаетъ истинно добродѣтельному и честному еврею, а по сему, въ примѣръ прочимъ, благосклонно жалуетъ тебя званіемъ *илуя* ⁴⁾.

значенія. Первое заключается въ подаваніи руки (рукобитіе), а послѣднее во вѣтаніи рукою за конецъ платка или полы одежды, которую шамешъ подаетъ липамъ заключившимъ между собою какой-либо договоръ. Это дѣйствіе придаетъ дѣлу религиозно законную и юридическую санкцію. Текіатъ-кафъ служитъ подтвержденіемъ не только договора, но и просто слова или обѣщанія.

¹⁾ Выраженіе, нерѣдко употребляемое въ кагалной практикѣ и въ актахъ; смыслъ его — да будете вы счастливы.

²⁾ Богоугодный обрядъ, или вообще богоугодное дѣло.

³⁾ Притчи Соломона, гл. X, 2 и гл. XI, 4. *Посухъ* значитъ стихъ. Обычай обведенія ниткой синагоги и кладбища, по еврейскому повѣрью, устраняетъ всякія несчастія и болѣзни.

⁴⁾ *Илуя* значитъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ молодой человѣкъ. Званіе это обыкновенно дается тѣмъ изъ учениковъ эшеботовъ,

Взыгравшій отъ радости Айзикъ бросился почтительно цѣловать полу талеса и руку авъ-бейсъ-дина. О, теперь карьера его, можно сказать, обезпечена, теперь онъ знаетъ, что далеко пойдетъ во Израилѣ!.. Такое лестное отличіе, да еще данное самимъ Совѣтомъ кагала, выпадаетъ на долю немногихъ.

Соломонъ Бендавидъ тоже, съ видомъ благоклонности, погладилъ по головѣ своего пріемыша, и Айзикъ облобызалъ также и его руку. До нынѣшняго дня старикъ и не подозревалъ, что въ его семьѣ обрѣтается такая будущая «краса Израилѣ», на которую онъ и вниманія-то мало обращалъ, давая этому бѣдному родственнику пріютъ и образованіе, лишь ради богоугоднаго дѣла.

Члены между тѣмъ столпились у столика шамешъ-гакагала, для подписи протокола нынѣшняго засѣданія, по извѣстной формулѣ, которая гласила, что «для полнаго скрѣпленія сначала и до конца всего изложеннаго, а также дабы все оно сохранилось до скорѣйшаго пришествія нашего праведнаго освободителя (Мессіи) — да ускорится оно въ наши дни! — мы, роши, тубы и коры города, нынѣ подписываемся перомъ желѣзнымъ и перомъ свиновымъ ¹⁾. Первымъ подписался авъ-бейсъ-динъ, съ необходимыми прибавленіемъ къ своему имени условнаго эпитета «смиранный», за нимъ остальные, но уже безъ эпитетовъ, а въ заключеніе шамешъ-гакагалъ скрѣпилъ и удостоирилъ собственноручно подписать «славнаго и великаго раввина, государя нашего Боруха, сына великаго раввина Йоселя Натансона» ²⁾.

— И такъ мы покончили! — провозгласилъ предсѣдатель. — Принесемъ же теперь *бирхатъ ламинимъ* ³⁾, какъ нельзя болѣе подо-

которые отличаются постоянно усидчивымъ трудомъ, смирениемъ характера, скромностью поведенія и отличными способностями. Илуя можетъ разсчитывать попасть въ зятя ко гвирамъ изъ высшей аристократической среды, и гвиры нерѣдко сами подыскиваютъ себѣ подобныя зятьевъ между бѣдными эшеботниками. Кромѣ того, въ большинствѣ случаевъ, юношу, признаннаго илуемъ, ожидаютъ со временемъ всѣ высшія привилегіи еврейскаго патриція, заправителя общины.

¹⁾ Выраженіе условное и аллегорическое; значить оно — подписываемся *твердо и назкиъ*.

²⁾ Высшимъ раввинамъ присвоивается иногда царскій титулъ. Такъ, въ «Книгѣ Кагала» Я. А. Брафмана (т. II, 348) въ актѣ № 797 говорится: «Рѣшено возобновить *царство нашего государя*, морейне, учителя нашего и великаго раввина Израилѣ, чтобы онъ оставался раввиномъ и предсѣдателемъ бегъ-дина нашего города еще на десять лѣтъ» и т. д. Называются раввины «дарями» на основаніи Талмуда, по которому «раввины — это дари». Подтвержденіе этого см. въ трактатахъ: Гитинъ л. 62, Сотта, глава «Агала-аруфа», Паладъ Ицхакъ, Буква самехъ, л. 114—2, и др.

³⁾ Молитва эта есть 19-е славословіе, прибавляемое въ первомъ вѣкѣ христіанской эры къ

бающее намъ въ настоящихъ прискорбныхъ обстоятельствахъ.

И обратясь лицомъ къ орнъ-такодешу, авъ-бейсь-динъ воздѣлъ свои руки горѣ и вдохновеннымъ голосомъ громко сталъ читать наизусть молитву:

— «Слава Тебѣ, Боже, сокрушающему враговъ и покоряющему нечестивыхъ! Клеветникамъ да не будетъ надежды и да сгинуть въ мигъ всѣ *минимъ*! ¹⁾ Да искоренятся сейчасъ всѣ враги народа Твоего! Искорени, сокруши и истреби мгновенно въ наши дни всѣхъ смутителей! Слава Тебѣ, Боже, сокрушающему враговъ и покоряющему нечестивыхъ!»

— Аминь!—откликнулся весь кагалъ, и затѣмъ Собраніе объявлено закрытымъ.

ХІІІ.

Рабби Ионаанъ и рабби Абрамъ, ходатаи.

Былъ часъ обѣденный. Господинъ Горизонтовъ возвращался изъ консисторскаго присутствія домой хотя и усталый, но въ самомъ игривомъ расположеніи духа. Онъ былъ вполне доволенъ собою. «Дѣло» графа Карполя было уже имъ «очищено»,—бумага подписана владыкой и тотчасъ же отправлена съ консисторскимъ разсылнымъ по назначенію, къ игуменѣ Серафимѣ. Изъ ста рублей, оставленныхъ ему графомъ сегодня утромъ, конечно, не перепало консисторской братѣ «на молитву» ни полушки; зато дебелая страпуха его будетъ съ обновой. Она ужъ давно приставала къ нему съ просьбой купить ей на платье зеленого полуатласу, и онъ обѣщалъ ей, да все откладывалъ до получения «наградныхъ», а теперь, благодаря неожиданно перепавшей «благостинѣ», вдругъ открылась возможность побаловать бабу подаркомъ и ранѣе обѣщаннаго срока. Можно будетъ благопріятелей, «дружковъ» созвать «на вечерушку» побаловаться въ стукотку да попѣть хоромъ подъ гитару бурсацкія пѣсни. И заранѣе уже представляя въ собственномъ воображеніи, какъ хорошо все это выйдетъ, господинъ Горизонтовъ не безъ пріятности напѣвалъ себѣ теноркомъ подь нозь:

негласной молитвѣ «Шемейна эсрей», состоявшей тогда изъ 18-ти славословій. Молить она спеціально объ искорененіи христіанъ, и каждый еврей, равно какъ и каждый молятивный домъ обязаны ежедневно читать ее три раза, съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и благоговѣніемъ, какъ молитву, составляющую главную часть еврейскаго богомоленія.

¹⁾ *Минъ*, множ. ч. *минимъ*—одно изъ названій, даваемыхъ евреями христіанамъ и, въ особенности, выкрестамъ изъ евреевъ. Слова: *минъ*, *минимъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ *минуи*, *минуимъ* (чяновники, должностныя лица).

«Не дивитесь, друзья,
Что не разъ
Промежъ васъ
На пиру веселомъ я
Призадумывался».—

Вдругъ, въ корридорѣ, почти передъ самыми дверьми его квартиры, онъ былъ остановленъ неожиданнымъ вопросомъ:

— Живните, чи то не ви будете гасшпидинъ закретаръ адъ консисторія?

Горизонтовъ удивленно поднялъ глаза и увидѣлъ предъ собою сухощаво-длинную, вихлявую фигуру какого-то пожилого еврея, съ почтительно приподнятой фуражкой.

— Нѣтъ, это я буду секретарь. А тебѣ что?—спросилъ онъ.

— Балшова дѣла до васъ *имѣемъ*, нятѣресново дѣла... очень, очень даже нятѣресново,—выразительно подчеркнул проситель.

— Ну, любезный,—лѣниво зѣвнулъ ему на это секретарь,—съ дѣлами приходи завтра, а теперь я вѣсъ хочу и дѣла никакихъ слушать не стану.

— Гхарашь!—охотно согласился еврей, съ предупредительнымъ поклономъ.—Ви себѣ кушійте, а ми себѣ будемъ ждать. Какъ ви покушете, то ми поговоримъ.

— Какъ я покушаю, то лягу спать и ни о чемъ съ тобой разговаривать не стану,—слегка насмѣшливо впадая въ его тонъ, замѣтилъ Горизонтовъ.

— Ой-вай!—съ тонкой улыбочкой помоталъ головою проситель.—Живните, гасшпидинъ, но это таково дѣла, снто ви какъ только вслышите, то не захочете спать... Можетъ, и кушнть не захочете.

— Да ты кто такой?—недовѣрчиво оглядывая его, спросилъ Горизонтовъ.

— Я-а?...Я Ионаанъ ламданъ, пленницотентъ адъ гасшпидинъ Шаломонъ Бендавидъ... Понимаетю?—выразительно подмигнулъ еврей, поднявъ къ прищуренному глазу указательный палецъ.

Горизонтовъ кисло наморщился. Догадаться было не трудно, что дѣло должно идти о Тамарѣ, и хотя предупредительное напоминаніе объ *очень* большомъ интересѣ этого дѣла давало ему нѣкоторые намеки на весьма привлекательныя перспективы, тѣмъ не менѣе, въ виду только-что отправленной бумаги къ Серафимѣ, перспективы эти туманились и нѣсколько досадными «заковыками». Во всякомъ случаѣ, казалось необходимымъ выслушать Бендавидовскаго «пленницотента».

— Хорошо, потолкуемъ,—согласился онъ, и пригласилъ ламдана войти въ квартиру.

Рабби Ионаанъ, очутившись въ знакомой уже намъ комнатѣ, прежде всего попросилъ хозяина, изъ предосторожности, притворить поплотнѣе дверь и никого не принимать, а затѣмъ прямо приступилъ къ дѣлу. Онъ безъ обиня-

ковъ пояснилъ, что графъ Каржоль «закрутилъ» внуку Бендавида, чтобы жениться воспользоваться ея состояніемъ и только съ этою цѣлью хочетъ «навертатъ ее на право-славіе»; что со стороны Тамары, кромѣ увлеченія наружностью и блескомъ такого большого «пурица»¹⁾, нѣтъ никакого болѣе серьезнаго побужденія взмѣнять своей религіи; что увлеченіе, разумѣется, скоро пройдетъ, а несчастье останется, тѣмъ болѣе, когда Каржоль разочаруется въ своихъ ожиданіяхъ, не получивъ ровно ничего за Тамарой, и изъ всего этого «кельскаго дѣла» ничего не выйдетъ, кромѣ «ногъ грейсеръ шкандалъ», а потому-де Бендавидъ готовъ сдѣлать какое угодно «благодарное одолженіе», если ему помогутъ вернуть изъ монастыря его внуку; онъ готовъ даже пожертвовать за это самой игуменьѣ на монастырь нѣсколько тысячъ и, кромѣ того, заплатить за совѣтъ и содѣйствіе «добрымъ людямъ», что, во всякомъ случаѣ, составитъ для нихъ нѣчто болѣе существенное, чѣмъ пріобрѣтеніе души какой-нибудь глухенькой еврейки.—«И на сито вашему Богу таково пусто душа, звинните!»

— Все это понятно,—замѣтилъ Горизонтовъ.—Не понимаю только одного: съ какой стати со всѣмъ этимъ дѣломъ вы собственно ко мнѣ обращаетесь? Причемъ я-то тутъ?

— Ой, ваше высокоблагородіе!..—Какъ не ви, то кто же?! Мы вже знаемъ, за каково дѣла до кого обернуться. Пускай только поскорѣйшъ вертаютъ намъ ее назадъ изъ монастыря—абы только нехрѣщону—а мы вже будемъ благодарить вамъ, какъ Богу... Бендавидъ ажъ тысяча рубли не пожаѣтъ за такое дѣла.

При этихъ словахъ Горизонтовъ снова наморщился и раздумчиво запустилъ пальцы въ свою подбородную шерстинку.

«Эка досада, право!» думалось ему. «И дернула жъ велекая поторопиться съ этою бумажкой!.. Вѣдь не пошли мы ее, можно бы сейчасъ же дать строжайшее предписаніе возвратить дѣвчонку роднымъ, и всему бы дѣлу конецъ... Тысяча... Нѣтъ, чортъ возьми, тутъ не тысячу попало бы: попряжаться малость, такъ и въ три дали бы... Да неужто же нельзя поправить?» задалъ онъ внутренне самому себѣ подбадривающій вопросъ.

А рабби Ионаанъ досталъ между тѣмъ изъ бокового кармана старый бумажникъ и молча, неторопливо и отчетливо принялся отсчитывать изъ него, одну за другою, пять сотенныхъ бумажекъ. Отсчитавъ и положить на столъ передъ Горизонтовымъ.

— Это что же такое? Зачѣмъ?—спросилъ послѣдній какъ бы удивленно и даже нѣсколько сурово.

— На хлопоты,—не смущаясь, пояснилъ еврей съ тою спокойно самоувѣренною и дѣловито деликатною манерой, которая вообще присуща сынамъ Израиля въ подобныхъ щекотливыхъ положеніяхъ.—А какъ, дастъ Богъ, покончимъ дѣло,—прибавилъ онъ еще деликатнѣе,—то гаспишдинъ секретарь іймѣтъ получить еще пятьсотъ за хлопоты.

— Ну, это ты, любезный, убирай назадъ... Убирай, убирай!—торопливо и грубо заговорилъ Горизонтовъ, отодвигая къ ламдану пачку бумажекъ,—Больно вы притки, какъ погляжу я! Въ этакомъ дѣлѣ да захотѣли какой-нибудь тысячкой подмаслять! Нѣтъ, братъ, шалишь! Я и рукъ себѣ мараť не стану... Ты думаешь, это легко устроить?.. А прогнать меня за эту вашу паршивую жидовку со службы, такъ я съ чѣмъ же останусь? Съ твоею тысячкою? На нее и живи?.. Нѣтъ, братъ, себѣ дороже!.. Проваливай!

— Ваше высокоблагородное благородіе!—поднялъ Ионаанъ къ пейсамъ обѣ ладони.—Зачиво ви сердитесь?.. Ну, зачиво?! Звинните! Нашево дѣло дать, вашево дѣло взять. Ви скажите сколько?

Горизонтовъ, засунувъ руки въ кармашки брючекъ, озабоченно прошеея нѣсколько разъ по комнатѣ. Ламданъ выжидательно одѣлывалъ за нимъ глазами. Онъ, какъ опытный охотникъ, спокойно наблюдалъ свою дичь, зная, что въ надлежащій моментъ она сама подойдетъ къ нему на вѣрный выстрѣлъ.

— Вотъ что,—сказалъ наконецъ секретарь, остановясь передъ поднявшимся съ мѣста евреемъ.—Чѣмъ даромъ-то бобы разводить, такъ лучше на чистоту.

Рабби Ионаанъ молчаливымъ поклономъ выразилъ покорную готовность выслушать условія Горизонтова.

— Денегъ мнѣ отъ васъ покуда никакаѣхъ не нужно,—внимательно продолжалъ этотъ послѣдній.—Мое правило, коли взять, то надо ужъ и сдѣлать, по совѣсти, а дѣло ваше, повторяю, трудное... очень трудное... и едва ли что удастся тутъ поправить... Но такъ и быть, похлопочу, попытаюсь...

Ионаанъ послѣдшилъ вторично поклономъ выразить свою благодарность.

— Пускай гаспишдинъ секретарь только захочетъ, а поправить, онъ за вѣрно поправить,—почтительно проговорилъ онъ такимъ тономъ, въ которомъ такъ и сквозило, что ты, братъ, басни-то мнѣ не рассказывай!

— Если хлопоты мои пойдутъ на ладъ,—продолжалъ Горизонтовъ,—въ такомъ случаѣ ты мнѣ выдашь тысячу въ задатокъ, а за тѣмъ, коли дѣло выгорать, то при окончаніи еще двѣ тысячи. Согласенъ—ладно, а нѣтъ—проваливай!

— Уй, ваше высокоблагородіе... Трохъ ти сячовъ!—ужаснулся ламданъ, всплеснувъ ру-

¹⁾ Пурицъ—господинъ, баринъ.

ками.—Ну, и за што тутъ трохъ тысячовъ?!—Завсѣмъ пустова дѣло! И скудова взять намъ такихъ денегъ, подумають!.. Кабъ вы были одинъ—ну, гхарашо. А то когда вамъ трохъ тысячовъ, то правитель съ губернаторскаго канцелярія скажетъ, давайте и мнѣ трохъ тысячовъ, и гаспидиный палачмейстеръ захочетъ тоже трохъ тысячовъ,—ну и сколько же тогда тысячовъ надо положить на губернатора?! Можетъ, и самъ губернаторъ захочетъ, а можетъ и вице-губернаторъ, и увѣ совѣтники, и прекаоръ, а можетъ и еще хто.. И сколько же это будетъ тысячовъ?!

— Ну, ну, ну, ничего, братъ!—съ циническимъ смѣшномъ похлопавъ его по плечу Горизонтовъ.—Ничего, у Бендавида, говорятъ, денегъ-то куры не клюютъ, мошна толстая, вытянется, не обидѣтъ..

Рабби Йонасанъ съ сокрушеннымъ вздохомъ и горькой усмѣшкой покачалъ головою.

— Н-ну! Берить полторы!—предлагалъ онъ рѣшительнымъ образомъ.—Тысяча пятьсотъ рублей — гхарошаво деньги... Ей-Богу, гхарошаво!

— Сказано три, и ни копейки меньше!—отрѣзалъ Горизонтовъ.—А яѣтъ,—продолжалъ онъ полусмѣясь, полусерьезно,—такъ завтра же окунемъ вашу жидовочку въ купель и капнутъ! Тогда уже на всю жизнь потрефимъ ее, и ничего не подѣлаешь, хе-хе-хе... Такъ-то!

Проблескъ негодованія и презрѣнія мелькнулъ было на одинъ мигъ въ глазахъ еврея; но онъ смолчалъ и тотчасъ же постарался подавить въ себѣ всякое виѣшеннее проявленіе этого невольнаго сказаннаго чувства.

Горизонтовъ, между тѣмъ, продолжалъ, руки въ кармашки, пагать по комнатѣ.

— Ваше високблагородіе!—минуто спустя, убѣдительно началъ ламданъ, глядя на Горизонтова умильно заискивающими глазами.—Вѣрьте на чести, кабы можно, ми бы рады были дать вамъ и пять тысячовъ—такому гхарошому, благородному гаспидину зачѣмъ не дать!—дали бы и десять, дали бы и двадцать! Но когда же не можно... Какъ Бога люблю, не можно!

Горизонтовъ, молча и какъ бы не слыша, продолжалъ маячить по діагонали изъ угла въ уголъ.

— Н-ну!—послѣ мнѣтнаго колебанія, рѣшительно поднявъ голову ламданъ.—Пускай вже будетъ такъ: тысяча на задатекъ, тысяча на кинецъ. Ваше високблагородіе! Берить двоухъ тысячовъ... га?.. Двоухъ!.. Кабъ мнѣ хто далъ такихъ денегъ,—ой-вай!—я былъ бы самый счастливый чаловѣкъ на свѣтѣ... Н-ну, кончайми на двоухъ!.. Ну, и прошу васъ, какъ благороднаво чаловѣка... Подумають, какія деньги!

— У меня чтѣ сказано, то свято,—нетерпѣливо и рѣзко оборвалъ его Горизонтовъ.—

Или три, или убирайся къ чорту,—я ѣсть хочу!

Въ это время онъ уже обдумывалъ планъ предстоящихъ дѣлствій и, чтобы не путаться съ Каржолемъ въ виду такихъ крупныхъ денегъ, даже великодушно рѣшилъ себѣ, что не жаль будетъ и возвратить ему несчастную его сотнягу, съ извиненіемъ, что при всемъ-де стараніи, ничего не могъ подѣлать, такъ какъ владыка рѣшительно не пожелалъ подписать бумагу. Это даже благородно будетъ!—По крайней мѣрѣ, пускай не думаетъ, свинья онъ этакая, что только одни, молъ, графы благородны бывають!—Горизонтовы тоже благородны!

— Что жъ ты стоишь еще?!—повернулся онъ къ переминавшемуся на мѣстѣ ламдану.—Чего ждешь-то?.. Вѣдь тебѣ сказано!

— И это ваше послѣднее слово?—грустно, почтительно и тихо спросилъ еврей.

— Разумѣется, послѣднее.

— Ну, то я такъ и скажу Бендаvidу,—можетъ, онъ и будетъ согласный. А вы, ваше високблагородіе,—прибавилъ онъ вкрадчиво просительнымъ тономъ,—заразъ начинайте вже вашихъ хлопотъ... пожалуста!.. Во время, знаете, дорого.

— Эге!—разсмѣялся ему въ глаза Горизонтовъ.—Шутникъ ты, любезный, какъ погляжу... «Заразъ»... Нашелъ дурака! Они еще думать будутъ дать ли, не дать ли, а я имъ хлопочи!.. Вѣни, какіе гешефтмахеры!.. Хе-хе!.. Ужъ и то, кажись, благородіе поступать, какъ я съ вами, невозможно. Иной, на моемъ мѣстѣ, потребовалъ бы сейчасъ же всѣ деньги на столъ, впередъ, а безъ того и разговаривать не сталъ бы. А я между тѣмъ не беру съ васъ ни копейки. Поведи-ка вы это дѣло судомъ, такъ адвокатамъ-то не три тысячи переплатите. Да и дѣло-то такое, что его никакой адвокатъ не выиграетъ. А онъ еще торгуется!

Еврей потупился въ колеблющемся раздумьи.

— Н-ну, хай будетъ такъ!—рѣшительно махнулъ онъ, наконецъ, рукой, убѣдись, что у этого кремня ничего не выторгуешь.—Пускай по-вашему, только пріймайтесь же за заразъ...

— Такъ, стало быть, три?—доточно переспросилъ его Горизонтовъ.

— Три,—подтвердилъ ламданъ, склоняя голову.

— Ну, вотъ, и давво бы такъ! А то все въ васъ эта проклятая манера жидовская поторговаться, терпѣть не могу!.. Только вотъ что,—какъ бы спохватясь, прибавилъ онъ внушительно,—уговоръ лучше денегъ. Если ты теперь соглашаешься съ тѣмъ, чтобы потомъ понадуать меня, такъ знай напередъ, что въ моей волѣ во всякое время повернуть дѣло и такъ, и этакъ, и что хотя я его и оборудую, но дѣвица будетъ возвращена вамъ не ранѣе,

какъ ты принесешь мнѣ всѣ деньги, до копейки. Понимаешь?

Ламданъ на это лишь поклонился, приподнявъ къ лицу обѣ ладони.

— Вы только дѣлайте *ваше*,—проговорилъ онъ методически и мѣско,—а *наше* мы вже издѣлаемъ какъ надо. То вірно.

— Ну, то-то же! На чистоту лучше!—внушительно кивнулъ ему Горизонтовъ, и они разстались.

Въ то самое время какъ у рабби Ионаана происходило это свиданіе съ Горизонтовымъ, другой кагалный уполномоченный, Абрамъ Йоселіовичъ Блудштейнъ велъ переговоры по тому же дѣлу съ правителемъ губернаторской канцеляріи, у котораго онъ былъ «своимъ человекомъ», сужая его иногда подъ росписки кое-какими деньжонками. Здѣсь вопросъ шелъ о томъ, какимъ бы образомъ склонить симпатіи губернатора къ евреямъ на столько, чтобы онъ захотѣлъ повліять своимъ авторитетомъ на игумену и убѣдить ее въ необходимости немедленно же возвратитъ Тамару ея дѣдушкѣ. Абрамъ Блудштейнъ, какъ человекъ живавшій въ Петербургѣ, и даже не безъ успѣха ведшій тамъ одно время какую-то тяжбу съ казною, считался среди своихъ украинскихъ единовѣрцевъ тертымъ калачемъ, юристомъ и дипломатомъ, которому въ его гешефтахъ много помогаетъ умѣніе не только говорить довольно бойко, но и писать по-русски. Благодаря знакомству съ Петербургомъ, онъ усвоилъ себѣ нѣкоторые цивилизованныя привычки, носилъ чистое бѣлье, жилеты и сюртуки современного покроя, коротко подстригалъ бороду и волосы на вискахъ, оставляя лишь нѣкоторый наметъ на пейсы, и, вообще, мнилъ о себѣ, какъ о человѣкѣ вполне цивилизованномъ, столичномъ, причѣмъ, однако, всѣ эти его новшества не мѣшали ему на дѣлѣ быть самымъ ревностнымъ евреемъ и пользоваться уваженіемъ своихъ соплеменниковъ, даже настолько, что онъ состоялъ членомъ украинскаго кагала, коему былъ въ иныхъ случаяхъ весьма полезенъ именно въ качествѣ тертаго калача по части дипломатики. Въ результатѣ его переговоровъ съ правителемъ дѣлъ губернаторской канцеляріи было слезное прошеніе, составленное имъ вмѣстѣ съ кагалнымъ шамешемъ. Это прошеніе, въ качествѣ уполномоченнаго отъ городского еврейскаго общества, Блудштейнъ долженъ былъ представить губернатору не позже какъ завтра утромъ. На нынѣшній же день надлежало исполнить предварительную часть задачи, а именно, осторожно и ловко воздѣйствовать на губернатора со стороны гуманныхъ чувствъ и либеральныхъ симпатій, такъ, чтобы не только прошеніе было принято благосклонно, но еще самъ губернаторъ взялъ бы на себя роль убѣдителя Серафимы и думалъ бы при

этомъ, что таковая роль принята имъ по собственной своей инициативѣ! Эту часть задачи любезно согласился выполнять правитель дѣлъ, который давно уже въ совершенствѣ изучилъ всю натуру, всѣ привычки и слабыя стороны своего патрона и потому ни мало не опасаясь въ душѣ за успѣхъ своей миссіи, хотя и представлялъ ее предъ Абрамомъ Йоселіовичемъ крайне трудною и даже опасною. Но видѣ нельзя же иначе: по труду и вознагражденію.

«Ваше превосходительство, высокопросвѣщенный нашъ начальникъ губерніи!» гласило прошеніе Абрама Блудштейна. «Съ болѣзненнымъ и горестнымъ впечатлѣніемъ отъ вчерашняго инцидента, мы предстали предъ вашею превосходительною особою, какъ къ представителю цѣлаго, всего правительства, чтобы предъ вами выразить нашу скорбь, облегчить наше удрученное сердце и просить васъ о помощи въ нашемъ страшномъ горѣ, въ какомъ мы находимся теперь. Вчера насъ постигъ одинъ изъ самыхъ чувствительныхъ ударовъ, и на эту страшную вѣсть все наше еврейское общество прозвучало болѣзненнымъ стономъ и поразило тревогою въ виду небывалаго и неслыханнаго событія». Вслѣдъ за симъ присутіемъ рассказывалась вся интрига Каржолы съ Тамарой и особенно выставлялись на видъ его своекорыстные цѣли, какъ равно и то, что никакое серьезное обожденіе, кромѣ легкомысленнаго увлеченія, не руководитъ несовершеннотѣною дѣвицею Бендавидъ въ намѣреніи измѣнить вѣрѣ своихъ отцовъ.—«Означенный графъ», говорилось далѣе въ прошеніи, «поранилъ такъ чувствительно наши религіозныя и народныя чувства, что мы стоимъ въ остогабѣннѣи и нѣмомъ гнѣвѣ. Поэтому, приближаемся къ вашей губернаторской милости съ надеждой и вѣрой, что ваша извѣстная гуманность и справедливость никогда не допуститъ къ тому, такъ какъ вы обезпечены официальнымъ разрѣшеніемъ правительства, чтобы удовлетворить наши основательныя желанія. А потому слезно просимъ васъ не лишать насъ вашимъ довѣріемъ къ намъ, какъ и мы продолжаемъ быть увѣрены на ваше превосходительство».

По мнѣнію нѣсколькихъ членовъ кагала, имѣвшихъ случай прослушать предварительно это произведеніе рабби Абрама изъ устъ самого автора, ничего не могло быть лучше по силѣ трогательной чувствительности и неотразимой убѣдительности.

XIV.

Дальнѣйшіе ходы Каржолы.

Выпроводивъ отъ себя въ каретѣ Ольгу Ухову, измученный графъ тотчасъ же раздѣлся и бросился въ постель; но спалось ему не долго.

Въ третьемъ часу дня онъ проснулся, и первая мысль, тотчасъ же пришедшая ему въ голову, была объ Ольгѣ и Тamarѣ. — А что, если жиды какими-нибудь путями постараются довести до свѣдѣнія Тamarы, что они рано утромъ застали у него въ запертой квартирѣ «генеральскую барышню»?

«Невозможнаго въ этомъ нѣтъ ничего», долженъ былъ онъ сознаться самому себѣ, и эта мысль встревожила его не на шутку.

«Да, это совершенно возможно. Это они даже съ особеннымъ удовольствіемъ нарочно стараются сдѣлать. Да если при этомъ сама Ольга, спасая себя, начнетъ сегодня же благовѣстять въ обществѣ о своемъ участіи въ Тamarинѣмъ приключеніи, и если объ этомъ какъ-нибудь дойдетъ до Тamarы еще съ другой стороны, — ой-ой, чортъ возьми! Вѣдь этимъ все дѣло, пожалуй, будетъ погублено... Закрадется подозрѣніе, думать станетъ, явятся сомнѣнія, ревность, недовѣріе къ нему, а затѣмъ — кто знаетъ! — можетъ быть, родные добьются свиданія съ нею, а разъ что допустятъ родныхъ — ну, тутъ уже дрянъ-дѣло!.. Пойдутъ всѣ эти слезы, мольбы, убѣжденія, станутъ изображать его чортъ знаетъ въ какомъ свѣтѣ и, пожалуй, успѣютъ расхолодить дѣвчонку...»

«Хорошо еще, если ему удастся въ эти дни свидѣться съ нею, тогда ничего; тогда онъ постарается и сумѣетъ все это какъ-нибудь перевернуть по-своему, объяснитъ, представитъ ей въ должномъ свѣтѣ, — ну, словомъ, «зарядитъ» Тamarу снова, и этимъ подогрѣетъ въ ней и ея чувство, и ея вѣру въ самого себя. А если не удастся?..»

«Все дѣло, надо сознаться, пока еще на волоскѣ виситъ и вся эта великолѣпно задуманная имъ комбинація можетъ вотъ вдругъ, изъ-за какого-нибудь пустяка, просто въ прахъ разлѣяться... Да еще выйдетъ, пожалуй, скандалъ, который пошатнетъ его репутацію, создастъ ему фальшивое положеніе въ обществѣ... Эхъ, чортъ возьми, скверно!..»

«Какъ бы предупредить Тamarу?.. Самому идти и просить свиданія неловко: ягуменьѣ очень ужъ страннымъ, пожалуй, покажется. Разнѣ написать?.. И написать въ такомъ тонѣ, что если бы даже письмо попало какъ-нибудь не въ тѣ руки, а хоть бы и въ руки самой Серафимы, то чтобъ оно оставляло впечатлѣніе не болѣе, какъ теплаго дружескаго участія, но чтобъ въ то же время, для самой-то Тamarы истинный смыслъ его былъ вполне ясенъ.»

«Что жъ, разумѣется, написать — порѣшилъ Каржоль. — Такъ будетъ лучше всего, благо на этотъ счетъ есть уже заручка въ послушницѣ Натальѣ.»

И присѣвъ къ письменному столу, онъ обдуманно написалъ Тamarѣ слѣдующія строки: «Ваше исчезновеніе изъ дома, какъ и слѣдовало ожидать, переполошило всѣхъ евреевъ.

Какими-то судьбами они успѣли проникнуть о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ. Силетевъ и басынъ по этому поводу пошло уже по городу множество. Приплетаютъ къ дѣлу даже одну изъ вашихъ пріятельницъ, распуская на этотъ счетъ невообразимые вадоры. Можете себѣ представить, какъ злы теперь на меня евреи и какія мины поведутся ими противъ меня. Хотя я нисколько ихъ не боюсь, но тѣмъ не менѣе, въ виду всего этого, предупреждаю и прошу васъ объ одномъ: какіе бы слухи, сплетни и клеветы на меня и на другихъ ни дошли до васъ, съ какой бы то ни было стороны, — не вѣрять ничему ни на одно слово и быть твердо убѣжденной, что я безукоризненно чистъ предъ вами и что какъ былъ, такъ и впредь навсегда останусь самымъ надежнымъ, преданнымъ и безкорыстнымъ вашимъ другомъ. Умоляю васъ вѣрять въ меня, несмотря на то, что, и оставаясь непоколебимо твердою въ принятомъ вами благомъ намѣреніи, тѣмъ болѣе, что вы пришли къ нему въ силу своего собственного внутренняго убѣжденія. Вѣрьте, что дни передрѣгъ и испытаній скоро пройдутъ и тогда наступитъ для вашей души желанный миръ и покой, какихъ вы не найдете болѣе въ покидаемомъ вами еврействѣ, а съ этимъ миромъ явится и невозмутимо свѣтлое счастье». «Вашъ Валентинъ Каржоль».

Заклеивъ конвертъ, графъ написалъ на немъ: «Послушницѣ Натальѣ, для передачи» — и позвонилъ своего «испытаннаго» челоѣка.

— Вотъ что, голубчикъ, — сказалъ онъ, — на тебѣ это письмо и сейчасъ же отнеси ты его въ Свято-Троицкій монастырь. Вызови тамъ подъ воротами старика-сторожа, дай ему рубль денегъ, а если мяться станетъ дай два, дай три, наконецъ, во что бы то ни стало уломай его вызвать къ тебѣ послушницу Наталью, ягуменьяну келейницу, а самъ дождайся у него въ сторожкѣ, чтобъ лишнему народу на глаза не попадаться, — понимаешь?.. Ну, и когда придетъ къ тебѣ эта Наталья, шустрая такая, востроглазенькая, ты отдай ей это письмо и скажи, что отъ давешняго, молъ, господина, который утромъ былъ у матушки съ барышней; проситъ, молъ, передать, а она ужъ тамъ знаетъ. Смотри жъ ты мнѣ, обварганъ это дѣло живо и ловко! Тебя, впрочемъ, не учить какъ, самъ понимаешь.. Да чтобъ письмо непременно было самой ей изъ рукъ въ руки передано, не иначе!

Отправивъ такимъ образомъ своего надежнаго посланца, графъ, не дожидаясь его возвращенія, самъ послѣдно принялся за свой туалетъ. Онъ расчелъ что теперь было бы не дурно провѣдать, говорятъ ли уже въ городѣ о его ночныхъ и утреннихъ походахъ, и какъ и что именно говорятъ, какъ относятся въ обществѣ ко всему этому дѣлу. А если

молва и не успѣла еще проникнуть во все гостинны, то было бы весьма полезно предупредить возможность ея невыгоднаго для него направленія. Для этого лучше всего отправиться къ губернаторшѣ, благо у нея теперь какъ-разъ приемные часы, и постараться привлечь ее на свою сторону. А разъ, что она будетъ за него, то одно уже это на много обезсилитъ всякіе дурные толки и сплетни.

Въ началѣ пятого часа графъ Каржоль де-Потрэкъ уже входилъ въ мягкую гостиную украинской губернаторши.

— Ah, le voicі!.. Легки на поминѣ! — не вставая съ диванчика, лѣниво протянула она ему руку изъ-за раздвижнаго чайнаго столика, на которомъ стоялъ предъ нею серебряный спиртовой самоварчикъ и севрскій чайный сервизъ съ лоткомъ, наполненнымъ какими-то миниатюрными крендельками и воздушными сухариками.

У губернаторши, въ ея дневные приемные часы, согласно петербургскому обычаю, обыкновенно появлялся чайный столикъ, вносимый лакеемъ, причемъ она собственноручно разливала чай въ маленькія чашечки своимъ посѣтителемъ. Это была благотворительная и авторитетная «особа съ вѣсомъ», лѣтъ уже подъ сорокъ, сохранившая, вмѣстѣ съ привычкою «меланжировать» французское съ нижегородскимъ, еще слѣды тщательно реставрируемой красоты и потому днемъ сажающаяся не иначе, какъ запылкою къ свѣту.

Каржоль, кромѣ хозяйки, нашелъ въ ея гостиной еще двухъ губернскихъ барынь: одну «контрольную», другую «акцизную» и—совершенно неожиданно для себя — Ольгу Ухову. Впрочемъ, встрѣча съ послѣднею хотя нѣсколько и озадачила, однако же въ-явь не смущала его. Онъ только подумалъ-себѣ съ нѣкоторымъ опасеніемъ, не напела ли она тутъ чего-нибудь такого, не совсѣмъ сообразнаго. Влопается, пожалуй.

Но Ольга сидѣла совершенно спокойная, какъ и въ чемъ не бывало.

— Садитесь и рассказывайте, comment vont les affaires?.. у a-t-il du nouveau? — привѣливо пригласила его хозяйка, принимаясь наливать ему чашку. — Olga nous a raconté déjà, какъ это вы съ нею пристроили cette petite juive au couvent.

— Да, но еслибъ вы знали, чего мнѣ это стояло и какъ меня напугала утромъ эти противные евреи, — ввернула кстати свое слово Ольга.

— А что такое?—съ любопытствомъ повернула къ ней губернаторша.

— Да какъ же! Мы условились, что графъ ответитъ ее къ Серафимѣ и сейчасъ же вернется за мной, чтобъ еще до-свѣту проводить меня домой. Понятно, что мнѣ вовсе не было охоты афишировать себя съ нимъ на улицѣ

засвѣтло,—изъ этого у насъ вывели бы Богъ знаетъ какія заключенія... И вотъ, жду, жду его, сижу часть, сижу два—не возвращается. Наконецъ, меня сонъ сморилъ, и я, какъ сидѣла на оттоманкѣ, такъ и заснула, какъ убитая. Вдругъ какой-то шумъ, голоса, стуки въ дверь,—что такое?!.. Просыпаюсь, слышу какой-то гвалтъ жиновскій и съ просонья не могу даже сообразиться, гдѣ я и что со мной... Перепугалась ужасно, кричу: отворите! выпустите меня!—Вдругъ дверь открывается... на порогѣ—графъ, а за нимъ—цѣлая арава жиновъ... Можете представить себѣ мое положеніе и до чего я смѣшалась! Съ перепугу наговорила имъ, кажется, какого-то вздора, но слава Богу, они убѣдились, по крайней мѣрѣ, что это не Тамара, и то хорошо.

— Однако, какія смѣлыя нынче барышни,—не безъ ядовитости замѣтила акцизная дама.—Я бы, кажется, ни за что не рѣшилась...

Дама же контрольная ничего не сказала, а только ехидно усмѣхнулась и, скромно потупивъ глазки, стала разглаживать на своемъ стежлярскомъ доманѣ какую-то бахромку.

— Non, cela me plaît, — авторитетно поддержала Ольгу хозяйка.—Въ своемъ родѣ, c'est de l'heroïsme, и въ такихъ случаяхъ, мнѣ кажется, надо смотрѣть на побужденія и цѣли, а не на то, чѣмъ это можетъ показаться городскому злословію... Non, chère Olga, j'approuve votre conduite. Это прекрасно,—то, что вы сдѣлали съ графомъ... А я и не знала, графъ,—обратилась она къ Каржолу, — que vous êtes aussi parmi les ревнители de l'Orthodoxie?

— Ce n'est qu'une éventualité, — скромно пожалъ Каржоль плечами.—Но вообще, почему-жъ не помочь благому намѣренію, разъ что ко мнѣ обратились съ этимъ?

— О, разумеется! И всякій изъ насъ, я увѣрена, сдѣлалъ бы на вашемъ мѣстѣ то же. Но это great attraction нынѣшняго дня... И скажите, графъ, какъ же теперь эта еврейка? Въ монастырѣ? Приютили ее тамъ?

— Все, какъ не надо лучше, — отозвался Каржоль.—Seraphine — une femme de coeur, celle-là!—развѣ она могла отказать!.. Правда, сначала она было нѣсколько затруднилась, но увидя слезы и мольбы этой бѣдняжки, elle a dit: «такъ Богу угодно» и приняла ее. Дали ей тамъ отдѣльную келійку, рядомъ съ самой Серафимой, гдѣ она, по крайней мѣрѣ, проживетъ спокойно jusqu'au baptême. Вѣроятно, васъ будутъ просить крестною матерью. Vous ne refuserez pas, sans doute?

— Certainement, — съ благочестиво скромнымъ достоинствомъ повела головой губернаторша.

— Вообще, вы бы сдѣлали un vrai bienfait à cette pauvre petite, еслибы взяли ее немножко подъ свое покровительство,—продолжалъ

онъ просящимъ и убѣждающимъ тономъ. — Надо бы было прежде всего оградить ее отъ всѣхъ этихъ жидовскихъ посягательствъ. Вѣдь они навѣрное будутъ теперь вслѣски домогаться помѣшать ея обращенію, вырвать ее такъ или иначе изъ монастыря, чтобъ вернуть въ свой кагалъ, а разъ что это случится, — вы понимаете, — жизнь ея будетъ ужасна, невозможна, невыносима, просто!

— Mais c'est commencé déjà, les домогательства! — выразительно вѣскимъ тономъ объявила ему губернаторша.

— Какъ такъ?! — удивленно вскинулся на нее глазами Каржоль. — Какія домогательства?

— Comment, развѣ вы еще не слыхали? — удивилась въ свою очередь хозяйка.

— Ровно ничего не знаю. Въ чемъ дѣло?

— О, какъ же!.. Mon Simon (такъ губернаторша обыкновенно называла своего супруга) давеча за завтракомъ разсказалъ мнѣ цѣлую исторію. Figurez vous, часовъ около десяти утра, еще къ поздней обѣдѣ звонить не начинали, какъ у монастырскихъ воротъ собралась откуда-то цѣлая толпа de jeunes juifs, d'élèves et d'oborvancy, и настойчиво стала требовать, чтобы ихъ допустили къ игуменѣ. Привратникъ имъ, конечно, отказалъ, и такъ какъ ворота были заперты, то они принялись разносить ихъ, ломиться силою; но это не удалось — ворота оказались достаточно крѣпкими. Тогда они стали кидать въ нихъ грязью и камнями, — horreur! — это въ святые-то лики, aux saintes images, qui se trouvent là!.. Каково?.. А затѣмъ камни полетѣли черезъ стѣну во дворъ и однимъ изъ нихъ чуть было не зашибло какую-то старушку-монахиню. Ну, словомъ, on a bloqué et bombardé le couvent, формальнымъ образомъ, въ продолженіе чуть не цѣлаго часа, пока не явилась наконецъ полиція. Пришлось собрать цѣлую дюжину полицейскихъ, чтобъ разогнать ихъ.

— Ну, и что жъ, захватили кого-нибудь изъ негодаевъ? — спросилъ Каржоль съ видомъ будто бы негодованія.

— Представьте, никого, — всѣ разбѣжались.

— Это ужасно... Но, по крайней мѣрѣ, замирили кого-нибудь въ лицо?

— Н... не знаю, можетъ быть. Mon Simon не говорилъ мнѣ. Онъ самъ ничего не зналъ, пока не пріѣхалъ къ нему полицеймейстеръ. Ну, тогда, конечно, Simon распорядился à la minute поставить къ обоимъ воротамъ полицейскіе посты, pour la défense, и съ тѣхъ поръ, слава Богу, эти безобразія не повторились болѣе. Но каковы евреи!.. а?.. Et voilà ce qu'on appelle une «угнетенная нація»... Какъ вамъ это понравится?

— Возмутительно! — пожалъ плечами Каржоль, увѣренный, что къ монастырю направлялись именно тѣ самые жидки, которые осаждали и его квартиру. — Надо бы сойте que

soйте, открыть и арестовать зачинщиковъ. Вы бы настояли на этомъ, право. — заботливо посоветовалъ онъ. — Это необходимо. Вѣдь подумайте, послѣ этого и намъ, да и никому не безопасно выходить на улицу... Что жъ это за безобразіе!

«Хорошо-что я въ каретѣ!» подумалось ему встать.

Въ это время пробило пять часовъ — урочная пора, когда у губернаторши прекращался ея приемъ — и поднявшіеся гости стали откланиваться.

— Ну что, какъ дома? — вполне голосомъ спросилъ Каржоль Ольгу, по выходѣ изъ гостиной.

— Ничего, все уладилъ, — незамѣтно обронила она ему мимоходомъ и проскользнула впередъ, къ акцизной и контрольной дамамъ.

Каржоль считалъ, что для обезпеченія Тamarы сдѣлано имъ пока все что надо, и потому съ болѣе легкимъ сердцемъ отправился домой, забывшись въ глубь своей кареты. Ему не хотѣлось, чтобъ его замѣчали не столько евреи, сколько просто знакомые. Вообще, лучше бы было, еслибъ о немъ теперь поменьше говорили.

XV.

Скрутили!

Къ пяти часамъ пополудни, оба «ходатая», рабби Ионаанъ и рабби Абрамъ, сошлись уже въ нотаріальной конторѣ у шамеръ-гакагала. Къ этому сроку всѣ долговые обязательства графа Каржоля были уже собраны. — Ни единый человѣкъ не дерзнулъ ослушаться или замедлиться въ исполненіи постановленія кагальнаго Совѣта, — и шамеръ оформилъ переходъ этихъ документовъ въ единовлѣдіе Бендавида надлежащимъ нотаріальнымъ актомъ, съ котораго его помощникъ събѣсно снималъ теперь копію для ходатаевъ. Полчаса спустя по ихъ прибытію, копія была готова, тутъ же засвидѣтельствована нотаріусомъ и вручена рабби Ионаану, вмѣстѣ съ довѣренностію отъ имени Бендавида. Послѣ этого оба ходатая немедленно же отправились къ Каржолу.

Графъ незадолго до этого вернулся отъ губернаторши и теперь чувствовалъ себя много спокойнѣе, чѣмъ два часа назадъ, потому что, съ одной стороны, Ольга, повидимому, не только не провалилась, но еще заслужила одобреніе и благоволеніе губернаторши, а съ другой — возвратившійся изъ монастыря человѣкъ доложилъ, что порученіе его сіятельства исполнено въ точности, письмомъ отдано келейницѣ Натальѣ имъ самимъ, изъ рукъ въ руки, и она обѣщала сейчасъ же передать его кому слѣдуетъ, пускай-де графъ не сумлѣваются, все, молъ,

будетъ сдѣлано въ аккуратѣ, и напередки милости просимъ.

Чувствуя себя довольно благополучно, Каржоль намѣревался уже отправиться въ клубъ обѣдать, когда все тотъ же человѣкъ доложилъ ему о приходѣ Абрама Блудштейна съ товарищемъ.

Абрамъ Йоселіовичъ былъ извѣстенъ графу довольно близко: чрезъ его посредство графъ уже трижды занималъ деньги «на перехватку», въ ожиданіи пока двинется въ ходъ его акціонерное «предпріятіе», и изъ этихъ трехъ разъ уже въ двухъ случаяхъ ему приходилось прибѣгать къ добродушному содѣйствію все того же обязательнаго Абрама Йоселіовича, для пересрочиванія и переписки своихъ векселей, причемъ Абрамъ Йоселіовичъ всегда являлся самымъ любезнымъ и предупредительнымъ посредникомъ, а можетъ быть, и заимодавцемъ, лишь прикрывающимся ролью посредника. Последнее было даже вѣроятнѣе, потому что за свои хлопоты онъ никогда не бралъ съ Каржолы никакого куртажа, увѣряя, что оказываетъ ему эти «маленькія услуги» лишь по знакомству, «изъ уваженія». И Каржоль охотно эксплуатировалъ «уваженіе» Абрама Йоселіовича, какъ и этотъ послѣдній, въ свою очередь, эксплуатировалъ карманъ Каржолы, въ счетъ будущихъ барышей отъ его «предпріятія», а также, отчасти, и его общественное положеніе, когда являлась надобность нѣтъмѣно «замолвить слово» о чемъ-нибудь губернатору или кому-либо изъ прочихъ тузовъ губернскаго міра. Самъ Абрамъ Йоселіовичъ Каржолевскому «предпріятію» не вѣрилъ, но это не мѣшало ему осужать его деньгами, такъ какъ на каждое «предпріятіе» всегда находится довольно простаковъ, готовыхъ ухлопать въ нѣмъ свои сбереженія, и Абрамъ Йоселіовичъ хотя и рисковалъ, конечно, но все-таки былъ увѣренъ, что деньги свои вернетъ съ хорошимъ процентомъ, если только не упуститъ для этого надлежащую минуту. А онъ надѣялся, что не упуститъ.

Вспомнивъ, что на сихъ дняхъ наступаетъ срокъ и третьему векселю, графъ Каржоль не удивился приходу Блудштейна и нашелъ только, что привнесла его нелегкая вовсе не кстати теперь, въ такую минуту, когда и бѣтъ ему хочется, да и мысли его заняты совсѣмъ другимъ. Но отказать въ пріемѣ такому всегда «нужному человѣку» было бы неполятично, а потому, хотя графъ и состроилъ кисло-досадливую гримасу и даже чертыхнулся отъ всей души, тѣмъ не менѣе приказалъ человѣку впустить его.

— Ахъ, почтеннѣйшій Абрамъ Осиповичъ! — съ «обворожительно» пріятливой улыбкой встрѣтилъ его Каржоль, слегка приподымаясь, но не вставая съ оттоманки. — Очень радъ

васъ видѣть. Что прикажете, милѣйшій?.. Садитесь, пожалуйста.

Каржоль всегда чествовалъ Блудштейна русскимъ «Осиповичемъ» вмѣсто жидовско-польскаго «Йоселіовича», давно уже замѣтивъ, что въ сношеніяхъ съ русскими оно ему болѣе нравится и даже какъ бы льститъ его самолюбію, въ качествѣ бывшаго «петербуржца», тѣмъ болѣе, что Блудштейнъ самъ иногда любилъ называть себя «русскимъ евреемъ».

— Дѣло имѣемъ до вашего сіятельства, — заявилъ онъ, кланяясь съ такимъ безразличнымъ и сдержаннымъ видомъ, что пылавый глазъ Каржолы никакъ не могъ опредѣлить сразу, какого рода могло бы быть это дѣло — пріятное или непріятное?

— Дѣло?.. Ого! Даже несмотря на шабашъ? — любезно и шуточно продолжалъ графъ все въ томъ же своемъ «обворожительномъ» тонѣ. — Значитъ, что-нибудь отнѣсно важное, если ужъ такая экстренность?

— Очень важное, — все такъ-же сдержанно подтвердилъ Блудштейнъ, опустивъ глаза въ землю.

— Ну, что-жъ, дѣлу всегда радъ — на то мы съ вами и «дѣловые люди» называемся... Да берите же кресло, почтеннѣйшій!

— На-прежде всего позвольте представить... мой товарищъ, господинъ Іонасанъ Бриллиантъ, ламданъ.

— Очень пріятно, — издали послалъ тому графъ комплиментный жестъ рукою. — Прошу садиться.

Оба еврея молча и скромно присѣли противъ него — одинъ въ кресло, а другой на кончикъ стула.

— Это ваша фамилія такая, Бриллиантъ? — продолжалъ Каржоль, барски благосклонно обращаясь къ Іонасану.

— Фамилія, — отвѣтилъ за промолчавшаго товарища Блудштейнъ.

— Прекрасная фамилія... очень оригинальная и даже, можно сказать, блестящая... Ну-съ, однако, въ чемъ же ваше дѣло, госнода? Чѣмъ могу быть полезенъ?

— Мы довѣренныя отъ господина Бендавидъ, — заявилъ дѣловымъ тономъ Блудштейнъ. При этомъ неожиданномъ имени Каржоль слегка вздрогнулъ и серьезно сдвинулъ брови. По лицу его разлилась нѣкоторая блѣдность. Стараясь превозмочь въ себѣ внезапно вклевшую въ сердцѣ тревогу и сознавая, что надо какъ можно скорѣй овладѣть собою, чтобы казаться вполне спокойнымъ, онъ ни словомъ, ни даже кивкомъ головы не отозвался въ отвѣтъ на заявленіе Блудштейна и только продолжалъ вопросительно глядѣть на него выжидающимъ взглядомъ.

— Теперь, — продолжалъ тотъ, — ваше сіятельство, конечно, додумали, зачего мы васъ

безпокомъ, изъ нашимъ визитомъ и какое наше дѣло.

Каржоль не переживалъ ни позы, ни выраженія.

— Старикъ Бендавидъ узналъ сегодня *все*... Онъ знаетъ ваше участіе до его внучки и считаетъ на васъ, что вы ему поможете...

— Какое участіе?.. и въ чемъ помочь?.. Я ничего не понимаю, — пробормоталъ графъ и сталъ заботливо закуривать папиросу, чтобы хоть этимъ немножко замаскировать свое замѣшательство.

— Онъ считаетъ на вашу помощь, — пояснилъ Влудштейнъ, — что вы, какъ благородный человѣкъ, сдѣлаете ему такъ, чтобы дѣвочка поскорѣй вернулась домой. Это дѣло, графъ, надо бросить... Совсѣмъ пуста дѣла, нестоюшаво... И мой совѣтъ вамъ, лучше оставьте... Право, лучше будетъ!

— Во-первыхъ, любезнѣйшій, — началъ съ достоинствомъ и напускнымъ холодомъ графъ, успѣвшій нѣсколько оправиться, — не благодарю васъ за совѣтъ, потому что я не просилъ его. А во-вторыхъ, какое мнѣ дѣло до вашего Бендавида! Я его совсѣмъ не знаю, да и знать не буду... И по какому это праву онъ вдругъ «считаетъ» на мою помощь? Если я знакомъ отчасти съ его внучкой, то въ отношеніи его это еще ровно ни къ чему меня не обязываетъ и никакъ не даетъ ему правъ присылать ко мнѣ своихъ «довѣренныхъ» и «совѣтниковъ» съ подобнаго рода... *странными* требованіями. Удивляюсь, какъ это вы, почтеннѣйшій, рѣшились взять на себя такую неподходящую роль. Мало-ль кто на что будетъ «считать», — мнѣ-то что!.. Я даже не понимаю, съ какой стати вы мнѣ все это говорите и — признаюсь вамъ — если у васъ нѣтъ ко мнѣ другого, болѣе серьезнаго дѣла, то объ этомъ лучше перестанемъ. Я, по крайней мѣрѣ, на эту тему не желаю болѣе продолжать никакого разговора.

— А *надо* будетъ продолжать, графъ, хотя и не желаете, — проговорилъ Влудштейнъ какимъ-то загадочнымъ, не то ироническимъ, не то предостерегающимъ тономъ.

Этотъ странный, какъ будто дерзкій тонъ окончательный уже не понравился Каржолу. — «Наглый жидъ забываетъ, кажись, начинается!» — Графъ вспыхнулъ и молча смѣрилъ глазами своего собесѣдника.

— Послушайте, Абрамъ Осиповичъ, — началъ онъ съ нѣкоторою выдержкой, — вы очень милый человѣкъ и ссориться съ вами мнѣ совсѣмъ не хотѣлось бы. Н-но... я не люблю, когда со мной начинаютъ говорить подобнымъ тономъ и въ совѣту продолжать его!

— А и я же, графъ, тоже не люблю, но что дѣлать!.. Вы думаете, чтобы мнѣ это такъ пріятно?

— А непріятно, такъ прекратите.

— Не имѣю права, графъ. Я *долженъ* такъ или не такъ кончить изъ вами.

Каржоль опять напустилъ на себя высокомерную холодность и сухость.

— Что это значить «долженъ», — спросилъ онъ, пофыркивая. — И что собственно, позвольте узнать, намѣрены вы «кончать» со мной?

— А все то же, насчетъ Бендавидъ.

Графъ начиналъ уже внутренне кипятился и выходить изъ себя, но пока все еще старался по возможности сдерживаться.

— Да позвольте, однако, — внушительно возвысилъ онъ голосъ, — по какому это праву вы — именно вы — являетесь ко мнѣ съ подобнаго рода требованіемъ? Что я вамъ такое? Свой братъ, что-ли?.. Я никому не обязанъ давать отчета въ своихъ поступкахъ и ничего не сдѣлалъ такого, что давало бы кому-либо право требовать отъ меня отчета.

— Я уже заявлялъ къ вашему сіятельству, что мы уполномочены отъ господина Бендавида, — спокойно и дѣловито замѣтилъ на эту вспышку Влудштейнъ.

— Ну, а я еще разъ вамъ повторяю, что Бендавида вашего не знаю, никакихъ отношеній и дѣлъ съ нимъ не имѣю, а потому, если вамъ угодно говорить со мной о нашихъ съ вами личныхъ дѣлахъ, или о какомъ-нибудь собственно вашемъ дѣлѣ, сдѣлайте одолженіе, я къ вашимъ услугамъ... Все, чѣмъ могу, и совѣтомъ, и содѣйствіемъ — вы знаете, всегда готовъ помочь вамъ. Ну, а что до Бендавида, то послѣ всего сказаннаго мною, надѣюсь, вы поймете, что намъ больше разговаривать не о чемъ. Это будетъ совершенно бесполезная потеря времени, а его, кстати, у меня очень мало, такъ какъ я сейчасъ же долженъ ѣхать обѣдать.

И Каржоль поднялся съ оттоманки, явно показывая этимъ, что бесѣду съ нимъ пора кончить...

Евреи тоже поднялись съ мѣстъ и многозначительно переглянулись между собою.

— Въ такомъ случаѣ, — началъ Влудштейнъ, принявъ вполнѣ официальный тонъ, — позвольте заявить къ вашему сіятельству, что отъ сегодняшняго числа господина Соломонъ Бендавидъ есть единственный владѣлецъ всѣхъ вашихъ долговыхъ обязательствъ въ издѣшнемъ городѣ, на сумму сорокъ одна тысяча шестьсотъ рублей.

Каржоль точно обухомъ по лбу хватали. Онъ сразу какъ-то осовѣлъ и какъ будто не совсѣмъ даже понялъ, что ему сказали.

— Какихъ долговыхъ обязательствъ? — пробормоталъ онъ, хлопая глазами.

— Всѣхъ вообще, векселей, расписокъ, магазинныхъ и прочихъ счетовъ, съ однимъ словомъ, всего, что было выдано вами на издѣшнихъ евреяхъ за вашими подписомъ, *всею*.

— Позвольте, это вздоръ какой-то... Этого не можетъ быть! — недоувѣрчиво усмѣхнулся Каржоль принужденною улыбкой.

— Напротивъ, совершенная правда. Господниъ Соломонъ Бендавидъ скупилъ сегодня всѣ эти документы отъ владѣльцевъ, и сдѣлка оформлена въ нотаріальномъ даже порядку.

Это не можетъ быть, говорю! — воскликнулъ графъ, приходя понемногу въ себя отъ перваго ошеломляющаго впечатлѣнія. — Это невѣроятнѣе!.. Вы запугать меня хотите, а понимаю... Только нѣтъ, господа, ошибаетесь, не на того напали!.. Да-съ!.. Это называется шантажъ!.. Это... Это чортъ знаетъ что!..

— Пугать васъ не имѣемъ цѣлю, — спокойно возразилъ Блудштейнъ. — Мы явились только заявить вамъ. А что это вѣрно, такъ вотъ — не угодно ли взглянуть на засвидѣтельствованную копію съ акта. Рабби Іонаанъ, покажите.

Доставъ изъ бокового кармана бумагу, ламданъ развернулъ ее и подаль Каржолу.

Тотъ пробѣжалъ ее глазами, взглянулъ на печать и, не говоря ни слова, весь блѣдный и точно пришибленный, опустился въ кресло. Рука его, державшая бумагу, нервно дрожала, на лбу выступили капли холоднаго пота, растерянный взглядъ недоумѣло остановился на лицѣ Блудштейна.

— По одному изъ векселей, — продолжалъ Абрамъ Іоселювичъ, — вы помните, срокъ на уплату послѣ завтра. Вексель въ пять тысячъ. Вы можете уплатить?

— То-есть, это тотъ, по которому я получалъ отъ васъ всего двѣ съ половиной тысячи, — попытался было поправить его Каржоль.

— Это все равно, сколько получилъ. Я спрашиваю, имѣете вы чѣмъ заплатить?

— Нѣтъ, позвольте, — вступился за себя графъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта, — условіе было такое, что я обязанъ платить лишь то, что взялъ, то-есть, двѣ тысячи пятьсотъ съ процентами, а вексель въ пять тысячъ вы потребовали только такъ, «для спокойствія кредитора». — Вы сами это говорили и обѣщали возратить его при уплатѣ, не взыскивая остальныхъ... Вы это помните?

— Я спрашиваю вашего сѣятельства, угодно вамъ будетъ заплатить, или не угодно? — спокойнымъ, ровнымъ голосомъ, но весьма настойчиво повторилъ Блудштейнъ.

Припертый этимъ вопросомъ, что называется, къ стѣнѣ, Каржоль въ очевидномъ смущеніи заикался чего-то растерянно бѣгающими глазами по комнатѣ, точно бы это неизвѣстное что-то могло и должно было выручить и оправдать его.

— Если я беру деньги, я всегда, конечно, плачу ихъ... Это мое правило... Но... на этотъ разъ... я, признаться, рассчитывалъ на

пересрочку, — залепеталъ онъ, какъ бы оправдываясь и извиняясь. — Вы всегда были такъ свисходительны, охотно соглашались переписывать... я думалъ и нынче...

— Да, то былъ я, — усмѣхнулся Блудштейнъ, — а теперь Бендавидъ. Это немножко разницы. Бендавидъ переписывать не станетъ, — добавилъ онъ съ видомъ твердаго убѣжденія.

— Тогда, значить, что жъ это?! — возмущенно и чуть не со слезами въ голосѣ развелъ графъ руками. — Меня, значить, зарѣзывать хотятъ, погубить... подорвать все мое предпріятіе, всѣ дѣла мои?.. Выходить, я банкротъ?..

— Сами вы подвели себя на то, себя и вините, — иронически пожалъ плечами Блудштейнъ. — Впрочемъ, что жъ! — прибавилъ онъ съ усмѣшкой. — Спасеніе въ нашихъ рукахъ, оно отъ васъ зависитъ.

— Какъ отъ меня?.. Что же я-то тутъ, если меня связали по рукамъ и ногамъ и душатъ за горло!.. Смѣтаетъ вы, что ли?!

— Зачѣмъ смѣяться, дѣло серьезное.

— Такъ что же, по-вашему, долженъ я сдѣлать? — уставился на него Каржоль нетерпѣливо ожидающимъ и пытливымъ взглядомъ. Въ словахъ Блудштейна предъ нимъ мелькнула какъ будто легкая тѣнь какой-то смутной еще надежды, нѣчто въ родѣ той соломки, за которую радъ ухватиться утопающій.

— Вы видите, что вамъ теперь не доткнуться, — началъ ему доказывать Абрамъ Іоселювичъ. — Вы весь изъ головы, какъ есть, въ рукахъ у Бендавида: что захочетъ, то съ нами и сдѣлаетъ, куда ни подумаетъ, дотуда и обернетъ... Ну, и куда же вамъ напослѣд того изъ нимъ тягаться?!.. Подумайте!.. И что ему какія-то тамъ сорокъ тысячъ! — Пфэ!.. захочетъ, весь городъ будетъ сидѣть у него въ карманѣ со всѣми вашими губернаторами, а не то что наши векселя!.. И съ такимъ человѣкомъ вы вдругъ затѣли такого, звините меня, совсемъ пустого, глупого дѣла!.. Я всегда думалъ себѣ, что вы умный человѣкъ, и мнѣ жаль васъ!.. ей-Богу, жаль!

Каржоль, точно бы пристыженный мальчишка, сидѣлъ понуривъ голову и уткнувъ между колѣнами сложенные руки. Весь его вѣншіи блескъ, весь апломбъ его какъ рукой сняло. Озадаченный, сконфуженный и растерянный, онъ былъ просто жалокъ и выслушивалъ теперь всю эту журьбу и рачею торжествующаго Блудштейна, какъ пойманный на мѣстѣ школьникъ, который ждетъ въ душѣ, что можетъ быть его сейчасъ высекутъ, а можетъ, дастъ Богъ, и помянутъ. По крайней мѣрѣ, въ словахъ и тонѣ рабби Абрама слышалась ему отчасти и эта послѣдняя возможность.

— Угодно вамъ выслушивать предложеніе отъ господина Бендавидъ? — обратился къ нему между тѣмъ еврей съ рѣшительнымъ вопросомъ.

— Пожалуйста, очень буду радъ,—пробормоталъ Каржоль, у котораго отъ этихъ словъ еще болѣе вспыхнула искорка надежды.

— Ну, такъ вотъ что, ваше сіятельство. Одного изъ двухъ: или Бендавидъ закрутитъ васъ въ барановый рогъ, и всю жизнь крутить будетъ, затова что вы вѣдь никогда ему такихъ денегъ не заплатите; или же вы должны съ однимъ разомъ навсегда оставить всякихъ вашихъ мыслей и фокусовъ насчетъ мамзель Тамары и сегодня же обязаны ухъхать изъ города и даже изъ краю—куда хотите, но только чтобы духомъ вашимъ издѣсь больше не пахло. Вы никогда больше не будете ни желать видѣться съ мамзель Тамарой, ни писать до нее, ни передавать ей съ посторонними людьми о себѣ никакихъ павѣстевъ, и вообще, забыть, что она есть на свѣтѣ. Съ противнымъ же случаемъ, чуть только что—векселя ваши въ тотъ часъ же выпускаются на сцену. Ну, и тогда берегитесь! Бендавидъ шутить не будетъ... Вотъ вамъ его рѣшеніе. Согласны или нѣтъ?

— Н... надо подумать,—сказалъ Каржоль нерѣшительно.—Какъ же такъ сразу...

— Звините, думать некогда. Надо рѣшать въ сію минуту. Да или нѣтъ—одного слова!

— Но какъ же такъ, право!.. Вѣдь у меня здѣсь дѣла, городской водопроводъ, поземельная агентура—цѣлое предпріятіе, въ которомъ замѣшаны очень крупные финансовыя и общественныя интересы... Не могу же я бросить все это такъ, на фу-фу!..

— Этъ! Оставьте пожалуйста!.. Никакихъ такихъ дѣловъ у вашего сіятельства, за правду говоря, здѣсь нѣтъ. Одни проекты да разговоры, да въ клубѣ въ карты обыгрывать—вотъ и всѣ ваши дѣла!—рѣзко перебилъ его Блудштейнъ. — Дуракамъ вы этого можете рассказывать, а не намъ. Мы тоже знаемъ кое-что, и всѣ ваши предпріятія, звините, одно только шплатанство, добрыхъ людей морочить!

— Ну, не вамъ объ этомъ судить, положимъ,—презрительно огрызнулся графъ тономъ обиженнаго достоинства.

— А какъ не вамъ, то и не вамъ,—заплатилъ ему Блудштейнъ той же монетой.—Но это все вѣта музыка!—продолжалъ онъ.—Намъ нѣтъ время ждать, и затова говорите пожалуйста прямо: да или нѣтъ?

— Да вѣдь я же представляю вамъ мои резоны!.. Какъ вы не хотите понять! Войдите въ мое положеніе!.. Я не отказываюсь, я выѣду, но мнѣ необходимо хоть нѣсколько дней на приведеніе моихъ дѣлъ въ порядокъ...

— Да или нѣтъ, ваше сіятельство?—настойчиво перебилъ его Блудштейнъ.

— Фу, ты, Господи!.. Но, наконецъ, надо же мнѣ собраться, покончить кое-какіе мелочные счета, уложиться, сдать квартиру и мало ли что... Всего этого въ нѣсколько часовъ не успѣешь.

— Счета, когда есть какіе, Бендавидъ беретъ за себя,—удовольрилъ его Блудштейнъ.—Бендавидъ уплатитъ все, до копейки, можете быть спокойный. Квартиру мы сдадимъ и безъ васъ, по довѣренности—оставьте только намъ довѣренность, на простой бумажкѣ. А что упаковаться, такъ чемоданы же вы имѣете и люди имѣете, съ ними и упакуетесь. А хотите, и мы даже поможемъ.

— Да, но... куда же и какъ я однако поѣду?.. Надо вѣдь это сначала сообразить, обдумать, согласитесь сами!

— Поѣжайте, куда знаете: на Петербургъ, увѣ Москва, въ Варшава, или заграница—это уже вашего дѣла, абы только ни въ одинъ городъ изъ здѣшняго края.

— Легко сказать, поѣжайте!.. А съ чѣмъ же я выѣду?—грустно усмѣхнулся Каржоль.—У меня нѣтъ ни копейки,—самъ же вы меня поставили въ такое невозможное положеніе.

— Ну, прекрасно! Сколько вамъ надо на выѣздъ?

— Это трудно сказать. Да и какъ же такъ, на-обумъ, не сообразившись!.. Тутъ вѣдь не одинъ только проѣздъ, а надо же мнѣ, по приѣздѣ хотя бы въ Москву, положить, ну, хоть на первое время... надо же прожить чѣмъ, руки за что зацѣпить!.. Вѣдь вы меня всего лишаете! Благодаря вамъ, я разоренъ теперь!..

— Хорошо. Говорите сколько?

— Да по крайней мѣрѣ столько, чтобы въ новомъ мѣстѣ я могъ бы приличнымъ образомъ начать новое предпріятіе.

— Н-ну, это за слишкомъ широко! Кладите умереннѣй. Тысяча вамъ довольно.

— Какъ тысячу! Помилуйте! — взмолился Каржоль, разводя руками. — Да что же я на тысячу могу сдѣлать?!.. Чтobъ завести дѣло, я прежде всего долженъ жить прилично, имѣть порядочную обстановку... Вы меня мало того что здѣсь разоряете, да еще и тамъ-то хотите по міру пустять!.. Я полагаю бы, тысячъ пять, по крайней мѣрѣ.

Рабби Абрамъ и рабби Іонафанъ переглянулись и заговорили о чемъ-то между собой на еврейскомъ жаргонѣ. Каржоль напрасно волушивался въ звуки непонятнаго ему языка, напрасно даже старался по выраженію ихъ лицъ и по интонаціи разгадать смыслъ таинственныхъ переговоровъ: лица оставались совершенно безразличны, тояъ безусловно ровный и спокойный. При этомъ, ему какъ-то само собою пришло на мысль одно уподобленіе, а именно, вспомнилось, что такимъ точно

образомъ переговариваются председатели съ членами суда во время засѣданій, и онъ теперь, въ неизвѣстности, ожидалъ ихъ рѣшенія, съ чувствомъ, близко похожимъ на томительно сосущее подъ ложечкой чувство подсудимаго.

— Вы говорите, пять тысячъ?—обратился къ нему, наконецъ, Блудштейнъ — Звольте. Пускай по-вашему. Вы имѣете получить отъ Бендавида пять тысячъ, но съ тѣмъ, когда вексель подпишете на пятьдесятъ. Вексель будетъ хоть на мое имя. Согласны?

Каржоль почувствовалъ, что начинается какъ будто воскресать. Онъ понималъ, что подобнымъ условіемъ жида рассчитываютъ затянуть надъ нимъ еще крѣпче мертвую петлю, но досадно ему было лишь одно: зачѣмъ онъ назначилъ имъ только пять, а не десять, не пятнадцать, не двадцать тысячъ! Заомылъ бы больше, было бы, по крайней мѣрѣ, съ чего спустить, и если они такъ легко сдались на пять, то очень можетъ быть, что согласился бы и на большее, но увы!—промахъ сдѣланъ и теперь его уже не поправишь. А впрочемъ, не поторговаться ли?.. Авось-либо!...

И онъ рискнулъ заявить евреймъ, что цифра пять тысячъ сказана имъ только такъ, примѣрно, что, собственно говоря, прежде чѣмъ изъяснить на нее свое согласіе, ему слѣдуетъ сообразиться, достаточно ли будетъ такой суммы.

— Ну, вѣтъ, зпните, больше а-ни одна копейка! — рѣшительно оборвалъ его Блудштейнъ.

Ламданъ же Ионафанъ не сказалъ ни слова, но зато усмѣхнулся прямо въ глаза Каржолу такой тонкой, иронически язвительной улыбкой, которая прямо показала ему, что этотъ человѣкъ до глубины разгадалъ всю некрасивую сторону его послѣдняго психическаго побужденія.

Графъ моментально вспыхнулъ до ушей и невольно опустилъ глаза предъ этой улыбкой. Ему стало вдругъ досадно — отчасти на самого себя, за эту неумѣстную и невольно выдающую его краску въ лицѣ, а главнымъ образомъ, досадно чуть не до истерической злости на ламдана, за то, что какъ «это животное» смѣетъ улыбаться подобнымъ образомъ, какъ оно смѣетъ давать ему чувствовать, что понимаетъ всю его сокровенную внутреннюю сущность! Будь его воля и власть, Каржоль охотно избилъ бы его теперь какъ собаку, но увы! опять-таки увы!—несмотря на весь приливъ такого негодованія, онъ сознавалъ однако, что, позволивъ себѣ малѣйшую несдержанность въ этомъ отношеніи, легко можетъ окончательно испортить свое дѣло и не получить ни копейки. Въ сущности, ему было рѣшительно все равно, на какую бы сумму ни подписывать вексель, лишь бы залучить

въ руки сколько-нибудь денегъ, которыхъ, кстати, въ данную минуту, у него совсѣмъ не было, и онъ очень хорошо понималъ, что отнынѣ, при такомъ враждебномъ отношеніи къ нему адѣйшихъ жидовъ, нечего уже рассчитывать на дальнѣйшую возможность какихъ бы то ни было займовъ и «перехватокъ» въ Украинскѣ. Стало быть, оставалось только соглашаться на предложеніе Блудштейна. Но, приходя къ такой печальной необходимости, Каржоль—сколь это ни странно — все-таки питалъ въ душѣ утѣшительную надежду, что можетъ быть и не все еще потеряно, что, уйдя отсюда, онъ авось-либо осѣдлаетъ свою судьбу, какъ-нибудь раздобудетъ—ну, хоть въ карты, что ли, выиграетъ — столько денегъ, чтобы разомъ выкупить у Бендавида всѣ свои документы. Ему даже казалось, что все это непремѣнно должно случиться въ самомъ скоромъ времени, и тогда Тамара будетъ все-таки его, со всѣми ея капиталами, которые сторицею вознаграждать его за всѣ эти оскорбленія и убытки, и тогда-то настанетъ полное торжество его надъ всѣмъ жидовствомъ!.. О, да это такое выгодное, блестящее дѣло, что подъ него навѣрное найдутся и деньги,—даже нарочно можно отыскать денежныхъ компаніоновъ, — вѣдь находятся же адвокаты, которые на свой рискъ берутся отыскивать разныя американскія наслѣдства, а тутъ совсѣмъ реальное дѣло, у себя дома, на своей почвѣ; такъ неужели же тутъ-то не найдется ни людей, ни денегъ на предварительные расходы?!—Всего какихъ-нибудь сто тысячъ, да это такіе пустяки!.. Лишь бы только Тамаруто за это время не сбили съ толку, лишь бы она оставалась тверда въ своемъ намѣреніи и въ своемъ чувствѣ, а остальное все пустяки!.. И это вздоръ, будто пагалъ, какъ она думаетъ, можетъ лишить ее наслѣдственного состоянія,—на это у насъ есть законъ, да и адвокатскія головы найдутся, было бы имъ только изъ-за чего потрудиться!.. И такъ, надо, значить, отступить теперь шагъ назадъ, чтобы вслѣдъ затѣмъ смѣло сдѣлать «выпадъ» и прыгнуть на два. — И Каржоль изъяснилъ Блудштейну свое согласіе на его ультиматумъ.

— Да, но это не конецъ, ваше сіятельство,—возразилъ ему тотъ.—Это не конецъ, я еще не досказалъ моихъ условій. Вы дадите вексель на пятьдесятъ тысячъ и, кромѣ того, еще одного маленькаго обязательства, такъ, небольшую подписку.

— Это еще что такое?—удивился графъ, почувствовать съ досадой и замѣшательствомъ, что его планамъ и предположеніямъ опять, кажись, намѣреваются ставить какіе-то новые барьеры.—Какую еще подписку хотите вы? Развѣ не достаточно, что я уѣзжаю отсюда?

— Такъ, но безъ того невозможно. И это

же совѣмъ пустякъ для нашего сѣятельства,—принялся уговаривать его Блудштейнъ.—Вы просто напишите намъ маленькаго обязательства, на двухъ строчкахъ, съ такимъ смысломъ, что я, нижеподписавшійся, получивъ отъ господина Соломона Бендавида пять тысячъ рублей, съ симъ обязуюсь навсегда прекратить всякихъ отношеній къ дѣвцѣ Тamarъ Бендавидъ,—вотъ и только.

— Нѣтъ, такой подписки я не дамъ,—рѣшительно и рѣзко отказался Каржоль.

— Зачиво?—удивился Абрамъ Иселіовичъ.—Когда жъ вамъ не все равно?... Это же только старику для спокойствія,—ну, и что такого?

— У старика «для спокойствія» остаются моя векселя, чуть не на сто тысячъ, если я подпишу вамъ теперь еще одинъ изъ пятидесяти,—возразилъ ему Каржоль,—стало быть, чуть что, онъ всегда можетъ представить ихъ ко взысканію, и я никогда не буду въ состояніи заплатить ему сразу такіа деньги,—вы это понимаете, надѣюсь. А подобная подписка, это будетъ только компрометировать меня въ глазахъ порядочныхъ людей—не-евреевъ,—прибавилъ онъ съ удареніемъ.

— Ну, а когда такъ, то звяните, вы и пять копеекъ не получите,—поирижался Блудштейнъ, нарочно показывая видъ, будто собирается уходить, считая послѣ этого переговоры оконченными.

— Ну, что жъ? въ такомъ случаѣ, будь что будетъ! Я остаюсь въ городѣ,—отозвался на это Каржоль съ напускнымъ равнодушіемъ.—Можете дѣлать все что вамъ угодно, я съ своей стороны тоже приму нѣкоторыя мѣры.

— Ну, и какія мѣры, позвольте узнать?—недовѣрчиво спросилъ Абрамъ Иселіовичъ, съ легкой иронической усмѣшкой.

— А, это уже мое дѣло,—сухо уклонился графъ, принимая загадочный и многозначительный тонъ, хотя въ душѣ и самъ не зналъ, какія-такія мѣры могли бы быть имъ приняты.

— Жаль, жаль,—продолжалъ Блудштейнъ, покачивая головою съ тою же усмѣшкою, хотя самъ въ то же время думалъ себѣ: «А чортъ его знаетъ, можетъ и въ самомъ дѣлѣ успѣетъ еще чего нибудь напаскудить».—Очень жаль,—повторилъ онъ со вздохомъ,—а я былъ бы очень любопытный послушать, что вы можете?...

— Да, такъ я вамъ и высказалъ! Напши дурака!—усмѣхнулся ему и Каржоль въ свою очередь.

Настала короткая пауза. Оба противника, казалось, обдумывали и соображали каждый свое положеніе и силу взаимныхъ ударовъ.

— Ну-ну, ваше сѣятельство, оставьте этихъ шутокъ!—заговорилъ наконецъ Блудштейнъ.—Дѣлайте какъ знаете, берите мѣры, какихъ вамъ угодно, только знаете напередъ: когда

вы добромъ не уйдете, мы сдѣлаемъ такъ, что черезъ троихъ сутокъ васъ изъ жандармами выпшлютъ отсюда. Вы не знаете, съ кѣмъ вы шутите.

Каржоль, между тѣмъ, все еще продолжалъ свою паузу. Онъ понималъ вполне ясно всю невозможность оставаться наперекоръ евреямъ въ Украинскѣ, послѣ того, что всѣ его векселя въ рукахъ Бендавида и что здѣсь источникъ добычи какихъ бы то ни было средствъ для него уже кончился, а безъ средствъ онъ безсиленъ сдѣлать что-либо и «въ пользу» Тамары. Онъ не сомнѣвался, что жиды сумѣютъ «подмазать» и Горизонтова съ конспиріей, и всевозможныхъ чиновниковъ, даже «голубое управленіе», и могутъ въ самомъ дѣлѣ подстроить противъ него какую-нибудь такую каверзу, которая надѣлаетъ ему массу хлопотъ и неприятностей и, вдобавокъ, не получить онъ съ нихъ не то что пяти тысячъ, а и пяти шилей. А тутъ еще послѣ завтра срокъ этому проклятому векселю,—значитъ, протестъ, вызовъ въ судъ, описъ «собственнаго» имущества, когда и всего-то имущества этого на два пяталычныхъ.—ну, словомъ, полный скандалъ... А со другой стороны, еще эта барышня Ухова съ ея беременностью и приставами... Того и гляди, еще и тутъ вся истина всплыветъ наружу... Значитъ, грозитъ ему полное паденіе въ глазахъ общества,—во всѣ дома всѣ двери закрыты, конецъ кредиту, подрывъ всѣхъ, такъ отлично задуманныхъ, предпріятій... Скандалъ, скандалъ съ всѣхъ сторонъ и въ виду ни откуда больше ни поддержки, ни конейки денегъ, такъ что и скрыться, бѣжать отъ этого позора не съ чѣмъ и некуда будетъ. Оставаться ему долѣ въ Украинскѣ дѣйствительно невозможно. Но невозможно тоже дать и требуемую подписку. Каржоль отлично понималъ, что подписка эта нужна его «мучителямъ» вовсе не для «спокойствія» Бендавида, а только для того, чтобы при первой же возможности предъявить ее Тамарѣ и тѣмъ уронить, уничтожить его въ ея глазахъ,—это ясно!.. Стало быть, выдавая на себя такой позорный документъ, надо окончательно уже отказаться отъ борьбы и всякой надежды, поставить надъ всѣмъ этимъ крестъ и бѣжать, бѣжать поскорѣй къ какой-нибудь новой жизни и дѣятельности. А развѣ легко такъ отказаться, когда кладъ, въ лицѣ Тамары, очевидно, самъ дается ему въ руки и требуетъ отъ него только энергіи для необходимой борьбы съ противниками. Нѣтъ, Каржоль не откажется, онъ сдѣлаетъ еще одну попытку, онъ готовъ для этого даже «унизиться» передъ жидами и не то что убѣждать, а просить, умолять ихъ, еслибъ оказались нужными. Ради такой цѣли онъ приноситъ имъ «въ жертву» даже собственное свое «самолібіе».

— Ну, что же, графъ, надумались вы?—спросилъ его наконецъ Блудштейнъ.

Каржоль точно бы очнулся.

— Лябезный другъ,—спокойно обратился онъ, вслѣдъ за своимъ размышленіемъ, къ Абраму,—оставьте всю эту тактику. Очевидно, ни вы моихъ угрозъ, ни я вашихъ не испугаемся, а неприятностей другъ другу можемъ надѣлать еще не мало. Такъ не лучше ли пойти на взаимныя уступки? Я охотно готовъ махнуть рукой на всю эту глупую исторію съ вашей Тамарой и сегодня же уѣхать навсегда вонъ изъ края, но и вы, въ свой чередъ, не требуйте отъ меня невозможныхъ подписокъ. Моя честь,—понимаете ли, *честь* не позволяетъ мнѣ поставить подъ такимъ документомъ мое имя. Зачѣмъ вы хотите мстить мнѣ еще и этимъ позоромъ? Развѣ одно мое внезапное исчезновение изъ города уже само по себѣ не достаточно скандально? Развѣ не подымутся объ этомъ громкія сплетни въ обществѣ и завтра же не дойдутъ до Тамары?—Разумѣется, дойдутъ и вы же сами, первые, постараетесь о томъ. Повторяю вамъ, на сто тысячъ векселей и безъ того уже слишкомъ крѣпкая узда на меня въ вашихъ рукахъ; такъ будьте же великодушны, сдѣлайте мнѣ одну только эту уступку и я, получивъ ваши пять тысячъ, сейчасъ же уѣду изъ города.

Все это было высказано очень убѣдительнымъ и, повидимому, даже искренно сердечнымъ тономъ. Каржоль, когда нужно, умѣлъ хорошо говорить, мастерски владѣя интонаціей своего голоса и совершенно входя въ принятую на себя роль. Онъ, вообще, былъ человѣкъ не безъ артистической жилки и съ положительнымъ, хотя и манкированнымъ, актерскимъ талантомъ. И этотъ талантъ—онъ былъ увѣренъ—долженъ былъ и въ настоящемъ случаѣ сослужить ему свою службу.

Выслушавъ его рѣчь, рабби Абрамъ и рабби Ионаанъ опять стали переговариваться между собою на своемъ непонятномъ жаргонѣ.

— Хорошо, мы согласны,—объявлялъ ему наконецъ Блудштейнъ.—Господи въ Брильянтъ сейчасъ пойдетъ за вексельный бланкъ и принесетъ деньги, а я останусь здѣсь. Ужъ звяните, ваше сіятельство, а со своихъ глазъ мы васъ теперь не выпустимъ ажъ до вагона. И знайте напередъ; гдѣ вы ни будете, еврейскій глазъ завсегда будетъ слѣдить за вами. Мы будемъ знать каждаго вашего шага, и чуть что,—сейчасъ вокселя до лзысканья! Такъ вы этого и знайте!

«Ладно!» подумалъ себѣ Каржоль, съ облегченнымъ сердцемъ. — «Хоть вы, голубчики, меня и скрутили, а все же я вывернулся и.. посмотримъ, чья-то еще возьмется!.. Пять тысячъ въ кармагъ и надежда пока не потеряна!»

XVI.

Мать Серафима съ Тамарой.

Подкрѣпившись послѣ ранней обѣды чаемъ съ просвиркой, мать Серафима зашла провѣдать Тамару въ отведенномъ ей помѣщеніи.

— Ну что, дитя мое, отдохнули ль вы? Хорошо ли васъ тутъ устроили?—просто и ласково обратилась она къ поднявшейся навстрѣчу ей дѣвушкѣ.

Та отвѣчала, что всѣмъ совершенно довольна и не знаетъ, какъ благодарить ее за все, для нея сдѣланное.

Игуменья присѣла на одинъ изъ двухъ плетеныхъ стульевъ, у простого деревяннаго столика, приставленнаго къ стѣнѣ, предъ углубленнымъ окошкомъ. Ей хотѣлось познакомиться съ Тамарой поближе, приглядѣться къ ней, узнать хотя нѣсколько черты ея нравственнаго облика и причины, побуждающія ее къ разрыву съ еврействомъ. Заботливымъ взглядомъ внимательной хозяйки она оглядѣла всю комнату и видимо осталась довольна. Проворная келейница Наталья своевременно успѣла прибрать все какъ слѣдуетъ, привела комнату въ опрятный видъ, застлала постель чистымъ бѣлымъ и бѣлымъ пикейнымъ одѣяломъ, затеплила передъ образомъ лампаду и позаботилась даже напоить Тамару чаемъ, къ которому принесла ей изъ монастырской пекарни пару вкусныхъ бѣлопшеничныхъ хлѣбцевъ.

— Что это за книжка? ваша?—спросила между прочимъ Серафима, замѣтивъ на подоконникѣ, рядомъ съ узелкомъ Тамары, довольно толстую тетрадку въ корешковомъ переплетѣ.

При этомъ неожиданномъ вопросѣ, Тамара нѣсколько смутилась и покраснѣла.

— Моя,—проговорила она, невольно конфузясь и какъ бы оправдываясь.—Это... это «Дневникъ» мой... гимназическій еще... не я ни за что не хотѣла оставлять его дома... Тамъ онъ навѣрно попалъ бы теперь въ чужія руки... Стали бы читать, а я не хотѣла, чтобы посторонніе знали мою душу и все, что я думаю... Тамъ это, кромѣ глумленія и злобы, ничего не встрѣтило бы.

— О, въ этомъ случаѣ ваше побужденіе совершенно понятно, какъ понятно и то, что дѣвушки въ ваши годы нѣрѣдко ведутъ дневники... Кто въ этомъ не грѣшенъ!—снисходительно замѣтила Серафима, и ласковый, добросердечный тонъ ея словъ пріободрилъ Тамару.

— Скажите мнѣ, дитя мое,—продолжала все такъ же сердечно игуменья,—давно это вамъ зашла мысль переимѣнить религію?

— Нѣтъ, недавно; всего лишь нѣсколько недѣль.

— И что же собственно побудило васъ къ этому?

Послѣдній вопросъ не удивилъ Тамару: раньше или позже, она во всякомъ случаѣ должна была ожидать его; но тонъ, какимъ былъ онъ теперь предложенъ, инстинктивно подсказалъ ей, что никакого неискренняго или даже уклончиваго отвѣта съ ея стороны быть не должно, что всякая фальшь невольно выдастъ сама себя, съ перваго же слова, и глазами, и голосомъ, а потому надо говорить правду, такъ какъ только правда можетъ доставить ей сочувствіе и поддержку такой женщины, какъ Серафима, которая въ своей нравственной чистотѣ и простосердечной искренности, какъ казалось Тамарѣ, глубоко читаетъ въ ея душѣ въ эту самую минуту. И она рѣшилась сказать правду, хотя высказывать ее казалось ей нелегко.

— Побудила меня любовь, — проговорила она, застѣнчиво потупляя глаза. — Я люблю христіанина и хочу быть его женою... Дѣлаю это съ обоюднаго нашего согласія.

Серафима задумчиво и внимательно посмотрѣла на дѣвушку.

— Любовь... Одно только *это*? — проговорила она серьезно и нѣсколько строго. — Но вѣдь вы еще такъ молоды, это можетъ пройти, и тогда почему знать, — быть можетъ, вы не разъ еще и горько раскаетесь въ своемъ шагѣ... А его вѣдь ужъ не поправишь!..

— Нѣтъ, не раскаюсь, — увѣренно и твердо сказала Тамара, поднявъ на игуменью открытые, ясные взоры. — Не раскаюсь. Я вполнѣ знаю, что дѣлаю, знаю, что мнѣ предстоитъ, и... тѣмъ не менѣе... рѣшеніе мое безповоротное.

— Вы такъ думаете... Но, во всякомъ случаѣ, причина кажется мнѣ слишкомъ еще недостаточной, — возразила Серафима. — Я не спрашиваю васъ, — продолжала она, — кто именно избравникъ вашего сердца и охотно готова вѣрить, что это человѣкъ достойный во всѣхъ отношеніяхъ — да много отзывается о немъ съ вашей стороны, конечно, и быть теперь не можетъ, — но изъ вашихъ словъ я вижу, что вѣра Христова не есть для васъ цѣль, сама по себѣ; вы избираете ее лишь по необходимости, какъ средство къ достиженію вашихъ личныхъ влеченій, и то потому только, что между этими влеченіями и ихъ предметомъ стоитъ препятствіемъ церковный и гражданскій законъ, котораго нельзя обойти иначе, не такъ ли?

— Нѣтъ... простите меня, но не совѣмъ такъ, — убѣжденно возразила Тамара. — Изъ-за однихъ только своихъ влеченій я еще не рѣшилась бы перемѣнить вѣру, еслибы у меня не было внутренняго убѣжденія.

— А, это другое дѣло! Внутреннее убѣжденіе... Но, извините меня, откуда въ васъ могло взаться такое внутреннее убѣжденіе? Вѣдь

чтобы убѣдиться, надо сначала хорошо узнать то, въ чемъ убѣждаешься. Чтобы сказать себѣ «эта вѣра лучше моей», надо сперва изучить и ту, и другую, надо изслѣдовать, сравнить ихъ основанія, а это такая задача, что едва-ли она подъ силу такой молодой дѣвушкѣ. Да и гдѣ у васъ средства на это?

— Средство тутъ одно: Евангеліе, и другихъ мнѣ не надо, — спокойно и просто отвѣтила Тамара. — И развѣ тѣ евангельскія женщины, что стояли у креста на Голгофѣ, были ученые? — продолжала она. — Развѣ онѣ сравнивали, изучали? — Онѣ просто слышали слова Спасителя и увѣровали сердцемъ.

Такой отвѣтъ поразилъ Серафиму. Ничего подобнаго она не ожидала отъ «современной» еврейской дѣвушки и потому невольно оставила на ней удивленный взглядъ.

— А вамъ знакомо Евангеліе? — спросила она.

— Да, знакомо. Мнѣ далъ его однажды человѣкъ, котораго я люблю. Это было еще на первыхъ порахъ нашего знакомства. Я заинтересовалась Евангеліемъ, сначала не болѣе какъ и всякой «запрещенной» книжкой, — то-есть, «запрещенной» для еврейки, потому что въ еврейскомъ кругу сочли бы крайне предосудительнымъ для женщины такое чтеніе. Я стала читать по ночамъ, запершись у себя въ комнату, и тутъ неожиданно раскрылись мнѣ такіа идея, такіа истины, которыя перевернули весь мой внутренній міръ...

Серафима продолжала смотрѣть на нее все тѣмъ же удивленнымъ взглядомъ, въ которомъ однако затеплилась теперь тихая внутренняя радость христіанки, внезапно обрѣтшей «душу живу» тамъ, гдѣ и не чаяла.

— Кромѣ того, — продолжала Тамара, — первое дѣтство свое провела я за границей, затѣмъ воспитывалась въ русской гимназіи; подруги у меня всѣ русскія, я постоянно бываю въ ихъ обществѣ, и все это настолько сблизило меня съ христіанами, съ ихъ жизнью и обычаями, что переходъ въ ихъ вѣру вовсе не кажется мнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ... Наконецъ, должна вамъ сказать еще и то, что я, богатая наследница моихъ родныхъ, навсегда лишаюсь съ обращеніемъ въ христіанство всего, всѣхъ своихъ матеріальныхъ средствъ и благъ, и тѣмъ не менѣе я все-таки рѣшаюсь, я знаю на что иду... А послѣ моего побѣга къ вамъ, назадъ мнѣ уже нѣтъ возврата, хотя еврей, по всей вѣроятности, и будутъ добиваться этого. Но для чего? Чтобы въ-концѣ измучить меня нравственно... Еврейство никогда не проститъ мнѣ этого поступка; въ его глазахъ на мнѣ уже лежитъ самое позорное клеймо, и если *я* меня теперь отвергнете, что же мнѣ останется?! Самоубійство?

— Господь съ вами, дитя мое, что это вы говорите! — издали перекрестила ее Серафима. —

Отвергнуть васъ я не могу, разъ что вы уже мною приняты. Я хотѣла только немножко ближе познакомиться съ вами, узнать ваши побужденія, душу вашу, чтобы знать, за кого я стою и какъ стоять мнѣ, потому что тутъ безъ борьбы не обойдется, я это предвижу.

— Душу мою... задумчиво повторила Тамара. — Душу мою я отъ васъ не скрываю и не хочу скрывать. Все, что я думала, все, что я переживала, все это вотъ здѣсь, въ этой тетради.

Съ этими словами, она взяла съ подоконника свой «Дневникъ».

— Тутъ все... вся моя жизнь, вся душевная исповѣдь... Хотите знать ее, возьмите и читайте... Я не таюсь предъ вами, я все тутъ, какъ есть, — худа ли, хороша ли — судить не мнѣ. Примите это какъ мою исповѣдь, я прошу васъ даже объ этомъ.

— Благодарю васъ за довѣріе, — сказала съ нѣкоторымъ внутреннимъ колебаніемъ Серафима. — Но только зачѣмъ же это? До чужихъ мірскихъ тайнъ я не хочу касаться, а чтобы узнать васъ, такъ вѣдь это я могу гораздо скорѣй изъ простой, откровенной бесѣды... То, что мнѣ нужно было знать, я уже знаю, и съ меня довольно.

— Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ! — раздался изъ коридора встревоженный голосъ келейницы Натальи, сопровождаемый осторожнымъ стукомъ въ дверь.

— Аминь, — отвѣтила игуменья на этотъ обычно-условный, по монастырскому уставу, предварающій возгласъ, и вслѣдъ за тѣмъ запыхавшаяся послушница вошла въ келію.

— Матушка? Бѣда у насъ чуть не случилась, — доложила она, остановясь у двери и отдавая игуменѣ, по уставу, поклоны поклономъ со сложенными ниже груди руками.

— Что такое? — серьезно сдвинула брови Серафима.

— Евреи ломятся во святые ворота... цѣдя толпа... камнями швыряютъ во дворъ черезъ стѣну... въ сторожкіе стекла вышибли... А однимъ булыжникомъ старицу Агнію сейчасъ-было чуть-чуть въ високъ не хватило.

Игуменья всколыхъ взглянула на Тамару. Та мгновенно вся поблѣднѣла и глядѣла на нее глазами, полными испуга, молебъ и тревоги. Углы губъ ея замѣтно вздрагивали отъ нервного трепета.

— Ворота заперты? — спросила Серафима келейницу.

— Всѣ на запорѣ, какъ сами давеча приказать изволили, и святые и чернодворскіе.

— Ну, такъ остальное до насъ не касается; это дѣло мірской власти, — спокойно сказала игуменья. — Да передай еще всѣмъ старцамъ и сестрамъ, что я прошу ихъ не ходить пока по двору, а сидѣть по своимъ кельямъ.

— Будьте покойны, дитя мое! — ободрила она Тамару, подымаясь съ мѣста. — Тревожиться тутъ нечего: сюда они ни въ какомъ случаѣ не доберутся, и все это, я увѣрена, кончится сейчасъ же... ихъ разгонятъ. А что выдать васъ, я никогда не выдамъ, — подтвердила монахиня твердымъ тономъ. — Никогда! Такъ это и знайте!.. Никто какъ Богъ! Будемъ молиться и надѣяться, что все устроится къ лучшему.

Тамара безъ словъ отвѣтила ей однимъ только глубоко благодарнымъ взглядомъ.

— Хотите читать или руководѣемъ какимъ-нибудь занятиемъ, такъ я могу прислать вамъ книгъ и работу, — предложила, уже стоя въ дверяхъ, Серафима.

Успокоенная дѣвушка охотно изъявила свою готовность на все, что ей будетъ указано, и монахиня, ласково кивнувъ ей головою, скрылась за дверь, въ сопровожденіи своей келейницы.

XVII.

Изъ „Дневника“ Тамары.

Оставшись одна и взволнованно ходя мелкими шажками по комнатѣ, Тамара нѣкоторое время не могла совладать съ хаосомъ внезапно возбужденныхъ въ ней мыслей, впечатлѣній и ощущений; чувствовала только, что теперь ей въ одно и то же время и хорошо, и жутко, — такъ хорошо и такъ жутко, что плакать хочется, — и что сердце переполнено радостнымъ умиленіемъ и щемящею болью какой-то. Впечатлѣнія бесѣды съ Серафимой смѣшивались въ ея душѣ съ мыслью о домѣ, о покинутыхъ старикахъ и съ потрясающими ощущеніями, только-что испытанными ею при извѣстии о лопавшихся въ монастырь евреяхъ. Съ одной стороны ярко представлялись ей вся величавая въ своей простотѣ фигура Серафимы, строгій и въ то же время сердечный, прямо въ душу проникающій тонъ ея рѣчей, спокойно твердая сила и точно бы цѣлбно-успокоивающее вліяніе на душу ея простыхъ, безхитростныхъ словъ, ея сдержанные, но прямо бьющіе въ цѣль вопросы, ея тихая привѣтливая улыбка и эта удивительная манера держать себя, гдѣ, при всей простотѣ, невольно, сами собою сказываются прирожденное благородное достоинство и порода, гдѣ подъ суровою рясою монахини все же чувствуешь женщину, принадлежащую нѣкогда высшему обществу. Для Тамары это было впечатлѣніе, полное какого-то благоговѣйнаго очарованія личностью Серафимы. Съ другой же стороны вспоминались и безсознательнымъ шепотомъ повторялись ею нѣкоторыя слова и отдѣльныя выраженія ея собственныхъ отвѣтовъ игуменѣ, какихъ она какъ будто и сама

не ожидала отъ себя, и даже до такой степени, что теперь сама себя дивилась, откуда вдругъ взялись у нея такія мысли, такая рѣшимость и смѣлость высказывать въ самозащиту все, что было высказано ею. Теперь она сама уже убѣжденно чувствовала въ душѣ, что безповоротное рѣшеніе ея принять христіанство дѣйствительно безповоротное, что это не фраза, а сама истина и что послѣ ея разговора съ Серафимой, иначе и быть не можетъ.

Наконецъ, она мало-по-малу совсѣмъ успокоилась, присѣла къ столу и почти машинально раскрыла подвернувшійся ей подъ руку «Дневникъ». Перелистывая его, отъ нечего дѣлать, въ ожиданіи обѣщанной работы, принялась она перечитывать кое-какія попадавшіяся на глаза страницы.

* * *

«10-е іюня 1874 г. Сегодня день моего торжества. У насъ въ гимназій былъ торжественный актъ. Я кончила курсъ первою ученицей и меня выпустили съ золотою медалью. Всѣ поздравляютъ, говорятъ разные пріятныя вещи, учителя пріятно улыбаются и пожимаютъ намъ ручки, классныя надзирательницы совсѣмъ измѣнили тонъ, не брюзжатъ, не обрываютъ, а обращаются совсѣмъ какъ съ равными собой, точно бы мы всегда были имъ самыя задушевныя пріятельницы. А ужъ товарищи мои, въ особенности изъ среднихъ классовъ, чуть не молятся на меня, называютъ «божественною», «очаровательною», «счастливицею» и ужъ не знаю, какъ еще... Подруги-сверстницы обнимаютъ и цѣлуютъ, — нѣмнѣе, правда, немножко и завидуютъ, но это ничего: это, говорятъ, даже такъ и слѣдуетъ, по человечеству. Ольга Ухова, Сашенька Санковская, Маруся Горобецъ и я дали себѣ взаимное слово продолжать между собою тѣ же дружескія отношенія, какія всѣ семь лѣтъ связывали насъ въ гимназій. Дѣдушка тоже присутствовалъ на актѣ во всѣхъ своихъ медаляхъ. Онъ гордъ и счастливъ своею внучкой; даже прослезился, когда меня торжественно вызвали къ столу и вручили золотую медаль вмѣстѣ съ дипломомъ. И отчего это, право, дѣдушка не хочетъ сдѣлать себѣ фракъ! — онъ такъ шелъ бы къ его представительной наружности... Всѣ были въ мундирахъ и во фракахъ, одинъ только онъ въ своемъ патриархальномъ долгополомъ сюртукѣ. Впрочемъ, это не мѣшало тому, чтобы всѣ, начиная съ самого губернатора, относились къ нему съ должнымъ почтеніемъ. Его тоже всѣ поздравляли съ такою внучкой «умницей и красавицей», а дѣдушка былъ этимъ очень растроганъ. Бѣлое батистовое платье съ прошивками и кружевомъ — *sa première robe de grande demoiselle* — сшитое не по условной гимназической формѣ, ко мнѣ очень идетъ. Оно просто, но изящно, и въ этомъ отношеніи наша *m-me Sophie*

Пшиборовская постаралась приложить къ дѣлу весь свой варшавскій шикъ и искусство. Она очень хорошая портниха, съ большимъ вкусомъ, и я буду постоянно у нея одѣваться. Всѣ находили, что въ этомъ нарядѣ я предельно какая хорошенькая! Губернаторша подходила ко мнѣ познакомиться, сдѣлала мнѣ нѣсколько комплиментовъ и заявила дѣдушкѣ, что ей будетъ очень пріятно видѣть у себя его «милую внучку». Словомъ, мнѣ везетъ, — везетъ съ перваго же шага на житейскомъ поприщѣ. Успѣхъ полный и я совершенно счастлива».

* * *

«15-е іюня. Вчера Санковскіе дѣлали *grande soirée*, по случаю выпуска Сашеньки. Я пріѣхала къ нимъ съ *m-me* Горобецъ, такъ сказать, подъ ея крыломъ, вмѣстѣ съ Марусей. Не можетъ же бабушка Сарра сама вывозить меня въ свѣтъ: это не ея общество, да и не привыкла она, къ тому же. Дѣдушкѣ также было бы утомительно, а между тѣмъ, добрые мои старики понимаютъ, что мнѣ нужны развлеченія, и именно въ кругу моихъ подругъ, къ которому я привыкла еще съ гимназій. Поэтому они не препятствуютъ мнѣ продолжать мои дружескія отношенія къ «нухримъ» и къ «гойншесъ некевезъ»¹⁾. По моей просьбѣ, рѣшено, что я буду выѣзжать въ свѣтъ подъ покровительствомъ *m-me* Санковской или *m-me* Горобецъ, вмѣстѣ съ ихъ дочерьми. Обѣ эти милыя дамы были такъ добры и любезны, что сами первыя предложили мнѣ это.

«На вчерашнемъ вечерѣ было очень весело, я очень много танцевала, такъ что сегодня просто ногъ подъ собою не слышу. И здѣсь опять-таки у меня полный успѣхъ, начиная съ костюма. На мнѣ было впервые надѣто бѣлое газовое платье, съ треномъ, подхваченное мѣстами небольшими букетиками бутоновъ чайной розы; открытый лифъ саггѣ; на груди, съ лѣвой стороны, букетъ живыхъ чайныхъ розъ, въ волосахъ тоже двѣ живыя розы — *et c'est tout!* Эти розы, мои первыя балныя розы, я спрятала себѣ на память. Нѣкоторые кавалеры высказывали мнѣ свое удивленіе, какъ это я, новичекъ на балномъ паркѣтѣ, такъ ловко умѣю управляться со своимъ треномъ (!) и на этомъ основаніи пророчатъ мнѣ въ будущемъ великіе успѣхи. Уланы и пѣхотные, и штатскіе изъ правовѣдовъ просто забросали меня ангажементами. Кое-какіе злые язычки говорятъ, будто при этомъ на кавалеровъ магически дѣйствуетъ то, что я «богатая невѣста»; но это вздоръ: они же знаютъ, что я еврейка и потому ни въ какомъ случаѣ не могу быть для нихъ невѣстой. А впрочемъ, пусть ихъ болтаютъ, что хотятъ! — Это нисколько не препятствуетъ моему успѣху.

¹⁾ Къ иновѣрцамъ и невѣрнымъ (христіанскимъ) дѣвушкамъ.

«Третьяго дня мы съ дѣдушкой дѣлали визитъ губернаторшѣ. Она очень мило приняла насъ въ своей гостиной, сама наливала намъ чай и вообще была очень любезна. Немножко было вѣянуто, но вѣдь нельзя же иначе: на то она и «особа»... «Моп Симон» (кстати замѣтить, его весь городъ и не зоветъ иначе за-глаза, какъ Моп Симон'омъ, а ее — Моп Симон'шей) тоже присутствовалъ и все уговаривалъ дѣдушку, отчего бы ему опять не луститься въ казенные подряды, доказывать и пользу государственную отъ этого, и пользу общественную, и требованія прогресса нашего времени, и еще что-то такое; но я не вслушивалась, потому что была занята губернаторшей, которая рассказывала мнѣ свои воспоминанія о своемъ собственномъ выпускѣ изъ Екатерининскаго института. Говорятъ, будто она чопорная и скупая, но мнѣ кажется, что въ сущности, все же добрая женщина».

* * *

«... Приобрѣла еще одного поклонника. Это нашъ бывшій учитель физики и математики, Охрименко. Вотъ не ожидала-то!.. Говорятъ, что я ему очень нравлюсь, что я, «красивая» и, «съ задатками» (такъ-таки прямо это и высказалъ), но что мнѣ не хватаетъ еще настоящаго развитія. Это, говоритъ, еще равно ничего не доказываетъ, что я кончила курсъ съ золотою медалью, потому что насъ учили одной дребедени, которую слѣдуетъ поскорѣе забыть и начать учиться сывирова. Совѣтуютъ въ Петербургъ, на курсы, а еще бы лучше въ Цюрихъ. «Вы, говоритъ, барышня, пожалуйста, много о себѣ не мечтайте и кисейность-то эту надо бы вамъ по-боку, коли хотите, чтобы васъ уважали порядочные люди». Я даже немножко съ толку сбилась, не понимая, говорить ли онъ мнѣ любезности или выговоръ дѣлаетъ, въ качествѣ прежняго моего учителя. Оказалось, однако, что любезности. Предложилъ мнѣ, что если я хочу, такъ онъ, пожалуйста, согласенъ меня развивать «заправскимъ манеромъ» и доставлять мнѣ хорошія, честныя книжки, которыя откроютъ мнѣ глаза и научатъ, что собственно нужно въ жизни для мыслящей интеллигентки. Все это прекрасно, и я не прочь учиться, только зачѣмъ онъ всѣхъ и все такъ ругаетъ, съ-плеча и безъ разбора! Это дѣлаетъ непріятное впечатлѣніе и выходитъ у него какъ-то особенно грубо. А онъ какъ будто этимъ-то именно и кичится».

* * *

«Кстати о поклонникахъ. Ольга Ухова тоже заполонила себѣ одного и пренеприятнаго, даже, можно сказать, блестящаго. Уланскій офицеръ, мужчина лѣтъ двадцати-пяти, красавецъ и статенъ, усики—прелесть, глаза—цѣлое море страсти, вальсѣръ и мазуристъ, какихъ иѣтъ другихъ въ Украинскѣ, пылкіе романсы поетъ дивно, ѣздитъ верхомъ какъ центавръ, лицо и

красиво, — на лошади это просто картина!.. Затѣмъ, что еще?.. Ахъ, да! — отчаянно смѣлый охотникъ, стрѣляетъ изъ пистолета въ туза, имѣлъ уже нѣсколько романовъ съ нашими барынями и одну пренеприятную дуэль, держитъ тройку лошадей въ русской упряжкѣ, пользуется хорошимъ, не разстроеннымъ состояніемъ и, наконецъ, влюбленъ въ Ольгу, какъ котъ. Но при всемъ этомъ—увы!—у него невозможная фамилія. То-есть, совсѣмъ невозможная, хоть и дворянская: Пупъ!.. Поручикъ Пупъ?.. можетъ ли быть что-нибудь хуже? Можно ли даже носить такую неприличную фамилію и мириться съ нею!.. Ну, будь еще какъ-нибудь иначе, хоть немножко иначе, въ родѣ Пуповъ, Пупскій, Пупинскій,—все бы ничего; или напримѣръ, Пупа, Пупе—это походило бы на что-то французское, Пуло—на греческое, но Пупъ, просто такъ-таки малоросійскій Пупъ—это... это Богъ знаетъ что, даже оскорбительно какъ-то, тѣмъ болѣе, что имя у него прекрасное, самое поэтическое, — Аполлонъ; но чуть попробуешь сочетать имя съ фамиліей, выходятъ что-то смѣшное, каррикатурное!.. И нужно же такое несчастье человѣку!.. Пронесся слухъ, будто онъ собирается сдѣлать Ольгѣ формальное предложеніе. Мы съ Марусей и Сашенькой сообщили ей объ этой новости и поздравили съ блестящею побѣдой. Но Ольга, что называется, и руками, и ногами противъ этого, даже въ ужасъ пришла: «Нѣтъ, яѣтъ, говоритъ, — ни за что на свѣтѣ ни за какія конфетки! Онъ интересенъ, онъ прелестенъ, онъ—само божество, онъ все, что угодно; увлечуся имъ, влюблюсь въ него, — да, это все возможно, это я все понимаю и даже, пожалуй, готова; но сдѣлаться его женой и называться т-ше Пупъ,—нѣтъ, это сверхъ моихъ силъ, это невозможно, это просто скандалъ! Никогда, никогда и никогда!»—Мы ужасно много смѣялись, а она даже сердится. Вотъ потѣха-то!»

* * *

«... До чего, однако, ревнивы и наглы наши евреи!.. По секрету узнаю вдругъ сегодня отъ Айзика (онъ у насъ такой проныра, все узнаетъ, какъ гончая собака, чутьемъ какимъ-то), что къ дѣдушкѣ являлись утромъ двое кагалныхъ рошей¹⁾ съ упреками, подъ видомъ дружескихъ совѣтовъ и добраго участія,—зачѣмъ это онъ позволяетъ мнѣ знаться съ моими христіанскими подругами и бывать на ихъ вечерахъ и балахъ, гдѣ я легко могу «потрефиться», и почему бы мнѣ не избрать для себя подружку между еврейскими дѣвушками. По ихъ мнѣнію, такое поведеніе съ моей стороны даже неприлично и можетъ скандализировать все благочестивое еврейское общество. Вотъ еще удивительная претензія! Если только Айзикъ не лжетъ, я нахожу, что

¹⁾ Роши—выборный голова; званіе почетное.

это просто дерзость—осмѣлиться распространять свою кагалную цензуру даже на личныя знакомства и частныя отношенія людей, потому только, что люди эти принадлежатъ къ семитической расѣ и записаны въ ревизскихъ спискахъ мѣстнаго еврейскаго общества. Хотятъ предписывать, съ кѣмъ я могу и съ кѣмъ не должна быть знакома. Это не на что не похоже! И что за нетерпимость, что за нечеловѣчный деспотизмъ!.. Айзикъ говорятъ, однако, что дѣдушка успѣлъ ихъ урезонить. Удивительно мнѣ только одно: на мѣстѣ дѣдушки, при его общественномъ положеніи и независимыхъ средствахъ, я бы не задумалась тотчасъ же указать этимъ господамъ на дверь, а онъ, по старымъ традиціямъ, на столько еще благоговѣетъ предъ своимъ общественнымъ управленіемъ, что счелъ нужнымъ убѣждать рошей и доказывать имъ, что ничего особенно дурного въ моихъ знакомствахъ не видитъ, что мои подруги принадлежатъ къ честнымъ и самымъ уважаемымъ въ городѣ домамъ, къ семьямъ людей вліятельныхъ по своему общественному и служебному положенію, что надо наконецъ и имъ, старикамъ, дѣлать нѣкоторыя разумныя уступки духу времени и своему молодому поколѣнію, которому видимо придется жить при другихъ условіяхъ; убѣждалъ даже рошей, что я, кромѣ чаю и бѣлаго хлѣба, ничего не ѣмъ у моихъ подругъ и потому никакъ не могу потрефиться (а я-таки превсправно тамъ ужинаю!), затѣмъ объяснялъ имъ, что на то была воля моего отца, чтобы я воспитывалась непремѣнно въ казенной гимназій, дающей извѣстныя образовательныя права, которыя—почемъ знать!—быть можетъ, на что-нибудь еще и пригодятся мнѣ въ жизни, а разъ что я по своему образованію и развитію перешагнула за общеврейскій женскій уровень, то жестоко было бы требовать отъ меня, чтобы я не смѣла выбирать себѣ подругъ по своему вкусу, изъ дѣвушекъ одинаковаго со мною развитія; еслибы наши еврейскіе отцы и матери отдавали своихъ дочерей не къ домашнимъ меламдамъ⁴⁾, а въ гимназій, то, безъ сомнѣнія, нашлись бы для меня подруги и между еврейскими дѣвушками; теперь же это во всякомъ случаѣ не моя вина и стѣснить меня въ этомъ отношеніи онъ не можетъ. Словомъ, выходить такъ, что дѣдушка точно бы оправдывался предъ этими рошами. Ссориться съ нимъ изъ-за этого вопроса, конечно, не въ ихъ расчетахъ, не политично, потому что дѣдъ не кто-нибудь, а всѣми уважаемый «гварь»,—но уши они едва-ли убѣжденные его доводами. Теперь мнѣ ясно, почему въ

еврейскомъ обществѣ начинаютъ на меня косяться.—Ну, и пускай ихъ, на здоровье, лишь бы носу больше не совали со своею непрошеной цензурой! Айзикъ увѣряетъ, будто они имѣютъ на это законное право, но неужели такъ? Вѣдь въ сущности, если вдуматься поглубже, такъ это просто возмутительно!»

* * *

1-го іюня. Сегодня у насъ великая семейная радость. Неожиданно пріѣхалъ изъ Вѣны мой отецъ, котораго я уже нѣсколько лѣтъ не видала, и намѣренъ прогостить у насъ около мѣсяца, ради своихъ стариковъ. Дѣдушка написалъ ему о моёмъ выпускѣ изъ гимназій первую лауреаткой, и онъ, оставивъ на время всѣ свои дѣла, прилетѣлъ полюбоваться на свою дочку. Милый мой папа! Какъ я ему благодарна!.. Начальный пріѣздъ его былъ истиннымъ и самымъ дорогимъ сюрпризомъ, какъ для меня, такъ и для дѣдушки съ бабушкой. — Вѣдь онъ у нихъ единственный сынъ. И какой онъ все еще элегантный, изящный, держитъ себя настоящимъ баринамъ, интересуется всѣмъ, и политикой, и литературой, и музыкой,—я просто и не ожидала. Со своимъ появленіемъ, онъ точно бы внесъ къ намъ въ домъ еще больше свѣта, тепла и оживленія. Господи, за что меня такъ балуетъ судьба!.. А какіе подарки!.. Привезъ мнѣ мой папочка фамиліные брильянты покойной мамы моей, которые, по ея завѣщанію, должны были перейти ко мнѣ по достиженіи мною совершеннолѣтія или при выходѣ замужъ, а кромѣ того, привезъ еще и отъ себя въ подарокъ нѣсколько роскошныхъ золотыхъ вещицъ вѣнской работы, — прелесть, какія изысканія! Однѣхъ таможенныхъ пошлинъ на границѣ пришлось уплатить больше пятисотъ рублей. Можно бы было, конечно, и такъ привезти, но папа не захотѣлъ рисковать, въ особенности материнскими брильянтами. Со мной онъ чрезвычайно ласковъ, добръ, внимателенъ и просто не налюбуетъся на меня. Зоветъ съ собою въ Вѣну, говоритъ, что мнѣ необходимо посмотреть на жизнь большого европейскаго центра и отшлифоваться окончательно среди избраннаго общества, а затѣмъ и замужъ, — у него будто есть уже на примѣтѣ хорошій женихъ, который, онъ увѣренъ, непрѣменно мнѣ понравится: молодой, красивый, свѣтскій и богатый, и при всемъ томъ хорошій дѣлецъ, человекъ съ головою, за которымъ не пропадешь.—«Не здѣсь же, говорить, въ самомъ дѣлѣ, не между Украинскими хасидами¹⁾ искать тебѣ мужа!» —

⁴⁾ Меламды — вольнопрактикующіе еврейскіе учителя, стоящіе по своему образованію, большею частію, на столь низкомъ уровнѣ, что сами же еврейскіе писатели (какъ напримѣръ Г. Вогровъ) свидѣтельствуютъ о полной ихъ несостоятельности.

¹⁾ Хасидимъ значить благочестивые, добродѣтельные праведные. Такъ называются послѣдователи жившаго во второй половинѣ XVII вѣка, въ мѣстечкѣ Менджибожѣ, въ Польшѣ (нынѣ Подольской губерніи) Ираиля баалъ шемъ-тоба (сокращенно пишется и произносится *беишъ*) т. е. мужа добраго имени или чудотворца. Въ сущно-

Что жъ, въ Вѣну, такъ въ Вѣну! Я очень рада прокатиться и разсѣяться, только насчетъ замужества пока еще не думаю и такъ-таки прямо и высказала отцу, что выйду не иначе, какъ за того, кого изберетъ мое собственное сердце. А онъ мнѣ на это: «Баронессой, говорить, будешь».

— Какъ такъ баронессой? — спрашиваю его. — Почему баронессой?

— Потому — говорить, — что мой проектируемый женихъ баронъ.

— Въ такомъ случаѣ, стало быть, онъ христіанинъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ же непременно христіанинъ? Напротивъ, онъ чистокровный еврей и изъ очень почтеннаго семейства.

— Такъ какъ же это, еврей и вдругъ баронъ?

— Что жъ тутъ удивительнаго, коза ты этакая! Ужъ если у насъ въ Россіи есть бароны «изъ нашихъ», такъ у насъ, въ Австріи, ими хотъ прудъ пруди! Развѣ ты не слыхала, напримѣръ, хотъ про Ротшильдовъ?

«Я даже руками всплеснула отъ удивленія.

— Такъ неужели же это будетъ одинъ изъ Ротшильдовъ? — спрашиваю отца, а сама думаю, что онъ шутить надо мною. А онъ мнѣ на это: «почему жъ бы и нѣтъ, — говорить, — древній родъ Бендавидовъ таковъ, что самъ по себѣ можетъ сдѣлать только честь любому Ротшильду, генеалогія которыхъ еще не Богъ-вѣсть какая важна».

«Это, конечно, не болѣе, какъ разговоръ, и папа, какъ объяснилось затѣмъ, прочитъ мнѣ въ женихи хотъ и барона, только вовсе не Ротшильда, тѣмъ не менѣе слова его заставили меня нѣсколько призадуматься. Я люблю подмѣчать въ себѣ кое-какія слабыя стороны, такъ сказать, ловить самое себя на отрицательныхъ чертахъ своего характера и потому должна теперь сознаться, на ушко самой себѣ, что во мнѣ есть-таки изрядная доля тщеславія. Пускай родъ Бендавидовъ и очень древенъ, а все же пріятно носить громкій титулъ баро-

сти, это есть современная, но выродившаяся секта фарисеевъ. Ученіе ихъ, по свидѣтельству г. Богрова, составляетъ «странную смѣсь еврейства, пиеалгорцизма, діогенизма и крайняго цинизма». Хасиды — это еврейскіе спириты. Они вѣруютъ переселенію душъ въ людей и животныхъ, и главный предметъ изученія для нихъ составляетъ *Кабалла*, носящая вполнѣ мистическій характеръ. Большею частію, они тупеядствуютъ, населяя собою синагоги и проводя всю жизнь среди своихъ кружковъ въ толкахъ о кабаллистическихъ тонкостяхъ. Бракъ у нихъ обязателенъ, но ласки жены хасидъ принимаетъ лишь «подъ вліяніемъ дьявольскаго навожденія» и смотритъ на нее не только какъ на рабу, но просто какъ на вьючное домашнее животное. Они очень нечистоплотны и одѣваются грязно, но это потому, что чѣмъ неопрятнѣе наружность хасида, тѣмъ святѣе считается онъ у вѣрующихъ въ хасидскую праведность.

нессы, графини, маркизы и т. п. Хотя, въ сущности, быть можетъ, это не болѣе какъ пустой звукъ, съ философской точки зрѣнія, но... грѣшный человѣкъ, — это такъ красиво, такъ звучно, такъ подымаетъ надъ толпой, и это мнѣ нравится.

«Какая, однако, я еще пустая дѣвчонка!.. Да, пустая, — сознаю это, а все же нравится. Вотъ и поди-жъ ты!»

* * *

«5-е июля. Третьяго дня папа поѣхалъ представиться губернатору, въ качествѣ временнаго гостя въ его городѣ и, кстати, поблагодарить за любезное вниманіе, оказанное мнѣ его супругой, а вчера (о, удивленіе!) «Мон Симонъ» самъ, лично, отвѣтилъ ему визитомъ, — нарочно прѣзжалъ для этого въ открытомъ фаэтонѣ. Такой «честь» онъ даже и дѣдушку никогда еще не удостоивалъ, а прислалъ къ нему обыкновенно только свою карточку. Въ еврейскомъ муравейникѣ по этому поводу болшая сенсация. Во время вчерашняго своего визита, «Мон Симонъ» пригласилъ на сегодня папу и меня къ обѣду. Папа мой, какъ *libre penseur*, не наблюдаетъ «кашѣра» и «трефа», и мы поѣхали. Да и неловко было бы отказаться. Общество бы небольшое, но отборное, слівки губернской чиновной аристократіи, и папа премиривалъ между гостями. Удивительное право дѣло, что значить въ глазахъ людей золотой мѣшокъ!.. Ну что такое, казалось бы, для всѣхъ этихъ важныхъ господъ мой папа? — Случайный, мимолетный гость нашего города, совсѣмъ посторонній и даже не интересный человѣкъ. А между тѣмъ, всѣ, не исключая самого Мон Симона и его супруги, за нимъ ухаживали, какъ за какимъ-нибудь «знатнымъ иностранцемъ», а нѣкоторые столь явно и вовсе не тонко льстили и, можнъ сказать, лебезили предъ нимъ, почти до подобострастія, что мнѣ, иными минутами, въ душѣ просто съѣдено за нихъ становилось. И подумаешь, изъ-за чего все это?.. Даже и не изъ-за «Гекубы»!.. Я понимала бы еще, еслибъ хотъ денегъ, что ли, рассчитывали они занять у него, а то вѣдь и этого нѣтъ. — Безкорыстно! Изъ-за того лишь, что онъ «извѣстный вѣнскій банкиръ», «de la haute finance», — и только! И эти-же самые люди, безъ сомнѣнія, самыя искреннимъ образомъ презираютъ и осуждаютъ между собою евреевъ (я моего отца въ томъ числѣ, конечно) за будто бы искони присущее намъ поклоненіе «тельцу златому». — Господи! да развѣ это не то же самое?

«А впрочемъ, это съ моей стороны выходить злость, и даже не «маленькая». Люди насъ радушно пригласили и накормили, были съ нами откровенно любезны, и я же ихъ браню и осуждаю за это. Нехорошо!.. Но вырывать или тщательно зачеркивать страницу не стану, хотъ и хотѣлось бы, послѣ того какъ перечла

и пораздумала надъ немъ. Некрасивая страница. Но пускай ужъ такъ и остается она для меня достойнымъ укоромъ и уликой нехорошаго душевнаго движенія».

* * *

«10-ое июля. Оказывается, однако, что ухаживаніе за папой со стороны Мон Симон'а было вовсе не безцѣльно и приглашеніе на обѣдъ устроено не безъ тонкаго расчета. Мон-Симонша устраиваетъ въ городскомъ саду большое общественное гулянье и балъ въ лѣтнемъ клубѣ съ лотереей allegri, съ благотворительною цѣлью, въ пользу «mes chers paucres», какъ она выражается, и съ насъ по этому поводу нужна контрибуція. Вотъ и разгадка. Папа получилъ еще позавчера официальное приглашеніе на бланкѣ, гдѣ изображено, что «ея превосходительство, супруга г. начальника губерніи, проситъ васъ, милостивый государь, пожаловать сего числа въ восемь часовъ вечера, въ совѣщаніе особаго благотворительнаго комитета, по поводу предполагаемаго ея превосходительствомъ устройства общественнаго праздника». Папа, конечно, «пожаловалъ» и долженъ былъ «добродушно» подписать на это устройство пятьсотъ рублей, да кромѣ того, впередъ записаться на двѣсти лотерейныхъ билетовъ, по полтиннику каждый. Но и этимъ дѣло еще не кончается, такъ какъ и меня тоже «привлекли къ отвѣтственности». Въ числѣ нѣсколькихъ «избранныхъ» молодыхъ дамъ и дѣвицъ въ общества, а удостоена «честь» вертѣть колесо или продавать въ одномъ изъ кіосковъ какую-то дребедень. Впрочемъ, въ послѣдствіи, по распредѣленіи ролей, оказалось, что мнѣ, вмѣстѣ съ Марусей Горобецъ, досталось продавать десертъ—фрукты, ягоды и конфеты, Сашенькѣ торты и тартинки, а Ольгѣ—шампанское. Мон-Симонша, въ выдачѣ сокращенія расходовъ, рѣшила, чтобы каждая дама и дѣвица, назначенная къ какой либо торговлѣ, озаботилась заблаговременно приобрести на собственный счетъ, по силѣ возможности, и самые предметы этой торговли. Намъ-то съ Марусей оно съ молда-горя, потому что ягоды да конфеты не Богъ-вѣсть чего стоятъ, а у бѣдной Ольги, хотя она и очень польщена честью играть роль Гебы-разливательницы, все же вытупилась физиономія: нѣсколько дюймовъ шампанскаго—это-таки чувствительно для кармана. Желая выручить ее изъ затрудненія, я предложила ей помѣниться со мною ролями, и судя по первому ея движенію, она готова была согласиться, но вдругъ запнулась, какъ бы сообразивъ что-то, и отказалась.—«Нѣтъ, говорить, милочка, перси! Неловко... Ужъ нечего дѣлать, когда такъ досталось, а ты вотъ что: если ужъ хочешь оказать мнѣ большую дружескую услугу, такъ устрой такъ, чтобы дѣдушка отпустилъ намъ шампанское въ кредитъ, изъ своего бакалейнаго склада». Я по-

общала, но устроила это сегодня гораздо проще: дѣдушка согласился прямо пожертвовать отъ себя все шампанское, сколько тамъ его выпьютъ. Такимъ образомъ, Ольга вдвойнѣ довольна и счастлива, и я тоже очень рада, что могла доставить ей это удовольствіе. А Мон-Симонша, оказывается, пожертвовала для лотереи какую-то склеенную фарфоровую вазу, которая будетъ вѣнчать собою всю красную горку выигранныхъ вещей. Вотъ что называется, и дешево, и сердито».

* * *

«... Въ среду, утромъ, къ папѣ являлась еврейская депутация отъ главной синагоги и нѣсколькихъ благотворительныхъ союзовъ нашей городской общины, съ предложеніемъ—не угодно ли ему сдѣлать въ пользу ихъ учреждений нѣкоторыя пожертвованія. Тутъ были представители и отъ погребальнаго братства *хевро*, и отъ братства странно-пріимнаго, и отъ ссудной кассы для бѣдныхъ, и отъ *бикуръ холимъ* ¹⁾, и даже двѣ еврейскія дамы-представительницы *Гашносат кама*, или союза помощи бѣднымъ невестамъ. Отецъ пожертвовалъ пятьсотъ рублей на синагогу, пятьсотъ въ цедоке-гадола ²⁾ погребальнаго братства и всѣмъ остальнымъ тоже по пятьсотъ, итого три тысячи. Пожертвованіе бѣднымъ невестамъ было сдѣлано папой отъ моего имени. Всѣ депутаты и депутатки, конечно, разсыпались въ тысячахъ благодарностей и благихъ пожеланій, а синагогальный габай ³⁾ выразилъ, между прочимъ, надежду, что отецъ не откажется въ наступающую субботу отъ почетной аліа ⁴⁾,

¹⁾ Союзъ помощи бѣднымъ.

²⁾ Большая благотворительная кружка.

³⁾ Габай—староста синагоги, который смотритъ за порядкомъ и завѣдываетъ всѣмъ хозяйственными дѣлами. Габай лицо выборное, и обыкновенно въ каждомъ молитвенномъ домѣ бываетъ четверо габаевъ, выбираемыхъ вмѣстѣ со своими кандидатами срокомъ на одинъ годъ. Выборы совершаются въ выпускные дни Пасхи ежегодно. Въ отправленіи своихъ обязанностей габай чередуются между собою помѣсячно.

⁴⁾ Аліа собственно означаетъ поднятіе на биму (возвышенная эстрада посреди синагоги) и знаменуетъ собою восхожденіе на Синай, изображаемый въ каждой синагогѣ бимой, откуда возвѣщаютъ собравшейся общинѣ законы, данные самимъ Богомъ (Тора) и читаютъ Пророковъ. Обрядъ аліа уставляется Эадроу, а по мѣнѣю другихъ (Колбо, уставъ о чтеніи Пятикнижія, гл. 20) даже самимъ Моисеемъ. Исполненіе этого обряда возложено на людей всѣхъ сословій, для чего и призываются къ чтенію избранные. Чтеніе это совершается однако не ежедневно, а лишь по понедѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ, а также въ праздники поволунія и въ дни поста; оно входитъ въ составъ общественнаго богомоленія и производится не иначе, какъ по принадлежавшему синагогѣ и написанному всегда на пергаментѣ свитку Торы (Пятикнижія). Обрядъ аліа происходитъ слѣдующимъ образомъ: по окончаніи чтенія Шеминя Эсерей (главная часть богомоленія, кто-либо изъ присутствующихъ ми-

которую синагога намѣрена предложить ему въ вознагражденіе за столь щедрое пожертвованіе, и тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ на это право, какъ возвратившійся въ домъ отца своего съ дороги.

«Отъ столь высокаго почета не отказываются, и потому вчера утромъ мы всею семьей

ранъ вынимаютъ изъ орнъ-гакодеша (живота) свитокъ Торы и передаетъ его кантору, — а вынимать свитокъ и вставлять оный обратно, равно какъ развязать, связать и перевязывать его лентой, — все это составляетъ *Мизмотъ*, благочестивыя дѣянія, совершаемыя по данному обѣту. Канторъ, принявъ Тору, произноситъ краткое молитвенное слово и совершаетъ съ нею торжественное восхожденіе на биму, причемъ народъ окружаетъ его и благоговѣнно прикладывается къ свитку. На бимѣ встрѣчаютъ кантора габай и одинъ изъ шамешовъ, и всѣ вмѣстѣ укладываютъ свитокъ на столъ. Послѣ этого, канторъ, по указанію габая, громко и нараспѣвъ призываетъ по имени, отчеству и титулу того, кто удостоился чести первымъ приступить къ чтенію. На этотъ зовъ, приглашенное лицо подымается со своего мѣста и отправляется на биму. Приложившись къ Торѣ, удостоенный громко произноситъ молитву благословенія Богу-законодателю, избравшему для врученія своего закона между всѣми народами земными одного лишь Израиля. Народъ громко отвѣчаетъ ему „Аминь“, и затѣмъ начинается чтеніе. Но такъ какъ читать вполнѣ правильно и еще съ правильнымъ расцѣвомъ по свитку, писанному безъ пунктуаций и знаковъ препинанія, рѣдко кто умѣетъ, то при каждой порадочной синагогѣ состоитъ особый *баалъ-корей*, ученый тцетъ, который и читаетъ вслухъ, а лицо приглашенное повторяетъ за нимъ каждое слово втихомолку. По окончаніи чтенія, приглашенный опять произноситъ молитву благословенія и удаляется съ бимы на свое мѣсто. Въ будничные дни и въ постъ читается три аліесъ, въ новолунія четыре, въ праздники пять, въ день судныхъ шесть, а по субботамъ семь, при участіи тцетовъ изъ среды прихожанъ. Первая и самая почетная алія принадлежитъ всегда когену, какъ потомку Аарона, брата Моисея, сохраняющему въ родѣ своемъ права и благодать еврейскаго священства; вторая — левиту, какъ помощнику когена въ священнослуженіи, совершавшему нѣкогда въ стѣнахъ храма, іерусалимскаго. (По разрушеніи храма, священнодѣянія болѣе не совершаются, впродъ до его возобновленія, а происходятъ только общественныя богомоленія, и потому когены и левиты священническихъ обязанностей своихъ нынѣ не исполняютъ болѣе). Затѣмъ, всѣ послѣдующія аліесъ доставаются на долю мірянъ и для раздачи ихъ существуетъ слѣдующій порядокъ: *наси* (т. е. князь, если таковой имѣется на лицо), *талмудъ-засамъ* (ученый талмудистъ) и *парнексъ* (представитель общественнаго управленія) берутъ на свою долю самыя высшія изъ аліесъ, каковыми считаются *шелимъ* и *шимъ*, т. е. третья и шестая; прочія идутъ въ удѣлъ остальнымъ прихожанамъ. Но изъ числа прихожанъ бываютъ лица, *такюбимъ*, которымъ всѣ должны уступать алію, и таковыми считаются. *бери-мицва*, т. е. лицо достигшее совершеннолѣтія (13 лѣтъ и 1 день); женихъ въ субботу передъ свадьбой и послѣ оной, мужъ родинницы, лицо справляющее годовщину (панихиду) по родителямъ, лицо оковившее *шима*, т. е. первую недѣлю траура и т. п. Субботнее чтеніе Торы раздѣлено на 54 отдѣла, по числу субботъ въ еврейскомъ году, ко-

отправились въ бейсъ-гакнесетъ¹⁾, къ субботнему богомоленію. У бабушки давно уже куплено въ синагогѣ свое мѣсто, въ женской галлерей, и когда мы отправляемся съ нею вдвоемъ, то обѣимъ намъ приходится тамъ тѣсниться, — поэтому я бываю въ синагогѣ довольно рѣдко, тѣмъ болѣе, что посѣщеніе ея для еврейки и не считается обязательнымъ; но сегодня пришлось потѣсниться и дѣдушкѣ, такъ какъ онъ уступалъ свое мѣсто папѣ. Впрочемъ, ему было подано особое почетное кресло. Входить во внутрь синагоги женщины не имѣютъ права и потому, пропустивъ своихъ мужчинъ впередъ, въ главныя двери, а сами направляясь вправо, по лѣстницѣ на галлерей, мы съ бабушкой поневолѣ должны были нѣсколько замедлиться въ сѣняхъ, за невозможностью продраться сквозь тѣсную толпу, скучившуюся предъ габайскимъ прилавкомъ, и въ это-то время мнѣ пришлось быть свидѣтельницей одной изъ возмутительнѣйшихъ сценъ, которая, къ сожалѣнію, раз-

который имѣетъ 355 дней или 51 недѣлю, а высокосный 385 дней или 53 недѣли. (Высокосный годъ слѣдуетъ всегда два раза сряду черезъ годъ и разъ черезъ два года и получаетъ прибавочный мѣсяцъ, слѣдующій за мѣсяцемъ Адоромъ и называемый Адоромъ вторымъ). Лицу, удостоенному аліи, канторъ тутъ же читаетъ нараспѣвъ молитву о его здравіи, равно какъ и о здравіи лицъ, имъ указанныхъ, изъ числа присутствующихъ его родныхъ, друзей и т. п., называя при этомъ каждого по имени и отчеству, съ присовокупленіемъ лестныхъ для евреевъ титуловъ: морейне, море-морейне, море-морейне-гарафъ, имѣющихъ почти одинаковое значеніе съ благородіемъ, высокоблагородіемъ и т. п. Для евреевъ этотъ молебень имѣетъ то самое значеніе, какъ для православныхъ заздравицы во время проскомидіи. При извѣстныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при разрѣшеніи жены отъ бремени, возвращеніи изъ дороги, годовщины смерти родителей, полнолѣтія, вступленія въ бракъ и т. п. алія считается обязательною для еврея. Въ силу этого обстоятельства, спросъ на алію всегда силенъ, и онъ тутъ же, въ общественныхъ молитвенныхъ домахъ, продаются желающимъ съ аукциона, въ пользу синагоги; дѣна имъ, особенно въ большіе праздники, доходить до нѣсколькихъ рублей, а такъ какъ церемонія аліи раздѣляется върными на патрициевъ и плебеевъ, то изъ-за этого на аукціонахъ зачастую происходятъ жесточайшія ссоры и даже драки между членами набожнаго общества и синагогальнымъ управленіемъ: одинъ считаетъ себя оскорбленнымъ тѣмъ, что не былъ приглашенъ взойти на биму, другой претендуетъ на третью алію вмѣсто пятой, которую онъ получилъ, третій желаетъ принадлежать къ патрициамъ, тогда какъ его отвесили къ плебейамъ и т. д. Подобныя претензіи всегда производятъ шумные скандалы, неприличествующіе мѣсту, предназначенному для святой молитвы, и каталь, несмотря на свой авторитетъ, признаваемый всѣми евреями, и свой деспотизмъ, распространяемый на внутреннюю ихъ жизнь, раздѣливъ еврейское общество въ синагогахъ на два различныхъ класса, не сумѣлъ или не могъ въ этомъ случаѣ утвердить должную дисциплину.

¹⁾ Домъ собранія, синагога.

игрываются въ этихъ сѣняхъ чуть ли не каждую субботу. Мнѣ это тѣмъ прискорбѣе, что на этотъ разъ исторія вышла изъ-за папиной аліа. Папѣ предназначалась *ш-лиши*, третья аліа, какъ сама почетная послѣ священническихъ, но вдругъ, во время аукціона остальныхъ мірскихъ алій, выскочилъ неожиданный претендентъ, одинъ изъ самыхъ вздорныхъ и несговорчивыхъ здѣшнихъ хасидовъ и парнесовъ ¹⁾, нѣкто Исахаръ Беръ, который сталъ доказывать, что третья аліа принадлежитъ ему по законному праву и что онъ не допустить нарушенія своего права кѣмъ бы то ни было, а тѣмъ болѣе, когда это дѣлается изъ лицепріятія къ какому-то пріѣзжему денежному мѣшкуну, который не удостоилъ его даже своимъ визитомъ и вся заслуга котораго только въ томъ и состоитъ, что онъ—денежный мѣшокъ, тогда какъ самъ онъ, ребъ Исахаръ Беръ, имѣетъ честь быть и парнесомъ, и талмудъ-хахамомъ. Габай сталъ отстаивать право отца, какъ человѣка возмражавшагося съ дороги въ отчий домъ и сдѣлавшаго къ тому же столь значительное пожертвованіе въ пользу синагоги, а тотъ ему принялся возражать, что онъ нѣвѣжда, позволяющій себѣ произвольно толковать Колбо и Орахъ-Хаимъ, и что въ пожертвованіи отца сказывается не уваженіе, а презрѣніе къ синагогѣ, потому что точно такое же пожертвованіе онъ сдѣлалъ и губерняторшѣ, въ пользу «нухримъ». Тутъ пошелъ между ними крупный споръ, превратившійся сначала во взаимныя упреки и перебранку, затѣмъ въ горячую ругань и, наконецъ, въ пощечины. Присутствовавшая толпа тотчасъ же раздѣлилась на сторонниковъ того и другого изъ спорщиковъ и приняла участіе въ дракѣ; одни бросились разнимать, другіе защищать, поднялся крикъ, визгъ и гвалтъ, пошла всеобщая потасовка,—насъ совсѣмъ затолкали, бабушкѣ отдавили ногу, меня приперли къ стѣнѣ такъ, что я чуть не задохлась, и кончилось тѣмъ, что шотры и шамешы, чтобъ унять драку, должны были пустить въ толпу струю воды изъ ручного брандспойта и бить направо и налѣво своими трехвостками, по комъ ни попало. Какъ мы только уцѣлѣли, и сама ужъ не знаю. А когда шамешамъ удалось, наконецъ, прекратить эту свалку, то намъ съ бабушкой было уже не до богомоленія, и мы рады-радехоньки были, что вырвались изъ этого ада во дворъ, на свѣжій воздухъ. Вѣдная бабушка захромала и почти захворала—ее сильно-таки помядли въ толпѣ — и я, сама разстроенная чуть не до истерика, кое-какъ довела ее подъ руку до дому. Такъ мы и не видѣли, какъ отецъ совершалъ свою аліа. Но эта ужасная сцена,—я ее никогда не забуду. Что за возмутительное безобразіе, и гдѣ же!..

¹⁾ Парнесъ—представитель общины.

Невольно приходится на умъ сравненіе съ христіанскимъ храмомъ и, увы! — далеко не въ пользу и не къ чести нашихъ синагогальныхъ порядковъ».

* * *

«...И вотъ, онъ состоялся, наконецъ, этотъ Мон-Симоншинъ «праздникъ». Народу было множество, всякаго. Даже нѣсколько евреевъ расщедрились на входные билеты, кажется, нарочно только затѣмъ, чтобы посмотреть, какъ это я чувствую себя среди «гойевъ» и управляюсь въ кіоскѣ, въ роли продавщицы. Нѣсколько разъ онѣ—видимо, нарочно—пропльвали медленнымъ шагомъ мимо нашего кіоска, подъ-руку со своими супругами, и поглядывали на меня съ выраженіемъ завистливой ироніи. То-то, я думаю, перемиываютъ теперь всѣ мои косточки!..

«Праздникъ, вообще говоря, вышелъ довольно удаченъ. Иллюминація сада и фейерверкъ, два военныхъ оркестра, полковые пѣсенники, какія-то наѣзжы изъ Одессы пѣвцы русскихъ шансонетокъ и рассказчики народныхъ сценъ и сценъ изъ еврейскаго быта, наконецъ лотерея.—все это привлекало толпы разнаго люда. Украинскій beau-monde предавался благотворительнымъ танцамъ въ открытомъ павильонѣ лѣтнаго клуба, а плебеи довольствовались тѣмъ, что глядѣли на танцы снаружи. Мы, продавщицы, добросовѣстно и всецѣло приносили себя въ жертву своимъ благотворительнымъ обязанностямъ и потому не танцевали. Торговля наша шла недурно, но главный успѣхъ выпалъ на долю Ольги съ ея сотрудниками, двумя разбитыми военными дамочками. У ихъ кіоска просто отбою не было отъ кавалеровъ. Мы, бѣдненькія, сидимъ себѣ съ Маруськой при своихъ десертахъ и ждемъ когда-то еще наклонится какой-нибудь лакомка, а черезъ площадку, напротивъ насъ, у Ольги то и дѣло хлопаютъ пробки, и сама она, точно вакханка, такая пышная, румяная, вся сіяющая весельемъ, едва успѣваетъ разливать шампанское въ бокалы. Просто даже глядѣть-то завидно! И какъ это она граціозно и ловко умѣетъ наливать, чтобы показать всю свою красивую, обнаженную руку! Знаетъ, чѣмъ взять... А впрочемъ рѣшительно не понимаю, что въ ней такого особеннаго находятъ эти мужчины... Неотлучнымъ ассистентомъ при ней состоятъ ея «Аполлонъ въ уланскомъ мундирѣ», но онъ весь этотъ вечеръ былъ какъ-то сумраченъ, не въ духѣ, и на это, какъ мы догадываемся, есть своя причина. Дѣло въ томъ, что на сикъ дняхъ на Украинскомъ горизонтѣ появилась одна новая личность, сильно заинтересовавшая собою все общество. Это нѣкто графъ Каржоль де-Нотрель, изъ Петербурга. Красивъ и элегантенъ до совершенства, — даже Ольгина Аполлона затмеваетъ этими качествами, въ особенности своею аристократичною элегантностью,

потому что отъ Аполлона, сколь онъ ни блестящъ, а все же какъ будто уланской конюшней немного отзывается, тогда какъ этотъ—баринъ, совсѣмъ баринъ, какъ есть, до конца ногтей. Онъ, говорить, очень богатъ и пріѣхалъ сюда по какимъ-то дѣламъ,—учреждать какую-то поземельную агентуру, въ видахъ распространенія русскаго землевладѣнія въ краѣ, и еще что-то такое «общественное», но что?—я не могла хорошенько понять, не вслушавшись толкомъ, когда объ этомъ говорили... Вообще отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ очень солидномъ, дѣловомъ и съ большими связями въ Петербургѣ. Онъ сразу сумѣлъ стать здѣсь на надлежащую ногу и завоевать симпатіи вершинъ губернскаго міра. У Мон-Симонши онъ, говорятъ, уже свой человѣкъ, и она отъ него въ восторгѣ, а этого довольно, чтобы и самъ Мон Симон весь былъ къ его услугамъ. На нашемъ благотворительномъ праздникѣ состоялся, такъ сказать, первый дебютъ графа въ Украинскомъ mond'e, когда этотъ monde находился почти весь на лицо, въ полномъ своемъ составѣ; но графъ, конечно, большую часть своего вечерняго досуга долженъ былъ отдавать обществу «сливокъ». — Мон Симон почти не отходилъ отъ него, какъ бы ревниво оберегая его отъ «недостойныхъ», а Мон-Симонша выказывала явное стремленіе «прищиплять» его къ себѣ и заставить заниматься только ею, чтобы другимъ ничего не доставалось; они даже сидѣли, какъ «хозяева», на особомъ возвышеніи, покрытомъ коврами, гдѣ былъ устроенъ родъ гостиной для «избранныхъ» и куда провѣвали только тѣ, кого губернаторская чета удостоивала особымъ приглашеніемъ. Это, по обыкновенію, очень многихъ злило и заставляло исподтишка шипѣть. Какъ новая новинка, графъ Каржоль, конечно, привлекалъ къ себѣ общее вниманіе, тѣмъ болѣе, что всѣ уже заранѣе были имъ очень заинтересованы по рассказамъ и слухамъ. Слышно, что по дѣламъ своимъ онъ намѣревается поселиться у насъ въ городѣ на довольно долгое время, хотя и долженъ будетъ уѣзжать порою, по дѣламъ же. Стоить пока въ гостиницѣ, но пріискиваетъ себѣ подходящій домъ со всѣми удобствами и хозяйствомъ, потому что желаетъ жить на привычную ему ногу. Мон Симон, между прочимъ, представилъ его Ольгѣ, и когда та, съ обычной своей бойкостью, предложила ему бокалъ, графъ выпилъ и положилъ ей сторубливую бумажку, не потребовавъ сдачи. Тамъ, гдѣ платили за бокалъ отъ одного до трехъ рублей, такая щедрость, конечно, произвела на всѣхъ окружающихъ внушительное впечатлѣніе въ пользу жертвователя. Онъ оставался предъ Ольгиной выставкой около получаса, непринужденно и весело болтая съ нашей «златокудрою Гебой» и потомъ, въ теченіе вечера, подходилъ къ ней еще раза два. Все

это его маленькое вниманіе и было причиною, что бѣдный ея Аполлонъ пощипывалъ усы и кусалъ себѣ губы. А Ольга отъ такого вниманія графа, конечно, на верху блаженства и воображаетъ, что она вскружила ему голову. *Сhère Olga*, не слишкомъ ли уже самопадна?*

* * *

«19 іюля. Сегодня у меня съ отцомъ былъ разговоръ, вслѣдствіе котораго я настроена очень грустно. Послѣ обѣда, когда мы отдыхали у себѣ дома на террасѣ, онъ обнялъ меня за талию и спустился со мною въ садъ, въ большую нашу липовую аллею. Тамъ онъ сказалъ мнѣ, что давно уже собирался поговорить со мною серьезнымъ образомъ обо мнѣ и о себѣ и началъ нѣсколько издали, но такъ было нужно, чтобы познакомить меня поближе съ его жизнью, перипетіи которой и внутреннюю сторону, признаюсь, до сихъ поръ я знала очень мало. Сущность разговора этого была вотъ въ чемъ:

«Древній родъ Бендавидовъ былъ знаменитъ не столько своими матеріальными богатствами, сколько богатствомъ ума и благочестія. Въ немъ насчитывается нѣсколько ученѣйшихъ мужей, достигшихъ не только въ своихъ, но и въ отдаленныхъ еврейскихъ общинахъ почтеннѣйшаго положенія и оставившихъ слѣды своего ума и знаній въ нѣсколькихъ трактатахъ теологическаго и философскаго характера. Матеріальное богатство наше, сравнительно говоря, недавняго происхожденія. Первый изъ Бендавидовъ, который сдѣлалъ себѣ нѣкоторое состояніе, былъ мой прадѣдъ Елизаръ Бендавидъ, бывшій нѣкогда домашнимъ повѣреннымъ, а потомъ и банкиромъ у такихъ старопольскихъ магнатовъ, какъ Браицкіе, Потоцкіе и Сангушко. Дѣдъ мой, Соломонъ еще умножилъ это состояніе, доставшееся ему въ наслѣдство, тѣмъ, что очень счастливо исполнилъ нѣсколько крупныхъ казенныхъ подрядовъ и затѣмъ, въ теченіе многихъ лѣтъ держалъ винный откупъ въ двухъ губерніяхъ. Отецъ мой у него—единственный сынъ. Изъ двухъ сестеръ отца одна умерла еще въ дѣтствѣ, другая же замужемъ, въ Вѣнѣ, за негоціантомъ. Рассчитывая имѣть въ лицѣ отца ближайшаго и свѣдущаго помощника въ своихъ дѣлахъ, чтобы не держать взаимныхъ управляющихъ, не всегда къ тому же честныхъ, дѣдушка далъ ему образованіе въ русской гимназій, что въ тѣ времена случалось въ еврейской средѣ не часто, но что было совершенно необходимо, такъ какъ безъ основательнаго знанія русскаго языка и законовъ невозможно было самому вести дѣловую переписку по откупнымъ дѣламъ съ губернскими властями. Затѣмъ, дѣдушка отправилъ его заканчивать образованіе въ Вѣну, гдѣ отецъ слушалъ лекціи на юридическомъ факультетѣ. Въ Вѣнѣ онъ встрѣтился съ прелестною дѣвушкой хорошаго семейства (впо-

слѣдствіи моею матерью), и это порѣшило его дальнѣйшую судьбу. Они полюбили другъ друга, и отецъ написалъ дѣду, прося его благословенія на бракъ. Вслѣдствіе этого письма, дѣдъ самъ нарочно пріѣхалъ тогда въ Вѣну, чтобы собственными глазами убѣдиться, достойна ли невѣста быть принятою въ домъ Бендавидовъ, хороша ли она, какого происхожденія и какого достатка. По всѣмъ этимъ статьямъ дѣло оказалось подходящимъ. Отецъ невѣсты принадлежалъ къ извѣстной фамиліи Мендельсоновъ и занималъ весьма приличное мѣсто въ администраціи банкирскаго дома Ротшильда, имѣлъ нѣкоторый достатокъ и хорошія связи, съ помощью которыхъ могъ предоставить и моему отцу мѣсто въ той же администраціи. Поэтому дѣдъ согласился на бракъ, тѣмъ болѣе, что послѣ Крымской войны откупная система, видимо, доживала уже свой вѣкъ, готовясь уступить поле дѣйствій новой системѣ, акцизной, а стало быть, въ непосредственной помощи сына по откупнымъ дѣламъ для дѣдушки уже не было болѣе особенной надобности. Родители обѣихъ сторонъ условились между собою насчетъ приданаго, подписали *тнотимъ*¹⁾, причемъ, какъ требуетъ стародавній обычай, разбили нѣсколько уже ранѣе надтреснутыхъ тарелокъ изъ домашняго хозяйства и, наконецъ, сыграли свадьбу, а затѣмъ дѣдушка выдѣлилъ отцу, по брачному условію, порядочный капиталъ и уѣхалъ домой, въ Украинскъ. Тогда же, благодаря тестю, отецъ поступилъ на службу въ администрацію Ротшильда, не столько изъ-за жалованья, сколько собственно для практики въ финансовыхъ дѣлахъ и, главное, въ самой техникѣ финансовыхъ операцій, а черезъ три года открылъ въ Вѣнѣ и свою собственную банкирскую контору. Открылъ онъ ее сначала въ небольшихъ размѣрахъ, но, съ теченіемъ времени, дѣло все крѣпло, расширялось, росло, такъ что въ 1866 году, благодаря необыкновенно счастливымъ биржевымъ операціямъ, отецъ былъ уже миллионеромъ.

«Я родилась въ 1857 году и сознательно начинаю себя помнить съ седьмого года жизни, въ роскошной обстановкѣ нашего вѣнскаго дома, всегда разодѣтою, какъ куколка, съ бонной-француженкой и гувернанткой-англичанкой, которыхъ почему-то лѣтчо грызались между собою. Другихъ дѣтей, кромѣ меня, у отца съ матерью не было, и потому на мою долю безраздѣльно падали всѣ ихъ ласки и все баловство. Къ несчастью, мать моя была хрупкаго здоровья, и, схвативъ себя зимою 1865 года воспаленіе легкихъ, умерла отъ скоротечной чахотки. Мы

съ отцомъ осиротѣли. Мнѣ было восемь лѣтъ, я понимала уже, что значитъ смерть и, помню, много плакала и долго не могла утѣшиться послѣ этой потери. Извѣстно, что «бѣды не ходятъ порознь, но толпою», и эта толпа бѣдъ, послѣ такого довольства и полнаго счастья, вдругъ, со смертью матери, обрушилась на голову моего бѣднаго отца. Вслѣдъ за матерью умираетъ ей отецъ, состояніе котораго, подѣленное между остальными членами многочисленной семьи, представило изъ себя какія-то мелкія дробы. Затѣмъ не прошло и трехъ мѣсцевъ, какъ разразилась австро-прусская война, послѣ которой отецъ, благодаря нѣкоторымъ операціямъ, невѣрно разсчитаннымъ, въ связи съ политикой, потерпѣлъ въ одинъ прекрасный день жесточайшій крахъ. Ему грозило полное банкротство, но онъ успѣлъ кое-какъ ликвидировать дѣла, продать съ молотка все, что было, весь домъ, экипажи, всю обстановку, цѣлую галлерею картинъ, — словомъ, рѣшительно все, за исключеніемъ только завѣщанныхъ мнѣ материнскихъ брильянтовъ и, пополнивъ почти до конейки свой пассивъ, самъ очутился буквально нищимъ. Заложивъ брильянты, онъ снѣшно собрался вмѣстѣ со мною въ дорогу и привезъ меня къ дѣдушкѣ, въ Украинскъ.

«Потерявъ по собственной винѣ состояніе, отецъ не смѣлъ просить у дѣда помощи, даже и не заикался ему о ней; но дѣдъ былъ самъ настолько великодушенъ, что предложилъ крупную сумму, которая помогла отцу снова подняться на ноги. Взамѣнъ этой услуги, дѣдушка съ бабушкой попросили его только объ одномъ: оставить меня при нихъ, въ Украинскѣ, какъ единственную для нихъ радость, единственное утѣшеніе на старости лѣтъ, въ ихъ одинокой жизни. Отецъ, конечно, долженъ былъ согласиться на это изъ чувства признательности и уѣхалъ въ Вѣну одинъ. Спустя около полугода, онъ увѣдомилъ дѣдушку письмомъ, что намѣревается вступить во второй бракъ съ очень богатою вдовой одного вѣнскаго негодянта, но дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а по расчету, въ надеждѣ приобщить ея капиталы къ своимъ оборотамъ и такимъ образомъ завоевать себѣ прежнее свое положеніе въ финансовомъ мірѣ. Обзаводясь новымъ семействомъ и предвидя, что у него могутъ пойти новыя дѣти, отецъ просилъ дѣда и бабушку, чтобы они оставили меня у себя и на дальнѣйшее время, чему старики несказанно обрадовались. При этомъ онъ выразилъ имъ одно только непрѣмное желаніе, чтобы я получила образованіе не домашнимъ способомъ, какъ большинство еврейскихъ дѣвушекъ, а въ русской гимназіи, которая современемъ дастъ мнѣ извѣстныя права, и обѣщалъ высылать ежегодно извѣстную сумму на мое ученіе. Старикъ согласился на это, и тогда-то у меня появились русская учительница, для практики въ языкѣ, а затѣмъ двое

¹⁾Предварительныя условія брачнаго контракта. Самый же брачный договоръ, *кетуба*, заключающій въ себѣ изложеніе обязанностей мужа относительно жены, пишется на халдейскомъ языкѣ и громкогласно читается казаномъ (канторомъ) во время самаго обряда вѣнчанія.

русских же учителей, которые общими силами и подготовили меня къ гимназіи. При моихъ способностяхъ и нѣкоторомъ стараніи, да имѣя къ тому же особыхъ репетиторовъ у себя на дому, я всегда училась очень порядочно, такъ что постоянно стояла въ числѣ первыхъ ученицъ, а съ теченіемъ времени, быть первю между первыми стало для меня вопросомъ даже личнаго самолюбія и честолюбія. Кромѣ гимназическаго курса, я обучалась дома еще музыкѣ, рисованію и французскому языку, и на всѣ эти занятія уходила большая часть моего времени, такъ что даже наша начальница не разъ высказывала и мнѣ, и дѣдушкѣ, что я чересчуръ уже много учусь, что умственное развитіе идетъ у меня на счетъ физическаго и что она даже опасается, какъ бы не было у меня мозгового переутомленія. Но домашнія занятія меня не утомляли, —напротивъ, я отдавалась имъ какъ бы шутя, скорѣе для развлеченія, и находила еще время посѣщать кое-когда своихъ гимназическихъ подружекъ и принимать ихъ у себя. Я всегда была очень общительною дѣвочкой. Въ первое время по поступленіи въ гимназію было, конечно, не безъ того, чтобы нѣныя товарки не задирали и не дразнили меня, показывая мнѣ кончикъ платка, либо передника, въ видѣ свиного или «гаманова» уха, и называя «жидовицей». Въ душѣ мнѣ это было очень обидно, тѣмъ болѣе, что, со своей стороны, я ничѣмъ не заслужила такого недоброжелательства; но чувствуя всю горечь обиды, я въ то же время если не умомъ, то инстинктомъ какимъ-то понимала, что не сѣдуетъ показывать имъ, насколько это задѣваетъ меня за-живое, потому что покажи я это разъ и расплачусь, —приставаньямъ ихъ и конца не будетъ, и мнѣ вѣчно придется разыгрывать жалкую роль «несчастенькой». Поэтому я всегда старалась въ такихъ случаяхъ овладѣвать собой и дѣлать видъ, будто отношусь ко всѣмъ задираньямъ сверху внизъ, не удостоивая ихъ своимъ вниманіемъ. Хотя меня и прозвали за это «гордячкой», но зато вскорѣ отстали со своими «гамановыми ухами» и оставили меня въ покоѣ. По характеру своему я всегда была доброю товаркою, не выдѣляясь изъ толпы сверстницъ ничѣмъ, кромѣ отличныхъ балловъ за предметы, и всегда, гдѣ только могла, старалась не отказывать имъ въ разныхъ маленькихъ услугахъ, въ родѣ того, чтобы для одной сдѣлать заданный переводъ съ французскаго или нѣмецкаго, для другой рѣшить математическую задачу и т. п. Вслѣдствіе этого, со мною не только всѣ примирились, какъ бы позавбывъ даже мое еврейское происхожденіе, но, благодаря своей уживчивости и независимости, я приобрѣла себѣ еще нѣсколько добрыхъ подружекъ, которыя меня искренно полюбилъ и съ

которыми я сохранила самыя дружескія отношенія и до сихъ поръ.

«За всѣ семь лѣтъ моей гимназической жизни, отецъ только одинъ разъ заглядывалъ въ Украинскъ, и то на самое короткое время, проѣздомъ по дѣламъ въ Одессу. Я была тогда уже въ третьемъ классѣ, а онъ къ тому времени имѣлъ отъ второго брака уже двухъ дѣтей и—Богъ знаетъ, по этому ли, по другому ли чему, но только мнѣ тогда показалось, будто онъ уже не такъ сердечно ласковъ со мною, какъ прежде, даже менѣе, чѣмъ въ своихъ письмахъ, которыя отъ норы до времени я получала отъ него изъ Вѣны,—точно бы онъ отвыкъ отъ меня, точно бы новыя привязанности вытѣснили меня изъ его сердца. Сегодня я ему откровенно все это высказала и увидѣла изъ его объясненія, на сколько я тогда ошибалась. Проѣздомъ въ Одессу, ему было не до меня, такъ какъ призывали его туда крайне важныя дѣла, отъ оборота которыхъ въ ту или другую сторону зависѣло все его состояніе, опять повисшее-было на волоскѣ, и, къ счастью, ему удалось тогда уладить эти дѣла, какъ нельзя лучше. Что же до дѣтей отъ второго брака, то, конечно, какъ отецъ, по чувству крови, онъ любитъ ихъ; но все же я, его Тамара, стою предъ нимъ какъ бы живымъ воплощеніемъ покойной моей матери, на которую, по его словамъ, я очень похожа и уже по одному этому не могу быть вытѣснена изъ его сердца. Онъ не говорилъ мнѣ подробно о своей нынѣшней семейной жизни, многое даже заминалъ или вовсе замалчивалъ, но изъ этихъ самыхъ умолчаній, изъ выраженія его глазъ, изъ его нервной, порою горькой улыбки, изъ нѣкоторыхъ, невольно прорывавшихся нотокъ въ его голосѣ, наконецъ, изъ всего тона его бесѣды со мной я догадалась, я сердцемъ своимъ почувала, что во второмъ своемъ супружествѣ онъ далеко и далеко не счастливъ. Мачиха моя, кажись, жеманна пустая, съ мелочнымъ характеромъ и сухимъ сердцемъ. Правда, расчеты отца оправдались: капиталы ея сильно помогли его банковскимъ оборотамъ, и теперь онъ опять стоитъ въ числѣ биржевыхъ корифеевъ; но того тѣлаго, свѣтлаго счастья, какое звалила онъ когда-то съ моею матерью, для него уже нѣтъ, да и не бывало во второмъ бракѣ. И это, мнѣ кажется, втайнѣ его грызетъ и мучитъ. Онъ рѣшилъ построить свою новую жизнь на одномъ лишь матеріальномъ расчетѣ и незамѣтно попалъ подъ домашнее ярмо, стать рабомъ этого расчета и нести теперь за это въ сердцѣ своемъ собственную свою кару. Бѣдный отецъ!.. Финансовыя дѣла его идутъ отлично, онъ давно уже съ процентами возвратилъ дѣдушкѣ взятые у него послѣ краха деньги, коммерческій кредитъ его, повида-

мому, прочень; но эта жизнь изо-дня-въ-день среди биржевого ажіотажа, какъ бы подъ Дамокловымъ мечемъ, этотъ вѣчный рискъ азартнаго игрока, вѣчное напряженіе всѣхъ умственныхъ способностей на одну и ту же цѣль, на крупную биржевую игру, эти пертурбаціи въ собственности его судьбы, когда изъ миллионера онъ вдругъ очутился нищимъ и изъ нищаго опять миллионеромъ, рискуя чуть не ежедневно вновь обратиться въ нищаго,—такое существованіе, полное душевныхъ тревогъ, нервныхъ волненій и безпокойствъ, да еще приятномъ вѣчныхъ домашнихъ сценъ,—все это, къ несчастію, надломилъ отца, отравило его жизнь и отразилось въ немъ недугомъ, который раньше или позднее долженъ свести его въ безвременную могилу. У него развилась въ сильной степени болѣзнь сердца,—ужасная, безпощадная болѣзнь, которая напоминаетъ о себѣ чуть не каждую минуту. Слѣдовало бы давно уже бросить эту проклятую биржу, эти жгучія дѣла, совершенно пережвѣить образъ жизни, уѣхать куда-нибудь отъ жены, хотя на время, чтобы успокоиться, забыться, но увы! —ничего этого не возможно. Къ несчастію, отецъ до того уже втянулся въ такое существованіе, что безъ биржи, безъ ея проклятой лихорадочной атмосферы, какъ для бѣтальца безъ опія, для него нѣтъ жизни. Это что-то затягивающее, роковое, и въ этомъ онъ мнѣ признался сегодня.— «Я чувствую, сказалъ онъ, что мнѣ остается уже не долго жить, и это такого рода болѣзнь, что смерть можетъ захватить меня внезапно, въ любую минуту... Да если и не умру, то какъ знать!—быть можетъ, опять потерю все (это всегда такъ возможно, пока у человѣка нѣтъ Ротшильдовскихъ милліардовъ) и тогда... тогда съ тѣмъ ты останешься?!. Потому-то—говорилъ онъ—я и позаботился теперь выдѣлать тебѣ изъ моихъ собственныхъ—забѣть это: не изъ махиновыхъ, а изъ *собственныхъ моихъ* денегъ—триста тысячъ рублей, въ банковыхъ билетахъ, которые на сихъ дняхъ передамъ дѣдушкѣ, вмѣстѣ съ засвидѣтельствованной копіей съ духовнаго завѣщанія. Что бы тамъ ни случилось, умру ли я или обанкрочусь, ты по крайней мѣрѣ будешь обезпечена. А если, дастъ Богъ, умру безъ банкротства, то на твою долю придется еще около пятисотъ тысячъ... ну, да и дѣдъ не обидѣтъ, онъ самъ сказалъ мнѣ». Вотъ почему—пояснилъ мнѣ отецъ—ему такъ хотѣлось бы выдать меня поскорѣе замужъ, при своей еще жизни.—«Я бы тогда—говорить—смерти своей ждалъ гораздо спокойнѣе, я бы зналъ по крайней мѣрѣ, что ты у меня пристроена за хорошаго, надежнаго человѣка, съ которыми можешь быть счастлива». И онъ съ увлеченіемъ уговаривалъ, почти умолялъ меня ѣхать съ нимъ въ Вѣну, увѣряя, что я не раскаюсь. Растроганная до глубины души, я плакала, я цѣловала ему руки, утѣшая и,

въ свою очередь, умоляя его бросить свою биржу, обѣщала ему выйти замужъ за любого, за кого лишь онъ мнѣ прикажетъ, но съ тѣмъ, чтобы онъ закончилъ свои дѣла и уѣхалъ бы съ нами куда-нибудь подальше изъ Вѣны отдохнуть, полечиться; я говорила, что, Богъ дастъ, новая жизнь оживитъ его, придастъ новыя силы, и болѣзнь пройдетъ, и мы проживемъ съ нимъ еще долго, долго... А онъ такъ грустно улыбался мнѣ на это, такъ ласково гладил мою голову и тихо повторялъ все: «пойдемъ, пойдемъ въ Вѣну, но только поскорѣй... дорогая моя, поскорѣй!..»

«Господи! какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ грустно все это!..»

* * *

«...Нѣсколько дней ходила я, какъ убитая, подъ впечатлѣніемъ разговора съ отцомъ. Милый папочка!—онъ замѣтилъ это и всячески старался утѣшить меня и развеселить. Я упростила его посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ Зельманомъ, который здѣсь считается лучшимъ, да и въ самомъ дѣлѣ, онъ, говорятъ, превосходный и очень свѣдущій докторъ. Послѣ диагноза, я сама спросила Зельмана, умоляя не скрывать отъ меня правду, въ какомъ положеніи нашелъ онъ сердце отца? Онъ увѣрилъ меня, что дѣло вовсе не такъ плохо, какъ я думаю, и опредѣлялъ болѣзнь какимъ-то латинскимъ названіемъ, сказавъ, что это нервное и что отцу нужно только полное успокоеніе при строго правильномъ режимѣ, и тогда, съ Божьей помощью, все пройдетъ. Слава Богу! Послѣ этихъ отрадныхъ словъ, я почувствовала, точно бы поскресала».

* * *

«...Ахъ, до чего надоѣлъ мнѣ этотъ несносный Охрименко! Каждый разъ, что встрѣтится со мною, все пристаётъ со своими Цюрихами да съ моею «кисейностью», а сегодня въ клубѣ, на семейномъ вечерѣ, подсівъ ко мнѣ, завелъ вдругъ такой разговоръ, который вывелъ меня наконецъ изъ терпѣнія.

— Вотъ, вы—говорить—считаетесь богатѣйшею невѣстой, и въ самомъ дѣлѣ вы вѣдь богатая; ну, а какое употребленіе думаете вы сдѣлать изъ своихъ денегъ?

«Я отвѣчала, что на этотъ счетъ ровно еще ничего не думала и не думаю.

— Жаль,—говорить,—курица, и та думаетъ. А вы, что же, замужъ, небойсь, разсчитываете?

— Что жъ,—говорю,—если будетъ хорошій женихъ, почему и не разсчитывать?

— Такъ-съ, разумѣется... Къ роли на-сѣдки готовится. Разумная роль, достойная интеллигентки. Ну и что жъ, выйдете за какого-нибудь жда и будете плодить ему ребѣтъ, и капиталы, пожалуй, всѣ ему вручите,—самое настоящее дѣло! Ну, а потомъ-то что?.. Такъ и закинете?.. А вы—говорить—вотъ

что: замужь-то выходить это вздоръ. Порядочныя дѣвушки нынче и безъ этихъ легальностей обходятся, и благо имъ!—По крайней мѣрѣ, не путаютъ ни себя, ни другого лишними узами. Любовь по существу своему должна быть свободна, и только въ такомъ случаѣ она чего-нибудь стоитъ и достойна уваженія мыслящихъ людей. А вы бы лучше посвятили себя «общему дѣлу». Капиталы то, по крайней мѣрѣ, получили бы надлежащее примѣненіе, а безъ того, владѣть такими капиталами, вѣдь это подлость, подумали ль вы объ этомъ?

«Я на него даже глаза вытаращила отъ удивленія.—Съ ума сошелъ онъ, думаю, что ли? А онъ мнѣ:—«Вамъ—говорить—слышно, родитель брильянты какіе-то привезъ въ подарокъ?»

— Слышно,—говорю,—а что?

— Да ничего... Имъ-то вотъ вы загода, пока что, и воспользовались бы.

— Я имъ и пользуюсь: когда хочу, тогда и надѣваю.

— Эка польза!.. Какая же это порядочная интеллигентка надѣнетъ на себя брильянты! Я не такую разумѣю.

— А какую же?

— А такую, что взяли бы вы эти самые камешки, не говоря ни папенькамъ, ни бабенькамъ, да и замѣнили бы ихъ стразами, а камешки обратили бы въ деньги,—не здѣсь, конечно; здѣсь сейчасъ же всѣ узнаютъ, а можно бы чрезъ надежныхъ людей живо устроить это самое дѣло хотя бы въ Одессѣ. И какъ обратили бы въ деньги, такъ и пожертвовали бы ихъ на «общее дѣло». Это, по крайней мѣрѣ, съ вашей стороны было бы честно.

«Я возразила ему, что напротивъ, подобный поступокъ, совершенный тайкомъ, походилъ бы скорѣе на воровство и ужъ никакъ не могъ бы быть названъ честнымъ. А онъ мнѣ на это: «Ну, говоритъ, и честность, и подлость, это все понятія относительныя, это какъ кто понимаетъ. Еще Прудонъ сказалъ, что собственность есть кража, а я говорю, что воровство ничуть не подлѣе и не честнѣе всякаго другого обыкновеннаго поступка. Тутъ важна цѣль, ради которой вы извѣстный поступокъ совершаете, а вовсе не самый поступокъ».

«Меня такое нахальство наконецъ взорвало, и я сказала, что подобныя теоріи онъ можетъ проповѣдовать кому угодно, только не мнѣ.

— Нѣтъ, именно вамъ—говорить—потому что вы богатая и съ задатками, которые даютъ поводъ разсчитывать, что изъ васъ могъ бы выйти прокъ для «общаго дѣла». И затѣмъ прибавилъ, что если онъ проповѣдуетъ мнѣ такія вещи, то это только потому, что считаетъ меня порядочнымъ человѣкомъ и что я ему даже нравлюсь. «Нравлюсь»...

«Даже нравлюсь». — Подумаешь, честь какая!..

— Ну, а мнѣ—сказала я—ни такія проповѣди, ни самые проповѣдники вовсе не нравятся.

«Озлился.

— Кто же вамъ нравится — говорить. — Уланскіе лоботрясы, небойсь? Ну хорошо, такъ и запишемъ. Я, говоритъ думалъ, что вы въ самомъ дѣлѣ порядочная, а вы... какъ есть кисей, кисеей и останетесь!

«Я замѣтила ему на эту грубую дерзость, что mentorство его мнѣ еще въ гимназій надѣло, а теперь послѣ его словъ, разъ навсегда, прошу его не подходить ко мнѣ болѣе ни съ какими разговорами и вообще считать всякое знакомство между нами поконченнымъ. Онъ спохватился и вздумалъ было оправдываться, говоря, что я шутокъ не понимаю и что онъ хотѣлъ только испытать меня, но я рѣшилась круто оборвать его и, съ презрѣніемъ бросивъ ему въ глаза названіе нахала, отошла прочь. Онъ даже позеленѣлъ отъ злости, и съ этой минуты, конечно, уже не поклонникъ мой, а величайшій врагъ. Но, Богъ съ нимъ, я не жалѣю о своемъ поступкѣ».

XVIII.

Новыя наслоенія.

(Изъ „Дневника“ Тамары).

«1-е октября 1874 года. Какъ давно не бралась я за свой «Дневникъ», даже и не заглядывала въ него!—Не до того мнѣ было. Собственно говоря, времени-то прошло и не особенно много, но сколько за это время пережито! И какія все ужасныя, потрясающія впечатлѣнія! Лишь теперь начинаю я отъ нихъ оправляться и на столько приходить въ себя, что могу снова приняться за свою завѣтную тетрадку.

«Мы схоронили моего дорогого отца, и смерть его застала насъ совершенно неожиданно. Это было въ началѣ августа. Я уже совсѣмъ было собралась въ дорогу, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ отцомъ въ Вѣну, и онъ былъ совершенно этимъ доволенъ, чувствуя себя въ отличѣйшемъ настроеніи духа и даже какъ будто здоровѣе обыкновеннаго, какъ вдругъ 4-го числа, наканунѣ нашего отъѣзда, получаетъ изъ Вѣны телеграмму отъ своего главнаго конторщика о томъ, что предпринятая по его приказанію операція съ какими-то акціями, которую онъ считалъ совершенно вѣрною, ожидая отъ нея большихъ барышей, кончилась, принесла ему болѣе чѣмъ на милліонъ убытку. Это неожиданное извѣстіе, въ которомъ онъ усмотрѣлъ начало новаго своего банкротства, поразило и взволновало его до такой степени, что съ нимъ тутъ же сдѣлался

страшнейший припадок всегдашней его болѣзни, и припадку этому на сей разъ суждено было стать роковымъ. Черезъ нѣсколько минутъ отецъ умеръ отъ разрыва сердца. Дѣдушка сейчасъ же далъ объ этомъ телеграмму въ Вѣну, къ моему дядѣ. Съ этого же несчастнаго дня начались у насъ преніяательства съ нашимъ погребальнымъ братствомъ и цѣлый рядъ возмутительныхъ сценъ, придирокъ, прижимокъ и вымогательствъ со стороны послѣдняго. Очереднымъ габаемъ братства въ этотъ мѣсяцъ былъ Исахаръ Беръ, кипичный заводчикъ, въѣхавшій противъ отца какой-то зубъ, еще при его жизни,—кажется за то, что отецъ не удостоилъ его своимъ визитомъ,—и къ этому-то человѣку пришлось намъ теперь обращаться за разрѣшительной запиской на похороны ¹⁾. Дѣдушка отпривади

къ нему своего старшаго приказчика съ просьбой отвести покойному мѣсто для могилы въ почетномъ ряду и прислать каброновъ для приготовления тѣла къ погребенію ¹⁾. Часа черезъ два приказчикъ вернулся совершенно смущенный и доложилъ дѣду, что Исахаръ Беръ велѣлъ ему кланяться съ изъясненіемъ полнаго своего почтенія и передать, что, по рѣшенію Совѣта габаевъ Хевро, похороны будутъ стоять двадцать пять тысячъ рублей и что пока въ кассу братства не будутъ внесены сполна либо деньги, либо вексель на эту сумму, онъ не выдастъ разрѣшительной записки ²⁾. Сколь ни былъ дѣду потрясенъ и

тому, что нѣкоторые члены и габаи Хевро состоятъ въ то же время и членами кагала. Денежныя суммы, выручаемыя братствомъ за погребеніе, кагальному контролю не подвергаются, а учитываются лишь Совѣтомъ своихъ же габаевъ, въ карманы коня и поступаетъ обыкновенно львиная доля этихъ суммъ, такъ какъ собственно нужды и расходы братства весьма не велики. Возможность крупной наживы и служить причиной того, что габаи выбираются не болѣе, какъ на годъ, дабы и остальные габеримъ имѣли случай поживиться, каждый въ свой чередъ, на габайской должности. По этой же причинѣ, братства Хевро весьма рѣдко и неохотно принимаютъ въ свою среду новыхъ членовъ, и то не иначе, какъ за большія деньги. Званіе члена, по большей части, передается по наслѣдству, отъ отца къ сыну, такъ что эти союзы являютъ собою родъ совершенно особой, замкнутой и какъ бы кастовой корпораціи.

¹⁾ Мѣста на еврейскихъ кладбищахъ всегда раздѣляются на почетныя—для патрициевъ, ординарныя—для людей средняго состоянія, низшія—для плебеевъ (*ам-гаарецъ*) и, наконецъ, послѣднія, въѣзъ разряда—для разнаго рода отверженцевъ еврейской общины. Чѣмъ ближе къ какому-нибудь знаменитому раввину, тѣмъ мѣсто считается почетнѣе и тѣмъ цѣна ему дороже. Но чтобы получить право на такое сосѣдство, необходимо или быть признаннымъ въ качествѣ талмудическаго ученаго, мудреца, или же обладать очень большими денежными средствами. По замѣчанію Я. А. Брафмана (ч. I, 233), новые богачи, т. е. евреи изъ бѣднаго и низшаго слоя, которымъ улыбнулась фортуна, очень дорого платятъ за такое право; купить же имъ это право необходимо по той причинѣ, что этимъ они упрочиваютъ и какъ бы закрѣпляютъ положеніе свое и своего потомства среди еврейской знати. Благодаря этому обстоятельству, „святому союзу“ иногда удается получать значительныя суммы безъ особеннаго затрудненія.

²⁾ Цѣны за мѣста доходятъ не только до нѣсколькихъ сотенъ, но и до нѣсколькихъ тысячъ рублей, смотря по желанію габаевъ Хевро, и опредѣляются эти цѣны ихъ Совѣтомъ безапелляціонно. Такъ какъ запросъ Совѣта, по большей части, оказывается не по силамъ для семейства покойника, то очередной габай, указывая на извѣстное ему движимое или недвижимое имущество покойнаго, оказываетъ семейству снисхожденіе готовностью принять оное въ залогъ, для обезпеченія требуемой Совѣтомъ суммы. Если даже и нѣтъ никакого движимаго имущества, то братство обезпечиваетъ себя векселями и сохраними росписками, благодаря которымъ оно всегда можетъ приступить ко взысканію своего долга съ могущаго объявиться

¹⁾ Похоронный обрядъ у евреевъ не считается въ числѣ обрядовъ духовныхъ и потому не имѣетъ строго религіознаго значенія. По закону Моисея, духовенству еврейскому даже запрещено заниматься похоронами, чтобы не оскверниться прикосновеніемъ къ трупу, а первосвященникъ не смѣлъ даже прикасаться къ трупу родного отца или матери. Поэтому у евреевъ вообще и до сихъ поръ сохранилось традиціонное отвращеніе къ мертвымъ и боязнь ихъ. Въ силу этого чувства, даже близкіе родственники стараются, по возможности, избѣгать личнаго обращенія съ тѣлами своихъ умершихъ и передаютъ приготовленіе ихъ къ похоронамъ особаго рода специалистамъ, *каброניםъ*. Съ этою цѣлью, въ каждомъ мѣстѣ еврейской осѣлости непремѣнно существуютъ особые союзы, извѣстные подъ именемъ „Хабура-Кадиша“ или, иначе, „Хабура-Хевро“, т. е. святыя или погребальныя братства. Цѣль ихъ, повидимому, благотворительная: убирать и хоронить мертвыхъ и доставлять средства къ погребенію неимущимъ; но, въ дѣйствительности, эти братства—одна изъ грозныхъ силъ кагальской организаціи еврейскаго общества. Въ вѣдѣніи Хабура-Хевро всегда находится въ еврейскія кладбища; поэтому продажа могильныхъ мѣстъ составляетъ какъ бы ихъ прерогативу, и деньги поступаютъ въ пользу учрежденія. Братства имѣютъ своихъ старостъ или *габаевъ*, выбираемыхъ по баллотировкѣ общимъ собраніемъ членовъ, въ числѣ трехъ или чотырехъ человѣкъ, срокомъ на одинъ годъ. Члены погребальныхъ братствъ дѣлятся на дѣйствительныхъ членовъ, *габеримъ*, и служителей, *каброניםъ*, къ коимъ относятся гробовщики, могильщики, обмывальщики, уборщики и носильщики мертвыхъ. Первые принадлежатъ къ еврейской аристократіи, талмудической и денежной аристократіи, вторые же—изъ низшаго сословія. Габаи отприваляютъ свои обязанности, чередуясь между собою помѣсячно. Размѣръ платы за мѣсто и погребеніе опредѣляется, для каждого случая особо, Совѣтомъ габаевъ, и безъ разрѣшительной записки очереднаго габая нельзя приступить къ похоронамъ, такъ какъ только по этой запискѣ очередные каброны могутъ отправиться въ домъ покойника и на кладбище, для отприваженія своихъ обязанностей. Братства Хевро дѣйствуютъ всегда самостоятельно,—кагалъ можетъ имѣть на нихъ только косвенное вліяніе, по личному знакомству и родству членовъ того и другого учрежденія, или же по-

убить горемъ, однако же такая наглость возмущала его до глубины души. Онъ вторично отправляя приказчика къ габаю съ запиской, гдѣ выразилъ, что считаетъ отвѣтъ его за оскорбительное издѣвательство надъ убитою горемъ семей и предупреждаетъ, что если не будутъ тотчасъ же присланы въ домъ каброны, то поступокъ габая будетъ немедленно представленъ имъ на судъ бейсъ-дина. На этотъ разъ Иссахаръ Беръ самъ явился къ дѣдушкѣ съ объясненіями, что напрасно-де ояъ на него, Иссахара, обижається, что покойникъ самъ былъ человѣкъ состоятельный, а потому сумма, назначенная братствомъ, падаетъ на него и на его наслѣдниковъ; но отнюдь не на дѣдушкинъ карманъ; что святое братство и самъ ояъ, Иссахаръ Беръ, преисполнены къ дѣдушкѣ глубочайшимъ уваженіемъ и когда умретъ самъ дѣдушка, то въ доказательство этого уваженія онъ увидитъ очами души своей, что братство съ величайшею готовностью похоронитъ его на самомъ почетномъ изъ почетнѣйшихъ мѣстъ и устроитъ такіе торжественные похороны, какихъ еще и не видывалъ Украинскій Израиль, и не возьметъ за это, пожалуй, ни одной копейки, но для сына его, къ сожалѣнію, никакъ не можетъ оказать ни малѣйшаго снисхожденія, потому что покойникъ былъ совсѣмъ *эпикурейскъ*, который вольнодумно позволялъ себѣ «вѣмцовать»¹⁾, т. е. не только брить бороду и плотно стричь на вискахъ волосы, или нарушать субботу, нося въ этотъ день носовой платокъ въ карманъ и преступая законъ Эйрува и т. п.²⁾, но и вообще не соблюдалъ

въ послѣдствіи имущества у кого-либо изъ членовъ семьи покойнаго.

¹⁾ Ортодоксальные евреи называютъ эпикурейцами не только людей, предающихся исключительно наслажденіямъ жизни, но и всякаго, кто позволяетъ себѣ какое-либо отступленіе отъ ихъ традиціонныхъ привычекъ, обычаевъ и взглядовъ, или малѣйшее сомнѣніе въ какой бы то ни было талмудической нелѣпости. По замѣчанію еврейскаго же писателя, г. Г. Богрова, встрѣчается очень много субъектовъ, прославившихъ между евреями за эпикурейцевъ, которые пьются лукомъ, молятся чуть ли даже не во снѣ и постятся какъ истые аскеты. Людей же, одѣвающихся въ европейскій костюмъ и усвоившихъ нѣкоторыя европейскія привычки и обыкновенія, тѣ же ортодоксалы презрительно называютъ «вѣмцами», «вѣмчиками», и отсюда у нихъ глаголь «вѣмцовать».

²⁾ О законѣ Эйрува или Ойрива подробно изложено въ примѣчаніи къ главѣ XI. Что же до ношенія платка въ карманъ въ день субботній, то это считается грѣхомъ на томъ основаніи, что, будучи положенъ въ карманъ, платокъ составляетъ ношу, а всякая ноша въ шабашъ запрещена. Обойти это запрещеніе можно только тѣмъ, чтобы обязать платокъ вокругъ талин, такъ какъ въ этомъ случаѣ, по объясненію талмудистовъ, ояъ считается уже не ношею, а поясомъ; подпоясываться же не запрещается.

въ своей жизни еврейскаго закона, хотя бы относительно кошера и трефа, охотно знался съ гойями, даже благотворилъ имъ наравнѣ съ евреями, оскорбляя этимъ уравненіемъ сихъ послѣднихъ; что за все это нечестіе онъ не только не можетъ быть удостоенъ мѣста въ почетномъ ряду, но братство, по настоящему, должно бы было даже предать его тѣло на поруганіе³⁾ и если не дѣлаетъ этого, то единственно изъ уваженія къ дѣду; что наконецъ сумма въ двадцать-пять тысячъ очень еще умѣренна, такъ какъ, на основаніи существовавшего обычая, братство должно бы брать за погребеніе десятую часть всего достойнаго покойника въ пользу своей благотворительной кассы, а въ такомъ случаѣ ему слѣдовало бы получить не двадцать пять, а по крайней мѣрѣ двѣсти тысячъ, и однако же великодушное братство не домогается этого, довольствуясь самымъ скромнымъ процентомъ. Дѣдушка вѣско возразилъ ему на это, что онъ жестоко заблуждается, такъ какъ еще 176 лѣтъ тому назадъ знаменитый великій раввинъ Иуда-Лейбъ Парпеверъ блистательно опровергъ подобные доводы и призналъ погребальный налогъ настоящимъ грабежемъ, а взимателей его сущими грабителями, которые не могутъ быть допускаемы ни въ свидѣтели, ни къ присягѣ, а потому со стороны Иссахара и его друзей безчестно грабить убитую горемъ семью во имя сомнительной благотворительности. Иссахаръ однако же не убѣдился этими доводами и спокойно, съ немальною ученостію, сталъ доказывать, что хотя соборъ раввиновъ и принялъ тогда взгляды Парпевера и даже подтвердилъ новый уставъ о похоронномъ налогѣ, но призналъ его *лишь временнымъ* и не присвоилъ ему законной, а вѣски обязательной, силы, а потому Украинское святое братство вольно брать сколько ему вѣдуается и никакою въ мірѣ бейсъ-динъ не имѣетъ права запретить ему это⁴⁾. Долго еще продолжались

³⁾ Если покойникъ, при жизни своей, позволялъ себѣ поведеніе, не соответствующее понятію о «добромъ еврей», а въ особенности, если ояъ выступалъ противъ незаконныхъ поступковъ кагала, бетъ-дина или союза, то кромѣ окончательнаго ограбленія его семейства, которое союзъ производитъ подъ предлогомъ платы за могилу, останки покойнаго, по свидѣтельству Я. Брафмана и другихъ еврейскихъ же писателей, какъ напр., гг. Богрова и Исаака Эртера, — предаются на глазахъ семейства и постороннихъ зрителей самымъ непростительнымъ кощунственнымъ поруганіямъ. Г. Богровъ говоритъ (стр. 41), что «нерѣдко съ трупами вѣмцевъ (кагала) обращаются самымъ святотатственнымъ образомъ, несмотря на непомѣрную плату, полученную впередъ за погребеніе».

⁴⁾ Грабежъ святыхъ братствъ Хевро доходитъ нерѣдко до такой степени, что противъ него возмущаются сами евреи, несмотря на всю свою кагалъную дисциплину и на свой понятный страхъ предъ неумолимымъ и грознымъ братствомъ. Въ «книгѣ Кагала» Я. А. Брафмана,

у нихъ эти споры и пререканія, но Иссахаръ Беръ оставался непреклоненъ, а тѣло отца, давно уже остывшее, лежало между тѣмъ на диванѣ въ той комнатѣ, гдѣ онъ умеръ, не-обмытое, неприбранное,—потому что безъ ка-бровъ никто не зналъ, какъ къ нему при-ступить. При видѣ этого, бабушка просто плакала отъ скорби, потому что, по ея ста-розаконнымъ вѣрованіямъ, чѣмъ скорѣе пре-даются останки землѣ, тѣмъ легче для души покойнаго, и всякая задержка въ погребеніи считается противною чести покойнаго, издѣва-тельствомъ надъ мертвецомъ и посрамленіемъ

представляющей только сборникъ самыхъ разо-образнѣйшихъ кагаловыхъ документовъ и по-становленій, во II части, на стр. 463, находится подъ № 1,050 замѣчательный протестъ сорока одного лица изъ жителей города Вильны про-тивъ мѣстнаго погребальнаго братства. Доку-ментъ этотъ относится къ 1863 г.,—стало быть, вполне принадлежитъ нашему времени, и мно-гіе изъ подписавшихъ его лицъ живы еще и по сей день. Мы встрѣчаемъ въ немъ слѣдующія строки: „Подъ маскою добровольныхъ приноше-ній и пожертвованій, въ нашемъ городѣ вошло въ обычай принуждать находящагося въ траурѣ къ уплатѣ за погребеніе по произволу стар-шинъ, которому нѣтъ границъ. Разбитые семей-нымъ несчастіемъ, члены семейства покойника, при разсѣяваніи и печальномъ своемъ положе-ніи, сами никакъ не въ силахъ защищаться отъ произвола этихъ габаевъ: связанный не осво-бождаетъ самъ себя отъ узъ; поэтому каждый изъ нихъ вынужденъ удовлетворить требованіе габаевъ и уплатить, сколько они приказываютъ и, кромѣ сего, уплаченную сумму записать въ братскую книгу, какъ добровольное пожертвова-ніе, сдѣланное имъ безъ малѣйшаго съ чьей-ли-бо стороны принужденія. Всѣмъ извѣстно и то, что при взиманіи платы за погребеніе этимъ способомъ, габаи часто такъ далеко заходятъ, что нѣкоторые состоятельные люди, которые вы-нуждены были внести за погребеніе наличную сумму, превышавшую ихъ силы, совершенно обнищали“. Что дѣло это ведется такимъ обра-зомъ съ давнихъ поръ, мы находимъ свидѣ-тельство въ томъ же источникѣ, въ Постановле-ніи отъ мѣсяца Хившонъ 5458 (1898) года, гдѣ сказано, что это „беззастѣнливый“, „постыд-ный“ обычай „сдѣлался страшнѣйшимъ бичемъ, и конца нѣтъ сему преступному грабежу, кото-рому подвергаютъ живыхъ и мертвыхъ“, что „несчастные послѣдники, благодаря этому обы-чаю, впадаютъ въ нищету, и никого, однако-жъ этотъ грѣхъ не пугаетъ. Хуже всего то, что ошаздываютъ погребеніемъ, что противно чести покойника, издѣваются надъ мертвецомъ и по-срамливаютъ его. Сугубое зло совершаютъ эти люди, пренебрегающіе честью живыхъ и мерт-выхъ“. Но несмотря на всѣ вопли и протесты самихъ евреевъ, погребальныя братства продол-жаютъ свою дѣятельность въ томъ же самомъ характерѣ и въ настоящее время, какъ свидѣ-тельствуемъ недавняя (въ апрѣлѣ 1899 года) корреспонденція газеты „Южный Край“ изъ Ни-колаева, передающая самыя возмутительныя подробности о похоронахъ еврея Лейбы Фассера. Союзы продолжаютъ благоденствовать, и тотъ же самый Виленскій союзъ владѣеть нынѣ не малымъ количествомъ домовъ, лавокъ и даже цѣлыми торговыми площадями въ своемъ го-родѣ.

его ⁴⁾. Безобразныя домогательства Иссахаръ Бера происходили частью въ моемъ присут-ствіи, и я, наконецъ, не выдержала и прямо объявила ему, что такъ какъ погребеніе у ев-реевъ не составляетъ обряда религіознаго, то я обращусь къ помощи русской власти и буду просить губернатора распорядиться похорона-ми помимо святаго братства.—«Что жъ, обра-титесь!—отвѣчалъ онъ мнѣ съ насмѣшкой.—Обратитесь, а братство въ этомъ случаѣ за-явить подозрѣніе, что батюшка вашъ умеръ неестественною смертью, и русскіе доктора станутъ потрошить его, — вамъ хочется это-го?»—Я готова была броситься на этого него-дя и вѣднѣться въ его гнусное лицо, но что толку?.. Дѣдушка поспѣшилъ удалить меня изъ комнаты, такъ какъ зналъ, что всякая моя рѣзкость относительно габаевъ могла бы только осложнить и еще болѣе испортить дѣ-ло. Да и сама я сознавала въ душѣ, что ни-чего не могу тутъ подѣлать и что братство не призадумается привести въ исполненіе наглую свою угрозу насчетъ медицинскаго вскрытія. Этихъ бездушныхъ вампировъ не проймешь ни слезами, ни мольбой, ни угро-зами: они—въ своемъ правѣ (!), и если разъ уже самопроизвольно опредѣлили цѣну, то рѣ-шеніе ихъ безповоротно и безапелляціонно.

«Дѣло шло уже къ вечеру, а переговоры съ га-баемъ не приходили еще ни къ какому результа-ту. Дѣдушка все еще пытался убѣждать и торго-ваться, потому что въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это же вопіющій грабежъ,—двадцать пять тысячъ за мѣсто въ какіе-нибудь два-три аршина!.. Желая положить предѣлъ этому безконечному препирательству и неопредѣленному, слишкомъ для меня тяжелому, положенію съ тѣломъ отца, я наконецъ сказала бабушкѣ, что прошу заплатить этимъ шакаламъ всю сумму сполна изъ денегъ, оставленныхъ мнѣ отцомъ въ при-даное. Но какъ разъ въ это время получа-лась отвѣтная телеграмма отъ мачихи, кото-рая увѣдомляла, что немедленно же сама вы-ѣзжаетъ съ нѣздомъ въ Харьковъ въ Украинскъ и проситъ задержать похороны до ея прибытія. Бабушка пришла въ ужасъ. Изъ Вѣды въ Украинскъ можно добраться не раньше, какъ черезъ 36 часовъ, и тѣло все это время должно оставаться въ домѣ. Она даже возне-годовала на мачиху, находя, что съ ея сто-роны это просто безбожная, кощунственная прихоть, приличная развѣ какой-нибудь от-ступницѣ, христіанкѣ, но отнюдь не еврей-ской жевѣ, боящейся Бога и уважающей му-жа. Но тутъ выпило нѣчто совсѣмъ для насъ неожиданное. Такъ какъ телеграмма была на непонятномъ въ нашей семьѣ французскомъ

⁴⁾ Евреи обыкновенно продаютъ землѣ своихъ мертвецовъ, чуть только тѣло успѣетъ остыть. Отъ этого, случаи погребенія мнимоумершихъ у нихъ чаще, чѣмъ гдѣ-либо.

языкъ, то для прочтенія и перевода ея потребовалось мое участіе, и дѣдушка имѣлъ неосторожность заставить меня переводить въ присутствіи Иссахаръ Бера. Этотъ негодяй тотчасъ же ухватился за телеграмму, какъ за прекрасный предлогъ къ тому, чтобы отложить всякіе переговоры до прибытія вдовы, такъ какъ теперь святое братство будетъ уже имѣть дѣло съ нею, а не съ дѣдушкой. Какъ ни умоляла его бабушка послѣднить успокоеніемъ бѣдной томящейся души ея сына, предлагая даже сейчасъ же заплатить изъ моихъ денегъ требуемую сумму, лишь бы только похоронить его до захода солнца,—габай безусловно отказался, да и дѣдъ воспротивился тому, чтобы платила я, и намъ волей-неволей пришлось покориться. Уклонившись отъ совершенія сдѣлки, габай навѣрное разсчитывалъ на возможность стащить съ махины еще большую сумму.

«Между тѣмъ, выѣхавъ въ тотъ же день изъ Вѣны, махиha успѣла добраться къ намъ лишь къ ночи со вторыхъ сутокъ на третій, такъ что поневолѣ пришлось отложить похороны до утра. Факторы святого братства, все время поджидавшіе ея пріѣзда на вокзалѣ и у воротъ нашего дома, тотчасъ же, конечно, доложили о немъ Иссахаръ Беру, но господинъ габай счелъ себя слишкомъ важною особой, чтобы потревожиться для беременной женщины, замученной дорогой и душевными горемъ, и прислалъ сказать ей, чрезъ нашего приказчика, посланнаго къ нему съ просьбой пожаловать къ намъ, что теперь, за позднимъ часомъ, онъ не будетъ вступать ни въ какіе переговоры, а предлагаетъ вдовѣ явиться къ нему завтра утромъ, въ девять часовъ, если ей угодно выслушать условія священнаго братства. Это было, очевидно, щелчокъ, данный нашему «аристократическому» самолюбію,—какъ, дескать, смѣемъ мы знать его къ себѣ, если имѣемъ въ немъ нужду,—но нечего дѣлать, въ назначенный часъ махиha была уже у габая, и онъ, повторивъ ей лишь то, что говорилъ уже дѣду, заломилъ за похороны тридцать тысячъ, на томъ основаніи, что теперь тѣло, вѣроятно, уже испортилось и кабронамъ будетъ противно исполнить надъ нимъ свои обязанности. И дѣйствительно, тѣло начало уже сильно разлагаться. Дни стояли жаркіе, и квартира наша заражена была трупнымъ сырадомъ, съ трудомъ уступавшимъ дѣйствию хлора и марганцево-кислаго калия. Махиha потребовала созвать Совѣтъ габаевъ, и Иссахаръ Беръ долженъ былъ наконецъ уступить ея настояніямъ; но все, чего успѣла она добиться отъ Совѣта, послѣ долгихъ протестовъ, просьбъ и убѣжденій, это то, что габай великодушно согласился уступить пять тысячъ, самопроизвольно накинутаыя Иссахаръ Беромъ безъ ихъ разрѣшенія, и остановился на преж-

ней своей цифрѣ, заявивъ, что эта послѣдняя «добросовѣстная» цѣна за мѣсто должна оставаться какъ съ ихъ, такъ и съ ея стороны, непререкаемою. Всѣ, кто только ни приходилъ къ намъ для *мнатеи овеи* ¹⁾, какъ и вообще все, что было честнаго въ нашемъ еврействѣ, все это возмущалось поведеніемъ святого братства, но увы! — возмущалось про-себя и какъ бы по секрету, не смѣя явно выразить свой протестъ, изъ справедливаго опасенія, что всесильное братство въ отмѣстку за это можетъ продѣлать то же самое и съ каждымъ изъ протестующихъ, въ случаѣ смерти его, или кого-либо изъ родственниковъ. Махиha не согласилась на уступку габаевъ и въ отчаяніи бросилась наконецъ въ полицію, къ защитѣ русскихъ властей; но полиціймейстеръ ограничился только изъясненіемъ ей своихъ собогдзнованій и объявлялъ, что въ эти дѣла, если въ нихъ нѣтъ уголовнаго характера или прямого нарушенія полицейско-санитарныхъ постановленій, русская власть никогда не вмѣшивается и ничего въ данномъ случаѣ сдѣлать не можетъ, тѣмъ болѣе, что христіанскіе покойники хоронятся на третій, а то иногда и на четвертый день; въ данномъ же случаѣ еще не истекло и трехъ сутокъ.—«Вотъ—говорилъ онъ — если вынѣ покойникъ пролежитъ еще сутки двое, ну, тогда другое дѣло: тогда полиція приметъ понудительныя мѣры, чтобы заставить родственниковъ похоронить его, а пока и этого нельзя, такъ что вы ужъ какъ-нибудь постарайтесь сами уладить это дѣло съ братствомъ».—Послѣ такого отвѣта, очевидно, долѣе ждать было нечего. Пришлось сдаться на условія габайскаго Совѣта; но у махиhi не было при себѣ такихъ денегъ. Иссахаръ Беръ однако и тутъ нашелся. Онъ предложилъ ей выдать братству вексель, за поручительствомъ дѣда, срокомъ на одинъ мѣсяцъ. Выдали. Но и тутъ еще не конецъ нашимъ испытаніямъ и издѣвательству братчиковъ надъ нами и надъ дорогимъ намъ покойникомъ.

«По полученіи документа, очередные каброна тотчасъ же были отпращены къ намъ и, приготовивъ тѣло къ погребенію, подняли его изъ дому на носилкахъ, подъ траурнымъ покрываломъ. Но дойдя до угла Купеческой и Кіевской улицъ, они остановились и стали между собою переговариваться о чемъ-то. Видя, что остановка продолжается долѣе, чѣмъ сколько нужно, чтобы смѣниться носильщикамъ, мы спрашиваемъ ихъ, въ чемъ дѣло, и вдругъ оказывается, что они послали за погребальными дрогами и ждутъ, пока дроги подѣдутъ, такъ какъ нести на рукахъ имъ слишкомъ тяжело въ такую жару. Вдова и мы всѣ

¹⁾ Посѣщеніе съ цѣлью утѣшить по поводу смерти родителя или близкаго родственника,—еврейскій *visite de condoléance*.

упрашиваю их не дѣлать такого всенароднаго скандала и донести покойника честно до кладбища. Носильщики соглашаются, но съ условіемъ, если вдова прибавитъ имъ за это по десяти рублей на брата. Пообщались прибавить, и шествіе продолжалось до Садовой улицы. Но тутъ опять новый и еще болѣе скандалъ. Каброны вдругъ остановились и бросили носилки среди улицы, а сами отошли въ сторону, говоря, что далѣе они вовсе не могутъ нести, такъ какъ трупъ издастъ слишкомъ большое зловоніе. Снова начинаются упрашиванія и торгъ, и снова назначается вынужденная прибавка, въ размѣръ десяти рублей каждому. Но и этимъ еще не кончается глумленіе надъ живыми и мертвыми. Принесли наконецъ тѣло на кладбище, и вдругъ видимъ мы, что несутъ его, минуя почетные ряды, не на то мѣсто, за которое уже заплачены братству деньги, а прямо въ самый послѣдній конецъ, къ могилѣ, вырытой у западной стѣнки, гдѣ обыкновенно хоронятъ самоубійцы и всякихъ отверженцевъ. Это наконецъ возмутило и дѣда, всегда столь покорнаго кагалу и всякимъ еврейскимъ установленіямъ. Въ сильномъ негодованіи, онъ обратился съ упреками къ Исахаръ Беру, какъ къ очередному представителю габаевъ, присутствовавшему здѣсь по обязанности, и тотъ съ наглостью принялся доказывать ему, что никакъ невозможно похоронить завѣдомаго «эпикурейса» и вольнодумца иначе какъ подъ заборомъ, отдѣльно отъ остальныхъ, потому что сосѣдство съ нимъ обидно будетъ прочимъ покойникамъ, никогда не оскорблявшимъ величія Божія, обидно и яхъ живой роднѣ, которая вправѣ будетъ предъявлять къ братству претензіи за допущеніе такого безчинія. Но послѣ долгихъ споровъ, слезъ, упрашиваній и, наконецъ униженной мольбы со стороны всего нашего семейства, суровый габай смягчился. Видимо наслаждаясь въ душѣ, что ему удалось-таки довести семью еврейскихъ аристократовъ до публичнаго униженія и преклоненія предъ его властною особою, онъ сказалъ, что ужъ такъ и быть, беретъ на себя отвѣтственность передъ братствомъ, единственно только изъ уваженія къ дѣду, если впрочемъ каброны согласятся рѣчь новую могилу. Опять пошли запрашиванья и выторговыванья прибавки со стороны каброновъ, но на этотъ разъ уже по пятнадцати рублей на брата. Разумѣется, пришлось согласиться на все, лишь бы только тѣло было наконецъ похоронено на надлежащемъ мѣстѣ.

«Съ растерзанной душой, изнемогая отъ горя и огорая отъ стыда и безсильнаго негодованія, возвратилась я съ кладбища домой и... должна сознаться самой себѣ, что съ этого ужаснаго дня я возненавидѣла не только святѣйшее братство со всѣми его габайми, со

всѣми этими жадными *хаберимъ* и *кабронамъ*, — пѣтъ, этого мало... Въ этотъ день я впервые почувствовала, что начинаю ненавидѣть самое еврейство, — не какъ людей, но какъ общество, рабаки покорное своимъ деспотическимъ кагалнымъ учрежденіямъ. И если уже подобныя издѣвательства столь нагло продѣлываются надъ нами, членами семьи такого почтеннаго и родовитаго человѣка, рука котораго не оскудѣвала всю жизнь разсыпать милостыню и оказывать всяческую поддержку своей общинѣ, то можно представить себѣ, какія безстыдныя мерзости и низости творятся этимъ святѣйшимъ братствомъ и этимъ «пречистымъ» кагаломъ надъ людьми средняго и низшаго состоянія, надъ темною еврейскою массой, въ особенности, когда захотятъ мстить за что-либо неугоднаго имъ человѣку...

«Нѣтъ, въ этой ужасной средѣ можно задохнуться!»

* * *

«Пріѣхавъ къ намъ изъ Вѣны, мамича моя, можно сказать, совершила дѣльный подвигъ самоотверженія, и это миритъ меня съ нею, даже на столько, что я переимѣняю о ней свое предвзятое, заглазно составленное мнѣніе. Дѣло въ томъ, что она находилась въ послѣднемъ періодѣ беременности и, тѣмъ не менѣе, это важное обстоятельство не удержало отъ утомительной поѣздки ее, женщину нервную, изнѣженную, избалованную комфортомъ. Она непремѣнно хотѣла сама присутствовать на похоронахъ мужа, въ послѣдній разъ поклониться его праху, проститься съ нимъ. Было ли это сдѣлано ею ради общественнаго мнѣнія, изъ чувства приличія, чтобы поддержать въ глазахъ общества, у себя тамъ, въ Вѣнѣ, репутацію достойной супруги, или же дѣйствительно по влеченію сердца, — не знаю; но во всякомъ случаѣ, поступокъ ея дѣлаетъ ей честь. А изъ ея скорби и поведения во время похоронъ, я склонна теперь заключить, что все-таки она любила моего отца, — любила по своему, конечно, на сколько и какъ умѣла. На видъ, эта женщина дѣтъ тридцати-пяти, нельзя сказать, чтобы красивая, но зато вполне обладающая тѣмъ вѣинымъ элегантнымъ лоскомъ, которымъ, какъ говорятъ, будто бы по преимуществу отличаются вѣнскіи уроженки. Лицо у нея не то чтобы интеллигентное, но именно «свѣтское», если можно такъ выразиться, съ выраженіемъ нѣкоторой доброты и не безъ практической разсудочной смѣтливости. Самопожертвованіе ея, однако, не прошло ей даромъ. Правдивое потрясеніе отъ неожиданной вѣсти о смерти мужа, быстрые сборы въ дорогу, утомленіе въ пути, новое потрясеніе при видѣ неприбраннаго трупа, затѣмъ всѣ эти хлопоты и передраги съ габайми и полиціей, продолжительное шествіе за гробомъ пѣшкомъ, подъ вестерпымъ

солнечнымъ зноимъ и, наконецъ, рядъ возмущительныхъ, оскорбляющихъ сценъ со святѣйшимъ братствомъ, — все это въ совокупности до такой степени разстроило морально и повлияло физически на здоровье бѣдной женщины, что, возвратясь съ кладбища, она сразу почувствовала себя очень дурно. Всѣ эти дни и до послѣдняго момента она жила, можно сказать, исключительно нервами, всячески стараясь крѣпиться и пересиливать самое себя; но тѣмъ быстрой и сильной, съ окончаніемъ послѣдняго акта погребенія, наступила реакція, сразу сказавшаяся упадкомъ силъ и нервовъ. Она слегла и вслѣдъ за тѣмъ явилась надобность въ немедленной помощи акушерки. Бабушка Сарра, конечно, тотчасъ же окружила ее всѣми удобствами и попеченіями, чтобы по возможности облегчить ея страданія. Начались нѣсколько преждевременные роды. Меня усадила бабушка въ мою комнату и просила не выходить безъ нужды. Никогда еще не слыхала я такихъ мучительныхъ, всю душу раздражающихъ криковъ и стоновъ, отъ которыхъ морозъ подиралъ меня по кожѣ. Это было ужасно, и долго еще послѣ того порою казалось мнѣ, будто крики эти стоятъ у меня въ ушахъ... Спустя нѣсколько часовъ, мачиха благополучно разрѣшилась, подаривъ дѣлушку съ бабушкой внукомъ, а меня братомъ. Фактъ этихъ родовъ, еще убѣдительно доказавъ мнѣ, насколько, значитъ, любилъ меня покойный отецъ, если рѣшился ради меня оставить на время не только свои дѣла, но и жену въ такомъ положеніи. Тѣмъ дороже для меня память о немъ.

«Мальчикъ родился недоношенный, а потому нѣсколько хилый. Тутъ начался для бабушки большія заботы и хлопоты съ отысканіемъ здоровой кормилицы, а прежде всего насчетъ огражденія родильницы и младенца отъ дьявольскаго навожденія. Такъ уже это слѣдуетъ по старозаконнымъ обычаямъ, относительно которыхъ бабушка Сарра всегда является у насъ ревностною блюстительницею. Въ этомъ отношеніи одна только я, съ моими знакомствами въ мірѣ «гойевъ» и «нухримъ», составила у нея нѣкоторое исключеніе, но и то благодаря лишь рѣшительной волѣ покойнаго отца и авторитетнымъ настояніямъ въ мою пользу со стороны дѣдушки. Добрая бабушка Сарра твердо убѣждена, что въ моментъ появленія на свѣтъ всякаго младенца, а еврейскаго въ особенности, самъ сатана невидимо паритъ вокругъ него и родильницы, всячески стремясь войти къ нимъ внутрь, чтобы околдовать ихъ души, и что самое вѣрное средство къ избавленію отъ его козней, это—во-первыхъ, положить родильницѣ подъ подушку ножикъ, а въ ногахъ *Сидура* ¹⁾ и во-вторыхъ, заготовить

какъ можно болѣе *ширъ-гемлотъ* ²⁾). Бабушка, еще какъ только начались родильныя муки, сейчасъ же озаботилась сдѣлать двумъ синагогальнымъ шамешамъ экстренный заказъ, чтобы тѣ немедленно и какъ можно скорѣе изготовили ей достаточное количество *ширъ-гемлотъ*, и собственноручно понаклеивала эти чудодѣйственные талисманы надъ кроватью больной, надъ сочиненной изъ двухъ креселъ постелькой будущаго ребенка и у всѣхъ оконъ, дверей, печей и вышекъ, — словомъ, при каждомъ отверстіи, сквозь которое нечистый духъ могъ бы проникнуть въ комнату родильницы. Вечеромъ того же дня, въ который родился мальчикъ, въ комнату мачихи нагрянулъ цѣлый хедеръ ³⁾, около тридцати мальчугановъ, со своимъ бегельферомъ ⁴⁾, въ качествѣ будущихъ сотоварищей и спутниковъ жизни новорожденнаго. Они всѣмъ хоромъ прокричали ему молитву на сонъ грядущій, и за это бабушка Сарра, по обычаю, угостила ихъ сладкимъ горохово-бобовымъ киселемъ и пряниками. Сюрпризъ такого пунямаго посѣщенія видимо не понравился родильницѣ, не привыкшей, а можетъ быть и вовсе незнакомой у себя въ Вѣнѣ съ подобнаго рода стѣснительными старозаконными обычаями. На первый разъ она только поморщилась, но узнавъ, что эти посѣщенія обязательно будутъ продолжаться по вечерамъ и во всѣ послѣдующіе дни, до самаго дня обрѣзанія, она просила, нельзя ли какъ-нибудь избавить ее отъ этой крайне стѣснительной и безпокойной церемоніи. Но бабушка Сарра у насъ человекъ тоже своеобразный, и отказаться отъ какого-нибудь общепринятаго, а въ особенности стариннаго, обыкновенія для нея просто невысказанное дѣло: что скажутъ послѣ этого, что подумаютъ о ней всѣ добрые люди во Израилѣ, — о ней, которая во всю свою жизнь ни на *йоту* не отступила ни отъ какого благочестиваго обычая! Да и запасы горохового киселя сдѣланы уже на всю недѣлю впередъ, — не пропадать же имъ!.. Обѣ стороны сошлись однако на компромиссѣ: рѣшено было, что безъ хедера невозможно ни подъ какимъ видомъ, но чтобы крикъ мальчишекъ не безпокоилъ больную,

¹⁾ Еврейскій молитвенникъ. Иногда кладется также *Шасъ-Техинотъ*, — полный сборникъ всѣхъ женскихъ молитвъ.

²⁾ Особый талисманъ, состоящій изъ 121 псалма, написаннаго на бумагѣ и окруженнаго со всѣхъ сторонъ таинственными именами ангеловъ и прочихъ обитателей небесныхъ сферъ, о которыхъ повѣствуютъ Талмудъ и въ особенности Кабала. Къ этому присоединяется еще и слѣдующее кабалистическое заклинаніе: „Да не останутся въ живыхъ колдуньи! Колдуньи да не останутся въ живыхъ! Въ живыхъ да не останутся колдуньи!“ и проч. Заготовленіемъ подобныхъ *ширъ-гемлотовъ* занимаются преимущественно синагогальныя шамешы, которые, по мѣрѣ надобности, и снабжаютъ ими роженницъ, разумѣется, за деньги.

³⁾ Начальная школа.

⁴⁾ Помощникъ меламеда (учителя).

ихъ будутъ принимать въ болѣе отдаленной комнатѣ и выносить къ нимъ на это время новорожденнаго. Но отъ чего уже никакъ нельзя было отдѣлаться,—это отъ *бенъ-загора* въ первую пятницу послѣ родовъ, когда послѣ вечерней шаббатной трапезы къ родильницѣ собрались уже не одни школьники, а и взрослые люди, изъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ, для чтенія той же молитвы на сонъ грядущій. Мачиха крайне стѣснилась я не хотѣла принимать въ постели постороннихъ, совершенно незнакомыхъ ей людей, и изъ-за этого у нея съ бабушкой чуть-было не вышло серьезной размолвки. Бабушка, между прочимъ, даже заявила ей, что если въ Вѣнѣ эпикурейство считается, быть можетъ, похвальнымъ дѣломъ, то въ Украинскѣ совсѣмъ наоборотъ и что такое нарушеніе добраго обычая можетъ на весь домъ положить дурную славу. Послѣ этого, разумѣется, оставалось лишь покориться не только *бенъ-загору*, но и *шаломъ-загору* и *вахнахту* наканунѣ дня обрѣзанія ¹⁾. Всѣ эти хлопоты и заботы совпали у насъ крайне неудобнымъ образомъ со днями *шивы* ²⁾ по моему отцу, когда нужно было трѣжды въ день совершать богомоленіе *бецибуръ* ³⁾ и

когда отъ семейства покойнаго требуется полное прекращеніе всѣхъ житейскихъ занятій. Но у насъ одинъ только дѣдушка могъ исполнить, какъ слѣдуетъ, всѣ требованія шивы, и бабушка такъ уже и не трогала его всю недѣлю, не отвлекая ничѣмъ постороннимъ. На седьмой день шива окончилась, а на восьмой весь нашъ домъ приготовился къ торжеству обрѣзанія. Мнѣ еще въ первый разъ въ жизни доводилось быть свидѣтельницей этого знаменательнаго обряда, на который, впрочемъ, я смотрѣла какъ бы контрабанднымъ образомъ, въ щель полузакрытой двери, изъ другой комнаты, потому что бабушка нашла, что хотя законъ и не запрещаетъ, но мнѣ, какъ дѣвужкѣ, лучше бы не присутствовать явно, а еще лучше—сидѣть въ своей комнатѣ, пока не позовутъ къ закускѣ. Женское любопытство мое, однако же, превозмогло, и, къ сожалѣнію, не могу сказать, чтобы то, что я видѣла, произвело на меня особенно симпатичное впечатлѣніе. Это обрядъ жестокій, мучительный, исходъ котораго бываетъ далеко не всегда благополученъ, какъ было и въ настоящемъ случаѣ.

«Утромъ повивальная бабка съ нашими домашними женщинами тщательно вымыла и выкупала ребенка, чтобы приготовить его къ операциі. Затѣмъ, около десяти часовъ утра, послѣ богомоленія въ бейсъ-гаккесетѣ, собрались къ намъ въ домъ почтенный сандекъ, трое моголовъ, каваторъ, канторъ, кагалъный шамешъ, обязательные десять взрослыхъ свидѣтелей и, наконецъ, вѣсколько приглашенныхъ дамъ, изъ числа близкихъ знакомыхъ ¹⁾.

Идя туда съ цѣлью совершить молитву *бецибуръ*, всегда могли безпрепятственно удовлетворить свое желаніе. Надобность въ совершеніи богомоленія *бецибуръ* встрѣчается въ еврейскомъ быту очень часто, а во дни шивы оно безусловно обязательно для семьи и близкихъ родственниковъ умершаго.

¹⁾ *Сандекъ* или *Сандукъ*, (по объясненію Я. Брафмана, вѣроятно, отъ греческаго „*Sindikos*“) приглашается всегда родителями изъ числа значительныхъ лицъ въ обществѣ, принадлежащихъ къ денежной или талмудической знати. Сандеку предназначается самая почетная роль—держитъ младенца во время обрѣзанія. *Моголы* (*могелимъ*), обрѣзателя, всегда въ числѣ трехъ человекъ, изъ коихъ каждый имѣетъ свое особое назначеніе при операциі, а именно: первый захватываетъ двумя пальцами лѣвой руки *праеритем* и быстро срываетъ его особымъ обоюдоострымъ ножомъ; второй совершаетъ „*тересъ*“, т. е. вслѣдъ за обрѣзаніемъ срываетъ у края раны кожу снизу *репѣа* нарочно заостренными ногтями своихъ большихъ указательныхъ пальцевъ, а третій производитъ „*мещице*“, т. е. высасываніе раны. *Кавторъ* (испорченное вѣмецкое *Gevatter*), кумъ или восприемникъ, подносящій младенца къ обрѣзанію. *Кавтеринъ*—кума (вѣмецкое *Gevatterin*). *Канторъ* или *казанъ*—лицо, необходимое для духовныхъ пѣснопѣній. *Шамешъ-кагалъ*—кагалъный нотаріусъ, для записи совершившагося акта и имени новообрѣзаннаго

¹⁾ Утромъ, въ первую субботу послѣ родовъ, отецъ новорожденнаго, а въ случаѣ его дальняго отсутствія или смерти, ближайшія родственники ребенка съ отцовской стороны отправляются въ синагогу или иную молельню, гдѣ его призываютъ къ почетной *али*, послѣ которой канторъ возглашаетъ ему, родильницѣ, младенцу и прочимъ роднымъ и друзьямъ (по указанію призваннаго) *мишебейрахъ*, т. е. многолѣтіе. По окончаніи богомоленія, всѣ родственники и приглашенные лица обоего пола отправляются къ родильницѣ на *шаломъ-загоръ*—принести поздравленія съ рожденіемъ на свѣтъ сына. Тамъ угощаютъ ихъ обыкновенно водкой и пряниками, а у богатыхъ—тортомъ, вареньемъ и ликерами. Наканунѣ дня обрѣзанія, т. е. съ вечера седьмого дня на восьмой, послѣ рожденія младенца, у людей богатыхъ обыкновенно бываетъ *вахнахъ*, т. е. ночь стражи. Въ домѣ, гдѣ находится родильница, собираются, такъ называемые, *клаузнеры* (бѣдные молодые люди, изучающіе Талмудъ въ эшеботахъ) и, помѣстившись рядомъ съ комнатою родильницы, а то и въ самой этой комнатѣ, смотря по желанію мужа, проводятъ всю ночь въ бдѣніи и чтеніи Талмуда и Мишны. Въ награду за это они получаютъ изобильный ужинъ и *недова*—даръ милостыни деньгами, поровну каждому. Бѣдные люди, во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, обыкновенно обходятся и безъ *вахнахъ*, такъ какъ обычай этотъ не считается обязательнымъ, а служитъ лишь для состоятельныхъ людей средствомъ оказать лишній разъ милостыню или пріятно пощекотать собственное тщеславіе.

²⁾ Семидневный трауръ.

³⁾ Богомоленіе, т. е. чтеніе установленныхъ молитвъ и закона, евреи совершаютъ *беймудъ*—въ одиночку, и *бецибуръ*—соборно, въ составѣ не менѣе десяти взрослыхъ мужчинъ. Поэтому въ каждомъ городѣ содержатся на счетъ общества десять, такъ называемыхъ, *батлоновъ*, которые обязаны постоянно находиться въ главномъ молитвенномъ домѣ, для того, чтобы лица, являю-

Обязанность кватерны приняла на себя сама бабушка Сарра.

«Обрядъ долженъ былъ совершиться въ залѣ, гдѣ разостлали посрединѣ большой коверъ и на немъ поставили столы съ тарелкой воды и фіаломъ вина, а подлѣ столика — кресло, изображающее въ этомъ случаѣ тронъ пророка Иліи — «кисенель Эліогу», невидимо присутствующаго при каждомъ обрѣзаніи. Когда все уже было готово и всѣ приглашенные заняли свои мѣста, бабушка Сарра, одѣтая въ свой драгоценный, старосвѣтскій парадный костюмъ, въ качествѣ кватерны, вынесла въ залу ребенка и остановилась подняла его надъ головой, въ ожиданіи, когда ишамень громко и торжественно возгласилъ «Кватеръ!» — На этотъ зовъ выступилъ впередъ воспріимникъ и, принявъ младенца изъ рукъ бабушки, со словами «борухъ габа!»¹⁾, громко повторенными за нимъ всѣми присутствующими, размѣренно медленными шагами торжественно понесъ его черезъ всю комнату къ трону Иліи, произнося вслухъ: «И сказалъ Господь праотцу нашему Аврааму: шествуй предо мною и будь праведенъ». — На тронѣ возсѣдалъ уже маститый сандекъ, на колѣни къ которому и былъ положенъ младенецъ. Тутъ обступили его съ молитвой трое моголовъ для совершенія священной операціи.

«Какимъ образомъ совершалось самый процессъ этой операціи, я не видѣла за спинами обрѣзателей, — слышала только раздражающій, мучительный вопль ребенка, заставившій меня содрогнуться, да еще слышала голосъ дѣда, громко произносившаго, выѣсто отца, установленное для него славословіе Господу, освятившему насъ Своєю заповѣдью и повелѣніемъ приобщить младенца къ союзу праотца нашего Авраама. Но то, что увидѣла я вслѣдъ за тѣмъ — калось! — невольно возбудило во мнѣ чувство отвращенія. Я увидѣла, какъ послѣдній изъ моголовъ, пригнувъ губами къ ранѣ младенца, сталъ высасывать изъ нея кровь и, отвернувшись въ сторону, выплевывалъ ее изъ окровавленнаго рта въ тарелку съ водою. Кровь не унималась дольше, чѣмъ бы слѣдовало, и моголы тщетно старались остановить ее присыпкой изъ древесныхъ опилокъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но мнѣ показалось, что нѣсколько капель крови было внушено въ вино, послѣ чего сандекъ, вставъ съ мѣста и поднявъ лежащаго на рукахъ младенца надъ фіа-

ломъ, дважды повторилъ надъ нимъ слова Іезекіілы: «Реку тебѣ, кровью твоею живи» и влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель вина изъ фіала. Все это совершалось подъ звуки крикливаго речитатива кантора, возглашавшаго «мишебейрахъ»¹⁾ младенцу, родильницѣ, роднымъ и присутствующимъ (по-очередно каждому), которые въ свой чередъ прерывали его шумомъ своихъ поздравленій и пожеланій долготы дней новообрѣзанному, не забывая сунуть въ руку «благодарность» и кантору за его лестное возглашеніе.

«Операція была не изъ удачныхъ. Послѣ значительной потери крови, у маленькаго открылось мѣстное воспаленіе въ недоброкачественной формѣ, сопровождавшееся сильнымъ лихорадочнымъ состояніемъ, которое лилялось тѣмъ опаснѣе, что ребенокъ и безъ того уже самъ по себѣ былъ слабъ и хилъ. Жестоко протрѣдавъ шесть сутокъ, онъ умеръ ровно черезъ недѣлю послѣ обрѣзанія. Покорно склоняя голову, всѣ говорятъ при этомъ: «Такъ Богу угодно, чтобы онъ былъ принятъ»²⁾; а же — грѣшная душа — осмѣливаюсь думать, что, не будь произведена эта жестокая и опасная въ столь раннемъ возрастѣ операція, ребенокъ остался бы живъ. Эту мою мысль я высказала какъ-то въ интимномъ разговорѣ нашему Айзиду.

— А почему вы знаете, — возразилъ онъ на это съ какою-то двусмысленною, ехидною улыбкой. — Можетъ, такъ я слѣдовало, чтобы операція была неудачна: вамъ же бы меньше досталось, еслибъ существовалъ лишній наслѣдникъ...

«Какое ужасное предположеніе! И откуда только берутся у этого Айзика такіа гнусныя мысли!.. Бросить тѣнь такого безобразнаго подозрѣнія, и на кого же! — на чистыхъ совѣсть, моихъ добрыхъ, честныхъ стариковъ, которымъ тотъ-же Айзикъ рѣшительно всѣмъ обязанъ, — нѣтъ, это слишкомъ уже гадко и подло!.. Я горячо, всею душою протестовала противъ его предположенія и прямо высказала ему, какой это съ его стороны безсовѣстный, черный поступокъ, а онъ только улыбается. — «Развѣ я — говорить — обвиняю дѣдушку съ бабушкой? Развѣ вы можете сказать, что я высказалъ это? Волю же вамъ такъ понимать меня, а только я этого вамъ не говорилъ; это ваше собственное, а никакъ не мое предположеніе, я сказалъ только, что вамъ же больше останется, и дурного въ этомъ нѣтъ ничего. А вѣрно сами вы такъ думаете, да свои мысли на меня сваливаете»... Каково! Выходитъ, что я же сама виновата. Онъ же смутилъ мою совѣсть и ме-

въ метрическую книгу. Обязательные десять взрослыхъ свидѣтелей — изъ числа родныхъ, друзей и знакомыхъ, а за недостаткомъ таковыхъ — изъ синагогальныхъ батловъ (*батло-нимъ*). Обрѣзаніе совершается большею частію въ квартирѣ родильницы, и рѣдко когда въ молитвенномъ домѣ. Всѣ законы, касающіеся этого обряда, изложены въ Туръ-Іоре-деа, §§ 260—266.

¹⁾ Благословенъ грядущій (т. е. новорожденный, подносимый къ обрѣзанію).

²⁾ Многолѣтіе.

³⁾ У евреевъ не принято говорить „онъ умеръ“, а всегда износказательно: „онъ *взятъ*“, „онъ *принятъ*“, подразумѣвая, конечно, что взять Богомъ.

ня же въ томъ обвиняетъ. Послѣ этой мерзкой выходки я сильно разочаровалась въ другѣ моего дѣтства и рѣшила себѣ держаться отъ него подальше.

«Послѣ обрѣзанія, спустя тридцать три дня, мачиха мол должна была исполнить обязательный обрядъ *миквы* ¹⁾. Сомѣвался въ опрятности нашей Украинской миквы, она хотѣла было отложить этотъ обрядъ до возвращенія своего въ Вѣну, но бабушка Сарра припила въ ужасъ отъ такого намѣренія невестки и воспротивилась. ему самымъ рѣшительнымъ образомъ, говоря, что если это будетъ такъ, то она на вѣки покроетъ не только весь нашъ домъ, но и память мужа своего, величайшимъ позоромъ и посрамленіемъ, такъ какъ неисполненіе этого обряда здѣсь же, на мѣстѣ, дастъ поводъ каждому не только думать, но и утверждать, что родившійся у нея ребенокъ былъ мамзеръ ²⁾, а потому, если она не возьметъ микву здѣсь же, въ положенный срокъ, то бабушка будетъ считать это съ ея стороны жесточайшимъ и преднамѣреннымъ оскорбленіемъ и посрамленіемъ всей нашей семьи, всего рода Бендавидовъ и памяти покойнаго. Поставленный такимъ образомъ вопросъ этотъ, конечно, долженъ былъ разрѣшиться согласно волѣ бабушки Сарры. Мачиха, скрѣпя сердце, согласилась и просила только, нельзя ли распорядиться, чтобы по крайней мѣрѣ хоть воду-то перемѣнили въ водоемѣ. Послали просить арендатора,—объясилъ перемѣнить, и мачиха отправилась въ микву, къ сопровожденію бабушки, которая непремѣнно хотѣла сама присутствовать при этомъ важномъ обрядѣ; но возвратилась она оттуда негодующая, просто взбѣшенная,—да и было отчего, если вѣрить ея разсказу. Я, какъ дѣвушка «не знающая мужа», избавлена пока отъ этого обряда и потому никогда не бывала въ миквѣ; но по словамъ мачихи, это для каждой опрятной и мало-мальски брезгливой женщины выходить къ-что ужасно, отвратительно. Начать съ того,

что наша общественная миква, составляющая, по обычаю, монополію погребальнаго братства и сдаваемая имъ въ аренду банщику, является единственною миквою для всего города ³⁾; поэтому въ ней перебивается каждый вечеръ по нѣскольку десятковъ, а то и сотня, если не больше, женщинъ. Помѣщается она, какъ и всѣ почти миквы Западнаго края, подъ сводами глубокаго, темнаго подвала, въ какомъ-то погребѣ, куда надо спускаться по скользкимъ ступенямъ, при слабомъ свѣтѣ двухъ смальцовокъ ⁴⁾, едва освѣщающихъ эту подземную трущобу, промозглыя стѣны которой покрыты какою-то грязною слизью и копотью, гдѣ ползаютъ мокрицы. Мачиха пришла туда, раздѣлась, распустила волосы, какъ это требуется по закону, и предоставила себя въ распоряженіе негелышнейдеке ⁵⁾, для узаконенной стрижки ногтей на рукахъ и ногахъ. Та поусердствовала остричь ихъ до самаго мяса, такъ что бѣдной женщины больно было даже ступать на ногу; но иначе, говорятъ, нельзя: по уставу, надо, чтобы ничто не мѣшало «пречистой» водѣ совершенно омыть все тѣло, а безъ того и самый обрядъ считается недействительнымъ ⁶⁾. Послѣ стрижки ногтей очищаемая спускается въ водоемъ, вмѣстимостью около кубическаго метра ⁷⁾, гдѣ она должна помутить воду и, произнеся установленную краткую молитву, троекратно окунуться съ головой такимъ образомъ, чтобы на поверхности

¹⁾ Почти повсюду, въ мѣстахъ еврейской осѣлости въ Россіи, еврейскія бани и миквы составляютъ монополію святаго союза, который и пользуется съ нихъ доходами, сдавая въ аренду, причемъ въ контрактъ съ арендаторомъ обуславливается и плата за совершеніе миквы, отъ 5 коп. до 3 руб. и болѣе. Цѣна увеличивается или уменьшается сообразно состоянію вуждающейся въ совершеніи обряда и служить, такимъ образомъ, для арендаторовъ предметомъ произвольной эксплуатаціи женщинъ изъ болѣе ажиточнаго круга.

²⁾ Особаго вида небольшія сальныя свѣчи, употребляемыя преимущественно евреями.

³⁾ Назирагельница миквы.

⁴⁾ Всѣ постановленія относительно миквы заключаются въ книгѣ Орахъ-Хаимъ, §§ 183—203. При этомъ недостаточно еще остричь до-нельзя ногти, но если очищаемая женщина страдаетъ какими-либо накожными болѣзнями, то необходимо тщательно сорвать всякіе наросты и струпи на прыщахъ, равахъ и язвахъ до живого мяса.

⁵⁾ Согласно уставу о миквѣ, водоемъ долженъ быть наполненъ водою непремѣнно живою, проточною, взятою изъ рѣки или ручья. Но такъ какъ зимой погружаться въ холодную воду не безопасно для здоровья, то обыкновенно предъ началомъ обряда вливаютъ лишь небольшое количество свѣжей воды въ прежнюю, которая нагревается посредствомъ жестяной трубы, проходящей внутри водоема. При этомъ, вслѣдствіе экономическихъ соображеній арендатора, священная вода миквы, съ разрѣшенія кагала, мѣняется только разъ въ мѣсяцъ, а иногда и того рѣже.

¹⁾ Миква — обрядъ очистительнаго омовенія послѣ родовъ и извѣстныхъ физиологическихъ періодовъ. Миквою же, въ переносномъ значеніи, называется и самый водоемъ, въ коемъ совершается это обрядовое омовеніе. Въ древности, еврейскія женщины, спустя извѣстное число дней послѣ родовъ и менструацій, приносили священнику жертву, и затѣмъ омовеніе тѣла водою, вечеромъ того же дня, прекращало разлуку супружескаго сожителства (Левитъ, гл. 12, ст. 1—8, и гл. 15, ст. 19—33). Законъ Моисея не требовалъ для сего обряда окуванія въ живомъ источникѣ (Колбо, § 85), но вслѣдствіи галмудисты, желая подчинить кагальному контролю самыя интимныя супружескія отношенія, обставили процессъ омовенія обиліемъ разныхъ мелочныхъ обрядностей (А. Брафманъ, т. I, 171).

²⁾ Незаконный. По Туръ-Юре-деа (§ 268), дѣтя, родившееся отъ матери, не соблюдавшей обряда миквы, незаконно.

не оставалось ни одного волоска, и каждый разъ оставаться подъ водой до тѣхъ поръ, пока стоишь надъ миквой туцерке ¹⁾ не подастъ ей разрышительный возгласъ: «кошера!» ²⁾. Но когда мачиха спустилась къ миквѣ, она увидѣла, что воду и не думали перемѣнять, такъ какъ ея мутная поверхность подернулась даже какимъ-то радужно-сизымъ налетомъ, въ родѣ большихъ жировыхъ пятенъ. На ея замѣчаніе объ этомъ, надзирательница съ туцеркой даже въ амбрію вломились и загалдѣли, что вода у нихъ перемѣняется только по распоряженію кагала.—«Отчего же всегда-де и всѣ моются и никто не жалуется, а вы одинъ только!.. Перемѣнять воду для одной, другимъ будетъ обидно. Здѣсь ни для кого-де не дѣлается исключеній, — предъ Богомъ во Израилѣ всѣ равны,—а не угодно, такъ какъ угодно! Или мойтесь, или уходите, не задерживайте прочихъ!» ³⁾.

«Даже сама бабушка Сарра поразила-ся такою, непривычною для ея уха, дерзостью, чтобы какія нибудь негелшнейдеке и туцерке смѣли говорить подобнымъ тономъ съ женщиной, принадлежащей къ семьѣ Бендавида! Но для меня оно понятно: это, конечно, отраженное послѣдствіе того неуваженія къ несчастному тѣлу моего отца, какое, при его погребеніи, выказало святое братство, въ лицѣ Иссахаръ Бера, который, по своему званію габай, является въ нѣкоторомъ родѣ патрономъ и этихъ засѣдательницъ миквы. Я увѣрена, что эти твари только потому и позволили себѣ отнестись подобнымъ образомъ ко вдовѣ оглашеннаго «эпикурейса», что знаютъ о томъ униженіи, какое пришлось намъ перенести тогда отъ ихъ патроновъ, и убѣждены въ своей безнаказанности, полагая, что съ тѣхъ поръ относительно насъ все можно. Быть можетъ, онѣ даже думаютъ, что совершаютъ этотъ «благочестивое дѣяніе».

«Нечего дѣлать! Скрѣпя сердце, пришлось окунается въ эту зараженную миазмами муть. Но это ничто, въ сравненіи съ послѣднимъ актомъ очищенія, который требуетъ, чтобы женщина, не выходя изъ водоема, еще вы-полоскала себѣ ротъ тою же водою. Боже мой, какая невообразимая гадость!.. И чтобы быть «доброе еврейкой», необходимо по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ подвергаться этой пытке. Я безъ ужаса и подумать не могу, что съ выходомъ замужъ, и мнѣ предстоитъ то же самое. Какіе, въ самомъ дѣлѣ, жестокіе обряды, какіе отвратительные обычаи!.. И не-

ужели же это не могло бы быть измѣнено къ лучшему, какъ-нибудь иначе? Неужели же именно такъ и надо, такъ и требуется закономъ? Отчего же у христіанъ, которыхъ мы считаемъ «нечистыми», нѣтъ ничего подобнаго!.. Удивляетъ меня, впрочемъ, одно: какъ это наши еврейскіе мужья и жены, сознавая, что причиной множества ихъ наложныхъ болѣзней, въ большинствѣ случаевъ, служатъ именно миква, оставляютъ ея порядки безъ малѣйшаго протеста. Что-за тупая, овечья апатія!.. Мнѣ кажется, я никогда не помирюсь съ этимъ, или никогда не выйду замужъ».

* * *

«... Мачиха моя и послѣ шести недѣль все еще чувствуетъ себя слабою. Докторъ Зельманъ говоритъ, что съ весною ей непременно надо на воды, а безъ того она и не поправится. Между тѣмъ, на дняхъ было получено изъ Вѣны письмо отъ моей тетки, Розы Беренштамъ, гдѣ она съ радостью извѣщаетъ, что предполагавшійся крахъ моего покойнаго отца вовсе не такъ опасенъ, какъ казалось въ первую минуту, и такъ какъ въ этомъ дѣлѣ существенно замѣшаны интересы болѣе крупныхъ банкирскихъ фирмъ, то общими ихъ усиліями удалось кое-какъ спасти всю операцію на столько, что потеря, приходящаяся на долю собственно нашей фирмы, не превышаетъ пятидесяти тысячъ гульденовъ. Это, конечно, очень и очень чувствительно, но все же не крахъ, и мачиха считаетъ себя на столько опытною въ банкирскомъ дѣлѣ (оказывается, что, вручивъ отцу свои капиталы, она всегда самолично вникала во всѣ его дѣла и контролировала его операціи), что намѣрена сама продолжать дѣятельность фирмы. Когда дѣдушка показалъ ей копію съ отцовскаго завѣщанія, по которому мнѣ слѣдуетъ выдѣлить пятьсотъ тысячъ, то она возразила лишь одно, что соотвѣтственно послѣдней потерѣ, цифру эту, безъ сомнѣнія, придется уменьшить, но на сколько именно, трудно сказать пока, безъ личной провѣрки суммъ и счетовъ; что, можетъ быть, ей затруднительно будетъ выдѣлить мнѣ эти деньги сейчасъ же всѣ разомъ, безъ существеннаго нарушенія баланса, но что по прошествіи нѣкотораго времени, какъ только дѣла поправятся и придутъ въ нормальный порядокъ, она выплатитъ все, сколько придется по расчету, или частями, или разомъ, смотря по обстоятельствамъ; а что интересы мои не пострадаютъ, то гарантіей въ томъ могутъ служить тетка Роза и ея мужъ, которые, находясь на мѣстѣ, конечно, не откажутся послѣдить за правильностью раздѣла. А самое лучшее, по ея мнѣнію, было бы, еслибъ меня самой отпустили теперь вмѣстѣ съ нею въ Вѣну, гдѣ я могла бы при-

¹⁾ Помощница надзирательницы. Та и другая опредѣляются на свои должности по представленію святаго братства и утверждаются въ нихъ кагаломъ.

²⁾ Чиста, очищена.

³⁾ По положенію, двѣ женщины сразу не могутъ совершать обряда; надо, чтобы каждая исполнила его отдѣльно, въ очередь.

ютися на время въ семьѣ тетки. Дѣлушка съ бабушкой не нашли ничего противъ послѣдняго предложенія, тѣмъ болѣе, что тетка Роза въ послѣднемъ письмѣ своемъ приглашала меня погостить къ ней въ Вѣну. Такимъ образомъ, на семейномъ совѣтѣ рѣшено, что я ѣду вмѣстѣ съ маичкой. На сихъ дняхъ мы выѣжаемъ. Грустно мнѣ разставаться съ моими стариками, грустно и имъ,—быть можетъ, даже гораздо грустнѣе чѣмъ мнѣ,—но дѣдъ находитъ, что такъ лучше, вѣрнѣе, что это даже необходимо для большаго обезпеченія моихъ интересовъ, и что, наконецъ, разлука будетъ лишь временная; стало-быть, особенно печалиться нечего,—ну, а бабушка Сарра никогда въ жизни не позволяетъ себѣ ему перечить, въ особенности въ дѣлахъ серьезныхъ. Съ ихъ разрѣшенія, у меня все уже готово, все уложено. Завтра схожу на могилу отца проститься, затѣмъ поведу съ подругами,—и въ путь... Прощай, милый Украинскій!»

* * *

«5-е апрѣля 1875 года. Вотъ уже полгода, что я въ Вѣнѣ. Въ высшій еврейскій кругъ я не попала: онъ принадлежитъ къ здѣшней аристократіи, которая, повидимому, считаетъ за особую честь и счастье сочетать посредствомъ брака свои древніе гербы и титулы съ еврейскими капиталами. Въ свою очередь, и капиталы тоже не прочь приобретать себѣ тѣмъ же путемъ титулованныхъ родственниковъ и покупать дворянскіе дипломы. Но я вращаюсь здѣсь въ томъ подслонъ высшаго круга, къ которому принадлежать второстепенные банкиры, журналисты, адвокаты, депутаты, доктора, артисты, художники и т. п., а этотъ-то подслонъ и составляетъ ядро здѣшней интеллигенціи, къ которой болѣе или менѣе примыкаютъ всѣ остальные слои средняго круга. Еврейство здѣсь, кажись, многочисленнѣе и могущественнѣе чѣмъ гдѣ-либо. Вѣна—это, можно сказать, наипа столица; мы здѣсь у себя дома, мы здѣсь сила и даемъ свой тонъ всей мѣстной жизни, но... еслибы, напримѣръ, пустить сюда мою добрую бабушку Сарру, она навѣрное стала бы отплевываться и рѣшила бы, что здѣсь всѣ, рѣшительно всѣ «потрефились» и стали тѣми же «вухримъ» и «гойями». И бабушка Сарра до извѣстной степени была бы права. Дѣйствительно, подъ общимъ уровнемъ европеизма тутъ всѣ широкостности еврейства сгладились, всѣ характерныя краски, его старозакопности стерлись, и все до такой степени перемѣшалось между собою, что нерѣдко даже по тѣну лица христіанниа кажется мнѣ евреемъ, а еврей христіаниномъ. Въ сущности говоря, тутъ нѣтъ ни христіанъ, ни евреевъ, а есть одни только «добрые вѣнцы»,—типъ совершенно особенный. Такъ, по крайней мѣрѣ,

въ томъ кругу, гдѣ я вращаюсь. Казалось бы, это-то и должно мнѣ нравиться, при моихъ эмансипаціонныхъ симпатіяхъ, при моихъ гуманныхъ всечеловѣческихъ идеалахъ, а между тѣмъ, нѣтъ, и далеко нѣтъ. Дѣло въ томъ, что тутъ еврей, хотя и крѣпко поддерживаетъ «брата своего», но не чуждается и христіанъ, и при этомъ столько же заботится о своемъ Иеговѣ и законахъ Моисея, сколько христіанинъ о Христѣ и папѣ: и тотъ и другой просто игнорируютъ религіозную сторону своей жизни, или относятся къ ней чисто формалистически. Но не вѣря ни въ Бога, ни въ чорта и не имѣя въ душѣ никакихъ идеаловъ, тотъ и другой одинаково поклоняются Ваалъ-Фегору. Это истинное царство Ваала, гдѣ рѣшительно все, все продается и покупается, такъ сказать, съ публичнаго торга, гдѣ вся жизнь, всѣ духовныя, умственные, общественныя и другіе интересы, нравственныя побужденія и стремленія, и даже самые таланты мѣрятся и оцѣняются только на деньги, гдѣ о человѣкѣ не спрашиваютъ, хорошъ ли онъ, умнѣе ли, честнѣе ли, а интересуются лишь тѣмъ, сколько у него годового дохода, сколько онъ «зарабатываетъ» и какъ стоятъ его дѣла на биржѣ, гдѣ, наконецъ, даже самая благотворительность, общественная и частная, является не столько побужденіемъ сострадательнаго сердца, сколько актомъ тщеславія или вѣншиною обязанностью извѣстнаго общественнаго положенія. По деньгамъ здѣсь и честь, и почетъ, и положеніе. Въ жизни, конечно, много блеску, много роскоши и шикъ, но весь этотъ блескъ и шикъ только снаружи, на показъ, а внутри, въ домашнемъ обиходѣ, такая скаредность, такое мелочное, грошовое скопидомство, эгоизмъ и нерѣдко такая грязь, что просто противно становится. Нѣтъ, не по душѣ мнѣ этотъ складъ жизни и, положи руку на сердце, скажу откровенно, что если наши Украинскіе хасиды не совсѣмъ-то мнѣ симпатичны, то здѣшніе «цивилизованные израэлиты» еще противнѣе. — У тѣхъ внутри хоть что-нибудь есть, у этихъ ничего. Не понимаю даже, какъ отецъ мой, человѣкъ съ сердцемъ, съ идеалами, съ любовью къ добру, къ прекрасному, къ искусству, могъ жить въ такой атмосферѣ и мириться съ нею! Или я заблуждаюсь?.. Или онъ тоже былъ такой?.. Но нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ быть! Противъ этой мысли возмущается и протестуетъ все мое существо, вся моя душа, все сердце.—Прочь сомнѣнія!—Нѣтъ, отецъ мой не былъ, не могъ быть такимъ. Я вѣрю, я хочу вѣрить, что онъ былъ только жертвою обстоятельствъ своей жизни, сложившихся роковымъ для него образомъ. Онъ все-таки сохранилъ среди этой ярмарки Ваала свою искру Божью, и память о немъ для меня священна».

* * *

«...Проектируемъ мы съ тетей маленькое путешествіе, которое, по ея словамъ, необходимо для меня не только ради развлечения, но и съ образовательною цѣлью, чтобы завершить образованіе, полученное мною въ гимназіи, взглянуть во-очію на тѣ страны и ихъ живую жизнь, о которыхъ доселѣ я знала лишь изъ книжекъ и, наконецъ, развить свой изящный вкусъ картинами природы и произведеніями искусства. Мы предполагаемъ отправиться въ Тироль, затѣмъ въ Швейцарію, оттуда перенестись въ Италію, посѣтить Венецію, Миланъ, Флоренцію, Римъ и Неаполь. Видѣть эту дивную природу и воѣ эти чудеса искусства, *chefs-d'oeuvre* человеческого генія,—о, какое счастье, какое высокое наслажденіе!»

* * *

«...Сказано и сдѣлано. Какъ задумали, такъ сейчасъ же списались съ дѣдушкой. Онъ вполне одобрилъ нашу затѣю и прислалъ мнѣ на дорогу деньги. Послѣ завтра выѣзжаемъ съ тетей въ путешествіе».

* * *

«...Тетка Роза съ мужемъ, да и мачиха тоже, очень желали бы «пристроить» меня замужъ, и на руку мою уже являлось нѣсколько претендентовъ—христіанъ и евреевъ—и молодыхъ, и пожилыхъ, и солидныхъ, и вертопраховъ... Былъ даже одинъ прогорѣвшій венгерскій магнатъ, ради котораго мачиха, изъ-за его графскаго титула, совѣтовала мнѣ перемѣнить религію, а именно, принять протестантство, потому что, во-первыхъ, здѣсь это самое заурядное дѣло, а во-вторыхъ, рѣшительно все равно—де молиться такъ или иначе, или вовсе не молиться; такая перемѣна—это-де одна пустая формальность, такъ какъ, будучи наружно христіанкой, я въ душѣ, сколько угодно, могу оставаться еврейкой, если мнѣ это такъ нравится, даже посѣщать синагогу, и мужъ меня въ этомъ отношеніи нисколько стѣснять не станетъ; конечно, можно бы было и еще проще: при существованіи въ Австріи *Confessionslos*, ограничиться однимъ гражданскимъ бракомъ, не мѣняя религіи; но переходъ въ протестантство необходимъ собственно какъ уступка взглядамъ высшаго общества, требующаго для брака церковнаго благословенія. Но вѣдь за эту уступку мужъ-магнатъ дастъ мнѣ блестящее положеніе въ свѣтѣ, а я, взамѣнъ того, буду содержать его на всемъ на готовомъ и ежемѣсячно выдавать на его «маленькія нужды» приличную «карманную» сумму, не подпуская, впрочемъ, къ непосредственному распоряженію моими капиталами, чтобы не прогорѣть съ нимъ вмѣстѣ. Во всемъ этомъ очень характерно сказано вся практическій «*пшанъ*» *) моей мачихи. Ну, и

развѣ я не права была, говоря когда-то, что тутъ во всей красѣ процвѣтаетъ культъ Вала?!.. Самое сватовство есть также одно изъ дѣйствій этого культа. Со мной, наприимѣръ, во всѣхъ случаяхъ сватовства дѣло носило до такой степени откровенно циничный характеръ коммерческой сдѣлки, всѣ эти господа-претенденты столь явно желали жениться только на моихъ деньгахъ, а меня брали въ приданое, какъ неизбежное зло, что я, ни минуты не думая, отвѣчала на каждое предложеніе вѣжливымъ отказомъ. Да и какъ выходить, хотя бы и въ виду такъ называемой «блестящей партіи», если сердце мое молчитъ и сама я совсѣмъ-таки равнодушна ко всѣмъ этимъ искателямъ! Тетка наконецъ даже надулась на меня и прямо высказала, что я хочу чего-то невозможнаго, витая гдѣ-то въ заоблачныхъ сферахъ, и что съ такою разборчивостью легче легкаго рискуешь остаться весь нѣкъ въ старыхъ дѣвахъ. А я отвѣчала, что такая перспектива нисколько меня не ужасаетъ, и я предпочитаю лучше быть старой дѣвой, но независимой, чѣмъ играть жалкую роль приданнаго къ своему золотому мѣшку, и если ужъ выйду замужъ, то не иначе, какъ за человека, котораго изберетъ мое собственное сердце,—безразлично, кто бы онъ ни былъ, бѣднякъ или богатъ, еврей или христіанинъ, лишь бы мнѣ только любили другъ друга. Послѣ этой отповѣди, приставанія родныхъ съ проектируемыми женихами, слава Богу, прекончили. Въ этомъ отношеніи и тетка и мачиха махнули на меня рукой, какъ на безнадежную, и оставили наконецъ въ покоѣ. Тетка, впрочемъ, высказала, что ей все-таки очень жаль, что я столь легкомысленно пренебрегаю «такими женихами», такъ какъ, по возвращеніи въ Украинскъ, дѣдушка съ бабушкой, все равно, сами отыщутъ мнѣ жениха, по своему собственному вкусу, и выдадутъ меня, не спрашиваясь съ моихъ желаніемъ или нежеланіемъ.—Ну, это мы еще посмотримъ. До сихъ поръ не принуждали, надѣюсь, и впредь принуждать не станутъ».

XIX.

Переломъ.

(Изъ „Дневника“ Тамары)

«6-е февраля 1876 г. Слава Богу, наконецъ-то я опять въ моемъ милomъ Украинскѣ, подъ крыломъ своихъ стариковъ, въ своей свѣтлой, уютной комнаткѣ, гдѣ мнѣ всегда такъ хорошо живетъ, такъ легко дышется!.. Дѣдушка съ бабушкой все такіе же милые, добрые и даже какъ-будто нисколько не постарѣли за эти шестнадцать мѣсяцевъ, что мы не видѣлись, и ничто у нихъ въ домѣ не перемѣнилось, ни одна даже вещьца не сдвину-

*) Еврейскій здравый смыслъ.

та со своего обычнаго мѣста, все то-же, все по-прежнему, точно бы я вчера только уѣхала.

«Послѣдніе мѣсяцы въ Вѣнѣ, по возвращеніи изъ Италіи, я очень много веселилась и выѣзжала въ свѣтъ съ теткой Розой. Балы, рауты, вечера, гулянья, спектакли, опера и концерты, выставки, благотворительные базары, литературныя конференціи и популярныя лекціи — все это слѣдовало одно за другимъ какою-то блестящею и шумною вереницей, какимъ-то радужнымъ калейдоскопомъ, такъ что я, можно сказать, просто закружена, ослѣплена, оглушена и по горло пресыщена всѣми этими удовольствіями.

«По раздѣлу отцовскаго имуществъ, наконецъ-то послѣдовавшему мѣсяцъ тому назадъ, мнѣ досталось не пятьсотъ, какъ предполагалось въ духовномъ завѣщаніи, а только двѣсти тысячъ, да и то не полныя. Но раздѣлъ, за покрытіемъ убытковъ отъ послѣдней биржевой неудачи, былъ произведенъ, подъ наблюденіемъ тетки и дяди Беренштамовъ, совершенно добросовѣстно, и я не имѣю никакихъ причинъ претендовать на мою маичуху. Разстались мы съ нею и съ двумя моими маленькими сестрами вполне дружески; съ теткой и дядей точно такъ же, и звали они меня поскорѣ опять пріѣзжать къ нимъ, въ ихъ «веселую добрую Вѣну». Но съ меня пока довольно, — хочется попрежнему пожить съ дѣдомъ и бабушкой, гдѣ каждый уголокъ смотритъ для меня роднымъ, старымъ другомъ, точно бы радъ моему возвращенію. — И я сама рада. Отдохну, по крайней мѣрѣ, отъ всего этого угара удовольствій и впечатлѣній, вернусь всею душой къ прежней жизни, къ моимъ старымъ подругамъ. Каковы-то онѣ? Переѣзнились ли?.. Что до меня, то въ себѣ я чувствую большую переѣзку. Теперь ужъ я далеко не та, что два года назадъ, прямо изъ гимназіи. Сумма впечатлѣній и нѣкотораго житейскаго опыта, переиспытанныхъ мною съ того блаженнаго времени и въ особенности со смерти отца, конечно, не могли не произвести на меня своего вліянія, и вліянія довольно рѣзкаго. — Вѣнская жизнь, встрѣчи и знакомства со множествомъ лицъ, между которыми встрѣчались и люди замѣчательные, очень умные, даровитые, составившіе себѣ извѣстность и на поприщѣ политическомъ, и въ мѣрѣ науки, литературы и искусства, затѣмъ путешествіе по Италіи, гдѣ я не пропускала на своемъ пути ни одной мѣстной достопримѣчательности, ни одного музея и галлерей, въ особенности въ Римѣ и Неаполѣ, и наконецъ чтеніе (я за это время, несмотря на развлеченія, успѣла и прочесть не мало), и чтеніе не праздное, все это дало мнѣ такую школу, которая развила меня и въ умственномъ, и въ эстетическомъ, и въ чисто житейскомъ отношеніи, заставляла взглядываться и въ жизнь,

и въ людей, и въ самой себя, научила задумываться и размышлять о такихъ предметахъ, о которыхъ до того времени и понятія не имѣла, — словомъ, не хвалясь сказать, я чувствую, что стала за это время гораздо зрѣлѣе, серьезнѣе и самостоятельнѣе. Да, и самостоятельнѣе, — на столько, что о многомъ могу «смыслъ свое сужденіе имѣть», но сужденіе безъ того дѣтскаго задора, какой иногда прорывался у меня во время оно. Одно только меня удивляетъ: мнѣ скоро уже исполнится двадцать лѣтъ, а между тѣмъ сердце мое все еще нѣтъ не затронуто и спитъ себѣ преспокойнымъ образомъ. Ну, хоть бы шути влюбилась въ кого за это время, хоть немножко увлеклась бы кѣмъ! — Нѣтъ и нѣтъ... Такого человѣка еще не встрѣтила, — не судьба, значить... Или я уже слишкомъ серьезно смотрю на это чувство, или же вовсе неспособна къ нему? — Но нѣтъ, послѣдняго быть не можетъ. Я женскимъ инстинктомъ своимъ чую, что сила эта во мнѣ есть и нужно только, чтобы явилась закононецъ человѣкъ, который *сумѣлъ бы пробудить* ее. Въ этомъ-то вся и задача. Одно знаю только, что я не могу смотрѣть на любовь, какъ на легкую и пріятную забаву, и если ужъ полюблю, то полюблю всю, беззаветно, а потому лучше спи спокойно пока, мое сердце, и продолжай попрежнему любить бабушку съ дѣдушкой!»

* * *

«...Навѣстила всѣхъ своихъ подругъ и каждой изъ нихъ подарила на память по изящной вѣнской или неаполитанской бездѣлушкѣ. Такіе маленькіе подарки, какъ извѣстно, имѣютъ свойство отлично скрѣплять дружескія отношенія. Всѣ меня приняли съ распростертыми объятіями, очень обрадовались моему возвращенію, — и я сама не менѣе рада встрѣчѣ со старыми друзьями. Разспросамъ и разсказамъ съ обѣихъ сторонъ не было конца. Узнала нѣсколько новостей и въ томъ числѣ одну, совсѣмъ для меня печальную, а именно, — Ольга Ухова поссорилась съ Сашенькой Санковской, и онѣ больше не бываютъ другъ у друга. Это очень грустно, тѣмъ болѣе, что причина ссоры совсѣмъ пустячная: маленькая rivalité изъ-за кадрили. Дѣло въ томъ, что графъ Каржоль еще за двѣ недѣли до губернаторскаго бала проигралъ Сашенькѣ пари à discretion, и она назначила ему въ видѣ штрафа за проигрышъ, третью кадрили на этомъ балѣ, а Ольга, не зная о томъ, въ свою очередь предложила ему въ началѣ бала танцовать третью съ собою, и онъ, совсѣмъ позабывъ о пари, имѣлъ неосторожность пообщаться ей, да спохватился уже, когда Сашенька сама напомнила ему о проигрышѣ. Вышла неловкость. Не зная, какъ поправить свой промахъ, Каржоль очень извинялся предъ обѣими и предложилъ рѣшить вопросъ на узелки, но ни

та, ни другая не согласились и въ то же время не пожелали и добровольно уступить другъ дружкѣ. По-моему, тутъ комичнѣе всего положеніе самого Каржолѣ. Онъ, однако, танцовалъ съ Сашенькой, такъ какъ обѣщаніе дано было раньше ей, чѣмъ Ольгѣ. А Ольга, вмѣсто того, чтобъ обратить свой гнѣвъ на графа, по какой-то совершенно особенной логикѣ, перенесла его на Сашеньку, — что называется, съ больной головы на здоровую, — и съ тѣхъ поръ объявила себя заклятымъ врагомъ ея. Такъ и не видятся больше. Это очень досадно, и надо будетъ постараться какъ-нибудь ихъ помирить, хотя это и не совсѣмъ-то легко, потому что Ольга, вообще говоря, упряма. Говорятъ, будто графъ очень ухаживаетъ за ней, и не безъ успѣха, но это не мѣшаетъ ему по-прежнему бывать и у Санковскихъ.

«А бѣдный Аполлонъ Пуцъ все еще вадыхаетъ по Ольгѣ и кусаетъ усы отъ ревности. Говорятъ, онъ уже дважды дѣлалъ ей предложеніе и оба раза неудачно, — но, къ удивленію, это его не охладило: влюбленъ попрежнему. Вотъ постоянство-то!.. Не потому ли, впрочемъ, что Ольга, отказывая ему въ рукѣ, продолжаетъ въ то же время порою слегка кокетничать съ нимъ, завлекать его и вообще играть съ нимъ въ «дружбу» или, какъ она выражается, «быть добрымъ товарищемъ». За чѣмъ это нужно ей держать его у себя на привязи, разъ что ей правится другой, — рѣшительно не понимаю. Это просто жадность какая-то на поклонниковъ».

* * *

«... Нарочно была сегодня у Ольги, чтобы уговорить ее помириться съ Сашенькой. Но увы! — попытка оказалась совершенно тщетною. Она и слышать о ней ничего не хочетъ. Ужъ нѣтъ ли тутъ какой-нибудь причины посерьезнѣе, чѣмъ капризъ? Не влюблена ли Ольга, въ самомъ дѣлѣ, въ этого Каржолѣ и не ревнуетъ ли его къ Сашенькѣ? — Чего добраго!.. Я рѣшилась по дружбѣ высказать ей эту мою догадку. Она вся вспыхнула, но тотчасъ же овладѣла собою и смѣясь стала увѣрять меня, что это совершенный вадоръ. — «Правда, въ городѣ — говорятъ — болтаютъ что-то такое, но мало ли какія сплетни ходятъ по городу, даже безъ всякой причины, и про кого только ихъ не сочиняютъ!» — Но на дѣлѣ, по ея словамъ, Каржолѣ будто бы занятъ ею столько же, сколько китайской императрицей, а она имъ и того менѣе; если же онъ бываетъ иногда у нихъ въ домѣ, — очень рѣдко, впрочемъ, — или оказываетъ ей нѣкоторое вниманіе въ обществѣ, то это-де ровно еще ничего не доказываетъ, да и вниманія-то никакого особеннаго съ его стороны она, будто бы, не видитъ, — просто-себѣ, любезенъ человѣкъ и милъ, какъ со всѣми прочими, а съ тѣхъ поръ какъ пошла по городу эта сплетня и дошла до не-

го, онъ даже сталъ по отношенію къ ней держать себя въ обществѣ гораздо дальше, чтобы не подавать лишняго повода къ болтовнѣ нашихъ кумушекъ; вообще же она подозрѣваетъ и даже знаетъ, что эта сплетня пущена по злобѣ къ ней не кѣмъ инымъ, какъ Сашенькой, которая сама-де влюблена по-уши въ Каржолѣ, чуть не вѣшается ему на шею, ревнуетъ его къ ней и ко всѣмъ на свѣтѣ, и позволяетъ себѣ даже клеветать на нее, и это-де причина, почему она не желаетъ мириться съ нею. Я, какъ могла, вступалась за бѣдную Сашеньку и всячески старалась доказать ей полную несостоятельность такого недостойнаго подозрѣнія, — но вѣдь ее не переубѣдишь, разъ что она забрала себѣ что-нибудь въ голову. Характеръ тоже, нечего сказать! — Какъ есть паленькинъ!.. Все это очень прискорбно и кончилось даже тѣмъ, что изъ-за Сашеньки мы съ Ольгой нѣсколько посчитались и разстались на сей разъ гораздо холоднѣй, чѣмъ встрѣтились. Что до меня, то послѣ этого я не пойду къ ней больше, пока она сама не пожалуетъ ко мнѣ первая».

* * *

«...Отношенія моя съ Ольгой продолжаютъ быть какъ-то натянутыми. Прежняя искренность и непринужденность куда-то вдругъ исчезли. Встрѣчаясь въ обществѣ, мы, повидимому, все такъ-же дружны, но инстинктивно какъ-то чувствуется, что это уже что-то не то. Къ удивленію моему, и Маруся Горобецъ испытываетъ на себѣ со стороны Ольги тоже нѣчто похожее на охлажденіе. Вообще, она замѣчаетъ, что Ольга въ послѣднее время какъ-то перемѣнилась, одѣлалась скрытнѣй, раздражительнѣй и какъ будто стала отдаляться отъ насъ. Что все это значить, — не понимаю. Неужели обиди на насъ за то, что мы, ради нея, не разорвали нашихъ отношеній съ Сашенькой? Но почему жъ бы это мы должны предпочесть Сашенькѣ ее?.. Вообще, странно все это какъ-то... Ну, да Богъ съ ней! Не хочетъ, — какъ хочетъ. Мы тоже навязываться не станемъ».

* * *

«...Да, что это, въ самомъ дѣлѣ, за чудеса такіе! Къ кому ни приходишь, вездѣ только и слышишь, что Каржолѣ да Каржолѣ, и такая-то онъ прелесть, и такъ-то онъ хорошъ, и такъ-то уменъ, и роль-то такую видную играетъ, и та-то за нимъ ухаживаетъ, и эта ухаживаетъ... или Каржолѣ оказалъ то-то, Каржолѣ на это сморгнулъ такъ-то... Фу, ты, Господи! Да пощадите вы съ вашими Каржолемъ! Точно бы во всемъ Украинскѣ только и свѣту въ глазахъ, что Каржолѣ. Очевидно, онъ здѣсь левъ какой-то, магъ и волшебникъ, который владеетъ даромъ всѣхъ очаровывать собою. И замѣчательно, что не только молодежь, мои сверстницы, но и особы уже солидныхъ лѣтъ,

даже старушки—и тѣ въ восторгѣ отъ Каржолы. Любопытно, однако, посмотрѣть бы поближе, что это за свѣтло такое, этотъ графъ Каржоль де-Нотрель?»

«...Въ городѣ распространились слухи, что я получила миллионное наслѣдство. Это двѣсти-то тысячъ разрослись въ миллионъ! Правда, что съ прежними они составляютъ пятьсотъ, но услужливая молва постаралась эту сумму удвоить, да еще прибавляетъ къ тому, что и послѣ дѣдушки я унаслѣдую по крайней мѣрѣ столько же. Ну, и пускай ихъ болтаютъ, что хотятъ! Ни опровергать, ни подтверждать я, разумеется, не стану. Какое мнѣ дѣло до этого! Да и не разуверюшъ. На дняхъ было попыталась разуверить Сащеньку,—куда тебѣ!—«Ни, ни, ни,—говорить—не скромничай, не повѣрю, мы ужъ это знаемъ отъ людей самыхъ достовѣрныхъ!»—Такъ-то вотъ легко создается иногда слава миллионерства.»

«...Наконецъ-то я встрѣтилась и познакомилась съ этимъ фениксомъ Украинскимъ, съ графомъ Каржолемъ. Встрѣтились мы съ нимъ вчера вечеромъ у Санковскихъ. У нихъ запросто и почти невзначай собралось нѣсколько человѣкъ и въ томъ числѣ онъ. Онъ почему-то пожелалъ быть мнѣ представленнымъ, и г-же Санковская это желаніе его исполнила. Онъ былъ очень внимателенъ ко мнѣ и съ интересомъ спрашивалъ про мои вѣскія и итальянскія впечатлѣнія, да я самъ много рассказывалъ о своихъ заграничныхъ путешествіяхъ (онъ тоже бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ, что и я) и рассказывалъ очень мило, забавно и порой весьма остроумно, такъ что впечатлѣніе о немъ на первый разъ сложилось у меня очень симпатичное. Между прочимъ, желая провѣрить, на сколько основательны Ольгины рассказы и подозрѣнія насчетъ Сащеньки, я весь вечеръ старалась исподволь подмѣчать за ней и за графомъ и пришла къ полному убѣжденію, что это всеовершенствошій вздоръ и что здѣсь ни съ той, ни съ другой стороны нѣтъ рѣшительно ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго добраго знакомства. Ни у него, ни у нея за весь вечеръ не проскользнуло ни одного взгляда, ни одной нотки въ голосѣ, которые давали бы право заподозрить между ними какое-либо особенное чувство, такъ что со стороны Ольги—я вижу теперь ясно—это чистая клевета, а можетъ быть и ревность, но ревность совсѣмъ неосновательная».

«...У меня уже было нѣсколько встрѣчъ съ графомъ Каржолемъ: то у Санковскихъ, то у Горобецъ, то въ клубѣ,—и мнѣ кажется, что эти встрѣчи доставляютъ ему удовольствіе; онъ какъ будто даже ищетъ ихъ,—по крайней

мѣрѣ, каждый разъ что мы видимся, онъ старается узнать у меня, когда и гдѣ располагаю я быть въ ближайшемъ будущемъ, и если я говорю, что завтра или послѣ завтра буду тамъ-то, онъ непременно туда является. Но называть это ухаживаньемъ нельзя,—нѣтъ, онъ не ухаживаетъ за мною, но онъ такъ мило и говорить всегда такъ просто, такъ сердечно и всегда такъ интересно, что невольно заставляетъ симпатизировать себѣ. Въ обращеніи своемъ онъ совершенно ровенъ и, конечно, строго приличенъ какъ съ Сащенькой, какъ съ Маруськой, такъ и со мной, и вообще со всѣми. Онъ ни за кѣмъ не ухаживаетъ, да и слово-то это было бы для него такъ пошло! Но тутъ есть нѣкоторые маленькіе, для посторонняго глаза едва-ли даже замѣтные, нюансы, которые позволяютъ мнѣ не то чтобы догадываться, а скорѣе чувствовать, что быть со мной или въ моемъ присутствіи ему пріятнѣе чѣмъ съ другими. Это подсказываетъ мнѣ иногда то, едва уловимое, *нѣчто*, которое сказывается у человѣка въ глазахъ, въ улыбкѣ, въ отбѣлкѣ голоса... Женщина всегда понимаетъ, и не столько, пожалуй, понимаетъ, сколько чувствуетъ, какъ на нее смотритъ мужчина, говоря съ нею или даже находясь только въ ея присутствіи,—чувствуетъ, совершенно ли онъ къ ней равнодушенъ, или же, напротивъ, ея наружность, ея разговоръ, самая близость ея къ нему дѣлаютъ на него извѣстное впечатлѣніе, возбуждаютъ въ немъ что-то особенное,—словомъ, что женщина ему нравится. И вотъ это-то *особенное* я и чувствую порой въ глазахъ Каржолы. (А что, если и онъ въ моихъ подмѣчаетъ то же?) Этотъ его мимолетный взглядъ, можетъ быть, неуловимый для другихъ, но понятный только для меня,—въ особенности, если случается такъ, что присутствующіе не обращаютъ нѣкоторое время на насъ вниманія,—этотъ взглядъ невольно составляетъ меня вспыхивать. Я понимаю, что онъ смотритъ на меня, какъ на *женщину*, и это еще первый мужчина, который смотритъ и какъ бы имѣетъ право смотрѣть на меня именно такими говорящими глазами. И что же?—Къ собственному моему удивленію, меня это нисколько не шокируетъ, не оскорбляетъ,—напротивъ, мнѣ это нравится. Мнѣ нравится, что онъ смотритъ на меня такъ. Мнѣ нравится то, что я произвожу на него такое впечатлѣніе, и *именно на него...*

«Какъ это странно, однако! Когда Охрименко вздумалъ какъ-то смотрѣть на меня чуть-чуть подобными глазами, мнѣ стало противно, и я его оборвала; но когда смотритъ Каржоль... О, это совсѣмъ другое дѣло!.. И какъ онъ, при всемъ этомъ, умѣетъ держать себя, владѣть собою! Какой тактъ, какая осторожность и тщательная заботливость о томъ, чтобы и виду не подать постороннимъ лю-

дямъ, будто между нимъ и мною можетъ быть что-либо большее, чѣмъ случайныя свѣтскія встрѣчи и обыкновенные салонные разговоры.

«Да, увлечись *такимъ* человѣкомъ,—это я понимаю. Тутъ есть всё данное: и умъ, и тактъ, и образованіе, и красота, и элегантная вѣнность, и наконецъ имя,—ну, словомъ, все, все рѣшительно. И если вотъ такой-то человѣкъ обращаетъ на дѣвушку свое предпочтительное вниманіе, если она даетъ ей чувствовать, что она ему нравится,—что жъ, это можетъ только льстить ея самолюбію.

«Но неужели я внаправду правлюсь ему?.. Не заблужденіе ли это?..

«Если и заблужденіе, то мнѣ бы не хотѣлось въ немъ разочаровываться».

* *

«...Разговоры наши съ графомъ не исчерпываются одною лишь ничего не значущею сажерею,—нѣтъ, мы нерѣдко говоримъ; и о вещахъ очень серьезныхъ. Вчера, напримѣръ, у Санковскихъ (гдѣ предпочтительно мы и встрѣчаемся), въ присутствіи Сашеньки и Маруси, поднялся какъ-то разговоръ на религіозно-философскую тему, по поводу многочисленныхъ церковныхъ процессій, видѣнныхъ мною за границей въ дни Страстной недѣли прошлаго года. Я рассказывала про эти блистательныя шествія, съ музыкальными хорами, касками и штыками военнаго эскорта, съ хоругвями и поднятыми надъ толпой позолоченными, деревянными мадоннами въ бѣлокурныхъ парикахъ, съ драгоценными колю на шеѣ, разряженными въ парчевыя и бархатныя платья со шлейфами и кружевами, сшитыя нерѣдко извѣстными портнихами, которыя, для привлеченія къ себѣ клерикальныхъ кліентовъ, иногда титулуютъ себя даже на своихъ этикеткахъ «модистками мадонны такой-то», и—такъ какъ между нами не было католиковъ, то я и позволила себѣ высказать, что, по моему мнѣнію, высокая, чисто отвлеченная идея богопочитанія не совместима съ подобнымъ, грубо матеріальнымъ олицетвореніемъ божества, что это своего рода идолопоклонство. Изъ этого возникъ маленький споръ, въ теченіе котораго у насъ явилось наконецъ сопоставленіе религіозной идеи юдаизма и христіанства. Я защищала первую, мои подруги отстаивали вторую. Видя, что дальнѣйшій разговоръ можетъ принять нѣсколько острый характеръ, графъ поспѣшилъ перевести егръ отчасти на другую почву, полушутя спросилъ меня:

— Ну, а еслибы вы «имѣли несчастіе» (потому что для еврейки это должно считаться несчастіемъ) серьезно полюбить христіанина и, предположимъ, что и онъ васъ тоже,—что бы вы сдѣлали и какимъ образомъ примирила бы свою религіозную совѣсть со своимъ и его чувствомъ?

— Что жъ,—отвѣчала я.—Въ этомъ слу-

чай пришлось бы поступиться однимъ изъ двухъ: или религіей, или чувствомъ, смотря по тому, что сильнѣе, что перевѣсило бы.

«Онъ посмотрѣлъ на меня серьезно и пылливо, какъ бы взвѣшивая мои слова и стараясь проникнуть, брошены ли они мною только какъ фраза, или выражаютъ мое дѣйствительное убѣжденіе.

«Въ это время насъ позвали въ столовую, къ чаю. Графъ удлилъ минутку и, пропустивъ Сашеньку съ Марусей впередъ, нарочно замедлился на ходу и спросилъ меня, знакомо ли мнѣ Евангеліе?—Я отвѣчала, что никогда не читала его.

— Жаль,—говорить,—это значительно освѣтило бы для васъ предметъ сегодняшняго спора и вообще расширило бы ваши взгляды.

«Я возразила, что Евангеліе для еврейки книга запрещенная.

— Да, но вѣдь случалось же вамъ когда-нибудь имѣть въ рукахъ другія запрещенныя книжки, не изъ духовныхъ?

— Разумѣется, случалось.

— И вы не стѣснялись потихоньку читать ихъ, не опасаясь за свою совѣсть и нравственность?

— Не стѣснялась.

— Тогда почему же такое исключеніе въ данномъ случаѣ? Попробуйте отнестись и къ этой книгѣ не болѣе какъ къ тѣмъ и прочтите ее хотя бы изъ любопытства.

— Охотно, согласилась я.—Но у меня для этого не было до сихъ поръ случая.

— Если такъ, то позвольте вамъ его представить и влить въ васъ нѣсколько капель «христіанскаго ада», прибавилъ онъ шутя.—Хуже отъ этого не будетъ для такой дѣвушки какъ вы; этотъ «адъ» васъ не убьетъ, а только ближе познакомитъ съ такимъ міромъ, о которомъ вы теперь имѣете самое смутное понятіе.

«Я согласилась, и онъ обѣщавъ дать мнѣ, при слѣдующей же нашей встрѣчѣ, маленькое карманное изданіе Новаго Завѣта».

* *

«Онъ исполнилъ свое обѣщаніе. Я запрятала эту книжку въ карманъ и, придя домой, принялась за нее. Читала я, запершись въ своей комнатѣ, по ночамъ, когда никто изъ домашнихъ не могъ бы даже случайно захватить меня за этимъ занятіемъ, и съ жадностью, въ двѣ ночи, прочла всѣхъ четырехъ евангелистовъ. Странное дѣло,—чѣмъ долѣе я вчитывалась, тѣмъ завлекательнѣе становилось для меня это простое, безхитростное повѣствованіе, тѣмъ больше чувствовала я, что не могу отъ него оторваться, что оно всецѣло захватываетъ меня всю, до глубины, всю душу, весь разумъ мой, и вдругъ открываетъ мнѣ такой свѣтъ, такіе широкіе горизонты и такую глубину мысли и чувства, с какихъ я и понятія до сихъ поръ не имѣла. Это могучая,

неотразимая книга, и я удивляюсь только одному: какъ мало знаютъ ее христіане!

«Что же болѣе всего меня въ ней поразило?—Необычайная простота и ясность, а въ особенности вотъ эти слова, которыя я читая отмѣчала себѣ карандашемъ, и теперь, подѣ неостывшимъ еще, яркимъ и сильнымъ впечатлѣніемъ прочитаннаго, вписываю ихъ сюда. Я хочу, чтобъ они всегда, во всякое время были со мною, чтобъ для меня самой они служили свидѣтельствомъ высшей истины, до которой столь неожиданно подвела меня эта книга. Графъ Каржоль, можетъ, и самъ не подозреваетъ, какое онъ дѣло совершилъ надо мною.

«Прежде всего, совершенно новое для меня понятіе о Богѣ, какъ о любящемъ, все-благомъ Отцѣ: «Есть ли между вами такой человекъ, который, когда сынъ его попроситъ у него хлѣба, подастъ бы ему камень? И когда попроситъ рыбы, подастъ бы ему змѣю? И такъ, если вы, будучи злы, умѣете давать блага давать дѣтямъ вашимъ, тѣмъ болѣе Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него». Какъ это далеко отъ нашего еврейскаго представленія о Богѣ, которое воспоминается мнѣ теперь по словамъ «Исхода»:— «И сказалъ Господь Моисею: сойди и предостереги народъ и священниковъ, пусть они не порываются восходить къ Господу, чтобы Онъ не поразилъ ихъ!»⁴⁾ И какъ, значитъ, чужда была евреямъ самая идея о Богѣ, какъ о всеблагомъ Отцѣ всего сущаго, если они искали убить Іисуса не за то только, что Онъ «нарушалъ субботу», но еще болѣе за то, что называлъ Бога своимъ Отцомъ и училъ обращаться къ нему въ молитвѣ словами: «Отче нашъ!»—По ихъ близорукому мнѣнію, это значило дѣлать себя равнымъ Богу!..

«А какое высокое сопоставленіе нравственнаго кодекса Ветхаго и Новаго Завета нахожу я у Маттея!—«Вы слышали, что сказано: око за око и зубъ за зубъ... вы слышали, что сказано: люби ближняго твоего и ненавидь врага твоего, а Я говорю вамъ: любите враговъ вашихъ, благословляйте проклинающихъ васъ, благотворите ненавидящимъ васъ и молитесь за обижающихъ васъ и гонящихъ васъ, да будете сынами Отца вашего небеснаго, ибо Онъ повѣлываетъ солнцу Своему восходить надъ злыми и добрыми и посылаетъ дождь на праведныхъ и неправедныхъ. Онъ благъ и къ неблагодарнымъ и злымъ. И такъ, будьте милосерды, какъ и Отецъ вашъ милосердъ. Не судите, да не судимы будете, не осуждайте и не будете осуждены, прощайте и даются вамъ».

«А затѣмъ, этотъ всеобильный призывъ ко всему страдающему человѣчеству: «Принди-

те ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ; ибо иго Мое благо и бремя Мое легко». — Такъ училъ и призывалъ Тотъ, для котораго у насъ въ еврействѣ нѣтъ иного имени, какъ презрительное «*тулль*»⁴⁾. Какая утѣшительная и великая, въ божественной простотѣ своей, проповѣдь всечеловѣческой любви и всепрощенія! — Ничего подобнаго не слыхала я въ нашемъ еврействѣ, которое «ближнимъ своимъ» признаетъ только еврея, да и то еврея лишь правовѣрнаго, тогда какъ притча о добромъ Самарянѣ—какой широкій отвѣтъ даетъ на вопросъ: кто ближній мой?—Израиль весь во внѣшности и до сихъ поръ мечтаетъ лишь о царствѣ Божіемъ видимомъ, земномъ, а здѣсь прямо сказано «царствіе Божіе *внутри васъ* есть». Я задумалась надъ этими словами и тѣмъ дальше размышляла въ сердцѣ своемъ, тѣмъ глубже, пришла къ убѣжденію, что это такъ. Дѣйствительно, оно въ насъ самихъ, въ гармоническомъ согласованіи собственной нашей внутренней жизни съ жизнью, насъ окружающею, на основахъ евангельской любви и духа.

«А отношенія Евангелія къ женщинѣ, къ той самой несчастной, безправной, едва лишь *терпимой* женщинѣ еврейской, для которой и до сихъ поръ, какъ для существа низшаго, несовершеннаго, не только знаніе своего закона не обязательно, но и строжайше запрещенъ самый входъ во внутрь синагоги, чтобы она не сквернила собою мѣсто молитвы «избранныхъ», «чистыхъ», сыновъ Израильскихъ!—Здѣсь же, въ лицѣ Дѣвы Маріи женщина вознесена на высоту величайшаго мірового идеала во всемъ человѣчествѣ—«ибо отнынѣ будутъ ублажать Ее всѣ роды». Въ лицѣ Маріи Магдалины возстановлено нравственное достоинство женщины падшей, послѣ того какъ она покаялась и очищенною любовью своею—любовью въ духовномъ высокохристіанскомъ смыслѣ—искупила свое паденіе. «Прощаются грѣхи ея многіе за то, что возлюбила много»... Въ лицѣ Маріи, сестры Лазаря, признано и право женщины на участіе въ высшемъ развитіи, въ высшемъ знаніи, какимъ является познаніе закона, послѣ того какъ было о ней сказано, что она «благую часть избрала себѣ», слушая слова Спасителя, ибо это «едино есть на потребу». Въ лицѣ грѣшницы, приведенной на казнь, челоѣчество призвано къ снисхо-

⁴⁾ Повѣщенный, висѣльникъ. Талмудисты же никогда не называютъ Іисуса Христа по имени (*Іошуа амосиахъ* или *Моисиахъ бекъ Іосифъ*), а только «*Ойсой-ошиъ*», т. е. известный человекъ, или «*Пойцри*», имѣющее двойное значеніе: сотворенный (отъ слова *вайцериъ*) и отомщенный (отъ *цорой*, мѣсть). Слово же «*тулль*» наиболѣе употребительно въ языкѣ обиденномъ.

⁴⁾ Исходъ, гл. 19, ст. 21, 24.

женію къ слабости женской: «Кто самъ изъ васъ безъ грѣха, первый брось въ нее камень»!.. «Женщина, гдѣ твои обвинители? Кто осудилъ тебя?»—Никто, Господи.—«И Я не осуждаю тебя, иди и *впередъ не согрѣши*». Когда же фарисеи, искушая Христа, вопрошали его, можно ли по всякой причинѣ разводиться съ женою, на томъ основаніи, что Моисеемъ разрѣшены разводы,—какой высокопучительный отвѣтъ данъ имъ!—Вотъ оно гдѣ истинное-то ученіе о равноправіи женщинъ!.. А сколько примѣровъ состраданія и милосердія Христа собственно къ женщинамъ: воскресеніе сына вдовы Наниской и дочери Іаира, исцѣленіе кровоточивой, исцѣленіе скорченной, исцѣленіе тещи Симоновой, исцѣленіе дочери Хананейки и множество другихъ дѣяній милосердія и примѣровъ отношенія къ женщинамъ, какъ къ *человѣку*, а не къ рабѣ. И какъ понимали, какъ глубоко чувствовали женщины еврейскія это новое, небывалое дотошъ, отношеніе къ нимъ,—чувствовали и всѣмъ сердцемъ исповѣдывали новое ученіе въ лицѣ Маріи Магдалины, сестры ея Мары, Іоанны Хузовой, Маріи матери Іакова, Маріи Клеоповой, Соломіи, Сусанны и множества другихъ, которыя ходили за Іисусомъ и служили Ему, и поучались, и, подобно вдовѣ Самарянкѣ, возвѣщали славу Его. А какое множество ихъ шло за крестомъ Его къ Голгоѣ, плача и сострадая Ему!.. И не мудрено: Онъ былъ первый, который съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Израиль, воззвалъ къ еврейской женщинѣ: «Дерзай, дщерь! вѣра твоя спасла тебя, иди съ миромъ!»—Ни словъ подобныхъ не слышала, ни подобнаго отношенія къ себѣ не видѣла съ тѣхъ поръ еврейская женщина, да и по сей день не видитъ и не слышитъ больше...

«А затѣмъ эта умиленно трогательная любовь Его къ дѣтямъ, которыхъ Онъ велѣлъ всегда свободно допускать къ Себѣ, «ибо таковыя есть царство Божіе», и заповѣдалъ любить ихъ, потому что кто приметъ единого отъ малыхъ сихъ, тотъ Его самого приметъ, и горе тому челоѣку, такъ что лучше бы ему и не родиться, если кто развратитъ хоть одного изъ нихъ!

«Берегитесь закваски фарисейской, которая есть лицемеріе»,—вотъ о чемъ предостерегалъ Христосъ учениковъ. А развѣ эта закваска не сильна и до нашего времени? Весь нашъ кагалъ и всѣ его дѣйствія и постановленія,—развѣ это не тѣ же «бремена неудобноносимыя», налагаемыя на людей и нынѣ, какъ тогда?.. Но въ этомъ отношеніи въ особенности поразило меня то мѣсто у Луки, гдѣ Іисусъ говоритъ: «Остерегайтесь книжниковъ, которые любятъ ходять въ длинныхъ одеждахъ и любить привѣтствія въ народныхъ собраніяхъ, предсѣданія въ синагогахъ и предвозлежанія на пиршествахъ, которые подаютъ дома вдовъ

и лицемерно долго молятся». — Да развѣ это не тѣ же Иссахаръ Беры, Борухи Натансоны и тысячи имъ подобныхъ?!. И развѣ не тѣ же Иссахары и Борухи осуждали Іисуса за то, что исцѣляетъ въ субботу? И развѣ вопросы о томъ, позволительно ли врачевать въ субботу и имъ подобные не составляютъ для этихъ людей и до сихъ поръ высшій предметъ неразрѣшимыхъ словопрепій?.. «*Подаютъ дома вдовъ*», — Боже мой, да вѣдь это оно, оно самое и есть во-очію, все то же «святое» погребальное братство, наше «Хевро», доводящее до нищеты оскротѣлыя семьи и тяжкую руку котораго мы сами на себѣ испытали! Значитъ, оно и тогда уже не только было, но и отличалось такими же точно дѣяніями, если Христосъ находилъ нужнымъ обличать его. Какъ все это старо, однако, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ живуче въ своей заколѣной неподвижности! И больно становится, когда подумаешь, что это несчастное еврейство до сихъ поръ пребываетъ еще во «бременахъ неудобноносимыхъ», въ рабствѣ у своихъ «книжниковъ и фарисеевъ», тогда какъ истина тутъ же, рядомъ, и стоитъ лишь въ нее взглянуть, чтобы узнать и понять ее — «и познаете истину, и истина сдѣлаетъ васъ свободными».

«Да, это такъ! И я, еврейка, я вѣрую вмѣстѣ со Христомъ, когда Онъ говоритъ, «настанетъ время, когда истинные поклонники будутъ поклоняться Отцу въ духѣ и истинѣ, ибо такихъ поклонниковъ Отецъ ищетъ себѣ», ибо «Богъ есть духъ и поклоняющіеся Ему должны поклоняться въ духѣ и истинѣ». И Онъ обѣщаетъ послать вѣрующимъ «Духа истины», «Утѣшителя», да пребудетъ съ нами во вѣкъ. Какимъ умлениемъ послѣ этого повѣяли на мою душу слова: «Я свѣтъ, пришелъ въ міръ, чтобы всякій вѣрующій въ Меня не оставался во тьмѣ, и если кто услышитъ слова Мои и не повѣритъ, *Я не сужу его*, ибо Я пришелъ не *судить* міръ, но *спасти* міръ». Въ чемъ же спасеніе? Въ чемъ эта «заповѣдь новая», завѣщанная челоѣчеству?—«Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, какъ Я возлюбилъ васъ. Нѣтъ больше той любви, какъ если кто положитъ душу свою за други своя». И это все, — все, что нужно. Какъ просто, но и какъ необъятно велико въ то же время! — «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповѣдую вамъ». — «*Миръ* оставляю вамъ, *миръ Мой* даю вамъ, да не смущается сердце ваше и да не устрашается». — «Сіе сказалъ Я вамъ, чтобы вы имѣли во *Мнѣ* миръ. Въ мірѣ будете имѣть скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ».

«Да, религія мира, любви и духа истины, конечно одна, только и можетъ быть истинною религіей и должна рано или поздно стать религіей міровой, всечелоѣческой, потому что

выше этого ничего не сказала человечество. Да, Онъ побѣдилъ его».

XX.

Новыя наслоенія.

(Изъ „Дневника“ Тамары).

«...Съ какой-то нервной нетерпѣливостью и лихорадочной поспѣшностью захотѣлось мнѣ послѣ Евангелія какъ можно скорѣй, скорѣй и больше познакомиться со всѣмъ, что есть еще въ Новомъ Завѣтѣ, и я схватила за апостола Павла. Но этотъ великій мыслитель оказался слишкомъ глубокъ для меня: къ сожалѣнію, я далеко не все въ немъ поняла; хотя то, что было мною понято, еще болѣе расширило мой новый кругозоръ. У него нашла я нѣсколько отвѣтовъ какъ разъ на тѣ самые вопросы и сомнѣнія, которые возникли во мнѣ послѣ Евангелія.—«Неужели Богъ есть Богъ иудеевъ только, а не и язычниковъ?—Конечно, и язычниковъ, потому что *одинъ* Богъ, и что въ церкви Христовой пѣтъ ни иудеевъ, ни еллиновъ, ни рабовъ, ни свободныхъ, а есть одни вѣрующіе, братія по вѣрѣ во Христа, ибо всѣ они однимъ Духомъ крестились и въ одно тѣло, и всѣ напоены однимъ Духомъ». Далѣе, мнѣ пришла мысль, что, освоившись съ Евангеліемъ, я уже тѣмъ самымъ перестала быть доброю иудейкою, что я какъ бы отреклась отъ своего закона,—и онъ мнѣ отвѣтилъ на это: «Нынѣ, умерши для закона, которымъ были связаны, мы освободились отъ него, чтобы намъ служить Богу въ обновленіи духа, а не по ветхой буквѣ».—Послѣ этого подумалось мнѣ: хорошо, но можно ли служить въ обновленіи духа, не принимая формальнымъ образомъ христіанства? и въ чемъ тогда будетъ заключаться такое служеніе?—Онъ отвѣтилъ: «Не оставляйте должными никому ничѣмъ, кромѣ взаимной любви: ибо любящій другого исполнилъ законъ. Ибо заповѣди: не убивай, не укради, не лжесвидѣтельствуй, не пожелай чужого и *всѣ другія* заключаются въ семь словъ: люби ближняго твоего, какъ самого себя. Любовь не дѣлаетъ ближнему зла, и такъ, *любовь есть исполненіе закона*». А затѣмъ, какое глубокое опредѣленіе смысла и сущности этой великой христіанской любви!—«Если я говорю языками человѣческими и ангельскими, а любви не имѣю, то я мѣдъ звенящая или кимвалъ звучащій. Если имѣю даръ пророчества и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и всю вѣру, такъ что могу и горы переставлять, а не имѣю любви, то я ничто. И если я раздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, — явѣ мнѣ въ томъ никакой пользы. Любовь долго терпитъ, милосердствуетъ, любовь не завидуетъ, любовь не превозносится,

не гордится, не безчинствуетъ, не ищетъ своего, не раздражается, не мыслитъ зла, не радуется неправдѣ, а радуется истинѣ, все покрываетъ, всему вѣритъ, всего надѣется, все переноситъ. Любовь никогда не перестаетъ, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнутъ, и знаніе упразднится... Теперь же пребываютъ сіи три: вѣра, надежда, любовь; но любовь изъ нихъ больше».

* * *

«...Нѣсколько дней ходила я подъ обаяніемъ прочитаннаго, пока-то наконецъ всѣ эти внезапно поднятыя во мнѣ мысли и впечатлѣнія не улеглись мало-по-малу въ душѣ и не усвоились ею какъ нѣчто вполне сознательное, продуманное и переработанное внутри самой себя. Даже родные замѣтили, что я за эти дни какъ-то странно измѣнилась, стала сосредоточеннѣе, задумчивѣе; на вопросы, обращаемые ко мнѣ, иногда вовсе не отвѣчала, потому что не слышала, о чемъ меня спрашиваютъ и что говорятъ мнѣ, или же отвѣчала невпопадъ, такъ что бабушка спросила наконецъ меня, что со мной, что это за странная разсѣянность у меня? Ужъ не больна ли я чѣмъ? Не огорчена ли? Не влюблена ли, чего добраго?.. Увы! со всѣмъ своимъ участіемъ ко мнѣ, она была слишкомъ далека отъ истинной причины моего нравственнаго состоянія, и не мнѣ, конечно, было объяснять ей, въ чемъ тутъ дѣло. На сколько могла, я старалась успокоить ее, утѣшая, что ничего особеннаго со мной не случилось и что всѣмъ я совершенно довольна, а если кажусь разсѣянной, то это потому, что хочу писать одинъ романъ и обдумываю его сюжетъ. Что дѣлать!—пришлось солгать на самой себя, но она по крайней мѣрѣ успокоилась, добродушно посмѣявшись надъ моею «ребяческою затѣей».

«Теперь я могу болѣе спокойно, а потому и съ болѣе широкимъ анализомъ провѣрить собственное свое отношеніе къ прочитанному. Евангеліе плѣнило меня не столько мистическою (къ которой и я не подготовлена), сколько гуманною своею стороною, т. е. именно тѣмъ, чего такъ мало въ нашемъ слишкомъ исключительномъ, слишкомъ *еврейскомъ* законѣ, который гуманенъ только для еврея. Для настоящаго уразумѣнія первой стороны, я чувствую, что я далеко еще не созрѣла, не прониклась духовностью этого учения, да и не могу сдѣлать этого сама, безъ помощи надежнаго руководителя. И кромѣ того, мы, евреи, вообще мало склонны къ отвлеченному,—такова уже наша натура, — и самая религія наша болѣе заботится о земномъ, чѣмъ о загробномъ мірѣ. Но эта мировая широта христіанскаго ученія, это представленіе о Богѣ, какъ о всеблагомъ *Отцѣ* и безконечномъ Источникѣ любви и милосердія ко всему сущему безъ различія племенъ, породъ, состояній и т. п., эта всеобъемлющая любовь, этотъ призывъ ко всему человечеству

во имя высшей истины, правды, любви, братства и всепрощения, — словомъ, эти, если можно такъ выразиться, земныя задачи и земныя идеалы христіанства,—вотъ что главнѣйшимъ образомъ перевернуло меня нравственно. Тогда пришла мнѣ охота перечитать еще разъ нашу Библейскую исторію, которую—надо сознаться—вообще, мы, еврейки, занимаемся или очень мало, или совсѣмъ не занимаемся, хотя она и существуетъ въ переводѣ на нашъ современный языкъ. Въ этомъ отношеніи всѣ мы болѣе близки къ евангельской Марѣ, чѣмъ къ Маріи, и о библейскомъ прошломъ своего народа если и являемъ что, то большею частью съ-наслуку, отъ нашихъ отцовъ, мужей и братьевъ, изъ ихъ разговоровъ между собою, или изъ того, что уловляемъ, черезъ пятое въ десятое слово, изъ-за своихъ рыветокъ, во время чтенія въ синагогахъ. Еврейская женщина, можно сказать, живетъ внѣ религиозныхъ званій, а потому и внѣ религиознаго развитія. Для нея обязательны только три известныя *мицвотъ* и молитвы, изложенныя въ Техинотъ ¹⁾. Большаго съ нея не требуется, и я сама вырѣсла и воспиталась на томъ же. О чемъ говорили мнѣ въ дѣтствѣ? О Богѣ-создателѣ міра, Отцѣ всего сущаго?—Нѣтъ. О нашей священной исторіи, о ея великихъ урокахъ?—Никогда. О законахъ нашей религіи, о нравственныхъ началахъ жизни, о совѣсти, истинѣ, справедливости?—Ни мало. И моя первая нянька-еврейка, и моя добрая бабушка пичкала мою голову сказками о рѣкѣ Самбатъенѣ, невѣдомо гдѣ находящейся, но о которой, тѣмъ не менѣе, извѣстно, что вода ея шесть дней въ недѣлю изрыгаетъ пламя и камни, а по субботамъ утихаетъ, — шабашуетъ, значитъ. Говорили мнѣ, что за этою рѣкою Самбатъеномъ существуетъ нѣкое еврейское царство, называемое Бней-Мойше ²⁾, жители котораго растутъ не болѣе дѣтей, но зато всѣ красивые, сильные

и воинственные, и что здѣшніе евреи, будучи пока грѣшными, не могутъ еще съ ними соединиться; но зато когда придетъ наконецъ Мессія и всѣ народы станутъ нашими вассалами, и намъ же будетъ принадлежать всемірное богатство, въ которое вольются всѣ, безъ исключенія, богатства и сокровища всѣхъ странъ и народовъ,—тогда и мы соединимся съ нашими братьями-лилицутами. Но передъ этимъ будетъ-де страшная война: всѣ націи соединятся, чтобы сражаться съ евреями, а евреи все же останутся побѣдителями. Воюющіе сойдутся у широкаго Самбатъена, чрезъ который имъ необходимо будетъ переходить, и на этой странной рѣкѣ будутъ два моста,—одинъ бумажный, другой чугунный. Всѣ народы пойдутъ по чугунному мосту и провалятся, а Израиль благополучно переберется по мосту бумажному, потому что подъ нимъ, вмѣсто свай, будутъ стоять ангелы, и тогда нашъ народъ торжествуя вступитъ въ рай, гдѣ всѣхъ благочестивыхъ евреевъ ожидаютъ рыба Левіаанъ-левіосонъ ³⁾, дикий буйволъ и старое кашерное вино, сохраняющееся для насъ еще отъ созданія міра. Что касается собственно Іеговы, то о Немъ говорили мнѣ только или страшая, что Онъ меня убьетъ, или же о томъ, какъ Онъ проводитъ на небѣ свой день, раздѣляющійся на двѣнадцать часовъ, — и я строго помнила, что первыя три часа дня Іегова, надѣвъ на себя тфилінъ и талесъ ⁴⁾, читаетъ Тору, вторые три часа судитъ весь міръ и, увидѣвъ, что всѣ достойны проклятій, встаетъ съ престола справедливости и садится на престолъ милосердія; третьи три часа занимается попеченіемъ объ Израилѣ и всѣхъ тварахъ, а четвертую часть дня отдастъ собственному развлеченію и играетъ съ Левіосонъ-левіааномъ ⁵⁾. Кромѣ того, изъ тѣхъ же рассказовъ мнѣ было извѣстно, что Господь на небѣ каждый день рѣжетъ и буйвола, и Левіаана, и отбираетъ лучшіе куски для нынѣшнихъ обитателей рая, а на слѣдующее утро и буйволъ, и Левіаанъ уже опять живы

¹⁾ Три обязательныя заповѣди (*мицвотъ*), существующія для еврейскихъ женщинъ, состоятъ изъ *нида*, *хала* и *гадлокатъ-ганеръ*. Первая—это строгое соблюденіе правилъ относительно очищенія въ живой водѣ (*миква*), вторая—бросать въ огонь кусочекъ тѣста, приготовленнаго ими для субботнихъ хлѣбовъ, въ воспоминаніе дани, которая во времена существованія храма іерусалимскаго приносилась первосвященнику, и третья—зажигать свѣчи въ пятницу вечеромъ и при наступленіи праздниковъ, съ произнесеніемъ известной молитвы, благословляющей грядущій день отдохновенія. Этотъ обрядъ «осѣненія огня» на современномъ жаргонѣ называется *лиштъ-бекшени*. Техинотъ или Тхинно—сборникъ молитвъ, составленныхъ исключительно для женщинъ. По незнакомству послѣднихъ съ древнееврейскимъ языкомъ, Техинотъ употребляется въ переводѣ на современный еврейскій жаргонъ, представляющій смѣсь различныхъ языковъ, съ преобладающимъ вліяніемъ нѣмецкаго, но испорченнаго произношеніемъ.

²⁾ Дѣти Моисея.

³⁾ *Левіосонъ*—значитъ обѣдованный. Талмудъ съ подробностями рисуетъ картины, какъ, съ пришествіемъ Мессіи, евреи будутъ кушать Левіаана.

⁴⁾ *Тфилінъ* или *тефилінъ*—хранящее, т. е. кубическія кожаныя коробочки, хранящія въ себѣ четыре главы изъ Пятикнижія (Тора), написанныя на пергаментѣ. Эти знаки каждый совершеннолѣтній еврей (имѣющій болѣе тринадцати лѣтъ отъ роду) обязанъ прикрѣплять: одинъ ко лбу, а другой къ правой рукѣ, выше локтя, во время утренней молитвы, за исключеніемъ субботнихъ и праздничныхъ дней. *Талесъ* или *талетъ*—одеяніе или мантия, которою женатыя и вообще взрослые евреи накрываются во время утренняго богомоленія. Въ первый разъ надѣваетъ еврей талесъ во время своего вѣчанія и въ эту же мантию облачаютъ его трупъ при погребеніи.

⁵⁾ Рабби Іегуда, Іойлвумесъ, стр. 24.

и здоровы, дабы снова покорно подвергнуться той же операции, при которой Иегова самолично исполняет обязанности шохета, менагра и маргиша ¹⁾. Вот и все, чѣмъ ограничивалось въ дѣтствѣ мое понятіе о Богѣ. Но не болѣе расширилось оно и въ дни отрочества, въ дни моего ученія, которое заключалось въ выучкѣ наизусть, по Техинотъ, нѣкоторыхъ, обязательныхъ для еврейки, молитвъ, такъ что въ религиозномъ отношеніи, собственно говоря, я росла какъ былина въ полѣ. И вотъ, теперь, послѣ Евангелія, впервые въ жизни сознательно принялась я за Библейскую исторію народа нашего и, чтобы не возбудить дома лишннихъ вопросовъ,—зачѣмъ и съ какою цѣлью вздумалось мнѣ заниматься такимъ серьезнымъ дѣломъ,—стала читать ее въ русскомъ изданіи, которое нашлось у Маруси.

«И что же я вычитала?! Къ сожалѣнію, много и много такого, что не разъ до глубины возмущало и переворачивало всю мою душу!..»

«Прежде всего, во многихъ мѣстахъ этой священной для насъ исторіи народа нашего поражали меня характернѣйшія черты современнаго намъ еврейства, во всей ихъ—надо сознаться—непривлекательности. А непривлекательныхъ чертъ—увы!—у насъ много, и этого не скроешь, да и кто же ихъ не знаетъ! Я даже невѣрно употребила здѣсь слово «еврей-

ства», — точнѣе слѣдовало бы сказать: черты *жидовства* ¹⁾).

Сколько, низостей, хлбрости, обмана, предательства, вѣроломства—и все это ради своекорыстныхъ, необыкновенно практическихъ цѣлей! Сколько эпизодовъ, полныхъ насилія, жестокости, грабежа и крови, крови и крови... Самая Пасха наша, этотъ праздникъ праздниковъ еврейскихъ, есть праздникъ крови, въ память не одного лишь исхода изъ Египта, но и избіенія первенцевъ земли Египетской ²⁾. Таково то весь историческій періодъ вождей и судій израильскихъ, который можно назвать періодомъ захвата чужихъ земель и городовъ, конхъ израиль не строилъ, домовъ, которыхъ не наполнялъ, колодезевъ, которыхъ не вырывалъ, и садовъ, которыхъ не насаждалъ, дабы «все поядать вокругъ себя, какъ вошь, траву ноядающій» ³⁾. Затѣмъ, періодъ царей израильскихъ и Юдейскихъ—это спеціально періодъ крамолы, являющій рядъ незаконныхъ захватовъ власти, рядъ придворныхъ заговоровъ, народныхъ бунтовъ и войнъ противъ своихъ же царей, и наконецъ, рядъ цареубійствъ, соединенныхъ съ огульнымъ избіеніемъ всего царскаго «дома» или рода и всѣхъ друзей ихъ, причѣмъ главный заговорщикъ садился на престолъ и самъ, въ свою очередь, бывалъ предательски умерщвляемъ. При этомъ поведение самихъ царей было одно хуже другого: чудовищный развратъ, жестокосердая тираннія, кровавыя междоусобицы и удивительная легкость впаденія въ идолопоклонство являются самыми характеристическими чертами этого періода, гдѣ рѣшительно не знаешь, кто хуже: правители или управляемые?—Оба хуже, какъ говорится. Народъ вѣчно въ какомъ-то лихорадочномъ безпокойствѣ, вѣчно среди самой тревожной дѣятельности и подвижности,—нигдѣ ни въ чемъ никакой устойчивости, ни спокойствія, ни порядка общественнаго и государственнаго. Этотъ народъ какъ бы самъ бѣжалъ отъ своего благополучія и мирной жизни къ безпрестаннымъ заговорамъ, бунтамъ и самоистребленію. Одинъ только Давидъ и, отчасти.

¹⁾ *Шохетъ*—особый еврейскій рѣзникъ, спеціально изучившій всѣ талмудическія постановленія о рѣзаніи скота и птицы, *менагръ* или *менакеръ*—спеціалистъ, занимающійся, также на основаніи талмудическихъ правилъ, очищеніемъ мяса отъ жилъ, не дозволенныхъ въ пищу евреямъ. *Маргишъ*—ученый испытатель шлифовки ножей, приготовленныхъ для рѣзанія скота и птицы на кашеръ. Маргишъ отыскиваетъ зазубрины на ножѣ, проводя ногтемъ указательнаго пальца по острій и ощущая, при извѣстной опытности, мельчайшую зазубринку, и если таковая окажется до рѣзанія, то шохетъ обязанъ продолжать шлифовку лезвія, до полнаго изглаженія, потому что если бы скотина оказалась зарѣзанною пожемъ, на которомъ была хотя бы самая микроскопическая зазубрина, то мясо уже становится *трефъ*, т. е. негоднымъ въ пищу евреямъ. Въ Талмудѣ очень строго и подробно изложены правила, по которымъ мясо можетъ считаться кашернымъ или трэфнымъ, и благодаря этимъ правиламъ, еврейское населеніе вполне гарантировано отъ употребленія въ пищу больной скотины и птицы; но дабы послѣднее не пропадало даромъ, законъ разрешаетъ продавать его яновѣрцамъ, и дѣлается это на основаніи Второзаконія (гл. XIV, ст. 21), гдѣ сказано «не ѣшьте никакой падали; отдайте ее на съѣденіе чужестранцу, живущему посреди васъ, пусть онъ ѣстъ, или же продайте ее левакри (яновѣрцу), ибо вы народъ святой у Бога вашего». А такъ какъ у насъ, въ Россіи, въ чертѣ еврейской осѣдлости, мясныя лавки держатъ почти исключительно евреи, то мѣстные христіане обречены ими ѣсть больное, иногда даже зараженное мясо.

²⁾ Здѣсь нѣсколько страницъ не могутъ быть напечатаны по независимымъ отъ автора причинамъ.

³⁾ Исходъ, гл. 12, ст. 5—14.

⁴⁾ Числъ, гл. 22, ст. 4.

Соломонъ являются счастливыми исключеніями, свѣтлыми точками на мрачно-кровавомъ фонѣ этого несчастнаго и позорнаго періода, да и въ этихъ-то двухъ обликахъ, лучшихъ во Израилѣ, поражаетъ та легкость, съ которою оба впадали въ нравственные пороки и обагривали руки свои убійствомъ. Подъ конецъ почти каждаго правленія, народъ падалъ въ нравственномъ отношеніи и совращался въ идолопоклонство. Эти совращенія являются какъ бы хроническимъ недугомъ народа еврейскаго, начиная еще съ баснословнаго до-потопнаго періода «исполнить» книги Бытія и продолжая Содомомъ и Гоморрой, идолами Лавана, культомъ тельца златого, нѣсколько разъ возстаиваемымъ, затѣмъ культомъ Вааль-Фегора, Молоха, Астарты, Хамоса и т. д., и т. д., до самаго періода распадѣнія еврейскаго государства, съ котораго уже начинается тысячелѣтняя агонія народа. Тщетны были всѣ увѣщанія, всѣ громы и проклятія пророковъ. И въ то же время, при каждомъ временномъ обѣдѣнн, при малѣйшей неудачѣ, постигавшей этотъ народъ, какой ропотъ подымался въ немъ, какіе вопли издавалъ онъ, какое малодушное отчаяніе овладало имъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какая мстительная злоба! — «Блаженъ, кто возьметъ и разобьетъ младенцевъ твоихъ о камень, дочь Вавилонская!» — И замѣчательно, что всегда, всегда вопія противъ гоненій и несчастій, народъ нашъ никогда не сознавалъ чистосердечно, что самъ же онъ, собственными своими поступками, навлекалъ ихъ на свою голову. Всегда и во всемъ виноваты другіе, но не онъ самъ. Я съ ѣдкой горечью въ сердцѣ пишу все это, потому что я все же еврейка, кость отъ кости и плоть отъ плоти моихъ отцовъ и — къ счастью или несчастью, — не знаю, лишь теперь только сознательно познакомилась со всѣми этими истинами и научилась размышлять надъ ними. Читая исторію нашу, до вавилонскаго плѣна, я вижу одинъ только духъ несокрушимой гордыни, побуждающей Израиля считать себя, безъ всякихъ заслугъ, патрищемъ міра, «избраннымъ народомъ», а въ то же время нравственное и религиозное шатаніе и безконечную братоубійственную войну между царствами Израильскимъ и Іудейскимъ. Передъ плѣномъ вавилонскимъ, евреи перестали даже праздновать Пасху, и только при Эздрѣ и Неемѣ, у отпущенниковъ изъ Вавилона возстановляется служеніе Богу Единому и строится великая синагога, затѣмъ учреждается синедрионъ, появляются раввинизмъ съ его Талмудомъ и первыя зачатки кагала. Но увы! — все это было уже поздно... Храмъ выстроили, но огонь небесный уже не сошелъ на жертвенникъ, какъ при Соломонѣ, и въ Вавилонѣ была утрачена не только скинія завета, но и самый древнееврейскій «священный» языкъ, сильно испорченный халдейскою примѣсью; въ самыя вѣ-

рованія вкрались чуждые ученія и толки, и самостоятельная государственная жизнь исчезла навѣки. Позднее раскаяніе и жажда вернуть утраченное заставляютъ евреевъ сосредоточить всѣ помысленія свои на прошедшемъ, чтобы въ немъ искать пророческихъ обѣтованій и знаменій для лучшаго будущаго; всѣ надежды устремляются на ожиданіе Мессіи... Но проходить вѣка за вѣками, проходить цѣлыя тысячелѣтія, а Мессіи нашего все нѣтъ какъ нѣтъ, и все еще Израиль его ожидаетъ...

«А что, если онъ проглядѣлъ Его? Что, если Мессія уже давно пришелъ и еврейство не признало, отвергло Его, потому что пришелъ Онъ не въ томъ вѣншнемъ блескѣ и не съ тѣмъ наслѣдіемъ всемірнаго царства земного, какого оно чаяло въ гордомъ своемъ самообольщеніи? Вотъ ужасная мысль, которая невольно закрадывается мнѣ въ душу и смущаетъ мою еврейскую совѣсть. Что, если это такъ, если это уже «совершилось»?.. Какъ быть тогда? Куда идти, куда дѣлаться? Во что вѣровать? Въ нигилизмъ съ матеріализмомъ, или... во Христа?»

«Въ нигилизмъ, конечно, легче всего. Въ немъ есть къ тому же нѣкоторыя заманчивыя стороны: — социалистическіе идеалы, напримѣръ, — но какъ осуществить ихъ? Тѣмъ путемъ, что предлагалъ мнѣ когда-то Охрименко? — Съ этимъ не мирится мое нравственное чувство. Говорять, идти въ народъ. Хорошо. Но съ чѣмъ и въ какой народъ пойду я, и что скажу ему? Для русскаго народа я чужая, для здѣшнихъ хохловъ еще того хуже: я *жидышка*, *пелюга*, *пелюха*, и что бы ни говорила имъ, что бы ни дѣлала, мнѣ не повѣрятъ и, въ наилучшемъ случаѣ, станутъ только смѣяться надо мною. Идти къ своимъ, къ евреямъ и проповѣдывать имъ... что проповѣдывать? Освобожденіе отъ деспотическаго кагала, отъ Хеврѣ, отъ коробочнаго сбора? — Но за такую проповѣдь свои же, въ первомъ мѣстечкѣ, схватятъ меня, какъ безумную, и отправятъ въ сумасшедшій домъ. А затѣмъ, виѣ социалистическихъ идеаловъ, самый нигилизмъ — да что же въ немъ остается?.. Нѣтъ, голый нигилизмъ, самъ по себѣ, слишкомъ грубъ и черствъ, онъ претитъ моему чувству женственности, чувству изящнаго... Стриженные волосы, синіе очки, отрепанная черная юбка, сѣрый пледъ и въ рукахъ лекціи эмбриологіи, — все это мнѣ противно, потому что въ этомъ нѣтъ идеала, нѣтъ красоты, изящества, поэзіи нѣтъ, а я страстно люблю и то, и другое, и третье, и со своею прекрасною волнистою косой ни за что не разстанусь.

«Мучительные вопросы духа и коса, — вотъ сопоставленіе-то!..

«Да; но я говорю это какъ женщина и какъ женщина чувствую, что жертва въ пользу вѣшняго безобразія была бы для меня не-

возможна. Идеаль голата нигилизма—это Охрименко. Этим для меня все сказано.

«Итакъ, если не социализмъ, не нигилизмъ, то что же? Еврейскій мужъ изъ здѣшнихъ хасидскихъ «идуевъ» или чѣзъ вѣнскихъ рафинированныхъ «израелитовъ»? Гандель и гешефтъ въ богѣ или менѣе крупныхъ размѣрахъ? Великолепная домашняя обстановка, роскошь и комфортъ, но при этомъ уже самая прозаическая жизнь, безъ всякихъ идеаловъ и вѣрованій, кромѣ трехъ обязательныхъ *мицвотъ*?—Нѣтъ, съ этимъ я и прежде не мирялась, а теперь и подавно. И чувствую, что никогда, никогда не помирюсь.

«Но если ни то, ни другое, то что же?... Боже мой, что же наконецъ остается?! Неужели...

«Нѣтъ, страшно и вымолвить!

«Это такъ трудно, съ *этимъ* сопряжено столько горя и позора для тѣхъ, кого я такъ люблю, для моихъ добрыхъ стариковъ... Съ *этимъ* надо идти уже на полный и окончательный разрывъ и съ ними, и со всѣмъ тѣмъ міромъ, въ которомъ я родилась.

«Ахъ, хорошо бы ни о чемъ такомъ не думать!.. Хорошо бы, еслибы не было для меня никакихъ такихъ вопросовъ и сомнѣній!..

«Но разъ они явились,—куда отъ нихъ дѣнешься и какъ разрѣшишь ихъ?

«Я чувствую, что очутилась вдругъ на какомъ-то распутии, и не знаю, въ какую сторону двинуться?

«Но и такъ оставаться тоже невозможно».

* * *

...«Я рѣшилась на крайне рискованный и, быть можетъ, опрометчивый шагъ. Обо всѣхъ своихъ мучительныхъ сомнѣніяхъ и вопросахъ, явившихся послѣдствіемъ прочтанныхъ мною Евангелія и Библии, я написала письмо Карюлю, прося его совѣта, какъ мнѣ быть,—потому что онъ первый подаль мнѣ мысль объ этомъ чтеніи, самъ натолкнулъ меня на него и, такимъ образомъ, стало-быть, явился вольной или невольной причиной переживаемаго мною теперь нравственнаго кризиса. Письмо вышло, быть можетъ, вѣскольکو длинно, но написала я его сгоряча, отъ сердца и съ полной откровенностью,—пускай же оно такъ ужъ и остается, какъ есть! Отправила по городской почтѣ. Не знаю, что теперь будетъ»...

* * *

...«Получили мы сегодня изъ Вѣны, отъ тетки Розы, печальное извѣстіе. Обѣ мои младшія сестры въ теченіе одной недѣли скончались отъ дифтерита. Жаль бѣдныхъ дѣвочекъ, онѣ были такія милыя, славныя дѣти, и я за время моей вѣнской жизни, отъ души полюбила ихъ. Мачиха въ отчаяніи отъ этой потери, но тетка думаетъ, что рано или поздно она утѣшится, потому что есть одинъ искатель ея руки и состоянія, которому она, можетъ быть, и готова будетъ отдать свою благосклонность.

Такимъ образомъ, со смертью дѣвочекъ, порвалась послѣдняя связь между мачихой и нами, и я остаюсь теперь единственною представительницей рода Бендавидовъ, въ нисходящемъ поколѣніи. Тетка пишетъ, что доля покойныхъ сестеръ, доставшаяся имъ изъ отцовскаго состоянія по раздѣлу, должна на законномъ основаніи перейти ко мнѣ, и поздравляетъ меня, что я становлюсь теперь дѣйствительно миллионною наслѣдницей и невѣстой. Но это меня нисколько не радуетъ и не занимаетъ. Есть ли у меня что, нѣтъ ли,—къ этому вопросу отношусь я теперь совершенно равнодушно. Не то настроеніе, не тѣ мысли»...

* * *

«...Наконецъ-то удалось мнѣ сегодня встрѣтиться съ Карюлемъ у Санковскихъ и поговорить нѣскольکو минутъ безъ помѣхи. Глядя на меня ласковыми глазами, онъ сказалъ, что письмо мое нисколько его не удивило, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что Евангеліе не могло не поднять цѣлую бурю вопросовъ, сопоставленій, сравненій и, наконецъ, новыхъ стремленій въ умѣ такой дѣвушки, какъ я; но какъ быть съ этимъ, оставаться ли на своемъ берегу или приставать къ другому и сжечь корабли за собой,—это уже другое дѣло.

— Помните ли вы,—продолжалъ онъ,—назадъ тому нѣскольکو недѣль я задалъ вамъ одинъ вопросъ, а именно, что бы вы сдѣлали, какъ еврейка, еслибы «имѣли несчастье» полюбить христіанина? Какъ поступили бы?—И вы отвѣтили мнѣ, что это зависитъ отъ того, что пересилило бы, любовь или религія.

— Помню,—сказала я,—я на столько даже хорошо, что могу въ свою очередь напомнить вамъ одно маленькое, но существенное опущеніе въ вашемъ вопросѣ: вы сказали тогда, что если не только я люблю христіанина, но и *онъ* меня тоже.

— Совершенно вѣрно,—согласился графъ.— Но вотъ въ этомъ-то и разрѣшеніе всѣхъ вашихъ сомнѣній. Видите ли,—пояснилъ онъ,—я привожу въ связь тогдашній свой вопросъ съ вашимъ письмомъ потому, что вы спрашиваете, что вамъ дѣлать. Мнѣ кажется, дѣло ясное. Если вы никого еще не любите, тогда, конечно, нѣтъ причинъ мѣнять свою вѣру. Постарайтесь отнестись ко всему прочтанному на столько спокойно и индифферентно, какъ отнеслись бы вы къ каждой философской теоріи, находя, что, можетъ быть, она и прекрасна, и справедлива, но къ личной вашей жизни не приложима. Мало ли есть на свѣтѣ прекрасныхъ философскихъ системъ и теорій!

— Ну, а если и полюбила?—отважно бросила я вопросъ, и сама почувствовала, какъ сильно забилося при этомъ мое сердце и какъ все лицо мое залилось горячею краской.

— Что жъ, если вы полюбили своего еди-

повѣрца, тогда дѣло остается на тѣхъ же основаніяхъ,—сказала онъ съ легкой усмѣшкой.

«Очевидно, это былъ отвѣтъ уклончивый. Я поняла, что тутъ одно изъ двухъ: или графъ думаетъ отыгаться этою фразой отъ прямого отвѣта, или же хочетъ заставить меня сдѣлать ему вопросъ еще болѣе ясный, — и я рѣшилась на послѣднее.

— А если я, выражаясь вашими же словами, «имѣла несчастье» полюбить не-единовѣрца?

«Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ поглядѣлъ мнѣ прямо въ глаза тѣмъ же самымъ пытливымъ, проникающимъ взглядомъ, какимъ глядѣлъ уже и въ тотъ разъ.

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, нѣсколько размѣрив свои слова и не сводя съ меня взгляда, — вамъ остается только взвѣснить, что сильнѣе. Это вѣдь ваше же собственное мнѣніе.

— Да, и если чувство сильнѣе?

— Ну, тогда смѣло жгите ваши корабли, и дай вамъ Богъ всякаго счастья!

«Вторая половина этой фразы мнѣ не понравилась. Она больно кольнула мнѣ сердце и царапнула по самолюбію. Мнѣ показалось, что, говоря это, онъ какъ будто отстранялъ не только себя, но и меня отъ самой мысли даже, что предметомъ моего чувства можетъ быть онъ самъ. Что это? Излишняя ли скромность, или своего рода игра со мною въ кошку и мышку, или же менторское желаніе дать мнѣ маленький делкатный урокъ, съ цѣлью предупредить, чтобы я и не мечтала о невозможномъ? Въ замѣпательствѣ, я опустила глаза и въ первую минуту не находила, что ему отвѣтить.

«А онъ какъ будто любовался моимъ смущеніемъ и глядѣлъ на меня (такъ показалось мнѣ) поощряющими, влюбленными глазами, тѣми самыми глазами, какими и прежде порою смотрѣлъ на меня, что всегда мнѣ такъ нравилось въ немъ, потому что я чувствовала, что это смотреть человѣкъ, сознающій за собою право и власть смотрѣть на меня съ такимъ выраженіемъ. Въ настоящую минуту это меня нѣсколько ободрило.

— Сжечь корабли и быть счастливой, — раздумчиво повторила я его слова. — Хорошо, еслибы это отъ одной меня зависѣло...

— А то отъ кого же еще? — спросила онъ съ отгѣнкомъ нѣкотораго удивленія.

— Полагаю, и отъ него тоже. Этого еще недостаточно, если только одна я люблю, — надо знать, любитъ ли онъ меня.

— А развѣ вы этого не знаете? — выразительно проговорилъ графъ, какъ бы подчеркивая каждое слово.

— Не знаю... или, по крайней мѣрѣ, сильно сомнѣваюсь

— Почему такъ? — спросилъ онъ съ особенною живостію.

— Потому что, говорятъ, онъ любитъ другую...

— Хм!.. «говорятъ»! — раздумчиво усмѣхнулся онъ и не безъ укоризны слегка покачалъ на меня головою. — Мало ли что «говорятъ» на свѣтѣ и въ особенности въ такихъ скверныхъ городишкахъ, какъ нашъ Украинскъ!.. И неужели же на одномъ только этомъ «говорятъ» вы основали всѣ ваши сомнѣнія? Развѣ вы сами не могли бы удостовѣриться, правда ли то, что «говорятъ», разъ что вы любите?

«Я возразила ему на это, что, напротивъ, пыталась удостовѣриться, и даже неоднократно.

— Вотъ!.. Ну и что же?

— Признаться, ничего особеннаго не замѣчала, — въ обществѣ, по крайней мѣрѣ.

— Вотъ то-то же и есть!.. А «говорятъ»!.. У насъ достаточно на двухъ вечерахъ протанцовать мазурку съ одной и тою же особой, чтобы сейчасъ уже и заговорили. Нѣтъ, бросьте вы это пошлое «говорятъ» и не вѣрьте больше ничему подобному! — горячо и дружески проговорилъ онъ самымъ искреннимъ, убѣждающимъ тономъ.

«Каждый про-себя, мы оба отлично понимали, о комъ идетъ рѣчь и — слава Богу — я изъ его собственныхъ устъ услышала и окончательно убѣдилась теперь, что это неправда, — то, что «говорятъ» насчетъ его и Ольги.

— Любить ли онъ васъ, говорите вы, — продолжалъ графъ, возвращаясь къ прежней темѣ; — но Боже мой, развѣ такъ трудно вамъ самой въ этомъ убѣдиться!.. Знаете пословицу: «сердце сердцу вѣсть подаетъ». Если сердце ваше подсказываетъ вамъ, что онъ любитъ, — значитъ, любитъ. Тутъ и словъ не нужно.

«Я посмотрѣла на него долгимъ благодарнымъ взглядомъ и молча протянула ему для пожатія свою руку.

— А чтобы сжечь корабли, — продолжалъ онъ, — вы лучше провѣрьте напередъ сами себя, на столько ли серьезно сами-то вы любите, чтобы рѣшиться на такой подвигъ, — и если да, и если притомъ вы вѣрите въ этого человѣка, въ его честность, въ его намѣренія, тогда сжигайте смѣло! Вѣдь счастья въ жизни такъ немного, и оно такъ рѣдко дается...

«Къ крайней досадѣ моей, нашъ разговоръ на этомъ былъ прерванъ *рара*-Санковскимъ, пришедшимъ, съ колодой картъ въ рукахъ, звать графа на партію въ «ералашъ».

* * *

«... Провѣрить самой себя, настолько ли сама люблю его. — О, да! Я его люблю, и послѣ вчерашняго разговора это для меня выяснилось окончательно.

«Да, я люблю его.

«Но какъ это случилось?..

«На сколько помню, съ самаго начала, по

возвращенія изъ-за границы, меня подзадорило то, что всѣ говорятъ о немъ, а между тѣмъ я его не знаю, и онъ, живя уже почти два года въ Украинскѣ, повидимому, ни разу не заинтересовался мною. Вѣдь обратилъ же онъ вниманіе на Ольгу еще тогда, на Мон-Симоншиномъ праздникѣ. Отчего-жъ не на меня?.. Ну, положимъ, въ то время, какъ новый еще человѣкъ, онъ могъ и не замѣтить меня, только что выпущенную гимназистку. Положимъ, я вслѣдъ за тѣмъ долго была въ отсутствіи, — ну, а по возвращеніи?.. Неужели же я такая уже ничтожность, что и вниманія его не заслуживаю? Отчего же Ольга...

«Да, вотъ этотъ вопросъ объ Ольгѣ подзадорилъ меня еще болѣе. Чтѣ дѣлать, — надо сознаться, что по отношенію къ ней, у меня всегда было чувство нѣкоторой зависти, хотя я и любила ее отъ всей души. А какъ дошли до меня эти слухи, будто Каржолъ «ухаживаетъ» за нею, это нехорошее чувство получило во мнѣ еще болѣе опредѣленную, болѣе осязательную форму. «Господи!» думалось мнѣ. «Да за что же все это ей да ей? Отчего же не другимъ, не мнѣ, напримеръ? Развѣ я хуже?» — И я старалась умять этого Каржолъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, относясь къ нему нѣсколько проницательно и даже не безъ нѣкоторой скрытой враждебности, совершенно, впрочемъ, безпричинной, если не считать за достаточную причину то самое побужденіе, которое заставляетъ Крыловскую лислицу находить высоко-висящій виноградъ зеленымъ. Но все это было такъ лишь до первой съ нимъ встрѣчи, до перваго знакомства, когда онъ подарилъ меня особеннымъ своимъ вниманіемъ и когда я убѣдилась, что это вовсе не такой пустой фатъ, какимъ я его почему-то себѣ представляла. Онъ мнѣ понравился своею изысканною простотой, своимъ умѣніемъ быть всегда интереснымъ въ разговорѣ, своею непринужденностью и, вмѣстѣ съ тѣмъ, этою сдержанностью, этимъ приличіемъ высшей пробы, которое знаетъ себѣ цѣну и дается, какъ мнѣ кажется, только рожденіемъ и съ дѣтства воспитанною привычкою къ хорошему обществу. Не скрою, вниманіе его съ перваго же раза очень польстило моему самолюбію, и я изъ этого заключила, что, стало-быть, я если не лучше, то по крайней мѣрѣ не хуже другихъ, не хуже Ольги, и если она «ухаживаетъ» за нею, то по отношенію ко мнѣ это пошлое слово къ нему не примѣнимо. И это мнѣ нравилось.

«Нѣсколько встрѣчъ въ обществѣ, нѣсколько вечеровъ, проведенныхъ вмѣстѣ, въ кругу нашихъ общихъ друзей, нѣсколько случайныхъ, но выходящихъ изъ сферы обыкновенной свѣтской болтовни, интересныхъ разговоровъ, нѣкоторое сходство во взглядахъ,

во вкусахъ, а главное, это — постоянное его вниманіе ко мнѣ въ скромныхъ предѣлахъ строгаго приличія, и это умѣнье смотрѣть на меня порою, когда можно, безмолвно говорящимъ и только мнѣ одной понятнымъ взглядомъ, — всего этого было достаточно, чтобы я, оставшаяся до сихъ поръ совершенно равнодушною ко всякимъ ухаживаньямъ за мною, вдругъ, незамѣтно для самой себя, поддалась увлеченію этимъ красивымъ, умнымъ, блестяще свѣтскимъ и родовитымъ человѣкомъ. Я замѣчала, что онъ ищетъ встрѣтъ со мною, и я сама искала ихъ и чувствовала, что намъ хорошо вмѣстѣ. Чтѣ изъ этого выйдетъ, — въ то время я еще не задавала себѣ вопроса. Мнѣ просто было хорошо, и я внутри самой себя наслаждалась этимъ состояніемъ, не пытаясь проникнуть глубже въ свое сердце и далѣе въ будущее. Такъ продолжалось до того вечера, когда онъ поставилъ мнѣ вопросъ — что бы я сдѣлала, «если бы имѣла несчастіе» полюбить христіанина. При этомъ вопросѣ, представленіе о «христіанинѣ» какъ-то неволью, само собою, тотчасъ же слилось во мнѣ съ представленіемъ о самомъ графѣ Каржолѣ, и съ тѣхъ поръ его образъ сталъ у меня неотдѣлимъ отъ его вопроса. «Что бы я сдѣлала, еслибы полюбила его?» — вотъ какую форму принялъ тогда же данный вопросъ въ моемъ сознаніи. Но когда онъ далъ мнѣ Евангеліе, и я съ жадностью, какъ запретный плодъ, поглотила его въ двѣ безсонныя ночи, и когда эта книга озарила меня новымъ, невѣдомымъ дотошъ свѣтомъ, — вотъ когда почувствовала я, что этотъ человѣкъ становится дорогъ мнѣ не за свои только внѣшнія качества, какъ казалось мнѣ до этого, а за то, что, давши мнѣ эту книгу, онъ открылъ для меня новый нравственный міръ, который поднималъ меня на высоту такихъ идеаловъ, до какихъ никогда бы не добрался мнѣ ни съ помощью современныхъ ученій, ни даже съ помощью тѣхъ чудесъ христіанскаго искусства, какими я наслаждалась въ Италіи, потому что она могла развивать только мой вкусъ, но оставались для меня мертвы со стороны духа, вдохновляющаго ихъ создателей, и только теперь я уразумѣла, что всѣ эти великія произведенія могли быть созданы лишь силою вѣры, силою христіанскихъ идеаловъ. Послѣ Евангелія, все это озарилось для меня совсѣмъ инымъ свѣтомъ, какъ и многое изъ того, чему я училась раньше, и я поняла, наконецъ, чтѣмъ обязано человѣчество идеямъ христіанства.

«Хотѣлъ ли онъ этого, или не хотѣлъ, — не знаю; но во всякомъ случаѣ, этимъ внутреннимъ своимъ перерожденіемъ я ему обязана. Правда, оно заставило меня подвергнуть безпощадному анализу то, на чемъ я воспиталась, — наше еврейство, нашу Тору, нашу Би-

блѣдскую исторію,—оно сдѣлалось для меня источникомъ величайшей нравственной пытки,—пытка раздвоенія внутри самой себя и полного разлада не только съ міромъ прежнихъ вѣрованій, но и съ окружающею меня средою, съ домашней жизнью, съ моими родными, съ которыми послѣ этого у меня не разъ уже выходятъ легкія стычки и пререканія изъ-за разныхъ мелочныхъ обрядовыхъ формальностей. Это меня очень огорчаетъ, и хотя я всячески стараюсь избѣгать такихъ столкновеній, но тѣмъ не менѣе они все-таки навертываются чуть не на каждомъ шагу, почти невольно, сами собою, и не столько съ дѣдомъ, сколько съ бабушкой Саррой. Все это тяжело, но зато и искупается все это сторицею моимъ чувствомъ къ нему.

«Вчера онъ задалъ мнѣ вопросъ, — на столько ли сама я люблю, чтобы рѣшиться сжечь свои корабли? Провѣривъ теперь самую себя, отвѣчаю смѣло: да, *и столько*. Да, я люблю его, и если онъ тоже любитъ меня, я горжусь его любовью, я счастлива ею.

«Но какъ сказать ему объ этомъ, какъ признаться?.. И что, если съ его стороны я не встрѣчу такого же отвѣта?..»

* * *

...«Въ четвергъ, на страстной недѣлѣ, я случайно встрѣтилась съ графомъ на бульварѣ, и онъ остановился на минутку, перемолвиться парю словъ со мною. Я сказала ему, что никогда еще не видѣла какъ русскіе празднуютъ ночь Свѣтлаго Воскресенія и поэтому непременно хочу отправиться въ ограду собора посмотрѣть. Онъ сказалъ, что тоже будетъ у заутрени и непременно постарается отыскать меня. «Будьте—говорить—въ соборномъ скверѣ, въ правомъ углу и ждите меня». Я общала, и мы разстались.

«Русская Пасха въ этомъ году приходится на 4-е апрѣля, а дни установленія совсѣмъ весенніе еще съ Вербной недѣли. Съ томительнымъ нетерпѣніемъ, въ ожиданіи условленной встрѣчи, переживала я эти трое сутокъ первыхъ апрѣльскихъ чиселъ, и никогда еще обрядовый обиходъ нашего шабаша не казался мнѣ такъ досадно скученъ и длиненъ, какъ въ этотъ разъ. Но, слава Богу, наконецъ-то додумалась я кое-какъ до того момента, когда послѣ *шулесь-сидесь*, дѣдушка зажжетъ обычныя благовонія и разсмотрѣлъ свои ногти при свѣтѣ *гавдуле-лихт*, и всѣ домашніе передоровались между собой «а *гитѣ вохъ*»¹⁾. Вставъ изъ-за стола, я поти-

хоньку предложила Айзику прогулку къ собору, чтобы посмотрѣть на русскую Пасху. Айзикъ охотно согласился быть моимъ кавалеромъ, и мы условились, что послѣ того какъ наши улягутся спать, онъ будетъ ожидать меня въ саду, подъ окномъ моей комнаты, а я спрыгну къ нему въ окно, и мы отправимся черезъ садовую калитку, чтобы никто не зналъ о нашей ночной экскурсіи, такъ какъ вначѣ бабушка ни за что бы насъ не отпустила, почитая грѣхомъ не то что смотрѣть на *авойде-элимъ*, но и находиться даже, безъ крайней надобности, въблизи *бейсь-гоимъ*¹⁾. Какъ мы условились, такъ все и

обряду *гавдуле*, знаменующему собою отдѣленіе субботы отъ будней. Гавдуле, какъ и пятничный обрядъ *кидуша* (въ началѣ шабаша), совершается надъ чашею вина или водки, и заключается въ произнесеніи молитвы, славословящей Іегову за то, что Онъ отдѣлилъ святые праздники отъ будней, свѣтъ отъ тьмы и Израиля отъ всѣхъ остальныхъ народовъ. При совершеніи гавдуле, зажигаютъ одну восковую свѣчу, сшитенную изъ трехъ тонкихъ свѣчекъ и приговариваютъ небольшою металлической или серебряной посудѣ, наполненной благовонными веществами. Вино или водку наливаютъ въ чашу не иначе, какъ черезъ край, пока не прольется на столъ, въ знакъ того, что изобиліе должно царствовать въ домѣ семъ во всю недѣлю. Глава семейства произноситъ вышеупомянутую молитву на-распѣвъ, громкимъ, но плаксивымъ голосомъ, послѣ чего прикладываетъ ногти обѣихъ рукъ къ гавдуле-лихт и произноситъ молитву благословенія Бога за то, что Онъ создалъ свѣтъ огня, затѣмъ—молитву благословенія за созданіе благовонныхъ маселъ, причемъ беретъ въ руки вышеказанный сосудъ и нюхаетъ изъ него ароматы и, наконецъ, зажигаетъ пролитую на столъ водку или коньякъ. Въ то время, какъ спиртуозная жидкость загорится, хозяинъ обмакиваетъ въ нее свои мизинцы и обводитъ ими вокругъ глазъ, что повторяютъ за нимъ и всѣ домашніе. Послѣ этого, всѣ присутствующіе здороваются съ хозяиномъ и между собою, словами «а гитѣ вохъ! а гитѣ вохъ!» т. е. на добрую недѣлю. Талмудическіе мудрецы установили обыкновеніе нюхать ароматы при окончаніи шабаша для того, чтобы укрѣпить духовною пищею душу, грустящую о кончащемся праздникѣ и объ отходящей *нишуме исоиде*, добавочной душѣ, отпускаемой еврею свыше на дни праздниковъ и субботъ, которая по сему и называется «удвоющимъ душу». Слѣдуетъ поэтому утѣшать и развеселить скучающую душу благовоніями. Молитва надъ гавдуле-лихтъ устанавливается въ память того, что свѣтъ огня созданъ въ ночь при окончаніи перваго на землѣ шабаша такимъ образомъ: Адамъ взялъ два камня, ударилъ ими одинъ о другой, и явился огонь (Талмудъ, трактатъ Бру хесъ). Присмотрѣться же къ ногтямъ при обрядѣ гавдуле слѣдуетъ, во-первыхъ, для того, чтобы почувствовать удовольствіе свѣта, а во-вторыхъ, различить разницу между ногтемъ и тѣломъ и, кромѣ того, еще потому, что ногти суть символъ благословенія, такъ какъ они постоянно растутъ (Орахъ-Хаймъ).

¹⁾ Авойде-элимъ — идолослуженіе, бейсь-гоимъ—домъ нечистыхъ, христіанскій храмъ.

¹⁾ *Шулесь-сидесь*, или *шолесь-сидесь* называется третья (послѣдняя) субботняя трапеза, состоящая, по большей части, изъ остатковъ отъ предшествовавшихъ шабашовыхъ трапезъ, но зато обильная субботними пѣснями и славословіями. Пѣніе продолжается до сумерокъ, послѣ чего читаютъ вечернюю молитву и переходятъ къ

устроилось отличнѣйшимъ образомъ: насъ не замѣтилъ никто изъ домашнихъ.

«Ночь была дивная, теплая, въ воздухѣ ни малѣйшаго колебания, въ глубокомъ темно-синемъ небѣ—ни облачка, и звѣзды горѣли ярко. Въ садахъ зацвѣтали яблони, черешни и сливы, и стояли осыпанные бѣлыми цвѣтами, точно свѣтомъ. Запахъ смолистаго тополя мѣшался съ тонкимъ ароматомъ фіалокъ и молодой полыни. Соловьи уже прилетѣли въ наши мѣста и громко, съ разныхъ концовъ, вблизи и вдали, оглашали чуткій воздухъ своими первыми весенними пѣснями. Все это дышало какою-то таинственною торжественностью и вмѣстѣ съ тѣмъ южною нѣгой,—и на душѣ у меня испытывалось чувство весенней истоми, доходившее порой до замиранія сердца. И вотъ, мы наконецъ у собора. По сторонамъ главнаго проѣзда пылаютъ плашки, на площадкѣ, окружающей самую церковь, стоятъ, въ ожиданіи начала службы, массы одѣтаго по-праздничному народа; тутъ же расположились подъ стѣнами тѣсные ряды подносовъ и корытъ съ куличами, пасхами и крашенинами яйцами. Въ скверѣ тоже оченьлюдно, но крайнія боковыя дорожки его пустыны. Я нарочно прошла по нимъ предварительно, вмѣстѣ съ Айзикомъ, чтобы заранѣе, про-себя, ознакомиться съ мѣстомъ ожидаемой встрѣчи, и послѣ этого мы съ нимъ вернулись опять къ толпѣ. Экипажи, одинъ за другимъ, то и дѣло подѣвзжали къ илюминированнымъ воротамъ сквера, выпускаая парадныхъ, въ бѣломъ, дамъ и мужчинъ въ полной парадной формѣ.

«Ждать намъ пришлось недолго. Ровно въ полночь взвилась ракета и разсыпалась въ темной вышинѣ дождемъ огненной пыли. Въ толпѣ, стоявшей вокругъ собора, тотчасъ же запылала у кого-то восковая свѣчка, за ней другая, третья, еще и еще, а затѣмъ, не прошло и минуты, какъ вся площадка озарилась множествомъ маленькихъ мигающихъ огоньковъ. Надъ куличами и пасхами тоже зажглись цѣлыя вереницы восковыхъ свѣчекъ, — и надъ толпой, какъ бы вынырнувъ изъ-подъ темныхъ дверей храма, вдругъ поднялись и заколыхались длинныя хоругви, засіялъ большой крестъ въ золотыхъ лучахъ, на паперти засеребрились свѣтлыя ризы духовенства, сверкнула камнями и золотомъ блестящая митра, — и крестный ходъ, сопровождаемый безчисленнымъ множествомъ сияющихъ и колеблющихся огненныхъ точекъ, словно огненный потокъ, двинулся вокругъ бѣлаго собора, на озаренныхъ стѣнахъ котораго заходили большія, неясныя тѣни креста и хоругвей, и обнаженныхъ головъ человѣческихъ. Торжественный звонъ колоколовъ раздался съ высоты опоясанной огнями колокольни и, казалось, точно бы несется онъ съ высоты темнаго звѣзднаго неба.

Пѣли что-то такое,—не знаю что... Но вотъ, обойдя вокругъ собора, хоругви опять появились предъ запертыми дверями; огненный потокъ остановился. Прошла еще минута, и вдругъ большія, почти совсѣмъ темныя доселѣ, окна храма мгновенно озарились изнутри яркимъ свѣтомъ; въ широко распахнувшіяся двери тоже хлынулъ оттуда свѣтъ, игравшій среди храма множествомъ сверкающихъ алмазовъ на хрустальной люстрѣ,—и вся площадь разомъ огласилась торжественно-радостнымъ гимномъ «Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ». Я не знаю, что сдѣлалось тутъ со мною,—я рванулась отъ Айзика впередъ, въ толпу и въ ней затерялась. Въ эту минуту мнѣ такъ хотѣлось принадлежать къ ней, къ этому ликующему народу...

«Въ груди точно струны какія-то дрожали, и закипали слезы восторга.

«Опустившіяся хоругви скрылись въ дверяхъ, и вслѣдъ за ними огненный потокъ пошелъ внутрь храма. Меня подхватила волна толпы и повесла къ паперти. Я отдалась этому теченію и была рада, что чѣмъ дальше несется оно меня, тѣмъ больше отдаляюсь я отъ Айзика. Но вотъ толпа остановилась: церкви была уже переполнена и дальше двигаться некуда. Я очутилась передъ папертью и нѣсколько минутъ не могла ступить ни вправо, ни влѣво, ни податься назадъ. Но, спустя нѣкоторое время, стало посвободнѣе, и я, хотя и съ большимъ трудомъ, все же успѣла кое-какъ протиснуться сквозь толпу на просторъ и тотчасъ же скользнула съ площадки въ сторону, къ боковой дорожкѣ, и съ замирающимъ сердцемъ пошла къ условленному мѣсту.

«Я почти задыхалась отъ волненія и раза два должна была останавливаться, чтобы перевести духъ и осмотрѣться. Здѣсь уже не было никого, а отъ густыхъ кустовъ сирени и акаціи на дорожкѣ казалось еще темнѣе, послѣ освѣщенной площадки. Колокола умолкли. Съ одной стороны доносились изъ церкви свѣтлыя звуки пасхальныхъ напѣвовъ, съ другой—соловьи рокотали. И вновь прихлынуло ко мнѣ захватывающее чувство только-что испытаннаго мною восторга и, подъ обаяніемъ его, не помню какъ, очутилась я въ правомъ углу сквера. Онъ уже ждалъ меня и быстро пошелъ навстрѣчу. Я не столько узнала глазами, сколько сердцемъ почувала, что это онъ, и быстро побѣжала къ нему.

— Христосъ воскресъ!—вырвалось у меня изъ сердца и, вѣв себя отъ счастья, я бросилась ему на шею.

«Что говорили мы затѣмъ — не помню, не знаю. Это былъ какой-то прерывистый отъ страха и отъ волненія лепетъ любви, восторга, счастья, лепетъ первыхъ признаній, первыхъ поцѣлуевъ, первыхъ обѣщаній... Очутилась я отъ этого сладко-одуряющаго упоенія лишь

тогда, когда вдали отъ насъ, по всей площадкѣ, точно внезапный порывъ бурнаго вѣтра, пробѣжалъ троскратный гулъ отвѣтнаго возгласа: «Во истину воскресе!» Я бы всю ночь не ушла отсюда, отъ этого лепета, отъ этихъ соловьевъ и пасхальныхъ аккордовъ вдали, отъ этой мягкой, темно-синей ночи и аромата цвѣтущихъ деревьевъ, но Айзикъ... Гдѣ этотъ Айзикъ?.. Что онъ теперь думаетъ? Онъ вѣрно ищетъ меня и безпокоится... Что я скажу ему, какъ объясню свое долгое отсутствіе?.. Пора домой, — вадю отыскать Айзика. Я пошла по крайней аллеѣ, графъ — въ двухъ шагахъ за мною, и... каково же было мое смущеніе, когда на самомъ выходѣ изъ аллеи къ освѣщенному проѣзду столкнулась лицомъ къ лицу съ Айзикомъ. Онъ ступилъ шагъ навстрѣчу, пристально взглянулъ мнѣ въ лицо, затѣмъ глянулъ мимо меня впередъ и, кажется, узналъ графа. По крайней мѣрѣ, лицо у него вдругъ сдѣлалось злое и сумрачное.

— Айзикъ, куда это вы пропади?.. — проговорила я, притворяясь недовольною и подавая ему руку. — Цѣлый часъ хожу и ищу васъ!.. Это ни на что не похоже!.. Какъ это вы отъ меня отбились и бросили одну?.. Развѣ это можно!.. Давайте вашу руку и пойдемъ скорѣй домой, ужъ поздно.

«Но онъ сдѣлалъ видъ, будто и не слышитъ моихъ упрековъ и, молча подавъ мнѣ руку, всю дорогу не проронилъ ни одного слова. Очевидно, онъ догадывается»...

XXI.

Не выгораетъ.

Разставившись съ Іонаваномъ-ламданомъ, господинъ Горизонтовъ позабылъ даже объ обѣдѣ, ожидавшемъ его въ другой комнатѣ, и озабоченно зашагалъ изъ угла въ уголъ, обкусывая себѣ ногти. Свиданіе съ Бендавидовскимъ «пленилотентомъ» привело его въ нервное состояніе, и потому онъ болѣе обыкновеннаго подавался теперь непроизвольнымъ движеніямъ своего безсознательнаго тика: то и дѣло хватался рогулькой изъ двухъ пальцевъ поправлять на носу очки и «мазидъ» при этомъ въ стороны косившимися глазами, выдѣлывая ротомъ какую-то невозможную гримасу.

«Да неужто же никакъ нельзя поправить?!» гвоздила его все одна и та же досадная мысль. «Чортъ возьми!.. Подумаешь, такіе деньги, и вдругъ легче легкаго могли бы теперь лежать въ карманѣ, кабы не торопливость дурацкая... Вотъ дура-то!» ругалъ онъ самого себя. «Вотъ болванисимусъ! Такого маху дать... И изъ-за пустяка-то какого?»

И въ самомъ дѣлѣ, попридержавъ только Горизонтовъ бумагу къ Серафимѣ хотя бы до вечера, все разрышилось бы какъ нельзя проща.

Бумагу можно бы было и вовсе не отправлять, предъ Каржолемъ отговориться несогласіемъ владыки, деньги благороднымъ манеромъ возвратить ему, а владыкѣ завтра доложить, что, по выяснившимся обстоятельствамъ, все дѣло и самое участіе въ немъ Каржолѣ представляется совсѣмъ въ яномъ свѣтѣ; даже самой игуменьѣ можно бы было понудить возвратить дѣвчонку роднымъ, дать ей на этотъ счетъ самое строгое формальное предписаніе. Да, все это весьма было бы возможно, и такъ легко, такъ просто. А теперь... Что теперь подѣлаешь?!.. Но нѣтъ, какъ ни какъ, а поправить промахъ надо. Главное, бумагу бы только выпарпать назадъ; остальное же все пустяки, остальное все можно перевернуть по-своему.

— Митрофанъ Миколаичъ, шти-то ужъ со всѣмъ почитай простымиши, — напомнила ему объ обѣдѣ высунувшаяся въ дверь стряпуха.

Это нечаянное напоминаніе вернуло его изъ сферы досадливыхъ размышленій къ повседневной дѣйствительности, и ему вдругъ стало ужасно досадно — Богъ-вѣсть съ чего и за что, но досадно такъ, что своими руками готовъ былъ избить эту толстую дурацку. Однако не избилъ, а удовольствовался тѣмъ, что ни за что ни про что ругательски изругалъ ее, лишь бы на комъ-нибудь зло сорвать. Впрочемъ, за столъ все-таки сѣлъ и обычный «опрокидонть» учинилъ, «вовзникъ» въ себя рюмку «очищенной», и хотя ѣлъ со всегдашнимъ своимъ чванльемъ и пмоктаньемъ, но совсѣмъ безъ удовольствія, наскоро и съ досадой, все швыряя отъ себя и на все фыркая, потому что въ головѣ неотступно вертѣлась все та же проклятая мысль о Бендавидовскихъ трехъ тысячахъ и Каржолевской сторублевкѣ, на которую онъ, болванъ изъ болвановъ, похлестился какъ Исаѣя на чечевичную похлебку. Попадись ему въ эту минуту Каржоль, да онъ бы, кажись, всѣ глаза ему пролепелъ. Этакъ вдругъ подвести чело-вѣка самымъ безсовѣстнымъ образомъ, да это чортъ знаетъ что за подлость! Этому имени нѣтъ! И дернула же его нелегкая связаться съ такимъ прощальгой, съ аристократишкой! Не видѣлъ онъ, что-ли, съ кѣмъ имѣетъ дѣло! Да и какъ это затменіе такое на него вдругъ нашло! Какъ было не догадаться, что не оставятъ же жиды этого дѣла безъ того, чтобы не придти къ нему понохатъ, нельзя ли какъ поправить его?!. Такъ нѣтъ же, радужная всѣ мозги отшибла! — «Богу-де на масло, братъ! консистерской на молитву!» — безкорыстіемъ, вишь, щегольнуть захотѣлось... Но досадило всего было Горизонтову то, что, сознавая необходимость поправить это дѣло какъ можно скорѣе, онъ никакъ не могъ еще придумать, какими бы способомъ половить это сдѣлать.

— Э, была не была! — махнулъ онъ поспѣ объда рукой и, противъ обыкновенія, не ложась соснуть, угрюмо надвинулъ до бровей

свою мягкую полярковую шляпу и отправился пѣшкомъ въ женскую обитель.—По дорогѣ, на вольномъ воздухѣ, онъ авось-либо придумаетъ подходящий способъ дѣйствія. Надо поторопиться, пока тамъ не ударили ко всенощной.

Быль въ исходѣ пятый часъ дня, когда келейница Наталья доложила «матушкѣ» о приходѣ консисторскаго секретаря,—очень-де просятъ принять, потому, какъ имъ по очень важному дѣлу.

Внутреннее чувство почти инстинктивно подсказало Серафимѣ, что этотъ необычный въ такую пору визитъ не къ добру—вѣроятно, каверза какая-нибудь затѣвается, но, уловивъ на свою твердость и сдержанность, она приготовилась въ душѣ ко всему худшему и приказала просить господина Горизонтова.

Горизонтовъ вошелъ очень скромно, съ нѣкоторымъ почтительнымъ согбеніемъ шеи и даже съ любезною улыбкой на безцвѣтныхъ, тонко растянутыхъ губахъ. Чтѣ до почтительности, то онъ вообще не баловалъ ею духовныхъ особъ, сознавая, что онъ и самъ, въ нѣкоторомъ родѣ, если и не «особа», то «сила», ворочающая не только консисторскими дѣлами, но подѣ-часъ и самимъ владыкой. Въ качествѣ консисторской «силы», онъ, напротивъ, привыкъ, чтобы епархіальное духовенство ему оказывало извѣстное почтеніе; но тутъ секретарь понималъ, что любезность и почтительность съ его стороны не будутъ излишни, дабы тѣмъ легче расположить игуменью къ уступчивости.

Серафима предложила ему садиться и, сѣвъ сама на диванъ, повернувшись къ нему съ тѣмъ вопросительно-ожидающимъ видомъ, съ какимъ обыкновенно изъясняется молчаливая готовность выслушать дѣловую просьбу или заявленіе отъ человѣка, съ которымъ желаютъ остаться на нѣсколько официальной ногѣ.

— Мы тутъ къ вамъ... нынче... одну бумажку отправили, — мягко началъ секретарь, нѣсколько пожевывая и заминаясь. — Изволили получить?

— Получила, — слегка кивнула ему головой Серафима, продолжая глядѣть на него все съ тѣмъ же вопросительно-ожидающимъ выраженіемъ.

— Оказывается, мы нѣсколько поторопились... Тутъ, изволяете ли видѣть, открываются нѣкоторыя обстоятельства, совсѣмъ измѣняющія дѣло... Оно тутъ совсѣмъ даже въ другомъ свѣтѣ выходитъ...

— Какія обстоятельства? — спросила игуменья, не выходя изъ своей нѣсколько официальной сдержанности.

— Да видите ли, прежде всего-съ, эта дѣвица Бендавидъ оказывается несовершеннолѣтнею... значитъ, дѣйствуетъ не съ полнымъ разуміемъ... Да и участіе къ ней нѣкто-

рыхъ особъ, вамъ извѣстныхъ, далеко не безкорыстно... Ее просто сбили съ толку, вскружили голову, чтобы воспользоваться ея состояніемъ... Тутъ деньга-съ, вотъ чтѣ! И на насъ съ вами можетъ пасть очень даже нехорошая тѣнь: насъ просто могутъ обвинить въ пособничествѣ.

Игуменья вспомнила свой давешній разговоръ съ Тамарой и, на основаніи его, возразила Горизонтову, что чтѣ до денегъ, то можетъ смѣло увѣрить его въ совершенной неосновательности такого предположенія: сама-де Тамара сказала ей, что, съ переходомъ въ христіанство, она лишается всего—и наслѣдства, и всѣхъ своихъ собственныхъ средствъ—и, тѣмъ не менѣе, это ее не останавливаетъ, она знаетъ на чтѣ идетъ и чтѣ теряетъ, а потому и у тѣхъ людей, которые будто бы «вскружили ей голову», едва-ли есть какіе-либо расчеты на ея состояніе,—не могутъ же они не знать объ этомъ!

— Ну, это еще, знаете, темна вода во облацѣхъ, — недоувѣрчиво усмѣхнулся секретарь, — есть ли тамъ какіе расчеты, нѣтъ ли—судить мудрено, въ чужую душу не заплывешь... Да и не о томъ собственно рѣчь, — продолжалъ онъ. — Я, главное, забочусь, какъ бы на насъ-то съ вами тѣни какой не пало... тѣмъ болѣе, что никакого внутренняго убѣжденія у этой дѣвочки нѣтъ, да и быть не можетъ,—одно только пустое увлеченіе.

— Я говорила съ ней, — возразила ему игуменья; — я спрашивала ее насчетъ ея побужденій, и могу увѣрить васъ, что и въ этомъ вы точно такъ-же ошибаетесь. Напротивъ, тутъ именно внутреннее убѣжденіе, и такое глубокое, такое христіанское убѣжденіе, какого я даже и не ожидала.

— Хорошо-съ, но вѣдь родные ея поднимутъ скандалъ, они—я знаю—этого дѣла такъ не оставятъ...

— А потому? — проговорила Серафима, какъ бы приглашая этимъ вопросомъ замывшагося секретаря не стѣсняться и договаривать свою мысль до конца. Въ тонѣ его послѣднихъ словъ ей слишкомъ явно сказалось намѣреніе запугать ее, подѣ-видомъ дружескаго предупрежденія.

— А потому, — подхватывалъ Горизонтовъ, — мое мнѣніе, лучше не доводить до скандала.

— То есть, что же?

— Да просто умыть себѣ руки—возвратить ее роднымъ... Достигнетъ совершеннолѣтія, тогда пускай-себѣ и дѣлаетъ, что хочетъ.

— Объ этомъ вамъ слѣдовало подумать раньше, до присылки мнѣ бумаги, — вѣско замѣтила ему Серафима.

— Да, но... раньше намъ, къ сожалѣнію, не были извѣстны всѣ обстоятельства.

— Да вы откуда же ихъ узнали, эти обстоятельства, и почему вы думаете, что они

справедливы, когда я вам дала уже, кажется, достаточно доводов, что это не так?

Припертый такимъ вопросомъ, что называется, къ стѣнѣ, Горизонтовъ замаялся еще больше.

— Такъ говорятъ... такъ слышно,—неопредѣленно промолвила онъ, пожавъ плечами.

— Хм... «говорятъ»... этого еще слишкомъ недостаточно,—слегка усмѣхнулась Серафима.— Надо знать *кто* говоритъ?

— Говорятъ ея родные,—поправился Горизонтовъ, — родные, которымъ это дѣло, полагаю, ближе всего извѣстно.

— А вы говорили съ ними? Вамъ самимъ она это высказывала?

Снова припертый къ стѣнѣ, Горизонтовъ, при всей своей привычкѣ къ беззащитному обхожденію съ духовными лицами, даже сконфузился,—на сколько это было для него возможно. Онъ не зналъ, какъ отвѣтить на послѣдній вопросъ, предлагаемый, какъ показалось ему, съ какою-то особенною цѣлью: признать ли, что самъ лично слышалъ это отъ Бендавидовскаго «пленнотента», или отдѣлаться опять какою-нибудь неопредѣленностью? Признаться—значить дать подозрѣніе (а она, кажись, ужъ и такъ подозрѣваетъ), что онъ тутъ въ стачкѣ и потому-де сталъ вдругъ тянуть руку евреевъ. Конечно, подозрѣваетъ, иначе, къ чему бы эти настойчивые вопросы!.. Нѣтъ, ужъ лучше не признаваться.

Между тѣмъ, отъ проницательнаго взгляда монахини не скрылось это внутреннее колебаніе Горизонтова, и она приняла его къ свѣдѣнію.

— Я такъ слышала,—уклончиво вильнула онъ отъ прямого отвѣта,—но слышала отъ людей, которые могутъ знать все это дѣло довольно близко.

— Кто же именно эти люди?—съ выдержкой полного спокойствія, но настойчиво продолжала она допытывать.

— Это безразлично-съ. Вы все равно ихъ не знаете... Люди доброжелательные, повѣрьте.

— Нѣтъ, далеко не безразлично,—возразила Серафима.—Въ моемъ положеніи относительно этой дѣлушки нельзя принимать во вниманіе одни только темные слухи и анонимные разговоры. Но не въ томъ дѣло,—перебила она самой себя,—я желала бы знать, по какой собственно надобности вы ко мнѣ пожаловали?

— Да вотъ... насчетъ бумажки-съ, которую мы къ вамъ препроводили.

— Она получена, я уже вамъ сказала.

— То-то, что получена!—слегка хихикнул Горизонтовъ, опять принимая на себя, какъ вначалѣ, тонъ нѣсколько развязной любезности.—То-то и бѣда-съ!.. Надо бы вернуть ее обратно-съ.

— Это зачѣмъ?—удивленно подняла на него глаза Серафима.

— Владыко беспокоиться будутъ... Собственно, оно бы и ни къ чему, но... въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, о которыхъ я вамъ докладывала, владыкѣ, конечно, было бы пріятнѣе, еслибы онъ тутъ былъ въ сторонѣ... Ужъ вы, мать игуменья, будьте такъ добры, возвратите намъ эту бумажку!.. Это вѣдь собственно въ интересахъ владыки я прошу васъ...

— Странно... очень странно,—какъ бы про себя проговорила монахиня.—Всего часъ, какъ получили бумагу, и вдругъ назадъ. Владыко у насъ, кажется, пока еще не слабоуменъ и, надѣюсь, дастъ себѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ,—не зря же онъ, въ самомъ дѣлѣ, кладетъ свою подпись...

— Да, но тутъ, повторяю, эти обстоятельства, которыя часъ тому назадъ не были еще намъ извѣстны.

— Я уже вамъ сказала, что эти обстоятельства совершенный вздоръ, и я имѣю основанія не вѣрить имъ ни на волосъ,—убѣжденно подтвердила ему Серафима.—Полагаю, что и вы могли бы мнѣ повѣрить.

— Да, но владыко... началъ было Горизонтовъ и вдругъ зашнулся, какъ бы затрудняясь продолжать.

— Что же владыко? Онъ самъ послалъ васъ ко мнѣ?

Секретарь, въ затрудненіи потирая себѣ руки и потупивъ глаза, оставилъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, точно бы не дослышалъ.

— Признаюсь вамъ, все это кажется мнѣ очень страннымъ,—проговорила она послѣ нѣкотораго молчанія.—Здѣсь, очевидно, какое-то недоразумѣніе, по которому надо бы лично объясниться съ преосвященнымъ...

И подумавъ, она прибавила рѣшительно:

— Я сама поѣду къ нему.

Горизонтовъ встрепенулся и быстро поднялъ на нее глаза, какъ-будто даже съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Сама-съ?.. То-есть какъ же это?.. завтра послѣ литургіи?

— Зачѣмъ же завтра?—Сейчасъ.

— Да, но какъ же такъ?.. Надо бы предупредить... Преосвященный не совсѣмъ-то здоровъ, это можетъ его встревожить...

— Какая же тревога? Дѣло вѣдь ему извѣстно?

— Да, конечно, но не совсѣмъ... Владыко, собственно, пока еще не знаетъ про эти обстоятельства, о которыхъ я...

— Не знаетъ?—удивленно перебила его Серафима.—Тогда о чемъ же мы съ вами столько говорили?

— То-есть, видите ли,—пояснилъ Горизонтовъ, какъ бы оправдываясь и впадая даже въ нѣсколько минорный тонъ,—я прошу васъ собственно отъ себя, потому какъ мнѣ дорого, съ одной стороны, спокойствіе владыки, а съ

другой—и свое собственное служебное положение... Если владыко, не дай Богъ, прогнѣвается на меня, скажетъ «ты подвелъ меня», — что же, я, значить, послѣдняго куска хлѣба долженъ лишиться... Я человекъ бѣдный, подумайте... у меня въ Вологодской губерніи мать есть, старуха... Долженъ же я позаботиться... Вѣдь потому только и прошу... Ужъ будьте такъ снисходительны, благоволите возвратить!

— Но какъ же я могу возвратить?—въ недоумѣніи пожала она плечами.—Бумага официальная, за номеромъ; въ разсылной книгѣ вашей есть росписка въ ея полученіи, да и въ монастырскій входящій журналъ она занесена уже.

— Это ничего не значитъ, — съ живостию подхватилъ секретарь убѣжденнымъ тономъ знатока и доки.—Если вы только объ *этомъ* беспокоитесь, такъ повѣрьте, это пустяки—съ. Дѣло домашнее... Мы вамъ за тѣмъ же самымъ номеромъ завтра другую бумажку пришлемъ насчетъ того же предмета, только заднимъ числомъ и въ нѣсколько измѣненной редакціи... Вотъ и все—съ.

— То-есть, другими словами, вы предлагаете мнѣ быть участницей подлога,—холодно глядя въ упоръ на него, пояснила Серафима.

— За чѣмъ же—съ подлога!? Помилуйте, какъ можно! — захихикалъ онъ съ самымъ невиннымъ видомъ. — Какой же тутъ подлогъ! Дѣло, говорю, домашнее... Если бы еще съ другими какими-то сторонними вѣдомствомъ, а то у себя же... Смѣю васъ честно заверить, никакого тутъ подлога и тѣни нѣтъ, просто, исправленіе маленькаго промаха, и только. Дѣло самое чистое—съ.

— На этотъ счетъ позвольте мнѣ остаться при моемъ взглядѣ,—сдержанно и твердо отрѣзала ему Серафима.—Я смотрю на это какъ на подлогъ, и потому ни въ какомъ случаѣ бумагу не выдамъ.

Горизонтовъ даже позеленѣлъ отъ злости и нервно заерзалъ на стулѣ, тыча въ очки своею рогулей.

— Это очень странно—съ,—заговорилъ онъ пофыркивая.—Если вы видите тутъ мой личный расчетъ, такъ очень ошибаетесь... Лично мнѣ нѣтъ никакого интереса... я смѣю васъ увѣрить, мнѣ рѣшительно все равно. А если я хлопочу, такъ ради васъ же, изъ расположенія къ вамъ, чтобы обитель не компрометировать... Тутъ дѣло общее. Если, не дай Богъ, какой скандалъ,—на васъ же все обрушится, ваше же имя будетъ страдать...

— Позвольте,—остановила его игуменья.—Причемъ тутъ мое имя и что такое можетъ компрометировать обитель?

— Какъ что?!.—Да васъ прямо назовутъ участницей во всей этой грязной исторіи; скажутъ, что обитель все это изъ своекорыстныхъ цѣлей, чтобы воспользоваться состояніемъ этой

богатой дурочки, да и насъ съ владыкой приплетутъ... На чужой ротокъ не накинешь платокъ, а на еврейскій тѣмъ паче.

— Это меня не беспокоитъ, и никакой клеветы я не боюсь, разъ что моя совѣсть чиста передъ Богомъ,—возразила монахиня тономъ, исполненнымъ спокойнаго достоинства.

— Эхъ, матушка игуменья, да добро бы было изъ-за чего!—съ душевно убѣждающимъ видомъ принялся доказывать ей Горизонтовъ.—Если бы еще дѣвченка была дѣйствительно убѣждена, но тутъ этого нѣтъ... Ей-Богу, вы ошибаетесь!.. Не убѣжденіе, а блажь, одни фокусы, штуки амурныя... Роднымъ ужъ это, повѣрьте, лучше знать, чѣмъ вамъ съ вами... Да и что за корысть возиться вамъ съ нею?!. Пускай бы еще польза церкви какую могла она принести своими капиталами,—ну, это я еще понимаю. Но вы сами же говорите, что у нея ничего больше нѣтъ. Ужъ будемте говорить откровенно: если братъ вопросъ съ матеріальной стороны, такъ гораздо же выгоднѣе имѣть дѣло съ самимъ Бендавидомъ... Я вѣрнѣе вѣрнаго знаю, что старикъ готовъ пожертвовать вамъ на обитель—сколько хотите? — ну, десять, двадцать, тридцать тысячъ?.. Онъ не постоитъ за суммой, онъ дастъ, сейчасъ же дастъ, только возвратите ему внуку.

Этотъ доводъ, высказанный даже съ нѣкоторымъ азартомъ, былъ послѣднимъ козыремъ въ игрѣ Горизонтова, и онъ былъ увѣренъ въ душѣ, что перспектива такой выгодной сдѣлки непременно должна поколебать Серафиму. Но каково же было его удивленіе, когда вмѣсто ожидаемой податливости или, по крайней мѣрѣ, раздумья, онъ увидѣлъ, что монахиня, вся блѣдная отъ негодованія и боли нанесеннаго ей оскорбленія, поднялась со своего мѣста.

— Послѣ этихъ словъ,—сдержанно заговорила она, выпрямившись во весь ростъ и видимо подавляя въ себѣ взрывъ возмущеннаго чувства,—послѣ этихъ словъ, господинъ Горизонтовъ, намъ не о чемъ больше говорить съ вами. Прошу васъ удалиться отсюда.

— Это за что же—съ?—удивился опѣшенный секретарь, тоже вставая съ мѣста.—Я, кажется, не сказалъ вамъ ничего такого... О вашихъ же пользахъ радѣю... Мнѣ дорога только честь епархіи, чтобы на епархію нашу не было какихъ нареканий въ неблаговидныхъ дѣйствіяхъ... Мы вѣдь здѣсь, не забывайте, на окраинѣ—съ...

— Прошу васъ удалиться отсюда,—настойчиво повисивъ голосъ, повторила монахиня.

Горизонтовъ молча пожалъ плечами и хихикнулъ съ обычною своею ухмылочкой. Онъ убѣдился, что дѣло его окончательно не выгорѣло, и три тысячи улыбулись...

— Извольте—съ, я удаляюсь,—проговорилъ онъ, сляся придать себѣ равнодушно-сарка-

стическую улыбку, тогда какъ самъ чуть не захлебывался отъ злости и досады.—Я удаюсь... Но помните, какъ бы вамъ не пришлось покаяться... жестоко покаяться, да ужъ поздно будетъ!..

И повернувшись безъ поклона игуменьи, Горизонтовъ раздраженно быстрыми шагами вышелъ изъ келия.

XXII.

Послѣдняя надежда.

Оставшись одна, Серафима нѣсколько времени стояла, какъ ошеломленная, въ полномъ оцѣпенѣнн, и затѣмъ медленно провела по лицу руками, точно бы приходя въ себя отъ какого-то подавляющаго кошмара. Для нея было теперь совершенно ясно, что Горизонтовъ подкупилъ евреями и что подкупъ этотъ состоялся уже послѣ отправленія къ ней бумаги, имъ же самимъ скрѣпленной. Изъ его оскорбительнаго предложенія сдѣлки съ Бен-давидомъ, будто бы готовымъ бросить на это дѣло нѣсколько десятковъ тысячъ, ей не трудно было уразумѣть, что евреи не отступятся легко отъ своей задачи—вырвать изъ монастыря Тамару какими бы то ни было способами. Точно такъ же было ясно, что Горизонтовъ—ихъ полный союзникъ и что онъ не кончитъ на этомъ визитѣ свою попытку; напротивъ, онъ теперь настойчиво и ловко станетъ дѣйствовать на владыку, и весьма вѣроятно, что тутъ со всѣхъ сторонъ будутъ пущены въ ходъ разныя вліянія и давленія на нее, Серафиму, и бороться съ этими вліяніями ей одной будетъ трудно, можетъ, и совершенно невозможно. Кто знаетъ, можетъ быть, тотъ же Горизонтовъ завтра убѣдитъ владыку подписать новую бумагу, въ отмѣну сегодняшней; можетъ быть, съ другой стороны, въ дѣло вступится губернская власть, прокурорскій надзоръ, жандармы, благотворительныя дамы, и всѣ они, вмѣстѣ съ епархіальнымъ начальствомъ, настойчиво станутъ приставать къ ней, просить, совѣтовать, требовать и поуждать ее отлучиться отъ Тамары, выдать ее головой еврейскому кагалу... И нѣтъ сомнѣнія, что подъ давленіемъ еврейскихъ просковъ—гдѣ лестью, гдѣ тайнымъ соблазномъ, гдѣ во имя либерализма и Богъ-вѣсть чего еще—всѣ они примутся ковать это желѣзо, пока оно горячо,—дремать и медлить, конечно, не станутъ... А между тѣмъ, изъ своего разговора съ Тамарой она вынесла полное убѣжденіе, что въ ней дѣйствуетъ глубокое внутреннее влеченіе ко Христу, что для нея окончательно уже нѣтъ возврата въ еврейство, что выходъ изъ монастыря въ покинутую среду равносильна для нея самоубійству. По-

слѣ этого, выдача ея была бы предательствомъ, осужденіемъ живой, стремящейся къ свѣту, души на конечную гибель, великимъ грѣхомъ, который легъ бы тяжелымъ и вѣчнымъ бременемъ на совѣсть самой Серафимы,—нѣтъ, этого она не сдѣлаетъ, не въ состояніи сдѣлать. Серафима понимала, что кромѣ нея, у Тамары нѣтъ теперь прибѣжища и защиты, что если бы даже она ушла отсюда къ своему жениху,—кто бы онъ ни былъ,—это не спасетъ ее отъ преслѣдованій, напротивъ, еще ухудшитъ ея положеніе потерей добраго имени. Въ качествѣ кого войдетъ она къ нему, не будучи христіанкой, не имѣя права стать сейчасъ же его законною женою? Это та же гибель. Но, какъ же тутъ быть? чѣмъ защищаться?.. Ясно одно, что медлить и ждать невозможно, надо принимать мѣры, надо дѣйствовать, не теряя ни минуты.

— Господи!.. Помоги и вразумя, что мнѣ дѣлать?—скорбно прошептала Серафима, вскинувъ глаза на образъ.

И войдя въ свою спальню, она пала на колѣни предъ озареннымъ лампадою кѣлетомъ и горячо стала молиться—безъ словъ, однимъ внутреннимъ порывомъ души, тою мысленною молитвой, для которой ни на какомъ языкѣ человѣческомъ нѣтъ выраженій. Благоговѣнно склонясь челомъ до земли, она какъ бы ждала себѣ наитія и просвѣщенія свыше. Да и кромѣ того, молитва эта была для нея не только отвлеченіемъ въ другую сторону, но и побѣдой надъ тѣмъ чувствомъ возмущенія и негодованія, которое невольно, по человѣческой природѣ, поднялось въ ея душѣ отъ оскорбительныхъ словъ Горизонтова. Не долга была молитва, но послѣ нея Серафима встала успокоенная, примиренная внутренне сама съ собою, укрѣпленная на дальнѣйшую борьбу духомъ бодрости, съ запасомъ новыхъ нравственныхъ силъ и съ безповоротною рѣшимостію.

Она присѣла къ письменному столу и стала составлять телеграмму въ Петербургъ, на имя одной изъ своихъ высокихъ покровительницъ, гдѣ обстоятельно изложила все дѣло и положеніе, какъ Тамары, такъ и свое въ данномъ случаѣ и, въ виду энергично и всѣми путями дѣйствующей еврейской интриги, умоляла ее безотлагательно взять беззащитную дѣвушку подъ свою высокую руку, и тѣмъ доставить ей возможность спокойно и безъ помѣхи принять святое крещеніе, чего въ Украинскѣ достигнуть едва-ли будетъ возможно, такъ какъ озлобленіе и дерзость евреевъ дошли уже до того, что независимо отъ тайныхъ просковъ кагала, еврейская уличная толпа держала сегодня обитель нѣкоторое время въ осадѣ, бросала въ святые ворота и черезъ стѣну во дворъ монастырскій камни, повывибала въ створкѣ стекла и даже разбила камнемъ

стекло на надвратномъ образѣ Живоначальныя Троицы.

Серафима очень осторожно и рѣдко, только въ исключительныхъ и важнѣйшихъ случаяхъ монастырской жизни, позволяла себѣ обращаться съ просьбами и представленіями въ Петербургъ, къ тѣмъ высокопоставленнымъ особамъ, которыя сохраняли къ ней свое благоволеніе, въ память ея прежней близости ко двору, на что вѣкогда, до монашескаго клобука, давало ей право и ея происхожденіе, и положеніе въ высшемъ обществѣ, соединенное съ придворнымъ званіемъ. Но настоящій случай былъ сочтенъ ею на столько важнымъ, что она рѣшилась безотлагательно прибѣгнуть къ этому чрезвычайному и послѣднему своему средству.

Прежде, однако, чѣмъ отправить свою телеграмму, она призвала къ себѣ Тамару и откровенно объяснила ей, что происка о возвращеніи ея домой, къ роднымъ, уже начался и, безъ сомнѣнія, пойдетъ еще дальше и выше, и неизвѣстно, гдѣ и на чемъ остановятся. Можно ожидать всего худшаго, даже того, что игуменъ просто прикажутъ удалить ее изъ монастыря на попеченіе родственниковъ, какъ несовершеннолѣтнюю и, стало бы, еще не самостоятельную, не полноправную особу, и она, Серафима, не въ силахъ будетъ бороться одна противъ напора съ разныхъ сторонъ и особенно со стороны официальной, если и послѣдняя вмѣшивается въ дѣло. А что вмѣшательство ея возможно, на это, къ сожалѣнію, уже имѣются нѣкоторые признаки. По ея мнѣнію, есть одно только средство защиты, которое кажется ей наиболѣе вѣрнымъ, это—обратиться въ Петербургъ и тамъ просить покровительства. У Серафимы есть надежда, что въ этомъ покровительствѣ не встрѣтится отказа, и въ такомъ случаѣ, вѣроятно, послѣдуетъ одно изъ двухъ: или Тамарѣ будетъ совершенно обезпечено ея дальнѣйшее пребываніе въ монастырѣ, пока для нея будетъ въ томъ надобность, или же ей придется уѣхать, по вызову, въ Петербургъ, гдѣ не оставятъ ее безъ надежнаго крова и крѣпкой защиты, и тамъ ужъ спокойно готовиться ко крещенію. Согласна ли она на это?

Тамара отвѣчала, что приметъ съ покорностью и благодарностью все, что угодно будетъ сдѣлать для нея Серафимѣ, такъ какъ увѣрена, что это можетъ быть ей только къ добру. Она еще разъ просила игуменью вѣрить, что рѣшеніе ея принять христіанство есть результатъ не легкомысленнаго увлеченія, а очень сложнаго душевнаго процесса, очень трудной и мучительной работы надъ собою, что оно въ ней совершенно добровольно и твердо, какъ вполне сознательное, продуманное рѣшеніе, а потому она еще и еще разъ

повторяетъ, что въ еврейство никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ божѣ не возвратится.

Тогда Серафима прочитала ей свою телеграмму,—и обрадованная Тамара со слезами на глазахъ бросилась благодарить ее, цѣловала ей руки и просила ускорить отправленіе депеши. Письмо Каржолы, незадолго до сего переданное ей по секрету колейницей Натальей, она успѣла не только хорошо прочесть, но и хорошо зачитать его у себя на груди, еще ранѣе призыва своего къ игуменѣ. Теперь она еще болѣе вѣрила въ этого человека и была увѣждена, что какъ только онъ узнаетъ объ ея отъѣздѣ въ Петербургъ,—если этому суждено случиться,—то и самъ не замедлитъ пріѣхать туда же, чтобы вести ее отъ купели къ вѣнцу. О, тамъ она наконецъ будутъ невозмутимо счастливы!.. Новая, глубоко искренняя вѣра во Христа, свѣтлая первая любовь, новая радостная жизнь, новое общество, новый міръ и новый житейскій разумный трудъ доброй жены, а со-временемъ, дастъ Богъ, и матери,—вотъ та заманчивая заря тихаго, честнаго семейнаго счастья, которая, казалось ей, начинается уже для нея заниматься... А тамъ, узнавъ о ея счастьи, о маленькихъ правнучкахъ, дастъ Богъ, и дѣдушка съ бабушкой когда-нибудь примирятся съ нею, простятъ ей,—вѣдь есть же у нихъ сердце, вѣдь они же такъ ее любятъ!..

Слусти около полудуса послѣ того, какъ растроганная Серафима, подѣловавъ и успокоительно обласкавъ Тамару, съ миромъ отпустила ее отъ себя, Украинская телеграфная станція уже передавала по назначенію длинную и подробную телеграмму игуменѣ.

XXIII.

Отъѣздъ Каржолы.

Въ этотъ же день, вечеромъ, спѣшно уложивъ свои чемоданы и рассчитавшись, при помощи Блудштейна, съ домашнею прислугой, графъ Каржоль, со своимъ датскимъ догомъ, въ послѣдній разъ успѣлся въ свою «собственную» карету, на козлахъ которой, рядомъ съ кучеромъ, помѣстился его излюбленный камердинеръ, и отправился на желѣзную дорогу, подъ конвоемъ все тѣхъ же двухъ своихъ «мучителей», Блудштейна и Брильянта, которые слѣдовали зади его на извозчикѣ.

На вокзалѣ милѣйшій и обязательнѣйшій Абрамъ Иоселювичъ самъ взялъ въ кассѣ билеты прямого сообщенія до Москвы — одинъ первоклассный, для графа, другой — собачій, для его дога, а два третьяго класса, для камердинера и еще для одного «человѣчка»,—но этотъ послѣдній уже, такъ сказать, «по секрету», какъ для графа, такъ и для его слуги;

затѣмъ самъ сдалъ въ багажъ графскіе чемоданы, самъ занялъ для его сіятельства удобное мѣсто въ отдѣльномъ купѣ, самъ расплатился съ носильщиками и даже самъ приглядылъ, какъ рабочіе, при содѣйствіи графскаго камердинера, усаживали и подпихивали датскаго дога, не желавшаго лѣзть въ собачью кануру, за рѣшетку.

А рабби Іонаанъ, между тѣмъ, издали слѣдилъ за самымъ Каржолемъ, который равнодушно, съ фланпирующимъ видомъ человѣка, пріѣхавшаго отъ нечего-дѣлать развлечься на вокзалѣ, прогуливался по платформѣ. Пять тысячъ рублей, приобретенныя цѣною подписи пятидесятитысячнаго векселя, лежали теперь въ его бумажникѣ, и это обстоятельство значительно способствовало внутреннему успокоенію графа. Онъ былъ увѣренъ, что и съ такими маленькими деньгами не только не пропадетъ, но въ концѣ концовъ даже восторжествуетъ надъ всѣмъ Украинскимъ кагаломъ. Хотя въ душѣ и было ему очень досадно и больно, что дѣло, начатое имъ столь ловкимъ и блестящимъ образомъ, затгивается на неопредѣленное время, благодаря такой неожиданной случайности, какъ эта скупка векселей, но нечего дѣлать, приходится пока уступить. Онъ уступаетъ, но въ душѣ далеко не отказывается отъ своего стратегическаго плана. Уступка его лишь временная, — въ этомъ онъ самъ твердо увѣренъ, или, по крайней мѣрѣ, ему такъ кажется, будто это и въ самомъ дѣлѣ увѣренность. Принимая на себя равнодушно-спокойный видъ, графъ сознавалъ, что иначе ему нельзя, что *надо* казаться спокойнымъ, какъ бы на высотѣ своего всегашняго положенія, *faire bonne mine à malchance* жеи, для поддержанія собственнаго «престижа», тѣмъ болѣе, что на вокзалѣ встрѣтилось ему двое-трое знакомыхъ, одинъ изъ которыхъ даже спросилъ его, не ѣдетъ ли онъ куда-нибудь, и куда именно? Графъ отвѣчалъ, что получилъ сегодня телеграмму, вслѣдствіе которой ему необходимо экстренно съѣздить въ Москву, по одному важному дѣлу, но что ѣдетъ онъ совсѣмъ налегкѣ, такъ какъ рассчитываетъ черезъ нѣсколько дней вернуться. Сказано все это было такимъ естественнымъ тономъ, что для знакомыхъ не осталось никакихъ причинъ усомниться въ истинѣ словъ Каржоля.

Между тѣмъ, рядомъ съ наблюдавшимъ за нимъ Бриллиантомъ, стоялъ родной племянникъ Блудштейна, молодой еврейчикъ въ «цивилномъ», т. е. обще-европейскомъ костюмѣ, съ дорожною сумкой черезъ плечо, и этому еврейчику, не спуская глазъ съ Каржоля, ламданъ наскоро, но внушительно передавалъ на еврейскомъ жаргонѣ нѣкоторыя инструкціи и наставленія. Еврейчикъ, отъѣзжавшій какъ бы по собственнымъ дѣламъ, долженъ былъ отклон-вопровать Каржоля до самой Москвы, не по-

давая ему, однако, и тѣни подозрѣнія, что онъ за нимъ наблюдаетъ, но въ то-же время зорко слѣдя на каждой станціи, чтобы графъ не вздумалъ дать стрекача куда-нибудь въ сторону, въ предѣлахъ края. Въ этомъ случаѣ соглядатай долженъ слѣдовать за нимъ и тотчасъ же извѣстить о семъ Блудштейна по телеграфу. Для наиболѣе удобнаго, такъ сказать, ежеминутнаго наблюденія, надо непременно сѣсть въ одинъ вагонъ съ графскимъ человекомъ, и какъ можно ближе къ нему послѣднему, вступить съ нимъ въ случайный разговоръ и постараться вывѣдать, что можно, о планахъ и намѣреніяхъ его барина. Въ Москвѣ еврейчикъ точно такъ же долженъ не упускать Каржоля изъ виду, остановиться, по возможности, въ одной съ нимъ гостиницѣ, въ наиболѣе дешевомъ, конечно, номерѣ, и вообще тайно слѣдить за нимъ повсюду, пока наконецъ графъ не осядетъ въ исполнѣ въ какомъ-либо опредѣленномъ пунктѣ, гдѣ можно будетъ устроить дальнѣйшее негласное наблюденіе за нимъ посредствомъ кого-нибудь изъ тамошнихъ мѣстныхъ евреевъ. Только въ этомъ случаѣ еврейчикъ будетъ въ правѣ считать свою миссію оконченною. Паспортъ соглядатая давалъ ему право на пребываніе внѣ черты еврейской осѣлости, — стало быть, съ этой стороны, насчетъ полицейскихъ придирокъ, онъ могъ быть исполнѣ спокоенъ, а деньги на путевые и прочіе расходы были въ достаточномъ количествѣ вручены ему на вокзалѣ дядошкой-Блудштейномъ, за счетъ Бендавида. Такимъ образомъ, предупрежденіе, сдѣланное сегодня Каржолю «милѣйшимъ» Абрамомъ Іоселиовичемъ, о томъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, еврейскій глазъ всегда будетъ слѣдить за нимъ, — очевидно, не было одною лишь фразой, угрожающей въ-пустую. Еврейская «полиція внѣ полиціи» и въ этомъ случаѣ, какъ всегда, оставалась на высотѣ своего особаго назначенія во Израилѣ.

По второму звонку, графъ спокойно вышелъ, въ сопровожденіи того же Абрама Іоселиовича, въ занятое имъ купе, гдѣ Абрамъ Іоселиовичъ передалъ ему съ рукъ на руки билетъ съ квитанціей отъ багажа, а такъ какъ это случилось въ присутствіи одного изъ знакомыхъ графа, тоже отъѣзжавшаго куда-то по близости, то даже простился съ его сіятельствомъ самымъ любезнѣйшимъ образомъ, пожелавъ ему всякаго благополучія «увъ его пути». Гляди на это, посторонніе люди могли бы подумать себѣ, что, безъ сомнѣнія, у Каржоля съ Блудштейномъ какія-нибудь дѣла, и что Блудштейнъ состоитъ у него даже на маленькихъ дружескихъ послугахъ, какъ у такого «гроссъ-пурица»¹⁾.

Въ то же самое время, еврейчикъ-соглядатай, вслѣдъ за графскимъ камердинеромъ,

¹⁾ Большого барина.

юркнулъ въ сосѣдній вагонъ третьяго класса, — и по послѣднему звонку, поѣздъ медленно тронулся съ мѣста. Абрамъ Йоселіовичъ стоялъ на платформѣ и, приподнявъ свой «петербургскій цилиндръ», какъ самый цивилизованный еврей, «деликатно» посылалъ Каржолу пріятныя улыбки и прощальныя поклоны, тогда какъ остававшійся поодаль Іонасанъ-ламданъ выразительно грозилъ пальцемъ высунувшемуся въ окошко еврейчику, — дескать, смотри же ты мнѣ, гляди въ оба!

Съ вокзала оба они полетѣли къ Бендаvidу сообщить радостную вѣсть, что «шейгецъ» Каржоль уже благополучно сплавленъ изъ Украинска подъ надежнымъ надзоромъ, и Абрамъ Йоселіовичъ передалъ при этомъ старику послѣдній пятидесятитысячный вексель графа, сдѣлавъ на немъ передаточную надпись.

XXIV.

Передъ грозю.

Въ тотъ же вечеръ, по «заходѣ шабаша», то есть съ закатомъ солнца, когда обыкновенно весь Украинскій Израиль высыпаетъ «на шпаци», наполняя бульваръ и улицы еврейскихъ кварталовъ пестрыми, по праздничному разряженными группами евреекъ и евреевъ, со чады и домочадцы, — между всѣми этими «шпацирующими» групами только и разговора было, что о побѣгѣ Тамары. Вся исторія, при передачѣ ея изъ устъ въ уста, со множествомъ поясненій, догадокъ и дополненій, принимала конечно, самыя чудовищныя, даже фантастическія размѣры. Израиль, видимо, волновался, и особенно женская его половина. Для однихъ все это дѣло представляло интересъ величайшаго скандала, для другихъ давало пріятный поводъ поздравлять надѣ Тамарой и семействомъ Украинскаго «гвира», но злорадствовать, разумѣется, не иначе какъ со вздохами фарисейскаго сокрушенія и сожалѣнія о случившемся, какъ того требуетъ еврейское приличіе. Большинство же усматривало въ приключеніи Тамары величайшее оскорбленіе всему Израилу. Одни утверждали, это это кара за грѣхи, за то, что евреи, забывъ отеческія заветы, стали воспринимать своихъ дѣтей не по-еврейски, отдавать ихъ, вмѣсто хедеровъ и эшеботовъ, въ гимназіи и на разныя «курсы-фурсы»; другіе же озлобленно взынчивали себя по этому поводу на самый фанатическій ладъ противъ «гойевъ».

Но въ то же время, среди волнующагося Израиля замѣчалось и еще одно, совершенно новое теченіе. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ и группахъ — гдѣ таинственнымъ и боязливымъ шопотомъ, а гдѣ и громко — высказывались порицанія и даже прямые обвиненія Украинскаго кагала въ томъ, что онъ не только допустилъ,

но и самъ собраніе совершилъ вопіющее, да еще мало того — публичное нарушеніе святости дня субботняго. Кагалъ оскорбилъ и осквернилъ святую субботу тѣмъ, что повелѣлъ под страхомъ херима ¹⁾ безотлагательно произвести въ этотъ день сдѣлки по обязательной передачѣ векселей Каржолы въ руки Бендаvidа, разрѣшилъ, вопреки закону, давать и принимать за нихъ деньги, то-есть совершать въ субботу куплю и продажу, писать и подписывать акты и документы и т. п. Передавалось изъ устъ въ уста, что весь этотъ рядъ сегодняшняхъ противузаконныхъ дѣйствій поднялъ большіе толки, ропотъ и протесты въ нѣкоторыхъ миніонахъ ²⁾ и вызвалъ истинное возмущеніе въ средѣ хассидовъ; при этомъ называлось имя извѣстнаго Иссахаръ Бера, какъ человека, который имѣлъ мужество первымъ поднять благочестивый голосъ противъ такого религіознаго безчинства. Говорили, что Иссахаръ Беръ, въ качествѣ бывшаго парнеса ³⁾, нарочно посѣтилъ нѣсколько хассидскихъ собраній, чтобы объяснить своимъ друзьямъ ужасный смыслъ и истинную подкладку всѣхъ этихъ беззаконій кагала, что у Иссахара образовалась уже цѣлая партія единомышленниковъ, которая теперь, по заходѣ шабаша, распространяя его идеи и взгляды, агитируетъ вездѣ, гдѣ можно, противъ кагала и все больше и больше вербуетъ Иссахару сторонниковъ между всякими «малькон-тѣнтами» и разными ремесленниками; что все «святое Хевро» ⁴⁾ стоитъ уже на его сторонѣ и что противъ такой силы пречистому кагалу, пожалуй, не одобровать.

Все это, разумѣется, не могло не дойти стороною и до нѣкоторыхъ членовъ кагала, которые учуяли тутъ серьезную опасность и для авторитета самаго учрежденія, и для себя лично, для собственнаго привилегированнаго положенія. — Какъ!.. Осмѣлятся колебать народное довѣріе къ непогрѣшимости кагала, подрывать незыблемость его авторитета, подводить интригу и мины подъ всѣхъ и каждого изъ его членовъ, — да это что жъ такое?! —

¹⁾ Проклятія и отлученія, послѣ чего отверженецъ поставляется внѣ закона.

²⁾ Миніонъ — частная молельня. Каждый желающій еврей можетъ, съ разрѣшенія кагала, открыть у себя временную или постоянную молельню, куда могутъ собираться для совместной молитвы, духовнаго чтенія и душевнспасительныхъ бесѣдъ, родственники, друзья и сосѣди хозяина, въ числѣ не менѣе десяти совершеннолѣтнихъ мужчинъ (считая совершеннолѣтіе съ 13-ти лѣтъ и 1 дня). За право открытія и существованія миніоновъ вносится въ кагалъ опредѣленная сумма денегъ хозяиномъ дома, или сообща, по раскладкѣ между постоянными посѣтителями молельни.

³⁾ Парнесъ — избранные представители и почитатели еврейскихъ общинъ. О значеніи хассидовъ и хассидизма говорилось раньше, въ примѣчаніяхъ къ главамъ XVII.

⁴⁾ Погребальное братство.

ниспроверженіе всѣхъ вѣковѣчныхъ основъ религіознаго и общественнаго строя, посягательство на личное положеніе (это главное) и личную честь каждаго изъ членовъ кагала, чтобы дискредитировать ихъ, и самому, со своими гнусными друзьями-хаборами¹⁾, сѣсть на ихъ мѣсто... Да это разбой, грабежъ, — болѣе того: это бунтъ, революція! — Пѣтъ, этого такъ пропустить невозможно! Надо пресѣчь зло сейчасъ же, надо съ корнемъ вырвать опасный духъ возмущенія, согнуть въ дугу крикуновъ, въ бараній рогъ возмутителей, чтобы другимъ не повадно было! — И члены кагала, какъ черныя тараканы въ потемкахъ, появились изъ своихъ щелей и, подъ покровомъ вечерней тьмы, забѣгали одинъ къ другому сообщать и совѣщаться объ опасности, грозящей пречистому кагалу.

Иссахаръ Беръ представлялся врагомъ серьезнымъ. Во-первыхъ, онъ самъ дока въ законѣ, талмудъ-хахомъ, боротся съ которымъ на гиблой и зыбкой почвѣ талмудической казуистики очень трудно; во-вторыхъ, онъ одинъ изъ габаевъ погребальнаго братства и при томъ бывший парнесъ, — стало быть, занимаетъ видное и вліятельное положеніе, способное создать ему сильную партію изъ разныхъ недовольныхъ лицъ — мало ли есть такихъ! — а главное, изъ хасидовъ, потому что и самъ онъ хасидъ. Онъ изъ честолюбія давно уже добивается избранія въ члены кагальнаго Совѣта, но это такой безпокойный и желчный человѣкъ, и такой у него вздорный, неуживчивый нравъ, да при томъ еще такое адское самолюбіе, такая сатанинская жажда первенствовать, главенствовать, считать себя умнѣе и ученѣе всѣхъ, что члены Совѣта, при каждыхъ выборахъ въ выпускные дни Пасхи, пускали въ ходъ — конечно, негласнымъ и подпольнымъ образомъ — все свое вліяніе на «асифа» и «бореримъ»²⁾ и всѣ махинаціи къ тому, чтобы

помѣшать избранію Иссахаръ Бера, или провалить его. Довольно, молъ, съ него и того, что успѣлъ пролѣзть въ габаи Хеврѣ! Но теперь... теперь они не могли не сознавать, что дали противъ себя сильное оружіе въ руки Иссахаръ Бера... Надо боротся, надо совокупить для борьбы всѣ свои силы, всѣ средства и, такъ или иначе, сокрушить рогъ противника и оторвать отъ него весь его гнусный хвостъ всѣхъ этихъ пустосвятовъ, пустоэзновъ и приспѣшниковъ.

Предсѣдатель кагальнаго Совѣта, «смирный» Ворухъ-бенъ-Йосель Натансонъ сдѣлалъ по этому поводу секретное словесное распоряженіе, чтобы завтра всѣ члены кагала собрались въ бейсъ-гакнесетъ къ шахрису³⁾, послѣ котораго общими силами они обсудятъ, что дѣлать.

XXV.

Богулесъ у-Махлейкесъ.

Еще до начала шахриса, зала бейсъ-гакнесета, къ удивленію членовъ кагала, оказалась почти полна, вовсе не по будничному, да и во время самаго богомоленія разный еврейскій людъ продолжалъ наполнять ее все болѣе и болѣе. Во всѣхъ присутствовавшихъ тамъ за-

чекскій характеръ, ибо человѣкъ, не получавшій талмудическаго образованія, какъ плебей, считается лицомъ неполноправнымъ и не принимаетъ участія въ «асифа». Дѣла, подлежащіе обсужденію «асифа», рѣшаются по большинству голосовъ, но рѣшенія подписываются не всѣми участвовавшими въ собраніи лицами, а лишь семью тубами, т. е. лицами, признанными избраніемъ общины въ качествѣ ея почетныхъ членовъ. Въ дѣлѣ асифа подлежатъ: 1) избраніе раввина (предсѣдателя кагала и суда), хазава (синагогальнаго кантора) и сифре-ведайне (кагальнаго нотаріуса), 2) избраніе изъ своей среды пяти членовъ-избирателей (*бореримъ*), на обязанности которыхъ лежатъ выборы должностныхъ лицъ, во-первыхъ, для кагала (общественнаго управленія) и, во-вторыхъ, для бетъ-дина (суда). Для кагала избираются: роши-голови, лемалоты — кандидаты ихъ, тубы — почетные представители, икоры — дѣйствительные члены, и габаи — старосты. Для бетъ-дина же — дайонимъ кебуимъ и дайонимъ шееномъ кебуимъ, т. е. постоянные и временные судьи. Затѣмъ, въ дѣлѣ «асифа» подлежатъ еще: утвержденіе чрезвычайныхъ сборовъ и налоговъ, необходимыхъ для покрытія расходовъ по дѣламъ, касающимся мѣстной общины или еврейства всего края, и разрѣшеніе открытія новыхъ благотворительныхъ учрежденій, постройки новыхъ молитвенныхъ домовъ и т. д. Выборы эти происходятъ ежегодно въ выпускные дни праздника Пасхи. Актомъ назначенія избирателей (*бореримъ*) и экстренными засѣданіями въ году истощивается роль «асифа», и вся совокупность правъ его уже переносится и дѣлится между двумя установленными имъ органами, административнымъ и судебнымъ, т. е. кагаломъ и бетъ-диномъ.

³⁾ Шахрисъ, или шахрять — утреннее богомоленіе.

¹⁾ *Хаборъ* значитъ собственно товарищъ, братчикъ, членъ какого-либо союза или братства. Въ прежнія времена названіе *хаборъ* присвоивалось, какъ титулъ, членамъ ученой корпораціи; но позднѣе, этихъ ученыхъ начали титуловать «морейне», и съ тѣхъ поръ словомъ *хаборъ* стали уже обозначать лицъ, не получившихъ спеціально талмудическаго образованія.

²⁾ По свидѣтельству Я. А. Брафмана (Кн. Кагала, т. I, 90), еврейская община представляетъ собою въ настоящее время систему правильно организованныхъ учрежденій съ совершенно яснымъ разграниченіемъ между ними власти и съ выборнымъ началомъ. Учрежденія эти, соблюдая тѣснѣйшую связь между собою, какъ части одного цѣлаго, распадаются на административныя, судебныя, духовныя, учебныя и совѣщательныя. Совокупность всей власти, или высшая власть общины, сосредоточена въ рукахъ «асифа» — общаго собранія, состоящаго изъ всѣхъ полноправныхъ членовъ общины, изъ «морейне», т. е. такихъ, которые получили талмудическое образованіе. Изъ этого уже ясно, что управленіе еврейской общины носитъ на себѣ аристократи-

мѣчалось сильное возбужденіе, взрывы котораго пока еще сдерживались только уваженіемъ къ самому акту богомоленія; но разные многозначительные взгляды и улыбки, кивки, перемигиванія и перешептыванія среди лицъ этой публики показывали, что нервно подвижная семитская натура еле перемогаетъ себя и ждетъ не дождется момента, когда, наконецъ, можно будетъ сбросить съ себя узду обязательной сдержанности. Ожидалось, въ нѣкоторомъ родѣ, генеральное сраженіе между двумя лагерями, созданными вчерашнимъ слушаніемъ. Одни изъ публики, подстрекаемые звукомъ семитскаго любопытства, пришли сюда лишь за тѣмъ, чтобы посмотреть, что и какъ будетъ и чѣмъ кончится; большинство же явилось съ цѣлью принять живѣйшее участіе въ борьбѣ двухъ партій. Всѣ члены кагала были на лицѣ, и по ихъ озабоченнымъ, недовольнымъ и кислымъ физиономіямъ можно было догадываться, что они чувствуютъ себя не совсемъ-то хорошо. Особенно было досадно имъ это необычное стеченіе публики, которое одно уже, само по себѣ, ясно показывало, что вчерашнее словесное распоряженіе авъ-бейсъ-дина ¹⁾ не сохранилось въ тайнѣ и что противники ихъ, узнавъ о немъ заблаговременно, успѣли предупредить его. Но принять противъ всей этой публики крутыя мѣры, выгнать ее по-вчерашнему, члены кагала сегодня уже не отваживались: это могло бы только породить еще новыхъ недовольныхъ, ²⁾ озабочить большинство, создать новыхъ противниковъ, которые, имѣя въ виду вчерашній опытъ, сегодня, пожалуй, оказали бы шаменамъ и шотрамъ болѣе серьезное сопротивленіе. Кагалъ опасался кровавой свалки и драки въ стѣнахъ самой синагоги. Но какъ ни неприятно было присутствіе лишней публики, удалить ее казалось ему тѣмъ болѣе не политичнымъ, что имѣетъ съ противниками пришлось бы удалить и своихъ сторонниковъ, а кагалъ нуждается въ ихъ поддержкѣ, потому что ему нужно было, во что бы то ни стало, оправдать себя передъ всею общиной. Но онъ рассчитывалъ сдѣлать это иначе: онъ думалъ, что ему удастся обсудить свое положеніе келейно, въ закрытомъ засѣданіи, и затѣмъ уже опубликовать особымъ манифестомъ, во всеобщее свѣдѣніе, объясненіе всѣхъ мотивовъ своихъ дѣйствій, согласно съ подходящими статьями и пунктами талмудическихъ постановленій. Увы! эта надежда, повидимому, оказывалась тщетною.

Между присутствующими замѣчалось не малое число сторонниковъ Иссахаръ Бера, какъ завѣдомыхъ, такъ и предполагаемыхъ: много членовъ братства «Хебрѣ», еще больше разныхъ хасидовъ, но самого Иссахара еще не было.

¹⁾ Авъ-бейсъ-динъ—предсѣдатель кагала и судья, главный раввинъ. Въ буквальномъ смыслѣ—отецъ судилища.

Онъ явился только въ концѣ богомоленія и не безъ труда протискался впередъ, къ ступенямъ амвона, съ высоты котораго обыкновенно раздается слово проповѣдника. Появленіе его, видимо, произвело извѣстное впечатлѣніе, какъ между членами кагала, такъ и въ публикѣ, гдѣ сейчасъ же прошла колеблющаяся волна общаго движенія впередъ и пробѣжалъ легкій гулъ сдержаннаго полупотопа. Почти каждый приподымался на цыпочки и вытягивалъ шею, чтобы получше разглядѣть предметъ всеобщаго вниманія и любопытства. Съ появленіемъ его, напряженное ожиданіе толпы дошло до крайней степени нервозности и нетерпѣнія.

Но вотъ, едва закончилось богомоленіе, какъ Иссахаръ Беръ быстро взбѣжалъ на амвонъ и, простря къ народу руки, въично воскликнулъ: — Бней Израель!—Дѣти Израила! Братья мои! Къ вамъ мое слово! Прошу вниманія!

Въ народѣ тотчасъ же обнаружилось сильное движеніе и пошелъ гулъ возбужденнаго говора. Кто-то изъ членовъ кагала крикнулъ: «Что-за самовольство?!.. Долой съ амвона! Снять его!»—и шотры съ меншурсами уже бросились было исполнять это приказаніе, какъ вдругъ толпа сторонниковъ Иссахара быстро бросилась впередъ, съ гвалтомъ оттѣснила шотровъ и стала живою стѣной между амвономъ и остальною залой, готовая защищать своего вожака отъ всякихъ покушеній. У многихъ изъ этой толпы видѣлись въ рукахъ даже кастеты и торчавшіе изъ-подъ рукава безмѣны и мѣдные пестики отъ кухонныхъ ступокъ,—на случай, еслибы шотры, по-вчерашнему, вздумали пустить въ ходъ свои трехвостки и «жезлы Аароновы».

— Шша!.. Тише вы!.. Слушайте!.. Дайте благочестивому мужу сказать свое слово! — раздавались убѣждающіе возгласы въ разныхъ концахъ залы, тогда какъ другіе, махая руками, кричали: «Не надо!.. Не хотимъ!.. Долой его!»

Въ такомъ положеніи прошло нѣсколько минутъ. Общее волненіе и гулъ голосовъ не унимались. Тогда торжественно и важно поднялся на биму ¹⁾ самъ авъ-бейсъ-динъ, высокоумный раввинъ Борухъ Натансонъ и высоко поднялъ вверхъ правую руку, въ знакъ того, что хочетъ говорить къ народу. Вслѣдъ за своимъ предсѣдателемъ, поднялись на биму, одинъ за другимъ, и всѣ остальные члены кагала. Говоръ, между тѣмъ, въ виду поднятой раввинской руки, на половину сталъ тише, и раввинъ, собравъ всѣ силы своего старческаго голоса, сказалъ:

— Успокойтесь и слушайте!.. Пусть этотъ человѣкъ на амвонѣ скажетъ все, что имѣетъ сказать! Не будемъ мѣшать ему!

¹⁾ Возвышенная эстрада посреди залы, съ которой читаются во время богомоленія Тора и Пророки.

Такой ловкій приёмъ, менѣе всего ожидавшійся отъ представителя обвиняемой стороны, поразилъ толпу всеобщимъ удивленіемъ и многихъ изъ числа безразличныхъ людей даже расположилъ въ его пользу: во-первыхъ, это-де въ высшей степени безпристрастно и великодушно, а во-вторыхъ, значить, кагалъ не боится и, должно быть, стоитъ на твердой почвѣ, если такъ смѣло рѣшается дать впередъ столько шансовъ своему обвинителю. Послѣ этого, волненіе мало-по-малу улеглось, и когда наконецъ водворилась достаточная тишина, Иссахаръ Беръ началъ сразу весьма патетическимъ ораторскимъ приемомъ:

— Я оглушенъ общимъ ропотомъ противъ неслыханнаго, небывалаго нарушенія святости субботы, и кѣмъ же? — Тѣми, кто наиболѣе строго и точно обязаны блюсти ее!.. О, горе, горе Израилю!.. Этотъ величайшій изъ великихъ грѣховъ можетъ на цѣлыя тысячелѣтія отдалить *геула* ¹⁾, даже совсѣмъ отворатить отъ Израйля лицо Господа — Гашемъ Йисборейхъ! ²⁾ Талмудъ учитъ насъ, что кто нарушаетъ публично субботніе обряды, тотъ считается, какъ акимъ ³⁾. Или забыли это вы, — вы, члены пречистаго кагала?! Скажите, что сдѣлали вы вчера, во имя кого и чего рѣшились вы взять такой ужасный грѣхъ, не только на свои души, но навести его черную тѣнь и на другихъ, на всю нашу злополучную общину, которая, въ силу вашего херима, была принуждена совершать вчера куплю и продажу, брать деньги, писать документы, испытывать соблазнъ и смутеніе духа, вмѣсто того, чтобы пребывать въ свѣтло-радостномъ спокойствіи и молитвѣ?.. Что случилось такого особеннаго, изъ-за чего вы посягнули на это страшное преступленіе? Что какая-то дѣвка со своимъ любовникомъ сбѣжала въ монастырь?.. Только-то?.. Отчего жъ вы раньше никогда не подымали такого гвалта, когда другіе дѣвки сбѣгали?—А вѣдь такіе случаи бывали.—Отчего вы тогда не принимали и сотой доли тѣхъ мѣръ, что вчера, несмотря даже на то, что такіе побѣги къ ленухимъ ⁴⁾ случались и въ будни?.. Да, я понимаю,—это все оттого, что то были дѣвки простыя, плебейскихъ или бѣдныхъ семей, а тутъ вдругъ объявилась дѣвка-аристократка, внучка извѣстнаго гвира, родоваго богача-миллионера. Поэтому? Да?.. Не бойсь, сбѣги моя дочь — хасъ веполаумъ! ⁵⁾ вы бы и пальца о палецъ не ударили, чтобы спасти ее, а тутъ вдругъ и самую субботу даже наши возможнымъ нарушить! Почему

такъ? — Отвѣчайте!.. Молчите?.. Ну, такъ я отвѣчу за васъ. Потому что вы—презрѣнные холопы, Хамы нечестивые, нарушавшіеся надъ отцомъ своимъ Ноахомъ въ лицѣ всего еврейства настоящаго, прошедшаго и будущаго! Оттого, что вы не евреи, не слуги Господа и народа избраннаго, а слуги Ваала, пресмыкатели предъ тельцомъ златымъ,—вотъ вы кто, нечестивцы! Акимы вы, гоим!.. Поэтому и суббота для васъ ничто; вы ее и за ломаный шелегъ продаетъ головы. Господи, Боже нашъ, Богъ Израйель! И это наши избранники, — Ты видѣлъ ихъ, — наши «представители», наши «лучшіе люди»!.. Ха, ха, ха!.. Позоръ!.. позоръ!.. Душа моя покрыта пепломъ скорби!.. И Ты, о Господи, сносишь еще въ долготерпѣніи Своемъ ихъ присутствіе въ этомъ мѣстѣ? И Ты не сотрешь ихъ съ лица земли ударомъ Твоего громоноснаго гѣва?!. О, адъ-моссая, адъ-моссая,—доколѣ еще сносить намъ такое нечестіе, такое попраніе святого Твоего закона, такое поруганіе священныхъ твоихъ установленій вожда и пророка нашего Мойше — оловъ гашакомъ ⁶⁾ — и всѣхъ отеческихъ завітовъ!.. Плачь, Израиль, сокрушайся, рви на себѣ одежду скорби, посыпь главу свою пепломъ и возгорись праведнымъ гѣвомъ—ты никогда еще не былъ посрамленъ и оскорбленъ болѣе, чѣмъ нынѣ. Шилхенъ Урихъ ⁷⁾, глава 72-я, гласитъ, что суббота столь же важна, сколько всѣ заповѣди Божьи, вмѣстѣ взятыя, и что поэтому кто соблюдаетъ субботу, какъ слѣдуетъ, тому воздастся за это, какъ бы за исполненіе всего закона; кто же нарушаетъ правила субботы, тотъ поступаетъ какъ отступникъ отъ всего закона. На основаніи сего, объявляю васъ, весь Совѣтъ Украинскаго кагала, въ полномъ его составѣ — *мойгаламъ шаб'есъ*, нарушителями и осквернителями субботы, отступниками отъ всего закона еврейскаго, и торжественно, во всеуслышаніе заявляю вамъ, что отнынѣ ни единый честный и богобоязненный человѣкъ, не только нашей, но и никакой общины не можетъ признавать васъ кагаломъ, и не будетъ болѣе повиноваться никакимъ вашимъ постановленіямъ. Долой съ бими, богоотступники! Вонъ отсюда, нечестивцы!

— Вонъ! вонъ!.. Не признаемъ васъ больше!—

¹⁾ Подъ словомъ *геула* разумѣется у евреевъ пришествіе Мессіи, долженствующее сдѣлать ихъ владыками вселенной.

²⁾ Да будетъ благословенно имя Его!

³⁾ Христіанинъ, т. е. человѣкъ, хуже и презрѣннѣе котораго нѣтъ для еврея.

⁴⁾ Къ чужимъ, иновѣрцамъ.

⁵⁾ Сохрани Богъ!

⁶⁾ Блаженной памяти или, миръ его праху—выраженіе, всегда прибавляемое къ имени святыхъ и пророковъ, чтимыхъ евреями.

⁷⁾ Собственно Шулхонъ Орухъ, но наши южные евреи, отличаясь отъ сѣверныхъ нѣсколькими произношеніемъ, говорятъ Шилхенъ Урихъ. Сочиненіе это (по-русски „Накрытый столъ“), написанное въ четырехъ томахъ, въ половинѣ XVI столѣтія, раввиномъ Іосифомъ Каро, представляетъ извлеченіе изъ Талмуда, развитое комментаріями автора. Тоже самое относится и до южнаго произношенія слова *нухримъ*, вмѣсто правильнаго еврейскаго *нахримъ* (иновѣрцы).

раздались вдругъ горячіе крики въ толпѣ сторонниковъ Иссахара. — Вои! Долой!.. Собрать асифа!.. Асифа!.. Пусть назначатъ новые выборы!

Опять поднялся общій гамъ, и пошла сумятица, и снова поднялъ вверхъ свою руку Борухъ Натансонъ. Но теперь унять толпу оказалось гораздо труднѣе, тѣмъ болѣе, что и на многихъ сторонниковъ кагала рѣчь Иссахара навела раздумье и сомнѣнія въ законности дѣйствій Совѣта. Иссахаръ торжествовалъ и считалъ уже свою битву выигранной. Одни кричали за него, другіе противъ, но послѣдніе были уже въ меньшинствѣ, и дѣло ежеминутно грозило дойти до общей свалки. Еврейскія «бегуельс» и «махлейкесъ» — то-есть смуты и раздоры, казалось, достигли полного разгара. Тѣсно раздавались съ бимы громкіе удары кожаной хлопушки, чтобы возбудить вниманіе толпы; тѣсно шаmeshи и шотры молили эту возбужденную толпу успокоиться хоть на время и выслушать оправданія и доводы другой стороны... Наконецъ-то, послѣ долгихъ усилій, авъ-бейсъ-дину удалось возстановить спокойствіе на столько, что стало возможно держать къ собранію слово.

— Вы требуете асифа? — началъ Борухъ Натансонъ. — Хорошо, будь по вашему, мы соберемъ его. Но прежде во имя справедливости и безпристрастія, вы должны выслушать и насъ, какъ мы слушали вашего витію. Онъ сказалъ все, что ему хотѣлось, и Совѣтъ пречистаго кагала, сильнѣйшій сознаниемъ своей правоты, не только не прервалъ его ни разу, но съ кротостью и смирениемъ, подобающими чистой совѣсти, имѣлъ терпѣніе выслушать до конца всѣ неслыханныя оскорбленія и поносныя ругательства этого человѣка. Опираясь на Талмудъ, человѣкъ этотъ говоритъ, будто кагалъ нарушилъ субботу. Это неправда. Тотъ же Талмудъ и великіе учителя наши, Маймонидъ и другіе свидѣтельствуютъ иное...

— Хассиды не признаютъ Маймонида, — рѣзко перебилъ оратора Иссахаръ Беръ. — По уставу хассидовъ, мудрованія его считаются подлѣ запретомъ, и ссылки на него для насъ не обязательны ⁴⁾.

⁴⁾ Маймонидъ — еврейскій ученый, мыслитель, философъ, медикъ и теологъ. Г. Богровъ («Записки еврея», стр. 7, изд. 1874.) говоритъ, что сочиненія Маймонида по всѣмъ яснымъ предметамъ такъ противорѣчивы, что, читая одно, полагаешь имѣть дѣло съ вольнодумцемъ, тогда какъ въ другомъ сочиненіи онъ — ярый поклонникъ Талмуда. Ставя его на степень великаго авторитета, хассиды вмѣстѣ съ тѣмъ презираютъ нѣкоторыя изъ его сочиненій и, по своему уставу, относятъ книгу его къ числу запрещенныхъ. Кромѣ того, по свидѣтельству Я. А. Брафмана (кн. Каг. т. I, 66, 67), въ самомъ Талмудѣ сплошь и рядомъ по одному и тому же вопросу высказываются крайне противорѣчивыя мнѣнія. Даже главные догматы іудей-

— Когда хассидамъ на руку, они его признаютъ, когда же нѣтъ — отвергаютъ, мы это знаемъ. Но хассиды не суть еще все еврейство, — спокойно возражалъ ему раввинъ! — Еврейство признаетъ его. Мы же стоимъ на твердой почвѣ еврейства, а не на зыбкой поверхности той или другой партіи. И такъ, раббосай, — продолжалъ онъ, — великіе учителя еврейства свидѣтельствуютъ иное. Пусть тотъ, кто знакомъ съ Талмудомъ, заглянетъ въ трактатъ «Іума», въ трактаты Маймонида о субботѣ и запрещеніяхъ, и онъ найдетъ тамъ ясное толкованіе, что никакая работа не возбраняется въ день субботній, когда есть *секонасъ нефошосъ* — опасность жизни, или опасность для души еврейской. Въ субботу разрѣшается помогать больному, тушить пожаръ, сражаться противъ враговъ отечества и т. д. Гаоны ¹⁾ наши говорятъ: «Суббота, какъ и другія заповѣди, преступаются, если только соблюденіе оныхъ можетъ стоить намъ или другимъ жизни» и «Тотъ достоинъ хвалы, кто, преступая субботу, спѣшитъ на помощь находящимся въ опасности». Въ подлежащемъ случаѣ имѣются на лицо всѣ данныя, чтобы не только оправдать нарушение субботы, но и заслужить хвалу за это.

Среди хассидовъ раздались насмѣшливые и негодующіе возгласы протеста.

— Позвольте, не торопитесь съ вашими возгласами! — спокойно остановилъ ихъ раввинъ. — Здѣсь была явная опасность и для жизни, и для души еврейской. Въ этомъ случаѣ чуть не лишилась жизни достопочтенная *фрау* Сарра, супруга досточтимаго ребъ Соломона Бендавида, да и самъ онъ былъ на краю той же опасности.

— Это дѣло доктора, а не ваше. Докторъ и подаль ей помощь, — грубо перебилъ раввина Иссахаръ Беръ.

— Талмудъ не понимаетъ *секонасъ-нефошосъ* такъ узко, какъ угодно этому человѣку, — продолжалъ Борухъ Натансонъ, съ тою же замѣчательною выдержкой хладнокровія. — Талмудъ, къ счастью для евреевъ, разумѣетъ опасность не только физическую, для тѣла, но и моральную, для души. А развѣ нѣтъ такой опасности, когда живая, Богомъ вдохнутая,

ства Талмудъ разсматриваетъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, не стѣсняясь при этомъ высказывать самыя смѣлыя мнѣнія, при которыхъ иногда все іудейство падаетъ, превращается въ прахъ, въ дымъ. Однимъ словомъ, изъ Талмуда можно черпать какія угодно противорѣчивыя воззрѣнія, правила и т. п. Въ похвалу, напри- мѣръ, одному изъ своихъ корифеевъ, Талмудъ (Эрубинъ, л. 13, Сангердинъ, л. 9) говоритъ, что онъ могъ найти всегда въ Талмудѣ сорокъ девять доводовъ и оснований къ разрѣшенію и къ запрещенію одного и того же предмета, къ обвиненію и оправданію за нарушение одного и того же закона.

¹⁾ Великіе учителя, мудрецы.

еврейская душа готова погибнуть для еврейства, для нашей святой религии и обратиться въ нечестіе, въ конечную гибель? Во что, же мы цѣнили бы тогда это дыханіе Божіе?!.. Развѣ не должны всѣ мы всемірно стремиться спасти ее, удержать на краю пропасти, сохранить ее для еврейства?.. Если мы молимся и читаемъ особый кадешь ¹⁾ за души нашихъ усопшихъ, дабы облегчить имъ поднятіе хотя бы на одну ступень изъ мрака кафакала ²⁾ ко свѣту престола Господня, то какъ же было допустить гибель души живого существа человѣческаго, души еще не пропавшей, не осужденной, а только стремящейся въ преисподнюю, къ нравственному самоубійству?.. Душа этой несчастной дѣвушки—заблудная душа, стоящая на пути потемнѣнія разсудка. Это—то же помѣнательство, сумасшествіе или, какъ говорятъ нынѣ, невмѣняемый аффектъ страсти. Ну, а сумасшествіе — болѣзнь, вы сами это знаете. Стало быть, мы *обязаны* подать помощь болящему, ибо сказано: «Не должно колебаться и медлить ни на минуту для совершенія въ субботу *всякой* работы ради больного».

— Бефереишъ! Ясно, толково сказано! Очень хорошо! Вѣрно!—раздались сочувствующіе возгласы съ разныхъ сторонъ залы. Хасиды молчали и пасмурно переглядывались между собою, не находя подходящаго возраженія.

— Иду далѣе, — продолжалъ, между тѣмъ раввинъ. — Разрѣшено тушить пожаръ и сражаться противъ враговъ отечества. Но что разумѣть подъ «пожаромъ» и «врагами»? Одинъ ли только пожаръ матеріальнаго достоянія нашего отъ видимаго огня и одинъ ли только солдатъ непріятельской арміи?—Нѣтъ, всякій пожаръ—пожаръ лжемудрыхъ и вольнодумныхъ идей, пожаръ суесловія, пожаръ строптивости, возмущенія и бунта, пожаръ преступныхъ и пагубныхъ страстей, а въ томъ числѣ и страсти беззаконнаго любовнаго увлеченія, и т. д. Вотъ противъ этого-то пожара страсти, охватившаго больную душу несчастной дѣвушки, мы и боремся, мы и стремимся потушить его. Для этого и были вчера приняты противъ нея сильныя и рѣшительныя мѣры, благодаря которымъ она, съ Божьей помощью, быть можетъ, образумится. Затѣмъ, что до «враговъ отечества», то, увѣ!—отечества у насъ нѣтъ въ настоящее время, откуда Израиль несетъ это *голуса* ³⁾. Наме отечество нынѣ — это наши «еврейскія общины, разсѣянныя по лицу земли, и у этихъ общинъ есть свои заклятые враги, явные и тайные, и не только между невѣрными, но, къ несчастію, и между своими. Одинъ изъ такихъ враговъ явился соблазни-

телемъ названной душевно-больной дѣвицы, чтобы окончательно погубить ея душу и завладѣть ея громаднымъ состояніемъ, которое, еслибъ ему удалось его козья, было бы навѣки потеряно для еврейства. Сколько нашихъ бѣдныхъ лишились бы помощи! Сколько прекрасныхъ благотворительныхъ и просвѣтительныхъ дѣлъ и учреждений не осуществлялись бы!.. Памятуя священный принципъ еврейства «одинъ за всѣхъ и всѣ за одного», скажите сами, должны ли мы были бороться противъ такого врага, или нѣтъ?.. Отвѣчайте!.. Должны ли мы были сидѣть сложа руки и ждать, когда время не терпѣть, когда дорогъ не только день, но каждый часъ, каждая минута?.. Что жъ молчите вы?! Отвѣчайте, должны или нѣтъ, по-вашему?

Но отвѣтъ аудиторіи сказанъ лишь въ ея смущенномъ молчаніи. Головы оставались потупленными, глаза опущенными въ землю. При видѣ такого настроенія толпы, Иссахаръ Беръ, весь блѣдный, дрожавъ отъ волненія и кидаясь вокругъ себя злобные и растерянные взгляды. Онъ ждалъ и искалъ между друзьями поддержки, столь необходимой именно въ эту критическую минуту,—друзья безмолвствовали.

— А, вы молчите, вамъ нечего сказать!—воскликнулъ торжествующій раввинъ. —Что жъ, благодарите Господа, — стало быть, въ васъ есть еще здравый смыслъ и совѣсть. Не хорошо, дѣти Израиля!.. Стыдно!.. Стыдно лишать своего довѣрія тѣхъ, что всю душу за васъ полагаютъ. Но вы раскаиваетесь, я вижу это по глазамъ вашимъ, и это миритъ меня съ вами. Ну, а что до обвиненія насъ въ разрѣшеніи, якобы, купли и продажи,—продолжалъ онъ уже измѣнившимся, почти небрежнымъ и слегка насмѣшливымъ тономъ, — то обвиненія эти, послѣ всего мною сказаннаго, такъ ничтожны, такъ жалки, что на нихъ, по-настоящему, и возражать-то не стоило бы. Но все равно, заодно уже! Деньги воспрещается брать въ субботу голыми руками. Да, воспрещается, это вѣрно. Ну, а если твои руки въ перчаткахъ, можно ли назвать ихъ голыми? Или если ты принимаешь монету изъ полу одежды твоей, или въ какой-либо сосудъ, напримѣръ, въ блюдечко, и съ блюдечка, не касаясь самъ до нея руками, спускаешь ее въ твой кассовый ящикъ, какъ дѣлаетъ въ день субботній самъ суровый нашъ обвинитель, что намъ, доподлинно извѣстно,—значитъ ли это, что ты бралъ деньги руками твоими? Конечно, строго говоря, въ шабашъ *есе* грѣхъ, даже и то, что еврей дѣлаетъ *майла* ⁴⁾, но можетъ ли, по законамъ

¹⁾ Заупокойная молитва.

²⁾ Кафакаль — блуждающее состояніе душъ грѣшниковъ, не осужденныхъ еще въ адъ, но не попадающихъ и на небо.

³⁾ Изгнаніе.

⁴⁾ Суббота у евреевъ, по свидѣтельству г. Г. Богрова (стр. 19), пользуется такимъ невообразимымъ изобиліемъ запрещеній, что нѣтъ почти человѣческой возможности по субботамъ ступить ногой, сдѣлать малѣйшее движеніе, раскрыть ротъ, произнести звукъ, чтобы не согрѣ-

природы, человекъ избѣгнуть своей собственной тѣни! Вѣдь для этого пришлось бы и въ пятницу не зажигать шабашовыхъ свѣтильниковъ, — стало быть, прямо не исполнять законъ, а Господь Богъ долженъ былъ бы запретить солнцу своему свѣтить по субботамъ. Такъ точно и это. Да и, наконецъ, Талмудъ говоритъ только о деньгахъ металлическихъ, а не о бумажкахъ и документахъ, бумажка же не есть собственно деньги, а только кредитный документъ государственнаго банка, которому ты воленъ вѣрить или не вѣрить. Монета — иное дѣло, монета, разъ что она не фальшивая, имѣетъ свою постоянную, неизблемую цѣнность, а курсъ на бумажки подверженъ биржевымъ колебаніямъ, и объявивъ государственный банкъ банкротомъ, ты за всѣ твои бумажки ни гроша не получишь. Стало быть, бумажка не деньги, и принять или отдать ее, хотя бы даже голою рукою, можетъ и не считаться нарушеніемъ закона.

Послѣдній аргументъ, разыгравшійся на самой чувствительной и достолюбезной для еврея стрункѣ, не только успокоилъ, но даже приятно развеселилъ аудиторію, которая отвѣтила на него легкимъ гуломъ единодушнаго смѣха, видимо выражавшаго удовольствіе и чувство внутренняго удовлетворенія. Послѣ такихъ «неотразимыхъ» аргументовъ, ловко подкупавшихъ инстинкты своекорыстія и стяжательности, еврейская совѣсть примирилась съ фактомъ вчерашнихъ нарушеній субботы.

— Ага! верблюду захотѣлось имѣть рога, ему обрѣзали уши ¹⁾, — громко замѣтилъ кто-то изъ сторонниковъ кагала. Всѣ поняли, что это по адресу Иссахаръ Бера и расхохотались. Иссахаръ поблѣднѣлъ еще больше отъ злости. Полчаса назадъ уже торжествовавшій свою побѣду, онъ понялъ, что этотъ смѣхъ—вѣрнѣйшій признакъ его пораженія.

Въ это время выступилъ впередъ шамешъ-гакагалъ, съ открытымъ пинкесомъ въ рукахъ, и громко заявилъ, что онъ тоже «имѣетъ сказать свое слово», а затѣмъ объяснилъ «всему благородному и благочестивому собранію», что хотя извѣстные постановленія Совѣта и были сдѣланы, въ силу чрезвычайныхъ обстоятельствъ, вчера, но записъ о нихъ въ пинкесѣ значится подъ сегодняшнимъ числомъ, — вотъ,

шить при этомъ противъ Гилхесъ Шаббасъ (установъ субботній). Ступилъ нечаянно еврей ногою въ рыхлую землю—грѣхъ, нечаянно скрипнулъ стуломъ или дверью—грѣхъ, нечаянно убилъ насѣкомое, сломалъ соломинку, порвалъ волосъ—грѣхъ, грѣхъ и грѣхъ. Чтобы какъ-нибудь не согрѣшить въ субботу, еврею слѣдовало бы всѣхъ цѣлые сутки въ воздухѣ, безгласно и неподвижно, но и тогда онъ согрѣшилъ бы, потому что онъ своею особой *сласть тана* — *милль*, а это тоже грѣхъ.

¹⁾ Талмудическая пословица.

глядите и читайте сами: «Первый день недѣли, Отдѣлъ Бейа-тэйсго, 18 Сивана 5636 года» ¹⁾.

— Это ложь! Обманъ! Подлогъ!—завопилъ съ амвона Иссахаръ Беръ, понимая, что это канцелярской уловкой предусмотрительный кагалный нотаріусъ сбиваетъ его и съ послѣдней боевой позиціи.—Писали вчера,—надрывался онъ во все горло, обращаясь къ толпѣ;—да, вчера, а выставили сегодняшнее число, чтобы не было формальной улики!.. Не только народъ морочить, самого Господа Бога обмануть хотятъ!.. Я утверждаю, что это подлогъ!

— Подлогъ?—иронически обратился къ нему шамешъ.—Его честь изволитъ говорить «подлогъ»? Его честь можетъ доказать это?.. было бы очень любопытно послушать — его честь такъ хорошо доказываетъ. Докажите, пожалуйста!

— Подлогъ! Наглый подлогъ!—вопилъ, между тѣмъ, наконецъ обовзанный Иссахаръ, теряя послѣднее самообладаніе.

— Никто доказать этого не можетъ,—спокойно отвѣчалъ ему шамешъ.—Никто! Потому что записъ сдѣлана мною уже по заходѣ шабаша. Свидѣтельствуюсь, раббосай, нами всѣми,—обратился онъ къ толпѣ,—что ребъ Иссахаръ Беръ своими словами нанесъ тяжкое оскорбленіе моей чести, за которое я призываю его къ суду бейсъ-дина.

— Куда хотите! Хоть къ отцу вашему, дядю!—сильно жестикулируя и виѣ себя отъ бѣшенства, кричалъ Иссахаръ охриплымъ, надорваннымъ голосомъ.—Всѣ вы мерзавцы, мошенники!.. Я не боюсь васъ и ни одному вашему слову не вѣрю!.. Все, что вы здѣсь говорили, все это ложь, софизмы, натяжки!.. Я протестую противъ такихъ безстыдныхъ доводовъ!.. Я предаю поступокъ вашъ гласности, а обращусь открытымъ писемъ ко всѣмъ нашимъ цадикамъ, ко всѣмъ гаонамъ всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и пусть они разсудятъ между нами! ²⁾.

¹⁾ При общественныхъ богомоленіяхъ, три раза въ недѣлю, а именно: по поведѣльникамъ, четвергамъ и субботамъ, равно и въ праздники, совершается чтеніе изъ Торы. Для этой цѣли, согласно числу субботнихъ дней въ году, все Пятикнижіе раздѣляется на 54 отдѣла (*сидросъ*), изъ коихъ одинъ, иногда два (указанные въ еврейскомъ календарѣ) читаются каждую субботу въ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ, такъ что вся священная Тора должна быть прочитана въ теченіе года. Для этихъ чтеній, каждый отдѣлъ раздѣляется, въ свою очередь, на отдѣленія—*паршосъ*, и носитъ свое особое названіе, напр. Верешить, Ноахъ, Лехъ, Ваэра, и т. д. Именемъ отдѣла обозначается вся недѣля, предшествующая субботѣ. Въ годы, заключающіе въ себѣ 55 субботнихъ дней, отдѣлъ Шеминя читается два раза. Первый же отдѣлъ Пятикнижія (Верешить) читается осенью, въ первую субботу послѣ праздника Кушпей, знаменуя собою начало еврейскаго года.

²⁾ Цадиками называются современные еврейскіе святые и чудотворцы. Лучшую характери-

Нѣкоторые изъ наиболѣе горячихъ и убѣжденныхъ сторонниковъ Иссахара снова-было заволновались и подняли говоръ и «галласть»; но въ это самое время послышались вдругъ какіе-то новые крики, не внутри, а снаружи бейсы-гакнесета. То были громкіе вопли навики, скорби и отчаянія, гдѣ сливались голоса дѣтей, мужчинъ и женщинъ,—и въ ту же минуту въ синагогу ворвалась со двора толпа блѣдныхъ, окровавленныхъ и ошалавшихъ отъ ужаса людей.

стику этого рода людей находимъ у г. Г. Богрова (стр. 92), который говоритъ, что цадикъ— „это ядовитые паразиты, питающіеся потомъ и кровью своихъ безчисленныхъ жертвъ; это сѣтели суевѣрія и тьмы, безсовѣстные факторы на биржѣ религіи, коварные посредники между небомъ и землею, торгаша райскими продуктами; это неважѣнный ракъ на наболѣвшемъ организмѣ еврейской націи“. Цадикъ достигаетъ своего величія и народнаго довѣрія не упорнымъ трудомъ, какъ ученый, и не постомъ и молитвой, какъ аскетъ, но прямо изъ утробы матери рождается на свѣтъ готовымъ цадикомъ. Безъ всякаго труда, онъ вкушаетъ все блага земныя, на него трудятся тысячи рукъ, и женится онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ, причемъ жена его получаетъ титулъ раввины (*рабечене*). Цадикъ живетъ просторно, роскошно, иногда даже изящно, имѣютъ цѣлую шайку тѣлохранителей, помощниковъ и глашатаевъ, распространяющихъ молву о чудныхъ, необыкновенныхъ дѣяніяхъ этихъ великихъ мужей. Цадикъ обладаетъ большимъ количествомъ драгоценностей, держитъ своихъ лошадей и щегольскіе экипажи; иные даже содержатъ у себя на дому цѣлыя еврейскіе оркестры, для которыхъ сами сочиняютъ пьесы, переходящія затѣмъ къ евреямъ, какъ святыня. Къ цадикамъ со всѣхъ сторонъ стекаются легковѣрные сыны Израіля, обманутые ихъ ложною славой. За деньгъ, цадикъ лѣчатъ отъ неплотія и исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней; когда же исцѣляемый умираетъ, то это приписывается тому, что онъ, вѣроятно, опять нагрѣшилъ или не исполнилъ въ точности наставленіе цадика; но слава самого цѣлителя ни мало не страдаетъ отъ такой неудачи. Если цадикъ кого проклянетъ, тотъ погибъ. Заклинанія цадиковъ почти всегда сбываются съ изумительною точностью. Скажетъ цадикъ: „да накажетъ его Господь огнемъ!“—и черезъ нѣсколько времени все имущество несчастнаго сгораетъ (поджигателями являются сами же ловкіе приспѣшники святого мужа). „Да обнищаетъ онъ какъ Іовъ!“ проклянетъ цадикъ—и проклятый, въ короткій промежутокъ времени, обѣднѣетъ, потому что евреи, страшась гнѣва всемогущаго цадика, немедленно прекращаютъ съ отверженцемъ всякія коммерческія отношенія, кредиторы приступаютъ чуть не съ ножемъ къ горлу, а должники считаютъ себя въ правѣ не платить ни одного гроша. Булuchi круглыми невѣждами въ законъ, цадикъ тѣмъ не менѣе считаютъ себя компетентными разрѣшать, по собственному усмотрѣнію, юридическіе и религіозные вопросы. Благодаря громадному вліянію цадиковъ на еврейскія массы, ихъ боятся всѣ, даже просвѣщенные люди между евреями, воплоти понимающіе все ихъ шарлатанство. Поэтому нельзя не признать большимъ подвигомъ со стороны г. Богрова рѣшимость открыто разоблачить сущность цадикизма.

— Ой-вай!.. Вай-миръ!.. Геватъ!—неистово вопли они дикими, перепуганными голосами. — Спасайтесь! Спасайтесь! Бѣда! Настъ бѣуть и грабать... врываються въ дома, ломають лавки... Погромъ!.. Погромъ всеобщій!..

— Кто?.. Гдѣ?.. Что такое?—вопросили ихъ всполошенные члены кагала и другія лица.

— Акимы, гоимъ бѣють и рѣжутъ... Разорили базаръ, шинки поразбивали... преслѣдуютъ по всѣмъ улицамъ... Цоресъ!.. цоресъ грейсе!.. Конецъ Израілю! Михшаулъ—погибелъ!..

Видъ ворвавшихся въ синагогу людей былъ ужасенъ. У однихъ — изодранныя и перепачканныя грязью и кровью одежды, у другихъ — синяки подъ глазами, или разбитые въ кровь носы и зубы, вырванные на половину бороды, испарянные лица и руки... Все это слишкомъ краснорѣчиво свидѣтельствовало о какой-то страшной, неожиданно-страшнейшей бѣдѣ и какъ будто пророчило еще большія бѣды. Вой, стонъ, плачь и рыданія оглашали стѣны молитвенной залы. У всѣхъ присутствующихъ дрогнуло сердце.—Рибоно шель оломи! ¹⁾. Что тамъ такое?!.. За что?.. Зачѣмъ?.. Почему?.. У каждаго изъ нихъ есть свой домъ, своя семья, малыя дѣти,—что съ ними въ эту минуту? Цѣлы ли, живы ли? Господи Боже!..

И вся синагога, какъ одинъ человѣкъ, стремительно бросилась къ выходу спасать свои дома и семьи.

XXVI.

Еврейскій погромъ.

Послѣ того какъ полиція прогнала отъ женскаго монастыря толпу еврейскихъ эшеботниковъ и приставила къ обомъ монастырскимъ воротамъ временные посты, безпорядки больше не возобновлялись. Остальной день прошелъ на улицахъ совершенно спокойно, и потому вечеромъ губернаторъ разрѣшилъ полиціи-мейстеру снять къ ночи оба монастырскіе поста, въ виду вообще недостаточнаго числа полицейской силы въ городѣ. Ночь прошла тоже въ полномъ спокойствіи.

Настало ясное утро воскреснаго дня,—и въ городѣ со всѣхъ окрестностей потянулись на волахъ крестьянскіе возы, нагруженные дровами, сѣномъ и другими сельскими продуктами, такъ какъ по воскресеньямъ въ Украинскѣ, на базарной площади, обыкновенно открывался большой торгъ, въ силу давнымъ-давно уже установившагося обычая. Выѣстъ съ возами, шло въ городъ не мало и сельскаго люда, въ праздничныхъ нарядахъ. Многія бабы несли на продажу куръ, сметану да яйца или «рядно» собственнаго тканья, а изъ мужиковъ—

¹⁾ Создатель міра!—Одно изъ обычныхъ еврейскихъ восклицаній.

ной тапцалъ на смычкѣ залишного бычка, тотъ гналъ поросятъ, этотъ гусей или «качекъ»; большинство же просто срело себѣ безъ ничего, съ дымящимися «люльками» въ зубахъ, степенно опираясь на дубинки, а кто помоложе — на батожки, и мирно «балакала» сосѣдъ съ сосѣдомъ. Шелъ весь этотъ людъ, какъ и всегда по воскресеньямъ, отстоятъ въ соборѣ обѣдню и тамъ велась послушать архіерейскихъ пѣвчихъ, а затѣмъ потопкаться по базару, купить чего-нибудь въ лавкахъ, выпить съ пріятелемъ «кручокъ горілки» въ шинкѣ, погулять на народѣ, на людей посмотришь и себя показать.

Ряды воевъ уже громоздились на площади, и зоркіе жидки пронырливо шныряли между ними, приглядываясь, приняхиваясь и прячѣваясь къ тому или другому сельскому товару, въ то время какъ полицейскіе чины съ базарными старостами устанавливали тамъ и сямъ извѣстный порядокъ между вновь прибывавшими возами. Множество крестьянскихъ бабъ въ «очипкахъ съ намітками», молодичъ въ яркихъ «хусткахъ» на голови и дѣвчата съ цвѣтущими барвинками, васылями и бархатцами въ волосахъ, — всѣ въ чистыхъ сорочкахъ и въ распахнутыхъ бѣлыхъ свиткахъ «сукныняхъ» поверхъ шерстяныхъ «плахтъ» и «спидницъ», со множествомъ «монистъ» и «коралекъ» на шеѣ, — разсѣлись говорливыми группами на травѣ соборнаго сквера и, въ ожиданіи, когда ударятъ къ обѣднѣ, обували свои босые ноги въ шерстяные чулки и новые башмаки или чоботы, бережно пронесенные всю дорогу въ рукахъ, до этого самаго мѣста. Между ними видѣлось не мало и молодыхъ «парубковъ» въ смазныхъ чоботахъ и «мушковыхъ шапкахъ; иные изъ подгородныхъ щеголяли даже «по-городскому», въ картузахъ и новомодныхъ «спинжакахъ», или въ синихъ сюртукахъ съ короткою таліей. Но большинство парубковъ держалось отдѣльно, своими особыми кучками, и занималось болѣе всего разглядываніемъ висящихъ на колокольнѣ «дзвоновъ», рѣшая внизу, «якій дзвонъ муси быть важчій, якій гулчій и якій самый тонѣсенскій?» Все это предвѣщало, какъ и всегда, самый мирный и оживленный праздникъ.

Но вотъ, по базару и скверу пошли мало-помалу смутные слухи и разговоры, будто въ женскомъ монастырѣ кто-то ночью вымазалъ святые ворота дѣгтемъ и перепачкалъ грязью, даже хуже чѣмъ грязью, написанные на нихъ святые лики. — А извѣстно, что значить у южно-русскаго народа смазать дѣгтемъ чьи-либо ворота. Кто могъ сдѣлать такую мерзость и зачѣмъ? — невольво возникали въ народѣ вопросы. — Кому же, кромѣ жидовъ! — было на это всеобщимъ, единомысленнымъ отвѣтомъ, и въ подтвержденіе такого заключенія, нѣкоторые изъ горожанъ здѣсь же, на площади, сообщали, что вчера еще «жидюга» нападала на монас-

тырь, разбила надъ вратами образъ и убила камнемъ одну монашенку, — больно много ужъ воля дали жидамъ! Совсѣмъ сѣли да поѣхали на прещеномъ народѣ!.. Всѣ эти разговоры и слухи, передаваясь изъ устъ въ уста, сдѣлались вскорѣ достояніемъ всего базара. У нѣсколькихъ парубковъ и бабъ явилась охота самимъ пойти къ монастырю, чтобы собственными глазами убѣдиться, правда ли это? Отправились.

А передъ монастыремъ, противъ святыхъ воротъ, въ это время стояла уже толпа чело-вѣкъ до ста жиденятъ и разной взрослой еврейской сволочи, поощренной вчерашней безнаказанностью. Вчера никому ничего не сдѣлали, никого не забрали, не засадили въ кутузку, не искали зачинщиковъ — разогнали только — значить, можно! Валяй!.. Наиболѣе пыліе изъ энеботниковъ и гимназистовъ, на основаніи такой безнаказанности, пришли даже къ убѣжденію, что ихъ боятся, и потому ничего имъ сдѣлать не посмѣютъ. Мы-де въ своемъ правѣ протестовать и требовать удовлетворенія, — пускай возвратятъ намъ нашу еврейку.

Въ разношерстной толпѣ взрослыхъ, молодыхъ и среднихъ лѣтъ людей видѣлись и лацсердаки еврейскихъ рабочихъ, и длиннополые сюртуки ремесленниковъ, и «цивильные» костюмы болѣе «цивилизованныхъ» евреевъ, даже нѣсколько форменныхъ гимназическихъ фуражекъ; но преобладающимъ элементомъ, болѣе чѣмъ на половину, являлась все-таки еврейская чернь, изъ числа поденщиковъ, носильщиковъ, крячниковъ и тому подобнаго люда, существующаго мускульнымъ трудомъ и уличными «профессіями». Толпа эта стояла пока спокойно, но видимо издѣвалась надъ чѣмъ-то и каускивала голоштаннхъ жиденятъ въ ермолкахъ и лацсердакахъ, поощряя ихъ выходы смѣхомъ и одобрительными возгласами. Уличные мальчишки взапуски швыряли въ ворота комками грязи и камнями, вертѣлись передъ ними, какъ стая чертенятъ, въ припрыжку и припляску, и кричали: «Шварце тыме! шварце тыме!.. Бейсь-гойимъ и сахъ Адойной!»¹⁾ или напѣвали нестройными крикливыми голосѣнками извѣстныя каждому школьнику гѣсны: «Какъзъ нѣхъ клѣштеръ махъ ацейлемъ» и «Цейлемъ фацейлемъ, а тохесъ алейлемъ, унъ галъ гуидъ»²⁾. Случайные и рѣдкіе прохожіе

¹⁾ Черная нечисть (т. е. монастырь и монахи). Домъ гойевъ (т. е. церковь). Богъ сокрушитъ! Последнее изреченіе изъ Притчей Соломоновыхъ, гл. XV, 25, примѣненное евреями къ современности.

²⁾ По преданію еврейскіхъ фанатиковъ, требуется, чтобы каждый мальчикъ-еврей, учаща-ся у меламды, зналъ возможно больше гадикъ, богохульныхъ стиховъ на христіанскую религію, и меламды стараются этимъ отличать передъ родителями учениковъ (И. Лютостанскій, стр. 33,

изъ христіанъ приостанавливались на минутку въ изумленіи, при видѣ этой кривляющейся «жидовы» и, не понимая, въ чемъ дѣло, или только удивляясь про-себя:—гдѣ же, молъ, эта полиція и чего она смотритъ!—проходили мимо, тогда какъ другіе, держась поодаль, оставались на мѣстѣ и ждали, что будетъ дальше. Но скромное присутствіе пяти-шести такихъ человѣкъ нисколько не смущало толпу еврейскихъ озорниковъ; напротивъ, это бездѣйствіе, это отсутствіе протеста со стороны такихъ случайныхъ свидѣтелей какъ бы подымало ихъ еще болѣе показывать свою удалъ.

Въ это-то время подвалившая съ базара кучка парубковъ и женщинъ приближалась къ монастырю и видѣть во-очію разбитое стекло на образѣ, мази дегтя на воротахъ, лки святыхъ угодниковъ, забросанные грязью, и эту самодовольно издѣвающуюся жидовскую араву. Чувство негодованія охватило крестьянъ, пораженныхъ видомъ такого безобразія.

— Господи Боже-жъ мій! Що се таке? качая головами и крестясь, загомонили возмущенныя женщины.—Хиба жъ начальство не бачить?! Чи то жъ можно такъ?!.. Яку шкоду наробили, та-й ще рыгочуть!.. Хлопці! та чого жъ ви мовчки стоите? Та наклады-бо имъ, пархатымъ, по горбу!

— Геть видсюди! До біса, псяюха!—кинувшись на жидовскую араву подозрѣнные парубки и стали здорово накладывать, кому по чѣмъ попало, и по шеямъ, и по мордѣ.

Еврей было подальше сначала, но видя себя въ большинствѣ, остановился и, въ свою очередь, подозрѣнные кѣмъ-то изъ своихъ, бросились съ кулаками и камнями на парубковъ. Завязалась горячая драка. Сознывая перевѣсъ силы на своей сторонѣ, озлобленные жидки вошли въ азартъ и дружнымъ натискомъ поперли христіанъ къ базару. При этомъ досталось отъ нихъ и женщинамъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, опередивъ своихъ отступавшихъ и отбивавшихся парубковъ, первыми прибѣжали въ полустерзанномъ видѣ на базаръ и подняли крикъ: «Ратуйте, хто въ Бога вірує! Жиды нашихъ хлопцівъ бьютъ!»

Какъ нарочно, въ это самое время, на базарной площаді, какой-то пьяный великороссъ рабочій былъ вытолкнутъ взашей изъ жидовскаго шпанка на улицу, и такъ неудачно, что, при паденіи со всѣхъ ногъ, расквасилъ себѣ носъ до крови.

— Братцы! народъ хрещёный!—слезно взмолился и завопилъ онъ, поднявшись кое-какъ на ноги.—За что же такъ?!.. Майстрова че-

ловѣка бьютъ.. Сами, значить, обещали, сами ограбили, да еще—въ какъ, въ кровь...

Сторону пьяненькаго собрата тотчасъ же приняли другіе великорусскіе рабочіе,—а было ихъ тутъ не мало: и желѣзнодорожные, и фабричные съ сахарозаводскими, и землекопы. Пошелъ промѣжъ нихъ ропотъ: «Что жъ это, и въ самъ-дѣлы! Жидъ новѣ Рассею ужъ обижать сталъ,—нешто это порядокъ!?. Да чего глядѣть-то имъ въ зубы!.. Проучить жидову! На царя! ее! Не дадимъ расейскихъ въ обиду!.. Нут-ка! На уру!..

И живо образовавшаяся толпа рабочихъ бросилась разбивать жидовскій шикокъ, изъ котораго за минуту предъ симъ былъ вышвырнутъ ихъ сотоварищъ.

Этотъ моментъ случайно совпалъ съ крикомъ прибѣжавшихъ отъ монастыря женщинъ. Вопли ихъ подняли на ноги и всю малорусскую публику. Раздался по базару призывные крики: «Гей, панове-громада! Жиды церкву разбили! святый хрестъ спаскудыли! нашихъ хлопцівъ бьютъ!.. Гайда жидывъ бить!».—И одна гурьба бросилась на выручку своихъ отступавшихъ парубковъ, другая стала тутъ же, на площади, бить жидовъ-торговцевъ, скупщиковъ и перекупщиковъ, разбивая и разнося въ-размѣтъ ихъ ятки, лари и рундуки, а затѣмъ накинута на скученныя вокругъ базара мелкія лавченки со всякой всячиной, — и черезъ нѣсколько минутъ вся еврейская торговля, какъ на площади, такъ и въ окружающихъ ее лавочкахъ, уже не существовала. Работавшіе сначала какъ бы въ-разбродъ, независимо одинъ отъ другихъ, «хохлы» и «кацапы» ¹⁾, покончивъ съ базаромъ, соединились въ общую дружную массу и разлились отдѣльными толпами по разнымъ, выходящимъ на площадь, улицамъ, направляясь въ особенности въ узкіе и тѣсныя еврейскіе кварталы. Въ улицахъ слышался глухой шумъ, гулъ и стукъ отъ снѣжно заправившихся еврейскихъ лавокъ и магазиновъ и раздавались тревожные крики, мѣшавшіеся съ перекатымъ «ура» наступавшихъ крестьянъ и рабочихъ. Позатворявъ лавки, евреи снѣжили расходиться по домамъ, но толпа кидалась вслѣдъ за бѣгущими. Впереди ея, по большей части, работали мальчишки и подростки, выбивая на пути стекла въ еврейскихъ домахъ и магазинахъ. Еврей торопливо запирали у себя ставни, ворота и двери, и старались запрятаться на чердакахъ, въ подвалахъ или въ домахъ и квартирахъ обывателей-христіанъ, въ особенности у русскихъ. Видя, что въ этихъ квартирахъ, какъ и въ русскихъ домахъ, выставлены въ окнахъ образа, и что толпа, яростно набрасываясь только на еврейскіе дома и лавки, заботливо обходитъ тутъ же, рядомъ, отворенные магазины рус-

34). Приведенные стихи, хорошо извѣстные каждому еврею, начиная отъ самаго закоренѣлаго невѣжды и фанатика и до самыхъ образованныхъ, заключаютъ въ себѣ такіа хулы на св. Крестъ, что на переводъ ихъ по-русски рука не подымается.

¹⁾ Такъ на Украйнѣ зовутъ великороссовъ.

скихъ купцовъ, гдѣ всѣ товары оставались на выставкѣ, въ обыкновенномъ порядкѣ, и гдѣ хозяева нисколько не боялись за свою безопасность,—болѣе состоятельные евреи молили русскихъ снабдить ихъ на время своими образами и предлагали купцамъ за поддержаніе иконъ большія деньги. Кромѣ того, они усердно чертили мѣломъ на своихъ дверяхъ и воротахъ кресты, забывъ, что изображеніемъ этого ненавистнаго имъ «шесы-войаревъ» наносятъ величайшее оскорбленіе своимъ собственнымъ вѣрованіямъ, и вымаливали у русскихъ купцовъ отпустить къ нимъ за деньги своихъ приказчиковъ, въ томъ расчетѣ, что авось-либо толпа, увидя за прилавкомъ русскаго человека, приметъ и лавку за русскую. Но толпу обмануть было трудно: она чутьемъ угадывала, и всегда безошибочно, что дѣйствительно принадлежитъ христіанамъ и что жидамъ. Не трогая ничего у первыхъ, она останавливалась передъ каждой еврейской лавкой или магазиномъ и, прежде всего, при помощи камней изъ разобранной мостовой, разбивала у ставенъ и дверей желѣзные болты и запоры, сбивала замки, или просто высаживала тѣми же болтами и кольями дверь, открывая себѣ такимъ образомъ входъ во внутрь помѣщенія. Тѣ, кто были ближе и руководили атакой, входили первыми въ магазинъ и выбрасывали товары на улицу толпѣ, тѣсно облегавшей входъ. Все, что попадало въ ея руки, немедленно ломалось, разрывалось на части и въ испорченномъ, исковерканномъ видѣ топталось на мостовой. Цѣлыя пуги голландскихъ полотенъ, сукна и матерій предварительно надрѣзывались вдоль на нѣсколько частей, затѣмъ раздирались и смѣшивались съ грязью. Изъ бакалейныхъ складовъ вылетали и бились въ дребезги бутылки шампанскаго, ликеровъ, дорогихъ винъ и прованскаго масла, банки съ вареньемъ и разные консервы, боченки и ящики со сластями, пряниками, сигарами и сушеными фруктами; головы сахара выдвигались въ сточныя канавы, цыбики чая и бочки кофе разсыпались по улицѣ. Въ шинкахъ и винныхъ подвалахъ разбивались и выливались на землю бочки съ водкой, такъ что въ подвалахъ этихъ люди ходили буквально по колѣна въ «жидивской горілці». Прилежавшая къ базару Соборная улица, на которой находились лучшіе магазины, положительно сплошь была устлана перепачканными коврами, мѣхами, сукнами, бархатомъ, шелковыми и другими матеріями, кружевами и лентами. Все, что не могло быть втоптанно въ прахъ и въ грязь водосточныхъ канавокъ, несло въ базаръ и тамъ втискивалось въ бочки съ дегтемъ. Осколки фарфора и хрустала изъ посудныхъ лавокъ, духи и косметики, разныя изящныя вещицы и «галантерея», принадлежности мужского и дамскаго туалетовъ, — покрывали всѣ тротуары,

всю улицу. Мѣдная и жестяная посуда, кастрюли и самовары летали какъ мячи и бросались о камни до тѣхъ поръ, пока не принимали видъ безформеннаго металла...

Покончивъ гдѣ-либо съ нижнимъ этажемъ, нѣсколько жокавъ, по внутреннимъ лѣстницамъ, а мальчишки даже по водосточнымъ трубамъ, добирались до верхняго этажа. Стоящая внизу толпа нѣсколько отступала, въ ожиданіи, чѣмъ-то сейчасъ обнаружится верхняя дѣятельность застрѣльщиковъ. Эти же не заставляли долго ждать ея результатовъ: быстро, со звономъ и дребезгомъ, вылетали одна за другой нѣсколько оконныхъ рамъ, и вслѣдъ затѣмъ на улицу летѣло все, что могло пролѣзть въ окна; остальное же портилось на мѣстѣ. Письменные столы и денежные кассы валялись и опустошались. Все, что тамъ хранилось — документы, банковыя и дѣловыя бумаги, коммерческія и инныя книги, записи и счета, даже кредитныя бумажки—все это разрывалось въ мелкіе клочки и пускалось по вѣтру.—«Не добромъ нажѣте, не добромъ и погине!» говорили при этомъ крестьяне. Появленіе въ разбитыхъ окнахъ цѣнныхъ и громоздкихъ вещей, въ родѣ люстръ, зеркалъ и вазъ, или столовъ, шпинно и швейныхъ машинъ, шумно привѣтствовалось радостными криками толпы, которая доканчивала внизу разрушеніе этихъ предметовъ. Но болѣе оживленную веселость возбуждали тѣ минуты, когда появлялись въ окнахъ «жидивскіе бѣбехи» — подушки и перины, и изъ нихъ выпускались тучи мягкаго пуха, долго носившагося потомъ въ воздухѣ и покрывшаго собою крыши, деревья и улицы, точно снѣгомъ. «Ото жидивска зима!» острили между собою крестьяне. Бѣбехамъ еврейскимъ доставалось чуть-ли не больше всего остального.

Проходи все сметающимъ ураганомъ по улицамъ, великоруссы въ толпѣ обыкновенно шли впереди, сильно жестикулируя и ободряя другихъ: «Не оставай, братцы! Вали дружище!.. Разъ, два, три бери! Ура-а!»—Малоруссы не отстаютъ, но идутъ спокойно и, принявшись за работу, продолжаютъ ее не горячася, съ настойчивостью и увѣренностью въ успѣхѣ. «Капаны», соединясь съ «хохлами», какъ бы восполняли другъ друга: первые начинали и производили погромъ наскоро, быстро, лишь бы успѣть разгромить побольше домовъ и лавокъ; вторые—шли за ними и разрушали, но такъ, что послѣ нихъ не оставалось уже ровно ничего, что можно было бы еще испортить. Въ тѣхъ домахъ, которыхъ коснулась ихъ рука, уцѣлѣли буквально одни лишь полы да отѣны; все же остальное—окна, рамы, двери, посуда, одежда и рухлядь—все это разрушено, поломано, выброшено и изодрано. Женщины неистовствовали не менѣе мужчинъ. — «А то за усѣ вже разомъ, трясця ихъ матери!»—И

замѣчательно, что несмотря на совершаемыя безчинства, настроеніе толпы, въ общемъ, было вовсе не злое, — напротивъ, скорѣе веселое, даже, можно сказать, добродушное. Побой, бо-лѣе или менѣе жестокіе, ограничивались только первыми минутами, когда надо было отстоять своихъ и отомстить за «майстрового чело-вѣка», но затѣмъ, толпа уже не была, кромѣ какъ при встрѣчѣ со стороны евреевъ особаго сопротивления, а только истребляла товары и имущество. — «Та я бѣ ёго й не бивъ, може винъ и добрый чоловѣкъ; та дѣ жъ тамъ було вано-вѣты, якій винъ! Хйба-жъ я виненъ, що винъ жидомъ вродився!» оправдывались потомъ арестованные крестьяне. Вообще, видно было, что противъ каждаго еврея, въ отдѣльности, толпа и ничего, пожалуй, не имѣетъ, а тѣшится и кружить коршуномъ надъ «жидовствомъ» вообще, вымещая на немъ, за-одно уже, все, что накопилось долгими годами отъ него на крестьянской шкурѣ, все жидовское прерзніе къ ней, всё плутни, обманъ, обмѣръ, недовѣръ, эконо-мическій гнетъ шинкарей и «посесоровъ» и всяческую эксплуатацію.

Погромъ начался около десяти часовъ утра, когда не начинали еще благовѣщать къ обѣднѣ. Узнавъ о «безпорядкахъ», начальство страшно переполошилось. Губернаторъ въ первую минуту совсѣмъ было потерялъ голову и не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться. Полиціймейстеръ поставилъ на ноги весь штатъ городской полиціи; но что могли тутъ сдѣлать какіе-нибудь два-три десятка городовыхъ и пожарныхъ!... Наконецъ, супруга надумала «Мои-Симона» обратиться къ помощи войска. Онъ тотчасъ же полетѣлъ къ командирамъ уланскаго полка и стрѣлковаго баталіона и потребовалъ отъ нихъ содѣйствія для усмиренія «бунта», послѣдствіемъ котораго можетъ быть «соціальная революція». Въ городѣ, при штабѣ полка, находились только дежурный эскадронъ да учебная команда, которые тотчасъ же были выведены по тревогѣ въ конный строй, а остальнымъ эскадронамъ, расположеннымъ по деревнямъ, посланы съ нарочными повѣстки о немедленномъ прибытіи въ городъ. Баталіонъ тоже выслалъ отъ себя, на первый разъ, двѣ роты, держа остальныхъ, про всякій случай, въ полной готовности, въ казармахъ. Послѣ того, какъ войска были выведены на площадь, появился тамъ и губернаторъ, не забывъ накинуть на себя форменное черное пальто на красной подкладкѣ, со жгутами, и фуражку съ краснымъ околышемъ. Командиры выведенныхъ частей ожидали его распоряженій, но какъ и чѣмъ распорядиться, онъ и самъ пока еще не зналъ. Предъ его глазами лежала почти пустая площадь, съ нетронутыми возами дровъ и сѣна, но зато усыпанная остатками ятокъ и ларей, обломками

всякой мебели, разметанными повсюду товарами, жизненными припасами, лоскутками и пухомъ. Въ воздухѣ стоялъ спиртуозный запахъ отъ изобильно выпущенной на землю водки. Толпы тутъ не было, но гулъ ея побѣдныхъ криковъ долеталъ сюда изъ разныхъ улицъ и еврейскихъ кварталовъ. Наконецъ, полиціймейстеръ предложилъ, чтобы уланы, разбившись на нѣсколько разѣздовъ, охватили угрожаемую часть города съ ея окраинъ и наступали по главнымъ улицамъ къ центру, на встрѣчу толпѣ, тогда какъ пѣхота и полицейскіе частями будутъ нацирать на нее въ тѣхъ же улицахъ отъ центра къ окраинамъ и, стѣсняя такимъ образомъ съ двухъ сторонъ каждую изъ громительскихъ партій, принудятъ ихъ, такъ или иначе, слѣться. Губернаторъ согласился и рекомендовалъ командирамъ частей употребить всѣ усилія къ прекращенію безпорядка, но отнюдь не прибѣгать къ силѣ оружія, а заставить толпу повиноваться лишь силою увѣщаній и убѣжденій; вообще принять мѣры, какія угодно, смотря по обстоятельствамъ, но только не оружіе. Войска разбились на мелкіе отряды — гдѣ взводъ, а гдѣ и меньше, — и направились, по указанію полиціи, въ разныя стороны. Одинъ полувзводъ остался на площади, въ видѣ резерва, и къ нему присоединились главные административныя силы. Воинскіе отряды вскорѣ натолкнулись тамъ и слѣмъ на нѣсколько партій. Офицеры приступили къ увѣщаніямъ, но толпа нигдѣ не слушала ихъ и продолжала свою разрушительную работу. — Ну, и что жъ теперь дѣлать?.. Каждый командиръ, не смѣя употребить оружія, рѣшалъ этотъ важный вопросъ по-своему, смотря по темпераменту: одни безучастно смотрѣли, какъ громить дома и лавки и выпускаютъ пухъ; другіе бросались въ толпу и надсаживали себѣ грудь и глотку, уговаривая въ потѣ лица своего перестать безобразничать и разойтись, пока до бѣды, мирно; третьи, видя безплодность увѣщаній и не будучи въ состояніи оставаться въ пассивномъ и бесполезномъ ожиданіи, командовали наступленіе на толпу, стараясь ее оттѣснить, а когда это не помогало, приказывали бить прикладами, только не особенно сильно. Послѣднее, впрочемъ, излишне было и добавлять, — достаточно было взглянуть на солдатскія лица, чтобы убѣдиться, насколько имъ не по нутру такая роль. Сочувствіе солдатъ видимо оставалось не на еврейской сторонѣ, а потому и приклады, по большей части, дѣйствовали только «примѣрно», не нанося никакого существеннаго вреда своимъ прикосновеннымъ.

Между тѣмъ, многіе евреи, увидя появленіе войска, сильно пріободрились и стали собираться сначала въ отдѣльныя кучки, а тамъ и въ цѣлыя сборища, гдѣ преобладала, впрочемъ,

еврейская чернь и, отчасти, видѣлись *баалетимъ* — люди средняго класса. Нѣкоторые изъ такихъ сборищъ, въ ослабленіи горести отъ своихъ потерь и въ озлобленіи противъ громителей, рѣшались давать имъ дружный отпоръ, при нападеніи на жилища и лавки еще нетронутыя. Изъ этого, естественно, возникали драки; солдаты и полипейскіе бросались разнимать ихъ и старались, по возможности, захватывать и арестовывать, какъ съ той, такъ и съ другой стороны, главныхъ коноводовъ и зачинщиковъ, отправляя ихъ затѣмъ, подъ надежнымъ конвоемъ, на базарную площадь, къ резерву.

XXVII.

Мовесъ-эйлего! — Смерть голямы!

Иссахаръ Беръ, опрометью прибѣжавъ изъ синагоги къ своему дому, нашелъ его уже вконецъ разгромленнымъ. Быстро обшаривъ онъ всѣ комнаты, отыскивая свою семью и призывая жену, дѣтей, всѣхъ домашнихъ, — никакого отвѣта. Въ домѣ никого не было. Иссахару вообразилось, что жена и дѣти его схвачены и уведены толпою, которая ихъ избивала и, можетъ быть, уже замучила до смерти. Къ несчастію для себя, ему не пришло на умъ заглянуть въ темный подвалъ, гдѣ въ это самое время пребывала цѣлой и невредимой вся его семья, забившаяся въ самый темный уголъ, за пустыя бочки и ящики, не смѣя въ страхъ и ужасъ подать о себѣ голосъ. Но ужасъ и отчаяніе Иссахара дошли до крайняго предѣла, когда, вбѣжавъ въ свой кабинетъ, онъ увидѣлъ взломанный столъ, пустые ящики и разбросанные по полу всѣ свои документы и деньги въ мелкихъ клочкахъ. Возбужденный и оскорбленный до крайности еще въ синагогѣ, при пораженіи всѣхъ своихъ надеждъ и плановъ, онъ дошелъ теперь до полнаго изступленія и, схватившись за голову, побѣжалъ по улицѣ, самъ не зная куда, какъ помѣшанный, потрясая кулаками и громко вызывая, невѣдомо къ кому: «Нейкѣмо! Нейкѣмо»!..¹⁾

Въ концѣ улицы онъ наткнулся какъ-разъ, на одно изъ еврейскихъ сборищъ, поджидавшее въ сильномъ волненіи толпу громителей изъ сосѣдняго переулка. Евреи были еще въ нерѣшительности — отступить ли имъ назадъ, или дать отпоръ на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ оставались еще нетронутыми нѣсколько шпиковъ и лавченокъ, хозяева которыхъ слезно умоляли заступиться за ихъ добро, не дать его на разореніе. Въ еврейской толпѣ были и вооруженные, — кто ломомъ, кто дубиной, или коломъ, а большинство просто уличными

каменьями. Подбѣжавшій Иссахаръ, какъ раненый быкъ на аренѣ, тяжело дыша всею грудью, пасмурно, исподлобья, оглядѣлся вокругъ помутнившимся, мрачнымъ взоромъ, и вдругъ, увидѣвъ въ переулкѣ громителей, съ дикою радостью воскликнулъ. — «Ага! Наконецъ-то!..» И, вырвавъ у одного изъ рабочихъ дубину, онъ стремительно выбѣжалъ съ нею впередъ, предъ толпу своихъ единовѣрцевъ и, въ какомъ-то фанатическомъ экстазѣ, началъ проносить слова изъ извѣстныхъ пасхальныхъ молитвъ.

— «Услыши, Господи, вопль и ярость утѣшителей Твоего народа!» — громко зывалъ онъ, поднимая глаза и правую руку къ небу. — «Напитай ихъ край собственной ихъ кровью! Удоби ихъ землю собственнымъ ихъ жиромъ, и да восходитъ къ небу сирадь ихъ труповъ!..» «Излей, о, Господи, на нихъ злобу Твою, зане Израиля поругала и жилища его разорили! Да постигнетъ ихъ разъяренный гнѣвъ Твой! Гони ихъ яростно и сотри изъ-подъ небеснаго Твоего свода!»²⁾

И съ послѣднимъ словомъ, ухвативъ въ обѣ руки свою дубину, онъ высоко замахнулся ею надъ головой, и въ изступленномъ самозабвеніи, съ крикомъ «Мовесъ эйлего!»³⁾ яростно бросился на приближавшуюся толпу громителей.

Увлеченные этимъ примѣромъ, евреи кинулись вслѣдъ за нимъ — и началось новое побоище.

— Ага! — кричали они, — вы зѣ насъ выпустили пугъ, мы зѣ васъ будемъ выпускать дугъ!

Къ счастью, въ самомъ началѣ столкновенія налетѣлъ на дерущихся уланскій разѣздъ и энергично сталъ разговять ихъ напоромъ своихъ лошадей и тупыми концами опущенныхъ пикъ. Остервенѣвшій Иссахаръ, не разбирая уже, по комъ и по чѣмъ бить, замахнулся было дубиной на врѣзавагося въ свалку лихого вахмистра. Но тотъ, замѣтивъ это, во-время успѣлъ отпарировать страшный ударъ, полоснувъ саблей по концу дубины съ такой силой и такъ ловко, что сразу вышибъ ее изъ рукъ противника. Въ это время съ тылу успѣлъ подбѣжать цѣлый заводъ стрѣлковъ и, съ ружьями⁴⁾ на руку, оцѣпилъ всѣхъ перемѣшавшихся въ свалкѣ евреевъ и русскихъ. Въ виду склоненныхъ на толпу штыковъ, драка прекратилась. Двое уланъ, соскочивъ съ коней, схватили Иссахаръ Бера и, скрутивъ ему чумбуромъ руки назадъ, передали, какъ арестанта, своимъ товарищамъ, вмѣстѣ съ дубиной, захваченной, кстати, въ качествѣ вещественнаго доказательства. Свободный конецъ чумбура при-

¹⁾ Первая изъ этихъ молитвъ читается въ утро втораго пасхальнаго дня; вторая — при торжественномъ обрядѣ пасхальной вечера.

²⁾ Смерть голямы!

³⁾ Нейкѣмо — отщепеніе, возмездіе.

идти одинъ изъ всадниковъ, и Иссахаръ очутился на привязи. «Кацапы» и «хохлы», а отчасти и сами евреи, изъ наиболѣе малодушныхъ и перетрусившихъ въ виду собственного ареста, единогласно указывали на него, какъ на зачинщика и вожака послѣдней драки. Всѣмъ окруженнымъ, безъ различія національности, приказано было бросить на мѣстѣ всѣ свои дреколья, безмѣшны, ломы и камни, и затѣмъ, обезоруженные, они, всѣ вмѣстѣ, были отведены подъ сильнымъ конвоемъ на базарную площадь. Иссахаръ, какъ полупомѣшанный, блуждая налитыми кровью глазами, шелъ между двухъ опущенныхъ пикъ впереди прочихъ совершенно твердымъ шагомъ, какъ бы гордясь и даже рисуясь своимъ положеніемъ народнаго героя-борца и мученика, и всю дорогу не переставалъ фанатически звать къ небу громкимъ голосомъ:

— «Напитай ихъ край собственной ихъ кровью! Удоби ихъ землю собственнымъ ихъ шпромъ!».

По приводѣ на площадь, административная власть распорядилась отправить тотчасъ же всѣхъ арестованныхъ въ тюремный замокъ.

XXVIII.

Мини гошо мини.—Такъ суждено свыше.

Не избѣгъ погрома и домъ Соломона Бендавида, даже подвергся ему однимъ изъ первыхъ, благодаря своей близости къ центру города, въ одной изъ лучшихъ улицъ.

Ничего не зная и не подозревая о происходящемъ въ городѣ, старикъ оставилъ больную, только-что заснувшую жену на попеченіе старой родственницы-приживалки и одной изъ служанокъ, а самъ на цыпочкахъ удалился въ свой кабинетъ, чтобы разобраться въ ворохѣ доставленныхъ ему Каржоловскихъ документовъ. Онъ былъ удрученъ двойною скорбью: и по внучкѣ, и по женѣ, у которой, послѣдствіемъ вчерашняго нервнаго удара, оказался параличъ всей правой половины тѣла. Окоснѣвшій языкъ ея и на половину скосившіяся губы уже не могли произносить словъ, а лепетали лишь какіе-то невнятные звуки, похожіе больше на мычанье; но лѣвая рука сохранила еще слабую способность движенія. Докторъ Зельманъ, навѣстившій больную вчера еще разъ, вечеромъ, утѣшалъ старика, что это-де хороший признакъ,—все-де ничего, бываетъ и хуже, да проходить, а тутъ, съ Божьей помощью, электричество да повѣзка на воды еще такъ поправятъ почтенную *фрау*, что она и до ста лѣтъ доживетъ, пожалуй. Но въ душѣ докторъ Зельманъ не вѣрилъ собственнымъ словамъ, и утѣшалъ рабби Соломона лишь для того, чтобы поддержать въ немъ надежду и необходимую бодрость духа. Старикъ, между тѣмъ, и

самъ видѣлъ, что дѣло плохо, но старался вѣрить обнадеживаньямъ добраго доктора.—«Никто какъ Богъ», думалъ онъ. «Захочетъ спасти и спасетъ, какъ спасаетъ другихъ». Сегодня утромъ показалось ему, какъ будто старуха нѣсколько лучше, какъ будто взглядъ ея сталъ яснѣе и бодрѣе, даже на его утренній привѣтъ постаралась она отвѣтить ему нѣкоторымъ подобіемъ улыбки, взяла свободною рукой его руку и поднесла къ своимъ губамъ для поцѣлуя, и держала ее, не выпуская, пока, наконецъ, не заснула. Рабби Соломона это очень обрадовало, такъ какъ почти всю ночь она провела безъ сна, лежа недвижимо, съ открытыми глазами. Воспользовавшись минутами этого отдыха, онъ и ушелъ въ кабинетъ, приказавъ дать ему знать, какъ только жена проснется. Онъ самъ тоже нуждался въ отдыхѣ, но... это успѣется,—думалось ему,—это послѣ; организмъ его такъ силенъ, что выносилъ до сихъ поръ всякія передраги,—авось, и теперь не крикнетъ... Подождемъ сперва доктора, что докторъ скажетъ, тогда и отдохнемъ, если все будетъ ладно.

Засѣвъ за письменный столъ, рабби Соломонъ мало-по-малу такъ погрузился въ разборъ документовъ и сведеніе по нимъ счетовъ, что не обратилъ и вниманія на глухо доносившійся съ улицы отдаленный, необычный гулъ, который между тѣмъ постепенно становился все ближе и ближе. Онъ тогда только откинулся въ недоумѣніи отъ стола, когда послышалось хлопанье спѣшно затворявшихся въ его домѣ ставень, и когда онъ, одна вслѣдъ за другой, захлопнулся и въ кабинетъ, внезапно оставивъ его въ темнотѣ. Не понимая, что могло бы это значить и негодюя, кто осмѣлился такимъ шумомъ нарушить покой жены, онъ пошелъ самъ справиться у дворника, но уже въ кухнѣ наткнулся на только-что вбѣжавшихъ туда двухъ своихъ приказчиковъ, которые, въ совершенно растерянномъ, смятенномъ видѣ, объявили ему, что въ городѣ бунтъ, христіане грабятъ и рѣжутъ евреевъ. Не успѣвъ рабби Соломонъ распорядиться, чтобы спустить съ цѣпи дворовыхъ собакъ и подпереть изнутри кольями ворота и двери подъѣзда, какъ послышался странный стукъ разбиваемыхъ съ улицы ставень, и вслѣдъ затѣмъ въ кухню быстро вошла перепуганная родственница-приживалка:

— Рабби, Бога ради, ступайте скорѣе... Тамъ что-то ужасное... къ намъ кто-то лезитъ въ парадныя комнаты, въ вашъ кабинетъ...

— Балбостъ очень дурно... Скорѣе къ балбостѣ! ⁽¹⁾ кричала, между тѣмъ, бѣжавшая изъ внутреннихъ покоевъ служанка.

Бендавидъ бросился въ спальню, къ женѣ. Неподвижная, блѣдная какъ смерть, старуха,

⁽¹⁾ Балбоста—хозяина дома.

съ выраженіемъ страшнаго испуга, недоумѣнія и ужаса въ глазахъ, глядѣла на него изъ своихъ бѣлыхъ подушекъ. Заплетавшійся языкъ ея какъ будто силился что-то сказать, но вмѣсто того, изъ захлебывавшейся глотки вылетало одно только булькающее хрипѣнье. Рабби Соломонъ, преодолевъ собственный испугъ и волненіе, заботливо и любовно припалъ къ ея постели, взявъ ея руки и бормоталъ какія-то ободряющія и успокоительныя слова, а самъ отыскивалъ глазами на столикѣ капли, прописанныя на случай кризиса докторомъ. Помочь ему было некому. — Куда же, однако, дѣвались обѣ эти дуры? Убѣжали, и не идетъ ни одна!

— Эй!.. Кто тамъ!.. Подите же сюда скорѣе! — крикнулъ онъ въ полный голосъ, но никто ему не отозвался. Онъ еще громче повторилъ свой призывъ, — никто не идетъ. А между тѣмъ, въ комнатахъ, выходившихъ на улицу, уже раздавался трескъ разлетающихся рамъ и дребезжащій звонъ стеколъ... Прошло еще нѣсколько ужасныхъ мгновений, — п вслѣдъ затѣмъ послышались неистово веселые, торжествующіе крики «ура!» и грубый топотъ чьихъ-то многочисленныхъ шаговъ въ залѣ. Вотъ шаги приближаются... вотъ они разбредаются уже по сосѣднимъ комнатамъ... какія-сь, направляются сюда, въ спальню. — Рабби Соломонъ подбѣжалъ къ двери и только-что успѣлъ запереть ее на ключъ, какъ чья-то рука стала сильно дергать съ той стороны дверную ручку. Вслѣдъ за этимъ раздались удары дубинъ и камней въ самую дверь, отъ которыхъ она сотрясалась и трещала. Старикъ схватился за тяжелый старинный шкафъ и изо-всѣхъ силъ надрывался, чтобы передвинуть его въ самую дверь и тѣмъ загородить входъ грабителямъ. Но громоздкая вещь туго поддавалась его усиліямъ. Видя, что одному не справиться, онъ бросилъ, наконецъ, этотъ напрасный трудъ и — будь, что будетъ! — кинулся къ женѣ. Умирать, такъ ужъ вѣстѣ!..

И со словами: «Сарра! милая!... Никто какъ Богъ! Его святая воля!» — онъ припалъ къ ея груди, какъ бы стараясь и тутъ еще охранить ее и успокоить.

Но Сарра отвѣтила на его порывъ какимъ-то страннымъ, неестественнымъ спокойствіемъ.

Онъ пристально заглянулъ въ ея глаза, дотронулся до ея лба рукою, — все то же неподвижное, мертвое спокойствіе. Передъ нимъ лежалъ уже трупъ, съ лица котораго какъ-бы сбѣгала какая-то тѣнь, оставляя по себѣ восковую желтизну и застывающее во всѣхъ чертахъ выраженіе какой-то серьезной, недосказанной мысли.

Старикъ поднялся на ноги и, ставъ у изголовья, вполголоса началъ читать *Виддуй*, — отходную ¹⁾.

¹⁾ Собственно, сознаніе или покаяніе въ грѣхахъ, которое читается въ смертнй часъ.

Съ трескомъ распахнулась, наконецъ, выломанная дверь, — и въ комнату ворвались два-три громителя.

Рабби Соломонъ даже не дрогнулъ, даже не взглянулъ на нихъ. Глаза его были устремлены на лицо жены, губы лепетали слова молитвы.

Пораженные столь неожиданнымъ зрѣлищемъ, громители остановились на полушагѣ, точно что отшатнуло ихъ назадъ, и замерли въ безмолвномъ смущеніи. Присутствіе только-что совершившейся смерти, незримо-тайственное, какъ бы чувствовалось еще въ этой комнатѣ и обнѣвало находящихся въ ней своимъ тихимъ вліаніемъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ, невольно также поражало и это величавое спокойствіе старика-еврея. Этотъ, видимо, ихъ не боялся и готовъ былъ умереть отъ ихъ руки хоть оію минуту, такъ же спокойно, какъ стоялъ, не сопротивляясь и не моля о пощадѣ.

Громители тихо и молча поднялись назадъ. Въ это время нѣсколько человѣкъ, веселою гурьбою проникшихъ въ смежную комнату, съ шумомъ и гамомъ готовы были уже идти и въ спальню, какъ одинъ изъ присутствовавшихъ здѣсь «кацаповъ» остановилъ ихъ предупредительнымъ движеніемъ руки:

— Нишкни, ребята!.. Не ходи сюда, здѣсь мертвецъ лежитъ.

Безшабашное настроеніе гурьбы разомъ упало, какъ бы рухнуло.

— Мертвецъ?.. гдѣ мертвецъ? — слышались среди ея недоумѣвающихъ вопросы, но тонъ ихъ былъ уже не буйно веселый, а какой-то опшшенный, точно бы всѣ эти люди вдругъ опомнились, отрезвились отъ чада своихъ безобразій. Послѣ этого нѣкоторые изъ нихъ входили изъ любопытства въ спальню, посмотрѣть, какой-такой мертвецъ, и постоявъ тамъ съ минутку, безмолвно удалялись осторожными шагами.

— И въ самъ-дѣлѣ, мертвецъ... Ну, его, ребята!.. Оставимъ.

— А и справди, що такъ. Не ворухъ его, хлопци! Ходьмо ліній до сосіда, — тамъ багачко добра, — знайдемо що робити.

— Якъ до сосіда, то-й до сосіда, нехай такъ... Гайдѣ, братики-сокоблани!

И гурьба спокойно направилась вонъ изъ комнаты.

Нѣкоторое время послѣ этого слышались еще топчущіе шаги, вмѣстѣ съ трескомъ, шумомъ и вознею, въ залѣ и въ кабинетѣ, гдѣ остальные люди той же партіи доканчивали еще свою работу. Но вскорѣ стихло все и тамъ. Громители покинули домъ Бендавида.

Докончивъ *Виддуй*, старикъ самъ закрылъ вѣки надъ мертвыми глазами жены, самъ задернулъ лицо ея простыней и тихо вышелъ позвать кого-нибудь изъ прислуги. Но ни въ кухнѣ, ни въ людской не было ни души. Во

дворѣ тоже вѣтъ. Всѣ куда-то разбѣжались, попрятались; на окрикъ не отзываются. Онъ обошелъ всѣ комнаты,—пусто... Повсюду слѣды страшнаго погрома. Въ кабинетѣ всѣ шкафы разбиты, старинныя рѣзкостныя вещи переломаны, драгоценныя древніе фоліанты, всѣ книги его дорогой библіотеки сброшены съ полокъ и многія перерваны, ящики письменнаго стола взломаны и опустошены... Уцѣлѣлъ одинъ лишь металлическій несгораемый шкафъ, съ секретнымъ замкомъ, гдѣ хранились всѣ банковые билеты и важнѣйшія бумаги Бендавида. Съ этимъ мудренымъ, тяжелымъ шкафомъ, какъ ни старались, ничего подѣлать не могли,—ни отворить его, ни взломать, и огранчилились тѣмъ, что опрокинули его съ досады на полъ. Но зато всѣ документы Каржолы, оставленные на письменномъ столѣ, увылъ—исчезли. Ничтожная часть ихъ валялась въ мелкихъ разрозненныхъ клочкахъ на полу, остальное пушено по вѣтру.

— Мнѣ гоно мамъ—такъ суждено свыше,—тихо прошепталъ Бендавидъ, покорно склоняя голову.—Богъ далъ, Богъ и ваялъ,—да будетъ Его святая воля!..

И одинокій, покинутый всѣми, онъ возвратился къ тѣлу жены своей.

XXIX.

Рѣшающее слово.

Къ двумъ часамъ дня, когда наконецъ прибыли въ городъ на полныхъ рысяхъ остальные эскадроны уланъ и были выведены еще двѣ роты стрѣлковъ, остававшіяся въ запасѣ, погромъ сталъ стихать и вскорѣ совсѣмъ прекратился. На площадь, то и дѣло, приводили теперь подъ конвоемъ то отдѣльныхъ вожakovъ, то цѣлыя партіи погромщиковъ, среди которыхъ не мало попадалось и евреевъ, захваченныхъ въ дракахъ. Между арестованными христіанами болѣе чѣмъ на половину было теперь пьяныхъ, напившихся даромъ еврейскою водкой. Наиболѣе пострадавшихъ, избитыхъ и раненыхъ отводили въ городскую больницу и военные лазареты, остальныхъ же препровождали, впрямь до разбора, подъ арестъ, на гауптвахту, на полицейскій дворъ, въ пожарную команду или въ тюремный замокъ. Всѣ мѣста заключенія въ городѣ были переполнены «невольниками», какъ называли ихъ крестьяне. Но многіе успѣли и разбѣжаться еще до ареста.

— Ваше превосходительство,—обратился къ губернатору правитель его канцеляріи, тоже присутствовавшій, въ числѣ властей, на площади.—Сейчасъ вотъ проѣхала къ монастырю карета преосвященнаго... Это онъ, должно быть, къ матери-Серафимѣ.

— Такъ что же?—повернулся къ нему губернаторъ.

— А какъ я давеча докладывалъ вамъ, что вся причина этихъ бѣдъ—внучка Бендавида, и вы выразили готовность уговорить игуменью, чтобъ она ее отпустила, такъ вотъ теперь, мнѣ кажется, было бы самое настоящее время отправиться къ ней вашему превосходительству... Вмѣстѣ бы съ преосвященнымъ. Онъ, вѣроятно, тоже поѣхалъ уговаривать ее.

— Почему вы такъ думаете?

— А мнѣ секретарь консисторскій сказывалъ,—недавно вотъ встрѣтился здѣсь, на площади; тоже поглядѣть приходилъ на побоище.

— Такъ вы полагаете, что теперь было бы удобно?—раздумчиво спросилъ губернаторъ.

— Самое время, ваше превосходительство, самое настоящее время. Съ двухъ-то сторонъ принявшись, вѣрнѣй ее уломаете.

— Что жъ, пожалуй,—согласился губернаторъ и, передавъ на время распоряженіе всѣми дѣйствіями вице-губернатору, велѣлъ подать себѣ свою коляску.

У Серафимы онъ засталъ уже преосвященнаго.

— Какое ужасное происшествіе!—соболезновательно качая головой, обратился къ нему владыко.

— Фу-у!.. Слава Богу, уже кончилось!—облегченно вздохнулъ на это губернаторъ, съ видомъ человѣка, только-что свалившаго съ шеи громадный грузъ.—Но это что! Это только инцидентъ,—продолжалъ онъ,—а главная-то возня пойдетъ только теперь: всѣ эти донесенія въ Петербургъ, объясненіе причинъ, разборка всѣхъ арестованныхъ, слѣдствіе... Это все такія неприятыя хлопоты.

— Вы упоминали объ объясненіи причинъ,—отнесся къ нему преосвященный.—Скажите, ваше превосходительство, какъ по вашему, что было причиной?—Меня этотъ вопросъ весьма интересуетъ.

— Мм... многое,—отвѣтилъ тотъ, принимая на себя значительный и даже государственно-глубокомысленный видъ.—Очень многое... Это вопросъ весьма сложный... Тутъ замѣшаны и экономическіе, и социальныя, и національныя стимулы... Но главная причина, такъ сказать, причина всѣхъ причинъ, это—побѣгъ внучки Бендавида.

— А что, мать Серафима, не моя правда?—обратился архіерей къ игуменьѣ.—Что я вамъ говорилъ?.. Только-что передъ вашимъ превосходительствомъ, я, чуть не слово въ слово, говорилъ то же самое,—повернулся онъ къ губернатору.—Вотъ, убѣдите, пожалуйста, мать игуменью.

— Но въ чемъ же его превосходительство убѣждать меня?—вмѣшалась монахиня.—Что оскорбили святыню обители,—это я знаю; что

сдѣлали это изъ-за дѣвицы Бендавидъ, мнѣ тоже извѣстно. Въ чемъ же еще?

— Н-нѣтъ, знаете, не то,—слегка заминаясь, мягко началъ губернаторъ.—Мое мнѣніе, если позволите откровенно высказаться, лучше бы развязаться съ ней, и чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— То-есть, какъ это?—спросила Серафима.

— Да просто, возвратите ее роднымъ, и конецъ.

— Вотъ, вотъ, въ одно слово!—перебилъ владыко.—И я вѣдь говорю то же самое... Шутка ли сказать, изъ-за какой-то дѣвочки, и вдругъ такое ужасное побоище... Да Богъ съ ней и совсѣмъ.

— Этого я сдѣлать не могу,—рѣшительно и твердо отказала игуменья.

— Mais... pardon, si je ne vois pas des raisons... Почему же собственно? Что васъ останавливаетъ?

— Именно, это побоище,—пояснила она.—Выдать имъ ее теперь, подумайте, что ее ожидаетъ, когда всѣ такъ озлоблены противъ нея.

— Да Богъ съ ней и совсѣмъ!—отмахнулся обѣими руками владыко.—Какое намъ дѣло, что тамъ кого ожидаетъ! Свои люди, сочтутся!..

— Что ожидаетъ?—подхватилъ губернаторъ.—Ничего не ожидаетъ. Moins que rien! Родные ее любятъ, я знаю ихъ, — ну, пожурить немножко, и конецъ. А что до остальныхъ, то, повѣрьте, Бендавидъ настолько богатъ и вліятеленъ, что никто ничего ей сдѣлать не посмѣетъ... И, наконецъ, я-то на что же? Развѣ я, какъ представитель власти, допущу, чтобы кто-либо смѣлъ ей сдѣлать какое зло!?

— О, для зла путей много!—замѣтила съ горькой усмѣшкой Серафима.—Но и кромѣ того,—продолжала она,—выдать имъ ее послѣ того, что она сдѣлала надъ православной святыней, это значило бы показать слабость... Для нихъ, конечно, это будетъ торжество, но для насъ...

— Нѣтъ, позвольте, — возразилъ губернаторъ, — воля ваша, но я нахожу, что евреи здѣсь правы.

— Правы?!—удивленно откинулась въ кресло Серафима.

— Правы-съ. Поставлю себя на ихъ мѣсто: еслибы они вдругъ вздумали подобнымъ образомъ обращать въ іудейство мою дочь, да я... и не знаю, на что бы я рѣшился!.. Нѣтъ, какъ хотите, это даже и не политично. Наша, такъ сказать, государственная задача здѣсь, на окраинѣ, — не раздражать les éléments de la population, а умиротворять, смягчать, какъ можно болѣе, toutes ces rudesses des antipathies nationales et des народныхъ страсти. Вѣдь мы тутъ на виду у Европы... Что Европа скажетъ, что заговорить вся пресса, подумайте!.. Вѣдь это выходитъ съ нашей стороны какой-то

средневѣковый фанатизмъ, вѣдь мы этимъ компрометируемъ наше отечество въ глазахъ всего просвѣщеннаго міра... Au fond, я вовсе не либераль, но въ этомъ смыслѣ разумно либеральныя уступки духу времени,—это нашъ долгъ, notre devoir le plus sacré, если мы любимъ свое отечество и желаемъ, чтобы и другіе его уважали.

— Откажитесь, матушка; право, лучше будетъ... бросьте!—убѣждалъ съ своей стороны и владыко.—Богъ знаетъ еще, какъ въ Петербургѣ на все на это взглянуть...

— Н-да; кѣ сожалѣнію, я долженъ буду представить въ своемъ донесеніи всю правду,—предупредилъ губернаторъ, съ многозначительнымъ и даже вѣскольکو внушающимъ видомъ.—Сколь ни неприятно, — продолжалъ онъ,—но нельзя же умолчать о причинѣ, потому что, разъ эта причина не устранена, я не отвѣчаю за спокойствіе моей губерніи... Такиа катастрофы, какъ сегодня, могутъ повториться, и тогда что же?!

— Да позвольте намъ взглянуть на эту госпожу Бендавидъ,—предложилъ архіерей, —любопытно бы поразспросить ее, поговорить... что за убѣжденная такая дѣвица?

— Это лучше всего,—прекрасная идея!—от живостью подхватилъ губернаторъ.—И въ самомъ дѣлѣ, поглядимъ, поговоримъ—я, кстати же, знакомъ немножко съ нею—можетъ, общими силами, дасть Богъ, и разубѣдимъ ее.

— Это ее только разстроитъ, но ни въ чемъ не разубѣдитъ, — возразила ему Серафима.—Она слишкомъ уже убѣжденная христіанка.

— А почему знать... Вы все-таки, будьте такъ добры, разрѣшите позвать ее.

Въ это время у входной двери игуменья слышалась обычный предупреждающій стукъ и молитвенный возгласъ.

— Аминь,—отвѣтила Серафима.

Почтительно вошла келейница Наталья и, отвѣсивъ по поясиному поклону владыкѣ и игуменѣ, подала ей телеграмму.

— Къ вашему превосходительству тоже есть,—обратилась она съ такимъ же поклономъ къ губернатору.—Разсылный несъ было къ вамъ, да увидѣлъ здѣсь коляску и просить доложить,—не угодно ли будетъ принять, за-одно же, и респонсаться.

— Очень радъ, отчего же,—если мать игуменья позволить,—охотно согласился губернаторъ.

Келейница принесла и ему телеграмму. Губернаторъ прочиталъ ее про-себя и удивился,—очень удивился даже, такъ что перевернулъ листокъ на другую сторону, чтобы убѣдиться, точно ли къ нему адресовано?.. Гм... несомнѣнно, къ нему—«Начальнику Украинской губерніи»... Внимательно перечиталъ еще разъ и, совершенно ошѣпенный, выжидающе взглянулъ на Серафиму.

— Опасения ваши, владыко, насчетъ того, какъ взглянуть въ Петербургъ, напрасны,—обратилась она къ архіерею.—Тамъ уже взглянули. Не угодно ли прослужить?

И она прочтала телеграмму, гдѣ ей предлагалось немедленно же снарядить и отправить Тамару въ Петербургъ, въ сопровожденіи благонадежной сестры, которая доставитъ и одаетъ новокрепшаемую въ пріютъ Боговѣленской Общины. Расходы будутъ возмѣщены.

— Ну-съ, ая,—вставилъ слово губернаторъ,—я получилъ отъ подлежащаго вѣдомства предложеніе оказать вамъ въ этомъ дѣлѣ все зависящее отъ меня содѣйствіе.

— Стало быть, ваше превосходительство, всѣ наши разсужденія, какъ видите, были тоже напрасны,—съ легкой усмѣшкой замѣтила игуменья.—Что же до содѣйствія,—продолжала она,—то при иныхъ обстоятельствахъ я, конечно, попросила бы васъ командировать надежнаго полицейскаго офицера, чтобы онъ проводилъ моихъ путника до границы края, но теперь, послѣ погрома, полагаю, еврей такъ притихнуть, что едва-ли въ этомъ есть необходимость.

— Нѣтъ, вѣтъ, отчего же!.. Все-таки понадежнѣе будетъ,—съ живостію возразилъ губернаторъ.—Я все-таки сдѣлаю распоряженіе, сейчасъ же, и радъ, отъ всей души радъ, какъ русскій, какъ христіанинъ, наконецъ, что вопросъ кончается такимъ образомъ! Прекрасно! Превосходно!..

И онъ откланялся Серафимѣ вмѣстѣ съ пресвященнымъ, который на прощанье преподалъ ей свое благословеніе, сказавъ, что умолкаетъ предъ волей, выше его поставленной, тѣмъ болѣе, что еще вчера, своею бумагой, доказалъ полную свою готовность содѣйствовать столь благому дѣлу.

Такимъ образомъ, господинъ Горизонтовъ и ловкій правитель губернаторской канцеляріи окончательно остались «при печальномъ интересѣ».

XXX

Отъѣздъ Тамары.

Снарядить Тамару было не долго и нетрудно, оставалось лишь пополнить кое-чѣмъ необходимымъ тотъ узелокъ, который она захватила съ собою изъ дому, да снабдить ее на дорогу сакомъ для вещей и болѣе теплою верхней одеждой. Это все нашлось въ самомъ монастырѣ, такъ что не надо было обращаться и въ лавки. Губернаторъ былъ такъ любезенъ и внимателенъ, что за часъ еще до прихода вечерняго поѣзда прислалъ въ монастырь свою собственную карету—отвезти путника на вокзалъ. Мон-Симонша тоже почтала Тамару самымъ радушнымъ заочнымъ привѣтомъ котораго, конечно, не было бы, если бы не извѣстная телеграмма изъ Петербурга. Привѣтъ изложенъ былъ по-французски на прелестномъ

листкѣ раздушенной парижской бумаги, и заключалъ въ себѣ пожеланія Тамарѣ всякихъ благъ и успѣховъ «dans le monde», съ изъясненіемъ сожалѣнія, что досадная «névralgie» не позволяетъ Мон-Симоншѣ лично проводить ее на поѣздъ съ увѣреніями, что сохранить къ ней навсегда les plus beaux sentiments d'amitié et les meilleurs souvenirs». Къ письму было и приложение, въ видѣ бомбоньерки съ конфетами и коробки со сладкими пирожками.

Когда все уже было готово къ отъѣзду, игуменья позвала Тамару къ себѣ въ келію проститься. Дѣвушка была очень взволнована, хотя и старалась казаться спокойной.

— Ну, дай вамъ Богъ всего хорошаго. Очень рада, что могла для васъ что-нибудь сдѣлать,—сердечно сказала ей Серафима.—Прощайте, моя дорогая.

Тамара, подъ давленіемъ нѣкотораго внутренняго колебанія, замедлилась предъ Серафимой на нѣсколько мгновеній. Ей чувствовалось, что въ этомъ прощаньи чего-то не достаетъ, что надо еще что-то такое, что окончательно удовлетворило бы и успокоило ее духовно, такъ сказать, освятило бы первый шагъ ея на новомъ жизненномъ пути, гдѣ видны ей пока только ближайшія вѣхи, а что за ними, что будетъ дальше—неизвѣстно...

— Благословите меня,—тихо проговорила она, опустясь предъ монахиней на колѣни и наклонивъ впередъ голову.

Серафима троекратно осѣнила ее крестнымъ знаменіемъ, и умиленная дѣвушка схватила и покрыла благодарными поцѣлуями благословившую ее руку.

— Не оставляйте, не забывайте меня въ сердцѣ вашемъ,—говорила она сквозь слезы,—позвольте мнѣ хоть нѣрѣдка писать къ вамъ, какъ къ матери... у меня явѣ ея... Вы такъ много для меня сдѣлали, не откажите и въ этомъ... Будьте мнѣ матерью!..

— Всегда, дитя мое, всегда!—съ чувствомъ проговорила монахиня, прижавъ ея голову къ своей груди, и поцѣловала ее добрымъ, материнскимъ поцѣлуемъ.

— И вѣтъ, она прошла на минуту въ свою опаленку и вынесла оттуда образокъ Богоматери.

— Вотъ тебѣ мое материнское благословеніе,—сказала она, осѣнивъ имъ дѣвушку, и надѣла его ей на шею.—Ну, теперь поѣзжай съ Богомъ... Пора. Господь съ тобою!

XXXI.

Первая капля яду.

Хотя южные вечера темны, а украинскіе уличные фонари не отличаются особенно яркимъ свѣтомъ, тѣмъ не менѣе, еще непріабраные слѣды погрома, въ нѣкоторыхъ, наиболѣе освѣщаемыхъ, мѣстахъ, были видны довольно ясно: черныя дыры выбитыхъ оконъ, зіяющія

паста воротъ безъ створъ и входовъ безъ дверей, обломки громоздкой мебели на мостовой,— все это не могло не броситься въ глаза проезжавшей мимо Тамарѣ.

— Что это такое? Отчего это?—въ недоумѣніи отнеслась она къ своей спутницѣ.

— А погромъ же былъ,—простоудушно отозвалась монахиня.

— Какой погромъ? Когда?—еще болѣе недоумѣвая переспросила Тамара.

— Сегодня утромъ. А вы развѣ не знаете?

— Ничего не знаю, и не понимаю даже, что за погромъ такой?

— Какъ же, большой погромъ, сказываютъ... Евреевъ били.

При этомъ словѣ Тамару точно бы что кольнуло въ самое сердце.

— Евреевъ?!—подхватила она, внутренно задрогнувъ,—вы говорите, евреевъ?.. Кто билъ? За что?

— А вотъ, капацы да мужики... Вообще, христіане били.

— Христіане?—недовѣрчиво повторила Тамара.—Христіане?.. Можетъ ли это быть?!

— Да вотъ, видите, какое разрушеніе, спаси, Господи... Очень сильно, говорятъ, били; много раненыхъ, войска вызывали...

— Но за что же?.. за что? — допытывала встревоженная дѣвушка.

— Не знаю въ точности,—пожала та плечами.—Наше дѣло монастырское, не въ міру живемъ... А только говорятъ, будто драка какая-то вышла передъ нашей обителью,—съ того и пошло.

«Передъ обителью»... А, это значитъ, изъ-за нея, изъ-за Тамары? Вчера тоже было что-то такое,—въ обитель ломились... Значить, что же, причина бѣдствія для соплеменниковъ,—это она, Тамара?..

И дѣвушка почувствовала, какъ въ душѣ ея что-то болѣзненно сжалось и заняло, точно бы вдругъ прозвучалъ тамъ какой-то рѣзкій диссонансъ, мгновенно нарушившій всю, только что налаженную, гармонию ея внутренняго міра.—«Христіане»... тѣ самые христіане, къ которымъ она такъ стремится...

И видитъ она по всѣмъ улицамъ, гдѣ проѣзжаетъ карета, все тѣ же ужасные слѣды разоренія, тѣ же обломки, мостовыя бѣлыя отъ пуху.—Значить, это дѣйствительно было что-то большое, громадное, на весь городъ... избіеніе какое-то... Можетъ быть, та же участь постигла и домъ ея стариковъ... «Били»... Господи! неужели и ихъ тоже били?.. Изъ-за нея, изъ-за ея поступка!..

Тоскливая мысль о старикахъ, о томъ, что и они, вѣроятно, не избѣгли общей участи, обдала ее холодомъ ужаса. Въ сердцѣ ея зашевелило что-то жгучимъ укоромъ себѣ и жалостью къ нимъ, одинокимъ, покинутымъ ею,—заговорилъ голосъ родства, голосъ крови и, вмѣстѣ съ тѣмъ, порывъ негодованія противъ тѣхъ изверговъ,

что смѣли совершить такое страшное злодѣяніе. Въ душѣ ея кричалъ призывъ къ своимъ роднымъ, и всю ее подмывало стремленіе бѣжать скорѣе къ нимъ,—хоть бы взглянуть только, что съ ними? цѣлы ли, спокойны ли?.. О, что бы дала она теперь за возможность утѣшить дѣдушку, приласкаться къ бабушкѣ Саррѣ, опять водворить своимъ присутствіемъ миръ и спокойствіе въ ихъ душахъ, увидѣть ихъ довольными и примиренными съ нею.—Да нѣтъ, гдѣ ужъ!.. Хоть бы знать только за-вѣрное, что съ ними ничего не случилось,—и это одно уже было бы счастьемъ. Но, увы! — Тамара сознавала, что и такая малость въ настоящую минуту неосуществима.—Кому какое до нихъ дѣло и какой кому интересъ узнавать въ точности, что было съ ними! Да и кто, наконецъ, можетъ сообщить ей объ этомъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда, на станцію?—Не евреи же, которые всѣ отвернутся отъ нея со злобой и презрѣніемъ. А ей бы такъ нужно объ этомъ знать, чтобы хоть чуточку успокоить свою душу, свою совѣсть... Но вотъ уже и станція—сейчасъ отъѣздъ, сейчасъ прощай, прощай всему прошлому, на вѣки!.. Тамара знала, что рѣшающее слово уже произнесено, роковой шагъ сдѣланъ, и казадъ нѣтъ возврата. Рыданія подступали ей къ горлу, хотѣлось бы выплакать всю свою боль и кручину; но она стѣснялась, ей совѣстно было плакать и тѣмъ обнаруживать состояніе своей души въ присутствіи посторонней свидѣтельницы, которая, вдобавокъ, и не пойметъ тутъ ничего, или объяснить все это себѣ совѣмъ иначе.—И Тамара перемогала себя всѣми усиліями собственной воли, чтобы только не разрыдаться. О, какъ хотѣлось ей быть одной въ эту минуту! Но есть нѣчто другое, что выше и больше ея личнаго хотѣнія и чему она — хочешь-не-хочешь — должна теперь подчиниться: она уже не свободна, не въ правѣ располагать собой; она связана своимъ словомъ, своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, своей любовью и волей любимаго человѣка, своимъ поступкомъ, наконецъ, и всѣмъ тѣмъ, что ради нея уже сдѣлано чужими добрыми людьми,—этою Серафимой, напримѣръ, которую всего лишь нѣсколько минутъ назадъ она могла быть ея матерью... Да, она сама связала себя, своею доброю волей, и казадъ ей опять-таки нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ возврата,—потому что иначе, гдѣ же правда, и въ чемъ она?

Съ этой роковой минуты Тамара почувствовала, что въ душѣ ея водворилось какое-то ужасное, непримиримое раздвоеніе и что оно не пройдетъ,—нѣтъ, оно будетъ жить въ ней всегда, ибо это она—сама. Раздвоеніе это будетъ отравлять собою лучшія, самыя свѣтлыя и радостныя минуты ея существованія. Оно, какъ внутреннее противорѣчіе съ самой собою, какъ вѣчный диссонансъ будетъ нарушать гармонию ея души и вѣчно служить источникомъ

еще многих и многих нравственных страданий въ ея жизни.

Это еще только первая капля лду.

Но... жребій брошенъ, «корабли сожжены»,—остается только кидаться впередъ, въ это море «море житейское», и—будь что будетъ!

Спустя нѣсколько минутъ, Тамара, безъ всякихъ приключеній со стороны евреевъ, тихо и благополучно уѣхала изъ Украинска. На станціи, впрочемъ, не было ни одной души еврейской,—израиль еще не успѣлъ опомниться отъ погрома.

XXXII.

Торжество кагала.

Спустя двое сутокъ послѣ побоища, въ часъ утренняго приѣма просителей, къ губернатору явилась депутація отъ городского еврейскаго общества. Онъ былъ уже подготовленъ къ ней своимъ правителемъ канцеляріи, котораго еще наканунѣ не оставилъ на этотъ счетъ въ неизвѣстности все тотъ же «миаѣйшій» Абрамъ Иоселіовичъ Блудштейнъ,—и не только въ неизвѣстности, но и не безъ нѣкоторыхъ тонкихъ внушеній и обѣщаній.

Въ составѣ еврейской депутаціи находились всѣ члены кагальнаго Совѣта, in согрого, но уже не въ качествѣ членовъ этого учрежденія, считаемаго, по законамъ Россійской Имперіи, яко-бы упраздненнымъ повсемѣстно еще съ 1844 года, а только въ качествѣ общественныхъ избранныхъ, собственно ради настоящаго случая. На сей разъ «для виду», кагалъ прихватилъ съ собою, въ составѣ «депутаціи», и такъ называемаго, «казеннаго раввина», обыкновенно считаемаго въ еврейской средѣ за ничто или, пожалуй, за нѣчто въ родѣ правительственнаго чиновника, на жалованьи отъ общества, который получаетъ его—не столько за исполненіе обязанностей, возложенныхъ на него русскимъ закономъ, сколько именно за то, чтобы не исполнять ихъ и дѣйствовать всегда и во всемъ согласно велѣніямъ и пожеланіямъ кагала. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, официально признанный фантомъ, служащій для кагала, въ иныхъ случаяхъ, «козломъ отпущенія» передъ русскою властью.

На сей разъ, представляя губернатору благодарственный адресъ, депутація даже заставила этого официального «козла» держать за нее слово предъ его превосходительствомъ.

Губернаторъ, конечно, принялъ евреевъ во всемъ благосклонномъ величіи своего положенія,—нарочно даже надѣлъ видъ-мундирный фракъ со звѣздой, и вышелъ въ залу, сіяя государственнымъ глубокомысліемъ и въ то же время самую пріятливую, обворожительную улыбку. Святу его составляли полиціи-мейстеръ, въ полной формѣ, правитель канцеляріи съ портфелемъ, и дежурный чиновникъ,

съ бумажкой для записыванія именъ и просьбъ просителей.

— Ваше превосходительство!—торжественно обратился къ нему «казенный раввинъ», отчасти держа рѣчь «своими словами», а больше—заглядывая въ текстъ раскрытаго адреса.—Позвольте вамъ выразить, что общество наше спѣшило и не медлило избрать своихъ излюбленныхъ представителей къ вашему превосходительству.

Губернаторъ сдѣлалъ благосклонный кивокъ головой и одобрительно шевельнулъ бровями.

— Вы знаете,—продолжалъ ораторъ,—какъ всегда мы васъ любили, а теперь продолжаемъ излюблять васъ еще больше, за то, что вы насъ такъ энергически защитили. Да воздастъ вамъ Богъ за это щедрое десницею воздаянія! Да сохранять васъ ангелы Его на всякомъ пути вашемъ, какъ самого царя Давида, да не споткнетесь съ ногою вашею на камень! И да возносятся еиміамъ богомоленія нашихъ за здравіе и благополучность вашего превосходительства и драгоцѣннѣйшей супруги вашей, ея превосходительства!

Опять сановно благосклонный кивокъ и комплиментный жестъ со стороны губернатора.

Ораторъ иноргнувъ носомъ, быстро проведя подъ нимъ указательнымъ пальцемъ, и продолжалъ:

— Ссправедливывы дѣйствія ваши относительно насъ, вѣрноподанныхъ руссійскихъ евреевъ, заслужили намъ общаго нашего особеннаго одобренія и благодарностью, и заставляютъ насъ даже наvertывать сплюзы на глаза наши.

Для лучшей наглядности, ораторъ полѣзъ даже въ задній карманъ за платкомъ, нарочито чистымъ, и сдѣлалъ видъ, будто дѣйствительно отираетъ «сплюзы».

— Н-но!—вдохнулъ онъ какъ бы изъ глубины сердца, — все-таки дышать намъ оставалось и остается трудно, по той самой причинѣ, что въ самомъ обществѣ нашемъ существуютъ ядовитые змѣи-искусители, племени въ доброй пшеницѣ израильской, которыхъ мы желаемъ спитреблять и вырвать съ корнемъ изъ себя.

Губернаторъ многозначительно и удивленно поднялъ брови.

— Такъ, ваше превосходительство. Говоримъ съ откровенностью, что если въ воскресенье было такое ужасное побоище, то небезгрѣшны въ этомъ и сами евреи. Съ охотнымъ сердцемъ сознаемся въ томъ. У насъ были даже свои зачинщики, и еслибы ихъ не было, то ничего бы не было. Поэтому мы не намѣрены скрывать ихъ отъ взоровъ закона и сами спѣшимъ и не медлимъ на помощь закону, да покараетъ онъ виновныхъ! Мы бы не осмѣлили себя предтавать ись такою просьбой предъ лицемъ вашей губернаторской особы, кабы могли устоять настоятельнѣйшимъ прось-

бамъ всего общества, которое виновно причастно передать къ вашему превосходительству благодарственный адресъ и общественный приговоръ, за надлежащими подписями, что мы, Украинское еврейское общество, не желаемъ больше имѣть на своей средѣ такихъ плебелювъ и змѣлювъ, какъ обыватель Иссахаръ Беръ и другіе, поименованные въ приговору, которые давно уже заставляли опасаться нашихъ сердца за свою даже палатическую неблагонадежность и которые при-злополучномъ погромѣ проявили такъ живописно свою фанатизму и свирѣпый характеръ. Мы будемъ кричать болѣе громко къ вашему превосходительству, чтобы вы избавили насъ отъ нихъ!

Вся депутація, съ почтительными поклонами, руку на сердце, единогласно подтвердила и повторила эту просьбу, добавивъ, что ей «уже не вычтно».

— Нашъ общественный приговоръ, — продолжалъ «казенный раввинъ», — присуждаетъ ихъ увъ ссылку на Сибирь, какъ злокачественныхъ прыщовъ, дабы не зачумляли собой нашево молодова поколѣнія. А за симъ, какъ будетъ угодно мудрости вашего превосходительства, но мы имѣть ихъ увъ своемъ обществу болѣе не желаемъ и за нихъ не отвѣчаемъ.

Вся депутація вторично, въ одинъ голосъ, подтвердила слова своего краснорѣчиваго оратора и почтительно представила начальнику губерніи вмѣстѣ съ адресомъ и формальный общественный приговоръ, осуждавшій на выселеніе въ Сибирь Иссахаръ Бера и пять человекъ наиболѣе видныхъ его сторонниковъ¹⁾.

Такое заявленіе пришлось губернатору какъ нельзя болѣе на руку. Съ помощью его, онъ такъ сказать, убивалъ трехъ зайцевъ разомъ. Во-первыхъ, «Европа», то-есть вѣнская жидовская «пресса», которой онъ очень боялся, не посмѣетъ уже такъ безшабашно кричать о «русскомъ варварствѣ», да и тамъ, въ Петербургѣ, не такъ легко повѣрять этимъ крикамъ, послѣ того, что сами же евреи документально заявляютъ, что первыми зачинщиками были ихъ соплеменники и даже указываютъ на личности. Во-вторыхъ, и для Петербурга — тѣ же самые евреи своимъ благодарственнымъ адресомъ выдали ему, такъ сказать, аттестатъ зрѣлости, за его энергичныя дѣйствія по прекращенію «безпорядковъ», не прибѣгая къ ору-

жію, и за его гуманность, такъ и справедливость, покрывающія ему всѣ сердца и симпатіи всего населенія. Наконецъ, въ-третьихъ, этотъ общественный приговоръ значительно облегчаетъ и сокращаетъ разборъ всего дѣла, все слѣдственное о немъ производство: виновные указаны прямо и уличаются авторитетнымъ свидѣтельствомъ своихъ же единовѣрцевъ, — чего жъ еще болѣе! Остается найти нѣсколько «зачинщиковъ» изъ русскихъ, но это никогда не трудно, и, такимъ образомъ, является счастливая возможность покончить все это неприятное дѣло въ самый непродолжительный срокъ. Виновные понесутъ заслуженную кару, общественная совѣсть получитъ должное удовлетвореніе; услужливые корреспонденты прославятъ въ отечественныхъ, а можетъ даже и въ самихъ еврейскихъ газетахъ примѣрную дѣятельность и распорядительность мѣстной администраціи; въ петербургскихъ еврейскихъ салонахъ барона Мюнцбурга и «генераловъ» Шмуйлова и Царнавакаго заговорятъ о томъ же и въ такомъ же духѣ, — а къ этимъ салонамъ, какъ извѣстно, очень и очень прислушиваются — и.. и, въ концѣ концовъ, Мон-Симонъ получитъ благодарность. Во всякомъ случаѣ, фонды его тамъ, въ Петербургѣ, несомнѣнно повысятся.

Онъ отвѣчалъ еврейской депутаціи изъясненіемъ своей сердечной благодарности за адресъ, прибавивъ, что такая лестная и безпристрастная оцѣнка его служебной дѣятельности, именно со стороны ихъ, обывателей-евреевъ, весьма ему пріятна и служить даже утѣшительнымъ воздаяніемъ за всѣ его труды и заботы о пользахъ и спокойствіи гражданъ ввѣренной ему губерніи. Затѣмъ добавилъ, что общественному ихъ приговору немедленно же дастъ законный ходъ, благодарилъ ихъ за то, что они сами такъ охотно помогаютъ правосудію въ раскрытіи истины и, въ заключеніе, сообщилъ, что вчера еще назначилъ особую комиссію, куда войдутъ и члены отъ еврейскаго общества, для разбора и опредѣленія суммы понесенныхъ евреями убытковъ.

Такимъ образомъ, обѣ стороны разстались въ полномъ взаимномъ удовлетвореніи.

Еврей депутаты были въ восторгѣ.

— Ай, хипнешъ губернатѣресъ! Дас-ист айнъ вирклихесъ начѣльникестъ! — восклицали они между собою, при выходѣ изъ губернаторской залы, нарочно для того, чтобы и эти, такъ сказать, интимныя похвалы ихъ были услышаны посторонними и переданы по назначенію.

Иссахаръ Беръ, какъ уличенный «зачинщикъ», взятый къ тому же съ полиціимъ, не былъ выпущенъ изъ тюрьмы, когда выпускали всѣхъ арестованныхъ «статистовъ» этого погрома, какъ христіанъ, такъ и евреевъ. На по-

¹⁾ Въ настоящее время приговоры общества требуютъ утвержденія высшей власти, потому что въ прежнія времена еврейскія общества, по свидѣтельству г. Г. Богрова (стр. 13), часто злоупотребляли силою своихъ приговоровъ, при которыхъ, вдобавокъ, пускали въ ходъ систему подкупа. Стоило захотѣть обществу, — и по его приговору отдавались въ рекруты, изгонялись изъ города и ссылались даже въ Сибирь, на поселеніе, всѣ тѣ, кто имѣли неосторожность попасть въ немилость обществу, т. е. кагалу.

руки же взять его было некому, такъ какъ ни одинъ еврей не отважился бы на это, подѣтрахомъ *херима*. Черезъ нѣсколько недѣль ему «вышло рѣшеніе»—и общественный приговоръ всецѣло былъ исполненъ, какъ надѣнмъ, такъ и надъ пятью его единомышленниками—нужды нѣтъ, что эти ни въ чемъ не попались и яи въ чемъ даже не были уличены. Общественный приговоръ—и довольно! Семьи ихъ остались въ круглой нищетѣ, потому что недвижимое имущество ихъ было секвестровано кагаломъ, якобы за неуплатенные имъ долги еврейскому обществу¹⁾.

По поводу этой кары, Украинскій кагалъ объявилъ слѣдующій манифестъ ко всему мѣстному Израилу:

«Мазель-товъ! *) Слѣдующею радостію да возрадуется всякій! 18-го Сивона истекающаго года, всѣ добродѣтельные обыватели нашей благочестивой общины—да процвѣтетъ она и возвеличится!—были поражены неслыханною дерзостью, съ какою бывшій *морейне*, нынѣ *амъ-гаарецъ* *), Иссахаръ Беръ и его гнусные

сотовариши такіе-то (перечисляются поименно) осмѣлились публично, въ домѣ молитвы, поносить весь Совѣтъ пречистаго кагала и обличать его якобы въ нарушеніи и оскверненіи святой субботы. Высокомудрый, высокочтимый, достойнѣйшій и великій нашъ раввинъ и господинъ, Борухъ-бенъ-Иосель Натансонъ—сей ослѣпительный свѣтъ іудейства и перлъ всякой учености, мудрости и благочестія—да возвысится слава его!—тогда же неопровержимо изобличилъ, съ непреложною очевидностію и изумительнымъ остроуміемъ, всю жалкую слѣпоту и непониманіе этихъ грубыхъ невѣждъ и интригановъ. Десница Всевышняго не оставила ихъ безъ воздаянія и достойно наказала сихъ нечестивцевъ, за оскорбленіе пречистаго кагала, рукою адоне-гаареца²⁾. Да уразумѣютъ это и остерегутся въ остальные единомышленники этихъ негодяевъ, и да вѣдомо имъ будетъ напередъ, что пречистый кагалъ знаетъ ихъ всѣхъ, на-перечетъ, и неусыпно станетъ слѣдить за ними, по вся дни живота ихъ, — ибо такая же кара отъ руки адоне-гаареца ожидаетъ и ихъ скуподумныя головы, при малѣйшемъ оказательствѣ съ ихъ стороны строптивости или вольнодумства. За малѣйшее нарушеніе постановленій кагала, за порицаніе ихъ, за сомнѣніе въ ихъ безусловной правильности и за колебаніе кагальнаго авторитета — виновные безпощадно подвергнутся ссылкѣ въ Сибирь, или иному тяжкому наказанію, по уставу о нарушеніи *херима*. На такихъ отступниковъ отъ Израиля и Закона будутъ прежде всего наложены большіе штрафы и не пошатнется ни личная честь нарушителей, ни честь ихъ женъ и семействъ, и никакія отговорки и оправданія не будутъ приняты. Покорнымъ же да будетъ пріятно, да низойдетъ на нихъ доброе благословеніе и да возрадуются они на праздникахъ и торжествахъ своихъ и сыновей своихъ, и дочерей своихъ, и внуковъ. Миръ Израилу! да будетъ на то воля Господня! Аминь».

Манифестъ этотъ, равно какъ и самая кара, разразившаяся надъ Иссахаромъ и его друзьями, произвели громовое впечатлѣніе на все, не только Украинское, но и дальнее еврейство. А въ городѣ водворилась просто паника. Противники не смѣли и рта разинуть, держались ниже травы, тише воды, даже на улицу показаться боялись... Да и сами «вѣрные» и «благочестивые» хотя и ликовали, но тоже держали ухо востро и опасались за каждое свое неосторожное слово.

Зато кагалъ,—кагалъ торжествовалъ.

ихъ въ амъ-гаарецы, т. е. въ плебен, даже хуже: въ парія, лишенные всякихъ правъ въ еврейской общинѣ.

*) Не еврейское, официальное правительство; въ буквальномъ смыслѣ — невѣжественное, некомпетентное.

1) Чтобы читателю, незнакому съ характеромъ карательной дѣятельности современнаго кагала, не показалось страннымъ, даже невѣроятнымъ, все разсказанное, авторъ, кромѣ вышеприведенной ссылки на еврейскаго же писателя, г. Богрова, считаетъ необходимымъ подкрѣпить ее еще однимъ свидѣтельствомъ. Я. А. Брафманъ (т. I, стр. 61, 62) говоритъ, что разнида, которою дѣятельность поддѣйшаго народнаго еврейскаго трибунала отличается отъ дѣятельности сейма и синедриона минувшихъ временъ, заключается въ томъ, что вмѣсто закона о публичныхъ карательныхъ мѣрахъ, пришлось вводить систему тайныхъ мѣръ къ уничтоженію евреевъ, виновныхъ предъ еврейскими законами, властями и т. п. Объ этой перемѣнѣ Талмудъ сообщаетъ намъ слѣдующее: «Со дня паденія храма, хотя синедрионъ былъ уничтоженъ и четыре рода смертной казни отмѣнены (Римскимъ правительствомъ), однако законная сила четырехъ родовъ смертной казни не прекратилась: кто подлежитъ побіенію камнями, тотъ или съ крыши упадетъ, или хищный звѣрь его загрызетъ; кто подлежитъ сожженію, тотъ погибнетъ отъ пожара, или змѣй (эмблема хитрости и коварства) его поразитъ; кто подлежитъ усминовенію мечемъ, того (по ложному доводу) предадутъ въ руки правительства (иновѣрскаго), или разбойники нападутъ на него; а кого слѣдуетъ удавить, тотъ утонетъ или умретъ отъ того, что у него сдавитъ горло» (Сангедринъ, л. 37, б.). «Намъ желательно было бы, говоритъ Я. Брафманъ, умолчать о подобной постыдной чертѣ въ древней организаціи еврейской общины, еслибы документы и факты ясно не доказывали, что приведенная звѣрская система самосуда, при которой правительственные учрежденія и власти перѣдко являются слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ евреевъ, преслѣдующихъ антиправительственные цѣли, — примѣняется и по сіе время въ подпольной дѣятельности еврейскихъ учрежденій».

2) Привѣтственное восклицаніе, смыслъ коего означаетъ «въ добрый часъ!» или «день добрый!»

*) Еврейскій кагалъ, какъ вводитъ удовольствіе ему людей въ морейне, такъ и разжалеваеъ

ТАМАРА БЕНДАВИДЪ.

РОМАНЪ.

• (Продолженіе романа «Тыма Египетская»).

I.

Нежданые гости.

Октябрь 1876 года. Слегка морозное утро. Рѣденькій снѣжокъ мелькаетъ въ воздухѣ и ложится на первую порошу, мягко зашумившую собою озимыя поля и щеткою торчащія пожни.

Пассажирскій поѣздъ одной изъ второстепенныхъ желѣзнодорожныхъ вѣтвей центральной Россіи движется по широкой равнинѣ, пересѣченной небольшими сосновыми лѣсками. Въ отдѣльномъ купѣ перваго класса сидятъ четверо пассажировъ. Старикъ генералъ, въ «тужуркѣ» съ красными лацканами, на которой отсутствіе погоны прикрывалось накинутаю сверху шинелью — маленькая невинная хитрость, къ какой прибѣгаютъ многіе отставные военные, не желающіе казаться отставными. Въ петлицѣ тужурки у генерала видна полосатая оранжево-черная ленточка, и бѣлѣтъ георгиевскій крестикъ. Рядомъ съ нимъ, запрокинувшись головою въ бархатную спинку дивана и вытянувъ, впередъ ноги, сидитъ молодая элегантная женщина, одѣтая въ мягкое дорожное платье съ широкимъ матіне, которое однако не въ состояніи скрыть ея интересное положеніе. На лицѣ этой особы замѣтно вѣкоторое утомленіе — быть можетъ, отъ дороги, быть можетъ, отъ этого ея «положенія». Противъ этой пары сидятъ два молодыхъ офицера, одинъ — армейскій уланъ, другой — гвардеецъ. Последний, съ кислотоватымъ видомъ несовсѣмъ выпавшагося человѣка, апатично позѣвываетъ и равнодушно глядитъ въ окошко на мелькающіе мимо кусты и столбы телеграфа, тогда

какъ чуткое вниманіе его сосѣда всецѣло сосредоточено на сидящей противъ него элегантной особѣ. Онъ старается незамѣтно для нея уловить въ ея лицѣ малѣйшее движеніе нервовъ, малѣйшій взглядъ или складку бровей, чтобы предугадать ея мысль, ея желаніе, ея капризъ и стремительно исполнить все, что ей хочется.

Общее молчаніе. Генералъ, время отъ времени, нервно поводитъ скулами, покусывая набѣгающіе на губы кончики длинныхъ сѣдыхъ усовъ, и пробѣгаетъ глазами смятый нумеръ «Голоса», но видно, что мысли его озабочены не вертятся на чемъ-то иномъ... Порою онъ нетерпѣливо, съ недовольнымъ видомъ выглядываетъ то въ окошко, то на свои часы и сердится на медленно ползущій поѣздъ. Сосѣдка его будто дремлетъ въ своей покойной полулежащей позѣ, а сама тоже думаетъ о чемъ-то неотвязномъ и непріятномъ. Въ лицѣ ея при этомъ сказывается порою какъ-будто тѣнь сомнѣнія, сгоняемая затѣмъ выраженіемъ непреклонной, твердой рѣшимости. Въ этомъ купѣ, повидимому, сидятъ все «свои» — или родные, или близкіе между собою люди, ѣдущіе въ одно и то же мѣсто, за однимъ и тѣмъ же дѣломъ.

— Ага! вотъ онъ, наконецъ! — громко произнесъ гвардеецъ, ни къ кому собственно не обращаясь, и съ болѣе живымъ вниманіемъ приблизилъ лицо свое къ стеклу.

Вслѣдъ за нимъ и всѣ остальные устремили оживившіеся любопытствомъ взгляды въ то же окошко. — Гдѣ? Что такое?

— Городъ Кохма-Богословскъ — русскій Манчестеръ, такъ насъ въ географіи учили.

Предъ вышедшимъ изъ лѣска поѣздомъ вдругъ открылась оригинальная картина.

На склонѣ равнины, покатою къ излучинѣ

глагола берега реки Ухды, и на другомъ, поднятомъ и нѣсколько всхолмленномъ берегу, раскинулся среди небольшихъ садовъ городъ, производящій совершенно своеобразное впечатлѣніе. Множество высокихъ фабричныхъ и заводскихъ закопѣлыхъ трубъ, попеременно съ высокими бѣлокаменными колокольнями и златоглавыми куполами старинныхъ церквей,—это сочетаніе неугомонной, кипуче-прогрессирующей промышленной дѣятельности нашего вѣка съ величавыми, вѣковѣчными символами «древлаго благочестія», смѣшеніе грохочущаго шума ткацкихъ станковъ и паровыхъ машинъ съ гуломъ церковнаго благовѣста—все это дѣлаетъ оригинальный городъ совсѣмъ непохожимъ на другіе города Россіи. Развѣ только въ нашихъ двухъ столицахъ встрѣчается такое сочетаніе фабричныхъ трубъ и церковныхъ колоколенъ, но тамъ оно, въ общей картинѣ, вовсе не кажется чѣмъ-либо особеннымъ, среди обширныхъ предмѣстій и городскихъ окраинъ, раскинувшихся на многіе десятки верстъ по окружности,—тамъ оно какъ бы ступенывается и расплывается въ самой обширности и широтѣ всей панорамы той или другой столицы; здѣсь же все это является скученнымъ на весьма небольшомъ, сравнительно, пространствѣ, и всѣ эти фабрики и заводы составляютъ самый городъ, самое ядро его, характернѣйшую его черту какъ въ центрѣ, такъ и на окраинахъ.

Поездъ замедленнымъ ходомъ приближался къ станціи. Пассажиры первокласснаго купѣ, приготовляясь къ выходу, принялись торопливо разбираться въ своихъ дорожныхъ вещахъ и помогать укладкѣ въ широкій пледъ подушечекъ и бауловъ своей спутницы. Еще минута, еще послѣдній толчекъ отъ эластически столкнувшихся между собою буферовъ и — стопъ, машина! Приѣхали.

Нагрузивъ вещами втиснувшихся въ купѣ посыльчиковъ, четверо первоклассныхъ пассажировъ сошли, вслѣдъ за ними, на людную платформу, оглядываясь по сторонамъ съ тѣмъ нѣсколько недоумѣвающимъ и озабоченнымъ видомъ, какой всегда является у людей, впервые приѣзжающихъ въ совершенно незнакомый городъ,—къ кому жъ, молъ, теперь обратиться? Куда рядить извозчиковъ, въ какую гостиницу?—чортъ ихъ знаетъ!

Въ эту самую минуту, откуда ни возьмись, на встрѣчу имъ вынырнулъ изъ вереницы сновавшихъ въ обѣ стороны людей—молодой, жиденькій еврейчикъ въ «цивильномъ» костюмѣ, и, съ подобострастной любезностію приподнимая съ головы свой котелокъ, бойко обратился прямо къ улану.

— И здравствуйте вамъ, гаспадинъ поручикъ!.. Не узнаете?

Тотъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ окинулъ его съ ногъ до головы недоумѣвающимъ взглядомъ.

— И когда жъ вы меня не узнаете?.. Я же изъ Украинска. Можетъ, помните гаспадинъ Блудштейнъ, Абрамъ Йоселювичъ?.. Ну, то я какъ-разъ буду его пильманиить, Мордка Олейникъ... Олейникъ,—можетъ, помните?.. Я даже очень довольно хорошо знаю васъ, и гаспадинъ енгираль знаю, и барышня знаю... Зжда-стуйте вамъ, ваше первоскопительство!—говорилъ онъ съ любезною улыбкой, кланаясь поочередно и остальнымъ путникамъ, точно бы и въ самомъ дѣлѣ обрадовался старымъ знакомымъ.—Можетъ, вамъ извозчики надо?.. Можетъ, увъ какая гасптиницу? — То все это зайчасъ!.. Позвольте вслужить... Я жъ надѣсь коммисіонеръ и все знаю.

— Ну, вотъ и прекрасно,—согласился поручикъ.—Нанимай четырехъ извозчиковъ и вези,—какая у васъ тутъ лучшая гостиница?

— Московски нумера, купецъ Завьяловъ держитъ... Самый лучший, гасптиницу, будете довольный.

— Валий! Да гляди, живѣй!

Поручикъ даже обрадовался, что такъ неожиданно встрѣтилъ знакомаго человѣка.

Мордка Олейникъ добросовѣстно доставилъ новопріѣзжихъ въ «московскіе нумера» купца Завьялова, гдѣ они заняли подъ себя четыре невзрачныя комнаты, считавшіяся «лучшими». Суетясь болѣе даже, чѣмъ слѣдовало, и съ необыкновенно значительнымъ и самодовольнымъ видомъ помогая вносить ихъ вещи, Мордка усилъ мимоходомъ сообщить не только «нумерному», но и торчавшему у подъѣзда полицейскому жопалому, что это-де очень важные господа, и онъ-де ихъ очень хорошо знаетъ, старый знакомый съ ними, и даже заранее зналъ, что они должны приѣхать, потому что ему нарочно телеграфировали объ этомъ родные изъ Украинска, — онъ уже двое сутокъ поджидалъ-де ихъ на станціи. Пускаясь въ такіе откровения, Мордка тѣшилъ этимъ собственное самолюбіе. Онъ вообще былъ очень доволенъ и даже гордъ собою по случаю приѣзда столь «важныхъ гостей» и спѣшилъ подѣлиться своимъ гордымъ чувствомъ съ «нумернымъ» и жопалымъ, дабы и въ ихъ глазахъ поднять свое собственное значеніе,—вотъ мы-де съ какими господами знакомы, вы что-себѣ думаете!

Жопалый, не дожидаясь дальнѣйшихъ подробностей, тотчасъ же побѣжалъ доложить полиціимейстеру, что какое-то важное начальство наѣхало—генералъ съ двумя офицерами и при нихъ барыня. Въ полиціи это произвело нѣкоторую сенсацию, и хотя усердному жопалому пришлось съѣсть дурака за то, что не узналъ толкомъ, какое начальство и какъ его фамилія; тѣмъ не менѣе, на всякій случай, полиціимейстеръ приказалъ приготовить себѣ мундиръ съ орденами,—можетъ, и въ самомъ дѣлѣ, кто нибудь изъ важныхъ экспромптомъ

нагрязнать — нужно будетъ явиться, значить, и представиться. Но, чтобы не зря натягивать мундиръ и не спорить горячку въ-пустую, онъ напередъ командировалъ болѣе умнаго полицейскаго чина узнать обстоятельно, кто именно приѣхалъ и по какой надобности.

Этотъ же вопросъ не менѣе интересовалъ и хозяина «номеровъ», а потому, какъ только вовоприѣзжіе успѣли осмотрѣться и расположиться по-домашнему въ своихъ комнатахъ, къ генералу явился «номерной» съ графленкою кнѣгой и почтительно потребовалъ «начпортъ» для записи въ книгу и заявки въ полицію.

Генералъ сначала было поморщился. — На кой чортъ сообщать это сейчасъ же! Не успѣли приѣхать, ужъ и имена подавай, чтобы сорodka на хвостъ сію же минуту по всему городу разнесла! Генералу хотѣлось бы лучше сохранить, до поры до времени, полное инкогнито, и потому, съ привычнымъ ему начальническимъ анломомъ, онъ коротко отрывалъ номерному, что это-де успеется и послѣ. Но номерной заявилъ, что такъвъ порядокъ — «оченно ужъ новѣе строго стало» — полиція, значить, требуетъ и, чуть что, съ хозяина штрафъ беретъ. — Нечего дѣлать, пришлось генералу подчиниться мѣстному «порядку».

— Пиши! — съ досадой приказалъ онъ номерному. — Генералъ-лейтенантъ Уховъ съ дочерью и племянникомъ, гвардіи корнетомъ Засѣдкимъ.

Тотъ записалъ и даже съ кляксомъ, выпитивъ, по нечаянности, на перѣ заплѣскавшую муху.

— А другой господинъ тоже съ вами будутъ, или сами по себѣ? — освѣдомился номерной.

— Съ нами, — буркнулъ генералъ. — Поручикъ Пулъ, пиши.

— Пулъ-съ? — переспросилъ тотъ, не доверяя собственному слуху.

— Пулъ, говорю. Кажется, ясно. Аполловъ Михайловичъ Пулъ, поручикъ... «Порядокъ» тоже, чортъ возьми, заведи! — ворчалъ онъ себѣ подъ носъ, похаживая по комнатѣ, пока тотъ записывалъ. — Дохнуть людямъ не дадутъ и ужъ съ «порядками» гѣзутъ... Записалъ? — Ну, и убирайся къ чорту!

— Начесть начпортовъ еще доложить осмѣлюсь, — начпортъ пожалуете?

— Тфу ты, дьяволъ! Какъ банный листъ припекаетъ! — вспылалъ сердитый генералъ, однако же досталъ изъ бумажника свой видъ и ткнулъ его номерному. — На, и проваливай!

— А тѣхъ господъ какъ же будетъ?.. Начесть начпортовъ, то-есть?

— У тѣхъ и спрашивай, болванъ! Нянька я тебѣ за ними, что-ли?

Оторопѣлый номерной поспѣшилъ убраться. Между тѣмъ у поручика Пула въ это время шла другая, весьма для него интересная

бесѣда. Мордка Олейникъ, покончивъ съ переноской дорожныхъ вещей, явился къ нему въ номеръ за полученіемъ «благодарности» и въ то же время, освѣдомиться, не будетъ ли еще какихъ приказаній? — можетъ, дѣло какое? можетъ, купить что, или сбѣгать къ кому, или свѣдѣнія какія господину поручику угодно? — то за всѣми такими комиссіями онъ просить обращаться къ нему, Мордка Олейнику, — дать ему «заработать», — потому какъ онъ все это знаетъ и все это можетъ лучше всякаго другаго.

— Ты давно въ Колма-Богословскѣ? — спросилъ его поручикъ.

— Кто? Мы?.. Мы же три мѣсяца издѣсь, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Мордка, котораго въ душѣ корбило. что Пулъ третируетъ его, такого цивилизованнаго еврейчика, на «ты», вмѣсто того, чтобы говорить ему «вы» и «господинъ Олейникъ».

— Экъ тебя куда шатнуло изъ Украинска? И чего ради? — покачалъ на него поручикъ головою.

— Што дѣлать, надо кушать, надо хлѣба заработать, — вздохнулъ, подернувъ плечомъ, Мордка. — Издѣсь жить ничего, можно. Наспи тоже есть, за восемьдесятъ человекъ будетъ.

— За восемьдесятъ?! Ого! — удивился поручикъ. Даже и сюда пробрались... Ну, и что же, всѣ восемьдесятъ шахруете?

— Нѣтъ, зачѣмъ шахровать, — увесѣ при дѣлѣ: котораго портные, котораго часовщики, скорняки, юбелеры, мало ли тамъ...

— Ну, и закладчики, конечно?

— Н-ну, и што я знаю!.. Я жъ не закладовалъ, — неохотно и поеживаясь процѣдаль Мордка сквозь зубы. — А издѣсь тоже вашъ старый знакомій есть, тоже въ Украинску, круто свернулъ онъ вдругъ на другую тему, принимая прежній развязно любезный тонъ.

— Кто такой? — приторно цѣлѣбностествовалъ поручикъ, догадываясь о комъ идетъ дѣло.

— Кто?.. Графъ Каржоль. Помните?.. Издѣсь!

— Да? — спросилъ Пулъ, съ видомъ полного равнодушія. — И давно онъ здѣсь?

— Три мѣсяца. А до того все на Москва жилъ, въ гасштиницу.

— Хм... И что жъ онъ здѣсь дѣлаетъ?

— Шахруеть... Когда жъ вы его не знаете, — увсегда шахруеть. Увъ Москва компаніона себѣ знайшолъ — богатый купецъ одинъ — отецъ недавно померъ... И дуракъ же такой, звяните, — вмѣстѣ теперь анилиновый заводъ строятъ за пятнадцать верстовъ отъ города, когда у насъ и свой есть увъ городу. За чаво?.. Глупій купецъ вѣрять и всею дѣла ему передалъ, даже и чековая книжка, а самъ больше все съ арфянками на Москва гуляетъ... Совсѣмъ глупій купецъ, какъ есть глупій... А Каржоль уже и служащихъ наймаеть, беретъ задатковъ, обезпеченьвъ... Комодія!.. Пфе!

— Что жъ онъ тамъ и живетъ, на заводѣ?

— Нѣтъ, живетъ издѣсь, а только ѣздитъ на туды; каждыя дня почти ѣздитъ... Лошади заведъ, харошаво квартѣра, — этово онъ все умѣетъ, сами знаете.

— И здѣшніе фабриканты... ничего, вѣрять ему?

— Кто жъ его знаетъ!.. Издѣсь народъ, звиняте, такой, что ему все равно. Увѣ карты съ нимъ въ хозяйскомъ клубѣ занимаютъ, — значитъ, вѣрутъ.

И Мордка мало-по-малу разсказалъ про Каржолу всю подноготную: и что онъ, сверхъ завода, здѣсь дѣлаетъ, и какъ живетъ, и съ кѣмъ знакомъ, и у кого бываетъ, даже за кѣмъ ухаживаетъ. На этотъ послѣдній счетъ оказалось, что ухаживаетъ онъ за женою мирового судьи, — «таково красненькаво мадамъ», — а самъ «моровая спудья» ничего этого не замѣчаетъ, только спитъ себѣ постлѣ обѣда да пиво пьетъ; но есть у Каржолы соперникъ, и соперникъ этотъ не кто другой, какъ самъ полиціе-мейстеръ здѣшній — тоже большой «зухъ» на-счетъ сердечныхъ дѣлъ, — нужды нѣтъ, что самъ женатый, только жена у него вѣчно больна, всегда съ флюсомъ ходитъ, подвязанная. И полиціе-мейстеръ сначала имѣлъ-было у судьи успѣхъ, пока не было здѣсь Каржолы, а появился Каржоль, и все это «переверталося», судья дала полиціе-мейстеру отставку и занялась Каржолемъ. Полиціе-мейстеръ и радъ бы ему какой ни-на-есть подвохъ устроить, подъ-ножку подставить, да все никакъ не удается. А между тѣмъ, со стороны поглядѣть на нихъ — друзья, совсѣмъ друзья, и въ карты вмѣстѣ играютъ, и другъ у друга бываютъ, даже по-кучиваютъ порою.

Аполлонъ Пуцъ все это слушалъ и принималъ къ свѣдѣнію, находя, что судьба послала ему въ лицѣ Мордки Олейника истинный кладъ.

Спустя около получаса, когда всѣ прибывшіе собрались въ комнату генерала пить чай и закусывать, нумерной доложилъ, что пріѣхалъ полиціе-мейстеръ и проситъ позволенія войти, желая представиться его превосходительству.

II.

Какъ все это случилось.

Внезапное исчезновеніе Каржолы изъ Украинска прошло въ мѣстномъ обществѣ почти незамѣченнымъ, особенно въ первые дни, въ виду почти совпавшаго съ нимъ еврейскаго погрома, который исключительно занялъ собою всѣ умы, интересы и толки. Да и самимъ евреямъ не до Каржолы уже было. Въ обществѣ тѣмъ менѣе обратили вниманія на его отсутствіе, что графу и прежде не разъ случалось уѣзжать на время по дѣламъ въ разные мѣста, и потому внезапный отъѣздъ его былъ

сочтенъ за самое обыкновенное дѣло. Нѣсколько страннымъ показалось исчезновеніе это одной только Ольгѣ Уховой: какъ, въ самомъ дѣлѣ, ударить чуть не тайкомъ, не предупредивъ ее ни словомъ, ни запиской, и особенно зная ея «положеніе», — это что-то подозрительное. Ужъ не вздумалъ ли милѣйшій графъ избавиться такимъ маневромъ отъ женитьбы на ней, и отъ нея самой, и отъ своего будущаго ребенка?.. Но нѣтъ, это было бы слишкомъ ужъ подло, на такой поступокъ онъ не способенъ. Такъ думала Ольга и въ первое время все еще чего-то ждала, на что-то надѣялась. Но вотъ, улеглась сенсация и затихли толки, поднятые въ Украинскомъ обществѣ погромомъ; разбитые дома поспѣшно приводились въ надлежащій видъ, мѣстное еврейство успѣло ономиниться отъ страха, оправиться, успокоиться и вступитъ въ колею обычной своей жизни, и вмѣстѣ съ симъ, мало-по-малу, по городу пошли изъ еврейской среды кое-какіе слухи и толки по поводу Каржолы и его участія въ дѣлѣ Тамары Бендавидъ. Евреямъ, на первыхъ порахъ, казалось выгоднымъ компрометировать его и всѣхъ предполагаемыхъ его сообщниковъ, подраумывая подъ таковыми именуя Серафиму. Прежде всего, въ обществѣ обратили вниманіе на то, что въ окнахъ дома, который занималъ Каржоль, появились бѣлые билетки, свидѣтельствовавшіе о сдачѣ его вънаймы; стало быть, графъ уѣхалъ окончателно или на очень продолжительный срокъ, если счесть нужнымъ сдать свою квартиру. Затѣмъ, въ «Украинскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ отдѣлѣ объявленій, появилась публикація о продажѣ лошадей и экипажей, принадлежавшихъ графу — это еще очевиднѣе свидѣтельствовало, что графъ Каржоль де-Нотрель въ Украинскѣ болѣе не вернется. Что-за странность?! Почему? Отчего? По какой причинѣ? — задавались вопросы во всѣхъ гостиницахъ и кабинетахъ украинскаго монда. Даже въ канцеляріяхъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ интересовались этимъ вопросомъ; всѣхъ невольно интриговала загадка такого страннаго исчезновенія, всѣмъ хотѣлось знать, въ чемъ дѣло?

Никто не вѣдалъ ничего положительно вѣрнаго, но тутъ-то вотъ, тѣмъ охотиѣе и схватились всѣ за нити разныхъ слуховъ и толковъ, шедшихъ подъ сурдинку изъ еврейскаго и польскаго міра. Заговорили, что графъ, проныхавъ о милліонномъ состояніи Тамары Бендавидъ, задумалъ на ней жениться и для того вскружилъ ей голову и убѣдилъ принять христіанство; другіе передавали, что и мать Серафима была съ нимъ въ заговорѣ, и онъ обѣщалъ ей за пособничество огромный куртажъ; третьи добавляли, что не только Серафима, но были подкуплены и консисторія, и самъ преосвященный, да кажись, и самъ губернаторъ

съ Мон-Симоншей не совѣтъ-то чисты въ этомъ дѣлѣ. Говорили, что тутъ была-де цѣлая облага на еврейскіе капиталы, цѣлый комплотъ противъ Тамариныхъ милліоновъ, но что старикъ Бендавидъ успѣлъ во-время предупредить интригу, скупивъ всея векселя Каржоль, и только этимъ путемъ принудилъ его отказаться отъ дѣла и уѣхать изъ Украинска и, наконецъ, что Каржоль согласился-де на все, выговоривъ себѣ, однако, пятьдесятъ тысячъ отступного, который и были ему съ рукъ на руки переданы Бендавидомъ. Всѣ либеральные чиновники, адвокаты, судьи и великовозрастные гимназисты приходили въ благородное негодование, — вотъ, дескать, каковы у насъ представители православія и правительства! Ясно, что и то, и другое отжили свой вѣкъ и находятся въ процессѣ разложенія, отъ котораго можетъ спасти только одна конституція, — конституція и ничего кромѣ конституція; другіе же, и въ томъ числѣ Охрименко, находили, что не конституція, а ничего кромѣ революція и «чернаго передѣла». Но дамы, — всѣ эти акцизныя, судебныя и проч., и проч. дамы рѣшали вопросъ по-своему. Каржоль, въ ихъ глазахъ, не былъ виноватъ нисколько, или — какъ крайняя уступка противному мнѣнію — виноватъ несравненно менѣе прочихъ, даже менѣе Мон-Симонши. Причемъ тутъ, собственно, Мон-Симонша, этимъ вопросомъ никто не задавался. — Развѣ при томъ только, что она губернаторша, задающаяся «тономъ», предъ которою всѣ эти «шерочки», «душечки» и «милочки» лебезятъ въ глаза и вѣласть ругаютъ ее заочно. По мнѣнію акцизныхъ «шерочекъ» и контрольных «милочекъ», Каржоль, какъ мужчина, вправѣ былъ увлеченъ Тамарой (ахъ, зачѣмъ только ею, а не ими!), но она... она, — о, для нея нѣтъ оправданій! Она преступна, она безнравственная, безпринципная дѣвчонка, — вотъ онъ истинный нигилизмъ-то гдѣ, вотъ онъ! Удивительно, право, какъ это ее принимали въ обществѣ, какъ это находились такіа матеріи семейства, которые позволяли своимъ дочерямъ дружить съ такою тварью, съ жидовицей... А все кто — все Мон-Симонша, все она, — она первая всегда ей протектировала. Но тутъ акцизныя и контрольныя дамы, кстати, вспомнили, что не совѣтъ-то одна Мон-Симонша, что есть еще и барышня Ухова, которая сама рассказывала всѣмъ и каждому про то, какъ она была въ разговорѣ вмѣстѣ съ Тамарой и Каржолемъ, какъ сама привела ее къ нему ночью — *hoger* — (воображаемъ, что тамъ было!) и какъ жида застали ее утромъ въ квартирѣ Каржоль. — Да, но позвольте, какими же судьбами могла она сводить его съ Тамарой, если мы все — *entre nous soit dit* по секрету — очень хорошо знаемъ, что не только до Тамары, но и до послѣдняго времени Каржоль ухаживалъ

за Ольгой, и даже не просто ухаживалъ, а былъ такъ-таки прямо «въ пятишкахъ» съ нею, что ужъ грѣха-то таять! Вѣдь Ольгиня горячавая знакома съ горячавой Маріи Ивановны и съ прачкой Даріи Степановны, и все, какъ есть все, разболтала имъ по секрету, — отсюда и узнали всѣ ихъ мистеры. — Все это такъ, возражали этимъ милымъ дамамъ ихъ мужья и поклонники, — все это такъ; но какая же цѣль могла быть въ такомъ случаѣ у Ольги сводить графа съ Тамарой? — Какъ какая?! Какъ это какая?! кипятились дамы. — Очень понатная: Каржоль женится на Тамарѣ, прибираетъ къ рукамъ всея капиталы, а Ольга... Ольга съ лѣвой стороны пользуется и Каржолемъ, и капиталами. Но вѣдь у Ольги свое собственное состояніе! — Фу, какой вздоръ! Состояніе!.. Велико состояніе, какія-нибудь несчастныя сто тысячъ, когда тутъ милліоны. Они бы составляли между собою преннтересное тріо, пока у этой жидовской дурочки не открылись бы наконецъ глаза. Но что жъ, вѣдь она нигилистка, и къ свободѣ любви должна относиться сочувственно; зато у нея былъ бы графскій титулъ... и красивый мужъ, добавьте, которымъ, время отъ времени, она все-таки могла бы пользоваться.

Расходившіяся дамы и матроны, въ своемъ благородномъ негодованіи не замѣчали даже, въ какія нелѣпыя противорѣчія становятся онѣ сами съ собою, среди вороха всѣхъ этихъ обвиненій и предположеній. Но это ничего не значить: сплетня, своимъ порядкомъ, все разрасталась, развѣтвлялась во всѣ концы, какъ пыльное растеніе; вчерашнія догадки и предположенія сегодня превращались уже въ непреложные факты, — и катилась эта сплетня по базару житейской суеты все дальше, забиралась все глубже, раздувалась все чудовищнѣе и дошла наконецъ не только до самой Ольги Уховой, но и до старика генерала, которому какіе-то «ваши доброжелатели», какъ водятсѣ, сочли нужнымъ написать объ этомъ анонимное письмо, — принимайте, дескать, ваши мѣры.

* * *

Крутой генералъ вспылилъ и опрокинулся было всѣми громами своего негодованія на Ольгу, но...

Странное, хотя и заурядъ встрѣчающееся обстоятельство: этотъ храбрый кавказскій воинъ, привыкшій когда-то командовать полкомъ, бригадой, дивизіей и деспотически властвовать во ввѣренномъ ему округѣ надъ покоренными азіатами, а потому и въ отставкѣ сохранившій заматорѣдную привычку относиться къ людямъ «по-генеральски», брюжжать, приказывать, кипятиться и обрывать ихъ порою своимъ начальственнымъ тономъ, — предъ Ольгой какъ то смирялся и стихалъ, уступая ей во всемъ, чуть только она принимала съ нимъ твердую и независимо настойчивую ноту. Генералъ

обожанія любилъ свою дочь и въ то же время какъ будто боялся ее, пассивалъ предъ нею, — онъ, человекъ, который не боялся ни турецкихъ пуль, ни черкесскихъ пашекъ, ни даже самого чорта въ образѣ извѣстной всему Тифлису и сильно вліятельной въ свое время восточной княгини Нины Мидхиваршидзе, которой всѣ боялись. Это бываетъ съ людьми подобнаго закала. Ольга знала свою нравственную силу надъ отцомъ и широко пользовалась ею во всѣхъ случаяхъ, когда ей было надобно. Она командовала имъ, какъ хотѣла. Никто лучше ея не могъ ему втереть какія угодно очки, заставить глядѣть на все ея глазами, думать ея мыслями и укрощать порывы его вспыльчивости. Онъ самъ поэтому называлъ ее своею командиршей и укротительницей. Въ одномъ только старикъ не уступалъ ей, — это во взглядѣ своемъ на графа Каржоля, въ которомъ не только своимъ житейскимъ опытомъ, но и отцовскимъ инстинктомъ чувствовалъ неподходящаго для Ольги и вообще ненадежнаго человѣка. — «Чортъ его знаетъ, отъ него какъ будто припахиваетъ скамьей подсудимыхъ!» — таково было интимное мнѣніе генерала о графѣ, котораго онъ если и принималъ у себя, то потому лишь, что «всѣ принимаютъ» и что не находилось никакой достаточной причины не принимать его. Но когда Каржоль попросилъ у него Ольгиной руки, старикъ отказалъ ему очень вѣжливо, но на отрѣзъ и безъ объясненія причинъ, и не сдался потомъ на всѣ настоянія дочери. Это былъ единственный разъ въ его жизни, когда онъ сполна выдержалъ предъ нею характеръ. Что же до позднѣйшихъ сплетенъ и анонимаго письма, то ей не стояло особаго труда направить гнѣвъ генерала въ другое русло, — на безыменныхъ «доброжелателей» и сплетниковъ; но такъ какъ они безыменны, то генералу оставалось только платить имъ презрѣніемъ, да и то молчаливымъ, потому что въ глаза ему никто не отважился бы сказать и сотой доли тѣхъ мерзостей, что были напорочены въ анонимномъ посланіи.

Ольга, какъ и прежде, продолжала показываться въ обществѣ; но теперь она стала замѣчать, что большинство благородныхъ матерей и дочерей разныхъ гражданскихъ вѣдомствъ и даже нѣкоторыя «военныя дамы» относятся къ ней очень сдержанно, сухо, точно бы сторонятся отъ нея или стѣсняются ею. Одна Мон-Симонша — надо отдать ей справедливость — почему-то продолжала еще относиться къ ней по-прежнему, — быть можетъ, потому, что среди всѣхъ этихъ контрольных и акцизныхъ аристократокъ, по воспитанію и рожденію своему, она все-таки была болѣе порядочнымъ человѣкомъ. Но «шерочки», со свойственною имъ проникательностью, объяснили себѣ это тѣмъ, что и Мон-Симонша-де была

въ заговорѣ, вмѣстѣ съ Каржолемъ и Ольгой, противъ Тамаринныхъ милліоновъ. Замѣтивъ охлажденіе къ себѣ со стороны разныхъ дамъ и барышень и странные взгляды, которые начинаютъ кидать на нее въ обществѣ мужчины, а также встрѣчая порою отъ иныхъ матронъ приторно приторными выраженія сочувствія, въ родѣ фразъ: «какъ намъ жаль васъ, шерочка, какъ мы всѣ вамъ сочувствуемъ... что дѣлать, мы понимаемъ ваше положеніе», — замѣтивъ все это, Ольга, болѣе всего не выносившая никакихъ «сожалѣній» по отношенію къ своей особѣ, рѣшила себѣ, во-первыхъ, осаживать подобныя ядовитыя сердобольницъ, а затѣмъ — не бывать больше въ обществѣ. Последнее было благоразуміе всего, потому что беременность ея понемногу начинала уже сказываться и наружными признаками. Она подумывала, что надо бы во всемъ признаться отцу и уѣхать съ нимъ поскорѣе за границу, чтобы тамъ скрыть естественныя послѣдствія своего опрометчиваго увлеченія. Но какъ сказать, какъ признаться ему, — такой шагъ даже и Ольгѣ казался тяжело труднымъ, и она долго, но тѣсно обдумывала, какимъ бы образомъ сдѣлать его полегче, поудобнѣе, чтобы не слишкомъ ужъ поразить старика этимъ ударомъ. Ей все-таки было жалко его.

* * *

Въ первый недѣли по исчезновеніи Каржоля, она ждала отъ него какого-нибудь извѣстія — нисыма или телеграммы, которая успокоила бы ее хоть тѣмъ, что она, по крайней мѣрѣ, знала бы, гдѣ онъ, и потому могла бы написать къ нему, объяснить свое положеніе, потребовать, наконецъ, отъ него откровеннаго *да* или *нѣтъ*, — но онъ молчитъ, исчезъ куда-то, безъ слѣда, а время, между тѣмъ, идетъ да идетъ, и Ольга, наконецъ, убѣждается, что она обманута и брошена. Не столько горе душило ее при этомъ сознаніи, сколько оскорбленное самолюбіе, негодованіе и жажда, такъ или иначе, отомстить за себя графу Каржолю. Ея опасенія, что онъ, того и гляди, въ самомъ дѣлѣ женится на Тамарѣ, усилились въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ по городу пошли слухи, выдаваемые за безусловную правду, что всѣ документы Каржоля, скупленные Бендавидомъ, погибли во время разгрома, а потому графъ теперь совершенно-де свободенъ отъ всѣхъ своихъ обязательствъ предъ евреями, узда съ него спала и, конечно, не дуракъ же онъ, чтобы не воспользоваться во всей широтѣ своею свободой, чуть лишь провѣдаетъ объ этомъ счастливымъ для него обстоятельстве. Этого же опасались еще въ бѣднѣйшей мѣрѣ и сами евреи, въ особенности Бендавидъ и члены Украинскаго кагала, которые готовы были просто рвать на себѣ «святые пейсы» отъ досады, что чортъ его знаетъ, какъ и черезъ кого

вышелъ изъ замкнутого круга еврейской общины и огласился среди гоивовъ ужасный фактъ гибели Каржолевскихъ документовъ. Они вслѣдствіе старались отрицать это и увѣрять въ претивномъ, но не могли представить ровно ничего въ доказательство своихъ увѣреній, — и христіане имъ не вѣрили. Въ христіанскомъ обществѣ, напротивъ, сложилось твердое убѣжденіе, что не только графскіе, но и множества другихъ лицъ долговые документы совершенно погибли. По именамъ называли даже людей изъ мѣстныхъ мѣщанъ и рабочихъ, которые сами были въ числѣ ихъ востребителей, и не скрываютъ этого. Кагалъ чувствовалъ, что всѣ его голословныя отрицанія безсильны и что Тамаринъ миллионъ виситъ для него на волоскѣ, готовый достаться Каржолу, — стоитъ лишь ему протянуть за нимъ руку, при помощи женитбы и столичныхъ «знаменитостей» адвокатскаго мира. Самымъ лучшимъ, самымъ желаннымъ исходомъ для кагала, конечно, была бы смерть Тамары или Каржолъ; но смерть послѣдняго устроить очень трудно и рискованно, разъ что онъ выпущенъ изъ Украинска; о Тамариной же смерти нечего и мечтать: Тамара теперь обставлена въ Петербургской Богоявленской общинѣ такъ, что до нея не добраться. Въ виду всего этого, кагалъ сознавалъ, что надо бороться противъ грозившей опасности, надо, во что бы то ни стало, одолѣть ее, но только болѣе тонкими и легальными путями.

Къ этому времени Абрамъ Йоселиовичъ Блудштейнъ уже получалъ отъ Мордка Олейника извѣстіе, что Каржолъ, кажись, окончательно осѣлся въ Кохма-Богословскѣ, занявшись тамъ анилиновымъ заводомъ, а потому-де Мордка считаетъ миссію свою законченною и проситъ выслать ему денегъ на возвращеніе въ Украинскъ. Малая толика денегъ хотя и была послана Мордкѣ, за счетъ Бендавида, но съ тѣмъ, однако, чтобы Мордка и давать не смѣлъ пока о возвращеніи, а продолжалъ бы оставаться въ Кохма-Богословскѣ и еще зорче слѣдить за Каржолемъ, давалъ своевременный отчетъ о каждомъ его существенномъ шагѣ. Въ находчивой головѣ Абрама Йоселиовича уже назрѣвалъ одианъ планъ, который если — дастъ Богъ — осуществится, то весь Украинскій израйль воспоетъ его творца и въ гусляхъ, и въ тимпанахъ. Объектомъ этого плана былъ Каржолъ, а средствомъ къ достиженію — барышня Ухова.

Абрамъ Йоселиовичъ зналъ, что она беременна и отъ кого; знали объ этомъ и въ кагалѣ, и знали очень просто, какъ и все вообще, что творится въ обществѣ гоивовъ, благодаря обыкновенной системѣ пронырливаго жидовскаго факторства и шахроваль, содѣйственнымъ коихъ кагалъ искони пользуется, въ случаѣ надобности, ради собственныхъ интересовъ.

Проживала въ Украинскѣ одна, пожилыхъ лѣтъ, бездѣтная еврейская вдовица, Перля Лифшицъ, которая «шахровала» тѣмъ, что шлалась съ задняго крыльца по воымъ дамамъ и барышнямъ Украинскаго mond'a и брала у нихъ старыя платья, шляпки, башмаки и т. п. на комиссію «до продажи» или въ обмѣнъ на разныя принадлежности туалета, блонды и перчатки, попадавшія къ ней въ руки тоже на комиссію, по знакомству ея съ содержателями контрабандныхъ складовъ; мужчинамъ же, холостымъ и женатымъ, Перля носила безбандерольный табакъ и «шугарке контрабандове». Это была, такъ сказать, гласная сторона ея дѣятельности; негласная же состояла въ томъ, что «мадамъ Перля», зная отъ разныхъ «шерочекъ», изъ числа своихъ кліентокъ, и отъ ихъ горничныхъ, о томъ, кто за кѣмъ ухаживаетъ и кто съ кѣмъ въ связи, «по дружбѣ» оказывала нуждающимся неоцѣненныя услуги по части переноса отъ «предмета» къ «предмету» любовныхъ записочекъ, или передавала на словахъ объ условномъ часѣ и мѣстѣ секретнаго свиданія и т. п. Дружескими услугами мадамъ Перля пользовались болѣе или менѣе всѣ, кто не безгрѣшны по части «фигли-мигли» и «закрѣтныхъ амуретовъ», и эти нѣтимныя услуги оплачивались ей обѣими заинтересованными сторонами гораздо лучше и щедрѣе, чѣмъ ея гласная профессія. Благочестивыя еврейскія балбосты ¹⁾, конечно, относились за это къ Перлѣ съ презрѣніемъ, многіе изъ нихъ даже и на порогъ къ себѣ не пускали ее; но благочестивый кагалъ смотрѣлъ на ея секретную дѣятельность болѣе снисходительно, находя, что зазорное по отношенію къ своимъ — не зазорно или, по крайней мѣрѣ, допустимо по отношенію къ гоимъ, въ разносторонней и всевозможной эксплуатаціи коихъ для еврея, въ сущности, нѣтъ ничего зазорнаго. Кагалъ находилъ, что секретная профессія Перли Лифшицъ, при случаѣ, можетъ быть не бесполезна и для какихъ-либо кагалныхъ цѣлей и интересовъ, а потому негласнымъ постановленіемъ своимъ продалъ ей, за извѣстный ежегодный взносъ въ кагалную кассу, право меропія на этотъ родъ эксплуатаціи гоивовъ, подобно тому, какъ онъ продаетъ своимъ однообщественникамъ-евреямъ право на содержаніе разныхъ гласныхъ и негласныхъ публичныхъ заведеній, шинковъ, судныхъ касовъ и т. п. Благодаря такому отношенію къ негласной профессіи мадамъ Перли, въ рукахъ кагала сосредоточивались, между прочимъ, свѣдѣнія о всѣхъ тайнахъ и грѣшкахъ Украинскаго общества; онъ зналъ, такъ сказать, всю подноготную всѣхъ этикъ «шерочекъ» и «дунечекъ», съ ихъ «ферлакурами», «хахалями» и «хахахонами», которые, не подозрѣвая ни-

¹⁾ Домохозяйки — матери семействъ.

чего подобнаго, считали Перлю золотымъ человекомъ, за ея будто бы дозвнанную скромность,—на Перлю-де въ этихъ дѣлахъ можно положиться, какъ на каменную гору, Перля никогда ни въ чемъ не проболтается, это—сихъ дѣлъ могила.

Захаживала Перля со своими узлами и корбками, съ задняго крыльца, и къ Ольгѣ Уховой, для комиссіи по части старыхъ тряпокъ, и она же была первою посредницею между ней и Каржолемъ, еще въ самомъ началѣ ихъ романа, перенося къ нимъ взаимныя записочки: продолжала захаживать къ обоимъ и впоследствии, подѣ тѣмъ же благовиднымъ предлогомъ блондъ и табаку, и не прекратила своихъ визитовъ къ Ольгѣ даже и по исчезновеніи Каржоля изъ Украинска. Такимъ образомъ, мадамъ Перля, естественно, была посвящена во всѣ перипетіи ихъ связи. Когда у Ольги обнаружились первые, замѣтные на глазъ, признаки ея интереснаго положенія, мадамъ Перля «по дружбѣ» предложила ей даже одно «закрытое средство», такое хорошее, вѣрное средство, что если принять его одинъ только разъ, то все ея «положеніе» какъ рукой снять и начега больше не будетъ, никакихъ послѣдствій, и стоитъ это будетъ самые пустяки, всего какихъ-нибудь двадцать-пять рублей. Ольга колебалась... Ей и хотѣлось бы избавиться отъ своего «положенія», а въ то же время страшно было довѣриться фармацевтическимъ секретамъ мадамъ Перля,—она знала изъ книжки доктора Дебѣ, жадно поглощенной ею еще въ гимназіи, какими послѣдствіями могутъ грозить такіе «секреты», при мадо-мальски неумѣломъ ихъ примѣненіи, и потому въ концѣ концовъ отказалась. Она слишкомъ любила себя и жизнь, слишкомъ хотѣла еще жить и наслаждаться жизнью, и положеніе ея еще не казалось ей такимъ отчаянно безысходнымъ, чтобы рѣшиться подвергнуть себя столь рискованному эксперименту.

По полученіи Блудштейномъ извѣстія изъ Кохма-Богословска о Каржолѣ, когда въ мудрой головѣ Абрама Иоселиовича созрѣлъ уже его планъ, онъ поѣхалъ по секрету съ мадамъ Перлей, поговорилъ съ нею по душѣ и кое-что внушилъ ей. Вскорѣ послѣ этого, сидя у Ольги, Перля, по обыкновенію, завела съ нею соболѣзную разговоръ о ея «положеніи» и вдругъ, какъ бы экспромтомъ, говоритъ ей:

— А знаете, что я себѣ додумала? Вамъ бы надо, какъ наискорѣйшій выходъ замужъ за Каржолъ.

— Глупый совѣтъ, моя милая, — грустно усмѣхнулась ей Ольга. — Какъ же я выйду, если мнѣ неизвѣстно даже, гдѣ онъ находится?

— Ну, вамъ не звѣсно, а мы знаемъ гдѣ,—многозначительно подмигнула Перля.—Завѣр-

наво знаемъ, недавно узнали. То вже такъ. И какъ мы узнали, — продолжала она вкрадчиво, — то я тѣмъ часомъ и додумала себѣ. Хорошо бы, думаю, кабы маво харошаво барышню заразъ поѣхала до него изъ панин-комъ, въ енгираль, тай покрутила его за себя! Ай, какъ хорошо бы!

Ольга такъ и встрепетнулась. Счастливая мысль какъ нельзя удачнѣе была заброшена въ ея голову.

— Гдѣ же онъ? гдѣ?—съ живостью схватила она Перлю за обѣ руки.

— А, увѣ одномъ городѣ, въ Россіи... Пойдите, какъ это городъ называется... у меня записано.

И порывшись въ своемъ заношенномъ ридиколѣ, мадамъ Перля достала оттуда сложенный клочекъ бумажки.—Читайте, бо я по руску не знаю.

На клочкѣ было прописано мужскимъ почеркомъ: «Боголюбской губерціи, городъ Кохма-Богословскъ, Вознесенская улица, домъ купца Исподатова».

— Онъ тамъ.—съ безусловной увѣренностью подтвердила Перля.—Вже улоковалсе завсѣмъ до життя, фабрикѣ заводитъ...

Обрадованная Ольга чуть не бросилась къ ней на шею.

— Я напишу къ нему!—было ея первую мыслю.

— Ай, кѣтъ! Боже збавъ!.. Когда же такъ можно?—спохватилась еврейка.—Вы изъ такимъ манеромъ всево дѣла скасуете.

Нѣсколько сбитая съ толку, Ольга позарилась на нее недоумѣвающимъ взглядомъ.

— Надо, штобъ онъ а-ничего не зналъ, — внушала ей Перля даже съ нѣкоторою таинственностью. — А - ни - ничего! Понимаете?.. Ъхайте просто, тай захѣпайте! А то, кабъ онъ часомъ зновъ куды не заховалсе... Доумала?

— Да, это правда, — подумавъ, согласилась Ольга.

— Ага, правда?.. Мадамъ Лифшицъ нау- всегда правда говорить. Вы только слушайте мадамъ Лифшицъ, то увсе хорошо будетъ. Мадамъ Лифшицъ вамъ злово не хочеть.

* *

Съ этого разговора, Ольга точно бы заручилась въ игрѣ крупными козырями. Чѣмъ дольше думала она объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждалась, что и въ самомъ дѣлѣ не придумаешь лучшаго исхода изъ своего фальшиваго положенія и лучшаго мщенія Каржолу, какъ заставить его на себѣ жениться. Какое бы это было торжество и надъ нимъ, и надъ этою негодяйкой Тамарой (по дѣломъ,—не отбивай!), да и надъ всѣми украинскими сердобольниками, надъ цѣлымъ обществомъ!—Вернувшись вдругъ сюда графиню Каржолъ де-Нотреку... О, какъ бы тогда всѣ занялись передъ нею! Какія со всѣхъ сторонъ посыпались бы увѣренія въ

дружбѣ, въ преданности, въ уваженіи!.. А онъ-то, онъ—всѣ эти его махинаціи, всѣ широкіе замыслы и расчеты на Тамарины милліоны—въ трубу!.. Да, это одно уже было бы ему достойнымъ наказаніемъ. Сбѣжалъ, и вдругъ заставили жениться. — И все рухнуло!.. Что взять? — Конечно, кромѣ полного презрѣнія, этотъ милый супругъ никогда уже ничего больше отъ нея не добился бы, но зато она носила бы громкое аристократическое имя, съ которымъ сумѣла бы впоследствии распорядиться собой и своею карьерой. Только бы имя,—для нея довольно и этого! Имя—и она отомщена. Да, выйти замужъ,—конечно, такъ. Но какъ добиться, какъ исполнить это? — И Ольга стала серьезно думать надъ своею задачею.

Вскорѣ и въ этомъ отношеніи помогло ей одно совершенно случайное обстоятельство.

* * *

Поручикъ Пулъ, несмотря ни на что, по-прежнему, все еще былъ безнадежно влюбленъ въ Ольгу и продолжалъ мечтать о ней, воплотивъ, сознавая, впрочемъ, что для него такое счастье недостижимо. Это было даже вѣскольکو смѣшно въ такомъ лихомъ улавѣ, за которымъ бѣгали чуть не всѣ украинскія барыни, и маменьки, и дочки. Не сломила его упрямое чувство даже огласившаяся исторія Ольги съ Каржолемъ. Любящее сердце упорнаго поручика нашло въ себѣ достаточно извиненій и оправданій для своего идла. — Она-де жертва; во всемъ виноватъ Каржоль, котораго онъ съ удовольствіемъ вытянулъ бы на барьеръ и всадылъ пулю въ лобъ,—рука не дрогнула бы. Онъ давно уже, съ самой первой встрѣчи съ нимъ на знаменитомъ Мон-Симоншиномъ праздникѣ, молча ненавидѣлъ этого счастливаго своего соперника, который, однако, держалъ себя по отношенію къ нему и ко всѣмъ вообще «господамъ офицерамъ», съ такимъ безукоризненнымъ тактомъ, что рѣшительно не оставлялъ поручику никакого повода придратъся къ нему и покончить дуэлью. Придратъся, конечно, можно было бы и безъ повода, если уже на то пошло, но Аполлона Пула удерживало отъ этого другое, болѣе глубокое и великодушное побужденіе: онъ видѣлъ прежде всего, что сама Ольга неравнодушна къ Каржолу, стало быть, что жъ тутъ подѣлаешь? Оскорбить или убить его—это значило бы нанести оскорбленіе или жестокий ударъ ей, въ ея собственномъ чувствѣ, заставить ее страдать, безъ всякой пользы для себя, а онъ слишкомъ любилъ ее, чтобы рѣшиться на такой поступокъ. Въ первое время, полагая, что графъ все-таки порядочный человѣкъ и вѣроятно, скорѣ женится на ней, Аполлонъ Пулъ хотѣлъ увѣрить самого себя, что онъ можетъ быть даже на столько самоотверженъ, чтобы желать ей полнаго счастья съ ея будущимъ мужемъ, и старался дать понять ей это

«тонкимъ намекомъ», напѣвая иногда предъ нею съ особеннымъ выраженіемъ романсъ:

„Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я, не смѣю, не могу
Волненіямъ любви безумно предаваться“.

Ольга слушала, какъ въ этомъ романсѣ онъ желалъ ей «все... даже счастье того, кто избранъ ей, кто милой дѣвѣ дастъ названіе супруги»,—слушала, и благосклонно, но не безъ коварства улыбалась ѣмцу, посмѣиваясь въ душѣ надъ его странною сентиментальностью, которая—надо сознаться—менѣе всего шла къ бравому улану. Въ такомъ положеніи оставалось это дѣло до самаго бѣгства Каржоля.

Однажды, въ концѣ сентября, въ рестораціи гостиницы пана Пушета, куда всѣ уланы обыкновенно сходились обѣдать и ужинать, вышла «исторія», даже «сконанѣльная исторія», какъ выражались украинскіе путники. Началось съ того, что молодой чиновникъ изъ правовѣдовъ, сидѣвшій за общимъ столомъ напротивъ Пула, громко сталъ распространяться въ лирично-легкомъ родѣ и вовсе не двусмысленныхъ выраженіяхъ насчетъ «барышни Ухой», о ея «доступности» и «интересномъ положеніи». Поблѣдѣвшій Аполлонъ сдержанно и сухо остановилъ его, напомнивъ, что имѣетъ честь считать себя въ числѣ добрыхъ знакомыхъ госпожи Уховой и потому просить прекратить разговоръ на эту тему. Правовѣдикъ напорщился и замѣтилъ въ отвѣтъ, что если кому не нравится, тотъ можетъ не слушать или уйти, но никто не имѣетъ права запрещать ему имѣть о комъ бы то ни было свое собственное мнѣніе.

— А я считаю,—возразилъ уланъ,—что каждый порядочный человѣкъ имѣетъ не только право, но обязанъ остановить нахала, который позволяетъ себѣ позорить по кабакамъ имя дѣвушки, и безъ того уже несчастной.

За слово «нахаль» тотъ вламился въ амбицію, и кончилось тѣмъ, что поручикъ бросилъ ему въ лицо свою визитную карточку, залитивъ, что онъ всегда къ его услугамъ, и затѣмъ немедленно удалился домой, въ ожиданіи прибытія къ себѣ секундантовъ отъ оскорбленнаго правовѣда. Ожиданіе его продолжалось двое сутокъ, но секунданты такъ и не явились; оскорбленный же ограничился тѣмъ, что пересталъ кланяться съ «господиномъ Пуломъ».

Между тѣмъ, исторія эта разнеслась по городу и, черезъ ту же мадамъ Перлю, дошла до Ольги. Въ настоящемъ своемъ положеніи, болѣе чѣмъ когда-либо цѣня подобное проявленіе участія къ своей «компрометированной особѣ», она вспомнила, что этотъ самый Аполлонъ дѣлалъ ей когда-то предложеніе и получалъ отказъ, за что, казалось бы, болѣе всѣхъ имѣлъ право теперь относиться къ ней безучастно, и вдругъ онъ-то первый и подымаетъ единственный голосъ въ ея защиту!.. Въ по-

рыбъ благодарнаго чувства, Ольга написала къ нему коротенькую записку, гдѣ высказала, что она искренно тронута благороднымъ его поступкомъ и отъ всей души благодарить его. Отвѣтомъ на это со стороны улана было письмо, въ которомъ онъ изъяснялъ уже давно извѣстныя ей свои чувства, не поддающіяся ни времени, ни обстоятельствамъ, и заявлялъ, что, несмотря на полученный однажды горькій для него отказъ, онъ все-таки отваживается еще разъ сдѣлать ей предложеніе своей руки и сердца, въ надеждѣ, что авось либо теперь она ихъ не отвергнетъ, хотя бы только ради того, чтобы этимъ путемъ сразу положить конецъ всѣмъ гнуснымъ сплетнямъ.

По прочтеніи этого письма, у Ольги блеснула новая мысль, въ которой она увидѣла наконецъ возможность осуществить свою заветную задачу, лучше чѣмъ предполагала доселѣ, — и на другой же день Аполлонъ получилъ отъ нея въ запискѣ приглашеніе переговорить по поводу его предложенія. Въ назначенный часъ уланъ явился. Ольга приняла его одна, безъ родителя. Она сразу и прямо высказала ему горячую свою благодарность, говоря, что лучшаго мужа и желать не могла бы, что быть его законной женой составило бы для нея счастье и гордость всей ея жизни, но...

— Вы видите, однако, въ какомъ я положеніи, — смущенно продолжала Ольга. — Скрывать не приходится... Позднее раскаяніе было бы напрасно, да я и не изъ тѣхъ, что каются и хнычутъ. Что дѣлать, не сумѣла оцѣнить васъ раньше, а теперь... простите, но быть вашею женой не могу... теперь даже болѣе, чѣмъ когда-либо.

Бѣдный уланъ, за минуту еще полный самыхъ радужныхъ упованій, вдругъ затуманился и почти безнадёжно опустил голову и руки.

— Если васъ только это смущаетъ... это ничего не значить... равно ничего... повѣрьте... я все-таки... повторяю мое предложеніе, — смущенно говорилъ онъ прерывавшимся отъ волненія голосомъ.

— Нѣтъ, Аполлонъ Михайловичъ. Спасибо вамъ, но это невозможно, — порѣшила Ольга.

При всей сердечности тона, какимъ были сказаны эти слова, въ немъ звучала твердая, безповоротная воля, и поручикъ понималъ, что дальше добиваться нечего.

— Мой будущій ребенокъ долженъ носить имя своего отца, — продолжала она, — это моя цѣль, мое единственное желаніе, помогите осуществить его!.. Помогите мнѣ выйти замужъ за графа, и тогда — я ваша... берите меня, дѣлайте со мной, что хотите, — я буду вамъ самою преданною рабой, самою горячею любовницей, но женой — никогда. Я должна быть графиней Каржоль де-Нотрекъ, этого требуетъ моя честь, мое оскорбленіе... Докажите же вашу

любовь и помогите, мнѣ нужна ваша помощь.

Выслушавъ все это молча и очень серьезно, точно бы взвѣшивалъ и запечатлѣвая въ себѣ каждое ея слово, уланъ сдѣлалъ ей глубокій поклонъ и могъ проговорить только одно:

— Въ огонь и въ воду!.. Приказывайте.

Тогда Ольга взяла его за руку и повела въ кабинетъ къ отцу.

— Папа, — сказала она рѣшительно и твердо, отчасти даже какъ бы приказывающимъ тономъ, — потрудись, пожалуйста, выслушать... брось свою газету.

Старикъ послушно отложилъ къ сторону газетный листъ, подвинулъ на лобъ очки и повернулся въ креслѣ къ дочери.

— Что, дружокъ, прикажешь?

Но увидѣвъ стоявшаго рядомъ съ ней улана, онъ тотчасъ же «подтянулъ» самого себя, принявъ генеральскую осанку и, точно бы принимая своего адъютанта, явившагося къ нему съ докладомъ по службѣ, заговорилъ, протягивая ему руку, совсемъ уже инымъ, отрывисто военнымъ тономъ:

— А, поручикъ!.. Здравствуйте. Очень радъ. Прошу садиться. Что скажете-съ?

— Вотъ что папа, — тѣмъ же своимъ тономъ продолжала Ольга. — Аполлонъ Михайловичъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе.

— Какъ?! Второе? — удивился генералъ, откинувшись въ кресло и окидывая взглядомъ обоихъ.

— Да; вотъ его письмо, — можешь прочесть его.

Генералъ спустилъ на носъ очки, осанисто насунился и быстро сталъ пробѣгать глазами отчетливыя строки Аполлонова предложенія.

— Съ своей стороны, ничего не имѣю противъ, — разрѣшилъ онъ по-военному, передавая письмо обратно. — Вы, друзья мои, стало быть, уже порѣшили? Ну, что жъ, очень радъ. Поздравляю!

— Не въ томъ дѣло, — остановила его Ольга. — Лучшаго зятя, конечно, ты и желать не могъ бы, но... къ несчастію, я не могу быть его женою.

Генеральскія очки опять очутились высоко на лбу, а лицо приняло выраженіе человѣка, совершенно сбитаго съ толку.

— Вотъ те и вѣдь!.. Что-жъ это такое?

— Видишь ли, — продолжала Ольга. — Мнѣ трудно... тяжело говорить, но надо жъ наконецъ рѣшиться. Постарайся выслушать спокойно.

И наклонившись къ отцу, она обняла рукой его шею и поцѣловала въ голову.

— Я скрывала отъ тебя, пока было можно, мое положеніе, думала, ты самъ догадаешься. Ну, а теперь больше незачѣмъ. Прости, дорогой мой, я... я...

И Ольга, превозмогая себя, объяснила ему

о своихъ отношеніяхъ съ графомъ и о томъ, что она рѣшила — во что бы то ни стало — заставить этого негодяя на себѣ жениться. Это *должно* быть такъ, и это *будетъ*. Аполлонъ Михайловичъ знаетъ все и готовъ содѣйствовать. — Помоги же и ты, если тебѣ дорого имя твоей дочери.

Старикъ до того былъ ошеломленъ всѣмъ этимъ, что позабылъ даже разсердиться. Онъ только безцѣльно уронилъ руки на вальки своего глубокаго «вольтеровскаго» кресла и, весь какъ-то осунувшись — точно бы въ немъ что рухнуло — глубоко и тяжело задумался, устремивъ глаза на одну какую-то арабеску растянутаго по полу персидскаго ковра, межъ-тѣмъ какъ Ольга, рассказавъ ему, гдѣ и какъ находится Каржоль, продолжала развивать свой замыселъ и свои предположенія, какимъ образомъ возможно бы осуществить его.

— Да; пожалуй, что другого ничего и не остается больше, — со вздохомъ проговорилъ наконецъ старикъ, послѣ долгаго, сосредоточеннаго раздумья. — Что жъ тутъ!.. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. Хорошаго, однако, муженька себѣ приготовила дочка, нечего сказать! — съ горькой ироніей покачалъ онъ на нее голову.

— Мой грѣхъ, мой и отвѣтъ, — покорно показала она плечами.

— Да, но ты должна будешь жить съ такимъ мерзавцемъ.

— Я?.. Никогда! — гордо выпрямилась Ольга.

— То-есть, какъ же такъ, однако?

— А, это уже мое дѣло.

— Но и его, полагаю. У него будутъ извѣстные права на тебя, какъ у мужа.

— Повторяю тебѣ, — настойчиво подтвердила она, — я *должна* быть графиней Каржоль де-Нотрель, а тамъ уже, въ остальномъ, предоставляю распорядиться мнѣ, какъ знаю. Ни тебя, ни себя я не обременю его особой.

Старикъ еще разъ задумался.

— Такъ какъ же, папа? Могу я рассчитывать на тебя?

— Дѣлай, какъ знаешь, — развелъ онъ руками. — Господь съ тобою!.. Мнѣ, какъ отцу, бросать тебя, конечно, не приходится. Нужна моя стариковская помощь, я готовъ. Въ случаѣ чего, и самъ на барьеръ вытану этого негодяя!

Рѣшено было втроемъ ѣхать въ Котма-Богословскъ, а тамъ... Тамъ уже видно будетъ.

Стали готовиться къ отъѣзду. Генералъ взялъ, по текущему своему счету, изъ банка двѣ тысячи рублей на дорожные и иные расходы. Онъ понималъ, что медлить съ этимъ дѣломъ нельзя — Ольга ходитъ на шестомъ мѣсяцѣ, — и удивлялся только самому себѣ, какъ это онъ, старый дуракъ, до сихъ поръ

не догадывался, въ чемъ дѣло, а только радовался, что дочка-де такъ полнѣетъ, здоровѣетъ, значитъ, слава Богу. — Вотъ-те и по-здоровѣла. А вѣдь послѣ анонимнаго-то письма, кажись, не трудно бы было раскрыть глаза себѣ. Такъ вотъ, поди жъ ты, слѣпота какая! — и во снѣ даже не допускалъ подобной возможности.

* * *

Черезъ день послѣ этого, неожиданно для старика, но вполне жданно для его дочери, пріѣхалъ къ нимъ изъ Петергофа въ двухмѣсячный отпускъ родной племянникъ генерала, корнетъ Засѣцкій, большой пріятель Ольги, съ которымъ она одно время росла въ своемъ дѣтствѣ. Не задолго до предложенія Аполлона, явившагося для нея совершенною нечаянностію, Ольга предполагала осуществить свой замыселъ именно съ помощью кузена Жоржа, и потому, по секрету отъ отца, написала къ нему въ Петергофъ, чтобы онъ непременно бралъ возможно болѣе продолжительный отпускъ и какъ можно скорѣе пріѣзжалъ къ нимъ въ Украинскъ, такъ какъ присутствіе его здѣсь серьезно составляетъ для нея вопросъ почти жизни или смерти; отецъ ничего-де пока не знаетъ объ этомъ, а въ чемъ дѣло, она объяснитъ на мѣстѣ. Кузень Жоржъ не заставилъ долго ожидать себя и явился къ дядѣ, какъ снѣгъ на голову, не предупредивъ о себѣ даже телеграммой, потому что Ольга просила его не дѣлать этого. Хотя роль, предназначавшаяся ему для Жоржа, была отдана теперь Аполлону, какъ болѣе подходящему для сего человѣку, но разъ кузень уже пріѣхалъ, тѣмъ лучше: у Ольги, вмѣсто двухъ, будетъ трое защитниковъ. Гвардеецъ сразу же сошелся съ уланомъ, какъ добрый малый и товарищъ по оружію, а Ольга объяснила Аполлону, что надо и его освятить въ дѣло, тѣмъ болѣе, что отъѣздъ отлагать нельзя, да и «положенія» своего предъ нимъ не скроешь, и наконецъ — не оставаться же ему одному въ Украинскѣ. Авось-либо и онъ на что-нибудь пригодится.

— Превосходно! — согласился поручикъ. — Взять, непременно взять и его! Вдвоемъ-то мы какъ приступимъ къ его сіятельству такими архангелами, да еще съ генераломъ въ резервъ, — много разговаривать не станеть.

Мадамъ Лифшицъ, между тѣмъ, продолжала съ задняго крыльца навѣщать по утрамъ Ольгу и, такимъ образомъ, находилась въ курсѣ всего, что дѣлается въ генеральскомъ домѣ, помогала ей даже въ приготовленіяхъ къ дорогѣ и знала заранѣе предназначенный день отъѣзда.

— А штъ, маю милаво барышню, и когда жъ мадамъ Лифшицъ не хороша во совѣтъ вамъ давала? Ага!.. Ви только слушійте мадамъ Лифшицъ, и увсе гунцъ-хипцъ будетъ!..

Зеръ хипши! Вотъ посмѣтрите!.. Во мадамъ Ляфшицъ любить васъ, какъ сваю дятю.

И послѣ каждаго своего визита къ Ольгѣ, она аккуратно заказывала, съ задняго же крыльца, къ Абраму Иоселовичу Блудштейну, «до кабинету», и секретно докладывала ему о положеніи дѣла. Тотъ уже заранѣе потиралъ себѣ руки отъ удовольствія, — какъ все это пока хорошо налаживается, — ну, точно бы они по нотамъ разыгрываютъ его музыку!

Спустя около недѣли послѣ того, какъ въ генеральскомъ домѣ произошло рѣшительное объясненіе, четверо спутниковъ экспромптомъ нагрянули въ Кохма-Богословскъ, гдѣ Мордка Олейникъ, во-время извѣщенный Блудштейномъ, уже два дня поджидалъ ихъ, бѣгая каждый разъ на станцію, къ приходу пассажирскаго поѣзда.

III.

По-кавказски.

Мы оставили нашихъ путниковъ за чаемъ и закуской въ номерѣ генерала Ухова, въ тотъ моментъ, когда «номерной» доложилъ его превосходительству о пріѣздѣ полиціймейстера. За нѣсколько минутъ предъ этимъ, всѣ они съ живѣйшимъ интересомъ внимали Аполлону Цупу, который, въ отличайшемъ расположеніи духа, сообщалъ имъ цѣлый ворохъ новостей о Каржолѣ, только-что почерпнутыхъ имъ изъ разсказовъ Мордки Олейника. Генералъ однако слушалъ скептически, далеко не раздѣляя розовыхъ надеждъ поручика, воображавшаго, что теперь все пойдетъ прекрасно, лишь бы поскорѣй захватить Каржоля. Онъ понималъ, что, сколь ни подробны Мордкины свѣдѣнія, сколь ни близки они, пожалуй, къ истинѣ, но однимъ только этихъ «свѣдѣній» слишкомъ еще недостаточно для того, чтобы немедленно же приступить къ надлежащему дѣйствию въ совершенно чужомъ и незнакомомъ городѣ. — Что жъ изъ того, что Каржоль открываетъ гдѣ-то тамъ заводъ, или ухаживаетъ, въ ущербъ полиціймейстеру, за какою-то судыхой? — Тутъ главный вопросъ въ стратегіи съ какой стороны ловчѣе подойти, чтобы прямо взять этого быка за рога и пригнать его вѣнчаться немедленно, безъ отговорокъ и отвиливаній. Для этого, конечно, нуженъ прежде всего цѣлый планъ, и планъ на столько хорошо и вѣрно рассчитанный, чтобы не получалось ни малѣйшей осячки. А такого-то плана и не имѣлось еще въ головѣ ни у генерала, ни у его спутниковъ. Поэтому генералъ даже впалъ въ изощренное настроеніе, полное мрачныхъ сомнѣній. Онъ сталъ испытывать такіа сомнѣнія еще въ дорогѣ, и чѣмъ ближе подвигался къ цѣли, тѣмъ сильнѣе начиналъ глотать его этотъ чер-

вякъ, но генералъ хранилъ пока свои думы про-себя, даже боялся высказываться, чтобы не раздражать и не печалить преждевременно Ольгу, у которой и безъ того на душѣ было не сладко. Но тутъ его уже, что называется, прорвало: не совладалъ съ собою и высказался весь наружу. — «Заставить!» Легко сказать «заставить», но какъ это исполнить на дѣлѣ?.. Не возмешь же за человѣка за шиворотъ и не потащишь прямо къ аналоу! Да и аналоу-то надо еще напередъ приготовить — понайти, который согласился бы... Дуэль? — Прекрасно. А если этотъ негодяй какъ-нибудь извернется и улизнетъ изъ города до дуэли, даже раньше объясненія съ нимъ, чуть лишь пронюхаетъ о пріѣздѣ генерала съ ассистентами? — Вѣдь это такъ возможно, особенно въ такомъ городишкѣ, гдѣ каждый шагъ на виду у всѣхъ, и гдѣ поэтому пріѣздъ ихъ не можетъ остаться тайною, а стало быть и молва о немъ легче легкаго дойдетъ до Каржоля, пожалуй, прежде еще, чѣмъ тутъ успѣютъ сообразиться насчетъ плана. Генералъ тѣмъ болѣе чувствовалъ себя не въ духѣ, что теперь, по прибытіи на мѣсто, ему вдругъ представилось съ поразительною для него самою ясностію — на сколько, въ самомъ дѣлѣ, легкомысленно была задумана и исполнена сгоряча вся эта поѣздка, и на сколько нелѣпо было ему на старости лѣтъ, поддаться сумасбродной идеѣ своей дочки, не взвѣсивъ напередъ всѣхъ шансовъ за и противъ ея осуществленія. Тамъ, въ Украинскѣ, подъ влияніемъ Ольги и въ пылу собственнаго негодованія противъ Каржоля, это «заставить» казалось ему не только осуществимымъ, но и довольно легкимъ дѣломъ — возьмемъ, молъ, да и заставимъ! — Но тутъ, на мѣстѣ, оно превратилось въ огромный знакъ вопросительный. Какъ его заставишь?.. А если не удастся, тогда что? — Въ дуракахъ остаться, съ носомъ?.. Въ Украинскъ вернуться на смѣхъ добрымъ людямъ, — побѣхали-де не по что, пріѣхали на съ чѣмъ! здравствуйте!.. Вся эта затѣя казалась ему теперь болѣе чѣмъ сомнительною, даже просто глупою, и онъ чувствовалъ себя въ дурацкомъ и безпомощномъ положеніи — Ну, вотъ и пріѣхали, и сидимъ въ какихъ-то «московскихъ номерахъ», ну, и узнали, положимъ, кое-что, — а дальше-то что же?.. Не къ судыхѣ же этой обратиться за помощью и совѣтомъ!.. Но къ кому-нибудь да надо, — надо непременно, безъ этого не обойдемся. Къ кому же?.. Если бы еще тутъ былъ хоть одинъ знакомый человѣкъ болѣе или менѣе своего круга, или если бы можно было, по крайней мѣрѣ, предварительно пожить здѣсь нѣсколько дней въ полѣтѣмъ инкогнито, поосмотрѣться, поразмыслить, — но вѣдь объ этомъ и думать нечего! Ольга и слушать никакихъ резоновъ не хочетъ, — наладилъ себѣ одно «сейчасъ»

да и basta!—Сейчас-де отправляться вѣмъ къ Каржолу на квартиру и ждать; или же пускай Аполлонъ Михайловичъ отправляется одинъ и поджидаетъ его прїѣзда на улицѣ, около дома, и когда дастъ намъ знать, — мы всѣ и нагрянемъ. Генералъ только руками отмахивался, точно бы отъ назойливыхъ мухъ, жужжащихъ у него надъ ушами.

— Это только въ водевиляхъ такъ бываетъ!—говорилъ онъ съ горечью и досадой!

— Ну, да однако что же иначе?—раздраженно возражала ему Ольга—Разъ, что мы уже здѣсь, сидѣть и ждать сложа руки еще глупѣе!

Въ эту-то минуту какъ-разъ и вошелъ «нумерной» съ докладомъ.

— Кто такой, говоришь ты?—съ неудовольствіемъ обернулся на него Уховъ.

— Полиціймейстеръ адѣйный... Вашему превосходительству представится желаетъ, — повторилъ тотъ у дверей, понижая голосъ до какой-то особенной таинственности, проникнутой почительностію.

— Эхъ, чертъ возьми, вотъ ужъ не кста-ти! — досадливо проворчалъ про-себя генералъ.—Тутъ едва кусокъ въ ротъ, а онъ «представится»... Скажи, что я извиняюсь... А впрочемъ,—передумалъ онъ вдругъ,—цостой... Гдѣ онъ?

— Тутъ-съ, въ коридорѣ дожидается, еще таинственнѣе кивнулъ тотъ на дверь головой и глазами.

— Хм...въ коридорѣ?... Нечего дѣлать, проси!

Генералъ хотя и былъ недоволенъ, что посторонній человѣкъ набивается къ нему со своимъ визитомъ въ такую неподходящую минуту, но въ то же время, какъ «отставной», онъ остался въ душѣ прїятно польщенъ изъявленіемъ такой «аттенціи» къ своей превосходительной особѣ, тѣмъ болѣе, что оставшие на этотъ счетъ у насъ далеко не наблагованы. Это даже предрасположило его въ пользу «почтительнаго» полиціймейстера, да и кромѣ того, генералъ сообразилъ, что авось-либо онъ можетъ быть въ чемъ-нибудь полезенъ «по дѣлу».

Въ комнату вошелъ представительный и нѣсколько дородный мужчина—что называется въ провинціи, «баль-омъ»,—лѣтъ сорока «съ хвостикомъ». Это былъ высокаго роста курчавый брюнетъ, съ высокоподстриженнымъ, волдымъ, краснымъ затылкомъ, и тщательно расчесанными, надушенными подусниками, которые вполнѣ можно было назвать роскошными. Полицейскій мундиръ его, съ гражданскими жгутами вмѣсто погонъ, былъ украшенъ нѣсколькими орденами и, въ томъ числѣ, крестомъ за покореніе Кавказа.

— Позвольте ямѣ честь представиться вашему превосходительству,—заговорилъ онъ нѣсколько катарральнымъ, но прїятнымъ бас-

комъ, шелкнувъ по-военному шпорами.—Надворный совѣтникъ Закалатовъ, мѣстный полиціймейстеръ... Узнавъ о прибытіи вашего превосходительства, счелъ долгомъ...

— Очень прїятно,—поднялся на встрѣчу ему генералъ, съ достоинствомъ протягивая руку,—очень прїятно... Прошу извинить,—застаете насъ нѣсколько въ неглиже, въ такой... обстановкѣ, по-семейному... Прошу садиться.

Полиціймейстеръ снова прищелкнулъ шпорами.

— Ваше превосходительство не узнаете меня?—задалъ онъ вдругъ вопросъ, осклабясь прїятно мистифицирующей улыбкой.—Неужели не узнаете?! А я такъ вотъ сразу узналъ васъ.

На лицѣ генерала отразилось нѣкоторое замѣшательство, вмѣстѣ съ вопрошающимъ недоумѣніемъ.

— Позвольте... виноватъ, — пробормоталъ онъ, пожимая плечами.—Судя по вашему кавказскому кресту, вѣроятно, мы съ вами когда-нибудь на Кавказѣ встрѣчались?

— Такъ точно, ваше превосходительство. Не изволяете ли припомнить, когда вы еще командовали 1-мъ баталіономъ Шуняйскаго полка, я у васъ въ баталіонѣ былъ юнкеромъ,—Закалатовъ... Подъ вашимъ начальствомъ, такъ сказать, службу свою началъ.

Лицо генерала вдругъ озарилось радостію, точно бы онъ сдѣлалъ необычайную находку.

— Батюшки-свѣты!.. Дорогой мой!.. Да неужели это вы?! Вотъ встрѣча-то!..—И онъ отъ всей души заключилъ «баль-ома» въ свои широкія объятія и расплывался съ нимъ со всѣмъ по-родственному, влѣпавъ въ его адо-ровенными щеки три звонкихъ поцѣлуя.

— Старый боевой товарищъ!.. Закалатовъ!.. юнкеръ Закалатовъ!.. Какъ же, какъ же!—восклицалъ Уховъ, радушно взявъ его за руки и какъ бы дивуясь на него ласковыми глазами.—Вотъ, ужъ подлинно гора съ горой, говорится... Да какой же вы молодецъ еще!.. Хо-хо!.. Присаживайтесь-ка къ намъ, безъ церемоній, по-нашему, по-кунацки!.. Позвольте вамъ представить моихъ

И генералъ познакомилъ его съ дочерью и офицерами.

— Миѣ какъ только доставили ваши виды,—объяснялъ межъ тѣмъ полиціймейстеръ, — смотрю, что такое?—«генералъ-лейтенантъ Орестъ Аркадьевичъ Уховъ».—Батюшки, думаю себѣ, да вѣдь это мой отецъ-командиръ!.. Сейчасъ же разумѣется, мундиръ на-плечи и самолично... самолично-съ къ вашему превосходительству. Какими судьбами, скажите пожалуйста?

— Ну, о судьбахъ мы потомъ. А пока—рюмку водки и... чѣмъ Богъ послалъ... по-бывачному. Помните, какъ бывало въ Дагестанѣ-то?.. а?..

Завтракъ прошелъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ: отрывочныя и смѣшанныя воспоминанія о томъ, о семъ, о прежней службѣ и сослуживцахъ прерывались разными разспросами о самомъ Закаталовѣ, о его житействѣ, о городѣ Кохма-Вогословскѣ, а промежутки между такими разговорами восполнялись обычными восклицаніями, въ родѣ «такъ-то-сы!» «такъ вотъ какъ, батюшка!»—восклицаніями, въ сущности, безцѣльными, но въ общемъ изъяслявшими обоюдное удовольствіе и удивленіе по поводу столь неожиданной и пріятной встрѣчи.

Послѣ завтрака полиціимейстеръ сталъ уже было откланиваться, но генералъ удержалъ его, сказавъ, что хочетъ переговорить съ нимъ по одному дѣлу. Остальные, по самому тону этого предупрежденія, поняли, что будутъ, пожалуй, лишними при предстоящемъ разговорѣ и потому удалились изъ комнаты. Отъ старика не ускользнуло нѣсколько удивленный, недоумѣвающий взглядъ, мимоходомъ брошенный Закаталовымъ на фигуру Ольги, когда та поднялась со своего мѣста. Онъ понялъ причину и значеніе этого, быть можетъ, нечаяннаго взгляда, и его невольно передернуло. Затрудняясь первымъ приступомъ къ такому щекотливому дѣлу,—какъ и съ чего начать,—генералъ самъ заглянулъ въ корридоръ—нѣтъ ли тамъ кого лишняго—и плотно затворилъ дверь, а затѣмъ, насунаясь съ серьезнымъ, обдумывающимъ видомъ, сталъ озабоченно и медленно скручивать себѣ папиросу. Ему было и неловко, и совѣстно, и въ то же время онъ чувствовалъ, что иначе нельзя, что это *надо*, потому что никто лучше Закаталова не можетъ помочь ему, на первыхъ порахъ, хотя бы насчетъ необходимыхъ справокъ и точныхъ свѣдѣній. Надо было превозмочь, переломить самого себя, я—сколько ни трудно—старикъ рѣшился на это.

— Скажите, пожалуйста,—началъ онъ дѣловымъ тономъ,—проживаетъ у васъ тутъ нѣкто графъ Каржоль де-Нотрекъ, Валентинъ Николаевичъ?

Полиціимейстеръ отвѣчалъ утвердительно

— Вы его знаете сколько-нибудь?

— Какъ не знать! Очень хорошо знаю. А что?

— Да видите ли... Впрочемъ, можетъ быть, онъ вамъ пріятель?

— Пріятель, это слишкомъ много сказать, а такъ, знакомый.

— Какъ по-вашему, что это за человѣкъ?

— По-моему?.. Какъ вамъ доложить?—пожалъ Закаталовъ плечами,—по-моему, человѣкъ легкій и... едва-ли обстоятельный.

— Ну-съ, а по-моему, просто-таки мерзавецъ,—рѣзко порѣшилъ генералъ своимъ обычнымъ безапелляционнымъ тономъ.—Скажите, что онъ здѣсь дѣлаетъ? Заводъ какой-то, слышалъ я, открываетъ?

— Да, анилиновый, на счетъ купца Гусятникова.

— Хм... А затѣмъ?..

— А затѣмъ, что жъ ему дѣлать? Съ фабрикантами въ мушкетъ играетъ, жуируетъ, за барынями ухаживаетъ...

— И только?

Закаталовъ опять пожалъ плечами.

— Другого пока ничего не замѣчено,—сказалъ онъ,—по вѣнкости, по крайней мѣрѣ.

— Хм... Ну, а насчетъ женитьбы?.. Думаетъ ли комъ жениться?

— Насчетъ женитьбы не слыхалъ... Впрочемъ, едва-ли думаетъ,—не похоже на то.

Генералъ озабоченно потеръ лобъ рукою, какъ бы облегчая этимъ внутреннія потуги какой-то тяжелой, безпокойщей его мысли. По выраженію его лица можно было замѣтить, что ему очень трудно комбинировать свои дальнѣйшіе вопросы, которыхъ впереди у него еще очень много и которые, тѣмъ не менѣе, далеко не исчерпываютъ собою главный, заботливѣй его предметъ, а все только бродятъ въ кругъ да около, не рѣшаясь, или не зная, какъ подойти къ нему прямо.

— Видите ли, дѣло вотъ въ чемъ... Какъ старый сослуживецъ, я буду говорить съ вами откровенно и, надѣюсь, вы мнѣ поможете?—сказалъ онъ, наконецъ, крѣпко пожавъ Закаталову руку.

— Готовъ ваше превосходительство,—отвѣчалъ тотъ, прищелкнувъ, съ короткимъ поклономъ, шпорами.

Генералъ, въ ливномъ затрудненіи, насунаясь и нервно поводя скулами, прошелся по комнатѣ.

— Дѣло очень серьезное,—вѣско началъ онъ, обдумывая, какъ бы получше объяснить его, и въ то-же время путаясь въ собственныхъ мысляхъ, потому что долженъ былъ перемогать внутренний конфузъ, претящій ему высказать наголо самую суть этого дѣла.

Полиціимейстеръ, между тѣмъ, стоялъ въ полномъ молчаніи, изображая всею фигурой своею готовность почтительнаго вниманія, и это молчаніе смущало старика еще болѣе.

— Н-да-съ.. очень серьезное... очень!.. Оно конечно... бываетъ и хуже, и-но...все-же какъ порядочный человѣкъ, вы меня поймете,—отрывисто бормоталъ старикъ, шагая по комнатѣ и избѣгая при этомъ глядѣть прямо въ глаза собесѣднику. — Давеча, просматривая ваши вѣды,—продолжалъ онъ, круто повернувшись вдругъ къ Закаталову и чуть не въ упоръ останавливаясь передъ нимъ,—вы... вы, конечно, замѣтили, что дочь моя показана дѣвицей?

— Такъ точно, ваше превосходительство,—съ тѣмъ же короткимъ поклономъ подтвердилъ Закаталовъ.

Н-да... дѣвицей... А между тѣмъ, — вы ее видѣли, въ какомъ она положеніи.

И для пущей изобразительности, генераль округло развелъ передъ собственнымъ животною руками.

Полицеймейстеръ промолчалъ, только составилъ очень серьезную, страдающую мину и скромно потупилъ взоры.

— Н-да-съ... Такъ вотъ, этимъ самымъ ея положеніемъ мы обязаны графу Карколю, — поклонился вдругъ Уховъ.

Закатадова, при этомъ имени, точно бы что отшатнуло назадъ, и онъ невольно вскинулъ на генерала изумленные глаза.

— Можетъ ли быть?! Скажите пожалуйста!.. Карколь?!

— Да-съ, какъ видно. Сорвалъ банкъ и удралъ. Тайкомъ удралъ, какъ самый последний трусъ и негодяй!.. Мерзавецъ!.. мерзавецъ, говорю вамъ!

Генераль начиналъ уже кипятиться и пофыркивать сквозь затопорщившіеся усы. Полицеймейстеръ сочувственно покачивалъ головою.

— Что жъ теперь дѣлать предполагаете вы?—озабоченно спросилъ онъ.

— Хи!.. Въ этомъ-то и вопросъ, что дѣлать!—Одно изъ двухъ: или заставить его жеваться, или убить, какъ собаку,—что жъ тутъ больше! Мы для этого и пріѣхали.

— Первое, конечно бы, лучше всего,—раздумчиво замѣтилъ Закаталовъ; — но... боюсь одного: какъ бы онъ не пронюхалъ да не удралъ бы зѣгода. Если ужъ удралъ изъ Украинска, пожалуй, удеретъ и отсюда... Тутъ надо дѣйствовать живо.

— Такъ, такъ, — подхватилъ генераль. — Именно, какъ вы говорите, живо, немедленно. — Это и моя мысль. — Чтобъ и опомниться не успѣлъ! Главное, никакихъ оттяжекъ и проводочекъ! Никакихъ!

Закаталовъ задумался. Въ глубинѣ души, ему очень улыбалась заманчивая мысль — поставить своего счастливаго соперника въ критическое положеніе передъ коварною судихой: это и ей было бы мищеніемъ. Нагрянули вдругъ, — трахъ! — и окружили молодца, какъ мокрую курицу. Вотъ-те и Донъ-Жуанъ! Прелестно!.. Это было бы истинное торжество и для самого Закаталова, для его уязвленного самолюбія. Весь городъ потѣшился бы надъ графомъ, и ужъ, конечно, послѣ такого сюрприза, едва-ли бы онъ остался въ Кохма-Богословскѣ. — Нѣтъ, ужъ ему тутъ не жить! Всеобщимъ посмѣищемъ быть не захочетъ, это вѣрно. Ну, а послѣ его провала, полицеймейстеръ останется единственнымъ «баль-омомъ» въ городѣ, и тогда ему не трудно будетъ помириться съ легкомысленной судихой, утѣшить ее, возобновить старую дружбу... Теперь онъ пока только другъ съ ея мужемъ, но это тѣмъ легче поможетъ ему опять подружиться и съ нею. О, да это просто сама судьба посылаетъ Закаталову такой счастливый случай, — надо имъ

воспользоваться, надо помочь бѣдному генералу. И ему тѣмъ пріятнѣе будетъ помочь, что этимъ онъ оказываетъ существенную услугу бывшему своему отцу-командиру. — «Чортъ возьми, тутъ надо по-военному!»

— Такъ какъ же вы думаете, ваше превосходительство? — обратился онъ къ Ухову, который, между тѣмъ, анитированно похрустывая пальцами, продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Я?—круто повернулся тотъ на каблучкахъ къ Закаталову. — Да что жъ тутъ думать!.. Я полагаю бы сейчасъ же ѣхать къ нему и обясниться рѣшительнымъ манеромъ: или въ церковь, или на барьеръ!

— Это напрасно, теперь вы его все равно не застанете, — предупредилъ полицеймейстеръ. — Онъ теперь на заводѣ и, вѣроятно, раньше какъ къ вечеру не возвратится.

— Все равно! Будемъ дожидаться у него въ квартирѣ.

— Ну, это, я полагаю бы, неудобно. Вѣдь у него люди дома, лакей... Мало ли что, — предупредить, пожалуй, на заводъ-то съехать не долго.

— Ахъ, чортъ возьми, и въ самомъ дѣлѣ! — хлопнулъ себя генераль по лбу. — Но какъ же быть тогда?

Полицеймейстеръ опять призадумался.

— Мнѣ казалось бы, не лучше ли вотъ какъ, — началъ онъ, поразмысливъ съ минуточку, — во-первыхъ, я сейчасъ же отдамъ строжайшее приказаніе здѣшнему хозяину и всей прислугѣ — не выставлять на доску вашихъ фамилій и никому, ни подъ какимъ видомъ, не сообщать, кто пріѣхалъ и сколько, — чтобы ни гу-гу! Это первое. Во-вторыхъ, попросилъ бы васъ я всѣхъ вашихъ не показываться пока на улицахъ, потому лакей вѣдь у него изъ Украинска, — не ровенъ часъ, какъ-нибудь встрѣтится, узнаетъ въ-лицо, — и весь планъ тогда, пожалуй, на смарку! Тутъ, по моему, важнѣе всего — сохранить до поры до времени строжайшее инкогнито. Да кстати! — какъ бы вспомнивъ что-то, прибавилъ Закаталовъ. — Въ корридорѣ здѣсь я видѣлъ комиссионера-еврейчика... Онъ, помнится мнѣ, тоже изъ Украинска?

Генераль подтвердилъ, что этотъ ихъ знаетъ и даже самъ въ номера ихъ доставилъ, и Карколю знаетъ также.

— Прекрасно! Въ такомъ случаѣ, я его, безъ разговоровъ, прямо съ мѣста въ кутузку и продержу, пока будетъ нужно, чтобы часомъ тоже не проболтался гдѣ. Ну, а свадьбу надо будетъ сыграть сегодня же.

— Вы полагаете? — спросилъ генераль, какъ будто даже оторопѣвъ нѣсколько отъ такой стремительной поспѣшности.

— Обязательно-съ, — подтвердилъ полицеймейстеръ. — Обязательно. Сами же вы изволили согласиться, что надо какъ можно живѣе.

— Да, но развѣ это возможно? Вѣдь тутъ же должны быть предварительныя разныя формальности, оглашеніе тамъ, и прочее?..

— Насчетъ формальностей не изволите сомнѣваться, все будетъ въ порядкѣ,—поспѣшала успокоить старика Закалатовъ.—У меня тутъ по сосѣдству батька-пріятель есть, въ селѣ Корзухинѣ,—это всего въ четырехъ верстахъ. Катеринку въ руку—и готово!

Генераль даже развеселился.—Только-то?! Я готовъ и двѣ даты!

— Зачѣмъ? Баловать не нужно,—возразилъ полиціймейстеръ.—Вѣдь сомнѣній насчетъ правильности брака возникнуть не можетъ, потому тутъ на лицо, во-первыхъ, вы сами, какъ родитель невѣсты и, наконецъ, я, какъ лицо официальное; со стороны вашей дочери двое свидѣтелей есть, со стороны жениха буду я... Ну, а четвертымъ, если позволите, приглашу мирового судью здѣшняго—тоже пріятель и, надѣюсь, не откажетъ. Кстати, какъ разъ и будетъ четверо шаферовъ.

— Дорогой мой! Голубчикъ! Отецъ-благодѣтель просто! Это вотъ по нашему, по-кавказски!.. Вотъ что значитъ кавказцы-то!—восклицалъ обрадованный старикъ, заключая Закалатова въ свои объятія и снова влѣпывая въ обѣ его щеки по сочному поцѣлуу.—Нѣтъ словъ благодарить!.. Вѣдь это просто само проявленіе принесло васъ ко мнѣ! Ей-Богу, проявленіе!

Документы вашей дочери, конечно, съ вами?—продолжалъ Закалатовъ.—Позвольте-ка мнѣ ихъ сюда, я сейчасъ же духомъ смахаю въ Корзухино и подготовлю всю музыку заблаговременно.

— Да, но какъ же насчетъ мерзавца-то, будущаго зятя моего,—спохватился вдругъ генераль.—Вѣдь надо же предварительно встрѣтиться гдѣ-нибудь съ нимъ, объясниться?..

— Объ этомъ олять же не беспокоитесь, вы встрѣтитесь у меня,—предупредилъ его самымъ увѣреннымъ тономъ полиціймейстеръ.—Это я уже все обработаю, чтобы къ назначенному часу все было готово... Положитесь на меня и ждите моего возвращенія.

Генераль тутъ же передалъ Закалатову метрическіе документы Ольги, и они расстались.

IV.

Полиціймейстеръ въ хлопотахъ.

Арестовавъ мимоходомъ, въ корридорѣ, Мордуку Олейника и отдавъ его городоному, для отвода въ кутузку, Закалатовъ отъ генерала на минуточку только заѣхалъ къ себѣ домой—переоблачиться въ сюртукъ и сказать два слова женѣ, чтобы она, на всякій случай, приготовилась, такъ какъ у нихъ будутъ сегодня или

обѣдать, или ужинать гости—человѣка четыре, а можетъ и шесть,—потому чтобы все было хорошо, въ порядкѣ, уха стерляжья, прекрасный ростбифъ, дичь и прочее, а главное, не забыть послать въ погребу къ купцу Харлашину, чтобы прислалъ винъ да бутылочъ шесть шампанскаго,—полиціймейстеръ-де требуетъ!

М-те Закалатова, страдавшая вѣчными флюсами и насморками, не любила вылѣзать изъ своего фланелеваго капота и потому кисло поморщилась при этомъ, не совѣтъ-то для нея пріятномъ, извѣстнѣе, тѣмъ болѣе, что оно такъ неопредѣленно, — или обѣдать, или ужинать! Уже что-нибудь одно бы! Она сочла себя въ правѣ узнать, по крайней мѣрѣ, что-за гости, ради которыхъ такія вдругъ хлопоты?—Но заторопившійся супругъ, впопыхахъ, только руками замахалъ на нее.—Послѣ, матушка, послѣ! Теперь некогда... лечу, стремлюсь... Не до тебя!.. Однимъ словомъ, важные гости, очень важные,—смотри, лицомъ въ грязь не ударь... Да чтобы шампанское-то заморожено было!

И лихой полиціймейстеръ полетѣлъ въ село Корзухино.

* * *

Корзухинскій батюшка былъ дома и, конечно, только руками развелъ отъ пріятнаго удивленія, при видѣ такого рѣдкаго и неожиданнаго гостя.—Откуда мнѣ сіе?—говорить,—и чѣмъ чествовать? Рябиновкой, или вишневкой?

— Ну, батя, выручай!—изображая изъ себя повинную голову, обратился къ нему гость.—Выручай, голубчикъ, будь другомъ!

— Кого, изъ чего и какъ?—систематически отоваялся ему на это хозяинъ, довольный посѣщеніемъ своего городского и столь савовнаго друга.

— Это тебѣ все равно кого,—замѣтилъ полиціймейстеръ.—А главное, можешь ты мнѣ сегодня покрутить одну пару?

— Одну? Могу и десять, только не сегодня. Вотъ те и на!.. Почему не сегодня? День вѣдь не подъ праздникъ и не постный!

— Не постный, а только не порядокъ. Надо напередъ оглашеніе троекратное сдѣлать, безъ того нельзя.

— А ты безъ оглашенія валий, — лукаво подмигнувъ ему Закалатовъ.

— Эво что выдумалъ!.. безъ оглашенія!.. Нашему брату за это и подъ запрещеніе подпасть можно.

— Да вѣдь никто жъ на тебя доказывать не пойдетъ.

— Не въ томъ сила, а не порядокъ, говорю,—вотъ что.

— Да плюнь ты на свои порядки. Чего тамъ!—шутливо махнулъ тотъ рукою.

— Эге! Не бойся, ты на свои не плюешь, голова-то одна на плечахъ... Ну, да ужъ что съ тобой антимоніи разводить! — согласился,

подумать, батюшка. — Уж если тебѣ и въ самъ-дѣлъ такъ до-зарѣзу пришло, можно будетъ нарочито отслужить сегодня вечерю и огласить единожды, да завтра дважды, послѣ заутрени и обѣдни, — ужъ такъ и быть, нарочно отслужу. Дѣло-то, по крайности, въ порядкѣ будетъ, а послѣ литургіи и повѣнчаемъ.

Закаталовъ наморщился и озабоченно закусилъ губу.

— Необходимо сегодня, — проговорилъ онъ серьезно и рѣшительно. Но батюшка на это только пожалъ плечами да руками развелъ.

— Слушай, батя, не ломайся, — продолжалъ онъ дружески убѣждающимъ тономъ. — Оглашеніе вовсе ужъ не такая важная формальность, если все остальное въ порядкѣ. Не брата же на родной сестрѣ вѣнчать будешь и не жену отъ живого мужа, — за это я тебѣ головой ручаюсь, и подводить ни тебя, ни себя, конечно, не стану бы. А дѣло вотъ въ чемъ: хочешь заработать сотнягу рублей, такъ вѣнчай сегодня. Дѣтишкамъ на молочняшко годится. Подумай-ка самъ, когда-то тебѣ еще благостыня такая перепадетъ! Вѣдь это рублей не шутка!

«Батя», съ какимъ-то сладко меланхолическимъ выраженіемъ, раздумчиво устремилъ взоръ въ пространство и медленно сталъ поглаживать себѣ сивенькую бородку.

— Милый человекъ, вѣдь я это только по дружбѣ къ тебѣ, — сердечно продолжалъ доказывать ему полиціймейстеръ, — потому мужикъ ты хорошій и пріятель къ тому же. Люблю я тебя, вотъ что!.. А станешь артачиться, къ другому поѣду, — другой и ахти не молва повѣнчаетъ. Сотня рублей на голодныхъ поповскія брюхи, особенно вашему брату; попу деревенскому, самъ понимаешь, что значить!

— Такъ-то такъ, а все же... какъ будто сумнительно, — тряхнулъ бородкой батюшка.

— Ну, вотъ то и здравствуй!.. Что же тутъ «сумнительнаго»? Да и чѣмъ опасаться-то? Документы, говорю тебѣ, всѣ въ порядкѣ, женихъ съ невѣстой совершеннолѣтніе, при вѣнчаніи будетъ самъ отецъ невѣстинъ — почтенный, заслуженный генералъ, четверо свидѣтелей на лицо, да и я самъ — понимаешь ли, — самъ буду въ свидѣтеляхъ-то, вѣдь съ миромъ, — ужъ чего тебѣ, значить, законѣе?! Прїѣдемъ безъ шума, вечеромъ, попозже, — село-то ваше все спать уже, поди чай, будетъ, — въ церкви, значить, лишняго народу ни души, освѣщенія параднаго не надо, — ну, и знать никто не будетъ, да и про оглашеніе никто не домекаетъ. — было ли, нѣтъ ли, Господь его знаетъ! Разъ въ книгу записано, стало-быть, было, вотъ и конецъ. Ну, а ужъ хочется оглашать, огласи, пожалуй, за вечерней, — полторы старухи услышатъ, и удовольствуйся!

Батюшка уже не возражалъ, а только головой порож потряхивалъ, съ выраженіемъ, ко-

торое ясно говорило: «нишъ ты, поетъ-то какъ, соловушкомъ курскимъ!»

— Документы невѣстинны можешь хоть сейчасъ получить, — продолжалъ между тѣмъ Закаталовъ, — ну, а жениховъ съ собой привеземъ. Вѣдь записъ-то въ метрику сдѣлать и пятнадцать минутъ работы не надо, — и все будетъ въ порядкѣ! Въ полчаса всю свадьбу отвалашь и получишь радужную... Дячку съ пономаремъ тоже уболагодворимъ хорошо, останутся довольны, и все это, какъ говорится, по-тиху, по-сладку, самымъ душевнымъ манеромъ.. Подумай-ка, право!

Батюшка, все съ тѣмъ же сладко меланхолическимъ выраженіемъ, продолжалъ глядѣть въ неопредѣленное пространство и поглаживать бороду.

— Что ужъ больно таинственно? Романъ, что-ли, какой? — спросилъ онъ наконецъ, со скромною, но нѣсколько лукавою усмѣшкой.

— Послѣдствія романа, — вдохнулъ съ такою же усмѣшкой Закаталовъ. — Главная причина, что невѣста-то съ кузовомъ, — добавилъ онъ, выразительно понизивъ голосъ. — Понимаешь?

— Ясно. Грѣхъ, стало-быть, прикрыть закономъ желаютъ?

— Въ-вотъ, оно самое и есть! Ты у меня, батя, догадливый! — подмигнулъ ему полиціймейстеръ, весело потирая руки. — Именно, прикрыть его, аспадъ, пока еще время.

— Хе-хее... Понимаешь. Что жъ они, здѣшніе будутъ, ахъ какъ?

— Прїѣзжіе, и даже издалека... Ну, да тебѣ-то что! — Повѣнчаются и укатятъ-себѣ во-свои, поэтому и желательно безъ огласки, — пояснилъ полиціймейстеръ. — Тебѣ даже лучше: уѣхали, и съ плечъ долой!.. Такъ какъ же, батя? Согласенъ?

— Ну, да ужъ что съ тобой подѣлаешь! — покорно вздохнулъ батюшка. — Змій-искуситель ты, одно слово! Іерея въ соблазнъ привелъ, грѣхонникъ эдакой! — съ шутливою укоризной покачивалъ онъ головою. — Развѣ ужъ для тебя только, для друга, а то ни за что бы!

— Ну, ладно, разводи бобы-то!.. Стало быть, къ вечеру приготовься.

* * *

Нѣсколько минутъ спустя, полиціймейстеръ уже катилъ обратно въ городъ. На этотъ разъ, его лихая пара въ пристяжку остановилась передъ домикомъ, на стѣнѣ котораго была прибита извѣстной формы овальная вывѣска «мирового судьи», а на дверяхъ подъѣзда блестящая мѣдная дощечка съ надписью «Архистархъ Ивановичъ Сычуговъ». Зная, что въ этотъ часъ мировой судья обыкновенно разбираетъ дѣла, Закаталовъ прошелъ къ нему прямо въ камеру и выразительно перемигнулся съ нимъ, — дѣло, молъ, есть. Судья сейчасъ же объявилъ

перерывъ застѣданія, — ибо здѣсь это дѣлается патриархально, — и удался съ полиціймейстеромъ въ свой кабинетъ «покурить».

— Большая просьба къ вамъ, любезный другъ, — приступилъ къ нему Закаталовъ, не забывъ предварительно вплотную притворить дверь въ гостиную, на случай излишняго женскаго любопытства. — Можете вы не поспать сегодняшнимъ вечеромъ?

— Не поспать вечеръ... хм... трудно! — усомнился мякишеобразный поборный судья. — Трудновато-съ... А впрочемъ, было бы изъ-за чего. Дѣло, что-ли, какое?

Закаталовъ объяснилъ, что оно, пожалуй, и дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ и пикничекъ выйдетъ прелестный, соединенный съ маленькою экскурсіей за городъ, потому что парочку одну повѣнчать ему надо экспромптомъ, пренеприятную, — такъ вотъ, не угодно ли вмѣстѣ съ нимъ въ свидѣтели, — «по жениху, молъ, ручаюсь».

Сычуговъ, естественно, полюбопытствовалъ узнать напередъ, кого съ кѣмъ вѣнчать предполагается? Но Закаталовъ рѣшиительно заявилъ, что это пока секретъ, а только свадьба будетъ прекурьезная, — конечно, съ выпивкой, — и какъ судья потомъ будетъ самъ хохотать, да пухляшки свои потирать отъ удовольствія, такъ просто мое почтеніе! Ему же спасибо скажетъ!

Усомнившійся Сычуговъ принялъ, однако, все это предложеніе за пріятельскую мистификацію, потому что, въ самомъ дѣлѣ, кому съ кѣмъ у насъ вѣнчаться? Невѣсты всѣ наперечетъ, женихи тоже, и ежели бы вправду предстояло что-либо подобное, то заранѣе всему городу было бы извѣстно.

— Да ужъ стало-быть есть кому, коли говорю! — съ жаромъ твердой увѣренности вступился за себя Закаталовъ и принялся убѣждать и упрямивать судью — сдѣлать это въ личное ему одолженіе, за которое онъ и въ свой чередъ отслужить, при случаѣ. — Вѣдь не трудно же! А ужъ зато какая потѣшная штука выйдетъ, и какъ кутнемъ-то! На-пропалую!

— Да что жъ, я бы пожалуй, — согласился податливый судья, — вотъ, какъ жена только, не знаю...

— Нѣтъ, ужъ вы, пожалуйста, жени вы гу-гу! — поспѣшилъ серьезно предупредить его Закаталовъ. — Попродержите пока про-себя... А ежели спросить, скажите, по дѣлу, молъ, нужно; полиціймейстеръ нарочно самъ заѣзжалъ... Я и мою бабу въ это не путаю. Повѣнчаемъ, — тогда пускай ихъ звонятъ хоть на весь городъ!

И онъ взялъ съ Сычугова честное слово, что тотъ не проболтается, а затѣмъ уговоренный судья далъ ему окончательное свое согласіе быть свидѣтелемъ на неизвѣстной ему свадьбѣ. Для судьи тутъ были три подкупаю-

щихъ обстоятельства: во-первыхъ, любопытство, — что-за таинственная свадьба такая? затѣмъ дружеское одолженіе пріятелю и, наконецъ, заманчивая перспектива чего-то потѣшнаго съ хорошею выпивкой.

— Ну, вотъ и прекрасно! М-манификъ! — горячо потрясъ ему за это руку Закаталовъ и предупредилъ, что въ достодолжную минуту прилѣзть за нимъ экипажъ и вѣстового; костюмовъ-де не нужно никакихъ: въ чемъ есть, въ томъ и вахайте, — поѣзжайте прямо въ Корзухино, къ батькѣ въ домъ, а мы слѣдомъ за вами.

* * *

Отъ Сычугова полиціймейстеръ отправился къ Каржолу и, не заставъ его, конечно, дома, настроилъ на клочкѣ бумаги самое дружеское приглашеніе пріѣхать къ нему тотчасъ же по возвращеніи съ завода, по крайне спѣшному и очень интересному для самого Каржолы дѣлу, а затѣмъ полетѣлъ въ «московскіе нумера», къ генералу.

— Готово, ваше превосходительство, все готово! — объявилъ онъ, сіяя весь радостью и, какъ нельзя болѣе, довольный самимъ собою. — Теперь только распорядиться на почтѣ насчетъ лошадей и экипажей, но это плѣвое дѣло, это мы мигомъ!

Обрадованный старикъ съ чувствомъ протянулъ ему обѣ руки для энергичнаго пожатія.

— Не имѣю словъ и прочее... вы понимаете, — пробормоталъ онъ своею обычною отрывистою манерой.

Закаталовъ тутъ же пригласилъ генерала пожаловать къ нему, вмѣстѣ съ остальными его спутниками, въ четыре часа, откушать попросту чѣмъ Богъ послалъ, и предупредилъ, что послѣ обѣда они, по всей вѣроятности, встрѣтятся у него съ графомъ, объясненіе съ которымъ гораздо лучше-де имѣть въ частной квартирѣ, чѣмъ здѣсь, въ «нумерахъ»; домъ же Закаталова, на этотъ случай, весь къ услугамъ его превосходительства. Генералъ, за себя и за своихъ, съ благодарностію принялъ это любезное приглашеніе, — и полиціймейстеръ полетѣлъ домой приготовиться къ надлежащему приему своихъ гостей и распорядиться насчетъ кое-чего къ вечеру.

У.

Въ западнѣ.

Возвратясь домой въ седьмомъ часу вечера, Каржоль нашелъ у себя на столѣ записку полиціймейстера и пробѣжалъ ее глазами не безъ нѣкотораго недоумѣнія.

— Сами заѣзжали, — пояснилъ ему камеръ-юнкеръ, — и мнѣ даже наказывали доложить вашему сіятельству, чтобы безпримѣнно дожидались, очень просить.

— Не говорилъ, зачѣмъ?.. Игра вѣрно? Гости?

— Не могу знать, а только сказывали, что очень нужное дѣло и просили, чтобы сейчасъ же.

Графъ призадумался. — Что-за экстренность такая? И по какому такому дѣлу могло бы это быть?.. Что-нибудь неприятное вѣрно? — И онъ сталъ перебирать въ умѣ, какая неприятность и съ какой стороны могла бы угрожать ему? Долгъ кому-нибудь, что-ли? вексель, взысканіе? Ужъ не жиды ли опять что затѣяли?.. Или кто-нибудь изъ нанятыхъ для завода должностныхъ лицъ, у которыхъ онъ для вѣрности забралъ денежные обезпеченія... можетъ, кто изъ нихъ подалъ на него? Или рабочіе съ какими-нибудь жалобами и претензіями? — Но нѣтъ; кажись, ничего такого быть не должно бы, — по крайней мѣрѣ, графъ даже и припомнить не можетъ себѣ чего-либо подходящаго, да и наконецъ, со всѣми такими дѣлами обращались бы къ судѣ, а не къ полиціи-мейстеру. Не политическое ли что-нибудь? — Но это послѣднее предположеніе показалось ему даже смѣшнымъ, — что онъ за политическій человѣкъ, и какая такая политика вообще можетъ у него быть! Знакомствъ такихъ онъ тоже не помнитъ за собою... Нѣтъ, тутъ что-нибудь другое. И что-за дурацкая манера писать загадками какими-то! — «по крайне спѣшному и очень интересному для васъ самихъ дѣлу». — Ну, и напиши хоть въ двухъ словахъ, по какому! А то заставляетъ человѣка только тревожиться и чортъ знаетъ изъ-за чего ломать себѣ голову, тогда какъ, можетъ быть, это сущіе пустяки. Да и вѣрнѣе всего, что пустяки, ничего серьезнаго и быть не можетъ.

Въ нерѣшительности, какъ быть, графъ снова перечиталъ записку, на этотъ разъ внимательно перваго, и убѣдился теперь, что совершенно дружескій, даже нѣсколько легкій тонъ ея, повидимому, исключаетъ всякую возможность какой бы то ни было неприятности, — скорѣе напротивъ, даже пріятное что-нибудь, веселое. А это одна только глупая мнительность его создаетъ себѣ такіа вадорныя предложенія. Это все жиды виноваты, все они: съ тѣхъ поръ, какъ графъ попалъ къ нимъ въ лапы, онъ сталъ гораздо мнительнѣй и подозрительнѣй, чѣмъ прежде, — нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ и представится ему что-нибудь скверное, — а что, молъ, если они возьмутъ да сдѣлаютъ съ нимъ то-то, или то-то?.. И пойдетъ его фантазія разыгрываться на эту тему, и онъ создаетъ въ умѣ своемъ планы, какимъ образомъ могъ бы быть отпарированъ имъ тотъ или другой воображаемый ударъ. Но въ данномъ случаѣ, кажись, никакого такого удара и быть не можетъ. Вѣрнѣе всего, что милѣйшій Закалатовъ устраиваетъ экспромптомъ какую-нибудь пирушку, или веселый пик-

никъ, — вообще, затѣваетъ что-нибудь въ пріятно легкомысленномъ родѣ, — это такъ на него похоже. Стало-быть, безпокоиться и поддаваться первому безотчетно неприятному впечатлѣнію нѣтъ рѣшительно никакихъ резоновъ. Напротивъ, будемъ думать, какъ Пайглосъ, *que tout est pour le mieux dans ce meilleur des mondes!*

— Скажи кучеру, чтобы отпрягалъ лошадей, а мыѣ пошли за извозчикомъ и дай умыться и переодѣться, — приказалъ онъ своему человѣку.

Орестъ Аркадьевичъ Уховъ и остальные гости Закалатова, пріѣхавшіе вмѣстѣ съ генераломъ, сидѣли послѣ обѣда въ гостиной, разсѣянно разсматривая отъ нечего-дѣлать альбомныя карточки совершенно незнакомыхъ имъ лицъ и слушая черезъ пятое въ десятое слово какіе-то, вовсе для нихъ не интересные, рассказы хозяйки дома. М-ше Закалатова, извѣстная въ городѣ болѣе подъ названіемъ «флюсовой дамы» (на томъ основаніи, что существуютъ же дамы трюфовая и шиковая, такъ почему же не быть и флюсовой?), все еще оставалась въ полной неизвѣстности насчетъ цѣли пріѣзда въ Кохма-Богословскъ своихъ «важныхъ гостей» и, несмотря на все свое желаніе, не рѣшалась спросить ихъ объ этомъ, потому что предусмотрительный супругъ еще загодя серьезно полросилъ ее вовсе не касаться этой темы и вообще избѣгать всякихъ подобнаго рода вопросовъ, — «иначе ты мнѣ, матушка, ужасно напортишь». Это до нельзя заинтриговало флюсовую даму и подстрекнуло ея любопытство, въ особенности когда она увидѣла «интересное положеніе» м-ше Ольги, — но, памятуя зарокъ своего мужа, покорная супруга превозмгла даже самое себя въ борьбѣ съ собственнымъ любопытствомъ и, пересиливая себя, выдерживала все время роль скромной, ничего не замѣчающей и любезной хозяйки.

Ольга въ виду предстоящей встрѣчи съ Каржолемъ, — сколь ни былъ онъ ей теперь ненавистенъ, все же, по чисто женскому чувству, не упустила позаботиться о томъ, чтобы показаться предъ нимъ поинтереснѣе, тщательнѣе обдумала свой нарядъ и даже стянула, на сколько было возможно, пинуровкой.

За исключеніемъ хозяйки, всѣ сидѣли теперь какъ на иголкахъ, въ ожиданіи, что вотъ-вотъ сейчасъ долженъ появиться Каржоль... Всѣхъ заботила въ душѣ одна и та же мысль — пріѣдетъ ли? и что, какъ вдругъ не пріѣдетъ?.. и какъ произойдетъ первая съ нимъ встрѣча?.. и чѣмъ то все разыграется? Чѣмъ долѣе тянулось время, тѣмъ нетерпѣливѣе становилось это ожиданіе; у Ольги же оно доходило чуть не до нервной тоски и едва сдерживаемой тревоги, тѣмъ болѣе, что въ присутствіи

непосвященной въ дѣло хозяйки, нельзя было и поддѣлиться яв съ кѣмъ своими мыслями и сомнѣніями. Поэтому нѣтъ ничего мудренаго, что флюсовая дама подѣ конецъ даже устала «занимать» своихъ мало разговорчивыхъ, видимо озабоченныхъ тѣмъ-то гостей и уже подумывала про себя, да скоро ли унесетъ ихъ нелегкая?!

Но вотъ, около семи часовъ вечера, въ прихожей раздался звонокъ.

Гости съ хозяиномъ многозначительно переглянулись между собою, и всѣ неловко какъ-то подтянулись. У Ольги ёкнуло и забилось сердце; Аполлонъ Пуль-закусилъ губу и мрачно нахмурился, съ рѣшительнымъ, на все готовымъ видомъ; генералъ, нервно побрякивая, заерзалъ на своемъ креслѣ; полицеймейстеръ, съ чувствомъ автора хорошо поставленной пьесы, ободрительно и нѣсколько лукаво улыбался, поглядывая въ нѣкоторой ажитации на дверь въ залу, то на своихъ гостей; даже корнетъ Васильскій принялъ серьезный и строгій видъ, и только одна флюсовая дама, съ выраженіемъ какого-то индюшечьяго недоумѣнія, вытянувъ шею по направленію къ двери, думала про-себя — кого это еще принесла нелегкая?..

Минута напряженнаго, но сдержаннаго ожиданія.

Ничего не подозрѣвая, Каржоль довольно быстрыми шагами, развязно и даже весело вошелъ въ гостиную—и вдругъ, въ тотъ самый моментъ, какъ хозяинъ радушно поднялся къ нему на встрѣчу, онъ точно бы запылся на полушажъ и сталъ, совершенно озадаченный, посреди комнаты. Беззаботная улыбка мигомъ слетѣла съ его оторопѣвшаго лица, которое вдругъ поблѣднѣло и даже осунулось какъ-то подѣ гнетомъ полной растерянности и недоумѣнія. Въ остановившихся глазахъ его, сквозь мгновенно заволочившій ихъ туманъ, у него смутно-выдѣлялись глядящія на него лица и фигуры Ольги, генерала и еще кого-то... Онъ не понималъ даже, какъ будто спросонья, что все это значитъ, какими судьбами они вдругъ, здѣсь, у Закалатова, зачѣмъ и почему, — и только чувствовалъ, какъ упало въ немъ сердце, да зазвенѣло въ ушахъ, точно бы ему дали пощечину. Это было не болѣе какъ одно мгновеніе, но мгновеніе для него въ полномъ смыслѣ ужасное. Ни впередъ, ни назадъ. — Исчезнуть бы, провалиться лучше на мѣстѣ!.. Онъ чувствовалъ, что всѣ взоры обращены исключительно на него, какъ бы говоря — «нутъ-ка, что, братъ?!» — что всѣ смотрять и чего-то ждутъ отъ него, что ему въ эту минуту надо что-то такое сдѣлать, или сказать, но что именно и, вообще, какъ быть теперь, — этого онъ не зналъ и не могъ сообразиться. Внутреннее сознаніе говорило ему только, что

положеніе его отчаянно глупое, смѣшное, подлое и безвыходное

— И, графъ, хотѣлъ нарочно сдѣлать вамъ пріятный сюрпризъ,—любезно заговорилъ Закалатовъ, подходя къ нему, въ качествахъ хозяина, — поэтому, ужъ извините, не предупредилъ васъ ни словомъ... Но надѣюсь, вы рады такой неожиданной встрѣчѣ со старыми добрыми знакомыми?

Лицо Каржоль исказилось вынужденной и потому до-нельзя глупой улыбкой, съ которою онъ издали поклонился общимъ поклономъ гостямъ и поспѣшилъ подойти къ хозяйкѣ дома, чая почему-то въ ней одной свой якорь спасенія въ эту отвратительно скверную для него минуту. Та усадила его подлѣ себя и не нашла ничего лучше, какъ спросить:

— А развѣ вы, графъ, знакомы?! Я и не подозрѣвала.

Каржоль пробормоталъ ей въ отвѣтъ что-то невнятное и, чувствуя, что надо же наконецъ обратиться съ какою ни-на-есть фразой и къ своимъ «добрымъ, старымъ знакомымъ», повернулся къ Ухову все съ тою же вынужденной улыбкой:

— Давно изволили пожаловать?

— Сегодня,—отрывисто буркнулъ ему генералъ.

— И на долго?

— Не знаю, смотря какъ.

Каржоль чувствовалъ, что всѣ эти ненужные вопросы выходятъ у него ужасно глупыми и совсѣмъ не кстати, а между тѣмъ, нужно же ему говорить о чемъ-нибудь, чтобы хоть этимъ прикрыть свое смущеніе. Сознательнѣе всего царило въ немъ теперь одно лишь мышленіе, — какъ бы удрать, удрать отсюда скорѣе, подѣ какимъ ни-на-есть благовиднымъ предлогомъ. Онъ уже сталъ-было объяснять хозяевамъ, что заѣхалъ лишь на минутку, такъ-какъ ему необходимо, къ сожалѣнію, спѣшить по одному неотложному дѣлу, но едва лишь заикался объ этомъ, какъ Закалатовъ, сдѣлавъ видъ, будто не слышалъ его словъ, любезно захопотался съ тѣмъ-то около генерала и сейчасъ же поспѣшно обратился къ женѣ.

— Душенька, ты бы распорядилась насчетъ чая, поди-ка, пожалуйста, — предложилъ онъ ей, выразительно показывая глазами на дверь, а зачѣмъ, повертѣвшись съ минутку въ гостиной, пока предлагалъ Каржоль и другимъ гостямъ папиросы да спички, поспѣшилъ и самъ, съ озабоченнымъ видомъ радушнаго хозяина, выйти вслѣдъ за женою изъ комнаты.

Съ уходомъ ихъ, Каржоль почувствовалъ, что онъ покинутъ, одинокъ, безпомощенъ и совсѣмъ уже предается на жертву чему-то ужасному, неизбѣжному какъ рокъ, что должно наступить для него сію минуту, — и онъ сидѣлъ, какъ истуканъ, въ своемъ креслѣ, не

зная, куда глядѣть, куда дѣвать свои руки и ноги, почти не смѣя шевельнуться. Нѣсколько секундъ общаго тяжелаго молчанія, вслѣдъ за уходомъ притворившаго за собою дверь Зака-талова, показались ему цѣлою вѣчностью невыносимаго нравственнаго гнета.

— Мнѣ надо съ вами объясниться, графъ, — сказала ему наконецъ Ольга сухимъ и довольно твердымъ тономъ, а затѣмъ, обратившись къ остальнымъ, попросила ихъ удалиться на нѣкоторое время въ залу, — она позоветъ ихъ, когда понадобится. Тѣ молча поднялись со своихъ мѣстъ и вышли въ смежную комнату. Каржоль сообразилъ, что этимъ выходомъ ему отрезывается всякій путь отступленія какъ отъ объясненія съ Ольгой, такъ и изъ дома полиціймейстера. Онъ понялъ теперь, что тутъ была устроена ему западня, въ которой очутился онъ, какъ пойманный мышонокъ, — и мятущееся чувство какой-то заячьей тоски и почти страха неволью овладѣло имъ при этомъ. Что Ольга съ отцомъ здѣсь, это ему еще понятно; но съ какой стати съ ними эта свита, эти молчаливые офицеры, этотъ Аполлонъ Пупъ съ его зловѣщими какимъ-то видомъ?.. Имъ-то что надобно? Чего хотятъ они? Затѣмъ, зачѣмъ они здѣсь и что все это значитъ? Но все-таки, среди своего мятущагося чувства, графъ былъ смутно радъ и тому уже, что объясненіе съ Ольгой, произойдетъ, по крайней мѣрѣ, съ глазу на глазъ — Оно все же легче какъ-то...

— Надѣюсь, вы угадываете цѣль нашего прѣзда, — начала Ольга тѣмъ же сухимъ и сдержаннымъ тономъ. — Отцу моему извѣстно все. Я не могла, да и не имѣла надобности скрывать отъ него... Точно такъ же и мнѣ, графъ, извѣстны не только ваши отношенія къ Тамарѣ Бендавидъ, но и все, что заставило васъ бѣжать изъ Украинска... Объ этомъ теперь весь Украинскъ знаетъ, — знаетъ и то, что вы въ кабалѣ у евреевъ и за какую цѣну...

При этихъ словахъ, удивленный Каржоль неволью откинулся назадъ, и лицо его вспыхнуло краской стыда, отъ жгучаго сознанія, что онъ пойманъ и обличенъ въ самыхъ сокровенныхъ и постыдныхъ для его самолюбія обстоятельствахъ, о которыхъ знаютъ теперь всѣ, — и она, и даже эти офицеры.

— Укорять васъ за ваши поступки, за весь обманъ вашъ я не стану. Но...

При этомъ послѣднемъ словѣ Ольга выпрямилась и глубоко вздохнула всею грудью, какъ словно бы ей не хватало воздуха.

— Я имѣю право потребовать отъ васъ одного; — размѣренно продолжала она голосомъ почти задыхающимся отъ волненія, чувствуя, какъ оно все болѣе и болѣе спазматически подступаетъ ей къ горлу! — нашъ будущій ребенокъ долженъ быть вашимъ законнымъ... Понимаете ли, законнымъ, — я этого требую.

— Что жъ, — покорно склонилъ графъ голову, — если вамъ такъ угодно, я... я противъ этого ничего не имѣю... Я готовъ усыновить его.

— Усыновить? — съ презрительной ироніей повторила Ольга. — Нѣтъ, графъ, этого слишкомъ мало. Онъ долженъ быть уже рожденъ законнымъ, — вы обязаны на мнѣ жениться, — твердо добавила она, какъ свою послѣднюю и непреложную волю.

Каржоль молча потупился, видимо, соображая что то. Онъ начиналъ мало-по-малу оправляться отъ ошеломившаго его смущенія и овладѣвать собой и своими мыслями.

— Ольга Орестовна, я попрошу васъ, однако, вспомнить, — залепеталъ онъ, все еще не смѣя взглянуть ей прямо въ глаза, — однажды я уже имѣлъ честь просить вашей руки, но... не моя вина, если вашему батюнкѣ угодно было отказать мнѣ. У каждого человѣка есть тоже свое самолюбіе, и не могу же я...

— Да, отказать, — прервала его Ольга, — и вы послѣ отказа не задумались, однако, воспользоваться мною. Но не въ этомъ дѣло, — продолжала она. — Теперь, зная мое положеніе и что этимъ я обязана вамъ, отецъ не откажетъ, — онъ *потребуетъ*, напротивъ, чтобы вы женились.

— То-есть, какъ же это «потребовать», — усмѣхнулся Каржоль съ дѣланною ироніей. — Извините меня, но вы, мнѣ кажется, употреблете не совсемъ точныя выраженія... Поступить такъ или иначе, — это дѣло моей доброй воли, моей совѣсти, и обратиться къ моей доброй волѣ, — это я понимаю; но «требовать»... Требовать, Ольга Орестовна, можно отъ человѣка только имѣя противъ него вѣскія юридическія доказательства.

— Ахъ, такъ вы вотъ на какую почву становитесь! — нервно усмѣхнулась она. — Прѣкрасно! Такъ не угодно ли же вамъ припомнить, что у меня въ рукахъ цѣлая коллекція вашихъ писемъ и записокъ, которыя вы пересылали мнѣ черезъ Перлю Лифшицъ.

— Да, но что жъ?.. Записки мои я очень хорошо помню, и знаю, что въ нихъ нѣтъ ничего компрометирующаго васъ или меня съ этой стороны, — почему же вы непременно хотите сдѣлать отвѣтственнымъ за свое положеніе меня?

— Какъ! У васъ еще хватаетъ духу оскорблять меня?! — встрепенулась Ольга, сверкнувъ на него гнѣвными глазами.

— Нѣтъ, не оскорблять, — поспѣшнѣе увильнуть Каржоль. — Боже меня избави!.. Затѣмъ?.. Вы не такъ меня поняли, — я только защищаюсь, я ни отъ чего не отказываюсь, ничего не отрицаю, но желаю только, чтобы вы поняли, что подобныя вопросы разрѣшаются не путемъ насилія, а доброю волей человѣка... Если вы обращаетесь къ моей доброй волѣ, — извольте, я готовъ говорить съ вами.

— Я, съ своей стороны, сказала все, и говорить мнѣ болѣе не о чемъ. А не угодно ли вамъ поговорить теперь съ моимъ отцомъ и съ этими господами. Папа!—кликнула въ залу Ольга.—Ступай сюда!.. Аполлонъ Михайловичъ! Жоржъ!—войдите...

Только-что оправившійся Каржоль опять почувствовалъ приступъ тоскливаго заячьяго страха.—Что же теперь хотять еще съ нимъ дѣлать?

— Мои разговоры съ вами, сударь, будутъ коротки,—круто приступилъ къ нему, чуть не въ упоръ, генералъ,—или подь вѣнецъ, или на барьеръ.

— Позвольте,—заякнулъ было графъ.

— Безъ позволеній—съ! — прервалъ его Уховъ.—Объясненій не нужно. Я все знаю и такъ. Достаточно и того, что вы сейчасъ говорили, — я слышалъ. Въ церковь, или на барьеръ, — выбирайте!.. Я, сударь, сумѣю постоять за честь моей дочери... Посчастливилось убить меня, на мое мѣсто станетъ онъ,—указалъ генералъ на Жоржа,—его убьете, будете продолжать съ поручикомъ. Выбирайте, говорю, сейчасъ же—то, или другое!

— Позвольте, генералъ,—попытался отъ него Каржоль, брезгливо обтирая платкомъ брызги слюны, попадавшія ему на лицо сквозь усы раскипятивагося старика.—Позвольте, вы нападаете на меня и слова сказать не даете... Я уже сказалъ Ольгѣ Орестовнѣ, что ни отъ чего не отказываюсь, но дайте напередъ сообразиться!.. Нельзя же такъ, съ ножомъ къ горлу...

— Безъ отговорокъ, сударь! безъ увертокъ!.. Я вамъ отлынивать не позволю—съ!—грозилъ генералъ пальцемъ передъ самымъ его носомъ.—Вамъ предлагается на выборъ честный исходъ: или дуэль, или свадьба; откажетесь,—суди меня Богъ и мой государь,—убью васъ на мѣстѣ, какъ шаршивую собаку! Выбирайте!

— Авениръ Адриановичъ!—возопилъ отчаяннымъ голосомъ графъ, взывая къ отсутствующему хозяину и поспѣшно ретируясь за спинку тяжелаго кресла, на случай покушенія на свою особу.—Авениръ Адриановичъ!.. Авениръ Адриановичъ!! Пожалуйте, наконецъ, сюда... Что жъ это такое!

— Что-что?.. что такое?.. Что случилось?—убѣждалъ на его призывъ Закалатовъ.—Въ чемъ дѣло, графъ?.. Что съ вами?

— Помилюте! Да что жъ это такое!—взмолился къ нему графъ, съ негодующимъ протестомъ,—на меня нападаютъ, мнѣ угрожаютъ здѣсь... Я прошу васъ оградить меня отъ насилия въ вашемъ домѣ!.. Ваши гости... Это ни на что не похоже!.. Я обращаюсь къ вамъ, наконецъ, какъ къ официальному лицу и прошу защитить меня отъ ихъ оскорбленій!

Голосъ его нервно дрожалъ, и слышались въ

немъ даже подступающія слезы—слезы испуга, обозленности и обиды.

— Успокойтесь, успокойтесь, графъ, Бога ради!—ублажалъ его полиціймейстеръ.—Никто и ничто вамъ не угрожаетъ,—рѣшительно ничто!.. Если генералъ и погорячился немножко,—это такъ понятно... Вы даже должны извинить ему, потому, согласитесь, поставьте себя на его мѣсто... онъ имѣетъ на это право...

— Но нѣтъ, позвольте мнѣ объяснить вамъ,—вступился было за себя Каржоль.

— И объяснять ничего не нужно,—поспѣшно перебилъ его Закалатовъ,—ничего не нужно... Я все знаю, графъ,—повѣрьте, все, все рѣшительно, и понимаю ваше положеніе, но вхожу также и въ положеніе генерала... Прежде всего, успокойтесь,—воды зельтерской не хотите ли?

— Я предлагаю одно изъ двухъ,—вмѣшался тономъ ультиматума расхолодившійся генералъ, носясь, какъ котъ съ саломъ, съ поправившеюся ему лапаческою фразой.—Одно изъ двухъ: или подь вѣнецъ, или на барьеръ! Сейчасъ же!

— Ну, вотъ видите, графъ, что жъ тутъ оскорбительнаго?—мягко принялся уговаривать полиціймейстеръ.—Вамъ предлагаютъ, какъ джентльмену,—прохвостовъ вѣдь на дуэль не вызываютъ, а прямо бить—выборъ зависитъ отъ васъ и, какъ порядочный человѣкъ, вы, конечно, не задумаетесь... Вы сами понимаете, что нужно.

— Или въ церковь, или на барьеръ—повторялъ межъ тѣмъ генералъ въ азартѣ.

— Ну, конечно, въ церковь, ваше превосходительство!—конечно, въ церковь! Зачѣмъ тутъ барьеръ?! Богъ съ ними, съ барьерами!—поспѣшилъ отвѣтить за Каржоля Закалатовъ.—Къ чему намъ рисковать и доводить дѣло до крови, когда можно кончить къ общему удовольствію... Не такъ ли, графъ?

— Я уже говорилъ имъ, что не отказываюсь, ни отъ чего не отказываюсь, повторяю еще разъ и при васъ,—съ жаромъ принялся оправдываться Каржоль,—но позвольте же, дайте мнѣ сообразиться, спокойно обсудить мое положеніе, приготовиться, наконецъ... Теперь я ничего не въ состояніи... Я слишкомъ потрясенъ и взволнованъ... Завтра я весь къ услугамъ этихъ господъ; но сегодня... я васъ прошу, Авениръ Адриановичъ, избавьте меня отъ этой сцены и позвольте мнѣ удалиться.

И Каржоль, взявшись за шапку, направился было рѣшительными шагами изъ комнаты, но генералъ заступилъ ему дорогу и сталъ, вмѣстѣ съ офицерами, между нимъ и дверью.

— Нѣтъ—съ, вы не выйдете отсюда, не попрѣшивши,—заявилъ онъ графу настойчиво и твердо.

— Но что жъ это!.. Опять насилие!—разставивъ руки и чуть не плача,—взмолился Каржоль къ Закалатову.

— Эхъ, графъ, извините меня, я васъ право

не понимаю!—съ дружески-досадливой укоризной сталъ уговаривать его послѣдній.—Ну, и чего тутъ ломаться? Человѣкъ вы холостой, свободный, ну, увлеклись, положимъ — кто Богу не грѣшенъ!.. Но вамъ представляется случай исправить свое увлеченіе. Въ чемъ же дѣло? Надъ чѣмъ тутъ думать-то еще?.. Какъ честный человѣкъ,—конечно, тутъ нѣтъ иного выхода,—вы должны жениться.

— Но я... я вѣдь и не отказываюсь... Я готовъ... чего жъ еще хотять отъ меня!?—оправдывался Каржоль, окончательно, что называется, припертый къ стѣнѣ.—Я прошу только дать мнѣ время—не сейчасъ же я буду вѣнчаться!

— Нѣтъ, сейчасъ, сейчасъ,—замоталъ на него головой и замаялъ руками полиціимейстеръ.—Именно сейчасъ, сію минуту! Надо эту исторію кончать сегодня же. Разъ вы уже рѣшились—медлить нечего.

— Но позвольте, сегодня уже поздно, полагаю?

— Это не ваша забота, мы за васъ уже тутъ позаботились обо всемъ. Еще и восьми нѣтъ,—успѣемъ!

— Однако, надо же подготовиться? Нельзя же такъ!..

— Все, все, все уже готово. Объ этомъ не беспокойтесь, все уже заранѣе, говорю, приготовлено, остается только сѣсть и вѣхать въ церковь. Тройки во дворѣ,—не будемъ терять времени.

Каржоль даже ротъ разинулъ отъ удивленія и обвелъ всѣхъ вопрошающимъ взглядомъ, точно бы желая удостовѣриться, не морочать ли его, въ самомъ дѣлѣ?

— Вы меня изумляете, Авениръ Адриано-вичъ,—обратился онъ, пожавъ плечами, къ Закаталову,—ей-Богу, все это на мистификацію какую-то похоже.. Нельзя ли отложить хоть до завтра, по крайней мѣрѣ?!

Полиціимейстеръ даже уши себѣ закрылъ ладонями.

— Ни-ни-ни, ни подъ какимъ видомъ!—заговаривалъ онъ дружески-безапелляціоннымъ тономъ.—Сегодня, сегодня, дорогой мой, сейчасъ же! Все уже готово, говорятъ вамъ, и священникъ въ церкви ожидаетъ.

— Но безъ документовъ вѣнчать вѣдь не стануть!.. Со мной нѣтъ моихъ документовъ, попытался Каржоль еще разъ вильнуть въ сторону.

— Ничего не значить,—отразилъ и эту попытку Закаталовъ.—Заѣдемъ къ вамъ по дорогѣ и захватимъ, а въ крайнемъ случаѣ, нѣ-слово повѣрятъ.

— Да я и не одѣтъ, наконецъ... Позвольте же мнѣ хоть переодѣться-то!

— Лишнее, батюшка, лишнее! Въ чемъ есть, въ томъ и вѣнчайтесь,—народу въ церкви никого не будетъ.

Окончательно сбитый съ позиціи, Каржоль только хлопнулъ себя объ полы руками и покорно опустилъ голову. Онъ былъ точно въ чаду какомъ-то.

Закаталовъ, между тѣмъ, пользуясь моментомъ, озабоченно засуетился, потирая себѣ отъ удовольствія руки.

— Марья Ивановна! — клякнулъ онъ въ дверь супругу,—готовъ, что-ли, у тебя тамъ хлѣбъ-соль-то?.. Неси скорѣй сюда, вмѣстѣ съ образомъ!—Благословить жениха съ невѣстой,—пояснилъ онъ, обратившись къ Ухову.

Но противъ этого возстали одновременно и Каржоль, и Ольга, почувствовавъ оба какую-то неловкость и конфузъ предъ перспективой под-вергнуться такой церемоніальной сценѣ. Въ ихъ положеніи оно казалось имъ даже комичнымъ.

— Зачѣмъ еще?! Полноте, что-за благосло-веніе!—сконфуженно возражали они, упрямая и протестуя. — Нельзя ли, право, безъ лишнихъ церемоній?.. Это смѣшно даже бу-детъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ, невозможно!—на-отрѣзъ имъ, избуражилъ полиціимейстеръ. — Какъ это! Помилуйте! Безъ благословенія?! Нѣ-ѣтъ, мы это ужъ все по-обычаю, по-божески, какъ слѣдъ... Чтобы Богъ далъ любовь до совѣтъ молодымъ... Вамъ жить, а намъ за васъ радоваться... Нѣтъ-съ, ужъ это не извольте кобаниваться,—это святое дѣло. Пожалуйте-съ!

И, принявъ изъ рукъ жены покрытый чи-стою салфеткой подносъ съ положеннымъ на него образомъ и ржанымъ караваемъ, въ ко-торый была сверху врѣзана серебряная солонка, Закаталовъ обратился къ Ухову:

— Ну-съ, ваше превосходительство, присту-пите. Станьте сюда вотъ и берите въ руки образъ, а ты, Марья Ивановна, — ужъ изви-ните, жена будетъ за мать посаженую, — ты бери хлѣбъ-соль... Станьте рядышкомъ,—вотъ такъ. Прекрасно!.. Теперь, ваше сіятельство, пожалуйста вы.—Ольга Орестовна, не угодно ли?.. Нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста ужъ вы конфузъ отбросьте въ сторону... Становитесь рядомъ съ женихомъ на коверъ,—противъ папашы... Ста-новитесь, становитесь нечего ужъ тутъ!.. Дѣло законное. Вотъ такъ. Ну-съ, теперь опуститесь на лѣбки и—ваше превосходительство, не угодно ли!

И генералъ вмѣстѣ съ флюсовою дамой, бла-гословили Каржоль съ Ольгой по всѣмъ пра-виламъ извѣчнаго обычая.

— Ну-съ, а теперь въ церковь... Пора, пора, господа,—торопитесь! Мой батюка уже, поди-чай, замерзъ, ожидаячи!—хлопоталъ и ве-село суетился полиціимейстеръ. — Вы, графъ, поѣдете вмѣстѣ со мной. Аполлонъ Михайло-вичъ, вы тоже съ нами,—ничего, что втроемъ,—сани широкія, какъ нибудь усадемся, а то я и на княдерицѣ приткнуусь,—кетати, буду за мальчика съ образомъ. Ольга Орестовна, вы

съ батюшкой и братцемъ. Ну, съ Богомъ! Господи благослови! Пожалуйте!

Черезъ пять минутъ послѣ этого, двое большихъ саней, покрытыхъ коврами и запряженныхъ почтовыми тройками, съ «малюновыми» бубенцами, лихо выкатили изъ воротъ полицеймейстерскаго дома и взяли по наравленію къ селу Корзухино.

■ * ■

По дорогѣ заѣхали только къ Каржолу за документами. Закаталовъ, однако, себя на умѣ—не спустилъ его съ глазъ и, изъ предосторожности «на случай дергъ», выѣхавъ самъ, велѣлъ за нимъ, изъ саней и выѣсть вошелъ въ квартиру. Мрачный и убитый, графъ при немъ досталъ изъ шкатулки свои документы, и полицеймейстеръ не постѣснялся даже попросить у него поглядѣть ихъ,—точно ли тѣ, которые въ данномъ случаѣ нужны, чтобы не вышло въ церкви какой ошибки. Каржоль испытывалъ противъ него чувство безсильной, придушенной злобы и, наединѣ, рѣшился, наконецъ, высказаться.

— Это я вамъ долженъ быть обязанъ всею этою комедіей?—саркастически спросилъ онъ.—Благодарю покорно. Когда нибудь сочтемся...

— Полноте, графъ!—возразилъ ему Закаталовъ, принимая на себя добродушныйшю личину.—Чего тамъ «сочтемся»?.. Вы мнѣ еще спасибо скажите, что кончается водевилемъ, а не трагедіей,—шутки-то съ ними плохія были бы. И подумайте сами, разсудите-ка: вы покрываете, во-первыхъ, вашъ собственный грѣхъ,—поступокъ вполне благородный, честный... Ну-съ, а затѣмъ,—красивая жена, хорошей фамилии, съ солиднымъ состояніемъ,—Господи, Боже мой, да чего же вамъ еще-то надобно?! Какого рожна?.. Вѣдь это просто завидный бракъ и, не будь я женатъ, да я, на вашемъ мѣстѣ, считалъ бы себя счастливейшимъ человекомъ!

Сколь ни странно, но эти доводы Закаталова подѣйствовали на Каржолу успокоительнымъ и какъ бы примиряющимъ образомъ. И въ самомъ дѣлѣ, если ужъ этотъ проклятый бракъ неизбеженъ, то что же остается человеку, какъ не утѣшиться хотя бы и на такихъ существенныхъ данныхъ? Но, покоряясь силѣ обстоятельствъ не вѣщности, графъ все-таки считалъ въ душѣ какую-то смутную, ровно ни на чемъ не основанную и даже нелѣпую надежду, что авось-либо въ эти роковые полчаса и, можетъ быть, въ самую послѣднюю минуту, случится еще что-нибудь внезапное, непредвидимое, что помѣшаетъ свадьбѣ, и онъ опять почувствуетъ себя свободнымъ... Увы!—графъ сознавалъ разсудкомъ, что это глупая, ребяческая надежда, а все-жъ-таки надежда! И почему бы ей не осуществиться?—Такъ, приговоренный къ висѣлицѣ, до послѣдняго мгновенія, надѣется и думаетъ, что его не повѣ-

сятъ. Въ такомъ-то смѣшанномъ душевномъ настроеніи, добѣхавъ онъ молча весь остальной путь, до самой паперти Корзухинской церкви.

VI.

Часъ-отъ-часу не легче.

Одна изъ троекъ, вмѣстѣ съ полицейскимъ вѣстовымъ, заблаговременно, еще до сцены благословенія жениха съ невѣстой, была отправлена Закаталовымъ къ Сычугову. Но тутъ вышло нѣчто такое, чего и самъ Закаталовъ никакъ не могъ предвидѣть. Надо же было случиться такъ, что госпожа Сычугова, по поводу какихъ-то хозяйственныхъ распоряженій, находилась въ кухнѣ какъ-разъ въ ту минуту, когда подъ окнами раздавался веселый звякъ бубенцовъ подкатившей къ крыльцу тройки и, вслѣдъ за тѣмъ, въ кухню вошелъ примчавшійся на этой тройкѣ вѣстовой полицеймейстера.

— Что тебѣ?—не безъ удавленія обернулась на него госпожа Сычугова.

— Къ господину, судья отъ ихъ высокоблагородія,—отрапортовалъ полицейскій.

— Съ бумагами?

— Никакъ нѣтъ-съ, прислали доложить, что лошади готовы.

— Какія лошади?

— Почтовые-съ, три тройки.. Одну со мной за господиномъ судьей прислали.

— Куда же это ѣхать?

— Не могу знать, а только давеча посылали меня на почту радить въ Корзухино, чтобы, значитъ, безпремѣнно три тройки были.

Судьяхъ все это показалось довольно страннымъ: три тройки... въ Корзухино... съ ея мужемъ и въ такую пору, — затѣмъ это? Уже навѣрное какой-нибудь кутѣжъ затѣвается,—Закаталовъ вѣдь безъ этого не можетъ... И она спросила у вѣстового, есть ли у полицеймейстера гости, и кто да кто именно?

— Не могу знать, приѣзжіе какіе-то... Сказывали, генералъ съ офицерами и барышня съ ними.

— А изъ здѣшнихъ никого нѣтъ?

— Графъ Каржоль недавно приѣхали.

«Каржоль?—Навѣрное, какой-нибудь пикникъ», подумала себѣ судьяха, и съ самымъ невиннымъ, якобы ничего не подозревающимъ видомъ, прошла въ кабинетъ къ супругу, только-что возставшему отъ послѣобѣденной выпивки.

— Мой другъ, за тобой тройка какая-то приѣхала.

— Ахъ, тройка? — восторженно вскрикнулъ Сычуговъ.—Это отъ полицеймейстера.

И онъ поспѣшно сталъ одѣваться.

— Куда это ты намѣренъ ѣхать? — спросила супруга, спокойно усѣвшись въ кресло.

— Мм... съ полиціймейстеромъ тутъ, не далеко, по дѣлу, — вѣло проговорилъ Сычуговъ, съ кислою гримасой, долженствовавшей наглядно изобразить собою предъ супругой, сколь неохотно снаряжается онъ въ эту досадную, скучную поѣздку.

— Какое жъ это «дѣло» вдругъ вечеромъ? — скептически продолжала супруга.

— Ахъ, матушка, мало ли у насъ дѣлъ-то есть!.. Известно, судебно-полицейское... Актъ составлять.

— Хм... Актъ?.. Какой же это актъ?

— Ахъ, Богъ ты мой! Ну, что тутъ интересно! Не все ли равно тебѣ какой!.. Ну, по безплатной торговлѣ, — легче тебѣ отъ этого?

— Кто же да кто поѣдетъ?

— Какъ кто? — Онъ да я разумѣется; письмоводителя, можетъ, прихватимъ, — кому жъ больше!

— Аристархъ Ивановичъ, вы ждете! — вымолвила судьяха, вдругъ переимчивъ невинно благодушный тонъ на торжествующій и строгій. — Вы собираетесь не по дѣлу, а у Закалатова теперь гости, съ которыми вы на трехъ тройкахъ ѣдете въ Корзухино.

Ошарашенный судья попался, какъ куръ во щи и, не находя словъ для возраженія, устоялся только въ супругу виновато улыбающимися глазами да усиленно засопѣлъ отъ волненія.

— Зачѣмъ это вы ѣдете?.. Отвѣчайте мнѣ, зачѣмъ? для какой цѣли?

— Ахъ, матушка!.. Ну, просто такъ! Приглашать человѣкъ, и ѣду, какая тамъ цѣль еще!

— Те-те-те, позвольте! Такъ вы это «такъ»? Просто «такъ»?.. Скажите, какой агнецъ! — А для чего жъ это вы сочли нужнымъ скрывать отъ меня, если это такъ невинно?

— Чтѣ такое скрывать? Ничего я не скрываю, — слабо оправдывался судья. — Не все же я обязанъ докладывать тебѣ... Просили не говорить, — ну, я и молчалъ... Не понимаю даже, что тутъ для тебя интереснаго!

— А то, что вы, женатый человѣкъ, ѣдете кутить съ какой-то веселой компаніей, что вамъ вовсе не къ лицу ни какъ судья, ни какъ мужу! — вѣско отчеканила каждое слово судьяха. — Извольте мнѣ сознаться, съ кѣмъ и для чего вы ѣдете?

— Голубушка, право, и самъ не знаю.

— Вотъ это прекрасно! Онъ и самъ не знаетъ!.. Да что вы меня за дуру считаете, что-ли?

— Ей-Богу же не знаю! Вотъ тебѣ крестъ, не знаю! — отъ искренняго сердца побоялся судья.

— Ну, это уже слишкомъ. Въ такомъ случаѣ, вы, Аристархъ Ивановичъ, не поѣдете.

— Вотъ те и разъ!.. Какъ же это... Извини, мамочка, но этого я не могу, я даль слово.

— А я вамъ говорю, вы не поѣдете, и я сейчасъ же велю отправить тройку назадъ и сказать, что вы благодарите, но ѣхать не можете, — вотъ и все.

— Ну, ужъ нѣтъ! Бога ради, я прошу тебя не дѣлать такихъ скандаловъ, — взмолился къ ней супругъ. — Это ужъ ни на что не похоже будетъ... Это выходить, просто срамить меня!.. Что я вамъ, мальчишка дался, что-ли?

— Ого?.. Что это за тонъ такой!.. Откуда это вы вдругъ прыти такой набрались, разговаривать со мной подобнымъ тономъ?

Ну, ну, мамочка... ну голубушка... ну, не сердись, пожалуйста! — масляно и сладко заговорилъ вдругъ предъ женой испугавшійся супругъ. — Ну, прости меня, дурака, — не буду больше!.. Ну, полно же!

— А, такъ изволь говорить, зачѣмъ, если хочешь, чтобы я тебя пустила. Зачѣмъ ты ѣдешь? Зачѣмъ? — настойчиво пристала къ нему неподатливая супруга, — и бѣдный мякинъ долженъ былъ наконецъ сознаться ей, что Закалатовъ просилъ его быть свидѣтелемъ на чьей-то таинственной свадьбѣ. Судьяха даже съ мѣста подскочила — что-за свадьба такая? Кто съ кѣмъ? Почему такъ таинственно? — Но ни на одинъ изъ этихъ вопросовъ онъ не могъ уже отвѣтить ей ровно ничего, за исключеніемъ развѣ, что вѣнчается, по словамъ Закалатова, какая-то «интересная парочка» и что свадьба будетъ «прекурьезная».

— Прекрасно, въ такомъ случаѣ я ѣду вмѣстѣ съ тобою, — быстро рѣшила супруга.

Этого только и не доставало къ довершенію всѣхъ удовольствій. Сычуговъ чуть не въ ужасъ пришелъ и снова взмолился къ женѣ пощадить его, не дѣлать этого, такъ-какъ Закалатовъ просилъ именно ей-то и не проговориться на этотъ счетъ, и она своимъ появленіемъ тамъ поставила его, Аристарха, чортъ знаетъ въ какое неловкое положеніе передъ пріятелемъ. Но судьяха и слышать ничего не хотѣла.

— Ёду, ёду и ёду! Или мы ѣдемъ вмѣстѣ, или ты останешься дома, — дѣлай, какъ знаешь, а въ крайнемъ случаѣ, я могу и одна поѣхать. Паша! подай мнѣ пуховый платокъ и ротонду!

Какъ ни бился, какъ ни упрашивалъ и что ни доказывалъ ей Аристархъ, — любопытная судьяха поставила-таки на своемъ. — Еще бы! Каржоль вдругъ тамъ будетъ, да чтобы она не поѣхала!.. Однако, я графъ тоже хорошъ — не сказать ей ни слова!.. Что ему тамъ дѣлать между ними? Зачѣмъ и онъ туда? Съ какой стати?.. Нѣтъ, — думала она себѣ, — это штуки какія-то, тутъ что-то есть!.. Гм... Секреты вдругъ завелись!.. Можетъ, онъ тамъ за кѣмъ ухаживать вздумалъ? — Ну, нѣтъ, это мы посмотримъ!..

Покорившемуся Аристарху, въ концѣ кон-

цовъ, удалось склонить ее лишь на одну уступку, что въ церкви она не станетъ выстав- ляться на показъ, а приотрится въ какомъ- нибудь болѣе темномъ уголку, потому что ина- че—почемъ знать—быть можетъ, присутствіе ея, какъ посторонняго человѣка, смутило бы вѣнчающихся и было бы имъ непріятно. Судья- нха согласилась на это, и они покатили вдвоемъ въ Корзухино. Сычуговъ безпокоился только объ одномъ, что изъ-за этихъ глупыхъ пре- реканій онъ потерялъ ужасно много времени и заставилъ людей напрасно ожидать себя, а можетъ, и совсѣмъ опоздалъ къ вѣчанію.

* *

Войдя вмѣстѣ съ Каржолемъ и остальными спутниками въ слабо освѣщенную церковь, гдѣ уже поджидалъ ихъ за свѣчнымъ прилавкомъ священникъ съ дычкомъ и пономаремъ, За- каталовъ не безъ досады увидѣлъ, что Сычу- гова еще нѣтъ.—Экой цетюхъ! ни въ чемъ- то на него нельзя положиться! Прощай зада- ромъ эффектъ новаго сюрприза для Каржолы, на который онъ такъ рассчитывалъ!.. Но все равно, не ждать же изъ-за этой сонной тетери. И онъ озабоченно отвелъ священника въ сто- рону—посоветоваться, какъ быть безъ судьи, потому что поджидать его нѣтъ времени? Но тотъ успокоилъ, что это ничего не значить,— за четвертаго свидѣтеля, въ крайности, мо- жетъ-де расписаться и дычекъ. Послѣ этого тотчасъ же приступили къ запаси, а затѣмъ и къ вѣчанію. За графомъ, въ качествѣ ша- фера, сталъ Закаталовъ, за Ольгой — Жоржъ съ Аполлономъ. Генераль помѣстился нѣсколько поодаль, въ полумракѣ лѣваго клироса.

Каржоль, съ момента прибытія въ церковь, ни однимъ словомъ еще не обмолвился ни съ Ольгой, ни съ остальными, держась все время въ сторонѣ, какъ человѣкъ несправедливо оскорбленный, но знающій себя цѣну, и толь- ко на дрогнувшихъ губахъ его принужденно замелькала саркастически презрительная усмѣш- ка, когда ему пришлось расписываться въ метрической книгѣ, подъ непосредственно на- блюдавшими за нимъ взглядами Закаталова и Пу- па, которые, стоя надъ нимъ у стола, зорко глядѣли, чтобы онъ и въ своей подписи не вздумалъ какъ ни-на-есть вильнуть или умы- шленно сдѣлать какую-либо неточность. Кар- жоль понялъ это ихъ побужденіе, которое было принято имъ какъ явное и оскорбительное не- довѣріе къ нему,—точно бы онъ мазурикъ ка- кой! — и потому постарался съ молчаливымъ достоинствомъ показать имъ свое презрѣніе. Но тѣ ни мало не смутились, а Закаталовъ, какъ ни въ чемъ не бывало, счелъ даже умѣ- стнымъ подбодрить его послѣ этого přátель- скимъ кивкомъ съ добродушно веселою улыб- кой.

Во время вѣчанія графъ стоялъ предъ аналоемъ рядомъ съ Ольгой, печальный, блѣд-

ный и сумрачный, съ сосредоточеннымъ ви- домъ оскорбленнаго благородства. Пока не на- дѣли на нихъ вѣнцы, онъ все еще ждалъ въ душѣ, что вотъ-вотъ сейчасъ случится то не- вѣдомое *нѣчто*, которое должно спасти его и сдѣлать вновь свободнымъ. Когда священникъ обратился къ нему съ обычнымъ вопросомъ— добровольно ли беретъ онъ за себя свою не- вѣсту и не общался ли кому другому?—онъ всѣмъ существомъ своимъ порывался было протестующе крикнуть: «нѣтъ, меня вѣчаютъ насильно!» и на этомъ, въ послѣдній еще воз- можный къ отступленію моментъ, прервать дальнѣйшій ходъ обряда; но вмѣсто того, на первый вопросъ сконфуженно и тихо отвѣтилъ да, а на второй едва слышно *нѣтъ*, точно бы губы его прошептали эти два слова помимо собственной его воли и сознанія. Здѣсь ему впервые показалось предъ самимъ собою, что онъ какъ будто смалодушничалъ въ послѣднюю рѣшительную минуту, что стоило бы сказать «не хочу», а съ нимъ ничего бы не подѣлалъ, но... перспектива дуэли, — неужели же онъ боится ихъ угрозы дуэлью?!.. При этомъ со- знаніи вся кровь бросилась ему въ голову, но тѣмъ не менѣе, онъ не возмущился противъ собственнаго своего малодушія, не напелъ въ душѣ силъ поборотъ его, и даже не шевель- нулось въ немъ ни малѣйшаго презрѣнія къ самому себѣ, — нѣтъ, онъ видѣлъ въ себѣ только несчастную жертву рокового и грубаго случая, даже шантажа, — жертву, надъ кото- рой совершается возмутительное нравственное насилие и которая, по безвыходности своего положенія, поневолѣ должна подчиниться ему. Когда же почувствовалъ онъ надъ собою вѣ- нецъ, коснувшійся своимъ краемъ его лба, ему показалось, точно бы голову его охватило хо- лоднымъ металлическимъ обручемъ, прикосно- вение котораго пронизало весь организмъ его нервною дрожью. Онъ зналъ, что теперь все уже кончено: важнѣйшая для него часть обря- да, въ теченіе которой въ немъ жила еще смутная надежда на что-то, долженствующее спасти его, даже помимо его самого,—эта часть уже совершена, и вотъ, ничего такого не слу- чилось... За что же, за что такая несправед- ливость судьбы?!—Теперь, онъ знаетъ, назадъ уже нѣтъ возврата, — конецъ всѣмъ мечтамъ и надеждамъ, ради которыхъ онъ жилъ и бо- ролся!.. А какія это были золотыя, радужныя надежды! Какъ прекрасно все шло и разви- валось согласно его планамъ, на пути къ за- думанной цѣли!.. Когда онъ встрѣтился въ Мо- сквѣ съ молодымъ купцомъ Гусятниковымъ (точно бы сама судьба столкнула ихъ!) и такъ удачно подбилъ его въ компаніоны на пред- пріятіе, обнимающее, какъ казалось графу, по крайней мѣрѣ двѣсти процентовъ на каждый затраченный въ него рубль (графъ самъ со- вершенно искренно вѣрилъ въ это) и когда

тотъ съ полпына имѣлъ наивность тоже повѣрить всѣмъ его «вѣрнѣйшимъ расчетамъ» и выдалъ ему, ничто же сумняся, довѣренность и средства на постройку завода, Каржоль былъ твердо убѣжденъ, что къ концу года, а можетъ и раньше, онъ «совершенно честнымъ образомъ» сколотитъ необходимыя ему сто тысячъ, чтобы сразу выручить всѣ свои векселя у Бендавида, и тогда... тогда между нимъ и Тамарой не будетъ болѣе никакихъ преградъ: онъ явится къ ней свободнымъ и влюбленнымъ, онъ сумѣетъ оправдаться предъ нею, опять покорить ея сердце и волю, еслибы оказалось, что она стала къ нему холоднѣе, — затѣмъ, сейчасъ же обивается съ нею и, съ помощью знаменитыхъ адвокатовъ, начнетъ громовой процессъ противъ жидовъ за ея милліоны. А что онъ ихъ выиграетъ, въ этомъ для него не было сомнѣній!—Только этою мыслию графъ и жилъ, только на нее и надѣялся, ради нея боролся и энергично работалъ, рѣшившись даже на такое «самопожертвованіе», какъ жизнь въ глуши, на заводѣ, или въ этомъ невозможномъ Кохма-Богословскѣ, не имѣющемъ понятія ни о порядочномъ обществѣ, ни о порядочныхъ привычкахъ... Да, онъ героически рѣшился на всѣ эти «лишенія», онъ «сократилъ» себя и свои потребности и вкусы, на сколько лишь было возможно, онъ яхшался «на ты» съ разными здѣшними Китъ Китычами, игралъ въ мушку и трынку съ этими хамами, отправлялъ чортъ знаетъ чѣмъ свой желудокъ въ ихъ клубѣ, — и что же!.. Вдругъ всѣ надежды и планы его лопаются какъ мыльный пузырь и, вмѣсто всѣхъ этихъ радугъ и блеска заманчивой будущности, онъ—насилъно обвѣнчанный мужъ Ольги Уховой! Гдѣ же, гдѣ же послѣ этого справедливость?!

Да, то были мечты, а это дѣйствительность—горькая, обидная, безобразная, но съ нею надо считаться,—мало того: надо мириться съ нею.

Онъ туло глядѣлъ на огонь своей свѣчи, и ему съ горькой ироніей думалось, что для него въ ея пламени горитъ не воскъ, —горятъ Тамарины милліоны и всѣ его лучшія надежды, все его счастье... Надо считаться, надо мириться съ дѣйствительностью.—Что жъ, быть можетъ, Закаталовъ и правъ, говоря, какого рожна еще ему надо?!.. Сто тысячъ Ольгина приданаго—тоже деньги, небольшія, положимъ, но и не малыя... Можно и съ ними кое-что подѣлать. Сто тысячъ въ карманѣ,—это, при умѣнъ, значитъ на пятьсотъ тысячъ кредиту. У генерала земля есть къ тому же, цѣлое имѣніе, да домъ въ Украинскѣ, — все это, по офціи, гляди, составитъ капиталъ болѣе двухсотъ тысячъ... И странное дѣло, вѣдь былъ же графъ даже радъ, какъ счастливой находкѣ, этому самому капиталу всего лишь въ-сколько мѣсяцевъ назадъ, до встрѣчи съ Тамарой! Оборотливый, находчивый человѣкъ,

какимъ онъ считалъ самого себя, развѣ не сумѣетъ и изъ такой, малости создать себѣ цѣлое состояніе?! Все-таки это болѣе чѣмъ ничего. Надо, въ самомъ дѣлѣ, мириться съ дѣйствительностью, ничего не подвластно!.. Сто тысячъ наличныхъ, да въ перспективѣ, по смерти старика, остальные сто въ землѣ и въ домѣ,—ну, а затѣмъ. въ приданое къ этому, жена, хотъ и не Богъ-вѣсть какой громкой, но все же дворянской фамиліи, дочь заслуженнаго генерала, элегантная, красивая женщина, — что жъ, въ крайнемъ случаѣ, можно помириться и съ этимъ. Вѣдь Ольга же въ самомъ дѣлѣ красива, даже и теперь, въ настоящемъ своемъ положеніи; вѣдь правилась же она ему и—что грѣха таить предъ самимъ собою! — красота ея всегда говорила его чувственности несравненно болѣе, чѣмъ красота Тамары — даже до самаго послѣдняго времени въ Украинскѣ... Ольга всегда казалась ему красивѣе, пластичнѣе, пикантнѣе этой жиденькой нервной еврейки... Въ Ольгѣ остъ рисунокъ, и рисунокъ очень изысканный, плавный, округлый, — теперь даже слишкомъ округлый, но вѣдь мѣсяца черезъ два все это копчится, пройдетъ, и предъ нимъ явится прежняя Ольга, всегда для него столь обаятельная, столь умѣющая заставить человѣка желать себя...

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ что Тамарины милліоны горятъ, — какой интересъ въ ней безъ этихъ милліоновъ и какого рожна еще ему надобно?!—Можно помириться съ судьбой и на Ольгѣ.—«Рожна»—c'est le mot!—Это мнѣ даже нравится, усмѣхнулся про-себя Каржоль. — Конечно, можно помириться и на Ольгѣ. Тутъ самая простая логика. То—журавль въ небѣ, а это—синица въ рукахъ. Правда, Ольга зла теперь на него, но... тѣмъ не менѣе, она сама же захотѣла идти за него, даже заставила на себѣ жениться, — стало быть, какъ ни какъ, а все же любить его (такъ думалось Каржолу), а развѣ что въ ней есть еще это чувство, развѣ ему будетъ стоять большого труда оправдаться предъ нею, объяснить свои обстоятельства, представить причины своего несчастнаго бѣгства изъ Украинска въ «истинномъ», а не въ такомъ подломъ свѣтѣ, въ какомъ она смотритъ на нихъ и на него теперь? И развѣ онъ въ самомъ дѣлѣ такъ виноватъ во всей этой исторіи съ Тамарой?—Вѣдь онъ же не болѣе какъ жертва гнусной жидовской интриги, жертва клеветы и мщенія родныхъ этой жалкой дѣвочки,—побужденія его были самыя чистыя и безкорыстныя... Ольга смотритъ на него теперь сквозь жидовскія очки; но когда онъ объяснитъ ей наконецъ всю истину, она пойметъ, она увидитъ свое заблужденіе и оцѣнитъ въ немъ человѣка, всегда столь ей преданнаго, никогда не перестававшаго любить ее... Да, это все онъ сумѣетъ сказать и оправдать себя, а тамъ... тамъ уже само время возьметъ

свое и довершить остальное. И размышляя такимъ образомъ, Каржоль слегка покосился на профиль рядомъ стоявшей Ольги. — «А вѣдь она, въ самомъ дѣлѣ, не *erednak*, даже и теперь!» — лукаво подумалось ему не безъ приторной сластолюбивой *aggrégé-pensée*, и тутъ же вспомнились кстаа хорошія минуты ихъ первыхъ таинственныхъ свиданій и восторговъ...

Но глядя на Ольгу, Каржоль вдругъ почувствовалъ, что съ лѣвой стороны на него пристально уставались и смотреть неотводно чьихъ-то два посторонние глаза. Онъ быстро и не безъ нѣкоторой тревоги перевелъ взглядъ съ профиля Ольги въ ту сторону, зорко взглядевшись въ постороннюю фигуру, которой тамъ не было въ началѣ вѣчанья, да вдругъ такъ и обмеръ, поблѣднѣвъ и конвульсивно сжавъ свою свѣчку. На него насмѣшливо и зло глядѣли сквозь золотое пенсне удивленные глаза хорошенькой судьяхи. Да, это она, — несомнѣнно она сама стоитъ и нагло смотритъ въ упоръ, точно бы издѣвается молча надъ нимъ и его «интересною» невѣстой. Что жъ это значитъ? Какимъ образомъ она здѣсь? Кто сказалъ ей? Кто пропустилъ ее сюда? Зачѣмъ, съ какой стати?

Встревоженный и сбитый съ толку всѣми этими, столпившимися въ немъ, вопросами, Каржоль, недоумѣвая, обернулся съ вопрошающимъ взглядомъ назадъ, на Закалатова, — но что жъ это такое? — Закалатовъ стоитъ уже не за нимъ, а нѣсколько въ сторонѣ, и съ явнымъ самодовольствомъ, весело и точно бы торжествуя, глядитъ на судьяху. Кто жъ, однако, держитъ вмѣсто него вѣнецъ? — Графъ еще разъ нервно оглянулся назадъ и — о, ужасъ! — не вѣря собственнымъ глазамъ, увидѣлъ вдругъ мякишеподобную, пивоналивную фигуру господина Сычугова. Это уже показалось ему ударомъ жестокаго насмѣшки надъ собою. — Какъ! этотъ самый Сычугъ, счастливый рогоносецъ, которому съ такою спокойною совѣстью, какъ бы совершая даже нѣчто должное, онъ наклеивалъ его супружескую «прическу», стоитъ теперь за его спиной, съ глаго удивленно и лукаво улыбающеюся рожей, и держитъ въ поднятой рукѣ надъ его головой «эмблему супружескаго счастья», точно бы пророка и ему такую же участь въ будущемъ. — Нѣтъ, это уже слишкомъ!.. Каржоль невольно и злобно отшатнулся было изъ-подъ вѣнца въ сторону, но въ этомъ самый мигъ священникъ повернувшись лицомъ къ нему, взялъ въ эпитрахиль его руку, соединилъ ее съ рукою Ольги и повелъ ихъ вокругъ анаоя, подпѣвая дребезжающимъ голосомъ дьячку съ пономаремъ «Исаія ликуй». Графъ шелъ за нимъ машинально, какъ автоматъ, всецѣло подавляемый чувствомъ какого-то жгучаго, всепроникающаго стыда и униженія. Ему ка-

залось, что онъ долженъ быть смѣшонъ и жалокъ въ эту минуту, какъ никогда еще въ жизни, смѣшонъ до послѣдней степени смѣшного, до крайней оскорбительности. Не помня себя, почти не давая себѣ отчета во всемъ окружающемъ и происходящемъ около него, достоинъ онъ кое-какъ до конца обряда. И когда священникъ, поздравляя молодыхъ, предложилъ имъ въ заключеніе поцѣловаться между собою, Каржоль, машинально слѣдуя его предложенію, нагнулся было къ лицу Ольги, но та холодно отъ него отвернулась. Онъ такъ и плюнулъ въ-пустую воздухъ на несостоявшемся поцѣлуѣ, и это сконфузило его еще болѣе. Ольга отойшла отъ него въ сторону, къ своимъ, а онъ между тѣмъ все еще продолжалъ стоять на своемъ мѣстѣ, ошеломленный всѣмъ случившимся и, съ совершенно безразличнымъ, тупымъ выраженіемъ въ лицѣ, принималъ обращенныя къ нему поздравленія и рукопожатія Сычугова и Закалатова. Подошла къ нему и судьяха.

— Поздравляю васъ, графъ, съ супружескимъ счастьемъ! — нагло сказала она съ саркастически любезной улыбочкой, въ упоръ оглядывая его сквозь свое пенсне. — Вы, однако, не добрый, даже не предупредили. Впрочемъ, все это, кажется, случилось для васъ довольно неожиданно?

— Что жъ, и отлично! — добродушно подхватилъ Сычугъ. — Покрайности, нашего полку прибыло.

— «Вашего»? — иронически подчеркнула судьяха. — Да, это, кажется, несомнѣнно.. По крайней мѣрѣ, я — отъ всей души желаю вамъ, графъ, быть «одного полку» съ Аристархомъ Ивановичемъ.

Окончательно растерявшійся Каржоль проглотилъ безъ отвѣта и эту горькую пилюлю. Онъ былъ такъ пришибленъ въ особенности неожиданнымъ появленіемъ въ церкви четы Сычуговыхъ, и до того чувствовалъ надъ собою тяготѣніе какой-то безпощадной, точно бы извнѣ приходящей пропѣи, что ему казалось, будто все вокругъ него — и эти люди, и эти лики, глядящіе со старинныхъ образовъ, и даже самыя стѣны, какъ бы уходящія въ сыроватый мракъ, враждебно и холодно надѣваются надъ нимъ и его положеніемъ. Точно бы все замкнулось предъ его внутреннимъ состояніемъ въ какомъ-то каменномъ безучастіи, и онъ стоитъ одинокій, ослепанный... Подъ гнетущимъ давленіемъ этого нравственнаго онущенія, всю его элегантную вѣщность, всю привычную манеру держать себя съ непринужденнымъ достоинствомъ и выдержкой свѣтскаго человѣка — какъ рукой сняло. Въ данную минуту это была какая-то мокрая журица, съ которою безъ сопротивленія можно сдѣлать все, что угодно.

Закалатовъ, между тѣмъ, отойдя къ свѣч-

ному прилавку, помогать пока генералу рассчитыватьсь съ причтомъ, какъ вдругъ въ это время подошелъ къ нему Аполлонъ Пупъ, сказать, что Ольга Орестовна проситъ его на два слова. Полиціймейстеръ предупредительно поспѣшилъ къ Ольгѣ, и та отвела его подалѣе въ сторону.

— Я бы хотѣла получить сепаратный билетъ,—тихо обратилась она къ нему.—Какъ это сдѣлать?.. и нельзя ли устроить сегодня же?

— Мм... Сегодня?—въ затрудненіи замаялся нѣсколько Закалатовъ.—Сегодня-то оно довольно мудрено,—поздно уже, да и писмоводитель мой, не знаю, дома ли. Не удобнѣе ли отложить до завтра?

— Но завтра утромъ мы рассчитываемъ уже выѣхать въ Москву,—возразила Ольга.

— Такъ скоро?!—удивился полиціймейстеръ.

— Непремѣнно,—подтвердила она и попросила, нельзя ли ему будетъ, по возвращеніи домой, нарочно послать за писмоводителемъ и, вообще, распорядиться насчетъ этого дѣла, чтобы поскорѣе?

— Отчего же, всегда возможно,—согласился Закалатовъ.—Но вѣдь объ этомъ дѣлѣ вамъ, полагаю, надо бы переговорить сначала съ супругомъ?—Это вѣдь отъ него зависить.

Ольга попросила, не можетъ ли Закалатовъ взять переговоры на себя, и тотъ отъвѣчалъ, что со всѣмъ удовольствіемъ, но быть можетъ, супругъ пожелаетъ самъ объясниться съ нею?—Теперь вѣдь между вами это дѣло, такъ сказать, семейное-съ... Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—я попрошу васъ теперь къ намъ въ домъ, выпить, какъ водится, по бокалу, поздравить васъ, пожелать всего лучшаго, а тамъ, за-одно уже, и переговорюсь... Кстати, вы мнѣ позволите представить вамъ моихъ друзей,—судью здѣшняго и... его супругу?

Ольга никакъ не ожидала послѣдняго. Въ особенности непріятно поразило ее это открытіе насчетъ «супруга», сдѣланное какимъ-то полусмущеннымъ, какъ бы извиняющимся тономъ. Замѣтивъ еще во время вѣнчанія какую-то вошедшую въ церковь женщину, она тогда же подумала себѣ, что это, вѣроятно, попадѣя или поповна, явившаяся просто поглазѣть на свадьбу изъ бабьяго любопытства, и хотя непрощенное присутствіе посторонней зрительницы пришлось ей и несовсѣмъ-то по душѣ, но ее можно было еще игнорировать,—не все ль равно, если тамъ поглазѣтъ какая-то совершенно неизвѣстная особа! А тутъ оказывается вдругъ судиха,—въ нѣкоторомъ родѣ, ея «соперница». Эта стало-быть, пожаловала сюда не спроста, а нарочно, съ какою-нибудь предвзятою и, быть можетъ, даже враждебною для Ольги цѣлью! Поэтому Ольга, не безъ удивленія, но вполне деликатно дала

понять Закалатову, что никакъ не рассчитывала на встрѣчу съ этою особой. Тотъ нѣсколько смутился и сталъ услобно закрывать и божиться, что появленіе Сычуговой было и для него самого полнѣйшею неожиданностію, что онъ приглашалъ въ качествѣ четвертаго свидѣтеля, судью, но никакъ не судиху, даже нарочно просилъ его не говорить ей, а ужъ какими образомъ и почему она попала сюда, онъ пока еще и самъ не знаетъ, и не понимаетъ даже, и что это для него, повѣрьте, крайне непріятно,—богѣ непріятно, чѣмъ кому-либо, и потому ему остается только признести Ольгѣ тысячу самыхъ искреннихъ извиненій за эту не совсѣмъ удобную случайность и увѣрить ее своимъ честнымъ словомъ, что онъ тутъ рѣшительно ни при чемъ; но разъ уже такъ случилось, не гнать же ее, согласитесь сами...

Ольга подумала и согласилась въ душѣ, что и въ самомъ дѣлѣ ей теперь это все равно.—Она вѣдь достигла своего и во всякомъ случаѣ, если кто и въ выигрышѣ, то ужъ никакъ не она, а скорѣе «соперница», съ которою, впрочемъ, изъ-за обладанія «такимъ сокровищемъ» Ольга спорить никакъ не станетъ (слишкомъ много чести!) и предоставляетъ ей графа всецѣло.

Закалатовъ, между тѣмъ, повторилъ ей свою просьбу пожаловать къ нему на бокалъ шампанскаго и ужина. Она попыталась-было уклониться отъ этого приглашенія. И въ самомъ дѣлѣ, ей очень непріятно было таскать свое «положеніе» въ чужой домъ, да еще какъ бы напоказъ постороннимъ свидѣтелямъ, причемъ, конечно, она служила бы мишенью для ихъ пытливыхъ взглядовъ и темой нѣкоторыхъ перешептываній, скабрзныхъ догадокъ и разныхъ предположеній насчетъ этой «странной свадьбы». Положимъ, никто ей въ глаза ничего такого не выскажетъ, даже и виду не покажетъ, но все же... для самой-то себя, по отношенію къ другимъ, ужасно все это неловко, какъ-то будетъ, неловко, совѣстно, даже комично какъ-то. Поэтому, поблагодаривъ полиціймейстера за его любезное приглашеніе, она стала-было отговариваться усталостью и нездоровьемъ, прося увольнить ее съ отцомъ отъ этого церемоніала, и выразила желаніе ѣхать изъ церкви прямо домой, въ номеръ купца Завылдова. Но Закалатовъ энергично воспротивился этому.—Какъ! Помилуйте! Тамъ уже все приготовлено, жена ждетъ, ужинъ на столѣ, шампанское... Какъ угодно, конечно, настаивать не смѣю,—предупредительно продолжалъ онъ деликатнымъ и покорнымъ тономъ, въ которомъ однако чувствовалась нѣкоторая обиженность.—Но вѣдь подумайте, если вамъ желательно сегодня же получить отдѣльный видъ на жительство, то какъ же я устрою это безъ вашего батюшки

и безъ васъ? Извините, но одинъ я не беру на себя уговорить графа... Тутъ необходимо именно ваше присутствіе, чтобы вы сами лично переговорили съ нимъ, а безъ васъ невозможно, воля ваша. Мнѣ и то дай Богъ уломать его, чтобы онъ ко мнѣ-то теперь поѣхалъ,—заартачится, пожалуй, не захочетъ.

Ольга сообразила все это и согласилась, что Закаталовъ правъ. Если добывать сепаратный билетъ сейчасъ же, то надо ѣхать. А ждать, — чего же тутъ, въ самомъ дѣлѣ, ждать, въ этомъ Козма-Богословскѣ? Лишнихъ сплетенъ да пересудовъ, а можетъ, и лишниихъ сплетъ съ графомъ? — Да Богъ съ нимъ и со всѣмъ! Лучше окончатъ все разомъ, сегодня же!.. А что если эта судышка будетъ тамъ, такъ что же!.. Какое ей дѣло до этой особы и до ея мужа! — Ну, встрѣтимся случайно и разойдемся, чтобы никогда потомъ и не встрѣчаться, и не знать другъ друга, и не слышать, и позабыть даже, что существуютъ такіе-то на свѣтѣ. Въ сущности, не все-ли равно? — И Ольга дала свое согласіе ѣхать въ домъ къ Закаталовымъ.

Обрадованный этимъ, полиціймейстеръ сейчасъ же хлопотливо побѣждалъ приглашать всѣхъ остальныхъ, не исключая и м-ме Сычуговой, а затѣмъ подхватилъ подъ руку Каржолу, шепнувъ ему на ходу, что Ольга Орестовна желаетъ дружески переговорить съ нимъ о чемъ-то важномъ, и усаждалъ его въ сани, вмѣстѣ съ собой и Аполлономъ Пупомъ, такъ что графъ опять очутился какъ бы подъ конвоемъ этихъ двухъ своихъ «архангеловъ». Закаталовъ былъ очень радъ и даже счастливъ, — счастливъ вдвойнѣ: во-первыхъ, тѣмъ, что такъ быстро удалось ему обработать все дѣло и повѣнчать графа, а во-вторыхъ, тѣмъ, что сюрпризъ, приготовленный имъ для него въ лицѣ Сычугова и неудавшійся вначалѣ, увѣнчался, благодаря неожиданному приѣзду судышки, самымъ эффектнымъ и полнѣйшимъ успѣхомъ, какого онъ и предполагать не могъ бы. Онъ не сомнѣвался, что послѣ этого вся позолота графа и все его дожжуанскіе шансы у судышки провалялись окончательно.

* * *

Три тройки, между тѣмъ, быстро катили по первопутку изъ села Корзухана въ городъ. Генералу тоже не хотѣлось ѣхать къ Закаталову: онъ стѣснялся не менѣе дочери присутствіемъ постороннихъ лицъ, его коробило какъ-то передъ чужими и за нее, и за себя, и за всю эту скоропалительную свадьбу — право, лучше бы домой! — но Ольга убѣдила его, что это жертва (дасть Богъ, послѣдняя!) нужна ей въ виду необходимости добыть сегодня же сепаратный билетъ, чтобы завтра ничто уже не задерживало ихъ отъѣзда, — куй желѣзо пока горячо! — и генералъ, по

обыкновенію, долженъ былъ подчиниться ея волѣ, тѣмъ болѣе, что и самъ сознавалъ на этотъ разъ ея резонность.

Въ городѣ всѣхъ поѣзжанъ ожидалъ новый сюрпризъ, подготовленный, по распоряженію расторопнаго полиціймейстера, еще днемъ, а теперь лишь объявившійся во всемъ своемъ блескѣ. Весь полиціймейстерскій домъ былъ ярко иллюминированъ; по бокамъ воротъ пылали плошки, на подоконникахъ онаружи горѣли стеклянные шкалики, крыльцо было унизано рядами цвѣтныхъ бумажныхъ фонариковъ, а внутри двора, по самой серединѣ, трещалъ цѣлый костеръ, усердно поддерживаемый пожарными. Противъ дома стояла уже и глазѣла на иллюминацію цѣлая толпа любопытныхъ зѣвакъ изъ обывателей-мѣщанъ и фабричныхъ, которые, по собственному своему почину, дружно заорали «ура!» когда трое саней съ поѣзжанами, одинъ за другими, лихо вкатили въ полиціймейстерскія ворота. Но и этимъ еще не кончилось. Едва «молодые» вступили въ прихожую, какъ навстрѣчу имъ грянуло изъ залы «фестиваль-маршъ». Нескольکو мѣстныхъ жидковъ-музыкантовъ, «зарабатывавшихъ» обыкновенно на «семейныхъ вечерахъ» въ «хозяиномъ» клубѣ, дружно, со всеусердіемъ и во всю еврейскую прыть наяривали теперь общезвѣстные звуки самаго популярнаго у нашихъ евреевъ «Константинь-марша» на своихъ «виоляхъ», «секундахъ», «флюгкахъ» и цимбалахъ. Даже тромбонъ откуда-то вдругъ появился. И между этими жидками, къ удивленію Аполлона Пупа, торчалъ самъ Мордка Олейникъ, еще къ вечеру выпущенный изъ кутузки. Забывъ оказанную ему «несправедливость», онъ съ истиннымъ энтузіазмомъ гудѣлъ теперь намусленнымъ самою пальцемъ по туго натянутой шкурѣ бубна и не только выколачивалъ на ней всюю пятерней барабанную дробь, но ухитрялся еще ударять и локтемъ, въ подражаніе турецкому барабану.

Всѣ эти сюрпризы, а въ особенности послѣдній, очень не понравились генералу, и не только генералу, но и Ольгѣ, и офицерамъ, и болѣе всѣхъ Каржолу. Генералъ даже нахмурился и сталъ пофыркивать, находя, что все это вовсе не катитъ и просто безаппетно со стороны Закаталова, который могъ бы, кажись, сообразить, что свадьба вовсе не такого сорта, чтобы радоваться ей и праздновать. Нашелъ что праздновать, дуракъ! Думали кончить все тихо, въ секретѣ, а тутъ вдругъ — на-ко-тебѣ! — выходитъ скандалъ на весь городъ! Просто, чортъ знаетъ что!.. Закагаловъ, по мнѣнію генерала, чересчуръ уже перессорилъ въ своемъ усердіи и — сколь ни крѣпился старикъ, однако же не выдержалъ и обратился къ нему съ просьбой — нельзя ли сейчасъ же прекратить всѣ эти музыки и иллюминаціи,

потому, сами согласитесь, радости тутъ никакой, а только лишній шумъ да чесанье языковъ по городу. Тотъ принялся всячески извиняться и съ добродушнымъ видомъ увѣрять генерала, что онъ никакъ не думалъ, чтобы это могло стѣснять или не понравиться,—напротивъ, онъ это все отъ чистаго сердца, любя и желая угодить бывшему отпущенному, доставить дорогимъ гостямъ удовольствіе, но если его превосходительству не угодно, то, конечно, всѣ эти планы и Мошки сейчасъ же будутъ спроважены къ черту, чтобы и духомъ ихъ тутъ не пахло, хотя отчего бы, въ сущности, и не повеселиться, разъ что все дѣло устроилось самымъ счастливымъ образомъ, къ общему удовольствію?

Генералъ такъ и принялъ, что Закалатовъ устроилъ все это хотя по недомыслию, но отъ чистаго сердца. Зато Каржоль понялъ его выходку совсемъ иначе. Онъ хотъ и не высказывался, но про-себя зналъ очень хорошо, что шельмоватый полицеймейстеръ подстроилъ всѣ эти штуки нарочно, съ тою цѣлью, чтобы насолить ему еще больше, до конца, чтобы скандалъ его подневольной женитьбы съ наибольшимъ трескомъ и блескомъ распространился по всему городу и дальше... Пожалуй, еще въ газетахъ, скотина эдакая, хватить,—съ него станется!.. Не даромъ графу такъ не хотѣлось ѣхать къ нему послѣ вѣнца, словно бы предчувствуя что-то скверное, но онъ склонился на его уговоры и убѣжденія, единственно въ силу увѣреній, что сама-де Ольга Орестовна этого желаетъ, такъ какъ она намѣрена переговорить съ нимъ о чемъ-то очень важномъ и сама-де поручила Закалатову просить его. Не слѣдовало соглашаться, но опять же и самому ему хотѣлось поскорѣе объясниться съ Ольгой, оправдать себя, на сколько возможно, въ ея глазахъ, предложить ей извѣстный *modus vivendi*,—словомъ, выйти какъ ни-на-есть изъ настоящаго своего неопредѣленнаго и крайне фальшиваго положенія. Графъ понималъ, что, со стороны Закалатова, всѣ эти иллюминаціи и «фестиваль-марши» не болѣе какъ грубое мнѣніе ему за успѣхъ у судьяхъ, и онъ не ошибся: «гротескскандалъ» дѣйствительно былъ устроенъ полицеймейстеромъ именно ради его и именно съ этою цѣлью. Теперь же цѣль была уже достигнута, скандалъ произведенъ, а потому желаніе генерала, чтобы иллюминацію погасить и жидовъ отпустить,—было исполнено немедленно. Вся работа жидовскаго оркестрика только и ограничилась однимъ «фестиваль-маршемъ», — даже торжественный тушъ не удалось ему сыграть въ честь «молодыхъ», когда флюсовая дама встрѣтила ихъ съ подносомъ, уставленнымъ бокалами шампанскаго.

VII.

Свадебный подарокъ Каржолу.

Каржоль отказался отъ бокала, но Закалатовъ до того присталъ къ нему съ «усердѣйшими» просьбами, что графъ вынужденъ былъ чокнуться съ нимъ и съ Сычуговымъ, лишь бы только отвязались. Безучастный ко всему, что дѣлается вокругъ, онъ удалился въ кабинетъ хозяина и сидѣлъ тамъ одинъ, съ выраженіемъ тупой и скужающей покорности на утомленномъ лицѣ, — дескать, что-жъ дѣлать, надо пить чашу до конца, хуже, кажись, ничего уже не будетъ.

Въ это время подошла къ нему Ольга и сѣла рядомъ.

— Поговоримте, графъ, пока мы одни, безъ желчи и раздраженія,—начала она тихо и даже кротко, съ серьезной, но почти благосклонной улыбкой.—Теперь, когда я уже графиня Каржоль де-Нотреть, ссориться съ вами, безъ особыхъ причинъ, мнѣ не къ чему, и я готова поддерживать съ вами самыя мирныя отношенія. Зла противъ васъ я нисколько больше не имѣю и желала бы даже, чтобы это было взаимно.

При этихъ словахъ, графъ невольно вскинулъ на нее взглядъ, полный удивленія. Послѣ всего, что произошло въ этомъ самомъ домѣ какихъ-нибудь два часа назадъ, онъ менѣе всего могъ ожидать съ ея стороны такого приступа и тона. Этимъ тономъ своимъ и смысломъ сказаннаго ею она какъ-будто первая шла навстрѣчу тѣмъ примирительнымъ соображеніямъ, какія впервые закрались въ него самого во время вѣнчанія.

— Еще разъ прошу васъ вѣрить, графъ,—продолжала между тѣмъ Ольга, — что если я стала вашею женой, то это лишь ради нашего будущаго ребенка; но затѣмъ... разъ что вы, по какимъ бы ни было причинамъ, предпочли разойтись со мной, — я не хочу стѣснять васъ собою, и знайте напередъ, что не стану предъявлять къ вамъ никакихъ своихъ супружескихъ правъ и претензій ни на вашу личность, ни на ваши средства, будь вы самъ Крезь... Живите себѣ, какъ жили, любите, кого любите,—это ваше дѣло; я сюда не путаюсь. Я не хочу мѣшать вамъ и... надѣюсь, что и вы мнѣ мѣшать не станете. Будемте жить каждый самъ по себѣ, своею особою жизнью, не портя ее больше другъ другу. Что было, то прошло, и за прошлое мы уже съ вами сквитались,—сегодня мы его ликвидировали. Согласны вы на такія условія?

Судя по началу, Каржоль ожидалъ вовсе не этого. Смущенно запинаясь въ словахъ, отчасти даже путаясь и дѣлая скачки въ мысляхъ, онъ сталъ высказывать ей, что она

жестоко заблуждается насчетъ причины его отъѣзда изъ Украйны, что онъ готовъ открыть ей истинную суть этого дѣла, и тогда она сама оправдываетъ его... что онъ не переставалъ любить ее, любить и теперь, какъ тогда, и думаетъ, что если ужъ судьба соединила ихъ, то расходятся не за чѣмъ,—лучше жить вмѣстѣ, на тѣ скромныя средства, какія онъ можетъ предоставить ей пока своимъ честнымъ трудомъ, въ надеждѣ на лучшее будущее... Если она считаетъ его въ чемъ виноватымъ предъ нею, онъ проситъ простить его, какъ и самъ онъ готовъ простить и забыть оскорбленія, нанесенныя ему сегодня старикомъ, готовъ искренно примириться съ нимъ,—словомъ, забыть все прошлое, все горькое и начать вмѣстѣ съ нею новую жизнь, какъ мужъ съ женою.

Въ свою очередь, и Ольга менѣе всего ожидала съ его стороны подобнаго предложенія. Но оно пришлось ей вовсе не по вкусу,—планы ей были совсѣмъ иные, и надежды насчетъ будущаго витали въ совершенно другихъ сферахъ. Ей нужно было только громкое, титулованное имя Каржолъ; а вовсе не самъ Каржолъ, готовый, со своими будто-бы «средствами», трутнемъ посѣсть въ ней на содержаніе. На столько-то она его уже раскусила, а потому всѣ его увѣренія и оправданія оставались для нея только словами, быющими воздухомъ, не задѣвая сердца. Но разъ уже взявъ съ нимъ мягкій тонъ, въ томъ предположеніи, что этимъ скорѣе достигнешь его добровольнаго согласія на выдачу сепаратнаго билета, ей не хотѣлось рѣзко и круто обрывать и осаживать этого жалкаго человѣка, въ особенности послѣ только-что принесеннаго имъ покаянія. Въ искренность этого покаянія она не совсѣмъ-то вѣрила, такъ какъ недосогонная уклончивость и изворотливость его поведения во время перваго сегодняшняго объясненія съ нею слышались живо еще стояла въ ея памяти, но все же ей стало неможно какъ будто и жалъ его. Поэтому, поразмысливъ нѣсколько, она отвѣчала ему, что не отвергаетъ его предложенія безусловно, но думаетъ, что сразу и сейчасъ оно едва-ли осуществимо: для этого прежде всего нужно время, нужна проверка самихъ себя,—и не столько для нея, сколько для самого графа,—дѣйствительно ли онъ въ состояніи передоить самого себя и начать ту новую жизнь, какую ей предлагаетъ? Не есть ли это съ его стороны одинъ минутный порывъ увлеченія и великодушнаго самопожертвованія, за который, быть можетъ, вкорѣ онъ самъ бы сталъ раскаиваться и укорять ее, что она связала его свободу?.. Жертвъ съ его стороны она никакихъ больше не хочетъ,—довольно и той, какая принесена имъ сегодня. Надо дать теперь всему улечься, успокоиться, придти въ себя,—а для этого нужно время... Пройдетъ годъ,

другой, а можетъ и меньше, и если графъ убѣдится въ душѣ, что побужденія и чувства его дѣйствительно серьезны,—ну, тогда другое дѣло... тогда можно будетъ подумать объ этомъ... Вообще, время, дасть Богъ, все уладитъ и укажетъ, какъ одѣлать лучше. —А пока, заключила Ольга, — не будемъ мѣшать жить одинъ другому и разстанемся друзьями.

Каржолъ припалъ къ протянутой ему рукѣ и поцѣловалъ ее, повидимому, съ чувствомъ.

— Итакъ, вы, графъ, согласны?

Онъ, безъ словъ, покорно склонилъ въ отвѣтъ свою голову.

— Я очень рада за насъ обоихъ,—продолжала Ольга, — потому, ей-Богу, это самое умное, что мы можемъ пока сдѣлать. Но дѣло вотъ въ чемъ: завтра утромъ мы уѣзжаемъ отсюда,—объявила она,—поэтому вамъ нужно подписать мнѣ... какъ это называется... отдѣльный видъ на жительство, что-ли?

При этихъ послѣднихъ словахъ, Каржолъ нѣсколько опѣшился и, въ замѣстительствѣ, съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Ольгу.

— Развѣ это такъ необходимо?—неопредѣленно спросилъ онъ.

Той показалось въ его вопросѣ опять какъ будто что-то уклончивое, точно бы онъ сомнѣвается, или не желаетъ давать ей паспортъ. Поэтому она тотчасъ же выпустила слегка свои когти.

— То-есть, что это «необходимо»? Уѣзжать, или видъ на жительство?—въ свой чередъ спросила она въ пол-оборота къ нему, гордо и холодно вдругъ нахмуривъ брови.

— Н-да... то-есть... если хотите, и то, и другое, пожалуй...

— Совершенно необходимо,—подтвердила Ольга самымъ дѣловымъ и рѣшающимъ тономъ.—Согласитесь сами, оставаться здѣсь долѣе—значитъ, васъ же ставить въ фальшивое положеніе и давать только поводъ къ лишнимъ разговорамъ. Ну, а безъ вида не могу же я теперь жить... Положимъ,—продолжала она, опять показывая ему чуть-чуть свои когти,—въ случаѣ чего, мы съ отцомъ, конечно, всегда можемъ обратиться въ Третье Отдѣленіе, и мнѣ тамъ все равно выдадутъ сепаратный билетъ, помимо вашего согласія; но разъ что вы не хотите сориситься со мною, зачѣмъ же намъ осложнять и затягивать дѣло, если можно сейчасъ же кончить его полюбовно?

Каржолъ сидѣлъ въ затруднительномъ раздумьи, точно бы его смущала какая-то мысль, которую онъ и хотѣлъ бы, и не рѣшался ей высказать. Ольгѣ показалось, что она ее какъ будто угадываетъ.

— Бываютъ, конечно, мужья, которые дѣлаютъ изъ этого для себя выгодный генешфъ,—сказала она не безъ ироніи,—то-есть, по-просту, продаютъ своимъ женамъ за извѣстную плату свое согласіе на *séparation de corps*; но графа

Каржоль де-Нотрекъ, надѣюсь, не можетъ принадлежать къ людямъ подобной категоріи. Не такъ ли?

Тотъ, какъ ошпаренный, откинулся онъ нея назадъ, съ безмолвнымъ выраженіемъ благороднаго протеста. Еслибы въ немъ и шевелилась даже подобная мысль, то послѣ такихъ словъ, для нея, конечно, не осталось уже мѣста. При этомъ своемъ движеніи, онъ, какъ породистая лошадь, гордо встряхнулъ головою, точно бы отстраняя отъ себя самую возможность такого недостойнаго предположенія.

— Я совсѣмъ не о томъ, что вы думаете... Богъ съ вами!.. Это ужъ самое послѣднее дѣло!—заговорилъ онъ, возвращаясь къ своему затруднительному раздумью. — Я хотѣлъ сказать только... что вы... вы такъ заботливо оговариваете условіе не мѣшать жить другъ другу, что я... Конечно, послѣ всего, что было, и въ вашихъ глазахъ... можетъ, и не имѣю права требовать... но все же... вѣдь мы носимъ теперь одно имя...

— Ахъ, вы вотъ что!—домекнулась Ольга,—понимаю!.. Но для вашего успокоенія, — прибавила она, принимая видъ снисходительнаго достоинства, — могу васъ увѣрить, что за мое поведеніе вамъ краснѣть не придется, — я не скомпрометирую ни себя, ни вашего имени; можете быть спокойны.

— Извольте, я согласенъ, — покорно проговорилъ Каржоль, со вздохомъ, видя, что ничего другого ему и не остается больше. Онъ только повторилъ ей свою просьбу — не лишать его послѣдней надежды, что со-временемъ она можетъ еще сойтись съ нимъ, а пока позволить ему хоть изрѣдка писать къ ней. Та ничего не нашла возразить противъ, но, впрочемъ, еще разъ подтвердила, что не обязываетъ его ни къ чему и не намѣрена стѣснять его интимныя отношенія къ кому бы то ни было, такъ-какъ ей нѣтъ до нихъ никакого дѣла. Въ послѣднихъ словахъ ея Каржоль почувствовалъ полное и нѣсколько, быть можетъ, презрительное съ ея стороны равнодушіе къ его особѣ. Это его невольно покорило. Ему лучше бы хотѣлось, чтобы она проявила хоть чуточку ревности, даже, пожалуй, злости, такъ-какъ это все же бы показывало, что въ ней, по отношенію къ нему, не все еще умерло, что возвратъ къ прошлому возможенъ. — Но это равнодушіе... оно вѣдь убійственно! — И потомъ, этотъ Аполлонъ Пушъ, — зачѣмъ онъ здѣсь? въ качествѣ кого и чего?.. Смыслъ его роли что-то подозрителенъ... Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, чтобы только напугать или подразнить имя!.. Что онъ ей такое?—Но ни одного изъ этихъ вопросовъ Каржоль не посмѣлъ предложить Ольгѣ даже намекомъ, сознавая, что послѣ всего, что разоблачилось о немъ въ Украинкѣ, онъ потерялъ всякое право требовать отъ нея отчета. Да и духу у

него на это не хватало бы, потому что она вообще забрала уже надъ нимъ какую-то доминирующую ноту, — это онъ чувствовалъ. Но зато въ душѣ его тѣмъ сильнѣе поднялось теперь вдругъ, какимъ то психическимъ рикшетомъ съ Ольги на Аполлона, чувство ревнивой злобы и ненависти къ этому «*mon-cher*» съ уланской конюшни», тѣмъ болѣе, что графъ не-хотя, но невольно сознавалъ внутри себя, на сколько онъ, въ то же время, безсильно и почти инстинктивно боится его. — Это животное, молъ, на все способно, лучше отъ него подальше!

Ольга, между тѣмъ, позвала въ кабинетъ Закаталова и сообщила ему о согласіи графа на выдачу ей отдѣльнаго паспорта. У Закаталова все уже было наготовѣ къ этому, такъ какъ онъ не забылъ, тотчасъ же по возвращеніи изъ Корзухина, послать за писемоводителемъ и объяснить ему наединѣ, въ канцеляріи, все, что требовалось. Тотъ живо составилъ по извѣстной формулѣ бумагу на право жительства жёнъ такого-то «во всѣхъ мѣстахъ и городахъ Россійской Имперіи и за границей» и ожидалъ теперь только подписи графа, чтобы засвидѣтельствовать и скрѣпить ее надлежащимъ образомъ, съ приложеніемъ казенной печати.

Пока у Ольги шло въ кабинетѣ объясненіе съ Каржолемъ, полиціймейстеръ, въ роли любезнаго и радушнаго хозяина, все время оживленно суетился, то знакомя между собою и занимая своихъ гостей, то бѣгая туда и сюда съ разными распоряженіями и освѣдомленіями по хозяйственной части и все торопилъ жену и прислугу насчетъ ужина и закуски. Со столькохъ-то хлопотъ, ему уже ѣсть захотѣлось. Въ столовой все уже было готово, но Закаталовъ не хотѣлъ мѣшать объясненію «молодыхъ» и ждалъ только, когда они кончатъ, чтобы торжественно вести ихъ къ ужину. Хотя генералу было вовсе не до ужина и хотѣлось бы поскорѣе домой, но онъ сознавалъ себя на столько обязаннымъ Закаталову всѣмъ вышшимъ днемъ, что отказаться отъ его хлѣба и соли, особенно въ виду такихъ усиленныхъ просьбъ хозяйки, счелъ окончательно невольнымъ и — нечего дѣлать — остался. Хозяйка настояла, чтобы Ольга сѣла подлѣ графа въ серединѣ стола, какъ «молодые», — потому такой уже у насъ Кохма-Богословскій обычай, и нарушать его не слѣдуетъ. Каржоль не противился, Ольга тоже, и ихъ усадили рядомъ. Ужинъ прошелъ довольно натянуто, хотя самъ Закаталовъ изъ всѣхъ силъ выбивался, чтобы какъ ни-на-есть подбодрить и оживить «дорогихъ гостей»: онъ и угощалъ, и подливалъ имъ, и въ то же время болталъ, тараторя почти безъ умолку, острилъ, рассказывалъ анекдоты, вспоминалъ про кавказское житье-бытье и въ особенности старался усиленно громко смѣяться,

какъ можно чаще и больше, чтобы хоть этимъ наэлектризовать своихъ сослуживцевъ. Сычуговъ, больше все соплъ и основательно прохаживался насчетъ напитковъ, не забывая притомъ накладывать себѣ и отъ каждого блюда по полной тарелкѣ. Не смущалась никѣмъ и ничѣмъ одна только бойкая судьяха. Она видимо старалась показать, что ей «рѣшительно все равно», и потому какъ бы не замѣчала Каржолъ и почти не обращалась къ Ольгѣ, но зато такъ и разсыпалась мелкимъ блескомъ предъ Закаталовымъ и офицерами, кокетливо стрѣляя, сквозъ нахально вздернутое пенсне, то на того, то на другою самыми «выразительными» глазами и, наконецъ, въ исходѣ ужина, находясь уже въ румяномъ подпитіи, демонстративно предложила Закаталову тостъ «за старую дружбу». Тотъ принялъ его съ истинно торжествующимъ видомъ, и отъ души чокаясь съ нею черезъ столъ расплеснувшимся при этомъ бокаломъ, не утерпѣлъ, чтобы не подчеркнуть тономъ легкаго назиданія: «Такъ-то, барынька, старый другъ всегда лучше новыхъ двухъ, говорится, — зарубите вы себѣ это!» — Судьяха многозначительно сказала на это «зарубаю», а Сычуговъ, ровно ничего не понявшій въ сути ея тоста, со своей стороны согласился, что это святая истина и тоже чокнулся съ ними. Каржолъ сдѣлать видъ, будто и не слышитъ, а флюсовая дама ничего не сказала, только меланхолически посмотрѣла на мужа. Будучи постоянно обременена флюсами и насморками, она давно уже привыкла снисходить къ легкимъ невѣрностямъ своего бравого Авенира Адриановича, которыя къ тому же несколько не нарушали строя супружеской ихъ жизни и не мѣшали ей продолжать любить его пассивно и безропотно какою-то чисто коровьей любовью.

* *

Послѣ ужина, Каржолъ подписалъ въ кабинетѣ женинъ паспортъ, Закаталовъ подмахнулъ свою фамилію подъ удостовѣреніемъ его подписи, и затѣмъ графъ тутъ же вручилъ эту бумагу ожидавшей Ольгѣ. Та внимательно прочла ее, сложила вчетверо и спрятала къ себѣ въ маленький изящный баульчикъ, поблагодаривъ Каржолъ благосклоннымъ движеніемъ головы.

— Ну, графъ, — сказала она послѣ этого, какъ бы на прощанье, — теперь, когда мы съ вами совсѣмъ уже квитъ, могу порадовать васъ такою новостью, какой вы никакъ не ожидаете. Примите ее какъ свадебный мой подарокъ. — лучший подарокъ, какой только я могла бы для васъ сдѣлать... Вы можете поздравить себя.

— Съ чѣмъ это? — пробормоталъ нѣсколько оторопѣлый Каржолъ, не зная, въ какомъ смыслѣ понимать ея слова, — въ прямомъ ли и благопріятномъ, или же опять какъ нѣчто злостное,

потому что, судя по тону, какимъ они были сказаны, можно было въ равной степени думать и то, и другое.

— Вы, — продолжала она, — совершенно свободны отъ всѣхъ вашихъ долговыхъ обязательствъ Бендавиду.

Графъ даже вздрогнулъ, какъ бы отъ испуга, и недоувѣрчиво уставился въ нее расширенными глазами.

— Да, совершенно свободны, — подтвердила Ольга. — Вы, конечно, изъ газетъ знаете, что въ Украинскѣ былъ еврейскій погромъ? — Это случилось какъ разъ послѣ вашего отъѣзда, — и вотъ, въ этомъ-то погромѣ погибли всѣ ваши документы: толпа изорвала ихъ въ клочки и пустила по вѣтру.

— Это... это правда? — проговорилъ упавшимъ голосомъ Каржолъ, почти задыхаясь.

— Это вѣрно, какъ то, что мы сегодня поѣмъ чаны, — твердо и увѣжденно заявила Ольга. — Наконецъ, справьтесь, если не вѣрите — объ этомъ весь Украинскъ знаетъ. Ни одного клочка, говорю вамъ, не осталось! Вы совершенно свободны отъ вашей кабалы и не должны имъ ни копейки. Прощайте!

И, поклонясь ему издали плавнымъ поклономъ, она спокойно вышла изъ кабинета.

Обезсиленный Каржолъ такъ и рухнулъ въ глубокое кресло. Самая ужасная вѣсть не могла бы сразить его болѣе, чѣмъ эта, въ сущности, радостная новость. — Господи! Пять мѣсяцевъ!.. Цѣлые пять мѣсяцевъ уже, какъ онъ свободенъ, и не знать, не подозревать даже этого!.. Да за эти пять мѣсяцевъ онъ бы давно уже могъ быть жевать на Тамарѣ и вести процессъ за ея милліоны... Можетъ быть, евреи даже не захотѣли бы доводить дѣла до процесса и охотно сами пошли бы съ нимъ на крупную сдѣлку, помирились бы на половинѣ всего состоянія, и онъ былъ бы теперь уже милліонеромъ, — цѣль стремленій и алканій всей жизни, всѣхъ исканій и трудовъ была бы достигнута, и такъ легко, такъ просто, безъ помѣхи, — и все это разбито въ прахъ и въ дребезги!.. И, вмѣсто милліонерства, онъ — насильно обвѣнчанный мужъ, у котораго, вдобавокъ, прямо изъ-подъ вѣнца увозить жену какой-то уланскій поручикъ!.. Господи! да знай только о своей свободѣ сегодня передъ свадьбой, да онъ, не знаю, на что пошелъ бы, — лучше пускай бы его избилъ, какъ послѣднюю собаку, но онъ ни за что не женился бы; онъ сталъ бы кричать, онъ бы въ церкви надѣлалъ скандалу, легъ бы предъ аналоемъ на полъ, сталъ бы кусаться какъ волкъ, — изъ-подъ вѣнца наконецъ убѣжалъ бы, все село поднималъ бы на ноги, но никакими силами не далъ бы повиноваться себѣ «этимъ шантажистамъ»!..

Вотъ когда только вполнѣ почувствовалъ и уразумѣлъ Каржолъ всю силу и коварство

Ольгиной мести. Да, она сумела отомстить за себя,—жестокое, безпощадно... Она, как червяка, раздавила его въ собственномъ его самолюбіи, во всѣхъ, самыхъ завытныхъ упованияхъ и стремленіяхъ.—Что же остается ему послѣ этого?... Убить, задушить ее собственными руками, или самому пустить пулю въ лобъ?.. Противъ этой ненавистной женщины въ немъ поднялся теперь приливъ бышеной злобы, но увя!—злобы безсильной, безвольной и, къ довершенію всей горечи, онъ не могъ не сознавать это свое безсиліе, отсутствіе характера и воли. Легко сказать — убить, задушить! Да прежде чѣмъ до нея доберешься, будешь, какъ собаченка, вышвырнутъ на улицу этими уланскими лоботрисами,—и въ результатѣ ничего, кромѣ скандальнаго процесса въ судѣ!.. Что можетъ онъ сдѣлать ей? Чѣмъ отомстить за себя? — Ничѣмъ, буквально ничѣмъ,—она даже вѣчный паспортъ ухитрилась выманить у него заблаговременно и ужъ тогда только добить его. Глотать свой позоръ, молча нести свои дѣла и бѣжать, бѣжать подальше изъ этого проклятаго Кохма-Богословска,—это все, что остается ему.

Удрученный до крайней степени всѣмъ, что произошло съ нимъ за нынѣшній вечеръ, разбитый, измученный морально и физически графъ, спустя нѣсколько времени, съ трудомъ поднялся съ кресла и, шатаясь отъ слабости, вышелъ изъ кабинета въ залу, за шанкой. Тамъ никого больше не было. Генералъ съ семействомъ уже уѣхалъ, а супружеская чета Сычуговыхъ досказывала въ прихожей, у выходныхъ дверей, послѣдніе свои добрые пожеланія провожавшимъ ея хозяевамъ.

— Что съ вами, графъ? На васъ липа нѣтъ!?—заботливо бросился къ нему вернувшійся въ залу полиціймейстеръ. — Позвольте помочь вамъ, Бога ради!.. Воды не хотите-ли?

Но Каржоль молча отстранялъ его руку и, не прощаясь, вышелъ въ прихожую. Онъ былъ близокъ къ истерикѣ и едва сдерживалъ себя, чтобъ не разрыдаться. Вѣстовой накинулъ на него шинель, заботливо свелъ подъ руку съ лѣсенки и усадилъ въ тѣ самыя санн, въ которыхъ давеча возили его въ церковь. Графъ добѣжалъ домой, какъ въ бреду, почти не сознавая, гдѣ онъ и что съ нимъ дѣлается.

* * *

На другой день генералъ Ухавъ съ дочерью и оба офицера благополучно уѣхали изъ Кохма-Богословска, провожаемые на поѣздъ Закалатовымъ и комиссіонеромъ Мордской. За бутфетомъ, на станціи, Закалатовъ приказалъ подать бутылку шампанскаго и просилъ своихъ «дорогихъ гостей» чокнуться съ нимъ въ послѣдній разъ, на прощанье, принять, такъ сказать, «дружескій посмонокъ на дорожку» и позволить ему выразить отъ всей души свои чувства, поблагодарить ихъ за пріятныя ми-

нуты и пожелать всякаго счастья и благополучія въ жизни, въ особенности ея сіятельству Ольгѣ Орестовнѣ. Каржоль при этихъ проходахъ не присутствовалъ, и Ольга не заинтересовалась даже спросить у полиціймейстера, не знаетъ ли онъ, что съ нимъ? Вообще, даже имя его произнесено не было, и отъѣзжающіе держали себя такъ, какъ словно бы для нихъ и на свѣтѣ его не существовало. Аполлонъ Пушъ совершенно просвѣтлѣлъ и ходилъ гоголемъ, какъ человекъ, находящійся въ зенитѣ своего счастья, — и шельмоватый Закалатовъ опытнымъ нюхомъ своимъ не преминулъ замѣтить про себя, по кое-какимъ тонкимъ нюансамъ, что у Ольги, по отношенію къ этому счастливому поручику, невольно проскальзываетъ особенная благосклонность, такъ что, со стороны глядя, можно бы, пожалуй, подумать, что не съ Каржолемъ, а съ нимъ сдѣлалась она со вчерашняго дня новобрачной.

По отходѣ поѣзда, полиціймейстеръ покати́лъ прямо къ судьямъ скрѣплять возобновленную вчера «старую дружбу», и дѣлится съ нею на свободѣ всѣми впечатлѣніями, да кстати и рассказать неизвѣстныя еще ей подробности вчерашняго дня. Что же до Мордки, то этотъ побѣжалъ прямо на телеграфъ и далъ условную телеграмму въ Украинскъ, на имя дядюшки Блудштейна. Немногословное содержаніе ея было слѣдующее:

«Все хорошо. Гроссъ-пуриць ¹⁾ вчера покрученъ. Подробности письмомъ, Олейникъ».

VIII.

Новокрещена.

Безъ всякихъ приключеній, вполне спокойно добѣжала Тамара до Петербурга. Сопровождающая ее монахиня привезла ее въ домъ Богоявленской общины сестеръ милосердія, помѣщавшіяся въ одномъ изъ отдаленныхъ и наиболѣе тихихъ концовъ города, и сдала ее тамъ съ рукъ на руки начальницѣ общины. То была маленькая, худощавая, но живая старушка, которая встрѣтила Тamarу очень привѣтливо и радушно.

— Добро пожаловать, милая гостыня! Для васъ уже все приготовлено, — и комнатка, и постелька. Вы помѣститесь пока вмѣстѣ съ сестрой Степанидой; она вамъ всѣ наши порядки укажетъ, да и веселѣе вдвоемъ — то будетъ по-первоначалу.

Сестра Степанида — женщина лѣтъ подъ сорокъ, съ добродушнымъ русскимъ лицомъ, оказалась тоже очень привѣтливою и даже веселою. Всякое дѣло въ ея рукахъ спорилось и шло просто и толково. Она съ перваго же шага обласкала Тamarу, привлекла ее къ себѣ

¹⁾ Важный господинъ, большой баринъ.

своимъ простымъ, сердечнымъ обхожденіемъ и тѣмъ облегчила ей вступленіе въ новую жизнь и невѣдомый бытъ, среди совершенно незнакомыхъ ей людей и порядковъ.

Съ самаго выѣзда изъ Украинска, Тамару глодали и грызла одна беспокойная, ноющая мысль, — не случилось ли чего съ ея стариками во время погрома? Цѣлы ли они, живы ли, здоровы ли? Поэтому, по водвореніи въ Бого-явленской общинѣ, она, съ помощью сестры Степаниды, въ тотъ же день отправила на имя Украинской губернаторши телеграмму, прося уведомить, не пострадали ли ея родные отъ погрома?—На слѣдующій день получила отвѣтъ: «Домъ нѣсколько пощипали, но родныхъ не тронули». Быть можетъ, губернаторша не знала о смерти старухи Бендавидъ, а можетъ и не безъ цѣли ограничилась такими рамками отвѣта, изъ нежеланія нанести Тамарѣ ударъ столь ужаснымъ извѣщеніемъ въ такое время, когда той болѣе всего нужно нравственное успокоеніе. Какъ бы то ни было, смерть бабушки осталась для Тамары пока неизвѣстною, а отвѣтная телеграмма губернаторши, при всемъ своемъ лаконизмѣ, все же значительно успокоила ее: она, по крайней мѣрѣ, знала, что родные, слава Богу, живы и цѣлы. Теперь, послѣ такого успокоенія, для нея на первомъ планѣ стало ея собственное чувство къ Кар-жолу. Письмо его, переданное ей по секрету еще въ Украинскъ послушницей Натальей, всегда было съ нею, и она перечитывала его почти каждый день, находя въ немъ для себя какъ бы живительный источникъ, укрѣпляющій ея волю и силы, ея любовь и надежды. Особенно отрадны для нея были тѣ строки, гдѣ графъ умолялъ ее вѣрять въ него, несмотря ни на что, и оставаться непоколебимо твердою въ принятомъ ею благомъ намѣреніи — «Вѣрьте», читала она далѣе, «что дни переломъ и испытаній скоро пройдутъ, и тогда наступитъ для вашей души желанный миръ и покой, какихъ вы не найдете болѣе въ покидаемомъ вами еврействѣ, а съ этимъ миромъ явится и невозмутимо свѣтлое счастье».—Она свято вѣрила въ эти слова, и ей всѣми силами души хотѣлось какъ можно скорѣе приблизить къ себѣ моментъ этого счастья, на сколько отъ нея зависѣло; она поэтому всячески торопила приготовленія къ своему крещенію, живо и старательно, подъ руководствомъ общинскаго священника, выучила наизусть Символъ вѣры и наиболѣе необходимыя молитвы и просила какъ его, такъ и начальницу общины, не откладывать на долгу исполненіе обряда и совершить его, по возможности, въ первое же воскресенье. Торопилась она еще и потому, что въ глубинѣ души своей какъ будто боялась, чтобы ее не одолѣли вдругъ какія-нибудь расхолаживающія обстоятельства, сомнѣнія, разочарованія, сожалѣнія о покинутыхъ родныхъ,

или чтобы не случилось неожиданно чего-нибудь такого, что, помимо ея самой, помѣшало бы осуществленію ея перехода въ христіанство: она знала, на что способна всецѣлная еврейская интрига и боялась, какъ бы интрига эта не добралась до нея и сюда, чрезъ близорукое посредство какихъ-либо вліятельныхъ и сильныхъ людей міра сего, вмѣшательство которыхъ затормозило бы дѣло, а то и совсѣмъ бы разстроило его. По ея просьбѣ, рѣшено было совершить крещеніе черезъ недѣлю, въ слѣдующее воскресенье.

Въ одинъ изъ дней этой недѣли посѣтила общину ея высокопоставленная покровительница, въ сопровожденіи одного изъ почетныхъ опекуновъ. Она освѣдомилась, между прочимъ, у начальницы о той еврейской дѣвицѣ, за которую ходатайствовала предъ нею игуменья Серафима, и пожелала ее видѣть. Тамара была ей представлена начальницею и удостоилась нѣсколькихъ милостивыхъ словъ и вопросовъ со стороны высокой посѣтительницы.

— Просите ее быть вашей крестною, — шепнула ей начальница, когда та, удостоивъ дѣвучку благосклоннымъ движеніемъ головы, отошла отъ нея, направляясь по широкому корридору далѣе. — Ваше—ство! У насъ къ вамъ просьба, — обратилась къ ней въ догонку живая старушка, подводя за руку и Тамару.

— Что такое? — обернулась посѣтительница, окидывая обихъ ласково вопросительнымъ взглядомъ.

Но Тамара, которой еще въ первый разъ въ жизни довелось говорить съ такою особой, почувствовала вдругъ смущеніе и, потупивъ глаза, въ замѣшательствѣ, не могла произнести ни слова. Просить быть крестною... Но какъ же такъ?.. Въ сравненіи съ собою, это представлялось ей такъ недостижимо высоко, что даже страшно стало, какъ бы подобная просьба не показалась чересчуръ уже дерзкимъ притязаніемъ. Къ счастью, ее выручила начальница.

— Дѣвица Бендавидъ проситъ васъ, — сказала она, — не отказать ей въ милости быть ея воспріемною матерью.

— А, очень охотно. — Когда же это будетъ?

— Въ это воскресенье, передъ литургіей.

— А крестный отецъ есть?

— Нѣтъ еще, ваше—ство... Пока еще не знаемъ, кого бы просить.

— Да вотъ, чего же ближе! — указала она на сопровождавшаго ее савовника. — Борись Николаевичъ, вы, конечно, не откажете?

Тотъ почтительнымъ поклономъ выразилъ полную свою готовность.

— Ну, вотъ и прекрасно. Значитъ, часовъ въ девять утра, не такъ ли?

— Какъ прикажете, ваше — ство. Отецъ Александръ предлагалъ бы именно въ девять, — пояснила начальница, — чтобы новокрещаемая могла причаститься за литургіей.

Княгиня еще раз благосклонно подтвердила свое согласіе, и, вслѣдъ за ея отъѣздомъ изъ общины, всѣ сестры поздравляли Тамару съ высокою милостію и честью, называя ее счастливицей. Въ тотъ же день, къ вечеру, въ общину была прислана отъ будущей воспріемной матери портниха, чтобы снять съ Тамары мѣрку для ея крещальнаго платья.

Нетерпѣливо всѣ эти дни ждала Тамара воскресенья. Каждый день къ ней являлся настоятель общинной церкви и въ теченіе часа или двухъ бесѣдовалъ съ нею, объясняя ей истину и догматы православной вѣры. Онъ даже очень удивился, когда узналъ изъ этихъ бесѣдъ, на сколько уже близко и хорошо знакомы ей не только Евангеліе, но и апостолъ Павелъ.—Да вы уже готовая христіанка въ душѣ, вы такъ глубоко все это сердцемъ своимъ почувствовали, сказалъ онъ ей однажды и бесѣдовалъ съ нею тѣмъ охотиѣе, что воочію видѣлъ, какъ живо и съ какими величайшимъ интересомъ усваиваетъ она себѣ его толкованія. Последнюю недѣлю она постилась, а въ субботу выдержала даже строгій постъ, читая положенныя покаянныя молитвы о прощеніи «согрѣшеній прежде содѣянныхъ» и о «еже сподобитися ей святое крещеніе пріяти». Наконецъ настало для нея давножданное и желанное утро воскреснаго дня. Тамара проснулась рано. Въ душѣ ея господствовало какое-то смѣшанное настроеніе: то она радовалась, что все уже, слава Богу, пришло къ желанному концу, и черезъ два-три часа она станетъ христіанкой, то вдругъ начинала какъ-будто сомнѣваться въ самой себѣ, въ своей готовности и рѣшимости перемѣнить вѣру, и ей становилось вдругъ страшно сдѣлать послѣдній рѣшительный шагъ, какъ будто жалко и грустно было разорвать все и навсегда со своимъ прошлымъ, въ которомъ не все же силою являлось ей въ черномъ и отталкивающимъ видѣ,—было же въ немъ и хорошее кое-что, были и свѣтлыя, счастливыя минуты... Вспоминалось родное гнѣздо, старый домъ, тѣнистый садъ, дѣдушкинъ кабинетъ и ея собственная уютная комнатка съ кустами цвѣтущей сирени подъ окнами... Вспомнились и родные, дѣдушка съ бабушкой, и ясно представлялось ихъ нынѣшнее горе и отчаяніе, ихъ одиночество, осиротѣлость на старости лѣтъ... Они точно бы глядѣли на нее печальными, укоряющими глазами, точно бы говорили ей: «Это ли отплата за всю нашу любовь и ласки, за всѣ попеченія и заботы!» — Затѣмъ представлялся ей цѣлый еврейскій міръ, возмущенный, негодующій, осылающій ее своими страстными и страшными проклятіями; но къ этому послѣднему міру и его злобѣ оставалась она равнодушною: онъ ей ничего не далъ ей дорогаго и завѣтнаго, ничѣмъ не смогъ и не сумѣлъ привязать ее къ себѣ,—напротивъ, она чувствовала въ

себѣ силы даже на борьбу съ нимъ, и было ей жалко совсѣмъ не этого черстваго міра, а своей семьи — только ея одной, — жалко до щемлящей боли тѣхъ, кого она любила и продолжала любить до сихъ поръ все такъ же, какъ и прежде... Не откажется ли?... Не вернутся ли къ нимъ домой, въ ихъ объятія, опять привести имъ съ собою покой и тихое счастье?... Еще не поздно, еще есть время!.. Но нѣтъ, это безуміе, это невозможно. Она теперь, какъ камень, пущенный мѣткою рукою, уже въ силу одной лишь инерціи должна долетѣть до цѣли. Она не властна въ себѣ болѣе. Надо быть последовательной. Къ прежнему возврата нѣтъ и быть не можетъ. Вѣра въ него подорвана, отношенія всѣ порваны, а безъ этого какъ жить въ томъ мірѣ?! Гдѣ же, наконецъ, истина — тамъ, или здѣсь? — Истина здѣсь, во Христѣ, въ Его Евангеліи, — это ей давно уже подсказало ея собственное сердце и собственная совѣсть, и неужели же отъ этой истины вдругъ отвернется она въ послѣднюю, рѣшительную минуту и на всю жизнь останется блуждать на какомъ-то темномъ распутіи, отбившись отъ одного берега и не приставъ къ другому?! — Нѣтъ, это невозможно. Оставаться въ еврействѣ, вѣра во Христа, — что-за малодушіе!.. Нѣтъ, прочь всѣ сомнѣнія! Впередъ свѣтлая, разумная жизнь и любовь, — любовь къ человѣку, который первый сумѣлъ зажечь въ ней это чувство, разбудить ея мысль и дать ей первый толчекъ на истинную дорогу... Тамъ, впереди, ждетъ ее жизнь съ этими любимыми человѣкомъ, въ своемъ собственномъ гнѣздышкѣ, среди своей собственной новой семьи... у нихъ будутъ дѣти... О, какъ она будетъ любить ихъ и гордиться ими и своимъ мужемъ!.. Онъ такой достойный, такой благородно-гордый, мужественный, красивый, — какъ не любить, какъ не обожать его!.. Да, тамъ, впереди — покой и счастье, «невозмутимо свѣтлое счастье», какъ пишетъ онъ въ своемъ письмѣ. Тамъ истина, тамъ свѣтъ и всѣ добрыя радости жизни... Туда, туда, скорѣй туда — на встрѣчу этому добру и свѣту! — И всѣ сомнѣнія и колебанія Тамары мигомъ отлетали прочь, и въ душѣ, вмѣстѣ съ рѣшимостію, воярвалось торжественно спокойное и тихо радостное настроеніе. А затѣмъ, порою, опять находило облако темныхъ сомнѣній и грустныхъ, щемящихъ душу воспоминаній, но черезъ нѣсколько мгновений опять оно таяло и исчезало въ лучахъ ея любви и вѣры, ради которыхъ снова чувствовалась въ душѣ бодрая, сознательная готовность на всякія жертвы.

Было безъ пяти минутъ девять часовъ утра, когда по корридорамъ и заламъ общины пошло нѣкоторое торопливое, волнующееся движеніе. Сестры озабоченно и спѣшно выходили изъ своихъ помѣщеній и собирались всѣ вмѣстѣ

на главной площадкѣ парадной лѣстницы, по которой еще болѣе озабоченно и торопливо спускалась внизъ сама начальница, вмѣстѣ съ прїѣхавшимъ за нѣсколько минутъ ранѣе почетнымъ опекуномъ, въ мундирѣ задитомъ золотымъ шитьемъ, съ синею лентой и звѣздами...

— Прїѣхала, прїѣхала,—полупотомъ передавалось изъ устъ въ уста между сестрами. Тамара стояла среди нихъ на площадкѣ. Сердце ея сильно билось отъ ожиданія, что вотъ-вотъ сейчасъ начинается...

Княгиня—вся въ бѣломъ—благосклонно поздоровалась съ сестрами и съ нею, оприѣтствовавъ ее нѣсколькими милостивыми словами. Затѣмъ всѣ направились въ домашнюю церковь. Одѣтыя въ одинаковыя темныя платья съ бѣлыми целеринами, каждая въ косынкѣ, ниспадавшей съ головы на спину и плечи, съ краснымъ крестомъ, нашитымъ на бѣлый миткалевый нагрудникъ, сестры въ чинномъ порядкѣ прошли впередъ и заняли свои мѣста, рядами, противъ лѣваго клироса; Тамара же была остановлена начальницей въ аванзалѣ, передъ раскрытыми дверями церкви, для предварительнаго обряда оглашенія. Непосредственно за нею стали рядомъ воспрїемники, а нѣсколько въ сторонѣ—начальница общины.

На клиросѣ раздалось стройное женское пѣніе псалма «Благословлю Господа на всякое время»,—и священникъ, въ полномъ облаченіи, съ «Требникомъ» въ рукахъ, вышелъ изъ алтаря и, въ сопровожденіи всего клира, направились къ дверямъ, по ту сторону которыхъ ожидала его новокрещаемая. Причетникъ подавъ ей листъ съ писанными отвѣтами на предстоявшіе ей вопросы «оглашенія».

— Кто еси ты?—вопросилъ ее въ дверяхъ священникъ.

— Человѣкъ есмь, истиннаго познанія Истиннаго Бога не имѣющій и путя спасенія не обрѣтшій,—машинально прочла въ отвѣтъ Тамара по поданному ей листу и то потому лишь, что начальница догадалась подписнуть ей,—отвѣчайте же! Мысли ея были безпокойно разсѣяны и мелькали въ головѣ какими-то урывками, почти безъ всякой связи между собою, останавливаясь часто на совсѣмъ постороннихъ мелочахъ, или на случайно подвертывавшихся подъ разсѣянный взглядъ предметахъ.

— Что пришла еси ко святой Божіей церкви, — продолжалъ вопрошать священникъ,—и чего отъ нея желаешь?

— Пришла, дабы отъ нея научиться истинной вѣрѣ, и къ ней присоединиться желаю,—отвѣчала лѣвушка уже болѣе сознательно, успѣвъ нѣсколько овладѣть собою.

— Какую пользу надѣешься получить отъ истинныя вѣры?

— Жизнь вѣчную и блаженную,—прогово-

рила Тамара, и, при этихъ словахъ, представленіе о блаженной жизни невольно какъ-то совпало въ ея умѣ съ воображеніемъ жизни въ столько небесной, сколько здѣшней, земной, и именно, жизни съ любимымъ человѣкомъ и со счастьемъ среди своей будущей семьи. Поэтому въ отвѣтъ ея невольно прозвучало какое-то радостное увлеченіе.

Послѣ довольно продолжительнаго разъясненія, по «Требнику», самой сущности православно-каеолческой вѣры,—разъясненія, закончившагося вопросомъ, хочетъ ли новокрещаемая принять эту вѣру «истинно отъ сердца и неотступно слѣдовать ей до конца живота», священникъ повелѣлъ ей преклонить колѣна «предъ Господомъ Богомъ нашимъ», сложивъ крестообразно руки на персяхъ и, освѣщая ее крестнымъ знаменіемъ, нарекъ ей въ молитвѣ имя Тамары, при которомъ пожелала остаться новокрещаемая, въ честь святой, память коей празднуется церковью 24-го мая. Затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ молитвъ, огласительный обрядъ дошелъ до самаго торжественнаго и страшнаго для оглашаемыхъ момента «отрицательствъ».

— Вопрошаю тя,—возгласилъ священникъ торжественно повышеннымъ тономъ, — отрицаеши ли ся отъ всего зловѣрія Іудеевъ и отъ всѣхъ богоборныхъ ихъ, яже на Господа Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, истиннаго Сына Божія, и на Пречистую Его Матерь, и на вся Святыхъ Его, хуленій и проклинаній, яко живыхъ и богопротивныхъ, и душепагубныхъ, и проклинаеши ли я?

— Отрицаюсь и... проклинаю!—проговорила съ нѣкоторымъ усиліемъ надъ собою Тамара, подавляя въ себѣ внутреннее волненіе и вси поблѣднѣвъ при этомъ отвѣтъ.

— Отрицаеши ли ся обрѣзанія, субботаства, опрѣсноковъ и всѣхъ праздниковъ іудейскихъ, и всѣхъ обрядовъ Ветхаго Завѣта?.. Отрицаеши ли ся отъ богопротивныхъ ученій, яко христонавистніи раввини изложиша въ книгахъ, нарицаемыхъ «Талмудъ», и ихъ богухульныхъ древнихъ и новыхъ толкованій, яже на Божественное Писаніе и противу Господа нашего Іисуса Христа?

— Отрицаюсь и отметаю, и проклинаю ихъ!—отвѣтила Тамара съ возрастающимъ все волненіемъ.

— Отрицаеши ли ся ложнаго ученія Іудеевъ, аки бы Мессія еще не прїиде, отъ тщетнаго ожиданія ихъ?—продолжалъ вопрошать священникъ.

— Отрицаюсь чаемаго Іудеями ложнаго Мессіи, антихриста, и проклинаю его!—проговорила Тамара совсѣмъ упавшимъ, почти заходящимся голосомъ. Въ эту минуту ей казалось, что, отрицаясь отъ всего прежняго, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицается и отъ всѣхъ своихъ кровныхъ связей, отъ своихъ родныхъ

и близкихъ, отъ дѣда и бабушки, даже отъ дорогой памяти своего отца и матери,—отрицается и проклинаетъ ихъ всѣхъ безраздѣльно и безразлично. Это показалось ей самымъ жестокимъ нравственнымъ испытаніемъ, и она въ она почувствовала въ себѣ внутренній разладъ и раздвоеніе, словно бы въ ней одновременно существуютъ два человѣка, два противныя теченія, вѣчно борющіяся, непримиримыя, которымъ суждено вѣчно нарушать гармонию ея духовнаго міра.

Между тѣмъ, обрядъ оглашенія продолжался своимъ порядкомъ. Послѣ отрицательствъ и проклинаній, слѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ и отвѣтовъ на тему «вѣруеши ли и исповѣдуеши ли», относительно догматовъ восточно-каатолической вѣры, и наконецъ—торжественно клятвенное обѣщаніе, громко прочтенное новокрещаемому, гдѣ, между прочимъ, свидѣлствуется, что если она приходитъ къ исповѣданію христіанской вѣры лестію и съ лицемѣріемъ и восхоцетъ потомъ отъ этой вѣры отречься и вновь къ іудейской вѣрѣ возвратиться и, тайно съ евреями бесѣдуя, христіанство укорять, то да постигнетъ ее нынѣ и во вся дни живота ея гнѣвъ Божій, и клятва, и вѣчное осужденіе!—«Къ сямъ же и гражданскихъ законовъ суду и преценію да буду повинна неотложно. Аминь!» заключила она свою клятву, чувствуя, какъ кровь стучитъ у нея въ вискахъ, какъ сильно и тревожно бьется сердце и дрожатъ ея руки и ноги, и голосъ, и съ трудомъ перемогая въ себѣ упадокъ нервовъ, потрясенныхъ всѣмъ этимъ обрядомъ.

Затѣмъ, послѣ чтенія надъ новокрещаемому еще нѣсколькихъ молитвъ, обрядъ оглашенія былъ оконченъ,—и воспріемники ввели Тамару въ самую церковь и поставили по срединѣ храма, передъ купелью, прикрытою съ трехъ сторонъ ширмами. Немедленно же начался обрядъ св. крещенія. Предъ погруженіемъ въ купель, воспріемница взяла свою крестную дочь за руку и отвела ее за ширмы. Сестра Степанида помогла ей тамъ раздѣться, распустила косу и сойти въ чанъ съ водой, гдѣ и накрыла ее сверху, со всѣхъ сторонъ простынею. Тогда, по знаку воспріемницы, вошелъ за ширмы священникъ и, наложивъ, чрезъ простыню, руку на голову новокрещаемой, совершилъ троекратное погруженіе ея въ воду—«во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Затѣмъ онъ удалился изъ-за ширмъ на свое мѣсто, а нѣсколько минутъ спустя, воспріемница вывела оттуда и Тамару, уже переодѣтую въ бѣлое батистовое платье, сшитое каинотомъ и стянутое въ талія широкою розовою лентой, въ видѣ пояса. Влажные волосы ея оставались распушенными по плечамъ, воротъ отстегнутъ на груди для муропомазанія, на босыхъ ноги были надѣты бѣлыя атласныя ту-

фельки; въ рукѣ—горящая восковая свѣча. Священникъ возложилъ на нее золотой крестикъ на розовой лентѣ, остилавъ имъ предварительно ея голову. Дѣвушка была блѣдна, но, повидимому, спокойна. Душевное волненіе, оладѣвшее ею при обрядѣ оглашенія, отступило и улеглось предъ яснымъ сознаніемъ, что теперь все уже кончено,—сомнѣнія, нерѣшительность, нравственные колебанія, страхъ передъ послѣднимъ актомъ,—все это осталось уже позади; самый трудный, рѣшительный шагъ въ новую жизнь фактически уже сдѣланъ,—стало быть, что жъ тутъ?!—Она достигла того, чего сама пожелала, къ чему такъ стремилась, ради чего принесла столько тяжелыхъ жертвъ: она—христіанка. Этимъ шагомъ куплено ея личное счастье, не могшее осуществиться, пока она пребывала въ еврействѣ,—остается, стало быть, только вѣрить и надѣяться на осуществленіе его въ будущемъ... Такая надежда, вмѣстѣ съ сознаніемъ совершившагося факта, принесла ей нѣкоторое успокоеніе.

По окончаніи крещенія и муропомазанія, немедленно же началась литургія. Когда раскрылись царскія двери и раздался возгласъ: «Со страхомъ Божиимъ и вѣрою приступите», воспріемники подвели Тамару ко св. Дарамъ, и священникъ причастилъ ее. Послѣ обѣдни, воспріемная мать, поздравивъ и поцѣловавъ причастницу, вручила ей футляръ съ какою-то драгоценною вещицею на память и, между прочимъ, спросила ее, какъ предполагаетъ она распорядиться со своею дальнѣйшею судьбою?

— Не скрою, ваше—ство, у меня есть женихъ—скромно отвѣтила Тамара.—Онъ женится на мнѣ, какъ только позволятъ обстоятельства... и я думаю, что это не замедлитъ случиться.

— Кто такой?—и когда Тамара назвала графа Каржолъ, княгиня задумчиво, какъ бы стараясь представить себѣ или сообразить что-то, проговорила про себя: «графъ Каржоль—де Нотрель?.. Фамилію слыхала, но самого не знаю... Онъ русскій?»

— Русскій подданный ваше—ство.

— И что же, со средствами?

— Да, онъ нѣдетъ нѣкоторое состояніе... Но главное, человѣкъ способный, дѣятельный.

— Служить гдѣ-нибудь?

— Прежде, кажется, служилъ... Теперь своими дѣлами занимается.

— Хм... Ну, что-жъ, дай Богъ вамъ счастья. А пока, до выхода замужъ... у васъ вѣдь нѣтъ никого здѣсь родственниковъ или знакомыхъ?

— Ни души, ваше—ство.

— И средствъ, вѣроятно, тоже не много?

— Никакихъ. Съ уходомъ изъ еврейства, я потеряла всѣ свои права на состояніе, какое мнѣ могло бы достаться.

— Это почему же?—съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ спросила княгиня.

— Потому что родные, по наследству, мнѣ его уже не оставить, да еслибы и хотѣли, еврейство имъ не позволить, кагалъ... Впрочемъ, что-жъ, я знала на что иду и что теряю,—спокойно и безъ тѣни сожалѣнія прибавила Тамара.

— Хорошо, но что же однако предполагаете вы дѣлать до замужества? Вѣдь надо же гдѣ-нибудь пріютиться, жить, заниматься чѣмъ?

При этомъ, совершенно простомъ и естественномъ, вопросѣ, Тамара нѣсколько смутилась. По сей день она до того всецѣло была поглощена своею главною заботой о предстоящемъ ей крещеніи и религіозными приготовлениями къ нему, что онъ какъ-то не приходилъ ей въ голову.

— Признаюсь, до сихъ поръ я еще хорошенько не подумала объ этомъ,—тихо проговорила она, точно бы виноватая и какъ бы извиняясь.

— Пока что,—продолжала, подумавъ, княгиня,—могу предложить вамъ одно: оставайтесь, если хотите, въ общинѣ. Надѣюсь, что Екатерина Павловна не будетъ ничего имѣть противъ?—повернула она голову въ сторону начальницы.

Живая старушка, со всею радушіемъ, успѣшила выразить ей полное свое согласіе и готовность быть полезною молодой дѣвушкѣ.

— Надѣюсь, это васъ устраиваетъ?—обратилась княгиня къ Тамарѣ, откликнувшейся ей признательнымъ и глубокимъ поклономъ.—Вы, конечно, будете писать къ матери Серафимѣ?—продолжала она.—Передайте ей, кстати, и мой привѣтъ и скажите, что я, какъ могла, постаралась исполнить ея просьбу.

И благосклонно простясь со всею, высокая покровительница общины удалилась изъ залы.

— Можетъ быть, ей нужны какія-либо вещи,—говорила она, спускаясь съ лѣстницы, провожавшей ее начальницѣ,—вы, пожалуйста, узнайте все это и сообщите мнѣ, я примлю все, что нужно, чтобъ она ни въ чемъ не нуждалась.

Такимъ образомъ, Тамара осталась пока жить въ Богоявленской общинѣ сестеръ милосердія и, чтобы не даромъ ѣсть хлѣбъ, просила начальницу дозволить ей, на ряду съ остальными сестрами, нести всѣ тѣ обязанности по дому и уходу за больными, какія будутъ ей назначены. Въ этомъ ей не встрѣтилось отказа, но на первое время начальница ограничилась тѣмъ, что поручила ей вообще приглядываться, подъ руководствомъ сестры Степаниды, къ практической дѣятельности сидѣлокъ и фельдшерницъ въ состоявшихся при общинѣ больничныхъ баракахъ. На другой же день послѣ этого разрѣшенія, Тамара одѣлась въ обычный костюмъ сестры съ краснымъ крестомъ на груди и бѣлою косынкой на головѣ, рѣшивъ про-себя не извѣщать ему до самаго

выхода замужъ, и ретиво, съ полнымъ увлеченіемъ, отдалась своимъ новымъ обязанностямъ, такъ что начальницѣ и сестрѣ Степанидѣ пришлось скорѣе умѣрять ея рвеніе, чѣмъ поучать ее. Остальныя сестры, почти всѣ, отнеслись къ ней дружелюбно, и будничная жизнь въ ихъ простой, нѣсколько монотонной, но работающей средѣ показалась ей на первое время даже очень привлекательною. Здѣсь обрѣла она ту тишину и успокоеніе, въ которыхъ нуждалась ея душа, послѣ всѣхъ перенесенныхъ ею передрагъ за послѣднее время.

На другой же день послѣ своего крещенія, Тамара написала игуменѣ Серафимѣ письмо, исполненное горячей благодарности, гдѣ извѣщала ее объ этомъ событіи, а равно и о тепломъ участіи, какое приняла въ ней княгиня, и о своей новой жизни и дѣятельности въ общинѣ. Но этого было ей мало. Естественно, ей хотѣлось, чтобъ и графъ Каржоль узналъ поскорѣй, что она уже окрещена. Тамара оставалась твердо убѣждена, что какъ только онъ узнаетъ объ этомъ, то не замедлитъ тотчасъ же пріѣхать въ Петербургъ, и обѣчаться съ нею. Но какъ устроить это, какимъ образомъ дать ему знать? Писать прямо на его имя ей не хотѣлось: отъ этого удерживало ее самолюбивое чувство деликатнаго опасенія, какъ бы не показаться ему навязчивою, чтобы не подумалъ онъ, будто она сама первая ищетъ его теперь и спѣшитъ напомянуть ему данное ей обѣщаніе. Она, со своей стороны, сдѣлала уже все, чего онъ отъ нея ждалъ и требовалъ,—теперь очередь за нимъ, но пусть же онъ дѣлаетъ свое самъ, добровольно, по собственному почину. Обдумывая, какъ поступить ей, Тамара остановилась на мысли, что лучше всего будетъ написать къ своей подругѣ, Сашенькѣ Санковской, которая, кстати, ничего еще не знаетъ о ея внутренней борьбѣ и всѣхъ приключеніяхъ, приведшихъ ее въ концѣ концовъ къ христіанской купели. Все это описала она Сашенькѣ довольно подробно, умолчавъ лишь о своемъ чувствѣ къ Каржолу и о степени его интимнаго участія въ ея приключеніяхъ, равно какъ и объ его планахъ насчетъ ихъ супружества. Объявлять о томъ и другомъ находила она преждевременнымъ, чтобы не возбуждать лишнихъ городскихъ толковъ, которые, безъ сомнѣнія, сейчасъ же дошли бы и до еврейскаго міра, а со стороны этого послѣдняго она могла ожидать всякихъ помѣхъ и пренятствій къ ея браку, изъ одной лишь мести, даже и послѣ принятія ею христіанства. Поэтому, относительно Каржоля Тамара ограничилась лишь одною коротенькою припиской: «Если увидишь графа,—кстати, передай ему мою благодарность, такъ какъ, надо тебѣ знать, ему первому обязана я мыслию прочесть Евангеліе. Мысль эту бросилъ онъ мнѣ какъ-то мимоходомъ, вскользь, у васъ же въ домѣ и, конечно, едва-ли могъ

предполагать тогда, что изъ этого выйдетъ. А вышло то, что я теперь христіанка и считаю, что ему первому обязана этимъ».

Отправивъ письмо, Тамара рассчитала себѣ всѣ дни и чуть ли даже не часы, когда оно должно получиться въ Украинскѣ и какъ скоро можетъ послѣ этого явиться въ Петербургъ Каржоль, или, по крайней мѣрѣ, прислать ей телеграмму о днѣ своего выѣзда. Вѣрнѣе, что онъ самъ прѣдетъ экспромптомъ. — О, да! безъ сомнѣнія, онъ броситъ все и поспѣшитъ къ своей невѣстѣ!.. Съ каждымъ днемъ ея надежды и ожиданія становились все сильнѣе и нетерпѣливѣе. Но вотъ, прошло около десяти сутокъ, а отъ Каржоль, — къ удивленію, — ни малѣйшей вѣсти! И бѣдная дѣвушка терялась въ мучительномъ недоумѣніи, что это можетъ значить? Дошло ли письмо? Не перехватилъ ли кто его? Можетъ, еврей?.. Или неужели Сашенька не обмолвилась графу ни однимъ словомъ? Или не успѣла еще видѣть его? Или ужъ не боленъ ли онъ? Не случилось ли съ нимъ чего, — несчастія какого?.. Но наконецъ, на одиннадцатый день получилось два письма разомъ. Одно было отъ игумена Серафима, гдѣ она выражала свою духовную радость о принятіи св. крещенія Тамарой и по поводу теплаго участія, принятаго въ ней великою княгиней, въ которомъ, впрочемъ, заранѣе была увѣрена, и посылала дѣвушкѣ свое благословеніе. Другое письмо было отъ Сашеньки. Тонъ этого послѣдняго уже съ самаго начала непріятно поразилъ Тамару своимъ плохо скрытымъ недобрымъ чувствомъ, даже какъ-будто злорадствомъ какимъ-то. — За что? Чѣмъ провинилась она? И возможно ли, чтобы такъ писала та самая Сашенька, которую столько дѣтъ она считала своею лучшею подругой!.. Что же случилось, такого, что могло повліять на переѣмъ ихъ отношеній?.. Поздравляя довольно холодно Тамару съ переходомъ въ христіанство, Сашенька писала, что напрасно только она думаетъ, будто сообщаетъ ей что-либо новое, такъ какъ побѣгъ ея въ монастырь съ перваго же дня обратился въ секретъ. Полининецъ, надѣлавъ въ городѣ большого переполоха, и что напрасно также она хитритъ въ своемъ письмѣ, стараясь дать ей понять, будто графъ Каржоль не при чемъ въ ея дѣлѣ, тогда какъ весь городъ, съ перваго же дня, прямо называлъ графа непосредственнымъ въ немъ участникомъ, и въ этомъ отношеніи все включеніе ея ни для кого не составляетъ тайны. Удивилась ему одна только она, Сашенька, недоумѣвая, почему это Тамара, будучи такъ дружна съ нею, предпочла скрыть свою «тайну» отъ нея и посвящать въ нее Ольгу Ухову, съ которою послѣднее время, повидимому, была вовсе не въ дружескихъ отношеніяхъ, — по крайней мѣрѣ, въ городѣ всѣ говорятъ, что Ольга принимала во всей ея исторіи, вмѣстѣ съ графомъ ближайшее и даже непосредствен-

ное участіе; что евреи поутру нашли Ольгу даже въ квартирѣ графа, подъ замкомъ, и она сама не отрицаетъ этого. — «Впрочемъ, тебѣ ближе знать, что тутъ правда и что нѣтъ, а мнѣ, не скрою, очень было обидно даже, что ты предпочла Ольгу мнѣ, которая съ тобою была, кажись, всѣхъ дружнѣе, и тѣмъ болѣе, что ты, насколько я теперь понимаю, не стѣснялась по дружбѣ избирать нашъ домъ, по преимуществу, мѣстомъ своихъ встрѣчъ съ твоимъ графомъ-апостоломъ. Что же до порученія передать ему твою благодарность, прибавляла Сашенька, то, къ сожалѣнію, исполнить этого не могу, такъ какъ онъ тайкомъ и безслѣдно исчезъ куда-то изъ Украинска почти одновременно съ тобою. Увѣряютъ, что твой дѣдушка, узнавъ, на сколько Каржоль замѣпанъ во всей твоей исторіи, съ цѣлію будто-бы жениться на тебѣ послѣ твоего крещенія, поспѣшилъ скупить всѣ его векселя и этимъ путемъ принудилъ его отказаться отъ своихъ намѣреній и бѣжать изъ Украинска. Говорятъ также, что графъ взялъ съ него пятьдесятъ тысячъ отступного и далъ подписку прекратить навсегда всѣ свои домогательства насчетъ брака съ тобою. Но я этому не вѣрю, — онъ всегда казался мнѣ слишкомъ джентльменомъ, чтобы рѣшиться на подобную низость, и если ты точно рассчитываешь выйти за него замужъ, желаю тебѣ полнаго успѣха, хотя не могу не прибавить, что носятъ слухи, будто Ольга находится въ «интересномъ положеніи» и будто этимъ обязана она все тому же «очаровательному» графу. Тебѣ, впрочемъ, ближе знать, на сколько тутъ правды, если Ольга точно принимала въ тебѣ такое близкое участіе и если ты съ нею такъ интимна. Но это все одни только разговоры и злыя сплетни, быть можетъ, не имѣющія никакого основанія въ дѣйствительности. А вотъ, изъ твоего вопроса насчетъ твоихъ родныхъ, какъ живутъ они, — я вижу, что ты ничего не знаешь о смерти твоей бабушки Сарры, которую хватилъ параличъ въ ту самую минуту, какъ она узнала о твоёмъ побѣгѣ, и которая затѣмъ на другой день умерла отъ испуга, во время грома, когда толпа громителей ворвалась въ вашу квартиру. Дѣдушка твой, конечно, очень удрученъ, но, какъ слышно, переноситъ свое двойное горе стоически, съ безмолвною покорностію своей судьбѣ или волѣ Божіей. Онъ остался на попеченіи какой-то, проживающей у васъ въ домѣ, старой родственницы и твоего кузена Айзика Шацкера, который на сихъ дняхъ съ успѣхомъ окончилъ гимназическій курсъ и вскорѣ уѣзжаетъ въ Петербургъ, въ университетъ, рассчитывая посвятить себя юриспруденціи, чтобы быть адвокатомъ, — такъ сообщали мнѣ его товарищи».

Письмо это произвело на Тамару невыразимо тяжелое, удручающее впечатлѣніе. Умы-

шленно, или нѣтъ, но Сашенька Санковская нанесла ей страшный ударъ. Та внутренняя раздвоенность, которую впервые почувствовала она въ себѣ въ вечеръ Украинскаго погрома, при видѣ непритраженныхъ слѣдовъ его на улицахъ, сказала въ ней опять, но уже съ удвоенною силой. Не зная истинныхъ причинъ погрома, глубоко коренившихся во всесторонней, кровопролитной эксплуатаціи жидовствомъ христіанскаго рабочаго міра, или забывая о нихъ, Тамара вообразила себѣ, что единственною причиною этой катастрофы была только она,—она сама и никто больше, а стало быть, она же виновница и бабушкиной смерти. Это было убійственное сознаніе. Голосъ родства и крови вдругъ заговорилъ въ ней сильнѣе ея христіанскихъ убѣжденій,—но что жъ ей теперь остается?... Бросить все и летѣть къ дѣду? Съ чѣмъ же, однако, придетъ она къ нему, какое утѣшеніе принесетъ ему, разъ что она уже отреклась отъ него и стала христіанкой? Да и захочетъ ли дѣдъ принять ее, послѣ всего, что случилось? Въмѣсто прошенія и пріянія, не услышитъ ли она отъ него скорѣе проклятій?... Вѣдь по-своему онъ будетъ правъ, отвергая и проклиная въ ней отступницу, наславницу золь и бѣду на Израіля и убійцу жены его.—Нѣтъ, назадъ ей уже всякій путь отрѣзанъ,—остается лишь сознать себя невольною убійцей и вѣчно мучиться въ душѣ этимъ ужаснымъ сознаніемъ. Тамара впадала въ мрачное отчаяніе. Такое настроеніе ея духа, конечно, было замѣчено окружающими. Начальница попыталась было покондировать ее насчетъ причинъ такой внезапной перемены, но ничего не добилась, кромѣ уклончиваго отвѣта, что она всеѣмъ, рѣшительно всеѣмъ довольна, а что причины эти чисто домашнія, родственныя дѣла, и только, но что помочь имъ или измѣнить обстоятельства, такъ уже сложившіяся, никто и ничто не въ состояніи. Подозрѣвая, не одолеваетъ ли дѣвушку, вслѣдствіе полученныхъ ею писемъ, какихъ-либо сомнѣній религіознаго свойства, не смущаютъ ли ея совѣсть внутреннія колебанія или даже раскаяніе въ совершенномъ ею шагѣ, начальница обратилась за совѣтомъ и духовною помощью къ общинному священнику. Это былъ человекъ, отъ природы обладавшій даромъ внушать къ себѣ довѣріе и симпатію, и то, чего не смогла достигнуть своими участливыми разспросами начальница, было достигнуто отцомъ Александромъ: онъ сумѣлъ вызвать откровенность Тамары, раскрывшей, наконецъ, ему, какъ своему отцу духовному, всѣ обстоятельства, которыя такъ смущали ея душу и мучили совѣсть. Но не мало пришлось употребить ему теплаго участія и убѣжденій, чтобы хоть сколько-нибудь утѣшить ее и отогнать отъ нея гнетущую мысль о своемъ, будто-бы, преступленіи. Онъ умѣлъ утѣшать и убѣждать

не по шаблону извѣстныхъ духовныхъ приемовъ, а глубокою силой своей собственной вѣры и христіанской любви, невольно сообщаемыхъ имъ и своему слушателю; слова его были просты, но убѣдительно и западали прямо въ сердце, примиряя его съ самимъ собою и освящая вѣрой и надеждой на милосердіе Божіе. Тамара успокоилась не скоро, но все же успокоилась, отдавшись вся молитвѣ и вынося изъ каждой бесѣды съ отцомъ Александромъ нѣчто сплѣтое, примиряющее и бодрящее ея душу.

Когда же, наконецъ, настало для нея полное успокоеніе въ главномъ, то тутъ незамѣтно и какъ-то сама собою выступила для нея на первый планъ другая сторона письма Сашеньки Санковской.—Неужели правда все то, что она пишетъ про Каржоля и Ольгу? Если такъ, то зачѣмъ онъ продѣлалъ съ Тамарой всю эту комедію, зачѣмъ было ему вырывать ее изъ ея среды, бросать въ новый міръ и увлекать ея сердце? Что-за цѣль была у него? Ея миллионное состояніе? — Но вѣдь она же сама и притомъ заранѣе предупреждала его, что, съ уходомъ ея изъ дѣдовскаго дома и съ переменою религіи, все ея богатство отпадаетъ, и она останется нищею,—вѣдь онъ же зналъ это, какъ равно зналъ и то, что она не протянетъ болѣе руки за этимъ богатствомъ, не станетъ домогаться его.

Изъ лабиринта этихъ сомнѣній помогло выйти Тамарѣ все-то же заветное письмо Каржоля.—«Ваше исчезновеніе изъ дому, какъ и слѣдовало ожидать, переполошило всѣхъ евреевъ, читала и перечитывала она про-себя его дорогія для нея строки. Какими-то судьбами они успѣли проникнуть о моемъ участіи въ этомъ дѣлѣ».—Для Тамары, однако, «судьбы» эти были совершенно ясны и представлялись не иначе, какъ въ образѣ давно уже подозрѣвавшего и подкарауливавшего ее Айзика Шацкера: только онъ одинъ и могъ открыть дѣду и евреямъ всю ея тайну,—въ этомъ для нея не было сомнѣній, тѣмъ болѣе, что Айзикъ самъ предупреждалъ ее объ этомъ тогда, ночью, въ саду, послѣ ея свиданія съ Каржолемъ, что и заставляло ее въ ту же ночь порѣшить свою дальнѣйшую судьбу.—«Сплетень и басень по этому поводу пошло уже по городу множество, читала она далѣе въ письмѣ Каржоля. Приплетають къ дѣлу даже одну изъ вашихъ пріятельницъ, распуская на этотъ счетъ невообразимые вздоры».—А, это ясный намекъ на счетъ Ольги, теперь оно понятно!—комментировала себѣ это мѣсто письма Тамара.—«Можете себѣ представить, какъ злы теперь на меня евреи и какія мины повѣдуютъ ими противъ меня. Хотя я несколько ихъ не боюсь (Бѣдный Валентинъ! — подумалось ей при этомъ. — «Не боюсь»... Онъ не зналъ и не подозрѣвалъ, съ какою страшною

силою вступаетъ въ борьбу и чего она будетъ ему стоить!), но тѣмъ не менѣе, прошу васъ объ одномъ: какіе бы слухи, сплетни и клеветы на меня и на другихъ (*«другихъ»*... то-есть, это значитъ на Ольгу?) ни дошли до васъ съ какой бы то ни было стороны, — *не вѣрять ничему ни на одно слово* и быть твердо убѣжденной, что я безукоризненно чистъ передъ вами и что какъ былъ, такъ я впродъ навсегда останусь самымъ надежнымъ, преданнымъ и безкорыстнымъ вашимъ другомъ. Умоляю васъ вѣрять въ меня, несмотря ни на что»... И Тамара въ него вѣрила. Въ этихъ строкахъ подчеркнула она для себя новую силу и увѣренность для борьбы, вная, что она любима и что хотя еврейская интрига сильна всяческими своими ходами, хотя дѣдъ и скупилъ векселя Каржоль и, быть можетъ, заставилъ его бѣжать изъ Украинска, но Каржоль все-таки любить ее и вѣрить, что «дни передрагъ и испытаній скоро пройдутъ, и тогда настанетъ желанный миръ и покой, а съ этимъ миромъ явится и невозмутимо свѣтлое счастье». Тамара понимала, что, скованный своими долгими обязательствами и прикрученный въ самую критическую минуту Бевдавидомъ и всѣмъ кагаломъ, Каржоль могъ на время удалиться изъ Украинска, не успѣвъ ее о томъ предупредить, но она была убѣждена, что онъ, со своимъ умомъ и средствами, скорѣй найдетъ возможность расплатиться по всѣмъ этимъ обязательствамъ, и тогда между ними и ею уже не встанетъ болѣе никакая помѣха. Она вѣрила въ это, потому что вѣрила въ самого Каржоль, и рѣшилась терпѣливо переносить пока его безвѣстную отлучку. Очевидно, евреи такъ быстро его скрутили и заставили убраться, что онъ пока еще не знаетъ, ни гдѣ находится теперь Тамара, ни что съ нею случилось, ни того, что она уже христіанка. Куда подать ему вѣсть о себѣ? Какъ узнать, гдѣ онъ находится? — Увы! все это надо пока предоставлять времени. Не можетъ быть, чтобы онъ самъ не вспомнилъ о ней, не постарался бы при первой же возможности разузнать, гдѣ она и что съ ней, и не откликнулся бы ей о себѣ теплою вѣстью.

IX.

Передъ войною.

Эпоха, въ которой относятся, по времени, нашъ разсказъ, отмѣчена въ исторической жизни русскаго народа и государства совершенно особенными, яркими чертами, какъ въ положительныхъ, такъ и въ отрицательныхъ сторонахъ этой жизни. Въ пѣляхъ послѣдующаго повѣствованія, автору необходимо напомнить и, отчасти, уяснить ее читателю.

Въ началѣ 1875 года общій миръ казался

совершенно упроченнымъ. Въ Европѣ не замѣчалось никакихъ тревожныхъ вопросовъ, или такъ называемыхъ «черныхъ точекъ»: она отдыхала послѣ цѣлаго ряда измѣнившихся ея карту потрясеній и погромовъ, нанесенныхъ Германіей послѣдовательно на сѣверѣ, югѣ и западѣ. Россія очутилась тогда въ положеніи очень благоприятномъ: со всѣхъ сторонъ ей улыбались всѣ, отъ малыхъ до великихъ, искали ея дружбы или благосклонности. Князь Горчаковъ олимпійски самодовольно считалъ себя «господиномъ положенія», у котораго могъ бы, не безъ пользы для себя, поучиться и самъ Бисмаркъ. Но вотъ, среди таубокаго мира и всеобщей идилліи, вдругъ, откуда ни возмись, пронеслись по газетнымъ столбцамъ зловѣщіе слухи. Это было весной 1875 года. Слухи шли не съ Востока, а съ Запада. Франція, едва начавшая оправляться отъ бѣдственной войны, только-что улажившая побѣдителя пять милліардовъ, вдругъ не на шутку встревожилась, считая, что Германія начинаетъ вновь угрожать ей серьезнымъ образомъ, и поспѣшила обратиться по всѣмъ державамъ, и прежде всего къ Англіи и Россіи. Англія подняла газетный и парламентскій шумъ, но дѣйствительныя заботы о сохраненіи мира и ходатайство за Францію въ Берлинѣ великодушно предоставила одной Россіи. Эта послѣдняя вступилась за Францію, давъ своевременно понять Берлину, что положеніе 1870 года съ ея стороны повториться болѣе не можетъ. Такимъ образомъ, миръ нарушенъ не былъ, опасенія въ Европѣ улеглись быстро, не оставивъ, *по-видимому*, никакого слѣда, и Россія оговору была воздана благодарность за ея миротворное дѣйствіе. Окрысились на насъ только германскія «рептиліи», но и то не надолго.

Не прошло, однако, послѣ этого и трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, какъ въ какихъ-то Баньянахъ, гористомъ уголкѣ Герцеговины, о существованіи котораго до тѣхъ поръ едва ли подозрѣвать кто-нибудь въ «цивилизованномъ мірѣ», начались, по-видимому, ни съ того, ни съ сего, какія-то смуты, что-то въ родѣ маленькаго востанія противъ турецкихъ чиновниковъ. Даже алѣйшіе враги Россіи, готовые ко всякой клеветѣ на нее, на сей разъ не рѣшились обвинить ее въ этихъ смутахъ, сознавая, что Россія не могла имѣть ни малѣйшаго интереса въ возбужденіи Восточнаго вопроса въ данное время. Со всѣми державами она находилась тогда въ наилучшихъ отношеніяхъ, Турція оказывала ей полное довѣріе, и султанъ Абдулъ-Азизъ готовъ былъ дѣлать все ей угодное; посоль нашъ первенствовалъ въ Константинополѣ, что, конечно, возбуждало зависть и опасенія у нашихъ всегдашнихъ соперниковъ на Востокѣ. Въ Оттоманской имперіи до сего времени все было спокойно, и не изъ Россіи поднимались тогда возгласы о близо-

сти Турція къ паденію: рѣчь объ этомъ заведи въ Англіи, и безъ всякаго повода. Яростно посыпались вдругъ изобличенія султана въ чрезмѣрной расточительности, въ намѣреніи измѣнить порядокъ престолонаслія, выставлялись на посоръ его капризы и причуды, его внимательность и угодливость по отношенію къ Россіи, оплакивалось ослабленіе благотѣльнаго англійскаго вліянія и предсказывалась близость финансоваго и политическаго крушенія Турціи,—словомъ, султанъ оказывался виноватымъ, что вѣрить больше Россіи, чѣмъ Англіи, а потому надо было всячески дискредитировать его въ глазахъ не только Европы, но и его собственныхъ подданныхъ. Россія не имѣла интереса разжигать не ею начатое дѣло герцеговинскаго возстанія, а Порты обнаруживала готовность на всякія добрыя мѣры, какія присовѣтовала бы ей Россія, такъ что казалось, будто все можетъ уладиться еще въ самомъ началѣ простымъ соглашеніемъ между Россіей и Портой. Но вдругъ кому-то понадобился «европейскій концертъ»,—какой-то невидимый магъ и волшебникъ очень искусно сталъ передергивать нити и пружины общеевропейской политики,—и вотъ, въ Берлинѣ, Лондонѣ и Вѣнѣ сочли за лучшее не дать Россіи одинъ изъ одинъ договориться съ Портой, а созвать для этого «всю-Европу». Къ тому же Австрія, видимо поощрявшая возстаніе, начатое даже почему-то подъ ея черно-желтымъ флагомъ, поспѣшила принять дѣятельное участіе въ вопросѣ. На ея территоріи, тѣмъ временемъ, приютилось множество герцеговинскихъ и боснійскихъ бѣглецовъ съ семействами, которымъ вначалѣ выдавались даже пособія отъ австрійскаго правительства, а специальный комисаръ австрійскій, баронъ Родичъ, убѣждалъ главрей герцеговинскихъ, «усташей», взирать на одну Австрію, какъ на ихъ единственную покровительницу, и отъ нея одной ждать спасенія. Въ вѣнскихъ газетахъ запретили имена Пеко Павловича, Богдана Зимонича, Лазаря Сочичи, Любиграча и другихъ, купно съ нѣкою дѣвицей Маркусъ, воспылавшей вдругъ любовью къ славянскому освобожденію.

Но вмѣсто ожидаемаго упрощенія задачи, «европейскій концертъ», благодаря все той же Австріи, и именно пресловутой нотѣ графа Андраніи, только затруднялъ, запуталъ и раздулъ дѣло. Начались своекорыстныя соперничества и явные помѣхи. Полгода рѣзани въ возставшихъ провинціяхъ и столько же времени, потраченнаго въ пустыхъ дипломатическихъ совѣщаніяхъ, дали однако же знать себѣ: ни бѣжавшія населенія Босніи и Герцеговины не соглашались возвратиться домой, ни усташе не хотѣли положить оружіе безъ надежной гарантіи, а въ то же время, съ другой стороны, и мусульманскій фанатизмъ разгорался все сильнѣе и обнаружился

наконецъ, въ началѣ мая 1876 г., буйнымъ взрывомъ въ Салоникахъ, когда мусульманская чернь убила германскаго и французскаго консуловъ изъ-за какой-то, вырванной ими изъ гарема, болгарской дѣвицы, при полномъ бездѣйствіи турецкихъ властей. Случай этотъ оживилъ болтавшую дипломатію; на Салоникскомъ рейдѣ ото всѣхъ державъ появилось по нѣскольку военныхъ судовъ, и затѣмъ состоялся дипломатическій съѣздъ въ Берлинѣ, разрѣшившійся «берлинскимъ меморандумомъ». Но тутъ вдругъ Англія съ шумомъ отдѣлилась отъ «концерта», отвергнувъ вовсе этотъ меморандумъ, и злые языки говорили тогда, что сдѣлано это ею не безъ предварительнаго соглашенія, по крайней мѣрѣ, съ графомъ Андраніи, если не съ самимъ Бисмаркомъ. Австрія тоже перемѣнила свою политику относительно усташей: вмѣсто прежняго миролюбія и заискиваній въ нихъ, она вдругъ заперла для нихъ свою границу, усилила по ней военный кордонъ, не пропускала даже женъ и дѣтей бѣглецовъ на свою территорію и стала арестовывать и сажать въ тюрьмы самихъ усташей, если они искали въ ея предѣлахъ убѣжища отъ преслѣдованія турецкихъ войскъ. Главари недоумѣвали, что-жъ это значитъ?—Черно-желтое знамя, поощрительныя подмигиванія, сладкія слова, соблазнительныя обѣщанія, льготы и деньги въ началѣ, когда нужно было поднять тяжелаго на подъемъ славянина, и вдругъ изгнаніе и недопущеніе босняцкихъ семействъ, угрозы, крутыя мѣры, аресты и тюрьма, когда возстаніе разгорѣлось уже въ-серьезную? Впрочемъ, съ устъ австрійской дипломатіи и теперь не сходили соблазнованія къ участію славянъ и обѣщанія защитить ихъ отъ турецкаго фанатизма впослѣдствіи, въ туманномъ будущемъ, между тѣмъ какъ на дѣлѣ Австро-Венгрія уже выступила союзницей Турціи. Арестъ Любиграча послужилъ яркой иллюстраціей ея двусмысленной политики іудинныхъ лобзаній. Въ то же время въ Безикѣ, у входа въ Дарданеллы, появился англійскій броненосный флотъ, для защиты якобы британскихъ вездѣсущихъ интересовъ, а въ Стамбулѣ, словно бы по чьему-то волшебному мановенію, начался дѣльный рядъ заговоровъ и революцій съ новоявленными турецкими «софтами», послѣдовало предсказанное англійскими корреспондентами изложеніе Абдуль-Азиса, затѣмъ явились на сцену знаменитыя «англійскія ножницы», пресѣкшія жизнь этого неугоднаго Англіи государя; провозглашенъ султаномъ Мурадъ V, но сейчасъ же сочтено нужнымъ объявить его почему-то сумасшедшимъ и запереть въ Чырыганъ, а вмѣсто него провозгласить Абдуль-Гамиду... Новое турецкое правительство, во всемъ послушное англичанамъ, вмѣсто реформъ, начало дѣятельно готовиться къ войнѣ

и, будучи прославляемо хвалебными гимнами французской, австро-венгерской и английской печати, принялось примѣнять свои «просвѣщенные взгляды» въ Болгаріи. Но наконецъ крикъ негодованія раздался въ самой Англіи, когда въ печать ея проникли свѣдѣнія о «болгарскихъ ужасахъ», совершаемыхъ Шефкетъ-пашею, Ахметъ-агою и ихъ сподвижниками. Таковъ-то былъ первый плодъ «европейскаго концерта».

А тѣмъ временемъ народное волненіе въ Сербіи и Черногоріи все росло и росло. Населенія этихъ двухъ княжествъ давно уже едва сдерживали свое сочувствіе къ роднымъ братьямъ Босніи и Герцеговины, побуждавшее броситься къ нимъ на помощь. Евронейская дипломатія настойчиво давила на князей Милана и Николая, предлагая имъ унять крутыми мѣрами «нагію войны». Миланъ разсыпался предъ дипломатами въ самыхъ миролюбивыхъ увѣреніяхъ, а въ то же время долженъ былъ подписывать указы о сборѣ милліи одного призыва вождѣ за другими. Съ каждымъ днемъ правителямъ обоихъ княжествъ становилось все труднѣе сдерживать пылъ своихъ подданныхъ, тѣмъ болѣе, что вопліи обнаружившееся безсиліе «европейскаго концерта», благодаря Англіи, перемигнувшейся съ Вѣной, втайнѣ направляемой, въ свою очередь, изъ Берлина, сдѣлало войну совершенно неизбежною. Растерявшійся Миланъ еще колебался въ ту и другую сторону; Растичъ, призванный имъ къ управленію Сербіей чуть не наканунѣ войны, тоже медлил, потому что у правительства не было ни благоустроенной арміи, ни денегъ. Но горячее сочувствіе къ славянскому дѣлу въ Россіи и, наконецъ, появленіе въ Вѣгградѣ генерала Черняева ускорили рѣшеніе помно дипломатіи. Сербія и Черногорія геройски ринулись въ неравную борьбу со всею силою благоустроенныхъ армій Оттоманской имперіи и стойко выдерживали ее въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Тутъ Англія вскорѣ спохватилась, что неосторожно зажгла пожаръ, который можетъ разлиться слишкомъ далеко, а главное, преждевременно, и на этотъ разъ взяла переговоры въ свои руки. Переговоры эти, впрочемъ, совершенно бесплодно продолжались все время августовскихъ боевъ и даже до самаго боя въ октябрѣ подъ Дюнишемъ и Алексинцемъ. Мысль о новой «конференціи» подала опять же Англія, но Порты не приняла английскихъ предложеній, стараясь лишь выиграть время, и такимъ образомъ новый «европейскій концертъ» опять повисъ на воздухѣ... Минута была самая критическая: Сербія уже въ концѣ изнемогала. Но вотъ, 18-го октября русскій посолъ предъявилъ Портѣ довольно-таки запоздалый ультиматумъ о заключеніи перемирія съ княжествами на два

мѣсяца, требуя отвѣта въ сорокъ восемь часовъ, а черезъ два дня, послѣ того въ Московскомъ Кремлѣ произнесены были царскія слова, высоко поднявшія духъ Россіи и произведшія свое впечатлѣніе на Европу. Выстѣ съ тѣмъ повелѣно было мобилизовать часть русской арміи. Въ Берлинѣ, втихомолку, радостно потирали руки: Россія вела себя совсѣмъ такъ, какъ того втайнѣ хотѣлось Берлину. Но иначе вести себя ей и возможности не было.

Велѣдъ за русскимъ ультиматумомъ, британское правительство возобновило свое предложеніе о конференціи, къ чему присоединилась вдругъ и Австрія, прежде на нее не соглашавшаяся. Причина такой перемѣны со стороны Австріи лежала въ расчетѣ, что послѣ ультиматума, въ случаѣ неудачи конференціи (въ чемъ, впрочемъ, и не сомнѣвались въ Вѣнѣ), для Россіи не оставалось бы иного выхода, кромѣ войны, — а это все, что и было нужно для подпольныхъ вѣнско-берлинскихъ плановъ и махинацій. Конференція означала собою третій актъ «европейскаго концерта». Пока английскій уполномоченный, маркизъ Сольсбери разлѣзжалъ цѣлый мѣсяцъ по европейскимъ дворамъ, да другой мѣсяцъ прошелъ въ «предварительныхъ совѣщаніяхъ» делегатовъ, для установленія программы конференціи, наступилъ срокъ перемирія, а дипломаты еще ни къ какимъ рѣшеніямъ и не приступали. Пришлось перемиріе продолжать и тѣмъ волей-неволей исполнить первое, заявленное еще въ октябрѣ, желаніе Порты, стремившейся болѣе всего выиграть время, чтобы, съ негласною помощью Англіи, лучше подготовиться къ войнѣ. На предварительныя совѣщанія делегатовъ Турціи не была допущена, но ея сторону представляла вполнѣ Австро-Венгрія, дѣлавшая всевозможныя возраженія и старавшаяся сократить и всячески урѣзать программу требованій, которые должны были быть предъявленными Портѣ «концертомъ». Но прежде чѣмъ открылась конференція, въ Берлинѣ озаботились дать заблаговременно понять туркамъ, что изъ нея ничего не выйдетъ, а потому-де бояться и уступать имъ нечего. Ради этого, князь Бисмаркъ произнесъ въ рейхстагѣ свою знаменитую рѣчь, гдѣ хоти и заявилъ о святости дѣла, защищаемого Россіей, и о полной платонической солидарности съ нею Германія, но въ то же время подчеркнул, что Германія, при всей святости и справедливости этого дѣла, останется къ нему равнодушною и не пожертвуетъ ради его костями ни одного померанскаго мушкетера, пока не увидитъ въ немъ прямой для себя пользы. Въ Лондонѣ, еврей д'Израэль, возведенный въ званіе лорда Биконсфильда, еще ранѣе съ парламентской трибуны объявилъ во всеуслышаніе, что «Англія есть ве-

ликая мусульманская держава» и, по его же старанию, парламентомъ былъ присвоенъ королевъ громкій титулъ «императрицы Индіи». Во Франціи, между тѣмъ, одно министерство падало вслѣдъ за другимъ, а что касается Восточнаго вопроса, то въ отношеніи его всѣ французскія политическія партіи оказались замѣчательно единодушными: клерикалы и радикалы, республиканцы, бонапартисты и монархисты съ озлобленіемъ накидывались въ своихъ рѣчахъ и газетахъ на турецкихъ славянъ, осмѣлившихся подняться противъ своихъ законныхъ повелителей. Италія держалась совершенно пассивно и если принимала участіе въ «концертѣ», то развѣ изъ дипломатической вѣжливости. А въ то же самое время Австро-Венгрія приняла вдругъ задорное и гордое положеніе относительно Сербіи, желая своими мелочными придирками терроризовать это маленькое княжество и грозно дать ему почувствовать всю его зависимость не отъ Россіи, а отъ ея австро-мадьярской воли. Въ самой же двуликой монархіи положеніе дѣлъ было такое, что славянская ея половина, за исключеніемъ поляковъ, нравственно тянула вся на сторону балканскихъ славянъ и Россіи, что и выразилось вскорѣ въ грандіозной, всенародной оваціи въ Прагѣ, сдѣланной 1-го января 1877 г. генералу Черняеву народомъ Чешскимъ; другая же половина, мадьярская, въ лицѣ почетной депутаціи нештскихъ аристократовъ и студентовъ, подносила почетную саблю Абдуль-Кериму-пашѣ за отличное избиеніе христіанъ балкано-славянскихъ.

Послѣдніе дни 1876 года были заняты сѣданіями европейской конференціи въ Константинополѣ. Въ самый день ея открытія турки, словно бы на смѣхъ, провозгласили пресловутую шутовскую конституцію Митхада-пашы. Хорошо зная мѣру и должное значеніе «европейскаго концерта», они мастерски дѣлали пробы надъ безмѣрною уступчивостью дипломатіи, а сами тѣмъ временемъ спѣшно готовились къ войнѣ, при широкой и уже открытой матеріальной помощи Англіи. Глядя со стороны, казалось, что константинопольская конференція своимъ безтактнымъ поведеніемъ и уступками какъ будто нарочно задавалась цѣлью раздражить Порту елико возможно болѣе и, въ то же время, дать ей возможность серьезно приготовиться къ военнымъ дѣйствіямъ. Русскій представитель шелъ до крайнихъ предѣловъ миролюбія и уступчивости, на которыя, въ концѣ концовъ, не могли бы не согласиться и сами турки. Казалось, дѣло въ послѣднюю минуту все-таки кончится миромъ. И вотъ въ это-то самое время, къ общему удивленію, представитель Германіи, державшійся до сихъ поръ пассивно, вдругъ, ни съ того ни съ сего, всполошился и сталъ настой-

чиво требовать отъ Порты, чтобы она дала самый скорый и рѣшительный отвѣтъ. Причины такого неожиданнаго и страннаго вольтфаса были объяснены сначала въ англійской, а затѣмъ и во французской печати тѣмъ, что уступчивость, проявленная на конференціи представителемъ Россіи, заставила-де князя Бисмарка опасаться, какъ бы дѣло не кончилось, пожалуй, и взаправду мирнымъ образомъ; опасался же онъ такого исхода потому-де, что никто другой, какъ только онъ же самъ, и желалъ втянуть Россію въ войну съ Турціей. У насъ такому объясненію не придали ровню никакого значенія и отвергли его, какъ совершенно вздорное, не заслуживающее ни малѣйшаго вниманія; газеты мимоходомъ удѣлили ему лишь по краткой замѣткѣ, въ видѣ курьеза. Въ то время у насъ еще твердо вѣровали въ искренность Бисмарка и прочую дружбу Германіи... Какъ бы то ни было, но неожиданное и рѣзкое давленіе на Порту германскаго представителя задѣло за-живое самолюбіе турецкаго правительства и послужило причиной рѣшительнаго отказа его отъ всѣхъ сдѣланныхъ ему предложеній. Такимъ-то образомъ, конференція, — эта недостойная и позорная для Европы комедія, — потерпѣла въ началѣ 1877 г. полное фіаско.

* * *

Въ Россіи, между тѣмъ, вся душа народа была захвачена поднявшеюся на Востокѣ борьбой. Минуты, подобныя пережитымъ нами въ 1876 году, не часто встрѣчаются въ жизни народовъ. Еще въ началѣ герцеговинскаго возстанія, когда мы не задавали себѣ труда вникнуть, кѣмъ и съ какою цѣлью оно подускало, въ наши Славянскіе Комитеты и редакціи русскихъ газетъ стали стекаться нѣкоторые пожертвованія. Весною же 1876 года, когда въ Босніи и Герцеговинѣ возобновились военные дѣйствія восстанцевъ, пожертвованія усилились, а какъ стало извѣстнымъ, что сербскій національный заемъ не удался, раздалось голоса, настаивавшіе на необходимости помѣстить его въ Россіи. Первымъ, наиболѣе могучимъ средствомъ для возбужденія у насъ движенія въ пользу славянъ послужили посланія митрополитовъ Сербскаго и Черногорскаго, которые, черезъ русское духовенство, были доведены до свѣдѣнія народа, — и тогда уже пожертвованія приняла размѣры небывалые. Со всѣхъ сторонъ посыпались и мелкія и крупныя ленты, съ цѣлью доставить сербамъ средства на войну съ турками. Кроме того, въ Сербію отправились по-одиночкѣ нѣсколько офицеровъ, медиковъ и добровольцевъ, въ числѣ которыхъ первымъ былъ генералъ Черняевъ. Этотъ отъѣздъ человека, стяжавшаго себѣ лавры въ войнѣ съ мусульманами въ Средней Азій, произвелъ самое радостное впечатлѣніе во всемъ русскомъ обществѣ и примирилъ съ

нимъ искренно многихъ его политическихъ противниковъ. Можно сказать, что вся Россія напутствовала Чернылева самыми задухновенными благословеніями. За нимъ пошли и другіе, — и, такимъ образомъ, славянское дѣло, благодаря этимъ личнымъ узамъ, сдѣлалось роднымъ русскимъ дѣломъ. Чувство милосердія и живая вѣра были чистымъ источникомъ движенія, могучею волной охватившаго русскій народъ и подвигшаго его на помощь страдающимъ братьямъ его во Христѣ, — движенія, не только поразившаго иностранцевъ, но смутившаго многихъ и въ самой Россіи своею чисто стихійною неожиданностію.

Въ Англіи, одновременно съ этимъ, созидались «митинги негодованія» и «митинги сочувствія», происходились пылкія рѣчи, — ничего подобнаго у насъ не было. Хотя тамъ собирались даже кое-гдѣ и маленькія пожертвованія въ пользу славянъ, но при этомъ, преимущественно платоническомъ, сочувствіи нѣкоторой части англійскаго общества, сила дѣйствія была на сторонѣ противной, откуда раздавались яростныя осужденія христіанъ въ ихъ борьбѣ съ притѣснителями. Нѣкоторые духовныя лица англиканской церкви не только въ журналахъ, но и со своихъ кафедръ превозносили исламъ, англійскіе офицеры подвизались въ рядахъ турецкихъ войскъ вмѣстѣ съ мадьярами и поляками, герцогъ Садерландскій основалъ комитетъ для пособія нуждамъ оттоманской арміи... Сочувствіе христіанамъ въ этой «великой мусульманской державѣ» было только на словахъ; содѣйствіе же туркамъ широко осуществлялось на дѣлѣ и притомъ организовано было отличнѣйшимъ образомъ. Русская помощь христіанамъ, напротивъ, не имѣла строгой и стройной организаціи. По свидѣтельству чловѣка, стоявшаго, можно сказать, въ центрѣ народнаго движенія этой эпохи, — «когда сербскія войска испытали первую неудачу, когда на почву возбужденнаго народнаго сочувствія пала первая капля русской крови, когда совершился первый подвигъ любви и принеслась первая чистая жертва во имя Россіи отъ русскаго за вѣру и братьевъ, тогда дрогнула совѣсть всей Русской землѣ... Извѣстіе о смерти Кирѣва, перваго русскаго, павшаго въ этой войнѣ, разомъ дивнуло сотни охотниковъ, да и впоследствии этотъ фактъ постоянно повторялся: стояло только огласиться новымъ смертямъ въ средѣ русскихъ добровольцевъ, — на мѣсто каждаго умершаго являлась десять живыхъ, съ готовностію заступать его мѣсто. Смерть не отпугивала, а какъ бы привлекала». — Что же заставляло идти на смерть этихъ простыхъ людей, которые «со смиренною настоячивостію, какъ бы испрашивая милости, со слезами, на колѣняхъ молили объ отправленіи ихъ на поле битвы?» — «Не корысть, не личная выгода, а высокое въ

своемъ смиреніи чувство. Ихъ предвѣждали о суровости предстоящаго жребія, и получали въ отвѣтъ: «Положилъ себѣ помереть за вѣру», «сердце кипитъ», «не терпится», «хочу послужить нашимъ», «нашихъ быть», «къ нашимъ, за одно постоятъ», — вотъ краткіе отвѣты, звучавшіе спокойною искренностію и такою душевною простотою, въ которой слышалась неодолимая мощь. Чувствовалось, что передъ вами, въ смиренномъ обликѣ, безъ горделивой самодовольной осанки, стояли герои, — скажу больше: люди того закала, изъ какого выходили мученики первыхъ временъ христіанства. Да, намъ приходилось сподобиться узрѣть самоё душу народную?...⁴⁾ Другой крупный дѣятель эпохи, М. Н. Катковъ, прямо высказывалъ, что «будь малѣйшее руководство со стороны правительства, малѣйшее пособіе государственной организаціи, этою силой народнаго чувства можно было бы совершить дѣла великія». Но правительство наше, оставаясь вѣрно своимъ международнымъ обязательствамъ, не принимало никакого участія въ направленіи добровольнаго движенія русскихъ людей на личные жертвы. Оно только не препятствовало ему, — по убѣжденію однихъ, — потому что никто же не могъ ожидать, чтобы русское правительство, единое со своимъ народомъ, шло противъ лучшихъ и святѣйшихъ его стремленій; по объясненію же другихъ, — потому что въ этомъ движеніи оно будто-бы усматривало удобную возможность пособить изъ Россіи не мало, такъ называемыхъ, безпокойныхъ, шатающихся и пролетарныхъ элементовъ, какъ и вообще дать выходъ или открыть клапанъ, съ одной стороны — для народнаго воодушевленія, а съ другой — для накопившихся, будто-бы, внутри Россіи опасныхъ политическихъ газовъ. Но эти послѣдніе газы, какъ увидимъ ниже, вовсе и не помыслили воспользоваться открытымъ для нихъ клапаномъ: дома имъ казалось «вольготнѣе». Какъ бы то ни было, правительство осталось во всемъ этомъ движеніи въ сторонѣ, предоставивъ инициативу и направленіе его самому обществу. — И вотъ, немногимъ людямъ изъ общественной среды, людямъ вовсе къ тому не готовившимся, пришлось волей-неволей исправлять обязанности интендантства, комисарства, инспекторскаго департамента, военно-медицинскаго и артиллерійскаго вѣдомствъ. Все это носило на себѣ печать чистой случайности и руководствовалось однимъ лишь великимъ, всезахватывающимъ чувствомъ увлеченія братскою помощію, и такимъ образомъ возникло то удивительное безпримѣрное явленіе, что война противъ обширной имперіи велась добровольными усиліями, на частныя средства, собираемыя жертво-

⁴⁾ И. С. Аксаковъ. Рѣчь въ засѣданіи Моск. Славянск. Комитета 24-го октября 1876 г.

ваніями, безъ всякой организаціи. Но въ этой неподготовленности движенію, по мнѣнію Каткова, «была его внутренняя сила, свидѣтельствующая о его неподдѣльности и чистотѣ». Наконецъ, нравственный подъемъ народнаго духа въ этомъ направленіи достигъ такой высоты и напряженности, что правительство увидѣло себя въ необходимости, быть можетъ, и противъ собственнаго желанія, идти съ нимъ душа въ душу, рука объ руку. Знаменательныя слова, произнесенныя 20-го октября въ Кремлевскомъ дворцѣ, вызвали единодушный откликъ всей Русской земли, сказавшійся съ неудержимою силой. Возвѣщенная вслѣдъ за тѣмъ мобилизація была встрѣчена всѣми съ живѣйшею радостію. О трудностяхъ и финансовыхъ средствахъ въ увлекшемся обществѣ какъ-то не думалось, о неготовности нашей къ войнѣ почти и совсѣмъ забывалось. А между тѣмъ, армія наша, съ недавнимъ введеніемъ всеобщей воинской повинности, именно въ эту самую эпоху находилась еще въ переходномъ состояніи: въ ней не было ни достаточнаго озова, ни даже односистемнаго вооруженія, не говоря уже, что то, какое было, во всѣхъ отношеніяхъ далеко уступало турецкому; наши желѣзныя дороги вовсе не были приспособлены къ военнымъ цѣлямъ, и большая часть ихъ построена въ одинъ путь; притомъ мобилизація происходила уже въ зимнее время, когда движеніе по дорогамъ и безъ того замедлялось снѣжными завосами. Но подъемъ всѣхъ силъ народнаго духа былъ таковъ, что и невозможное становилось и достижимымъ, и легкимъ,—все казалось ни по чемъ! Несмотря на массу трудностей и помѣхъ, мобилизація движущихъ частей войскъ совершилась исправно въ двѣ недѣли, хотя одновременно съ нею пришлось передвигать громадныя транспорты для вооруженій нашихъ черноморскихъ, совершенно открытыхъ портовъ и для снабженія всѣмъ необходимымъ военнымъ корпусовъ, стягивавшихся къ нашимъ бессарабскимъ и закавказскимъ границамъ.

* *

Въ это-то время, 6-го декабря 1876 года, въ Петербургѣ совершенно неожиданно разыгралась извѣстная демонстрація на Казанской площади. Казанскій соборъ, по случаю праздника, за обѣдней былъ полонъ молящимися, среди которыхъ рѣзко кидалась въ глаза, по своей внѣшности и непрличному поведенію, толпа челоѣкъ до трехсотъ молодыхъ людей обоего пола. Судя по рубашамъ-косовороткамъ, штанинамъ, зашученнымъ въ высокіе сапоги, пледамъ, накинутымъ на короткія пальтинки, очкамъ, лохматымъ шевелюрамъ мужчинъ и стриженнымъ волосамъ женщинъ, присутствовавшіе богомольцы не затруднились сразу же отнести ихъ къ числу «студентовъ» и вообще «учащихся». Они стояли, разбившись на кучки,

составлявшія однако довольно замѣтную однородную массу въ самомъ центрѣ храма, шептались, пересмѣивались, дѣлали у себя въ записныхъ книжкахъ какія-то замѣтки, переходили съ мѣста на мѣсто, какъ будто о чемъ-то оговаривались. Когда соборный вахтеръ, по настоянію нѣкоторыхъ прихожанъ, спросилъ одного изъ молодыхъ людей о цѣли ихъ прихода въ соборъ, ему грубо отвѣтили: «Не твое дѣло!» По окончаніи обѣдни, депутація отъ этой молодежи обратилась къ причту съ заказомъ панихиды по убитымъ въ Сербіи, а когда ей было въ томъ отказано, подъ предлогомъ «царскаго дня», то она пожелала отслужить молебенъ о здравіи политическихъ ссыльныхъ и арестованныхъ. Но служба ограничилась, какъ и всегда, однимъ только общимъ молебномъ, по окончаніи котораго демонстранты густою толпою довольно шумно двинулись вонъ изъ храма, на площадь. Здѣсь, изъ среды этой толпы выступилъ какой-то высокій блондинъ, снявъ шапку и началъ громко говорить, горячася и размахивая руками. Остальные образовали около него тѣсный кругъ. Удивленные этимъ зрѣлищемъ богомольцы и посторонняя, проходящая публика, недоумѣвая, стояли поодаль,—кто въ портикъ храма, кто на ступеняхъ лѣстницы и на самой площади. Блондинъ во всеуслышаніе разглагольствовалъ о несправедливостяхъ и гнетѣ правительства, о сылкахъ все «лучшихъ людей», каковы Чернышевскій, Долгушинъ, Нечаевъ и другіе, и сожалѣлъ, что, благодаря такимъ возмутительнымъ мѣрамъ, революціонное дѣло въ Россіи торпозится, тогда какъ Чернышевскій, не будь онъ сосланъ, одинъ могъ бы подвинуть его на нѣсколько лѣтъ впередъ, что эти-де «лучшіе люди» пострадали «за народъ», у котораго правительство отнимаетъ послѣднюю корову и курицу. Рѣчь была окончена при громкихъ крикахъ «браво!» «живіо!» и аплодисментахъ столпившейся вокругъ говоруна молодежи. Въ тотъ же моментъ былъ выкинутъ надъ этою толпою красный флагъ съ бѣлою на немъ надписью «Земля и Воля», но такъ какъ онъ былъ не на древкѣ и взлетѣлъ комкомъ, то шумливая толпа подняла и подбрасывала нѣсколько разъ какого-то парнишку въ полушубкѣ, который, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ развернутымъ въ обѣихъ рукахъ. Эта выходка сопровождалась бросаніемъ въ воздухъ шапокъ и криками «ура!» «живіо!» «vivat Compagna, regeat policia!» Нѣсколько, прибѣжавшихъ на мѣсто полицейскихъ чиновъ были встрѣчены ударами кулаковъ, палокъ и кастетовъ въ голову, сбиты съ ногъ, притиснуты къ землѣ и топтаны каблуками. Видя, что полиція уже извѣстилась о происшествіи, и слыша учащенные призывные свистки поспѣвавшихъ къ мѣсту дѣйствія городскихъ, въ толпѣ демонстрантовъ одни стали кричать:

«Расходи́сь по дома́м! Довольно!» и призыву этому немедленно послѣдовало болѣе половины всей толпы; другіе же зывали: «Братцы! Идите плотнѣе! Не расходитесь! Кто подойдетъ къ намъ, тотъ уйдетъ безъ головы!» — Этотъ послѣдній призывъ, сочувственно принятый всѣми оставшимися, въ числѣ до полутора ста человекъ, выдвинулъ впередъ молодую дѣвушку, рыжую блондинку семитического типа, съ растрепавшимися косами, которая, сильно жестикулируя, кричала съ явнымъ еврейскимъ акцентомъ: «Впередъ!.. За мною!» и вела всю толпу по направленію къ памятнику Кутузова. Когда же подошли сюда нѣсколько новыхъ городскихъ съ околodочнымъ надзирателемъ, дѣвица эта съ яростію накинулась на послѣдняго, впѣпилась ему въ лицо и начала бить по немъ кулакомъ. Толпа не отстала отъ своей вожачки и снова принялась въ кровь избивать ничтожную горсть полицейскихъ. Женщины при этомъ отличались наибольшимъ остервененіемъ въ дракѣ и цинизмомъ своихъ площадныхъ ругательствъ. Только тутъ случайная публика, смотрѣвшая до этого на происшествіе съ пассивнымъ недоумѣніемъ, вступилась за полицейскихъ чиновъ и начала помогать имъ и сама забирать драчуновъ, которыхъ и отводила въ мѣстный полицейскій участокъ. Тогда уже толпа бунтарей, не довольствуясь избиеніемъ городскихъ, вступила въ драку и съ публикой, и не только съ помогавшей полицией, но и съ посторонней. Избили у памятника какого-то случайно подвернувагося старика, избили чьего-то кучера, переходившаго черезъ площадь, избили чуть не до полусмерти одного изъ носильщиковъ, а одна кучка, десятка въ два человекъ, вдругъ бросилась бить совершенно постороннихъ, безучастно стоявшихъ зрителей, пыталась проложить себѣ сквозъ ихъ живую стѣну дорогу на уголъ Невского. Нѣкоторые, совершенно ошалѣвъ отъ собственного озорства, выскакивали изъ толпы и просто зря накидывались съ кулаками на публику—«по мордѣ бить». Поэтому публика задерживала преимущественно драчуновъ подобнаго сорта, тогда какъ болѣе осторожные или трусливые изъ демонстрантовъ,—а такихъ и въ этой оставшейся толпѣ было большинство, — видя, что сочувствіе общества и сила не на ихъ сторонѣ, спѣшили бросать на произволъ судьбы своихъ зарвавшихся азартныхъ сообщниковъ и разбѣгались въ разные стороны, такъ что предъ судомъ изъ трехсотенной (вначалѣ) толпы, предстало всего лишь двадцать обвиняемыхъ. Юная Мегера, кричавшая въ расхлестанномъ видѣ «впередъ за мною!» оказалась еврейкою Фейгой Шефтель, «готовящеюся» на женскіе медицинскіе курсы. Эта «благородная еврейская дѣвица», вмѣстѣ съ другими забравшими дѣвками, на ходу царапалась ногтями, таскала за волосы

и хлестала по щекамъ людей, ведшихъ всю ихъ компанію въ участокъ. Впрочемъ, приказчики съ Милютина двора, вмѣстѣ съ домовниками, извозчиками и носильщиками Казанской артели порядкомъ-таки и въ свой чередъ «поучили» демонстрантовъ и демонстрантокъ, попадавшихъ къ нимъ въ руки. Арестованныхъ приводили въ участокъ болынею частію постороннія лица, изъ публики. Какъ на площади, такъ и на Малой Конюшенной улицѣ, и въ сѣняхъ самаго участка были находимы каскеты, гирьки, ножи и револьверы, брошенные арестованными. Одинъ изъ послѣднихъ, уже въ участкѣ, пытался-было даже застрѣлить изъ револьвера полицейскаго сторожа, которому было приказано обыскать его.

Демонстрація 6-го декабря, изумившая рѣшительно всѣхъ не только своею неожиданностію, но главнымъ образомъ—совершенною дисгармоніей съ господствовавшимъ тогда настроеніемъ русскаго общества, замѣчательна тѣмъ, что это была демонстрація по преимуществу польско-жидовская,—обстоятельство, мало обратившее на себя вниманіе въ то время, но тѣмъ не менѣе, весьма вѣское и характерное. Еврейская «учащаяся» и «протестующая» молодежь принимала въ этомъ дѣлѣ наиболѣе дѣятельное участіе. Въ прежнихъ политическихъ процессахъ еврейскія имена мелькали въ одиночку, спорадически, а здѣсь они всплыли вдругъ цѣлою группой. Участіе евреевъ удостовѣрено и совершенно точно установлено было и на судѣ нѣсколькими свидѣтельскими показаніями, изъ которыхъ въ особенности характерно показаніе почтеннаго купца Гукова, еще въ соборѣ обратившаго вниманіе на непристойное поведеніе окружавшихъ его кучекъ и на то, что никто изъ этихъ лицъ не крестится. — «Я осмотрѣлся, говорить онъ, и вижу, что тутъ все не русскіе типы, а болышею частію польскіе и еврейскіе». Другіе удостовѣряли, что слышали среди этихъ кучекъ разговоры на польскомъ языкѣ и жидовскомъ жаргонѣ. Замѣчательно также, что и въ другомъ, почти одновременномъ съ этимъ, политическомъ процессѣ «ходебщиковъ въ народъ», раскинувшихъ свою сѣть, съ цѣлью пропаганды среди рабочаго класса, по губерніямъ Владимирской и Саратовской и въ городахъ: Тулѣ, Кіевѣ и Одессѣ, наиболѣе дѣятельную роль играли инородческіе элементы. Среди этихъ «ходебщиковъ» и устроителей «фиктивныхъ браковъ» такъ и кидаются въ глаза армянскія, грузинскія и еврейскія фамилии разныхъ Кардашевыхъ, Чекоидзе, Кикодзе, Гамкрелидзе, Джабадари, князя Цицанова, княгини Тумановой, Гесса Гельфманъ, m-ле Фигнеръ, Молодецкого и проч.

Хотя главная масса «учащихся» еврейчиковъ, фигурировавшихъ на Казанской площади, успѣла, изъ присущаго этой расѣ истинята

чуткаго самохраненія, благополучно ускользнуть равнѣ, чѣмъ публика стала хватать и арестовывать драчуновъ, тѣмъ не менѣе. изъ числа находившихся тамъ, были привлечены къ дознанію Янкель Гуровичъ, студентъ медико-хирургической академіи, Хаймъ Новаковский, саножникъ, съ женою своею Софіей, студенты: Виленецъ, Бибергаль, Геллеръ, Гervasъ, еврейки: Фейга Шефтель, Копилевичъ и друг., причемъ удостовѣрено свидѣтелями, что наиболѣе кипятились, лѣзли въ драку и наносили удары волиція и публикѣ Шефтель, Новаковский и Бибергаль. Изъ показаній всѣхъ этихъ евреевъ и евреекъ на судѣ выяснилось, что между ними еще за мѣсяцъ до демонстраціи ходили слухи, что устраивается-де панихида въ Исаакіевскомъ или Казанскомъ соборѣ по убитымъ въ Сербіи и «о славянахъ вообще», что при этомъ будетъ устроена большая процессія съ цѣлю требовать отъ правительства объявленія войны, что въ панихидѣ и процессіи будутъ участвовать не одна «учащаяся молодежь», но и люди солидные, профессора и военные, и всѣ-де они будутъ требовать войны, и, наконецъ, что главнымъ центромъ всѣхъ агитационныхъ слуховъ и толковъ этого рода служила «Студенческая кухмистерская». Тутъ съ полною очевидностію сказалось стремленіе еврейскихъ агитаторовъ связать чисто русское народное дѣло братской помощи Восточнымъ христианамъ съ революціонномъ дѣломъ «Земли и Воли», и замѣчательно, что нѣкоторые иностранные органы, во главѣ съ «Journal des Debats» въ Парижѣ и «Narb» въ Пештѣ, имѣвшіе надобность чернить русское движеніе въ пользу турецкихъ христіанъ, грозившіе революціонными послѣдствіями его для самой Россіи, внушавшіе русскому правительству, что революціонные комитеты панславистское движеніе, будто-бы, одно и то же, — органы эти точно такъ же знали впередъ о готовившейся демонстраціи и предсказывали ее еще за мѣсяцъ. Слѣдствіе и судъ, по замѣчанію Каткова, «повидному, не имѣли намѣренія доходить до корней этого дѣла и ограничились, какъ всегда, наличностію: оборваны попавшіеся въ руки гнилые сучья, а пенъ оставленъ въ покоѣ, но и изъ тѣхъ давнихъ, которые раскрылись на судѣ, достаточно выяснилось политическое значеніе гадкаго фарса». Направляющія нити этой жидовской демонстраціи, очевидно, протягивались сюда изъ-за границы, гдѣ расчетъ двойной игры былъ ясенъ: если испугается русское правительство движенія, охватившаго его народъ, и отступится отъ славянскаго дѣла, — оно станетъ крайне непопулярно, антипатично у себя дома, а престижъ Россіи въ славянствѣ и вѣра въ нее на всемъ христіанскомъ Востокѣ будутъ на долго, если не на всегда подорваны и чрезъ это расчистится дорога на Балканскій полуостровъ ея соперни-

камъ; если же это правительство очертя голову ринется въ войну, — тѣмъ лучше; война существенно ослабитъ боевыя и финансовыя силы Россіи, лишитъ ее на нѣкоторое время свободы дѣйствій и дастъ громадные заработки европейскимъ, особенно германскимъ, биржамъ и тому же еврейству, поставивъ русскія финансы въ рабскую зависимость отъ разныхъ Влейхредеровъ et consorts.

Вообще, евреи были за войну, въ особенности наши, предвидя въ ней счастливую для себя возможность великопипныхъ, грандіозныхъ гешефтовъ. Во многихъ синагогахъ раздавались высокопарныя рѣчи казенныхъ и иныхъ раввиновъ, призывавшія «русскихъ евреевъ» быть въ готовности къ услугамъ «отечества» и правительства; въ штабъ дѣйствующей арміи и другія правительственныя учрежденія сыпались проекты разныхъ «выгодныхъ» предложеній и «патріотическихъ» изобрѣтеній въ родѣ греческаго огня изъ Бердичева, подводныхъ лодокъ изъ Шклова, мышелодокъ для турецкихъ часовыхъ, неуываемаго сѣна и неистощимыхъ консервовъ для арміи, и т. п. Болѣе крупные евреи, въ родѣ «генераловъ» Поляковыхъ и Варшавскихъ, дѣлали даже «безкорыстныя пожертвованія и всѣ вообще тѣлились заявлять себя «балснущими патріотами». Для полноты этой картины, слѣдуетъ прибавить, что въ газетѣ «Русскій Міръ», считавшейся органомъ генерала Черняева и потому имѣвшей тогда весьма крупное значеніе въ Славянскомъ вопросѣ, самыя бойкія и остроумныя критики на дѣйствія тогдашней дипломатіи, самыя горячія статьи по Восточному вопросу, самыя патріотическія lamentаціи и мусированіе «активной политики», равно какъ и самыя пламенные воззванія въ защиту «братій-славянъ», принадлежали — по странной случайности, или нѣтъ, — перу публициста-еврея, нынѣ пользующагося почетною извѣстностію въ лагерѣ мумій доктринерскаго либерализма. Это, впрочемъ, доказываетъ только ту истину, что у каждаго изъ насъ есть свой особенный «еврейчикъ», котораго мы прикармливаемъ и увѣряемъ своихъ друзей, будто онъ не такой, какъ всѣ остальные.

Во всякомъ случаѣ, одинъ изъ расчетовъ двойной игры Запада, въ союзѣ съ жидовствомъ, оправдался. Отступать Россіи было уже поздно, да и некуда, — и 12-го апрѣля 1877 года война была объявлена. Но выжидательное положеніе наше, — это, такъ называемое, «Кишиневское сидѣнье», въ теченіе почти полугода, съ объявленія мобилизаціи до манифеста 12-го апрѣля, уже само по себѣ стоило хорошей войны, не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи: оно и нравственно составляло для Россіи весьма тяжелую жертву, вынужденную двоедушіемъ тѣхъ, съ кѣмъ ей пришлось дѣйствовать на константинопольской конференціи какъ-

будто за-одно, тогда какъ этимъ quasi-дружнымъ собраніемъ, въ сущности, и была поставлена Россія въ неизвѣстность — противъ кого изъ нихъ, въ концѣ концовъ, можетъ быть, придется ей сражаться?

Такова-то была отместка намъ за неожиданное заступничество наше въ 1875 году за Францію.

* * *

Энергичная и разносторонняя, но направленная къ одной общей цѣли, дѣятельность кипѣла не только въ Кишиневѣ, но и по всей Россіи, особенно же въ Москвѣ и Петербургѣ. Во дворцахъ, подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ августѣйшихъ учредительницъ, открывались общедоступныя добротныя мастерскія, гдѣ шилось на машинахъ бѣлье для раненыхъ и госпиталей; устраивались запасные склады госпитальныхъ принадлежностей; въ городахъ Имперіи учреждались на городскія и добротныя сборныя средства и пожертвованія приюты, питательныя и санитарныя пункты для раненыхъ и больныхъ воиновъ; по всѣмъ церквамъ ежедневно собиралась лешта ради тѣхъ же страдальцевъ; общество Краснаго Креста проявляло наибольшую дѣятельность. — Въмѣстѣ съ особами императорской фамиліи, оно снаряжало цѣлыя санитарныя поѣзда, обставленные всѣми удобствами; учреждало подвижныя лазареты; безпрестанно высылало на театръ войны своихъ уполномоченныхъ съ громадными транспортомъ медицинскихъ, хирургическихъ, санитарныхъ, перевозочныхъ средствъ и питательныхъ продуктовъ; партію за партіей, отправляло туда же хирурговъ, медиковъ, фельдшеровъ и фельдшерницъ, братьевъ и сестеръ милосердія. Не было того уголка Россіи, даже въ самыхъ отдаленнѣйшихъ мѣстностяхъ, гдѣ не была бы организована сильная помощь Красному Кресту добротными мѣстными средствами.

Сестры Божоявленской общины, въ числѣ прочихъ, тоже готовились къ отъѣзду въ Румынію, а затѣмъ—куда Богъ приведетъ и надобность укажетъ. Военные хирурги и профессоръ медицинской академіи читали имъ доступныя лекціи для предварительнаго ознакомленія ихъ съ уходомъ за ранеными, съ приемами наложенія и снятія лубковъ и повязокъ и т. п. Для этого были назначены сестрамъ шестинедѣльный курсъ обученія, вслѣдъ за которымъ слѣдовало испытаніе ихъ знаній и способности къ дѣлу.

Тамарѣ, въ виду предстоящаго отъѣзда всей общины, въ полномъ ея составѣ, некуда было дѣваться, да и совѣстно было устранять себя отъ общаго труда, и она тѣмъ охотнѣе просила взять и ее «на войну», въ качествѣ сестры, что всѣ эти мѣсяцы о Каржолѣ не было ни слуху, ни духу.

Въ началѣ мая мѣсяца, всѣ Божоявленскія

сестры со своею начальницей были привезены во дворецъ и представлены ихъ высокою покровительницей государинѣ императрицѣ въ прощальной аудіенціи. Каждая изъ нихъ была облачена высочайшимъ вниманіемъ и получила изъ рукъ государыни по образку, въ видѣ благословенія. Напутствуемая на вокзалѣ многотысячною толпою народа, снявшаго шапки и провожавшаго ихъ громогласнымъ пѣніемъ «Спаси, Господи, люди Твоя», сестры двинулись въ путь въ особомъ санитарномъ поѣздѣ въ сопровожденіи особаго уполномоченнаго отъ Краснаго Креста. Всѣ онѣ бодро и радостно, со смиреніемъ и вѣрою, шли на предстоящій имъ тяжелый, самоотверженный подвигъ.

Х.

Подъ самымъ преданнымъ надзоромъ.

Послѣ своей несчастной свадьбы, разбитый и нравственно, и физически, Каржолъ на другой же день утромъ почти черезъ силу уѣхалъ изъ Кохма-Богословска къ себѣ на заводъ и засѣлъ тамъ, какъ байбакъ въ норѣ, въ своей «комнатѣ для пріѣздовъ», рядомъ съ конторой, никого не желая видѣть и никуда не показываясь. Онъ былъ сильно потрясенъ и сконфуженъ всѣмъ случившимся и не зналъ пока, что ему дѣлать, какъ быть и какъ держать себя по отношенію къ разнымъ городскимъ и уѣзднымъ дѣльцамъ, съ которыми у него существовали дѣловыя и коммерческія сношенія по заводу? Какъ они всѣ отнесутся къ случившемуся съ нимъ казусу, и какую роль по отношенію къ этому казусу было бы всего приличнѣе принять ему на себя передъ ними?.. Состояніе его духа становилось тѣмъ угнетеннѣе, что у него не было ни одного сердечно близкаго къ нему человѣка, съ которымъ можно бы подѣлиться своимъ горемъ, отвести душу, посоветоваться.

Всю эту, страшную надъ нимъ иронію судьбы и всѣ муки собственнаго раздавленнаго самолюбія и порвавшихся надеждъ онъ долженъ былъ одиноко переживать и перерабатывать въ себѣ самомъ, не видя пока никакого просвѣта и возможности вернуть потерянное или поправить порванное хотя бы въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Въ такомъ состояніи духа ему хотѣлось бы куда-нибудь забиться подалеже отъ людей и жизни, чтобы ничего не знать, никого не видѣть, ни о чемъ не слышать и поскорѣе забыть о всѣхъ и обо всемъ и чтобы о немъ тоже всѣ позабыли. Въ первые дни въ особенности онъ чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ человѣкомъ, жестоко и безпричинно обиженнымъ и оскорбленнымъ какою-то глупою, роковою судьбой. Въ городъ его не тянуло болѣе,—тамъ всѣ и вся стали ему какъ-то про-

тивны, и все преувеличенно казалось, что не только знакомые, но каждый встречный уличный мальчишка, каждая торговка базарная непременно должны знать и перетряхивать всю подноготную о его свадьбѣ, заниматься его особой и издѣваться надъ нимъ; а ужъ о встрѣчѣ съ Закалатовымъ или Сычуговымъ нечего и говорить. Одно воспоминаніе объ ихъ противныхъ, самодовольныхъ рожахъ корбило его нервы и будило въ немъ желчь. Что же до эмансипированной бойкой судышки, то ее онъ просто возненавидѣлъ, такъ какъ она всѣхъ больше царапала его самолюбіе на свадьбѣ и, будучи ему столь близко, вдругъ такъ легко, съ такимъ безсердечнымъ равнодушіемъ повернула свой фартъ въ противную сторону, сразу предоставивъ себя въ распоряженіе прежняго своего «друга». Это ужъ, въ самомъ дѣлѣ, чертучуръ было обидно и больно для самолюбія графа. Не то, чтобы онъ ревновалъ ее, но досадно было ему сознавать, какъ безповоротно шлепнуто въ ее глаза его достоинство и какъ онъ долженъ казаться ей теперь самымъ смѣшнымъ и жалкимъ «мужичкой»,—онъ, такой элегантнѣй, блестящій джентльменъ, избалованный поклоненіемъ женщинъ, одну улыбку котораго эта захохотавшая львица должна была бы считать за величайшую для себя честь и счастье. Презливно желая уйти отъ всего этого кохма-богословскаго міра и его атмосферы, пропитанной «хозяйскимъ клубомъ», Сычуговыми и Закалатовыми, графъ даже приказалъ камердинеру сдать свою городскую квартиру и переехать съ чемоданами и датскимъ догомъ на заводъ,—пускай-де ничто не напоминаетъ о немъ въ этомъ противномъ городѣ! Долгое время онъ рѣшительно не хотѣлъ видѣть никого посторонняго, кромѣ своихъ рабочихъ и служащихъ при заводѣ. Каждый новый посѣтитель, въ родѣ становаго, волостного старшины или приходскаго батюшки, невольно заставляя его какъ-то стѣсываться внутренно и глядѣть на гостя подозрительными глазами,—ужъ не пожаловалъ ли, молъ, и ты полюбоваться, каковъ я сталъ послѣ скандала?

Впрочемъ въ замкнутомъ одиночествѣ Каржолы оказалась со-временемъ и своя цѣлительная сторона. Оно скорѣе, чѣмъ въ городѣ, съ его сутолокой и сплетнями, помогло ему придти въ себя и успокоиться. Здѣсь онъ чувствовалъ себя, какъ говорится, «на лонѣ природы», куда не доходили до него никакіе раздражающіе слухи и вѣсти, такъ что, съ теченіемъ времени, мало-по-малу улеглось въ немъ и это чувство подозрительной недовѣрчивости къ постороннимъ посѣтителямъ. Но бѣда въ томъ, что, вмѣстѣ съ этимъ успокоеніемъ, Каржоль сталъ какъ-то апатично равнодушенъ ко всему—и къ дѣлу, и къ людямъ. Не только въ «чужое мѣсто» не таянуло его болѣе, но и въ заводскія помѣщенія сталъ онъ заглядывать все рѣже и рѣже;

конторскія книги тоже подолгу не провѣрялись имъ и вообще все дѣло, несмотря на его личное присутствіе, велось спустя рукава и шло черезъ пень въ колоду. Компаніонъ Гусятниковъ пропадалъ въ Москвѣ у Ермолая да въ Грузинахъ съ цыганками и въ послѣдніе мѣсяцы ни разу даже не заглянулъ на заводъ, словно бы его не существовало; на письма и телеграммы по цѣлымъ недѣлямъ не получалось отъ него отвѣта, и Каржоль понималъ, что дѣло такъ продолжаться не можетъ. Въ началѣ ему казалось даже очень удобнымъ такое безпутство его денежнаго компаніона, такъ какъ онъ надѣялся, поставивъ заводъ на ноги, взять его со-временемъ за себя одного на льготныхъ условіяхъ; но на практикѣ оказалось совсѣмъ иначе. Не будучи самъ специалистомъ дѣла, графъ мало-по-малу очутился въ рукахъ своего техника и мастеровъ и чувствовалъ, что они обстоятельно надуютъ его; но какъ провѣрить и улучшить ихъ,—на это не было у него ни сноровки, ни знанія. Да и самъ онъ потерялъ теперь всякій «смакъ» къ этому дѣлу. Оно не интересовало его болѣе, потому что послѣ подневольной женитьбы—какой смыслъ оставался для него въ работѣ, долженствовавшей, по первоначальному плану, дать ему капиталъ на выкупъ документовъ у Бендавида и средства на процесъ за милліонное наслѣдство Тамары, тотчасъ же вслѣдъ за бракомъ съ нею! Всѣ эти планы разрушились, стало быть, что же? Оставаться всю жизнь чѣмъ-то въ родѣ старшаго приказчика у господина Гусятникова?—Но пока ничего другого, даже и въ отдаленной перспективѣ, не представлялось Каржолѣ. Жилъ онъ теперь такъ, что день да ночь, сутки прочъ—и слава Богу, жилъ, стараясь не думать о будущемъ и ничего больше не желая и не ожидая отъ жизни. Такъ, по крайней мѣрѣ, самому ему казалось въ то время. Онъ, видимо, началъ опускаться и даже о собственной наружности и костюмѣ не заботился болѣе.

Мордка Олейникъ одно время совсѣмъ было потерялъ его изъ виду и ничего не могъ корреспондировать въ Украинскъ дядюшкѣ Блудштейну, кромѣ того, что живетъ-де Каржоль, какъ слышно, на заводѣ, нигде не показывается и что такое тамъ дѣлается,—неизвѣстно. Но для Блудштейна вопросъ о томъ, что именно графъ дѣлаетъ, и былъ всего интереснѣе. Оставилъ ли онъ окончательно свои намѣренія насчетъ Тамары? Не затѣваетъ ли втихомолку опять какую-нибудь каверзу? Можетъ, онъ, и безъ женитьбы на ней, подусѣкаетъ ее покать судомъ своихъ правъ и капиталовъ и станетъ тайкомъ помогать ей? Хотя и трудно допустить, чтобы такая штука удалась ему, но—какъ знать, чего не знаешь?.. Осторожность не мѣшаетъ, наблюдение, до поры до времени, все еще необходимо.—Въ силу такихъ сообра-

жевий дядюшки Блудштейна и его новых инструкторов, Мордка Олейникъ, въ одно ноябрьское утро явился вдругъ на заводъ къ Каржолу, съ которымъ до тѣхъ поръ лично совсѣмъ даже не былъ знакомъ, и сразу попросилъ у него для себя мѣсто приказчика, или иное какое, — на что милость его графская будетъ, — «абы только хлѣба кусочекъ кушать». Тотъ объявилъ ему, что мѣсто свободныхъ нѣтъ и что вообще безъ залога онъ на мѣста по заводу никого не принимаетъ.

— Но и каково таково залогъ?!.. И на что вамъ залогъ?! Я самъ за себя буду залогъ, — возражалъ ему Мордка. — И мѣста же у васъ не казенныя, — абы только воля ваша была, а мѣсто для бѣднаго человѣка всегда сдѣлать можете... А можетъ, я вамъ буду еще очень даже полезный, затова что я все знаю и все могу, каково дѣла ни спросите, я все могу..

Ничего не подозревавшій Каржоль сначала было не хотѣлъ брать его, просто какъ жидка, и тѣмъ болѣе, когда прочелъ въ его билетѣ, что онъ изъ обывателей города Украинска, — тутъ уже противъ Мордки оказался и личный «зубъ» Каржолы на всѣхъ украинскыхъ жидовъ вообще. Мордкино дѣло казалось совсѣмъ уже «шивахъ», но Мордка присталъ къ Каржолу такъ слезно и канючилъ у него себѣ мѣсто такъ назойливо и убѣдительно, говоря, что онъ «все можетъ», и сопровождая свои просьбы такими уморительными ужимками, подмигиваньями и вздохами, что въ концѣ концовъ тому стало и противно, и смѣшно, и жалко глядѣть на этого несчастнаго жидочка. Каржоль давно уже не звалъ, что такое улыбка на своемъ лицѣ, а Мордка, съ его уморительною мимикой, впервые заставлялъ его разсмѣяться. Это былъ признакъ очень утѣшительный въ пользу Мордки. Кромѣ того, графу пришла еще мысль, нельзя ли будетъ со-временемъ черезъ этого самого жидочка навести въ Украинскія справки насчетъ своихъ векселей?—Идея показалась ему «подходящею», и онъ рѣшилъ себѣ (чортъ съ нимъ! одинъ еврей куда ни шло)!—оставить Мордку при заводѣ, въ должности... ну, хоть втораго помощника у старшаго конторщика. А Мордка только того и нужно было.

Прополозъ на мѣсто ужомъ, Мордка черезъ вѣсколькю времени мало-по-малу оперился, вкрався въ довѣренность къ Каржолу, показывая ему видъ безкорыстной преданности интересамъ его дѣла и кармана, нашептывая порою на техника, конторщика и мастеровъ и, вообще, подкупая его своею, на все готовою, услужливостію. Онъ даже сумѣлъ сдѣлаться для графа необходимымъ развлеченіемъ — отчасти, какъ собесѣдникъ, отчасти какъ шутъ, — среди однообразія и скуки заводской жизни зимою, въ глуши и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ деревней, изъ которой всѣ взрослые мужчины и

дѣвки обыкновенно уходили на заработки въ Кохма-Богословскъ, по фабричному дѣлу. Достаточно же оперившись, Мордка Олейникъ не замедлялъ открыть въ своемъ новомъ гнѣздѣ гешифтахерскую дѣятельность. Подъ сурдинку, негласнымъ образомъ сталъ онъ снабжать рабочихъ деньгами подъ залогъ вещей и на хорошій «пурцентъ»; затѣмъ подъ величайшимъ секретомъ началъ продавать имъ безпатентную водку, хотя и разбавляемую имъ водой, но сдобриваемую для крѣпости перцемъ и отчасти табакомъ; продавалъ также по мелочамъ фабрикованный чай пополамъ съ каноркой — продуктъ, успѣшно производимый его сородичами въ Кохма-Богословскѣ, сахаръ и мыло, махорку и свѣчи, даже красный товаръ изъ бракованныхъ кусковъ, и гармоники. Дѣлалось это даже съ разрѣшенія Каржолы, котораго Мордка успѣлъ увѣрить, что для рабочихъ гораздо выгоднѣе покупать всѣ необходимыя имъ вещи на заводѣ, у себя дома, на книжку, въ счетъ заработной платы, чѣмъ шатагся за ними въ городъ. Умолчалъ онъ передъ графомъ лишь о негласной продажѣ фабрикованной водки и негласной кассѣ ссудъ; но тому, по маѣвию Мордки, и знать этого не слѣдовало. — «Зачѣмъ?!» Такимъ образомъ, почти незамѣтно открылъ Мордка при заводѣ свою собственную лавочку, а затѣмъ, мало-по-малу, распространилъ свою коммерческую, ростовщичью и негласно-корчемную дѣятельность не только на сосѣднее селеніе, но и на всю ближайшую округу. Онъ какъ клещъ присосался къ этой мѣстности, обезпечивъ себя, разумѣется, «хорошими отношеніями» къ мѣстной полиціи (для Мордокъ, вообще, это вѣкъгда не лишнее) и уже чрезъ какіе-нибудь три-четыре мѣсяца почувствовалъ подъ собою, до извѣстной степени, твердую почву. Не было на заводѣ того рабочаго, а въ округѣ той мужицкой семьи, что не состояли бы такъ или иначе въ долгу у Мордки, считая его при этомъ еще необходимыми, золотымъ человѣкомъ, съ которымъ очень сподручно дѣло имѣть. Сдѣлалось это какъ-то само собою, необычайно быстро и, въ то же время, почти незамѣтно. Каржоль былъ имъ доволенъ, дядюшка Блудштейнъ тоже, потому что получалъ отъ него теперь, время отъ времени, самыя обстоятельныя и успокоительныя корреспонденціи, — и Мордка во всѣхъ отношеніяхъ чувствовалъ себя благополучнѣйшимъ евреемъ, въ мѣстности совершенно недозволенной для еврейской осѣлости. Но съ легальной стороны Мордка былъ чистъ: онъ и не покушается на прочную осѣлость, — онъ только «ремесленникъ», «интеллигентъ», служащій при своемъ дѣлѣ, какъ «шпициалістъ», на заводѣ, а къ тому же и билетъ у него такой, что даетъ ему право на проживательство вѣн пресловутой «черты».

Но если дѣла Мордки Олейника шли въ

гору, то дѣла завода все болѣе и болѣе спускались по наклонной плоскости, такъ что къ веснѣ не оставалось ничего, какъ только ликвидировать ихъ поскорѣе. Купцу Гусятникову, прожигавшему унаслѣдованные капиталы, было все тринѣ-трава: не удалось, такъ и по боку! ликвидировать, такъ ликвидировать, только съ однимъ условіемъ, чтобы ему не приплачивать больше къ этому дѣлу ни копейки. При этомъ послѣднемъ условіи, Каржоль очутился въ очень непріятномъ положеніи. Дѣло и самому ему надоѣло по горло, и онъ радъ былъ развязаться съ нимъ; но бѣда въ томъ, что за уплатой всѣхъ, къ счастью, не особенно еще крупныхъ, долговъ да за расчетомъ всѣхъ рабочихъ и служащихъ, по распродажѣ всего заводскаго инвентаря и недвижимаго имущества, по расчету графа, въ собственномъ его бумажничѣ должно остаться всего на все лишь триста съ небольшимъ рублей, и впереди — ровно ничего опредѣленнаго. Съ такимъ капиталомъ далеко не уйдешь, а оставаться въ Кохма-Богословскѣ не было больше никакой пѣли. Купецъ Гусятниковъ, къ которому графъ нарочно даже ѣздилъ въ Москву, уламывать его, уперся, какъ быкъ, и, швыряя на пыганокъ да на французенокъ по тысячѣ въ вечеръ, не даетъ больше на «дѣло», на «приличное» окончаніе его ни полупки. — «Ты», говоритъ, и то еще спасибо скажи, что я тебя самого къ суду не тину, потому некогда мнѣ такими скучными пустиками заниматься!» — Положеніе для Каржолы выходило совсѣмъ скверное: пришлось ли съ чѣмъ возвратиться на заводъ и заканчивать дѣло на нѣтъ, почти въ-пустую. Куда-жъ теперь ему дѣваться?.. На казенную службу развѣ?.. Но куда и на какую? — Взять какое ни-на-есть, первое попавшееся мѣсто для него невозможно: онъ не кто-нибудь; ему нужно жить прилично. поддерживать откошенія, — нечего больше халатничать да кленуть! это хорошо было на заводѣ... теперь надо встряхнуться, взять себя въ руки! Надо жить, и жить не по-свински, а для этого нужны хотя скромныя, но приличные средства, — тысячь шесть, семь въ годъ жалованья, по наименьшей мѣрѣ. Но это уже директорскія да губернаторскія мѣста, съ подобнымъ содержаніемъ, — для нихъ нужна особая протекція, особый случай, нужно самому быть въ Петербургѣ, на виду, напоминать о себѣ, — ну, а для всего этого необходимы время и деньги. Перваго у него — сколько угодно, а денегъ — *moins que rien*! Какіе-нибудь триста рублей, развѣ это деньги?.. Концессию какую заполучить бы, что ли, съ правительственной гарантіей... Хорошо бы! Или вотъ, еслибы въ директоры-учредители какой-нибудь акціонерной компаніи, страхового общества или банка какого-нибудь, что-нибудь въ такомъ бы родѣ?.. Да, конечно, это бы лучше всего, и его гром-

кое имя даетъ ему всѣ права на такое солидное положеніе: громкое, аристократическое имя во главѣ акціонернаго предпріятія уже само по себѣ составляетъ крупный пансъ его успѣха; это хорошо позируетъ самое дѣло, привлекаетъ къ нему довѣріе вкладчиковъ... Но для этого, прежде всего, нужны опять-таки счастливый случай и приличная обстановка, т. е. все тѣ же деньги, деньги и деньги...

Къ этому времени Каржоль совсѣмъ уже примирился со своимъ положеніемъ «соломеннаго мужа» и даже нравственно успокоился и оправился на столько, что вновь почувствовать въ себѣ аппетитъ къ какой-либо «продуктивной» и «зарабатывающей» дѣятельности. Куда бы только направиться за этимъ?.. Въ Украинскъ развѣ, на хлѣба къ законной супругѣ? — Но нѣтъ, это слишкомъ унижительно, да и Ольга едва-ли приметъ его, да и еврея въ Украинскѣ, Бендавидъ...

По мѣрѣ нравственнаго успокоенія, Каржоль все болѣе и болѣе начинать существенно интересоваться вопросомъ: правда ли то, что Ольга преподнесла ему въ видѣ свадебнаго подарка? Дѣйствительно ли векселя его исчезли во время Украинскаго погрома, или же это была не болѣе, какъ злая шутка съ ея стороны? — Мысль эта стала занимать его еще съ февраля мѣсяца, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Но какъ бы узнать это въ точности? Какимъ бы путемъ удостовериться?.. Одно время онъ думалъ-было позондировать на этотъ счетъ Мордку Олейника, — нельзя ли черезъ него провѣдать хоть что-нибудь, навести въ Украинскѣ заочныя справки, — вѣдь есть же тамъ у Мордки, вѣроятно, какія-нибудь родственныя связи или знакомства, — онъ могъ бы списаться, спросить... И графъ однажды повелъ съ Мордкою рѣчь, нѣсколько издалека: давно ли Мордка изъ Украинска? Слыхалъ ли что о тамошнемъ погромѣ? Не знавалъ ли тамъ извѣстнаго богача Соломона Бендавида? — Но Мордка, какъ только услышалъ слово «Украинскъ», сейчасъ же смекнулъ, что такой вопросъ предлагается ему, вѣроятно, не проста и что поэтому надо быть на-чеку и держать себя очень осторожно. На первый изъ этихъ вопросовъ онъ, съ добродушнымъ видомъ, отвѣчалъ однимъ лишь неопредѣленнымъ «давно» и прибавилъ въ поясненіе, что онъ хотя и значится по билету украинскимъ мѣщаниномъ, но это лишь по мѣсту приписки его къ обществу, а самого его вывели-де изъ Украинска еще маленькимъ, и онъ съ тѣхъ поръ не бывалъ тамъ; что же до погрома, то знаетъ о немъ только изъ газетъ, а Бендавида и вовсе не знаетъ: слыхалъ, правда, что есть такой богачъ, благочестивый человекъ, но и только. Такимъ образомъ, расчетъ Каржолы на Мордку оборвался по первому же приступу; Мордка же про себя принявъ его къ свѣдѣнію и сталъ

еще осторожнее и внимательнее слѣдить — не затѣваетъ ли графъ какой штуки?.. Но шутку, повидимому, никакихъ не затѣвалось, и Мордка успокоился, продолжая «вѣрой и правдой» служить своему «графскому сіятельству» и обдѣлывать свои геншефты между рабочими и крестьянами.

Когда наконецъ дѣла завода были ликвидированы, графъ увидѣлъ себя на такомъ жизненномъ распутьи, что, казалось, куда ни кинь, все клинъ выходитъ. Надо на что-нибудь рѣшиться: или пулю въ лобъ, или.. Нѣтъ, впрочемъ, пулю еще рано, — *se n'est qu'une riposte!* — да и вообще, что-за рѣшеніе такое пуля, когда организмъ еще полонъ силъ, и человѣку умирать вовсе не хочется!.. Напротивъ, не киснуть надо, а дѣйствовать, и дѣйствовать рѣшительно, смѣло, наступательнымъ образомъ, — словомъ, ставить игру свою *à la banque!* Онъ обдумалъ и рѣшилъ себѣ, что лучше всего ему, пока еще триста рублей въ карманѣ, ѣхать прямо въ Украинскъ теперь же, сразу. Если векселей точно не существуетъ, то жиды ничего съ нимъ не подѣлаютъ, и онъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣрится въ своей свободѣ, — и то уже великое благо! Если же векселя есть, то хотя бы Бендавидъ и представилъ ихъ по взмыканію, взять съ него, все равно, нечего... Ну, да тогда можно будетъ или на компромиссѣ какой-нибудь пойти, или еще загодя благообразно ретироваться. Однимъ словомъ, поездка въ Украинскъ—это будетъ своего рода рекогносцировка. Кстати же, тамъ живетъ и его тесть, а можетъ быть и сама супруга. Въ случаѣ чего, если имъ присутствіе графа въ Украинскѣ покажется неудобнымъ, — что жъ! — они должны будутъ дать ему приличную возможность выбраться оттуда безъ скандаловъ. Это даже не будетъ съ ихъ стороны подачкой, — подачекъ графъ Каржоль де-Потрекъ, слава Богу, пока еще не принималъ и не приметъ ни отъ кого, но въ долгъ взять—это иное дѣло! Въ долгъ онъ можетъ позаимствовать у нихъ и, какъ порядочный человѣкъ, конечно, постарается отдать при первой же возможности. И такъ, въ Украинскъ!.. Кстати, война только-что объявлена, — на всемъ югѣ такое движеніе, такое скопленіе войскъ, оживленіе промышленной дѣятельности, жизнь ключемъ кипитъ, и золото льется... Тамъ теперь нужны люди съ головой, дѣятельные, предприимчивые... Теперь-то тамъ и дѣлать дѣла... Что жъ, авось-либѣ и выгоритъ что-нибудь подходящее? — Да, именно, — «*Dahin, dahin wo die Citronen blühen!*» рѣшилъ себѣ графъ, уже увлекаясь этою послѣднею идеей, и приказалъ своему человѣку живо укладывать чемоданы, — завтра-де уѣзжаемъ.

Мордка Олейникъ, хотя уже и рассчитанный графомъ, но все еще проживавшій на заводѣ, впредь до ликвидаціи своихъ собствен-

ныхъ геншефтовъ, какъ только увидѣлъ возню графскаго камердинера съ чемоданами, немедленно же проиоркнувъ въ контору и скромно ставъ у притолоки дверей, ведущихъ въ графскую комнату.

— Что скажешь?—обернулся на него Каржоль.

— Такъ... ничего,—подернувъ плечомъ, замялся нѣсколько Мордка. — Можетъ, помочь чего нужно?—продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы. — Ваше сіятельство уѣзжаете, слышно?

— Уѣзжаю, братецъ, уѣзжаю!—подтвердилъ Каржоль, съ веселымъ и довольнымъ видомъ потирая руки. — Надоѣли вы мнѣ всѣ по горло,—ну, да Господь съ вами! Не поминуйте лихомъ!

— Пфесс!..—покачалъ головою Мордка. — Такъ скоро?! Ай-яй!.. И мнѣ жъ это очень довольно грустно... Я такъ уже привыкалъ до вашей сіятельства... мнѣ такъ жалко изъ васъ, такъ жалко, что я ажъ плакать готовый!..

И испутивъ печальный вздохъ, Мордка замолчалъ, какъ бы подавленный собственнымъ грустнымъ чувствомъ, но затѣмъ, слегка ступивъ шагъ впередъ, спросилъ осторожно, почтительно и тихо:

— А добѣда ѣхать думаете!

— Охъ, далека, братъ, отсюда, — на твою родину!—весело объявилъ Каржоль, ничто же сумняся въ преданномъ ему Мордкѣ.

Тотъ такъ и встрепенулся, точно бы его шиломъ кользнула.

— На моя родина?—удивленно и какъ бы въ полномъ недоумѣніи повторялъ онъ за графомъ. — Звините, на каково такова родина, говорите вы?

Это въ самомъ дѣлѣ, было совершенною неожиданностію для Мордка.

— Въ Украинскъ,—пояснилъ ему графъ, — въ городъ Украинскъ, понимаешь?

— Въ Украинскъ?—словно бы въ испугѣ, выпучилъ глаза Мордка, совершенно ошарашенный точною опредѣленностію послѣдняго отвѣта, и затѣмъ, подумавъ, деликатно и осторожно добавилъ: — звините, то, можно быть, шутки?.. Зачѣмъ вамъ въ Украинскъ?

— Да вѣдь надо же куда-нибудь ѣхать! Не сидѣть же здѣсь!

— Такъ, но... зачѣмъ въ Украинскъ?.. И что вашему сіятельству, такому большому барину, тамъ дѣлать!?—Совсѣмъ даже пустой и глупый городъ!.. Лучше же на Москва, а не то на Питеръ,—тамъ скорѣе хорошихъ дѣловъ можно найти себѣ.

— Ну, а мнѣ Украинскъ больше нравится, — тамъ у меня тоже не безъ дѣла!

Озадаченный Мордка стоялъ у притолоки, закусавъ губу, и ничего не возражалъ болѣе.

— И ваше сіятельство позвольте мнѣ завтра провожать васъ?—почтительно и какъ бы съ

грустью проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Если желася,—согласился графъ,—отчего же!

— Благодарю вамъ, — скромно поклонился ему Мордка и тихо вышелъ изъ комнаты.

* * *

На слѣдующій день, рано утромъ, Каржоль дѣйствительно выѣхалъ въ Кохма-Богословскъ, но, не останавливаясь въ городѣ, приказалъ везти себя прямо на железнодорожную станцію. Къ его удивленію, первый, кто встрѣтилъ его тамъ, былъ Мордка Олейникъ, умудренный какими-то судьбами поспѣть сюда заблаговременно, еще чуть ли не до-свѣту. Онъ все время предупредительно суетился теперь около графа съ разными своими услугами, — то чемоданы помогалъ перетаскивать и направлялъ ихъ къ вѣсамъ, то наблюдалъ за мелкими дорожными вещами и, слѣдуя за Каржолемъ къ кассѣ, чутко прислушивался въ то же время, до какого именно пункта станетъ онъ спрашивать себя билетъ? И когда графъ взялъ билетъ прямого сообщенія до Украинска, для Мордки уже не осталось никакого сомнѣнія, что онъ именно туда и направляется. До сихъ поръ ему все какъ-то не хотѣлось вѣрить этому, все казалось, не шутитъ ли съ нимъ графъ; но теперь еврейчякъ озадачился уже не на шутку и даже очень встревожился! — «Зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, ѣхать Каржолю въ Украинскъ? Чего забылъ онъ тамъ, и что-за дѣла такіа у него вдругъ открылись въ Украинскѣ?... И какъ же это онъ такъ смѣло, даже дерзко... Точно бы и знать не хотѣлъ, что ему запретили вѣзжать туда,—самъ же слово давалъ и носу туда не показывать,—и вдругъ... Ужъ не пронюхалъ ли, Боже избави, чего?.. Вотъ такъ штука будетъ!.. О, тутъ что-то неспроста, что-то недоброе», рѣшилъ себѣ Мордка и, проводивъ графа, сейчасъ же пошелъ на телеграфную станцію дать необходимую депешу.

«Гроссъ-пурицъ сегодня выѣхалъ въ Украинскъ», сообщилъ онъ дядюшкѣ Влудштейну. — «Принимайте вашихъ мѣръ. Олейникъ».

XI.

На новыя рельсы.

Хотя бы и на послѣдніа свои деньги, но графъ Каржоль «не привыкъ» ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ иначе, какъ гран-сенъеромъ, съ полнымъ комфортомъ, въ отдѣльномъ купе для себя, съ мѣстомъ во второмъ классѣ для своего «человѣка» и отдѣльною конурой въ собачьемъ отдѣленіи для дога. — Такъ было и въ настоящемъ случаѣ. Съ полнымъ удобствомъ совершивъ почти весь свой путь и на-

ходясь уже въ послѣднихъ его стадіяхъ, графъ сошелъ въ столовую залу пассажирской станціи, въ Кіевѣ, намѣреваясь хорошо здѣсь пообѣдать, какъ вдругъ, почти носъ къ носу, столкнулся — и съ кѣмъ же?! — ни болѣе, ни менѣе, какъ съ самимъ Абрамомъ Иоселювичемъ Влудштейномъ.

— Графъ!?. Изъ какими судьбами?! — изумленно растопыривъ руки, загородилъ «цивилизованный» еврей ему дорогу, — Вотъ увстрѣча!.. Не ожидалъ, никакъ не ожидалъ!.. И адрасуйте-жъ!..

Во всѣхъ этихъ возгласахъ и привѣтствіяхъ Влудштейна, къ удивленію Каржоля, не только не было ничего враждебнаго или ироническаго, но напротивъ, звучала нота удовольствія, даже чуть не радости такому пріятному сюрпризу. Каржоль невольно огибавшій было въ самомъ началѣ, сразу оправился, услышавъ этотъ дружелюбно привѣтливый тонъ и, въ свою очередь, тоже привѣтливо, но не безъ оттѣнка барской благосклонности, подавъ руку Влудштейну.

— Здравствуйте, почтенѣйшій, — проговорилъ онъ ласково, но нѣсколько небрежно. — Вы это какъ сюда попали? — продолжалъ графъ на ходу, направляясь къ отлично сервированнымъ обѣденнымъ столамъ.

— Я?.. Н-ну, што я попалъ, это не вдивительно, — весело отвѣтилъ Влудштейнъ. — Тутъ теперь у насъ такіа балшунція дѣла, така коммерція, — Богъ мой!.. А вотъ *онъ* изъ какими судьбами, ваше сіятельство? — Это гораздо любопытнѣе... Куда ѣхать изволите?

— А вы куда? — спросилъ Каржоль, уклоняясь какъ бы невзначай отъ прямого отвѣта.

— Я?.. я къ себѣ до дому; въ Украинскъ, — уже и белеть имѣю.

— Съ этимъ поѣздомъ?

— Изъ нимъ изъ самымъ, увъ первому классу.

Каржолю это не совсѣмъ-то понравилось, но — нечего дѣлать — шила въ мѣшкѣ не утаишь: разъ что ужъ такая встрѣча случалась — скрываться, стало быть, не за чѣмъ.

— Значить, намъ по дорогѣ, — небрежно обронилъ онъ слово, просматривая обѣденную карточку.

— Какъ по дорогѣ?.. А вы развѣ тоже въ Украинскъ? — изумился Влудштейнъ, повидимому, неспроста.

— Тоже, — кратко кивнулъ ему головою графъ, занятый въ эту минуту болѣе существенно заказомъ официанту какой-то порціи.

— Вотъ какъ! — еще съ болѣе большимъ удовольствіемъ подхватилъ Абрамъ Иоселювичъ. — Значить, васъ можно поздравить?

— Съ чѣмъ это? — въ недоумѣніи, слегка нахмурилъ тотъ брови.

— Ну, и какъ изъ чѣмъ!.. Значить, вы при большихъ капиталахъ?

— При капиталах?.. Почему вы так заключаете?

— А как же ж! Очень просто: затово што ѣхаете въ Украинскъ... Значить, вы хотите расплатиться изъ кредиторами, въ нашихъ бѣдныхъ Бендавидъ?.. Этово очень, очень хорошо изъ ваша сторона!.. Такое время, знаете, што деньги теперь очень увѣшны нужны,—ай, какъ нужны!

Каржоль съ нѣкоторымъ удивленіемъ скользнулъ по немъ взглядомъ и ничего на это не отвѣтилъ.

— Однако, я ѣсть хочу,—пробормоталъ онъ какъ-бы про-себя.—До свиданья, почтеннѣйшій, еще увидимся.

И съ ласковой небрежностью кивнувъ головою Блудштейну, графъ съ аппетитомъ принялся за поданную ему тарелку малороссійскаго борща, съ ватрушками и гренками.

«Однако, надо будетъ по дорогѣ пощупать этого Иоселиовича, рѣшилъ онъ себѣ, въ виду нѣкоторыхъ, сейчасъ лишь обезпокоившихъ его, сомнѣній. — «Почему это онъ съ такою увѣренностью заключалъ вдругъ, что я при большихъ капиталахъ и ѣду расплачиваться?.. Неужели же документы цѣлы?..»

Увы!—онъ былъ слишкомъ далекъ отъ пониманія истиннаго положенія дѣла... Ему и въ голову не могло придти, что тотчасъ же по полученіи послѣдней телеграммы отъ Мордка Олейника, Абрамъ Иоселиовичъ и Бендавидъ съ ихъ друзьями страшно возополонились и даже перепугались. — Какъ?! Каржоль возвращается въ Украинскъ!—Гевалтъ!.. Что-жъ это значить?.. Вѣрно, до него дошли свѣдѣнія о гибели документовъ,—иначе какъ бы онъ осмѣлился?.. Хоть и женили они его на барышнѣ Уховой, однако она съ нимъ не живетъ, онъ свободенъ и—почемъ знать!—можетъ, еще не бросилъ свои шаши съ Тамарой?.. можетъ, они даже переписываются иногда между собою, — хотя, казалось бы, Мордка долженъ былъ знать про то, еслибъ оно было такъ!.. Ну, а если это у нихъ какъ-нибудь такъ хитро дѣлалось, что даже и Мордка не замѣтилъ?.. Охъ, все, все можетъ-быть въ этомъ ужасномъ, испорченномъ мірѣ, даже чего и не придумаешь! Можетъ, графъ ѣдетъ сюда нарочно, чтобъ убѣдиться на мѣстѣ, точно ли документы его не существуютъ больше?—О, это почти навѣрное такъ, потому что Мордка въ послѣднемъ письмѣ своемъ сообщалъ, что за ликвидаціей завода, Каржоль остался ни при чемъ, съ самыми ничтожными деньгами. А если ѣдетъ безъ денегъ,—значить разсчитываетъ, что документы вѣтъ, что мы противъ него безсильны?.. Нельзя, невозможно допустить, чтобъ такое убѣжденіе его оправдалось!—Онъ долженъ оставаться въ уздѣ. Зачѣмъ ему ѣхать сюда, съ какою цѣлью? Какія его намѣренія? Вѣрѣе всего, что хо-

четъ развѣдать почву, узнать, въ какомъ положеніи Бендавидъ и Тамарины капиталы! Ужъ не стаянулись ли они вдвоемъ поднять дѣло судомъ? Можетъ, онъ уже успѣлъ убѣдить и науськать эту погибшую, на все способную дѣвчонку, чтобъ она начинала искъ, а самъ дѣлаетъ теперь для этого предварительную развѣдку? Друзья Бендавида, съ Блудштейномъ во главѣ, остановились на этомъ послѣднемъ предположеніи, какъ на самомъ, по ихъ мнѣнію, логичномъ и вѣроятномъ, въ виду такого поразительнаго факта, какъ отъѣздъ Каржоля въ Украинскъ. Что тутъ дѣлать, какія мѣры принимать? Они рѣшили, что прежде всего, конечно, надо помѣшать его приѣзду, не допустить его до Украинска, гдѣ онъ могъ бы такъ или иначе добраться до правды,—значить, надо перехватить его гдѣ-нибудь на дорогѣ и успѣть переубѣдить, если онъ думаетъ, что векселя исчезли, а затѣмъ сейчасъ же, съ дороги, либо заставить его повернуть назадъ, либо направить куда-нибудь въ другую сторону. Главное—не допустить до Украинска и убѣдить, что векселя цѣлы. Задача хитрая и нелегкая; но въ «мндрой гловы» Абрама Иоселиовича, словно по вдохновенію, опять мелькнулъ чудесный планъ, по которому выходило, что не только приѣздъ Каржоля не долженъ быть допущенъ, и не только самъ Каржоль обязательно будетъ направленъ на иной путь, но изъ всего этого приключенія Украинскій Израиль долженъ еще извлечь для себя особую пользу,—да, именно пользу, и даже изъ самого Каржоля!

Хотя у Абрама Иоселиовича, съ объявленіемъ войны, оказалась на рукахъ масса дѣлъ и хлопотъ огромнаго значенія, ибо онъ вступилъ виднымъ дѣятелемъ въ «Товарищество» Грегера, Горвица и Когана, какъ крупный представитель Украинскаго еврейскаго общества, вырвавшаго ему значительные капиталы на это баснословно выгодное дѣло,—тѣмъ не менѣе, Абрамъ Иоселиовичъ не довѣрилъ никому свой планъ удовольствія Каржоля и рѣшился взять исполненіе его на себя самого, «потому что дѣло очень деликатное, тонкое и, Боже избави, испортитъ его!»—Ради этой цѣли, онъ выѣхалъ въ Кіевъ, куда, кстати, призывали его и собственныя денежные дѣла, и положилъ себѣ дожидаться тамъ приѣзда Каржоля, который никоимъ образомъ не могъ миновать этого пункта. Передъ приходомъ каждаго курьерскаго и пассажирскаго поѣзда изъ Курека, онъ аккуратнѣйшимъ образомъ самолично дежурилъ на дебаркадерѣ и былъ столь удачливъ, что на другой же день какъ-разъ и захватилъ тутъ Каржоля.

Между первымъ и вторымъ звонкомъ, прогуливаясь съ сигарой въ зубахъ по платформѣ, графъ опять встрѣтился съ Блудштейномъ.

— Вы, кажется, говорили, что идете въ первомъ классѣ?—остановилъ онъ его. — Не хотите ли вмѣстѣ?.. У меня отдѣльное купе, просторно,—потолкуемъ на дорогѣ отъ скуки...

Абрамъ Йоселювичъ, конечно, не преминулъ съ величайшимъ удовольствіемъ принять это приглашеніе. Каржоль какъ будто самъ облегчалъ ему его «деликатную задачу».

— Ну-съ, такъ какъ же это, почтеннѣйшій?—съ веселою улыбкой и шутивымъ тономъ, но немножко высокомерно началъ Каржоль, съ покровительственной фамиллярностію похлопавъ Блудштейна по колену, когда побѣдъ уже тронулся отъ станціи. — Расскажите-ка, расскажите, почему это вы предполагаете, что я при «большихъ капиталахъ»?.. а?

— Я вже сказалъ, вы же знаете,—уклончиво возразилъ Блудштейнъ, также принимая тонъ любезной, но сдержанной шутки: затово, што вы въ Украинскѣ ѣхаете. Я такъ думаю, — пояснилъ онъ съ удареніемъ, подчеркивая послѣднюю фразу.

— Хм!.. Такъ, по-вашему, безъ «капиталовъ» я не могъ бы ѣхать туда?—продолжалъ Каржоль, ухмыляясь и какъ бы подсмѣиваясь дружески надъ собесѣдникомъ.

— Я такъ думаю,—повторилъ тотъ не безъ вѣской значительности, хотя и постарался придать своему отвѣту какъ можно болѣе еврейской «деликатности», чтобы—Боже избавь!—не оскорбить какъ-нибудь своего титулованнаго *vis-à-vis*.

— Почему же такъ?—весело подзадоривалъ его графъ, продолжая вызывающе глядѣть на него дружески наглыми, смѣющимися глазами, словно бы нашелъ себѣ въ лицѣ Блудштейна маленькое развлеченіе, потѣху отъ дорожной скуки.—Нѣтъ, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, почему вы такъ думаете?

— Ну, и сами же вы знаете,—продолжалъ уклоняться еврей, съ легкимъ лукавымъ подмигиваньемъ.—Что же мнѣ говорить!

— Ну, нѣтъ, однако?

Тотъ только плечами пожалъ, какъ на со всѣмъ пустымъ рѣчи, не стоящія даже траты словъ на нихъ.

— А представьте себѣ,—продолжалъ въ томъ же тонѣ Каржоль,—что я безъ всякихъ «капиталовъ» и вдругъ все-таки ѣду?.. Ну-съ, милѣйшій мой, что вы на это скажете?

— Скажу, когда же вы такъ хотите, что никакъ этому не можно быть, — отвѣтилъ еврей съ полной увѣренностію.

— Ну, а если?

— Пфсе!.. Каково тутъ «если»?.. Никаково тутъ «если» не можетъ и быть!.. Затово што никто за своей доброй воли до волка въ зубы не подѣзаетъ... и вы же для того слишкомъ вумный человекъ, въ додѣтокъ.

— Ме:сі за лестное мнѣніе! — съ легкой провѣей кивнулъ головою графъ;—только, ви-

дите ли, почтеннѣйшій, мнѣ думается, что никакого тамъ у васъ волка нѣтъ, а если и есть, то беззубый, котораго и бояться нечего.

— Што вы хотите изъ этимъ сказать, графъ?—какъ бы недоумѣвая, спокойно спросилъ Абрамъ Йоселювичъ.

— Не болѣе того, что сказали, — то-есть, что «волчьи зубы»—это пустые страхи, плохое пугало, котораго птица перестала бояться.

— Звините, но я васъ не понимаю, графъ!—перемѣняя шутиливый тонъ на серьезный, замѣтилъ Блудштейнъ.—Зачѣмъ мы будемъ говорить изъ баснями! Будемъ лучше прямо! — Если вы ѣхаете, чтобы расплатиться на квитъ, ну, то такъ, этово я понимаю. А если нѣтъ, то зачѣмъ? Развѣ же вы забыли условія?!

— Мм... Я думаю, что эти условія не дѣйствительны болѣе.

— Зачиво не дѣйствительны? — спокойно удивился Блудштейнъ.—Вы же сами знаете, тутъ документа!

— Хм!.. Документы!.. А если вотъ именно документовъ-то эгихъ и нѣтъ.

— Нѣ-ѣтъ?.. Какъ нѣтъ?! Куды жъ имъ подѣться?

— Мало-ль куда! Предположимъ, что исчезли.

— Счезли?.. Но куды жъ они могли счезнуть?.. И зачѣмъ имъ счезнуть?

— А если ихъ, напимѣръ, во время вашего погрома толпа на мелкіе клочки изодрала?.. Ну-съ?

— Ха-ха-ха!—засмѣялся Блудштейнъ, небрежно махнувъ на это рукой, какъ на самый дѣтскій вздоръ и величайшую нелѣпость. — Невжели и до васъ дошла эти глупія слухи?! И невжели вы, такой вумный человекъ, могли повѣрить такому глупству?! Ай-яй, графъ, этого завсѣмъ даже на васъ не похоже!.. Это вдовительно мнѣ даже послушны!..

— Однако, знаете пословицу, нѣтъ дыма безъ огня, — возразилъ Каржоль, недоумѣвая въ душѣ, правду ли говоритъ Блудштейнъ, или только ловко притворяется?—Если такіе слухи есть,—добавилъ онъ,—то на чемъ-нибудь они да основаны, согласитесь сами.

— Это правда, основаны, — согласился и охотно подтвердилъ Абрамъ Йоселювичъ, приподымая къ лицу ладони,—но на чемъ основаны?.. Вы знаете, на чемъ? Вы можете сказать этово?

— На томъ, что толпа, ворвавшись въ домъ къ Бендavidу, нашла у него документы и уничтожила ихъ,—вотъ на чемъ!

Блудштейнъ молча и серьезно, чуть-чуть лишь подернувъ углы губъ легкой улыбкой, которая, казалось, говорила: «мнѣ жалъ тебя, братецъ, какой ты легковѣрный и легкомысленный!» медленно покачалъ въ отрицательномъ смыслѣ головою.

— Слухи есть основаны на томъ,—началъ

онъ объяснять самымъ методическимъ образомъ, — што у какихъ-то тамъ мелкихъ ремесленниковъ, — ну, скажемъ, портныхъ, сапожниковъ, ну, у лавочниковъ, тамъ, дѣйствительно, толпа находила разныхъ счетовъ, даже векселей, ну, и рвала ихъ... Это такъ, это вѣрно. Но штобъ у Бендавидъ она рвала, — это, звяните, глупство! Такой зарѣзанный человекъ не будетъ держать своихъ документовъ такъ, на фу-фу, какъ афишке на столѣ, а запечатъ ихъ зараньше въ надежнаво мѣсту... И я вамъ скажу, толпа очень даже старалась разбить у его кассу жалѣзную, но — сшила Богу, не могла, какъ ни билась!.. То такъ, по-вѣрте!.. И документы ваши — могу заѣхать васъ изъ честнымъ моимъ, словомъ — цѣлѣшенскіи! — Бендавидъ не такой дуракъ, какъ, можетъ, ви сабѣ думаетъ!

Этотъ спокойный, авторитетно увѣренный тонъ, какимъ серьезно и твердо говорилъ теперь Блудштейнъ, невольно заставилъ Каржолу внутренне дрогнуть и поколебаться. — «А что, какъ и въ самомъ дѣлѣ правда?»

— То такъ! — еще разъ солидно подтверждалъ еврей, слегка дотронувшись до его руки ладонью. — И ежели вы только на такомъ, звяните, легкомъ основанью додумали себѣ ѣхать въ Украинскъ, мнѣ очень жалъ изъ васъ!..

— Почему же? — спросилъ графъ съ напускной улыбкой равнодушія.

— Потому што Бендавидъ въ зайчасъ же скрутитъ васъ, какъ только вы покажетесь, и догнать не дастъ!.. Вотъ увидите!

Каржоль серьезно поглядѣлъ на него пытливыми, но уже далеко не наглыми глазами. точно бы желая проникнуть, въ какой мѣрѣ слова его искренни и согласны съ истиной.

— Ну, и што же затѣмъ? продолжалъ собесѣдникъ тономъ нѣсколько презрительнаго сожалѣнія. — Объяжутъ васъ черезъ полиціи съ подонкомъ о невѣдѣ!; можетъ, заарестуютъ вещей, всѣ узнаютъ зайчасъ! — сшкандаля!.. А ни чести, ни ужитку, только страмъ одинъ!.. Пфуй!.. И какой вамъ интересъ, не понимаю!

И онъ съ отѣтникомъ уже безразличнаго сожалѣнія еще разъ покачалъ головою.

Каржоль сознавалъ себя въ душѣ совсѣмъ сбитымъ съ позиціи. Высокая убѣдительность и, повидому, полная искренность словъ и доводовъ Блудштейна сильно-таки смутили его. Онъ не сумѣлъ даже притвориться, какъ слѣдуетъ, чтобы скрыть свои разстроенныя мысли и чувства, и призадумался довольно уныло, вперивъ разсѣянный взглядъ въ окошко, на приближавшіеся и уходившіе мимо пашни, луга, столбы и деревья...

— И чего вамъ? Какая охота, скажите на милость? — продолжалъ, между тѣмъ, Блудштейнъ, съ видомъ того же безразличнаго сожалѣнія. — Человекъ васъ не трогаетъ, оста-

вляеть, кажется, въ покою, — чезо вамъ еще?! Самому дѣзть до быка на роги!.. Пхе!..

— Да мнѣ, по своимъ личнымъ дѣламъ, нужно съ женой повидаться, я къ женѣ собственно ѣду, — сдѣлалъ вдругъ Каржоль слабую попытку къ оправданію, первую, какая сейчасъ пришла ему въ голову.

— Къ женѣ-ѣ?.. Къ сиюпругѣ вашей? — переспросилъ Блудштейнъ, словно бы не до- вѣряя собственному слуху. — Ну, когда такъ, то, звяните, вы немножко ошибились изъ вашими маршрутъ: сиюпруга ваша проживаетъ увъ Петербургу, а не въ Украинску.. А самъ генералъ, — не думаю, штобы онъ васъ пріймалъ, — вы же его знаете!.. И увсе же, чуть вы покажетесь, Бендавидъ васъ скрутитъ. — Не генералъ же будетъ платить за васъ!.. Вотъ попомните мовѣ слова, што скрутитъ!..

Нахождение Ольги въ Петербургѣ оказалось совершеннѣйшею новостью для Каржолы. Онъ никакъ не ожидалъ этого и очень удивился.

— Ага!.. Вотъ видите, мы знаемъ на этово счетъ немножко болше, какъ ви сами! — не воздержался, чтобы не похвалиться предъ нимъ, съ торжествующей улыбкой, Абрамъ Иселіовичъ. — И какъ же ви хотите, штобъ ми не знали напослю тово, чи цѣлые ваши документы у Бендавидъ? — Ха!.. Ну, подумайтѣ!

И Каржоль узналъ изъ разсказа Блудштейна, что генералъ Уховъ, вернувшись съ Ольгой послѣ свадьбы въ Украинскъ, тогда же выдѣлилъ ей сполна всю ея часть, все, что предназначалось ей въ приданое, послѣ чего она вскорѣ уѣхала въ Петербургъ, одна, и съ тѣхъ поръ тамъ живетъ — и живетъ, кажется, «очень прекрасно».

Отъ всѣхъ этихъ новостей, а главное, отъ внушенной ему увѣренности, что векселя его цѣлы, Каржоль совсѣмъ поджалъ крылья и н нахохлился. Побѣдка его въ Украинскѣ, при такихъ условіяхъ, представилась ему въ самомъ дѣлѣ величайшимъ сумасбродствомъ, которое, кромѣ вреда и скандала, ничего ему не принесетъ, а заставить, между тѣмъ, непроизводительно истратить послѣдніи деньги, и тогда что же? — Круглая безвыходность и нищета!.. Какъ легко и высоко подымалъ онъ крылья при удачѣ, или при полномъ бумажникѣ въ карманѣ, такъ еще легче падалъ духомъ и поджималъ хвостъ при безденежьи или неудачѣ, а тѣмъ болше при крушеніи своихъ мечтательныхъ надеждъ и афемерныхъ плановъ, основанныхъ, какъ казалось ему, всегда на «самой реальной» и «практической» почвѣ. — Достаточно было спокойно-увѣреннаго, ясно-опредѣленнаго тона, какимъ поговорилъ съ нимъ Абрамъ Иселіовичъ, чтобы графъ не только разубѣдился въ несуществованіи своихъ векселей, но разочаровался и въ первоначальной своей идеѣ, будто жиды все равно ничего съ

нимъ не подѣлають, если даже и представлять на него ко взысканію, ибо взять съ него нечего. — Тутъ онъ уразумѣлъ, однако, что подѣлать-то подѣлають, и даже больше, чѣмъ можно было бы предполагать, потому что они, благодаря подлискѣ о невыѣздѣ, какою обяжутъ его полиція, заставятъ его чортъ знаетъ сколько времени жить въ городѣ и безъ толку проживаться тамъ до послѣдней копейки, и тогда уже приготовить ему крахъ полный и окончательный!.. Эта грозная перспектива болѣе всего смутила Каржолъ.

— Да, да, графъ, жаль мнѣ въ васъ, очень жаль!—со вздохомъ продолжалъ, послѣ нѣкотораго молчанія, Блудштейнъ, не перестававшій все время исподволь наблюдать за психикой своего собесѣдника и отлично подмѣтившій на его лицѣ ту внутреннюю перемѣну мыслей и настроенія, что совершалась въ немъ въ данную минуту. — И какъ это вы такъ изъ легкимъ мыслюмъ!—продолжалъ онъ, съ сожалѣніемъ и укоризной покачивая головою, — мнѣ даже, право, удивительно!..

— Да, но что-жъ дѣлать!.. Я никакъ не предполагалъ что жена въ Петербургѣ... Это для меня такой сюрпризъ... Мнѣ, напротивъ, писали, что она здѣсь, и я самъ былъ увѣренъ, что здѣсь... Мнѣ такъ нужно было ее видѣть!.. оправдывался графъ не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ человѣка, чувствующаго, что языкъ его какъ-то самъ собою лжетъ, а онъ не можетъ ни удержать его, ни замаскироваться личною правдою.

Но Абрамъ Иоселиовичъ, про-себя, очень хорошо понималъ, что весь этотъ жалкій лепетъ его — не болѣе, какъ пустая оправдательная увертка, пришедшая графу въ голову только сейчасъ, при разговорѣ.

— Чего же вамъ такъ захотѣлось вашей графини? То вѣрно «пенѣдзѣ» думали добыть у нее?.. га? — съ безцеремоннымъ подсмѣиваніемъ спросилъ онъ вдругъ, ободрятельно и фамильярно похлопывая, въ свой чередъ, графа по плечу.

Того ужасно покорило и даже царапнуло внутри по самолюбію, какъ отъ самаго вопроса, такъ еще болѣе отъ этой фамильярности, но онъ сдержалъ себя, какъ-то съежился малодушно и промолчалъ, будто и не замѣтилъ или не разслышалъ, предавшись весь досадно-печальнымъ размысленіямъ о своей неудачѣ.

— Это завсѣмъ даже пустова дѣлу: «пенѣдзѣ» отъ графини вы а-никакъ не получите, — продолжалъ со своимъ спокойною увѣренностью Блудштейнъ. — А когда уже вамъ такъ нужно, то можно добыть гораздо простѣйшій... Заработать можно, и большихъ денегъ даже, очень большихъ! — Абы только была ваша охота!

При этихъ послѣднихъ словахъ, Каржолъ чуть-чуть поднялъ голову, какъ лягавый песъ, по-

чуявшій дичь, и поглядѣлъ испытующимъ взглядомъ на собесѣдника: въ шутку ли онъ это, или въ серьезную?

— Знаете, что, графы?—подумавъ съ минутку, заговорилъ Блудштейнъ даже съ нѣкоторымъ воодушевленіемъ. — Вы знаете, я же всегда любилъ васъ я, сколько могъ, былъ до васъ полезенъ... помнито?—Бывало, вы только одново слова: «Абрамъ Осиповичъ, какъ-бы на перехватку?» — И Абрамъ Осиповичъ завсегда выручалъ вамъ,—помнито?.. Н-ну, то я вотъ что скажу вамъ: хотите вы заработать себѣ денеговъ?.. И такихъ денеговъ, што вы и съ Бендавидъ расплатитесь ажъ до копейку, и сабѣ еще цѣлаво застояныя заставите,—большова застояныя!.. Хотите?

— Да вы шутите, что ли?—отозвался ему Каржолъ съ недоувѣрчивой усмѣшкой.

— Зачѣмъ шутить!.. Я говорю завсѣмъ заръезно, какихъ тутъ шутокъ!.. Вы мнѣ скажите только,—хочете?

— Ну, разумѣется, хочу,—излишне и спрашивать.

— Такъ?.. Н-ну, когда такъ, то слушайте.

И Абрамъ Иоселиовичъ, принявъ на себя значительный видъ и тонъ, началъ, нѣсколько издали, объяснять ему, что вотъ, война объявлена, а русское интендантство сразу оказало «пфе!»—ничего-де не сумѣло ни устроить, ни заготовить, и русская армія, конечно, погибла бы на первыхъ же шагахъ своихъ отъ отсутствія продовольствія, еслибы на спасеніе ея не пришли евреи. Три знаменитыхъ еврейско-русскихъ патріота Грегерь, Горвицъ и Коганъ, умоляемые штабнымъ начальствомъ арміи, великодушно согласились учредить «Товарищество» по продовольствію войскъ, — и теперь, благодаря имъ, армія спасена и обезпечена. Тутъ Абрамъ Иоселиовичъ почему-то счелъ возможнымъ пуститься въ довольно интимную откровенность, что была-де, по правдѣ сказать, одна группа московскихъ купцовъ-милліонеровъ, которая еще гораздо раньше, чѣмъ появился на сцену Грегерь, предлагала штабу свои услуги въ видѣ «Русскаго Товарищества», и московскій купецъ Осиповъ составилъ даже проектъ всей операціи и послалъ его въ Мининевъ, но куда имъ!.. «Развѣ таково дѣла насимиъ можно было выпустить за своихъ руки!»—«Насимиъ» не дремали, успѣли во-время развѣдать черезъ «своихъ людей», въ чемъ дѣло, и приняли мѣры. Пока проектъ Осипова лежалъ у кого-то въ портфель, какой-то таинственный «нѣкто», воспользовавшись его идеей и нѣкоторыми основаніями, сообщилъ ихъ Грегеру, близкому къ себѣ человѣку, и подалъ ему счастливую мысль, что не дурно бы взяться за такое патріотическое дѣло! — Ну, Грегерь подумалъ, конечно, снесся кое съ кѣмъ изъ «нашихъ», посоветовался съ самыми дошлыми адвокатами и составилъ ком-

панію, которая сейчасъ же привлекла къ себѣ массу еврейскихъ капиталовъ и дѣятелей— «агентовъ» — со всего юга и юго-запада Россіи, «затова, што это таково дѣла, съ котораго пахнутъ малаіонами, десятками, сотнями малаіоновъ, и увсе на чиставо золота!» — И вотъ Абрамъ Йоселіовичъ Блудштейнъ является теперь крупнымъ дѣтелемъ этого самаго «Товарищества», какъ представитель интересовъ Украинскаго еврейскаго общества, почтившаго его «за своимъ довѣріемъ». «Товарищество» поставлено-де на самую широкую ногу и пользуется громаднымъ вліяніемъ, — ему-де «обязательно», въ силу условія, должны быть, по крайней мѣрѣ, за недѣлю впередъ сообщаемы всѣ маршруты и конечные пункты движенія всѣхъ корпусовъ и отдѣльныхъ частей арміи, ихъ названія и наличный составъ¹⁾, то-есть то, что нерѣдко составляетъ секретъ даже для высшихъ командировъ и управленій, такъ что «Товарищество» владѣетъ госуларственными и военными тайнами—вотъ оно какое важное и какимъ необычайнымъ довѣріемъ пользуется! И вы понимаете, какіе гешефты можно бы изъ этого дѣлать, еслибы «ми» были не такъ патріотичны!... Конечно, по силѣ своего значенія «Товарищество» нуждается въ извѣстной, быющей въ носѣ, представительности, и ради этого пригласило къ себѣ на службу не только евреевъ, но и русскихъ, — людей непременно съ извѣстнымъ общественнымъ положеніемъ и именами: у Грегера, Горвица и Когана служатъ по вольному найму и штатскіе генералы, и бывшіе губернаторы и чуть ли не сенаторы, да еще какъ добиваются, какъ кланяются, чтобы только удостоили ихъ взять! Но «Товарищество», конечно, принимаетъ къ себѣ съ разборомъ, — не каждый легко удостоится этой чести... По мнѣнію Абрама Йоселіовича, графъ Каржоль обладаетъ всѣми подходящими данными, чтобы быть не бесполезнымъ «представительнымъ агентомъ» «Товарищества»: онъ человекъ съ громкимъ именемъ, титулованный, образованный, свѣтскій, видный собою, вполне обладающій манерой держать себя съ высокимъ достоинствомъ и при томъ ловкій и изворотливый, такъ что въ хорошихъ рукахъ, подъ руководствомъ опытныхъ дѣльцовъ, можетъ не безъ успѣха обдѣлывать кое-какія дѣла и порученія «Товарищества».

— Намъ такіе люди нужны, — говорилъ ему Блудштейнъ, — затова што, знаете, докудова иногда нашего брата, обнакоеннаго еврея и не допустить, а то и разговарувать не захочуть, — князю, или графу, какъ вы, двери до кабинету заувсегда открыты, — ну, и наконецъ, это, знаете, люди зъ важными чинами изъ титулами—это хоропо позѣтъ самаво дѣла, са-

маво «Товарищества», мы это хорошо понимаемъ!

И вслѣдъ за сими предварительными подходами и объясненіями, Абрамъ Йоселіовичъ предложилъ графу—не хочетъ ли онъ поступить въ агенты «Товарищества», что онъ, Блудштейнъ, легко можетъ устроить ему это выгодное мѣсто, гдѣ графъ будетъ получать очень хорошее содержаніе золотомъ, которое дастъ ему возможность жить вполне прилично, представительно и, кромѣ того, онъ будетъ, какъ агентъ, пользоваться извѣстными процентами съ поручаемыхъ ему дѣлъ и операцій. — «А вы знаете, што зъ одново этово пурценту можно будетъ шутемъ заработать себѣ сто, двухстовъ, трохстовъ тысячовъ рѣбли, — затова што тутъ сотни малаіоновъ циркулюють, и казна а-ничего не жалѣтъ, абы армія была сытая!»

— Ну, и вы не думайтѣ, — считъ нужнымъ добавить еще Блудштейнъ, не безъ самодовольной похвалы, — вы не думайтѣ, што вы у насъ будете первій агентъ изъ такимъ титуломъ, — вы найдете сабѣ самаво благодѣлавно компанія, затова што у насъ вже служатъ и князья Турусовы и князья Оголенскіе, и фоны, и бароны, — и вы, изъ такимъ образомъ, попадаете въ самаво вѣйшаго общества! — это увсе насши, агенты для представительности.

Предложеніе было слишкомъ ярко, слишкомъ соблазнительно и неожиданно, чтобы Каржоль могъ отъ него отказатся, въ особенности въ такомъ крайнемъ положеніи, какое переживалось имъ въ настоящее время. Онъ съ увлеченіемъ бросился горячо пожимать обѣ руки Блудштейна и, въ порывѣ благодарнаго чувства, назвалъ его даже своимъ благодѣтелемъ и спасителемъ.

— Ага! — замѣтилъ на это скромно-торжествующимъ и отчасти назидательнымъ тономъ Абрамъ Йоселіовичъ. — Теперь вы не будете сабѣ думать, што всякій еврей — то «пархатый жидъ»? — Ми тоже вумѣемъ бывать велькoduшны!

Онъ тутъ же условился съ Каржолемъ, что этотъ послѣдній, мивуя Украинскъ, немедленно же направится прямо въ Одессу, куда не даяль, какъ черезъ день послѣ него прійдетъ и самъ Блудштейнъ, — ему на одну только минутку надо заѣхать домой, — а тамъ, въ Одессѣ, онъ представитъ графа одному изъ трехъ главныхъ тузовъ «Товарищества», и этимъ представленіемъ будетъ, такъ сказать, санкціонировано его опредѣленіе на службу. По всей вѣроятности, въ тотъ же день будетъ заключено съ нимъ формальное условіе и съ того самаго числа начнетъ онъ получать свое жалованье, а бромѣ того, въ счетъ будущихъ процентовъ, ему, вѣроятно, будетъ выданъ авансомъ нѣкоторый кушъ на представительность, — ужъ Абрамъ Йоселіовичъ позаботится и самъ

¹⁾ Пунктъ 3-й условія «Товарищества» съ главнымъ полемымъ интенданствомъ, заключеннаго 16 апрѣля 1877 г.

похлопочетъ объ этомъ! Что же касается его долга рабби Соломону Бендаvidу, то Абрамъ Иоселиовичъ беретъ на себя уговорить старика на сдѣлку, въ силу которой графъ будетъ уплачивать ему этотъ долгъ частями, изъ своихъ процентовъ и куртажей, которые, при расчетахъ съ нимъ, будутъ удерживать у себя самъ Абрамъ Иоселиовичъ, — «затова, знаете, штобъ не компроментовать васъ передъ другими, — это будетъ нашево домашняво дѣлу!»

Графъ былъ совершенно счастливъ. Фортуна опять поворачивается къ нему лицомъ, — и впереди ему уже мерещатся цѣлыя груды золота и банковыхъ билетовъ, его роскошная походная обстановка, вѣнскіе фаэтоны на резинахъ, парижскіе дорожные несесеры, эффектныя картины боевыхъ лагерей русскихъ войскъ на Дунаѣ, интересныя знакомства и сношенія съ дѣятелями арміи, высокія сферы, Яссы, Букарештъ, румынскія красавицы, рулетка и шампанское...

Черезъ день Абрамъ Иоселиовичъ, какъ сказалъ, такъ и дѣйствительно прибылъ въ Одессу, отыскавъ тамъ въ «Петербургской гостиницѣ» графа, не преминувшаго, конечно, въ счетъ будущихъ благъ, занять себѣ роскошный номеръ, и, тотчасъ же заставивъ своего сѣятельнаго протѣгѣ переодѣться во фракъ съ бѣлымъ галстуконъ, самъ повезъ его въ щегольскомъ фаэтонѣ представляться высокому еврейскому патрону. Этотъ послѣдній хотя и заставилъ графа изрядно-таки подождать въ приемной, бесѣдуя тѣмъ часомъ въ затворенномъ кабинетѣ съ Блудштейномъ, но затѣмъ все же принявъ его весьма любезно и сказалъ даже нѣсколько комплиментовъ, главнѣйшимъ образомъ, насчетъ того, что «ми» всегда-де рады «такимъ людямъ» и надѣмся остаться взаимно довольными другъ другомъ, потому что «ми сами живемъ и хотимъ другимъ давать жить и зарабатывать». Затѣмъ, откланявшись еврейскому магнату и спустясь вмѣстѣ съ Блудштейномъ въ его «контору», графъ подписалъ тамъ предложенныя ему условія и получилъ изъ кассы авансъ, а вечеромъ того же дня, на «Приморскомъ бульварѣ», гдѣ гремѣла военная музыка и толклося множество международнаго пестраго люда, моряковъ и военныхъ всѣхъ родовъ оружія, парадныхъ дамъ и «цивилизованныхъ» евреевъ, онъ сидѣлъ на воздухѣ, у бульварнаго ресторана, въ кругу Блудштейна и нѣсколькихъ «самыхъ элегантныхъ» израильтяковъ, уже какъ ихъ новый сослуживецъ. Любуясь безбрежною далью озареннаго луннымъ свѣтомъ спокойнаго моря, графъ наслаждался за крушономъ шампанскаго мягкою, вечернею прохладой и совершенно искренно, отъ всего сердца увѣрилъ своихъ собесѣдниковъ, что насколько онъ до сихъ поръ заблуждался въ своемъ предубѣжденіи противъ евреевъ, настолько же теперь сознаетъ, какіе это

все прекрасные, благородные и даже высокопатріотичные люди!

XII.

Среди «друзей» и «союзниковъ».

Санитарный поѣздъ съ сестрами Богоявленской общины двигался по равнинамъ Румыніи, отъ Яссы къ Букарешту.

Проснувшись равнинъ утромъ, Тамара почти все время не отрывала глазъ отъ раскрытаго окна: до такой степени все въ этомъ краѣ казалось ей новымъ и интереснымъ, все такъ свѣжо и ярко запечатлѣвалось въ ея душѣ, раскрытой, уже въ силу окружавшей ее обстановки и самыхъ событій, къ воспріятію этихъ новыхъ, еще неиспытанныхъ впечатлѣній. Сама она въ это утро ощущала въ себѣ живительную бодрость и силу молодого здоровья, а иными минутами безотчетно находило на нее даже какое-то особенно свѣтлое; жизнерадостное настроеніе.

Яркое солнце, широкая, раздольная степь, бальзамическій воздухъ, вдаль — слегка снѣжающіе въ воздушной дымкѣ абрисы Карпатскихъ горъ. По степи кочуютъ небольшими таборами оборванные цыгане, невольно приводя собою на память Тамары стихи изъ Пушкинской поэмы. Тамъ и самъ пасутся стада крупнаго рогатаго скота и отары овецъ, оберегаемыя волкообразными овчарками и конными пастухами. Во всѣ стороны виднѣется много колодезь съ высокими «журавлями». Цвѣтущая степь была полна самыхъ разнообразныхъ птичьихъ свистовъ, ястребинаго клекта и урчанія лягушекъ, мірадами наполнявшихъ каждую лужу. Пестрыя сороки и голубыя сиворабки безпрестанно мелькали передъ глазами. Вѣднорозовыя мальвы и золотистый дроку, васильки, гвоздика и пунцовый макъ безконечнымъ пестрымъ ковромъ разстилались во всѣ стороны по равнинѣ. Около дороги, кромѣ казаковъ, державшихъ разъѣзды вдоль желѣзнаго пути, попададось не мало и поселянъ въ длинныхъ бѣлыхъ рубахахъ, подпоясанныхъ широкими красными шальями. Занятые съ ранняго утра полевыми работами, они отрывались на минутку отъ дѣла, при видѣ несущагося мимо нихъ поѣзда, и приветливо махали пассажирамъ своими широкополыми шляпами, а румынскія поселянки посылали во слѣдъ имъ благословенія и сами крестились при этомъ. Встрѣчались по сторонамъ дороги и конные еврейчики въ бѣлыхъ фуражкахъ военной формы. Это все были «агенты» пресловутаго «Товарищества», которые рыскали теперь по краю, обдѣлывая насчетъ русскихъ войскъ свои выгодные геншефты.

Уже со вчерашняго дня, съ самаго переѣзда за черту границы, сестрамъ неоднократно и съ разныхъ сторонъ волей-неволей приходи-

лось, во время остановок на станциях, слышать, среди случайных разговоров с военными людьми, многочисленныя жалобы на то, что жидки эти торопятся задешево скупить повсюду продукты, не разбирая их качества, и что чуть-лишь успѣютъ они въ какой-либо мѣстности благополучно сдѣлать эту операцію, какъ тотчасъ же, съ помощью взятокъ румынскимъ чиновникамъ, искусственно поднимаютъ на эти продукты тройныя, пятерныя, а при удобномъ случаѣ даже и большія цѣны, по которымъ и предъявляютъ предметы продовольствия нашимъ войскамъ, заручившись предварительно «оправдательными» документами за надлежащею подписью и печатами мѣстныхъ румынскихъ властей, а то и просто по роспискѣ самого продавца продуктовъ, даже никакъ не засвидѣтельствованной, на что давалъ имъ полное право и самый контрактъ, заключенный «Товариществомъ» съ полевымъ интендантствомъ¹⁾. Изъ всѣхъ этихъ разговоровъ всегда оказывалось одно и то-же, а именно, что дѣло кружнаго мошенничества и обирания казны дѣлается «чисто», такъ что съ юридической стороны никакой «контроль» не придерется и подъ «Товарищество» иголки не подточить. Въ этомъ съ нагlostію утѣряли даже и сами «агенты», похваляясь тѣмъ, что войска «не смѣютъ» браковать ихъ продукты, какого бы ни были они качества²⁾.

Будучи невольна свидѣтельницею такихъ разговоровъ и перекаивъ, Тамарѣ не разъ приходилось краснѣть, испытывая въ душѣ жгучее чувство неловкости, стыда и досады. Ей все казалось, будто по типу лица всѣ непременно должны угадывать въ ней еврейку, плоть отъ плоти и кость отъ кости этихъ самыхъ «товарищей» и «агентовъ», и что всѣ эти укоры и все презрѣніе, съ какими говорятъ о нихъ, косвеннымъ образомъ относятся и къ ней, какъ еврейкѣ. Ей было больно и стыдно за этихъ своихъ «братій» по происхожденію; она чувствовала, что ненавидитъ и презираетъ ихъ за такія дѣла можетъ быть болѣе, чѣмъ тѣ, которые говорятъ, но высказывать это вслухъ претило ей какое-то особенное нравственное чувство, — не то самолюбіе, не то гордость, — а что, молъ, какъ мы скажутъ или подумаютъ на это: что вы возмущаетесь, чего бранитесь, вѣдь вы сами еврейка!? — Она чувствовала, что отъ такого отношенія къ ней не защититъ ее даже и принятое ею христіанство, что по крови она все-таки «жидовка» и, въ глазахъ большинства, въ глазахъ толпы, навсегда «жидовкой» и останется. Скрывать свое происхожденіе, или отречься отъ него? —

Но это казалось ей малодушіемъ, низостью, даже смѣшинымъ. Поэтому оставалось только молчать и таить въ себѣ свое болѣзненное чувство неловкости и стыда, которое становилось отъ этого еще колюче и больнѣе.

Присутствіе русскихъ войскъ было замѣтно повсюду. Тамъ и сямъ бѣлѣли въ сторонѣ палатки большихъ лагерей и сѣрѣли обозы, расположившіеся на бивакахъ. По шоссе, которое мѣстами шло рядомъ съ желѣзною дорогой, тянулись эшелоны войскъ, артиллерія, парки и длинныя обозы. Въ авангардахъ шли казачьи сотни въ бѣлыхъ фуражкахъ. Ротныя собаки, высунувъ языкъ, понуро плелись за своими кормильцами. Удушливая жара уже съ семи часовъ утра нестерпимо дожимаетъ и людей и животныхъ. Не слышать ни говора, ни пѣсенъ. Баталіоны двигаются молча, медленно, но безостановочно, словно бы ползутъ, какъ гигантская змѣя, свиваясь и развиваясь длиною лентой. Изъ вагона, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шоссе, видно очень ясно, какъ съ усталыхъ, запыленныхъ лицъ катится потъ; бѣлые рубахи не только мокры, но даже посѣрѣли отъ поту и липнутъ къ плечамъ, къ рукамъ, къ груди; молодые солдаты согнулись, что называется, въ три погибели подъ навьюченною на нихъ тяжестью ранцевъ, подсумковъ съ боевыми патронами и скатанныхъ черезъ плечо пинзелей. Но отсталыхъ что-то не видать. Хотя и тяжело, очень тяжело людямъ, но замѣтно, что они успѣли уже постепенно втянуться въ трудное дѣло похода. И глядя на нихъ, Тамара невольно приспосаблилась сочувствіемъ къ этимъ людямъ и почти-тельнымъ удивленіемъ къ ихъ безконечной выносливости и упорному терпѣнію, къ ихъ молчаливой и безропотной, но великой страдѣ.

Изрѣдка мелькали по пути румынскіе города и мѣстечки, гдѣ въ зелени садовъ виднѣлись бѣлые стѣны глинобитныхъ хатокъ, черепичныя и бѣлыя жестяныя кровли уютныхъ домиковъ и жестяные купола церквей, какъ серебро сверкавшіе на солнцѣ. Неподалеку отъ станицъ, по большей части, располагался временный базаръ, наполненный множествомъ пестрыхъ «каруцъ», разномастныхъ лошадей, пепельно-сѣрыхъ воловъ и пестрымъ народомъ, въ широкополыхъ шляпахъ или высокихъ бараньихъ шапкахъ, среди котораго мелькали знакомыя фигуры русскихъ солдатиковъ, отлучившихся за покупками съ ближайшаго бивака. На станціяхъ разводные пути обыкновенно были заставлены нѣсколькими военными поѣздами, ожидавшими своей очереди къ дальнѣйшей отправкѣ; на одномъ изъ нихъ казаки съ лошадьми, на другомъ артиллерія, на третьемъ саперная команда выѣстъ съ морями, морскія цѣпи, якоря, канаты и сѣти для вылавливанія торпедъ; на нѣсколькихъ платформахъ — лодки-миноноски, покрытыя брезен-

¹⁾ А именно, пунктъ 6-й условія, заключеннаго «Товариществомъ» Грегеръ, Горвицъ и Коганъ — съ полевымъ интендантствомъ дѣствующей арміи 16-го апрѣля 1877 г.

²⁾ Тамъ же, пунктъ 9-й.

тами. Изъ вагоновъ несутся звуки солдатскихъ хоровыхъ пѣсень съ бубнами, «ложками» и гармониками. Галереи дебаркадеровъ всегда кишѣли народомъ, среди котораго преобладалъ военный элементъ—русскій и румынскій. Но послѣдній, даже и на женскій взглядъ сестеръ, въ сравненіи со своимъ, русскимъ, мало отличался молодцоватостью и военною выправкой.

— Куда имъ до нашихъ!—говорила сестра Степанида, особенно ревнивая ко всему «своему», «русскому».—И сравненія нѣтъ! Какъ можно!.. Ну, поглядите, на милость, что-за фигуры!

И глядя на эти румынскія «фигуры», столь невыгодно для себя щекотавшія патриотическое чувство сестры Степаниды, Тамара находила, что онѣ и въ самомъ дѣлѣ похожи скорѣе на мирныхъ гражданъ, въ родѣ булочниковъ, пшеницъ, сапожниковъ и парикмахеровъ, переряженныхъ для чего-то въ очень красивые военные костюмы и старающихся придать своимъ фizioноміямъ и манерамъ бульварно французскій характеръ. Ей все казалось, будто она уже видѣла ихъ гдѣ-то границей, на сценѣ, въ какой-то опереткѣ Оффенбаха.

Въ дебаркадерной толпѣ всегда сновало нѣсколько еврейскихъ «агентовъ» компаній «Грегеръ, Горвицъ и Коганъ» и множество красивыхъ «куконокъ»—румынскихъ горожанокъ нѣсколько животнаго типа, напоминающаго собою откормленныхъ пулярдокъ. Однѣ изъ нихъ были одѣты по послѣдней, но нѣсколько утрированной, парижской картинкѣ модъ, а другія щеголяли яркими, рѣзко выдающимися въ глаза нарядами, гдѣ преобладали желтый и пунцовый цвѣта. Русскій говоръ раздавался повсюду,—даже съ козелъ стоявшихъ у станціи щеголеватыхъ «бяржъ», на которыхъ возсѣдали безбородые сектанты-возницы бабьяго вида, въ русскихъ кучерскихъ армякахъ, пригласившіе на чистомъ русскомъ языкѣ прокатиться по городу. Все это производило яркое, пестрое и пестрое впечатлѣніе, которое однако вездѣ отражалось все тѣмъ же ропотомъ и жалобами на непоимѣрную алчность «друзей и союзниковъ». Торговцы и, преимущественно, евреи драли съ офицеровъ и даже съ солдатъ за трехфунтовый пшеничный хлѣбъ по три франка. Съ сестеръ за стаканъ сельтерской воды изъ сифона брали на станціяхъ по франку. Сразу почувствовали «друзья и союзники» безнаказанную возможность быстрой и наглагошки на счетъ русскаго кармана. Жаль было въ особенности солдатъ, которые сильно жаловались, что румыны и жидаы всячески надуваютъ ихъ при каждой покупкѣ, при каждомъ размѣнѣ денегъ,—и обмѣриваютъ, и обчитываютъ самымъ безбожнымъ образомъ. И дѣйствительно, обираніе въ лавкахъ и магазинахъ—офицеровъ, а на базарахъ—солдатъ, производилось въ грандіозныхъ размѣ-

рахъ, по совершенно произвольному, фантастическому курсу. Наши полуимперіалы пошли вдругъ ниже своей металлической стоимости. На протесты и стараніе такъ и сякъ объяснить, въ отвѣтъ слѣдовало одно лишь пожиманіе плечами и неизмѣнное «нушети» (не знаю, не понимаю). Въ особенности жутко приходилось солдатамъ, у которыхъ наши кредитки принимали по произвольному курсу, считая рубль за 2 франка и 35 сантимовъ, а отъ размѣннаго серебра и вовсе отказывались. Во всемъ этомъ отличались на столько же румыны, на сколько и евреи, въ рукахъ у которыхъ сосредоточивается наибольшая часть румынской торговли и промышленности. Евреямъ же армія наша была обязана и тѣмъ неслыханнымъ подъѣмомъ цѣнъ на всѣ предметы первой жизненной необходимости, какой появился здѣсь послѣ перехода русскихъ войскъ черезъ границу. Произошло это по предварительному негласному соглашенію мѣстныхъ крупныхъ евреевъ и административныхъ чиновниковъ съ еврейскими агентами и уполномоченными компаній Грегера, Горвица и Когана. Русскіе люди присутствовали тутъ при замѣчательномъ, небываломъ доселѣ явленіи: въ прежнія времена, когда кака-нибудь наполеоновская «grande armée» вступала въ «дружественную» страну и начинала ее грабить посредствомъ реквизицій, это никого не удивляло, почтятся вполнѣ естественнымъ и чуть ли даже не легальнымъ дѣломъ; теперь же, благодаря всемогущимъ жидамъ, «дружественная и союзная» страна грабила русскую армію, всецѣло и безпрекословно отданную на произволъ самой безшабашной и всесторонней эксплуатаціи алчной жидами, и своей, и румынской. Эти мелкіе «агенты» пресловутаго «Товарищества», не довольствуясь крупнымъ доходомъ серебряныхъ рублей и полуимперіаловъ, ежедневно перепавшихъ въ ихъ укладистые карманы, съ истинно жидовскою скрупулезностью выгадывали въ свою пользу каждый мѣдный грошъ, если имъ можно было попользоваться на счетъ безотвѣтнаго солдата. Отвратительнѣе и позорнѣе этого высасыванія грошей и полшекъ трудно было представить себѣ что-либо, особенно въ первое время. Потому уже наши пообтерались и свылклись, но и до конца войны все же слышался глухой ропотъ, что армія въ кабалѣ у евреевъ.

* * *

Въ Букарештѣ сестры Боговлянской общины пріѣхали подъ вечеръ и остановились въ заранѣе нанятой для нихъ помѣстительной квартирѣ, на одной изъ второстепенныхъ, болѣе тихихъ улицъ. Впрочемъ, румынскій «маленькій Парижъ» (ибо румыны называютъ свою грязноватую, полуцыганскую-полужидовскую столицу не иначе, какъ «маленькимъ Парижемъ») и здѣсь давалъ-таки себя чув-

ствовать. Въ окрестныхъ садикахъ разныхъ кабачковъ и кафешекъ, начиная съ пяти часовъ пополудни и до четырехъ часовъ ночи, безъ устали и почти безъ перерыва раздавались визигиванья, свисты, нытье и завыванье то цыганской музыки, то пивабскихъ пѣвицъ и арфистокъ, поощряемыхъ шумными «браво», «bis» и неистовыми аплодисментами многочисленной и не совсѣмъ-то трезвой публики. То былъ часто Содомъ музыкальный, всю ночь не дававший покою усталымъ сестрамъ. Сосѣдніе трактирчики и кофейни съ утра и до поздней ночи были переполнены мѣстными чиновниками, щеголеватыми офицерами, докторами, адвокатами, депутатами и т. п.—вообще, людямъ среднего сословія, для котораго наивысшій интересъ представляетъ политика и политическое пустословіе. Въ тѣхъ же кофейняхъ, вмѣстѣ съ этимъ пустословіемъ, почерпавшимъ свои вдохновенія изъ вѣнской «Neue Freie Presse» — самой распространенной здѣсь газеты, — съ ранняго утра шла уже публично самая жестокая игра въ кости и карты. Международныхъ шулеровъ при этомъ, конечно, было пропасть, и всѣ они ажно-пытливыми взглядами окидывали всякаго русскаго офицера, когда тотъ заглядывалъ въ кофейню или случайно подходилъ къ игорнымъ столамъ. Вся эта трактирная жизнь совершалась открыто, въ садахъ и на улицѣ, такъ что сестрамъ нашимъ поневолю приходилось быть ея свидѣтельницами изъ оконъ своихъ комнатъ. На той же улицѣ, какъ и на всѣхъ остальныхъ, съ утра до ночи толклось не мало празднаго народа изъ визнскихъ сословій, преимущественно предъ гостеприимными и широко раскрытыми дверями разныхъ «кычурмы» (распивочныхъ), заражавшихъ окрестный воздухъ отвратительно спиртуознымъ запахомъ «кракн» и «мастикн». Туно глаза на что-нибудь, случайно обратившее на себя ихъ вниманіе, они, бывало, стоятъ на мѣстѣ, словно пришибленные подавляющею апатіей, скукой и лѣнью. Юркость уличному движенію сообщали только вездѣсущіе жидки, которые сновали туда и сюда, вынюхивали, высматривали, выслѣживали и назойливо приставали къ русскимъ офицерамъ съ разными предложеніями, въ качествѣ факторовъ, коммисіонеровъ, штучныхъ продавцевъ, ручныхъ торговцевъ и всевозможныхъ гешефтмахеровъ. Иногда улица оживлялась также очень своеобразнымъ шествіемъ гражданской гвардіи и резервистовъ на учебный плацъ. Въ средѣ этого воинства царилъ самый пестрый обрядъ всевозможныхъ костюмовъ: отъ крестьянской рубахи до щегольской жакетки и фрака, сплошь обритыя лица и рядомъ — фizioноміи, украшенные всевозможною растительностью, цилиндръ, смушковая шапочка, долгополая шляпа, очки, пенсне и монокли, пестрые штаны и жилетки,

лакированные ботинки и рядомъ голыя ноги какого-нибудь савкилота. Высокія и низенькія, толстыя и тощія фигуры этихъ гражданъ-воиновъ, кое-какъ поставленныхъ въ ряды, безъ разбора и разжира, вооруженныхъ тесаками и ружьями, переважно шествовали по улицамъ не иначе, какъ подъ звуки рожковъ и барабановъ, съ развернутымъ баталіоннымъ знаменемъ и пестрыми ротными значками, въ сопровожденіи досужей уличной толпы и прыгающихъ между рядами мальчишекъ.

Спустя дня три по приѣздѣ, нѣсколько сестеръ отпросились у начальницы въ городъ. У каждой нашлась надобность въ кое-какихъ маленькихъ покупкахъ, а главное, каждой хотѣлось поближе посмотрѣть на большой незнакомый городъ, куда привела ихъ судьба среди совершенно исключительныхъ обстоятельствъ, взглянуть хоть мелькомъ на его жизнь и характеръ. Сестеръ отпускали поочередно, небольшими партіями, и не иначе какъ въ наемныхъ фаэтонахъ, по здѣшнему — «биржахъ». Въ одной изъ такихъ партій отправилась и Тамара, на полезность которой въ такихъ экскурсіяхъ товарки ея особенно рассчитывали потому, что зная латышскіе, она могла, въ случаѣ надобности, служить переводчицей при объясненіяхъ въ магазинахъ и лавкахъ.

Какъ-разъ въ это время въ Букарештѣ стоялъ самый развалъ его ежегодной весенней ярмарки, которая продолжается цѣлую недѣлю съ 9-го по 15-е мая. Въ эти дни весь Букарештъ — плебейскій и фешенебельный — одинаково стремится на ярмарочную площадь смотрѣть общую пляску простонародныхъ охотниковъ до подвижничества, подготовляющихъ себя къ этому, своего рода, факирству сорокадневнымъ постомъ и молитвою. Вереницы каретъ, фаэтоновъ, ландо, нетычанокъ и бричекъ тянутся цѣною между густыми толпами народа. Музыка гремитъ въдесяти, въ двадцати мѣстахъ разомъ и все разное; бухаютъ турецкіе барабаны, звякаютъ металлическія тарелки, визжатъ цыганскія скрипки и дудки-*нуи*, тромбоны рѣжутъ ухо своимъ усерднымъ, но не всегда стройнымъ аккомпанементомъ, — все это вмѣстѣ съ шумомъ игрушечныхъ трещотокъ и кри-кри, звономъ бубенчиковъ и колокольчиковъ, пѣснями и возгласами народной массы представляетъ хаосъ невозможныхъ музыкальных диссонансовъ, но все это дышетъ такимъ весельемъ, такою жаждою жизни, которая сказывается и въ этихъ диссонансахъ, и въ яркой пестротѣ нарядовъ, и въ этомъ неутомимомъ движеніи съ ранняго утра до поздней ночи, и все это вмѣстѣ съ тѣмъ такъ красиво и оригинально, что невольно подкупало въ свою пользу постороннихъ зрителей, какими тогда являлись тутъ русскіе люди, заставляя и ихъ увлекаться столь кипучею жизнью. При этомъ еще весенняя прозрач-

ность лазурныхъ небесъ, чудная, нѣжная теплота майскаго воздуха, яркое солнце и масса роскошной зелени,—вездѣ фиалки, розы и жасмины; бѣлая акація цвѣтетъ на каждомъ шагѣ и разливаешь въ воздухѣ свое одуряющее благоуханіе; постоянно снуютъ передъ глазами множество красивыхъ женщинъ въ національныхъ костюмахъ или въ весенне-легкихъ, прозрачныхъ туалетахъ, множество мужчинъ въ народномъ румынскомъ, въ локкомъ венгерскомъ, въ красивомъ арнаутскомъ или славянскомъ нарядѣхъ; множество горячихъ, страстныхъ черныхъ глазъ юга..

9-е, 12-е и 15-е числа мая мѣсяца—это по преимуществу дни обѣдныхъ плясунь въ ярмаркѣ, и въ эти дни они пляшутъ свои народные пляски *роману*, *хору* и *киндю* уже до упаду, съ утра и до поздней ночи Тутъ обыкновенно посѣщаетъ ярмарку княжеская чета со своимъ дворомъ и вообще все высшее общество Букарешта въ богатыхъ национальныхъ костюмахъ.

Путь нашихъ сестеръ, отпросившихся на ярмарку, лежалъ чуть-ли не черезъ весь городъ, и улицы на всемъ протяженіи ихъ пути были переполнены народомъ. Открытыя окна домовъ, балконы и террасы во всющейся зелени были унизаны рядами дамъ съ живыми цвѣтами въ волосахъ, по большей части не покрытыхъ шляпками, съ букетами и вѣрами въ рукахъ. Мужчины преимущественно толпились внизу, на тротуарахъ. Конные жандармы въ металлическихъ шинакахъ, съ карабинами взятыми «на изготовку», стояли шпалерами. Вагоны трамвая, переполненные внутри и наверху пассажирами и изукрашенные гирляндами и флагами, порою едва могли двигаться за толпою; съ высоты ихъ имперіаловъ раздавались звуки дѣтскихъ трещотокъ, погремушекъ и высвисты глупыхъ «уточекъ», которыми забавлялись не столько дѣти, сколько взрослые, кричавшіе почему-то ура и махавшіе платками и дѣтскими воздушными шарами. И надъ всею вереницею экипажей, всадниковъ и пѣшеходовъ, надъ этими пиджаками, цилиндрами, барашковыми народными шапками и лирикополюми шляпами, широкими *интересу* и *тульпанамъ* ¹⁾, поповскими камиллаками греческой формы и военными кеши,—надъ всѣмъ этимъ пестрымъ и веселящимся людомъ летали въ воздухѣ бумажные змѣи, красно-желто-синіе (сочетаніе румынскихъ государственныхъ цвѣтовъ) воздушные шары и, вмѣстѣ съ гомономъ людскихъ голосовъ, стоялъ гулъ отъ множества самыхъ разнообразныхъ возгласовъ продавцовъ *дульчанъ* (сластей), свѣжей воды, прохладительныхъ напитковъ, табаку, игрушекъ и отъ мно-

жества не менѣе разнообразныхъ выставокъ, шелкачьи, звякачьи, трескотни и т. п. Даными рядомъ тянулись палатки и балаганы съ товарами, лотереями, народными ресторациями и разными представленіями заѣзжихъ фокусниковъ, конглеровъ, буфоновъ, маговъ и чревоуещателей. Карусели кружатся, тамъ и сямъ скрипятъ перекидные качели.. Множество крестьянскихъ возовъ съ сельскими товарами протянулись длинными рядами; множество пестрыхъ флаговъ на высокихъ шестахъ развѣваются въ воздухѣ... Все это было ярко, шумно, пестро и производило самое веселое впечатлѣніе. О туркахъ здѣсь словно позабыли и думать.—За синію русскую армію, приближившейся къ Дунаю, всѣ теперь были спокойны,—не то-что двѣ-три недѣли назадъ, когда столичное населеніе въ страхѣ помышляло о возможности турецкой переправы на лѣвый берегъ, подъ Журжевымъ. Но была и еще причина такой беззаботной веселости, причина самая вѣская, это—золотой дождь имперіаловъ, который въ изобиліи лился и лился въ то время на Румынію изъ русскихъ офицерскихъ кармановъ и казенныхъ денежныхъ ящиковъ.

Слѣдуя по *Calea Mogoșoay* ²⁾, гдѣ тянулись двѣ цѣпи экипажей, — одна въ ту, другая въ обратную сторону,—Тамара вдругъ замѣтила въ этой послѣдней цѣпи фигуру графа Карголя. Она вся встрепенулась, точно бы что радостно толкнуло ее въ сердце, точно бы внутри ея вдругъ электрическая искра пробѣжала. Онъ двигался ей навстрѣчу въ шегольскомъ фаетонѣ,—излищный, цвѣтущій, элегантно одѣтый, какъ и всегда, съ бутоньеркой изъ живыхъ цвѣтовъ въ петлицѣ легкаго пальто и, какъ кажется, очень довольный собою. Да неужели онъ?! Не можетъ быть! Откуда ему взялся!.. Тамара всмотрѣлась въ него пристальнѣе,—да, онъ! Онъ несомнѣнно. Но какими судьбами? Какъ, почему онъ здѣсь, по какому случаю?.. Онъ, однако, не одинъ: рядомъ съ нимъ еще кто-то... сидятъ вдвоемъ и такъ оживленно разговариваютъ между собою... Съ кѣмъ это?.. Боже мой, да неужели?!.. И не вѣря даже собственнымъ глазамъ, Тамара узнала въ этомъ второмъ господинѣ столь хорошо знакомаго ей по Украинску, Абрама Йоселювича Блудштейна. Тутъ она уже ровно ничего и понять не смогла. Карголь и Блудштейнъ — вмѣстѣ, вдвоемъ, что за странное явленіе?! Что между ними можетъ быть общаго? Не обманывается ли она?.. Можетъ быть, это только случайное оходство, или игра ея собственнаго воображенія, родъ галлюцинаціи какой-то?—Но нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ!—Это дѣйствительно графъ и дѣйствительно «дядюшка» Блудштейнъ, напавшій для чего-то себѣ

¹⁾ *Интересу* — мужской кафтанъ, *тульпанъ* — женскій головной уборъ.

²⁾ Главная улица Букарешта.

на затылокъ бѣлую офицерскую фуражку съ кокардой.—При довольно медленномъ движеніи экипажей, она имѣла достаточно времени, чтобы хорошо разглядѣть и того, и другого. Вся вспыхнувъ отъ радостнаго волненія, она во все глаза глядѣла на Каржолу, ожидая и даже будучи убѣждена, что вотъ-вотъ сейчасъ онъ почувствуетъ на себѣ ея взглядъ, обернется въ ея сторону, и взоры ихъ встрѣтятся... Она готова была закричать ему, даже выпрыгнуть изъ экипажа и броситься къ нему на встрѣчу, но отъ этого порыва удержало ее присутствіе сестеръ и, еще болѣе,—странное, непонятное для нея присутствіе Блудштейна. Пристально провожая графа глазами, послѣ того какъ ихъ экипажи разминувшись между собою, она обернулась назадъ и нѣсколько времени смотрѣла ему вслѣдъ, все еще надѣясь, что авось-либо онъ оглянется и увидитъ ее... Но увь! — то было напрасное ожиданіе. Графъ ее не замѣтилъ. Онъ на столько былъ поглощенъ какимъ-то, вѣроятно, очень дѣловымъ разговоромъ съ Абрамомъ Иоселювичемъ, что казалось, ничего и никого, кромѣ своего собесѣдника, не видитъ. Но для Тамары и то уже было утѣшительно, что онъ здѣсь, въ одномъ городѣ съ нею, что она наконецъ нашла его... Стало быть, можно будетъ разыскать его, узнать его адресъ, дать ему знать о себѣ, написать къ нему. О, да! Она непременно все это сдѣлаетъ, сегодня же, сейчасъ же, какъ только вернется съ сестрами домой,—она во что бы то ни стало съ нимъ увидится—она *должна* видѣться... завтра, послѣ завтра, но во что бы то ни стало! Ей такъ много есть о чемъ передать ему, поговорить съ нимъ, облегчить, отвести наконецъ свою душу, насладиться самымъ лицеприятнѣмъ милаго, желаннаго человека. Тамара не сомнѣвалась, что графъ поспѣшитъ откликнуться ей въ ту же минуту, какъ только узнаетъ, что она здѣсь. Какъ удивится-то, какъ обрадуется!.. Но зачѣмъ самъ-то онъ здѣсь? по какимъ дѣламъ?—Можетъ быть, поступилъ въ «Красный Крестъ» и назначенъ «уполномоченнымъ»? Или пріѣхалъ опредѣляться волонтеромъ въ армию?.. Что-жъ, онъ такъ мужествененъ, такъ благороденъ, у него такіа честныя, гуманныя убѣжденія, онъ такъ способенъ на увлеченіе, на самопожертвованіе... Война, бой—это такое, казалось ей, обаятельное для каждого мужчины, такое влекущее, притягивающее къ себѣ явленіе, что было бы воля! естественно, еслибъ на него откликнулся и графъ—*la noblese oblige*,—какъ откликнулись уже многіе, добровольно перемѣнявшіе свою блестящую гражданскую карьеру на мундиръ армейскаго солдата. Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ съ нимъ тутъ этотъ Абрамъ Иоселювичъ? Что у нихъ можетъ быть общаго, какія такіа дѣла? О чемъ они могли такъ серьезно и озабоченно разговаривать?—Все это остава-

лось для Тамары странною, сбивающею съ толку загадкой.

XIII.

У его экцелленціи, господина Марзеску.

Графъ дѣйствительно не замѣтилъ Тамару. Въ ту минуту онъ весь былъ поглощенъ серьезнымъ разговоромъ съ Абрамомъ Иоселювичемъ по очень важному и интересному для нихъ обоихъ геншефту. Абрамъ Иоселювичъ, взявшій на себя часть громаднaго подряда по поставкѣ на армию сухарей, желалъ бы открыть одну изъ своихъ сухарныхъ фабрикъ въ окрестностяхъ Букарешта, близъ одной изъ станцій желѣзной дороги, чтобы имѣть возможность доставлять сухари частямъ войскъ въ скорѣйшій срокъ и кратчайшимъ путемъ. Но одно только это удобство не представляло еще для Блудштейна особенной выгоды, и даже самая фабрика сухарная была нужна ему не столько для дѣла, сколько для виду, для отвода глазъ. — *Die Hund war nicht hier begraben*.—Интимная сущность дѣла заключалась въ томъ, что составленная Блудштейномъ «сухарная компанія», во главѣ которой фиктивно фигурировало титулованное имя графа Каржоль де-Потрека (самъ Блудштейнъ оставался въ тѣни и какъ будто въ сторонѣ) договаривалась съ интендантствомъ поставлять сухари съ доставкой на мѣста по 2 р. 80 к. за пудъ. Интендантство за цѣной не стояло, — благо, деньги казенныя и потребность для войскъ неотложная. Нѣкоторую часть этой операціи Абрамъ Иоселювичъ устроилъ въ Россіи, въ Украинской губерніи, гдѣ ему удалось передать производство выпечки крестьянамъ, по цѣнѣ отъ 60-ти до 80-ти копеекъ за пудъ, а самому явиться лишь въ роли посредника между крестьянами и казною. Но главный «кунстштукъ» этого дѣла состоялъ въ томъ, что у Абрама Иоселювича въ самой Румыніи оставались еще на рукахъ значительные запасы хлѣба въ зернѣ и муцѣ, которые онъ задешево скупилъ здѣсь, на мѣстѣ, еще въ то время, когда цѣны на хлѣбъ не успѣли подняться, — хотя въ «оправдательныхъ» документахъ, заведѣтельствующихъ ему разными румынскими «шефулами», «гувернорами» и «префектами» цѣны эти, ради русской казны, и были показаны втрое выше дѣйствительныхъ — и вотъ, теперь-то, въ виду атихъ запасовъ, Абраму Иоселювичу чрезвычайно хотѣлось бы привлечь къ выпечкѣ румынскихъ крестьянъ, но привлечь такъ, чтобы заставить ихъ покупать муку на сухари у него же, изъ его собственныхъ складовъ, а покупать, разумѣется, уже не по той дешевой цѣнѣ, по какой онъ самъ скупалъ свои продукты, а по нынѣшней, значительно повышенной. Расчетъ Блудштейна

строился на томъ, что крестьянинъ, покупая муку у него и перепекая изъ нея хлѣбъ въ сухари, получалъ бы отъ «компаніи» за свой трудъ чистаго барыша по 10 копеекъ съ пуда, тогда какъ самъ Блудштейнъ, кромѣ прибыльной разницы въ цѣнѣ на муку, выгадывалъ бы свой барышъ еще на разстояніи и времени доставки, отправляя главную массу своихъ сухарей къ войскамъ изъ Букарешта, вмѣсто того, чтобы возить ихъ изъ Украинской губерніи. — Это, по крайней мѣрѣ, втрое сокращало бы ему расходы по доставкѣ. А такъ какъ подрядъ былъ взять его «компаніей» почти на миллионъ пудовъ, то понятно, какіе крупные барыши стянулъ бы онъ съ казны не за что иное, какъ только за свое любезное посредничество или, собственно говоря, за «остроуміе», за свою «игру ума» въ выдумкѣ ловкаго фокуса. Но убѣдить румынскихъ крестьянъ въ «выгодѣ» для нихъ покупать муку у Блудштейна и печь изъ нея сухари для него же, а въ случаѣ надобности, даже *заставить* ихъ дѣлать это, возможно было не иначе, какъ только при помощи извѣстнаго давленія на нихъ со стороны подлежащихъ румынскихъ властей. Требовалось, ни болѣе, ни менѣе, какъ оплести и обмануть простодушнаго румынскаго «плугаря», связавъ его предварительно особымъ письменнымъ условіемъ. Но дѣло это казалось настолько шекотливымъ, что даже всепродажная и малоцеремонная мелкота румынской администраціи не рѣшалась брать его на свой собственный рискъ, несмотря на довольно крупные посулы Блудштейна. И такимъ-то вотъ образомъ, для Абрама Йоселиовича поневолѣ явилась необходимость втиснуть въ свое предпріятіе кого-либо изъ «крупныхъ», заинтересовать этого «крупнаго» перспективой блестящихъ выгодъ, сдѣлать его или участникомъ будущихъ компанейскихъ барышей, или дать ему одновременно хорошую взятку, — словомъ, такъ или иначе, «купить» его. Собственная богатая опытность въ дѣлахъ подобнаго рода, а отчасти и молва мѣстныхъ дѣльцовъ-евреевъ, указали ему на подходящаго для сего человѣка въ лицѣ одного изъ парламентскихъ и министерскихъ воротилъ, члена Братіановскаго правительства, чрезъ котораго, будто бы, и не такіе еще дѣла проходили и, главное, сходились съ рукъ безнаказанно: онъ-де и для самого князя не разъ устраивалъ не совсѣмъ-то легальнымъ путемъ выгодныя аферы по скупкѣ государственныхъ и частныхъ земель и угодій, такъ что и самъ-де князь, изъ боязни быть скомпрометированнымъ, лично заинтересованъ въ благополучіи и безнаказанности этого своего фактотума, — стало быть, если кто и можетъ помочь Блудштейну обработать его смѣлый гешефтъ, то это только «алуй экцелленцъ домынулъ Мерзеску». Первая удочка въ указанномъ направленіи была предварительно заки-

нута Блудштейномъ лично секретарю этого крупнаго румынскаго туза. — Ничего, клонуло. Спустя два дня, удовлетворенный секретарь на словахъ сообщилъ графу Карюлю, что «*son excellence*» изъявилъ благосклонную готовность выслушать «представителей» русской «сухарной компаніи» и даже самъ соизволилъ выбрать для сей интимной аудіенціи такой день и часъ, когда весь Букарештъ былъ отвлеченъ ярмарочнымъ празднествомъ и торжественнымъ проѣздомъ на ярмарку румынскаго двора: меньше глазъ, меньше шуму. Между Блудштейномъ и Карюлемъ весь вопросъ былъ теперь въ томъ, какъ обработать полоче этого господина Мерзеску, къ которому въ данную минуту они и направлялись, въ качествѣ «представителей», — удовлетворить ли его единовременнымъ кушемъ теперь же, или замечъ барышами въ будущемъ, въ качествѣ компаніона? Карюль стоялъ за первое, Блудштейнъ же болѣе склонился ко второму. Хотя подобнаго рода «деликатныя» дѣла Абрамъ Йоселиовичъ предпочиталъ обрабатывать съ глазу на глазъ, но тутъ, при предстоящемъ объясненіи, никакъ не могъ обойтись безъ Карюля: графъ былъ необходимъ ему. во первыхъ, какъ officialный представитель компаніи и, во-вторыхъ, какъ человѣкъ могущій объяснить, потому что самъ Блудштейнъ, кромѣ «*bonjour*», «*merci*» и «*charmant*», ничего не понималъ по-французски. Такимъ образомъ, все дѣло поневолѣ возлагалось нмъ на дипломатическое искусство и тактъ графа Карюля.

«Дженераль» Мерзеску обиталъ въ собственномъ, благопріобрѣтенномъ небольшомъ, но очень уютно расположенномъ домѣ, съ садомъ и разными архитектурными выкрутасами въ наружныхъ украшеніяхъ и пристройкахъ, въ родѣ бельведеровъ, фонариковъ и т. д. Когда наши «представители» подкатили къ завитому виноградомъ подъѣзду внутри двора, ихъ встрѣтилъ швейцаръ съ булавой и въ министерской ливрѣ, довольно впрочемъ потертой. Въ украшенномъ лѣпною работою вестибюлѣ, на массивныхъ дубовыхъ скамьяхъ, частію дремали, частію рѣзались между собою въ карты нѣсколько курьеровъ, ординардовъ и какихъ-то домашнихъ челядинцевъ, не удостоившихъ вошедшихъ посѣтителей ни малѣйшимъ вниманіемъ. Здѣсь сильно припахивало жженымъ «тютюномъ» ¹⁾ и на прекрасномъ мозаичномъ полу валялись напирсные окурки. Сразу было видно, что вся эта распуценная домашняя орда привыкла не стѣсняться присутствіемъ въ домѣ самого высокопоставленнаго хозяина и живетъ себѣ патриархально-халатною жизнью. Карюль и Блудштейнъ подали швейцару свои визитныя карточки и просили доложить о себѣ его превосходительству. Тотъ клиннулъ одного изъ дре-

¹⁾ Простонародный табакъ въ родѣ махорки. .

мавших курьеровъ. Этотъ послѣдній, въ разстегнутомъ форменномъ сюртукѣ, съ грязнымъ галстукомъ и манишкой, нѣ-хоти и огрызался на потревожившаго его швейцара, поднялся съ мѣста, съ неудовольствіемъ принявъ отъ него карточки и понесъ ихъ во внутренніе «апартаменты», даже не потрудившись застегнуться. Спустя минуточку, онъ возвратился въ томъ же видѣ и, проговоривъ «пфутимъ»¹⁾, взмахомъ головы пригласилъ гостей слѣдовать за собой и проводилъ ихъ черезъ двѣ пріемныя до запертыхъ дверей кабинета. Тутъ курьеръ приостановился и, не столько ради самого себя, сколько для внушенія гостямъ надлежащей почтительности къ сановнику, сдѣлалъ имъ вдругъ таинственно предостерегающій жестъ, осторожно приотворилъ дверь и съ благоговѣніемъ по адресу его превосходительства, почти шопотомъ проговорилъ имъ:

— Пфутимъ! мытрать...²⁾

Графъ съ Блудштейномъ тихо вступили въ обширный кабинетъ сановной особы, гдѣ въ первый мгновенія имъ показалось, что тутъ нѣтъ нѣтъ; но затѣмъ, осмотрѣвшись, они замѣтили въ глубинѣ комнаты на широкой, низенькой оттоманкѣ какую-то, лежащую задомъ къ нимъ, жирноядвенную мужскую фигуру, въ легкомъ чичунчовомъ пѣтанлѣрчикѣ и въ однихъ носкахъ, безъ сапогъ. Озадаченные и нѣсколько смущенные такою неожиданностію, они остановились въ нерѣшительности близъ дверей, не зная уйти ли имъ, или оставаться. Но тутъ жирная фигура грузнымъ увальнемъ повернулась въ ихъ сторону и, лѣниво приподнявшись съ оттоманки, черезъ плечо обратилась къ нимъ по-французски съ приглашеніемъ присѣсть, прибавивъ, что черезъ минуту она къ ихъ услугамъ и, вождъ затѣмъ, преспокойно приняла опять свою прежнюю выпяченную позу. Каржоль съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Блудштейна, — Блудштейнъ на Каржоля, а жирная туша занялась между тѣмъ чтеніемъ какой-то форменной дѣловой бумаги и, дочитавъ до конца, принялась лежа писать на ней сбоку карандашемъ свою резолюцію.

Каржоль, отъ-нечего-дѣлать, по-невоѣ занялся пока осматриваніемъ обстановки этого кабинета. Посередкѣ—большой письменный столъ великолѣпной рѣзаной работы, съ кипами дѣловыхъ бумагъ; вокругъ него — нѣсколько роскошныхъ бархатныхъ креселъ, но уже съ истертymi и обсаленными спинками. Между окнами—книжные шкафы и на нихъ гипсовые бюсты Гарибальди и Кавура, какъ наглядное доказательство симпатій хозяина къ либеральной и національно-объединительной политикѣ. На полу—французскіе и азіатскіе ковры, изъ которыхъ одни совсѣмъ еще новенькіе, тогда

какъ другіе сильно уже потасканы и пообгребаны. Въ сторонѣ, на кругломъ столѣ куча разныхъ румынскихъ и иностранныхъ, преимущественно вѣнскихъ газетъ. Изъ подпоровъ шагоса бока оттоманки торчатъ мочала. На этажеркахъ и покрытыхъ богатыми, но уже запятнанными салфетками столахъ стоятъ разные вѣнскіе бездѣлушки, фотографическіе портреты и лампы двойкаго сорта: или черезчуръ ужъ роскошныя, или самыя обыкновенныя. На стѣнахъ—нѣсколько картинъ въ тяжелыхъ, роскошно золоченыхъ рамахъ, и между ними, на первомъ мѣстѣ, большой фотографическій портретъ князя, а противъ него—обѣмистый масляный портретъше самого господина Мерзеску, въ залитомъ золотомъ министерскомъ мундирѣ, со всѣми регаліями и съ рукою, внушительно наложенною на книги законовъ и конституціонную хартію. Затѣмъ, между остальными картинами — ни одной сколько нибудь порядочной: все какое-то шаблонно-рыночное малеванье, въ родѣ швейцарскихъ пейзажей, или даже вѣнскія олеографіи, изображающія до-родныхъ, полубогаженныхъ, съ вызывающими улыбками, красавицъ съ вѣнской Rings-Strasse, да вѣмскихъ католическихъ патеровъ въ комическомъ видѣ, отправляющихъ въ носъ по-нюшку табаку, или самодовольно смакующихъ вино передъ бочкой, въ монастырскихъ подвалахъ. Окна кабинета выходили въ садъ, на-поленный клумбами прелестныхъ цвѣтовъ, которыя однако же ужасно портילו присутствіе разноцвѣтныхъ зеркальных шаровъ всевозможныхъ размѣровъ, въ поражающемъ изобиліи насаженныхъ среди этихъ клумбъ на зеленныя тычинки. Словомъ, какъ въ кабинетѣ, такъ и въ саду рѣшительно на каждомъ шагѣ кидалась въ глаза неуклюжая смѣсь банальной европейской роскоши съ халатно-азіатскою грязью и на всемъ этомъ лежала яркая печать неизмѣримой пошлости, низменнаго безвкусія и импонирующей претенціозности.

Жирная туша, крехтя, пыхтя и сопя, лѣниво и грузно поднялась наконецъ съ оттоманки, обтерла грязноватымъ носовымъ платкомъ обильный потъ съ лица и шеи, насунула на ноги стоптанныя туфли и, не позаботясь даже привести въ приличный порядокъ свои панталоны и разстегнутый воротъ крахмальной сорочки, въ-развадку двинулась къ письменному столу, приглашая вмѣстѣ съ тѣмъ и графа съ Блудштейномъ занять мѣста противъ себя въ креслахъ.

— Извините, господа, задержалъ васъ нѣсколько, — началъ Мерзеску по-французски небрежно оправдывающимся тономъ. — Чтѣ дѣлать, вы понимаете, дѣла государственной важности... А теперь благодаря нашему на насъ вашихъ «дружественныхъ» войскъ, дѣлать еще больше стало... Просто, ночи нѣтъ! Не даютъ покою ни днемъ ни ночью... Да, могу

¹⁾ Прошу, пожалуйста.

²⁾ Входите.

сказать, эта ваша «освободительная» война намъ уже вотъ гдѣ сидитъ!

И онъ похлопалъ себя ладонью по жирному красному затылку.

Все это ужасно корбило элегантнаго Каржолы, тѣмъ болѣе, что онъ, по настоянію Блудштейна, разлетѣлся къ Мераеску во фракъ и бѣломъ галстукѣ (Блудштейнъ тоже былъ во фракъ и даже съ полунатянутой на руку перчаткой), а этотъ румынскій «хамъ» вдругъ принимаетъ ихъ въ туфляхъ и разстегнутыхъ панталонахъ, ничуть даже не смущаясь такою безцеремонною неряшливостью и даже руки не протянулъ ни тому, ни другому, — не удостоилъ!

Сановникъ, между тѣмъ, зѣвнулъ, отрыгнулся, почесалъ всею пятернею свою волосатую грудь, причемъ кстати пожаловался на ужасную жару и на блохъ, отъ которыхъ нигдѣ, даже въ княжескомъ дворцѣ, нѣтъ спасенія, а затѣмъ, какъ бы вспомнивъ о чемъ-то, громко захохоталъ въ ладоши и закричалъ по направленію къ двери:

— Гей!.. Чине акдло?!.. Ла службѣ!.. Курьеръ!.. Виянъ ынкѣч! (?)

На этотъ зовъ появился тотъ же разстегнутый курьеръ и остановился въ дверяхъ, просительно глядя на сановника.

— Дамъ ачѣсторъ домнѣлоръ де дульчацъ ши раки! (?) — приказалъ ему сановникъ, указавъ пальцемъ на своихъ посѣтителей.

Черезъ минуту какой-то небритый, но ливрейный гайдукъ, съ продранными локтемъ и съ сильнымъ чесночнымъ букетомъ отъ собственного дыханія, привнесъ на мелхiorовомъ подносѣ блюдечко розоваго варенья съ одною ложечкой на обоихъ гостей и два стакана холодной воды. Тутъ же стоялъ и граневый графинчикъ ракин. Гайдукъ принялся было наливать гостямъ по рюмкѣ водки, но тѣ отъ нея отказались, ограничась одною водою съ вареньемъ, отъ которой, въ силу обычая, отказаться было нельзя. Сановникъ досталъ изъ своего портсигара двѣ самодѣльные верченныя папироски и предложилъ ихъ гостямъ, а самъ закурилъ изъ большого янтарнаго мундштука третью.

— И такъ, господа, что вы скажете? въ чемъ ваша просьба? — началъ онъ дѣловымъ тономъ, послѣ того, какъ необходимая церемонія съ дульчацемъ была окончена и гайдукъ удалился изъ кабинета. — Только предупреждаю: болѣе десяти минутъ не могу удѣлять вамъ, — дѣла, нетерпящія дѣла, вы понимаете.

Каржоль изыщнымъ французскимъ языкомъ обстоятельно началъ излагать ему дѣло, не забывая почаще вставлять въ свою рѣчь титулъ «excellence», который отчеканивалъ съ особенною, ласкающею ухо грацией и почтительностію,

и слѣдя въ то-же время, какое впечатлѣніе производитъ его докладъ на господина Мераеску.

Господинъ Мераеску слушалъ внимательно и только наматывалъ себѣ на усь, не выражая никакими вѣщными проявленіями ни своего одобренія, ни своего несогласія. Это былъ коренастый и тучный брюнетъ лѣтъ пятидесяти, съ сиво-курчавою шевелюрой надъ низкимъ лбомъ, съ плотоядно широкими скулами и пронычательно-хитрыми черными глазами, которые нагло выглядывали изъ припухлыхъ вѣкъ и мѣликоватыхъ подглазій, обремененные густыми, широкими бровями. Подкрашенные черные усы и такая же французская «люишка», на мисистомъ подбородкѣ придавали ему скорѣе тиничный характеръ какого-нибудь выдавнаго вида курзальнаго крупнѣ, чѣмъ государственнаго сановника. Господинъ Мераеску являлъ собою типичный продуктъ той печально-знаменательной эпохи, когда послѣ 1856 года взоры боярской и буржуазной Молдо-Валахія отвернулись отъ Востока и всецѣло обратились на Западъ, ища въ чая исключительно тамъ своихъ идеаловъ и своего спасенія и обновленія, причемъ «интеллигентное» правительство и «либеральная» палата прежде всего постарались изгнать изъ употребленія свою древнюю кириллицу и замѣнить ее латинскимъ алфавитомъ, и когда, согласно такому началу, пошла радикальная ломка почти всѣхъ остальныхъ формъ и порядковъ прежней самобытной жизни. Для господина Мераеску, какъ и для каждаго современнаго «цивилизованнаго» румына, необходимо воспитавшагося на вѣнской Rings-Strasse или на парижскихъ бульварахъ, наивысшій социальный и нравственный идеалъ, къ которому онъ стремится всею душой и всеми помыслами, составляютъ оппортунистическій либерализмъ и Парижъ, но не столько нынѣшній, сколько наполеоновскій, — Парижъ Второй имперіи, со всѣмъ его мишурнымъ блескомъ, нарядной вѣщностію и внутренней пустотой и гипюль разврата общественнаго и семейнаго, съ его широкою продажностію — отъ высшихъ сферъ и министерскихъ кабинетовъ до сокровенныхъ сферъ супружескаго алькова включительно, — съ его скаредностію и жадностію, съ безнабашнымъ стремленіемъ къ быстрой, хотя бы и темной наживѣ, съ легкомысленнымъ поверхностнымъ отношеніемъ ко всему на свѣтѣ, кромѣ интересовъ собственного кармана, съ полнымъ индифферентизмомъ къ религін, къ семьѣ, къ гражданскимъ обязанностямъ и, наконецъ, съ его громкимъ, но пустымъ газетнымъ и парламентскимъ фразерствомъ. Оффенбаховщина и бульварность въ жизни, въ нравахъ, въ модахъ, въ идеяхъ и стремленіяхъ вмѣстѣ съ полуцыганскою-полуазиатскою неряшливостію, грязцою и цинизмомъ во внутренней своей сущности и въ домашнихъ, непонятныхъ порядкахъ, — такова была нрав-

(?) Эй, кто тамъ?! Чиновникъ! Курьеръ! Поди сюда!

?) Подай этимъ господамъ дульчацъ и ракин.

ственная физиономія господина Мерзеску, этого столпа румынской государственности.

Выслушавъ внимательно, съ министерскою миной, дѣловой докладъ Каржоля, «алуї экспеленцъ», прежде чѣмъ дать какой-либо отвѣтъ, широкоплечисто пустился нести околесную, мало или вовсе даже не касавшуюся изложеннаго ему дѣла, и выказалъ при этомъ столько безпредѣльнаго фанфаронства, столько самоицінія, самонадѣянности, хвастовства и замѣчательной легкомысленности, что даже у Каржоля засосало подъ ложечкой отъ нервно-тоскливаго нетерпѣнія, «да когда же, чортъ тебя возьми, ты кончишь, когда наконецъ перейдешь къ дѣлу!» А Мерзеску, между тѣмъ, забывъ про свои «нетерпящія дѣла», говорилъ, говорилъ и говорилъ безъ конца обо всемъ, что забредало ему на мысль, кромѣ самаго дѣла, кромѣ его сущности. Какъ будто нарочно желая истомить своихъ слушателей, онъ распространялся о своемъ «дорогомъ отечествѣ», о Румыніи и румынахъ, которые-де справедливы почитаютъ себѣ высшую культурною расой въ Европѣ, какъ прямые потомки великихъ древнихъ Римлянъ (и европейская наука согласна-де въ этомъ) и какъ преемственные носители идей европейской цивилизаціи, свободы и т. п. Много и долго говорилъ онъ и о «великой, свѣщенной миссіи» румынскаго народа и правительства, о его важномъ международномъ и государственномъ значеніи для равновѣсія Европы, — на чью-де сторону политическихъ вѣсовъ будетъ брошенъ румынскій мечъ, тому и достанется побѣда, — даже почему-то счелъ нужнымъ успокоить Каржоля, какъ русскаго, словами «*N'ayez pas peur, nous sommes avec vous!*» покровительственно похлопавъ при этомъ его по плечу, — и затѣмъ перешелъ къ пространному самовосхваленію: нашу-де страну нельзя трактовать, какъ ваму или какую-нибудь, съ позволенія сказать, Турцію, мы-де конституціонное государство, — не забывайте этого: «конституціонное!» — нашъ парламентъ одинъ изъ самыхъ образцовыхъ въ мірѣ, наши ораторы блестятъ демосеновскимъ и цicerоновскимъ гениемъ и къ ихъ заявленіямъ должны-де прислушиваться, а не рѣдко и сообразоваться съ ними «кабинеты» и политики цѣлой Европы, даже самъ Бисмаркъ!.. Наша журналистика «высоко держитъ свое знамя» и играетъ выдающуюся, почетную роль даже за предѣлами Румыніи, наша армія, наши финансы, наше просвѣщеніе и т. д., и т. д. Но важнѣе всего, по словамъ Мерзеску, это-то, что румынская нація, будучи «самою древнею» націей Европы, есть въ то же время и ея самая молодая, самая передовая и самая либеральная нація, стоящая-де твердымъ оплотомъ культурной Европы противъ наплыва варварства. Въ этомъ-то, по объясненію «алуї

экспеленцы», и состоитъ «великая миссія Румыніи».

Если Каржоль изнемогалъ, слушая всю эту безконечную болтовню, то Абрамъ Йоселювичъ, ровно ничего въ ней не понимавшій, но тѣмъ не менѣе заставлявшій себя любезно улыбаться и поддакивать кивками каждый разъ, когда сановный ораторъ удостоивалъ его своимъ благосклоннымъ взглядомъ, — этотъ несчастный Абрамъ Йоселювичъ впалъ въ окончательное уныніе и, жарясь въ собственномъ соку, только отпыхивался да обтиралъ потъ, ручьями катившійся у него по лицу отъ духоты знойнаго дня, а еще болѣе отъ столь продолжительнаго напряженія въ безплодномъ ожиданіи, — чѣмъ же, наконецъ, и когда все это разрѣшится?!

Уловивъ удобную минуту, Каржоль рѣшился еще разъ спросить его превосходительство, — какъ же быть насчетъ дѣла, по которому собственно они удостоены его превосходительствомъ аудіенціи? Можетъ ли «компанія» разсчитывать на благосклонное содѣйствіе его превосходительства?

— То-есть, видите-ли, — многозначительно началъ Мерзеску, подумавъ и вновь напуская на себя всю министерскую важность. — Въ принципѣ, я ничего не имѣю, напротивъ, даже очень радъ, чтобы нашъ крестьянинъ получалъ отъ «компаніи» лишній заработокъ. Великіе ли, малые ли будутъ заработокъ, — это уже дѣло его свободнаго соглашенія съ вами. Равно ничего не имѣю и противъ того, чтобы крестьянинъ покупалъ муку изъ вашихъ складовъ, если это будетъ ему выгодно. Но *заставить* его покупать только у васъ, это... это... согласитесь, какъ же такъ?.. Мы вѣдь, не забывайте, живемъ въ конституціонномъ государствѣ... Это значило бы стѣснять и ограничивать свободу гражданъ расприжаться своими экономическими дѣйствіями... Это невозможно! — категорически порѣшилъ Мерзеску. — Можетъ быть, оно мыслимо въ какой-нибудь Турціи, — продолжалъ онъ съ усмѣшкой презрительнаго снисхожденія, — или у васъ въ Россіи, гдѣ революція социальныхъ и экономическихъ отношеній еще не стерла слѣдовъ крѣпостного рабства; но въ свободной Румыніи... Нѣтъ, господа, это вы заблуждаетесь! У насъ этого нельзя!..

Каржоль переглянулся съ Блудштейномъ и взялся за шляпу, полагая, что послѣ такого рѣшительнаго отказа дальше разговаривать нецѣлѣбно; но господинъ Мерзеску, замѣтивъ это, поспѣшилъ предупредить его дальнѣйшее движеніе.

— Предложите крестьянамъ просто извѣстную цѣну за пудъ сухарей, — заговорилъ онъ тономъ доброжелательнаго совѣтника, — возьмутся они — прекрасно... Вѣдь вамъ лишь бы были сухари, а тамъ изъ какой ужъ муки

они напекутъ ихъ, — это ихъ дѣло, лишь бы суларь удовлетворилъ условіямъ... А хотите непременно печенье своей, — ну тогда нанимайте крестьянъ просто работниками къ себѣ на фабрику. Кажется, это такъ ясно!

— Но тогда что же дѣлать съ нашими складами? — возразилъ Каржоль. — Одна фабрика не въ состояніи перепечь такое количество къ обусловленному сроку.

— Не въ состояніи, такъ что-жъ? — Заводите другую, заводите третью, четвертую, — это ужъ ваше дѣло.

— Да, но это требуетъ времени, — вздохнулъ Каржоль. — Времени и такихъ громадныхъ затратъ, которыя значительно уменьшили бы выгоды подряда, даже свели бы ихъ на нуль, а между тѣмъ время не ждетъ, мы связаны срокомъ, — это главное.

Сановникъ только пожалъ плечами: очень жаль-де, но ничего тутъ сдѣлать не могу.

Каржоль опять взялся за шляпу.

— Очень прискорбно, — заговорилъ онъ суховатымъ тономъ сдержаннаго сожалѣнія. — Придется, значить, всю операцію перенести въ Россію... А мы было рассчитывали заинтересовать болѣе существеннымъ образомъ въ этомъ дѣлѣ ваше превосходительство лично, — прибавилъ онъ съ заманчиво загадочнымъ выраженіемъ.

— То-есть, какъ это? — поднялъ брови и насторожился ушн Мерзеску.

— Мы-было думали... предложить участіе, — пояснилъ графъ самымъ мягкимъ и деликатнымъ образомъ. — И мы считаемъ, что были бы счастливы, если бы ваше превосходительство соблаговолило принять отъ насъ крупный пай, въ качествѣ нашего компаніона.

— Благодарю васъ, господа, но... къ сожалѣнію, я не имѣю свободныхъ денегъ на покупку вашихъ паевъ, — улыбулся Мерзеску съ видомъ притворной скромности. — Въ маленькой Румыніи министерскія должности оплачиваются далеко не такими крупными суммами, какъ въ Россіи.

— О!.. денегъ и не требуется, — поспѣшилъ предупредить его Каржоль. — Совѣмъ не требуется... Зачѣмъ тутъ деньги, помилуйте! — Выѣсто извѣстной суммы, вы вложили бы въ дѣло ваше благосклонное покровительство, ваше нравственное содѣйствіе намъ своимъ могущественнымъ вліяніемъ, своимъ высокимъ положеніемъ... Это одно уже настолько обезпечило бы намъ успѣхъ всего дѣла, что «компанія» охотно могла бы считать васъ дольщикомъ четвертой части ея барышей.

— Очень благодаренъ, коротко поклонился Мерзеску. — Но... мой officialный постъ... мое отвѣтственное положеніе предъ палатой и предъ короной... наконецъ, наше свободное общественное мнѣніе, которымъ никакой конституціонный министръ не можетъ пренебре-

гать, — все это лишаетъ меня возможности гласно связывать свое имя съ частнымъ предпріятіемъ такого рода.

— О, повѣрьте, ваше превосходительство, — убѣдительно и вѣско замѣтилъ Каржоль, съ видомъ благороднаго достоинства, — повѣрьте, «компанія» сумѣла бы строго и свято сохранить тайну вашего участія... Мы гарантируемъ вамъ полнѣйшее инкогнито... Да и разглашать о немъ вовсе даже не въ нашихъ интересахъ.

— Пусть такъ, — согласился Мерзеску уже нѣсколько колеблясь. — Но... подумайте, господа, — у меня и времени нѣтъ, чтобы посвятить его, кромѣ государственныхъ дѣлъ, еще и вашей «компаніи». Въдѣ тутъ надо будетъ уже постоянно и непосредственно слѣдить за ходомъ ея операцій, за учетомъ, за бухгалтеріей и прочее... А это все такія для меня мелочи, заниматься которыми при моихъ трудахъ, я рѣшительно не имѣю возможности... И потомъ, — продолжалъ онъ. — Вы говорите, барыши. Хорошо, но въдѣ это барыши въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ... Богъ вѣсть, какіе это еще будутъ барыши, — будутъ ли они соотноствоваться всѣмъ хлопотамъ и трудамъ, да и самому риску, какіе потребуются внести въ дѣло теперь же, сейчасъ... Это все весьма и весьма еще проблематично.

— «Компанія» готова избавить ваше превосходительство отъ всѣхъ подобныхъ заботъ и хлопотъ, — заявилъ Каржоль. — Это, разумѣется, черная работа, и не государственному же уму заниматься ею, мы это хорошо понимаемъ. Но тутъ дѣло не въ томъ, — дѣло лишь въ маленькомъ нравственномъ содѣйствіи. Вотъ и все. Да и зачѣмъ подвергать васъ долгимъ ожиданіямъ и риску?! — Позвольте заявить вамъ, что для «компаніи», въ виду вѣрности ея предпріятія, ничего не составило бы, въ обезпеченіе интересовъ собственно вашего превосходительства, какъ негласнаго компаніона, выдѣлить вамъ извѣстный капиталъ, въ счетъ будущихъ барышей, теперь же, еще до начала дѣла.

— А, да, это другое дѣло, — глубокомысленно согласился Мерзеску и нѣсколько призадумался, какъ-бы соображая что-то.

— А какъ могутъ быть велики ваши барыши? — спросилъ онъ дѣловымъ тономъ, вытѣливо прищурился на одинъ глазъ. — На сколько, примѣрно, вы рассчитываете?

— Приблизительно, на миллионъ рублей... Можетъ быть, нѣсколько болѣе, — можетъ, нѣсколько менѣе, но въ среднемъ — миллионъ.

— Хм... Стало-быть, четвертая доля — двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, такъ?

— Двѣсти пятьдесятъ, ваше превосходительство, — слегка поклонился графъ.

— Хм... А можетъ быть и триста? —

съ плутоватой улыбкой подмигнулъ ему Мерзеску.

— Можетъ, и триста, но можетъ быть и двѣсти, и полтораста... Это пока еще трудно опредѣлить,—дѣло риска.

— Такъ. Но можетъ быть и четыреста?.. а?.. Четыреста тысячъ, что вы на это скажете, мой милый?

— Нѣтъ, на четыреста «компанія» ни въ какомъ случаѣ не разсчитываетъ: это уже превышало бы размѣры ея предпріятія,—рѣшительно отрѣзалъ ему Каржоль съ дѣловитою твердостью. Онъ ясно видѣлъ, что Мерзеску торгуется и думаетъ сорвать съ нихъ побольше, и хотя виды «компаніи», въ сущности, простирались болѣе чѣмъ на полтора милліона рублей чистой прибыли, но не въ ея расчетахъ было удѣлять одному Мерзеску свыше двухсотъ пятидесяти тысячъ, особенно принимая во вниманіе, что придется еще дать тысячъ пятнадцать его личному секретарю, да тысячъ пятьдесятъ раздать разнымъ министерскимъ чиновникамъ, провинціальнымъ префектамъ, пинутнымъ исправникамъ, съ которыми, по отношенію къ крестьянамъ, «компанія» придется имѣть непосредственное дѣло: надо, чтобы всѣ рты были замазаны, а на это, еще до начала дѣла, выходитъ уже болѣе трехсотъ тысячъ. Поэтому Каржоль рѣшился дать твердый отпоръ Мерзеску и не прибавлять къ назначенной суммѣ ни одной полуниги.

— Вы говорите, ни въ какомъ случаѣ?—съ недовѣрчивой усмѣшкой переспросилъ саповникъ.—Полноте, малѣйшій!.. Я увѣренъ, что «компанія» ваша сдеретъ съ русскаго правительства на одномъ этомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ, два милліона. Дѣло ясное. Вѣдь вы только одна изъ секцій Грегеровскаго «товарищества»? Ну, а тамъ дѣло пахнетъ десятками, сотнями милліоновъ... Ха-ха!.. Parlez-moi de ça!.. Et au fond,—прибавилъ Мерзеску, съ покровительственною фамиллярностью похлопывая графа по плечу,—для такого тароватаго правительства какъ ваше, pour l'armée des libérateurs (послѣднее слово было произнесено съ явно насмѣшливой ироніей), что такое значить однимъ-двумя милліонами болѣе или меньше... Peuh!.. Вѣдь вы воюете не изъ-за благъ земныхъ, а «изъ-за идеи!»

Сколь ни беззаботенъ, въ сущности, былъ графъ въ качествѣ, «просвѣщеннаго человека» къ «узкимъ» понятіямъ о національной гордости и національномъ достоинствѣ, почитая ихъ продуктомъ «Катковскаго патріотизма» (онъ былъ постоянный читатель и поклонникъ «Голоса»), но тутъ, при видѣ такой наглости, даже и его взорвало, такъ что вспыхнувъ онъ едва удержался, чтобы не бросить въ лицо «тому хаму» на его же родномъ языкѣ

«*a fiu de kama*», то-есть сабачьяго сына. Впрочемъ, памятуя интересы своей «компаніи», графъ ограничился лишь тѣмъ, что пожевываясь, съ явнымъ неудовольствіемъ, вывелъ свое плечо изъ-подъ фамиллярной ладони Мерзеску и сдержанно замѣтилъ ему, что какъ бы то ни было, однако же, и сама Румынія, тѣмъ что она есть, обязана, кажется, все той же «идеѣ» и той же «*l'armée des libérateurs*».

Мерзеску съ удивленіемъ поднялъ свои брови, точно бы услышалъ нѣчто чудовищно невѣроятное и нелѣпое. Послѣдовала даже нѣкоторая пауза.

— Румынія, милостивый государь,—проговорилъ онъ внушительно-размѣреннымъ тономъ,—Румынія, тѣмъ что она есть, обязана не чему иному, какъ только Парижскому конгрессу 1856 года,—примите къ свѣдѣнію эту историческую справку.

— Ну, на это много чего нашлось бы возразить,—замѣтилъ Каржоль,—но мы явились сюда не для политическихъ диспутовъ; поэтому позвольте мнѣ, ваше превосходительство, возвратиться къ нашему дѣлу.

— Et bien, mon cher?

— Позвольте повторить, что на четыреста тысячъ—*ни въ какомъ случаѣ*,—подчеркнулъ Каржоль рѣшительно и сухо.—Мы потому и кладемъ на долю вашего превосходительства двѣсти-пятьдесятъ, что это будетъ и для васъ, и для насъ безобидно. А нѣтъ,—мы переносимъ всю операцію въ Россію.

— Ха, ха, ха!.. Quelle blague! quelle blague!.. Шутники вы, право!—разсмѣялся Мерзеску принужденнымъ смѣхомъ, принимая опять дружески фамиллярный тонъ.—Mais, tout de même, vous êtes un bon garçon, — продолжалъ онъ, снова воровя покровительственно похлопать по плечу Каржоля,—et c'est pour ça que je voudrais faire quelque chose pour vous. Такъ двѣсти-пятьдесятъ, вы говорите?.. Что жъ, все равно, пускай по вашему!—Но только помните!—остерегающе подымавъ онъ указательный перстъ, украшенный крупнымъ брильянтовымъ перстнемъ.—Я готовъ помогать вамъ, но прежде всего, инкогнито!.. Малѣйшая нескромность,—и я уываю руки, я бросаю васъ, даже болѣе, я разрушу все!.. Понимаете ли, все. Надѣюсь, вы должны опѣнить мою снисходительность.

Каржоль сдѣлалъ глубоко почтительный поклонъ въ знакъ согласія и признательности.

Сдѣлка была заключена къ обоюдному удовольствію. Условились, что Каржоль официально представить «алую акцеленцу» докладную записку, съ изложеніемъ своего проекта, гдѣ постарается особенно отгѣнить всю выгоду этого дѣла для румынскихъ крестьянъ и, вообще, всю великую пользу его для народнаго благосостоянія, при томъ условіи, если крестьяне возьмутся перелекать для «компаніи» сухари, покупая муку изъ складовъ г.

Блудштейна, такъ какъ г. Блудштейнъ готовъ уступать муку этимъ крестьянамъ нѣсколько дешевле противъ нынѣ существующихъ справочныхъ цѣнъ. Абрамъ Иоселиовичъ, дѣйствительно, готовъ былъ сдѣлать маленькую скидку, копеекъ на пять съ пуда, ибо, по его расчетамъ, даже и при такой уступкѣ, барыни его все-таки будутъ громадны. Да и нужно же было чѣмъ-нибудь мотивировать необходимость забирать муку исключительно изъ его складовъ!—Господинъ Мерзеску, со своей стороны, обѣщалъ благосклонно принять къ исполненію проектъ Каржолы и, въ виду народныхъ пользы и выгодъ, особо рекомендовать префектамъ, чтобы тѣ, въ свою очередь, приложили всѣ старанія внушить, растолковать крестьянамъ эти ихъ пользы и выгоды, убѣдить и даже нравственно понудить ихъ браться за столь благое дѣло. Кроме того, Мерзеску обѣщалъ не препятствовать «компаніи», если она, при заключеніи своихъ сдѣлокъ съ крестьянами, будетъ обязывать ихъ особыми маленькими условіемъ, въ формѣ печатнаго контракта, гдѣ, между прочимъ, будетъ включено и обязательство брать муку изъ такихъ-то и такихъ-то складовъ по такой-то цѣнѣ, впредь до измѣненія обстоятельствъ, и что крестьяне, въ случаѣ нарушенія ими сего условія, или непредставленія въ срокъ взятаго на себя мелкаго подрада, отвѣтствуютъ предъ «компаніей» своимъ имуществомъ; «компанія» же, въ виду возможной перемѣны военныхъ или политическихъ обстоятельствъ, въ родѣ отступленія русской арміи въ предѣлы Россіи, или внезапнаго заключенія мира, оставляетъ за собою право прекратить дальнѣйшій приемъ уже выпеченныхъ крестьянами сухарей и за нихъ денежно не отвѣтствуетъ.—«Но понятно, пояснилъ Каржоль, что это предположеніе едва ли осуществимо и вставляется только такъ, ради формальности. Что же до пункта объ имущественной отвѣтственности крестьянъ, то и это только такъ,—болѣе въ смыслѣ известнаго стимула, чтобы побудить ихъ быть аккуратными въ срокахъ доставки и сдачи сухарей «компаніи».

Мерзеску почти не возражалъ я, въ концѣ концовъ, на все согласился! Блудштейнъ тутъ же вынулъ и положилъ ему на столъ пятьдесятъ тысячъ рублей банковыми билетами, въ видѣ задатка, и обѣщалъ, что слѣдующія сто тысячъ будутъ вручены его превосходительству при началѣ дѣла,—то-есть, когда его превосходительство отдастъ всѣ надлежащія по сему дѣлу распоряженія, и, наконецъ, остальные сто тысячъ — при концѣ операціи, приязнительно, мѣсяца черезъ четыре. Разстались они совершенными друзьями, и господинъ Мерзеску, на прощанье, очень благосклонно сталъ пожимать руку тому и другому и даже самъ любезно проводилъ ихъ до дверей кабинета.

XIV.

По прихѣту страусовъ.

На улицахъ уже стемнѣло и закигались фонари, когда графъ Каржоль возвращался вмѣстѣ съ Блудштейномъ отъ господина Мерзеску въ «Hôtel Métropole» — лучшую гостиницу въ Букарештѣ, гдѣ они занимали рядомъ одни изъ первыхъ номеровъ бель-этажа.

При входѣ, нѣмецъ-швейцаръ доложилъ графу, что его уже около часу времени ожидаетъ человѣкъ съ какимъ-то письмомъ, на которое просить-де отвѣта, и указалъ ему на посыльнаго въ форменной фуражкѣ съ бляхой. Тотъ приблизился и почтительно подалъ Каржолу небольшой заклеенный конвертикъ. Графъ посмотрѣлъ на адресъ,—рука женская и какъ-будто есть въ ней что-то знакомое. Странно... Не понимая, отъ кого могло бы это быть, онъ вскрылъ конвертъ и, при свѣтѣ газовыхъ рожковъ, быстро сталъ пробѣгать глазами небольшую записку. Лицо его вдругъ поблѣднѣло и брови тревожно нахмурились.

«Я въ Букарештѣ, въ числѣ сестеръ милосердія Петербургской Богоявленской Общины», читалъ онъ въ этой запискѣ. «Случайно встрѣтивъ васъ сегодня на «Мозосшоу», узнала вашъ адресъ и спѣшу дать вамъ о себѣ вѣсточку. Съ нетерпѣніемъ жду отвѣта, и завтра цѣлый день буду ожидать васъ. Тамара». Далѣе слѣдовала ея адресъ.

Не вѣри собственнымъ глазамъ, Каржоль еще и еще разъ перечиталъ письмо и, въ досадливой озабоченности, не зная какъ быть, невольнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Што такое? Въ чемъ дѣлу?—любопытно приступилъ къ нему Блудштейнъ, отъ котораго не ускользнула внезапная перемѣна въ лицѣ и встревоженность графа. — Письмо?.. га?.. Отъ кого письмо?

— Нѣтъ, такъ... пустяки,—вскользъ отвѣтилъ ему Каржоль, пряча записку въ карманъ. — «Не достааетъ только, чтобъ и этотъ скотъ узналъ, что она здѣсь!» подумалось ему по адресу Блудштейна и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ голову пришло справедливое опасеніе, что узнай это, въ самомъ дѣлѣ, Блудштейнъ, — онъ непременно подстроитъ тайкомъ какую-нибудь жидовскую каверау и, чего добраго, найдетъ возможность сообщить стороною Тамарѣ о женитьбѣ графа на Ольгѣ. Такая мысль впервые смутно мелькнула у него нѣ умѣ еще во время чтенія записки,—и графъ почти инстинктивно испугался и этой мысли, и того, что Тамара здѣсь, въ Букарештѣ, и что она можетъ узнать всю правду... Изъ самаго тона ея письма, скорѣй, однако, можно было заключить, что ей пока ровно ничего не извѣстно.—«А что какъ вдругъ... какъ вдругъ

она все, все узнает?!. Придетъ сюда, или случайно встрѣтится гдѣ-нибудь съ Блудштейномъ — даже можетъ встрѣтиться здѣсь, въ этой самой гостиницѣ, въ корридорѣ, на лѣстницѣ, мало ли гдѣ! — и тотъ ей все расскажетъ... Господи!» — Одно уже это ужасное предположеніе, что Тамара можетъ узнать про него всю неприглядную, неприкрашенную правду, обдавало его холодомъ, точно бы онъ преступникъ, видящій, что его скверное преступленіе вотъ-вотъ готово раскрыться и безпощадно уличить его во всей его мерзости, а онъ не имѣетъ ни силъ, ни возможности помѣшать этому... Фу! точно кошмаръ какой-то.

— Нѣтъ, увѣ самомъ дѣлѣ, отъ кого это?.. Кажется, неприятнаво што-то?.. Ужъ не по нашему ли дѣлу?.. га?.. пристава къ нему, между тѣмъ, Блудштейнъ, съ видомъ заботливаго участія, свидѣемый въ душѣ зудомъ чисто жидовскаго любопытства.

— Ахъ, да отстаньте! — досадливо оборвалъ его Каржоль. — Никакого тутъ «дѣла» нѣтъ. — просто, отъ женщины... отъ знакомой одной, и только.

— Отъ женщины? — съ шутливымъ лукавствомъ кивнулъ на него Блудштейнъ. — Н-ну, это другово считать!.. Какой вы однако зухъ, насчетъ женщинъ!.. Ай-яй, какой зухъ!.. Увсе женщинъ, вездѣ у васъ женщинъ... Н-ну!?

Графъ, не обращая болѣе на него вниманія, повернулся къ посыльному и спросилъ, говорить ли онъ по-русски?

— Руссхти вухти, — пожалъ онъ плечами, — aber ich kann etwas deutsch sprechen, Excellenz.

— Ну, и прекрасно. Ступай за мною

Онъ привелъ его въ свой номеръ и залеръ дверь на ключъ, чтобы, часомъ, не сунулъ сюда свой носъ этотъ проныра-Блудштейнъ. Надо было обстоятельно разсиротить посыльного — отъ кого, какъ и гдѣ получилъ онъ письмо для передачи? Оказалось, что кака-то русская барышня, — судя по костюму, сестра милосердія, — проѣзжая въ «бержѣ» съ тремя другими «сестрами» по «Салеа Могосхоу», приказала извозчику остановиться на углу, гдѣ въ ту минуту стоялъ этотъ посыльный, подождала его къ себѣ, написала карандашемъ на листкѣ изъ записной книжки фамилію графа Каржоль и приказала ему сейчасъ же узнать въ префектурѣ его адресъ и немедленно сообщить ей въ улицу такую-то, домъ № такой-то, гдѣ живутъ русскія «сестры». Онъ исполнилъ порученіе, за что барышня дала ему два франка и вручила для передачи графу записку, прося непремѣнно дожидаться отъ него отвѣта.

«Отвѣта... Гм!..» призадумался графъ и сталъ озабоченно и сумрачно шагать по комнатѣ. — Какъ же тутъ быть?.. Отвѣчать... но

что отвѣчать? Отвѣчать надо что-нибудь определенное... Одно изъ двухъ: или порвать все прошлое сразу и навсегда, не объясняя даже причинъ, или же видѣться... сегодня — завтра, во всякомъ случаѣ, не позже завтрашняго дня. Видѣться, — но что сказать ей при свиданіи? Какъ и чѣмъ объяснить и оправдать свое исчезновеніе изъ Украинска и все дальнѣйшее поведеніе свое относительно нея, послѣ этого несчастнаго бѣгства? — А объяснить неизбежно придется, — она навѣрное спроситъ объ этомъ... Признаться во всемъ, раскрыть всю горькую правду, не шадя себя, — но въ какомъ же, однако, свѣтѣ изобразить онъ себя предъ Тамарой? Что она послѣ этого можетъ подумать о немъ и какъ будетъ смотрѣть на него, на человѣка, ради котораго привнесла въ жертву все, самое дорогое, самое заветное, тогда какъ онъ до сихъ поръ ни разу не подалъ ей о себѣ вѣсти, даже не подумалъ узнать, гдѣ она и что съ ней!.. и вдругъ, такой неожиданный-негаданный случай, — эта встрѣча не кстати на «Могосхоу»... Господи, что-жъ теперь дѣлать?!

Рѣшительно не придумавъ, какъ ему быть, и не будучи въ ту минуту въ состояніи рѣшиться ни на свиданіе, ни на отказъ, ни даже на какой бы то ни было отвѣтъ Тамарѣ, Каржоль, какъ страусъ, при видѣ опасности, прячущій голову въ кустъ, остановился на мысли, что лучше всего не видѣться и не отвѣчать ей вовсе, до тѣхъ поръ, пока онъ не обдумаетъ спокойно и на досугъ — какъ оправдать себя въ ея глазахъ и, вообще, какого плана держаться относительно ея на будущее время, — рвать ли все разомъ, или... почему звать, можетъ, обстоятельства впоследствии сложатся еще какъ-нибудь такъ, что вдругъ представится какой-либо иной и лучший исходъ... Какой это могъ бы быть исходъ, Каржоль и самому еще не было ясно. Ему казалось только, что надо все предоставить времени, — время-де все выяснитъ, устроитъ и сгладитъ такъ или иначе всѣ шероховатости и шипы нынѣшняго его положенія... Время, быть можетъ, и оправдаетъ его предъ Тамарой, но пока, въ настоящую минуту и при настоящихъ обстоятельствахъ, когда еще и этотъ Блудштейнъ тутъ подъ бокомъ, лучше не видѣться и не отвѣчать ей ни слова. А еще лучше — уѣхать бы на нѣсколько дней изъ Букарешта... ну, хоть въ Плоешты, что-ли, да и Блудштейна, кстати, прихватить съ собою. Такъ-то, кажись, понадежнѣе будетъ. А тѣмъ временемъ, князь Черкаскій ¹⁾, можетъ быть, и этихъ богоявленскихъ сестеръ куда-нибудь оплавить подальше.

— Вотъ что, любезный, — рѣшительно остановился графъ передъ посыльнымъ, кладя на плечо ему руку. — Ты, надѣюсь, малый смыш-

¹⁾ Главнуполномоченный отъ Краснаго Креста.

лений. Вотъ тебѣ золотой, — получай!.. Ты сейчасъ же отправишься къ этой барышнѣ и скажешь ей, что въ гостиницѣ меня уже не нашеть, что я сегодня послѣ обѣда уѣхалъ по дѣламъ на нѣсколько дней изъ Букарешта, но номеръ свой удержалъ за собою — такъ, молъ, тебѣ сказали въ конторѣ — и что ты поэтому оставилъ письмо до моего возвращенія. Понимаешь?

— Ja wohl, Excellenz!.. Дѣло знакомое, будьте покойны.

«А затѣмъ», подумалъ-себѣ Каржоль, «надо будетъ сейчасъ же распорядиться, сказать швейцару, кельнеру и въ конторѣ, что если меня будетъ спрашивать какая-либо русская дама или дѣвушка, въ костюмѣ «сестры», то говорить, что уѣхалъ-де, и кончено! Оно и кстати, такъ какъ дня на два, на три придется засѣсть за сахарную записку для Мерзеску, а тамъ, — тамъ будетъ видно... тамъ уже что Богъ дастъ, — авось, что-нибудь и придумаемъ».

И онъ, въ заключеніе, приказалъ посыльному, чтобы тотъ, по исполненіи своей задачи, опять явился къ нему — доложить что и какъ исполнено, и тогда, коль скоро все будетъ обдѣлано имъ умно и ловко, получить въ награду еще столько же.

Осчастливленный столь необычайно щедрою подачкой, посыльный съ глубочайшими поклонами разсыпался въ увѣреніяхъ о своей готовности служить его сіятельству вѣрой и правдой до гроба и, съ видомъ чуть не благоговѣйнаго почтенія, присѣдая на ходу въ кофѣнкахъ, удалился изъ графскаго номера. — О! Excellenz можетъ быть спокоенъ: онъ, конечно, исполнитъ въ строгой точности все, что изволилъ приказать ему его сіятельство.

XV.

При переправѣ.

Къ ночи съ 14-го на 15-е юня, сестры Божоявленской общины прибыли въ мѣстечко Зимницу, гдѣ къ этому времени уже были втайнѣ сосредоточены войска 8-го корпуса. По распоряженію военнаго инспектора госпиталей, сестеръ, вскорѣ по прибытіи, направили на передовые перевязочные пункты. Подъ Зимницей, у возвышенно-обрывистаго берега Дуная, отдѣляясь отъ него узкимъ протокомъ, лежитъ широкая низменность, въ то время еще не вполне освободившаяся отъ воды весенняго разлива. На этой низменности, нѣсколько восточнѣе Зимницы, находится небольшой лѣсокъ, подбѣгающій къ самому берегу главнаго дунайскаго русла. Изъ-подъ этого лѣска должна была производиться ночью переправа войскъ на турецкій берегъ, а въ самомъ лѣску, въ лазаретныхъ шатрахъ 9-й и 14-й пѣхотныхъ

дивизій устраивался главный перевязочный пунктъ. «Передовой» пунктъ, на той же низменности, находился западнѣе «главнаго», въ разстояніи отъ него около трехъ верстъ, и между ними былъ раскинутъ еще одинъ пунктъ «промежуточный».

Небо уже съ вечера начало хмуриться, и вѣтеръ, надтаившій порывами, сталъ свѣжѣть и крѣпчать все больше. Можно было опасаться къ ночи значительнаго волненія на Дунаѣ. Въ десятомъ часу вечера, на турецкой сторонѣ, въ Систовѣ, было замѣтно много огней, а слѣва, изъ Вардарскаго турецкаго лагеря, довольно хорошо доносились по водѣ звуки военнаго оркестра. На зимницкомъ берегу, напротивъ, господствовали мракъ и тишина. Въ одиннадцатомъ часу турецкая музыка прекратилась, а вскорѣ послѣ этого стали гаснуть, исчезая одинъ за другимъ, и огоньки въ Систовѣ. Къ спуску на воду 208-ми понтонныхъ у насъ приступили еще съ девяти часовъ вечера, какъ только совсемъ стемнѣло, и съ того же времени, по зимницкой низменности, уязая въ илѣистомъ грунтѣ, уже двигались войска къ мѣсту посадки. Всѣ приготавленія и подходъ десантныхъ войскъ, раздѣленныхъ на шесть рейсовъ, совершались въ полной тишинѣ. Запрещено было даже курить, чтобы свѣтящимися точками папирсовъ и трубокъ не привлечь на себя вниманіе противника. Въ полночь, у мѣста посадки, сосредоточились уже войска первыхъ трехъ эшелоновъ десанта. Турецкій берегъ, вооруженный въ мертвое молчаніе, смутно обозначался темною массою въ легкомъ ночномъ туманѣ. Смутный призракъ луны изрѣдка неясно просвѣчивалъ блѣсоватымъ пятномъ среди клубившихся облаковъ. Всплески волнъ, надыхаемыхъ расходящимися вѣтрами, съ легкимъ шумомъ плавно били въ берега, и этотъ шумъ помогать скрывать громахъ нашей приближавшейся къ переправѣ тяжелой артиллеріи, которая занимала свои прибрежныя позиціи вправо и влѣво отъ опушки лѣска, избраннаго для главнаго перевязочнаго пункта. На той сторонѣ — ни огонька, ни звука. Турки, казалось, спали, не подозревая близкой опасности.

На главномъ перевязочномъ пунктѣ, въ тишинѣ и потемкахъ, также шла дѣятельная приготавленія. Сюда были доставлены солома, матрацы, цѣлысотъ цыновокъ и подвижная кухня. Сестры доставали изъ тюковъ походнаго госпитальнаго склада чай, сахаръ, спиртъ, вино, бѣлый хлѣбъ и плитки бульона, разстилали въ назначенныхъ мѣстахъ тюфяки, набивали сѣномъ подушки, приготавляли постели... Врачи и фельдшера раскладывали на операционныхъ столахъ свои инструменты, бинты, гипсочислеческую вату и всѣ прочія принадлежности для перевязокъ и ампутацій. У военныя священниковъ, на складномъ походномъ

столякѣ, уже были приготовлены эпитафии, кресты и запасные Дары для послѣдняго напутствія умирающихъ. Санитары готовили свои лубки, косынки и носилки; лазаретные служителя возились около походной кухни, кипятили воду въ кубахъ и наставляли большіе мѣдные самовары. Всѣмъ было работы не мало, и работа эта шла ходко, быстро и въ полномъ порядкѣ, такъ что спустя часа два, всѣ приготовления были уже покончены, — оставалось только ожидать прибытія раненныхъ. Пользуясь наставшимъ роздыхомъ, Тамара закуталась въ сѣрый шерстяной платокъ и вышла съ нѣсколькими сестрами на опушку лѣса, посмотреть что тамъ дѣлается, какъ идутъ военныя приготовления къ переправѣ. Нервы ея были возбуждены, нравственное настроеніе приподнято. Пока занята была работой, она не чувствовала этого возбужденія; но теперь, при видѣ безмолвно двигавшихся войскъ, изъ коихъ нѣкоторыя части уже стояли на самомъ берегу въ полной готовности къ переправѣ, при видѣ этихъ орудій, уже выставленныхъ на позицію и окруженныхъ разставленными по своимъ мѣстамъ артиллеристами, она впервые почувствовала, что тутъ готовится что-то важное, большое и грозное, чему еще впервые въ жизни приходится ей быть свидѣтельницей. Тишина почти мертвая, нарушаемая только тяжелымъ шлепаньемъ мѣрныхъ шаговъ по топкимъ болотамъ, да изрѣдка какою-нибудь командой, подаваемой то тамъ, то здѣсь тише чѣмъ въ полголоса; сумракъ облачной ночи и грозная, томительная тишина смутно выступавшаго турецкаго берега — все это заставило усиленно биться сердце дѣвушки. Но это не было чувство страха опасности и неясности, и тѣмъ менѣе, чувство слабодушной себялюбивой боязни, — нѣтъ, о себѣ она совсѣмъ забыла въ эти мгновенія, полныя чудной и грозной таинственности. Въ ея возбужденной душѣ ясно царилъ одинъ лишь высокій порывъ, — одно непрестанное молитвенное желаніе: «Господи! дай, чтобъ удалось!.. Господи, помоги, помоги имъ... и сохрани ихъ!..»

Правильно, тихо и безъ малѣйшей суеты шла на понтоны людя перваго рейса и, перекрестясь, отвалили отъ берега. Это было ровно въ часъ ночи. Генералъ Драгомировъ въ послѣднюю минуту еще разъ предупредилъ людей, что отступленія нѣтъ, развѣ въ Дунай, а потому — такъ или иначе, но нужно идти впередъ: впереди — побѣда, назадъ — во всякомъ случаѣ гибель, если и не отъ мучъ, то въ водѣ. Онъ тихо послалъ вослѣдъ отплывающимъ свое благословеніе крестнымъ знаменемъ. Въ небольшой группѣ лицъ, окружавшихъ генерала, находился и молодой Скобелевъ, котораго прикомандировали къ нему безъ всякаго опредѣленнаго назначенія, въ родѣ ординарца.

Втеръ, между тѣмъ, разыгрывался все болѣе

и болѣе, волненіе на серединѣ рѣки значительно увеличилось, такъ что усилія гребцовъ становились почти напрасными. Къ тому же луна, окончательно заволокнувшаяся густыми тучами, уже не давала и того скуднаго отсвѣта, который во время посадки еще проникалъ порою сквозь туманъ облаковъ, — и понтоны, отваливая отъ берега, одинъ за другимъ, скорѣе совсѣмъ терялись изъ виду, какъ-бы вдругъ таяли и исчезали. Турецкій берегъ, закутавшись мглой, тоже совершенно исчезъ изъ глазъ, и на водѣ стала такая темень, что судамъ десанта почти невозможно было слѣдить другъ за другомъ. Болѣе получаса прошло уже въ напряженномъ, безмолвномъ ожиданіи. Сердце Тамары изнывало въ какой-то, ей самой непонятной, тоскѣ; въ тѣлѣ ощущалась нервная дрожь, глаза и щеки лихорадочно горѣли. Она отдалилась нѣсколько отъ группы сестеръ, зашла за кусты къ самому берегу и, быстро крестясь, стала горячо, порывисто молиться, безъ словъ, одною лишь мыслью, и эта мысль была все та же: «Господи, помоги имъ! защити ихъ!.. донеси ихъ счастливо и скорѣе... скорѣе!.. Господи!..»

Но вотъ раздался въ мертвой тишинѣ одиночный выстрѣлъ. Турецкій часовой, стоявшій на посту у караулки, близъ мельницы на ручьѣ Текирь-дере, замѣтилъ подозрительное присутствіе на своемъ берегу постороннихъ людей и открылъ тревогу. Тамара вся встрепенулась и чутко стала прислушиваться. Въ ту же минуту до нашего берега слабо донеслись встревоженные голоса, возгласы и крики турокъ на мельницѣ... Раздались еще два-три выстрѣла — и пошла пальба, сначала рѣдкая, потомъ все чаще и чаще... Влѣво, на выдающемся возвышенномъ пунктѣ турецкаго берега ярко вспыхнула вдругъ большимъ пламенемъ сигнальная вѣжа... Издалеча, съ восточной стороны, отъ села Вардаръ уже доносятся звуки сигнальных рожковъ въ турецкомъ лагерѣ. Поднялась общая тревога. Прибрежныя турецкія позиціи на кручахъ, по обѣ стороны Текирь-дере, скорѣе засверкали бѣгучими, учащенными вспышками выстрѣловъ, — точно огненные змѣйки или зигзаги молніи судорожно перелѣтали тамъ съ мѣста на мѣсто, то справа, то слѣва, и выше и ниже. По поверхности Дуная былъ открытъ усиленный ружейный огонь, и звуки турецкихъ выстрѣловъ раздавались мелкою непрерывною дробью.

Въ это время на облачномъ горизонтѣ засвѣтъ первый просвѣтъ утренней зари. Темная поверхность рѣки стала мало-по-малу свѣтлѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ начали проявляться и очертанія противоположнаго берега. Это былъ первый моментъ борьбы ночной тьмы съ утреннимъ свѣтомъ, когда въ природѣ только-что начинаютъ неясно и нѣсколько фантастически вырисовываться общія очертанія наиболѣе

крупныхъ предметовъ. Но уже и при этомъ смутномъ освѣщеніи, на блѣскающей поверхности рѣки сдѣлались замѣтными черныя точки и черточки отдѣльныхъ понтоновъ. Чуть только они выскочили, какъ въ небѣ вспыхнула точная молнія и вслѣдъ затѣмъ гулко прокатился по водѣ красивый звукъ перваго артиллерійскаго выстрѣла. То была турецкая пушка,—и граната, направленная съ батареи, прикрывавшей городъ Систово, шлепнулась въ воду среди понтоновъ, поднявъ цѣлый фонтанъ брызгъ. Вмѣстѣ съ этимъ и ружейный огонь противника, по мѣрѣ того какъ цѣли очерчивались все болѣе и яснѣе, становился сильнѣе и мѣтче. Къ первому орудію вскорѣ присоединились и три другія, съ батареи, находившейся на восточныхъ высотахъ, близъ Вардарскаго лагеря. Такимъ образомъ огонь сдѣлался перекрестнымъ—и на понтонахъ люди стали нести довольно чувствительныя потери. Но вотъ, и на нашей сторонѣ, вправо отъ того мѣста гдѣ стояла Тамара, вдругъ треснулъ звучный ударъ перваго выстрѣла. Дѣвушка даже всадрогнула отъ неожиданности. Черезъ нѣсколько секундъ,—второй ударъ, затѣмъ третій. а тамъ уже пошла и пошла мѣрная канонада нѣсколькихъ 9-ти-фунтовыхъ батарей, поставленныхъ по обѣ стороны лѣска, у опушки, на самомъ берегу низменности.

Между тѣмъ, разсвѣтало все болѣе, такъ что можно уже было различать не только очертанія отдѣльныхъ предметовъ, но и ихъ краски. Еще въ первомъ рейсѣ, происходившемъ, благодаря потемкамъ, въ наилучшихъ условіяхъ относительно турецкаго огня, оказались уже весьма серьезныя потери; а съ разсвѣтомъ нѣсколько понтоновъ положительно изрѣшило пулями, такъ что нѣкоторые изъ нихъ вмѣстѣ съ людьми пошла ко-дну. Не мало доставалось отъ огня и людямъ. Съ того мѣста, гдѣ стояла Тамара, ей теперь вполне было видно, какъ на какомъ-нибудь понтонѣ, избранномъ цѣлью того или другаго отдѣленія турецкихъ стрѣлковъ, начинали падать наши солдаты. При разсвѣтѣ, все болѣе и болѣе вступающемъ въ свои права, это въ особенности было замѣтно по штыкамъ: частоколъ ихъ бодро и прямо торчитъ надъ головами сидящихъ людей; но вотъ, случайно попадаетъ понтонъ подъ сосредоточенный огонь—и штыки начинаютъ все болѣе склоняться книзу, рѣдѣть, падать; вмѣстѣ съ ними склоняются и падаютъ люди—то ничкомъ во внутрь понтона, то навзничъ, опрокидываясь въ воду,—и вотъ, на понтонѣ пусто... виднѣются только сидящія фигурки какихъ-нибудь двухъ-трехъ гребцовъ, но и тѣ, одна за другою, ныкнуть и падаютъ внизъ; вмѣстѣ съ ними валются въ воду весла,—все это происходитъ въ теченіе одной, много двухъ минутъ,—и быстрое теченіе свободно подхватываетъ и несетъ куда-то внизъ по Дунаю

понтонъ, издырявленный пулями и наполненный тѣлами убитыхъ и раненыхъ... Тамара стоитъ и смотритъ во все глаза; сердце ея захолонуло, дыханіе спирается въ груди, въ горлѣ судорога какая-то; все существо ея исполнено однимъ ощущеніемъ ужаса и щемящей жалости къ этимъ безпомощно и молча погибающимъ на ея глазахъ людямъ... Эти черныя желѣзные понтоны кажутся ей какими-то большими гробами, улывающимися куда-то въ пространство, въ безвѣстную могилу... Она простираетъ руку къ рѣкѣ, къ другимъ плывущимъ мимо плотамъ и понтонамъ, еще наполненнымъ людьми, указываетъ имъ на погибающихъ и кричитъ во весь голосъ: — «Спасите!.. Помогите вонъ тѣмъ!.. Вонъ тамъ, — тамъ... Помогите имъ! — Тонуть!..» Но «черныя гробы» плывутъ себѣ мимо, по своему назначенію,—имъ некогда спасать гибнущихъ братьевъ—надо самимъ спѣшить къ тому берегу, на подмогу къ изнемогающимъ въ борьбѣ товарищамъ перваго десанта... А тотъ несчастный, издырявленный и опустѣлый понтонъ, межъ-тѣмъ, плыветъ себѣ, все болѣе и болѣе погружаясь въ воду, которая струями вливается въ него сквозь пробитыя,—плыветъ, кружась по волѣ прихотливаго теченія, и, наконецъ, тихо тонетъ, тонетъ, исчезаетъ... и на поверхности рѣки не остается никакихъ слѣдовъ только-что совершившейся катастрофы. Эта поверхность, то и дѣло, рябится только фонтанчиками и снопиками брызгъ отъ шлепающихся въ нее турецкихъ пуль, да иногда шипящая граната, падая въ воду, подыметъ цѣлый столбъ водяной пыли. Страшно... Холодно... Какая ужасная могила!..

— Сестра!.. а, сестра! Да что это съ вами?.. Столбнякъ напелъ, что-ли?.. Кричу, кричу ей, а она хоть бы что!—раздался подлѣ Тамары ласковый голосъ сестры Степаниды, которая подбѣжавъ къ ней, стала слегка поталкивать ее въ плечо, стараясь вывести дѣвушку изъ овладѣваемаго ею оцѣпенѣнія.—Да очнитесь же, наконецъ!.. Чего вы это, и въ самомъ дѣлѣ!—Пушки испугались, что-ли?

Тамара, съ растерянными отъ ужаса глазами, молча указала ей рукой на новый, подхваченный теченіемъ и уже тонущій понтонъ.

— Тамъ... люди... люди есть,—съ усиленнымъ проговоромъ она какимъ то страннымъ, точно бы сдавленнымъ голосомъ и вдругъ разрыдалась, принавъ на плечо Степаниды.

— Ну, вотъ!.. Ну, что-жъ это!.. Тамарушка, да что вы!?! Господь съ вами!.. Чего это? — въ недоумѣніи спрашивала та, поддерживая дѣвушку въ своихъ объятіяхъ.

Тамара продолжала рыдать, конвульсивно вздрагивая грудью и плечами.

— Ну, полноте нервничать!—внушительно заговорила, наконецъ, Степанида съ дружеской строгостью,—не мѣсто и не время. Эдакъ-то,

вместо раненых, да съ вами еще придется возиться. Перестаньте, милая, не хорошю!.. Ну, какая же вы сестра послѣ этого!? Спрячьте ваши нервы въ карманъ, утрите слезы и пойдете дѣло дѣлать, — начальница и то ужъ спрашивала, гдѣ вы. Настѣ съ вами на «передовой пунктъ» назначили, — идете!.. Или вы, въ самомъ дѣлѣ, боитесь?

Послѣднія слово царянули самолюбіе Тамары. Она словно бы очулась, глубоко вздохнула всею грудью, какъ дышется всегда послѣ рыданій, и энергично подняла голову.

— Я?... боюсь говорить вы?... Боже изъбави! — возбужденно сказала она, стараясь преодолѣть самой себя и подавить свои слезы. — Нѣтъ, я такъ... это... это сейчасъ пройдетъ... Это оттого, что въ первый разъ еще вижу, какъ погибаютъ люди... Это ужасно!.. Но я... я сейчасъ возьму себя въ руки, — вы увидите... Голубушка, простите меня, не сердитесь, — мнѣ совѣстно.. Эти слезы... Ахъ, теперь бы глотокъ воды, и все прошло бы... Пойдете!

Она быстро отерла платкомъ свои глаза и бодро пошла впереди Степаниды.

На главномъ пунктѣ стояла уже готовая лазаретная линейка, чтобъ отвезти ихъ, въ числѣ восьми сестеръ, на «передовой» и «промежуточный» пункты, куда, чрезъ нарочно присланнаго ординарца, просилъ ихъ пожаловать инспекторъ, такъ какъ тамъ есть уже раненые, и врачи крайне нуждаются для нихъ въ женской помощи. Тамара только успѣла въ нѣсколько жадныхъ глотковъ выпить стаканъ воды и, подойдя подѣ благословеніе начальницы, поспѣшила вслѣдъ за Степанидой сѣсть въ линейку, гдѣ уже поджидали ихъ остальные назначенныя сестры.

— Господи, благослови! — перекрестилась она и съ яснымъ взоромъ улыбулась Степанидѣ, какъ бы говоря этимъ, — вотъ видите, все прошло уже.

Быль пятый часъ въ началѣ. Уже совсѣмъ разсвѣло, ночныя тучи разсѣались, и яркое солнце блистательно и весело подымалось все выше и выше среди голубого, теплаго неба. Линейка съ сестрами мѣстами съ трудомъ двигалась по болотистой почвѣ вдоль берега или среди войскъ, подходившихъ къ переправѣ. Тамара съ живымъ любопытствомъ глядѣла на всю окружающую ее обстановку. Изъ-подъ роскошныхъ вѣтвей и кустовъ тамаринда, купавшихся въ самой водѣ, выглядывали, покачиваясь, наши понтонныя лодки—въ ожиданіи посадки слѣдующаго эшелона. По всей низменности, обходя затоны, тянулись длинными косями загзагами колонны пѣхоты и 4-хъ фунтовыхъ батарей артиллеріи 8-го корпуса. Люди, тяжело нагруженные боевымъ и походнымъ снаряженіемъ, въ суконныхъ мундирахъ, со скатанными шинелями чрезъ плечо, тяжело ступали по глубокой топи, на каждомъ шагу

уходя въ густую грязь по колѣно и, несмотря на солнечные лучи, начинавшіе уже съ ранняго утра по-южному припекать все сильнѣй и сильнѣй, энергически преодолевали всѣ эти тяжкія препятствія—лишь бы скорѣй дойти къ переправѣ. Лошади тоже грузили, артиллерійскія колеса увязали по ступицу; но охочіе люди, забывъ про усталость, безпрестанно вытягивали на плечахъ орудія и ящики изъ болота. Раза два помогли они и лазаретной линейкѣ нашихъ сестеръ выбраться изъ густого мѣсива глубокой грязи, съ которымъ, безъ ихъ помощи, не могла сладить четверка добрыхъ артельныхъ лошадей. Головы этихъ колоннъ направлялись въ пространство низменности, прикрытое спереди лѣскомъ. Гранаты, между тѣмъ, и справа, и слѣва продолжали разсѣкать воздухъ сверлящимъ, спиральнымъ шипѣніемъ своего полета; онѣ бултыхались въ воду, свистали черезъ являкъ и рвались между деревьями, ломая сучья и вѣтви, шлепались въ самый берегъ, среди нашихъ 9-ти фунтовыхъ батарей, обдавая пространство вокругъ себя илестою грязью, рвались иногда и между колоннъ, двигавшихся по топи. Самому лѣску доставалось отъ гранатъ чуть ли не больше, чѣмъ остальнымъ мѣстамъ низменности: здѣсь на травѣ валялось много клочковъ и обрывковъ бѣлья, платя, амуниціи... Санитары съ носилками быстро сновали по всему берегу, подбирая раненыхъ и убитыхъ; послѣднихъ сносила она на сѣверную окраину лѣса, въ кустарники, гдѣ и складывали рядкомъ. Но гляди на все это, Тамара, къ собственному удивленію, уже не испытывала такого ужаснаго, потрясающаго впечатлѣнія, какъ тамъ, на берегу, когда въ ея глазахъ топили черные понтоны. Она, дѣйствительно, «взяла себя въ руки» и нѣсколько пообтерпѣлась, да и яркое солнышко, какъ бы наперекоръ всему, что дѣлалось въ ту минуту на этомъ клочкѣ земли, свѣтило такъ весело и привѣтливо, что невольно прогоняло съ души всякіе страхи, вливая въ нее бодрость, увѣренность и надежду, что все, дастъ Богъ, кончится сегодня хорошо для нашихъ,—будетъ побѣда.

Сдавъ половину сестеръ на «промежуточномъ» пунктѣ, линейка доставала, наконецъ, остальныхъ на «передовой», и тутъ для нихъ тотчасъ же началась энергическая работа. Перекатный громъ пушечныхъ выстрѣловъ, безпрерывная, неумолкаемая трескотня ружейнаго огня на томъ берегу; блѣдныя страдальческія, но по большей части спокойныя лица раненыхъ; обнаженные, иногда окровавленные члены и части человѣческаго тѣла, окровавленные лица, головы, рубашки, трипки и вата; кровь на землѣ, въ тазахъ и чашкахъ, кровь на полотенцахъ, на рукахъ врачей и фельдшеровъ... даже въ самомъ воздухѣ какъ будто запахъ или паръ свѣжей крови... То тутъ, то

тамъ иногда тяжелый сдержанный стоиъ, или подавленный страдальческiй вздохъ, иногда чье-то предсмертное хрипѣнье, или послѣднiя конвульсиа быющагося по землѣ человѣческаго тѣла—все это какимъ-то ужаснымъ кошмаромъ опять стало налетать на Тамару, когда она очутилась на передовомъ перевязочномъ пунктѣ. Но здѣсь разсудокъ и добрая воля подсказали ей, что надо опять преодолѣть, переломить себя и дѣлать дѣло, — иначе стыдно будетъ передъ другими сестрами.— «Вѣдь ничего же, онѣ дѣлаютъ чтò слѣдуетъ и не нервничаютъ.. вонъ и докторъ тоже, какъ спокойно и внимательно справляется со своею работою, — неужели жъ одна я такая малодушная?» И Тамара, стараясь не слышать этихъ ужасныхъ звуковъ и не глядѣть по сторонамъ на эту кровь и конвульсиа, принимается, засучивъ рукава, за работу, какая указана ей врачомъ, — осторожно, мягко промываетъ тепленькою губкой запекшуюся кровь на чьей-то рукѣ, гдѣ зияетъ черная сквозная рана, держитъ доктору бинтъ, подаетъ ему ножницы, вату, компрессы... Вотъ, замѣчаетъ она слѣды чужой крови и на своихъ собственныхъ пальцахъ, и на своемъ бѣломъ передникѣ, но это ей уже не страшно и не противно,—она уже переломила себя и помнитъ лишь одно, что надо, надо работать, что дѣла впереди еще много, а время не ждетъ, и нечего, значить, развлекать свое вниманiе посторонними вещами. Спустя какiе-нибудь полчаса, она работала уже такъ исправно и ловко, что старшiй, сивойсый военный врачъ даже похвалилъ ее.— «Молодецъ сестра! Такая молоденькая и такъ твердо работаетъ!.. Хорошо!» Тамара слегка улыбнулась. Эта первая, хотя и грубовато выраженная, похвала польстила ея самолюбию, подняла ее въ своихъ собственныхъ глазахъ,—и въ ней зародилась увѣренность, что, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь ничего нѣтъ страшнаго, или, по крайней мѣрѣ, не такъ страшно, какъ казалось вначалѣ.

Всѣ перевязочные пункты на низменности неоднократно подвергались большей или меньшей опасности отъ неприятельскихъ гранатъ, но «передовой» больше другихъ находился въ сферѣ артиллерiйскаго огня и потому три раза долженъ былъ перемѣнять свое мѣсто, нигдѣ однако не спасаясь отъ залета неприятной гостни. Все пространство сырой, еще непросохшей земли вокругъ него было изрыблено яминами и бороздами разрывовъ. Но и въ этихъ условiяхъ медики и сестры спокойно и твердо исполняли свое дѣло. Одна граната лопнула среди самого перевязочнаго пункта, убивъ осколкомъ на мѣстѣ одного санитаря и обдавъ Тамару съ головы до ногъ комками земли и брызгами грязи. Мимо нея прозенѣлъ въ воздухѣ одинъ изъ осколковъ, чтò невольно застало ее присгнуться къ землѣ съ легкимъ крикомъ испуга; но врачъ, которому она по-

могала, не выпустилъ даже пинцета изъ рукъ, дѣлая лигатуру, и продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало доканчивать свою работу.

— Вы не ранены, сестра?—спокойно и какъ бы между прочимъ спросилъ онъ, видя, что та присѣла къ землѣ.

— Кажется, нѣтъ... А что?—отозвалась ему Тамара, подымаясь на ноги.

— Да такъ... курбеть вы этотъ сдѣлали, я и подумалъ было... Только вы это напрасно: кланяться этимъ гостямъ бесполезно, а вотъ бинтъ вы мнѣ выначкали, это нехорошо. Впередъ не кланяйтесь.

Къ часу дня дѣятельность на «передовомъ» и «промежуточномъ» пунктахъ уже значительно сократилась и сосредоточилась на «главномъ», куда къ этому времени было уже передано наибольшее количество раненыхъ, получившихъ первоначальную помощь. Поэтому и сестры, по распоряженiю инспектора, были теперь сняты съ обонхъ передовыхъ пунктовъ и доставлены на главный, гдѣ начиналъ уже сказываться недостатокъ женскихъ рукъ для ухода за множествомъ страдальцевъ, нуждавшихся въ ихъ помощи. И на главномъ пунктѣ, все равно какъ и на передовыхъ, сестры въ теченiе всей ночи и всего дня не имѣли ни минуты покоя: сначала имъ надо было все приготовить къ приему раненыхъ и уходу за ними, а затѣмъ ухаживать и помогать еще врачамъ. Первые раненые стали доставляться на главный пунктъ къ шести часамъ утра, сначала довольно рѣдко, а потомъ все чаще и чаще, и такая доставка продолжалась вплоть до вечера, такъ что въ первый день на главномъ пунктѣ всѣхъ раненыхъ было 382 человѣка. Тутъ, въ операционныхъ шатрахъ, ихъ сортировали по роду и характеру раненiй и затѣмъ размѣщали въ прочiихъ помѣщенiяхъ и, частно, на открытомъ воздухѣ. Всѣ эти помѣщенiя были распределены между наличными врачами и сестрами. Послѣднiя все свое время проводили, большею частiю, на койкахъ у постелей: надо было ежеминутно поправлять подъ больными соломенные мѣшки и подушки, покрывать разметававшихся въ бреду одѣялами, прикладывать къ ранамъ компрессы съ карболовою водою, давать пить больнымъ, которыхъ томила жажда, кормить ихъ; перекладывать слабосильныхъ на другой бокъ или мѣнять на нихъ заскорузлое отъ крови бѣлье, помогать при наложенiи и перемѣнѣ повязокъ, много утѣшить и ободрить ласковымъ словомъ, этому написать подъ диктовку коротенькое письмо на родину, того успокоить, если у него расходились нервы,—словомъ, работы было, какъ говорится, по горло, такъ что самимъ не оставалось, буквально, минуты свободной, чтобы отдохнуть и подкрѣпиться пищей. Работа хпруговъ тоже не прерывалась до тѣхъ поръ, пока медицинское пособiе не было

подано постепенно, по мѣрѣ прибытія, всѣмъ безъ изъятія раненымъ, что и продолжалось до одиннадцати часовъ вечера, когда была наложена послѣдняя перевязка, и тутъ лишь въ первый разъ за весь день выпала хирургамъ и ихъ ассистентамъ возможность на четверть часа успокоиться, выпить по стакану чая, закусить чѣмъ попало. А затѣмъ, едва лишь къ часу ночи успѣли всѣ кое-какъ окончательно справиться съ дѣлами.

Тамара, на ряду съ другими сестрами, работала цѣлый день, не замѣчая, или даже не чувствуя особенной усталости. Первые ея точно бы закалились, и все вниманіе, всѣ мысли были устремлены лишь на то дѣло, какое надлежало исполнить въ ту или другую данную минуту.

Черезъ ея руки прошелъ сегодня не одинъ десятокъ раненыхъ, между которыми было нѣсколько ранъ очень серьезныхъ и тяжелыхъ, и все время невольно поражали замѣчательная выносливость и терпѣніе русскаго человека. Во время переноски и нѣкоторыхъ ампутаций не было слышно не только жалобъ, но и стонувъ мало раздавалось. Иные, при ампутацияхъ не желали даже хлороформироваться и стойчески выдерживали мучительную операцию, курая трубочку махорки или стиснувъ между зубами носовой платокъ, чтобы, часомъ, не крикнуть отъ боли.

Въ двѣнадцатомъ часу вечера, когда врачи и нѣсколько освободившихся сестеръ сошлись за большимъ походнымъ столомъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ и стояла кое-какая холодная закуска, одинъ изъ медиковъ невольно обратилъ вниманіе на крайне утомленный видъ, запавшіе глаза и блѣдное лицо Тамары.

— Сестра, вы, какъ видно, очень устали, — замѣтилъ онъ ей съ участіемъ. — Вамъ бы лечь теперь да выспаться поскорѣе.

— Я?... Нѣтъ, нисколько! — подбодрилась дѣвушка.

— Ну, ужъ не нѣтъ, а да! Я вѣдь вижу, — на васъ просто лица нѣтъ... Смотрите, не переутомитесь да не заболѣйте еще!

— Нѣтъ, ничего; я чувствую себя прекрасно.

— Какое «ничего»!.. Тутъ и у опытнаго хирурга, а не то что у васъ, окончательно истощится вся нервная сила, когда приходится восемнадцать часовъ безъ перерыва ампутировать, рѣзать да налагать гипсовыя повязки, а вамъ, при вашей молодости... Вы, конечно, первый разъ въ такой передрагѣ?

— Да, это мой первый опытъ, — отвѣчала Тамара не безъ нѣкотораго чувства внутренняго удовлетворенія.

— Ну, такъ мы, врачи, положительно запрещаемъ вамъ продолжать сегодня какую бы то ни было работу! — безапелляціонно порѣшилъ докторъ. — Подкрѣпитесь-ка стаканомъ

краснаго вина и сейчасъ же спать, или я на васъ пожалуюсь начальницѣ.

Врачи и сестры въ одинъ голосъ подтвердили требованіе своего коллеги. И въ самомъ дѣлѣ, на первый разъ было слишкомъ уже достаточно всего, что пришлось переиспытать и передѣлать въ эти сутки Тамарѣ. Но, все-таки, спать она пошла не ранѣе того, какъ начальница разрѣшила сестрамъ отправляться на отдыхъ, и только улегшись въ постель, устроенную на освободившихся санитарныхъ носилкахъ, почувствовала наконецъ всю силу и тяжесть своего физическаго утомленія. Зато на душѣ у нея было теперь хорошо и спокойно. Она не безъ достойной гордости сознавала внутри себя, что совершила сегодня нравственную побѣду надъ собою, надъ своею женскою немощью, переломила самой себя, выдержала характеръ и честно до конца исполнила свой добровольно принятый долгъ, — значить, въ будущемъ она будетъ не хуже другихъ... Никто больше не скажетъ ей, что она нервничаетъ или боится. И она заснула крѣпкимъ, здоровымъ сномъ молодости, съ самодовольнымъ чувствомъ нравственной удовлетворенности и съ бодрой готовностью завтра и впредь, до конца войны, продолжать свое дѣло. Опытъ нынѣшняго дня былъ для нея то же, что для молодого солдата первое «огненное крещеніе» въ бою; она чувствовала, что вышла изъ этого испытанія съ честью и получила спасительную увѣренность въ себѣ и въ своихъ нравственныхъ силахъ на трудный подвигъ боевой сестры милосердія, — увѣренность, которая до сего дня для нея самой оставалась еще подъ сомнѣніемъ.

* * *

16-го іюня утромъ посѣтилъ главный перевязочный пунктъ великій князь главнокомандующій, а два часа спустя, неожиданно пріѣхалъ туда же и государь императоръ, вмѣстѣ съ государемъ наслѣдникомъ и великими князьями Алексѣемъ и Сергіемъ Александровичами, въ сопровожденіи военнаго министра и многочисленной свиты. Августѣйшіе посѣтители не пропустили безъ вниманія ни одного страдальца, — причемъ врачи лично докладывали государю о свойствѣхъ и степени опасности каждой раны. Его величество подходилъ къ каждому изъ раненыхъ, нахоя для каждого привѣтливое слово ласки и ободренія, — но останавливался дольше около тѣхъ, кто получалъ болѣе тяжелыя или болѣе многочисленныя раны, и съ участіемъ разспрашивалъ ихъ, гдѣ и какъ съ каждымъ было дѣло. Въ числѣ послѣднихъ, особенное вниманіе государя обратилъ на себя Волынскаго полка штабсъ-капитанъ Бряновъ, который вчера, съ людьми своей 12-й роты, въ одинъ изъ самыхъ критическихъ моментовъ боя, успѣлъ вскарабкаться на утесъ и первый, съ крикомъ «ура», бѣгомъ

бросился во фланг туркамъ. Аскеры на встрѣчу ему подставили стальную щетину—и девять штыковъ вонзились въ геройски смѣлаго Брянова. Онъ былъ поднятъ штыками на воздухъ, но и въ этомъ положеніи—какъ свидѣтельствоваи государю очевидцы—успѣлъ хватить саблей по головѣ какого то турка. Изъ девяти ранъ, доставшихся на долю Брянова, двѣ были въ животъ. Когда подоспѣли его солдаты,—а это было два-три мгновенія спустя,—турки сбросили его со штыковъ вмѣ. на встрѣчу и, не дожидаясь рукопашной расправы, кинулись бѣжать. Истекая кровію, Бряновъ, однако, не потерялъ сознанія и, приподнявшись съ земли на локтѣ, нашелъ еще въ себѣ достаточно силъ, чтобы подбодрять и направлять своихъ солдатъ словами. Это была мѣлкая натура... Черезъ день онъ умеръ, имѣвъ передъ смертью утѣшеніе въ георгіевскомъ крестѣ, который былъ собственноручно надѣтъ на него императоромъ. Не мало въ этотъ счастливый для раненыхъ день 16-го іюня было роздано георгіевскихъ крестовъ лично самимъ государемъ и другимъ героямъ; многимъ изъ нихъ онъ самъ нашивали на рубаху крестъ, съ которымъ они потомъ ни на минуту не расставались, держась за него рукою и любясь на драгоценную награду. Тѣ изъ раненыхъ, что были на ногахъ или могли кое-какъ двигаться, порой обступали государя толпою, какъ дѣти, и многіе умольно просили его разрѣшить поскорѣе отправить ихъ въ свои полки, увѣряя, что рана-де «пустышная» и что они еще не успѣли исполнить своей долгъ какъ слѣдуетъ. Всѣ врачи и сестры были очастливлены выраженіемъ высочайшей благодарности. Государь въ каждомъ шатрѣ отечески милостиво, въ простыхъ, сердечныхъ выраженіяхъ обращался къ раненымъ и благодарилъ ихъ за службу, а при словахъ его: «показали себя молодцами; сдержали то, что обѣщали мнѣ еще въ Кишиневѣ», раздавался вездѣ такой здоровый и бодрый откликъ «ради стараться, ваше императорское величество», что трудно было повѣрить—неужели это голоса раненыхъ, изъ которыхъ многіе за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ еще стонали и глядѣли уныло или апатично. Это посѣщеніе царя всѣхъ вдругъ подняло, ободрило, оживило физически и воскресило нравственно. Откуда вдругъ взялись и энергія, и силы, и готовность опять въ бой хоть сію минуту! Слово: магическая перемена совершилась на глазахъ Тамары: и тѣ же люди, да не тѣ! При видѣ столь теплаго сердечнаго участія монарха, у раненыхъ и многихъ изъ присутствовавшихъ наворачивалось на глаза слезы умиленія. Государь, при отъѣздѣ, поблагодарилъ еще разъ провожавшихъ его врачей и сестеръ, выразилъ имъ надежду, что они въ другой разъ такъ-же усердно помогутъ раненымъ, какъ помогли теперь.

Общій, неудержимый крикъ восторга и пѣлая буря «ура!» сопровождали отъѣздъ государя и цесаревича съ перевязочнаго пункта. На Тамару, не ожидавшую ничего подобнаго, даже не могшую до сихъ поръ вообразить себѣ такого отношенія царя къ своимъ подданнымъ и такого единодушнаго порыва любви и беззаветной преданности этихъ подданныхъ своему царю, всѣ эти сцены произвели потрясающее впечатлѣніе, полное восторга, увлеченія и умиленнаго чувства. Вчера и сегодня она во-очію увидѣла и впервые поняла, что такое русскій царь и русскій народъ, что это за сила и какія великія нравственные узы неразрывно связываютъ ихъ во-едино. Какъ еврейкѣ, ей до сихъ поръ это было чуждо и непонятно; какъ христіанка, она сердцемъ своимъ уразумѣла эту силу и связь въ настоящую минуту.

XVI.

Встрѣтились.

Съ переходомъ войскъ черезъ Дунай, Зимница, это ничтожное, обыкновенно сонное мѣстечко, вдругъ оживилось, олюднѣло и закипѣло необычайнымъ движеніемъ и лихорадочною дѣятельностью. Чуть только прослышали въ тылу о состоявшейся переправѣ, какъ тотчасъ же налетѣли сюда пѣлыми стаями и арабы всевозможные іудеи, еллины, румыны, армяне, нѣмцы и яны западные и восточные человѣки, алкавшіе и жаждавшіе русскаго золота, взаимѣ своихъ товаровъ и продуктовъ, подчасъ, болѣе чѣмъ сомнительнаго качества. Маркитантъ Брофъ, разбившій свою палатку на какомъ-то навозномъ заднемъ дворѣ, между двумя-тремя повозками, торговалъ великолѣпно и дралъ за все про все немилосердно, чуть не десятикратныя цѣны. Кабачки и лавченки стали расти, какъ грибы послѣ дождя. Въ двухъ скверныхъ трактиршкахъ, биткомъ набитыхъ проходящимъ офицерствомъ, визгивая цыганская музыка съ утра и до утра наигрывала «Постильона» и «Копедицу». Агенты Грегера, Горвица и Когана нагло заняли подъ себя и свою «ковтору» одно изъ лучшихъ, послѣ царскаго, помѣщеній, вывѣсили надъ нимъ на ясокомъ шестѣ свой собственный «товарищескій флагъ» и принялись шеголять по улицамъ въ бѣлыхъ офицерскихъ фуражкахъ съ кокардами, въ длинныхъ ботфортахъ съ огромными настежными шпорами и съ нагайками черезъ плечо, а нѣкоторые жидки понавививали на себя даже офицерскіе револьверы и шашки. Въ это время не въ рѣдкость было встрѣтить на зимницкихъ улицахъ возмутительную расправу подобнаго кокардированныхъ жидовъ съ закабалившимися къ нимъ южно-русскими мужиками погонцами, которыхъ они хлестали своими нагайками по синамъ, по

лицу и по чемъ ни пошло, увѣряя, что только такимъ образомъ и возможно поддержать среди нихъ «счастливаго дисциплина». И все это, къ стыду нашему, сходило имъ съ рукъ безнаказанно: русскіе погонцы, какъ вольнонаемные люди жидовъ, оставались въ покровительство и защиты штабнаго начальства дѣйствующей арміи, — пускай-де жалуются румынскимъ властямъ, или въ русское консульство! — и такимъ образомъ, единственными судьями и начальниками этихъ несчастныхъ людей оставались разные Биньковскіе, Миньковскіе, Сахары, Айзенвайсы и тому подобные «уполномоченные» «генерала» Варшавскаго. Словомъ, въ Зимницѣ стоялъ жидовскій «гвалтъ» и «гармидеръ», царилъ жидовскій «гешефтъ» и раздавалось всеобщее ликование. Въ Зимницѣ жилось весело, не то что тамъ, впереди, на позиціяхъ. Да и какъ было не радоваться? Переправа — эта завѣтная и томительная мечта всей дѣйствующей арміи, наконецъ совершилась и, говоря относительно, обошлась намъ очень дешево: многие, и даже весьма компетентные люди, рассчитывали положить здѣсь тысячу тридцать народа, а вмѣсто того мы не потеряли и тысячи. Массы войскъ придвинулись теперь къ Зимницѣ и бивакировали вокругъ мѣстечка, въ ожиданіи своей очереди къ переправѣ. Другія массы всѣхъ родовъ оружія наполняли улицы, ведущія къ спуску, и всю низменность вплоть до pontоннаго моста на Дунаѣ, утоная въ глубокой и густой, чисто первобытной пыли, тучами стоявшей надъ дорогами. Въ лагеряхъ подвѣчеръ раздавались звуки пѣсней и музыки. Разная международная сарапча, а въ особенности жидова, наша и румынская, сейчасъ же образовала здѣсь самую безшабашную и безобразную ярмарку со всѣми ея «прелестями», рулеткой, картами, шулерами, арфистками, артистками и проч. Всѣ гостиницы и вообще свободныя помѣщенія въ обывательскихъ домахъ до такой степени переполнились вдругъ извѣстнаго сорта женщинами, которыхъ повезли сюда цѣлыми транспортомъ особаго рода антрепренеры изъ евреевъ, армянъ и грековъ, что верѣдко большимъ офицерамъ или сестрамъ милосердія, а также врачамъ, чиновникамъ и офицерамъ, слѣдовавшимъ къ арміи, приходилось ночевать въ повозкахъ, подъ открытымъ небомъ. Тутъ же въ изобиліи очутились вдругъ и проворливо толкались повсюду разныя подозрительныя личности изъ поляковъ, венгерцевъ, «высокоцивилизованныхъ» жидовъ и т. п., которые, не имѣя никакого опредѣленнаго занятія, «временно» проживали въ Зимницѣ совершенно, повидимому, «законнымъ» паспортомъ, подъ видомъ всевозможныхъ промысловыхъ агентовъ, туристовъ, антрепренеровъ различныхъ предпріятій сомнительнаго существованія, а также и подъ видомъ иностран-

ныхъ корреспондентовъ, тогда какъ въ сущности всѣ они были не болѣе какъ австрійскими, англійскими и турецкими шпионами. Войска, какъ элементъ подвижной, переходящей, то прибывали, то убывали, мѣняясь почти ежедневно; интенданты же и еврейскіе агенты «Товарищества», представляли собою въ Зимницѣ элементъ болѣе устойчивый, осѣвшійся и потому замѣтно играли тамъ премирающую роль. Этихъ агентовъ всегда можно было видѣть у Брофта и въ другихъ «аристократическихъ» ресторашкахъ за однимъ столомъ съ интендантскими чиновниками и «транспортными» офицерами, гдѣ у нихъ кипѣло море разливанное, дюжинами хлопала пробки отъ шампанскаго, по два золотыхъ за бутылку, и изъ рукъ въ руки переходили свертки червонцевъ и пачки банковыхъ билетовъ: тутъ было царство интендантско-жидовской биржи, вершались крупныя дѣла и заключалась «обоюдновыгодная» сдѣлка. А по вечерамъ лхѣе интенданты, въ обществѣ всякихъ проходивцевъ и декольтированныхъ женщинъ, обыкновенно закладывали въ трактирахъ бантъ, высыпая на зеленые столы грудки золота и вороха кредитокъ, и жестоко рѣзались въ штофъ и ландкенетъ до разсвѣта, подъ звуки того же «По-стильона» и скабрёзныхъ шансонетокъ. Русское золото лилось и швырялось зря направо и налево, быстро хватаемое жадными и грязными, заgreбистыми руками, и, казалось, что и конца этому морю разливанному не будетъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ переправы, главный перевязочный пунктъ былъ упраздненъ, и сестры Богоявленской общины переведены пока въ Зимницу, для работы въ одномъ изъ подвижныхъ госпиталей, который раскинулъ свои шатры на краю мѣстечка.

Въ это же время въспромигомъ прибылъ въ Зимницу и графъ Кароль, командированный «Товариществомъ» въ штабъ арміи по «сухарному вопросу». Да кромѣ того, ему поручено было войти въ переговоры и съ госпитальной инспекціей, по поводу поставокъ въ придружайскіе госпитали дровъ, соломы и разныхъ жпженныхъ припасовъ, которыхъ «компанія» желала бы взять на себя «en masse et en gros». Поѣхалъ онъ по этому дѣлу къ инспектору и не засталъ его, — говорятъ, черезъ часъ будетъ дома. Пріѣзжаетъ черезъ часъ, — и опять дома нѣтъ. Графъ оставилъ свою карточку и въ припискѣ на-ней просилъ извѣстить его, когда можетъ онъ быть принятъ по такому-то дѣлу? Спустя два часа, пріѣзжаетъ онъ въ третій разъ, и тутъ ему сообщаютъ, что инспекторъ былъ да уѣхалъ въ зимницій подвижной госпиталь, гдѣ и теперь находится, и что уѣзжая онъ приказалъ передать графу, буде ему необходимо теперь же видѣть его по дѣлу, то пусть пожалуетъ въ госпиталь до четырехъ часовъ дня, такъ какъ въ четыре ча-

са инспекторъ уже уѣдетъ за Дунай, въ главную квартиру, и не возвратится ранѣе завтрашняго вечера. Нечего дѣлать, — не желая оттягивать въ напрасномъ ожиданіи время и упускать удобный случай для переговоровъ сегодня же, графъ немедленно отправился по назначенію.

Онъ засталъ инспектора на дворѣ, между шатрами, среди какого-то дѣловаго разговора съ главнымъ докторомъ и военно-административнымъ персоналомъ госпиталя, и тутъ же ему представился. Впрочемъ, объясненіе его, происшедшее, по желанію инспектора, на мѣстѣ, въ присутствіи названныхъ свидѣтелей, продолжалось не особенно долго. Выслушавъ до конца предложеніе, обещающее будто-бы большія удобства и выгоды для казны, генералъ наотрѣзъ отказался содѣйствовать «компани» въ проведеніи и осуществленіи ея плановъ. Нравственный кредитъ всякихъ жидовскихъ «товариществъ» и «компаній» въ это время былъ уже подорванъ въ общественномъ мнѣніи арміи, и порядочные люди избѣгали имѣть съ ними какое-либо дѣло. — Все что могъ сдѣлать инспекторъ, это развѣ порекомендовать Каржолу обратиться къ начальнику штаба: прикажутъ де, — мы исполнимъ; но предупредить, что если въ штабѣ сочтутъ нужнымъ справиться съ его взглядомъ, въ чемъ едва-ли можетъ быть сомнѣніе, то онъ всѣми силами будетъ противъ, по весьма вѣскимъ причинамъ, изъяснять которыя теперь считаетъ излишнимъ. Послѣ такой отповѣди, что называется, не соловно похлебавши, Каржоль сухо откланялся генералу и, въ испорченномъ настроеніи духа, досадливо и смущенно направлялся уже къ своему фаetonу, какъ вдругъ его что-то передернуло, отшатнувъ даже нѣсколько назадъ, и онъ сталъ на мѣстѣ, не то удивленный, не то даже испуганный чѣмъ-то неожиданнымъ.

Передъ нимъ стояла Тамара.

Уйти ему было некуда, уклониться отъ встрѣчи невозможно: дѣвушка, очевидно, поджидавшая его заранѣе, вышла теперь изъ шатра прямо на него и стала передъ нимъ въ трехъ шагахъ разстоянія, обдавая его лучами радости и очастія, блиставшими въ ея взорѣ.

«Ахъ, чортъ возьми!.. Положеціе!» мысленно выбранился онъ, еще въ болѣеишей досадѣ.

— Господи!.. Наконецъ-то!.. Наконецъ-то я вижу васъ... Здравствуйте!.. Какъ я рада! — лепетала она, не сводя съ него ясно улыбающихся глазъ и нервно сжимая его руку.

Онъ, въ замѣнательствѣ, нерѣшительно и какъ-то вяло отвѣтилъ на ея пожатіе, ничего не промолвивъ, и только улыбался ей какою-то странно, растерянною улыбкой. Тамара сразу замѣтила, что ему какъ-то не по-себѣ, и во взглядѣ ея выразилось серьезное и подозрительное недоумѣніе.

— Что съ вами, графъ?.. Вы какъ-будто не рады нашей встрѣчѣ.

— Нѣтъ, какъ можно... Какъ не радъ?!. Напротивъ, я... очень, очень радъ.. ужасно радъ,—залепетала она, вдругъ покраснѣвъ до ушей отъ ея прямого вопроса.—Но я такъ пораженъ, такъ удивленъ... Я никакъ не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, въ такой обстановкѣ, въ такомъ костюмѣ...

— Какъ!.. удивленно перебила она.—Развѣ вы не получили моей записки?

— Записки.. Какой записки?—притворился графъ, будто не понимая, о чемъ его спрашиваютъ.

Тамара объяснила ему обстоятельства своей встрѣчи съ нимъ на Salea Mogoshoу и все, что затѣмъ съ ея стороны послѣдовало.

— Какой однако досадный случай!—промолвила на это Каржоль, съ видомъ и жестомъ досадливаго сожалѣнія, уже успѣвъ за время ея разсказа нѣсколько оправиться и овладѣть собой и своими мыслями.—Представьте, — объяснилъ онъ,—вѣдь я пріѣхалъ сюда прямо изъ Плоешть, не останавливаясь въ Букарештѣ,—меня экстренно вызвали телеграммой, — и значить, ваша записка преспокойно лежитъ себѣ, въ ожиданіи меня, въ гостиницѣ... Ахъ, какая досада!

Тамара пытливо и съ нѣкоторою затаенною тревогой посмотрѣла на Каржолу. По чисто женскому чутью, ей показалось въ самомъ тонѣ его «досады» и во всемъ этомъ его объясненіи что-то неискреннее, будто сейчасъ имъ придуманное. Вообще, она испытывала теперь нѣкоторое разочарованіе, потому что, сама преисполненная радостью, ожидала и съ его стороны болѣе живого, болѣе отзывчиваго порыва на свой открытый, сердечный привѣтъ, а вмѣсто того, встрѣчаетъ вдругъ какое-то странное смущеніе и одержанность. Вся эта встрѣча и въ особенности ея первые моменты произошли совсѣмъ не такъ, какъ она ихъ заранѣе воображала себѣ, поджидая графа, съ замираніемъ сердца, за прислушенной полою шатра.

— Но я радъ, я необычайно радъ нашей встрѣчѣ, — продолжалъ между тѣмъ Каржоль пожимая ея руку. — Скажите, однако, что-жъ это значить, какими судьбами вы здѣсь и почему на васъ этотъ костюмъ сестры милосердія?—Кстати, онъ очень идетъ къ вамъ.

Тамара усмѣхнулась съ нѣкоторою горечью. Послѣдній «комплиментъ» оказался ей и пошловатымъ, и совсѣмъ не «кстати».

— Мы съ вами такъ давно не видѣлись, графъ,—начала она уже съ нѣкоторою сдержанностью,—что вы, очевидно, совсѣмъ не знаете ничего, что было со мною за все это время... Ну, такъ поздравьте меня: благодаря вамъ, я уже христіанка, и за это мое вѣчное, душевное вамъ спасибо!

— Вы помирились съ вашими родными?—

спросилъ онъ вдругъ съ замѣтно большимъ оживленіемъ и интересомъ.

— Съ родными? Нѣтъ. Моя бабушка умерла, а дѣдъ... едва ли онъ даже знаетъ, гдѣ я и что я.

— Но развѣ вы не дѣлали никакой попытки къ примиренію, не писали ему?

— Нѣтъ. Да и зачѣмъ?.. Все равно, изъ этого ничего не вышло бы.

— Ну, нѣтъ, почему знать!.. Вѣдь онъ васъ такъ любитъ, вы его единственная внучка... и наконецъ, тутъ замѣшаны ваши матеріальныя интересы...

Это упоминаніе объ «интересахъ» — то-есть, понятю, о ея наслѣдствѣ, чуть не прежде всего и притомъ въ такую минуту, невольнымъ образомъ покорило внутренню Тамару. Ей было непріятно, зачѣмъ именно онъ вспоминаетъ объ этомъ.

— Мои «интересы!» — грустно усмѣхнулась она. — Вы знаете, я ужъ давно махнула на нихъ рукой, и они меня нисколько не соблазняютъ, — проживу и такъ, дастъ Богъ!.. Добрые люди — спасибо имъ! — приняли во мнѣ живое участіе, приютили меня въ Общинѣ, гдѣ я и крестилась, полюбили меня, и вотъ почему я теперь сестрой. Я поѣхала на войну вмѣстѣ съ ними, да иначе мнѣ и дѣваться было бы некуда. Исторія моя, какъ видите, очень проста и не многословна.

Все это было сказано не безъ отбѣнка грустной горечи, потому что въ душѣ ей было нѣсколько обидно, досадно и больно, что онъ — онъ, повидимому, такъ мало выказываетъ интереса къ ея внутреннему, нравственному міру, къ ея заветному чувству, которое, казалось бы, должно быть для него всего дороже. И зачѣмъ ему такъ торопиться съ этими практическими намеками на «матеріальныя интересы!»

— Да впрочемъ, что обо мнѣ! — слегка махнула рукой Тамара, какъ бы отгоняя отъ себя невеселыя мысли и вдругъ перемѣнивъ свой тонъ на привѣтливо любезный и веселый. — Мнѣ гораздо интереснѣе, — продолжала она, — спросить васъ, какими вы судьбами здѣсь, у насъ въ госпиталѣ? Вы, вѣроятно, назначены уполномоченнымъ отъ «Краснаго Креста?»

— Я?... Нѣтъ... Почему вы такъ думаете? — удивленно спросилъ Каржоль, даже нѣсколько смутясь такимъ вопросомъ.

— Да именно потому, что вы здѣсь, — пояснила Тамара. — Что-жъ иначе могло бы привести васъ въ дѣйствующую армію? — Само собой, или «Красный Крестъ», или желаніе подражать съ турками. И я, еще какъ встрѣтила васъ въ Букарештѣ, сейчасъ же подумала себѣ, что вы или къ Черкасскому, или поступаете волонтеромъ въ армію.

— Волонтеромъ!? — принужденно разсмѣялся

Каржоль, задѣтый за-живое такимъ предположеніемъ. — Нѣтъ, къ сожалѣнію, ни то, ни другое, — слегка вздохнулъ онъ, — но... можно вѣдь быть полезнымъ и не на однихъ только этихъ двухъ поприщахъ.

Тамара молча взглянула на него вопросительнымъ взглядомъ, видимо ожидая дальнѣйшаго поясненія этихъ неопредѣленныхъ и нѣсколько даже загадочныхъ словъ.

— Я здѣсь, дѣйствительно, въ роли уполномоченнаго, — нѣсколько принужденно продолжалъ Каржоль, — только не отъ «Краснаго Креста», а отъ... «Товарищества».

— «Товарищества?...» То-есть, какъ это?... Какого «товарищества?» — съ недоумѣніемъ переспросила Тамара. Ей и въ голову не могло придти «Товарищество Грегерь, Горвицъ и Коганъ», — до того далека была она отъ возможности сопоставленія имени графа съ этими ослабленными на всю Россію именами!

Но графъ какъ-разъ ихъ-то и называлъ, да еще такъ-таки прямо глядя ей въ глаза, точно бы онъ браврируетъ этимъ своимъ положеніемъ жидовскаго «уполномоченнаго».

— Полноте, вы шутите, графъ, — серьезно сказала она съ недоумѣніемъ и даже какъ-будто съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Ни мало, — отвѣчалъ онъ. — Да и что-жъ тутъ такого!.. Я дѣйствительно состою агентомъ «Товарищества» и являюсь даже спеціальнымъ представителемъ «сухарной компаніи».

И говоря это, онъ замѣтно старался даже утвердиться въ тонѣ безстыжей серьезности, точно бы въ этомъ его «представительствѣ» какал-то особая честь заключается.

— Какъ!.. Вы пошли служить къ этимъ вампирамъ!? — невольно вырвалось у Тамары прямо изъ сердца. Ей вдругъ стало больно, оскорбительно и стыдно за этого, столь дорогого ей, человѣка.

— Почему же непременно къ «вампирамъ!» — снисходительно усмѣхнулся Каржоль. — Люди какъ люди, — ничего себѣ.

— Да развѣ вы не слыхали, не знаете, что говорить о нихъ вся армія?

— Какое же мнѣ до этого дѣло! — пожалъ графъ плечами. — Я исполню свою обязанность, и только... Исполню ее честно, добросовѣстно, — съ меня и довольно.

Послѣ этихъ словъ, уже и для Тамары настала очередь смутиться.

— Да нѣтъ, вы меня мистифицируете. Этого быть не можетъ! — рѣшительно проговорила она, засматривая въ глаза Каржолу, точно бы моля его, чтобы онъ ее разувѣрилъ, и ожидая, что графъ самъ сейчасъ-вотъ разсмѣется и скажетъ: «Ну разувѣтсся, шутка! А вы и повѣрили?»

Но онъ не сказалъ этого. Напротивъ, онъ

возразилъ, что почему же «быть не можетъ?» — Что-жъ тутъ такого особеннаго?

— Какъ, что особеннаго? — горячо вступилась за него самого Тамара. — Графъ Каржоль де-Нотрель пошелъ служить къ господамъ Грегеру, Горвицу и Когану? Это ли еще не «особенное»?.. Простите меня, я, можетъ быть, слишкомъ рѣзка... Ну, что-жъ дѣлать, — простите эту невольную мою рѣзкость, но... вы до сихъ поръ были слишкомъ близкимъ и дорогимъ мнѣ человекомъ, чтобъ я могла думать и говорить иначе.

— Что-жъ изъ того, что «графъ» Каржоль де-Нотрель? — иронически усмѣхнулся онъ. — Чѣмъ же хуже или лучше графа Каржоля какіе-нибудь князья Турусовы и прочіе? А вѣдь они точно также служатъ у Грегера и Когана!

— Извините меня, графъ, но это не оправданіе, — возразила Тамара рѣшительно и твердо. — Я вамъ говорю это, какъ ваша невеста, которую вы сами избрали. Я имѣю право говорить такъ. Князья Турусовы вамъ не указъ, — я слишкомъ высоко ставлю васъ, чтобъ допустить такое сравненіе, вы слишкомъ порядочный человекъ для этого!

— А, вотъ оно что! — сложивъ на груди руки, протянулъ Каржоль съ какимъ-то злобнымъ и горькимъ выраженіемъ. — «Слишкомъ порядочный человекъ»... Ну, такъ узнайте же все до конца, воли такъ!.. Узнайте же, что я — рабъ евреевъ, я въ кабалѣ у нихъ, я купленъ ими, — понимаете ли, купленъ съ аукціона, и они теперь вьютъ изъ меня веревки. Вы не знали этого, — ну, такъ скажу вамъ болѣе: я закабаленъ вашему дѣду... Да, да! — ему, Соломону Бендаvidу, «достопочтеннѣйшему», который въ тотъ же день, какъ я отвелъ васъ къ Серафимѣ, скупилъ всѣ мои векселя и росписки, до послѣдняго даже счета изъ мелочной лавочки, скрутилъ меня въ самую критическую минуту, когда я былъ буквально безъ копейки, далъ мнѣ пять тысячъ, взявши вексель на пятьдесятъ, и когда заручился такимъ образомъ противъ меня документами на сто тысячъ, — ну, тутъ уже не трудно было принудить меня нравственнымъ насиліемъ выхъзть въ ту же ночь изъ Украинска, съ обязательствомъ никогда и носа туда не показывать! И съ тѣхъ поръ онъ держитъ меня за горло, подъ вѣчной угрозой засадить въ долговую тюрьму, — и это все за то, что я люблю васъ, что я смѣлъ мечтать сдѣлать васъ своей женою!.. Я бѣжалъ въ глушь, въ Боголюбскую губернію, какъ волъ работалъ на фабрикѣ, живя одною мыслию — сколотить, наконецъ, капиталъ, чтобъ швырнуть его этому... вашему дѣдушкѣ и выкупить свои документы, но... къ несчастью, дѣло не удалось, провалилось... и тогда вашъ же сородичъ, господинъ Блудштейнъ, явился ко мнѣ съ предложеніемъ идти служить къ этимъ, какъ вы говорите,

«вампирамъ», чтобъ погасить мои долги Бендаvidу, который, къ слову сказать, тоже участвуетъ своими капиталами въ «компанія» съ этими самыми «вампирами»... Что-съ?.. Вы не знали этого? — Ну, такъ знайте! Этотъ вашъ «достойнѣйшій», «благороднѣйшій» рабъ Соломонъ не считаетъ предосудительнымъ высасывать кровь и потъ изъ русскаго мужика и солдата, — кодексъ еврейской нравственности ничего противъ этого не имѣетъ. — Такъ вотъ почему я выкупаю этотъ проклятый долгъ цѣной униженія, цѣной позора своему доброму имени!.. Вотъ почему я здѣсь!.. Можете теперь презирать меня, если хотите!.. Я, дѣйствительно, я стою презрѣнны, потому что лучше бы было тогда же пустить себя пулю въ лобъ, чѣмъ терпѣть такую рабскую жизнь; но — что прикажете дѣлать! — я слишкомъ люблю васъ, слишкомъ надѣлся, глупецъ, на возможность еще счастья въ будущемъ... Я откупаюсь теперь потому, что до сей минуты продолжалъ жить все тою же надеждой... А если она потеряна, если вы презираете меня за это, — что жъ? — вы свободны, я возвращаю вамъ ваше слово.

Графъ говорилъ горько, съ увлеченіемъ и такъ убѣжденно, вѣруи самъ въ истину своихъ словъ, что взволнованная до глубины души Тамара дослушивала его уже съ крупными слезами на глазахъ. Она поняла, что эта служба его въ «Товариществѣ» есть величайшая нравственная жертва, которую онъ приносить ради нея, что онъ любитъ ее всетаки-же, какъ и тогда, и несетъ свой ужасный крестъ только потому, что не утратилъ еще надежды когда-нибудь соединиться съ нею. Могла-ль она послѣ этого негодовать и бросать въ него камни? — Нѣтъ, онъ нравственно еще болѣе выросъ въ ея глазахъ, и теперь ей стали понятны и это смущеніе, и эта сдержанность, какъ будто даже холодность, какія обнаружилъ онъ въ первыя минуты ихъ неожиданной встрѣчи.

— Презирать васъ, оттолкнуть васъ... О, нѣтъ! Я слишкомъ люблю васъ... люблю все такъ же... Нѣтъ, больше даже!.. Я еще больше уважаю васъ теперь! — съ увлеченіемъ говорила она, горячо сжимая его руку. — Правда, я слыхала, что дѣдъ скупилъ ваши векселя и что вы должны были оставить Украинскъ, но я не знала всѣхъ обстоятельствъ, всей подкладки этого дѣла и вашего молчанія. Теперь мнѣ все ясно. Простите, я виновата передъ вами, я смѣла усомниться въ васъ... Это ужасно!

— Я не сержусь, Тамара, — растроганнымъ голосомъ произнесъ Каржоль. — Я только хотѣлъ сказать вамъ всю правду, чтобъ вы знали, — и съ меня довольно. Ваши слезы эти, ваша улыбка, все это говорить мнѣ, что всѣ недоразумѣнія между нами кончены. — Не такъ ли?

— Да, да,—повторяла она ему съ улыбкой счастья сквозь слезы. — Да, кончены... и навсегда!.. Я вѣрю въ васъ и не усомнюсь болѣе.

Но тутъ для Каржолы всталъ весьма интересный и тревожный вопросъ. Она сейчасъ упомянула, что ей было извѣстно о скупкѣ векселей и о его побѣгѣ изъ Украинска. Откуда она могла узнать объ этомъ? Черезъ кого и какъ?.. И если она знаетъ *это*, то не знаетъ ли чего-нибудь и больше?.. Повидимому, не знаетъ. Но если?.. если этотъ услужливый *кто-то* постарается какъ-нибудь сообщить ей и остальное? А онъ, между тѣмъ, не отважился сказать ей теперь же о своей женитбѣ. Весь его горячій монологъ какъ-то такъ былъ построенъ, по внезапному вдохновенію, чисто экспромптомъ, что въ немъ не оказалось и тѣни намека на это прискорбное обстоятельство. А вѣдь оно можетъ открыться... И что же тогда?! Нѣтъ, надо теперь же узнать, *кто* ей сказалъ о векселяхъ и, смотря по тому, кто именно,—принять сообразныя мѣры.

Но Тамара сама предупредила его намѣреніе. Ей точно также былъ интересенъ вопросъ объ Ольгѣ, о ея будто бы участіи въ устройствѣ побѣга къ Серафимѣ,—почему городскіе толки стали прилетать сюда Ольгу и въ чемъ тутъ дѣло? Не разъяснить ли ей это Каржолъ?

— Что дѣлъ скупилъ ваши векселя и что вы уѣхали,—это мнѣ писала въ Петербургъ Сашенька Санковская,—заговорила она, уже нѣсколько успокоившись. — Признаюсь, тонъ ея письма очень удивилъ меня... тѣмъ болѣе, что тамъ были какіе-то странные намеки на Ольгу, которыхъ я окончательно не понимаю.

— Что же такое?—серьезно спросилъ Каржолъ, нѣсколько нахмурился и внутренне настораживаясь, на всякій случай. При имени Ольги, сердце его невольно ёкнуло тревогой.

— А вотъ, прочтите.

И Тамара передала ему письмо Сашеньки, которое она нарочно достала изъ своей походной папачулки и спрятала въ карманъ, чтобы показать его графу, еще въ то время, какъ поджидала за шатровой завѣсой конца его разговора съ инспекторомъ.

Каржолъ нарочно неторопливо развернулъ сложенный вчетверо листокъ и принялся читать его мелкія строки съ нетерпѣливо-жаднымъ любопытствомъ, но стараясь выдерживать подлѣйшее наружное спокойствіе, чтобы не подать Тamarѣ повода заподозрить свое внутреннее, далеко не спокойное, состояніе. При словахъ письма, что жиды застали Ольгу утромъ въ его квартирѣ, графа невольно передернуло, но онъ постарался при этомъ пренебрежительно улыбнуться, равно какъ подобная же улыбка проскользнула у него и при фразѣ «твой графъ-апостолъ».

— Барышня, какъ видно, очень зла на васъ, что вы не посвятили ее въ свою тайну,—спокойно и равнодушно замѣтилъ онъ со снисходительной улыбкой, возвращая письмо.—Ну что жъ, это еще не бѣда. Вы отвѣчали ей?

Тамара объяснила, что она первая написала къ Сашенькѣ, и то потому лишь, что во входила много способа узнать хоть что-либо о графѣ, но что послѣ этого не отвѣчала ей ничего.

— Ну, а она? Не писала больше?

— Нѣй полслова. Да и о чемъ же, послѣ такого злого письма, переписываться!—Отношенія, очевидно, порваны.

— Разумѣется,—согласился графъ.—Ну, а что касается Ольги, — продолжалъ онъ,—то признаться, я и самъ не понимаю, съ чего ей вдругъ вздумалось впутывать во всю эту исторію себя?!. Развѣ изъ желанія выставиться, что и я, молъ, что-нибудь да значу,—«мы-де пахали»... Удивительно эксцентричная голова! — пожалъ онъ, въ заключеніе, плечами и призадумался, чувствуя самъ слабость своей аргументаціи въ объясненіи «необъяснимаго» поведенія Ольги.

— Я и самъ, — снова заговорилъ онъ съ улыбкой, послѣ минутки раздумчиваго молчанія, — я и самъ слышалъ, еще тогда же, эту нелѣпую сплетню, будто ее застали у меня, и мнѣ думается, что она нарочно пущена евреями, не столько ради меня, разумѣется, сколько для васъ, чтобы смутить васъ.

— А что жъ, это возможно, — согласилась Тамара.

— То-то мнѣ и кажется. И потому-то, помните ли, я и писалъ вамъ тогда въ монастырь, что къ дѣлу прилетаютъ одну изъ вашихъ подругъ... Я не хотѣлъ называть по имени, но, поминишь, просилъ васъ не вѣрить ничему, что бы вы ни услышали.

— И я свято исполнила вашу просьбу, — подтвердила ему Тамара, — я ни на минуту не повѣрила, и если заговорила объ этомъ теперь, то только потому, что хотѣла знать, съ какой стати припуталась тутъ Ольга?

— Психопатка, что жъ вы хотите! — развелъ графъ руками. — Страсть выставиться, порисоваться, заставить говорить о себѣ во что бы ни стало, — вотъ это что такое. О, вы еще не знаете, что это за женщина и чего она одному человѣку стоила!.. Когда-нибудь, со-временемъ, я расскажу вамъ... Это ужасная женщина!..

— Но вѣдь она вамъ правилась? — лукаво улынулась Тамара.

— Н-да, правилась *entre autres*,—небрежно согласился Каржолъ. — Но и то лишь пока я не встрѣтился съ вами и не узналъ, что вы за дѣвушка. Впрочемъ, за это «нравленіе» я ужъ достаточно наказанъ...

При этих, нескольких загадочных словах, Тамара с вопрошающим удивлением вскинулась на него глазами.

— Ну, да не стоит вспоминать! — махнул он рукою. — Когданибудь, со-временем узнаете, я расскажу вамъ.

— Да въ чемъ дѣло? — спросила она, рѣпительно не понимая, чѣмъ могла такъ насолить ему Ольга.

— Послѣ, послѣ... со-временемъ, говорю, — съ улыбкой поспѣшилъ онъ уклониться отъ отвѣта. — Я ничего отъ васъ не скрою, все расскажу вамъ, но теперь не хочу отравлять ни вамъ, ни себѣ счастливаго дня нашей встрѣчи. Это грустная исторія, — ну, ее!.. Вообще, — прибавилъ онъ съ притворно-скромнымъ видомъ, — на свои отношенія къ Ольгѣ я никогда не смотрѣлъ серьезно, тѣмъ болѣе, что не я за ней, а она за мной гонялась.

Последняя фраза опять неприятно рѣзнула по нравственному чувству Тамары, которой показалось въ ней что-то въ родѣ не то фатовства, не то хвастовства какого-то и, во всякомъ случаѣ, понозновение бросить сомнительную тѣнь на ея старую подругу. — Зачѣмъ, вѣдь она дѣвушка! — Не хорошо это!.. — Ей теперь хотѣлось бы всегда видѣть его серьезнымъ, положительнымъ, рыцарски честнымъ и идеально нравственнымъ, — словомъ, такимъ, какимъ долженъ бы быть ея будущій мужъ, а не общедоступнымъ легкимъ ловласомъ, хотя бы это ловластво и относилось къ его прошлому.

Въ это время по дорожкѣ мимо нихъ прошла начальница общины, и Тамарѣ не трудно было тотчасъ же подмѣтить въ ея лицѣ сдержанно-строгое и недовольное выраженіе. Она поняла, что та недовольна именно ею за продолжительное отсутствіе ея изъ палаты и еще болѣе за этотъ продолжительный интимный разговоръ съ какимъ-то постороннимъ мужчиной, на явный соблазнъ остальнымъ сестрамъ. Проходя мимо, старушка покосилась въ сторону Тамары, деликатно давая этимъ понять ей, что пора бы ужъ и кончать, неприлично-долго остро такъ долго... Но Тамара тутъ же нашла, какъ ей выйти изъ неловкаго положенія.

— Mamani! — окликнула она ее вслѣдъ по-французски.

Старушка, удивленно поднявъ брови, остановилась и повернулась къ ней нѣсколько насмѣхаясь, съ нѣмымъ вопросомъ во взглядѣ.

Permettez moi de vous présenter mon fiancé, — подвела она его къ ней за руку, — графъ Каржоль де-Нотреть, о которомъ, помините, я говорила вамъ и великой княгинѣ еще въ Петербургѣ, послѣ крещенія.

Начальница сложила губы въ официально любезную улыбку и нѣсколько церемонно отвѣтила плавнымъ склоненіемъ головы на глубоко почтительный поклонъ графа.

— Вы мнѣ позволите, сударыня, — скромно и серьезно заговорилъ онъ, не покрывая головы приподнятою шляпой, — вы мнѣ позволите время отъ времени посѣщать мою невѣсту?

Старушка нѣсколько замаялась.

— Изрѣдка, пож-жалуй, — съ нѣкоторой неохотой согласилась она, — въ свободное время, отчего же, разъ что вы женихъ и невѣста... Но вообще, я бы просила васъ, сестра Тамара, не отрываться на продолжительное время отъ вашихъ обязанностей.

И церемонно поклонясь издали графу, она прошла назадъ, по направленію къ своей палаткѣ. Каржоль ей видимо не понравился почему-то, и онъ самъ инстинктивно почувствовалъ это. Почувствовава такъ же и Тамара, и это сердечно ее смутило и огорчило.

— Ого-го, какая, однако, она у васъ строгая. Съ душкомъ! — замѣтилъ онъ въ насмѣшливомъ тонѣ.

— О, нѣтъ, — вступилась за нее дѣвушка, — она предобрая, она прекраснѣйшая, благородная женщина... Это, просто, ангельская доброта; но, конечно, старушка, съ капризами нѣкоторыми, — нельзя же безъ того... Но мы все ужасно ее любимъ и уважаемъ, и вы сами увидите потомъ, что это за сердце золотое...

— Ну, да Богъ съ ней! — небрежно махнулъ онъ слегка рукою и затѣмъ спохватился съ озабоченно торопливымъ видомъ. — Однако намъ съ вами дано уже первое предостереженіе, — не будемъ сердить ее и простимся.

На прощанье они условились, что Каржоль время отъ времени, по мѣрѣ возможности, будетъ навѣщать ее въ качествѣ жениха. А чтобы знать всегда, гдѣ оба находятся, они условились переписываться между собою.

XVII.

Послѣ свиданія.

Часовъ около шести вечера, когда часть отбывшихъ свою очередь сестеръ и врачебно-административный персоналъ госпиталя, по обыкновенію, сошлись къ чаю за большимъ столомъ, одинъ изъ ординаторовъ обратился къ комисару съ вопросомъ, что это за франтъ пріѣзжалъ давеча къ генералу?

— Агентъ жидовскій, — отвѣчалъ тотъ.

— Подъѣзжалъ было съ «наивыгоднѣйшими» предложеніями насчетъ поставокъ, — попенялъ командиръ санитарной роты, — и ужъ такъ-то соблазнительно расписывалъ — «ай-вай!..» Но нашъ — спасибо — турнулъ его достоудальнымъ манеромъ. Впередъ не сунется.

— Удивительно безстыжій народъ! — замѣтилъ кто-то изъ медиковъ. — Ты его въ шею; а онъ все дѣзетъ, точно оводъ какой!..

— Жиды, батюшка... На то и жиды, ничего не подѣлаешь!

— Да развѣ этотъ, что прїѣзжалъ, жидъ?

— Хуже-съ: соотечественникъ, да еще титулованный.

— Кто такой, говорите вы?

— Графъ Каржоль де-Нотрэкъ. — Такъ графомъ и отрекомендовался, съ форсомъ, — вотъ какъ!

Услышавъ это имя, Тамара, сидѣвшая за тѣмъ же столомъ, противъ начальницы, тревожно и чутко насторожилась и невольно стала внимательнѣе прислушиваться къ перекрестному разговору.

— Хо-хо, какая громкая фамилія! — замѣтилъ кто-то. — На тошакъ, сразу и не выговоришь.

— И-да-съ, чуть не трехэтажная...

— И неужели же онъ тоже въ «агентахъ»?

— Какъ видите.

— Экой срамъ какой!.. Экой позоръ!.. Дворянинъ, аристократъ, и вдругъ къ такой пархатой шумерѣ на послути! — Воля ваша, это вчужѣ обидно даже!

— Мамо ли ихъ тутъ, титулованныхъ-то!.. «Сыны отечества» тоже, «патріоты»... У этого хоть фамилія не русская, а вотъ, какъ свонто, да не стѣсняются родовыя имена волочить по жидовской грязи, — это много похуже будетъ.

— Времена, однако!

— Что-жъ, самыя практическія, безъ предразсудковъ, по крайней мѣрѣ.

— Э, полноте, господа, при чемъ тутъ «времена»? — Мерзавцы всегда были и будутъ. Это ужъ, такъ сказать, вѣи времени и пространства.

— Такъ этотъ трехэтажный графъ дѣйствительно жидовскій агентъ, на ряду съ Ицками и Шлѣмками?!

— Что-жъ, и на ряду, кои выгодно.

— Чая подлости кака!

Тамара наконецъ не выдержала. Ей больно и странно было слушать свободный потокъ всѣхъ этихъ осужденій и горько язвительныхъ замѣтокъ по адресу дорогого ей человѣка. Она сидѣла вся блѣдная, нервно встревоженная, крутя въ пальцахъ свой носовой платокъ, и готова была чуть не разрыдаться. Разсудокъ подсказывалъ ей, что лучше воздержаться и сейчасъ же уйти, но сердце не выдержало.

— Господа, — сказала она съ дрожащей ноткой страданія и укоризны въ голосѣ. — Осуждать со стороны легко... Но справедливо ли?.. Назвать кого мерзавцемъ, право, не велика еще заслуга!.. Надо знать причины, какія побуждали человѣка на такой тяжкій шагъ... человѣка честнаго... Почему вы знаете, можетъ, изъ его положенія не было иного выхода.

— Те-те-те... скажите, пожалуйста! Выхода не было... Это ужъ мы, кажется, въ области невѣроятности заходимъ... Эдакъ-то всякую мерзость можно оправдывать.

— Да вы что, сестра, заступаетесь? Вы его знаете?

— Знать, — едва перемогая себя, подтвердила Тамара; — потому и говорю, что знаю.

— Да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, Тамарушка съ нимъ разговаривала давеча, — вспомнила сестра Степанида. — Знакомый вашъ, что-ли?

— Знакомый... и смѣю увѣрить васъ всѣхъ, человѣкъ порядочный.

— Сестра Тамара, у васъ прекрасное сердце, мы въ этомъ увѣрены, — шутя отнесся къ ней ординаторъ ея палаты, — но смѣю думать, вы берете на себя напрасный трудъ оправдывать дрянъ-людей, будь они хоть раззнакомые ваши. Порядочный человѣкъ въ такую «компанію» служить не пойдетъ. — Это ужъ «ахъ, оставьте вашъ характеръ!»

Тамара поблѣднѣла еще болѣе, губы ея задрожали, на глазахъ выступили слезы.

— Господа, мнѣ этотъ разговоръ очень тяжело слушать, съ усиліемъ и мольбой въ голосѣ, обвела она всѣхъ просиявшими глазами.

Всѣ съ удивленіемъ посмотрѣли на нее и увидѣли, что съ нею что-то неладное.

— Сестра, да что это съ вами? Или ваше христіанское милосердіе ужъ такъ велико, что вы готовы расточать его даже на всѣхъ проходивцевъ?.. Полноте, не смѣшайте, пожалуйста! Что онъ вамъ, другъ, братъ, сватъ, что ли, или родня кака?

Но тутъ сочла ужъ нужнымъ вступить въ дѣло молчаливая доселѣ начальница общины, которая про-себя давно уже замѣтила, на сколько случайный этотъ разговоръ неприятенъ дѣвушкамъ.

— Графъ Каржоль де-Нотрэкъ — женихъ сестры Тамары, — внушительно и вѣско замѣтила она ни къ кому собственно не обращаясь. — Теперь вы знаете и, надѣюсь, можно больше не продолжать.

Грамота, упавшая среди стола, казалось, не произвела бы такого эффекта, какъ эти слова добрейшей старушки. Всѣ голоса вдругъ оборвались, всѣ взгляды съ удивленіемъ — иные съ недоувѣрчивостью и любопытствомъ, иные съ сожалѣніемъ и состраданіемъ — устремились на блѣдную дѣвушку, точно бы они ее до сихъ поръ не знали и не видали.

Минута тяжелого, смущеннаго молчанія.

— Бога ради, простите, сестра, великодушно!.. Мы вѣдь не могли же знать, а вы молчите... Вамъ бы давно сказать, и конецъ! — первымъ заговорилъ сконфуженный ординаторъ, стараясь какъ-нибудь оправдаться. Конечно, должны быть причины, — вы правы, но кто-жъ ихъ знаетъ!.. По наружности судить трудно... Во всякомъ случаѣ, позволяю отъ души пожелать вамъ всякаго счастья...

Общій разговоръ послѣ этого порвался и уже не возобновлялся ни на какую тему. Положеніе вдругъ стало тяжелымъ, натянутымъ. Всѣмъ

было какъ-то не по-себѣ, неловко и совѣстно, и каждый досадливо укорялъ себя въ душѣ. — «Вотъ влопался-то!.. Обидѣлъ я за что, ни про что хорошую дѣвушку»...

Но всёхъ неловче и тяжелѣе было самой Тамарѣ. Ей даже досадно стало на начальницу, — зачѣмъ, съ какой стати было объявлять это во всеуслышаніе! Кто просилъ ее! — Досадно и на самой себя, зачѣмъ вышлась въ разговоръ и выдала свою душу, зачѣмъ не ушла ранѣе! Она торопливо, черезъ силу допила свою кружку и, вставъ изъ-за стола, поспѣшно направилась къ своей палатѣ, глотая подступившія къ горлу слезы.

— «Несчастный!» думалось ей про Каржолу. «Какою страшною цѣной — цѣной позора и общаго презрѣнія — приходится платиться ему за свою любовь!.. И все это самопожертвованіе ради меня!.. Вѣдь это изъ-за меня онъ терпитъ!.. Изъ-за меня!.. Одна я, — я всему причиной!.. Я виновата!.. Господи, да что же я за безалазная такая, что всёхъ приношу одно только горе да несчастье!.. Дѣду — горе, бабушкѣ — смерть, всей семьѣ — несчастье, ему — тоже несчастье!.. Тутъ, просто, роковое что-то».

* * *

А графъ, между тѣмъ, ѣхалъ изъ госпиталя какъ нельзя болѣе въ духѣ, совершенно довольный собою. Онъ никакъ не могъ ожидать, что вся эта встрѣча и объясненіе съ Тамарой, которыхъ онъ такъ боялся, разыграются для него столь благополучно. Нѣтъ, ему рѣшительно везетъ, — онъ счастливѣйшій человекъ въ мірѣ! Тамара ничего не знаетъ, она по прежнему любитъ и вѣритъ въ него, готова ради него на всякую жертву!.. О, нравственный авторитетъ его очень силенъ надъ нею! — Такъ думалось графу. — Она какъ воскъ въ его рукахъ: все, что захочетъ, то съ ней и сдѣлаетъ, во всемъ убѣдитъ ее и заставитъ смотреть своими глазами, — въ этомъ онъ окончательно сегодня убѣдился. Компанейскія дѣла, несмотря на вышнюю неудачу съ инспекторомъ, въ общемъ тоже идутъ превосходно!.. Блудштейнъ и теперь уже загребаетъ громадные дивиденды, да и самъ Каржолъ — что-жъ! — онъ пока совершенно обезпеченъ, можетъ жить не стѣсняясь, какъ прилично въ его «представительномъ» положеніи, а по окончаніи войны, съ ликвидаціей компанейскихъ дѣлъ, — по его расчетамъ, это уже и теперь можно предвидѣть, — онъ не только до конейки расплатится съ долгами, но и вывезетъ еще капиталъ тысячъ въ двѣсти по крайней мѣрѣ, и тогда... О, тогда онъ знаетъ что ему дѣлать! Промachu больше не дастъ!

И вотъ въ головѣ его вдругъ, точно бы по вдохновенію, создается новый, чрезвычайно смѣлый и ловкій планъ, и онъ уже заранѣе вполне вѣритъ въ его удачу, потому что вѣ-

рить въ себя, въ свою счастливую «талию», привалившую къ нему теперь на зеленомъ полѣ житейскаго штосса. — И онъ идетъ *ва-банкъ*, чортъ возьми!.. Да, въ концѣ концовъ, Тамара будетъ принадлежать ему со всѣмъ своимъ миллионнымъ наслѣдствомъ — деньги ей улыбнутся-таки «благороднѣйшему» Соломону. О, онъ знаетъ теперь какъ это сдѣлать! Ему важно было только убѣдиться въ самой Тамарѣ, да вотъ, лишь бы выручить у Бендавида свои документы, а тамъ — го-го, какой спектакль ему устроить! — «Eh bien, messieurs les juifs! Voyons nous!.. Rira bien qui rira le dernier!»

И онъ съ удовольствіемъ податилъ къ ресторану Брофта утолять свой разыгравшійся аппетитъ бараньими котлетами съ трюфелями и шампанскимъ.

XVIII.

Въ дни „Третьей Плевны“.

Въ сумерки 25-го августа транспортъ сестеръ Богоявленской общины прибылъ на ночлегъ въ болгарское селеніе Порадимъ, гдѣ въ то время находилась главная квартира румынской арміи, призванной изъ-за Дуная къ намъ на помощь.

По распоряженію военно-медицинской инспекціи и «Краснаго Креста», сестеръ послѣдно направляли теперь подъ Плевну, гдѣ, по слухамъ, готовилась на-дняхъ новая атака укрѣпленныхъ позицій Османъ-паши. Двѣ предшествовавшія неудачи нашихъ войскъ подъ Плевной, равно какъ и обширныя приготовленія заставляли всѣхъ догадываться, что на этотъ разъ здѣсь, вѣроятно, произойдетъ нѣчто грандіозное и рѣшительное, — поэтому и сестры уже заранѣе готовились къ предстоящей имъ большой и трудной работѣ. Вокругъ нихъ, въ Порадимѣ, какъ и въ Радичѣ, гдѣ стоялъ тогда русскій штабъ, высказывалось почти всеобщее убѣжденіе въ успѣхѣ ожидавшагося боя, съ таинственнымъ видомъ, подъ величайшимъ секретомъ, передавалось изъ устъ въ уста людьми, далеко не посвященными въ стратегическія тайны штаба, объ «именинномъ пирогѣ», будто-бы готовящемся на 30-е августа: почти никто и не думалъ о возможности третьей неудачи, — напротивъ, заранѣе были увѣрены, что ужъ теперь-то навѣрное принудятъ Османа или сдаться или очистить Плевну. Одни только люди, испытывшіе на себѣ двѣ первыя «Плевны», сомнѣвались въ легкости этого дѣла и говорили, что будетъ трудно и жарко...

26-го августа, ровно въ шесть часовъ утра, когда сестры уже трогались въ путь, въ Порадимѣ послышался грозный гулъ громаднаго залпа, послѣ котораго на минуту воцарилась полная тишина, а затѣмъ начался

довольно рѣдкій огонь отдѣльных орудій. Громовой звукъ, услышанный въ Порадимѣ, былъ произведенъ залпомъ нашей большой осадной батареи, который возвѣстилъ начало боя подъ Плевной. Канонада началась съ обѣихъ сторонъ безъ торопливости, съ выдержкою, какъ подобаетъ серьезной канонадѣ, рассчитывающей на мѣткость своихъ выстрѣловъ. Въ продолженіе всего пути къ русскимъ боевымъ позиціямъ, встрѣчались сестрамъ по сторонамъ дороги таборы болгаръ, успѣвшихъ бѣжать изъ-подъ Плевны, а около Порадима все громадное поле было наполнено ихъ убогими пожитками, возами, буйволами, овцами и волами. Мужчинъ въ этихъ таборахъ было очень мало, — повсюду видѣлись однѣ лишь женщины да дѣти, сидѣвшія группами у своихъ возовъ, или уныло бродившія около дороги.

Когда санитарныя линейки съ сестрами выбрались на высоту за деревнею Сталевицей, выстрѣлы стали слышны весьма ясно, а вскорѣ изъ Гривидкой долины открылась нѣкоторая часть нашихъ и турецкихъ позицій; но и тамъ и здѣсь мѣстами видны были только бѣлые клубы нѣсколькихъ дымовъ, медленно подымавшихся въ небо. Поѣздъ двигался по грунтовой дорогѣ, между стоявшими наготовѣ артиллерійскими парками, повозками военнопехотнаго телеграфа, разными обозами и кавалерійскими резервами. Вдругъ между всеми этими частями проявилось какое-то особенное движеніе людей, и позади поѣзда сестеръ раздалось нѣсколько громкихъ окликовъ военного привѣтствія. Тамара оглянулась въ ту сторону, откуда неслись эти клики, да такъ и впилась туда глазами. На крупныхъ рыскахъ быстро приближалась оттуда многочисленная кавалькада свитскихъ всадниковъ, впереди которой развѣвался по вѣтру бѣлый значекъ главнокомандующаго, съ голубымъ восьмиконечнымъ крестомъ посерединѣ, а позади этой группы мелькали, сквозь поднятую пыль, палахи и блестящіе газыри дѣлаго эскадрона конвойныхъ линейцевъ и красныя плахи лейбъ-казакъ. Вотъ изъ этой группы ясно выдѣлилась спереди легкая коляска, запряженная четверкой вороныхъ, и въ ней Тамара узнала государя рядомъ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ. По мѣрѣ того какъ они приближались, свободные люди отъ всѣхъ ближайшихъ парковъ и обозовъ бѣгомъ спѣшили къ дорогѣ, и скоро выстраивались отдѣльными группами и радостнымъ кликомъ отвѣчаема на обращенное къ нимъ царское «здорово!». Вотъ, наконецъ, коляска поровнялась съ линейками сестеръ, — Тамара совсѣмъ близко отъ себя увидѣла нѣсколько похудѣвшее лицо государя, съ большими, добрыми глазами, скользнувшій взглядъ которыхъ на мгновеніе она почувствовала и на себѣ... Вотъ лицо это озарилось при-

вѣтливою улыбкой, и до слуха ея долетѣлъ ясно слова: «Богъ помѣчь, сестры!»

— Богъ помѣчь вамъ, государь! — неудержимо вырвалось у Тамары полное восторга восклицаніе, тотчасъ же подхваченное возгласами остальныхъ сестеръ. Раздались «ура!» и клики радостныхъ женскихъ голосовъ, и бѣлые платки привѣтственно замелькали въ воздухѣ.

А бѣлая фуражка государя уже мелькала сквозь пыль впереди, — и блестящая густая вереница сановниковъ въ коляскахъ, генераловъ и флигель-адъютантовъ верхомъ на ретивыхъ коняхъ, уже пронеслась, бряцая саблями и шумя подковами, мимо санитарнаго поѣзда.

— Вотъ умица! вотъ молодець! Нашлась отвѣтить государю! — со слезой восторга въ глазахъ, хвалила между тѣмъ Тамару неразлучная съ нею сестра Степанида.

Какъ это случилось, какъ вырвалось у нея это и для самой себя неожиданное восклицаніе, Тамара не могла дать себѣ отчета, чувствовала только, что вырвалось оно прямо изъ сердца и какъ-то невольно, само собою. Она не видѣла государя съ самой Зимницы, съ того раза какъ онъ былъ на перевязочномъ пунктѣ, и ей показалось, съ что тѣхъ поръ лицо его нѣсколько похудѣло, поблѣднѣло и слегка осунулось. Въ этомъ дорогомъ лицѣ, несмотря на ясную привѣтливую улыбку, ей казалось какъ-будто затаенное внутреннее страданіе, и ей вдругъ стало такъ жаль его, такъ больно за него самой, что всю душу, кажись, отдала бы за него, лишь бы онъ былъ спокоенъ, свѣтелъ и радостенъ.

Сестры, передавая другъ другу свои впечатлѣнія и замѣчанія, говорили между собою, что въ свитѣ были: великій князь Алексѣй Александровичъ, Милютинъ, Адлербергъ, Суворовъ, Грейгъ... называли и еще нѣсколько громкихъ именъ; но Тамара, кромѣ государя, рѣшительно никого и ничего не замѣтила. Все вниманіе, все чувство и мысли ея были всецѣло поглощены однимъ только имъ, — и все это наплывало на нее совершенно неожиданно и внезапно, точно бы вызванное какимъ-то видѣніемъ, такъ что когда она, спустя минуту, очнулась отъ этого состоянія, то даже сама себѣ удивилась: съ чего это вдругъ съ нею?.. Прежде, въ Украинскѣ, совершенно равнодушная къ тому, есть ли царь въ Россіи, явѣ ли его, она до Зимницы почти не имѣла о немъ понятія, а тутъ, при встрѣчѣ на дорогѣ, впервые почувствовала вдругъ, что этотъ «посторонній» челоѣкъ почему-то ей дорогъ, какъ можетъ быть дорогъ отецъ, что въ немъ есть для нея что-то «свое», родное, чего ни купить, ни продать невозможно, и что это чувство ея къ нему — общее со всѣми другими сестрами, со всѣми этими солдатами, офицерами, погонцами, со всѣмъ тѣмъ, что

называлась русскимъ народомъ. И здѣсь она впервые сознательно нашла въ себѣ отвѣтъ, что это оттого, стало-быть, что сама она въ душѣ сдѣлалась русской и перестала быть еврейкой. А сдѣлалась русской потому, что поближе узнала русскую вѣру, русскаго Бога, русскаго человѣка, покорооче сошлась, сжилась и сдружилась съ русскою средой и съ русскимъ солдатомъ въ годину военныхъ жертвъ и испытаній, и во-очію увидѣла и на самой себѣ почувствовала, что это все далеко не то и не такъ, какъ рисуетъ его себѣ еврейство, ожесточенное и высокомерное въ своемъ презрѣніи къ «гойямъ».

Санитарный поѣздъ сестеръ поднялся, между тѣмъ, на ту высоту, гдѣ остановился государь со свитой, и прослѣдовалъ, позади спѣшившагося конвоя, далѣе, за молодой лѣсокъ и кустарники. Съ этой центральной высоты, названной впоследствии «Императорскимъ холмомъ», открывался широкій видъ на нашъ лѣвый флангъ и на турецкія позиціи, лежавшія противъ нашего центра. Самый городъ Плевна былъ совершенно скрытъ въ котловинѣ, и виднѣлись только на вершинахъ холмовъ окружавшіе его редуты, а еще далѣе на западъ—часть отлого поднимающихся возвышенностей, за рѣкою Видомъ. Кругозоръ всей этой картины хваталъ версты на тридцать отъ одного края до другого.

Государь помѣстился на одномъ изъ наиболее удобныхъ пунктовъ «Императорскаго холма», и Тамара издали видѣла, какъ, сидя на складномъ деревянномъ стулѣ, онъ наблюдалъ въ бинокль за ходомъ артиллерійскаго боя. Почти рядомъ съ нимъ отчетливо вырисовывалась во весь ростъ высокая характерная фигура великаго князя главнокомандующаго, а позади толпалась нѣсколькими группами царская и великокняжеская свита. Выстрѣлы раздавались довольно рѣдко—отъ семи до десяти въ минуту—и въ тихомъ воздухѣ отчетливо было слышно то приближающееся, то удаляющееся шипѣніе гранатъ. Густые бѣлые клубы отдѣльных дымовъ, освѣщенные яркимъ солнцемъ, безпрестанно выкачивались вверхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, на всемъ протяженіи широкой картины, лежавшей передъ глазами, и вмѣстѣ съ ними, то у противника, то у насъ взрывались желтые столбы дыма и пыли, производимые разрывомъ снарядовъ.

По прибытіи на мѣсто, сестры нашли уже перевязочный пунктъ вполне готовымъ къ приему раненыхъ. Мѣсто было выбрано довольно удобное, въ долиніи и близъ фонтана съ хорошо водою. Но раненныхъ еще не было. Всѣ военныя дѣйствія перваго дня «Третьей Плевны» ограничились одною оживленною канонадой, на которую турки отвѣчали весьма энергически и преимущественно шрапнелью,

лопавшеюся въ воздухъ надъ нашими батареями. Впрочемъ, люди наши въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ по-близости находились фонтаны или колодцы, преспокойно варили себѣ обѣдъ на позиціи. Передъ вечеромъ государь вмѣстѣ съ великимъ княземъ главнокомандующимъ отправился на ночьгь обратно въ Раднынецъ.

* * *

Рѣдкая канонада съ обѣихъ сторонъ не прекращалась и ночью, а на разсвѣтъ, послѣ часового затишья, возобновилась съ нашей стороны весьма бойко, и такимъ образомъ дѣло шло до сумерокъ. Около трехъ часовъ полудни государь съ великимъ княземъ опять прибыли на ту же высоту, гдѣ присутствовали вчера, и оставались на ней до седьмого часа вечера, все время, пока на нашемъ лѣвомъ флангѣ, въ отрядѣ князя Имеретинскаго, шелъ у Скобелева упорный бой на Зеленыхъ высотахъ. Въ остальныхъ частяхъ войскъ потери были самыя ничтожныя, и потому перевязочные пункты и подвижныя лазареты отдыхали. Въ свободные отъ своей очереди часы, нѣсколько медиковъ и богоявленскихъ сестеръ съ ближайшаго къ «Императорскому холму» перевязочнаго пункта всходили на его высоту посмотреть, какъ идетъ дѣло на позиціяхъ, и здѣсь Тамара опять видѣла издали государя, сидѣвшаго по-вчерашнему на томъ же бугрѣ и на томъ же складномъ стулѣ, со взглядомъ, задумчиво и пристально устремленнымъ впередъ, — туда, гдѣ шло дѣло. Время въ бою летитъ незамѣтно: вниманіе наблюдателя постоянно приковано къ происходящему впередъ, гдѣ каждый отдѣльный эпизодъ — насколько можно слѣдить за нимъ въ общей картинѣ — всегда бываетъ исполненъ живѣйшаго интереса. Тамара, въ группѣ сестеръ и врачей, слѣдила съ холма по бѣлымъ дымамъ, какъ вдали у Скобелева идетъ стрѣлковое дѣло. Сначала линія ружейнаго дыма Скобелевской пѣи видимо подвигалась впередъ; порою линія эта приостанавливалась на нѣкоторое время, а затѣмъ опять впередъ и впередъ, къ зеленоватой высотѣ, занятой турками. — «Слава Богу», слышались вокругъ Тамары замѣчанія мужчинъ, «кажется, бой идетъ успѣшно». — И она испытывала при этомъ въ душѣ успокоительное и довольное чувство. Ей было даже досадно, зачѣмъ слѣпой случай устроилъ такъ, что ей приходится быть не тамъ, а здѣсь, на правомъ флангѣ, гдѣ ни вчера, ни сегодня не представилось для сестеръ рѣшительно никакой работы. Но вотъ, взаимный огонь противниковъ на Зеленыхъ горахъ дошелъ до высшей ступени напряженнаго развитія, послѣ чего, минувъ двадцать спустя, линія русскихъ дымовъ стала подаваться назадъ, все болѣе и болѣе уступая покидаемымъ мѣстамъ туркамъ, наступленіе которыхъ точно также было замѣтно по непрерывной линіи надвигающагося дыма.

Чувство досады въ душѣ Тамары усилилось еще горечью и болью за видимый неуспѣхъ Скобелевскаго дѣла.

— Неужели турки опять побѣдятъ? Въдѣ это же несправедливо, — вырвалось у нея чуть не со слезами замѣчаніе, женская наивность котораго невольно вызвала благодушную улыбку у медиковъ.

Въ это время турецкія шрапнели стали лопаться въ воздухѣ правѣе и невдалекѣ отъ высоты, на которой находился государь. Эти снаряды направлялись противъ нашей батареи на склонахъ «Императорскаго холма», маскированной кустарниками, — и нѣсколько картечей прожужжало надъ царскою свитой.

— Ну, вотъ, вы печалились, что у насъ ничего нѣтъ, — обратился къ Тамарѣ стоявшій рядомъ съ нею докторъ, — кажишь, и тутъ начинается...

Вскорѣ послѣ этого въ турецкомъ редутѣ, расположенномъ лѣвѣе Гривницкаго шоссе, мгновенно поднялся густой бѣлый столбъ дыма и принялъ ту характерную форму грибка, которая служить обыкновеннымъ признакомъ пороховыхъ взрывовъ, и вслѣдъ за тѣмъ, черезъ три-четыре секунды, послышался глухой и протяжный гулъ грома.

— Это навѣрное либо въ ящикъ зарядный, либо въ пороховой погребъ хватило, — замѣтилъ сосѣдъ Тамары. — Утѣшьтеся, сестра: Скобелевская неудача хоть чѣмъ-нибудь да отомщена-таки!

Ночью непріятель насъ не тревожилъ и не отвѣчалъ на рѣдкіе выстрѣлы нашихъ орудій. Двое послѣдующихъ сутокъ прошли довольно монотонно, подъ гулъ почти непрерывавшейся канонады, безъ особенныхъ потерь, но и безъ особенныхъ для насъ результатовъ. Къ вечеру 29-го числа погода до сего времени сухая и теплая, вдругъ измѣнилась. Въ воздухѣ засмырѣло, небо подорнулось сплошными тучами, и пошелъ мелкій, совсѣмъ осенній дождикъ, не прерывавшійся въ теченіе всей ночи, и сразу, въ какіе-нибудь два-три часа, испортившій дороги до такой степени, что движеніе повозокъ сдѣлалось крайне затруднительнымъ.

Въ этотъ же вечеръ начальнику Западнаго (Плевненскаго) отряда, генералу Зотову, было доложено, что при такой усиленной стрѣльбѣ, какую за всѣ эти дни вели наши орудія, на дальнѣйшую канонаду у насъ, пожалуй, не хватитъ снарядовъ, а на своевременный подвозъ ихъ и вообще на правильное движеніе артиллерійскихъ парковъ разсчитывать трудно при этой распутицѣ, которая обратила дороги въ глубокое мѣсиво густой и липкой грязи. При такихъ обстоятельствахъ, продолжать дальнѣйшій артиллерійскій бой было неудобно и приходилось либо отказаться отъ штурма, либо начинать его завтра же. На военномъ совѣщаніи рѣшено было послѣднее.

XIX.

30-е августа.

Графъ Каржоль, проживавшій въ послѣднее время при «Агентствѣ» въ Систовѣ, получилъ отъ своихъ высокихъ принципаловъ нѣкоторое «деликатное порученіе», по поводу довольно крупныхъ неисправностей «Товарищества», которыхъ нужно было лично разъяснить въ штабѣ арміи. Поэтому высокіе принципы разсчитывали, что въ данномъ случаѣ, гдѣ требовалось представить дѣло въ ихъ оправданіе и пользу и смягчить неудовольствіе штаба, — титулованное имя графа и его дипломатическія способности могутъ наиболѣе повліять на благосклонное для нихъ рѣшеніе. При томъ же высокіе еврейскіе принципы были сами по себѣ слишкомъ большіе господа, чтобы кому-нибудь изъ нихъ стоило лично утруждать себя дальними поѣздками по неудобнымъ дорогамъ и подвергаться не всегда приятнымъ объясненіямъ. Для подобнаго рода порученій они и держали у себя «представительныхъ агентовъ» съ громкими титулами и свѣтскимъ положеніемъ. Предложеніе патронновъ пришлось Каржолу какъ-разъ на руку. Онъ и самъ не прочь былъ немножко «протѣтриться» отъ «тыловой» жизни въ Зимницѣ и Систовѣ, проѣхаться по новой, незнакомой странѣ, воочию увидѣть, какъ идутъ тамъ военныя дѣла, испытать новыя впечатлѣнія, — можетъ быть, даже посмотрѣть, если удастся, на картину какого-нибудь сраженія.. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, быть на театрѣ военныхъ дѣйствій, такъ близко отъ боевыхъ дѣлъ, и ни разу не слышать пушечнаго выстрѣла! — слушать все только рассказы другихъ, а самому, въ смыслѣ очевидца, не имѣть никакого понятія!.. Кончится война, вернутся всѣ въ Россію, — и рассказать будетъ не о чемъ, кромѣ буларетскихъ да зимницкихъ похолоденій съ «куковницами». Нѣтъ, это даже неприлично! — И графъ, снабженный къ тому же достаточною суммой на экстренные расходы по поѣздкѣ, съ удовольствіемъ отправился подъ Плевну, въ нанятомъ удобномъ фаэтонѣ. Въ предвидѣніи, что, можетъ быть, придется проѣхаться, въ видѣ *partie de plaisir*, по бивакамъ и позиціямъ, онъ захватилъ съ собою англійское сѣдло и даже надѣлъ на себя кабуру съ револьверомъ, — неравно нападутъ башки-бузукки. Не забылъ онъ также и плетеную корзину съ виномъ и закусками, — потому что не портить же ему свой желудокъ какою-то, чортъ ее возьми, болгарскою чорбой и паприкой!

Графъ поѣхалъ не одинъ. Къ нему пристегнулся нѣкій мистеръ Пробстъ, отрекомендовавшій себя корреспондентомъ какой-то второстепенной англійской газеты, — ему-де крайне

нужно спѣшить подѣ Плевну, гдѣ на сихъ дняхъ должна произойти «great attraction» всей кампаніи, а эти проклятые румынскіе «каруцары» и «суруджии» не везутъ дешевле какъ за двѣсти франковъ; онъ же, мистеръ Простъ, не успѣлъ конечно своею редакціей тратить такіа сумасшедшія деньги, а потому... а потому выходило, что графъ изъ любезности долженъ довести его даромъ.

Графъ это понялъ и, какъ «a true Russian gentleman», самъ предложилъ ему свои услуги. Благодарный мистеръ Простъ доставлялъ ему за это развлеченіе въ дорогѣ, рассказывая специально-англійскіе анекдоты.

29-го, подѣ вечеръ, пріѣхали они въ Радынѣцъ, но тамъ графу прямо сказали въ штабѣ, что теперь не до него и не до «Товарищества», что начальникъ штаба подѣ Плевной, правитель походной канцеляріи тоже, помощникъ его тоже, а потому и разговаривать съ нимъ въ Радынѣцѣ некому, да и некогда; а ужъ если графу такъ до зарѣзу нужно ихъ видѣть, то пусть отправляется подѣ Плевну,—можетъ быть, тамъ какъ-нибудь и удастся ему улучшить удобную минутку для разговора.

Графъ такъ и сдѣлалъ. Переночевавъ у маркизанта въ Радынѣцѣ, онъ на разсвѣтѣ 30-го числа выѣхалъ съ мистеромъ Простомъ подѣ Плевну.

* * *

Утро 30-го августа было холодное и сильно туманное. Моросило. Когда Каржоль, въ десятомъ часу утра, дотащился кое-какъ въ своемъ фаэтонѣ до «Императорскаго холма», впереди ничего не было видно: все и повсюду застилалось бѣловато-мглистою пеленою, сквозь которую даже и пушечные выстрѣлы съ ближайшихъ батарей отдавались глухо, а вдаль уже и ровно ничего невозможно было слышать. Каждый звукъ гложъ и исчезалъ въ этомъ густомъ и плотномъ туманѣ. У «Императорскаго холма» придворные служители спѣшно разбивали палатку, въ которой должно было совершиться молебствіе, по случаю дня тезоименитства государя. Великій князь главнокомандующій прибылъ со свитой около десяти часовъ утра и, почти одновременно съ нимъ, появился въ открытой коляскѣ и князь Карлъ Румынскій. Государь прибылъ на холмъ въ половинѣ двѣнадцатаго часа. Принявъ поздравленія, онъ спросилъ диспозицію, составленную на нынѣшній день, прочелъ ее и затѣмъ направился къ палаткѣ, гдѣ ожидалъ уже августѣйшаго именинника протоіерей императорской квартиры въ полномъ облаченіи. Тотчасъ же началось молебствіе. Раздалось стройное пѣніе небольшого походного хора придворныхъ пѣвчихъ. Русская и румынская свята столпились вокругъ палатки, обнаживъ свои головы. Тутъ же стояли и кучки нашихъ русскихъ солдатъ, кучеровъ, служителей и груп-

пы мѣстныхъ болгаръ. Во время молебна дождь на нѣкоторое время прекратился, и канонада стала гораздо слышнѣе! Когда раздались слова: «Преклонимъ колѣна, Господу помолимся», всѣ тихо склонились къ землѣ, и священникъ съ глубокимъ чувствомъ произнесъ взволнованнымъ голосомъ молитву о ниспосланіи побѣды русскому воинству. Эти слова какъ бы наэлектризовали всѣхъ присутствовавшихъ; многие утирали слезы. Видно было, что каждый глубоко почувствовалъ въ сердцѣ своемъ значеніе переживаемой минуты, глубоко проникся смысломъ возносимой къ Богу молитвы и далъ полную волю своему святому чувству... Но тотъ моментъ, когда дьяконъ возгласилъ, а пѣвчіе подхватили многолѣтне государю, исполненъ былъ особенной торжественности. Въ Петербургѣ въ этотъ моментъ обыкновенно раздаются праздничные салюты съ бастіоновъ Петропавловской крѣпости, въ Москвѣ — со стѣнъ кремлевской Тайницкой башни, здѣсь же, на боевой позиціи, въ виду неприятеля, подѣ этимъ хмурымъ, ненастнымъ небомъ, салтовалъ русскому царю перекатный громъ боевыхъ орудій, которому вторило шипѣніе взрывающихся снарядовъ. Никогда еще русскимъ государямъ не доводилось встрѣчать день своего ангела въ подобной обстановкѣ, никогда еще не доводилось имъ и проводить его съ утра до ночи на боевомъ полѣ.

Послѣ молебствія, государь пригласилъ всѣхъ присутствовавшихъ къ завтраку. Для императорской фамилии и почетнѣйшихъ лицъ русской и румынской арій накрытъ былъ на холмѣ небольшой столъ; остальные же помѣстились, кто какъ могъ. На землѣ были раскинуты скатерти, на скатертяхъ поставлены блюда, тарелки, бутылки, и вокругъ нихъ кое-какъ потѣснились всѣ наличные офицеры: кто на колѣняхъ, кто на корточкахъ, кто стоя,—и вѣскоо принялись за холодный завтракъ. Тутъ же, около англійскаго военнаго агента, полковника Веллесея, торчали двое типичныхъ гороховыхъ англичанъ, въ пробковыхъ пижакахъ съ бѣлыми повязками. Говорили, что это какіе-то члены парламента, воспользовавшіеся каникулярнымъ временемъ для экскурсіи на театръ военныхъ дѣйствій. Къ нимъ тотчасъ же пристроился и мистеръ Простъ, отрекомендовавшись, какъ соотечественникъ, представился Веллесею и, кстати, представилъ ему и своего спутника—графа Каржоля. Походный гофмаршалъ, принявъ мимоходомъ всѣхъ четверыхъ за знатныхъ иностранцевъ, очень радушно пригласилъ и ихъ принять участіе въ завтракѣ,—и, такимъ образомъ, Каржоль неожиданно для самого себя, очутился у конца одной изъ разостланныхъ по землѣ скатертей, среди русскихъ и румынскихъ офицеровъ. Какъ общительный человекъ, онъ тотчасъ же перезнакомился со всѣми своими ближайшими со-

сѣдями и vis-à-vis, успѣвъ оказать одному-другому нѣсколько маленькихъ застольныхъ услугъ, тому передать бутылку, этому подвинуть хлѣбъ, и уже чувствовалъ себя въ ихъ средѣ совсѣмъ «на полевомъ положеніи», — легко и непринужденно, еп сагагаде, какъ вдругъ, взглянувъ въ сторону, запнулся на полусловѣ и даже нѣсколько поблѣднѣлъ, не будучи въ состояніи сдержать невольно передернувшее его нервное движеніе. Обеспокоенный взглядъ его на нѣкоторое время такъ и остался устремленнымъ, мимо своихъ собесѣдниковъ, въ направленіи къ царскому столу, гдѣ что-то особенное приковало къ себѣ его вниманіе. Нѣкоторые невольно тоже повернулись въ ту сторону и увидѣли, какъ только-что прискакавшій ординарецъ, какой-то статный уланскій офицеръ, лихо соскочивъ съ лошади, бросилъ поводья первому попавшемуся казаку и, подойдя — руку подъ козырекъ — къ царскому столу, сталъ что-то докладывать великому князю. Появленіе его обратило на себя вниманіе государя. Его подошли ближе, внимательно выслушали повторенное имъ донесеніе, сдѣлали нѣсколько вопросовъ и затѣмъ милостиво отпустили. Походный гофмаршалъ тотчасъ же, подойдя къ этому офицеру, любезно пригласилъ его закусить и указалъ ему какъ-разъ на ту скатерть, за которой сидѣлъ графъ Каржоль съ гороховыми англичанами.

Для графа не осталось болѣе никакихъ сомнѣній. Въ приближавшемся уланѣ онъ ясно узналъ теперь Аполлона Пула. Офицеры потѣснились и очистили новоприбывшему мѣстечко за скатертью, какъ-разъ напротивъ Каржолы. Взгляды ихъ встрѣтились и въ нихъ одномоментно мелькнула, какъ холодная сталь, какая-то злая, враждебная другъ другу искорка. Графу, кромѣ того, показалось, что вмѣстѣ съ этою искоркой, во взглядѣ его врага сказались также и какое-то насильственное удивленіе, — дескать, *ты* какъ попалъ сюда?!. Но оба они сдержались и не показали, что знаютъ другъ друга.

Ближайшіе офицеры, на перебой одинъ другому, съ живѣйшимъ любопытствомъ обратились къ улану съ разспросами, въ чемъ дѣло и что новаго? какія извѣстія привезъ онъ? Тотъ едва лишь успѣвъ отрекаться отъ себя ординарцемъ начальника Западнаго отряда, генерала Зотова, какъ раздался звучный голосъ поднимавшагося великаго князя главнокомандующаго, который провозгласилъ тостъ за здоровье державнаго именинника, единодушно покрытый восторженнымъ и задушевнымъ кликомъ.

Едва умякло это дружное и продолжительное «ура», какъ поднялся государь императоръ.

— За здоровье нашихъ славныхъ войскъ, которые въ эту минуту дерутся съ непріате-

лемъ! — громко произнесъ онъ. — И да даруетъ Богъ намъ побѣду!

Новое восторженное «ура!» зашумѣло по всему «Императорскому холму» и было подхвачено стоявшими тутъ же болгарскими селянами, казаками и солдатами.

Не долго длился этотъ скромный походный завтракъ, по окончаніи котораго всѣ опять отдали все свое вниманіе бою. Государь потребовалъ коня и, въ сопровожденіи главнокомандующаго, съ самымъ ограниченнымъ числомъ свиты, повчерашнему выхалъ версты на двѣ впередъ, чтобы ближе слѣдить за ходомъ сраженія. Всѣ остальные лица, въ ожиданіи его возвращенія, оставались на мѣстѣ.

* * *

Вѣсти, привезенныя ординарцемъ, были не особенно радостны. Диспозиція на 30-е августа предписывала начало штурма въ три часа пополудни, а между тѣмъ, благодаря увлеченію одного не въ мѣру ретиваго полковника генеральнаго штаба, вышло то, чего никакъ не ожидали. Около одиннадцати часовъ утра, полковнику этому съ чего-то вдругъ показалось въ густомъ туманѣ, будто турки закопились въ ближайшихъ ложечникахъ. Принявъ почему-то это воображаемое копошеніе за намѣреніе броситься на наши батареи, — онъ съ мѣста же, мгновенно и не предупредивъ никого изъ начальства, по собственной своей волѣ, повелъ пѣлымъ два полка въ атаку. Остальнымъ же двумъ полкамъ дивизіи ничего этого не было видно за туманомъ, а они остались на своихъ мѣстахъ. Поднявшіеся батальоны, предводимые все тѣмъ же полковникомъ, устремились противъ Радшевскаго редута, но тутъ ихъ встрѣтилъ такой убійственный перекрестный огонь, что они, не имѣя за собою никакой поддержки, должны были отступитъ въ безпорядкѣ, потерявъ въ нѣсколько минутъ совершенно напрасно двѣ трети своего состава и почти всѣхъ офицеровъ. Такимъ образомъ, изъ общаго состава силъ, предназначенныхъ для общей атаки, далеко еще до урочнаго часа, пѣлая бригада уже не существовала. Незумѣстнаго храбраго полковника въ тотъ же день отчислили отъ его должности, но это, разумеется, не поправило испорченное дѣло.

Ровно въ три часа дня, всѣ назначенныя для атаки войска перешли въ наступленіе. Движеніе ихъ на приступъ было встрѣчено со стороны турокъ на всѣхъ пунктахъ такимъ ужаснымъ огнемъ, что съ первой же минуты онъ слился въ одинъ непрерывный гулъ и трескъ, въ которомъ отдѣльныхъ выстрѣловъ уже невозможно было разслышать.

Послѣ четырехъ часовъ пополудни дождь пересталъ на нѣкоторое время, и туманъ мало-по-малу началъ рѣсѣваться. Вмѣстѣ съ этимъ явилась возможность наблюдать поле

сраженія. И въ центрѣ, около Радшевскаго редута, и на лѣвомъ флангѣ, у Скобелева, видны были въ перспективахъ, одни за другими, ряды и линіи бѣлыхъ ружейныхъ дымовъ, надъ которыми тамъ и сямъ поднимались высокіе плотные клубы дыма, выкаты-вавшіеся изъ орудій, и все это при непрерывномъ трескѣ пушечныхъ выстрѣловъ, шипѣніи гранатъ и рокотѣ неумолкаемой перестрѣлки. Шрапнели все чаще и чаще красиво лопались въ воздушной высотѣ, надолго оставляя послѣ себя въ небѣ густое маленькое облачко. Около шести часовъ вечера вся эта широкая картина озарилась особеннымъ свѣтомъ заходящаго солнца. На западѣ, — тамъ, гдѣ грозно дымившіеся и рокотавшія позиціи турокъ скрывали за собою притаившіеся городъ, густыя тучи, принявшія снизу свинцовый, а сверху темно-лиловый оттѣнокъ, вдругъ въ одномъ мѣстѣ разорвались и образовали длинную, узкую щель, которая вся горѣла красно-золотистымъ блескомъ, а изъ самой середины ея какъ-то зловѣще глядѣло своимъ багровымъ дискомъ большое солнце, на половину перерѣзанное тучею. Вся картина боя, поля, кусты, холмы, отдаленныя покато-сти и перспективы линій этихъ боевыхъ дымовъ на нѣкоторое время окрасились и какъ бы про-никлись, пропитались такимъ же багрово-золотистымъ, словно бы кровавымъ, свѣтящимся колоритомъ...

На вершинѣ «Императорскаго холма» сидѣлъ государь одинъ и съ сосредоточеннымъ вниманіемъ смотрѣлъ вдаль, на битву. У подошвы холма стояла группа высшихъ представителей нашей армии и нѣсколько лицъ Императорской свиты, а немного въ сторонѣ — группа иностранныхъ военныхъ агентовъ; позади же толпились наши и румынскіе офицеры разныхъ родовъ оружія, ординарцы, адъютанты, конвойные казаки и болгарскіе поселенцы. Всѣ эти группы отчетливо вырисовывались силуэтами своими на фонѣ озареннаго неба, и всѣ устремляли взоры на западъ, туда, гдѣ кипѣло горячее сраженіе...

Каржоль стоялъ тутъ же. Онъ видѣлъ, сколько упованій и какое нетерпѣливое ожиданіе горѣло въ этихъ взорахъ; онъ чувствовалъ, сколько сердецъ, также какъ и его собственное сердце, тревожно билось въ чаяніи близкихъ результатовъ дѣла. И ему сдѣлалось вдругъ такъ больно и стыдно, такъ обидно и гадко за самого себя, за свое положеніе «посторонняго» здѣсь чужака, за свою презрѣнную роль жидовскаго агента, въ ту самую минуту, когда столько крови и столько дорогихъ жизней беззаветно приносятся въ жертву высокому долгу сынами того народа, къ которому и онъ считается принадлежащимъ. Зачѣмъ онъ не съ ними, не тамъ, гдѣ они надрываются изъ послѣднихъ силъ, чтобы

вырвать у противника побѣду, и безповоротно умираютъ!.. А онъ, — что онъ такое? что привело его сюда? какіе «высокіе» интересы? — Защита плутовъ и казнокрадцовъ, ототавиваніе инусныхъ гешефтовъ всѣхъ этихъ жидовъ, которыхъ онъ самъ презираетъ... Презираетъ и, однако, служить имъ, служить какъ рабъ, — нѣтъ, хуже: какъ лакой, за милостивыя подачки!.. Не въ тысячу ли разъ лучше теперь же, сейчасъ вотъ, сію минуту кончить со всею этою гадостью, со всѣмъ своимъ позоромъ и униженіемъ, кончить все разомъ и навсегда? — Стоить лишь броситься туда, въ самый кипя-чень боя, и честною смертію искупить всю свою бесполезную, жалкую и дрянно мелочную жизнь... На что она ему? Вѣдь она и такъ уже вся изломана исковеркана... Кому нужна она и для чего?

Графъ почувствовалъ, что атмосфера боя носитъ въ себѣ нѣчто великое, нравственно очищающее и возвышающее человека, — пѣдкія, жгучія слезы навернулись на его глаза. — Вѣдь вотъ, хоть бы этотъ Аполлонъ Пупъ, подумалось ему. — И вспомнивъ про Аполлона Пупа, про этого своего «врага» и — кто ихъ знаетъ! — можетъ быть, даже и любовника его жены, графъ, которому и прежде иногда казалось и думалось, что онъ, по всей вѣроятности, долженъ быть ея любовникомъ, вспомнилъ теперь всю свою, невольную сробѣвшую предъ нимъ злобу и подавленную ненависть, закопошившуюся, вышѣсь съ чувствомъ какого-то стыда, въ его душѣ сегодня утромъ, при встрѣчѣ за завтракомъ — И ему стало завидно теперь этому самому Аполлону Пупу, — завидно не тому, что онъ, въ нѣкоторомъ родѣ, его счастливый соперникъ и побѣдитель, — нѣтъ, еслибы это даже и такъ, чортъ съ нимъ и съ нею! Пускай ихъ! — Но завидно тому, что этотъ Аполлонъ, сколь ни скромна и ограничена его роль, а все же что-нибудь да значить, все же онъ дѣло дѣлаетъ, и дѣлаетъ его по совѣсти, честно и доблестно, какъ порядочный человекъ, какъ русскій... Ну, а онъ-то, — онъ-то что такое, въ сравненіи даже съ этимъ Аполлономъ Пупомъ?..

Двѣ крупныя слезы покатались по щекамъ Каржоль, — и послужее, слегка щекочущее кожу, ощущение ихъ вывело его чисто рефлективнымъ образомъ изъ этого горько самоуглубленнаго состоянія. Онъ какъ-бы пришелъ въ себя, и ему вдругъ сдѣлалось стыдно этихъ самыхъ слезъ, — неравно еще другіе замѣтять... Глубные нервы! Ребячество какое! — Графъ отвернулся въ сторону и поспѣшно смахнулъ ихъ рукою.

Какъ-разъ въ это время на холмѣ опять появился Аполлонъ Пупъ, прискакавшій съ донесеніемъ къ находившемуся тутъ же начальнику Западнаго отряда. Онъ весь былъ забрызганъ и перепачканъ грязью, ремѣнь съ

револьверной кабурой оттянулся на немъ какъ-то вкось и съѣхалъ въ сторону, мокрые волосы на вискахъ слиплись отъ поту, на утомленномъ и, въ то же время, возбужденномъ лицѣ замѣтны были слѣды пороховой копоти, размазанной по щекамъ потомъ и пальцами; но все-таки, даже и въ этомъ видѣ, онъ былъ гордо и мужественно красивъ и глядѣлъ молодцомъ настоящимъ. По всему было видно, что это человѣкъ, сейчасъ лишь вышедшій изъ адска горячей свалки. Въ эту минуту Каржолъ появлялся и даже самому себѣ сознался, что *такой* могутъ и должны любить женщины, — есть за что! И въ немъ опять невольно шевельнулось злобное чувство зависти и ненависти къ этому «офицеру съ невозможной фимлей», какъ называлъ онъ его, бывало, въ Украинскѣ.

— Показайте сейчасъ же къ генералу Крылову, — громко приказалъ, межъ-тѣмъ, Аполлону генералъ Зотовъ, — и узнайте непременно, взятъ ли наконецъ Радишевскій редутъ и что тамъ дѣлается?

— Слушаю, ваше превосходительство, — спокойно проговорилъ тотъ, подымая руку къ козырьку, и тотчасъ же ловко повернувъ на мѣстѣ своего замысленнаго коня, далъ ему шиоры, перекрестился уже на ходу и поскакалъ внизъ по склону возвышенности.

Съ отъѣздомъ его, какъ-то легче стало на душѣ Каржолу. Ему тяжко было быть въ его присутствіи и неприятно даже смотрѣть на него. Теперь онъ спокойно оглядѣлся вокругъ себя — и снова увидѣлъ на каждомъ лицѣ все то же выраженіе томительнаго нетерпѣнія и то же тревожное ожиданіе во взглядахъ; но надежда и увѣренность въ счастливомъ исходѣ боя стали въ нихъ какъ-будто слабѣть и колебаться. Среди свиты замѣтно стихли разговоры, всѣ сдѣлались какъ-то молчаливѣе, оосредоточеннѣе, и лица принимали все болѣе серьезное и пасмурное, даже угрюмое выраженіе. Всѣ вокругъ начинали уже понимать про-себя, хотя еще и не высказывались, что ставка пынѣшняго дня, кажись, проиграна... Только нѣкоторые изъ иностранныхъ военныхъ агентовъ оставались безучастно, равнодушно спокойны. — «Посмотримъ, что-то изъ этого выйдетъ?» какъ-бы невольно говорило выраженіе фязіономій этихъ господъ, не то сдержанно-злорадныхъ, не то прилично-сомнѣвающихся, но во всякомъ случаѣ, далеко какъ не сочувствующихъ и только старающихся изъ приличія скрыть истинное свое настроеніе.

— Какъ хотѣлось бы этимъ господамъ, чтобы насъ и въ третій разъ поколотили, — замѣтилъ близъ Каржола одинъ изъ почтенныхъ генераловъ Императорской свиты.

— И именно *сегодня*, — добавилъ къ этому замѣчанію другой собесѣдникъ.

Каржолу показалось, что они и его припи-

маютъ тоже за иностранца, тѣмъ болѣе, что около него все время вертѣлся и приставалъ со своими разспросами на англійскомъ языкѣ мистеръ Престъ, то и дѣло заносчивый свси замѣчанія въ записную книжку. Графу стало и досадно, и неловко, и въ первый разъ въ жизни захотѣлось громко заявить себя русскимъ, хотя бы предъ этими незнакомыми ему генералами, чтобы не думали о немъ такъ. Но увы! — къ подобному заявленію въ данную минуту не представилось рѣшительно никакихъ удобныхъ поводовъ, а вмѣшаться въ ихъ разговоръ онъ не считалъ приличнымъ. Оставалось только отойти подальше отъ нихъ, съ досадливымъ чувствомъ неловкости и смущенія въ душѣ, при сознаніи, что онъ, и въ самомъ дѣлѣ, выходитъ какъ будто «чужой» и «посторонній» всѣмъ и всему, что тутъ происходитъ, и что еслибы даже это-нибудь полюбопытствовалъ справиться, кто онъ такой? — то тѣ, кто его знаютъ, вѣроятно все, отвѣчали бы: «агентъ жидовскій». Онъ чувствовалъ, что эта проклятая кличка должна лежать на немъ, какъ клеймо отверженія, въ глазахъ каждаго порядочнаго человѣка, — но... что жъ тутъ дѣлать, если на его шею затыкута мертвая петля!..

Между тѣмъ, на «Императорскомъ холмѣ» все еще нетерпѣливо, почти лихорадочно ожидали извѣстій съ пунктовъ атаки. Но извѣстій — ни радостныхъ, ни печальныхъ — не приходило еще ни откуда.

Къ семи часамъ солнце скрылось, багровое небо померкло и вновь задернулось густыми тучами, и вновь заморосилъ дождикъ — холодный, скучный, совсѣмъ осенній, и вскорѣ полная темнота смѣнила короткіи сумерки.

Государь грустный уѣхалъ съ позиціи въ Радишенецъ около восьми часовъ вечера, и уже послѣ его отъѣзда пришли извѣстія, что вторичный приступъ къ Радишевскому редуту былъ отбитъ, такъ же какъ и утромъ, съ громаднымъ для насъ урокомъ; первый приступъ къ Гриницкому редуту — тоже. Великій князь въ ожиданіи извѣстій объ окончательномъ исходѣ штурма, остался на ночлегъ на мѣстѣ. На холмѣ былъ разложенъ большой костеръ изъ соломъ, пламя котораго, обозначая мѣсто нахождения главнокомандующаго, должно было служить маякомъ для адъютантовъ и ординарцевъ, ожидаемыхъ съ донесеніями. Лейбъ-казаки усердно подкладывали въ костеръ снова за снопомъ и въ теченіе всей ночи поддерживали большое пламя несмотря на дождь.

Къ одиннадцати часамъ вечера было припезено наконецъ на бивакъ главнокомандующаго первое точное извѣстіе о взятіи Гриницкаго редута, съ которымъ, послѣ вторичнаго приступа, было покончено еще въ семь часовъ вечера, и это было первое благоприятное из-

вѣстіе, какимъ можно было за весь день порадовать государя.

Великій князь и Карлъ Румынскій помѣстились на ночлегъ на «Императорскомъ холмѣ», въ своихъ коляскахъ, а свита расположилась гдѣ и какъ возможно: кто у костра, кто подъ экипажами, или въ повозкахъ, а кто и просто на мокрой землѣ, завернувшись въ гуттаперчевый плащъ или въ кавказскую бурку. Карколь съ мистеромъ Пробстомъ, закутавшись въ пледы, тоже расположились въ своемъ фазтонѣ, поднявъ его верхъ и фартухъ. Переговорить съ кѣмъ слѣдовало о дѣлѣ графу сегодня не удалось, да онъ и самъ повнималъ, что это было бы и не къ мѣсту, и не ко времени. Надо было дожидаться болѣе удобной минуты, — можетъ быть, завтра, можетъ — послѣ завтра. Онъ еще днемъ успѣлъ заказать болгарскимъ селянамъ, чтобы они привели ему на завтра, за хорошую плату, двухъ лошадей подъ сѣдло, для него и для мистера Пробста, съ которыми вѣстѣ онъ намѣревался пробѣжаться по нашимъ позиціямъ, чтобы посмотреть поближе, какъ было и какъ будетъ дѣло, — если оно повторится.

Не многимъ спалось въ эту памятную ночь. Осенняя сырость и дождь пронизывали до костей, вокругъ ни зги не видно, а тутъ еще томительная неизвѣстность объ исходѣ штурма... Для огражденія бивачнаго мѣста главной квартиры отъ возможнаго ночного нападенія, къ «Императорскому холму» былъ призванъ одинъ батальонъ, который и окружалъ всю эту мѣстность цѣпью аванпостовъ.

Было уже за полночь, когда, наконецъ, къ великому князю привезли извѣстіе о положеніи дѣла на лѣвомъ флангѣ, у Скобелева. Оказалось, что отрядъ его къ шести часамъ вечера взялъ, послѣдовательно, одинъ за другимъ, два турецкіе редута, причемъ Скобелевъ каждый разъ самъ вошелъ въ атаку свои пѣхотныя колонны, какъ на парадъ, съ музыкой и развернутыми знаменами, и первымъ вскопчилъ верхомъ на брустверъ одного изъ редутовъ. Турки вѣскольکو разъ пытались выбить его изъ этихъ укрѣпленій, но «скобелевцы» отбрасывали ихъ каждый разъ съ большими уронами.

Тотчасъ же, по полученіи послѣдняго извѣстія, великій князь, при слабомъ свѣтѣ фонаря, карандашемъ написалъ записку объ этомъ новомъ, благоприятномъ для нашего оружія, событіи и отправилъ ее къ государю.

Всю ночь, послѣ этого извѣстія, слышна была на лѣвомъ флангѣ, а порой и за Гривицей, почти непрерывная и сильная перестрѣлка, и всю ночь глубоко-темное, пасмурное небо озарилось молніенподобными вспышками, когда орудія съ нашихъ батарей посылали рѣдкіе выстрѣлы по линіи турецкихъ укрѣпленій.

XX.

Печальная находка.

Съ разсвѣтомъ, 31-го августа вновь началось дѣло по всей линіи канонадой и ружейнымъ огнемъ. Звуки выстрѣловъ разбудили Каржоля, который все-таки успѣлъ кое-какъ поспать часа четыре. На разсвѣтѣ было еще холодно и сыро; дрожь пронимала его съ мистеромъ Пробстомъ, что называется, до костей, и оба они, вылезши изъ-подъ фордека своей коляски на землю, поживаясь отъ холода и зѣвая со сна, представляли собою довольно несчастныя фигуры съ поматыми, кислыми физиономіями. Но тутъ надъ ними скалились лейбъ-казацкіе офицеры, пригласивъ обоихъ подождать поближе къ костру, у котораго, на нѣсколькихъ подложенныхъ камняхъ, уже кипѣлъ большой мѣдный чайникъ. Казаки радужно предложили имъ горячаго чая, взявъ изъ котораго графъ, со своей стороны, предложилъ имъ свою запасную бутылку коньяку, лимонъ и галеты. Два стакана чая съ коньякомъ достаточно подкрѣпили и согрѣли его, а тутъ, кстати, явились вѣскорѣ и вчерашніе «братушки», съ заявленіемъ, что заказанныя лошади уже готовы и дожидаются «негову милость».

Не желая терять времени, графъ сейчасъ же приказалъ одну изъ нихъ пересѣдлать своимъ англійскимъ сѣдомъ (мистеру Пробсту, нечего дѣлать, пришлось удовольствоваться болгарскимъ), и черезъ нѣсколько минутъ оба они отправились впередъ, къ боевымъ позиціямъ. Хозяинъ одной изъ этихъ маленькихъ поджарыхъ лошадокъ мѣстной породы, болгаринъ Райчо, предложившій себя въ проводники, бодро и мѣрно шагалъ въ своихъ опанкахъ впереди нихъ, опираясь на высокую палицу.

Вѣскорѣ выдвинуло солнышко и пригрѣло своими лучами влажную землю.

На нашъ артиллерійскій огонь непріятель отвѣчалъ рѣдкими выстрѣлами, сосредоточивъ все свои усилія противъ одного лишь Скобелевскаго отряда, гдѣ поегому трепала неумолимая перестрѣлка. Въ ту сторону и направлялись теперь наши путники.

Пересѣкши Гривицкую долину, они поднялись на противоположную возвышенность, покрытую кустарниками и молодымъ лѣскомъ, за которыми, на слѣдующемъ, болѣе высокомъ бугрѣ, видѣлась большая осадная батарея съ наблюдательной вышкой-лѣстницей. Пробираясь въ направленіи къ ней по опушкѣ лѣска, они вдругъ наткнулись въ кустарникахъ на трупъ коня, успѣвшій уже закоренѣть и порядочно вздуться. Бокъ его былъ развороченъ страшною раной, изъ которой вывалилась часть внутренностей. Болгарскія лошади невольно шарахнулись въ сторону и захрапѣли. Успокоивъ

ихъ, наши путники уже намѣревались—было объѣхать подальше этотъ неприятный для лошадей трупъ, какъ вдругъ въ ближайшихъ кустахъ послышался слабый стонъ человѣка. Они остановились и стали прислушиваться. Вскорѣ стонъ повторился тяжелымъ страдальческимъ вздохомъ. Каржоль сейчасъ же повернулъ своего конька въ ту сторону, продолжая прислушиваться и искать впередъ и по сторонамъ глазами—кто, и гдѣ это стонетъ? За нимъ послѣдовалъ шагкомъ англичанинъ, а Райчо зашелъ нѣсколько впередъ, раздвигая руками вѣтви кустарниковъ, — и менѣе чѣмъ въ минуту, они наткнулись на человѣка, распростертаго на землѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мертвой лошади.

Каржоль остановился надъ нимъ, пристально взглянулъ съ коня въ его страшно-блѣдное лицо и, почти не вѣря собственнымъ глазамъ, узналъ въ немъ Аполлона Пупа. Ослабѣвшія вѣки офицера были закрыты, въ осунувшемся лицѣ выражалось тоскливое томленіе.

Въ первое мгновеніе въ душѣ Каржоль скользнуло враждебное чувство злораднаго торжества: «Что, доскакался?!» — Но ему тутъ же стало гадко и стыдно за самого себя, за это чисто животное движеніе своей души предъ безпомощнымъ, умирающимъ человекомъ. — «Фу, какая подлость!» мысленно осудилъ онъ самого себя и, тотчасъ же соскочивъ съ лошади, нагнулся на колѣняхъ надъ Аполлономъ, стараясь приподнять его голову.

Тотъ раскрылъ свои вѣки и, блуждая глазами, остановилъ взоръ на лицѣ Каржоль. Сначала выраженіе этого взора было страдальчески-безсознательное, безразличное, но затѣмъ въ немъ выразилось вдругъ величайшее удивленіе. Графъ почувствовалъ въ этомъ взглядѣ, что Аполлонъ узналъ его.

— Вы ранены?—спросилъ онъ его съ участіемъ.

Тотъ молча продолжалъ глядѣть на него удивленными глазами, точно бы недоумѣвая—сонъ ли это, или дѣйствительность?

Каржоль пришлось повторить свой вопросъ.

— Раненъ, — проговорилъ уланъ слабымъ голосомъ, не сводя съ него взгляда.

— Куда именно? въ какое мѣсто?

— Не знаю... въ бедро, кажись... или въ животъ... осколкомъ...

Графъ осмотрѣлъ его внимательно и увидѣлъ пробитую полу мундира, а подъ нею окровавленную и пропоротую рейтузу. Подъ раненымъ стояла лужа черной, уже сгустившейся крови, и тутъ же, въ двухъ-трехъ шагахъ разстоянія, замѣтилъ онъ на землѣ взрытую черную борозду и ямину, — слѣды взорвавшейся гранаты.

— Пить хочу... пить, — слабо пролепеталъ раненый, поводя въ томленіи головою.

Каржоль заботливо оглядѣлся вокругъ себя, —

нигдѣ поблизости воды не было... 'Хоть бы лужа дождевалъ, — но и той, какъ на зло, не случилось.

— Съ вами есть коньякъ?—обратился онъ по-англійски къ мистеру Пробсту.

— Oh, yes! — отозвался англичанинъ, хлопнувъ по висѣвшей на немъ сбоку походной флаги, обтнутой желтою кожей, и затѣмъ, отвинтивъ ее металлическую крышку, имѣвшую назначеніе служить чаркой, налилъ въ нее коньяку и подаль Каржолу.

Графъ, заботливо поддерживая голову улана, поднесъ чарку къ его посинѣвшимъ губамъ и заставилъ его выпить два-три глотка. Тотъ сразу почувствовалъ себя бодрѣе, лицо его нѣсколько оживилось.

— Давно это случилось съ вами? — участливо спросилъ его Каржоль.

— Вечеромъ... какъ ѣхалъ къ Крылову... Рядомъ лопнула, подлѣ... Всю ночь тутъ... Холодно...

Графъ сталъ совѣтоваться съ англичаниномъ — какъ быть теперь съ этимъ несчастнымъ? что дѣлать? Оставить его и долѣе такъ, очевидно нельзя; надо нести на перевязочный пунктъ, а гдѣ этотъ пунктъ—они и сами не знаютъ. Но на чемъ нести? Гдѣ взять носилки? — По-близости не видать ни одного санитаря... Ёхать отыскивать ихъ, — куда?.. И при томъ это будетъ сопряжено съ потерей времени, когда тутъ дорога, можетъ быть, каждая минута. Довести его подъ-руки?—но при такой ранѣ, даже и съ ихъ обоюдною помощью, едва-ли онъ будетъ въ состояніи идти... Развѣ верхомъ?

— Вы въ состояніи сѣсть на лошадь? — спросилъ графъ Аполлона.

— Не знаю... надо попробовать.

— Мы вамъ поможемъ, а пока... Нельзя ли чѣмъ-нибудь переложить его рану?—обратился онъ къ мистеру Пробсту.

— Oh, yes! — отвѣчалъ запасливый англичанинъ и тотчасъ же досталъ изъ походной кожаной сумки свернутый бинтъ и принялъ съ кровоостанавливающей ватой.

Съ помощью болгарина, они разоружили и разстегнули улана и кое-какъ сдѣлали ему перевязку, затѣмъ поставили его на ноги и подняли на рукахъ въ сѣдло, на лошадку Каржоль. Аполлонъ невольно закричалъ при этомъ отъ мучительной боли, однако же нашелъ въ себѣ достаточно еще энергіи и силы воли, чтобы перенести здоровую ногу черезъ крупъ лошади и кое-какъ усесться въ сѣдло. Зубы его стучали отъ нервной лихорадки, въ тѣлѣ ощущался ознобъ. Графъ снялъ съ себя осеннее драповое пальто и накиннулъ его на плечи страдальца. Тотъ молча поблагодарилъ его признательною улыбкой. Мистеръ Пробстъ, вскочивъ послѣ этого на свою лошадь, сталъ рядомъ съ Аполлономъ, поддерживая его об-

ятиемъ на своей правой рукѣ, а Райчо, съ другой стороны, держалъ его лѣвою рукой подъ локоть, и такимъ образомъ они тронулись съ мѣста. Каржоль шелъ впереди, ведя за поводъ свою лошадь, озабоченный вопросомъ — гдѣ найти ближайшій перевязочный пунктъ и какъ бы попасть на кратчайшую къ нему дорогу. Шелъ онъ по направленію къ осадной батарее, въ надеждѣ, что тамъ ему всего скорѣе укажутъ, что слѣдуетъ, какъ вдругъ, на спускѣ съ возвышенности, увидалъ какого-то казачка, трусившаго рысцою по тропинкѣ. Графъ окликнулъ его и спросилъ насчетъ перевязочнаго пункта, — не знаетъ ли онъ, какъ попасть туда?

— А вотъ, влѣво, по этой самой дорожкѣ, — указалъ казакъ, — у фонтала, такъ прямо и придетъ, — тутъ и двухъ верстъ не будетъ.

Графъ сказалъ ему «спасибо» и пошелъ въ указанномъ направленіи.

Странное незнакомое доселѣ чувство наполнило теперь его душу; странныя, смѣшанныя мысли вертѣлись въ головѣ. Урывками вспоминались ему Украинскіе, «благотворительное гулянье» Мон-Симонши въ городскомъ саду и первая встрѣча его съ Ольгой, и этотъ самый Аполлонъ Пушъ — за нею, въ глубинѣ кіоска, мрачный, молчаливо ревнующій его къ Ольгѣ и молча ненавидящій его за Ольгу еще въ тѣ времена, съ самой первой ихъ встрѣчи... Затѣмъ мелькнули воспоминанія о городѣ Кохма-Богословскѣ, вспомнились емансипированная судиха съ полиціймейстеромъ Закаталовымъ, и опять Аполлонъ Пушъ, готовый по первому слову Ольги, не разсуждая, подставить за нее свой лобъ на дуэли, или даже просто убить его, Каржоль, какъ собаку... Припомнились горькія минуты своего насильственнаго вѣнчанія съ Ольгой, и жуткія, оскорбительныя сцены всего того вечера, темная сельская церковь, и опять, опять все тотъ же Аполлонъ Пушъ, молча торжествующій съ вѣнцомъ въ рукѣ надъ Ольгой... А этотъ вчерашній его презрительно насмѣшливый взглядъ, при встрѣчѣ за завтракомъ? — Все это мелькало теперь въ воспоминаніяхъ Каржоль, и все убѣдительно говорило ему, что этотъ уланскій поручикъ — его инстинктивный врагъ, съ самой первой встрѣчи и до послѣдней, можетъ быть, минуты. — «Какая судьба, однако», думалось ему, среди этихъ воспоминаній, «какой удивительный случай!» И нужно же было, чтобы не кто другой, а именно онъ наткнулся на этого несчастнаго, безпомощнаго, и помочь ему, — ему, врагу своему, и — какъ знать! — быть можетъ, даже любовнику женщины, носящей его имя. И вотъ, онъ ведетъ теперь за поводъ его лошадь. Какая проія судьбы!.. И затѣмъ онъ остановился надъ нимъ, въ этихъ кустахъ, когда могъ бы проѣхать мимо, оставивъ его на произволъ судьбы, — вѣдь ему все равно умирать-то, тамъ ли, въ кустахъ, или въ госпитальномъ шатрѣ!.. Не вы-

живетъ, — нѣтъ!.. Что жъ, тѣмъ лучше, однимъ врагомъ меньше, — и однимъ ударомъ больше для Ольги, если точно они такъ близки. Но поймавъ себя на этой эгоистически гадкой мысли, Каржоль поспѣшилъ отогнать ее, съ укоромъ самому себѣ. — «Радоваться смерти, — *ti quelle infamie!*.. Это недостойно порядочнаго человѣка!.. Нѣтъ, Богъ съ нами, — пускай живетъ себѣ!.. Почему знать, можетъ и выжить. Но тогда что же это? — я, оскорбленный и ненавидимый ему человѣкъ, являюсь вдругъ его спасителемъ. — О, если бы знала это Ольга! Еслибъ могла она видѣть меня и его и всю эту картину въ настоящую минуту!.. Графъ Каржоль де-Потрекъ — спаситель Аполлона Пуша!» — Но именно, мысль, что онъ спасаетъ своего заклятаго врага и, стало быть, поступаетъ великодушно, «*en gentilhomme*», — эта-то мысль и увлекла Каржоль всего болѣе. Она пріятно цекотала его самолюбію, и чѣмъ больше онъ думалъ надъ этимъ, тѣмъ больше нравилось ему быть великодушнымъ, и именно, въ отношеніи этого самаго человѣка. — «Что-то онъ думаетъ себѣ въ эту минуту? Хватило ли бы у него духу посмотреть еще разъ вчерашнимъ язвительнымъ взглядомъ?» — Да, графъ былъ увѣренъ, что отомститъ Аполлону за этотъ его взглядъ, и что онъ вообще мстить ему теперь за все, за все прошлое, и хорошо мстить, — лучше, чѣмъ могъ бы отомстить въ другой разъ и при другихъ обстоятельствахъ, хоть на десяти дуэляхъ! И Аполлонъ, казалось ему, долженъ теперь это чувствовать. Каржоль правилась эта мысль, онъ радовался ей и любовался ею, какъ ребенокъ красивою игрушкой. Онъ создавалъ, что это поступокъ человѣка гуманнаго и порядочнаго, и что теперь онъ нравственно отомщенъ и удовлетворенъ совершенно. И, наконецъ, какую прекрасную страницу доставитъ весь этотъ маленький эпизодъ мистеру Пробсту! Его корреспонденцію, конечно, переведутъ и прочтутъ въ Россіи... Прочтеть, разужбется, и Ольга... Хорошо, пускай-ка прочтаетъ!

* * *

Съ 29-го августа, по распоряженію главноуполномоченнаго «Краснаго Креста», сестры Боговленской общины перевезли съ праваго русскаго фланга въ центръ, за Радивевскія высоты, на главный перевязочный пунктъ, такъ какъ, въ виду предстоявшей 30-го числа атаки, тамъ предвидѣлось наибольшее количество раненыхъ. И дѣйствительно, за одинъ только этотъ день чрезъ лазаретъ центральнаго пункта прошло около двухъ тысячъ человѣкъ, раненыхъ при двукратно неудачномъ штурмѣ Радивевского редута. При такой массѣ людей, требовавшихъ немедленной помощи, врачи, фельдшера, санитары и сестры просто сбились съ ногъ, работая безъ передышки весь день и всю ночь, и подъ утро уже изнемогали

отъ усталости. Линейки «Краснаго Креста», тѣдѣи русскихъ погонцевъ и болгарскіе возы чуть не каждый часъ отбѣзжали цѣлыми транспортомъ съ центральнаго пункта, подъ прикрытіемъ казакотъ, увозя въ тыловые лазареты сотни раненыхъ, маломальски способныхъ выдержать тягости продолжительной перевозки. И все-таки ближайшая мѣстность вокругъ лазаретныхъ шатровъ была еще усѣяна множествомъ сидѣвшихъ и лежавшихъ людей, въ ожиданіи своей очереди къ перевязкѣ и отправленію. Всю ночь эти несчастные мокли подъ дождемъ и дрогли отъ холода, несмотря на разложенные для нихъ костры и чай, предлагавшійся каждому. Всю ночь раздавались глухіе стоны и предсмертное хрипѣнье. Шатры были переполнены болѣе тяжело ранеными. Слѣды крови видѣлись повсюду—на землѣ, на сѣянникахъ, подушкахъ и матрацахъ... Лазаретные служители, то и дѣло, сбрасывали въ особую яму, позади шатровъ, ампутированные части человѣческаго тѣла, а нѣсколько поодаль десятки два нанятыхъ болгаръ рыли большія, широкія могилы, около которыхъ рядами лежали скончавшіеся воины. Людямъ, работавшимъ при такой обстановкѣ, приходилось совсѣмъ уже забыть про свои собственные нервы. На утро 31-го числа около половины всѣхъ раненыхъ за вчерашній день, послѣ подавляющей первоначальной помощи, было уже отправлено въ тыловые лазареты; но вывозные транспорты все еще продолжали свое дѣло, увозя партію за партіей. На центральномъ пунктѣ мало-по-малу становилось просторнѣе, и хотя санитары все еще приносили время отъ времени новыхъ страдальцевъ, отысканныхъ и подобранныхъ ими на поляхъ, но эти приносы были уже не такъ часты. Въ виду того, что работа нѣсколько полегчала, измученныя отъ усталости сестры вынуждены были, наконецъ, учредить между собою очередь для кратковременнаго отдыха, смѣняясь черезъ каждые два часа.

Тамара только-что ушла-было отдохнуть въ одну изъ сестринскихъ палатокъ, опроставшихся изъ-подъ раненыхъ, какъ къ ней заглянула сестра Степаннида.

— Тамарушка, вы спите?

— Нѣтъ, а что?

— Никакъ вашъ женихъ здѣсь,—тихо сообщила ей пріятельница, склонясь къ ней на сѣнякъ, посланный прямо на землю.

— Какой женихъ?—недоумѣло спросила Тамара, вовсе не думавшая въ эту минуту о Каржолѣ и слишкомъ далекая отъ мысли о возможности его присутствія подъ Плевной.

— Какъ какой? Да графъ-то, что въ Зимницѣ былъ... Какъ его?..

Тамара очень удивилась и даже не совсѣмъ-то повѣрила.

— Здѣсь, говорите вы?—быстро переспросила она.—Гдѣ здѣсь?.. Зачѣмъ?..

— Привезъ офицера какого-то, раненаго.

— Да не можетъ быть,—усомнилась дѣвушка.—Вы, вѣрно ошибаетесь...

— Не знаю, только едастся мнѣ, какъ будто онъ, насколько помню его... Да вы, лучше, взгляните сами, и увидите.

Тамара, все еще сомнѣваясь, поднялась съ сѣняника и поспѣшно накинула на голову свою форменную бѣлую косынку.

— Гдѣ онъ?—спросила она, выходя изъ палатки.

— А вонъ, у операціоннаго шатра... Ну, что? Убѣдились?

Но Тамара, увидѣвъ, что это дѣйствительно Каржолъ, уже не отвѣчая Степанидѣ, поспѣшными шагами направилась въ ту сторону. Она подошла къ нему какъ-разъ въ ту минуту, когда санитары, бережно снявъ Аполлона съ сѣдла, укладывали его на носилки, чтобы нести въ палату. Молча протянувъ руку свою графу, стившему въ головахъ носилокъ, дѣвушка заглянула сбоку въ лицо раненому.

— Узнаете?—тихо спросилъ ее Каржолъ, указавъ на него глазами.

Та еще разъ посмотрѣла на лежащаго офицера, нѣсколько внимательнѣе вглядываясь въ его черты, и вдругъ отшатнулась назадъ, видимо пораженная совершенно неожиданностью.

— Аполлонъ?—удивленно прошептала она графу, точно бы не довѣряя самой себѣ.— Господи! да неужели?!

Каржолъ утвердительно и грустно качнулъ головою.

— Моя случайная находка,—пояснилъ онъ ей тише, чѣмъ вполголоса;—въ кустахъ набрелъ на него, и вотъ,—какъ видите.

— Опасная рана?—озабоченно спросила шопотомъ Тамара.

— *Un éclat d'obus dans l'estomac*,—отвѣтилъ графъ нарочно по-французски, полагая, что Аполлонъ едва-ли знаетъ этотъ языкъ.— *Et je crois, que c'est un homme mort!*—добавилъ онъ съ безнадежнымъ жестомъ.— Примите его на свое попеченіе.

— О, разумиется!—сочувственно отозвалась дѣвушка.—Я сама буду ходить за нимъ.

Въ это время двое санитаровъ подняли на руки носилки съ раненымъ.

— Подождите, братцы,—остановилъ ихъ Аполлонъ и, повернувъ слегка голову, подозвалъ къ себѣ графа.

— Благодарю васъ,—проговорилъ онъ, протягивая ему ослабѣвшую руку.—Я не ожидалъ... Я виноватъ предъ вами... и много даже... Вы знаете, о чемъ я говорю... Простите... и прощайте!

Не ожидавшій такихъ словъ и растроган-

ный ими, графъ сочувственно отвѣтилъ на безсильное, но выразительное пожатіе его похолодѣлой руки и взглянулъ на него примиреннымъ взглядомъ.

— Вотъ такъ,—продолжалъ Аполлонъ, тизо улыбнувшись ему признательною улыбкой.— Такъ... Это хорошо!.. благодарю васъ... Ну, теперь несите,—приказалъ онъ санитарамъ, съ такимъ облегченнымъ, успокоеннымъ видомъ, что казалось, будто съ души его спала какая-то тяжесть.

Съ недоумѣніемъ видя, что Аполлонъ проситъ у графа въ чемъ-то прощенія, Тамара въ душѣ очень удивилась этому, не понимая, что могло-бы оно значить? Въ чемъ Аполлонъ можетъ быть такъ виноватъ предъ нимъ? Но спрашивать и, вообще, разговаривать было теперь некогда,—не такое время. Да вѣроятно, графъ и самъ, при случаѣ, расскажетъ ей впоследствии.

— Ну, не взыщите, теперь недосугъ,—на-скоро проговорила она, *прощаясь съ нимъ сердечнымъ пожатіемъ руки.—Надо идти за этимъ несчастнымъ, принять его... Мы еще увидимся, конечно?

Графъ обѣщалъ ей непременно заѣхать завтра или послѣзавтра, какъ только позволитъ ему обстоятельства, призвавша его подъ Плевну, да и самой ей тогда, вѣроятно, будетъ досужнѣе, чѣмъ нынче,—и они дружески расстались.

* * *

Уѣзжая съ перевязочнаго пункта, Каржоль чувствовалъ себя такъ свѣтло и примиренно въ душѣ, какъ никогда еще съ самаго своего дѣтства. Въ этомъ чувствѣ, казалось ему, было именно дѣтски хорошее что-то,—давно, давно уже имъ не испытанное и позабытое даже. Въ этомъ свѣтломъ и, въ то же время, тихо-грустнымъ настроеніи, поѣхалъ онъ съ мистеромъ Пробстомъ къ лѣвому флангу, гдѣ кипѣло, между тѣмъ, отчаянно горячее дѣло. Пройдя мимо селенія Радшево, Райчо вывелъ ихъ на возвышенность, покрытую виноградниками и кое-гдѣ фруктовыми деревьями, откуда предъ ихъ глазами обрисовался лѣвый обрывисто скалистый берегъ Тученицкаго оврага, къ которому примыкала Скобелевская позиція. Съ этого пункта отлично можно было наблюдать въ бинокли значительную часть турецкихъ позицій и отчасти видѣть въ котловинѣ даже самый городъ, съ кучами его черепичныхъ кровель и нѣсколькими минаретами; видны были и два редута, взятые вчера Скобелевымъ, изъ коихъ ближайшій упирался своею открытою горжей прямо въ край высокаго обрыва и какъ-бы висѣлъ надъ городомъ. На эти-то редуты и направлялись теперь не только перекрестные, съ трехъ сторонъ, выстрѣлы турокъ, но и безпрестанныя ихъ атаки. Съ осадной нашей батареей, къ кото-

рой позднѣе перебрался Каржоль со своими спутниками, были ясно видны двѣ линіи ружейныхъ дымовъ, изъ которыхъ лѣвая упорно оставалась на мѣстѣ, а правая, турецкая, волнуясь зигзагами, то подвигалась впередъ, то вытягивалась на нѣкоторое время на мѣстѣ, то неправильно поѣхавалась назадъ и вновь подвигалась все ближе и ближе къ дымамъ лѣвой линіи,—и вотъ, наконецъ, онѣ сошлись и слились вмѣстѣ, въ одну бѣлую тучу... Есть невозможное и для героевъ! Цѣлые тридцать часовъ отрядъ Скобелева не выходилъ изъ непрерывнаго боя; овладѣвъ же редутами; цѣлыя сутки держался въ нихъ, въ надеждѣ, что авось-либо пришлютъ подкрѣпленіе, авось-либо не пропадутъ задаромъ всѣ эти нечеловѣческія усилія и самопожертвованія, которыя проложатъ путь остальнымъ войскамъ къ побѣдѣ, не запоздавшей еще и теперь. Но, увы!—помощи не было, послать ее было не изъ чего, и турки вновь овладѣли редутами.

Такъ окончилась «Третья Плевна».

XXI.

Находка болѣе счастливая для Каржоля.

Графу Каржолу удалось благополучно окончить свои объясненія со штабными лицами лишь вечеромъ 1-го сентября въ Порадими, и онъ могъ бы теперь свободно ѣхать въ Систо, телеграфировать своимъ высокимъ принципаламъ, что гроза миновала, но ему не хотѣлось уѣхать изъ-подъ Плевны, не повидавшись еще разъ съ Тамарой. На это явились у него причины весьма уважительныя. Во-первыхъ, онъ обѣщалъ ей; но это бы еще ничего,—самое существенное было не въ этомъ...

Подъ вліяніемъ дѣловыхъ разговоровъ въ штабѣ, войдя въ свою обыденную колею и освободясь отъ своего нравственно-приподнятаго на извѣстную высоту настроенія и отъ всѣхъ исключительныхъ, такъ сказать, экстраординарныхъ впечатлѣній и думъ, навѣянныхъ картинами боя послѣднихъ августовскихъ дней и всѣмъ эпизодомъ съ Аполлономъ Пуномъ,—графъ возвратился въ свое обыкновенное, нормальное состояніе духа, которому довѣлял его всегдашнія «заботы» и заботы дня. И вотъ тутъ-то онъ прежде всего спохватился, что сдѣлалъ, пожалуй, крупный промахъ, поручивъ Аполлона особому вниманію и попеченіямъ Тамары.—А ну, какъ Пуль проживетъ еще нѣсколько дней, или, чего добраго, почувствуетъ себя лучше, начнетъ вдругъ поправляться, и пойдутъ у него съ Тамарой, какъ у старыхъ знакомыхъ, разговоры да воспоминавія о прошломъ, объ общихъ друзьяхъ и т. п. А ну, какъ онъ обмолвится ей какъ-нибудь невзначай, что

графъ женать?.. Простой вопросъ съ ея стороны,—что подѣлываетъ Ольга,—и готово! Это такъ естественно, такъ возможно. Наконецъ, онъ можетъ высказать что-нибудь и въ бреду, упоминая имя Ольги, и мало ли что?—Вѣдь пришла же ему мысль просить прощенія у графа;—эта же мысль можетъ вернуться и въ бреду.

Конечно, бредъ больного еще не Богъ-вѣсть какое вѣское доказательство, но все же у Тамары могутъ возникнуть разныя сомнѣнія; подозрѣніе, пожалуй, закрадется, а тамъ и пойдетъ, и пойдетъ навинчивать себя на этотъ ладъ, станетъ доискиваться, правда ли, и... чего добраго?—Вѣдь женщины такъ склонны создавать себѣ фантазіи и мученія даже изъ ничего, а тутъ есть изъ-за чего всполошиться.

И нужно же было ему привезти Аполлона какъ разъ въ тотъ самый лазаретъ, гдѣ работаютъ эти богоявленскія сестры! Да знай онъ это раньше,—ни за что не повезъ бы!.. Конечно, это лишь случайность, но она можетъ, пожалуй, сдѣлаться для графа роковою. И всему виной его дурацкое великодушіе! Или ужъ во всемъ этомъ судьба,—такъ называемый, «перстъ Провидѣнія», съ его «высшею кропией»?..

Но—судьба ли, случайность ли,—что бы тамъ ни было, а графъ рѣшилъ себѣ, что во всякомъ случаѣ, оставаться ему въ неизвѣстности на этотъ счетъ невозможно: самого себя измучаешь только мнительностью да сомнѣніями, которыя на самомъ дѣлѣ, быть можетъ, окажутся совершенно напрасными. Возможно и такъ, возможно и этакъ. А лучше знать ужъ навѣрняка что-нибудь опредѣленное. И нельзя же, наконецъ, всю жизнь изображать собою страуса, прячущаго въ кусть свою голову. Надо рѣшить этотъ вопросъ такъ или иначе теперь же, — надо приготовиться на всякій случай, что сдѣлать, что сказать и какъ держать себя, если она уже знаетъ. Можетъ быть, придется открыть ей всю горькую правду, все какъ было, и пусть тогда сама рѣшаетъ—отвернуться ли отъ него навсегда, или рука объ руку идти вмѣстѣ напроломъ, наперекоръ всѣмъ прецѣдентамъ. Если она точно любитъ графа,—она предпочтетъ послѣднее, а если нѣтъ... Ну, что же?—онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, знать, что игра его проиграна, поставить надъ нею крестъ на смарку и удовольствуется тѣмъ, что даетъ ему сама жизнь, въ связи съ интересами «Товарищества» и его свѣтскимъ положеніемъ. Неужели же онъ и этимъ не сумеетъ воспользоваться?!

Но вотъ вопросъ: найдется ли у Тамары достаточно времени и спокойствія, чтобы выслушать всю его исповѣдь и оправданія. Имъ могутъ помѣшать, у нея можетъ случиться не-

досугъ, да и мало ли что. А недосказанное объясненіе—это хуже всего.

И графъ рѣшилъ себѣ, на всякій случай, что вѣрнѣе всего будетъ—изложить всю эту свою исповѣдь въ письмѣ, которое, вмѣсто всякаго объясненія на словахъ, онъ вручить Тамарѣ въ томъ случаѣ, если ей уже все извѣстно, и попросить ее прочесть его спокойно, безъ гнѣва, и затѣмъ уже положить свое окончательное рѣшеніе. Если же это окажется не нужнымъ,—письмо останется у него въ карманѣ, и только.

Ночуя въ Порадамѣ у маркизанта, онъ воспользовался остаткомъ вечера и частью ночи, чтобы заняться сочиненіемъ письма, и окончивъ его, нашелъ, что оно написано, какъ слѣдуетъ, въ благородномъ тонѣ, достаточно откровенно, убѣдительно, съ чувствомъ и даже красиво,—хоть въ любой романъ! Мѣстами онъ не падалъ въ немъ себя; но всегда выходилъ изъ этого самобичеванія такъ, что Тамара необходимо должна была убѣждаться, будто много выхода для него и не было, будто въ каждомъ такомъ поступкѣ онъ былъ лишь жертвой несчастнаго стеченія обстоятельствъ, оставаясь «au fond» всегда благороднымъ и, главное, безпредѣльно любящимъ ее человекомъ, на котораго всѣ его бѣды опрокидывались въ послѣдній годъ исключительно изъ-за этого чувства его къ ней. Не встрѣлся онъ съ нею, не полюби ее, ничего бы этого не было.

— Ну, что будетъ, то будетъ!—фатально рѣшилъ онъ себѣ, ложась въ складную походную постель, которую всегда возилъ съ собою въ футлярѣ.

* * *

На утро, оставивъ мистера Пробста въ Порадамѣ, графъ одинъ поѣхалъ въ своемъ фаэтонѣ къ Радншевскимъ высотамъ. Погода уже третьи сутки стояла сухая и теплая, дороги поправились, и потому поѣздка его не потребовала продолжительнаго времени и обошлась безъ затрудненій, если не считать цѣлые обозы съ ранеными и больными людьми, медленно двигавшіеся навстрѣчу ему изъ-подъ Плевны.

Центральный перевязочный пунктъ все еще оставался на своемъ прежнемъ мѣстѣ, но тамъ стало теперь совсѣмъ уже просторно. Въ шатрахъ оставались раненые только двухъ категорій: или самые легкіе, которые могли возвратиться въ строй ко своимъ частямъ послѣ самаго непродолжительнаго леченія, или окончательно уже безнадежные, которыхъ не зачѣмъ было отправлять въ тылъ, такъ какъ неизбежность смерти являлась для нихъ вопросомъ лишь нѣсколькихъ часовъ или сутокъ.

Подѣзжая къ перевязочному пункту, графъ еще издали замѣтилъ на пригоркѣ, шагахъ

въ трехстахъ въ сторону отъ шатровъ, группу людей, состоявшую изъ нѣсколькихъ сестеръ и лазаретныхъ служителей, впереди которыхъ видѣлся священникъ въ скуфѣ и черной ризѣ съ серебряными позументами.— «Вѣрно, хоронять кого-нибудь», подумалось графу. Остановясь у шатровъ, онъ увидѣлъ около какихъ-то вскрываемыхъ ящичковъ, саму начальницу Богоявленской общины, распорядившуюся, вмѣстѣ съ уполномоченнымъ «Краснаго Креста» приемкой по реестру разныхъ госпитальныхъ принадлежностей и запасовъ. Каржоль такъ-таки прямо къ ней и направился.

— Я пріѣхалъ узнать, что мой раненый, котораго я доставилъ сюда третьяго дня утромъ?—обратился онъ къ старушкѣ, почтительно приподымая свою мягкую шляпу.

— Какой это?—дѣловито и нѣсколько прищурясь, освѣдомилась начальница.

Графъ назвалъ ей имя, фамилію, чинъ и полкъ, прибавивъ, что это былъ ординарецъ генерала Зотова.

— Ахъ, поручикъ Пулъ?—припомнила старушка.—Какъ же, какъ же, знаю... Но только вы опоздали.

— А что, развѣ его увезли уже?

— Нѣтъ, умеръ... и его сейчасъ вотъ хоронятъ,—вонъ тамъ,—указала она по направленію группы людей, на пригорокъ.

При этомъ извѣстіи, Каржоль выразилъ на ссажденномъ лицѣ своею чувство печаленности и сожалѣнія.

— Какъ жаль!—вдохнулъ онъ, раздумчиво качая головою.—Это былъ мой хорошій, давнишній знакомый... Впрочемъ, этого надо было ожидать,—такая жестокая рана...

— Если угодно, можете отправиться туда, поклониться праху,—предложила старушка, возвращаясь къ своимъ прерваннымъ на минуту занятіямъ.

— Благодарю васъ, я... непременно, сейчасъ же,—проговорилъ онъ съ поклономъ.— Но прежде, сударыня, позвольте мнѣ вамъ напомнить себя: я графъ Каржоль де-Нотрекъ, женихъ сестры Тамары Бендавидъ.

— Какъ же, я помню,—промолвила она безразличнымъ тономъ, кивнувъ утвердительно головою.—Вы хотите ее видѣть?

— Если позволите.

— Она тамъ, на погребеніи. Это вѣдь былъ ея раненый: она ходила за нимъ, она и хоронить.

Каржоль еще разъ почтительно поблагодарилъ старушку и пѣшкомъ направился къ пригорку, на которомъ желѣлось нѣсколько могильныхъ насыпей и кое-гдѣ торчали деревянные крестики. Онъ пришелъ туда въ моментъ, когда покойника только-что опустили въ яму, и священникъ читалъ надъ нимъ послѣднюю литію. Протѣснившись изъ-за сол-

датскихъ спинъ впередъ, графъ первымъ дѣломъ отыскалъ глазами Тамару, и взгляды ихъ встрѣтились. Лицо ея было серьезно, какъ подобаетъ при такомъ печальномъ религіозномъ обрядѣ, и на привѣтливый поклонъ Каржоля она сдержанно отвѣтила издала однимъ лишь легкимъ кивкомъ головы, безъ малѣйшей улыбки. При видѣ этого лица, которое показалось ему холоднымъ и строгимъ, и при этомъ поклонѣ, который онъ нашелъ сухимъ, у него тревожно екнуло сердце.—«Знаетъ! все уже знаетъ!» подумалось ему.—«Неужели онъ успѣлъ сказать ей?!»

Но вотъ, замолкъ послѣдній печальный звукъ «вѣчной памяти», и Тамара, перекрестясь, первая захватила съ насыпи горсть земли и крестообразно посыпала ее на покойника. За нею стали кидать на него пригоршники земли остальные сестры и солдаты. Графъ послѣдовалъ ихъ примѣру и, кидая, заглянулъ вглубь могилы. Тамъ, безъ гроба, на голой землѣ, лежалъ покойникъ, весь завернутый въ холщевый саванъ, который закрывалъ и его лицо. Каржоль стоялъ надъ нимъ, поникнувъ обнаженной головою, и невольно задумался. Судьбѣ, какъ видно, опять угодно было, чтобы онъ встрѣтился съ нимъ еще разъ,—въ послѣдній уже разъ въ своей жизни. Но что приносить ему эта встрѣча? Какое возмездіе оставилъ ему въ наслѣдство покойникъ, если онъ сказалъ Тамарѣ то, чего Каржоль болѣе всего не хотѣлъ, чтобы она знала? Неужели и тутъ, умирая, Аполлонъ, быть можетъ даже не преднамѣренно, еще разъ отомстилъ ему за Ольгу, уже послѣ того, какъ самъ просилъ его простить и забыть все? Такъ ли это,—графъ узнаетъ сейчасъ, черезъ минуту. Пойдетъ ли къ нему Тамара, или нѣтъ? Знаетъ ли она, или не знаетъ?—Все это сейчасъ должно обнаружиться и разрѣшиться такъ или иначе,—надо приготовиться.

Священникъ снялъ и передалъ солдату-причетнику все свое облаченіе; лазаретные служители принялись быстро засыпать могилу рыхлою землею. Три-четыре присутствовавшія здѣсь сестры, перекрестясь въ послѣдній разъ, направились вмѣстѣ съ «батюшкой» къ шатрамъ,—осталась надъ могилой одна Тамара.

«Знаетъ, или не знаетъ?»—болѣзненно занималъ роковой вопросъ въ душѣ Каржоля, межъ-тѣмъ какъ самъ онъ продолжалъ стоять въ нерѣшительности—подойти ли къ ней первому, или пускай она сама подходитъ. Онъ избѣгалъ теперь встрѣтиться еще разъ съ ея взглядомъ, боясь, какъ бы не прочесть въ немъ заранѣе свой приговоръ, и старался упорно глядѣть въ зарываемую могилу.

Но вотъ, она сама подошла къ нему и молча протянула руку. Каржоль почувствовалъ ея пожатіе, которое показалось ему искренно

дружескимъ, добрымъ, но онъ не смѣлъ еще вполне повѣрить своему опущенію.—А вдругъ онъ ошибается?

— Конечно... тихо произнесла Тамара.

«Что конечно?... Что она хочетъ этимъ сказать?» тревожно и подозрительно подумалось ему; но онъ постарался перемочь себя и выдержалъ приличное случаю, грустное спокойствіе, сообщивъ при этомъ Тamarѣ, что видѣлъ сейчасъ ея начальницу, и она-де разрышилась ему видѣться съ нею.

— Что-жъ, хорошо, — согласилась дѣвушка. — Мы можемъ остаться здѣсь, пока зарытѣ ваши могилу.

И оба замолчали какъ-будто имъ было не о чемъ больше говорить между собою. Это еще болѣе озадачивало графа, которому положеніе его начинало уже казаться неловкимъ и тягостнымъ. — «Если знаетъ, то чего-жъ молчать она!»

— Когда умеръ? — спросилъ онъ наконецъ, чтобы хоть чѣмъ-нибудь нарушить непріятное молчаніе.

— Сегодня, въ седьмомъ часу утра, — отвѣчала она совершенно просто, но Каржолу, въ его разыгравшейся мнительности, показалось, что сказано это было какимъ-то неопредѣленнымъ, сдержаннымъ тономъ, точно бы она противъ него на-сторожѣ.

— Вы были при его послѣднихъ минутахъ? — продолжалъ онъ.

— Все время. Ужасно мучился.

— Въ памяти былъ, или нѣтъ?

— Мало. Порою приходилъ въ сознаніе, но не на долго... Едва лишь узнаетъ, скажетъ нѣсколько словъ, и опять все бредъ и бредъ, — такъ въ бреду и умеръ...

— Въ бреду? — раздумчиво повторилъ графъ. — И что же такое... о чемъ собственно?

— Да разное... Кто-жъ его знаетъ!.. — Скомандовалъ громко что-то такое странное: «повозводно направо жай», и это было его послѣднее слово.

— Такъ и не пришелъ въ себя? — съ живостью переспросилъ графъ, у котораго нѣсколько отлегло отъ сердца. — «Слава Богу, въ бреду, значитъ, не проболтался, или она не поняла».

— Нѣтъ, не пришелъ, — отвѣтила Тамара. — Но въ ясныя минуты сознанья, однако, свое безнадежное положеніе, — продолжала она. — Видъ къ этой ужасной ранѣ присоединилась еще и простудная горячка.

— Немудрено, всю ночь пролежавши подъ холоднымъ дождемъ, — согласился Каржолъ. — Но скажите, говорилъ онъ что-нибудь съ вами? Узналъ васъ?

— Какъ же, узналъ, почти съ первой минуты, какъ я стала ходить за нимъ, и очень удивился даже, что я тутъ.

— Да?... Ну, и что-жъ? — продолжалъ онъ, едва скрывая свое жадное нетерпѣніе разрѣшить поскорѣй мучившую его загадку.

— Да ничего, — спокойно и просто отвѣтила Тамара. — Былъ очень тронутъ; благодарилъ меня... даже успѣлъ завѣщать волю свою.

— Волю? — насторожился Каржолъ, внутренне восторженувшись. — Какую волю?

— Да разныя тамъ посмертныя распоряженія.

— Вотъ какъ!.. Хм... Въ чемъ же дѣло?.. Видъ это не тайна, надѣюсь?

— Нѣтъ, какая же тайна! Деньги у него оставались въ конфектъ, — пятнадцать золотыхъ, — ну, приказалъ переслать въ полкъ, чтобы тамъ раздать людямъ его взвода; я уже передала ихъ начальницѣ. А потомъ еще медальонъ золотой былъ у него на шеѣ, на цѣпочкѣ, — просилъ похоронить себя вмѣстѣ съ нимъ. Это удивительно даже, какъ онъ любилъ ее! — добавила Тамара послѣ маленькаго раздумья.

— Любилъ?... то-есть, кто это?... Про кого говорите вы?

— Да все Ольгу же.

Задавая этотъ вопросъ, Каржолъ, увѣренный ранѣе, о комъ идетъ дѣло, все-таки невольно вздрогнулъ, когда было произнесено это имя, и закусилъ губу, чтобы скрыть свое волненіе. Ему подумалось, что вотъ теперь-то Тамара и выскажется.

— Когда онъ скончался, — продолжала между тѣмъ дѣвушка, — я, признаться, сдѣлала маленькую нескромность: раскрыла его медальонъ и — представьте — вижу вдругъ Ольгинъ портретъ!.. Это меня даже тронуло, — такая идеальная привязанность, такое постоянство...

Каржолъ успокоился, — «нѣтъ, она ничего не знаетъ». Но его болѣзненно паранило по сердцу злобно ревнивое чувство. Онъ хотъ и догадывался про-себя, что покойникъ, вѣроятно, былъ близокъ его женѣ, но открытіе насчетъ медальона, какъ бы подтверждавшее его догадки, было ему непріятно. Богъ знаетъ, можетъ быть, въ глубинѣ души у него все еще таилась какая-то искорка, если не любви, то страсти къ этой женщинѣ, и даже только къ ней одной, — насколько могъ и умѣлъ онъ любить, не смѣя самому себѣ въ томъ сознаться, — любить, ненавидя ее въ одно и то же время всей своею душою.

— Ну, и что жъ, въ этомъ только и вся воля его заключалась? — спросилъ онъ со снисходительной улыбкой напускного равнодушія.

— Нѣтъ, Ольгини письма еще остались.

— Что?... Письма?..

Каржолъ внутри точно варомъ обдало. Онъ увидѣлъ, что слишкомъ поторопился успокоиться, что, можетъ быть, изъ этихъ писемъ Тамара узнаетъ гораздо больше, чѣмъ могъ бы сказать

ей умирающий, и что настоящая опасность для него была не тамъ, а вотъ только теперь наступаетъ. Но онъ понималъ, что малѣйшее неосторожное движеніе или необдуманное слово съ его стороны теперь-то и можетъ легче всего выдать его внутреннее состояніе передъ Тамарой и навести ее на подозрѣнія, а потому ему надо быть или, по крайней мѣрѣ, казаться какъ можно спокойнѣе и вести дальнѣйшую свою тактику въ разговорѣ съ нею очень обдуманно и осторожно.

— Онъ сказывалъ,—продолжала Тамара,— что подъ подушкой у него есть бумажникъ съ письмами и карточками Ольги, и просилъ, когда умретъ, переслать его къ ней, какъ есть.

— Вы видѣли ихъ?—спросилъ графъ какъ-бы вскользь, совсѣмъ безразличнымъ тономъ.

— Что это? письма-то? — отозвалась Тамара.— Нѣтъ, когда же тутъ? — не до того... У меня и то полны руки хлопотъ. Я только успѣла, какъ умеръ, вынуть бумажникъ, чтобы въ чужія руки какъ-нибудь не попалъ еще... Онъ говорилъ,—продолжала она,—что письма всѣ въ одномъ пакетѣ, и тамъ есть адресъ. Бѣднѣе, очевидно, хотѣлось, чтобы Ольга знала, что онъ и умирая помнилъ и думалъ о ней.

Упоминаніе объ адресѣ заронило въ Каржолѣ новое опасеніе, какъ бы этотъ предательскій адресъ, не выдалъ ей все сразу. Это, конечно, нынѣшній, петербургскій адресъ Ольги, гдѣ она, безъ сомнѣнія, названа прямо графиней Каржолъ де-Нотрекъ. Тамара еще не видала его, но не все-ль равно,—она увидитъ сегодня же, черезъ часъ, черезъ два, и тогда все кончено! Во что бы то ни стало, надо выманить у нея этотъ бумажникъ теперь же, оставлять его долѣе въ ея рукахъ невозможно.

— Что жъ вы теперь намѣрены съ этимъ дѣлать? — спросилъ онъ какъ-бы между прочимъ.

— Да вотъ, не знаю... Надо будетъ, конечно, отправить при первой возможности,—какъ-нибудь на-дняхъ, когда подосужѣ будетъ.

— Хотите, отдайте мнѣ, я отправлю? — предложилъ онъ совсѣмъ просто, съ самымъ невиннымъ видомъ.

— Да нѣтъ, что же васъ беспокоитъ, я сама ужъ...

— Какое же тутъ безпокойство!—возразилъ графъ.—Вѣдь вы, конечно, будете отправлять посылкой, черезъ полевую почту?

— Конечно, какъ же иначе!

— Ну, вотъ видите!.. Во-первыхъ, это вамъ большія хлопоты, — разсудительно принялся онъ высчитывать ей всѣ доводы. — Будь оно еще простое письмо — ну, такъ; а то вѣдь посылка, — значитъ, надо сдавать въ полевую почтамтъ и ѣхать для этого въ Горный Студень, а вамъ не до того. Во-вторыхъ, это

самый невѣрный путь: такая маленькая посылка легче легкаго можетъ гдѣ-нибудь застрять, затеряться и совсѣмъ не дойти по назначенію, — попадетъ еще Богъ вѣсть куда и къ кому! Вѣдь тутъ масса писемъ и посылокъ пропадаетъ.

— Будто?!—удивилась Тамара.

— О, разумѣется!.. развѣ же вы не слышали, что на Унгенской станціи просто сожгли болѣе двадцати тысячъ писемъ изъ-за невозможности разобраться съ ними? Что-за охота подвергаться такому риску!

— Но какъ же это сдѣлать иначе? — въ затрудненіи спросила она.

— Очень просто: дайте мнѣ, я перешлю завтра же, какъ только приѣду въ Сястово, и не съ полевой, а съ румынской почтой черезъ Австрію.—Это самый вѣрный путь, и будьте покойны, не далѣе какъ черезъ недѣлю посылка будетъ у Ольги.

— Что-жъ, пожалуй,—согласилась подумавъ Тамара.

— Это всего короче,—убѣжденно подтвердилъ графъ.—Гдѣ у васъ бумажникъ-то?

— Здѣсь, со мною, — слегка хлопнула она себя по карману.—Я какъ взяла, такъ прямо въ карманъ и положила, не поглядѣвши даже.

— Вотъ и прекрасно! Давайте-ка его сюда, а то, при вашемъ бивачномъ существованіи, еще потеряете, пожалуй.

Она передала ему элегантнѣйшій сафьяновый бумажникъ, по изищной наружности котораго графъ тутъ же сдѣлалъ себѣ догадку, что это, вѣроятно, Ольгинъ подарокъ. Лишь мелькомъ взглянувъ на него и точно бы боясь упустить такое сокровище, но болѣе всего опасаясь, какъ бы она не вздумала полюбопытствовать, что тамъ такое, — онъ сейчасъ же аккуратно засунулъ его во внутренній боковой карманъ своей жакетки и, для большей сохранности даже застегнулся.

— Такъ-то вѣрнѣе будетъ!—съ успокоительной улыбкой кивнулъ онъ ей головою. — А почтовую росписку вы отъ меня получите, я потомъ перешлю вамъ.

Теперь Каржолъ былъ уже совершенно спокоенъ и даже счастливъ, что и не замедлило невольнымъ образомъ отразиться на всемъ лицѣ, на всемъ существѣ его, хотя онъ и продолжалъ усиленно сдерживаться, чтобы не слишкомъ ужъ рѣзко дать замѣтить Тамарѣ происшедшую въ немъ перемену.

— Ну, проститесь съ могилкой и займитесь собою,—у насъ вѣдь времени не много,—предложилъ онъ Тамарѣ, подавая ей руку.

Дѣвушка опустилась передъ насыпью на колѣни и, осѣнивъ себя крестомъ, положила послѣдній земной поклонъ за упокой души погребеннаго.

Воспользовавшись этою минутой, графъ досталъ изъ кошелька золотой и передалъ его

солдатамъ, зарывавшимъ могилу, приказавъ подѣлиться со всѣми ихъ товарищами, принимавшими участіе въ погребеніи. Надо отдать ему справедливость, онъ вовсе не былъ скупъ на деньги, когда онъ у него водились, и любилъ бросать ихъ «по-барски», особенно когда былъ въ духѣ.

— «Мертвый въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій!» философски продекламировалъ онъ, спускаясь подъ-руку съ Тамарой съ пригорка, и добавлялъ, что это самый благой совѣтъ и самое мудрое изреченіе, какое только онъ знаетъ въ жизни.

Они медленнымъ шагомъ, какъ бы гуляя, отправлялись вдоль по тропинкѣ, и тутъ, когда очутились одни, безъ свидѣтелей, явилась у него и нѣжность, и самая внимательная предупредительность къ своей спутницѣ, даже тембръ голоса перемѣнился, сдѣлавшись мягкимъ, сердечнымъ, и во взорѣ зажглась искорка теплой, нѣжной страсти. Въ эту минуту, ощущая близость Тамары къ себѣ, прикосновение ея руки и плеча, ему совершенно искренно казалось, будто онъ въ самомъ дѣлѣ влюбленъ въ нее и готовъ ради нея на всякій подвигъ, на всякую жертву. О покойникѣ, о письмахъ, объ Ольгѣ не было уже и помину, — онъ говорилъ теперь только о томъ, какъ любить ее, какъ радъ и счастливъ, что удалось ему снова увидѣть ее, какъ ему грустно и тяжело безъ нея, и когда-то наконецъ наступитъ то счастливое время, что они будутъ уже вмѣстѣ, вдвоемъ, неразлучно, и никакіе «родственники», никакіе евреи не помѣшаютъ больше ихъ браку, — вотъ только-бы кончалась поскорѣй эта несносная война, а тамъ... О, тамъ онъ сумѣетъ уже взять свое счастье? Тамара слушала, какъ сладкую музыку, этотъ страстный лепетъ и вѣрила, и таяла подъ лучами его нѣжного взгляда, и горячо отвѣчала на пожатіе его руки. Она глядѣла на его красивую, изящную фигуру, и ей вспомнились при этомъ встрѣча съ нимъ въ Зимницѣ и тотъ недружелюбный, полный предубѣжденія разговоръ о немъ, какой вели при ней, за вечернимъ чаемъ, ея госпитальныя сотоварищи, не зная, что графъ женихъ ея; но рядомъ съ этимъ вспомнилась и та сцена, какъ доставилъ онъ на перевязочный пунктъ раненаго Аполлона, вспомнилась и расказъ его, какъ онъ нашелъ его въ кустахъ, — и сопоставляя тотъ и другой моментъ его появленія въ ихъ госпиталь, Тамара находила про-себя, что послѣдній поступокъ графа такъ благороденъ, такъ человѣченъ, такъ великодушенъ, что да у кого больше не посмѣетъ подняться рука, чтобы бросить въ него камень, и что всѣ тѣ, кто отзывались о немъ такъ нехорошо, должны во-очію убѣдиться теперь, насколько они были неправы. Начальникъ онъ тоже тогда какъ будто не понравился, — ну, а что она скажетъ о немъ теперь?!

Тамара тогда заступилась за него передъ всѣми, она всѣмъ заявила тогда, что онъ человѣкъ вполне порядочный и честный, что такъ судить нельзя, не зная его обстоятельствъ, и вотъ ея слова оправдались. О, теперь она съ гордостью можетъ всѣмъ и каждому говорить о женихѣ своемъ! Онъ тоже былъ въ бою, въ огнѣ, и своимъ благороднымъ поступкомъ доказалъ, что онъ вовсе не то, чѣмъ его считали. И Каржоль, дѣйствительно, поднялся послѣ этого въ ея глазахъ еще выше. Она любила его, она гордилась имъ.

* * *

Возвращаясь въ Порадимъ, графъ нетерпѣливо ждалъ, когда экипажъ его отъѣдетъ подалѣе отъ перевязочнаго пункта и скроется въ лошинѣ за первымъ переваломъ, чтобы свободно предаться разсмотрѣнію Ольгиныхъ писемъ. И вотъ, наконецъ, этотъ желанный моментъ насталъ: онъ одинъ, среди волнисто-всколмленныхъ полей, на вольномъ просторѣ, — здѣсь нѣтъ посторонняго глаза, никто не помѣшаетъ ему.

Графъ досталъ изъ кармана бумажникъ Аполлона и раскрылъ его. — «Ну-съ, посмотримъ, что-то за тайны здѣсь заключаются?» — Бумажникъ великолѣпенъ, изящной парижской работы, и первое, что бросилось ему тамъ въ глаза, былъ портретъ Ольги, вставленный подъ шлифованное стекло съ золоченымъ ободкомъ въ темно-вишневую кожу, въ одной изъ внутреннихъ створокъ. То была фотографическая карточка, прелестно раздѣланная легкою акварелью, гдѣ Ольга изображалась въ видѣ чудной пенельно-кудрой головки, поэтически окутанной, точно легкою дымкой, газовымъ вуалемъ, изъ-подъ котораго соблазнительно-прозрачно сквозило тѣло обнаженной груди и роскошныхъ плечъ.

— *Quelle impudence!* — благонаравно возмущался Каржоль — скорѣе, впрочемъ, въ качествѣ задѣятаго этимъ супруга, чѣмъ строгаго пуриста вообще. Онъ попытался, нельзя ли вынуть «неприличную» эту карточку, — оказалось, что очень возможно и даже легко. Такія карточки, находящіяся въ подобныхъ секретныхъ мѣстахъ, обыкновенно бываютъ съ какими-нибудь интимными надписями на оборотѣ, — это графъ зналъ и по собственному опыту, — и взглянувъ на ея обратную сторону, онъ, дѣйствительно, нашелъ какъ-разъ подобнаго сорта надпись, сдѣланную рукою Ольги: «*A mon bien-aimé Pourtchik ta fidèle Olga, en souvenir du 17 octobre 1876.*» — Надпись показалась ему пошлою, тривиальною, въ особенности это ласкательное «*Pourtchik*» и это вульгарно-сентиментальное «*fidèle*», вовсе не вяжущееся съ положительнымъ, реалистичнымъ характеромъ Ольги. Но что-за значеніе имѣетъ это «17 octobre»? Какой смыслъ подъ нимъ кроется, какое воспоминаніе? — И подумавъ, онъ съ негодова-

нѣмъ вспомнилъ, что это былъ день его собственной свадьбы. Колючая боль обиды, взрывъ оскорбленнаго самолюбія, сознание своего посмѣяннаго человѣческаго достоинства и желчь ревности — все это разомъ поднялось и завопиало въ душѣ Каржолы, первымъ движеніемъ котораго было намѣреніе скомкать, порвать и вышвырнуть вонъ эту ненавистную карточку. Но онъ тутъ же опомнился, домекнувшись, что она можетъ еще ему пригодиться и сослужить въслѣдствіи свою службу, тогда какъ уничтожить ее изъ-за минутной вспышки было бы непоправимою глупостью. И графъ осторожно вдвинулъ ее въ надлежащее мѣсто.

Затѣмъ, въ одномъ изъ отдѣленій бумажника онъ нашелъ большой незадѣланный конвертъ съ надписью на немъ рукою Аполлона: «Въ случаѣ моей смерти, прошу вложенное сюда письмо переслать по адресу, вмѣстѣ съ этимъ монѣмъ бумажникомъ. А. Пупъ».

Графъ вынулъ изъ этой обложки второй конвертъ, наглухо заклеенный и запечатанный гербовою печатью покойнаго и, взглянувъ на адресъ, увидѣлъ, что не ошибся въ своемъ давешнемъ предположеніи: письмо действительно было адресовано въ Петербургъ, на имя «ея сіятельства графини Ольги Орестовны Каржолъ де-Нотрекъ, въ собственныя руки». На ощупь оно казалось довольно плотнымъ, давая возможность предполагать, что въ немъ упрятанъ не одинъ листъ почтовой бумаги. Графъ, не вламая печать, осторожно вырѣзалъ перочиннымъ ножикомъ верхній край конверта и вынулъ оттуда небольшую пачку модныхъ разноцвѣтныхъ листковъ небольшого формата, каждый съ красивымъ шифромъ Ольги подъ графскою короной. Пачку эту охватывалъ снаружи перегнутой листокъ обыкновенной почтовой бумаги, на которомъ было написано нѣсколько строкъ рукою Пупа, и за нѣхъ-то прежде всего схватился Каржоль. — «Ты просяла», прочелъ онъ, «чтобы я сжегъ или возвратилъ тебѣ твои письма, потому что мало ли что на войнѣ можетъ случиться. Ты права. Можетъ быть, мнѣ и суждено быть убитымъ, но пока я живъ, я не могу рѣшиться уничтожить ихъ и не могу разстаться съ ними, — они слишкомъ мнѣ дороги, они для меня все, — пойми, все, самое заветное, что есть у меня въ жизни. Ты знаешь, я суевѣренъ, и мнѣ кажется, что если ихъ не будетъ со мною, то и самъ я пропаду. Они мнѣ все равно, какъ талисманъ, охраняющій меня не только «отъ измѣны и забвенья», но и отъ вражей пули. Можетъ быть, это смѣшно, но что же дѣлать! Впрочемъ, желаніе твое будетъ исполнено, и когда ты получишь свои письма, то это будетъ значить, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ. Прощай, дорогая!»

— Ну, талисманъ-то, однако, не надеженъ

оказался, не спасъ! — иронически подумалось Каржолѣ.

Затѣмъ онъ обратился къ пачкѣ элегантныхъ листковъ, гдѣ нашелъ цѣлую коллекцію писемъ и записочекъ, и принялся прочитывать ихъ, одно за другимъ, съ нетерпѣливымъ, жаднымъ любопытствомъ. Всѣ они были собственноручно писаны Ольгой, всѣ были «на ты», всѣ относились къ періоду времени уже послѣ ея брака и всѣ выражали болѣе или менѣе откровенно ея нѣжныя чувства къ улану и разоблачала интимную близость ихъ между собою, какъ любовниковъ. Въ этомъ отношеніи, въ особенности знаменательными оказались два письма, въ послѣдовательномъ порядкѣ, относившіяся уже къ болѣе близкому времени. Въ первомъ Ольга со страхомъ и опасеніемъ сообщала, что она, кажется, беременна и не знаетъ, что теперь дѣлать и какъ избавиться отъ этого непріятнаго положенія, а во второмъ уведомляла, что хотя ея милому Пупчику и очень хотѣлось бы, судя по его послѣднему письму, быть папашей ихъ будущаго «bébé», но увы! — она должна разочаровать его, такъ какъ страхи и опасенія ея насчетъ беременности оказались фальшивою тревогой.

Невольно чувствуя въ каждомъ изъ этихъ писемъ какъ-бы косвенное поруганіе надъ собою и надъ своимъ именемъ «волочиннымъ этою жеящиной», графъ, тѣмъ не менѣе, продолжалъ читать ихъ съ какимъ-то злораднымъ и мучительнымъ наслажденіемъ, точно-бы расправляя въ себѣ боль и зудъ поспаленной раны. Дочитавъ же все до конца, онъ бережно и аккуратно уложилъ всѣ листки, въ прежнемъ порядкѣ, въ тотъ же конвертъ и въ ту же наружную обложку, и спряталъ все это въ бумажникъ, снова упокоившись въ глубинѣ его бокового кармана.

Въ первыя минуты онъ просто не могъ опомниться и овладѣть собой отъ охватившихъ его двойственныхъ чувствъ негодованія, ревности и радостнаго торжества; но послѣднее, наконецъ, возобладало надъ первымъ. — О, какъ жестоко отомститъ онъ теперь Ольгѣ, — за все: и за шантажную свадьбу, и за «волоченье по грязи» его имени, и за издѣвательства надъ нимъ, и за связь съ Аполлономъ, за все, за все, что до сихъ поръ, по ея милости, служило ему каторжнымъ ядромъ на его дорогѣ, что его путаетъ и мѣшаетъ ему въ жизни. О, какъ онъ будетъ торжествовать надъ нею!.. Теперь она вся, вся въ его рукахъ, — улыбка на-лицо, и какія улыбки! — документальныя, неопровержимыя, подлинныя, — и то, что было задумано имъ въ Зимницѣ, на пути изъ госпиталѣ къ Брофту, но что до сего дня казалось такъ трудно осуществимымъ, гадательнымъ, почти невозможнымъ, еслибы Ольга не пожелала дать согласія на его планъ. — все то раз-

рѣшается теперь такъ легко и просто, благодаря этой, убійственной для нея, пачкѣ писемъ. Нѣтъ, судьба рѣшительно благоволила къ нему и, несмотря на непріятное, мало лестное для самолюбія, положеніе роконоса, онъ все-таки, въ концѣ концовъ, уже и теперь можетъ считать себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, а будетъ и еще счастливѣе, когда весь грандіозный планъ его осуществится, на посрамленіе всѣмъ жидамъ и врагамъ его.

XXII.

Въ Боготѣ.

28-го ноября Плевна, наконецъ, пала. Послѣ отчаянной, но неудачной попытки прорваться къ Виддину, Османъ-паша со своею сорокатысячною арміею сдался у Видскаго моста генералу Ганецкому.

Въ это время сестры Богоявленской общины работали уже въ Боготѣ, въ одномъ изъ подвижныхъ госпиталей. Въ этомъ же селеніи, съ 12-го октября, помѣщалась и главная квартира великаго князя главнокомандующаго.

На третій день послѣ паденія Плевны, около пяти часовъ дня, въ виду Богота показался довольно длинный и пестрый поѣздъ всадниковъ. Тутъ были и румынскіе каларашы, и наши бугскіе уланы со своими красно-бѣлыми значками. За каларашами ѣхала коляска, а за нею тянулася верхами, въ красныхъ фескахъ, длинная вереница турецкихъ пашей, штабныхъ чиновъ, адъютантовъ и офицеровъ плевненской арміи, оцѣпленныхъ нашими уланами, съ пиками черезъ сѣдло. То привезли плѣннаго Османа и большую часть его офицеровъ. Весь Боготъ, русскій и болгарскій, высыпалъ изъ хатъ, землянокъ и палатокъ смотрѣть на это необычайное зрѣлище. Османъ-паша былъ въ рѣчь у приготовленной для него юрты комендантомъ дѣйствующей арміи, а взводъ почетнаго караула отдалъ ему воинскую честь, какъ главнокомандующему.

Не успѣли еще въ Боготѣ угомониться отъ впечатлѣній этой встрѣчи, какъ къ шатрамъ подвижнаго госпиталя приблизился другой поѣздъ, подъ охраной казаковъ, состоявшій изъ пѣлаго ряда лазаретныхъ фургоновъ и линеекъ. То привезли офицеровъ и, частію, солдатъ гренадерскаго корпуса, раненыхъ въ бою 28-го ноября за Видомъ. Всѣ они были рачительно приняты врачебно-санитарнымъ персоналомъ госпиталя и сестрами милосердія и размѣщены на койкахъ по большимъ шатрамъ, гдѣ все уже заранѣе было приготовлено къ ихъ приему и накормленію. Офицеровъ помѣстили въ особую палату, по возможности, съ наибольшими удобствами. Между ними находился вѣкто капитанъ Владиміръ Атуринъ, раненый довольно серьезно пулею въ правую

руку. Это былъ сильный, здоровый мужчина, лѣтъ тридцати-пяти, съ симпатичнымъ и умнымъ выраженіемъ мужественнаго лица.

Первый уходъ за нимъ достался на долю Тамары, которая привычною, мягкой рукой осторожно и нѣжно разбинтовала и промыла ему рану для новой перевязки. Онъ ласково поблагодарилъ ее за это въ простыхъ и сердечныхъ выраженіяхъ.

— Вы такъ хорошо это дѣлаете, особенно послѣ нашихъ фельдшеровъ съ ихъ грубыми лапами,—сказалъ онъ ей,—что я ужъ попрошу васъ, будьте такъ добры, не откажите и впредь въ вашей помощи.

И послѣ этого, каждый разъ, когда ему нужно было перебинтовывать раненую руку, онъ не давалъ никому до нея дотронуться, кромѣ сестры Тамары,—и она, охотно исполняя этотъ маленькій капризъ раненаго, не заставляла его долго дожидаться своего прихода и всегда являлась къ его постели какъ-разъ къ тому времени, когда врачъ долженъ былъ накладывать ему повязку. Такимъ образомъ, съ перваго же дня между ними установились какъ-то сами-собою добрыя, почти дружескія отношенія, скрѣпляемые съ одной стороны признательностью за услугу, съ другой — охотной готовностью всегда оказать ее. Для черезъ три, чувствуя себя уже значительно бодрѣе, капитанъ Атуринъ, послѣ утренней перевязки, обратился къ Тамарѣ съ просьбою.

— У меня къ вамъ большая просьба, сестра,—сказалъ онъ,—помогите мнѣ написать маленькое письмо,—самъ, какъ видите, пока не въ состояніи... Я вамъ продиктую.

Освободясь отъ своихъ обычныхъ утреннихъ обязанностей, по уходѣ врачей, Тамара сейчасъ же принесла къ его постели складной столикъ и свой маленький бюваръ съ почтовой бумагой, конвертами и походною чернильницей, присѣла на табуретъ и приготовилась писать подъ диктовку.

— «Дорогая моя тетушка»,—диктовалъ ей Атуринъ. — «Въ газетахъ вы, безъ сомнѣнія, увидите въ числѣ раненыхъ 28-го ноября офицеровъ и мое имя. Знаю навѣрное, что это васъ очень встревожитъ, и потому сиѣшу предупредить, что рана моя, въ правую руку, вовсе не опасна. Я уже и теперь чувствую себя всѣмъ хорошо и надѣюсь недѣлю черезъ двѣ совершенно поправиться. За мной ухаживаетъ добрая сестра Тамара, безъ попеченій которой, конечно...

Дѣвушка приостановилась и посмотрѣла на него съ выраженіемъ нѣкоторой нерѣшительности и затрудненія.

— Ну, это зачѣмъ же?—тихо проговорила она тономъ немножко смущенной просьбы. — Этого не надо... позвольте не писать.

— «Безъ попеченій которой»,—настоячиво продолжалъ офицеръ, улыбувшись ей доброю

и ласковою улыбкой, — «конечно, я никогда не поправился бы такъ скоро, какъ теперь».

Тамара все еще не рѣшалась продолжать.

— Ну, что же, сестра? Пишите...

— Нѣтъ, право, это лишнее, — рѣшительно уклонилась она. — Какъ хотите, лишнее... Мнѣ даже неловко... Во-первыхъ, я дѣлаю только то, что обязана дѣлать, и никакой тутъ особенной заслуги съ моей стороны нѣтъ, а во-вторыхъ, писать своею рукою похвалу себѣ же... согласитесь, какъ-то странно выходить.

— Ничуть не странно, — возразилъ онъ, — во-первыхъ, пишу я, а не вы, — вы только записываете. Во-вторыхъ, я пишу къ особѣ совершенно вамъ неизвѣстной, къ своей родной теткѣ, которая у меня одна только и есть на свѣтѣ самый близкій мнѣ человѣкъ, — ни отца, ни матери у меня нѣтъ, — она одна только, и любить она меня, какъ сына... Я пишу ей все равно какъ къ матери... и наконецъ, вѣдь это же правда, что я обязанъ вамъ, — почему же вы не хотите, чтобы мою признательность къ вамъ, заочно раздѣляло вмѣстѣ со мною близкое мнѣ лицо?.. Нѣтъ, ужъ я прошу васъ, пишите не споря, какъ я диктую — прибавилъ онъ въ заключеніе тономъ ласковой, но рѣшительной просьбы.

Тамара съ улыбкой пожала плечами и принялась записывать, какъ бы исполняя этимъ капризъ больного.

Онъ въ краткомъ разказѣ изложилъ обстоятельства, при которыхъ былъ раненъ, и извѣщалъ далѣе, что находится теперь въ боготскомъ госпиталѣ, гдѣ врачи рѣшили оставить его до окончательнаго излеченія, и что при первой возможности, какъ только въ состояніи будетъ вполне свободно владѣть рукою, напишетъ ей самъ, собственноручно, и со всѣми подробностями, а пока проситъ еще разъ не тревожиться о немъ и общается давать о себѣ извѣстія почаще.

Письмо было кончено. Тамара вложила его въ конвертъ, заклеила послѣдній и приготовилась писать на оборотѣ адресъ.

— «Въ городѣ Украинскъ», — продиктовалъ ей Атуринъ, — «Игуменіи Серафимѣ, настоятельницѣ Свято-Троицкой женской обители».

У Тамары невольно опустились руки и, откинувшись нѣсколько назадъ, она уставилась въ него изумленнымъ взглядомъ.

— Что вы такъ смотрите, сестра? Что съ вами?

— Мать Серафима ваша тетка? — проговорила она, все еще ошеломленная этою неожиданностію.

— Да, тетка, а что? Развѣ вы ее знаете?

— Я-то? — Очень хорошо; даже болѣе скажу вамъ: она и для меня самый близкій человѣкъ на свѣтѣ... Правдиво и считаю ее за мать, — вотъ она мнѣ кто!

— Да что вы! — обрадованно удивился въ свою очередь Атуринъ. — Вотъ не ожидалъ-то!

— Я вѣдь сама изъ Украинска, — продолжала Тамара, — и многимъ, многимъ хорошимъ обязана матери Серафимѣ... Одно время я даже жила у нея въ монастырѣ, и мы иногда переписываемся.

— Вотъ какъ!.. Ну, это просто судьба, — наша встрѣча, и я вдвойнѣ радъ за свою настойчивость, что упросилъ васъ писать все: теперь она будетъ знать, что ходите за мной именно вы, и это еще болѣе ее успокоитъ и утѣшитъ... Такъ вы ее близко знаете? — переписывалъ онъ въ радостномъ волненіи.

— Да какъ же! У меня даже образъ есть, которымъ она меня на прощанье благословила, какъ мать, и я никогда не разлучаюсь съ нимъ.

— Но расскажите, Бога ради, какъ же это? Какими судьбами, что и почему?

— Ну, это длинная исторія... Когда-нибудь потомъ, на досугѣ, — ласково уклонилась отъ разспросовъ Тамара. — Вамъ теперь еще вредно много разговаривать, — прибавила она какъ бы въ оправданіе своей уклончивости, — и то уже вонъ какъ взыоляновались!.. Докторъ придетъ, журить меня станетъ за это.

— Нѣтъ, вы не повѣрите, какъ я радъ! — искренно продолжалъ Атуринъ, протягивая ей хлѣву, здоровую руку. — Вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, какой счастливый для меня случай, — ну, подумайте!.. Мы, значить, съ вами все равно какъ родные, — не даромъ у меня съ первой минуты инстинктивно какъ-то душа легла къ вамъ... Вотъ и подите, не вѣрите послѣ этого предчувствіямъ!

— Да что жъ тутъ особеннаго? — скромно улыбнулась и въ нѣсколько смущенномъ недоумѣніи отъ послѣднихъ его словъ пожала плечами Тамара, которой однако въ душѣ эти слова его были очень пріятны.

— Какъ что особеннаго? — возразилъ онъ. — То и особеннаго, что, значить, хороший вы человѣкъ и сердце у васъ золотое, если мать Серафима васъ любитъ и вы ее тоже, — вѣдь вы же знаете, какая это женщина!

Тамара сказала ему, что сама напишетъ ей сегодня же, еще и отъ себя, и постарается окончательно успокоить ее насчетъ его здоровья и расскажетъ, какъ неожиданно разженилась для нихъ обоихъ близость ихъ взаимныхъ къ ней отношеній. И она, дѣйствительно, написала къ Серафимѣ подробное письмо, гдѣ послѣдовательно объяснила ходъ леченія и состояніе здоровья Атурина съ самаго прибытія его въ госпиталь и обѣщала ходить за нимъ до полнаго его выздоровленія, какъ за братомъ, и извѣщать ее по возможности чаще о всѣхъ перемѣнахъ въ состояніи его здоровья и раны, въ память всего добра, которымъ такъ много обязана ей, Серафимѣ.

Съ этой минуты между Атуринымъ и Тамарой установились еще болѣе теплыя, сердце-

чныя отношенія, точно бы между родными. Она отдалась уходу за нимъ со всѣмъ энтузіазмомъ своей отзывчивой души, дѣлая это въ благодарную и сердечную память о матери Серафимѣ; да и кромѣ того, ей просто пріятно было братски ухаживать за симпатичнымъ человекомъ, который чувствуетъ и цѣнитъ въ ней это. И сама она, predisposed къ нему уже однимъ тѣмъ, что онъ племянникъ Серафимы, съ теченіемъ времени, тѣмъ больше узнавала его, тѣмъ живѣе оцѣнила симпатичныя душевныя стороны этой открытой, простосердечной и мужественной натуры. Она узнала отъ него, что его покойная мать была родною сестрой Серафимы, связанной съ нею самою тѣсною любовью и дружбой, что Серафима, до своего монашества, была поставлена обстоятельствами своей жизни въ близкія отношенія ко двору, къ высокимъ сферамъ, мать же его вышла замужъ болѣе скромно, за помѣщика Атурина, занимавшаго до конца своей жизни мѣсто предводителя дворянства въ своей губерніи, что самъ онъ, Владимиръ Атуринъ, служилъ прежде въ гвардіи, а потомъ, женившись, вышелъ въ отставку и былъ въ своемъ уѣздѣ тоже предводителемъ, но съ объявленіемъ войны бросилъ все—и свое предводительство, и свое сельское хозяйство,—и снова поступилъ въ военную службу, въ одинъ изъ полковъ гренадерскаго корпуса. Узнала Тамара и то, что, похоронивъ жену четыре года назадъ, онъ теперь бездѣтный вдовецъ, а изъ письма къ ней Серафимы, полученнаго черезъ двѣ недѣли въ отвѣтъ на ея первое письмо изъ Богота, она убѣдилась, что Серафима дѣйствительно любить его какъ сына. Въ этомъ письмѣ своемъ нигде не находила словъ, какъ благодарить Тamarу за ея самоотверженный, истинно христіанскій уходъ за ея бѣднымъ Володей и относилась встрѣчу его съ нею къ особенной милости Божіей,—точно бы самому Провидѣнію угодно было послать и сдѣлать ее добрымъ гениемъ-хранителемъ ея милого племянника, дороже и ближе котораго у нея, послѣ смерти незабвенной сестры, не осталось родного существа въ мірской жизни.

Чѣмъ дольше шло время, тѣмъ больше заживдалась рана Атурина, и дѣло близилось уже къ выпискѣ его изъ госпиталей. Онъ то и дѣло мечталъ о томъ, какъ возвратится въ свой полкъ, приметъ опять свою роту и снова станетъ драться съ турками. Но къ этимъ мечтамъ его невольно примѣшивалось раздумье и чувство грусти отъ предстоящей разлуки съ Тамарой.

Женскимъ чутьемъ своимъ она угадала подвѣнчекъ, что это чувство въ немъ болѣе, чѣмъ братское или просто дружеское, что онъ, быть можетъ, даже незамѣтно для себя самого, поддавался увлеченію и полюбилъ ее не какъ сестру а какъ женщину. Это открытіе сначала даже

испугало Тamarу. Она смутно почувствовала, какъ-будто между нею и Каржолемъ вдругъ становится что-то рѣзъ, какая-то новая нравственная сила, которую она не въ состояніи ни отразить сама, ни отстранить отъ себя, съ которою надо будетъ считаться и которая однимъ уже тѣмъ, что она есть, что она существуетъ и стоитъ между ними, какъ-будто наложила на Тamarу какія-то нравственныя бремена и пути.—«Это несчастье», невольно думалось дѣвушкѣ.—«Это идетъ бѣда какая-то»... Кому бѣда,—ей ли, ему ли, или всѣмъ троицѣ,—Богъ вѣсть, но лучше, еслибы этого не было!.. За чѣмъ, для чего все такъ случилось, и что тутъ ей дѣлать!? Оборвать все разомъ, нарочно пережиться къ нему, оттолкнуть его?—Но за что же? Что сдѣлалъ онъ, чѣмъ виновать предъ нею?.. Оттолкнуть... Но какъ это сдѣлать, да и хватить ли духу и совѣсти, если человекъ не подаетъ къ тому никакого повода, если онъ держитъ себя по отношенію къ ней съ такимъ тактомъ, что до сихъ поръ не обмолвился ей о своемъ чувствѣ ни единымъ словомъ, не выдалъ себя ни малѣйшимъ нескромнымъ намекомъ?.. Можетъ быть, однако, она ошибается? Можетъ быть, ей все это только вообразилось почему-то, и она создала себѣ нѣчто кажущееся, призрачное, чего въ дѣйствительности вовсе не существуетъ?—Но нѣтъ, это чувство невольно сказывается у него и во взглядѣ, и въ тихой улыбкѣ, когда Тамара подходитъ къ нему и говоритъ съ нимъ. Она женскимъ инстинктомъ чувствуетъ въ немъ каждый разъ это чувство, какъ невольно чувствуютъ иные люди съ перваго взгляда, съ первой же встрѣчи и часто даже безъ всякаго вѣдѣнаго повода, безо всякой видимой причины, кто ихъ другъ и кто недругъ и кому сами они симпатичны или противны, — точно бы между ними, независимо отъ нихъ, образуется самъ собою какой-то магнетическій токъ притягательнаго или отталкивающаго свойства. Этотъ взглядъ его и улыбка лучше и доказательнѣе всякихъ словъ говорили Тамарѣ, что то чувство, котораго они служатъ лишь невольнымъ выраженіемъ,—чувство глубокое, чистое, полное самоотверженности и безпредѣльнаго къ ней уваженія,—словомъ, не такое, какъ у Каржолы. Каржоль болѣе какъ-будто позволялъ ей любить себя, чѣмъ самъ любилъ ее. Въ самыхъ ласкахъ его, какъ и вообще, во всемъ его обращеніи съ нею не чувствовалось равенства; въ немъ скорѣе сказывалось къ ней какое-то отношеніе сверху внизъ, точно бы къ ребенку, звучала какъ-будто снисходительная нотка, что объясняла она себѣ разницей ихъ возраста и житейскаго опыта. Для Каржолы, казалось ей теперь, она была только интересною, милою дѣвочкой, для Атурина—мадонной. А между тѣмъ, вѣдь Атуринъ, кажись, ровесникъ Каржолы. Явилось сравненіе—невольное

сравненіе между тѣмъ и другимъ,—и Тамара съ испугомъ поняла, что это уже плохо, что сравненіе нехорошій признакъ, что ему вовсе не должно бы быть у нея мѣста, если она такъ любить Каржолѣ. Отчего же раньше никогда никакого сравненіе и въ голову ей не приходило? Ужъ не сама ли она виновата, что допустила случиться всему такъ, какъ оно случилось? Но эта чистота и глубина безмолвнаго и совсѣмъ непритязающаго на нее чувства совершенно обезоруживала ее противъ Атурина. Полюбилъ человѣкъ, — ну, что жъ съ этимъ дѣлать! Можетъ ли она тутъ вѣдѣть правду упрекнуть себя въ чемъ-либо? Старалась ли она вызвать въ немъ это чувство, дразнила ли его какимъ-нибудь, хотя бы легкимъ, самымъ невиннымъ кокетствомъ, хотѣла ли хоть чуточку въ душѣ ему нравиться, думала ли даже, что это можетъ случиться? — Нѣтъ и нѣтъ. Такой мысли не было у нея и тѣни. Съ первой и до послѣдней минуты по отношенію къ Атуруну она оставалась и остается только доброю сестрою.

Но размышляя такимъ образомъ, Тамара въ то же время поймала самое себя на одномъ очень тонкомъ внутреннемъ ощущеніи, несмотря ни на что, ни на испугъ предъ любовью Атурина, предъ этимъ своимъ неожиданнымъ открытіемъ, ни на искренность сознанія, что было бы-де гораздо лучше, если-бы ничего этого не было, ни на усиленно призываемый, какъ-бы на помощь и защиту противъ самой себя, образъ Каржолѣ, ни на упреки самой себѣ, ни даже на искреннее желаніе избѣжать послѣдствій того, что случилось, и не давать дальнѣйшаго развитія отношеніямъ къ ней Атурина, ни своимъ къ нему, остановиться, прервать или уйти куда ни-на-есть ото всего этого, — въ глубинѣ души ей все-таки было приятно, чисто по-женски приятно самолюбивое сознаніе, что ее любить «такой человѣкъ» и что она, помимо собственной воли и хотѣнія, могла внушить ему «такое» чувство.

Порою, въ минуты подобнаго самолюбиваго сознанія, вмѣстѣ съ упреками за него самой себѣ и при видѣ своей обезоруженности противъ любви Атурина, Тамарѣ такъ усиленно хотѣлось, чтобы Каржолѣ былъ теперь здѣсь, подлѣ нея,—хоть бы на день, на часъ одинъ пріѣхалъ повидаться! Ей казалось, и даже она была увѣрена или, по крайней мѣрѣ, старалась увѣрить себя, что стоитъ лишь ей увидать его—и все это, какъ тѣнь отъ облака, сейчасъ же пройдетъ само собою, исчезнетъ безъ слѣда, и она почерпнетъ себѣ въ своемъ любимомъ человѣкѣ новую нравственную силу и стойкость, освѣжитъ свое, искушаемое безъ него, чувство... Но онъ, какъ на зло, не ѣхалъ и даже съ послѣдняго ихъ свиданія на похоронахъ Аполлона ни разу не написалъ ей. Что все это значить, Тамара не понимала и

терялась въ догадкахъ и предположеніяхъ: ужъ не боленъ ли, не уѣхалъ ли въ Россію, не увлекся ли другою? Какъ же это такъ, въ самомъ дѣлѣ, больше трехъ мѣсяцевъ не подать о себѣ никакой вѣсти! Хотя бы телеграмму, что-ли, прислалъ, если ужъ писать некогда,—боленъ, молъ, или уѣзжаю, — а то вдругъ ни слова! Какъ въ воду канулъ!.. Общались было выслать сейчасъ же почтовую росписку объ отправкѣ къ Ольгѣ портсигара,—и той не высыластъ!.. Что-за странное дѣло!.. Написать самой къ нему,—хорошо, но куда? Гдѣ онъ находится теперь? Въ Сивастѣ, въ Букарештѣ, въ иномъ ли какомъ городѣ?—Вѣдь онъ тоже не сидитъ на мѣстѣ. Гдѣ я когда найду его ея письмо? Въ прежнихъ своихъ, правда, далеко не многочисленныхъ, письмахъ (горячо любящій человѣкъ, думалось теперь Тамарѣ, особенно женихъ къ невѣстѣ, долженъ бы былъ и могъ бы писать гораздо чаще и больше) онъ каждый разъ указывалъ, куда именно отвѣчать ему, а въ послѣдній пріѣздъ даже не сообщилъ своего сестовскаго адреса,—позабылъ, вѣроятно, да и она его не спросила, за множествомъ тогдашнихъ хлопотъ. Выходитъ, что и писать-то некуда.

А между тѣмъ, кое-какіе слухи о немъ доходили до Тамары. Съ мѣсяцъ тому назадъ возвратился изъ Букарешта одинъ изъ ординаторовъ ихъ госпиталя, сопровождавшій туда партію больныхъ и раненыхъ, — тотъ самый ординаторъ, что такъ вѣсточно обмолвился при ней, въ Зимницѣ, насчетъ Каржолѣ и такъ ужасно сконфузился тогда, узнавъ тутъ же, что графъ женихъ ея. По возвращеніи въ Боготъ, думалъ, что Тамарѣ будетъ приятно услышать вѣсточку о своемъ женихѣ, онъ сообщилъ ей, что видѣлъ его дважды въ Букарештѣ: разъ въ театрѣ и разъ за ужиномъ въ ресторанѣ «Métropole», что графъ, повидямому, процвѣтаетъ, что за ужиномъ ихъ даже познакомили между собою одинъ русскій корреспондентъ, причемъ графъ оказался очень милымъ человѣкомъ и веселымъ собесѣдникомъ, но что о Тамарѣ ординаторъ ему не упоминалъ, полагая, что это было бы нескромно. Такимъ образомъ, Тамара знала, что мѣсяцъ тому назадъ Каржолѣ былъ живъ и здравъ и даже веселился; но тѣмъ удивительнѣе казалось ей, что онъ не нишеть. Такое продолжительное молчаніе его она желала и старалась объяснить себѣ тѣмъ, что вѣроятно съ нимъ случилось что-нибудь особенное, или же письма его пропадаютъ на почтѣ. Но странно,—не могутъ же они пропадать всѣ подрядъ! Получаютъ же другіе, — почему жъ у нихъ не пропадаютъ?..

Чѣмъ дальше тянулось время, тѣмъ все чаще молчаніе это начинало казаться ей просто невниманіемъ, даже равнодушіемъ къ ней со стороны Каржолѣ, послѣ чего писать къ нему

первою выходило уже неловкимъ, какъ будто и собственное самолюбіе не позволяло этого. Напишешь, а онъ — Богъ его знаетъ — не сочтетъ ли это даже за навязчивость?... Угодно ли, наконецъ, ему получить ея письма?... Захотѣлъ бы вспомнить, такъ ужъ конечно нашелъ бы и время и возможность написать, или хотя бы телеграфировать, — для этого, кажись, не много нужно времени. А то, значить, не хочеть и не вспоминаеть... Значить, не болитъ ему это... значить, ему все-равно! — И это послѣднее сознание, больно задѣвая самолюбіе Тамары, было ей и горько, и обидно, такъ что порою, подъ его вліяніемъ, начинала она испытывать противъ графа даже чувство нѣкотораго раздраженія.

А Владиміръ Атуринъ все здѣсь, на-лицо, и все такой же..

* * *

Стояла уже вторая половина декабря. Главная квартира собиралась уже покидать Боготъ, предполагая направиться пока въ Ловчу, потомъ въ Сельви, а потомъ — куда укажетъ ходъ послѣдующихъ военныхъ дѣйствій. Всѣ были рады этому передвиженію, потому что дальнѣйшее пребываніе въ Боготѣ становилось если не окончательно невозможнымъ, то тягостнымъ до послѣдней крайности.

До 3-го декабря многіе еще кое-какъ жили здѣсь въ палаткахъ, мнясь поневолѣ съ ночными морозами. Приходилось, конечно, спать не раздѣваясь, но это все же казалось сносно, нежели жить въ болгарскихъ подземельяхъ, которыя именно скорѣе подземелья, чѣмъ землянки. Но съ 3-го числа загудѣла вьюга, которая длилась безъ перерыва двое съ половиною сутокъ и за это время намела страшные сугробы. Снѣгъ на пол-аршина покрылъ всѣ поля, ночные морозы доходили до 17-ти градусовъ, — однимъ словомъ, зима стала сразу и притомъ зима суровая, совершенно сѣверная. Такая рѣзкая перемена не обошлась безъ жертвъ. На пути отъ Систова къ Боготу замерзло въ полѣ много лошадей и шесть человѣкъ вольныхъ погонцевъ; погибло и нѣсколько оданочныхъ солдатъ, заблудившихся среди вьюги, которая перемела всѣ дороги. Около Богота, почти въ самомъ селеніи, нашли восемь законченнѣйшихъ труповъ, засенныхъ снѣгомъ близъ своихъ повозокъ; замерзъ въ пути цѣлый транспортъ раненныхъ и больныхъ; замерзла и цѣлая партія, человѣкъ въ тысячу, плывшихъ турокъ.

Обитателямъ палатокъ поневолѣ пришлось наконецъ переселиться въ болгарскія подземелья. Переселились въ нихъ и сестры боготскаго госпиталя. Тамарѣ, вмѣстѣ съ сестрой Степанидой и еще двумя другими сестрами, досталась «кешта» (жилище, хата) изъ числа ближайшихъ къ госпитальнымъ патамъ. Ничего хуже, непривычнаго и неудобнаго не встрѣ-

чали еще онѣ у себя въ Россіи. Чтобы попасть въ болгарскую кешту, къ себѣ или къ своимъ товаркамъ, имъ приходилось спускаться по скользкимъ, грязнымъ или обледенѣлымъ и обыкновенно очень крутымъ ступенькамъ аршина на три въ землю. Здѣсь онѣ наталкивались на низенькую дверцу, какія въ Россіи бываютъ развѣ въ самыхъ бѣдныхъ свинныхъ и овечьихъ хлѣвахъ. Это — самое предательское мѣсто, гдѣ онѣ съ непривычки ступались о косякъ теменемъ. Болгарскія землянки всѣ почти на одинъ образецъ. Когда Тамара, перешагнувъ за порогъ дверки, впервые попала сразу въ какое-то темное и вонючее пространство, ощущая липкую грязь подъ ногами, она даже растерялась, точно бы неожиданно очутилась вдругъ въ какомъ-то заброшенномъ погребѣ. Прошло съ минуту времени, прежде чѣмъ глаза ея привыкли къ этимъ потемкамъ и пообглядѣлись въ нихъ, и только тогда, сквозь дымъ и паръ, нескондно стоящій здѣсь отъ ужасной сырости, начала она по-немногу различать окружающіе ее предметы. Надъ вхо-домъ стояла пара рабочихъ буйволовъ на навозной подстилкѣ; направо шли вдоль стѣны двѣ или три полки, гдѣ помѣщалась скудная домашняя утварь; въ слѣдующей стѣнѣ, тоже вправо отъ входа, былъ устроенъ ничѣмъ не огороженный очагъ, гдѣ просто на земляномъ полу тлѣлъ клязкъ; вмѣстѣ съ обугленными древесными сучьями; дымъ выходилъ въ широкую прямую трубу, ничѣмъ не прикрытую сверху. У основанія этой конусообразной трубы была сдѣлана деревянная поперечина, на которой висѣлъ на цѣпи мѣдный котелъ, «казанъ», для варки «чорбы», — бобовой похлебки со стручковымъ перцемъ. Другихъ нечей не существовало и, стало быть, о теплѣ сестры не могли и думать. Потолка тоже не было; грубые стропила образовывали прямо кровлю, покрытую кукурузными стеблями и комлями и засыпанную землею. Къ довершенію всѣхъ удовольствій, сестры узнали еще, что эта кровля служить вѣчнымъ пріютомъ тарантуламъ, скорпионамъ, мышамъ, крысамъ, ужамъ и змѣямъ. У основанія крыши пролежала поперечная балка, съ перпендикулярно-вдольженнымъ въ нее бревномъ, которое подпирало верхнюю балку, гдѣ сходятся стропила. Здѣсь были подвѣшены кочни капусты, лукъ, чеснокъ, пучки кукурузы и стручковаго перца, составляющаго излюблѣннѣйшее лакомство болгаръ, — отъ годовалаго ребенка до глубокаго старца. Здѣсь же висѣли для просушки бараньи и воловьы шкуры, издававшія вмѣстѣ съ живыми буйволами убійственно смердящій запахъ. Въ цѣлой хатѣ не было ни малѣйшей мебели — ни стола, ни скамейки, ни кроватей или наръ для сна. Весь житейскій обиходъ совершался на грязномъ, смокломъ земляномъ полу. Выбѣленные

когда-то стѣны были покрыты потѣками и узорами сырости, которая искривилась теперь на нихъ серебристымъ налетомъ изморози. Изъ этой хаты вела низенькая дверь въ смежное помѣщеніе, служившее кладовою, гдѣ стояли разныя кадушки, илетенки съ запасами и хранились высушенныя бараныя шкуры да лишнее платье. Эту-то кладовую, изъ которой было сейчасъ вынесено все громоздкое и лишнее, и пришлось занять для жилья сестрамъ. вмѣсто окошка, въ ней была продѣлана на уровнѣ наружнаго грунта просто сквозная дыра безъ рамы и, конечно, безъ стеколъ, о которыхъ тутъ, казись, и понятія не имѣлось. Въ оконную дыру валилъ снѣгъ, сочилась дождевая вода или уличная жидкая грязь, и это помѣщеніе даже очагомъ не согрѣвалось. Для тепла надо было довольствоваться «мангаломъ» — желѣзною или глиняною жаровней, гдѣ тлѣла уголья. Вонь и въ кладовой стояла ужасная, потому что около оконной дыры, снаружи, обыкновенно совершались, какъ и вездѣ, всюю семьею хозяйствъ всякія нечистоты. Но и за такое помѣщеніе приходилось еще благодарить Бога, потому что «кешты» брались чуть не съ бою. Подобныя кладовыя, напоминающія скорѣе могильныя склепы, чѣмъ жилье, вынуждены были занять подъ себя не только офицеры и чиновники главной квартиры, сестры и медики, но и самъ начальникъ штаба имѣлъ помѣщеніе не многимъ лучше прочихъ, а великій князь главнокомандующій предпочелъ остаться въ юртѣ, несмотря на всѣ ея неудобства. Все же, сестры постарались кое-какъ устроиться и въ этихъ невозможныхъ условіяхъ, — поневолѣ приходилось мириться съ тѣмъ, что есть. Здѣсь всѣ дни напролетъ надо было имъ проводить при свѣчахъ. Выйдетъ, бывало, Тамара на свѣтъ Божій подышать немного свѣжымъ воздухомъ, — серебряный блескъ свѣговъ, особенно подъ солнечными лучами, ослаблялъ и до боли, до крупныхъ слезъ, рѣзалъ ей глаза, такъ что приходилось зажиматься и постепенно привыкать къ свѣту; а войдя опять въ свою кануру — въ глазахъ, бывало, становится до того темно, что въ первый мгновенія не различалась даже огонь свѣчи. Тѣснота внутри такая, что и повернуться почти негдѣ было. Но все это переносилось сестрами стойче, при сознаніи своего святаго долга, добровольно на себя принятаго. Въ свободные отъ дѣла часы, оставаясь у себя въ кештѣ, Тамара поневолѣ приглядывалась къ окружавшей ее обыденной жизни и обиходу семьи своихъ хозяевъ, такъ какъ здѣсь ей впервые еще съ начала войны пришлось войти въ непосредственное соприкосновеніе съ болгарами. Женщины этой семьи три или четыре раза въ день принимались печь себѣ на очагѣ кукурузныя лепешки,

вмѣсто хлѣба, и пекли ихъ самымъ первобытнымъ образомъ, зарывая тѣсто прямо въ горячую золу. Ни вилокъ, ни ложекъ эти «соляки» не употребляли, а ѣли изъ общей миски руками, или же макая въ жижицу куски лепешекъ, которые заминали имъ ложки. Но до чего все это было неопрятно!.. Мясной пицци у нихъ она и не видѣла, а сказывали ей «сеструшки», что развѣ ужъ на Рождество или на Свѣтлый праздникъ зарѣжетъ хозяинъ барана, да и чорбу-то ѣли они только по праздничнымъ днямъ, а въ будни довольствовались въ-сухую кукурузными лепешками и перцемъ. Вся семья обыкновенно ютилась вокругъ очага, — старый и малый сидятъ-себѣ, бывало, на корточкахъ и грѣются. Стѣна противоположная входу имѣла посрединѣ углубленіе, въ родѣ печуры, гдѣ помѣщались грубо намалеванные образа — св. Димитрій, Пантелеймонъ Цѣлитель и другіе. У этой стѣны валилась большая камышевая циновка, которая на ночь перетаскивалась поближе къ очагу, и на ней укладывалась спать вся семья, въ-повалку, вокругъ неугасаемаго огня. Спали не раздвѣваясь, какъ и вообще всѣ сельскіе болгары, имѣющіе обыкновеніе никогда не раздвѣваться и никогда почти не мыться, — развѣ ужъ передъ какимъ-нибудь большимъ праздникомъ. Въ семьѣ изрядно-таки наплодилось малыхъ ребятъ, и годовалые младенцы бросались матерью у очага безъ всякаго призора, часто нагишомъ, безъ малѣйшей одежды. И такъ то вотъ, въ этой кештѣ, на пространствѣ какихъ-нибудь двухъ, много трехъ квадратныхъ сажени, проводила всю свою жизнь болгарская семья, въ самой гнетущей, убійственной обстановкѣ... А между тѣмъ, Тамара знала, что люди они далеко не бѣдные, — напротивъ, зажиточные, и у хозяйина въ кошелѣ за пазухой было припрятано не мало-таки «желтиць» — турецкихъ лиръ, австрійскихъ дукатовъ и русскихъ червонцевъ. Она сама видѣла ихъ, когда хозяйинъ однажды раскошелился при ней, чтобы дать сестрѣ Степанидѣ сдачу за купленное у него «свинско масло», то-есть топленое свиное сало для жаревъ. Особеннаго расположенія къ русскимъ, какъ и особенной ненависти къ туркамъ, къ удивленію Тамары, у всѣхъ этихъ болгаръ не замѣчалось. — «И русы-ти добры, и турцы-ти добры, сячки добры!» лукаво и уклончиво, себѣ на-умѣ, высказывались они въ отвѣтъ на вопросъ, каково имъ жилось подъ турками. Въ ихъ тупой эгоистической замкнутости проглядывало скорѣе безразличное равнодушіе къ русскимъ «освободителямъ» и къ ихъ усѣбѣхъ или неудачамъ, если даже не затаенное недружелюбіе и предубѣжденіе противъ сѣверныхъ «братушекъ», съ которыхъ почти всѣ они и повсюду старались только за

все—про все драть въ три-дорога: даромъ ни малѣйшей услуги! А ихъ «чорбаджи», «муктары» и многочисленные турецкіе чиновники изъ болгаръ относились къ «освободителямъ», гдѣ было можно не боясь за собственную шкуру, даже прямо съ враждебностью и охотно служили туркамъ, чуть лишь представлялся удобный случай, наилучшими шпіонами. Въ виду всего этого, а главное, въ виду удивительной инертности этого народа, въ душѣ Тамары, какъ и у большинства русскихъ людей за Дунаемъ, возникло наконецъ сомнѣніе,— да полно, точно ли болгарскій народъ такъ несчастенъ и угнетенъ, какъ прокричали предъ войной во всѣхъ русскихъ и многихъ англійскихъ газетахъ? Въ ближайшей къ ней средѣ ея сотоварищей по госпиталю, между больными и ранеными и между знакомыми офицерами, все чаще и откровеннѣе подымались разговоры и толки на эту, щекотливую съ началъ войны, тему, и возникали, полные сомнѣній, вопросы,— точно ли болгары сознаютъ себя «братьями» русскихъ и такъ ли жаждутъ, всѣ поголовно, освобожденія изъ-подъ турецкаго «ига», да и чувствуютъ ли на самомъ дѣлѣ это «иго»? Нѣтъ ли тутъ какого недоразумѣнія, миража, идеалистически созданнаго себѣ нами самими? Не было ли напущено во все это дѣло наркотическаго чада, который, подъ вліяніемъ неприкрашенной жизненной дѣйствительности и при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, начинаетъ теперь проходить? Вѣдь вотъ, кричали же и считали за неопровержимую правду, что болгары разорены, обобраны турками до послѣдней крайности, доведенны до страшнѣйшей нищеты, до полнаго отчаянія, а на повѣрку оказывается, что каждый изъ этихъ «селяковъ» куда зажиточнѣе средняго русскаго мужика, только жить привыкъ онъ скредомъ и, что называется, по-свински, какъ ни одинъ русскій мужикъ жить не станетъ. Кому собственно нужно это «освобожденіе?»—ужъ не горсти ли болгарскихъ «интеллигентовъ» и политикановъ, которые, съ помощью досужахъ или не въ мѣру довѣрчивыхъ корреспондентовъ, взмывали пѣну обществннаго мнѣнія въ «либеральной» Европѣ и въ Россіи, не остывшей еще отъ увлеченій добровольческой войны въ Сербіи?—Такимъ образомъ, война далеко еще не была доведена до конца, а у «освободителей» явилось уже значительное разочарованіе въ «освобождаемыхъ»; но это, впрочемъ, скорѣе было разочарованіемъ въ своихъ собственныхъ иллюзіяхъ, возникшихъ изъ собственного же незнакомства со страной и народомъ, на освобожденіе котораго всѣ ринулись—было вначалѣ съ такимъ беззаветнымъ, братскимъ увлеченіемъ.

Между тѣмъ, жизнь въ Боготѣ съ каждымъ днемъ становилась все несноснѣе. Лошади стояли во дворахъ, безъ конюшенъ, и мерзли.

Сѣна уже около двухъ мѣсяцевъ нигдѣ не было ни клочка; кормили соломою, но теперь въ окрестныхъ плевенскихъ деревняхъ уже и вся солома вышла, и потому лошади глодали соломенные и кукурузныя крошки сараевъ, и этимъ способомъ была уже съѣдена добрая половина кровель въ Боготѣ. Объ услугахъ пресловутаго «Товарищества» забыли и думать; на дѣлѣ, его здѣсь не существовало, хотя Зимница и Систово кишѣли этою жидовскою саранчею, обдѣлывавшею въ тылу свои безпашные геншефты на счетъ государственнаго казначейства. Дороговизна стояла страшная. За черствый пшеничный хлѣбъ, величающуюся обыкновенную трехкопеечную булку, маркитанты драли по франку, за фунтъ рублеваго чая — по полумпериалу и въ подобномъ же размѣрѣ за все остальное. Носились слухи, что вскорѣ всей арміи предстоитъ зимній переходъ черезъ Балканы, и всѣ этому радовались, потому что иначе здѣсь, если не ljudimъ, то лошадямъ ужъ явѣрное предстояло подохнуть съ голоду. Придунайская Болгарія была уже съѣдена, и голодъ, такъ или иначе, долженъ былъ способствовать нашему перевалу черезъ хребетъ въ истощенныя еще долины Румелии.

* *

Рана Атурина совсѣмъ зажила, онъ могъ уже свободно владѣть рукою, и теперь ничто уже, кромѣ собственнаго сердца, не задерживало его въ госпиталѣ. Надо было возвращаться въ свой полкъ, ушедшій изъ-подъ Плевны въ окрестности Тырнова и Габрова.

Онъ написалъ матери Серафимѣ подробное письмо, добрая половина котораго была, однако, наполнена не его личною жизнью и не подробностями его участія въ дѣлѣ 28 го ноября, а только одною Тамарой, только горячими похвалами ей и разсказами о ея стоическомъ характерѣ и самоотверженіи, о томъ, какъ она живетъ здѣсь, какъ бодро и съ какою замѣчательною энергіею и твердостью характера переноситъ тяжелыя условія и убійственную обстановку дѣйственной жизни, и какъ внимательно и усердно она ходила за нимъ во все время леченія, какъ часто предметомъ ихъ разговоровъ и воспоминаній была она, мать Серафима, какое глубоко почтительное и сердечное чувство питаетъ къ ней Тамара, полагая себя безконечно ей обязанною, и говорить о ней, не иначе, какъ о матери, за которую и считаетъ ее для себя, въ нравственномъ смыслѣ, а въ заключеніе, въ письмѣ высказывалась заветная мысль, что именно такая дѣвушка, какъ Тамара, представляется ему идеаломъ хорошей жены и матери семейства, и что еслибы когда-нибудь онъ задумалъ жениться вторично, то, конечно, лучшей подруги жизни незначѣмъ было бы и искать. Въ содержаніе этого письма Атуринъ, понятно, не по-

святить Тамару, но, отправляя его на почту, не воздержался, чтобы не сказать ей, полупутя-полусерьезно, что оно почти сполна посвящено ей и что это съ его стороны лишь слабая дань признательности за всю ея доброту и попеченія, — пускай-де и мать Серафима узнает (б) этомъ все и порадуетя.

Наканунѣ выписки изъ госпиталя онъ и самъ былъ обрадованъ неожиданною наградой. Ему принесли изъ штаба свѣжій приказъ, гдѣ между прочимъ, значилось, что такого-то гренадерскаго полка капитанъ Атуринъ, за особое отличіе и храбрость, оказанная въ бою 28-го ноября, при выбитіи турокъ штыками изъ нашихъ траншей и отбитіи, — переводится тѣмъ же чиномъ въ гвардію. Этотъ приказъ произвелъ общую сенсацію, какъ между больными и выздоравливающими офицерами, такъ и между сестрами и врачами, — всѣ они, болѣе или менѣе, порадовались за Атурина и всѣ поздравляли его съ царскою милостью. Больше всѣхъ была рада, конечно, Тамара, которая испытывала въ душѣ даже нѣкоторое горделивое за него чувство: — вотъ онъ, молъ, какой! Подвигъ его самимъ государемъ признанъ за особое отличіе, и храбрость его засвидѣтельствована этимъ приказомъ предъ всею арміею, предъ цѣлою Россіею! Какъ должна быть горда имъ и рада за него мать Серафима! — Самого же Атурина особенно обрадовало то обстоятельство, что перевели его въ тотъ самый гвардейскій стрѣлковый баталіонъ, гдѣ онъ служилъ прежде, до отставки, и гдѣ еще и повнявъ находились на-лицо нѣкоторые изъ его старыхъ друзей-сослуживцевъ, которые его хорошо помнили и любили, — и такимъ образомъ, онъ снова, нежданно-негаданно, попадаетъ какъ бы въ свою родную семью, гдѣ его встрѣтятъ тепло, по-товарищески. Въ переводѣ своемъ именно въ этотъ самый баталіонъ Атуринъ справедливо усматривалъ знакъ особой къ себѣ милости и вниманія: стало быть, не забыли, что онъ нѣкогда служилъ тамъ, вспомнили объ этомъ обстоятельстве въ подобающую минуту и пожелали показать ему это. Вотъ что было особенно ему дорого! И чего-чего ни сдѣлаетъ онъ теперь, чтобы оправдать на дѣлѣ столь высокое къ себѣ вниманіе! Надо торопиться, надо нагонять поспѣвей своей баталіонъ, находящійся уже съ отрядомъ генерала Гурко въ Балканахъ, на пути къ Софіи. Онъ завтра же отправляется туда, только надо сперва захватить въ свой гренадерскій полкъ — откланяться начальству, получить жалованье, рационы, сдѣлать кое-какіе расчеты, забрать свой необходимый багажъ и проститься со своей ротой и съ товарищами. Предъ отъѣздомъ Атуринъ явился въ главную квартиру — представиться великому князю главнокомандующему и благодарить его за награду. Здѣсь онъ былъ очень ласково принятъ и приглашенъ къ завтраку, который,

впрочемъ, по мѣстнымъ условіямъ, оказался очень и очень скромнымъ, такъ какъ и самъ великій князь не былъ изъавленъ въ Боготѣ отъ множества почти такихъ же лишениій, какія терпѣли и всѣ остальные.

Ротная повозка, нарочно присланная за Атуринимъ, по его просьбѣ, отправленной въ полкъ телеграммой еще за нѣсколько дней, уже со вчерашняго вечера была на мѣстѣ и, совсѣмъ готовая, дождала его теперь передъ госпиталемъ, — оставалось проститься со всѣми и ѣхать...

— Ну, сестра, прощайте! — подошелъ онъ, послѣ всѣхъ остальныхъ, къ Тamarѣ. — Дастъ Богъ, можетъ, еще и свидѣмся... если живъ буду...

Та молча протянула ему руку и дружески отвітала на его пожатіе.

— Спасибо вамъ за все, за все... Слово у меня въѣтъ, — продолжалъ онъ задумчивымъ растроганнымъ голосомъ, — говорить я не мастеръ... Одно скажу, отнынѣ и навсегда вы будете для меня самымъ свѣтлымъ, самымъ дорогимъ воспоминаніемъ моей жизни. Дайте еще разъ вашу руку, — позвольте поцѣловать ее.

И онъ принялъ губами къ ея рукѣ, и Тамара почувствовала на ней горячій и влажный слѣдъ скатившейся слезы.

Атуринъ, со смущенной улыбкой, поспѣшивъ вытереть ладонью свои глаза, еще разъ, уже въ послѣдній, горячо и молча пожалъ руку дѣвушки и, быстро вскочивъ въ свой немудреный экипажъ, сѣлъ въ фуражку и перекрестился.

— Съ Богомъ! — сказалъ онъ солдату, сѣдѣвшему за кучера. — Трогай!

И тутъ Тамара увидѣла и почувствовала, что послѣдняя улыбка, послѣдній прощальный взглядъ его, нѣсколько полный любви и грусти, остановился на ней и былъ посвященъ одной только ей, всецѣло.

Она перекрестила его во слѣдъ, и въ эту минуту вся душа ея была полна одною безмолвною молитвой, чтобы Богъ сохранилъ его цѣлымъ, здравымъ и невредимымъ.

* * *

Съ отъѣздомъ Атурина, ей вдругъ показало все вокругъ какъ-то пусто, какъ-будто чего-то не стало, чего-то ей не хватаетъ, или точно-бы въ ея нынѣшней обыденной жизни вдругъ образовался какой-то необъяснимый, неясный еще ей самой, но уже чувствуемый пробѣлъ. И это странное для нея самой ощущеніе къ вечеру еще усилилось примѣсю къ нему совершенно, повидимому, безпричинной грусти; оно не прошло въ ея душѣ даже и на другіи сутки. Тамара объясняла себѣ его тѣмъ, что успѣла за все это время привыкнуть къ Атурину, къ его присутствію въ госпиталѣ, къ своему уходу за нимъ, даже къ его голосу, къ его улыбкѣ, съ какою онъ

встрѣчалъ ея появленіе въ палатѣ, къ его разговорамъ. Онъ такой простой, такой хороший, сердечный... Что-жъ, можетъ, она и любить его, какъ брата;—но только какъ брата, не болѣе. Вѣдь между ними есть нравственное, объединяющее ихъ въ этомъ чувствѣ звено—мать Серафима. А между тѣмъ, и въ первый, и въ послѣдующіе дни мысль ея, съ нѣкорымъ щемящимъ сердечнымъ безпокойствомъ, неоднократно и невольно, какъ-то сама собою все возвращалась къ Атурину.—Гдѣ-то онъ теперь? что съ нимъ? доѣхалъ ли? хорошо ли ему тамъ? все ли благополучно?.. Не дай Богъ, какъ опять ранить или заболѣть,—кто-то будетъ ходить тогда за нимъ, и такъ ли, какъ она ходила?.. Нѣтъ, Богъ милосердъ... Богъ услышитъ ея безкорыстную молитву, Онъ сохранитъ его... Вѣдь она любитъ его какъ брата!

Въ это время дошло до нея новое извѣстіе о Каржолѣ, которое оказалось уже совсѣмъ не изъ пріятныхъ. Случайно попалъ ей въ руки номеръ одной одесской газеты, гдѣ какая-то корреспонденція «съ театра военныхъ дѣйствій» въ очень мрачныхъ и антипатичныхъ краскахъ изображала дѣятельность жидовской сухарной компаніи, во главѣ которой стоитъ-де нѣкій графъ К. де-Н. Сухари-де отвратительны: промозглые, затхлые, наполовину съ пескомъ и какою-то гливой, такъ что не только людямъ, но и собакамъ ѣсть ихъ не безопасно; но компанія, заручившись-де и теперь уже громадными барышами отъ казны, даже и въ усъ себѣ не дуеетъ, а ея подставной титулованный представитель и знать не знаетъ, какъ съ у него сухарики, да и не хочетъ знать, безшабашно журуя себѣ то въ Букарестѣ, съ опереточными французенками и за рулеткой, то въ Зимницѣ, съ извѣстною Маріуполь и за «зеленымъ столомъ», съ питедантами.

Корреспонденція эта очень огорчила Тамару. Ей было тяжело читать эти, на ея взглядъ, убійственныя строки о своемъ женихѣ, но еще тяжелѣе думать, что ихъ уже всѣ читали, или могутъ прочесть,—*ест*, въ особенности, сестры и сотоварищи ея по госпиталю, которые знаютъ, что графъ женихъ ея и сейчасъ же догадаются, о комъ идетъ дѣло, кто именно скрытъ подъ этими прозрачными инициалами «К. де-Н.»—«Господи! Что они могутъ теперь думать и что будутъ говорить между собою!» И какъ она будетъ смотреть въ глаза имъ!.. Не будетъ ли всякъ изъ нихъ, глядя теперь на нее, думать про-себя: а что, не правы мы были?—И при этой мысли ей становилось больно и стыдно какъ за него, такъ и за себя, точно бы и она тоже прикосновенна къ этому дѣлу, про которое такъ нехорошо пишутъ... И зачѣмъ, зачѣмъ въ эту грязь и подлость замѣшано его имя!

Стараясь какъ-нибудь оправдать Каржолу предъ собою, хотя бы только въ своихъ собственныхъ глазахъ, она увѣряла себя, что эта корреспонденція, по всей вѣроятности, чистый вздоръ, что она несправедлива, пристрастна, предположена предвзятой злости и личнаго недоброжелательства къ Каржолу, что это писалъ, очевидно, или его личный врагъ, или человекъ, легковѣрно поддавшійся клеветническимъ слухамъ,—вѣдь на этихъ «компанейскихъ», поди-ка, чего-чего только не плетутъ и какую только грязь въ нихъ не кпадутъ, не разбирая, кто изъ нихъ и на сколько можетъ быть тутъ виноватымъ!

Но, какъ ни какъ, а инсинуація насчетъ опереточныхъ французенокъ и какой-то «извѣстной» Маріуполь все же оказывали на Тамару свое подгачивающее дѣйствіе.—Неужели это правда? не разъ задавала она самой себѣ вопросъ, полный горечи и сомнѣній.— Не можетъ быть!..

Но рѣшая, что этого не можетъ быть, все же продолжала сомнѣваться и думать—неужели правда?.. И отчего обвиняютъ его именно въ этомъ, а не въ другомъ чемъ?.. Ей бы лучше хотѣлось, чтобъ обвиненіе заключалось въ чемъ-нибудь другомъ, даже въ болѣе тяжкомъ, пожалуй, но только не въ этомъ.—Такъ эгоистически вести легкую жизнь, лишь въ свое удовольствіе, въ то самое время какъ здѣсь люди—и какіе люди!—самоотверженно умираютъ подъ пулями, страдаютъ по госпиталямъ, думалось ей.—Развлекаться какими-то французенками, когда я, когда всѣ мы тутъ выносимъ массу всяческихъ невзгодъ и лишеній, голодъ и холодъ,—неужели онъ способенъ на это?! Неужели онъ въ состояніи забыть, что въ такихъ же суровыхъ условіяхъ находится здѣсь и она, его невѣста, которую онъ, казалось, такъ любитъ?— Нѣтъ, это вздоръ, это недостойная клевета на него, это невозможно!

Но сколь ни хотѣлось бы ей разуверить самой себя и какъ ни старалась она объ этомъ, какъ ни рѣшительны были всѣ ея отрицанія и негодующія отверженія взведенныхъ на Каржолу инсинуацій и обвиненій, а мутный и горькій осадокъ этихъ послѣднихъ, несмотря ни на что, оставался въ душѣ и раздѣлялъ ее. И каждый разъ, при невольно возвращавшейся къ ней мысли и о французенкахъ и какой-то Маріуполь, осадокъ этотъ вдругъ подымался со дна души и бродилъ, бродилъ въ ней всю свою мутью. Не то, чтобъ это была у нея настоящая ревность,—нѣтъ, ревновать къ какимъ-то опереточнымъ пѣвицамъ и прыгуньямъ—это ужъ, казалось ей, чересчуръ: это значило бы слишкомъ мало давать пѣны себѣ самой,—просто не уважать себя,—но то было скорѣе чувство досаднаго и нѣсколько брезгливаго сожалѣнія о самомъ Каржолѣ.—

Какъ онъ рѣшается, какъ онъ можетъ, любя ее, пачкаться во всемъ этомъ нравственно нечистоплотномъ міркѣ!.. Французенки, рулетка, шансонетка—все это такъ низменно, такъ пошло, такъ не ко времени... Господи, что-за малодушіе! что-за безхарактерность!.. Легковѣсность какая-то въ человѣкѣ, и какъ мало уваженія къ самому себѣ!—Неужели же онъ такой, что чуть изъ глазъ вонь—и изъ сердца вонь? Казалось бы, это такъ на него не похоже.

Да, не похоже, а между тѣмъ *пишутъ*... Отчего жъ про другихъ не написали *этого*?.. Дыму, говорятъ, безъ огня не бываетъ... Вѣроятно, ужъ что-нибудь такое да есть,—хоть капля, хоть чуточку, но есть!.. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, писать такія вещи безъ всякаго повода.

Борясь, такимъ образомъ, сама съ собою,—то *за*, то *противъ* Каржолы, всячески изыскивая себѣ доводы въ его оправданіе, но невольно сознавая ихъ шаткость и потому сдаваясь предъ силою обвиненій его газетнаго обличителя, Тамара чувствовала, что она какъ-то путается въ изгибахъ своей собственной души и не можетъ пока разобраться съ возникшею тамъ двойственностью какою-то. Что она любитъ Каржолу, въ этомъ она не сомнѣвалась: за это говорило ей все ея прошлое; но не могла она также и обманывать себя въ томъ, что къ этому ея чувству, доселѣ столь свѣтлому, примѣшалось теперь еще и другое, нѣсколько сложное и мутное чувство, въ которомъ смѣшивались между собою и сознаніе оскорбленія своему самолюбію, и раздраженіе, и горечь, и нѣкоторая обида на графа, и—что всего важнѣе—сомнѣніе въ немъ. Онъ уже не былъ для нея такимъ безупречнымъ, высоко стоящимъ идеаломъ, какъ прежде,—идеаломъ, ради котораго она беззаветно рѣшилась бы на все, на самыя тяжелыя жертвы. Вѣра въ него была уже отчасти подорвана, и подорвала ее не столько газетная статья, сколько его собственная небрежность и невнимательность по отношенію къ Тамарѣ. Статья эта лишь объяснила ей причины его продолжительнаго молчанія.—Значить, не болѣзнь, не удрученность какимъ-либо горемъ или неприятностями, не обремененіе массою дѣловыхъ занятій, какъ думалось ей прежде,—а просто-на-просто, разсѣянная жизнь и «жупрство» мѣшаютъ ему писать къ ней. — Вотъ что обидно! Невольное разочарованіе въ человѣкѣ, въ идеалѣ, созданномъ себѣ изъ него,—вотъ что горько!

Быть можетъ, со-временемъ, онъ возстановитъ въ ней эту подорванную вѣру въ него, разъяснитъ ей какъ-нибудь иначе причину своего страннаго молчанія и всѣ свои дѣйствія и поступки, ясно и доказательно опровергнетъ всѣ взведенныя на него обвиненія

и вернетъ себѣ въ ея душѣ свое прежнее мѣсто...

Да, быть можетъ. Хорошо еслибы такъ. Проблѣсъ какой-то смутной надежды за это не покидаетъ еще Тамару.—А проклятое сомнѣніе все же пока остается! И Тамара чувствуетъ, что оно сильнѣе надежды.

XXIII.

М и р ѣ.

Мы въ Санъ-Стефано, на берегу Мраморнаго моря, въ виду Константинополя. По старому календарному стилю значится день 19-го февраля 1878 года.

Уже за нѣсколько предшествовавшихъ дней, не безъ внутренней тревоги и волненія ожидали всѣ исхода мирныхъ переговоровъ. Турки медлили, тянули, какъ бы отлынивая отъ послѣдняго рѣшительнаго момента, что заключался лишь въ росчеркѣ пера... Взоры, мысли, ожиданія и удивленія ихъ обращались къ красивой группѣ Принцевыхъ острововъ, за скалами которыхъ прятались броненосцы англійской эскадры. По направленію къ тѣмъ же островамъ были обращены и жерла нашихъ гвардейскихъ батарей, выдвинутыхъ на высокій мысокъ, между маякомъ и Санъ-Стефано. Казалось, будто турки ждутъ послѣдняго рѣшающаго слова и дѣла отсюда, изъ-за этихъ скалъ. Наши тоже были готовы ко всякой случайности. Но англичане затаились за Принцевымъ архипелагомъ, точно бы ихъ и нѣтъ въ Мраморномъ морѣ... Къ завитой плющомъ и розами виллѣ, занятой въ Санъ-Стефано графомъ Игнатьевымъ, то прѣзкала, то отъѣзжали отъ нея шегольскія кареты, привозя или увозя въ себѣ дипломатическихъ джентльменовъ, въ черныхъ застегнутыхъ сюртукахъ и темно-красныхъ фескахъ. Между русскими ходили слухи, будто миръ уже подписанъ 17-го, и только объявленіе его отложено до 19-го числа. Уже наканунѣ сего послѣдняго дня было извѣстно, что парадъ нашихъ войскъ назначенъ въ два часа пополудни, на Маячномъ полѣ. Ровно въ полдень войска съ музыкою стали стягиваться къ указанному пункту, и черезъ часъ были уже вытянуты въ три линіи массивныхъ колоннъ, протянувшихся отъ маяка до желѣзной дороги. День былъ теплый, но пасмурный и вѣтреный; поминутно накрапывалъ мелкій дождикъ, словно бы не зная, разразится ли ему ливнемъ, или зарядитъ по-осеннему, на цѣлыя сутки. На площади, передъ домомъ великаго князя, съ утра уже стояла громадная толпа красныхъ фесокъ, цилиндровъ и поярковыхъ шляпъ подъ распушенными дождевыми зонтиками; любопытными женскія головки выглядывали изъ оконъ ску-

чившихся каретъ, прикатившихъ сюда изъ Константинополя. Передъ подъѣздомъ верхами ожидали многочисленная свита и конвойные казаки. Весь городокъ былъ запертъ пестрыми толпами народа, кипѣлъ лихорадочною жизнью и дѣятельностъ; множество магазинчиковъ, лавокъ и лавченокъ порастворяли свои окна и двери и наперебой зазывали къ себѣ прохожихъ русскихъ. Всѣхъ этихъ торговцевъ, какъ и толпившуюся публику интересовалъ одинъ и тотъ же вопросъ: какъ и что? Точно ли подписанъ миръ, или же войска прямо съ парада двинуты на Константинополь? Многие были убѣждены, что готовится торжественное шествіе въ древнюю Византію. Бѣтъ два часа—время, назначенное для парада, а у подъѣзда графа Игнатѣва все еще стоятъ турецкія кареты съ дремлющими арнаутами на козлахъ. Ординарецъ скачетъ на Малчное поле объявить, что парадъ отлагается до трехъ часовъ пополудни, — и войскамъ дается команда «вольно». Проголодавшееся офицерство, изъ тѣхъ, что не находились непосредственно въ строю, разбрелось по сосѣднимъ кабачкамъ и тавернамъ, которыя здѣсь, съ появленіемъ русскихъ, какъ грибы росли и множились.

Капитанъ Атуринъ, съ нѣсколькими своими батальонными товарищами, отправился, съ разрѣшенія командира, за фронтъ, на поиски какого-нибудь хозячаго маркизанта и, отойдя на нѣкоторое разстояніе отъ батальона, вдругъ завидѣлъ впередъ толпившейся публики небольшую группу русскихъ сестеръ милосердія.

«А вдругъ, между ними Тамара?» мелькнула у него вѣстивая надежда, и онъ пошелъ на направленію къ этой группѣ. — Батюшки! да такъ и есть!.. Дѣйствительно она!.. И сестра Степанида, и сестра Мочалова, и Ахлебниана... и сама старушка здѣсь, — все знакомыя!»

И онъ почти бѣгомъ приблизился къ сестрамъ. — Здравствуйте!

— Ба!.. капитанъ?! Капитанъ Атуринъ!.. Господи! Вотъ встрѣча-то!.. Какими судьбами?.. Живы? здоровы?.. Что рука? — поспалъ на него градъ привѣтливыхъ восклицаній и вопросовъ со стороны пріятно удивленныхъ женщинъ.

Тамара вся зардѣлась и засіяла радостью. Случайно глядя въ другую сторону, она не замѣтила его приближенія и обернулась лишь на его голосъ, на его первое «здравствуйте», которое онъ произнесъ, уже подбѣгая близко къ группѣ сестеръ. Почти не вѣря своимъ глазамъ, она едва сдержала себя, чтобы не броситься къ нему навстрѣчу.

Онъ тоже взглянулъ на нее радостными глазами, и отъ чуткаго сердца и взгляда его не скрылись ни ея невольна восторженность

движеніе къ нему, ни эта краска, мгновенно вспыхнувшая въ ея лицѣ, ни теплый, свѣтло-радостный лучъ, блеснувшій въ большихъ, выразительныхъ глазахъ дѣвушки, вмѣстѣ съ удивленіемъ и даже испугомъ какимъ-то. Нервное, горячее пожатіе руки еще больше подтвердило ему, что для нея эта неожиданная встрѣча далеко не безразлична.

И дѣйствительно, встрѣча сестеръ съ Атуринымъ была самая искренняя и душевная. Всѣ онѣ ему обрадовались точно родному, потому что за время пребыванія его въ боготскомъ госпиталѣ всѣ успѣли къ нему привыкнуть и подлюбить его, какъ покладистаго, со всѣмъ не капризнаго, всегда простаго съ ними и всегда веселаго пациента. Подошло и еще нѣсколько офицеровъ того же батальона и другихъ гвардейскихъ частей. Между ними нашлось три-четыре человѣка изъ числа раненыхъ подъ Горнымъ Дубнякомъ, которые въ свое время тоже прошли чрезъ боготскій госпиталь, — оказались знакомые, и тутъ уже не было конца обоюдному перекрестнымъ вопросамъ, веселому шуточнымъ замѣчаніямъ и сообщеніямъ разныхъ маленькихъ новостей, касавшихся то сестеръ и ихъ госпитальной жизни, то самихъ офицеровъ, то боевого похода, сломаннаго тѣми и другими отъ Плевны до Саян-Стефано. Оказалось, что сестры здѣсь уже нѣсколько сутокъ и находятся при подвижномъ госпиталѣ, расположенномъ тутъ же, у Малчнаго поля.

— Э, да мы съ вами, выходитъ, ближайшіе сосѣди! — замѣтилъ на это пріятно удивленный Атуринъ. — Вонъ, видите чифякъ? — указалъ онъ по направленію къ одному хутору. — Нашъ батальонъ какъ разъ около него и расположенъ. Тутъ и двухъ верстъ не будетъ, со всѣмъ близко.

— Будемъ, стало-быть видѣться? — благо-склонно отнеслась къ нему начальница.

— Если позволите? — поспѣшилъ онъ приложить съ легкимъ поклономъ руку къ шапкѣ и, какъ бы вскользь, взглянулъ послѣ этого на Тамару. Въ глазахъ дѣвушки, показалось ему, будто опять мелькнуло при этомъ радостно довольное и какъ бы благодарное ему выраженіе.

— Вамъ всегда мы рады, вы хорошій, — привѣтливо обращаясь къ нему, вставила свое слово сестра Степанида.

— Даже и больному? — пошутилъ Атуринъ.

— Ну, вотъ! За чѣмъ больному?! — возстали разомъ всѣ сестры. — Нѣтъ, нѣтъ, больше не надо болѣть! И думать не смѣйте!.. Здоровому здоровому рады мы вамъ, — пріѣзжайте къ намъ здоровымъ, какъ гости!.. Больныхъ теперъ, слава Богу, немного, времени поэтому у насъ вдобѣтъ.

«Смирно-о-о!» — пронеслась вдоль по войскамъ начальническая команда, подхваченная

командирами отдѣльных частей, — и всѣ офицеры, уже на ходу посылая сестрамъ прощальныя поклоны, бѣгомъ бросились ко своимъ мѣстамъ.

Было уже три часа дня. Всѣ ждали, что вотъ-вотъ сію минуту покажется изъ устья Санъ-Стефанской улицы великій князь со свитой, но съ недоумѣніемъ видятъ, вмѣсто того, что снова скачетъ къ командующему войсками одинъ изъ ординарцевъ его высочества, — и черезъ пять минутъ войскамъ опять было подано «вольно». Оказалось, что парадъ отлагается на неопредѣленное время, но съ тѣмъ однако, чтобы войска оставались на полѣ.

Выждавъ нѣсколько времени, Атуринъ съ двумя-тремя товарищами опять направился къ сестрамъ, подъ предлогомъ раздобыть гдѣ-нибудь въ толпѣ маркизанта, на розыски котораго и былъ командированъ имъ одинъ изъ нестроевыхъ нижнихъ чиновъ баталіона. Но — маркизанта маркизантомъ, а офицеры и помимо того рады были поболтать съ сестрами, какъ со своими, съ русскими, рады были видѣть самое обличіе русской женщины, отъ котораго отвыкли за время долгаго похода, слышать мягкіе, родные звуки русскаго женскаго голоса, — вѣдь все это какъ-бы вочію напоминало имъ далекую родину, семью, милыхъ сердцу... Атуринъ же надѣялся про-себя, что авось-либо удастся ему перемолвиться словомъ, другимъ и съ Тамарой, подъ шумокъ общаго разговора.

Теплое чувство къ этой дѣвушкѣ, не покидавшее его съ минуты ихъ разлуки въ Боготѣ, еще теплѣй и свѣтлѣй вспыхнуло въ немъ теперь, при этой нежданной встрѣчѣ. Въ данную минуту онъ весь былъ предисполненъ особаго жизнерадостнаго настроенія. Для него, уже безъ всякихъ сомнѣній въ самомъ себѣ, стало ясно, что чувство его къ Тамарѣ не было случайно вспыхивкой отъ госпиталянаго бездѣлья, или однимъ лишь хорошимъ, благодарнымъ воспоминаніемъ о ней за время, проведенное вмѣстѣ, за весь ея добрый уходъ за нимъ, какъ думалось порою прежде, въ минуты сомнѣнія, — нѣтъ, Атуринъ понималъ, что онъ дѣйствительно любить ее не какъ сестру только, но какъ женщину, даже влюбленъ въ нее, и это окончательно уяснило ему сегодняшняя встрѣча. Любить ли она тоже? — вотъ вопросъ, который еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, всталъ теперь предъ Атуринимъ, и ему страстно хотѣлось бы разрѣшить его для самого себя, убѣдиться въ этомъ окончательно. Судя по всему, что невольно, хотя и молча обнаружила Тамара сегодня, ему казалось, что да, любить... Но точно ли? Не обманывается ли онъ однимъ лишь предположеніемъ? не преувеличиваетъ ли? не кажется ли это ему потому только, что ему хотѣлось бы, чтобы оно было такъ? Всегда вѣдь пріятно вѣрять

въ то, чему хочется вѣрить... А можетъ, съ ея стороны все это не болѣе какъ выраженіе простого удовольствія отъ встрѣчи со старымъ знакомымъ, ея боевымъ пациентомъ... можетъ быть, просто даже рефлексъ отъ соединеннаго съ нимъ воспоминанія о матери Серафимѣ?.. Почему знать!

Когда подошедшіе къ сестрамъ офицеры объявили имъ, что парадъ опять отсроченъ, тутъ уже всѣхъ взяло сомнѣніе, что едва-ли миръ былъ подписанъ 17-го, а не вѣрнѣе ли будетъ предположить, что онъ не подписанъ еще и въ настоящую минуту. Иные призадумались, офицерская же молодежь даже обрадовалась, усмотрѣвъ въ этомъ обстоятельстве возможность немедленнаго боевого движенія въ Царьградъ, а стало быть, и возможность новыхъ подвиговъ и отличій. Опять устремились иные бинокли на Принцесы острова, но тамъ все мертво по-прежнему и нѣтъ ни малѣйшихъ признаковъ какого-либо движенія спрятавшаго флота... Проходитъ еще часъ, проходитъ два часа, а войска все стоятъ въ своихъ грозныхъ колоннахъ... Офицеры, оборачиваясь къ востоку, поглядываютъ на ближніе турецкіе лагеря, что обляютъ своими конусообразными палатками тутъ же, сейчасъ вотъ за ручьемъ, на толпы турецкихъ аскеровъ, любопытно высыпавшія къ самому берегу этого ручья, на Царьградъ съ его минаретами и куполомъ Айя-Софіи, съ его Серальскимъ мысомъ, входомъ въ узкій Босфоръ и чернымъ лѣсомъ кипарисовъ Скутарійскаго кладбища... Что-то будетъ? Чѣмъ-то кончится?.. Казалось бы, съ этого поля до Царьграда рукой подать! Одинъ шагъ — и готово!.. Впереди фронта, предъ аналогомъ, ожидаетъ въ полномъ облаченіи военное духовенство, еще съ двухъ часовъ готовое пѣть благодарственный молебенъ. По сторонамъ фронта стоятъ громады толпы самой разнообразной публики, собравшіяся сюда и цѣшкомъ, и верхомъ, и въ экипажахъ изъ Константинополя, Санъ-Стефано и со всѣхъ окрестныхъ деревень и мѣстечекъ. Турецкая полиція изъ всѣхъ силъ старается сдерживать на известной линіи всю эту публику, съ живымъ любопытствомъ напирющую впередъ, поближе къ невиданному еще русскому войску. Время, межъ-тѣмъ, клонится къ сумеркамъ. Проголодавшіеся перотскіе кавалеры и дамы начинаютъ мало-по-малу покидать Малчвое поле, съ разочарованнымъ и усталымъ выраженіемъ на лицахъ. Досадливая нетерпѣливость и озабоченность начинаетъ проявляться и у начальниковъ, медленно разтѣзжающихъ по фронту; солдатики позѣвываютъ и скучая переминаются съ ноги на ногу, а дождикъ — нѣтъ-нѣтъ, да и начинается крапывать рѣдкими, мелкими капельками, и порывистый, почти бурный западный вѣтеръ съ шумомъ треплетъ почтенныя лохмотья

гвардейских знамен; зеленныя пѣнистыя волны Пропонтиды прыдаютъ одна на другую и съ грохотомъ разбиваются о каменистый берегъ. Этотъ непрерывный мѣрный шумъ тоже становится монотоннымъ и какъ бы усыпляетъ.

— Скоро ли же это кончится!?—досадливо вырываются восклицанія у иныхъ офицеровъ.

— Тянутъ, проклятые! — отзываются на это другіе, посылая туркамъ эпитеты далеко не лестнаго свойства.

Сестры хотѣтъ уже уходить—проголодались тоже, да и время скоро инымъ изъ нихъ заступать въ госпиталь свою очередь. Но тутъ, на счастье, одному молодому офицеру удалось захватить маркитанта-разносчика и притащить его къ группѣ стрѣлковъ, разговаривавшихъ съ сестрами. Плетеная корзина его въ мигъ была опустошена, зато кошелекъ значительно пополнился офицерскими піастрами и франками, — многодогольный этимъ хитрый грекъ, поминутно крестясь, для доказательства, что онъ православный, только посылалъ на всѣ стороны сладкія гримасы и вѣжливыя «селямы» своимъ неторгующимся покупателямъ, да приговаривалъ то по-гречески, то по-турецки: «Эвхаристо!.. Шюкюрдѣр, эфенди!.. эвхаристо!..»¹⁾. Такимъ образомъ, офицерамъ удалось и сестеръ вдосталь угостить пирожками да тартинками, и самѣмъ подѣрпнуть.

— Какъ часто вспоминалъ я о васъ, сестра!—съ застѣнчивой улыбкой и нѣсколько понизивъ голосъ, обратился Атуринъ къ Тамарѣ, воспользовавшись удобною минутой, когда всѣ такъ усердно занялись пирожками и комичнымъ балагуромъ-пирожникомъ.

— Значить, это было взаимно, — дружески просто отвѣтила она. — Я тоже вспоминала... и не разъ...

Это признаніе словно ударъ морской волны, такъ и взмыло всю его душу. — Она вспоминала... она!... И это онъ слышитъ изъ ея устъ,—она сама сказала это... И не разъ, говорить, вспоминала! — Значить, онъ для нея не совсѣмъ-таки ничто, или нѣчто проходящее въ жизни мимо и безслѣдно; значить, онъ стоялъ ея воспоминаній, значить... значить...

И радужныя надежды вновь окрылили его душу.

— Спасибо вамъ, — тихо проговорилъ онъ съ благодарнымъ чувствомъ. — Знаете ли, много о чемъ хотѣлось бы поговорить съ вами... серьезно, откровенно...

— Что-жъ, призжайте къ намъ и поговоримъ, я рада,—все съ тою же милою простотою отозвалась ему Тамара.

— Завтра, напримѣръ, можно? — спросилъ Атуринъ.

— Почему жъ нѣтъ?—вѣдь вамъ дано разрѣшеніе, васъ звали...

— Въ которомъ часу вы будете свободны?

Тамара назначила ему время между пятью и семью часами вечера, — и они опять обмѣнялись между собою сердечно теплыми и свѣтлыми взглядомъ, выразившимъ обоюдное довольство ихъ другъ другомъ за то, что каждый изъ нихъ угадалъ невысказанную мысль и желаніе другого, и этимъ обмѣненнымъ взглядомъ оба они какъ бы закрѣпили свое условіе завтрашней встрѣчи.

Атуринъ былъ счастливъ. — О! поскорѣй бы только настало это желанное завтра! Въ душѣ онъ былъ увѣренъ, что завтра же прямо и честно выскажетъ ей все, все, что у него на сердцѣ и—пускай тогда сама рѣшаетъ!

«Смирно-о-о!» опять пронеслась по полю команда начальниковъ, — и разомъ все встрепенулось, и снова бросились ко своимъ мѣстамъ офицеры, — и всѣ эти массы грозныхъ колоннъ какъ бы застыли въ мертвомъ, но напряженно внимательномъ молчаніи.

Было половина шестого часа. Великій князь, окруженный многочисленною свитой, показавшись верхомъ на выѣздѣ изъ Санъ-Стефано и остановился вдали отъ войскъ, какъ будто поджидая кого-то. Минутъ десять спустя, на поле примчалась открытая коляска, въ которой, держась за ободокъ козелъ, стоялъ графъ Игнатъевъ. Въ приподнятой лѣвой рукѣ его бѣлѣлъ свертокъ бумаги, — мирный договоръ съ Турціей. Черезъ минуту, когда главнокомандующій подскочилъ галопомъ къ войскамъ, по полю уже шумѣло могучее, восторженное «ура!» и гремѣла военная музыка. И чѣмъ дальше слѣдовалъ вдоль фронта войскъ великій князь, тѣмъ все больше и громче оглашались побѣдными кликами и поле, и берегъ, и море, усѣянное бѣлыми парусами...

Послѣ объѣзда войскъ, главнокомандующій вызвалъ на середину, къ аналою, всѣхъ офицеровъ, поздравалъ всѣхъ съ миромъ и благодарилъ войска. Съ восторженнымъ одушевленіемъ раздалось новое «ура», не смолкавшее долгое время и подхваченное толпами собравшагося народа, изъ среды котораго, такъ же какъ и изъ военныхъ рядовъ, полетѣли вверхъ шанки. Замѣтивъ впереди этой толпы русскихъ сестеръ милосердія, комендантъ главной квартиры любезно провелъ ихъ впередъ и съ почетомъ поставилъ на видное мѣсто, въ свиту, близъ аналоя.

Уже наступили сумерки, когда послѣ благодарственнаго молебствія начался церемониальный маршъ колоннами, когда же дошла очередь до стрѣлковыхъ частей, проходившихъ мимо великаго князя бѣгомъ, подъ звуки красивой музыки, Тамара, съ непонятнымъ ей самой волненіемъ, жадно устремила ищущіе взоры впередъ, ожидая, что вотъ-вотъ сейчасъ дол-

¹⁾ Благодарю.

жестъ показаться Атуринъ, и боясь, какъ бы не проглядѣть его. И точно: вотъ онъ—вотъ на флангъ своей роты. Какъ стройно, легко и красиво бѣгутъ эти лихіе солдаты!.. И что за прелесть эти музыкальные звуки!.. Какъ хорошъ онъ самъ! Какъ выразительно его благородно мужественное лицо! Какое одушевленіе во взорѣ!

— Нашъ-то, нашъ-то соколъ,—глядите!—слегка толкая подъ локоть Тамару, увлеченно шепчетъ ей сестра Степанида.—Экая прелесть! Экой молодецъ какой!..

И Тамара съ гордостью въ душѣ сознаетъ, что дѣйствительно молодецъ,—еще-бъ не молодецъ, онъ-то!..

— Хорошо, ребята! — раздается вдругъ съ коня звучный голосъ главнокомандующаго, какъ разъ въ этотъ моментъ, когда рота Атурина поровнялась съ его высочествомъ.—Спасибо!

И весь баталіонъ, какъ одинъ человѣкъ, ретиво и дружно отвѣтилъ ему громкимъ «ради стараться!»

И Тамара довольна. Ей пріятно, что и Степанида, и другія сестры замѣтили Атурина, любятъ его и хвалятъ, а еще пріятнѣе, что самъ великій князь благодарилъ и похвалялъ его роту,—точно бы эта рота родная ей... Да, родная, потому что это его рота, и самый баталіонъ какъ будто ближе ей и роднѣе, чѣмъ всѣ остальные, потому что она въ немъ служитъ.—Вѣдь мать Серафима, будь она здѣсь, навѣрное чувствовала бы то же!—Почему собственно она такъ горда Атуринимъ и почему ей пріятно все это, въ данную минуту она не давала себѣ въ томъ отчета, — чувствовала только приливъ какого-то бессознательнаго счастья, среди котораго ея личное существо и все, что вызвано въ немъ встрѣчею съ Атуринимъ, да и онъ самъ гармонически сливаются въ ея душѣ съ общимъ восторженнымъ настроеніемъ. Она чувствовала, что и ее подхватила и несетъ куда-то могучая волна общей радости отъ этого мира, отъ славной законченной войны, которая, слава Богу, уже осталась въ прошломъ, позади, со всѣми своими ужасами и лишениями! И чувствуя все это, съ неполью протрупавшими на глаза слезами восторга, она точно бы въ забытій лакомъ-то наслаждалась и любовалась всѣмъ, что было предъ ея глазами: и видомъ этихъ бодро проходящихъ войскъ, и ихъ молодецки дружными откликами на похвалу своего вождя, и самимъ вождемъ на его кровномъ красавцѣ-конѣ, и торжественными звуками музыки, и всею картиной окружающей природы. Никогда еще, казалось ей, миръ не былъ празднуемъ въ болѣе драматической и живописной обстановкѣ. Эти двѣ арміи, стоящія на разстояніи менѣе ружейнаго выстрѣла, другъ противъ друга, эти шумные порывы довольно бурнаго вѣтра, убы-

вающий свѣтъ сумерокъ, сильный плескъ волнъ, сейчасъ лишь перемежавшіеся съ возгласами священнослужителей и пѣніемъ солдатъ, отдаленный гулъ и точно бы ропотъ ваволнованнаго моря, то возвышающаго, то понижающаго свой грозный голосъ, и наконецъ—тамъ вдали, на востокѣ, стройныя минареты и куполъ святой Софіи, образы которыхъ одни только и выдѣлялись отчетливо надъ смутнымъ профилемъ Стамбула, озаренные косыми красноватыми лучами солнца, сквозившаго изъ-за тяжелыхъ свинцовыхъ тучъ.

Еще не успѣли пропадиривать пѣхотныя колонны, какъ вечеръ стемнѣлъ уже окончательно, и можно сказать навѣрное, что до этого знаменательнаго дня ни одна армія не участвовала въ столь восторженно настроенномъ и единственномъ военномъ торжествѣ,—единственномъ потому, что оно доканчивалось уже въ вечерней тьмѣ и происходило на глубоко исторической почвѣ прибрежья Пропонтиды, въ виду мерцавшаго вдали множествомъ огоньковъ Царьграда и на томъ самомъ мѣстѣ, близъ «монастыря святого Стефана», гдѣ почти тысячу лѣтъ назадъ находился станъ русскихъ дружинъ Олега.

Глубокое впечатлѣніе оставалъ весь нынѣшній день въ душѣ Тамары, точно бы пѣкалъ великая поэма, изъ-подъ обаянія которой она все еще не могла достаточно освободиться. Была уже поздняя ночь, но ей не спалось въ своей сестринской юртѣ, да и никому не спалось сегодня. По всему городку и по всѣмъ окрестнымъ бивакамъ горѣли огни, раздавались русскія пѣсни, звуки веселой музыки и «ура» ликующаго войска.

XXIV.

Планы Атурина.

Наконецъ настало и это «завтра», столь нетерпѣливо жданное Атуринимъ. И ему тоже всю ночь не спалось. Съ вечера не до сна было за веселымъ товарищескимъ ужиномъ со жженкой, — нельзя же было не спрыснуть миръ!—а подъ утро, когда очутился наединѣ съ самимъ собою въ палаткѣ, на своей походной койкѣ, сну мѣшали ваволнованныя думы. Все представлялось ему это предстоящее свиданіе съ Тамарой, которое—онъ былъ увѣренъ въ томъ—должно рѣшить его и ея судьбу. Онъ обдумывалъ что и какъ будетъ говорить ей: въ головѣ его слагались цѣлыя импровизаціи, цѣлыя потоки краснорѣчивыхъ признаній, полные блеска и страсти, и пѣжности, но ни однимъ изъ этихъ потоковъ не оставался онъ доволенъ: все казалось, что это не такъ и не то, что нужно... А что именно нужно и какъ все это у него выйдетъ,—Богъ вѣсть... Этого онъ не знаетъ и сообразить пока не можетъ.

Съ первую его женой оно вышло совсѣмъ просто и даже шаблонно какъ-то, объяснился во время мазурки, та направила его къ шаману, — онъ прѣхалъ къ нимъ на другой день послѣ бала, сдѣлалъ формальное предложеніе и получилъ согласіе родителей. Но тутъ, съ этою скромной и такъ просто себя державшей сестрой милосердія выходитъ что-то совсѣмъ другое. Тутъ этотъ пріемъ не годится, не кстати, — это онъ чувствовалъ. Первая жена его была свѣтская дѣвушка хорошей фамиліи, обладавшей извѣстными связями и положеніемъ въ обществѣ, а въдобавокъ она ему нравилась. Въ этихъ условіяхъ бракъ не представлялся неравнымъ ни для той, ни для другой стороны, — напротивъ, со свѣтской точки зрѣнія, онъ былъ совершенно естественнымъ и резоннымъ. Но Тамара, — Тамара совсѣмъ другое дѣло. Она представлялась ему точно бы на какой-то высотѣ, точно бы осіянная какимъ-то свѣтлымъ и чистымъ ореоломъ подвижничества и самоотверженія. Въ ней, казалось ему, есть нѣчто такое, къ чему надо подходить съ чистымъ сердцемъ и чистыми помыслами, съ оглядкой, какъ бы не смутить, не оскорбить ее грубымъ или пошлымъ прикосновеніемъ къ ея внутреннему міру. Но создавая себѣ изъ нея такой святой, чисто мечтательный идеалъ, Атурія въ то же время понималъ простымъ разсудочнымъ образомъ, что въ ней есть всѣ задатки быть хорошею женой и матерью, что она заложена уже немалыми испытаніями, выпавшими на ея долю за время этой войны, и потому ее не смутить, не заставить опустить руки никакая жизненная борьба, никакой трудъ, никакія неприятыя случайности или лишения. — Нѣтъ, думалось ему, она сумѣетъ прямо смотрѣть въ глаза жизни, не станетъ ни ныть, ни хныкать, ни нервничать по пустякамъ, да и въ серьезномъ вѣщъ не растеряется по-бабьи, — словомъ, будетъ для мужа не женой-игрушкой, не роскошью дорого стоящей и подчасъ несносной, а дѣйствительнымъ другомъ и товарищемъ на жизненной дорогѣ. Въ этой изысканной и, казалось бы, такой хрупкой фигуркѣ ему чувствовался большой характеръ, большая выдержка, энергія и сила воли. Выжить почти годъ въ такихъ условіяхъ, какъ выжила она, и не сломигься, выдержать себя все время на высотѣ своего подвига и глядѣть на него, какъ на самое простое, обыкновенное дѣло, не замѣчая и не признавая собственного героизма, — это не шутка, на это не всякая способна!.. Но что жъ онъ скажетъ ей? какъ приступить къ дѣлу, къ объясненію?! И Атурія снова начиналъ рисовать себѣ разныя предположенія, какъ это должно или какъ можетъ случиться, и снова чувствовалъ, что какъ ни гадай, а все это не то, не такъ, и всѣ его блестящія, придуманныя импровизаціи никуда не годятся. Совсѣмъ не это нужно!

Долго онъ ворочался на своей жиденькой койкѣ подъ хаотическимъ наплывомъ своихъ думъ и мечтаній, и когда наконецъ заснулъ, уже на разсвѣтѣ, тѣ же думы и грезы назойливо мерещились ему и во снѣ и витали вокругъ образа Тамары. Въ этотъ день войскамъ данъ былъ полный отдыхъ, и потому выснаться можно было въволю. Проснувшись, противъ обыкновенія, довольно поздно, Атурія чувствовалъ себя свѣжимъ, бодрымъ и много спокойнѣе противъ вчерашняго; всѣ разнородныя и сильныя впечатлѣнія знаменательнаго дня уже поулеглись, и, возвращаясь мыслями къ предстоящему объясненію съ Тамарой, онъ попросту рѣшилъ себѣ, что придумывать нечего, а пусть будетъ какъ будетъ, какъ само оно выйдетъ, — это, молъ, лучше всего! Но чѣмъ ближе подходило время къ условному часу, тѣмъ болѣе начиналъ онъ испытывать внутренне какое-то лихорадочное беспокойство и нервную нетерпѣливость. — «Что за прятка такая!» думалось ему; «и рвешься туда всей душой, и боязно какъ-то... На «турку» идти было куда какъ проще! А тутъ — вотъ поди жъ ты!»

Почти за часъ еще раньше срока приказалъ онъ засѣдлать себѣ саврасаго жеребчика турецкой породы, кушечнаго имъ у какого-то болгарскаго мона, и чуть не каждыя пять минутъ поглядывалъ на свои часы, такъ что даже нѣкоторые товарищи шути замѣтили, что сегодня нашъ капитанъ какъ-будто самъ не свой, — то разсѣянный какой-то, то озабоченный и нервный, — ужъ не влюбленъ ли, часомъ? Но Атурія безразлично пропускалъ мимо ушей всѣ эти дружескія шутки, — не до нихъ ему было. За нѣсколько минутъ до пяти часовъ онъ живо вскочилъ въ сѣдло, влѣпилъ жеребчику для бодрости здоровую кагайку и стрѣлой помчался по направлению къ госпиталю.

Всѣ свободныя отъ дѣла сестры и сама начальница встрѣтили его очень радушно, за своимъ вечернимъ чаемъ, видимо были рады ему, и онъ съ первой же минуты очутился въ положеніи ихъ общаго гостя. Съ одной стороны, это ему очень улыбалось, въ виду будущихъ своихъ посѣщеній, съ другой было немножко досадно, потому что онъ вовсе не рассчитывалъ быть гостемъ всѣхъ, а ѣхалъ лишь для одной Тамары; но разъ, что такъ уже вышло, ничего не подѣлаешь. Тамара была тутъ же, вмѣстѣ со всѣми, и все съ тою же привѣтливой улыбкой, съ тѣмъ же «хорошимъ» выраженіемъ въ глазахъ, видимо довольная въ душѣ его посѣщеніемъ. Но увы! — остаться съ вѣмъ наединѣ хоть минутку и высказать по душѣ все, что хотѣлось, такъ и не удалось сегодня Атурію. Изъ всѣхъ его мечтаній, плановъ и предположеній такъ-таки ровно ничего и не вышло — на этотъ разъ, по крайней мѣрѣ. Можетъ быть, удастся въ слѣдующій?..

Но и на слѣдующій разъ вышло не лучше. Хоть и выдалась такая счастливая, казалось бы, минутка, что они случайно остались вдвоемъ, но... на «турку» идти, дѣйствительно, было ему много проще, чѣмъ тутъ начать желанный разговоръ съ этою видимо симпатизирующей ему дѣвушкой. — «Просто ни на что не похоже!» досадливо упрекали онъ потомъ самъ себя. «Ну, что тутъ такого особеннаго, казалось бы? Сказалъ бы на «да» или «нѣтъ», и конецъ. А между тѣмъ, языкъ, что называется, прилипъ къ гортани... Дуракъ-дуракомъ стоишь и только!»

Такъ это дѣло у него и затянулось «въ темную», на неопредѣленное время. — «Не выгорѣло сразу, теперь и жди у моря погоды». — Раза два въ недѣлю онъ уже непременно посѣщалъ госпиталь, но всегда на положеніи общаго гостя. Иногда, бывало, хоть на нѣсколько минутъ мимоходомъ завернуть къ сестрамъ, по пути въ Санъ-Стефано, или обратно; порою привезетъ имъ оттуда какихъ-нибудь гостинцевъ, греческихъ сластей, египетскихъ банановъ, яфскихъ апельсиновъ; иногда возьмется для той или другой сестры исполнить въ городкѣ какое-нибудь маленькое порученіе, и въ результатъ всего этого было одно, весьма выгодное для него, обстоятельство, — это то, что съ нимъ оковчательно освоились, привыкли къ нему, считая какъ-бы за «своего», и если, бывало, онъ почему-либо дней пять подрядъ не показывается, сама начальница замѣчала иногда за вечернимъ чаемъ: «А что-жъ это нашъ Владиміръ Васильевичъ запропалъ куда-то?.. Ужъ здоровъ ли?.. Точно бы и скучно безъ него какъ-то».

Но какъ ни какъ, а удобной минуты для разговора съ Тамарой наединѣ рѣшительно не представлялось Атурину. Приѣдетъ онъ, бывало, — и общей бесѣдѣ нѣтъ конца. Подсядутъ къ сестрамъ за чаемъ медики, чиновники госпитальные, санитарный капитанъ, офицеры изъ числа выздоравливающихъ, — и разговоръ невольно, какъ-то самъ-собою переходитъ на далекую родину, по которой почти каждый, особенно послѣ мира, начиналъ уже испытывать въ душѣ нѣкоторую тоску: домой тянуло. Газеты получались теперь скоро, особенно одесскія, а перотскіе французскіе листки, своимъ чередомъ, каждое утро доставляли въ Санъ-Стефано самыя свѣжія новости, — и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, жадно накидывались на вѣсти изъ Россіи; всѣхъ живѣйшимъ образомъ интересовало, что тамъ дѣлается, какъ живется, тѣмъ болѣе, что, судя по всѣмъ этимъ вѣстямъ, на родинѣ, какинъ, что-то не ладно, происходитъ что-то странное... Съ недоумѣніемъ узнали всѣ, что еще въ январѣ стрѣляла въ генерала Трепова какая-то Вѣра Засуличъ, дѣвица; но какъ, за что, почему, — неизвѣстно.. Узнали, что въ Одессѣ было какое-то воору-

женное сопротивленіе чинамъ полиціи и солдатамъ, со стрѣльбою по нимъ, при обыскѣ квартиры нѣкоего Ковальскаго, захваченнаго съ четырьмя мужиками и тремя женщинами, служавшими въ магазинѣ «Общества потребителей», что въ Ростовѣ-на-Дону совершенно политическое убійство какого-то рабочаго Наконнова, за доносъ, а въ началѣ апрѣля прочли, не вѣря собственнымъ глазамъ, что Вѣра Засуличъ, при полной наличности преступленія, торжественно оправдана судомъ присяжныхъ и что приговору этому рукоплескали въ залѣ суда первые сановники государства, газеты же радостно восклицали, что теперь все пойдетъ легко и прекрасно, ибо дѣло Засуличъ не можетъ пройти и не пройдетъ безслѣдно.. Все это здѣсь, въ Санъ-Стефано, послѣ блестяще оконченной войны, казалось странно, дико, непонятно; все это смущало и повергало въ тревожное недоумѣніе, — изъ-за чего тамъ это дѣлается? Вѣрить не хотѣлось извѣстіямъ...

XXV.

Пасхальная ночь въ Санъ-Стефано.

Пасха въ 1878 году пришлось на 16-апрѣля. Къ нашимъ войскамъ, еще за нѣсколько дней до Свѣтлаго воскресенья, особый пароходъ привезъ изъ Одессы массу куличей, пасокъ, красныхъ яицъ, окорковъ и прочаго, чтобы солдаты могли разговѣться и на чужбинѣ такъ же, какъ у себя на родинѣ.

Въ пасхальную ночь Санъ-Стефано было переполнено народомъ, нарочно пришедшимъ изъ окрестныхъ деревень, причисленныхъ къ мѣстному приходу, и даже изъ Константинополя. Сюда же, въ ожиданіи заутрени, собралась масса русскаго офицерства, верхами и въ экипажахъ. Всѣ дома въ городкѣ были иллюминированы свѣчами, цвѣтными фонарями, шалаками и убраны надъ входами и по стѣнамъ гирляндами лавровъ и миртъ. Суда, стоявшія на рейдѣ, тоже подняли на снасти гирлянды цвѣтныхъ фонариковъ и шестрыхъ флаговъ, а русскіе военные пароходы все время жгли ослѣпительно блестящіе фальшфейеры; поэтому видъ на море, при чудномъ лунномъ освѣщеніи, былъ необыкновенно эффектенъ.

Ночь была совершенно ясна, тепла и столь тиха, что свѣчи не гасли на воздухѣ и горѣли ровнымъ пламенемъ.

Минутъ за пять до полуночи, великій князь пѣнкомъ пришелъ въ санъ-стефанскую греческую церковь, — и ровно въ полночь изъ дверей ея двинулся крестный ходъ, съ велико-княжескимъ стягомъ, обоедшій вокругъ храма. Вся площадь, ближайшія улицы и морской берегъ были усеяны мигающими звѣздочками разомъ зажегшихся свѣчекъ. Толпы мо-

дашихся солдатъ и народа густо наполняли всю мѣстность, прилегающую къ церкви. Заутреню совершало русское и греческое духовенство; на обонихъ клиросахъ пѣли два хора: одинъ изъ русскихъ любителей, другой — изъ походныхъ пѣвчихъ придворной капеллы. На внутренней церковной галлерей стояли сестры милосердія и русскія военныя дамы, недавно прѣхавшія къ мужьямъ изъ Россіи. Весь храмъ, залитый свѣтомъ, былъ переполненъ офицерами въ парадной походной формѣ, и такъ какъ своды его были низковаты, а размѣры далеко не просторны, то отъ множества народа и свѣчей въ немъ стояла жара и духота ужасная. Атуринъ, помѣстившійся у стѣны, въ заднемъ концѣ внутренней галлерей, недалеко отъ выходныхъ дверей, замѣтилъ вдругъ, незадолго до конца заутрени, что, пробравшись по галлерей между дамами и генералами къ выходу, сестра Степанида ведетъ подъ-руку блѣдную, ослабѣвшую Тамару. Онъ бросился къ нимъ на встрѣчу узнать, что такое и не надо ли въ чемъ помочь ей?

— Ахъ, пожалуйста! — озабоченно отозвалась ему Степанида. — Дурно ей стало отъ духоты этой. Помогите вывести на воздухъ, — тутъ не протереться.

Атуринъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и кое-какъ успѣлъ провести чрезъ сплошную толпу на паперть. Здѣсь, усадивъ Тамару на каменные ступени церковнаго помоста, онъ бросился въ ближайшій домъ за водою. Вольный воздухъ и нѣсколько глотковъ прохладной воды освѣжили дѣвушку и помогли ей собраться съ силами; она жаловалась только, что въ виски стучитъ ей.

— Не хотите ли пройтись немножко? — предложилъ ей Атуринъ. — Здѣсь все-таки толпа и тѣснота, — на просторѣ это пройдетъ сейчасъ же.

— И въ самомъ дѣлѣ, проишлись бы немножко, Тамарушка, лучше будетъ, — посоветовала Степанида. — Владиміръ Васильевичъ проводилъ бы васъ, а я пока здѣсь побуду... Ступайте-ка, право!

Атуринъ подалъ ей руку, и они пошли, пробравшись сквозь толпу солдатъ и грековъ, къ морскому берегу.

Здѣсь было уже просторно. Пройдя нѣсколько шаговъ къ болѣе открытому мѣсту набережной, Тамара остановилась въ невольномъ восхищеніи предъ открывшеюся ей картиной. Чистое, прозрачное небо и глубоко тихое море были залиты свѣтомъ полной, по-южному яркой луны, отраженіе которой дробилось въ освѣщенныхъ полосахъ водныхъ пространствъ рябью золотистыхъ блѣстокъ и трепетно блещущимъ столбомъ отъ края до края прорѣзывало часть моря. Казалось, будто это небо и море, пропитанныя фосфорическимъ свѣтомъ, гармонично слились въ одно цѣлое и дышатъ однимъ

таинственно торжественнымъ дыханіемъ чудной, обаятельной ночи. Въ отдаленіи, темныя силуэты русскихъ судовъ сіяли по бортамъ пѣлыми рядами голубыхъ бенгальскихъ огней. Всѣ окна высокихъ каменныхъ домовъ на набережной тоже залиты были изнутри яркимъ свѣтомъ, а мириады огоньковъ отъ пасхальныхъ свѣчекъ, все еще какъ и въ началѣ заутрени, наполняли пространство вокругъ церкви и всѣ ведущіе къ ней ближніе проулки.

— Господи, какая прелесть! — въ невольномъ восторгѣ прошептала Тамара, окинувъ взглядомъ всю эту дивную, широкую картину. Она облокотилась на каменный барьеръ набережной и, не отрывая глазъ отъ моря и неба, задумалась.

Атуринъ, между тѣмъ, пунилъ у мальчишка-грека, проходившаго мимо съ корзиною цвѣтовъ, букетъ свѣжихъ фіалокъ и предложилъ его Тамарѣ.

Вдыхая нѣжный ароматъ этихъ первенцевъ южной весны, она молча продолжала глядѣть въ озаренное луною пространство, и въ памяти ея невольно воскресла теперь другая пасхальная ночь, какую два года назадъ она встрѣчала въ далекомъ Украинскѣ. Тогда тоже вся площадка вокругъ собора сіяла множествомъ маленькихъ мигающихъ огоньковъ и тоже пахло въ недвижномъ воздухѣ фіалками, — и этотъ знакомый запахъ, болѣе чѣмъ все остальное, вдругъ напомнилъ ей и помогъ воскресить теперь въ ея душѣ съ такою осязательностью и яркостью всѣ подробности прошлаго, всю картину той ночи и все, что тогда чувствовалось и переживалось ею... Тогда тоже была дивная, теплая ночь; въ глубоко синемъ небѣ, какъ и здѣсь теперь, — ни облачка, и звѣзды горѣли ярко. Въ Украинскихъ садахъ зацвѣтали яблони, черешни и сливы, и стояли осыпанные бѣлыми цвѣтами, точно свѣтомъ. Запахъ смолистаго тополя мѣшался съ тонкимъ ароматомъ фіалокъ и молодой полыни. Соловьи съ разныхъ концовъ, вблизи и вдали, громко оглашали чуткій воздухъ своими первыми весенними пѣснями и доносились изъ храма, какъ и теперь-тогда, свѣтые звуки пасхальныхъ напѣвовъ. Здѣсь не слыхать соловьиныхъ; но зато здѣсь ритмически раздается этотъ сладко баюкающій лепетъ волны и легкий шумокъ небольшого прибоя, ласково набѣгающаго на каменный напавъ хришеватаго берега. Вспомнилось ей, что и тогда, какъ теперь, все вокругъ дышало какою-то таинственною торжественностью и вмѣстѣ съ тѣмъ южною нѣгой, отъ которой на душѣ у нея испытывалось чувство весенней истомы, доходявшее порой до замиранія сердца. Вотъ и теперь — то же самое чувство, та же истома... Тогда, подъ обаяніемъ ихъ, она первая, внѣ себя отъ счастья, бросилась къ поджидавшему ее въ глубинѣ сквера Каржолу, — и первое, «Христосъ

воскресъ!» вырвалось для него изъ ея сердца. А теперь... Гдѣ-то теперь этотъ Каржоль, этотъ идеалъ, кумиръ ея въ то время?... Отъ него все еще нѣтъ никакой вѣсти, вотъ уже восьмой мѣсяцъ, и никакихъ слуховъ о немъ не доходитъ болѣе... Но странно: ей это не такъ уже больно, какъ было въ Боготѣ; она уже пообтерпѣлась, привыкла къ его молчанію,—оно не тревожитъ и даже не огорчаетъ ее болѣе. Что жъ это, неужели равнодушіе?... Но нѣтъ,—казалось бы, вѣдь она любитъ его, *должна* любить, какъ невѣста; она привыкла къ мысли и къ убѣжденію, что ея судьба должна быть связана съ нимъ, а если нѣтъ,—что-жъ, не она въ томъ виновата!.. Она не давала ему поводовъ измѣниться къ ней, если онъ дѣйствительно измѣнился. Но ей все еще думается—правда, все рѣже и рѣже,—что современемъ все это объяснится и онъ оправдается предъ нею. Она не нарушала и, что бы то ни было, не нарушитъ первая даннаго ему слова; она все жъ остается и предъ Богомъ, и предъ людьми его невѣстой, а тамъ — что Богъ дастъ!.. Выйдетъ за него,—хорошо, не выйдетъ,—что жъ, не судьба, значить...

И тутъ опять невольно вспоминалась ей «обличительная» статья одесской газеты, хлѣбная операція, сухарная компанія, опереточныя французенки, рудетка, Мариуца и вся эта грязная муть, съ которою мѣшается имя графа и отъ которой поэтому невольнымъ образомъ брезгливо коробится ея нравственное чувство.

Да, тотъ ли это Каржоль, какимъ онъ казался ей два года назадъ, въ ту пасхальную ночь, когда изъ ея устъ для него первого вырвался первый лепетъ любви, восторга, счастья, когда она все, все готова была отдать для него и все за него выстрадать!.. Увы!.. кумиръ ея погускнѣлъ, ореолъ исчезъ, идеалъ низведенъ до какаихъ-то Мариуцъ и зимницкихъ труповъ съ кутящими интеллидантами...

«..Ахъ, хорошо бы было теперь чувствовать себя совсѣмъ, совсѣмъ свободною, какъ вольная птица!..»

И странный онъ человѣкъ!—Ну, если разлюбилъ, зачѣмъ не сказать прямо, зачѣмъ не написать,—вѣдь написать еще легче, чѣмъ въ вѣ глаза сказать, — и она бы, по крайней мѣрѣ, знала, что все кончено. Она бы не стала упрекать его,—Богъ съ нимъ!.. Онъ бы самъ по себѣ, она—сама по себѣ. Развѣ не лучше бы было?.. Но эта неизвѣстность, эти путы даннаго слова,—ахъ, какъ тяжело все это!

— Послушайте, сестра, — неожиданно раздался вдругъ подлѣ нея нѣсколько взволнованный, но рѣшительный голосъ Атурина. — Что я хотѣлъ спросить васъ... давно уже...

— Что такое?—какъ бы очнувшись, обратилась къ нему Тамара.

— Скажите откровенно, пошла бы вы за меня, еслибъ я сдѣлалъ вамъ предложеніе?

— Предложеніе? — почти машинально повторила за нимъ ошеломленная этимъ дѣвушка.

— Ну, да, предложеніе выйти за меня замужъ,—пояснилъ онъ съ нѣкоторымъ внутреннимъ напряженіемъ, какъ бы пересиливая себя, чтобы поскорѣй уже высказать все разомъ и разрѣшить свою душу. — Простите, что я такъ прямо... но... что-жъ тутъ!.. За правду—правдой... Пошли бы?

Она взглянула ему прямо въ лицо Озаренное дуною, оно показалось ей блѣднымъ и нѣскольکو взволнованнымъ, но какъ всегда съ открытымъ и честнымъ выраженіемъ въ глазахъ, гдѣ просвѣчивала теперь, какъ-будто затаенная боль и томленіе за *да* или *нѣтъ*, которымъ сейчасъ должна рѣшить ему этотъ вопросъ Тамара.

— Пошла бы,—отвѣтила она ему прямо и просто, нѣсколько подумавъ.

— Да?—сдѣлавъ онъ невольное движеніе къ ней, весь мгновенно озарясь восторгомъ безграничнаго счастья.

— Пошла бы,—подтвердила она,—еслибъ я не была невѣстою другого.

Атурина такъ и отшатнуло назадъ. На лицѣ его всецѣло отразилось величайшее, сразу поразившее его удивленіе и даже какъ-будто испугъ и замѣшательство, такъ что руки его невольно опустились, точно обезьяненные. Всего, казалось ему, можно было ожидать, только не этого...

— Другого?—повторилъ онъ такъ-же машинально, какъ и она за минуту предъ этимъ.

— Да, Владиміръ Васильевичъ, я невѣста другого,—проговорила Тамара съ подавленнымъ вздохомъ, и въ звукъ ея дрогнувшаго голоса невольно прорвалось при этомъ точно бы сожалѣніе о чемъ-то непоправимомъ и что-то горькое, недосказанное, но безповоротное.

— Кто-жъ онъ?.. Могу я знать его имя?—глухо и сдержанно спросилъ Атуринъ унававшимъ голосомъ.

Тамара не совсѣмъ-то охотно въ душѣ, хотя и не показывая этого, назвала ему фамилію графа.

— Каржоль де-Нотреку? — воскликнулъ онъ съ новымъ удивленіемъ.—Колѣрный это? штатскій?

— Да, онъ не военный... Зовутъ его Валентинъ Николаевичъ,—пояснила ему дѣвушка.—А что?.. Вы его знаете?—прибавила она не безъ скрытаго внутренняго безпокойства за ожидаемый отвѣтъ, боясь, что онъ будетъ не въ пользу ея нареченнаго.

— Н-да, отчасти... встрѣчались когда-то въ обществѣ, въ Петербургѣ,—проговорила какъ бы нехотя Атуринъ, межъ-тѣмъ какъ лицо его приняло нѣсколько хмурое и озабоченное выраженіе.—Вѣдь онъ теперь въ «То-

вариществе» служить?—спросил онъ послѣ нѣкотораго раздумья и колебанія.

Тамара вся вспыхнула. Никогда еще не было ей такъ стыдно за Каржолъ и такъ досадно на него за эту «службу» его въ «Товариществе», какъ въ эту минуту. Она не знала, что ей отвѣтить, — сказать ли «да», сказать ли «нѣтъ» или «не знаю», словомъ, солгать, — но на послѣднее языкъ не поворачивался, и потому, прижавъ къ губамъ букетъ фиалокъ, она старалась глядѣть куда-то мимо Атурина и сдѣлала видъ, будто не разслушала его вопроса.

— Осенью, когда нашъ полкъ переходилъ за Дунай, — продолжалъ онъ, — мнѣ какъ-то показали его въ Зимницѣ.

Тамару всю передернуло нервною дрожью, точно-бы отъ холода. Въ головѣ ея опять мелькнули развеселые интенданты, зеленый столъ и Марица.

— Вы что-нибудь знаете про него? — не подумавъ, спросила она вдругъ Атурина, съ трудомъ скрываемымъ безпокойствомъ, и тутъ же почувствовала, что этотъ вопросъ сорвался у нея съ языка совсѣмъ, какъ бы, не кстати, — точно бы она обнаружила имъ какое-то подозрительное недовѣріе къ своему жениху и дала понять, что за нимъ есть или можетъ быть что-нибудь не совсѣмъ хорошее.

— Я?.. про него?.. Н-нѣтъ... что-же?.. Ничего такого, — проговорилъ Атуринъ, нѣсколько замѣшавшись и вопросительно взглянувъ на нее отчасти удивленнымъ и испытующимъ взглядомъ.

Ей показалось въ этомъ неопредѣленномъ и не совсѣмъ твердомъ отвѣтѣ что-то уклончивое, точно бы онъ знаетъ, да не желаетъ высказаться, — и это обстоятельство чисто женски подстрекнуло ее на дальнѣйшую настойчивость, съ цѣлью допытаться, тѣмъ болѣе, что первый, невольный сорвавшійся, вопросъ уже сдѣланъ, — хотя, можетъ быть, его и не слѣдовало касаться, — но все-равно уже! . Можетъ быть, Атуринъ знаетъ про Каржолъ что-нибудь такое, что сразу могло бы покончить всѣ ея иллюзіи и сомнѣнія на его счетъ и разъяснить ей наконецъ, что это за человекъ, въ самомъ дѣлѣ? Теперь ей даже хотѣлось этого. Можетъ быть, это будетъ та брешь, которая поможетъ ей возвратитъ себѣ свою свободу.

— Нѣтъ, скажите мнѣ откровенно! — дружески вкрадчиво приступила она къ нему, съ женски-кошачьимъ ласковымъ движеніемъ беря его руку. — Вы какъ-будто стѣсняетесь чѣмъ-то... Не бойтесь огорчить меня, говорите прямо.

— Что-жъ я могу сказать, разъ что это вашъ выборъ, и вы его невѣста? — пожалъ онъ плечами. — Одно развѣ: дай вамъ Богъ всякаго счастья!.. Это отъ души говорю, повѣрьте!

Тамара осѣклась и замолкла. Она поняла, что дальнѣйшая настойчивость въ этомъ направленіи не приведетъ ни къ чему, потому что, въ самомъ дѣлѣ, странно было съ ея стороны и думать, чтобы такой человекъ, какъ Атуринъ, только-что сдѣлавъ ей предложеніе и узнавъ, что она невѣста другого, сталъ бы порочить ей этого другого, даже еслибъ и зналъ про него что-либо. Ей стало досадно на самоё себя за то, что, позволивъ себѣ увлечься своимъ, въ сущности, нехорошимъ относительно Каржолъ, побужденіемъ, она обнаружила своими неумѣстными приставаньями съ этимъ вопросомъ большую несдержанность и даже просто безтактность. Развѣ не въ правѣ будетъ Атуринъ подумать послѣ этого, что она, соблазняясь его предложеніемъ, рада искать и ловить первый попавшійся поводъ, чтобы отдѣлаться отъ Каржолъ? И если Каржолъ дѣйствительно легковѣсный или недостойный человекъ, то какою пустою и легкомысленною должна казаться Атуруну дѣвушка, которая могла увлечься подобнымъ, вѣнчанно-блестящимъ человекомъ, даже до рѣшимости быть его женою!.. Онъ долженъ перемѣнить теперь о ней свое мнѣніе, и эта мысль была Тамарѣ всего болѣе. Понять-ся въ глазахъ такого человека — это ужасно! Желая проверить свое предположеніе и убѣдиться въ немъ, она искала и тихо взглянула на Атурина: что онъ молчитъ и о чемъ думаетъ?.. И какъ странно, въ самомъ дѣлѣ, это внезапно водворившееся между ними молчаніе, какъ будто у обоихъ у нихъ не стало болѣе ни словъ, ни предмета для обмена мыслей, даже для самого ничтожнаго разговора.

И дѣйствительно, оба они въ душѣ чувствовали себя какъ-то не совсѣмъ ловко и свободно другъ предъ другомъ. Атуринъ стоялъ, облокотясь на барьеръ, и раздумчиво глядѣлъ куда-то въ сторону, въ морскую даль, съ насмущнымъ и грустнымъ выраженіемъ во взорѣ.

— Пойдемте, однако, пора уже, — подала ему руку Тамара, чтобы какъ-нибудь кончить эту тяжелую для обоихъ сцену.

И они молча тронулись по набережной, думая каждый свое и не глядя другъ на друга. Но пройдя десятка три шаговъ, Атуринъ вдругъ остановился и положилъ свою ладонь на ея руку.

— Вотъ что, сестра, — заговорилъ онъ сердечнымъ и твердо рѣшительнымъ тономъ, глядя ей прямо въ глаза и какъ-бы ободряя ее своимъ ласковымъ взглядомъ. — Что бы съ вами ни случилось въ жизни, знайте одно: у васъ есть надежный, искренній другъ, который васъ никогда не забудетъ... Одно ваше слово — и я явлюсь къ вамъ... Помните, что бы ни случилось, подчеркните онъ. — Вотъ

вамъ рука моя въ томъ—вѣрная рука! На нее можете положиться.

Она взглянула на него глазами полными слезъ, съ глубоко признательнымъ и вѣрующимъ въ него выраженіемъ, которое глубоко запало ему въ душу, и безъ словъ, горячо отвѣтила на пожатіе протянутой ей руки. Да словъ тутъ и не нужно было. Этотъ серьезно сердечный тонъ его и взглядъ, какимъ можетъ смотрѣть только взаправду и крѣпко любящій человѣкъ, сняли съ души ея всю тяжесть только-что возникшихъ въ ней мучительныхъ сомнѣній.— Нѣтъ, онъ не перебилъ о ней свое мнѣніе,—она въ его глазахъ все та же! — И съ этою мыслію струя отраднаго успокоенія влилась въ сердце Тамары.

Послѣ этого они молча, но съ облегченною душою, пошли далѣе и молча же дошли до церковной паперти, гдѣ уже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ поджидала Тамару сестра Степавида.

XXVI.

За время томленья подъ Царьградомъ.

Глядя изъ «прекраснаго далека», трудно было вѣрить страннымъ и смутнымъ вѣстямъ изъ Россіи, а между тѣмъ, тамъ все болѣе и болѣе разыгрывалась въ самомъ состояніи общества кака-то тревожная драма съ отгѣнкомъ безшабашной оргіи.

Политическіе процессы размножились до такой степени, что даже внутренніе хроникеры либеральныхъ газетъ, по ихъ собственному сознанію, начинали путаться въ ихъ числѣ. Прежде, по крайней мѣрѣ, эти процессы ограничивались одними столицами, теперь же стали появляться и въ провинціяхъ, и не было того уголовно-политическаго дѣла, въ которомъ не оказались бы замѣшанными евреи и еврейки, изъ категоріи «учащихся». То было время, когда не то-что судъ присяжныхъ, а даже военно-окружной судъ въ Одессѣ, въ мартѣ мѣсяцѣ, по дѣлу какого-то Омичева о преступной пропагандѣ въ войскахъ, приговаривалъ фельдфебелъ, за мнѣніе у себя книгъ преступнаго содержанія, къ трехнедѣльному аресту и оправдывалъ главнаго пропагандиста, Омичева, которого тутъ же «молодежь» подхватила на руки и торжественно понесла изъ суда кутить въ тотъ самый трактиръ, гдѣ прежде онъ былъ арестованъ, а затѣмъ отправилась гурьбой къ его защитнику Вейнбергу и устроила послѣднему уличную овацію.

Съ 20-го марта начались охотки и безпорядки въ Киевскомъ университетѣ, возбужденные извѣстьями о «извѣстномъ направленіи». Поводомъ къ нимъ послужило покушеніе 23-го февраля на жизнь товарища прокурора Кот-

ляренскаго, повлекшее за собою нѣсколько студенческихъ арестовъ.—И вотъ, въ тотъ самый день 31-го марта, когда въ Петербургѣ была оправдана Вѣра Засуличъ, и оправданіе это было истрѣчено уличными оваціями «интеллигентной толпы» къ чести «героини» и ея защитника, при выстрѣлахъ на Шпалерной изъ толпы въ полицію,—въ тотъ самый день въ Киевѣ былъ объявленъ приговоръ университетскаго суда, которымъ 134 человѣка исключались изъ университета. Между виновными значительный процентъ принадлежалъ евреямъ. Послѣ этого, въ воздаяніе за такой приговоръ, 5-го апрѣля было сдѣлано на университетскомъ крыльцѣ нападеніе на ректора Матвѣева, которому нанесенъ камнемъ ударъ въ високъ, свалившій его безъ чувствъ на помость. Тотъ же приговоръ отразился и въ Москвѣ. Когда 3-го апрѣля привезли по Курской дорогѣ въ Москву пятнадцать кievскихъ студентовъ, высылаемыхъ въ дальнія губерніи, то ко времени ихъ прибытія на вокзалѣ собралась «молодежь», которая встрѣтила привезенныхъ криками «ура!» и двинулась гурьбой провожать ихъ арестантскія кареты до пересыльной тюрьмы. У Охотнаго ряда толпу эту жестоко избили мясники и приказчики, рыбаки, лабазники и т. п. Замѣчательно, между прочимъ, что самыя либеральныя газеты разразились за это побойще страстными нареканіями на правительство: оно должно-де было выслать жандармовъ и войско для укрощенія приказчиковъ. А для укрощенія бунтарей?—Объ этомъ умалчивалось.

Рядомъ съ явленіями преступно политическаго и агитационнаго характера, разыгрывались не менѣе знаменательныя явленія и другого разлагающаго, въ общественномъ смыслѣ, порядка. Еще у всѣхъ свѣжо было въ памяти, какъ въ «Московскомъ ссудномъ и учетномъ банкѣ», при заправительствѣ жида Ланды, было расхищено въ пользу берлинскаго жида Струсберга семь милліоновъ рублей, выданныхъ ему подъ завѣдомо фиктивные цѣнности, какъ вдругъ, въ концѣ марта, обнаружилась въ петербургскомъ «Обществѣ взаимнаго поземельнаго кредита» болѣе чѣмъ двухмилліонная растрата, сдѣланная кассиромъ-бонвиваномъ Юханцевымъ, а тамъ и пошло: Петербургское «Общество взаимнаго кредита», обобранное кассиромъ Бритневымъ, Киевскій банкъ, разворованный своими жидами Сіони, Либергомъ и Шмулевичемъ, банки Тульскій, Орловскій и проч., и проч. Объ огульномъ воровствѣ, которому подвергается общественный и казенный сундукъ, приходилось слышать и читать чуть не каждый день: тамъ подкапались подъ казначейство, здѣсь вытаскивали деньги изъ окружнаго суда, тутъ изъ городской думы, тутъ изъ земской управы, тамъ изъ духовной консисторіи... Одновременно съ этимъ шла и

крупныя святотатство — ограбленіе церквей, иконъ... На Святой недѣлѣ въ Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ соборѣ обнаружено похищеніе брильянтовъ съ иконы Богоматери, на четыре тысячи рублей, а въ Одесскомъ соборѣ, въ самый день Пасхи, украдена архіерейская mitra съ драгоценными камнями, — прямо съ престола, сейчасъ же по окончаніи литургіи. Слѣды многихъ такихъ покражъ обнаружались потомъ у еврейскихъ ювелировъ, закладчиковъ и кабатчиковъ. И замѣчательно, что мотивами всѣхъ этихъ безпачашныхъ хищеній являлись не бѣдность, не нужда, а самое пустое тщеславіе, мимутныя прихоти, жажда безумной роскоши, утонченныхъ оргій и разврата. Даже либеральная печать, при всемъ ея предубѣжденіи противъ «отцовъ», — и та сознавалась, что «при нашихъ отцахъ мы что-то не запомнимъ подобныхъ колоссальныхъ кражъ», что «мы, очевидно, развитѣе, образованнѣе нашихъ отцовъ, но изъ этого выходитъ только то, что кушъ нашихъ кражъ достигли колоссальныхъ размѣровъ». Даже изъ дѣлъ благотворительности ухитрились люди дѣлать себѣ выгодные гешефты. Такъ, бѣлостокскіе суконныя фабриканты, сдѣлавъ пожертвованіе въ пользу «Краснаго Креста», черезъ недѣлю или двѣ подняли на 20% цѣны на свои товары и, такимъ образомъ, свои грошовыя, сравнительно съ ихъ торговыми оборотами и барышами, пожертвованія передожили съ избытками не только на своихъ потребителей, но и на рабочихъ, уменьшивъ послѣднимъ задѣльную плату. Но тутъ, впрочемъ, удивляться нечему, такъ какъ всѣ эти фабриканты — или евреи, или нѣмцы.

Все это были вѣсти изъ отечества. Но и свои «тыловыя» извѣстія оказывались не лучше. У одного интенданта бурный вѣтеръ уносить пять тысячъ четвертей муки (по 10 рублей за четверть), у другого исчезаетъ, по причинѣ «порчи», складъ сѣна въ триста тысячъ пудовъ, въ такомъ пунктѣ, гдѣ его совсемъ не было нужно. А ужъ о пресловутомъ «Товариществѣ» нечего и говорить. Оно состояло овесъ зеленѣе сушеннаго горошка, хлѣбъ совершенно сырой, сухари — буквально, на половину съ землею, муку съ 10% рожковъ (спорынья), спиртъ въ 32 градуса крѣпости и т. д. 17-го мая въ Одессу прибылъ цѣлый грузъ такихъ образцовъ, тщательно упакованный и опечатанный, для экспертизы, въ слѣдственную комиссію. Собраны были всѣ эти вещественныя доказательства въ пятнадцати пунтахъ складовъ и запасовъ въ Румыніи.

Одновременно съ этимъ, взялся и за спеціально сахарныя дѣла; но тутъ, на первыхъ же порахъ, явилась и нѣкоторая препона: въ Букарештѣ сгорѣла сахарная фабрика Власова и Изеубека, вслѣдствіе умышленнаго поджога, а тамъ пошли и другія, всякаго рода, препоны...

Послѣ движенія нашей арміи за Балканы, приготовленіе ржаныхъ сухарей было передано крупнымъ товариществамъ, прикрывавшимся громкими именами: Шереметевъ, Оболенскій и К°, Барановъ, Данилевскій и К°, Посоховъ и К°. — Еврея, по наружности, тутъ уже не было видно, кромѣ какъ въ числѣ мелкихъ агентовъ. Одна изъ этихъ компаній вапала на благую мысль: передать производство выпечки южно-русскимъ крестьянамъ, а самимъ явиться только посредниками. Опытъ вполне удался. Сама компанія получала съ казны за пудъ сухарей 2 р. 55 к.; передала же мелкимъ производителямъ по 1 р. 70, но такъ дорого потому только, что обязала этихъ производителей покупать муку у себя же, изъ своихъ компанейскихъ складовъ, по немнѣнно высокимъ цѣнамъ, почему производители и получили барыша по 10 копеекъ съ пуда. Но это еще не все. Патристическая компанія благоразумно предоставила весь рискъ веденія дѣла мелкимъ предпринимателямъ; тѣ понастроили печей, сушилокъ, иные убили на это послѣднія крохи и всѣ вообще понадѣлали у евреевъ долговъ за значительные проценты, въ ожиданіи грядущихъ заработковъ. Но тутъ компанія выкинула неожиданный фокусъ. Она не устояла въ подрядѣ съ казною, но объ этомъ умолчала передъ производителями — вѣдь не она рискуетъ! — а затѣмъ, въ январѣ, когда, по условію, оставалось еще два мѣсяца производства, внезапно объявила, что больше не принимаетъ сухарей и не считаетъ себя связанною какими-нибудь «условіями». Эффектъ вышелъ чрезвычайный. — Отчаяніе и разореніе для крестьянъ. Толпы рабочихъ по 800 человекъ, тщетно добываясь управы, ходили по улицамъ южно-русскихъ городовъ, съ воплемъ о томъ, что они разорены и не вознаграждены компаніей; нѣсколько дней они оставались въ этихъ патапіяхъ безъ крова, а затѣмъ и безъ хлѣба, такъ какъ испеченныхъ сухарей хватило имъ въ пищу лишь на недолго.

Точно также и букарештская «контора перепеченія сухарей для арміи», дѣйствовавшая якобы отъ имени князя Оболенскаго, отпуская по ненадобности своихъ работниковъ, нанятыхъ въ Калужской губерніи, произвела имъ расчетъ на бумагѣ, но денегъ не выдала, на томъ заботливомъ основаніи, что рабочіе могутъ-де пропить ихъ дорогою, и объявила, что они получаютъ свою плату въ Унгенахъ, куда и отправила 129 человекъ рабочихъ, снабдивъ ихъ на прокормъ ста рублями. Но въ Унгенахъ никакихъ денегъ не оказалось; ждали ихъ тамъ рабочіе семь дней, — корчиться наконецъ стало нечѣмъ. Кое-какъ добрались они до Кишинева и подали просьбу, — пошла безплодная, длинная переписка, и пришлось христардничать.

Въ іюлѣ добралось наконецъ слѣдствіе и до

киевского сухарного завода. Капиталъ на это дѣло былъ вложенъ извѣстными Поляковымъ, орудовалъ дѣломъ Перевозииковъ и евреи, а снаружи все оно прикрывалось титулованнымъ именемъ князя Урусова. Хлѣбъ оказался горькимъ и кислымъ на вкусъ, и выпекался такъ, что его вѣзья было рѣзать, — на куски кропился; приготовлялся онъ, какъ доказалъ химическій анализъ, на гнилой водѣ, съ примѣсью золы, песку, глины и другихъ дешевыхъ веществъ. Изъ показаній свидѣтелей и рабочихъ обнаружилось, что вода на сухари бралась изъ канавы, протекающей по кладбищу тифозныхъ плѣнныхъ турокъ, или изъ пруда, гдѣ стирали больничное бѣлье и купали лошадей, что стѣны завода были покрыты плѣсенью, и вообще, сухари, разложенные химически, заключали въ себѣ столько вредныхъ примѣсей, что предполагавшіеся сначала фзіологическіе опыты были отмѣнены, изъ опасенія вредныхъ послѣдствій. А между тѣмъ, эти опыты, въ теченіе войны, ежедневно производились надъ солдатскими желудками, и даже не «во имя науки», а просто потому, что, по мнѣнію жидовъ, солдатское брюхо все переварить. Принималъ отъ завода и сдавалъ сухари арміи докторъ Шейнфельдъ, а компанія оправдывалась тѣмъ, что если на заводѣ и попались-де сухари «не совсѣмъ удовлетворительные», то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы они предназначались къ сдѣлкѣ, — «мы-де докажемъ, что у «Товарищества» не только не было злонамеренности, но даже не было простого намѣренія сдать тѣ сухари, которые кievская экспертиза нашла неудовлетворительными, а если часть ихъ и проникла въ армію, то это по ошибкѣ, по недосмотру мелкихъ агентовъ-отправителей». Выходило, что вредные сухари неслись такъ-себѣ, для собственнаго развлеченія компаніонеровъ. Одесская экспертиза тоже признала сухари никуда негодными даже для свиней, еслибъ и мѣшать ихъ на половину съ мукою. Благодаря В. И. Левковичу¹⁾, человеку, знающему дѣло и неподкупному, одесское слѣдствіе надъ дѣяніями «Товарищества» шло было знергически и безпристрастно, несмотря на ранги и капиталы подсѣдственныхъ лицъ; привлечены были къ отвѣтственности самые сильные и крупные тузы въ мірѣ поставокъ. Вообще, крупные факты наглѣйшаго обирація казны и арміи, въ различныхъ видонамѣненіяхъ, проходившіе безнаказанно съ самаго начала войны, проявляясь то въ видѣ картонныхъ малкіелевскихъ подметокъ и гнилого сукна, то въ видѣ испорченнаго Когаловскаго сѣна, подмоченнаго овса, никуда негодныхъ консервовъ, пропавшихъ вагоновъ съ полушубками, — факты эти началъ теперь получать

надлежащее освѣщеніе. Но тутъ неожиданно встрѣтилась препона: Левковичъ, привлеченный «самыхъ сильныхъ», вдругъ долженъ былъ подать рапортъ о болѣзни и выѣхать за границу. Израиль, крупный и мелкій, возликовалъ и возрадовался. Съ плечъ его спатилась тяжелая гири, — Дамокловъ мечъ былъ искусно отведенъ въ сторону, чтобы разить только мелкую интендантскую сошку.

Но менѣе печальное зрѣлище представляли собою и «вольные погонцы». Извѣстный Варшавскій получилъ съ казны за подводческое дѣло болѣе двадцати миліоновъ рублей. Крупный подрядъ его былъ раздробленъ имъ самими по частямъ и очень выгодно проданъ для эксплуатаціи, или какъ бы на откупъ, множеству малыхъ предпринимателей изъ евреевъ. Въ Одессѣ устроено было даже нѣчто въ родѣ «акціонернаго общества» для найма погонцевъ. Акціонеры, въ расчетѣ на поживу, вносили свои паевыя доли съ тѣмъ, чтобы послѣ получить на нихъ изъ общей суммы барышей крупный дивидендъ, и всѣ подобныя взносы поступали къ нѣкому Миньковскому. Погонцы, нанявшіеся въ «конторахъ» Варшавскаго, были поряжаны съ хорошими подводами, и крѣпкими лошадьми по 90 и по 100 кредитныхъ рублей въ мѣсяцъ, не подозрѣвая, по большей части, разницы между бумажкой и золотомъ. Мѣстными властями не принималось никакихъ мѣръ къ огражденію ихъ отъ невыгодныхъ сдѣлокъ; напротивъ, было получено распоряженіе отъ начальства — оказывать агентамъ г. Варшавскаго «всевозможное содѣйствіе» къ успѣшному заготовленію подводъ и не допускать ни въ чемъ задержекъ. Впрочемъ, мѣстнымъ властямъ и трудно было предотвратить обманъ, такъ какъ договоры дѣлались агентами Варшавскаго на мѣстахъ словесно, а оформлялись уже потомъ въ Николаевѣ и въ другихъ городахъ, у нотариусовъ евреевъ, когда погонцы уже были на походѣ. Содержаніе контрактовъ никому изъ нанмававшихся доподлинно извѣстно не было, такъ какъ они прочитывались имъ — если еще жида удостоивали ихъ прочтеніемъ — наскоро, съ упущеніями, умолчаніями и разными увертливими объясненіями сомнительныхъ пунктовъ. Также не была извѣстна имъ и курсовая разница въ цѣнѣ денегъ въ Россіи и за границей. Когда же нѣкоторые изъ погонцевъ возбуждали, по слуху, вопросъ объ этой разницѣ, то агенты увѣряли ихъ, что все это вздоръ, который пускаютъ въ народъ разные смутьяны, враги Россіи, что деньги вездѣ имѣютъ одинаковую цѣну. О томъ, что они вконецъ обмануты и отданы на жертву жидамъ, догадался погонцы только за Дунаемъ, а иные уже и за Балканами. Кормить лошадей и продовольствовать себя они, по условію, должны были сами, изъ своего жалованья. Но

¹⁾ Предсѣдатель Одесской слѣдственной комиссіи.

туть дороговизна, а подчасъ и полное отсутствіе фуража, паденіе кредитнаго рубля, тяжелая, невыносимая для животныхъ работа, неаккуратные расчеты агентовъ, всевозможныя обсытыванія и жидовскіе штрафы за все—про все вскорѣ довели погонцевъ до нищенства. Жалованье выдавалось имъ несвоевременно,—обыкновенно, спустя три, четыре недѣли послѣ срока, и случалось даже, что выплачивали его не русскими кредитками, а турецкими *каимѣ*, не имѣвшими тогда уже ровно никакой цѣны. Въ отвѣтъ же на свои требованія, они перѣдко получали отъ жидовъ только брань, пинки да нагайки,—на то вѣдь жиды и офицерскія кокарды носили—и лошади погонщицкиа безвременно падали отъ изнуренія и голода. Многие не получали денегъ и потому еще, что въ ихъ расчетныхъ книжкахъ подложно записывались агентами небывалыя выдачи и штрафы. Когда же погонцы, дойдя до крайности, вынуждены были продавать лошадей и фургоны, то все это было скуплено у нихъ за безцѣнокъ самими же нанимателями-подрядчиками, которые, кстати, остроумно приняли вынужденный ими уходъ погонцевъ за нарушеніе условій. Истинно еврейская «игра ума»: не платить, вынудить продать «худобу» и фургоны, самимъ же ихъ купить и потомъ эту самую сдѣлку выставить нарушеніемъ контракта со стороны ими же разоренныхъ погонцевъ! Агенты-наниматели: Айзенвайсъ, Найбалеръ, Гиригъ, Бидерманъ и другіе воспользовались впоследствии услугами адвоката Рихтера, который и на судѣ не стыдился утверждать, что нарушители условій—не кто иной, какъ сами погонцы. Впрочемъ, дѣло это, тянувшееся Богъ-знаетъ сколько времени, за разными оттяжками, проводочками и адвокатскими увертками, было поднято только ничтожною горстью погонцевъ (42 человѣка); остальные, видя его безнадежность, махнули рукой и даже не пытали мысли тягаться съ ловкими нанимателями, имѣвшими средства, умѣющими находить готовыхъ къ услугамъ ихъ адвокатовъ и дѣйствующихъ по плану, тогда какъ погонецъ умѣетъ только жаловаться на судьбу и не дерзаетъ рассчитывать на свое право. Въ мартѣ и апрѣлѣ, около двухъ мѣсяцевъ слонялись эти несчастные по Санъ-Стефано, валяясь безъ крова въ грязи, по уликамъ, огородамъ, полямъ и болотамъ. Собралось ихъ тамъ три «отдѣленія», около тысячи человѣкъ, состоявшихъ въ распоряженіи агента Пинковского. Жаловались они нѣсколько разъ и въ штабъ, и въ комендантское управленіе, и въ интендантство, послѣ чего всегда слѣдовало строжайшее приказаніе рассчитать ихъ и отправить въ Россію съ ближайшимъ пароходомъ; но приказаніе каждый разъ оставалось безъ исполненія. Постоянно оказывалось, что самого Пя-

ковского нѣтъ въ Санъ-Стефано, живетъ онъ гдѣ-то въ Константинополѣ, а погонцы, между тѣмъ, бѣдствуютъ, къ стыду нашему, на глазахъ у иностранцевъ и турокъ. Последнія деньги, какія имѣлись еще въ запасѣ,—и тѣ прохарчили они въ Санъ-Стефано, въ ожиданіи полученія окончательнаго расчета по книжкамъ. Напрасно ѣздили они въ Константинополь искать Пинковского,—его тамъ не оказывалось; онъ скрывался и, можетъ быть, уѣхалъ уже въ Россію. А дома поля этихъ несчастныхъ оставались тѣмъ временемъ невспаханными и незабѣянными... Бывши до войны зажиточными хозяевами, погонцы вообще потеряли за Дунаемъ все и должны были подѣ копейку побираться на чужбинѣ, у своихъ и чужихъ, именемъ Христовымъ. Ужасное положеніе ихъ приняло уже въ глазахъ иностранцевъ характеръ настоящаго скандала для русскихъ, для управленія дѣйствующей арміи, для самой Россіи. Стыдъ и срамъ былъ за русское имя и достоинство, при видѣ этихъ оборванныхъ, изнуренныхъ нищихъ, протягивающихъ руку за подаяніемъ къ туркамъ, грекамъ, англичанамъ и нѣмцамъ. Имъ и самимъ было совѣстно, да голодъ не свой братъ!.. И рады-радехоньки были они, когда начальство, потерявъ уже всякую надежду на жидовскихъ агентовъ, распорядилось наконецъ само отправить ихъ на казенныхъ пароходахъ въ Россію, куда вернулись они пѣшими, голыми, босыми и безъ гроша денегъ. Добрая половина ихъ вымерла въ Турціи отъ тифа и изнуренія голодомъ. Никто изъ крестьянъ на службу погонщицкую больше не поступалъ, несмотря на новыя заманчивыя приглашенія евреевъ и обѣщанія золотыхъ горъ. Но въ концѣ концовъ потеряли не одни погонцы. Хотя слухи о печальной участи ихъ начали довольно скоро распространяться по югу Россіи, но это нисколько не смущало акціонеровъ жидовскаго одесскаго «общества», а скорѣе распаляло ихъ мечты о значительномъ дивидендѣ. Вышло, однако же, не совѣтъ такъ, какъ предполагалось. Заправлявшіе дѣломъ агенты объяснили своимъ довѣрителямъ, что страдали не погонцы, а напротивъ—интересы самого акціонернаго общества; погонцы же отличались только жадностью, неискравностью, плутизничествомъ и т. п., почему и надежды на дивидендъ не оправдались. И вышло, что погонщицкая операція, на которую казна отпустила Варшавскому 20 миллионовъ рублей, была эксплоатаціей не только темныхъ крестьянъ, но и людей, надкихъ до наживы. Зато въ липкихъ жидовскихъ рукахъ на этой ловкой операціи оказались десятки миллионовъ.

Къ августу мѣсяцу «Товарищество» Грегера, Горница и Когана прекратило въ Букарештѣ платежи и было признано тамъ несостоятельнымъ. Общая сумма долговъ его обозначилась

покуда въ 26 миллионѣ франковъ. Предварительное дознание, производившееся въ Букарештѣ особо-присланныю изъ Санъ-Стефано комиссіею, съ первыхъ же шаговъ слѣдствія раскрыло ужасныя злоупотребленія по поставкѣ не только испорченныхъ, но *умышленно* фальсифицированныхъ припасовъ, что отразилось въ чрезвычайно большомъ процентѣ болѣзненности въ войскахъ, и злоупотребленія эти, — какъ оказалось уже тогда, на первыхъ же порахъ, — превысили цифру 12 миллионѣ рублей золотомъ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти раскрытія и даже на формальную несостоятельность «Товарищества», почему-то было признано возможнымъ выдать ему изъ русской казны, впредь до расчета, еще 6 миллионѣ рублей золотомъ! До того же времени было уплачено казною «Товариществу» 70 миллионѣ металлическихъ рублей, но не довольствуясь этимъ, оно собиралось предъявить къ казнѣ искъ еще на 28 миллионѣ рублей металлическихъ же, для какой цѣли и пустило въ газетахъ слухъ, что вызываетъ къ себѣ на помощь грознаго правительству адвоката, — самого Спасовича. Въ защиту жидовской компаніи выступили въ Букарештѣ спеціальныя публицисты, издававшіе для этого особыя брошюры и газетныя листки, въ родѣ «Записокъ Гражданина» нѣкоего жидка Лернера. Да и въ самой Россіи, не говоря уже о чисто еврейскихъ изданіяхъ, за этихъ компаніонѣ стояла часть либеральной печати, и даже въ числѣ солидныхъ не либеральныхъ органовъ были такіе, что обходили эти дѣла молчаніемъ или ограничивались только перепечаткою строгаго офіціальнаго свѣдѣнія, безъ всякихъ комментариевъ. Компаніоны не унывали: никакой судъ для нихъ не могъ быть страшнѣе, въ виду самаго условія ихъ съ интендантствомъ и массы оправдательныхъ документовъ, какими, въ силу условія, считались даже нисѣмъ не засвидѣтельствованныя записки и счета частныхъ лицъ. Да и кромѣ того, по условію же, «Товарищество» за свою неисправность *«во всякомъ случаѣ»*, отпѣчало предъ казною «только представленнымъ въ обезпеченіе исправности залогомъ, въ размѣрѣ 500 тысячъ рублей». Такимъ образомъ, жида высклаки за эту войну громадную контрибуцію съ русскаго народа. Даже второстепенные и третѣстепенные агенты, въ родѣ Громбаха, Сахара, Меньковского и т. д., пріѣхавшіе въ Румынію нищими и несостоятельными должниками, а нѣмѣе даже бѣжавшими отъ долговъ, возвращались теперь въ ту же Россію домовладѣльцами, землевладѣльцами, крупными помѣщиками, богачами съ сотнями тысячъ въ карманѣ, а порой и «кавалерами» нѣкоторыхъ орденовъ, чуть ли даже не съ мечами, «за особыя заслуги». Потому-то жида и были

такъ недовольны скорымъ, по ихъ мнѣнію, заключеніемъ мира. Продолжайся война, — контрибуція ихъ съ Россіи могла бы быть вдвое, втрое, вдесятеро больше. — Какъ жутко не жаловаться! — Проглѣзали они всюду, даже въ уполномоченныя «Краснаго Креста», занимаясь въ то же время и выгодными поставками на армію. Съ «Краснымъ Крестомъ» былъ, между прочимъ, такой случай: керченскіе граждане отиравали съ душевнымъ усердіемъ двѣ значительныя посылки, по семи тюковъ, съ платьемъ и вещами для дунайской арміи, на имя г. Рафаловича, уполномоченнаго «Краснаго Креста» въ Букарештѣ. И что же? — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ первая посылка возвращается по почтѣ обратно въ Керчь, «за неяпкою получателя», а о другой — ни слуху, ни духу. «Хотятъ ли подобныя господа благотворители, спрашивалось тогда по этому поводу въ печати, — хотятъ ли они подорвать въ самомъ корнѣ побужденія къ патриотическимъ пожертвованіямъ со стороны русскаго общества, его порывъ къ облегченію участи нашихъ страждущихъ воиновъ», и тутъ же, по поводу извѣстія о взытіи одесскимъ почетнымъ гражданиномъ А. Рафаловичемъ подряда на доставку въ Санъ-Стефано пресованнаго сѣна, по 73 коп. за пудъ, замѣчалось, что «если это тотъ самый Рафаловичъ, уполномоченный «Краснаго Креста», на котораго недавно жаловались керченскіе жители, тогда повитно: не явился за полученіемъ тюковъ, будучи занятъ болѣе интересными поставками».

Все это читалось, передавалось изъ устъ въ уста, и хорошо замѣчалось, даже чувствовалось въ Санъ-Стефано. И въ самомъ дѣлѣ: въполитическихъ процессахъ — жида, въ мятежныхъ уличныхъ демонстраціяхъ — жида, въ либеральной печати и адвокатурѣ — жида, въ банковскихъ крахахъ — они же; въ разныхъ хищеніяхъ и святотатствахъ, въ огульномъ ограбленіи казны и арміи — тоже жида, въ сухарномъ и погощицкомъ дѣлѣ, пустившемъ по міру тысячи русскихъ крестьянъ — опять-таки жида, даже въ «Красномъ Крестѣ» — и тамъ безъ нихъ не обошлось!.. Все это до глубины души возмущало русскихъ людей подъ Царьградомъ, — особенно, видя, какъ эти жида и адѣсь ходятъ съ нагло торжествующими фізіономіями и звать себѣ не хотятъ никакихъ распоріженій и приказаній начальства, если они имъ не выгодны. — И вотъ тутъ-то, подъ Царьградомъ, впервые невольно призадумались о «еврейскомъ вопросѣ въ Россіи» даже и тѣ, кто о немъ до сихъ поръ никогда и не думалъ. Тутъ впервые всѣми сознательно почувствовалось и сказалось острѣгающее слово «жида идетъ!» — и этотъ «жида» казался страшнѣе всякой войны, вся-

кой европейской коалиции противъ Россіи. Слѣшкомъ ужь больно и оскорбительно все это было!..

* * *

Еще болѣе угнетающимъ образомъ дѣйствовали на общій духъ русскихъ подѣ Царьградомъ вѣсти политическія изъ Европы, въ которыхъ теперь не было недостатка. Тотчасъ же вслѣдъ за миромъ укоренилась-было увѣренность въ будто бы состоявшемся тѣсномъ союзѣ Турціи съ Россіей противъ Англіи и Австро-Венгріи; но уже въ мартѣ, когда турки возвели вокругъ Константинополя сильныя укрѣпленія, эта увѣренность уступила мѣсто болѣе основательному сознанию, что турецкое правительство совершенно подчинилось видамъ нашихъ противниковъ. Въ то же время пошли первые слухи о томъ, что Россія согласилась на какой-то общеевропейскій конгрессъ и что на близкое осуществленіе его будто бы подаеиъ большія надежды ея неожиданная уступчивость, которой однако же въ Европѣ не довѣряли, предполагая въ этомъ какое-нибудь скрытое коварство. Знаменитое бисмарковское «*Beati possidentes*» какъ бы подстрекало косвеннымъ образомъ Россію къ неуступчивости, въ предвидѣніи англо-австрійскаго союза, который или вынудилъ бы насъ на новую войну, или заставилъ бы дѣлать новыя непосильно напряженныя приготовленія къ ней и вести новыя жертвы, разстраивающія и финансы, и вообще благосостояніе страны. Но мы еще крѣпко вѣровали въ Бисмарка и въ его дружбу.

Англія, межѣ-тѣмъ, будто бы готовила полторастотысячную десантную армію для дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ совместно съ Турціей, — армію, въ дѣйствительности изображенную всего лишь семью тысячами какихъ-то привезенныхъ на Мальту несчастныхъ сипайевъ; Андраши потребовалъ кредита въ шестьдесятъ милліоновъ гульденовъ на мобилизацію; въ Венгріи будто бы готова уже восьмидесятитысячная армія, да въ Галичинѣ сорокъ тысячъ войскъ въ двухъ лагеряхъ. Но всего знаменательнѣе оказался въ то время неожиданный поворотъ общественнаго мнѣнія во Франціи относительно восточныхъ дѣлъ и Россіи. Преданія Крымской войны, казалось, снова вступаютъ у французовъ въ свою силу. Еще недавно господствовавшее у нихъ свѣжее сознаніе, что Россія въ 1875 г. остановила своимъ словомъ новый, уже занесенный было надъ Франціей ударъ Германіи, вдругъ какъ будто позабылось, исчезло, — а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и подготовленная герцогомъ Деказомъ почва для франко-русскаго союза. Съ побѣдой оппортунистской партіи, все это вдругъ измѣнилось. Вчерашнія симпатіи къ Россіи смѣнились враждебнымъ къ ней и дружественнымъ къ Англіи настроеніемъ. Въ этомъ направленіи сильно работали органы Гамбетты и оппор-

тунистовъ: «*République Française*», «*Temps*» и «*Journal des débats*», а подѣ ихъ влияніемъ и вся французская печать все болѣе и болѣе проникалась непріязненнымъ чувствомъ къ Россіи.

Въ это же время крайнее неудовольствіе противъ той же Россіи проявляли и Сербіи, и Румыніи, и Греція, пальца объ палецъ не ударившая, чтобы помочь въ войнѣ за освобожденіе балканскаго христіанства. Ристичъ, въ рѣчи своей, въ скупщинѣ прямо высказывалъ, что Сербія подѣ австрійскою эгидой можетъ достигнуть такой силы, какой она никогда не дождется при покровительствѣ Россіи, что съ помощью австрійской политики сербы получаютъ возможность основать большое южно-славянское государство, простирающееся отъ Дуная до Эгейскаго моря и отъ береговъ Искера до моря Адриатическаго, и что только этимъ путемъ можно положить предѣлы безграничному русскому произволу и поставить подѣ мощную охрану Габсбургской монархіи національное сербское достоинство, сербскій языкъ, литературу, вѣру и въ особенности конституціонный образъ правленія, и этимъ самымъ-де явится дѣятельный противовѣсъ московскимъ тайнымъ замысламъ. Румыніи тоже возгремѣла противъ Россіи. Въ Букарештѣ ояиъ раздалась рѣчи о «великой миссіи» Румыніи, какъ передового поста Европы противъ «московскаго варварства». По вопросу о возвращеніи Россіи отторгнутаго у нея въ 1856 году клочка придунайской Бессарабіи, сенатъ и палата депутатовъ единогласно постановили поддержать цѣлость румынской территоріи и не допускать отторженія какой бы то ни было ея части, хотя бы за земельное или другое какое-либо вознагражденіе. Съ этою цѣлью Румыніи начала даже готовить противъ Россіи свою армію, намѣревалась присоединять ее къ австрійцамъ. Даже болгарскіе политики, у которыхъ еще не зажили спины отъ вчерашнихъ турецкихъ канчуковъ, — и тѣ уже заносчиво мечтали, что будущее на Босфорѣ принадлежитъ не «отживающей» Россіи, а имъ, въ смыслѣ великой болгарской имперіи, со столицей въ Царьградѣ, что пускай только Россія поможетъ имъ окончательное стать на ноги, а тамъ ужь они расправятся съ нею безъ церемоній и сдѣлаютъ изъ своей великой болгарской имперіи навѣки твердый оплотъ для европейской цивилизаціи противъ «московской азіатчины». Выходило, какъ будто Россія жестоко виновата въ чемъ-то предо всѣми, и большими и малыми, — вотъ вдругъ осканили противъ нея зубы и зарычали или затыкали.

Положеніе было какое-то странное, двусмысленное, полное лжи и предательства. Въ Санъ-Стефано, приглядываясь и прислушиваясь ко всему этому, не знали, чему вѣрить,

чего ожидать, кто другъ, кто недругъ. Мирное настроеніе смѣнивалось съ боевою тревогой. Съ одной стороны расточаются отовсюду мирныя увѣренія, съ другой—всѣ напряженно слѣшатъ вооружаться въ громадныхъ размѣрахъ. Изъ всего этого получалась томительная и странная противорѣчивость словъ и дѣйствій, рядъ какихъ-то логическихъ абсурдовъ. Австрійская офиціозная печать еще во время самой войны весьма знаменательно высказывалась, что «Россія и Турція обѣ почувствуютъ, что хотя обѣ онѣ достаточно сильны, чтобы нанести другъ другу чувствительные удары, но слишкомъ слабы, чтобы воспротивиться волѣ Европы, при устройствѣ восточныхъ дѣлъ». Очевидно, что выражаться подобнымъ образомъ можно было только при полной увѣренности, что для Австріи обезпечена поддержка Германіи и что со-временемъ эта австро-германская солидарность обнаружится въ-явь.

И при такихъ-то обстоятельствахъ долженъ былъ сойтись въ Берлинѣ европейскій ареопажъ, съ Россіею въ роли подсудимой,—точно бы она была обязана теперь заключать новый миръ, не съ Турціей, а съ Европой, которая оставалась только зрительницей русско-турецкаго поединка. И это въ то время, когда въ самой Европѣ, въ своихъ домашнихъ дѣлахъ, было очень неспокойно, когда въ Англіи шли колоссальныя стачки и забастовки рабочихъ, а въ Германіи велась ожесточенная внутренняя борьба съ социалъ-демократами, и когда въ Берлинѣ, на разстояніи десятидневнаго срока, дважды стрѣляли по императору Вильгельму.

Въ Россіи вновь возникло патріотическое одушевленіе, выразившееся во всенародныхъ единодушныхъ пожертвованіяхъ на приобрѣтеніе крейсеровъ добровольнаго флота, для войны съ Англіей, причемъ кое-гдѣ не обошлось, конечно, и безъ нѣкоторыхъ курьезовъ, въ родѣ того, напримѣръ, что одно изъ нарочныхъ собраній различныхъ представителей судебного вѣдомства порѣшило соорудить особый крейсеръ судебного вѣдомства, и такъ и назвать его «крейсеромъ судебного вѣдомства».

Но между общественнымъ настроеніемъ Россіи и дѣятельностію ея дипломатовъ уже невольно сказывался внутренній разладъ. Общество и народъ были готовы на новыя жертвы, даже на новую войну, чтобы отстоять результаты Санъ-Стефанскаго мира; дипломаты же дѣлали все новыя и новыя уступки наглымъ притязаніямъ Европы. Засѣданія Берлинскаго конгресса открылись 1-го іюня, но еще ранѣе конгресса, чуть не наканунѣ его, русская дипломатія, въ особомъ соглашеніи съ Англіей, признала за послѣднее право протектората надъ мало-азійскими турецкими провинціями и дала ей увѣреніе, что въ будущемъ границы Россіи со стороны Азіатской Турціи не

будутъ болѣе расширяемы. Въ самый же день открытія конгресса, австро-венгерское правительство издало указъ о мобилизаци своей арміи, чтобы оказать этимъ пущее давленіе на податливостъ русской дипломатіи, зная, что Родонское возстаніе—эта подшепнутая Европой неофіціальная война Турціи противъ Россіи, оттягиваетъ значительную часть нашихъ силъ и, до извѣстной степени, связываетъ намъ руки.

Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, блестящимъ героемъ, дѣятельнымъ факторомъ и авторитетнымъ вершителемъ на конгрессѣ явился не князь Бисмаркъ, удовольствовавшійся для видимости скромною ролью «честнаго маклера», а возведенный въ санъ лорда Беконсфильда, еврей Бенъяминъ д'Израэли,—и одною изъ первѣйшихъ заботъ его было, доведенное до счастливаго конца, стремленіе отстоять полную гражданскую равноправность и свободу эксплоатаціи для евреевъ въ Румыніи, Сербіи и въ прочихъ вновь возникающихъ политическихъ организамахъ на Балканскомъ полуостровѣ. Это былъ первый положительный и крупный результатъ конгресса, заставившій возликовать все еврейство, сразу почувшшее, какое широкое новое поле открывается для его высасывающей дѣятельности!.. Затѣмъ, конгрессъ съ рѣдкимъ единодушіемъ разрѣшилъ Австріи безсрочно занять Боснію и Герцеговину, подражывая подъ этимъ, какъ естественное слѣдствіе такого занятія, вассальное подчиненіе австрій кимъ выдастъ и независимой Сербіи, и независимой Черногоріи, и всей западной части Балканскаго полуострова, вплоть до Эгейскаго моря. И русская дипломатія, по замѣчанію И. С. Аксакова, видѣла во всемъ этомъ «даже какое-то особое торжество своей политики, и съ увлеченіемъ, которому графъ Андраши даже и не вѣдугъ повѣрилъ, привѣтствовала, какъ новую эру, разграниченіе сферъ вліянія Россіи и Австріи на Балканскомъ полуостровѣ». Въ концѣ концовъ выходило, что мы дрались какъ бы за тѣмъ только, чтобы отдать во власть Австріи славянъ, даже и тѣхъ, которые до сихъ поръ пользовались относительною свободой, да еще для того, чтобы предоставить евреямъ полную свободу эксплоатаціи всѣхъ этихъ христіанскихъ народностей, до сихъ поръ не знавшихъ еще этой извы египетской. Уже во время самаго конгресса, между Англіей и Турціей была заключена особая конвенція,—въ сущности, оборонительный союзъ,—въ силу которой Англія забрала себѣ островъ Кипръ. Сюрпризное объявленіе этой конвенціи изъ устъ самого Беконсфильда и завербило собою, 1-го іюля, Берлинскій конгрессъ,—по выраженію дипломатіи, — «самымъ неожиданнымъ и блестящимъ образомъ». Это былъ настоящій финальный *coup de théâtre* всего конгресса. — «Неужели все это сонъ, не просто

страшныя грезы, хотя бы и на яву?» съ чувствомъ горечи и ужаса восклицалъ И. С. Аксаковъ¹⁾. — «Неужели и впрямь на каждомъ изъ насъ уже горитъ неизгладимое клеймо позора? Не мерещится ли намъ все то, что мы будто видимъ, слышимъ, читаемъ? Или наоборотъ, *прошлое* было грезой? Галлюцинація, не болѣе какъ галлюцинація — все то, чѣмъ мы утѣшались и славились еще менѣе полугода тому назадъ? И плѣнные турецкія арміи подъ Плевной, Шипкой и на Кавказѣ, и зимній переходъ русскихъ войскъ черезъ Балканы, и геройскіе подвиги нашихъ солдатъ, потрясшіе міръ изумленіемъ, и торжественное шествіе ихъ до Царьграда — эти необычайныя побѣды, купленныя десятками тысячъ русскихъ жизней, эти несмѣтныя жертвы, принесенныя русскимъ народомъ, эти порывы, это священнодѣйствіе народнаго духа, — все это сказки, мнѣ, порожденіе распаденной фантазіи... Вотъ къ чему послужила вся балканская страда русскихъ солдатъ! Стоило для этого отомраживать ноги тысячами во время пятимѣсячнаго Шипкинскаго сидѣнія, стоило гибнуть въ свѣгахъ и льдинахъ, выдерживать напоръ бѣшеныхъ Сулеймановскихъ полчищъ, совершать неслыханный, невиданный въ исторіи зимній переходъ черезъ досягающія до неба скалы!»

Нигдѣ, можетъ быть, не чувствовалась живѣе и ближе вся горечь и скорбь этихъ словъ, какъ въ Санъ-Стефано и на русскихъ позиціяхъ подъ Царьградомъ, въ виду этихъ минаретовъ и куполовъ св. Софіи. Нигдѣ не сказывалась такъ явно перемена отношеній къ намъ со стороны всѣхъ этихъ разношерстныхъ представителей Европы и мѣстныхъ населеній, какъ тамъ, — именно тамъ, гдѣ еще такъ недавно всѣ они были преисполнены удивленія и почтенія къ русской силѣ, а теперь глядѣли на нее, на эту силу, съ нескрываемой пренебрежительной насмѣшкой. И все это приходилось терпѣть молча, съ болью горькой обиды въ ежечасно оскорбляемомъ сердцѣ. Духъ унынія, озлобленнаго скуки и апатія все болѣе и болѣе овладѣвалъ русскими подъ Царьградомъ. Нравственно удушливое положеніе ихъ становилось невыносимымъ, — хоть бы домою скорбѣ, что-ли, отъ этого жгучаго стыда и позора! — вотъ каково было всеобщее чувство. Бѣжать, бѣжать прочь и дальше отъ всѣхъ этихъ пѣмыхъ и живыхъ свидѣтелей вчерашнихъ нашихъ торжествъ и подвиговъ, — вотъ было общее желаніе. И съ какою завистью глядѣлось на тѣхъ счастливицевъ, которые могли тогда же совѣмъ уѣхать въ Россію!..

Къ этой мертвящей, томительной скукѣ и апатіи, еще усиливавшейся отъ продолжительнаго бездѣйствія и стоянки въ нездоровыхъ

мѣстностяхъ, присоединялись болѣзни, — болотныя лихорадки, сыпной и пятнистый тифъ, близкій къ чумѣ. Солдаты ежедневно мерли десятками по госпиталямъ, русскія кладбища позади лагерныхъ позицій все разрастались и разрастались... Жара стояла убійственная. Плохо зарытыя болгарами трупы людей и животныхъ на поляхъ сраженій, внутри страны, распространяли зловоніе и грозили чумою. Кромѣ строевыхъ ученій, начальство старалось занимать войска обширными работами на пристаняхъ, по выгрузкѣ различныхъ предметовъ довольствія, улучшеніемъ путей сообщенія въ районахъ ихъ расположенія, зарытіемъ падали, лежавшей по всѣмъ дорогамъ и въблизи селеній, и т. п. Но несмотря ни на что, эта двусмысленная неопредѣленность положенія и полная безвѣстность насчетъ ближайшаго будущаго все-таки накладывали на всѣхъ и все въ русскихъ станахъ печать унылой скуки, а въоти съ Запада и въ особенности изъ Берлина плодила глухое раздраженіе и горечь сдержанной злобы и на чужихъ и на своихъ. — «Вотъ они, наши настоящіе нигилисты!» повторялось тогда на чужбинѣ вслѣдъ за Аксаковымъ, «нигилисты, для которыхъ не существуетъ въ Россіи ни русской народности, ни православія, ни преданій, которые, какъ и нигилисты въ родѣ Боголюбовыхъ, Засуличъ и К^о, одинаково лишены всякаго историческаго сознанія и всякаго живого національнаго чувства; и тѣ и другіе — иностранцы въ Россіи!» И дѣйствительно «самый злѣйшій врагъ Россіи и престола не могъ бы изобрѣсти чего-либо пагубнѣе для нашего внутренняго спокойствія и мира». Берлинскій конгрессъ дѣйствительно казался, въ особенности тамъ, въ Санъ-Стефано, «открытымъ заговоромъ противъ русскаго народа, — заговоромъ съ участіемъ самихъ представителей Россіи», этихъ «государственныхъ нигилистовъ», какъ опредѣлялъ тогда и конгрессъ, и нашихъ дипломатовъ Аксаковъ.

Но что жъ! Зато Берлинъ добился своей цѣли: Россія была временно ослаблена войной, разстроенные финансы ея стали еще въ болѣшую зависимость отъ Берлина, и Франція отъ нея отвернулась; между ней и Россіей возникло охлажденіе и недовѣріе; славяне ускользнули изъ-подъ русскаго вліянія; въ средубалканскихъ христіанъ и ихъ молодыхъ государственныхъ организмовъ, благодаря умысленному ихъ расчлененію и нарочно несправедливому опредѣленію ихъ этнографическихъ границъ, было брошено злое сѣмя взаимной зависти, вражды и будущихъ раздоровъ и усобицъ; Австро-Венгрія получала подачку за свой позоръ Садовой и Пражскаго міра, и естественнымъ образомъ должна была отнынь пристегнуться къ Германіи, Англія прикарманила Кипръ, ограничила Россію въ Малой Азіи, — и лжующій еврей Беконсфальдъ воз-

¹⁾ Въ извѣстной рѣчи своей, произнесенной 22-го іюня 1878 г. въ Московскомъ славянскомъ благотворительномъ обществѣ.

«ратился въ Лондонъ истиннымъ триумфаторомъ. «Всемирный Еврейскій Союзъ»—эта новая великая держава—открыли и расправили свои когти, а «честный маклеръ» въ Берлинѣ потиралъ отъ удовольствія руки: Россія получила отъ него «достойное возмездіе за 1875 годъ: «не заступайся впередъ за Францію!»

XXVII.

Правда сказалась.

Обиная апатія и скука подъ Царьградомъ, общее нравственное недомоганіе, глухое раздраженіе и недовольство невольнымъ образомъ отразились и на сестрахъ милосердія. Пока кипѣла война, пока совершались всѣ эти изумительныя переходы и подвиги и приносились великія жертвы народомъ и арміей,—нравственное настроеніе сестеръ оставалось приподнятымъ на ту высоту, гдѣ онѣ являлись олицетвореніемъ самоотверженія и героизма; тамъ не было среди нихъ мѣста никакой мелочности, ни дрязгамъ,—напротивъ, всѣ они единодушно были заняты своимъ общимъ великимъ дѣломъ, всѣ великодушно помогали въ работѣ одна другой, христіански носили тяготы другъ друга, и въ этомъ дружескомъ единодушіи и въ сознаніи своего святого призванія и долга крылся тотъ великій стимулъ, который нравственно облегчалъ этимъ женщинамъ ихъ великіе, часто сверхчеловѣческіе, труды и лишения, побуждая переносить все это бодро и охотно. Но замолкли громы войны, прошли дни подвиговъ и торжествъ, началась долгая, бездѣйственная стоянка подъ Царьградомъ, полная лишь самыхъ будничныхъ и однообразныхъ злобъ и заботъ текущаго дня,—сегодня какъ вчера, вчера какъ сегодня, все одно и то-же, одно и то-же безъ малѣйшаго просвѣта и разнообразія, при полной неизвѣстности, что будетъ впредь и долго ли протянется такое скучное положеніе,—и вотъ, мало-по-малу въ средѣ сестеръ невольно стали обнаруживаться, незамѣчавшіяся прежде, послѣдствія несходства личныхъ характеровъ, темпераментовъ и лѣтъ, неравенства въ степени образованія, развитія, разницы ихъ прежнихъ общественныхъ положеній, среды и т. п. Житейская, нерѣдко чисто женская, мелочность, подъ вліяніемъ однообразія и скуки въ обществѣ, вступала между ними въ свои права, и тутъ уже начинали разыгрываться въ своемъ міркѣ мелочныя страсти, самолюбія, эгоистическія побужденія,—пошли кое какія взаимныя столкновенія, неудовольствія другъ на друга, мелкая зависть, мелкія дрязги, мелкія сплетни и ссоры,—и вся эта перебѣнка сдѣлалась исподволь, такъ обыкновенно, просто и незамѣтно, какъ самое естественное дѣло, точно бы такъ тому и слѣдовало быть.

Добрая доля всѣхъ этихъ мелочей обруши-

лась и на голову Тамары. Замѣтилось вдругъ, что она хороша собою,—красивѣе и моложе всѣхъ,—чего прежде какъ-то не замѣчалось. Замѣтилось, что она будто-бы слишкомъ уже стала заниматься своимъ скромнымъ туалетомъ,—зачѣмъ, напримѣръ, завелась у нея эти духи «violette de Parme», это тонкое парижское мыло, какъ-будто нельзя мыться обыкновеннымъ яичнымъ или кокосовымъ! Зачѣмъ появились эти маленькія boucles d'amour на лбу и вискахъ? Каждый бантикъ, черная бархатка на шеѣ, какой-нибудь цвѣтокъ въ волосахъ, манера носить головную косынку и т. п.,—все это относилось на счетъ ея кокетства, неприличнаго для сестры милосердія. Замѣтилось также, что Атуринъ «ухаживаетъ» за нею, да и сама она тоже, какъ-то, равнодушна къ нему, а это уже прямое безстыдство—кокетничать съ человѣкомъ, завлекать его, будучи невѣстою другого! Вспомнилось, что, какъ ни какъ, и все-таки она «жидовка», «зѣ насихъ», и что, въ сущности, она въ общинѣ, какъ говорится, собою припѣка,—чужая, пришлая особа, временная добродѣлка, сегодня здѣсь, завтра упорхнула,—не то, что настоящая «штатная» сестра милосердія, коренная общница, которая всю жизнь уже посвятила этому дѣлу. А изъ всего этого, по женской логикѣ, выводилось заключеніе, что Тамара вообще слишкомъ много о себѣ думаетъ и ведетъ себя не такъ, какъ прилично бы сестрѣ, не мѣшало бы-де поскромнѣе, такъ какъ ея вѣтреность можетъ, пожалуй, компрометировать всю общину. Правда, далеко не всѣ сестры раздѣляли насчетъ Тамары такое мнѣніе, но довольно уже было и того, что въ ихъ средѣ образовалась такая «партія», и это тѣмъ хуже, что въ «партію» оказалась и «старшая сестра», имѣвшая по своему положенію не малое вліяніе на старушку-начальницу. Пошли разныя «шипльки», намеки и даже замѣчанія, поселавшія взаимную рознь и охлажденіе между Тамарой и «партіей», и все это съ теченіемъ времени начинало больше и больше досаждало и надоѣдало ей, такъ что нужно было не мало самообладанія, чтобы подавлять въ себѣ чувство раздраженія и сносить покорно, какъ требовала общинная дисциплина, замѣчанія старшей сестры, часто не совсѣмъ справедливыя и придирчивыя. Тамара наконецъ стала замѣчать, что и сама начальница какъ-будто перебѣнилась къ ней, сдѣлалась какъ-то суше, офиціальнѣе, и это ее глубоко огорчало. Хорошо еще, что при ней оставалась неизмѣнно добрая и преданная сестра Степанида, съ которою она могла порою въ откровенномъ разговорѣ облегчить свою душу, зная, что всегда встрѣтитъ въ ней искреннее къ себѣ сочувствіе и утѣшеніе въ своихъ печаляхъ и досадахъ. И дѣйствительно, сестра Степанида

своимъ сердечнымъ словомъ и простымъ, здравомысленнымъ отношеніемъ къ дѣлу всегда, бывало, хоть на время вносила нѣчто примиряющее и цѣлебное въ ея мучимое сердце. Это одно только и поддерживало Тамару, не имѣвшую и даже не видѣвшую пока никакого исхода изъ своего зависимаго положенія.— Куда она пойдетъ адѣсь, на чужбинѣ, что предприметь, на что рѣшится, не имѣя ни достаточно вліятельной поддержки, ни средствъ, кромѣ того скромнаго жалованія, на свои личныя маленькія нужды, какое временно даетъ ей «Красный Крестъ», за госпитальную службу?—Поневолѣ приходилось пока терпѣть и смиряться, въ ожиданіи лучшаго... Но *лучшаго ли?*—вотъ вопросъ, все еще покрытый для нея полною неизвѣстностью.

Съ Атуриннымъ, послѣ объясненія въ пасхальную ночь, отношенія ея остались по-прежнему добрыя, дружескія, только онъ сдѣлался нѣсколько сдержаннѣе, даже еще почтительнѣе къ ней съ виду, и уже ни словомъ, ни взглядомъ не пытался болѣе выражать или напоминать свои чувства. Тѣмъ не менѣе, поощренія его давали «партіи» пищу къ разнымъ шпилькамъ и извѣстному злословію между собою насчетъ Тамары, что иногда прорывалось обиняками даже въ его присутствіи. Замѣтивъ это, онъ сталъ бывать гораздо рѣже, не желая ни ее подвергать этимъ шпилькамъ и сплетнямъ, ни въ самомъ себѣ напрасно беречь сердечное чувство, невольно пробуждаемое самымъ видомъ и присутствіемъ любимой дѣвушки, такъ какъ послѣ объясненія съ нею знать, что все равно изъ этого ничего не выйдетъ. Тамара повидала его побужденія и причины, заставлявшія его поступать такимъ образомъ, и потому оставалась въ душѣ очень ему благодарна за это, хотя видѣть его рѣже чѣмъ прежде и не имѣть возможности ни разу даже поговорить, какъ хотѣлось бы, казалось ей досаднымъ лишеніемъ и несправедливою жертвой, которую оба они, какъ бы по безмолвному соглашенію между собою, вынуждены приносить ея «добродетельницамъ», чтобы не давать лишней пищи ихъ умозаключеніямъ и злословію. Но понимая все это и подчиняясь такому положенію, она однако же съ сожалѣніемъ убѣждалась въ душѣ, что жертва эта, кажись, совершенно напрасна, такъ какъ, несмотря ни на что, добродетельницы изъ «партіи» все-равно вѣдь говорить и говорить отъ этого не перестанутъ.

— Господи, до чего все это мнѣ надоѣло! Просто, рада бы бѣжать куда глаза глядятъ!—говорила однажды Тамара сестрѣ Степанидѣ.— Тутъ никакого терпѣнія не хватитъ!

— А знаете, что я себѣ думаю?—поразмысливъ, отвѣтила ей на это сестра.—Вѣдь Атуринъ-то, давно уже замѣчаю я, любить васъ

серьезно, и сдается мнѣ такъ, что готовъ бы, пожалуй, хоть сейчасъ жениться.

— Ну, и что жъ изъ этого?—грустно усмѣнулась Тамара.

— Какъ что?! Одно ваше слово—и готово. Вотъ вамъ и выходъ.

— Дорогая моя, но вы забываете, что у меня уже есть женихъ, которому я дала слово,—возразила дѣвушка.

— Э, полноте, пожалуйста! — досадливо качнула головой Степанида.—Женихъ, женихъ! Чего же онъ медлитъ-то, женихъ этотъ?.. Гдѣ онъ?.. Шутка сказать, столько мѣсяцевъ ни слуху, ни духу! Ни строки не написать, не поинтересоваться, какъ и что съ моею невестой! Да развѣ это любовь, извиняйте меня?! Да я бы, на вашемъ мѣстѣ, на такого-то жениха давнымъ-давно плюнула бы, да и вся не долга!

— Это легко сказать,—раздумчиво замѣтила Тамара.—Будь я увѣрена, что онъ дѣйствительно не любитъ, или забылъ меня, я бы это сдѣлала, но... почему знать!—быть можетъ, есть какія-нибудь обстоятельства, которые вынуждаютъ его поступать такимъ образомъ, быть можетъ, иначе ему невозможно, и онъ даже не виноватъ въ этомъ... И пока во мнѣ есть еще такія сомнѣнія, я не нарушу своего слова.

— И буду ждать у моря погоды?—съ усмѣшкой подсказала ей подруга.

— И буду ждать,—убѣжденно подтвердила дѣвушка.—Буду ждать, пока не разубѣжусь окончательно.

— Сама себя напрасно только мучите—съ дружески укоризненнымъ сожалѣніемъ замѣтила Степанида.

— Почему напрасно?

— Да потому, что вѣдь вы его не любите.

— Кого это? Графа?—вскинула на нее удивленный и нѣсколько встревоженный взглядъ Тамара.—Почему вы такъ думаете?

— Потому что любите Атурина.

— Атурина?! — невольно воскликнула она, вся мгновенно вспыхнувъ при этомъ словѣ.

— Ну, разумѣется!—спокойно и просто, со свойственной ей прямою подтвердила сестра Степанида.—Развѣ у меня глазъ нѣтъ? Давно я это про-себя, голубушка моя, замѣчаю.

— То-есть, какъ люблю?.. Какъ друга, какъ брата, какъ очень, очень хорошаго человѣка,—да, пожалуй! —согласилась Тамара, пытаясь подобрать подходящія объясненія въ оправданіе своего чувства.—Онъ, къ тому же, самый близкій родной матери Серафимѣ, женщинѣ самой дорогой для меня на свѣтѣ, которую я почитаю за мать... Съ этой точки зрѣнія, если хотите, я дѣйствительно люблю его, но... не болѣе!

— Полноте, милая!—олегка махнула рукой

Степанида. — «Какъ друга», «какъ брата»! Все это пустяки, придуманные слова, и только! А на сердцѣ-то совсѣмъ не то!

— Да зачѣмъ же я стала бы лгать вамъ?— возразила Тамара.— Вамъ-то, подумайте!

— Не мнѣ, мой другъ,—самой себѣ лжете! Сами себѣ признаться не хотите, или боитесь, вотъ что! — теплымъ тономъ искренняго убѣжденія замѣтила ей Степанида.— Говорите-то вы одно, а лицо выдаетъ совсѣмъ другое. Съ чего же это вы вся вдругъ вспыхнули, какъ маковъ цвѣтъ, чуть только я назвала его имя?

Тамара замолкла и опустила голову, точно бы уличенная. И въ самомъ дѣлѣ, до этой минуты никогда еще вопросъ о томъ, что она любитъ Атурина, и какую именно любовью, не вставалъ предъ нею такъ прямо и съ такой неотразимой ясностью. Если вопросъ этотъ и шевелился когда въ ея душѣ, то всегда болѣе или менѣе смутно, и всегда она старалась при этомъ разувѣрять себя въ этой смутно чувствуемой истинѣ, объясняя себѣ свое чувство къ Атурину именно дружескими, братскими побужденіями,—словомъ, всѣми посторонними причинами, только не тѣмъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, въ глубинѣ ея сердца. И на этихъ, придуманныхъ самой себѣ, объясненіяхъ и разувѣреніяхъ ей удавалось до поры до времени какъ бы обманывать себя и баюкать въ себѣ подозрительную мысль и тревожный вопросъ объ истинномъ значеніи своей перемены къ Каржолу. То, что доселѣ чувствовалось смутно и отгонялось ею отъ себя, какъ вѣкій тревожащій призракъ, вдругъ получило теперь силу и осязательность дѣйствительнаго факта. Слово сказано, и этимъ словомъ все освѣтилось и все опредѣлилось для самой Тамары, и она чувствуетъ въ душѣ, что всѣ возраженія противъ него будутъ несостоятельны и безсильны. Но что же дѣлать ей? «Плунуть», какъ говорятъ Степанида, на Каржолу и идти за Атурина?.. Да, но еслибы ей не встрѣтился на жизненной дорогѣ Атуринъ, развѣ бы она на него «плюнула»? Развѣ безъ этого обстоятельства она разлюбила бы графа изъ-за того только, что онъ нѣсколько мѣсяцевъ не пишеть, по причинѣ, которая и до сихъ поръ остается еще неизвѣстною?—Нѣтъ, она навѣрное мучилась и терзалась бы этимъ, сомнѣвалась бы и досадовала,—все это такъ, но разлюбить... едва ли такая мысль пришла бы ей въ голову, не будь тутъ Атурина. А что, если причина молчанія графа окажется уважительною? И если, къ тому же, онъ все еще любитъ ее по-прежнему?.. Чѣмъ, въ такомъ случаѣ, оправдываетъ она предъ собственною совѣстію свое отступничество? Только своимъ личнымъ, эгоистическимъ чувствомъ?—Понравился, молъ, другой, и этого довольно!—Да пишетъ ли она

право,—нравственное право на это? Вѣдь это было бы преступно, низко, подло съ ея стороны,—вѣдь это измѣна, за которую она сама себя всю жизнь презирала бы.—Нѣтъ, что бы тамъ ни было, но пока всѣ вопросы относительно Каржолу не выяснятся для нея окончательно, она не измѣнитъ разъ данному слову. Предъ Богомъ и людьми она все-таки его не вѣста, и если лукавый попуталъ ее этою любовью къ другому, она найдетъ въ себѣ силы заглушить, убить со-временемъ это несчастное чувство, и все-таки останется вѣрна своему долгу.

— Что же вы такъ задумались, Тамарушка, и головку повѣсили?—обратилась къ ней Степанида, ласково кладя ей обѣ руки на плечи.— Можеть, на меня разсердился, что я такъ попросту брякнула вамъ?—Простите, дорогая, вѣдь я отъ сердца...

— Нѣтъ, не то,—успокоила ее Тамара.— Я знаю, что отъ сердца и знаю, что вы меня любите... А раздумалась я надъ вашими словами.

— Что жъ такъ? — вопросительно взглянула на нее Степанида.— Слова, кажись, не мудренныя...

— Видите ли, можеть быть, вы и правы,—принялась объяснять ей дѣвушка, — но идти мнѣ за Атурина невозможно: я уже отказала ему, и онъ знаетъ причину, почему — я не скрыла отъ него... Стало быть, и говорить объ этомъ больше не станемъ... никогда, — слышите, *никогда*, дорогая моя, я прошу васъ!—говорила она тономъ убѣдительной дружеской просьбы, пожимая ей руки. — Тяжело мнѣ все это!.. Ужасно тяжело!.. А что до графа,—прибавила Тамара,—пусть будетъ, что Богъ дастъ, но первая своего слова я не нарушу.

— Неисправная вы идеалистка, какъ я погляжу!—съ ласковымъ укоромъ покачала на нее головой Степанида. — А впрочемъ, Богъ чистую душу видитъ и знаетъ куда ведетъ. Его святая воля!

И въ заключеніе этой откровенной бесѣды, обѣ онѣ отъ души расцѣловались другъ съ дружкой.

XXVIII.

Поздній откликъ.

Долго крѣпнвшійся нервный организмъ Тамары наконецъ не выдержалъ,—она заболѣла.

Сколько разъ, бывало, во время войны, особенно среди зимнихъ лишеній, почувствуетъ она вдругъ недомоганье и думаетъ-себѣ—вотъ-вотъ расхвораясь; но тотчасъ же добрый пріемъ хины, потогонное или иные подручныя средства, а главное—нравственное возбужденіе и подъемъ духа, при сознаніи, что нечего вѣжничать,

чать и баловать себя, что хворать не время и некогда,—помогали ей переламывать болѣзнь въ самомъ началѣ; затѣмъ, день—другой полного спокойствія, отдыха, и она опять чувствуетъ себя бодро и весело, и снова спѣшитъ уже къ обычнымъ своимъ обязанностямъ. Но здѣсь, теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, это, по большей части, угнетенное состояніе ея духа, монотонная жизнь, сильныя дневныя жары и влажныя ночи, пропитанныя болотными испареніями, самый воздухъ, нечувствительно насыщенный міазмами разныхъ болѣзней, — все это одолѣло наконецъ и ея здоровую, выносливую натуру. Она схватила себя довольно серьезную болотную лихорадку.

Немедленно же приняты энергическія мѣры, внимательное отношеніе врачей и заботливый уходъ сестры Стенаниды, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими сестрами, при естественныхъ силахъ молодого организма Тамары, помогли ей въ концѣ концовъ кое-какъ справиться съ этою изнурительною болѣзью, и недѣли черезъ двѣ она уже замѣтно стала поправляться.

Начальница общины навѣщала ее каждый день, въ ея особой, отведенной подъ заболѣвающихъ сестеръ, юртѣ, и здѣсь большая воочію увидѣла, что если у старушки и были прежде какія-то причины къ нѣкоторому охлажденію къ ней, то теперь все это прошло, уступивъ свое мѣсто самому доброму и сочувственному вниманію. Это ее сердечно радовало и утѣшало. Питательная, вкусная пища и хорошее вино, въ которыхъ у «Краснаго Креста» не было недостатка, помогали, въ свою очередь, возстановленію и укрѣпленію силъ дѣвушки.

Въ періодъ своего выздоровленія она получила однажды съ почты письмо и, взглянувъ на надпись, сразу узнала почеркъ Каржолы. Оно было адресовано на имя начальницы, «для передачи сестрѣ Тамарѣ Бендавидъ». Эта неожиданная посылка не только удивила, но даже встревожила и какъ-то испугала ее,—точно бы въ письмѣ навѣрное должно заключаться что-нибудь неприятное, а можетъ и роковое, и поэтому она нѣсколько минутъ оставалась въ нерѣшительности — вскрывать ли и читать ли его сейчасъ же. Но тутъ же, упрекнувъ себя мысленно въ малодушія, Тамара переслала свое неприятное и колеблющееся чувство и, дрожащими отъ волненія руками сорвавъ конвертъ, развернула мелко написанный листокъ бумаги.

Графъ начиналъ свое посланіе, конечно, съ испрашиваній у нея прощенія за долгое молчаніе, которое старался оправдать множествомъ причинъ, гдѣ фигурировали и его будто бы тяжкая болѣзнь, и подавляющая масса неотложныхъ и важнѣйшихъ дѣлъ, и страшныя неприятности съ интендантствомъ, съ казною, съ тыловымъ начальствомъ, со слѣдственною

комиссіей, и необходимость двукратныхъ экстренныхъ поѣздокъ въ Россію, по дѣламъ «Товарищества», а главное—по этому нелѣпому слѣдствію, которое испортило ему много крови, но отъ котораго, въ концѣ концовъ, лично ему удалось отдѣлаться довольно благополучно, такъ какъ слѣдственные и судебныя власти не могли не убѣдиться изъ дѣла, что онъ игралъ лишь подставную, декоративную роль, не имѣя никакой возможности самъ вліять на доброкачественность поставокъ. Но главнѣйшая изъ причинъ молчанія, къ удивленію Тамары, относилась насчетъ жидовскаго шпіонства. Каржоль писалъ, что первое, чѣмъ встрѣтилъ его Блудштейнъ по возвращеніи изъ—подъ Плевны, былъ вопросъ,—для чего онъ видѣлся съ Тамарой?—вопросъ, который будто бы совершенно смутилъ неподготовленнаго къ нему графа.

Это очень удивило Тамару.—Какимъ образомъ могъ Блудштейнъ узнать о ея свиданіи съ Каржолемъ такъ скоро, если изъ госпиталѣ положительно никому было передать ему объ этомъ? Да и о чемъ тутъ передавать? Что-за важность, въ самомъ дѣлѣ, какое-то случайное свиданіе, не продолжавшееся и получаса? Кто могъ обратить на это вниманіе, и кому какой интересъ въ этомъ? Насколько она теперь припоминала,—въ то время не было у нихъ ни между фельдшерами и служителями, ни между больными солдатами никого изъ Украинскихъ евреевъ, относительно которыхъ еще можно бы было съ большою натяжкой допустить, что кто-нибудь изъ нихъ могъ, пожалуй, звать въ лицо и ее, и графа, и быть знакомымъ съ Блудштейномъ; точно также и изъ агентовъ «Товарищества» никто, кромѣ графа, не пріѣзжалъ въ госпиталь ни въ тотъ, ни въ слѣдующіе дни. Откуда же вдругъ такая электрическая быстрота и спиритическое ясновидѣніе у «дядюшки» Блудштейна?—Все это показалось ей очень страннымъ и ссылка Каржолы на Блудштейна довольно подозрительною, тѣмъ болѣе, что онъ не давалъ въ письмѣ объясненія, какимъ образомъ могло это произойти, а говорилъ только, что и самъ не понимаетъ, откуда все это стало извѣстно Блудштейну. Онъ удивлялся лишь довольноски ловко организованному шпіонству евреевъ, чему однако Тамара плохо вѣрила, будучи убѣждена, что изъ ея товаровъ и сослуживцевъ по госпиталю рѣшительно никто не знакомъ съ Блудштейномъ и рѣшительно никому изъ нихъ неизвѣстна ея украинская исторія съ Каржолемъ и кагаломъ, а еще менѣе могло быть извѣстно кому-либо отношеніе къ этой исторіи Блудштейна, о чемъ и сама-то она узнала лишь въ Зимницѣ отъ самого же графа. Да едва-ли и самъ Блудштейнъ могъ знать, что она находится въ числѣ сестеръ Богоявленской общины и что была въ тѣ дни подъ Плевной.

Да и наконецъ, что за дѣло всѣмъ этимъ еврейямъ, занятымъ обработкой своихъ крупнѣйшихъ гешефтовъ, до какой-то тамъ «выкрестки», навсегда уже потерянной для еврейства и совсѣмъ не претендующей, къ тому же, на свои капиталы?! Хотя ранѣе, изъ желанія объяснить и оправдать молчаніе Каржолы, она и дѣлала себѣ разныя догадки и предположенія, даже самыя невозможныя, но теперь, пораздумавъ,—эта ссылка графа на жидовское шпионство и Блудштейна показала ей натянутою и мало вѣроятною. Невольнымъ образомъ приходило на мысль, ужъ не нарочно ли придумана имъ такая исторія?

Далѣе графъ писалъ, что Блудштейнъ, замѣтивъ при своемъ вопросѣ его невольное смущеніе, тутъ же поставилъ ему категорическій ультиматумъ: прекратить всякія дальнѣйшія сношенія съ Тамарой, личныя и письменныя, или иначе онъ будетъ немедленно уволенъ со службы «Товариществу», и всѣ долговыя обязательства его тотчасъ же представлятся ко взысканію. — «Понятно, прибавлялъ графъ, что имѣя такую петлю на шеѣ и видя уже на себѣ примѣръ изумительнаго шпионства евреевъ, не оставалось ничего иного, какъ только подчиниться скрѣпя сердце этому ультиматуму и дать Блудштейну требуемое имъ слово, тѣмъ болѣе, когда я былъ убѣжденъ, что отнынѣ тайный присмотръ за мною станетъ еще строже и что малѣйшая попытка съ моей стороны подать вамъ о себѣ вѣсть неизбѣжно повлечетъ за собою окончательное разрушеніе всѣхъ самыхъ дорогихъ, самыхъ заветныхъ моихъ надеждъ на наше будущее счастье. Изъ двухъ золъ пришлось избрать меньшее и временное, чтобы сохранить эти святыя надежды. Теперь же, продолжать Каржолъ,—когда всѣ мои дѣла и счеты съ евреями кончены и я опять свободенъ, мнѣ уже незачѣмъ наслоивать себя и скрываться, и я пишу вамъ это письмо совершенно открыто». — Графъ извѣщалъ, что онъ находится теперь въ Петербургѣ, гдѣ первымъ же дѣломъ по прїѣздѣ поспѣшилъ справиться въ правленіи «Краснаго Креста» о мѣстѣ нахождения сестеръ Боговлянской общины, послѣдствіемъ чего и является его настоящее письмо. Онъ писалъ, что истосковался по Тамарѣ, изстрадался отъ мнительности за ея судьбу и здоровье, что любить ее все такъ-же глубоко и свято, и ждетъ не дожидается того блаженнаго часа, когда наконецъ опять увидится съ нею, для того, чтобы впредь никогда уже не разлучаться больше. Онъ выражалъ надежду, подаваную ему въ «Красномъ Крестѣ», что боговлянскія сестры вернутся въ Петербургъ вѣроятно осенью, и общалъ приготовить къ тому времени для Тамары уютное, изящное гнѣздышко, гдѣ она съ полнымъ комфортомъ отдохнетъ отъ всѣхъ своихъ трудовъ и лишеній и гдѣ онъ поста-

рается всѣмъ своимъ существомъ доставить ей возможно полное счастье, а главное — поскорѣе жениться. Онъ-де и самъ бы прїѣхалъ къ ней въ Санъ-Стефано, но, къ сожалѣнію, нѣкоторые новыя, крайне важныя и нетерпящія дѣла, о которыхъ скучно было бы распространяться, лишаютъ его пока этой возможности. Затѣмъ шли пламенные увѣренія въ любви, заочныя поцѣлуи, объятія и проч., по адресу, куда именно отвѣчать ему,—къ удивленію Тамары, приписано не было.

Странное, какое-то двойственное и даже непріятное впечатлѣніе произвело все это письмо на дѣвушку,—точно бы позабытый долгъ, неожиданно предъявленный къ уплатѣ, когда уплатить его нечѣмъ. Съ одной стороны, несмотря на свои сомнѣнія въ правдивости оправданій Каржолы, ей все-таки было нѣсколько утѣшительно думать, что молчаніе его имѣетъ за собою совокупность причинъ болѣе извинительныхъ, чѣмъ легкое жуирство съ француженками и картѣжные кутежи съ интендантами. Все же, по крайней мѣрѣ, въ этомъ письмѣ своемъ, столь полномъ нѣжности къ ней, онъ обнаруживаетъ себя не совсѣмъ уже такимъ пустымъ, легковѣснымъ человѣкомъ, какъ думалось ей порою, въ долгій періодъ его молчанія, и все же онъ любитъ ее. Но съ другой стороны, эта-то вотъ любовь и пугала Тамару. Она сознавала себя теперь въ страшномъ, неплатномъ долгу предъ Каржолемъ и видѣла неизбѣжную необходимость принести себя, ради него, въ жертву на всю свою жизнь, когда сердце ея—страшно подумать!—охладѣло уже къ этому человѣку. Что это будетъ за жизнь! Что ждетъ ее впереди, когда она свяжетъ навѣки судьбу свою съ человѣкомъ, котораго даже и уважать-то не совсѣмъ можетъ... Придется дѣлать надъ собою страшную нравственную ломку, выходить замужъ, любя другого, скрывать и давить въ себѣ это чувство, отвѣчать на немалыя ласки, обрѣкать себя, быть можетъ, на притворство, лгать... О, Господи! — Нѣтъ, ни лгать, ни притворяться она не сможетъ и не сумѣетъ,—это не ея натура. Что тутъ дѣлать? Объяснить ему напрямикъ, что она больше не любитъ его?—Но за что же тогда онъ, ради нея, переносилъ всѣ эти нравственныя пытки и матеріальныя жертвы, оскорбленіе своего достоинства, униженіе своего имѣнія, всю эту еврейскую кабалу свою, службу въ позорномъ «Товариществѣ»? За что?—Вѣдь онъ же прямо говорилъ ей еще въ Зимницѣ, что весь этотъ крестъ несетъ только ради нея. Вѣдь онъ тогда же возвращалъ ей, если она разочаровалась въ немъ, ея слово, и она отвергла это,—она любила его. И если онъ послѣ этого выдержалъ свой тяжкій искусъ до конца, то какъ же она-то?.. Кто жъ теперь правъ и кто виноватъ между ними?

До этого письма, она тайнѣ думала и на-

дѣялась, что Каржоль разлюбилъ и позабылъ ее, и что рано или поздно это обстоятельство сниметъ съ нея путы нравственно обязательныхъ къ нему отношеній, что, можетъ быть, они другъ съ другомъ и не встрѣтятся больше въ жизни, а тамъ уже время такъ или иначе довершить остальное, и она вздохнетъ наконецъ свободно.

Суждено ли ей быть за Атуриннымъ, или нѣтъ—это другой вопросъ, но она надѣялась, что будетъ, по крайней мѣрѣ, свободно располагать своею судьбою. Хотя она и твердо была убѣждена, что первая ни въ какомъ случаѣ не нарушитъ даннаго слова и что если придется, то до конца исполнить свой долгъ,—но съ теченіемъ времени ей все болѣе и болѣе начинало казаться, что едва-ли придется когда исполнять это нравственное обязательство. И вдругъ долгъ предъявляется ко взысканію!..

Въ душѣ ея закипѣло смѣшанное чувство злобной досады и на судьбу, и на Каржоль, и на это слишкомъ позднее письмо, и на самую себя—зачѣмъ все это такъ случилось!—и даже на сестру Степаниду—зачѣмъ та глаза ей раскрыла, зачѣмъ ее чувство къ Атурину такъ-таки и назвала прямо любовью! Минутами она чувствовала теперь къ Каржолу даже ненависть. Но если онъ виноватъ, то и она вѣдь не права предъ нимъ тоже,—быть можетъ, еще болѣе даже, чѣмъ онъ. Ей смутно чувствовалось, что въ письмѣ этомъ есть какая-то фальшь, что-то неискреннее, переиначенное, недоговоренное, но сама-то она развѣ не лгала все время передъ собою, предъ собственной совѣстью и, мысленно, предъ тѣмъ же Каржолемъ? Развѣ не старалась она столько разъ увѣрить себя, что любить его, должна любить, и что чувство ея къ Атурину ничего общаго съ этого рода любовью не имѣетъ? Развѣ не виновата она въ томъ, что, любя одного, допустила себя увлечься другимъ? Развѣ не преступно это? Скажи она Атурину еще въ Боготѣ, чуть только замѣтила въ немъ первые проблески его увлеченія, что у нея есть женихъ и что она этого жениха любить, навѣрное онъ не далъ бы этому увлеченію дальнѣйшаго развитія, постарался бы притушить его въ самомъ началѣ, и на томъ бы все кончилось. Однако же, она тогда не сдѣлала этого,—напротивъ, ей было пріятно, самолюбію ея льстило, что она могла внушить «такое» чувство «такому» человѣку. Стало быть, она сама поощряла его, сама играла съ огнемъ—и доигралась... Но, въ сущности, къ чему всѣ эти поздніе упреки и сожалѣнія! Что толку-то?—Будь что будетъ!—И если дѣйствительность не оправдала ее тайныхъ надеждъ и ожиданій, если судьба требуетъ отъ нея теперь расплаты,—что жъ, надо имѣть мужество исполнить данное слово, надо переломить себя всю, всю, до самыхъ сокровенныхъ изгибовъ и тайниковъ души, честно

примириться со своею долею и, во имя долга, заставить себя быть честною женою.

Тяжко было рѣшеніе это для Тамары, но обсуждая по совѣсти и безпристрастно данное положеніе, она убѣдилась, что другого ничего не остается. Это былъ какъ бы приговоръ ея надъ самою собою.

XXIX.

На отлетѣ.

Въ тотъ же день подъ вечеръ, во время вторичнаго посѣщенія врача, навѣстила Тамару и начальница общины.

— Ну, вотъ, слава Богу,—ласково заговорила старушка,—теперь вы и на мой взглядъ замѣтно поправились.

— Теперь сестра Тамара у насъ совсѣмъ молодецъ!—весело подтвердилъ и докторъ. — Еще денька два, три на поправку, и конецъ. Только вотъ что,—прибавилъ онъ серьезнымъ тономъ, обращаясь къ начальницѣ.—Болотная лихорадка, это, какъ вы сами знаете, такая серьезная вещь, что разъ заполучивши ее, уже никоимъ образомъ нельзя оставаться въ лихорадочной мѣстности, надо какъ можно скорѣе вонъ, вонъ и вонъ отсюда! И мой вамъ добрый совѣтъ,—какъ только сестра поправится, сейчасъ же ее по первому абцугу, отправить въ Россію. Тамъ, въ привычномъ климатѣ, есть много шансовъ разсчитывать, что болѣзнь больше не вернется, а адсь—не дай Богъ!—здѣсь она рискуетъ каждый день схватить ее вновь, благо почва-то въ организмѣ уже подготовлена.

— Что жъ, можно будетъ отправить съ первымъ же пароходомъ,—согласилась начальница.—Сестра Тамара за все кампанію столько потрудилась, что ей не грѣхъ и отдохнуть. Я готова даже просить у главноуполномоченнаго объ особомъ пособіи для васъ,—обратилась она къ дѣвушкѣ.—Надѣюсь, не откажутъ. Вы куда предполагали бы лучше отправиться? въ Одессу, или на родину, въ Украинскъ?

— Въ Петербургъ,—заявила Тамара.

— Да?! Вотъ какъ!? — удивилась старушка. — Ну, что-жъ, и прекрасно! Пріютъ для васъ въ домѣ нашей общины всегда готовъ.—Надо будетъ списаться только... ну, да это завтра же можно. Вы какъ же? — прибавила она, нѣсколько подумавъ,—предполагаете остаться въ общинѣ? — тогда мы зачислимъ васъ въ комплектъ штатныхъ сестеръ, благо теперь есть вакансіи.

Предложеніе это далеко не обрадовало Тамару. Вспомнивъ всѣ женскія дрязги и сплетни «паргіи» и придирки старшей сестры, она имѣла всѣ поводы разсчитывать, что при такихъ условіяхъ дальнѣйшая жизнь въ общинѣ будетъ для нея совсѣмъ не сладка, и потому поблаго-

дарил начальнику за ее доброе предложение, объяснив при этом, что жених ее теперь уже в Петербург и что поэтому приют в общинѣ, по всей вѣроятности, потребует для нея лишь на непродолжительное время.

— Ну, это уж как знаете, это ваше дѣло, а мы, со своей стороны, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады,—благодушно замѣтила старушка.—Да! вспомнила она,—я получила сегодня письмо на ваше имя,—вамъ передали?

Тамара поблагодарила ее и объяснила, кстати, что это письмо отъ ее жениха.

— Ну, вотъ и прекрасно! Стало быть, для васъ есть всѣ причины радоваться и спѣшить отъѣздомъ... Ну, дай вамъ Богъ всего хорошаго!.. Дай Богъ!.. Поправляйтесь же, милая, поскорѣе... А насчетъ пособія я завтра же, непременно!—подтвердила ей уходя старушка.

* * *

Случайно узнавъ о болѣзни Тамары, Атуринъ очень встревожился. Извѣстіе это сильно его опечалило, тѣмъ болѣе, что, пока она болела, онъ не могъ уже ее видѣть, тогда какъ тутъ-то вотъ и хотѣлось бы помочь ей хоть чѣмъ-нибудь, быть подлѣ нея, утѣшать, облегчать ее страданія. Онъ чаще прежняго сталъ навѣдываться въ госпиталь, а въ тѣ дни, когда изъ-за службы не могъ быть самъ, нарочно присылалъ къ сестрѣ Степанидѣ денщика или вѣстового узнать, какъ здоровье Тамары.

— Васъ, однако, очень это интересуетъ?—какъ бы въ шутку, но не безъ цѣли уязвить, замѣтила ему однажды старшая сестра.

— Что жъ,—возразилъ онъ,—надѣюсь, въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если вамъ угодно будетъ вспомнить, какъ сестра Тамара ходила за мною въ Боготѣ.

— Ну, конечно!—согласилась та съ кисло-сладкою миной.—Понятно, изъ чувства признательности.

— Именно изъ-за этого самого,—сухо и выразительно подтвердилъ ей Атуринъ.

И онъ продолжалъ каждый день справляться о ее здоровьи, рѣшившись пренебречь какими бы то ни было пересудами и умозаключеніями «партіи». Чтò ему было до нихъ и до всей этой «партіи», если она, его дорогая, страдаетъ и если этимъ только онъ и можетъ выразить ей свое участіе!

Зато какъ же и обрадовался Атуринъ, когда, захвативъ однажды, часовъ около девяти утра, неожиданно увидѣлъ самое Тамару, которой послѣ болѣзни разрѣшено уже было выходить изъ юрты на легкую прогулку. Она сильно похудѣла, поблѣднѣла и осунулась, хотя легкій румянецъ воскресающей жизни уже игралъ на ея щекахъ.

Обрадовалась ему и она, но къ этой радости, въ глубинѣ души у нея примѣшалось и горькое чувство, отъ сознанія, что послѣ письма

Каржолы все уже кончено и что это свиданіе ее съ Атуринымъ, быть можетъ, послѣднее.

Къ счастью, случилось такъ, что кромѣ сестры Степаниды, водившей Тамару подъ руку, никого изъ постороннихъ въ ту минуту по близости не было,—можно, значитъ, вполнѣ воспользоваться этою рѣдко счастливою минутой,—и Тамара рѣшилась сказать Атурину, какъ другу, все: и про письмо, и про свой предстоящій скорѣй отъѣздъ въ Петербургъ, и про вѣроятность своей близкой свадьбы, хотя и была заранѣе увѣрена, что ему будетъ очень горько и грустно узнать все это. Но что же дѣлать!—Ей казалось, лучше высказать прямо самой, чѣмъ скрывать, замалчивать или предоставлять ему узнать впоследствии отъ другихъ, отъ «партіи», которая конечно, не пожалѣетъ при этомъ своихъ собственныхъ красокъ. И Тамара сказала ему все, но сказала такъ, что въ ее словахъ, въ выраженіи грустныхъ глазъ, въ звукѣ мягкаго тихаго голоса,—во всемъ онъ живо почувствовалъ, на сколько дорогъ ей онъ и какъ тяжело было ей рѣшиться на эту безповоротную жертву, приносимую ею лишь изъ чувства своеобразно понимаемаго долга.

— Да вы знаете ли, наконецъ, человѣка-то этого? Хорошо ли знаете его?—не выдержавъ, горячо воскликнулъ Атуринъ, съ чувствомъ похожимъ на то, съ какими бросаются на помощь къ утопающему или чтòбъ удержать столпаго на краю пропасти.

— Владиміръ Васильевичъ, — кротко, но вѣско остановила она его, наложивъ слегка ладонь на его руку,—разъ, что я рѣшилась, мнѣ ничего больше знать не слѣдуетъ. Во всякомъ случаѣ, рѣшенія своего я уже не перемѣню, я обязана исполнить свое слово,—поймите, обязана. Чтò дѣлать!.. Видно, такъ надо,—судьба!..

— Эту судьбу мы сами себѣ создаемъ изъ своихъ собственныхъ заблужденій или капризовъ!—съ чувствомъ ѣдкой горечи проговорилъ, отвернувшись въ сторону, Атуринъ.

— Останетесь навсегда добрыми, любящими друзьями!—сердечно старалась утѣшить его Тамара, сопровождая свои слова ласково просящимъ взглядомъ.—Никто, какъ Богъ, почемъ знать!..

Но онъ безнадежно и грустно махнулъ рукой, очевидно, не вѣря въ ту слабую нить какой-то смутной надежды, которую въ этихъ послѣднихъ словахъ какъ будто подавала ему Тамара.

— Значитъ, и моя судьба рѣшена тоже,—какъ бы про-себя, задумчиво и тихо проговорилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Какъ рѣшена? Чтò это значитъ? — съ нѣскольکو тревожнымъ недоумѣніемъ спросила его Тамара.

— Такъ. Значитъ, что я остаюсь въ Болгаріи?

— Въ Болгаріи?—удивилась она.—Этò почему?.. Зачѣмъ въ Болгаріи?

— Вызываютъ офицеровъ, желающихъ на службу въ болгарскія войска,—объяснилъ Атуринъ.

— Да вамъ-то что жъ до того?—спросила сестра Степанида, удивленная не меньше Тамары.—Вызываютъ, — ну, пускай-себѣ вызываютъ, а вы, слава Богу, и у себя въ баталіонѣ, кажись, не обижены.

— Какъ вамъ сказать?.. Конечно, не обиженъ,—согласился Атуринъ,—но дѣло въ томъ, что пока была война, все и у насъ шло какъ по маслу, а теперь вотъ, какъ началось это санъ-стефанское бездѣлье проклятое, такъ и пошли между молодежью разныя карьерныя соображенія да расчеты,—когда кому быть произведеннымъ, или кто могъ бы уже быть, да не производится, и тому подобное. Между прочимъ, додумались-себѣ и до меня, что я, молъ, хоть и хорошій товарищъ, а все же пришлый человѣкъ, сѣлъ имъ на шею, закрываю собою производство, ну, и прочее тамъ...

И Атуринъ сообщалъ обѣимъ сестрамъ, что всѣ эти сѣтованія и соображенія баталіонной молодежи, по его мнѣнію, вѣроятно, дошли до командира и были приняты послѣднимъ въ нѣкоторое вниманіе. Это свое предположеніе онъ основывалъ на томъ, что третьяго дня командиръ пригласилъ его къ себѣ, чтобы сообщить, что вотъ-де, требуются лучшіе достойнѣйшіе офицеры для болгаръ, а потому не желаете ли подучить прямо болгарскую дружину?—Содержаніе отличное, золотомъ, правда,—командира отдѣльнаго баталіона, а вмѣстѣ съ назначеніемъ послѣдуетъ и переименованіе въ чинъ полковника болгарской службы, и все это при томъ еще важномъ условіи, что Атуринъ, служа въ болгарскихъ войскахъ, будетъ въ то-же время числиться, не занимая вакансіи, и въ своемъ гвардейскомъ баталіонѣ, съ правомъ всегда, когда имъ пожелаетъ, вернуться въ него опять на службу, а потому, если онъ хочетъ, то командиръ съ особеннымъ удовольствіемъ будетъ рекомендовать его, какъ образцоваго во всѣхъ отношеніяхъ офицера, и заранѣе увѣренъ, что ему вполне удастся устроить это дѣло.

— Я понялъ,—говорилъ Атуринъ,—откуда дуетъ этотъ вѣтеръ, и общалъ подуматъ... А теперь и думать, значить, нечего,—прямо рѣшаюсь!

— Да что жъ, если и чинъ полковничій, и жалованье хорошее, и все прочее, почему жъ не остаться? Дѣло выгодное! — одобрительно рѣшила сестра Степанида.

— Выгодно, кѣтъ ли, а если ничего лучшаго не имѣешь въ виду, поневолѣ останешься. Въ Петербургъ возвращаться теперь мнѣ не хотѣлось бы... Ужъ лучше въ Болгарію!

— Но развѣ вы намѣрены всегда продолжать военную службу?—спросила Тамара.

— Всегда ли, не знаю; но теперь, по крайней мѣрѣ,—намѣренъ. А что?

— Нѣтъ, я думала, что, можетъ быть, вы возвратитесь опять въ свой уѣздъ, въ имѣніе, будете по-прежнему предводителемъ.

Атуринъ только рукой махнулъ съ горько-иронической усмѣшкой.

— Во-первыхъ,—объяснилъ онъ,—поступая въ полкъ, я сдалъ свое имѣніе на нѣсколько лѣтъ въ аренду, а во-вторыхъ, на мѣсто меня избрали въ предводители уже другой, и притомъ, человѣкъ той партіи, которой я сочувствовать не могу, такъ что въ деревнѣ пока мнѣ дѣлать нечего. Но это все бы ничего,—прибавилъ онъ,—а главное...

И онъ замолкъ, не рѣшаясь договаривать.

— Главное... что? — несмѣло проговорила Тамара.

— Ахъ, сестра, неужели это не понятно?!—съ плохо-сдержаннымъ горько-досадливымъ порывомъ вырвалось восклицаніе у Атуринна.—Видъ вы будете жить въ Петербургѣ, не такъ ли?—спросилъ онъ.

— По всей вѣроятности, да.

— Ну, такъ что же и спрашивать?.. По-вѣрьте, что мнѣ гораздо легче будетъ въ Болгарію,—подалѣе, по крайней мѣрѣ.

Тамара поняла, что онъ не хочетъ возвратиться въ Петербургъ потому, что ему было бы слишкомъ тяжело жить въблизи нея, въ одномъ городѣ и встрѣчаться въ одномъ обществѣ, видя ее женою другого. И дѣйствительно, мучиться вѣчнымъ сомнѣніемъ о непоказной сторонѣ ея жизни, о ея счастіи, быть можетъ, о ея затаенныхъ страданіяхъ, и тѣмъ самымъ вѣчно и напрасно мучить и растравлять, какъ больную рану, и свое и ея сердце,—напрасно потому, что видъ она не пожалуется никому, не выдастъ своихъ нравственныхъ мученій, все затаитъ въ себѣ, все будетъ сносить молча и до конца, изъ принципа, что «такъ надо», что этого требуетъ отъ нея и самолюбіе, и чувство добровольно взятаго на себя долга,—все это было бы невыносимо, и все это будущее такъ живо и ясно представилось теперь Атурину. Встрѣчаться съ нею далѣе, когда она уже будетъ женою другого, это значило бы только терзать ея душу, вѣчно искушать, вѣчно поджигать и дразнить ея чувство, не давая успокоиться ей и забыться, тогда какъ изъ искушенія этого ничего быть не можетъ, кромѣ развѣ катастрофы. Онъ зналъ Каржолъ слишкомъ мало,—болѣе по наслышкѣ,—но и того, что было ему извѣстно объ этомъ человѣкѣ и чего такъ упорно не желаетъ знать Тамара, казалось ему достаточнымъ, чтобы заставить его сомнѣваться въ ея будущемъ супружескомъ счастіи.

— Однако вотъ что, сестра,—обратился онъ къ ней на прощанье,—вы помните мои послѣднія слова?.. тогда... въ ту ночь... на Свѣтлое воскресенье?

— Помню,—подтвердила ему дѣвушка, съ полнымъ сознаніемъ о чемъ говорить онъ.

— Ну, такъ я еще разъ повторяю: что бы ни случилось,—вотъ рука моя, рассчитывайте смѣло и не забывайте.

* * *

Нѣсколько дней спустя, пароходъ «Русскаго Общества» принялъ на бортъ нѣсколько сотъ больныхъ и слабосильныхъ солдатъ, десятка два офицеровъ и четыре сестры милосердія, въ числѣ которыхъ была и Тамара. Всѣ онѣ уѣзжали въ Россію «на поправку». Старушка-начальница и большая часть сестеръ проводили дѣвушку до парохода и сердечно простились съ нею. Въ виду ея отъѣзда, всѣ мелкія дразги и неудовольствія противъ нея даже и среди «партіи» умолкли, тѣмъ болѣе, когда всѣмъ уже было извѣстно, что она не остается въ общинѣ и, стало быть, ни у кого ничего не перебываетъ и перебивать не будетъ. Начальницѣ удалось исходатайствовать для нея свидѣтельство на бесплатный проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ и денежное пособіе, достаточное для того, чтобы, при готовомъ помѣщеніи въ домѣ общины, обернуться на первое время въ своихъ нуждахъ въ Петербургѣ.

Сестра Степанида была, конечно, огорчена болѣе всѣхъ,—она давно уже такъ привыкла къ Тамарѣ и такъ сердечно успѣла полюбить ее, оставалась съ нею неразлучно въ теченіе всей кампаніи.

Атуринъ тоже пріѣхалъ, но здѣсь уже некогда и негдѣ было ему поговорить и проститься съ Тамарой, какъ хотѣлось бы. На народѣ и въ присутствіи сестеръ пришлось ограничиться только тѣмъ, что они сердечно пожали другъ другу руку.

— Помните же мои послѣднія слова, Тамара!—тихо проговаривалъ онъ ей при этомъ.

Дѣвушка молча, но выразительно поблагодарила признательнымъ взглядомъ.

Вахтенный офицеръ, между тѣмъ, попросилъ всѣхъ провожающихъ и остающихся удалиться съ палубы. Затѣмъ подали долгій свистокъ, убрали сходни — и дали «ходъ впередъ» машинѣ. Пароходъ, выхитъ и пѣня винтомъ зеленую воду, тронулся съ мѣста—и множество бѣлыхъ платковъ и фуражекъ прощально замелькали въ воздухѣ; одними изъ нихъ махала съ бортовъ парохода, другими—съ легкихъ лодокъ и съ пристани.

Часа полтора спустя, пароходъ уже плылъ мимо очаровательныхъ береговъ Босфора, съ каждой минутой приближая своихъ путниковъ къ дорогой родинѣ.

XXX.

Восходящее свѣтло Блудштейна.

Румынская часть сахарной операціи Абрама Иселювича Блудштейна, благодаря вли-

тельной поддержкѣ «экцеленца» Мерзеску, закончилась блистательно. «Экцеленцъ» былъ удовлетворенъ сполна условленнымъ въ началѣ дѣла куртажемъ въ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ рублей, а потому облобоженные румынскіе крестьяне, несмотря на всѣ свои жалобы и домогательства по судамъ, остались ни съ чѣмъ, встрѣчая повсюду одинъ лишь отвѣтъ: «Вольно же вамъ было добровольно заключать такія условія!» — зато въ карманѣ Абрама Иселювича милліонъ-пятьсотъ тысячъ рублей остались чистоганомъ, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, и такъ какъ эта часть его казеннаго подряда была выполнена своевременно, и сухари, сколь ни плохи они были, все же не браковались приемщикомъ, военнымъ врачомъ Зунделовичемъ, то Абрамъ Иселювичъ считывалъ за свою аккуратность и патриотизмъ получить даже орденъ, и съ этою цѣлью уже «запустилъ жуковъ» куда слѣдовало. Онъ исполнѣ былъ увѣренъ, что «жуки» сдѣлаютъ свое дѣло — и орденъ навѣрно украситъ собою его благородную грудь, а можетъ и шею. Вѣдь украшаютъ же другихъ благородныхъ евреевъ — и сколькихъ еще! — почему жъ бы ему быть исключеніемъ?

Другая, менѣе значительная, часть сахарной операціи — что была исполнена въ Украинской губерніи, хотя закончилась для него не такъ блистательно, но и тутъ, несмотря на всѣ странія слѣдователей и прокуратуры «упечь» достойнѣйшаго Абрама Иселювича вмѣстѣ съ официальнымъ представителемъ его фиктивной «компаніи», графомъ Каржоль-де-Нотрекъ, ничего нельзя было поддѣлать, и всѣ начеты на него остались безъ результатовъ, такъ какъ все, что лишь можно было ему вытянуть и получить съ казны, онъ уже вытянулъ и получилъ заранѣе, да и главная масса сухарей украинской поставки была своевременно принята казенными приемщиками и — худо ли, хорошо ли, но давно уже съѣдена войсками.

Для окончанія этихъ своихъ «маленькихъ неприятностей» со слѣдственною комиссіей, Абраму Иселювичу пришлось на время переѣхать въ Одессу, куда вмѣстѣ съ нимъ прибылъ, разумеется, и графъ Каржоль, какъ отвѣтственный представитель «компаніи». Тамъ же пребывали теперь, по случаю подобнаго же слѣдствія, и главные тузы пресловутаго «Товарищества». Сюда были выписаны ими лучшіе «таланты» россійской адвокатуры, для совѣта и защиты «справедливыхъ интересовъ» еврейскихъ предпринимателей противъ «недобросовѣстной» казны, а менѣе извѣстные адвокаты, изъ жидковъ, полячковъ, армянъ, грековъ и русаковъ, а сами налетѣли, какъ вороньѣ на пададь, съ предложеніемъ своихъ услугъ «потерпѣвшимъ» и «несправедливо обвиняемымъ». Мѣстные адвокатскія «силы» только щелкали на нихъ зубами, видя, какъ

это воронья пытается перебить у них добычу. Абрамъ Иоселювичъ, конечно, не преминулъ воспользоваться одною изъ «лучшихъ силъ» и, съ помощью ея казуистики, успѣлъ кое-какъ выкрутиться самъ и даже спасти Каржолъ. Въ силу этого онъ уже считалъ себя прямымъ его благодѣтелемъ, хотя въ началѣ слѣдственнаго производства и думалъ-себѣ, что я-де въ сторонѣ, пускай отдувается одинъ Каржолъ, на то онъ и официальный представитель, на то его и нанимали! Но слѣдователи добрались до сути и, подъ прикрышкою фиктивной фирмы Каржолъ, открыли самого Блудштейна. Такая нежелательность съ ихъ стороны поневолѣ вынудила Абрама Иоселювича обратиться къ искусному адвокату, который, по внимательномъ разсмотрѣнн всѣхъ данныхъ дѣла, нашелъ, что можно выручить Блудштейна и не топя Каржолъ, а лучше совершенно облить въ юридическомъ отношеніи «честь» въ совместной компаніи,—и облілъ, за приличный гонораръ, конечно. Уголовная часть обвиненія, касавшаяся умысленной фальсификаціи муки, подмѣшанной извѣстью, глиной и т. п., благополучно отпала, а гражданскій искъ былъ Блудштейну не страшенъ. По точному смыслу заключеннаго съ казною контракта, «компанія» графа Каржолъ отвѣтствовала «во всякомъ случаѣ» только суммою представленнаго ею въ обезпеченіе исправности залога, который ограничивался всего лишь сотнею тысячъ рублей. Въ виду же того, что, все въ совокупности, сухарная операція Блудштейна, раскинутая въ Россіи и Румыніи, принесла ему болѣе двухъ съ половиною милліоновъ чистаго барыша, онъ и спорить не хотѣлъ изъ-за такихъ пустяковъ, какъ сто тысячъ, и великодушно предоставлялъ казнѣ воспользоваться ими, если угодно, въ видѣ неустойки. Но въ концѣ концовъ, при помощи ловкаго адвоката, даже и этимъ не пришлось ему поплатиться, и вся неустойка ограничилась лишь сорока съ чѣмъ-то тысячами.

Два милліона-пятьсотъ тысячъ—это былъ его собственный, личный барышъ по отдѣльному сухарному предпріятію, которое онъ взялъ на свой собственный рискъ, вкладывая въ него свой собственный капиталъ; хотя, впрочемъ, и воспользовался для него же частью чужихъ денегъ, порученныхъ ему Украинскимъ еврейскимъ обществомъ, какъ своему довѣренному представителю въ операціяхъ главнаго «Товарищества». Но это «позаимствованіе» было уже его, такъ сказать, домашнее дѣло, маленькій коммерческій секретъ, въ который, по его мнѣнію, никто не имѣлъ права совать свой носъ, разъ что операція удалась и онъ аккуратно выплачиваетъ вкладчикамъ проценты. Впрочемъ, и по операціямъ главнаго «Товарищества», въ качествѣ предста-

вителя Украинскаго общества, Абрамъ Иоселювичъ тоже лицомъ въ грязь не ударилъ и поддержалъ свою «честь» предъ единоовѣрцами-однообщественниками. За время всей войны онъ успѣлъ-таки доставить имъ дивиденды изъ прибылей «Товарищества» въ размѣрѣ восьмидесяти на сто. Были, правда, разочарованные и недовольные, которые рассчитывали получить, по крайней мѣрѣ, триста на сто; но, по справедливости, кто же могъ сказать, что Абрамъ Иоселювичъ обманулъ общественное довѣріе? Во мнѣніи большинства Украинскаго Израіля, я восьмидесятъ на сто были признаны довольно удовлетворительнымъ процентомъ, хотя, конечно, сто на сто было бы еще лучше. Всѣ, однако же, помирились на восьмидесяти очень охотно, когда узнали, что въ Одессѣ мелкіе акціонеры-вкладчики по погоняцкой операціи, рассчитывавшіе на очень большую наживу, въ результатѣ не поживались ровно ничѣмъ, и даже свои собственные вклады потеряли, хотя «агенты» этой операціи и вернулись домой богачами. Въ виду этого, дѣйствія Абрама Иоселювича были признаны не только добросовѣстными, но заслуживающими даже общественной благодарности, которая и была поднесена ему Украинскимъ еврейскимъ обществомъ въ видѣ почетнаго адреса.

Такимъ образомъ, ловкій Абрамъ Иоселювичъ и капиталъ приобрѣлъ, и повинность сохранялъ. Всѣмъ его заслугамъ предъ отечествомъ оставалось только увѣнчаться орденомъ. Но и за этимъ дѣло не стало. «Жуки», запущенные куда слѣдовао, возымѣли свое дѣйствіе—и шея благороднаго Абрама Иоселювича вскорѣ украсилась блестящимъ Станиславомъ, даннымъ ему «за пожертвованіе» хотя и по другому вѣдомству, но въ сущности, для него это было рѣшительно все равно,—былъ бы Станиславъ на шею! Нужды нѣтъ, что орденъ былъ «зѣ птицомъ», какъ знакъ для нехристіанъ установленный,—«птицу» въ кружкѣ не всякій различитъ сразу, а въ общемъ рисунокъ все же видно, что Станиславъ, и всѣ должны будутъ теперь титуловать Абрама Иоселювича «кавалеромъ» и «его высокородіемъ». Но мало того: польстясь на знаки отличій, онъ сумѣлъ доставить себѣ и орденъ румынской «звѣзды», исходатайствованный для него, за особый гонораръ, конечно, «экцеленцемъ» Мерзеску, въ возданіе за споспѣшествованіе подъему экономическаго благосостоянія румынскихъ земледѣльцевъ. Чтобы быть вполне декорированнымъ, оставалось только получить орденъ бразильской «розы» и персидскаго «лѣва и солнца», но онъ не сомнѣвался, что и это вскорѣ послѣдуетъ, стоить лишь захотѣть. Словомъ, Абрамъ Иоселювичъ возсіялъ и возвеличился, и уже началъ подумывать о томъ, что ему, какъ боль-

шому кораблю, надлежить и большое плавание—не въ мелкихъ водахъ какого-нибудь Украинска, а въ морѣ финансовыхъ и иныхъ важныхъ тузовъ Петербурга. Въ если плаваютъ тамъ такіе киты, какъ «генералы» Пошляковъ и Парнавскій, бывшіе въ началѣ своей карьеры не болѣе какъ жалкими пикариями, то почему же не плавать и Абраму Блудштейну, особенно имѣя уже за собою фондъ свыше, чѣмъ въ два съ половиной милліона? И почему жъ бы ему тоже не быть генераломъ? Чѣмъ онъ хуже какихъ-нибудь Парнавскихъ и Пошляковыхъ?—Пхе!.. были бы деньги, а генераломъ будетъ!

И Абрамъ Иоселіовичъ рѣшилъ себѣ перенести главный штабъ своей дѣятельности въ Петербургъ, не разрывая, однако, связей и съ Украинскомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что въ новомъ своемъ положеніи, въ Петербургѣ, онъ можетъ быть даже много полезнѣе для дѣлъ Украинскаго Израїля, чѣмъ тамъ, на мѣстѣ. Тамъ онъ имѣлъ дѣло лишь съ губернаторомъ да съ крупными губернскими чиновниками, которые не всегда-то еще и допускали его до себя,—здѣсь же, можетъ быть, будетъ имѣть дѣла съ сенаторами, съ членами разныхъ высшихъ совѣтовъ, съ министрами... Чѣмъ чортъ не шутить! Были бы деньги въ карманѣ, была бъ на плечахъ голова, а остальное все придетъ въ свой чередъ и само собою, все: и роскошный палецъ на Авалійской набережной, и почетъ, и генеральскій чинъ, и титулъ австрійскаго барона, и звѣзды, и ленты... И будетъ у него своя пріемная, полная въ назначенные часы разныхъ дѣльцовъ, тузовъ и звѣздоносцевъ, терпѣливо ожидающихъ его аудіенціи; и будетъ онъ задавать блестящіе банкеты и рауты съ разными «артистичными жнаменитостями», аристократами, дипломатами, министрами, сановниками; и будетъ у него свой собственный «Петербургско-Украинскій» банкъ, и своя большая газета, покорному редактору которой онъ будетъ «внушать своихъ взглядовъ и мислѣвъ насчетъ финансы, палатка и еврейскій вопросъ», и при всемъ томъ будутъ еще у него и дѣла, дѣла—миллионныя дѣла и гешефты!..

У Абрама Иоселіовича порою просто духъ захватывало отъ мечтательнаго предвкушенія всѣхъ сладостей этого будущаго своего блеска и величія. Онъ не сомнѣвался, что выгодно купить себѣ по дешевой цѣнѣ и славу, и популярность, пріобрѣтеть и вѣсъ, и вліяніе, силу и могущество, что министры и сановники будутъ интимно обращаться къ нему за совѣтами и съ маленькими просьбами по вѣхъ личнымъ баржевымъ и акціонернымъ дѣламъ, или за протекціей въ пользу какихъ-нибудь своихъ бѣдныхъ родственниковъ, въ родѣ прогорѣвшихъ ротмистровъ, или вылетѣвшихъ въ трубу губернаторовъ, о предоставленіи имъ

приличнаго мѣстечка по его обширной администраціи. А онъ за это, въ свой чередъ, будетъ вліять чрезъ такихъ сановниковъ въ пользу своихъ собственныхъ дѣлъ и еврейскаго вопроса. Да, его ожидаетъ высокопочетная, почтенная старость, и когда онъ умретъ, наконецъ, окруженный, какъ патріархъ, своими многочисленными благодѣтельствованными родственниками, то великую тяжесть этой «общественной утраты» живо почувствуетъ весь русскій, а можетъ и германскій Израїль, и за траурной колесницей его, стягченной множествомъ вѣнковъ, повалитъ, какъ бурный потокъ, вѣстѣ съ генералами, сановниками и депутаціями, многотысячная, безконечная толпа петербургскаго еврейства, имѣющаго и неимѣющаго права жительства въ столицѣ, а еврейскія газеты, въ обширныхъ хвалебныхъ некрологахъ его на первой страницѣ, не напишутъ о немъ просто, что онъ «скончался», какъ вслкій обыкновенный смертный, но изобразятъ въ горестно высокоемъ стилѣ, что нашъ незабвенный Абрамъ Иосифовичъ, нашъ неутомимый филантропъ и народный печальникъ «спустилъ духъ свой». Но это будетъ еще не скоро, и хотя подобная «кончина» представляется даже въ увлекательныхъ краскахъ, но лучше думать не о ней, а о предстоящихъ въ недалекомъ будущемъ великихъ и богатыхъ гешефтахъ. Это гораздо практичнѣе.—И Абрамъ Иоселіовичъ думалъ.

XXXI.

Непріятные сюрпризы.

Благополучно покончивъ дѣла свои съ казною, Блудштейнъ пригласилъ къ себѣ Каржолу и съ пріятною улыбкой заявилъ ему, что «Товарищество» не нуждается болѣе въ его услугахъ и поручило ему, Блудштейну, выразить графу благодарность за его службу, что онъ и исполняетъ-де съ особеннымъ удовольствіемъ.

— А какъ же расчесть-то?—закнулъ было графъ, огорошенный этимъ внезапнымъ заявленіемъ.

— Расчетъ?.. Какой расчетъ?—съ видомъ недоумѣнія отозвался на это Блудштейнъ.—Расчеты всѣ кончены.

— Да, то-есть вы хотите сказать, кончены съ казною,—поправилъ его Каржоль.—Но я не про казну говорю, а про себя, про расчетъ компаніи со мною.

— Съ вами?—удивился Абрамъ Иоселіовичъ.—Но каково же съ вами расчетъ? Вы же получали сваво жалованья и, кромѣ того, вамъ выдавалось и на прогоны, и на сutchныя, и на представительность, когда нужно было,—вы же всего этого получали! Каково же еще расчетъ? Богъ изъ вами! шьто ви?

— Какъ какого?—возразилъ Каржоль, по-
нявъ, что его хотятъ спустить ни съ чѣмъ, и
потому едва сдерживая въ себѣ негодованіе.—
По условію, я долженъ быть участникомъ въ
пяти процентахъ вашей чистой прибыли.

— Должны,—согласился Блудштейнъ.—Это
такъ, но вы и участвовали.

— Хорошо, такъ позвольте мнѣ эту пятую
долю!

— А долгъ вашъ нашему бѣдному Бенда-
видъ вы забывали?—прищурясь на одинъ глазъ,
спокойно и разсѣренно спросилъ Абрамъ Иосе-
ловичъ.

— Нѣтъ, не забылъ, положимъ, но... вѣдь
не вся же моя доля, надѣюсь, пошла на по-
крытіе этого долга?

— Увѣян!—категорически отрѣзалъ Блуд-
штейнъ, съ несмущаемою наглостію глядя ему
прямо въ глаза.

— Какъ такъ!.. Вѣдь вамъ одному очистя-
лось, по моимъ расчетамъ, болѣе двухъ мил-
ліоновъ рублей?

— По вашимъ—можетъ быть,—усмѣхнулся
невозмутимый еврей,—а по моимъ нѣтъ.

— Однако позвольте! Этого не можетъ
быть!..—загорячился Каржоль. — Я вамъ съ
карандашемъ въ рукахъ докажу!.. Расчетъ
тутъ самый ясный, арифметическій... Какъ же
такъ?..

— Такъ,—хладнокровно подтвердилъ тотъ,
углубясь въ свое кресло и тихо пощелкивая
пальцами лѣвой руки по краю письменнаго
стола.—Такъ. Мнѣ мовѣ кармана лучше знать,
какъ вамъ, и когда я говорю такъ, то такъ.
Абрамъ Осиповичъ Блудштейнъ до вѣтру
слова не кидаетъ,—замѣтитъ!—и никому не
позволить считать увѣ свавѣмъ бемажнѣкъ.

— Я для васъ не посторонній человѣкъ,—
замѣтилъ на это графъ тономъ задѣтаго до-
стоинства.—Я, кажется, вашъ компаніонъ.

— Пхе!.. компаніонъ! — пренебрежительно
усмѣхнулся еврей. — Пазжволте узнать, ви
много денегъ увѣ компанія вложили?

— Я вложилъ мое имя,—заявилъ графъ съ
оттѣнкомъ благородной гордости, — надѣюсь,
что это что-нибудь да значить!

— Н-но!.. За ваше имя вамъ и платили...
Вы были такой же наймитъ, какъ и всякій
другой... Кому за труды, а вамъ за имя.

— Я основываю мое право не на наймѣ,
а на нашемъ договорѣ, — вѣско подтвердилъ
Каржоль.—По договору, я вашъ дольщикъ.

— А по документамъ, звините, вы должникъ
гасшпадина Бендавидъ, который вполномочилъ
меня получить зъ васъ долгъ, и я этово сдѣ-
лалъ. Н-ну?

— Хорошо,—согласился вѣсколько опѣшен-
ный графъ, — но въ такомъ случаѣ, гдѣ же
мои документы? Если вы были посредникомъ
между мной и Бендавидомъ, такъ возвратите
мнѣ ихъ!

— О, напрімѣнно!—съ видомъ благороднаго
достоинства, поднявъ къ лицу обѣ ладони,
заявилъ Блудштейнъ, и затѣмъ, отперевъ клю-
чкомъ свою конторку, вынулъ изъ нея дѣловой
портфель, порылся въ немъ съ минуту и до-
стала двѣ бумага.

— Вы любопытны были видѣть вашъ рас-
четъ, — вотъ вашъ расчетъ, пазжволте!—по-
далъ онъ одну изъ этихъ бумага Каржолу.—
Тутъ прописано все, чево вы получили и все,
чево вамъ слѣдуетъ,—можете провѣрить увѣ
контора по книгамъ, по вашимъ роспискамъ,
какъ хотите. А вотъ и ваше условіе съ
«Товариществомъ»,—продолжалъ онъ, подавая
другую бумагу,—потрудитесь росписаться на
немъ, что вы удовлетворены сполна, а затѣмъ
и документовъ зайчасъ получаете.

— Но гдѣ же эти документы?—спросилъ
графъ, внутренне колеблясь. — Я бъ хотѣлъ
видѣть ихъ.

— И увидите. Документы издѣсь,—похло-
палъ еврей по портфелю,—будете сшакоыйный!

— Такъ покажите напередъ, — вѣдь вамъ
все равно, а я желалъ бы убѣдиться, всѣ ли
они тутъ, прежде чѣмъ подписывать.

— Шыто это?! И гдѣ мы? И съ кѣмъ
мы? — съ видомъ обиженнаго и негодующаго
достоинства вступился за себя Блудштейнъ.—
И когда жъ я на послѣ всего не заслужилъ
еще на вашего довѣрія? Это мнѣ вдывительно
даже!.. Мы зъ вами, кажется, порадочніи
люди, и когда я вамъ говорю, что документы
издѣсь, и что вы ихъ зайчасъ имѣете полу-
чить, то я не обманываю, я правда говорю! И
прошу мнѣ вѣрять и не всшкорблять меня
изъ такимъ манеромъ!

Наткнувшись на такой благородно-само-
любивый отпоръ со стороны Абрама Иосе-
ловича, Каржоль сейчасъ же сообразилъ себѣ,
что лучше, пожалуй, не доводить пока дѣло
до ссоры и польстить жиду своимъ довѣріемъ,—
авось еще онъ пригодится! Поэтому графъ по-
спѣшилъ успокоить его, что вы-де совсѣмъ не
въ такомъ смыслѣ поняли мои слова, — и за-
чѣмъ же, молъ, понимать такимъ образомъ,
когда у него и въ помышленіи не было оскорб-
лять такого почтеннаго человѣка, или не до-
вѣрять ему, послѣ столькихъ лѣтъ знакомства
и т. д.

Тотъ успокоился, и Каржоль принялся послѣ
этого внимательно провѣрять поданный ему
расчетъ, гдѣ красивымъ конторскимъ почер-
комъ были прописаны всѣ произведенныя ему
выдачи, авансы, жалованье и т. п. Итогъ со-
ставлялъ довольно изрядную сумму, и графъ
не могъ не согласиться, что все прописанное
было вѣрно, до единой копейки. — Неужели
же, въ самомъ дѣлѣ, онъ за всю кампанію
проухалъ такіа деньги? Тридцать-девять ты-
сячъ слинкомъ! Да вѣдь это цѣлый кушъ!
Одного жалованья за это время получено

тринадцать тысяч... И гдѣ все это? куда потрачено? какъ, когда?—и самъ теперь не понимаетъ! Деньги проѣдились между рукъ, какъ вода сквозь сито, точно бы ихъ и не было... А и въ тѣ времена, когда онъ былъ, графу никогда не казалось, что ихъ у него достаточно; онъ всегда болѣе или менѣе нуждался и чувствовалъ постоянную потребность «призаять», «перехватить», такъ что теперь, вмѣсто «куша», у него остаются только тамъ и сямъ новыя «должнѣшкі», сдѣланные то у того, то у другого «на перехватку». Изъ представленнаго ему расчета онъ могъ убѣдиться, однако, что жиды, когда имъ было нужно, не жалѣли ему денегъ «на представительность», и будь онъ порасчетливѣе, поэкономѣе, то добрая половина, если не двѣ трети, полученной имъ суммы, легко могла бы остаться у него въ карманѣ, и «представительность» отъ этого нисколько не пострадала бы. Кто жъ виноватъ, если вышло иначе? на кого пенять?!

Но это еще не все. Просматривая расчетный листъ далѣе, онъ добрался и до итога причитавшихся ему пятипроцентныхъ прибылей, въ количествѣ 101.000 рублей. Изъ этой суммы, 91.600 рублей были отчислены въ уплату долга Бендаvidу, съ прибавкою къ нимъ 9.160 рублей процентовъ за два года, по пяти въ годъ,—итого 100.760 рублей. Въ остаткѣ значилось 240 рублей. Но послѣднимъ авансомъ, недѣлю тому назадъ, было выдано ему 1.000 рублей, и такимъ образомъ выходило, что онъ еще въ долгу у «Товарищества» на 760 рублей. Это поразило графа непритворнымъ горемъ, тѣмъ болѣе, что явилось для него совершенною неожиданностію. Безпечно цѣдя между рукъ притекавшія къ нему деньги, онъ все время жилъ мечтательною увѣренностію, что денегъ у него впереди еще много, такъ какъ пятипроцентная его доля должна принести ему тысячу двѣсти, по крайней мѣрѣ, — и если около ста изъ нихъ пойдутъ на уплату Бендаvidу, то все же у него останется чистыхъ не менѣе ста тысячъ. И вдругъ, вмѣсто того, 760 р. долгу!.. Какая злая насмѣшка!.. Изъ-за чего человекъ трудился, давалъ на прокатъ свое имя, принималъ на себя помоя газетной печати, мытарился и отписывался въ слѣдственной комиссіи, рисковалъ угодить «въ мѣста не столь отдаленныя», бѣгалъ, какъ гончая собака, хлопоталъ, надрывался и унижался болѣе года ради этихъ людей,—изъ-за чего? Чтобы въ концѣ концовъ имъ же остаться должнымъ!.. Графъ молча, съ удрученнымъ видомъ, положилъ расчетный листъ на столъ предъ собою и задумался. — При чемъ же теперь онъ остается? что ждать его впереди? на какія средства существовать далѣе, и гдѣ они, эти средства?..

— Провѣряли? — обратился къ нему Блуд-

штейнъ. — Какъ видите, все вѣрно, ажъ до копейки.

— Но вѣдь мой долгъ Бендаvidу составляетъ всего 91.600 рублей, — возразилъ Каржоль — Да и то еще, какой это долгъ! Изъ него пятьдесятъ тысячъ приходится на вексель, подъ который мнѣ было выдано вами на выѣздъ изъ Украинска всего только пять тысячъ.

— Да, но вѣдь вексель былъ подписанъ вами?

— Такъ что жъ изъ этого?

— Какъ что? Вы же не можете оспаривать свавѣ подпису, — значитъ, документъ законный. О чемъ разговаривать?!

— Юридически, можетъ быть, и законный, — согласился графъ, — но, онъ во всякомъ случаѣ, фиктивный, дутый, какъ и многіе другіе.

— Другіе? — съ неудовольствіемъ нахмурился Блудштейнъ. — Какіе это другіе?

— Тамъ есть, напримѣръ, одинъ вексель на пять тысячъ, — продолжалъ графъ, — за который я получилъ отъ васъ только половину, и вы сами честнымъ словомъ обѣщали мнѣ когда-то не требовать съ меня больше.

— Я и не требовалъ! — гордо поднялъ еврей къ лицу обѣ ладони, какъ бы защищаясь и оправдываясь, — и развѣ жъ вы можете сказать, что я требовалъ? — Я не требовалъ, пока вексель былъ мой. Но теперь онъ не мой, а гасишадина Бендаvidъ. А гасишадинъ Бендаvidъ не хочетъ знать никакихъ частныхъ сдѣлковъ, онъ желаетъ уплаты по наличная цифра. Это уже его дѣло, я тутъ а-ни причемъ... И какъ вы хотите, а только, звините, это все мы будемъ разговаривать пустыхъ разговоровъ!.. И я думаю такъ, что вы еще должны быть рады и счастливы, что кончаете такъ легко за своими долгами. Благодарите Бога и меня, что я вамъ далъ таково возможность!

Каржоль снова удрученно задумался.

— Спустите мнѣ хоть проценты! — возмущался онъ наконецъ. — Вѣдь я, даже и по-вашему, долженъ всего девяносто-одну тысячу, а вы начали тутъ слишкомъ сто! — Девять тысячъ для меня не шутка, въ моемъ положеніи!

Блудштейнъ только головой покачалъ, съ усмѣшкой печальнаго сожалѣнія.

— Ай-ай, какой же вы, звините меня, неблагодарный!.. Когда же можно и когда жъ вы видѣли, чтобъ капиталъ не давалъ никакого пурценту? Что жъ это будетъ за капиталъ?.. Пфѣ!.. Бендаvidъ и то былъ такой велькодушный, что взялъ съ васъ только по пять пурцентовъ на годъ, — то само, что казна даетъ. Это же зъ его сторона, зогласитесь, завсѣмъ безкорыстно. Девять тысячъ за два года, — помилуйте, да это антикъ!.. Найдите, пожалуйста, теперь за таково пурценту, хто вамъ

дасть?.. Нѣтъ, оставьте! Мы объ этомъ съ вами и разговаривать не станемъ, — заключилъ онъ самымъ рѣшительнымъ и непреклоннымъ образомъ.

Каржоль опять замолкъ и потупился... На душѣ у него было очень скверно.

— Тамъ есть еще маленькаво должокъ за вами, — продолжалъ между тѣмъ Блудштейнъ, указывая на расчетный листъ. — Пустяковы какихъ-то, семьсотъ съ чѣмъ-то рублей, кажется... Когда прикажете получить?

Графъ только плечами пожалъ, выражая этимъ окончательную невозможность рассчитаться въ настоящее время и даже полную неизвѣстность насчетъ уплаты въ будущемъ.

— Н-ну, я, пожалуй, попрошу «Товарищество», чтобы вамъ отсрочили, — предложилъ Абрамъ Иоселиовичъ. — Можетъ, они будутъ согласны взять изъ васъ вексоль.

И говоря это нѣсколько небрежнымъ тономъ, онъ былъ увѣренъ, что поразитъ Каржоль такимъ необычайнымъ великодушіемъ и тотъ рассыплется предъ нимъ въ тысячѣ самыхъ признательныхъ и прочувствованныхъ благодарностей. Но, къ удивленію его, Каржоль не поразился и не рассыпался.

— Однако, это выходитъ, — началъ онъ послѣ грустнаго и тяжелаго раздумья, — выходитъ, что за всю мою службу, за всѣ мои труды и старанія, я вышвырнутъ вами на улицу, какъ выжатый лимонъ, безъ средствъ, даже безъ гроша въ карманѣ!.. Другіе тамъ, разные Сахары, Миньковскіе вернулись богачами, а я — круглый нищій, хоть руку протягивай!.. И это за то, что служилъ вамъ добросовѣстно, честно, не обворовывалъ, какъ другіе, «Товарищество».. Спасибо!.. Нечего сказать, наградили!..

— А кто жъ вамъ виноватый? — съ неприятнымъ удивленіемъ разставилъ ладони Блудштейнъ. — Кабы мы не платили вамъ, а мы же платили грошомъ! — Ну, вы и копили бы сабѣ!.. Сахаръ!.. Вы говорите, Сахаръ. — Сахаръ, можетъ, меньше вашего получалъ, но Сахаръ ужъ карты не играетъ, Сахаръ съ артыстками не знакомъ, шимпанскаво не пьетъ... Сахаръ началъ съ маленькаво гешефтъ, заработалъ на немъ, сталъ дѣлать гешефтъ побольше; одѣлалъ побольше, — пріймался за болшове гешефтъ, а тамъ и пошло, и пошло, — затово-што Сахаръ, звините, обстоятельный человекъ, — ну, зато и богачъ теперь. Были бы вы такой, какъ Сахаръ, были бы и вы богачъ. Когда жъ тутъ кто, кромѣ васъ самихъ, виноватый?!

— Но вѣдь мнѣ, поймите, завтра ѣсть нечего будетъ! Я даже выхлѣть отсюда не могу! — ударяя себя въ грудь, патетически доказывалъ Каржоль. — Выгонять меня изъ гостиницы, я на тротуарѣ ночевать долженъ.

Блудштейнъ только плечами пожалъ, сопро-

вождая это движеніе закрытіемъ вѣкъ, — дескать, что же дѣлать съ этимъ!.. Мы не виноваты!..

Графъ нервно сорвался съ мѣста и въ волненіи заходилъ по комнатѣ. Положеніе его представлялось ему мрачнымъ, безнадежнымъ, ужаснымъ... и тѣмъ болѣе ужаснымъ что не далѣе какъ часъ назадъ онъ еще надѣялся на свою пятипроцентную долю, какъ на каменную гору, никакъ не думалъ получить такъ скоро отказъ отъ службы въ «Товариществѣ» и разсчитывалъ почему-то на это «Товарищество», какъ на неизсякаемый источникъ... Онъ полагалъ, что за покрытіемъ долга Бен-даvidу ему съ избыткомъ хватитъ остатковъ этой пятипроцентной доли, чтобы начать и кончить въ самомъ непродолжительномъ времени свое бракоразводное дѣло, прожить, какъ слѣдуетъ приличному человеку, до возвращенія Тамары въ Россію, приготовить и обдумавъ устроить для нея «изящное гнѣздышко» — *un nid coquette, pareil à une corbeille ravissante*, — жениться на ней, нанять блестящаго адвоката и начать противъ Бен-даvidа процессъ за ея миллионы. И вдругъ все это лопається, какъ мыльный пузырь, и онъ опять остается на жизненномъ распутьи ни съ чѣмъ и ни при чемъ, какъ годъ тому назадъ, послѣ ликвидаціи анилиноваго завода, и даже хуже тѣмъ тогда; въ то время у него, по крайней мѣрѣ, было хоть триста рублей, которыхъ не потребовалъ съ него шалый купецъ Гусятниковъ, а теперь и трехсотъ копеекъ нѣтъ. Да что жъ это, наконецъ, судьба, — издѣвается надъ нимъ она, что-ли? Неужели же надо унижаться предъ этимъ жидомъ, выпрашивать, вымаливать у него, какъ милости, какую-нибудь подачку, и видѣть, какъ онъ будетъ при этомъ надъ тобою ломаться?

Но какъ ни раздумывалъ Каржоль, а печальная дѣйствительность безпощадно указывала ему, что болше ничего не остается, какъ только смириться и покорно обратиться къ великодушію Абрама Иоселиовича. Онъ зналъ, что разбогатѣвшіе и процлзающіе въ знатность жидаы любятъ это.

Пересиливъ себя, графъ сталъ просить его войти, по чувству гуманности, въ его безвыходное положеніе и исходатайствовать ему у «Товарищества» за всю его службу хоть какую-нибудь награду — ну, хоть три тысячи рублей! Вѣдь для «Товарищества», въ сущности, это ничего не стоитъ, вѣдь это же пустякъ, какія-нибудь три тысячи, а для него онъ теперь огромныя деньги! Абрамъ Иоселиовичъ такъ добръ, такъ благороденъ и всегда былъ къ нему такъ благосклоненъ и столько разъ уже выручалъ его изъ бѣды, что навѣрное и теперь не откажетъ оказать ему это истинное благодѣяніе!

Еврейское самолюбіе Блудштейна было поль-

пено въ высокой степени. Всѣ эти величанія его «благороднымъ», «гуманнымъ», «великодушнымъ», «благодѣтелемъ» ласкали его слухъ и радовали сердце. Видѣть предъ собою титулованнаго «гойя», который предъ посторонними людьми всегда держитъ себя съ такимъ барскимъ достоинствомъ, видѣть его теперь чѣмъ-то въ родѣ червяка, во прахѣ ползущаго и униженно вымаливающаго, какъ милости, его протекціи, заставить этого «гхарисштократа» кланяться себѣ и ухаживать за своею «осынобой»,—о! это было высокое наслажденіе, истинный «смыхась ганефешъ»—праздникъ души для Абрама Иселіовича, который усматривалъ въ этомъ фактѣ лишь легкое начало того, что со-временемъ ожидаетъ его въ Петербургѣ, гдѣ и не такіе еще графы Каржолі будутъ лебезить предъ нимъ и кланяться, и заискивать его милостиваго вниманія и покровительства.

— Н-ну, гхарашь! Этово, я думаю, можно будетъ устроить... я погсвору,—съ благосклонною снисходительностію обнадежилъ онъ графа.—Заходите ко мнѣ завтра, хочъ увѣ этого время, мы и покончимъ.

Обрадованный Каржоль схватилъ въ обѣ руки протянутую ему потную, волосатую длань Блудштейна и выразительно, съ большимъ чувствомъ потрясъ ее.

— Вы—вся моя надежда, единственная надежда! — чуть не захлебываясь отъ полноты чувства, патетически проговорилъ ему графъ.

Тотъ усмѣхнулся съ полупрезрительною, полудовольною миной и махнулъ рукою.

— Оставьте, пажалуста, этихъ баснювъ!.. Шьто я для васъ таково? — заговорилъ онъ, какъ бы въ шутку, тономъ напускнаго смиренія, сквозь который однако такъ и прорывалось наружу торжествующее ликование его души.— Вы же такой важный баринъ, а я для васъ—пархатый жидъ, Абрамка!.. хе-хе-хе... не такъ ли?.. га?

И онъ съ покровительственною фамиллярностію слегка похлопалъ по плечу Каржолі.

— Абрамъ Осиповичъ! Ну, какъ вамъ не стыдно! — солидно запротестовалъ послѣдній противъ его словъ, точно бы и въправду возмущаясь въ душѣ такимъ безобразнымъ предположеніемъ.—Что это вы говорите, право!.. Развѣ жъ я вамъ давалъ когда поводъ думать обо мнѣ подобное!.. Я, который васъ такъ уважаю...

— Ну, ну, гхарашь, гхарашь!—самодовольно бормоталъ во слѣдъ ему Блудштейнъ, провожая его изъ комнаты.

XXXII.

Въ окончательной обработкѣ.

На слѣдующій день, въ назначенный часъ Каржоль деликатно постучался въ дверь ну-

мера, занимаемаго въ гостиницѣ Блудштейномъ.

— Антре! — возгласилъ ему изнутри Абрамъ Иселіовичъ, научившійся этому «образованному слову» еще въ Букарештѣ и полагавшій, что отнынѣ, при его капиталахъ и высокомъ положеніи, ему надлежитъ употреблять какъ можно больше такихъ «хорошихъ образованныхъ словъ».

— Прашю!—указалъ онъ графу на кресло, стоявшее противъ письменнаго стола, за которымъ самъ возсѣдалъ въ эту минуту, не потрудившись приподняться навстрѣчу гостю и ограничась лишь протягиваніемъ ему лѣвой руки для пожатія.

Графъ скромно присѣлъ на указанное мѣсто и, молча улыбаясь какою-то неопредѣленною улыбкой, вопросительно смотрѣлъ на хозяина, съ тѣмъ вершинительно ласковымъ и ожидающимъ выраженіемъ въ пытливыхъ глазахъ, какое бываетъ у умныхъ псовъ, когда они приближаются къ занатому чѣдой человѣку, не будучи увѣрены, облакаютъ ли ихъ и бросать ли косточку, или дадутъ пняка.

— Н-ну, назждравляю! Випросилъ! — торжествующе объявлялъ ему Блудштейнъ, съ покровительственнымъ видомъ.—Трудно было, а випросилъ, удалось, слава Богу! И я очень радый, затово-што я хочу, чтобъ вы видѣли, какъ «Товарищество» поступило зъ вами съ нилымъ благороднымъ манеромъ! Какъ не можно счастій и велькодушій!

Обрадованный Каржоль вздохнулъ свободнѣй, отвѣсилъ признательный поклонъ и насторожилъ уши.

— «Товарищество», — продолжалъ еврей тѣмъ же манифестирующимъ тономъ, точно бы объявляя невѣсть-какую высочайшую милость,—прощаетъ вашъ долгъ въ семьсотъ-шестьдесятъ рублей и, кромѣ того, жертвуетъ вамъ одна тысяча рублей! Довольны?

Физиономія графа, вопреки ожиданія Блудштейна, не только не расширилась въ восторженно счастливую улыбку, а напротивъ, разочарованно вытянулась, съ видомъ замѣшательства и недоумѣнія.—Какъ же такъ?... Вѣдь онъ рассчитывалъ на три тысячи! Ему менѣе трехъ не обойтись!.. Конечно, онъ въ высшей степени признателемъ достопочтеннѣйшему Абраму Осиповичу за его милостивое участіе къ нему и ходатайство, и, конечно, тысяча рублей все же лучше, чѣмъ ничего, но тѣмъ не менѣе, ему нужны именно три тысячи, — нужны до зарѣзу,—иначе, онъ погибшій человѣкъ!.. Бога ради, вельзя ли исходатайствовать три!?! Вѣдь ужъ какъ же онъ п служилъ, какъ старался, какъ работалъ въ пите-ресахъ «Товарищества»!.. И неужели же «Товарищество», за всю его службу поскупились на какія-нибудь три тысячи?!

— Н-ну, вже такъ я бытъ! Я вамъ при-

бавляю еще одна тысяча отъ себя! Не пишите!—согласился наконецъ, махнувъ рукою, Блудштейнъ. Но въ свисходительно милостивомъ и, въ то же время, пренебрежительномъ тонѣ, какимъ были произнесены эти слова, сказалоcь нѣчто жестоко оскорбительное для самолюбія Каржолъ.—О! не нуждайся онъ до такой степени въ деньгахъ, онъ показалъ бы этому хаму, какъ говорить съ собой подобнымъ тономъ! Но—нужда его проклятая... Что подѣлаешь! Надо глотать обиду и улыбаться, кланяться и благодарить!—И Каржолъ улыбался.

— Вотъ ассигновка отъ «Товарищество»,—продолжалъ, между тѣмъ, Блудштейнъ, доставъ изъ портфеля совсѣмъ уже готовый, подписанный бланкъ.—А вотъ зайчасъ и отъ меня чекъ напишу вамъ, но болше пожалуста вже не приставайтѣ! Болшь а-ни одна копейка! Вы и то намъ за сто-пятьдесятъ тысячовъ стоите,—довольно зъ васъ! будетъ!

Каржолъ только нервно сжималъ ручку своего кресла, чтобы сдержать и перемочь внутри себя подымавшееся негодованіе и — нечего дѣлать!—выслушивалъ всѣ эти безцеремонныя выходки «азнавашагося жидъ» скръпя сердце, да еще и съ пріятною улыбкой на лицѣ,—дескать, вичего, дружеская шутка! Блудштейнъ, между тѣмъ, записалъ чекъ и, вырвавъ изъ тетрадки, присоединилъ его къ «товарищеской» ассигновкѣ. Поднявшійся съ мѣста Каржолъ уже протянулъ—было къ нимъ руку, какъ вдругъ Абрамъ Іоселіовичъ, замѣтившій это движеніе, поспѣшно прикрылъ ихъ на столѣ своею ладонью.

— Пазжвольте! — внушительно остановилъ онъ графа.—Наперодъ вы должны расписатсе на вашемъ условіи, что получили сполна все, чевъ вамъ причиталось и, сверхъ того, двохъ тысячовъ у награда отъ «Товарищество», и никакихъ болше претензій до него не имѣете.

— А какъ же насчетъ моихъ... документовъ? — не совсѣмъ-то увѣренно заикался графъ.

— А вотъ, значаду расписитсе, а тамъ и получите,—не задержу, не бойтсе.

Въ виду соблазна, представляемаго чекомъ и ассигновкой, по которымъ сейчасъ же можно получить нужныя до зарѣзу деньги, Каржолу не оставалось ничего болѣе, какъ безпрекословно исполнить волю Блудштейна, потому что, заспоръ онъ еще теперь,—жидъ, пожалуй, разсердится, закапризничаетъ и, чего добраго, возьметъ назадъ свой чекъ, и тогда уже ничего съ нимъ не подѣлаешь. Надо, стало быть, пользоваться рѣдкою минутой его «великодушнаго» настроенія,—и графъ немедленно же написалъ на своемъ контрактѣ все, что отъ него требовалось, и расписался подъ этимъ.

— Н-ну, вотъ теперь дѣло въ порядку!—весело заключилъ Блудштейнъ, и осѣдлавъ

свой носъ плохо державшимся на немъ, по непривычкѣ, золотымъ пенснѣ, взялъ контрактъ изъ рукъ Каржолъ, внимательно перечиталъ все написанное сейчасъ послѣднимъ, не торопясь, аккуратно сложилъ бумагу и повнесъ ее къ своей конторкѣ, изъ которой по-вчерашнему досталъ портфель, бережно запряталъ въ него документъ и затѣмъ, порывшись немного, досталъ оттуда какую-то другую сложившую бумагу, а портфель заперъ опять въ конторку и ключъ положилъ къ себѣ въ карманъ.

— Н-ну, вотъ вамъ чекъ, вотъ ассигновка,—заговорилъ онъ послѣ этого самодовольно любезнымъ тономъ, передавая графу изъ рукъ въ руки одно вслѣдъ за другимъ.—А вотъ и документъ вашъ на квитъ изъ Бендавидъ.

— Это что жъ такое?—выпучивъ глаза на листъ бумаги, въ полномъ недоумѣніи спросилъ Каржолъ, какъ-то не рѣшаясь даже взять его изъ рукъ Блудштейна.

— Это? Документъ,—говору вамъ.—Прочитайте.

Графъ недоувѣрчиво развернулъ бумагу и, не вполне понимая, въ чемъ тутъ дѣло, наскоро пробѣжалъ ее глазами. То было засвидѣтельствованное нотаріальнымъ порядкомъ заявленіе отъ имени Соломона Бендавида, въ коемъ этотъ послѣдній собственноручною подписью своею свидѣтельствовалъ, что весь долгъ ему графа Валентина Николаевича Каржолъ де-Нотрекъ, на сумму 100,760 рублей, полученъ имъ сполна и что засимъ онъ, Бендавидъ, никакихъ претензій къ нему не имѣетъ.

— Я не понимаю, что жъ это такое?—совершенно ошарашенный, проговорилъ графъ, вскидываясь глазами то на Блудштейна, то на бумагу.

— Чевъ же тутъ непонятнаво?—спокойно пожалъ тотъ плечами.—Заявленіе, что долгъ вашъ уплаченъ,—кажется, ясно!

— Да, но документы?... Гдѣ же собственно документы, векселя мои и прочее? Пожалуйте мнѣ документы!

— А документовъ же нѣтъ,—развелъ руками Абрамъ Іоселіовичъ.

— Какъ нѣтъ?—воскликнулъ Каржолъ, въ высшей степени удивленный и пораженный этимъ нагло спокойнымъ признаніемъ.

— Такъ, нѣтъ и только.

— Да что вы меня морочите!.. Гдѣ жъ они?

— Ну, вотъ вамъ замѣсто документы!—ткнулъ онъ на Бендавидовское заявленіе.—Вотъ этакая сама бемага!.. Когда жъ вамъ не все равно?

— Позвольте, какъ все равно?—Далеко не равно!.. Я выдавалъ извѣстные документы и желаю получить ихъ обратно, — именно, тѣ самые, которые я выдавалъ. Я не хочу, чтобы они оставались Богъ-вѣсть гдѣ и въ чьихъ рукахъ.—Позвольте мнѣ именно эти самые документы.

— А когда жъ я вамъ говорю, что ихъ нѣту. И чего жъ вы еще зъ меня хотите?! Скудова я ихъ возьму?

— У кого жъ они?—продолжалъ настойчиво допытывать графъ.—У Бендавида?

— И у Бендавида нѣту.

— Такъ гдѣ жъ наконецъ?

— Ай, Богахъ мой, и шьто ви такъ до мене чипляетесь! — съ легкимъ оттѣнкомъ досады, нетерпѣливо дернулся въ сторону Блудштейнъ — Гдѣ, гдѣ! Ну, какъ гдѣ? Когда же вы не знаете? Сами же говорили мнѣ — помнитю? — что счезли во время погрому, что ихъ капаны на клочки порвали... Еще спрашивали въ мене, чи правда это?.. Когда жъ не помнитю?

— Да, но вы тогда божились мнѣ, что они цѣлешеньки, и я вамъ повѣрилъ, какъ порядочному человѣку, увѣреньямъ вашимъ, слову вашему честному...

— А я же и самъ тогда думалъ, что цѣлешеньки, — оправдывался Блудштейнъ, принимая на себя видъ наивной невинности, — а и самъ такъ думалъ, боюсь вамъ, а потомъ оказалось, что нѣту... Я даже очень былъ вдвѣленный съ того... Я самъ только недавно узналъ, — счѣснано слова!

— Такъ за что же я, чортъ возьми, цѣлый годъ тянулъ вашу дямку, гаулъ свою спину, унпжался предъ вами?! — вспылить чуть не до слезъ раздосадованный графъ. — За что вы сокъ изъ меня выжимали. всю душу мою выматывали? За что все это?

— Пазжволте!.. Не горячитесь, прошу васъ! — дружески хладнокровно, но съ достоинствомъ остановилъ его Блудштейнъ. — Вислушіте мене. Вѣдь вы же загласны въ томъ, что были должны гасшпадину Бендавидъ? Такъ?

— Такъ что жъ изъ того?! — нетерпѣливо возразилъ графъ, не понимая еще, къ чему тотъ клонить свои доводы, но уже заранѣе ожидая какой-нибудь чисто жидовской уловки.

— Пазжволте!.. Значить, такъ? — Н-ну, а когда такъ, то тутъ и документовъ никакихъ не надо, зачѣмъ тутъ документы, помилуйте! — Кабы мы имѣли дѣло съ какимъ прагхвостъ, езъ ширлатавъ, зъ мазуриакъ, — ну, то такъ. А вы же порадочный гасшпадинъ, благородный чаловѣкъ, — одного вашего счѣснано, графскаво слова въ тысяча разы болшъ и вѣрнѣй, какъ всякихъ документовъ! — Я такъ думаю, по крайному мѣру. Невжели же я ошибалсе? — И въ комъ? — подумайтю. въ графъ Каржѣтъ!.. И можно этому быть?! Пфессе!.. Шьто такова моя вуши слышуть?! Ай-ай-ай!.. Кто этово говорить? — Самъ себѣ не вѣру!..

И «дядюшка» Блудштейнъ, закрывъ себѣ уши ла оными и качая головой, дружески стыдилъ самого же Каржолъ. Онъ рассчитывалъ задѣтъ въ немъ этимъ самую чувствительную струнку насчетъ его благородства и личнаго достоинства, думая, что послѣ этого графъ на-

вѣрное плюнетъ и не станетъ больше разговаривать о документахъ.

Того это наконецъ взорвало не на шутку.

— Да! — подступилъ онъ съ искаженнымъ отъ негодованія лицомъ почти въ упоръ къ еврею, грозя ему обожленными глазами. — Да, я тоже не думаю, что буду имѣть дѣло съ мазуриками и прохвостами, а однако же ошибся!..

— Шьто ви хотите изъ этимъ сказать? — отскочилъ отъ него Блудштейнъ, какъ резиновый мячикъ, но все еще не теряя своего «гонору».

— То, что сказалъ, не болѣе и не менѣе! — подтвердилъ графъ, грозно продолжая наступать на него размѣренно медленными шагами. — А! такъ вотъ что!.. Теперь я понимаю, говорилъ онъ, сжимал свои кулаки, — понимаю, почему вамъ надо было вынудить мою росписку на контрактъ прежде, чѣмъ отдать мнѣ эту бумагу. За такіа подлыя продѣлки бьютъ!

— Ино!.. Пьша! — поднявъ обѣ ладони, моментально отскочилъ еврей къ дверямъ своего номера и схватился за пуговку электрическаго звонка.

Каржолъ, при этомъ послѣднемъ движеніи, нѣсколько опомнясь, остановился посерединѣ комнаты.

— Ежели ви хотите издѣлать ешкандалъ, — пригрозилъ ему, въ свой чередъ, Блудштейнъ. — я зайчасъ изъ гвалтемъ пойшлаю за палыціа, за кельнеръ, за люди и аоставлю претакомъ!.. Это одново, а другово — зайчасъ же дамъ знать увъ банкъ и до-контора, чтобъ вамъ не выдавали доньги — ни по чекъ, ни по ассигновка!

Послѣдняя угроза окончательно отрезвила графа. Руки его опустелись, кулаки разжались, и, отойдя невѣрными шагами къ своему креслу, онъ безсильно и молча погрузился въ него, опустивъ удрученную голову на руку. Онъ только теперь понилъ, насколько былъ одуроченъ жидами, которые воспользовались имъ, какъ выгодною вещью для своей эксплуатаціи, и еще чванятся надъ нимъ же своимъ великодушіемъ! Хорошо великодушіе!.. Но чтъ жъ остается ему въ своемъ положеніи?! Не росписался онъ такъ легкомысленно десять минутъ назадъ на своемъ контрактъ, — о! тогда бы совѣтъ другое дѣло!.. Тогда бы онъ заставилъ этихъ жидовъ отдать себѣ всю свою пятипроцентную долю, судомъ заставилъ бы!.. Проклятая довѣрчивость!.. И какъ было не догадаться, что Блудштейнъ не даромъ отваливается съ документами, не хочетъ показать ихъ!.. О, будь онъ увѣренъ, что ихъ дѣйствительно не существуетъ — не жида, а онъ теперь былъ бы господиномъ своего положенія!.. Но вѣдь какъ же ловко и провели его!.. Мастерски провели!.. И теперь что-жъ остается? — Сказать самому себѣ дурака и благодарять судьбу, что удалось вырвать хоть двѣ тысячи да еще этотъ документъ на придачу. И опять, выходитъ, надо

смириться, а то еще, чего доброго, эта жидовская морда озлившись и въ самомъ дѣлѣ распорядится, чтобы не выдавали денегъ.

И поднявъ голову съ руки, графъ искоса бросилъ несмѣлый взглядъ на Блудштейна, который, нервно похрустывая пальцами, шагнулъ изъ угла въ уголъ по діагонали своей комнаты, съ благороднымъ видомъ, «вснкорбленнаго» достоинства.

— Простите меня, добрыйшій Абрамъ Осиповичъ, — тихо произнесъ онъ съ глубокимъ покаивнымъ вздохомъ, поднимаясь съ мѣста. — Я невольно оскорбилъ васъ... Виновать!.. Я... я... сумасшедшій... безумный... я самъ себя не помнилъ... Чтѣ дѣлать! — Виновать! — Мнѣ совѣстно... в стыдно...

— Ага! додумали? — съ полупрезрительной усмѣшкой и не глядя на него, отозвался Блудштейнъ.

— Простите! — повторилъ еще тише и глуше Каржоль, покорно опуская повинную голову. И вдругъ, мускулы его лица нервно задергались, нижняя губа затрепетала, и онъ поспѣшилъ достать свой носовой платокъ, чтобы скрыть въ немъ горькія слезы, невольно хлынушія изъ глазъ. То были слезы обиды и разочарованія — плачь надъ разбитой иллюзіей, слезы безмолвной досады и на судьбу, и на этихъ людей, и на самого себя, слезы оскорбленнаго самолюбія, которое должно переживать въ эту минуту такое ужасное униженіе... и предъ кѣмъ же, вдобавокъ!

— Н-ну Богъ изъ вамъ! Я же не злой чаловѣкъ! — махнулъ рукой Блудштейнъ. — Берите сваво документа, берите деньги, и ступайте съ Богомъ! Такъ залучше будетъ, по-вѣрть!

И Каржоль съ опущенной головой тихо вышелъ изъ комнаты, не удостоенный пожатія руки Блудштейномъ.

* * *

По уходѣ его, у Абрама Иоселивича точно гора съ плечъ свалилась. Онъ никакъ не думалъ раздѣлаться такъ дешево съ графомъ. Онъ ожидалъ съ его стороны болѣе бурныхъ спенъ и настойчивыхъ домогательствъ, можетъ быть, даже судебного процесса, и вдругъ, вмѣсто всего этого одинъ маленький «пшикъ»! — Стоило только показать нѣкоторую выдержку, и дѣло кончилось на какихъ-то пустыхъ двухъ тысячахъ! Теперь графъ Каржоль достаточно уже изученъ Блудштейномъ. Женатый на Ольгѣ и вѣчно нуждающійся въ копейкѣ, полуголодный пролетарій, — онъ, по мнѣнію Блудштейна, не могъ быть болѣе опасенъ для Бендавида и Украинскаго кагала своими притязаніями на Тамару. Прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ случилась та исторія, два года; за это время и у графа, и у дѣвочки пылъ проохладѣлъ, вѣроятно. — По крайней мѣрѣ, что касается графа, то у него, казалось Блудштейну, судя

по его букарентскимъ и зямницкимъ похождениямъ, даже навѣрное нѣтъ никакого пыла! А что до дѣвочки, то Богъ знаетъ, гдѣ она и находится, можетъ быть, тоже успѣла уже позабыть Каржоля. Словомъ, думалось ему, это дѣло можно считать поконченнымъ. Предусмотрительный «миддры Абрамъ» успѣлъ во-время отнравить грозившую опасность, ловко направивъ Каржоля годъ тому назадъ въ новое русло, воспользовавшись имъ для еврейскихъ же выгодъ и интересовъ, выжалъ изъ него все, что можно. Получилъ съ него для Бендавида деньги, которые иначе, при отсутствіи документовъ, никогда бы не были получены, будь Каржоль даже состоятеленъ, — словомъ, Абрамъ исполнилъ все, что подобаешь доброму сыну Израиля, и графъ можетъ идти себѣ теперь на всѣ четыре стороны. И какъ хорошо, какъ предусмотрительно сдѣлалъ Абрамъ, списавшись своевременно съ Бендавидомъ, чтобы тотъ выславъ ему поскорѣ это формальное заявленіе! Какъ оно пришло кстати и какъ пригодилось! Получить такимъ способомъ безнадежныя сто тысячъ получить ихъ изъ ничего и безъ ничего — вотъ истинная «игра ума», достойная «монд-рего Абрама»!

Но вотъ вопросъ: отдавать, или не отдавать эти деньги Бендаvidу?.. Стоитъ ли отдавать? — Вѣдь старикъ все равно считалъ ихъ безнадежными, погибшими. Прибавится ли къ его капиталамъ эта лишняя сотня, нѣтъ ли, — чтѣ ему, въ сущности!? Не разбогатѣеть онъ съ того и не обдѣлѣть, — таковъ же будетъ, какъ и былъ. А съ юридической точки зрѣнія, онъ даже и права не имѣетъ требовать ихъ. Вѣдь онъ съ Блудштейномъ не заключалъ на этотъ счетъ никакого особаго формальнаго условія и не выдавалъ ему никакой довѣренности. Сдѣлка Блудштейна съ Каржолемъ состоялась съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей, — кто знаетъ, кто можетъ доказать? Скажутъ, что у Каржоля было условіе съ «Товариществомъ» на пятипроцентную долю, — да, но какъ это считать прибыли въ карманахъ «Товарищества», когда оно и само еще должно тягаться съ казною? Можетъ, и никакихъ еще прибылей не окажется; можетъ, «Товарищество» еще «сбанкрутуетъ»? Со стороны «Товарищества», въ виду такой возможности и вообще въ виду неопредѣленнаго положенія его дѣлъ, было бы очень неосторожно выдавать Каржолу его проценты, и оно, положимъ, могло кончить съ нимъ на какой-нибудь, болѣе выгодной для себя частной сдѣлкѣ, въ чемъ онъ и росписался на контрактѣ. Это уже его дѣло соглашаться на такую сдѣлку. Не пойдетъ же Бендавидъ искать Каржоля и справляться у него! А потребуетъ старикъ возвратъ ему его заявленіе, — что-жъ, можно пообѣщать — завтра да послѣзавтра, а тамъ и затянуть, позабыть за разными хлопотами...

И, наконецъ, развѣ не могло бы это заявленіе затеряться гдѣ-нибудь между бумагами, особенно въ такой массѣ бумагъ?—Когда-нибудь, современемъ, можетъ, оно и отыщется,—и Бендавидъ можетъ быть спокоенъ, что какъ только отыщется, Блудштейнъ сейчасъ же возвратитъ его. Во всякомъ случаѣ, Бендавидъ долженъ быть ему благодаренъ, что онъ обезопасилъ его отъ происковъ Каржолы, вполне обезвредивъ послѣдняго.—Это ли еще не услуга? Это ли не благодѣяніе?!

И такъ, что-же?.. Отдать, или не отдавать?—Вопросъ, надъ которымъ слѣдуетъ еще крѣпко подумать.—Сто тысячъ не шутка! И особенно, когда старикъ за всѣ графскіе документы заплатилъ только сорокъ!—Сто-пять-десять процентовъ барыша—не слишкомъ ли жирно уже будетъ? Что ему! Куда ему такіа деньги? Онъ уже дѣла свои, можно сказать, закончилъ, онъ одинокъ и живетъ на покой, въ могилу смотреть, а Блудштейнъ только-что начинается, у Блудштейна семья, Блудштейну надо еще жить, работать, зарабатывать, расширять и развивать свои гешефты, ради семьи.—Конечно, Блудштейну деньги нужны! И онъ извлечетъ изъ нихъ гораздо болѣшую пользу не только для себя, но и вообще для Израйля.—Развѣ въ этомъ можетъ быть какое-нибудь сомнѣніе?

Во всякомъ случаѣ, торопится съ отдачею пока еще нечего. Время терпѣть, и время же укажетъ, какъ поступить «залучше».

И на этомъ рѣшеніи Абрамъ Иоседіовичъ успокоился, вполне примиренный съ собственною совѣстью и въ полномъ убѣжденіи, что исполнитъ все, что могъ и что ему слѣдовало сдѣлать, какъ доброму отцу семейства и доброму еврею,—все, даже великодушіе свое показалъ презрѣнному «гойю!»—Ибо сказано, «пускай и псы пользуются крохами отъ трапезы вашей».

XXXIII.

Новыя пути—къ старой цѣли.

Каржоль въ тотъ же день, съ вечернимъ поѣздомъ, уѣхалъ изъ Одессы. Ему больше нечего было тамъ дѣлать, а проживаться безъ цѣли,—пожалуй, опять всѣ деньги незамѣтно процѣдишь сквозь пальцы. Здѣсь ожидать ему уже нечего, надѣяться и рассчитывать больше не на что. «Товарищество», его «конторы», жида, ихъ дѣла и гешефты, ихъ вѣчно мятушаня, лихорадочно-суетливая дѣятельность, даже самыя жидовскія фizioноміи, самый видъ жидавъ и запахъ,—все это омерзѣло графу послѣ вчерашнихъ и сегодняшнихъ его крушеній до такой степени, что даже самый городъ этотъ жидовскій, со всей его показной, нарядной роскошью «à la française», раздражаю-

ще дѣйствовалъ ему на нервы, сталъ противенъ, невыносимъ,—и онъ спѣшилъ выбраться изъ него какъ можно скорѣе.

Уѣзжалъ онъ въ удрученномъ, пришибленномъ состояніи духа, еще и самъ не зная, что будетъ дѣлать далѣе, что предприметъ и даже куда направить свой путь—въ Петербургъ ли, въ Москву ли. Въ сущности, для него теперь было совершенно безразлично, куда ни ѣхать. Чувствовалъ онъ себя только глубоко несчастнымъ человекомъ, какъ и въ тѣ дни, когда бѣжалъ изъ Кохма-Богословска къ себѣ на заводъ, послѣ свадьбы съ Ольгой. Въ такомъ угнетенномъ состояніи, только и оставалось одно, что самоуслаждаться минорнымъ ропотомъ и въ немъ почерпнуть себѣ скудное утѣшеніе. И онъ ропталъ,—ропталъ и на судьбу, и на жидавъ, на ихъ коварство и даже отчасти на самого себя, но на себя всего менѣе,—развѣ за свое «рыцарское» довѣріе къ людямъ. За что судьба, въ самомъ дѣлѣ, такъ къ нему несправедлива? Что сдѣлалъ онъ такого ужаснаго, что она такъ его преслѣдуетъ? Онъ не воръ, не разбойникъ, не убійца; онъ никому, кажется, не сдѣлалъ никакого зла, никакой пакости, за которую могли бы его клеймить и указывать на него пальцемъ,—напротивъ, въ отношеніяхъ своихъ къ людямъ онъ всегда старался быть джентльменомъ и, гдѣ могъ, съ удовольствіемъ дѣлалъ имъ пріятное и разныя одолженія. Убѣжденія его тоже не крайнія: онъ не нигилистъ, но и не ретроградъ, Боже избави!—напротивъ, симпатіи его всегда на сторонѣ прогресса, гуманности, всякой эмансипаціи и вообще либеральныхъ влѣній современной эпохи. Призовите его къ служебной, къ общественной, къ какой угодно, къ государственной даже дѣятельности, онъ за все возьмется и все будетъ дѣлать когда не лучше, то и не хуже другихъ. Служилъ вотъ въ «Товариществѣ»; другіе тамъ плутовали, надували, воровали, тащили гдѣ и что можно, а онъ ничего не накралъ, честно довольствовался лишь тѣмъ, что ему платили, и что-же?—въ концѣ-концовъ, еще имъ же долженъ остался! Въ чемъ же его можно упрекнуть, по совѣсти? Если онъ не лучше, то и не хуже другихъ. Уже во всякомъ случаѣ, не хуже: онъ такой же, какъ и всѣ. Но нѣтъ ему ни въ чемъ удачи до конца! Другимъ везетъ, а ему нѣтъ. И сколько разъ уже замѣчалъ онъ, что за какое дѣло ни возьмется, все у него, дажись, идетъ прекрасно, но вдругъ, ни съ того, ни съ сего,—трахъ!—обрывается, гдѣ и не чаешь! Безо всякой съ его стороны вины,—само обрывается! Точно бы тутъ что-то роковое... Судьба проклятая!

Но отъ этого минорнаго настроенія переходъ къ чувству досады и безсильной злобы подымался въ немъ каждый разъ, чуть только

мысль его возвращалась къ воспоминанію о томъ, какъ оболванилъ и облапошилъ его «мерзавецъ» Блудштейнъ. Это, въ самомъ дѣлѣ, было оскорбительно. Онъ радъ бы былъ отомстить «этому негодяю» жестоко и безпощадно, и съ наслажденіемъ исполнилъ бы свою «справедливую месть», но въ то же время—увы!—съ прискорбіемъ сознавалъ, что мстить ему нечѣмъ, что Блудштейнъ не только силенъ своимъ положеніемъ, карманомъ и юридическимъ правомъ, но и совершенно неуязвимъ пока для него. Поэтому графъ утѣшался ребяческою надеждой, что ничего, молъ, рано или поздно, такъ или иначе, а ужъ отомщу! Будетъ помнить!—И въ воображеніи его, точно также ребячески, рисовались неопредѣленные картины, какъ онъ уже отомститъ и торжествуетъ надъ Блудштейномъ и какъ этотъ уничтоженный, поверженный во прахъ, презрѣнный жидъ пресмыкается у его ногъ и вымаливаетъ себѣ пощады. Но это были лишь краткія минуты злобно мечтательнаго забытья. Возвращаясь же къ дѣйствительности, графъ испытывалъ только безпокойное занываніе сердца, отражавшееся тоскливо-сосущимъ чувствомъ подъ-ложечкой, и нравственную удрученность, усталость, точно бы разбитость какую-то. Весь свѣтъ казался ему постылымъ, и жизнь представлялась не имѣющею ни цѣны, ни смысла.

Но вотъ, прошелъ день, другой въ дорогѣ,—острый приливъ горести и разочарованія у графа за это время нѣсколько ослабѣлъ, притупился, нервы его поуспокоились, и онъ какъ-будто пріобыкъ къ послѣдствіямъ своей одесской неудачи и къ новому своему положенію. Постоянно свѣжій, здоровый лѣтній воздухъ; разнообразныя, безпрестанно мѣняющіяся въ вагонномъ оконкѣ картины мирной русской природы, въ которой какъ-будто въ самой уже есть что-то ровное, спокойное, умиротворяющее; эти обширные поля, волнующіяся нивы, тихіе лѣса—сначала разнообразно кудрявые, потомъ все сосновые,—селенія изъ садахъ, съ деревянными трехглавыми церквами, торговыя мѣстечки, уѣздные городишки, все новыя и новыя лица, мелькающія на станціяхъ, все это—кромѣ вѣнзабѣжныхъ жидовъ, одинъ видъ которыхъ подымалъ въ немъ чувство ненавистнаго омерзѣнія,—неволью развлекая мысль и вниманіе графа, мало-по-малу и незамѣтно, однако же въ достаточной мѣрѣ подѣйствовало на него успокоительнымъ, умиротворяющимъ образомъ, и онъ, не доѣзжая еще до Бреста, уже рѣшилъ себѣ, что въ Москву не стоитъ, незачѣмъ, а лучше ѣхать прямо въ Петербургъ. На это нашлись у него и достаточно вѣскія причины. Во первыхъ, разсуждая теперь хладнокровнѣе, положеніе его уже не представлялось ему такимъ безысходнымъ и отчаянно

мрачнымъ, какъ въ день выѣзда изъ Одессы; напротивъ, у него есть даже нѣкоторые благоприятныя шансы, и первый изъ таковыхъ—это, конечно, деньги. Все-таки, около двухъ тысячъ въ карманѣ для перваго начала кое-что значить; съ нами, при нѣкоторой сдержанности, можно кое-какъ обернуться, тѣмъ болѣе что бѣльемъ и современно модными, даже достаточно свѣжими костюмами (предметъ его постоянной и тщательной заботливости) онъ пока обезпеченъ, и эта важная статья, значить, исключается изъ расходовъ... Вторыхъ, успокоившись душевно, графъ все-таки далеко не отказался отъ мысли отомстить или, по крайней мѣрѣ, насолить жидамъ, и болѣе всѣхъ, конечно, Бендаvidу съ Блудштейномъ. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ ли ему изъ-за какой-нибудь одесской неудачи окончательно отказываться отъ своихъ видовъ и плановъ насчетъ Тамары! Съ какой стати? Что случилось такое, изъ-за чего онъ былъ бы вынужденъ поставить надъ этими планами крестъ? Напротивъ, теперь-то онъ и можетъ дѣйствовать гораздо смѣлѣе и свободнѣе, такъ какъ надъ нимъ нѣтъ уже сдерживающей узды, какою были его векселя въ рукахъ Бендаvidа. Теперь его такимъ фокусомъ уже не запугаешь! И если сообразить хорошенько, то какого маху дали эти жида, выдавъ ему формальное заявленіе Бендаvidа! На сто тысячъ, дураки, польстились и не сообразили того, что сами же себя продаютъ ему за чечевичную похлебку! Теперь онъ свободенъ и покажетъ имъ себя.—Нѣтъ, господа евреи, мы еще поборемся и—посмотримъ, чья-то возьметъ! Плохой тотъ игрокъ, кто до конца не надѣется выиграть. И какъ знать, можетъ быть, счастливая талія вернется къ нему снова; но ужъ теперь-то онъ дуракомъ не будетъ!—нѣтъ, excusez du peu, уже выученъ!.. Баста!

Но для осуществленія плановъ насчетъ Тамары, надо прежде всего начать бракоразводное дѣло съ Ольгой, и вотъ для этой-то цѣли и необходимо ѣхать въ Петербургъ,—тамъ онъ ее и захватить врасплохъ, какъ свѣтъ на голову. Говорятъ, эти бракоразводныя дѣла безъ денегъ не дѣлаются,—ну, что-жъ, на первый разъ, у него для начала есть свободныя тысяча рублей, а тамъ, если послѣдствіи потребуются еще, можно будетъ какъ-нибудь извернуться, добыть, занять на проценты, предложить дѣльцамъ векселя въ обезпеченіе насчетъ будущаго капиталовъ, вообще устроить что-нибудь въ такомъ родѣ. Это, впрочемъ, уже детали. Главное, надо какъ можно скорѣе начинать и скорѣе кончать процессъ. Но съ такими вѣскими доказательствами, какъ Ольгинъ письма къ Пупу, дѣло и не можетъ замедлиться: улики такъ ясны, такъ недвусмысленны и неопровержимы, что никакой, самый дошлый адвокатъ не выкрутитъ изъ нихъ

Ольгу. А разъ, что графъ будетъ свободенъ отъ брачныхъ узъ,—о! тутъ уже на его улицѣ праздники! Тутъ только поскорѣ женись и заваривай жидамъ кашу. Ура!..

Правда, и адъсь опять-таки понадобятся деньги, на эту кашу, но графъ разсчитывалъ, что добыть ихъ будетъ уже менѣе трудно. Еслибы у него для начала и не было даже средствъ, то и это ничего не значить: на такое дѣло, какъ юридически безспорный миллионный искъ, да чтобъ не найти денегъ? — Какой вздоръ! Всегда можно подыскать чело-вѣчка, который согласится рискнуть своимъ капиталомъ, если будетъ увѣренъ, что получить вдвое больше. Да стоятъ лишь найти какого-нибудь хорошаго, состоятельнаго адвоката, съ которымъ заключать условіе на выгодный для него кушъ,—и онъ охотно поведетъ процессъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, даже на свои собственные средства, такъ что все дѣло не будетъ стоить графу предварительно даже ни копейки. Вѣдь такіе прамѣры бывали и бывають. Адвокаты даже ищутъ подобныхъ дѣлъ,—это ихъ слава, ихъ имя, ихъ счастье, своего рода биржевая игра... О! адвокаты всегда найдутся,—было бы болото, говорить пословица... И вотъ, это вторая причина, ради которой надо ѣхать въ Петербургъ. Тамъ это дѣло скорѣе устроишь, да и съ адвокатомъ надо будетъ заблаговременно познакомиться, сойтись, объяснить ему дѣло, заинтересовать его. Все это желѣзо надо ковать, пока горячо. А у графа энергіи еще много, и вѣра въ себя не утрачена! Стало быть, падать духомъ и кукситься нечего, не такое время!

И мечтательное воображеніе уже рисовало ему самыя радужныя картины будущаго...

Чортъ возьми, онъ *долженъ* быть богатымъ, и будетъ! Перебиваться со-дня-на-день изъ кулъка въ рогожку и вѣчно быть въ зависимости отъ случайныхъ обстоятельствъ ему уже надоѣло. Онъ давно уже поставилъ себѣ эту цѣль жизни, и онъ ея добьется. Онъ желаетъ наконецъ жить «въ свое удовольствіе», comme disent les Apraksintzi,—жить хорошо, спокойно и не стѣсняясь, какъ прилично въ его рожденномъ положеніи, съ его именемъ, съ его прежними связями въ обществѣ, которыхъ онъ, конечно, постарается возобновить. Вѣдь въ чемъ же и весь смыслъ и весь смакъ жизни, если не въ этомъ? А иначе, чортъ ли въ ней!.. До сихъ поръ онъ служилъ только вольной или невольной ступенью для другихъ—для Ольги, для Блудштейна, для «Товарищества», и всѣ эти «другіе» эгоистически пользовались имъ для своихъ собственныхъ цѣлей. Довольно! Теперь и онъ, въ свою очередь, хочетъ сдѣлать изъ нихъ ступени для себя, чтобы придти наконецъ и къ своей собственной цѣли.

Что до Тамары, то о ней Каржоль думалъ менѣе всего. Онъ совершенно былъ увѣренъ

въ ней и спокоенъ насчетъ ея любви къ нему, которая представлялась ему даже чѣмъ-то въ родѣ обожанія его особы. Да и какъ ей не обожать? Вѣдь что она, въ сущности?—жалкая, хоть и богатая, еврейская дѣвочка—сосѣмъ еще дѣвочка, выросшая въ какомъ-то захолустномъ жидовскомъ Украинскѣ, подъ ревнивымъ крыломъ старозаконной семьи, не имѣющая настоящаго понятія ни о жизни, ни о людяхъ, ни о свѣтѣ, кромѣ какъ по книжкамъ развѣ. Кого она знаетъ, что она видѣла, что понимаетъ? И кого же, наконецъ, могла бы она встрѣтить въ своей монотонной, почти замкнутой жизни лучше и обаятельнѣе Каржоль?.. Правда, она не глупенькая, въ ней есть кое-какіе задатки, подающіе надежду, что, взявъ ее въ умѣлыя руки, изъ нея можно будетъ впоследствии выработать приличную для свѣта жену; но пока вѣдь она совѣмъ еще ребенокъ, надъ ней еще работать надо, шлифовать ее. Она должна считать себѣ за счастье быть его женою, потому что, что жъ у нея?—однѣ только деньги, да и тѣ еще въ перспективѣ, а онъ даетъ ей родовитое, титулованное имя и положеніе въ свѣтѣ,—развѣ этого мало? Графъ былъ убѣжденъ, что и до сихъ поръ, какъ прежде, онъ для Тамары все—кумиръ, божество, идеаль,—что онъ все такъ же слѣпо любитъ его первую любовь и слѣпо вѣритъ въ него, что въ его рукахъ она, какъ мягкій воскъ: какую фигуру ни пожелаетъ, ту изъ нея и выльпять, что каждое его слово для нея законъ, и она всегда послушно пойдетъ за нимъ и сдѣлаетъ для него все, что онъ ни захочетъ. Вѣдь ужъ онъ это видѣлъ и испыталъ на дѣлѣ; она столько разъ доказывала ему это, начиная съ побѣга въ монастырь и кончая хоть бы бумажникомъ Аполлона Пуца. Нѣтъ, она вся въ его рукахъ—вся въ его волѣ. О ней пока заботиться нечего.

Правда, онъ виноватъ предъ Тамарой. Среди своихъ «товарищескихъ» дѣлъ и въ вихрѣ разсѣянной, легко скользящей жизни въ Румыніи, онъ давненько-таки не подавалъ ей о себѣ никакой вѣсти. И чортъ знаетъ, просто, какъ это такъ случилось?!. Не то, чтобъ онъ совѣмъ забылъ ее,—нѣтъ,—хотя порою, говоря по совѣсти, и забывалъ-таки, но все же, ея «глупенькая головка» приходила ему иногда на память, и даже не рѣдко, и ему было тогда какъ-будто жалко ее и сожвѣстно предъ нею, и онъ, съ укоризной самому себѣ, вспоминалъ въ такія минуты, что надо бы порадовать дѣвочку, написать ей, давно бы уже слѣдовало,—и каждый разъ давалъ себѣ твердое слово, что завтра же напишетъ непременно. Но приходило «завтра» и непременно приносило съ собою свои нетерпѣнія дѣла и безотлагательныя хлопоты,—то то, то другое,—интендантство, «Товарищество», тыловое начальство, Блудштейнъ, Мераеску, румынскія власти, сухарное дѣло,

какіе-нибудь неприятыя офіціальныя за-просы, экстренныя отписки, объясненія и проч. и проч. А тамъ опять вдругъ какая-нибудь пріятельская компанія случайно подвернулася... Человѣкъ еле успѣлъ покончить кое-какъ должностныя дѣла, проголодался, спѣшить въ ресторанъ,—глядь, навстрѣчу ему уже дружески несутся изъ-за какого-нибудь уставленнаго бутылками столика знакомые, покушавшіе голоса: «Bah! cher comte! Vous voilà!.. Здорово, дружище! Подсаживайся!.. Графъ, только васъ и не доставало!» — И графъ по-неволѣ подсаживается, и ѣсть, и чокается, и самъ «ставить», въ отвѣтъ пріятелямъ, и адъёс его непременно заговаривать, закружать, увлекутъ... театръ, актриски, ужинъ съ шансоньерками, рулетка или зеленый столъ... Глядь,—ахъ день и прошелъ, какъ точно бѣ его и не бывало!.. И возвратясь домой, пресыщенный, усталый, измочаленный, графъ съ досадой вспоминаетъ, что и сегодня опять не написалъ Тамарѣ! Такъ и не успѣлъ—завертѣли, черти проклятые, и, нечего дѣлать, приходится отложить письмо до завтра.—Завтра ужъ, молъ, непременно, во что бы то ни стало напишу! И успокоившись на этомъ благомъ рѣшеніи, онъ засыпалъ тяжелымъ, одурманеннымъ, безпокойнымъ сномъ. Но наступаетъ новое «завтра» — и повторяется все та же старая исторія. А тамъ, прошло уже незамѣтнымъ образомъ столько дней, недѣль и мѣсяцевъ, что и писать стало какъ-то неудобно. Все-таки, вѣдь это трудъ, и не малый, да и тяжелый: надо оправдываться, сочинять, придумывать извиняющія причины, насиловать свой мозгъ, настраивать себя на особенный «вѣжко-пламенный» ладъ и прочее,—а когда ему все это дѣлать?—положительно времени нѣтъ. Ну, да ничего! Со-временемъ какъ-нибудь напишетъ, что-нибудь да придумаетъ и оправдается. Или еще лучше: если ему опять дадутъ командировку въ штабъ дѣйствующей арміи (можно будетъ даже нарочно выпросить ее), онъ непременно разыщетъ тамъ Тамару, постарается увидѣться съ нею и на словахъ объяснить все дѣло, — на словахъ это гораздо проще и скорѣе выходитъ, да и выскажешь гораздо больше, лучше и полнѣе, чѣмъ въ письмѣ.—Ну, разумѣется! Вѣдь она добренькая, она любитъ его и, конечно, проститъ,—развѣ жъ она въ состояніи сердиться?

Но тутъ, какъ на зло, подошла вскорѣ такая полоса въ его жизни, что графъ на нѣсколько мѣсяцевъ просто голову потерялъ. Началась она осенью, со встрѣчи его въ Зимницѣ съ нѣкоей «извѣстною» Маріуцой. Онъ и самъ понять не могъ, что за притягательная сила кроется для него въ этой женщинѣ, въ которую влюбился съ перваго же раза и увлекся ею, какъ самъ же говорилъ, до безобразія, точно бы она околдовала его. Въ ней было

что-то напоминавшее ему физически Ольгу. И все равно, какъ къ той испытывалъ онъ нѣкогда неодолимое чувственное влеченіе, такъ и къ этой,—только къ этой еще больше. Лицо ея, тѣло ея, складъ, походка, движенія,—словомъ, вся она зазорно вызывала въ немъ жажду обладать ею, и если это называется любовью, то только двухъ женщинъ и любилъ онъ въ своей жизни,—Ольгу да Маріуцу. Онъ видѣлъ или воображалъ въ ней то, чего другіе не замѣчали и чего. можетъ быть, въ ней даже и не было, и, наконецъ, создалъ себѣ изъ нея какой-то культъ желаемого тѣла. До такой степени даже и съ Ольгой у него не доходило. Хитрая пройдоха, не то полуцыганскаго, не то полужидовскаго происхожденія, вкусившая отъ букарештской и даже вѣнской «цивилизаци», она сразу поняла, что съ такимъ обалдѣлымъ человѣкомъ можно дѣлать все, что угодно, хоть веревки вить изъ него, и — легко благосклонная ко всѣмъ другимъ, она систематически мучила и томила одного лишь Каржоля, оставаясь только для него недоступною, и тѣмъ все больше и больше разжигала его страсть и дразнила самолюбіе: неужели же ея-то онъ не добьется! — Онъ!!! — Вѣдь это даже оскорбительно!—Каржоль понималъ, что вся цѣна этой женщинѣ пять золотыхъ, что и въ Зимницу-то она пріѣхала нарочно за тѣмъ, чтобы «заработывать» себѣ эти золотые,—и тѣмъ не меньше, готовъ былъ чуть не молиться на нее, изнывалъ предъ нею, только бы она снизошла къ нему. Онъ во что бы то ни стало, уже чисто изъ самолюбія, хотѣлъ добиться своего и потому безразсечно швырялъ на подарки ей и на всякія ея прихоти бышennыя деньги, бралъ впередъ въ «Товариществѣ», занималъ, выигрывалъ,—все на нее! Это была какая-то странная, животненная страсть на подкладкѣ психическаго каприза, но она была выше его воли. Когда же Маріуца, рассчитавъ, что такую игру надолго затягивать нельзя, — а то, пожалуй, плюнетъ человѣкъ и пойдетъ прочь—подарила его наконецъ своею благосклонностію, то сумасшедшему счастью Каржоля, казалось, не было мѣры и предѣловъ. Здѣсь уже онъ забылъ не только Тамару, но и все на свѣтѣ, кромѣ текущихъ дѣлъ «Товарищества», да и о тѣхъ-то помнилъ лишь потому, что они даютъ ему средства къ жизни, которыя ему нужны на Маріуцу. Теперь онъ могъ гордиться тѣмъ, что покорялъ ея сердце или тѣло—это все равно ему, — и хвастаться ею предъ пріятелями-интендантами, какъ своею любовницею. Наконецъ Блудштейнъ, давно уже знавшій и терпѣвшій это, даже радуясь въ душѣ такому состоянію Каржоля (о Тамаркѣ, значитъ больше не думаетъ!), ввусительно замѣтилъ ему однажды, что зимницкій климатъ, очевидно, вреденъ для его здоровья, такъ какъ онъ сталъ очень «макирувать» за своими служебными

обязанностями», а между тѣмъ денегъ все просить впередъ да впередъ, и потому одно изъ двухъ: или служить какъ слѣдуетъ, или «Товарищество» его уволить безъ расчета, — это же поручено ему дружески передать графу. Въ виду такого ультиматума, Каржоль какъ будто образумился, сталъ жить поскромнѣе, заниматься дѣлами, и Абрамъ Иоселовичъ, пользовавшійся этою переминой, не замедлилъ дать ему командировку въ Одессу, будучи увѣренъ, что на томъ и конецъ шалымъ его похождениямъ съ Мариуцой. Занимался же онъ объ этомъ потому, что графъ нуженъ былъ еще и ему лично, и «Товариществу». Но «мондры Абрамъ» ошибся: Мариуца тайкомъ поскакала вслѣдъ за графомъ въ Букарештъ, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ въ Одессу, и тамъ у нихъ продолжалось все то же, до тѣхъ поръ, пока Мариуца не встрѣтилась съ богатымъ еврейскимъ банкиромъ Рафиновичемъ, на котораго, конечно, и не замедлила сейчасъ же безповоротливо промѣнять Каржоль. Къ счастью для служебныхъ отношеній послѣдняго, это случилось довольно скоро, черезъ какую-нибудь недѣлю, — но самолюбіе, и ревность, и страсть его долго не могли помириться съ такимъ предпочтеніемъ. Графъ готовъ былъ надѣлать изъ-за этой женщины тысячу новыхъ глупостей, еслибы телеграмма «Товарищества» не потребовала его спѣшно опять въ Букарештъ, для важныхъ дѣловыхъ объясненій съ высшимъ тыловымъ начальствомъ. Здѣсь встрѣтили его опять масса дѣлъ и порученій, актриски, оперетка, пріятель, — все это помогло ему наконецъ отрѣшиться отъ своего угара и забыть Мариуцу, но оно не заставило его вспомнить Тамару. Онъ до такой степени все это время прожигалъ свою жизнь, что Тамара отошла для него на самый дальній планъ, какъ нѣчто смутное, блѣдное, даже неприятное для воспоминаній. Къ тому же онъ совсѣмъ потерялъ ее изъ виду, — Богъ знаетъ даже, гдѣ она теперь находится. Да впрочемъ, въ сущности, и безпокоиться ему особенно не о чемъ: Тамара, конечно, все такая же, и стоитъ ему лишь помянуть ее, — она сейчасъ же все забудетъ и прискачетъ хоть куда угодно.

Но вспоминая обо всемъ этомъ теперь, въ купѣ вагона, Каржоль спохватился, что скоро однако годъ — цѣлый годъ, какъ онъ ее не видѣлъ и не писалъ къ ней. Это стало ему крайне досадно, но — что же дѣлать! — надо какъ ни-на-есть поправить свою проруху. И онъ рѣшилъ себѣ, что, по пріѣздѣ въ Петербургъ, сейчасъ же напишетъ ей длинное, горячее посланіе, разукрасивъ его всѣми возможными доводами въ свою пользу, и еще въ пути сталъ придумывать на досугѣ, какъ и чѣмъ оправдываться въ письмѣ передъ нею.

XXXIV.

По „спеціалистамъ“.

Подъѣзжая къ Петербургу, Каржоль долго колебался, остановиться ли ему «по привычкѣ» у Демута, или избрать на сей разъ какіе-нибудь скромненькіе, но приличные «нумера», по рублю въ сутки. Хотя это и свинство, собственно говоря, жить въ рублевыхъ нумерахъ, чортъ знаетъ гдѣ и чортъ знаетъ съ кѣмъ, но, во вниманіе къ тому, что фондъ его, и безъ того уже не великій, съ каждымъ днемъ неизбежно долженъ все таять, графъ рѣшилъ «выдержать характеръ», смирить себя на время и удовольствоваться какими-нибудь «chambres garnies», пока судьба не пошлетъ чего-нибудь лучшаго. Такимъ образомъ, выборъ его палъ на меблированные комнаты, содержащія въ четвертомъ этажѣ громаднаго дома на Вознесенскомъ проспектѣ рижскою молодящихся лѣтъ дѣвицею, Амаліей Францовной Шписей. Доставилъ его сюда «нумерной» прямо съ вокзала, вмѣстѣ съ чемодами. Рижская дѣвица, съ подведенными глазами и взбитою прической, была очень польщена тѣмъ, что у нея останавливается «графъ», да еще такой красивый, — «*ganz zierlich, fein und ein so hübscher Cavalier!*» — и потому уступила ему довольно приличную комнату за тридцать рублей въ мѣсяцъ, — «*aber so billig nur für den Herrn Graf!*», — и даже предложила нѣкоторымъ удобства, въ родѣ утренняго *Milchcasse* und *das Frühstück*, und *den Mittag*, ganz *complet*, oder auf *Portionen* — какъ угодно — за очень умѣренную плату. Графъ нашелъ, что и это все, по нуждѣ, будетъ очень ему кстати, хоть и придется, вѣроятно, морщиться отъ жареныхъ подошвъ и глотать эссенцукскія лепешки противъ послѣдствій чухонской кухни, но — что же дѣлать! — надо пока смириться и привыкать. Съ его стороны это было чисто героическое рѣшеніе, и онъ самъ удивлялся своему стоицизму.

Fräulein Schpiess съ перваго же дня стала особенно ухаживать за графомъ, какъ за самымъ почетнымъ, самымъ знатнымъ «своимъ жильцомъ» и всячески заботиться о его комфортахъ. (Ахъ! въ свое время она тоже бывала знакома и съ графами, и съ баронами!..) Она даже собственноручно по утрамъ пылъ обмахивала пѣтушьямъ султаномъ съ его письменнаго стола и цвѣты въ его комнатѣ поливала, а встрѣчала и провожала его не иначе, какъ книксенами, и ежели говорила съ нимъ, то непремѣнно со сладкою ужимкой и играя глазами. Графъ находилъ, что хотя это и глупо въ такомъ солидномъ возрастѣ, но не мѣшаетъ, ибо лучше пусть ему сантиментально и благосклонно улыбаются, чѣмъ глядятъ бу-

кой: отъ благосклонности зависить кредитъ, въ которомъ никогда не лишнее имѣть заручку, и потому онъ милостиво позволялъ ухаживать за собою, принимая это со стороны «Fräulein Amalia» даже какъ должное.

Освоившись въ новомъ своемъ положеніи и разобравшись съ чемоданами, онъ на другой же день отправился въ Правленіе «Краснаго Креста» за справкой насчетъ Тамары и узналъ не только о мѣстѣ ея нахождения въ санъ-стефанскомъ военно-подвижномъ госпиталѣ, но еще и то, весьма важное для него, обстоятельство, что сестры Боголюбленской общины возвратятся въ Петербургъ не ранѣе осени. Это послѣднее обстоятельство истинно обрадовало графа. До осени, слава Богу, еще далеко и, значить, въ это время онъ успѣетъ покончить свое бракоразводное дѣло ранѣе пріѣзда Тамары, чтобы встрѣтить ее уже настоящимъ женихомъ и—сейчасъ же подъ вѣнецъ, безъ проволочекъ! А ужъ потомъ женившись, можно будетъ какъ-нибудь, въ подходящую минуту, открыть ей свои прошлые (нынѣ пока еще—увы!—настоящіе) отношенія къ Ольгѣ, представить всю низость ея шантажнаго съ нимъ поступка, совершеннаго при помощи внезапности и наглаго насилія, и все, чего ему стоило сбросить съ себя брачныя узы ради Тамары, но открыть и представить, разумеется, на сколько это нужно и въ такомъ освѣщеніи, въ какомъ ему выгодно.

Въ тотъ же день вечеромъ онъ воздержался даже отъ искушенія прокатиться въ «Ливадію», гдѣ шла «Barbe bleue» съ очень интересными «новыми» французженками, или отправиться, по старинѣ, въ любезный сердцу «Демидронъ» съ его Филиппо, Грендоръ и Кадуджами,—всѣмъ этимъ стойчески пренебрегъ онъ и заслѣзъ за извѣстное уже письмо къ Тамарѣ, которое на слѣдующее утро и пошло по назначенію—въ Санъ Стефано.

Видѣться съ Ольгой онъ находилъ пока преждевременнымъ. Она не должна и подозрѣвать о его присутствіи въ Петербургѣ; пусть лучше этотъ процессъ нагрянетъ на нее совершенно неожиданнымъ сюрпризомъ. Но вотъ вопросъ: гдѣ найти адвоката? Графъ такъ давно уже разстался съ Петербургомъ, что теперь совсѣмъ «раз аи сонгап!» относительно его жизни, общества, дѣлъ и знаменитостей. Не по календарю же разыскивать ихъ, тѣмъ болѣе, что по этимъ бракоразводнымъ дѣламъ есть свои особые «специалисты», которые въ дѣлахъ другого рода, по большей части, ужъ и не путаются. Вотъ напасть на такого-то «специалиста» ему и важно, а гдѣ возьмешь его безъ рекомендаціи, да и за рекомендаціей къ кому обратишься?—Дѣло все-таки щекотливое, свое, интимное, въ которое посвящать безъ особенной надобности и прежде времени постороннихъ людей не слѣдуетъ. Положимъ,

онъ могъ бы разыскать кого-нибудь изъ прежнихъ своихъ свѣтскихъ пріятелей и къ нимъ обратиться за совѣтомъ, но лучше пока и этого не дѣлать: почему знать, а вдругъ кто-нибудь изъ нихъ знакомъ съ его женою? Раздумывая, какъ ему быть въ своемъ затруднительномъ положеніи, графъ попалъ на счастливую мысль: не лучше ли всего ѣхать ему прямо въ консисторію, обратиться тамъ къ кому-нибудь изъ «подходящихъ» чиновниковъ и просить его указать хорошаго адвоката?—Вѣдь кому жъ какъ не имъ извѣстны всѣ такіе «специалисты»?—И графъ на другой же день такъ и сдѣлалъ.

Въ консисторіи онъ, однако жъ, поступилъ «en diplomate», то-есть, не выложилъ такъ-таки прямо, что специалистъ-де нуженъ ему для себя самого, но, на всякій случай, «pour sauver les apparences» и изъ предосторожности, свернулъ дѣло на «одного пріятеля», который желаетъ-де начать съ женою бракоразводный процессъ и просить его справиться насчетъ подходящаго адвоката, такъ вотъ—не можете ли указать какого, только хорошаго?

Тамъ были такъ любезны, что указали ему даже нѣсколькихъ—и «поважнѣй», и «попроще». Если дѣло, моль, сложное, затруднительное, то нуженъ специалистъ «поважнѣй», чтобы, неровенъ часъ, не провалить его; а если обыкновенное, то можно и «попроще». Каржоль записалъ себѣ въ книжку нѣсколько адресовъ и поблагодаривъ рѣшилъ отправиться сначала къ адвокату «поважнѣй»—посмотрѣть, что это за птица и чего она можетъ стоить? Смutila его немножко только фамилія: жидомъ что-то пахнетъ.—Яковъ Моисеевичъ Смаргунеръ.—Неужели жъ и по этимъ дѣламъ нынѣ жиды орудуютъ?! Господи, ужъ и въ консисторію пробрались, къ пресвитерамъ!

Господинъ Смаргунеръ занималъ очень приятную квартиру на Литейной, въ белъ-этажѣ одного изъ домовъ затѣйливой архитектуры,—и первый же взглядъ на его приемную, гдѣ графу пришлось подождать нѣсколько времени до аудіенціи, убѣдилъ его, что здѣсь дѣло пахнетъ, должно быть, не кушами, а уймами денегъ. Куда ни плюнь—все или роскошный буль, или дивная бронза, группы Либриха въ углахъ, кантовскія пикрестации на рѣзныхъ эбеновыхъ втажеркахъ, севръ на лампахъ, вью-саксы на стѣнныхъ кронштейнахъ; на каждомъ буфѣ драпировки, на каждой мебели такъ и лежитъ печать Лизере или Лавотона. Но—странное дѣло!—все это носить такой случайный, смѣшанно-сбродный характеръ, что невольно наводитъ на подозрѣніе—не приобрѣтены ли вещи эти задешено и по случаю съ аукціона, или накуплены зря у Дарзанза, Давида, Юнкера только потому, что въ глаза по своему блеску бросились?—Во всякомъ случаѣ, это истинно «адвокатская» обстановка видимо

была устроена на тщеславный показъ и рассчитана на то, чтобы сразу бить ею въ носъ каждому вновь являющемуся кліенту.

— Прошу покорно!—высунувъ адвокатъ по направленію къ Каржолу свой носъ изъ дверей кабинета, откуда только-что вышла предъ нимъ какая-то стройная дама въ черномъ шелковомъ платьѣ, подъ густымъ опущеннымъ вуалемъ.

Тотъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ на каждой вещи точно также лежала печать жирныхъ кушей, но уже въ характерѣ роскошно комфортабельной простоты, солидности и серьезности.

— Графъ Каржоль де-Нотрехъ?—въ видѣ вопроса, прочелъ «спеціальность» на визитной карточкѣ, еще раньше переданной ему черезъ приличнаго фрачного лакея.

Графъ утвердительно кивнулъ на это короткимъ поклономъ.

— Прошу садиться. Дѣло имѣете?

— Н-да... то-есть... пріятель одинъ... хотѣлось бы посоветоваться, — заговорилъ Каржоль, нѣсколько путаясь и стѣнясь.

Господинъ Смаргунеръ съ видомъ дѣлового человѣка взглянулъ на свои золотые часы, какъ бы давая этимъ чувствовать-посѣтителю, что время все—деньги мои, и расположившись за роскошнымъ письменнымъ столомъ, сосредоточенно приготовился выслушать.

— Прошу объяснить,—предложилъ онъ нѣсколько суховатымъ, какъ бы официальнымъ тономъ.

Графъ, неволью чувствуя какую-то внутреннюю неловкость и потому смущаясь, принялся кое-какъ и не безъ запинокъ излагать ему сущность своихъ намѣреній и обстоятельствъ дѣла, а самъ въ это же время, взглядывая порою въ тонкія и нѣсколько хищныя черты гладко выбритаго и выхоленнаго лица его, обрамленнаго одною лишь «американскою» бородою, безъ усевъ, все болѣе и болѣе убѣждался, что предъ нимъ сидитъ человѣкъ непремѣнно семитскаго происхожденія. Это былъ плотный мужчина лѣтъ подлѣ пятьдесятъ, безукоризненно и солидно одѣтый весь въ черное, съ солиднымъ и даже внушительно важнымъ выраженіемъ лица, которое точно бы давало заранѣе чувствовать, что человѣкъ знаетъ себѣ цѣну и считаетъ ее на очень крупныя цифры. — «Чортъ его разберетъ, что онъ теперь себѣ думаетъ!—съ нѣкоторымъ безпокойствомъ шевелилось въ душѣ Каржолы.—Точно сфинксъ какой, сидитъ и глазомъ не моргнетъ! — Разбери его!»

Изложеніе дѣла дошло наконецъ до писемъ Ольги къ Аполлону Пупу, въ смыслѣ самыхъ существенныхъ и важныхъ доказательствъ.

— Письма съ вами?—коротко спросилъ господинъ Смаргунеръ.

— Со мной, — предупредительно сдѣлавъ графъ движеніе рукою къ боковому карману.

— Цонрюшу показать.

— Позвольте, я вамъ прочту ихъ,—это не долго...

— Виновать, я долженъ видѣть ихъ и... выикнуть въ степень ихъ важности.

Графъ понялъ, что Смаргунеръ желаетъ читать самъ и—хоть и не совсѣмъ-то это было ему пріятно, но нечего дѣлать,—передалъ адвокату извѣстный пакетецъ.

Тотъ солидно вздѣлъ на носъ золотое пенсне, неторопливо развернулъ письма и записочки, съ видомъ опытнаго слѣдователя осмотрѣлъ ихъ внѣшность и систематически сталъ прочитывать про-себя одно послѣ другого, подкладывая ихъ по мѣрѣ прочтенія въ прежнемъ порядкѣ, и затѣмъ, вложивъ опять все въ пакетецъ, передалъ послѣдній графу.

— Это все?—спросилъ онъ.

— Все.

— Гм... Не много же. Другихъ доказательствъ не имѣете?

— То-есть.. какихъ же еще? — спросилъ Каржоль съ недоумѣніемъ.

— Болѣе вѣскихъ, въ смыслѣ юридическомъ.

— Помилуйте! — воскликнулъ графъ, удивленный и озадаченный до-нельзя. — Это ли еще не доказательства?! Чего жъ еще вѣсче?!

Но господинъ Смаргунеръ только головой покачалъ отрипательно, съ легкой иронической усмѣшкой на своихъ тонкихъ, растянутыхъ губахъ.

— Письма не суть прямыя улики, — пояснилъ онъ докторальнымъ тономъ,—при случаѣ, они могутъ, пожалуй, сыграть роль нѣкоторыхъ косвенныхъ доказательствъ, но не болѣе.

Каржоль такъ и отпѣшилъ,—даже ротъ, какъ дуракъ, на него разинулъ.

— Законъ требуетъ уликъ положительныхъ,—продолжалъ между тѣмъ разжевывать ему адвокатъ,—и точно опредѣляетъ притомъ, какихъ именно.

— То-есть, что же собственно, я не понимаю? — въ тоскливо досадливомъ затрудненіи пожалъ графъ плечами.

Тотъ посмотрѣлъ на него холодно строгими и удивленными глазами, — точно бы передъ нимъ младенецъ какой несмысленный: что ты, молъ, батюшка, съ дуны свалился, что-ли?

— En flagrant délit, при двухъ достовѣрныхъ свидѣтеляхъ,—внушительно отчеканилъ онъ.—Понимаете?

— Да, но согласитесь, что это... это... это требованіе невозможное! — заговорилъ графъ, весь покраснѣвъ до ушей, отъ смущенія предъ взглядомъ Смаргунера и при мысли, что онъ пойманъ на своей собственной, довольно-таки наивной недогадливости, хотя, казалось бы, не трудно было понять еще съ перваго намека.—Какая же порядочная женщина рѣшится... въ присутствіи свидѣтелей, подумайте!—лепеталъ онъ, чтобы поправиться, но чувствуя самъ,

что говорить, кажется, глупости, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. — И наконецъ, развѣ же могутъ быть свидѣтели подобныхъ положеній!.. Мыслимо ли дѣло допустить...

— Извините, если я уклонюсь отъ безцѣльного диспута по этому предмету, — вѣжливо, но сухо вѣтоспѣшилъ предупредить его Смаргунеръ. — Я не вхожу въ разсмотрѣніе, что мыслимо или что не мыслимо, я только сообщу вамъ, чего въ данномъ случаѣ требуетъ законъ. Есть у васъ *такія* доказательства, или можете вы ихъ представить, — прекрасно; а нѣтъ, то письма ваши ровно ни къ чему не послужатъ.

— Значитъ, по-вашему, это дѣло безнадежное? — разочарованно спросилъ графъ, сбивый съ послѣдней своей позиціи.

— Я этого не говорю, — значительно поднимая свои птичьи, дугообразныя брови Смаргунеръ. — Безнадежныхъ дѣлъ я, какъ юристъ, вообще не признаю. Всякое дѣло можетъ быть и надежнымъ, и безнадежнымъ, смотря по тому, какъ за него взяться и какъ повести.

Каржоль нѣсколько ожилъ.

— И такъ, вы могли бы взяться, значитъ? — спросилъ онъ.

— Мм.. отчего же! Если вамъ угодно поручить его мнѣ, я не вижу причины къ отказу.

— Въ такомъ случаѣ, я уже буду просить васъ, — качнулся графъ къ нему корпусомъ, въ видѣ любезнаго поклона.

— Хорошо-съ, — согласился Смаргунеръ и, устремивъ на него холодный, испытующій взоръ, какъ бы соображая что-то, прибавилъ неторопливо размысленнымъ тономъ. — Это будетъ стоить тридцать тысячъ рублей.

— Такъ много? — пришелъ графъ въ неподдѣльный ужасъ.

— Это не много, — спокойно возразилъ Смаргунеръ. — Дѣло очень сложное и крайне трудное, — пояснилъ онъ. — Будь обѣ стороны согласны на разводъ, тогда и разговоръ нѣтъ: вы бы приняли на себя извѣстную роль, какъ это обыкновенно дѣлается, — и въ двѣ-три недѣли мы бы кончили. Но картина вопроса совсемъ измѣняется, когда одна сторона, какъ въ данномъ случаѣ, напрямѣръ, ищетъ развода, а другая не желаетъ его. Вѣдь здѣсь является уже борьба; здѣсь надо, такъ сказать, *изъ ничего* создать цѣлую обстановку, и обстановку, въ юридическомъ смыслѣ, солидную, доказательную, а это стоитъ недешево.

— Но у меня, къ сожалѣнію, въ настоящую минуту нѣтъ такихъ денегъ, — вдохнулъ графъ, думая про-себя, не потроговаться ли, — авось-либо, спуститъ добрую толяку?

— Это уже ваше дѣло, — безразлично пожалъ плечами Смаргунеръ.

— Но, можетъ быть, мы могли бы сойтись съ вами на нѣсколько меньшей суммѣ?

— Меньше ни копейки, — вѣжливо-сухо и непоколебимо отпаривалъ адвокатъ.

— Или развѣ вотъ что? — предложилъ ему графъ съ такимъ видомъ, будто ему только сейчасъ — вотъ пришла въ голову счастливая идея. — Не могли ль бы вы удовольствоваться пока извѣстными обязательствами, которыя я вамъ охотно выдалъ бы на себя, кромѣ, конечно, той суммы, что придется дать еще наличными для начала дѣла? Это меня бы устроивало.

— Гм... Какого же рода обязательства? — опять поднимая Смаргунеръ на него свои дугообразныя брови.

— Какого вамъ угодно, — условіе, вексель, росписка, что знаете.

— У васъ есть достаточное имущественное обезпеченіе подъ такой вексель? — все также пунктуально и невозмутимо ровно осведомился адвокатъ, глядя на графа такимъ взоромъ, точно бы онъ изучаетъ его и, судя по отвѣту, сейчасъ безошибочно выведетъ себя опытное заключеніе, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, — съ человѣкомъ ли обстоятельнымъ, или съ ничего не стоящимъ щелкоперомъ. — И Каржоль невольно, инстинктивно какъ-то, почувствовалъ сокровенный смыслъ этого взгляда.

— То-есть, вотъ видите ли, — послѣднимъ онъ объясняется, внутренне поеживаясь, — надо вамъ сказать, разводъ нуженъ мнѣ собственно для того, чтобы жениться на особѣ очень состоятельной... то-есть, такой состоятельной, что какія-нибудь тридцать тысячъ являются тутъ совершенными пустяками... Тутъ милліоны, — вы понимаете, — милліоны!.. Свадьба сейчасъ жъ вслѣдъ за разводомъ, а затѣмъ, хоть на другой же день, вы бы получили все, что слѣдуетъ.

— Гм... Значитъ, вы могли бы предетавить за себя надежныхъ поручителей?

— Видите ли, — замаялся нѣсколько графъ. — За поручителями, конечно, дѣло не стало бы, но... признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы обращаться къ пріятелямъ по такому щекотливому вопросу, — сами согласитесь...

— Зачѣмъ же къ пріятелямъ! Развѣ родители вашей невѣсты не могли бы поставить свой бланкъ?

— Да, но у нея нѣтъ родителей, она сирота.

— Значитъ, опекуны есть, — онъ могъ бы.

— Мм... я-нѣтъ, и опекуна нѣтъ... никого нѣтъ, — сирота, говорю.

— Стало быть, совершеннолѣтняя? — Тогда это еще проще: пускай сама поставитъ.

— О! она съ удовольствіемъ!.. Но... къ сожалѣнію, ея нѣтъ теперь въ Петербургѣ, она пріѣдетъ только осенью, а мнѣ надо, чтобы дѣло къ ея пріѣзду было уже кончено.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ остается поискать достаточныхъ средствъ, — сухо вѣтоспѣшилъ адвокатъ.

совѣтовалъ Смартунеръ и поднялся съ рабочаго своего кресла, явно давая этимъ Каржолу понять, что далѣе разговаривать имъ не о чемъ.

Тому оставалось только встать, въ свой чередъ, и молча откланяться.

И такъ, первый блинъ, что называется, комомъ. Графъ вышелъ отъ господина Смартунера крайне обезкураженнымъ. Что жъ это такое?!.. Онъ, который разсчитывалъ, что имѣя въ своихъ рукахъ такіа поразительныя доказательства,—ему бы, по-настоящему, даже и адвокатовъ никакихъ не надо, — оказывается вдругъ въ дуракахъ! Опять-таки въ дуракахъ!.. Господи, да доколы же?!.. «Косвенныя улики!» Это-то косвенныя? Прошу покорно!.. Да вѣтъ, этого быть не можетъ!.. Тутъ что-нибудь да не такъ!.. Не вѣрѣте ли будетъ, что жидъ просто запутать его разсчитывалъ, чтобы содрать побольше? Тридцать тысячъ тоже! Экіе вѣдь кушница валяютъ, какъ ни почемъ! Безсостыный народъ! Онъ, *графъ* Каржолъ де-Потреть, подумаешь, за тринадцать тысячъ жалованья болѣе года трудился, какъ почтовая лошадь, жизнью своею даже подъ Плевной рисковалъ, а тутъ, какому-нибудь Смартунеру, за то, что двѣ-три крючкотворныя бумажки составить, тридцать тысячъ вдругъ отваливай! Господи, да гдѣ же справедливость, наконецъ?!.. «Косвенныя!» Нѣтъ, это все «музыка!» Это ясно!.. Нечего, значить, падать духомъ, а лучше попытаться счастья у другихъ, что «попроще». Попроще-то, пожалуй, поговорчивѣй. Да и ну ихъ къ чорту, всѣхъ этихъ Смартунеровъ! И безъ нихъ надобно съ жидами вѣчно возиться! Пойдемъ къ православному.

И графъ на другой день поѣхалъ къ специалисту «попроще».

* * *

Специалистомъ «попроще» оказался Василій Ивановичъ Красноперовъ, кандидатъ правъ и присяжный стряпчій Коммерческаго суда, не брезгающій при случаѣ и бракоразводными дѣлами. Мѣсто жительства—Кабинетская улица, поближе къ купечеству. Квартира уже не въ бельэтажѣ, а поближе къ небесамъ, въ четвертомъ этажѣ, но приличная. Обстановка—ордиварная, но солидная. Кабинетъ, рядомъ съ комнатой «помощничковъ» и «клерковъ», носитъ характеръ чисто дѣловой, но нѣсколько безпорядочный, небрежный. Наружность Красноперова такая, что всякому мимоходящему какъ-будто говорить: «Голубчикъ! расцѣлуй меня! Я цыганистъ, я гитаристъ, я душа-человѣкъ, я весь на распашку!» — Большая рыжая борода, умирная лыспна, золотые очки, и вдобавокъ—уже и нѣкоторый округлый сальничекъ начинаетъ образовываться. Имя Красноперова, какъ защитника, никогда не гремѣло ни въ одномъ изъ громкихъ, знаменитыхъ процессовъ, на которыхъ

другіе его собратья по профессіи составляли себѣ славу и деньги; ни одна изъ защитъ его не блистала перлами и алмазами краснорѣчія, ни одно изъ выигрышныхъ имъ дѣлъ не могло быть названо выдающимся по эффективности; но въ томъ совершенно особенномъ и не всѣмъ доступномъ мірѣ, гдѣ «работаютъ» кураторы и председатели конкурсовъ, «дѣйствуютъ» присяжные попечители лицъ, впавшихъ въ несостоятельность и, наконецъ, гдѣ «орудуютъ» члены торговыхъ администрацій, — тамъ имя «многоуважаемаго» и «мильйонаго» Василія Ивановича встрѣчалось гораздо чаще другихъ. — Онъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. По купечеству «душа-человѣкъ» былъ очень и очень извѣстенъ и про него тамъ говорили многозначительно: «*дошелъ!*» При этомъ, однако, несмотря на цыганъ, и вѣчныя купеческія свадьбы, поминки и имениныя кулебяки, непобѣжно сопровождаемые безчисленными «спрокидонтами» очищенной, хересовъ и мадерцы, Красноперовъ, къ удивленію своихъ товарищей, всегда оказывался въ уровень съ «последнимъ словомъ науки» и съ послѣднимъ вліяніемъ практическихъ приѣмовъ юриспруденціи, собственно по веденію процесса, и являлся иногда, въ своемъ родѣ, даже новаторомъ, прокладывая новые пути и русла, по которымъ за нимъ, уже ничто же сумняся, слѣдовали прочіе его собратья. И новаторство это нерѣдко просто поражало именно необычайною практичностью своихъ приѣмовъ.

Каржолъ съ первой же минуты расположился въ его пользу эта простота и необыкновенное открытое добродушіе въ общеніи съ нимъ, какъ клиентомъ, — точно бы Василій Ивановичъ всю душу свою предъ нимъ выкладываетъ, точно бы такъ-то и желаетъ отъ всего сердца сразу посвятить его во всѣ тайны, махинаціи и возможные стадіи процесса и даже какъ-будто слить его съ собою въ одно существо, — точно бы это процессъ его, собственный, кровный. Онъ и не говорилъ о немъ иначе, какъ «*нашъ процессъ*», «*наше дѣло*», «*мы такъ-то поведемъ*», «*мы то-то сдѣлаемъ*». Словомъ, Каржолъ чувствовалъ себя какъ-будто его сотоварищемъ, другомъ, сотрудникомъ или даже соучастникомъ на вся добрая и не добрая. Относительно Ольгинныхъ писемъ Красноперовъ выразился прямо, что это, молъ, не существенно, они-де и не понадобятся, потому что мы прямо докажемъ *фактъ*.

Графъ, однако, выразилъ сомнѣніе, что едва ли это будетъ такъ просто. Вѣдь сочиненный «фактъ», какъ ловко ни сочини его, все-таки можетъ вдругъ обнаружить свою несостоятельность тамъ, гдѣ и не ожидаешь. Свидѣтели, напримѣръ, будутъ утверждать, что видѣли тамъ-то и тогда-то, а она вдругъ возьметъ да какъ разъ и докажетъ фактически свое *алиби*, — ну, и что-жъ тогда?

Красноперовъ на это только разсмѣялся, какъ на рѣчи совсѣмъ дѣтскія.

— Голубчикъ мой!—убѣдительно принялся онъ урезонивать Каржолъ, даже какъ будто пристыжая его дружески. — Да разнѣ же мы ставлемъ заниматься сочиненіемъ глупыхъ накрѣпѣй въ гостиницахъ, въ ресторанахъ и тому подобнаго? Это все старье, рутинные приемы, которые мы съ вами бросимъ. Да и зачѣмъ намъ запугивать постороннихъ людей? Тутъ вѣдь сейчасъ противная сторона схватится за швейцара, за корридорнаго, за татарина тамъ, — ну, и перепутаются, конечно! Сбить-то не трудно! Вѣдь подобные грубые приемы ужъ не одинъ процессъ проваливали! Нѣтъ, мы это гораздо проще: не въ ресторанахъ, а въ театрѣ, въ ложѣ литерной, — понимаете?

Графъ, не совсѣмъ-то понимая однако, вскинулся на него вопросительнымъ взглядомъ.

— Свидѣтели у насъ будутъ тоже вѣдь не какіе-нибудь, а порядочные люди—люди изъ общества, интеллигентные, достойные всякаго довѣрія,—продолжалъ Красноперовъ. — Ну, и предположите теперь, что свидѣтели эти сидятъ въ сосѣдней ложѣ, рядомъ, видятъ въ ней—*parдон!*—вашу супругу, невольно обращаютъ при этомъ на нее вниманіе, какъ на интересную особу... А затѣмъ, ужъ вы не беспокоитесь: они и услышатъ, и увидятъ все, что слѣдуетъ, и не сообразятъ! Въ Маринскомъ театрѣ, напримѣръ, это хоть въ любой ложѣ могло бы случиться, — тамъ всѣ онѣ вѣдь съ аванложами и съ драпировками. Въ этомъ и вся суть, все, что и требовалось доказать! Понимаете?

— Понимаю,—поддакнулъ графъ.—Но все-таки *alibi* проклятое! Мнѣ кажется, что все это, сколь оно ни остроумно, не устраиваетъ, однако, возможность доказывать *alibi*.

— Батенька мой! Подите!—убѣдительно дотронулся Красноперовъ ладонью до его колѣна.—Позвольте васъ спросить, какъ это она докажетъ свое *alibi* въ театрѣ? хотѣлъ бы я знать!—Тутъ вѣдь ни швейцаровъ, ни татаръ! А спектакли весь сезонъ каждый день бываютъ,—значить, и дня даже въ точности поминать не требуется, а просто—приблизительно, тогда-то, молъ, въ такомъ-то мѣсяцѣ. Ну-съ, поди-ка, возражай на это!

Каржолъ даже весело расхохотался, потирая руки, отъ такой ловкой находчивости милѣйшаго Василя Ивановича и понялъ изъ сего, что имѣетъ дѣло съ такою тонкой и продуманною бестіей, что предъ ней и самъ Смартунеръ, пожалуй, спасуетъ.

— Ну, и скажите-же откровенно, что это будетъ стоить?—спросилъ онъ.

— По совѣсти, десять тысячъ, голубчикъ.

— Ой-ой!—почесалъ графъ за ухомъ, поморщась.

— Зато навѣрняка, безъ ошѣчки!—похвалился Красноперовъ.—И весь процессъ окончимъ—много, если черезъ мѣсяцъ! Потому тутъ, сами видите, никакихъ разговоровъ!

Каржолъ, изъ деликатности и по нѣкоторой уклончивости своей натуры, не хотѣлъ на первый разъ портить ни ему, ни себѣ пріятнаго впечатлѣнія и потому не сталъ сегодня торговаться, но рѣшилъ себѣ—прежде попытать еще кого-нибудь изъ «попроше», а Красноперова, на всякій случай, имѣть въ виду, съ тѣмъ, чтобы предложить ему впослѣдствіи, когда еще покороче сойдется съ нимъ, сдѣлку на вексель.

Разстались они самымъ дружескимъ образомъ, крѣпко пожимая другъ другу руки, и даже расцѣловались.

* * *

На слѣдующій день графъ отправился отыскивать специалиста «еще попроше», рѣшивъ себѣ попытать уже всѣхъ, чтобы затѣмъ съ наибольшою основательностію остановить свой выборъ на самомъ подходящемъ.

Въ сообщенномъ ему адресѣ значилось: «Ассинкрятъ Смарагдовичъ Малахитовъ, Пески, Болотная улица, домъ № такой-то».

Отыскивая на безконечной Болотной улицѣ данный номеръ, Каржолъ наконецъ-то увидѣлъ его на воротахъ одноэтажнаго деревяннаго домика о семи окнахъ по фасаду. Ниже номера, золотая надпись на синей жестяной доскѣ гласила: «Домъ жены коллежскаго ассесора, госпожи Малахитовой». Ворота были заперты, подъѣзда или крыльца съ улицы не имѣлось. Расплачиваясь съ извозчикомъ, Каржолъ бросилъ взглядъ на домикъ: ничего-себѣ, старенькій, но крѣпкій и поддерживается въ порядкѣ; стекла въ окнахъ чистыя, видно, что моются; внутри видны бѣлыя тюлевыя занавѣски, а на подоконникахъ фуксіи, герани, золотое деревцо, балзаминчики, туредкая гвоздика и даже «розаны». Графъ толкнулся въ калитку—отворилась на половину, а дальше цѣпь не пускаетъ. Но ничего: нагнувшись подъ цѣпь, удалось кое-какъ проникнуть во дворъ со внутреннимъ палисадникомъ изъ двухъ березъ и нѣсколькихъ кустовъ акаціи. Во дворѣ ни души, но зато бродитъ утица съ утатами у врытаго въ землю корыта, да куры у сарайчика въ сѣтяхъ роются. Совсѣмъ идиллія! Кудлстая старая собака на цѣпи, при будкѣ, тотчасъ же, конечно, добросовѣстно облаяла незнакомаго человѣка, и вскорѣ на этотъ лай недовѣрчиво выглянула изъ-за угла какая-то баба,—видимо, изъ породы «куфарокъ».

— Вамъ кого надо будетъ?

Графъ назвалъ имя хозяина.—Домъ?

— Дома, дома.—Пожалуйте сюда, на парадное!.. Обождите малость, сейчасъ отворю.

И черезъ мигну, отомкнувъ ему изнутри

«парадную» дверь, занертуго, кромѣ замка, еще на крючекъ и на цѣпочку, та же «куфарка» впустила его въ полутемную прихожую, куда сію же минуту любопытно заглянула изъ смежной кухни въ стеклянную дверь какая-то женская голова въ бѣломъ чепцѣ, — вѣроятно, сама хозяйка. Графа сразу обдало тѣмъ особымъ кисло-кисло-прѣлымъ и немножко затхлымъ запахомъ, который при-сухъ воздуху старыхъ, десятками лѣтъ обжитыхъ, деревянныхъ домишекъ: не то здѣсь капусту недавно квасили, не то лампадное масло пролили, не то сушеную треску варили. А кромѣ того, еще и тараканами пахло.

— Пожалуйте въ залъ, они сейчасъ выйдутъ.

Каржоль вошелъ въ «залъ». Свѣтлая комната въ три окна, на которыхъ повѣшены кѣтки съ поющими «киарейками». Въ переднемъ углу большой висцѣй, старокупеческій кюль, съ образомъ въ серебряномъ окладѣ, и лампадка теплится. По крашеному, налощенному полу, чистоты ради, постлана отъ дверей до дверей половниковая дорожка. Старинная мебель, — диванъ съ овальнымъ столомъ, подъ ковровой салфеткой, и вокругъ шесть мягкихъ стульевъ; на диванѣ гарусная подушка съ вышитю на ней черною собакой; у собаки бисерные глаза. Въ простѣвкахъ два ломберныхъ стола, покрытыхъ бѣлыми вязаными салфетками, и на каждомъ по парѣ необожженныхъ стеариновыхъ свѣчей въ «апликейныхъ» шандалахъ. У другой стѣны старинный стеклянный шкафикъ съ зеркаломъ сзади, и въ немъ — столовое и чайное серебро, серебряныя стопки, чарки, солонки, живописныя фарфоровыя чашки Невской прежнихъ временъ фабрики, пастушокъ фарфоровый, такія же яйца пасхальныя, чучело зяморodka на сучкѣ, игрушечная мышка на колесикахъ и еще что-то въ подобномъ же бездѣлущечномъ родѣ. Настѣнахъ — живописныя премія «Нивы», фотографическіе семейные портреты, два литографированныхъ сватителя въ бѣлыхъ клобукахъ, а подъ портретами — гимназическій похвальный листъ, за отличные успѣхи и поведеніе, полученный, вѣроятно, всего, сыномъ хозяина и выставленный, въ черной рамкѣ подъ стекломъ, какъ гордость семьи, на почетное мѣсто.

Пока Каржоль дожидался, черезъ «залъ» прошмыгнула «куфарка» съ сюртукомъ для барина и убѣжала вслѣдъ за нею старая-пре-старая, подслѣшоватая болонка, подозрительно обнюхала «чужого» и хрипло потавкала на него, но больше «для проформы», чѣмъ въ силу необходимости. Сѣрый котъ выпелъ тоже, — жирный, лѣнивый, заспанный, — и, не удостоивъ никакимъ вниманіемъ гостя, тотчасъ улегся въ клубочекъ на одномъ изъ мягкихъ креселъ.

Изъ сосѣдней комнаты время отъ времени слышалось катаральное покашливаніе и побрях-тываніе хозяина, и вотъ, наконецъ, появился онъ самъ — благоувѣтливый, елеинный старичекъ, выстриженный подъ гребенку, съ выцвѣтшими табачнаго оттѣнка глазами, но еще бодрый, съ краснинкой въ лицѣ и крѣпкій.

Каржоль представился и объяснилъ, что является къ нему въ силу рекомендаціи, дан-ной въ консисторіи.

— Ага, по супружескимъ обстоятельствамъ, значитъ? — сразу же доменнулся Малахитовъ. — Что-жъ, располагайте, — готовъ къ услугамъ, всегда готовъ. Прощу покорно, — на диванецъ, на диванецъ пожалуйста.

Графъ усѣлся и, безъ дальнихъ околичностей, приступилъ къ объясненію своего дѣла.

Старичекъ слушалъ съ пріятною улыбкой, сложивъ ручку въ ручку и склонивъ на бочекъ голову, и въ каждомъ подходящемъ случаѣ одобрительно вставлялъ своимъ немногословныя восклицанія, въ родѣ: «прекрасно-съ!» «безподобно-съ!» «благородно-съ!» «очень хорошо-съ!» Говорилъ онъ немножко пѣвуче, слегка протягивая въ каждомъ словѣ ту гласную, на которой слѣдуетъ удареніе, отчего самая рѣчь его получала очень подкунающій своимъ елеиннымъ благодушіемъ характеръ.

Какъ и съ первыми двумя «специалистами», вопросъ дошелъ опять-таки до вещественныхъ доказательствъ — писемъ, бумажника и карточекъ.

Ассинкрить Смарагдовичъ благосклонно пересмотрѣлъ все это, полюбовался даже на соблазнительную карточку Ольги, замѣтивъ при этомъ: «Особа благодѣтельная!» и, на вопросъ Каржоль, имѣетъ ли все это цѣну въ смыслъ доказательствъ? — далъ отвѣтъ совершенно утвердительный.

— Еще бѣ-съ! Помилуйте, какъ же не имѣетъ? Непремѣнно имѣетъ! Надо всѣмъ воспользо-ваться, всѣмъ-съ, дабы предстать во всеоружіи. Я никогда никакою мелочишкой въ этихъ дѣлахъ не брезгаю-съ. Какъ можно! — Самъ въ Славнобубенской консисторіи нѣкогда пятнадцатъ лѣтъ безъ малаго секретаремъ состоялъ, такъ ужъ дѣла-то эти, могу сказать, до тонкости знаю. Это ужъ съ тѣмъ и возьмите!

— Стало быть, можно обойтись и безъ свидѣтелей? — спросилъ обрадованный графъ.

— Безъ свидѣтелей? — Э-а, нѣ-ѣтъ! Безъ свидѣтелей невозможно-съ. Свидѣтели тутъ первое дѣло. А вотъ, ежели въ дополненіе къ свидѣтельскимъ показаніямъ да выдвинемъ мы еще и эти доказательства, — ну, тогда безпо-добно! А безъ того, они ломанаго шлега не стоятъ и ни въ какое вниманіе не примутся, — это ужъ повѣрьте.

Быстротечная радость графа смѣнилась до-садой и озабоченностью, и онъ — просто уже, чтобы душу себѣ облегчить — съ саркастической

горечью начать изъяснять Малахитову то же, что и Смартунеру, что это-де требование закона чистѣйшій абсурдъ, не выдерживающій ни малѣйшей критики,—какіе же могутъ быть въ такихъ дѣлахъ свидѣтели, которые дѣйствительно видѣли бы все собственными глазами! Это или насмѣшка надъ здравымъ смысломъ, или одна комедія!

— Комедія! Совершенная комедія съ, вотъ какъ на театрахъ все равно представляютъ!— не приминуть сейчасъ же согласиться съ нимъ Малахитовъ.—И развѣ же кто-нибудь думаетъ серьезно, что свидѣтели точно все видѣли?— Никогда-съ! Имъ вѣдь ни на волосъ я не вѣрять.

— Господи, что вы говорите? Ни на волосъ?—Такъ зачѣмъ же они? — горчился я возмущался Каржоль.—Вѣдь это же выходить сознательное допущеніе лжесвидѣтельства!

— Что жъ дѣлать,—законъ-съ!—полушопотомъ проговорилъ Малахитовъ, разводя руками.—И непремѣнно сознательное,—какъ же иначе?

Возмущенный и точно бы подавленный негодованіемъ, графъ замолкъ и погрузился въ досадливое раздумье,—какъ ни кинь, все клинь ему выходить.

— Да вы, впрочемъ, на этотъ счетъ не беспокойтесь!—утѣшилъ его, махнувъ рукой, Малахитовъ.—Это все пустяки-съ! Мы вамъ подыщемъ самыхъ, что называется, достовѣрныхъ лжесвидѣтелей, что хотите покажутъ!.. Хе-хе-хе!.. Есть тутъ у меня такіе дружки, подъ Лаврой живутъ, — такъ и поселились, чтобъ ужъ, знаете, поблизости было, не далеко ходить чтобъ... Это я вамъ предоставляю сколько угодно!

— Признаюсь, я рѣшительно не понимаю,—заговорилъ Каржоль, какъ бы въ отвѣтъ на свою собственную, давящую его мысль,—какъ это отвергать доказательство прямое, неопровержимое, и требовать за вѣдомо ложнаго! Что за дичь такая!..

— Это ничего-съ, потѣрите!—ублажалъ его Малахитовъ.—Надо только сообразоваться съ закономъ. Законъ требуетъ, чтобы былъ лжесвидѣтель,—прекрасно-съ! Исполнимъ законъ: лжесвидѣтель будетъ. Законъ требуетъ двухъ,—безподобно-съ! Удовлетворимъ ему, представимъ и другого, это все въ нашей власти. Сколько бы законъ ни потребовалъ, столько и представимъ!

Ассинкритъ Смарагдовичъ говорилъ такъ благодушно-спокойно и такъ увѣренно, съ неподдѣльнымъ духомъ человѣка, умудреннаго громаднымъ опытомъ и многолѣтнею практикой, что у графа сложилось полное внутреннее убѣжденіе въ его пользу.—Этотъ, молъ, будетъ, пожалуй, повадѣеяе самого Краснопорова!— Не вристъ, не краснобай, ученыхъ степеней не имѣетъ, къ «сословію» не принадлежитъ, а

дѣло, кажись, знаетъ въ корень, и даже насчетъ писемъ утѣшилъ, сказать, что пригодятся! Вотъ что значить опытность-то!—Не даромъ пятнадцать лѣтъ въ консисторскихъ секретаряхъ сидѣлъ! Можетъ, и выгнали-то за вѣтки по этимъ самымъ дѣламъ,—ну, да что до того! Главное,—дѣла и, очевидно, «свой человѣкъ» у консисторскихъ, всѣ печки-лавочки знаетъ, всѣ ходы и выходы,—вотъ что важно. И какой предусмотрительный!—«Законъ», все «законъ», даже и домикъ-вонъ «по-закону», изъ предосторожности, на женино имя перевелъ... Нѣтъ, прекрасный старичекъ, «безподобный»!.. Только что-то закомитъ онъ за дѣло? Тоже, поди-ка, что выбудъ въ родѣ десяти тысячъ хватить? Вотъ и крутись тогда, какъ знаешь!

— Ну-съ, а какъ же насчетъ вознагражденія за наши труды?—спросилъ Каржоль.—Только предупреждаю,—поспѣшилъ онъ прибавить,—и человѣкъ не богатый и много дать не могу. Душевно бы радъ, но не изъ чего!

— Зачѣмъ много? Я многого не возьму,—успокоилъ его Малахитовъ.—Мы это по-божески, по-христіански, чтобы никому не обидно, ни намъ ни мнѣ,—а что только самое дѣло стоитъ, то и положимъ.

— Ну, и какъ по-вашему? — осведомился графъ.—Сколько оно можетъ стоять?

— Да что жъ, три тысячки положите, и довольно-съ.

Тотъ только крикнулъ на это, съ досаднымъ жестомъ прищелкнувъ пальцами.

— Развѣ много-съ?—благодушно удивился старецъ.—Это ужъ, кажется, по совѣсти, чего нельзя дешевле. Вѣдь съ васъ другіе, поди-ка, не то заламывали! У господина Смартунера, къ примѣру, изволили быть?

— Н...нѣтъ,—слегка замаялся Каржоль,—а что?

— Ну, какъ нѣтъ!—недовѣрчиво мотнулъ головою вверхъ Малахитовъ.—Ужъ навѣрное были! Безъ того невозможно-съ.

— Да почему вы такъ увѣрены?

— Я-то?.. Хе, хе, хе, батюшка мой!.. Потому и увѣренъ, что знаю. Не побывавши у Смартунера и у другихъ, сюда никто не заворачивается оглобли. Это ужъ такой поринокъ. Ну, а какъ нарвутся-съ, тогда и къ Ассинкриту Смарагдовичу! Тогда и онъ хорошъ!.. Вѣдь приида-съ?

Каржоль долженъ былъ сознаться, что такъ, но вѣдь онъ почему же зналъ? Ему въ консисторіи рекомендовали.

— Такъ, такъ, конечно-съ!.. Ну, и у Васьки Краснопорова были?

— Былъ и у Краснопорова.

— Та-акъ-съ. Вотъ жохъ, такъ жохъ, скажу вамъ!.. Ай-ай какая выжига,—и не дай ты, Господи!—качалъ головой и отмахивался руками Малахитовъ.

— Мнѣ, напротивъ,—замѣтилъ графъ,—

онъ показался очень милымъ, душевнымъ человекомъ.

— Ну, еще бы-съ! — проницески согласился старецъ. — Безъ мыла въ любую душу влѣзетъ, — тѣмъ и беретъ!.. Всѣ мои ученики-съ, — похвалялся онъ, — ей-Богу-съ! И Смартунеръ, и тотъ же Красноперовъ — всѣ мои!.. Нынѣ-то — ухъ, какіе важные стали! На рыскахъ съ резниами развѣзжаютъ, на нашего брата съ благороднымъ пренебреженіемъ смотрятъ, а спервона-чалу-то, какъ только-что пошли было по этимъ самымъ бракоразводнымъ дѣламъ, такъ, вѣрите ли, рѣдкую недѣлю, бывало, не заглянетъ съ поклономъ. — «Къ вамъ-де, Ассинкритъ Смарагдовичъ, батюшка! Подблитесь своей опытностью, поучите насъ, молокососовъ, какъ и что! боюсь, молъ, дѣло не провалить бы!» — Ну, и наставишь бывало по христіанскому-то чувству. А теперь, гляди-ка, кушица какіе загребаютъ, — ума помраченіе!.. Ну, скажите откровенно, поисповѣдуйтесь старику, подмигнувъ онъ пошрительно Каржолу. — Шмартунъ-то этотъ много заломилъ съ васъ?.. а?..

Тотъ признался, что тридцать тысячъ, а Красноперовъ — десять.

— Такъ, такъ! Это по-ихнему, по-новомодному! Совсѣмъ какъ олдѣуетъ быть! — слегка замахавъ старецъ ладонями на графа. — Ну, и судите же сами: Шмартунъ — тридцать, Васья — десять, а я грѣшныи, — только три тысячечки! А вѣдь дѣло-то все одно же. Что за тридцать, что за три, — работа все та же!.. Дуракъ и дастъ пожалуй тридцать, коли богатый, а не богатый, или который поразсудительнѣй, плюнетъ, да ко мнѣ же придетъ. Оттого и дѣлъ этихъ у меня больше-съ. Истребъ и высоко летаетъ, да рѣдко хватаетъ, а курочка по зернышку клюетъ, да сыта бываетъ. Такъ-то-съ!

Каржоль согласился, что три тысячи, конечно, немного, но бѣда въ томъ, что сразу дать такую сумму онъ никакъ не можетъ.

— Зачѣмъ же сразу? — Сразу не надо, я и не прошу сразу! — убѣдительно прилялся уговаривать его Малахитовъ. — Что я христонпродавецъ какой, что-ли, чтобы взять человека за горло и душить?! Я же вѣдь понимаю, — всякій даетъ по силѣ своей возможности: можетъ человекъ сразу — прекрасно-съ! не можетъ, — и пречудесно! Все равно, частями получимъ въ разсрочку.

Графъ сознался, что это для него самое удобное.

— Ну, всаконаченно-съ удобнѣе! еще бы!.. Сначала на подъемъ дѣла, на посошокъ, чтобы ходчѣ шло, вы, разумѣется, выдадите мнѣ малую толяку, рублишекъ эдакъ триста, пять-сотъ даже, коли не трудно, а тамъ — по мѣрѣ теченія, сами будете видѣть. Гдѣ нужна подмазка, тамъ подмажемъ, но въ мѣру, безъ базовства, и все это, дастъ Богъ, кончимъ съ

миромъ, благородно, по-божески, какъ слѣдуетъ.

Каржоль былъ внутренно въ восторгѣ. — Вотъ стоворчиваго человека судьба послала! Не человекъ, а просто кладъ!.. Ни къ кому больше и вѣхать не стоитъ, — съ нимъ кончать сейчасъ же!

И онъ протянулъ Малахитову руку въ знакъ своего окончательнаго рѣшенія, даже предложилъ задатокъ, если тому угодно.

— Зачѣмъ же задатокъ? — Это излишне-съ, — отказался деликатно старецъ. — Мы все это оформимъ законнымъ порядкомъ, — пояснилъ онъ. — Сначала между собой условіице заключимъ-съ, вы мнѣ установленную довѣренность выдадите, затѣмъ прошеніице по пунктамъ составимъ, вы его представите въ консисторію, — вмѣстѣ поѣдемъ, — тамъ его въ очередь подвергнуть разсмотрѣнію-съ и составлять постановленіе о начатіи дѣла, равно какъ и о вызовѣ супруги вашей къ заслушанію прошенія вашего, ну, и такъ далѣе, по порядку-съ. А при подписаніи условіяца, вотъ вы мнѣ тогда сотняжки три-четыре пожалуйте, — это я не откажусь, потому тутъ сейчасъ же кое-какіе расходцы будутъ.

Каржоль, удивляясь въ душѣ такой нелюбостыжательности Малахитова, охотно согласился на его предложенія и только просилъ какъ можно скорѣй начинать и еще скорѣе кончать всю эту консисторскую процедуру.

— Хе, хе, хе! Раньше срока не кончимъ, — пожалъ плечами старецъ. — Всякому оwoшy свое время, говорится, — такъ и тутъ: пошлютъ супругѣ чрезъ полицію позывную повѣстку, къ заслушанію то-есть, — ну, а она можетъ и уклониться, конечно; медицинское свидѣтельство представить, — вотъ и заковыка-съ!.. Глядь, — недѣля, другая и ушла, а дѣло пока стоитъ!.. Затѣмъ іерея пошлютъ еще, и къ вамъ, и къ супругѣ-съ.

— Это зачѣмъ еще? — удивился графъ.

— А какъ же-съ? Непремѣнно іерея! Безъ іерея нельзя, таковъ порядокъ, потому какъ онъ долженъ увѣщевать васъ пастырскимъ словомъ своимъ, чтобы склонить стороны къ миру. Ну, вы тогда, конечно, сейчасъ же цари Алексія Михайловича ему въ руку — красненькую то-есть, — знаете, по докторски, при пожатіи; онъ и отренортуетъ въ консисторію, что увѣщевалъ, молъ, и склонялъ, но стороны остались, упорствуя въ законеніи своихъ враждебныхъ чувствъ. Вотъ тогда ужъ и пойдетъ настоящій процессъ! Вызовутъ свидѣтелей, потомъ супругу-съ для законныхъ возраженій съ ея стороны, очной сводъ имъ едѣлаютъ, тѣ будутъ уличать, она отрицать и, быть можетъ, даже своихъ собственныхъ свидѣтелей выставить, — ну, тогда уже мы возражать будемъ, въ дополненіе-съ. Потомъ судовореніе, — тутъ ужъ вы только на меня смо-

трите и дѣлайте то, что я вамъ заранѣе укажу,— все хорошо будетъ!.. Ну-съ, а затѣмъ, консисторія постановитъ свое опредѣленіе-съ; недѣльки черезъ полторы намъ его объявятъ въ окончательной формѣ, и тогда-вотъ мы васъ проздравимъ и выпьемъ, пожалуй, вкупѣ по бокальчику-съ. Вотъ, дѣло-то и въ шляпѣ будетъ. Чудесно-съ!..

И на этомъ Каржоль разстался съ нимъ— до скорого свиданья, совершенно успокоенный, увѣренный въ успѣхѣ, полный самыхъ радужныхъ надеждъ на будущее и какъ нельзя болѣе довольный своимъ «специалистомъ». Судьба какъ будто начинаетъ опять ему улыбаться, счастливая таія снова идетъ ему въ руку.

XXXV.

„Судьба“ опять ставитъ барьеры.

Черезъ три дня формальное условіе и дозвѣренность были уже составлены Малахитовымъ и подписаны графомъ у нотариуса, а еще черезъ три дня онъ, вмѣстѣ со старцемъ, представилъ прошеніе свое въ консисторію, и дѣло пошло обычно практикуемымъ порядкомъ.

Прошло дней двѣнадцать. Каржоль за все это время успѣлъ уже совершенно войти въ свою нормальную колею, вполне приспособился къ условіямъ новой своей жизни и къ «нумерному режиму» Амалии Францовны, шутил и забавлялся въ одинаковой мѣрѣ и съ нею, и съ ея попугаемъ: попугая дразнилъ и пересчитывалъ съ нѣмецкаго на французскій языкъ, противъ чего всегда возставала хозяйка, въ качествѣ прирожденной тевтонки, а предъ самою тевтонкой въ шутку вздыхалъ сентиментально и не безъ тонкаго компизма отвѣчалъ порою на ея кокетничанье, что не мѣшало ей, однако же, принимать это въ нѣсколько серьезную сторону и питать про-себя нѣкоторыя сладкія надежды. Словомъ, онъ обжился въ «шпигосовскихъ нумерахъ», сдѣлался тамъ какъ бы своимъ человекомъ, даже принималъ, при посредствѣ Амалии Францовны, платоническое участіе въ интересахъ и бытѣ своихъ сосѣдей и соквартирантовъ, то-есть, по-просту, слушалъ о нихъ разныя ея сиплетки, въ особенности «пикантнаго» характера, съ удовольствіемъ пилъ по утрамъ «Milchcasse», читалъ «Петербургскую Газету», чтобы быть au courant новостей дня и репертуара, «фриштыкалъ» вмѣстѣ съ Fräulein Amalia, затѣмъ гдѣ-нибудь флианировалъ до обѣда,—и этотъ безпечный и дешевый образъ жизни даже очень ему понравился. Прежнихъ знакомствъ своихъ онъ пока еще не возобновлялъ, не желая стѣсняться предъ бывшими пріятелями нынѣшнюю свою «нумерной» обстановкой, но не удержался, чтобы нѣсколько разъ за эти дни не побывать

и въ «Ливадіяхъ», и въ «Аркадіяхъ», и въ «Демидронахъ»,—нельзя же безъ того: сердце не камень, да и что иначе дѣлать въ Петербургѣ лѣтомъ!

Безпечно сидѣлъ онъ однажды послѣ завтрака у себя въ комнатѣ, просматривая по «Петербургской Газетѣ» дневной репертуаръ загородныхъ театровъ и раздумывая, какимъ образомъ убить бы ему сегодня свое время до-обѣда, какъ вдругъ въ его дверь постучались. Онъ пригласилъ войти, — и на порогѣ, къ удивленію его, оказался запыхавшійся отъ высокой лѣстницы Малахитовъ.

— Ассиякртъ Смарагдовичъ! Драгоцѣннѣйшій гость! Какими судьбами?! Что скажете, почтеннѣйшій.

— Да что, батюшка, скверно-съ!—вдохнулъ тотъ, хлопнувъ себя объ полы руками.

Физиономія Каржоль недоумѣло вытянулась.

— Что такое? — спросилъ онъ унавшимъ голосомъ.

— Заковыка-съ!.. какой и не чаяли,—вотъ какая-съ!

— Да въ чемъ дѣло?.. Не томите, Бога ради, говорите прямо!..

— Я и то прямо-съ. Ея сіятельство, супруга-то ваша—тю-тю!..

— Какъ тю-тю? — вскочилъ Каржоль съ мѣста, точно ошпаренный.

— Такъ-съ! На мѣстѣ жительства не оказалась,—бывалъ старецъ, обтирая фуляровымъ платкомъ со лба обильную испарину,—послали этта ей изъ консисторіи позывную повѣстку, а участковый приставъ возвращаетъ ее вдругъ вчера съ сюрпризомъ, надписью на семь же: «отмѣчена такого-то числа вышедшею за границу». Вотъ-те и свѣчка!

— Да быть не можетъ!—воскликнулъ взволнованный Каржоль.—Этакая-нибудь увертка!.. Непремѣнно увертка, не иначе!

— Я и самъ такъ думалъ, — подхватилъ Малахитовъ,—я и самъ съ, а потому сегодня же утречкомъ, желая удостовѣриться, самолично поскакалъ къ нимъ, то-есть къ ея-то сіятельству, на квартиру, на площадь Большого театра. Былъ-съ!

— Ну, и что же?

— Никакихъ сомнѣній. Я-было и за старшого дворника, и за швейцара, и за книгу даже домовую — покажи-ка! для убѣжденія совѣсти, знаете,—ну, и никакъ! Въ Парижѣ-съ. Уѣхали еще въ маѣ, квартиру за собой оставили, и раньше какъ къ концу сентября не будутъ.

— Что жъ теперь дѣлать? — воскликнулъ въ истинномъ отчаяніи Каржоль, въ-концѣ пораженный и ошеломленный этимъ ужаснымъ для него извѣстіемъ.

— Ждать!—развелъ руками Малахитовъ.— Что жъ тутъ больше?.. Ничего не подѣлаешь!

— Ждать.. да если невозможно ждать!..

Вамъ-то ждать хорошо, а каково мнѣ!.. Я къ осени непременно—поймите вы,—не-пре-мѣн-но *долженъ* быть разведенъ, отъ этого вся судьба моя зависить!.. Если нужно денегъ—возьмите, пожалуйста, я не постою за этимъ, только Бога ради не затягивайте!.. Нельзя ли какъ-нибудь безъ нея порѣшить?

— Безъ ея сѣятельства-съ? — Невозможно. Объ этомъ и думать нечего.

— Развѣ не можетъ быть постановлено заочное рѣшеніе?

— Заочное?—Что вы, помилуйте!.. Вѣдь это не у мирового судьи-съ! Тутъ должны быть въ самой точности соблюдены всѣ формы и требованія закона, дабы обвиняемой сторонѣ предоставлено было право самоличной защиты. А иначе, свѣтлѣйшій сундукъ не утвердить рѣшенія. Это такъ не дѣлается-съ.

Каржоль въ отчаяніи схватился за голову и заходилъ по комнатѣ. Что жъ теперь дѣлать? Боже мой, что дѣлать ему?! До осени.—Шутка ли, терять задаромъ столько времени!.. А осенью нагрянетъ Тамара, и процессъ совпадетъ какъ-разъ съ ея прїѣздомъ!.. Какъ онъ будетъ изворачиваться тутъ предъ нею? Чѣмъ отговариваться? Придется опять затягивать, откладывать со-дня-на-день свадьбу. — Но какія же причины представить онъ въ оправданіе этой затяжки? Поневоѣ вѣдь она можетъ усомниться въ немъ наконецъ, подумаетъ, что онъ отлыниваетъ и только морочитъ ее. Господи, да что жъ это такое?

Малахитовъ, какъ могъ, принялся-было утѣшать его и представлять свои «резоны», что дѣло, молъ, отъ этого нисколько не пострадаетъ, и что осенью, чуть только супруга преподжуетъ сюда, ее сразу же привлекутъ, и тогда уже не отвертится! А онъ, со своей стороны, постарается повести дѣльце какъ можно энергичнѣе, на всѣхъ пар.хъ, и въ заключеніе все будетъ безподобно.—Но что могли значить всѣ эти «резоны» и утѣшенія добрейшаго Ассинкриты Смагдовича предъ внутренними ображеніями Каржоль, которыми не могъ же онъ откровенно и, такъ сказать, на-голо съ нимъ дѣлиться!

Въ это время вошла въ комнату кухарка-чухонка и подала графу письмо со-штемпелемъ городской почты. Но тотъ, въ пылу своей острой озабоченности досаднымъ оборотомъ обстоятельствъ, не обратилъ вниманіе на штемпель, и только непріятно удивился, — кой-чортъ еще вздумалъ нестати присылать ему письма? Откуда это и отъ кого принесла не-легкая?—Быстро сорвавъ съ досадою конвертъ, онъ пробѣжалъ письмомъ глазами и просто осто-бенѣлъ отъ внутренняго ужаса.

«Третьяго дня», прочитавъ онъ, «я прїѣхала въ Петербургъ и, справясь въ адресномъ столѣ о вашемъ адресѣ, спѣшу увѣдомить, что послѣднее письмо ваше было получено мною

въ Сант-Стефано незадолго до моего отъѣзда. Если желаете видѣть меня и переговоры, назначьте время, я буду ожидать васъ. Самымъ удобнымъ мѣстомъ для нашей встрѣчи, мнѣ кажется, могла бы служить прїемная зала нашей общины, въ зданіи которой я и живу теперь временно. На всякій случай, предлагаю адресъ общины. Тамара.»

«Этого только не доставало!» мысленно воскликнулъ Каржоль, опуская обезсиленныя руки «Той вѣтъ, эта прискакала!.. И какой странный, холодный тонъ письма, сухость кака-то,—даже не похоже на Тамару, точно бы это совсѣмъ другая женщина пишесть! Пора-зительно даже!.. Что бы это значило? Гнѣваться изволить? Но вѣтъ, какими образомъ, вмѣсто осени, и почему это вдругъ теперь она прискакала? Неужели же вслѣдствіе его послѣдняго письма? — Очевидно, не иначе. Да, гнѣваться изволить, но прискакать не замедлила.—Ахъ, и дернула же его нелегкая по-ропиться съ отправкой этого несчастнаго письма!.. Это чортъ знаетъ что такое!.. Сунуться въ воду, не спросясь броду, не справясь сначала здѣсь ли Ольга, не начавши бракоразводнаго дѣла, не сообразившись со своимъ положеніемъ,—то-есть, глупѣе, смѣшнѣе, мальчишнѣе поступить было невозможно! И все это надѣлалъ онъ—онъ, считающій себя такимъ умнымъ, такимъ тонкимъ человѣкомъ!.. Какая неосторожность! какой жестокой промахъ!.. Ну, и что жъ теперь? — Надо отвѣчать, спѣшить на свиданіе, лгать, притворяться, изображать собою счастливейшаго смертнаго, когда у самого кошки скребутъ на сердцѣ!.. Отвѣчать!.. Что отвѣчать?.. А не отвѣтить — еще хуже: зная адресъ, она, пожалуй, сама прыскачетъ къ нему завтра, послѣзавтра, — не все-ль равно, когда! — каждую минуту можетъ, хоть сейчасъ!.. Нѣтъ, тутъ остается одно. бѣжать, бѣжать скорѣй изъ Петербурга, бѣжать сегодня же, пока она не успѣла еще накрыть его. Куда?—все равно! Хоть въ Москву.

«Да, въ Москву! Это—идея! —И тамъ, въ Москвѣ, выжидать событий. Изъ Москвы, обдумавъ хорошенько, онъ можетъ дать отвѣтъ Тамарѣ. Можно будетъ увѣрить ее, что письмо ея уже не застало его въ Петербургѣ и было переслано ему квартирною хозяйкой въ Москву, куда онъ наканунѣ вечеромъ долженъ былъ выѣхать экстреннымъ образомъ, но крайне важному для него дѣлу,—ну, и такъ далѣе, тамъ уже что нибудь придумаемъ.

«Да, это такъ. Ничего иначе не остается, и надо ѣхать сегодня же.

«Судьба, какъ видно, ставитъ ему новый барьеръ, но онъ черезъ него перескочитъ. — онъ не сдастся! En avant, sapristi!.. и нечего больше раздумывать!»

Малахитовъ все время молча «пристойнымъ образомъ» слѣдилъ за Каржолемъ и замѣчалъ

про-себя, что съ нимъ какъ будто творится «нѣчто неподобное»: должно быть, получилъ еще какую-то загвоздку,—даже въ лицѣ перемѣнился. Но «вопрошати» его онъ не считалъ «благоумѣстнымъ» и потому дѣлалъ видъ, будто ничего особеннаго не замѣчаетъ, хотя самому, въ душѣ, очень хотѣлось бы знать, для разныхъ своихъ «приватныхъ» соображеній, что случилось и что-за письмо получено графомъ?

Но графъ началъ первый, и тѣмъ отчасти удовлетворилъ его молчаливому любопытству, объявивъ, что вслѣдствіе этого письма, долженъ сегодня же ѣхать въ Москву. Сколько времени придется тамъ пробыть,—пока и самъ еще не знаетъ; но во всякомъ случаѣ проситъ почтениѣйшаго Ассикрита Смарагдовича устроить чрезъ какого-нибудь подходящаго человека наблюденіе въ домѣ графини; если неравно ей вздумается вернуться раньше осени, то чтобы знать это тотчасъ-же. — И тогда, какъ только она пріѣдетъ, вы сейчасъ же дайте мнѣ знать телеграммой,—и я немедленно же явлюсь.

— Что жъ, это возможно, — охотно согласился Малахитовъ. — Самое лучшее, черезъ мѣстнаго околочнаго: нѣтъ-то, въ участкѣ, это будетъ сейчасъ извѣстно, и они не умедлятъ. Можно будетъ пообщать за это... поблагодарить... Это легче легкаго-съ, будьте покойны!

— Значить, я въ надеждѣ? — протянулъ Каржоль ему руку. — А пока - извините, многуважаемый!.. Некогда, надо торопиться.

По уходѣ Малахитова, графъ сейчасъ же отправился къ Амаліи Францовнѣ и объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ. Та даже руками всплеснула: «Mein Gott, ist es möglich?!» — но онъ утѣшилъ ее, что уѣзжаетъ по экстренному дѣлу не на долгое время, а даже часть вещей своихъ оставляетъ у нея,—значить, это можетъ служить ей ручательствомъ за его скорое возвращеніе; комнату его, если хочетъ, можетъ пока есть, чтобъ не стояла даромъ, но по пріѣздѣ, онъ опять займетъ ее, непременно ее же. А главное вотъ что: если на сихъ дняхъ будетъ кто-нибудь его спрашивать, — кто бы ни пришелъ, мужчина ли, дама ли,—говоритъ всѣмъ, что графъ еще вчерашняго числа вечеромъ (число замѣйте! не перепутайте!) уѣхалъ экстренно въ Москву и велѣлъ всѣ письма, какія будутъ, тотчасъ же отправлять къ нему въ гостиницу Дюссо,—это, молъ, его московскій адресъ,—я одно-де такое письмо уже отправлено. Не забудьте же, главное, что уже отправлено, нынѣшняго числа; какъ только было получено, сейчасъ же и отправили. — Понимаете? — А если спросятъ, когда графъ будетъ назадъ, отвѣчать, что неизвѣстно. Такъ и прислугѣ всей приказать, чтобы хорошенько запомнили. Амалія Францовна, хотя

и съ сердечною грустью (Ахъ! могла ль она не грустить!..) примирилась съ мыслью о необходимости временно разстаться съ такимъ прекраснымъ жильцомъ и дала ему слово исполнить въ точности всѣ его распоряженія, а затѣмъ даже сама пошла помогать ему укладываться.

Въ тотъ же день, захвативъ съ собою лишь одинъ чемоданъ съ бѣльемъ и костюмами, графъ съ курьерскимъ поѣздомъ уѣхалъ въ Москву. Слава Богу, критическая минута пока миновала! Авось онъ и совсѣмъ избѣжитъ ее!

XXXVI.

На распутыи.

Напрасно прождавъ два дня отвѣта на свое письмо, Тамара—какъ ни претяло ей это, но нечего дѣлать—рѣшилась отправиться сама въ «шпиговскіе нумера», чтобы отыскать тамъ Каржолу или узнать, по крайней мѣрѣ, причину его отстраннаго молчанія. Да и надо же было наконецъ объясниться съ нимъ положительнымъ образомъ, чтобы выяснитъ себѣ, во первыхъ, цѣлый рядъ недоумѣній, невольна вызванныхъ въ ней его послѣднимъ письмомъ, полученнымъ ею въ Санъ-Стефано, а затѣмъ узнать отъ него что-либо опредѣленное и насчетъ ихъ предполагаемаго общаго будущаго. Последняя задача въ особенности казалась ей непріятною, тяжелою (точно бы она сама навязывается ему!), но Тамара надѣялась, что, вѣроятно, самъ графъ облегчитъ ей эту тяжелую задачу, заговоривъ первый о своихъ намѣреніяхъ и планахъ. Если свадьба, то когда же именно? Узнать относительно этого что-либо ясное и точное было ей необходимо, потому что хотя она и пользуется теперь гостепріимствомъ общины, но оставаться въ такомъ неопредѣленномъ положеніи продолжительное время, жить какъ бы «на хлѣбѣхъ изъ милости», не вступая въ штатъ общинныхъ сестеръ и тѣмъ, быть можетъ, отымая мѣсто у какой-нибудь другой кандидтки изъ числа ожидающихъ, какъ манны небесной, открытія штатной вакансіи,—казалось Тамарѣ не совсѣмъ удобнымъ и справедливымъ. Она еще въ Санъ-Стефано заявляла начальницѣ и нѣкоторымъ другимъ сестрамъ, что пребываніе ея въ общинномъ домѣ будетъ непродолжительно, лишь на первое время, пока она не устроится иначе. Поэтому, если свадьбы не можетъ почему-либо состояться въ скорости, то ей надо немедленно же подумать, какъ именно устроиться въ ожиданіи дальнѣйшей перемѣны своей судьбы. Все это, думалось ей, можетъ быть рѣшено только послѣ объясненія съ графомъ, и потому послѣднее представлялось совершенно необходимымъ теперь же.

Въ «шписовскихъ нумерахъ» прислуга ей сказала какъ разъ то, чему научилъ Каржоль хозяйку предъ своимъ отъѣздомъ. Впрочемъ, услышавъ изъ своей комнаты, что чей-то незнакомый, молодой женскій голосъ спрашиваетъ графа Каржоля, Fräulein Amalia не утерпѣла, чтобы тотчасъ же не выскочить въ корридоръ самой и не посмотрѣть изъ любопытства, а отчасти и изъ ревниваго чувства, кто спрашиваетъ и зачѣмъ.

Тамарѣ стало очень досадно, когда она узнала отъ самой Fräulein Schpiess день и число отъѣзда графа,—досадно потому, что день этотъ совпалъ какъ разъ со днемъ. и даже чуть не съ часомъ отправленія къ нему ея письма,—точно бы судьба нарочно устраиваетъ имъ игру въ прятки! Она сюда, онъ отсюда! Что-за странная случайность!.. Но ей было утѣшительно, по крайней мѣрѣ, узнать, что письмо ея, полученное въ «нумерахъ» будто бы на другой день утромъ послѣ его отъѣзда, было немедленно же отправлено къ нему въ Москву, какъ и всѣ вообще письма, получаемыя на его имя. Слава Богу, хоть не пропало, и теперь ей можно быть увѣренной, что оно дошло по назначенію,—стало быть, графъ не можетъ не отвѣтить, и отвѣтъ его, по всей вѣроятности, не замедлитъ: она получить его не сегодня-завтра. На вопросъ о времени возвращенія графа въ Петербургъ, Fräulein Amalia, согласно данной ей инструкціи, не отвѣтила ничего опредѣленнаго: можетъ быть скоро, а можетъ и нѣтъ, смотря по тому, какъ дѣла позволятъ, такъ какъ онъ сказывалъ-де, что уѣзжаетъ по очень важнымъ и экстреннымъ дѣламъ. Что же касается его московскаго адреса, то Тамарѣ показалось, что замаявшая хозяйка какъ будто затрудняется или даже просто не хочетъ сообщать его,—зачѣмъ-де надо вамъ адресъ?

— Понятно, зачѣмъ, чтобы писать къ нему.

— Aber alle Briefe kann man hier adressiren, — они все равно зайчасъ пересылаютъ nach Moskau, къ каспатынъ граафъ.

Такая уклончивость показала Тамарѣ странною и даже нѣсколько подозрительною,—точно бы Каржоль отъ кого-то и зачѣмъ-то скрывается. Да не менѣе страннымъ показался и самый тоякъ, какимъ говорила съ нею эта наштукатуренная и подрисованная особа со взбитою прической, — тонъ недовольный, подозрительный, двусмысленный какой-то, какъ будто она считаетъ ее Богъ знаетъ за кого, или даже ревнуетъ ее къ Каржолу, и это тѣмъ болѣе чувствовалось, что во все время разговора въ прихожей, Fräulein Schpiess не переставала пытливо оглядывать Тамару довольно неприязненнымъ взглядомъ. Тѣмъ не менѣе, эта послѣдняя уже съ нѣкоторою настойчивостью «попросила» сообщать ей адресъ Каржоля. Но та все-таки продолжала уклоняться подъ тѣмъ

предлогомъ, что если графъ будетъ отвѣчать ей на письмо, то, конечно, самъ не преминетъ сообщить и свой адресъ, коль скоро найдетъ это нужнымъ. Это было совсѣмъ уже глупо, какъ и вообще все объясненіе съ нею нѣмки, совершенно выходившее изъ рамокъ инструкціи, преподанной Каржолемъ; но Fräulein Amalia добросовѣстно вообразила себѣ, что она оберегаетъ этимъ его интересы и спокойствіе, такъ какъ онъ, уѣзжая, въ особенности внушалъ ей, что, быть можетъ, его будетъ спрашивать какая-то дама, и — почему знать, — ужъ не отъ этой ли самой дамы онъ и уѣхалъ такъ поспѣшно и такой взволнованный? Можетъ быть, она его преслѣдуетъ и, можетъ, поэтому-то ей вовсе и не слѣдуетъ знать его адресъ? Между тѣмъ, такая странная скрытность квартирной хозяйки, женщины, казалось бы, совершенно посторонней графу, еще болѣе усилила подозрѣніе Тамары, что отъѣздъ его послѣдовалъ неспроста, что Каржоль дѣйствительно находитъ нужнымъ скрыватьсь. Но отъ кого — отъ кредиторовъ? отъ евреевъ? Этого не можетъ быть: по его словамъ, единственнымъ кредиторомъ его былъ ея дѣдъ, которому уже уплачено все сполна, какъ самъ же онъ писалъ ей, а съ Украинскими и «Товарищескими» евреями всѣ дѣла и счета его тоже кончены, и опять-таки самъ же онъ, въ томъ письмѣ своемъ, сообщалъ ей, что теперь онъ свободенъ, что ему уже незачѣмъ насиловать себя и скрываться и что поэтому онъ пишетъ ей совершенно открыто. Вѣдь это же все его подлинныя слова — такъ отъ кого же и зачѣмъ ему прятаться? Ужъ не отъ нея ли самой? Воляше, казалось бы, нѣ отъ кого, и въ особенности здѣсь, въ Петербургѣ. А можетъ быть, онъ и вовсе не уѣзжалъ отсюда?.. Можетъ, онъ здѣсь, — даже и въ эту самую минуту здѣсь, за стѣной, за этою вотъ днерею, и только заранѣе, на случай ея прихода, велѣлъ сказать ей — именно ей, что уѣхалъ?.. Можетъ, онъ почему-то не желаетъ видѣться съ нею? Но въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же ему было писать къ ней въ Сайъ-Стефаню. Или эта нѣмка все вретъ сама отъ себя? Зачѣмъ, съ какой стати? Изъ ревности развѣ? Она смотритъ такъ, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ревнуетъ ее къ Каржолу. Это еще что такое?! — И Тамара должна была сознаться самой себѣ, что изъ всей этой путаницы ея собственныхъ предположеній, въ связи съ этимъ скрываньемъ адреса и вообще какимъ-то сторожкимъ по отношенію къ ней поведеніемъ этой разрисованной особы, выходитъ что-то странное, совсѣмъ непонятное.

— Развѣ это такой секретъ, его адресъ? — съ удивленіемъ спросила она. — Или вамъ не приказано сообщать его?

— Нѣтъ, эги не секретъ, и графъ не приказилъ, няшиво не приказилъ... Aber warum brauchen sie das?.. Bitte, Mamsell, sind sie eine

Verwandte des Herrn Grafen, oder etwas... так только?

Оставив послѣдній, довольно наглый, вопросъ безъ отвѣта, Тамара вынуждена была наконецъ высказать ей, что если графъ точно въ Москвѣ, то скрывать его адресъ болѣе чѣмъ странно и совершенно безцѣльно, такъ какъ ей достаточно послать запросъ о немъ открытымъ письмомъ въ московскій Адресный столъ, чтобы черезъ день получить его официально; но это будетъ только лишняя проволочка времени.

Однако умная Fräulein не вразумилась и этимъ аргументомъ. Не находя, что отвѣтить, она только оглядѣла еще разъ Тамару неприязненнымъ ревнивымъ взглядомъ и, величественно повернувшись къ ней спиной, удалилась, не дожидая ея ухода, въ свою комнату.

Не добившись никакого толку, Тамара ушла изъ «шишовскихъ номеровъ» разстроенная, раздосадованная и въ полномъ недоумѣніи, что все это значитъ и что теперь ей дѣлать? Во всемъ поведеніи Каржолы относительно ея, казалось ей, было что-то загадочное. И въ самомъ дѣлѣ, это его молчаніе, длившееся чуть не годъ и неожиданно прерванное послѣднимъ письмомъ, эти странныя оправданія, какими оно наполнено, и теперь вотъ этотъ внезапный, совпадающій какъ разъ съ ея приѣздомъ, отъѣздъ его въ Москву по какимъ-то «дѣламъ» (и все-то у него «дѣла», вездѣ «дѣла и дѣла»... Что это за «дѣла» такіе?) это скриванье своего адреса (Тамарѣ вспомнилось, что и въ послѣднемъ письмѣ своимъ онъ тоже не сообщалъ его) и, наконецъ, эта странная, двусмысленная какая-то ех-красавица съ ея ревнивыми, наглыми взглядами и неприличнымъ нахальнымъ тономъ, которая нашла умѣстнымъ быть какъ-то насторожѣ при объясненіи съ нею, точно бы это въ ея интересахъ скрывать, гдѣ графъ находится, — да что жъ это такое?! Во всемъ этомъ чувствуется какая-то темная я, быть можетъ, не совсѣмъ-то хорошая подкладка. Люди съ чистыми дѣлами и чистой совѣстію едва-ли такъ поступаютъ. Уже въ письмѣ его чувствовалось ей что-то недоговоренное, какъ будто онъ что-то скрываетъ отъ нея, и теперь вотъ опять скриванье чего-то и отъ кого-то. Зачѣмъ все это? И что такое, наконецъ, этотъ графъ Каржоль, въ самомъ дѣлѣ? Каковъ его нравственный обликъ?

Тамара даже сама смутилась отъ этого своего вопроса, еще впервые поставленнаго ею предъ собою такъ жестко, съ такою безошадною наготой и прямолинейностью. Правда, явился онъ у нея въ минуту большого огорченія своею неудачей и подъ вліяніемъ гнѣвной досады на графа и на всю неприятную, подлую сцену, какой она только-что подверглась въ «нумерахъ», но тѣмъ не менѣе, уже явился — вотъ что важно въ перипетіяхъ ея чувства и отношеній къ Каржолу, — и графъ самъ довелъ ее до

этого. — По крайней мѣрѣ, за самую возможность подобнаго вопроса она не себя, а его упрекнула.

И вспомнился ей тутъ Владиміръ Атуринъ въ минуту послѣдняго ихъ свиданія въ санъ-стефанскомъ госпиталѣ, когда она сообщила ему о своемъ отъѣздѣ въ Петербургъ для предстоящей скорѣй свадьбы; вспомнились его слова: «Да знаете ли вы, наконецъ, человѣка-то этого? хорошо ли знаете его?» — слова, горячо и невольно вырвавшіяся у него изъ сердца. Но увы! — она сама остановила его тогда, сказавъ, что если разъ уже рѣшилась на такой шагъ, то ничего больше знать ей не слѣдуетъ. Этими своими словами она сама отрѣзала себѣ отступленіе. А вѣдь Атуринъ, по всей вѣроятности, зналъ что-нибудь про графа такое, что могло бы еще во-время остановить ее. И она не захотѣла этого, она предпочла отвергнуть собственное счастье съ дорогимъ любимымъ человѣкомъ, чтобы «платить старый долгъ» и, во имя этого долга и даннаго слова, изломать себя всю до корня и идти до конца на неизвѣстное. На кого же пенять теперь, какъ не на самой себя! — И вотъ, это «неизвѣстное» уже начинаетъ развертываться передъ нею, и она стоитъ предъ нимъ, точно бы на какомъ-то распутьи, въ темную ночь, не зная, куда идти, на что рѣшиться и что будетъ далѣе.

По возвращеніи ея въ общинный домъ, швейцаръ подалъ ей телеграмму, полученную въ ея отсутствіе. — Неужели отъ Каржолы? подумалось ей съ нѣсколько тревожнымъ чувствомъ въ душѣ, какъ словно бы она уже не ожидала отъ него для себя ничего хорошаго. Вскрывъ ее тутъ же на нижней площадкѣ лѣстницы, Тамара прежде всего взглянула на подпись, — тамъ стояло «Каржоль».

«Радъ несказанно приѣзду», писалъ онъ. «Какая досада, что лишнеѣ возможности сейчасъ же возвратиться въ Петербургъ. Крайне важныя, нетерпящія дѣла призываютъ немедленно въ Кохма-Богословскъ, потомъ во Владиміръ, Нижній, можетъ быть, Пермь. Отъ этого все зависитъ. Умолю не безпокоиться, ждать терпѣливо и вѣрять по-прежнему. Какъ только кончу, прилечу тотчасъ. До свиданія, дорогая».

Извѣстіе это нѣсколько успокоило Тамару. — Стало быть, графъ дѣйствительно въ Москвѣ, и ей не солгали въ «нумерахъ», утверждая то же самое. Это обстоятельство дало ей справедливыя поводъ тутъ же упрекнуть себя за свою чересчуръ уже подозрительную, мрачно настроенную мнительность. Изъ телеграммы видно, что онъ вовсе и не думаетъ скриваться, какъ вообразилось ей вдругъ съ чего-то! — напротивъ, поспѣшилъ откликнуться тотчасъ же, и такъ тепло, такъ обрадованно. Что-жъ, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, выдалась такая случайность, что ему пришлось ухажать какъ-разъ наканунѣ, тѣмъ болѣе, что

не могъ же онъ святымъ духомъ знать о ея приѣздѣ! Судя по санъ-стефанскому письму, онъ вѣдь рассчитывалъ на ея возвращеніе не раньше осени, вмѣстѣ съ другими сестрами. А дѣла,—что-жъ, быть можетъ, и вѣзвѣдѣ дѣла эти такъ важны, что ихъ невозможно бросить. Быть можетъ, отъ нихъ зависить все его будущее благосостояніе. Во всякомъ случаѣ, она слишкомъ поддавалась впечатлѣніямъ своей досады и слишкомъ поспѣшила осудить его—можетъ быть, даже не заслуженно. А отчего? Не оттого ли, что уже не любитъ его больше по-прежнему и не прочь бы отдѣлаться отъ него? Это гадко. Въ этомъ ей стыдно сознаться самой себѣ, но это такъ. И теперь, если взглянуть поглубже въ ея душу,—не рада ли она для этого придираться ко всякому подходящему случаю? Не готова ли всякую свою досаду и неудачу, какъ и сегодня-вотъ, вымещать на Каржолѣ и выискивать въ немъ, ради своего собственнаго оправданія, всякія слабости, недостатки, пороки, упрекать и винить во всемъ его, и только его, тогда какъ, въ сущности, не сама ли она больше всѣхъ виновата? Нехорошая-то, выходитъ, она сама, потому что въ глубинѣ души ей хочется, вмѣсто Каржолы, видѣть своимъ мужемъ Атурина. Темная-то подкладка, вотъ она гдѣ! — не въ немъ, а въ ней самой, въ ея собственномъ, охладѣвшемъ къ нему сердцѣ. А онъ, можетъ быть, все еще любитъ ее и вѣрить въ нее по-прежнему, и бьетъ, какъ рыба объ ледъ, съ этими своими «дѣлами», изъ-за того только, чтобъ устроить ихъ же обоюдную будущую судьбу, чтобы для нея же, для «своей Тамары», доставить больше удобствъ и спокойствія въ обезпеченной жизни. А она? Всю дорогу отъ Санъ-Стефано до Петербурга, вспоминала ли она хоть разъ о немъ безъ затаенной горечи и желчи, безъ смутнаго страха за предстоящее свиданіе съ нимъ и за надвигающуюся все ближе и ближе развязку, въ видѣ неизбежной свадьбы, которую она была бы рада отдалить какъ можно больше? Нѣтъ, съ самой минуты разлуки и до сегодня она думала и скучала только объ Атуринѣ, только его образъ царилъ въ ея воспоминаніяхъ,—и это готовясь быть женою другого!.. И послѣ этого она смѣетъ еще себя оправдывать! Нѣтъ, она не права, глубоко не права предъ Каржолемъ, и потому обязана испустить свою вину, еслибы и потребовалось для этого принести себя въ жертву. Что-жъ дѣлать, когда обстоятельства, повидимому, слагаются такъ, что судьба ея—хочешь, не хочешь—должна быть связана съ этимъ человѣкомъ!.. Надо примириться,—этого требуетъ долгъ и честь ея и, наконецъ, по отношенію къ Каржолу—просто человеческое чувство справедливости.

Такъ думала теперь Тамара послѣ телеграммы и рассчитывала, что эта телеграмма,

вѣроятно, не будетъ послѣднею, что вслѣдъ за нею, конечно, придетъ подробное письмо, которое графъ не преминетъ написать ей при первой возможности, и, наконецъ, что отсутствіе его не должно быть продолжительнымъ, особенно, когда онъ уже знаетъ, что она въ Петербургѣ. Поэтому Тамара положила себѣ послѣдовать совѣту и просьбѣ самого же Каржолы и ждать спокойно его возвращенія, тѣмъ болѣе, что пристанище обезпечено ей пока въ домѣ общины.

* * *

Но вотъ прошло уже около двухъ мѣсяцевъ. Сентибрь стоялъ на исходѣ, а между тѣмъ, о Каржолѣ, послѣ его телеграммы, — ни слуху, ни духу! Опять словно въ воду канулъ. Чѣмъ дальше шло время, тѣмъ сильнѣе становилось скрытое безпокойство Тамары предъ неизвѣстностью о своемъ будущемъ. Маленькая искорка чего-то въ родѣ вѣры въ Каржолу, вспыхнувшая-было въ ея душѣ послѣ его отъѣзда изъ Москвы, опять понемногу угасла въ ней подъ напыломъ сомнѣній, недоверія и даже злобы на этого человѣка, такъ безцеремонно игравшаго ея судьбою. Да чортъ съ нимъ, наконецъ! Что она за дура такая, чтобы вѣчно ублаживаться его сладкими словами и обѣщаніями и покорно ждать рѣдкихъ проявленій его вниманія, когда то еще будетъ ему угодно оказать ей такую благосклонность!.. Да, права была сестра Степанида, когда советовала «паломнуть» на него и не думать больше объ этомъ бракѣ, въ которомъ, какъ видно, ничего путнаго не будетъ... Вотъ и опять пропалъ, опять упорно молчитъ, не пишетъ... Ужъ не опять ли какіе-нибудь зимняцкіе интенданты да Маріуцы причиной тому?—Вѣдь не даромъ же писали тогда въ газетахъ. — А она жди, какъ покорная овечка, пока соблаговолятъ о ней вспомнить! Нѣтъ, конечно! Пора вѣзаться за умъ, пора самой самостоятельно подумать и позаботиться о своей судьбѣ. Изъ всей этой канители, очевидно, ничего не выйдетъ. И позаботиться надо теперь же, не теряя ни одного дня, потому что въ общинѣ получено уже официальное извѣщеніе, что сестры, командированныя на Балканскій полуостровъ, должны прибыть сюда въ непродолжительномъ времени, и въ домѣ все уже готовится къ ихъ приѣзду и встрѣчѣ. Тамарѣ, стало быть, придется уходить. Оставаться въ общинѣ, памятуя интриги «партии» и придирки старшей сестры, ей не хотѣлось: въ этомъ отношеніи довольно съ ней и санъ-стефанскихъ испытаній! Да и самолюбіе не позволяло оставаться. — Какъ! онъ опять увидитъ ее здѣсь и не замужемъ, послѣ того, какъ она, предъ отъѣздомъ своимъ, объявила всѣмъ, что не останется въ сестрахъ, и раз-благовѣстила объ ожидающей ее свадьбѣ?—Нѣтъ, это невозможно. Подумать только, сколь-

ко предстать ей встрѣтить язвительныхъ взглядовъ, улыбочекъ, удивленій и притворныхъ сожалѣній, сколько новыхъ сплетенъ и пересудовъ!.. Нѣтъ, этого она переносить не намѣрена и постарается уйти ранѣе ихъ пріѣзда.

Но какъ и куда уйти? — вотъ вопросъ. Къ кому обратиться за совѣтомъ и содѣйствіемъ.

Прежде всего ей вспомнилась высокая восприимчива ея отъ купели. Къ ней развѣ? — Чего же ближе, казалось бы, и тѣмъ болѣе, что она такъ добра и встрѣтитъ свою крестницу, конечно, благосклоннымъ образомъ. Но тутъ взяло Тамару нѣкоторое раздумье. Великая княгиня и безъ того уже сдѣлала для нея все, что было въ ея возможности: помогла ей средствами, одѣла, обула ее, устроила ей обезпеченную жизнь въ общинѣ. Съ чѣмъ же придетъ Тамара къ ней теперь, съ какою просьбой, и что скажетъ на самый естественный вопросъ: почему вы не хотите оставаться въ общинѣ? Развѣ тамъ такъ нехорошо? — Ну, и что-жъ отвѣчать на это? — Да, не хорошо, молъ, потому что тамъ завелись партіи, дразни, сплетни, интриги, отравляющія все существованіе, то-есть, другими словами, нажаловаться ей на общину, на старшую сестру, на добрую старушку-начальницу. Да развѣ это благовидно! И развѣ ея высокая покровительница не въ правѣ будетъ посмотреть на нее самой какъ на первую интригантку и каверзницу, которая поторопилась забѣжать къ ней ранѣе пріѣзда прочихъ? А если скрыть настоящую причину своего нежеланія оставаться въ общинѣ, то чѣмъ же тогда объяснить его? Неспособностью къ дѣлу? — Объ этомъ и заикнуться странно было бы послѣ такого опыта въ теченіе цѣлой войны. Желаніемъ перемѣны мѣста и дѣятельности, желаніемъ большей свободы и самостоятельности? — Но вѣдь тогда великая княгиня, конечно, взглянетъ на это какъ на вздорный капризъ, не болѣе, и будетъ совершенно права со своей точки зрѣнія, потому что если живутъ въ подобномъ положеніи другія сестры — и сколько еще! — живутъ и не жалуются на свою участь, а дѣлаютъ добросовѣстно свое скромное дѣло, то чего же ей-то еще нужно? Что она за фениксъ такой? — Живи, какъ другія, благо тебя устроили, дали пріютъ и кусокъ хлѣба, и возможность честно работать, — чего-жъ еще больше?.. И въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати и съ какого права пойдетъ она обременять свою высокую восприимчиву лишними заботами о себѣ, когда у той и безъ нея довольно дѣла? Не слишкомъ ли это будетъ притязательно и даже дерзко съ ея стороны? — Нѣтъ, и такъ и сакъ, это дѣло не подходящее. Надо искать другого пути. Къ кому же? Къ отцу Александру, который крестилъ и наставлялъ ее

въ вѣрѣ? — О, да, съ его стороны она несомнѣнно встрѣтитъ полное къ себѣ сочувствіе, онъ сумѣетъ раскрыть всю ея душу, вызвать ее на полную откровенность, и у него навѣрное найдется для нея живое, теплое слово утѣшенія и христіанской любви; все это такъ; но онъ — что же можетъ онъ сдѣлать для нея, кромѣ какъ только посовѣтовать смирить себя и оставаться въ общинѣ! А въ общинѣ она уже ни за что не останется, — нѣтъ, самолюбіе и гордость ея въ этомъ случаѣ сильнѣе. И если бы даже отцу Александру и удалось уговорить ее, то это будетъ лишь на время: жизнь возьметъ-таки рано или поздно свое! И что же тогда? — Интриги и мелкія дразни пойдутъ своимъ чередомъ, а самолюбіе и гордость ея возопіютъ снова и, кромѣ новыхъ путей и новыхъ нравственныхъ мученій для нея впослѣдствіи, изъ этого ничего не выйдетъ. Нѣтъ, оставаться въ общинѣ нельзя, это уже рѣшено, — и надо, стало быть, искать исхода самостоятельно. У нея остается еще около сорока рублей изъ выданнаго ей въ Санъ-Стефано пособія; съ этими деньгами можно, пожалуй, перебраться, хоть на первое время, на частную квартиру, нанять себѣ за дешевую цѣну маленькую комнатку со столомъ въ какомъ-нибудь скромномъ семействѣ, на Выборгской или на Петербургской, и публиковаться въ газетахъ. Вѣдь у нея есть дипломъ объ окончаніи курса въ гимназій первой ученицей, съ золотою медалью, — неужели съ такимъ вѣскимъ дипломомъ не найдется для нея гдѣ-нибудь мѣста домашней учительницы, гувернантки? Она можетъ, наконецъ, быть приходящею и, давая уроки въ разныхъ домахъ, по часамъ, или заняться перепиской, корректурой, переводами, — вѣдь она такъ хорошо знаетъ языки, — стоитъ только обратиться въ редакціи, въ типографіи, въ конторы, въ банки, въ комисіонерства, — не тамъ, такъ тутъ навѣрное найдется что-нибудь подходящее.

* * *

Почти въ такомъ же положеніи, какъ Тамара, временно пребывала съ нею въ общинномъ домѣ и другая доброволица, Любушка Кучаева, поступившая въ «Красный Крестъ» на время войны и работавшая вѣстистъ съ Тамарой въ санъ-стефанскомъ госпиталѣ. Она возвратилась въ Петербургъ тоже «на поправку», вслѣдствіе перенесенной болѣзни, но пріѣхала нѣсколько позднѣе Тамары и была помѣщена пока, до присканія себѣ мѣста, въ одной съ нею комнатѣ. Кучаева не принадлежала къ «партіи», и потому отношенія между обѣими сожителями были добрыя, товарищескія. Общность нѣмнѣшняго своего неопредѣленнаго положенія поневолѣ сдѣлала ихъ откровенными между собою и заставила сочувствовать другъ дружкѣ и дѣлиться своими предположеніями

и планами насчетъ устройства собственной жизни. С скромные планы эти не выходили изъ тѣснаго круга заботъ о томъ, какъ бы и гдѣ бы получить подходящее мѣсто, которое давало бы маленькій кусочекъ хлѣба. Кучаева была вообще гораздо практичѣе Тамары, въ нѣкоторомъ родѣ «кулакъ-дѣвка», несравненно больше ея потерлась въ жизни, вкусивъ отъ древа познанія добра и зла и, какъ прирожденная петербуржанка изъ сословія разночинцевъ, хорошо знала условія здѣшней жизни и общее положеніе «мыслящаго пролетаріата». Кроме того, она сумѣла сохранить еще отъ временъ своихъ «медицинскихъ курсовъ» кое-какія отношенія и связи въ кругѣ профессорскіхъ и дамъ-патронессъ изъ разряда свободомыслящихъ.

Въ концѣ сентября, вернувшись однажды вечеромъ изъ «города» и едва успѣвъ войти въ комнату, Любушка радостно объявила Тamarѣ.

— Ну, милочка, поздравьте меня—мѣстомъ раздобылась!

— Да?—пріятно удивилась та.—Поздравляю!.. Гдѣ же это и какое мѣсто?

— Въ Бабьегонскомъ земствѣ; їду фельдшерницей въ уѣздъ... Триста въ годъ жалованья и казенное помѣщеніе при больницѣ. Отлично!

— Ну, слава Богу! Душевно рада за васъ!—горячо пожала ей руку Тамара.

— Мерсишки!.. Если хотите, я и вамъ могу устроить?—весело предложила Любушка.

— Да что вы говорите?!—съ недоумѣніемъ, но радостнымъ удивленіемъ отозвалась Тамара.

— Ей Богу!.. Да что же? Вѣдь, главное, себя-то самой уже обработала, а теперь и для другихъ, значитъ, можно. Отчего не помочь хорошей товаркѣ!.. Желаете?

— Еще бы!.. Но вѣдь вотъ бѣда только.—я не держала экзаменъ на фельдшерницу, а безъ диплома не возьмутъ, пожалуй?

— Да я и не приглашаю васъ непременно въ фельдшерницы,—имъ нужны и сельскія учительницы, а это вы вѣдь можете.

— Это-то могу; но расскажите, голубушка, толкомъ: какъ и въ чемъ дѣло?

И Любушка «толкомъ» рассказала ей, что еще въ тѣ годы, какъ училась на медицинскихъ курсахъ, ее облюбовала и стала принимать въ ней особенное участіе нѣкая дама-филантропка, Агрипина (по просту Аграфена) Петровна Миропольцева, которая въ то время почему-то особенно специализировала себя по части курсовъ и курсистокъ. У этой Агрипины очень большой и крайне разнообразный кругъ знакомства, который она, при случаѣ, и эксплуатируетъ въ пользу «учащейся и нуждающейся молодежи». Любушка, по старой памяти, объявилась къ ней еще въ одинъ изъ первыхъ же дней по прибытіи своемъ въ

Петербургъ, — прямо съ заявленіемъ, что очень-де нуждается въ мѣстѣ, и та общала ей раздобыть что-нибудь подходящее. А теперь-вотъ пріѣхали въ Петербургъ Бабьегонскій предводитель и председатель земской уѣздной управы, тоже знакомые Агрипины, и Агрипина сейчасъ же воспользовалась ими, чтобъ устроить Любушку,—ну, и устроила. А Любушка, видя, что дѣло ея уже сложено, закинула Агрипинѣ доброе словцо и за свою пріятельницу Тамару,—нельзя ли, молъ, заодно уже и для нея что-нибудь у этихъ господъ наладить?—Агрипина поразспросила у нея, кто и что такое Тамара, при чемъ Любушка, конечно, дала о ней наилучшій отзывъ,—и та общала похлопотать, но выразила желаніе напередъ лично познакомиться съ Тамарой.—Такъ вотъ если желаете,—предложила въ заключеніе Любушка,—отправимтесь вмѣстѣ хоть завтра же, я васъ представлю.

Выслушавъ все это, обрадованная Тамара не знала, какъ благодарить свою сожительницу и, конечно, ухватилась за ея предложеніе. Если бы только это удалось, то лучшаго исхода, казалось ей, и желать пока невозможно.

На другой же день, къ тремъ часамъ пополудни, обѣ онѣ поѣхали къ г-жѣ Миропольцевой.

XXXVII.

Свободомыслящая филантропка.

Роскошная квартира въ солидномъ казенномъ домѣ. Внизу—представительный швейцаръ въ официальной дѣлѣ «вѣдомства»; въ прихожей—пара серьезныхъ, прилично выбритыхъ, форменныхъ курьеровъ съ медалями на шеѣ. Пріемная въ строго выдержанномъ официальномъ стилѣ, съ солидною мебелью на счетъ казны—какъ и вся квартира, впрочемъ,—и съ надлежащими портретами въ массивныхъ золоченныхъ рамкахъ. Изъ каждаго угла такъ и вѣетъ нагоняющею холодъ министерскою атмосферой. Все это невольно нагнало холодъ и на Тамару, возбуждая въ ея душѣ незнакомое ей доселѣ жуткое чувство не то страха какого-то, не то сконфуженности предъ чѣмъ-то совершенно ей неизвѣстнымъ. Подъ подавляющимъ впечатлѣніемъ всей этой обстановки и по естественной аналогіи съ нею,—эта самая дама-патронесса вообразилась Тamarѣ особою неприступною, гордо величественною, которая непременно должна обладать холодомъ своего величія каждаго приходящаго къ ней, и потому дѣвушка уже заранѣе испытывала нѣкоторый страхъ передъ нею и опасеніе какъ за самой себя, такъ и за предстоящую аудіенцію: какъ-то сойдеть эта аудіенція и понравится ли сама она столь важной дамѣ, ужъ навѣр-

ное «аристократкѣ», какихъ она еще и не видывала. Но холодъ ощущенийъ отъ всей этой внушительно импонирующей обстановки нѣсколько смягчался для нея звуками рояля, доносившимся въ приемную откуда-то изъ внутреннихъ комнатъ. Звуки эти все же вносили сюда отголосокъ какъ будто живой, болѣе живой и теплой жизни. Тамара обратилась было къ ливрейному «министерскаго вида» лакею, съ просьбой доложить о нихъ генералышѣ. Но тотъ, очевидно, давно уже привыкнувъ къ подобнымъ посѣтительницамъ, не считалъ даже нужнымъ утруждать себя лишнимъ хожденіемъ къ барышнѣ.

— Пожалуйте, барышня, просто! Къ нимъ и безъ доклада можно, — пригласилъ онъ ихъ съ фамильярно благодушною ухмылкой и открылъ дверь.

Любушка Кучаева, съ увѣреннымъ видомъ освоеннаго въ домѣ и привычнаго человѣка, бойко повела Тамару черезъ нѣсколько комнатъ прямо въ кабинетъ хозяйки.

— Очень рада познакомиться! — вставъ изъ-за рояля, превратно ласково и съ дѣланною простотою протянула эта послѣдняя обѣ руки навстрѣчу Тамарѣ. — Э, да какая вы хорошенькая! — воскликнула она вдругъ, весело вглядываясь въ черты лица дѣвушки.

Та невольно смутилась отъ неожиданности такого привѣтствія.

— Право! — подтвердила, какъ бы ободряя ее филантропка. Здравствуйте, Кучаева, садитесь. Хотите чаю?

И не дожидая отвѣта, она нажала пуговку электрическаго звонка и приказала вошедшему человѣку подать чайный приборъ и печенье.

Это была очень эффектная особа лѣтъ сорока, съ припудренными волосами и лицомъ, сохранившая еще свою красоту и эластичность формъ, очень живая, бойкая и одѣтая хотя и по-домашнему, но съ чисто парижскимъ шикомъ. Впрочемъ, наружность ея и манера держать себя напоминали скорѣе кокетку *«de la haute volée»*, чѣмъ петербургскую «саовиницу».

Кабинетъ ея тоже представлялъ смѣсь кокеточнаго изящества и роскоши съ претензіей на интеллигентную дѣловитость. Множество разныхъ *«bijouteries»* и *«petits riens»*, иногда и съ немнѣжно скабренымъ оттѣнкомъ, прелестно уютные, укрытые уголки, располагающіе къ грѣшнымъ помысламъ и сладострастной вѣгѣ, а съ другой стороны — чисто департаментскія папки и картонные ящики, съ наклеенными на нихъ круцио печатными надписями, въ родѣ: «по переплетной артели», «по дешевымъ столовымъ и ночлежнымъ пріютамъ», «по обществу покровительства женскому труду» и т. п. На изящныхъ книжныхъ полкахъ и кое-гдѣ по столамъ — весь перець современной французской порнографіи вперемешку съ

новѣйшимъ сокомъ россійской либеральной и радикальной эрудиціи, — но большей части, съ надписями отъ авторовъ. Тутъ красовались, какъ бы небрежно и невзначай, но не безъ тщеславнаго умысла, положенныя на видъ книжки и брошюры, съ былыми въ носъ заглавіями, какъ напримѣръ: «Экономическое художество» г. Щелкунова, съ надписью «Хорошему человѣку, А. П. Миропольцевой, отъ автора»; «По чужимъ альковамъ», романъ Сержа Недопрыгина, съ надписью «Отъ автора-поклонника»; «Соціологія въ связи съ біологіей и психологіей и ея методологическія особенности» профессора Глагольцева, и тоже съ надписью «Единомышленницѣ»: «Порабощеніе русской женщины», и опять-таки съ какою-то авторскою надписью; «Усиѣхи женской самостоятельности», «Руководство къ упражненіямъ на трупѣ», «Оплодотвореніе и дробленіе животнаго яйца по современному состоянію науки», «Проституція отъ древнѣйшихъ и до новѣйшихъ временъ» и т. п., и все съ надписями болѣе или менѣе комплиментнаго и лестнаго свойства. Въ сюжетахъ картинъ, висѣвшихъ по стѣнамъ, тоже выражалась двойственность направленія и симпатій хозяйки дома: съ одной стороны, Леда, сладострастно замирающая подъ крыльями лебедя, и раздѣтая восточная одалиска въ гаремѣ, съ другой — какъ верхъ торжества россійскаго «художественнаго» реализма, — Христосъ въ образѣ жидовина-заговорщика, «Отравившаяся курсыетка» и паршиво-плюгавый мужиченко, казнящій что-то на ногтѣ.

— Вы вѣдь еврейка? — обратилась вдругъ хозяйка къ Тамарѣ, усаживаясь противъ нея на свою излюбленную восточную кушетку.

— По происхожденію, да, — подтвердила дѣвушка, опять невольно смутившись отъ такого неожиданнаго и, въ глубинѣ души, не совсѣмъ-то пріятнаго ей вопроса.

— Ужасно люблю евреевъ! — заявила вдругъ филантропка, не безъ расчета, вѣроятно, польстить этимъ Тамарѣ. — Чрезвычайно даровитая, талантливая нація!.. И притомъ въ выраженіи ихъ лицъ есть что-то одухотворенное, какая-то цѣмная нотка затаеннаго внутренняго страданія и страсти. Ужасно мнѣ это нравится!.. У меня есть много друзей между евреями, — да вотъ хоть бы Шефтель. Вы знаете Шефтеля? — Онъ въ консерваторіи, ученикъ еще, но что-за таланты!.. Я въ его пользу концертъ устраиваю, и знаете, чѣмъ я была запята передъ вашимъ приходомъ? — обратилась она къ Кучаевой. — Разбирала его «*Marche funèbre*» на смерть Нечаева.

— Развѣ Нечаевъ умеръ? — удивилась та.

— Нѣтъ, но это все равно. Прелестная вещь! Мнѣ даже больше нравится, чѣмъ его «Русская Марсельеза». Вы не слыхали его «Марсельезу»? — спросила она Тамару. — Нѣтъ?..

О, это пробѣлъ въ вашей жизни, большой пробѣлъ! Хотите, я вамъ сыграю? *Vraiment, c'est une chose admirable!*—Сколько блеска, силы, сколько этого *entrain!*.. Такъ и поджигаетъ васъ невольно!..

И вскочивъ съ кушетки, она живо пересѣла за рояль и бойко, съ экспрессіей разыграла жидовско-русскую марсельезу, а затѣмъ, за-одно уже, стѣны ея казенной квартиры огласились и звуками марша на будущую смерть Нечаева, съ которымъ она тоже сочла нужнымъ познакомиться своихъ посѣтительницъ.

— И какая онъ прелесть!.. Я вамъ покажу его карточку.

И опять сорвавшись съ мѣста, Агрипина Петровна взяла съ заваленнаго разными книжками стола бодный альбомъ и показала въ немъ Тамарѣ кабинетный портретъ молодого жидочка съ откинутою назадъ и включенною гривой, который, позируя передъ фотографомъ, льно старался придать своей физиономіи артистически вдохновенное выраженіе.

— *Quelle beauté! quelle expression poétique! n'est ce pas?*.. Минутами я просто готова въ него влюбиться, въ особенности когда онъ играетъ... О! надо видѣть его, когда онъ играетъ! Это будущій Рубинштейнъ, наша гордость, наша слава, но только онъ гораздо развитѣй Рубинштейна, и я давно уже прошу моего друга Сквасова написать о немъ критическій этюдъ въ газетѣхъ.

— А вы обратите вниманіе на этотъ альбомъ?—перескочила она къ новой мысли, адресуясь къ Тамарѣ.—Это замѣчательный альбомъ. Мнѣ, во-первыхъ, поднесли его въ знакъ признательности ученицы организованной мною переплетной артели, а во-вторыхъ, въ немъ собраны всѣ мои лучшіе друзья. Между ними вы найдете не мало знаменитостей—изъ людей порядочно мыслящихъ, разумѣется,—иныхъ я сюда не пускаю.

— Ахъ, кстати!—неожиданно повернулася филантропка къ Кучаевой.—Вы, кажется, хотѣли видѣть карточку Вѣры Засуличъ, —могу вамъ показать ее, мнѣ вчера добыли изъ Третьяго Отдѣленія. Что вы такъ взглянули на меня?—порекинула она вдругъ глазами на Тамару.—Это что про Третье-то я упомянула? О, у меня и тамъ есть знакомые!.. Это, знаете, не мѣшаетъ, а притомъ же, въ настоящее время и тамъ не безъ честно мыслящихъ людей,—это вѣдь не прежнія времена! Я даже мѣсто тамъ доставила одному молодому человѣку и тѣмъ спасла его отъ надзора полиціи.

— А вотъ, я покажу вамъ рѣдкость!—Этимъ можно похвастаться! — порывисто кинулася вдругъ, на съ того ни съ сего, Агрипина въ другую сторону, къ своему письменному столу, и сняла съ него синій бархатный альбомъ въ изящной бронзовой отлѣлкѣ.—Это книга автографовъ. Здѣсь у меня собраны *des penzées*,

des maximes, des vers et des souscriptions разныхъ политическихъ и литературныхъ знаменитостей,—вотъ, полюбуйте-ся-ка!

Тамара изъ вѣжливости начала перелистывать альбомъ—и передъ ея глазами заперстала переница самыхъ разнообразныхъ именъ, подобранныхъ болѣе или менѣе въ одномъ направленіи, впрочемъ, не безъ исключеній и въ пользу «противнаго лагеря», если таковыми являлись дѣйствительныя, общепризнанныя знаменитости. Тутъ вперемешку между собою, самымъ неожиданнымъ, иногда просто курьезнымъ, образомъ сталкивались имена Виктора Гюго и Сержа Недопрыгина, редактора-издателя Пюцолевича и прусскаго министра Путкамера, Поля Касаньяка и публициста Щелкунова. Далѣе слѣдовали сочетанія въ родѣ Тургеневъ съ Альфонсомъ Ротшильдомъ и придворнаго пастора Штеккера съ Сарой Бернаръ, или Гладстона съ извѣстною каскадною пѣвицей Терезой и съ начинающимъ еврейскимъ поэтикомъ Шкловскимъ, расчеркнувшимся подъ стихами:

«Вседержитель, Ты не правъ,
Ненавидя человѣка!»

Или вотъ имена Фелікса Піа, Ромфора, Луи Влана и вдругъ епископа Дюпанлу, а затѣмъ, извѣстной Луизы Мишель подъ афоризмомъ «*Ni Dieu, ni maître!*» и имя Поля Дерудеда подъ экспромптомъ:

Pour combat à outrance—
Vive la Russie et la France!
En avant, tous les deux bras à bras!
Et mille fois Hourra!!!

А тамъ уже, далѣе, шли Сальвини, Клячко, Бебель и Либкнехтъ, Верди, Леонъ Гамбетта, Понсонъ-дю-Терайль, Зорилля, Парнель, Менотти Гарибальди, «генералъ» Клязеръ и проч. и проч. Было, между прочимъ, и нѣсколько именъ русскихъ эмигрантовъ, въ родѣ Драгоманова и Ткачева, подписавшихся подъ откровенною фразой: «И охота вамъ, право, научать сюда столько буржуазной сволочи!» Было и нѣсколько русскихъ «сановниковъ», чиномъ не ниже тайнаго совѣтника, удостоенныхъ, впрочемъ, этой чести за свое строго либеральное направленіе, и только «*Prince Gortschakoff*», подписавшійся подъ какимъ-то откровенно тонкимъ, дипломатически комплиментнымъ максимумомъ, явился оригинальнымъ исключеніемъ между ними. Хозяйка не безъ самодовольства поспѣшила заявить, что это все ея «друзья» и знакомые, и Тамарѣ стало понятно, что погоню за всѣми этими «именами», выпрошенными, быть можетъ и не безъ назойливости, по большей части во время шатаній непосѣдливой Агрипины по разнымъ «заграницамъ», она устраиваетъ только ради удовлетворенія своему собственному тщеславію,—дескать, и я, стало быть, тоже «знаме-

нитость» и, въ некоторомъ родѣ, «политическая величина», если дружна со столькими «célebrités» цѣлой Европы!

— Ну, что? — заговорила, между тѣмъ, филантропка съ Кучаевой, — вы, поди-ка, рады, что отдѣлались наконецъ отъ всѣхъ этихъ вашихъ больныхъ и раненыхъ?.. Ахъ, кетати, о раненыхъ! Вы знаете, на дняхъ мнѣ очень удалась подписка въ ихъ пользу, — ей-Богу!.. Напязали — было мнѣ ее изъ «Краснаго Креста», — ну, отказаться неловко, конечно, а только ужъ какая теперь подписка! Сами согласитесь, развѣ война кончена, каму какое дѣло до раненыхъ? Но вотъ тутъ-то и пришла мнѣ счастливая идея: въ прошлый вторникъ (это день, который я — нечего дѣлать! — отдаю непроизводительно моимъ свѣтскимъ знакомымъ) я объявила всѣмъ моимъ гостямъ, что выдѣляю голубую гостиную изъ числа остальныхъ комнатъ и открываю доступъ въ нее желающимъ только за особый налогъ въ пользу раненыхъ, по пяти рублей съ индивида или по десяти съ каждой пары, но зато съ правомъ вести тамъ безъ цензуры самые вольные разговоры, которые въ остальныхъ комнатахъ воспрещаются подѣ страхомъ штрафа, тоже въ пять рублей. И что жъ вы себѣ думали? — въ одинъ вечеръ собрала со штрафовъ болѣе ста рублей! — Вотъ что значитъ остроумная идея!.. И знаете, я хочу отнынѣ постоянно примѣнять этотъ методъ и къ другимъ нашимъ сборамъ..

Тамара, между тѣмъ, покончивъ съ альбомомъ автографовъ и думая про-себя, когда-жъ-то наконецъ заговорить филантропка съ нею о дѣлѣ, — разсѣянно перевела глаза на висѣвшія противъ нея картины. Агрипина сейчасъ же это замѣтила.

— Ахъ, вы любуетесь на моихъ любимцевъ!? — обратилась она къ ней, не докончивъ рассказъ о счастливомъ проектѣ будущихъ сборовъ. — Это, можно сказать, шедевры русской школы, и мой другъ Сквасовъ отъ нихъ въ восторгѣ. Это вотъ — Христосъ, работа нашего знаменитаго Фэ. Вглядитесь, какая могучая экспрессія и сколько глубокой, современной мысли въ сюжетѣ, сколько реализма при этомъ! Охъ, знаете, пропагандируетъ совершенно новую идею «Христа» въ живописи, — это гениально!.. А этого мужичка — это мнѣ подарилъ мой другъ Брюквинъ... Тоже вѣдь какая сочность кисти и какова смѣлость замысла! Мурилевскій «Мальчикъ съ собакой» передъ этимъ, по-моему, ничего не стоитъ!.. А вотъ это — «Курсиетка», работы моего пріятеля Възрошенко... Вообще, у меня и картины, и книги, и ноты, болѣею частью, все отъ самыхъ авторовъ, и все съ ихъ подписями. Такую коллекцію, могу съ гордостью сказать, у насъ, въ матушкѣ-Россіи, въ этой «великой Федорѣ», какъ любятъ называть ее мой ми-

лѣннѣй Благовѣтловъ, вы не въ каждомъ домѣ встрѣтите.

Въ это время вошедшій человекъ доложилъ о пріѣздѣ какой-то свѣтской знакомой г-жи Миропольцевой.

— Прости! — Вотъ прескучная и пренебрежительная баба! — съ безнадежнымъ вздохомъ поднявъ глаза къ небу и какъ бы покоряясь печальной необходимости принимать эту «бабу», отрекомендовала ее Агрипину своимъ посылъницамъ, хотя тѣмъ до нея было столько же дѣла, какъ до китайской императрицы. Вмѣстѣ съ этимъ она нѣсколько натынуто подвинулась съ мѣста, давая понять имъ, что теперь онѣ могутъ удалиться.

— Мнѣ Кучаева говорила, что вы желали бы мѣста сельской учительницы? — обратилась она уже на ходу къ Тамарѣ. — Я думаю, это можно будетъ устроить. Да вотъ что: пріѣзжайте послѣ завтра вечеромъ; я напишу къ нашимъ Бабѣгонцамъ, чтобы они тоже были, и сведу васъ. Это мы въ два слова обрабатываемъ.

Тамара едва успѣла поблагодарить, какъ Агрипина Петровна, уже не обращая на нее вниманія, съ пріятнѣйшею улыбкой и чуть не съ распростертыми объятіями бросилась навстрѣчу входившей гостьѣ.

* * *

— Ну, какъ она вамъ показалась? — спросила Любушка, уже выйдя на улицу.

— Да какъ вамъ сказать!.. Страшная какая-то. Толкомъ ни о чемъ не разспросила, а натрещала съ три короба, и все только о себѣ, — точно бы ей хотѣлось не столько со мной познакомиться, сколько себя показать, — нѣ, молъ, смотри, какова я, и восторгайся! — Вотъ ужъ никакъ не ожидала, что такіе аристократки бывають!

— Э, милочка, какая жъ она аристократка! — просто дурында, которою нашему брату при случаѣ надо пользоваться. Вы думаете, она все это по убѣжденію? — Совсе нѣтъ! Какимъ тамъ убѣжденіемъ! — Игра въ бирюльки, и только.

И Любушка при самомъ удобномъ случаѣ разсказала всю, такъ сказать, подноготную своей давнишней покровительницы.

Единственная дочь п наследница воронежскаго прасола, нѣбко разбогатѣвшая на крупныхъ казенныхъ подрядахъ и потому возмечтавшая, что и онъ тоже можетъ со своимъ суконнымъ рыломъ пролѣзть въ баре, Аграфена или Грушенька, обратившаяся тогда въ Агrippine, а впоследствии въ Агрипину Петровну, получила «блестящее», по тогдашнему времени, домашнее образованіе, а затѣмъ окончательно отшлifoвалась уже въ Парижѣ. Тягучка мечтала-было выдать ее не иначе, какъ за князя, или, по крайней мѣрѣ, за графа, а она, послѣ Парижа, будучи уже довольно зрѣлою дѣвой, предпочла по какимъ-то соображе-

нiямъ выйти просто за господина Миропольцева, человека уже пожилого, но съ извѣстнымъ «вѣсомъ» и «положенiемъ» по службѣ. И господинъ Миропольцевъ оказался для нея самымъ удобнымъ мужемъ, потому что ни въ чемъ ее не стѣснялъ, и сама она нисколько имъ не стѣснялась. Всегдашнюю и самую заветную мечтою Агриппины Петровны было попасть ко двору; но когда супругъ ея достигъ наконецъ такого служебнаго положенiя, которое давало ей право быть туда представленною, то ко двору ее почему-то не приняли. Это ее крайне взбѣсило, огорчило и обозлило, такъ что съ досады она и ударилась въ «оппозицію» и сразу сдѣлалась великою либералкой, — только поэтому. Да и время къ тому же было самое удобное для всяческаго либерализма. Отсюда и все ея фрондерскiя бравады, и все это покровительство «учащимся» и «протестующимъ». Она задалась цѣлью создать себѣ изъ этой игры въ оппозицію громкое общественное «имя», не по служебному положенiю мужа, а свое собственное, самостоятельное и независимо отъ его карьеры и — сколько ни дурашка сама по себѣ — до извѣстной степени добилась-таки этого. А допустить бы ее ко двору, все это фрондерство завтра же какъ рукой сняло бы, и она сдѣлалась бы «plus royaliste que le roi», — въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнiя. И на сколько теперь ея интимный кабинетъ служить резервуаромъ всякихъ придворныхъ сплетенъ, сенсационныхъ слуховъ и пикантныхъ анекдотовъ насчетъ высшихъ сферъ, такъ этотъ же самый кабинетъ, при измѣнившихся обстоятельствахъ, могъ бы служить палладиумомъ для всякихъ проектовъ насчетъ «спасенiя Россiи» и охранительныхъ мѣропрiятiй, — ибо отъ одного только никакъ не могла бы отказаться Агриппина, — это отъ играли выдающейся «политической» роли въ томъ или другомъ направленiи. Это уже ея натура, темпераментъ, и ей непременно надо во что-нибудь путаться, совать свой носъ и агитировать такъ или иначе. Дѣтей у нея нѣтъ и не было, а потому роль «общественной дѣятельницы», при такомъ темпераментѣ, самая для нея подходящая, и она хлопотливо дѣлитъ ее въ своихъ досужихъ недосужихъ между попеченiями объ «учащихся» и своихъ мысляхъ. Супругъ Агриппины Петровны, въ чинѣ тайнаго совѣтника, занималъ очень важный постъ въ министерской iерархiи вѣдомства юстицiи и являлъ собою типъ совершенно высохшей кабинетной мумiи, чиновника-доктринера, такъ сказать, обросшаго мохомъ либеральной благонамѣренности и заморозившагося на «священной неприкосновенности» судебныхъ уставовъ 1864 года, въ редакцiи конхъ онъ принималъ нѣкогда, какъ членъ комиссiи, самое дѣятельное и «плодотворное» участiе. Гости его супруги, по боль-

шей части, не были его гостями, о большиствѣ ея знакомыхъ онъ не имѣлъ даже понятiя, кто они и что она? — даже по фамилiямъ не зналъ ихъ и потому почти никогда не выходилъ къ нимъ. Въ то время, какъ въ ея гостиной и столовой стоялъ шумъ, гамъ и дымъ коромысломъ отъ разныхъ педагогичекъ, фребеличекъ, «учащихся» и «протестующихъ», онъ уединенно сидѣлъ въ своемъ дѣловомъ кабинетѣ за «текущими» бумагами, и если дѣлалъ когда исключенiя, показываясь въ гостиной, то это только для «особъ первыхъ четырехъ классовъ», посѣщавшихъ время отъ времени салонъ его супруги, да для хорошенкыхъ женщинъ, которымъ поклонялся чисто платонически, — иначе, впрочемъ, онъ теперь и не могъ бы, — и это нисколько не возбуждало ревности его супруги. Напротивъ, она сама даже охотно заботилась о томъ, чтобы доставлять ему при случаѣ такое невинное развлеченiе. Будучи сама красивою женщиной, она — что очень рѣдко въ женщинахъ, — не завидовала красотѣ другихъ и не стѣнялась ею; она даже любила, чтобы ея гостинная блистала хорошенкими женщинами, если только онъ не черезчуръ уже «prudens et bigotes», любить «поврать» и позволяють за собою ухаживать.

XXXVIII.

Среди „учащихся“ и „протестующихъ“.

Прiѣхавъ въ назначенный вечеръ къ Агриппинѣ Петровнѣ, Тамара застала ее въ столовой, во главѣ длиннаго, сервированнаго для чая, стола, за которымъ сидѣло нѣсколько, болѣе или менѣе случайныхъ и сбродныхъ, гостей: безъ нихъ же не обходилось у Агриппины ни одного вечера, если сама она оставалась дома. Нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и набѣжать «на огонекъ». Отъ этого, въ составѣ ея ежедневныхъ, незабыхъ и неожиданныхъ гостей, за исключенiемъ только вторниковъ, всегда оказывалась довольно странная смѣсь, «одеждъ и лицъ, племенъ, нарѣчiй, состоянiй», такъ что нерѣдко сама она не знала, какъ быть съ такими разнополюсными противоположностями, въ особенности, когда, въ качествѣ хозяйки дома, ей вдругъ представлялась необходимость оградить какого-нибудь почтеннаго тайнаго, хоть и либеральнаго, совѣтника, или какого-нибудь совершенно приличнаго свѣтскаго свобсика, изъ числа ея поклонниковъ, отъ безтактныхъ и грубо задирчивыхъ выходокъ кудластаго семинара Нерыдаева, назойливо язвительнаго технолога Подкаретнаго или «непримиримой» дѣвицы Цыбиковой.

Такую же «смѣсь одеждъ и лицъ» застала здѣсь и Тамара, которую хозяйка представила всѣмъ своимъ гостямъ сразу, отрекомендовавъ

ее «дѣвицею Бендавидъ, изъ нашихъ». Эта послѣдняя прибавка нѣсколько смутила дѣвушку, такъ какъ она не знала, отнести ли ее къ своему еврейскому происхожденію, какъ ничѣмъ невызванную дерзость, или же къ ея предполагаемому свободомыслію, что было бы несправдой, рядя ее въ чужія перья. Замѣтивъ это смущеніе и доめкнувшись по немъ о своемъ промахѣ, хозяйка, чтобы загладить его и ободрить свою гостью, поспѣшила оказать ей особое вниманіе и любезность, усадивъ ее подлѣ себя, на первое мѣсто.

Между гостями, въ свою очередь названными хозяйкою Тамарѣ, находилось нѣсколько «педагогичекъ», «фребелпчекъ», «медицекъ», напоминавшихъ скорѣе дохлыхъ семинаристовъ или мордастыхъ кантонистовъ въ юбкахъ, чѣмъ женщинъ, и тѣ же неизмѣнные «завсегдатели» этого дома, Нерыдаевъ и Подкаретный,—оба въ красныхъ кумачевыхъ косовороткахъ, сѣрыхъ «спинжакахъ» и высокыхъ сапожникахъ—затѣмъ, жидокъ-панистъ Шефтель, «эжнаменитый» авторъ «Русской Марсельезы», и стриженная, сивовласая и сизоносая дѣвица Цыбикова, лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, которую Агрипина почему-то сочла нужнымъ познакомить съ Тамарою отдѣльно, прибавивъ, что «имя ея вамъ, конечно, извѣстно», и лестно аттестовавъ ее при этомъ «нашею русскою Луизою Мишель».

— А вы изъ какихъ будете? — тутъ же, съ мѣста, приступила эта «Луиза» къ Тамарѣ.—Изъ учащихъся, или просто изъ протестующихъ?

— То-есть, какъ это?—немножко смѣшалась та.—Я, pardon, не совсѣмъ понимаю вопроса?

— Дѣвица Бендавидъ — сестра милосердія,—поспѣшила пояснить за нее сама хозяйка.—Всю войну выдержала на Балканскомъ полуостровѣ, недавно только вернулась...

— Ахъ, это изъ сердоболокъ, значитъ! — мотнула головой «непримиримая» и, находя, что этимъ весь дальнѣйшій интересъ въ Тамарѣ для нея исчерпанъ, немедленно же повернулась въ другую сторону.

Тутъ же, въ числѣ гостей, находились еще какой-то министерски-приличнаго вида тайный совѣтникъ «съ апломбомъ и съ вѣсомъ» и приглашенные нарочно ради Тамары бабѣгоцкіе земцы,—предводитель Коржиковъ и председатель управы де-Казатисъ. Первый изъ земцевъ являлъ собою мягкую фигурку вѣчно улыбающагося, неопредѣленныхъ лѣтъ, человѣчка, похожаго на тушканчика или вообще на какого-то грызуна, изъ числа тѣхъ моложаво-безцвѣтныхъ блѣдобрысенькихъ людей, о которыхъ говорится, что маленькая собачка до старости щенкомъ; второй же былъ сухощавый, но коренастый и нѣсколько сутуловатый старикъ, съ большими южными глазами и цѣ-

лою конной сиво-курчавыхъ волосъ на большой головѣ, который говорилъ обо всемъ не иначе, какъ рѣзкимъ, крикливымъ голосомъ и съ рѣзкими энергическими жестами, въ совершенную противоположность тайному совѣтнику, приличныя манеры коего отличались замѣчательною сдержанностью, а тихій и ровный голосъ издавалъ отчетливые звуки съ нѣкоторымъ придыхательнымъ шипѣніемъ, точно бы онъ внутри ехидно злорадствуетъ чему-то. Двумъ бабѣгоцкімъ земцамъ Тамара была представлена тоже отдѣльно, съ поясненіемъ, что это та самая дѣвица, съ которой Агрипина уже познакомила ихъ заочно. Оба поэтому отнеслись къ ней очень любезно.

Всѣ гости, — мужчины и женщины, — за исключеніемъ тайнаго совѣтника и де-Казатиса, напропалую пыхтели нарочно поставленными для нихъ «хозяйскими» паниросами, отчего надъ столомъ стояло уже цѣлое облако табачнаго дыма, и съ аппетитомъ кушали чай изъ стакановъ съ тартинками и филипповскими калачами. Съ этими послѣдними, въ особенности, технологъ Подкаретный распоряжался «очень просто», разрывая надъ лоткомъ руками цѣльный калачъ, хотя это гораздо удобнѣе и опрятнѣе можно было бы сдѣлать ножомъ, и отправляя его къ себѣ за щеки большими кусками. Закончивъ свой стаканъ чая, онъ сейчасъ же принялся за сливки и сталъ хлебать ихъ прямо изъ молочника, дѣлая это, очевидно, нарочно: по-вашему, дескать, оно неприлично, а мнѣ «наплавать!»

Тамара застала продолженіе какого-то общаго разговора, прерваннаго на минуту ея появленіемъ.

Вы говорите, нѣмцы,—возобновилъ тотъ же разговоръ тайный совѣтникъ, обращаясь къ де-Казатису,—что-жъ изъ того, что они намъ угрожаютъ?

— Какъ что? — горячился земецъ. — Не успѣли кончить одну войну, какъ придется начинать другую?

— И прекрасно-съ, я очень радъ!

— Да что-жъ тутъ прекраснаго?! Помилосердствуйте!—Отхватятъ отъ насъ Остзейскій край, Литву, Польшу, Украйну...

— И прекрасно-съ, пускай отхватятъ. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше.

— Да я вовсе не желаю быть подъ нѣмцемъ!

— Напрасно-съ. Подъ нѣмцемъ, по крайней мѣрѣ, порядку больше будетъ, культуры больше, и общество получитъ извѣстныя правовыя гарантіи, которыя уравниваютъ насъ наконецъ съ Европой.

— Да мы, молодое поколѣніе,—мы этихъ гарантій и сами добьемся.

— Ну-съ, это бабушка еще нѣдвое говорила. Бисмаркъ вамъ дастъ ихъ скорѣй, чѣмъ Тимашевъ.

— Да вѣдь это же, однако, новое разоренье для народа, для платежныхъ силъ! Подумайте, — шутка сказать, война! И безъ того уже бѣдствуемъ! У насъ вонъ земство второй годъ зерно на обѣщаніе полей покупаетъ!

— И прекрасно-съ, и прекрасно-съ!.. Пускай!.. По-моему, чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, — по крайней, мѣрѣ, къ развязкѣ ближе.

Тайный совѣтникъ, щеголяя своимъ отиымъ либерализмомъ, очевидно, желалъ подебзить предъ «молодымъ поколѣніемъ», съ цѣлю поправиться наличнымъ его представителямъ.

— Это петербургскій взглядъ, — возразилъ ему на послѣднюю фразу де-Казатисъ. — Мы, земское молодое поколѣніе, желаемъ развязки, можетъ, не менѣе вашего, но думаемъ осуществить ее иначе, — во всякомъ случаѣ, безъ нѣмцевъ.

— А вы, дѣдинька, тоже «молодое поколѣніе»? — нагло бросилъ въ упоръ ему неожиданный вопросъ Подкаретный, явно издѣвающимся тономъ хотя видѣлъ его всего во второй или въ третій разъ въ жизни.

— А вы какъ полагаете? — не смущаясь, отвѣтилъ ему вопросомъ же ретивый земецъ, у котораго, дѣйствительно, была хроническая слабость причислять себя къ «молодому поколѣнію», такъ что при каждомъ удобномъ случаѣ, онъ непремѣнно вставлялъ въ свой разговоръ фразу «мы, молодое поколѣніе», или «задачи наши, какъ молодого поколѣнія» и т. п.

— Да вамъ сколько годковъ-то? Зубки прорѣзались? Покажите зубки! — присталъ къ нему Подкаретный.

— Годковъ?.. А вы какъ полагаете? Ну-тка?

— Ха-ха а!.. Поди-ка, уже подъ семьдесятъ, коли не подъ восемьдесятъ? — Песокъ, чай, сыплется!.. Ась?.. Песочкомъ-то подсыпаете?

— Годы тутъ ничего не значать, сударь! — обиженно замѣтилъ всплывшійся земецъ. — Васъ-то еще и въ проектѣ не было у папеньки съ маменькой, когда я уже былъ молодымъ поколѣніемъ! Я всю мою жизнь принадлежалъ къ молодому поколѣнію и всегда раздѣлялъ всѣ его лучшія стремленія!

— Ха-ха-а! Стремленія!.. Это въ своемъ-то земскомъ курятникѣ спля?

— Въ курятникѣ мы больше дѣла дѣлаемъ и служимъ народу, чѣмъ иной недоучка-свистунъ въ Петербургѣ! — съ достоинствомъ отрѣзалъ ему «дѣдинька» и съ довольнымъ видомъ круто отвернулся въ другую сторону.

— Та-акъ-съ! — проницески ухмыльнулся срѣзанный технологъ и, какъ бы не считая нужнымъ спорить съ нимъ далѣе, обратился черезъ столъ къ хозяйкѣ.

— Аграфенъ Петровна! Пляхните-ка мнѣ малость чайку въ стагашетъ!

Подкаретный зналъ, что она не любитъ, когда ее зовутъ Аграфеной, но потому-то именно и называлъ ее такъ, «чтобы позлить бабу». Онъ сдѣлалъ себѣ въ некоторомъ родѣ, специальность всѣхъ злитъ и всѣмъ говорить непріятныя вещи; тѣмъ не менѣе, въ данномъ кружкѣ всѣ терпѣли это, холопски побаиваясь его за языкъ и за совершенную беззащитность въ словахъ и поступкахъ, такъ какъ для него не существовало различія между позволительнымъ и невозможнымъ, честнымъ и безчестнымъ, даже съ кружковой точки зрѣнія. И Подкаретный зналъ, что его побаиваются, и это поддавало ему еще болѣе «форсу».

Агрипина Петровна только поморщилась, но все же очень любезно налила ему чаю и, воспользовавшись благополучнымъ прекращеніемъ непріятнаго «incident» между ея «всегдашнимъ», и «дѣдинькой», чтобы отвлечь мысли послѣдняго въ другую сторону, обратилась къ нему съ ласковымъ напоминаніемъ своей давешней просьбы насчетъ Тamarы.

— Какъ же, какъ же! Вѣдь вы уже говорили намъ, не забуду-съ! — отозвался ей земецъ.

— Да, такъ вотъ переговорите съ ней самой, — предложила та, указавъ на дѣвушку.

— Что жъ, мы очень охотно! Вакансія у насъ теперь есть, — повернулся онъ къ Тamarѣ, — и если за васъ ходатайствуетъ сама Агрипина Петровна, то это выше всякаго диплома; лучшей рекомендаціи намъ и не надо. Мы, молодое поколѣніе, должны поддерживать другъ друга въ служеніи общему дѣлу, — это наша святая обязанность.

И вручивъ Тamarѣ свою визитную карточку съ адресомъ гостиницы, гдѣ остановился, онъ предложилъ ей зайти къ нему завтра, около часу дня, чтобъ окончательно переговорить объ условіяхъ, подписать контрактъ и получить на проѣздъ подъемныя деньги. Все дѣло, какъ и предсказывала Агрипина, дѣйствительно, сложилось съ двухъ словъ, и дѣвушка была необычайно рада этому. Теперь она, по крайней мѣрѣ, можетъ быть спокойна за свое дальнѣйшее существованіе и уѣхать въ провинцію еще до возвращенія сестеръ съ Балканскаго полуострова.

XXXIX.

Чего ни та, ни другая не ожидала.

Въ это время изъ кабинета г-на Миропольцева вышла въ столовую молодая дама, вся въ черномъ, на которую Тamarа, занятая сво-

ими собственными мыслями, не обратила-было въ началѣ никакого вниманія, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ въ эту минуту «дѣдинька» турчалъ ей подъ ухо что-то такое насчетъ священныхъ обязанностей молодого поколѣнія, и она, глядя на него и думая о другомъ, машинально поддакивала ему только молчаливыми кивками.

— Ну, что, душечка, кончили? — участливо обратилась Агриппина къ подошедшей къ ней дамѣ. — Что онъ вамъ посовѣтовалъ?

— Аргѣ! — сдержанно отвѣтила гостья и опустила подлѣ нея на свободный стулъ, рядомъ съ Тамарой.

— Ахъ, вотъ позвольте васъ познакомиться, — представила ихъ другъ дружкѣ Агриппина, — дѣвица Бендавидъ, — графиня Каржоль де-Нотреть.

При этомъ имени, Тамара невольно вздрогнула и съ недоумѣвающимъ удивленіемъ подняла глаза на даму. Только теперь взглядылась она въ черты ея лица и узнала.

Передъ нею была Ольга.

— Господи!.. Тамара? Да неужели это ты?.. Я тебя совсѣмъ не узнала... Какъ ты перемѣнилась, однако, какъ возмужала, — совсѣмъ какъ-будто другія черты, другое выраженіе! — говорила удивленная Ольга, протягивая ей руку и, вмѣстѣ съ этимъ, замаявшись на мгновеніе въ нерѣшительности, ограничиться ли ей однимъ пожатіемъ, или расцѣловаться. Но она тутъ же мигомъ сообразила, что послѣднее, на всякій случай, будетъ, пожалуй, лучше, — и потому немедленно расцѣловала ее, повидимому, самымъ непритворнымъ образомъ, какъ добрая, старая пріятельница.

— Э, да вы, оказывается, знакомы и даже дружны? — удивилась въ свою очередь и хозяйка.

— Мы-то? — Еще бы!.. Мы съ нею семь лѣтъ на одной скамейкѣ въ гимназіи сидѣли! — какъ будто и въ самомъ дѣлѣ обрадованно, заявила ей Ольга. — Вотъ встрѣча-то!.. Ну, какъ и что ты? Какими судьбами? Расскажи пожалуйста, — я такъ рада!

— Постои, — вполголоса остановила ее поблѣднѣвшая дѣвушка, съ трудомъ пересиливая въ себѣ внутреннее волненіе, — если я не ослышалась, тебя мнѣ называли... графиней!..

— Каржоль де-Нотреть? — подхватила Ольга. — Да, ты не ослышалась, я замужемъ.

— Какъ? За графомъ Каржолемъ?.. За которымъ же это?

— Да за Валентиномъ, — за какимъ же еще?

— За Валентиномъ? — почти машинально повторила ошеломленная Тамара, — когда же это?

— О, уже скоро два года! — Вотъ, на дняхъ будетъ. Развѣ же ты не знала?

Тамара поблѣднѣла еще больше и только могла отрицательно покачать головою.

— Ну, полно! — понизила и Ольга, въ свой чередъ, голосъ до той степени, чтобы посторонніе не могли слышать ихъ дальнѣйшую бесѣду. — Ужъ будто бы не знала, — ты-то?

— Въ первый разъ слышу, — почти шепотомъ, черезъ силу проговорила Тамара, глядя какими-то странными, недоумѣвающими и удивленными глазами на свою старую подругу, точно бы вглядываясь въ нее какъ во что-то совсѣмъ новое, неизвѣстное. Ольга, со своей стороны, тоже окинула ее явно недоувѣрчивымъ взглядомъ.

— Странно! — улыбнулась она раздумчиво, — а я была увѣрена, что тебѣ-то это ближе всѣхъ должно быть извѣстно.

— Мнѣ?.. Почему такъ?

— О, моя милая, если ужъ весь Украинскъ кричалъ о его намѣреніяхъ относительно тебя, то, согласишься, какъ же тебѣ-то не знать ихъ? Съ кѣмъ же онъ могъ быть болѣе откровененъ, какъ не съ тобою?

— Я тебя не понимаю, — недоумѣло проговорила Тамара, — въ чемъ дѣло?.. можешь объяснить мнѣ?

— Мм... здѣсь неудобно. Если хочешь, пойдемъ въ другую комнату. Pardon, chère! — обратилась она къ Агриппинѣ, вставая изъ-за стола. — Мы хотимъ немножко поговорить по душѣ со старою подругой.

И Ольга увлекла Тамару въ одинъ изъ уединенныхъ, таинственно уютныхъ уголковъ смежной гостиной, остававшейся пока совершенно свободною отъ постороннихъ свидѣтелей. Здѣсь, наединѣ, она могла говорить не стѣсняясь.

— Вѣдь ты же выходила за него замужъ, — напрямикъ и сразу высказалась она, слѣдя по лицу дѣвушки, какое впечатлѣніе произведетъ на нее эта, въ упоръ брошенная ей, правда.

— Да, онъ дѣлалъ мнѣ предложеніе... неоднократно даже возобновлялъ его, даже недавно, — и я обѣщала. Но я не знала, что онъ женатъ, я и не подозрѣвала этого!

— И ты это говоришь правду, Тамара? — серьезно и строго спросила Ольга.

— Убей меня Богъ, если это ложь! — перекрилась дѣвушка. — Довольно съ тебя?

— О! какой же негодай, однако! — съ негодованіемъ воскликнула возмущенная Ольга. — Я думала, что онъ, по крайней мѣрѣ, отъ тебя-то не скрываетъ правды, что вы вмѣстѣ, съ обоюдного согласія, идете къ своей дѣлп, а выходить, — ты такая же жертва его обмановъ, какою была и я въ свое время. Но я за себя хоть отомстила: я заставляла его жениться на себѣ, чтобы дать законное имя его же собственному ребенку.

— Ребенку? — удивленно повторила за нею Тамара, у которой только теперь начинали раскрываться глаза на истинное положеніе дѣла, — у тебя отъ него ребенокъ?.. Такъ это, значить, правда была — все, что болталось

когда-то о ваших отношеніяхъ въ Украинскѣ?

— Къ несчастію, — вздохнула Ольга, — правда.

— И это все въ то самое время, когда онъ п меня убралъ въ своей любви и вырывалъ изъ семьи?

— Въ то самое. Скажу даже болѣе: въ ту самую ночь, въ тотъ самый часъ, когда онъ уводилъ тебя къ Серафимѣ, я, не зная еще нашей исторіи, была въ его кабинетѣ, я пришла тогда сказать ему, что беременна. — Значитъ, клявшись тебѣ въ своей любви и ломая всю твою жизнь, онъ уже зналъ это.

— Господи! Да что жъ это такое?! — съ чувствомъ внутренняго омерзения и ужаса всплеснула руками Тамара.

— Игра, мой другъ, азартная игра, не болѣе! — горько усмѣхнулась Ольга. — Вѣдь онъ игрокъ по натурѣ. Пока не было тебя, казалась ему и я выгодною партіей; являлась ты со своими милліонами, — меня по боку, за тебя принялся. Ему не мы, а наши деньги нужны, и только деньги, повѣрь мнѣ.

— Да совѣсть-то... совѣсть-то гдѣ же?

— Э, моя милая, что за наивность! Совѣсть!.. У такихъ людей это лишній грузъ, который они не задумываясь бросаютъ за бортъ. И неужели жъ, ты думаешь, онъ въ самомъ дѣлѣ любитъ или когда-нибудь любилъ тебя?

— О, что до его любви, — махнула рукою Тамара, — я давно уже стала въ ней сомнѣваться! И если ты видишь меня здѣсь, то это потому, что онъ подорвалъ во мнѣ уже послѣднюю надежду и вѣру въ нее. Я рѣшилась лучше взять мѣсто сельской учительницы въ какомъ-то Бабьёгонскомъ уѣздѣ, чѣмъ еще далѣе тянуть всю эту глупую канитель.

— Вотъ, признаюсь, тонъ, какого я отъ тебя менѣе всего ожидала! — удивилась Ольга. — Ну, и скажи мнѣ откровенно, любишь ты его?

— Любила когда-то, но...

— Но послѣ сегодняшняго вечера больше не любишь? Такъ что-ли? — съ улыбкой подхватила Ольга, предполагая, что досказываетъ мысль своей подруги.

— О, нѣтъ!.. Сегодняшній вечеръ — это только послѣдняя капля, переполнившая чашу. Я смущена, это правда, — да и какъ не смутиться предъ такимъ скрпизмомъ!.. Но въ то же время и рада, — вѣрнѣе ли, счастлива даже, что все это кончается такимъ образомъ. Слава Богу! Теперь я, по крайней мѣрѣ, вольный казакъ, цѣпей нѣтъ на мѣѣ больше!

И вызванная Ольгой на откровенность, Тамара въ короткихъ словахъ рассказала ей всю исторію своихъ отношеній къ Каржолу, начиная со встрѣчъ у Санковскихъ и кончая его послѣднею московскою телеграммой. Она не скрыла и того, что поведение Каржолы давно уже начало казаться ей нѣсколько страннымъ,

и что его продолжительное молчаніе и безучастіе къ ней, въ связи съ газетными намеками насчетъ его вовсе не двусмысленныхъ отношеній къ какимъ-то актрисамъ, на много способствовали ей разочарованію въ немъ и даже постепенному охлажденію, тѣмъ болѣе, что въ это время встрѣтился ей другой человекъ, болѣе достойный, который полюбилъ ее, по которому она отказала, наперекоръ собственному сердцу, изъ нежеланія нарушить слово, данное Каржолу, пока не убѣдится окончательно, что онъ не стоитъ такой жертвы. И вотъ теперь, благодаря встрѣчѣ съ Ольгой, она убѣдилась въ этомъ. Теперь ей становится все понятнѣе, все: и настоящая подкладка того письма его, что было передано ей въ монастырѣ черезъ келейницу Наталью, гдѣ онъ предупреждалъ и умолялъ ее не вѣрить городскимъ сплетнямъ, приплетающимъ къ ея дѣлу одну изъ ея подругъ; понятнѣе и отвѣтное письмо Сашеньки Санковской, полученное ею уже въ Петербургѣ, послѣ крещенія, которое еще тогда заронило въ ея душу первыя сомнѣнія въ искренности Каржолы и въ томъ, что не играетъ ли онъ съ нею одну комедію, такъ какъ Сашенька сообщала, между прочимъ, о его интимныхъ отношеніяхъ къ Ольгѣ, и даже о томъ, что Ольга отъ него «въ интересномъ положеніи», чему, однако же, Тамара не хотѣла тогда повѣрить, имѣя въ виду его первое письмо, и любя его, старалась разсвѣять въ себѣ эти сомнѣнія. Ей тогда казалось, что на него клеветаютъ просто по людскому недоброжелательству или, еще скорѣе, изъ зависти къ ней. Вспомнила она теперь и свою первую, послѣ годовой разлуки, встрѣчу съ нимъ на волнѣ, въ зимницкомъ госпиталѣ, когда онъ, вмѣсто того, чтобы обрадоваться ей, старался прежде всего вызнать, помиралась ли она съ родными, такъ какъ отъ этого-де зависитъ дѣдушкино наслѣдство. Это наслѣдство интересовало его болѣе, чѣмъ ея чувство! Вспомнила и нѣсколько странныхъ, загадочныхъ словъ, сказанныхъ имъ тогда же, по поводу письма Сашеньки, насчетъ Ольги, поведение которой въ эпизодѣ ухода Тамары въ монастырь онъ объяснялъ только ея эксцентричностью и психопатствомъ, желаніемъ приплатить себя, ни съ того, ни съ сего къ «интересной исторіи». А между тѣмъ, онъ въ это время былъ уже ея мужемъ, отцомъ ея ребенка, и все это скрылъ отъ Тамары. Теперь ей стала понятна и та изворотливость и недосказанность его оправдательнаго санъ-стефанскаго письма, въ которомъ ей невольно чувствовалась какая-то фальшь, полная умышленныхъ, обдуманныхъ умолчаній; понятнѣе и все его странное молчаніе въ теченіе столькихъ мѣсяцевъ. Всѣ эти мелкія детали, изъ которыхъ каждая въ свое время, бывало, такъ и рѣзаетъ ее какимъ-то внутреннимъ диссо-

нансомъ, но которыя затѣмъ болѣе или менѣе сглаживались въ послѣдствіи и забывались въ потокѣ его вѣчныхъ и «честныхъ» рѣчей и въ силѣ ея собственнаго чувства,—все это всплыло теперь въ ея памяти и освѣтилось истиннымъ, неподраженнымъ свѣтомъ. Совокупность всѣхъ этихъ, въ отдѣльности, можетъ быть, и мелочныхъ, обстоятельствъ ясно указала ей теперь, что главный интересъ графа по отношенію къ ней заключался не въ ней самой, а только въ ея состояніи, добиться котораго иначе какъ чрезъ женитьбу ему не было возможности. Вспомнилось ей, какъ ея деньги и наслѣдство интересовали его еще до ухода ея въ монастырь, какъ при ночномъ свиданіи съ нею въ дѣдовскомъ саду, онъ старался убѣдить ее, что никто, ни дѣдъ, ни кагалъ не имѣютъ права лишить ее отцовскаго наслѣдства, что напрасно она думаетъ, будто кагалъ можетъ секвестровать его, что при помощи нашихъ знаменитыхъ адвокатовъ, дѣло ея бесспорно и навѣрное будетъ выиграно ею. Да, эти расчеты на ея деньги проскальзывали у него еще тогда, сколь ни старался онъ ихъ маскировать. Теперь все ясно, какъ ясно и то, что инсинуации одесской газеты насчетъ опереточныхъ французенокъ, зимницкихъ интендантовъ и Маріуцы были правдой. А если такъ, то, значитъ, онъ никогда не любилъ ее, и всѣ его «пылкія» фразы и чувства были однимъ лишь притворствомъ. Но только вотъ вопросъ: будучи уже женатымъ, на что онъ рассчитывалъ, увѣряя ее въ санъ-стефанскомъ письмѣ, что свадьба ихъ состоится вѣнчаніемъ осенью? Неужели на вторичный бракъ отъ живой жены?

— Нѣтъ, гораздо проще: на разводъ со мною,—пояснила ей Ольга и рассказала при этомъ, что, возвратясь на прошлой недѣлѣ изъ Парижа; она была крайне озадачена, получивъ третьяго-дня черезъ полицію консисторскую повѣстку по бракоразводному дѣлу. Не зная, какъ быть и что съ этимъ дѣлать, она сейчасъ же кинулась посоветоваться къ своему доброму другу Миропольцеву, какъ къ замѣчательному и опытному юристу, и тотъ далъ ей совѣтъ—прежде всего постараться самой повидаться съ графомъ и уговорить его не дѣлать этихъ глупостей, или узнать у него, по крайней мѣрѣ, на какихъ основаніяхъ ищетъ онъ развода? Вѣдь чтобъ обвинить ее, нужны чрезвычайно вѣскія юридическія данныя,—надо знать, что это за данныя такія? Узнать же это можно и изъ его прошенія, подданнаго въ консисторію. А тамъ уже, смотря по тому, что окажется, будетъ видно, какъ дѣйствовать ей далѣе. Послѣдовавъ этому совѣту, Ольга въ тотъ же день узнала адресъ графа и написала ему письмо, прося его пріѣхать къ себѣ объясниться по поводу затѣяннаго имъ дѣла, а вчера была сама въ конси-

сторіи, гдѣ показали ей прошеніе; но прошеніе это самое ординарное, по обыкновенному шаблону, гдѣ онъ просто обвиняетъ ее въ супружеской невѣрности на основаніи достоверныхъ свидѣтельствъ, какія своевременно будутъ имъ представлены, въ дополненіе къ прошенію, а также проситъ о разводѣ и потому еще, что со дня ихъ брака она живетъ отдѣльно отъ него, по собственному своему желанію, что можетъ быть доказано и по документамъ. Такимъ образомъ, изъ прошенія нельзя было почерпнуть никакихъ данныхъ, и вся надежда оставалась лишь на личное свиданіе съ графомъ. Сегодня утромъ онъ наконецъ былъ у нея.

— Такъ онъ адвѣ?—перебила ее удивленная Тамара.—Это, значитъ, еще новая ложь! По московской телеграммѣ, я считала его или въ Нижнемъ, или въ Перми?

— Нѣтъ, онъ все время былъ въ Москвѣ, поджидая моего возвращенія,—подтвердила ей Ольга.—Могу тебя увѣрить въ этомъ на основаніи его же собственныхъ словъ.

— Господи, и зачѣмъ эти вѣчные враки, вѣчная путаница и заматыванье своихъ слѣдовъ?—съ чувствомъ брезгливаго сожалѣнія пожала плечами Тамара.

— Неужели непонятно? Просто, чтобъ избѣжать преждевременной встрѣчи съ тобой и лишннихъ объясненій въ письмахъ,—для меня это такъ ясно!

И Ольга далѣе рассказала ей, что сегодняшнее свиданіе съ графомъ прошло съ его стороны безъ великихъ сценъ, даже въ очень сдержанной и вполнѣ приличной формѣ, но на всѣ ея доводы и просьбы не подымать такого скандальнаго дѣла онъ остался непреклоненъ, и когда наконецъ она объявила ему, что, по мнѣнію очень опытныхъ юристовъ, съ которыми она-де совѣтовалась, дѣло кончится ничѣмъ, такъ какъ у него нѣтъ и быть не можетъ никакихъ фактическихъ противъ нея доказательствъ, то онъ съ торжествующей проноіей поздравилъ на это, что не угодно ли ей вспомнить про кое-какія свои письма,—не къ нему, разумѣется, а къ человѣку сердечно болѣе ей близкому.

— Письма?—встребенулась Тамара.—Кстати, ты получила пропавшій лѣтомъ маловѣкую посылку изъ арміи?

— Изъ арміи?—съ удивленіемъ переспросила Ольга.—Нѣтъ, ничего не получала.

— Какъ?!. Ничего?

— Рѣшительно ничего. А въ чемъ дѣло?

Тамара, съ невольнымъ движеніемъ внутренняго ужаса и досады на самое себя, схватила за голову и закрыла лицо руками.

— Боже мой!.. Что я надѣлала! Что я надѣлала!.. Теперь все понимаю... Это моя вина.

И она рассказала ей весь плевненскій эпизодъ съ Аполлономъ Пупомъ, какъ онъ умеръ

на ея рукахъ въ радншевскомъ госпиталѣ, какъ выразилъ ей свою предсмертную волю насчетъ Ольгина медальона и бумажника съ ея письмами, и какъ ловко успѣлъ Каржолъ на его похоронахъ выманить у нея этотъ бумажникъ, прежде даже чѣмъ она успѣла развернуть его, и если онъ могъ сдѣлать тогда такую мерзость, то, нѣтъ сомнѣнія, что сегодншній намекъ его относился именно къ этимъ самымъ письмамъ.

— Это было послѣднее наше свиданье,—прибавила Тамара, — и послѣ того я уже не видѣла его больше, и даже отъ переписки со мной онъ себя уполнѣлъ.

Весь этотъ разсказъ глубоко поразилъ и до отчаянія взволновалъ Ольгу. Не говоря уже о томъ, насколько ей больно, что самыя завѣтныя ея письма попали вдругъ въ чужія руки—и въ какія, къ тому же!—но главное смутило ее то, что, заручившись такими фактическими доказательствами, графъ дѣйствительно можетъ разсчитывать на успѣхъ развода, и дѣло ея, стало быть, пропало!

— Нѣтъ!—энергично возразила ей Тамара,—не пропало!.. Мой былъ промахъ, мнѣ я поправлять его. Письма эти должны быть возвращены тебѣ. Во что бы то ни стало! Я *должна* добиться этого, и добьюсь!

— Милая,—грустно усмѣхнулась Ольга,—неужели ты думаешь, онъ такъ легко расстанется съ ними, если на этомъ строятся всѣ его планы?

— Да, эти планы могли строиться, въ расчетъ на мои деньги и мою слѣпоту,—согласилась Тамара,—но если я ему въ глаза рѣшительно и прямо объявлю, что никогда не буду его женой,—какой интересъ для него тогда въ этомъ разводѣ и на что ему письма?

— Какъ на что?—Нѣ такъ, такъ иначе, онъ можетъ всю жизнь шантажировать меня ими.

— Нѣтъ, я заставлю его отдаты!—упрямо подтвердила ей возмущенная дѣвушка.—Можешь ты доставить мнѣ возможность видѣться съ нимъ?

— Возможность видѣться... Но гдѣ же и какъ?—въ затрудненіи пожала та плечами.

— У тебя, понятно, и въ твоемъ же присутствіи. Вѣдь если онъ согласился быть у тебя сегодня, то ты могла бы найти предлогъ позвать его и завтра.

— Да, но захочетъ ли онъ прійхать?

— Наниши, что имѣешь сообщить ему и что крайне важное и экстренное по его же дѣлу, заинтересуй его этимъ, и прійдетъ.

— Попробуюсь,—согласилась Ольга и прибавила, что на всякій случай, все-таки зайдетъ сейчасъ еще разъ къ Миропольцеву сообщить объ этихъ письмахъ,—можетъ, онъ ей что и посовѣтуетъ,—и затѣмъ онѣ условились, что завтра Тамара зайдетъ къ ней отъ де-

Казатиса, около двухъ часовъ дня, и чтобы къ этому времени Ольга пригласила Каржолъ. Если же онъ уклонится, то послѣ завтра—ужъ такъ и быть!—онѣ сами отправятся вдвоемъ къ нему на квартиру, а только письма, такъ или иначе, должны быть выречены. Это теперь долгъ чести для Тамары, ея ближайшая задача.

XL.

Въ ожиданіи развязки.

Въ ней проснулась оскорбленная женщина. Ова не могла простить Каржолу его притворства, этого чисто актерскаго игранія своей роли при каждомъ свиданіи съ нею, его систематически расчитанныхъ завлечаній ее, тогда еще столь неопытной и довѣрчивой дѣвушки, этого двухлѣтняго дураченія ее своею любовью, этого свисходительнаго отношенія къ ней сверху внизъ, точно къ лаковой-нибудя ничтожной дурочкѣ; не могла простить и его сознательнаго обмана съ этою женитьбой, столь тщательно отъ нея скрываемой, и съ этими письмами, которые были выманены у нея съ такой иезуитской и шуллерской ловкостью, тѣмъ болѣе, что всѣми этими поступками, какъ теперь уже вполне для нея обнаружилось, руководила одна лишь погоня за легкой наживой, стремленіе заполучить въ свои руки крупный кушъ, употребивъ для этого ступенями двухъ женщинъ—ее и Ольгу. Но еще болѣе не могла она простить ему того, что онъ такъ изводилъ и томилъ ее цѣлые два года въ лучшихъ ея чувствахъ и побужденіяхъ, что, оставаясь вѣрно своему слову, она ради него пожертвовала не только своею семьею, но уже разочаровавшись въ немъ и разлюбивъ его, все-таки отвергла человѣка любимаго, человѣка достойнаго, который могъ бы составить ея счастье. Нѣтъ, этого простить нельзя! Тамарѣ хотѣлось бы теперь за все за это мстить Каржолу, и еслибы только представлялась ей возможность отомстить ему нравственно, она исполнила бы это даже съ величайшимъ наслажденіемъ. Изъ-за чего, въ самомъ дѣлѣ, она столько выстрадала, столько намаялась своими тайными душевными муками, своими сомнѣніями, самоукорами и самообвиненіями, своею тяжелою нравственною борьбой между сознаніемъ долга по отношенію къ слову, данному Каржолу, и собственною любовью къ Атурину? Изъ-за чего разбила и эту любовь, и свое, столь возможное, столь близкое счастье, а быть можетъ и счастье любимаго человѣка? Столько жертвъ, столько самоотреченія, и для чего!—Чтобъ убѣдиться въ концѣ концовъ въ одномъ лишь подломѣ обманѣ, и въ недостойныхъ эгоистическихъ продѣлахъ своего бывшаго «идеала»!.. Слава Богу еще, что все это

открылось ей въ-время! А что было бы, еслибъ она уже стала женою Каржолы и узнала бы всю горькую правду только впоследствии? — И вотъ, вмѣстѣ съ оскорбленно-злымъ чувствомъ къ этому человѣку, она испытывала теперь и великую радость, — радость собственнаго освобожденія отъ нравственныхъ путъ, точно бы ее вдругъ выпустили изъ мрачной тюрьмы на вольный свѣтъ Божій, радость сознанія, что донесла свой крестъ до конца, что можетъ теперь, какъ хочетъ, располагать своею судьбой, не насилуя себя во имя долга брачными-узами съ такимъ человѣкомъ, и что собственная совѣсть не осѣлаетъ ей больше за него никакого упрека. Это нравственное ощущеніе возвратившейся къ ней личной свободы и безупречной совѣсти сказывалось въ ней даже сильнѣе негодованія противъ Каржолы, и оно все болѣе и болѣе вливалось въ ея душу миръ и успокоеніе. Богъ не попустилъ ее совершить роковой, непоправимый шагъ. Онъ видимо хранить ее, это — знаменіе Его великой милости, — да будетъ же Его святая воля!.. Но Ольгины письма, такъ или иначе, а все же должны быть выручены.

* *

Откровенно переговаривъ еще разъ съ Миropolъцевымъ, Ольга вышла отъ него еще болѣе успокоенною, чѣмъ данеча. Онъ разбилъ всѣ ея страхи и опасенія насчетъ писемъ, доказавъ, что для бракоразводнаго процесса, по дѣйствующимъ русскимъ узаконеніямъ, они не имѣютъ значенія въ смыслѣ непосредственной, прямой улики, — словомъ повторилъ все то, что высказывали въ свое время и «сикъ дѣлъ специалисты» Каржолу. Но письма эти, по его мнѣнію, все же не слѣдуетъ оставлять въ его рукахъ, потому что мало ли какъ могутъ воспользоваться ими, или онъ самъ, или, черезъ него, другія лица, съ чисто шантажными цѣлями! Могутъ даже изъ мести просто опубликовать ихъ въ какой-нибудь уличной газеткѣ и тѣмъ компрометировать на весь міръ ея доброе имя. Онъ подаль ей мысль, что если на графа не подѣйствуютъ никакія убѣжденія, то можно будетъ погугать его Третьимъ Отдѣленіемъ и, въ случаѣ крайности, даже дѣйствительно обратиться туда за содѣйствіемъ; хотя такой путь и не сочувствененъ, но... что же дѣлать! *A coquin—coquin et demi!* Стѣнаться въ подобномъ случаѣ принципами нечего.

Успокоенная Ольга поэтому рѣшила себя непремѣнно воспользоваться помощью Тамары. Она была теперь очень довольна собою за свою сообразительность и тактъ, въ-время и кстати подсказавшіе ей, что лучше встрѣтиться съ этою своею «соперницей» дружелюбно и какъ ни въ чемъ не бывало, чѣмъ показывать ей хотя бы тѣнь того, что она противъ нея что-либо имѣетъ. Благодаря такому дипломатическому маневру, Ольга по крайней мѣрѣ

узнала теперь очень важныя для себя вещи, ознакомилась съ истиннымъ положеніемъ дѣла и даже приобрѣла въ лицѣ Тамары надежную союзницу. А встрѣтись она съ нею холодно и сухо, всѣхъ этихъ важныхъ шансовъ на ея сторонѣ не было бы. Нѣтъ, она рѣшительно призвана быть дипломаткой, — это ея прямая карьера!

Но обдумывая, уже у себя дома, какъ поступить относительно приглашенія къ себѣ Каржолы, — назначить ли ему такое время, чтобъ онъ уже засталъ Тамару у нея, или же объясниться съ нимъ предварительно самой, *tête à tête*, — Ольга разсудила, что второе будетъ хотя и не такъ эффектно, но, по нѣкоторымъ причинамъ, пожалуй, удобнѣе для нихъ обоихъ, тѣмъ болѣе, что у нея изъ послѣдняго совѣщанія съ Миропольцевымъ возникъ въ головѣ цѣлый планъ относительно уловленія Каржолы. Почему знать, можетъ быть, Каржоль будетъ еще не бесполезенъ для ея цѣлей впоследствии, и именно въ качествѣ мужа...

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, написавъ графу французское письмо, насколько возможно, любезное, и взявъ за основаніе для этого мотивъ, предложенный Тамарой, то-есть, необходимость нѣкотораго весьма важнаго и экстреннаго сообщенія по затѣянному имъ дѣлу, Ольга назначила ему время свиданія получасомъ ранѣе, чѣмъ условилась съ нею, и просила уведомить ее хотя бы въ двухъ словахъ, можетъ ли онъ исполнить ея просьбу? Если же какія-либо обстоятельства не позволяютъ ему пріѣхать въ предлагаемый часъ, то пускай благоволятъ самъ назначить время, и она будетъ ожидать его. Съ этою цѣлью, письмо было отправлено пораньше утромъ, чтобы оно успѣло застать Каржолу еще дома, и отправлено не по почтѣ, а съ кучеромъ, которому приказано дожидаться у графа отвѣта.

* *

Самолюбіе Каржолы было очень польщено этимъ вторичнымъ посланіемъ Ольги и, въ особенности, его элегантно любезнымъ тономъ. — «Ага! прикутило, значитъ!» — Его совершенно удовлетворяло пріятное сознаніе, что перевѣсъ силы теперь въ его рукахъ, что Ольга видимо заискиваетъ въ немъ и что онъ можетъ поэтому «доминировать» надъ нею. Конечно, онъ останется непреклоненъ въ своихъ рѣшеніяхъ: разводъ во всякомъ случаѣ долженъ состояться, но — въ силу ли сознанія этого своего превосходства, или въ силу старыхъ воспоминаній о хорошемъ періодѣ ихъ отношеній, — ему все-таки пріятно лишній разъ видѣть эту «фатальную» женщину, а главное видѣть и чувствовать самого себя предъ нею въ роли торжествующаго, но благороднаго мстителя. О! онъ будетъ въ высшей степени благороденъ и даже, насколько возможно, великодушенъ пе-

редъ ему! Для этого онъ готовъ даже предложить ей такія безобидныя для обѣихъ сторонъ условія, что разводъ не повлечетъ за собою ни для него, ни для ней никакого ограниченія гражданскихъ правъ. Стоить лишь ей согласиться на его предложенія, и онъ тогда готовъ, пожалуй, взять вину на себя, — пускай сама начинается процессъ противъ него. Маляхитовъ увѣряетъ, что это легче легкаго повернуть дѣло такимъ образомъ. — И графъ уже заранѣе рисовался предъ самимъ собою ролью такого великодушнаго мужа и готовился кокетничать ею предъ Ольгой. Поэтому онъ не замедлилъ отвѣтить ей на томъ же языкѣ и въ столь же элегантно любезномъ стилѣ, что готовъ исполнить ея желаніе и явиться въ назначенное ею время.

XLI.

Передъ атакой.

Получивъ этотъ отвѣтъ, Ольга сочла его, въ нѣкоторомъ родѣ, счастливымъ предзнаменованіемъ: окупъ идетъ на удочку. Поэтому она постаралась обдумать хорошенько не только свою роль въ предстоящемъ объясненіи, но даже и самый костюмъ свой, и прическу, и разныя мелочи туалета, разсчитывая, что все это можетъ и даже должно вліять на Каржолу въ извѣстномъ, желаемомъ ею, смыслѣ. Она давно уже и достаточно хорошо изучала слабыя стороны его натуры и характера, чтобы знать, чѣмъ именно можно, при случаѣ, повліять на него молодой и красивой женщиной. А это вліяніе прямо входило въ расчетъ задуманнаго ею плана. Оглянувъ себя въ большое трюмо, она, къ особенному своему удовольствію, осталась совершенно удовлетворена и своимъ изящнымъ домашнимъ костюмомъ, и этимъ общимъ тономъ своего лица, и видомъ всей фигуры, а затѣмъ, на всякій случай, предусмотрительно отдала прислугѣ приказъ не принимать сегодня никого, кромѣ графа и дѣвицы Бендавидъ, которыхъ впустить безъ доклада, — и, чувствуя себя теперь во всеоружіи, удобно расположилась въ гостиной, стараясь, пока есть время, успокоить въ себѣ нѣкоторое душевное волненіе, невольно возбуждаемое ожиданіемъ предстоящей рѣшительной атаки и ей, пока еще гадательнаго, исхода. — Какъ-то все кончится?..

Графъ не заставилъ долго ожидать себя и явился почти минута въ минуту, какъ ему было назначено. Такая примѣрная аккуратность тоже показала Ольгѣ хорошимъ признакомъ: стало-быть, очень заинтересованъ, — иначе, конечно, не сталъ бы такъ спѣшить.

— Простите, что опять потревожила васъ, —

любезно встрѣтила она его, не протянувъ, впрочемъ, руки. — Но... причина слишкомъ серьезна. Садитесь, пожалуйста, и поговоримте.

Каржоль сѣлъ на указанное ему кресло, спиною ко входнымъ дверямъ, а съ нѣсколько натянутымъ видомъ особо вѣжливой сдержанности, изъявивъ готовность выслушать.

— Что прикажете?

— Вчера вечеромъ, — начала Ольга. — Я совсѣмъ неожиданно получила самыя точныя свѣдѣнія о Тамарѣ.

Тотъ ничего не сказалъ на это, — только головою кивнулъ, въ томъ смыслѣ, что принимаю-де къ свѣдѣнію, и вскинулъ на нее ожидающее вопросительный взглядъ, какъ бы говоря имъ: далѣе?

— На основаніи этихъ свѣдѣній, — продолжала она, — я могу вамъ сказать, что Тамара замужъ за васъ не пойдетъ, такъ какъ ей стало извѣстно, что вы женаты.

Каржоль, съ невольнымъ движеніемъ удивленности, откинувшись нѣсколько назадъ, на спинку своего кресла.

— Поэтому, мнѣ кажется, ваши затѣя съ этимъ разводомъ совершенно безцѣльны, — заключила Ольга.

— Да, но позвольте васъ спросить, однако, — недоувѣрчиво замѣтилъ графъ, — изъ какого источника идутъ эти свѣдѣнія?

— Изъ источника достаточно надежнаго, и въ этомъ вы сейчасъ убѣдитесь. Начнемте хотя бы съ того, что ни одинъ изъ вашихъ расчетовъ до сихъ поръ не оправдывается. Вы, напримѣръ, разсчитывали, что Тамара вернется сюда не раньше осени, и потому поторопились написать ей въ Санъ-Стефано письмо, обѣщая приготовить ей къ пріѣзду «уютное гнѣздышко» и тотчасъ же обвѣнчаться, — очевидно, въ надеждѣ, что разводъ къ тому времени будетъ уже конченъ, — ну, а она, вмѣсто того, пріѣхала лѣтомъ. Вѣдь такъ?.. Это вѣрно?..

Каржоль слегка поблѣднѣлъ, и въ глазахъ его сказалось вдругъ смутное чувство тревоги. Изъ этихъ словъ Ольги онъ уразумѣлъ, что источникъ ея, въ самомъ дѣлѣ, долженъ быть вѣренъ; въ особенности поразило его это упоминаніе о санъ-стефанскомъ письмѣ, съ фразой насчетъ «уютнаго гнѣздышка», которую онъ, на сколько помнится, дѣйствительно употребилъ въ немъ. Откуда все это могло сдѣлаться извѣстнымъ Ольгѣ?

— О пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, — продолжала она между тѣмъ, — Тамара увѣдомила васъ немедленно; но вы, вмѣсто того чтобы спѣшить къ ней на свиданье, которое вамъ предлагалось, поспѣшили уѣхать въ Москву и изъ Москвы прислали успокоительную телеграмму, извѣщая что должны сейчасъ же ѣхать по дѣламъ въ Нижній и въ Пермь. Такъ, или не такъ?

— Положимъ, такъ,—согласился нѣсколько смущенный графъ.—Но откуда вы это знаете?

— А, это уже мое дѣло!.. И если я позволила себѣ немножко распространиться насчетъ всѣхъ этихъ подробностей, то это только, чтобы убѣдить васъ, что мой источникъ вѣренъ. Надѣюсь, послѣ этого, вы можете повѣрить и тому, что она знаетъ о вашей женитьбѣ.

— Что-жъ, это еще ничего не значитъ, если и знаетъ,—усмѣхнулся графъ нѣсколько самонадѣянно и небрежно.

— Какъ?! Это васъ не пугаетъ? — удивилась Ольга.

— Ни мало.

— Тогда почему же вы отъ нея скрывали это?

— Очень просто: до сихъ поръ я не имѣла удобнаго случая объяснить ей это обстоятельство; но если оно ей извѣстно,—что-жъ!—мнѣ остается только рассказать ей, какими образомъ все это случилось, и я увѣренъ, она меня оправдаетъ.

— Не слишкомъ ли преждевременна, графъ, такая увѣренность?

— Не думаю. Тамара слишкомъ любитъ меня и вѣрить мнѣ.

— «Слишкомъ»?.. Смотрите, не ошибитесь. Я имѣю, напротивъ, основанія думать, что она васъ больше не любитъ.

— Ха-ха!—самонадѣянно усмѣхнулся Каржоль, откинувъ назадъ голову.—Позвольте этому не повѣрить. Я слишкомъ хорошо знаю ее, чтобы говорить съ такою увѣренностью. Не спорю, можетъ быть, она и сердится на меня; но еслибы даже и такъ, то повѣрьте, — полчаса нѣтичнаго разговора между ней и мною совершенно достаточно, чтобы весь этотъ гнѣвъ ея преложился на милость, и она окажется послѣ такого разговора еще болѣе любящей и на все готовой.

— А если она любитъ другого? — не безъ коварства закинула ему Ольга вопросъ, тонкомъ, полнымъ сомнѣній и самой извѣстной подозрительности, въ надеждѣ смутить его эгоизмъ.

— О, какой вздоръ! — засмѣялся графъ.—Этого быть не можетъ!

— Ну, а если?.. Предположите себѣ такую возможность?

— Даже и предполагать не стану, а прямо заявляю вамъ, что это невозможно.

Ольга только головой покачала съ лукаво сомнѣвающимся усмѣшкой.

— Извините, графъ, я вижу, вы ее совсѣмъ не знаете. Вы думаете, это все та же наивная, доверчивая дѣвочка, что и два года назадъ?.. А я слыхала, она такъ перемѣнилась, такъ, можно сказать, выросла и нравственно, и физически, что мы бы съ вами даже не узнали ее. Два года такихъ испытаній, какъ

переходъ въ христіанство и война,—это въ состояніи измѣнить любого человѣка, а въ особенности такую натуру, какъ Тамара... И потому, не дѣлали-ль вы сами все, для того, чтобы охладить, даже убить ея чувство? Вспомните-ка!

— Что жъ я такое дѣлалъ? — съ недоумѣніемъ пожалъ Каржоль плечами.—Кажется, ничего особеннаго... То же, что и всѣ: служилъ, работалъ для нея же, для нашего будущаго, писалъ ей, когда была возможность,— правда, не часто, но она знаетъ уже причину... Чего-жъ еще?

— Хм!.. «Ничего?» — Ну, это ваше дѣло, вамъ лучше знать, правы ли вы передъ нею...

— Да нѣтъ, позвольте,—приступилъ онъ къ Ольгѣ,—меня гораздо болѣе интересуетъ, откуда все это вамъ извѣстно?

— А, это уже мое дѣло,—загадочно улыбнулась она.

— Mais non, dites franchement, вы вѣрно видѣлись съ нею?

— Нѣтъ, не видѣлась; но вы видите, что я знаю, и знаю даже гораздо больше, чѣмъ вы думаете,—ну, да это пускай при мнѣ и остается!.. Мнѣ только хотѣлось предупредить васъ, что вы напрасно будете убивать и время, и хлопоты ваши, и деньги на этотъ процессъ. Но разъ, что вы такъ увѣрены въ своемъ могуществѣ надъ Тамарой, я оставляю этотъ вопросъ,—дѣлайте какъ знаете. Поговоримте теперь собственно о дѣлѣ,—предложила Ольга.

— Къ вашимъ услугамъ,—слегка поклонился графъ.

— Я читала въ консисторіи ваше прошеніе,—продолжала она,—и, признаюсь вамъ, только удивлялась его... какъ бы это вамъ сказать? — его безосновательности. — *Pardon mais c'est une frivolité absolue* — и если вы только съ этимъ выступаете противъ меня, то я васъ поздравляю! — Тамъ нѣтъ ни одного, сколько-нибудь серьезнаго, довода. Въ прошлый разъ вы намекнули мнѣ, правда, на мои письма,—но вѣдь письма не доказательство! — замѣтила Ольга, съ пренебрежительною усмѣшкой, какъ о вещи совершенно жалкой и ничтожной. — Не знаю, извѣстно ли вамъ, но я могу васъ увѣрить, что консисторскій судъ, по закону, не приметъ ни въ какое вниманіе.

Слова эти въ устахъ Ольги истинно поразили Каржоль. — «Ага! подумалось ему,—стало быть, уже успѣла переговорить со специалистами!» — Но онъ, не теряя своего апломба, многозначительно заявилъ ей, что принятіе или непринятіе во вниманіе будетъ зависѣть отъ того, какъ поведется дѣло, и что его адвокатъ, напротивъ, находитъ въ этихъ письмахъ самое существенное подспорье.

— Не знаю, что находить вашъ адвокатъ,

но знаю, чего требуетъ законъ, а *этою* вамъ доказать не удастся.

— Вы полагаете? — иронически спросилъ графъ, вспомнивъ кстати идею Красноперева обѣ авантюрахъ Марининскаго театра.

— Я говорю вамъ это со словъ такого авторитета, какъ Мяропольцевъ, — внушительно пояснила Ольга. — Надѣюсь, это немножко выше вашихъ адвокатовъ.

— Н-ну, какъ знать! Одно—теорія, другое—практика, — усомнился графъ, дѣлая многозначительную мину.

— Во всякомъ случаѣ, *поислите!* — подчеркнула она. — И за плечами такого человека я остаюсь совершенно спокойна. При его связяхъ и влияніи, ваши адвокаты могутъ въ двадцать-четыре часа очень далеко улетѣть изъ Петербурга, да и не одни адвокаты!.. и потому мнѣ не страшно никакая консисторія. Конечно, вы можете сдѣлать мнѣ этимъ процессомъ скандалъ, но не болѣе, да и то еще — смотрите, какъ бы не промахнуться!

— Ольга Орестовна, не будемте ссориться и пугать другъ друга, — началъ вдругъ Каржоль, переминая свой нѣсколько сухой и натянутый тонъ на болѣе простой и искренній. — Вы знаете, что разводъ мнѣ необходимъ, и я, *soit* que *soit*, долженъ его добиться. Позвольте же поэтому предложить вамъ такія условія, которыя будутъ безобидны для насъ обоихъ. Я понимаю, что для женщины порядочной и тяжело, и некрасиво фигурировать въ такомъ дѣлѣ въ качествѣ обвиняемой стороны, — что-жъ, я готовъ избавить васъ отъ этого. Согласитесь на мои условія и начинайте сами процесъ противъ меня, — я возьму вину на себя, продѣлаю всю гнусную комедію, какая въ этихъ случаяхъ требуется, и мы будемъ разведены безъ скандала; вы останетесь при нашемъ настоящемъ имени, графиню Каржоль де-Нотрекъ, и получите полное право выйти замужъ за кого вамъ угодно и когда угодно.

— Но вѣдь тогда *вы* уже лишаетесь права жениться, — возразила Ольга. — Какой же вамъ расчетъ?

— О, объ этомъ не беспокойтесь! — отвѣтилъ онъ самымъ увѣреннымъ тономъ. — Черезъ недѣлю послѣ развода и я женюсь преспокойнѣйшимъ образомъ, — вѣдь вы же, надѣюсь, не станете преслѣдовать меня за это судомъ? — Я говорилъ и съ московскими специалистами, и со своимъ адвокатомъ; всѣ они единогласно утверждаютъ, что это вполне возможно, если заинтересованная сторона не возражаетъ, а заинтересованною стороною является тутъ только вы одна; они говорятъ, что консисторская практика сплошь и рядомъ знаетъ такіе примѣры и обыкновенно глядитъ сквозь пальцы, коль скоро заинтере-

сованная сторона молчитъ. Итакъ, *посчитайте* сами, я готовъ сдѣлать вамъ эту уступку.

— Благодарю васъ, — съ легкой ироніей поклонилась Ольга. — *Вы* готовы, но я, вотъ видите-ли, не готова къ положенію разводи и вовсе не желаю его.

— Однако же это необходимо! *C'est une necessité absolue!* — я не шучу, — такъ и подумайте же, не выгоднѣе ли вамъ воспользоваться всеми преимуществами нападающей стороны, чѣмъ нести всѣ послѣдствія обвиненной?

— Нѣтъ, графъ, никакой необходимости я въ этомъ не вижу, да и вамъ отъ души совѣтую бросить это пустое дѣло: обожжетесь!

— Съ такими доказательствами, какъ у меня въ карманѣ, — увѣренно похлопалъ онъ себя по лѣвому боку, — не обожгусь, сударыня!

— Это вы все насчетъ писемъ-то? — засмѣялась она.

— А хотя бы и такъ? — похвалился онъ вызывающимъ тономъ.

— Полноте, я уже сказала вамъ, что они никакого значенія не имѣютъ.

— Предоставьте мнѣ это лучше знать, Ольга Орестовна.

— Да притомъ же я увѣрена, — продолжала она, не безъ умысла вызнатъ, при себѣ ли у него эти письма, — я увѣрена, что все это только одни «страшные слова», — своего рода «жульель», которымъ вы пытаетесь запугать меня, для того, чтобы я, во избѣжаніе скандала, скорѣе сдалась на ваши условія, а въ дѣйствительности у васъ никакихъ писемъ нѣтъ, да и быть не можетъ, — откуда вамъ взять ихъ?

— Представьте, что есть, Ольга Орестовна, — есть, и съ этимъ сокровищемъ я даже никогда не расстаюсь, такъ при себѣ и ношу его, изъ опасенія, чтобы какъ-нибудь не пропало.

— Слова, слова и слова! — махнула она рукой. — И этимъ словамъ я не вѣрю.

— Ахъ повѣрите!.. Придется повѣрить, да жаль, что поздно будетъ.

Ольга отрицательно покачала головою.

— Ну, чѣмъ же увѣрить васъ? Хотите, покажу, пожалуй?

— Не покажете, графъ, потому что показать вамъ нечего.

— Вы такъ думаете? — Ну, такъ взгляните же и увѣрьтесь!

И видя, что она точно бы поддразниваетъ его и потому желая въ свою очередь поддразнить и ее, онъ досталъ изъ бокового кармана изящный бумажникъ и показалъ его Ольгѣ, но только паздалъ — «а то, неравно еще, какъ бы не вырвала».

— Вамъ знакома эта вещичка? — съ улыбкой спросилъ онъ. — Узнайте?

Ольга взглянулась и действительно узнала бумажникъ, подаренный ею Аполлону, но по наружности осталась совершенно равнодушна, что отчасти даже удивило графа, — «какъ! неужели никакого впечатлѣнія?»

— Ну-съ, а это изящное произведение узнаете? — продолжалъ онъ, раскрывъ бумажникъ и показывая внутреннюю его сторону, гдѣ была вставлена извѣстная карточка Ольги. — Я могу вамъ напомнить даже надпись, которую вы собственноручно изволили сдѣлать на оборотѣ: «*A mon bien-aimé Poupitchik ta fidèle Olga en souvenir du 17 octobre 1876*». — Довольно съ васъ этого?.. Теперь убѣдились? — спросилъ онъ въ заключеніе торжествующимъ тономъ и успѣшнѣе отправить бумажникъ обратно въ свой боковой карманъ, и даже застегнулся для пущей увѣренности.

— И все-таки, я повторяю вамъ то же, что и прежде, — спокойно и увѣренно начала послѣ этого Ольга, — бросьте это пустое дѣло, обожаетесь!

— Да откуда, наконецъ, у васъ такая непоколебимая увѣренность? — воскликнулъ Каржоль съ удивленіемъ и даже досадою въ душѣ, что весь экспериментъ его съ бумажникомъ не произвелъ рѣшительно никакого эффекта. А онъ такъ разсчитывалъ именно на этотъ эффектъ, и для того даже нарочно захватилъ свое «сокровище» съ собою.

— Моя увѣренность, — продолжала она тѣмъ же невозмутимо спокойнымъ тономъ, глядя ему прямо въ глаза, — моя увѣренность основана, во-первыхъ, на томъ, что у меня больше средствъ, чѣмъ у васъ, и потому я могу перекушать всѣхъ вашихъ адвокатовъ; во-вторыхъ, на томъ, что за мною стоятъ слишкомъ сильные и высокопоставленные люди, съ которыми бороться вамъ не по плечу, а въ-третьихъ, стоять лишь мнѣ захотѣтъ, — и вы завтра же будете высланы изъ Петербурга съ жандармами. Не угодно ли начинать тогда процессъ изъ какого-нибудь Холмогорска?

— Ну, теперь уже ~~вы~~ начинаете, кажется, грозить мнѣ «жупеломъ», — небрежно усмѣхнулся графъ, хотя у самого внутри немножко таки ёкнуло, — «а чѣмъ, молъ, чортъ не шутить!» — Съ жандармами высылаютъ людей не такъ легко, какъ кажется, — продолжалъ онъ, — а меня къ тому же и не за что. Что же касается до высокопоставленныхъ людей, то они тутъ, полагаю, не причемъ и въ семейное дѣло путаться не станутъ, а что до моихъ средствъ, то вѣдь вы ихъ въ моемъ карманѣ не считали и, наконецъ, не всѣ адвокаты продажны.

— А, если такъ, оставайтесь при вашей увѣренности, и посмотримъ, чья возьметъ! — тономъ холодной и нѣсколько загадочной угрозы замѣтила Ольга.

— Ну, послушайте, будемте говорить, какъ

друзья! — предложилъ ей вдругъ Каржоль рѣшительнымъ и самымъ искреннимъ образомъ. — Скажите откровенно, что вы хотите за разводъ?.. Дайте мнѣ возможность жениться на Тамарѣ, и я охотно выдамъ вамъ за это формальное обязательство на себя — ну, во сколько вы желали бы?.. Хотите сто тысячъ? Я вамъ черезъ часъ привезу вексель.

— Слишкомъ дешево пѣните, графъ, мою репутацію, — улыбнулась Ольга.

— Ну, виновать, — хотите двѣсти?.. Двѣсти тысячъ, — вѣдь это кушъ, предѣлъ мечтаній столькихъ обладателей выигрышныхъ билетовъ!.. Подумайте!.. И за такой пустякъ, какъ поднять противъ меня дѣло, гдѣ вы ужъ нисколько не рискуете своею репутаціей!.. Ольга Орестовна, — совсѣмъ уже дружески и даже задушевно продолжалъ онъ, протягивая ей обѣ руки, — ударимте по рукамъ на двухстахъ и останемтесь друзьями!.. Я выдамъ вамъ два векселя по сту тысячъ, срокомъ на полтора года, и по окончаніи процесса за Тамарию наслѣдство вы сейчасъ же получаете эти деньги. Согласны?

— Вы, графъ, однако, продаете шкуру медвѣдя, еще не убивъ его, — напоминала она не въ мѣру увлечемому собесѣднику. — Позвольте же васъ увѣрить, что вамъ никогда — понимаете ли, — *никогда* не убить его! Повторяю еще разъ, Тамара не пойдетъ за васъ.

— Ну, ужъ позвольте мнѣ это лучше знать! — подфыркнулъ онъ самоувереннымъ тономъ.

— Ничего вы не знаете и знать не хотите, а потому, я вижу, разговаривать съ вами объ этомъ, — только слова терять по-пустому!

— Но нѣтъ, позвольте, я вамъ представлю всѣ доводы, — горячо настаивалъ Каржоль. — Я разовью предъ вами цѣлую картину положенія, и вы тогда сами согласитесь, что я...

Но онъ не успѣлъ еще досказать своей фразы, какъ Ольга, взглянувъ мимо его головы по направлению къ дверямъ, моментально изобразила на своемъ лицѣ какъ бы неожиданно удивленную улыбку и привѣтливо привстала кому-то на встрѣчу. Онъ обернулся и недоумѣвая, кто-бы это могъ такъ не кстати помѣшать ихъ интересному объясненію, увидѣлъ какую-то женскую фигуру, которая неслышными шагами приближалась къ Ольгѣ по мягкому ковру гостиной. Но еще одно мгновеніе — и графъ отънялъ отъ ужаса.

Мимо него, какъ бы не замѣчая его присутствія, прошла Тамара.

XVII.

Атакованъ.

Сначала онъ просто не узналъ ее, — до такой степени, на его взглядъ, измѣнилось ея лицо, его выраженіе и весь характеръ. Въ этомъ

лицѣ явился отблескъ какой-то серьезной и строгой мысли, на немъ легла печать сильной, но сдержаной, самообладающей воли, въ каждой чертѣ сказывался особенный нравственный закъ, — словомъ, одухотворилось нѣчто такое, чего и тѣмъ не было прежде. Она точно бы выросла и окрѣпла за это время, что они не видѣлись, и стала еще красивѣе.

Къ удивленію графа; бывшія подруги, какъ ни въ чемъ не бывало, расцѣловались между собою самымъ дружескимъ образомъ, и вслѣдъ за тѣмъ, Ольга, указывая на него, проговорила веселымъ, но полнымъ пропіи, тономъ:

— Позволь, мой другъ, представить тебѣ моего мужа, а твоего жениха. Что, графъ, не ожидали такой встрѣчи?

Тамара, ничего не промолвивъ на это представленіе, только окинула графа холодно равнодушнымъ взглядомъ, въ которомъ Каржолу инстинктивно показалось, что между нимъ и ею какъ будто все уже кончено. Неужели это такъ, въ самомъ дѣлѣ? Ему бы лучше хотѣлось, чтобъ этотъ взглядъ металъ на него молвіи гнѣва, горѣлъ бы ненавистью, пускай даже презрѣніемъ къ нему, — это все же выражало бы хоть какое-нибудь чувство, хоть малѣйшую связь съ прошлымъ, которое авось-либо можно бы было и возстановить со-временемъ; но такое леденящее безразличное равнодушіе, — оно ужасно, и его никакъ не ожидалъ онъ отъ Тамары. Ея внезапное появленіе, затѣмъ Ольгина рекомендація его въ качествѣ «мужа и жениха» и, наконецъ, этотъ покончившій его взглядъ, — все это такъ ошеломило графа, что онъ окончательно растерялся, и даже до такой степени, что совсѣмъ не кстатъ отвѣтилъ на взглядъ Тамары глупымъ поклономъ, сопроводивъ его, еще того глупѣе, натынуто приятною, салонною улыбкой, которая такъ и осталась на его обезмыслившемся лицѣ.

— А мы только-что ризы твои дѣлили, — весело заявила Ольга Тамарѣ.

— Ризы? — повторила та, не понимая, что хочетъ сказать этимъ ея подруга.

— Да, ризы! Представь себѣ, — продолжала Ольга все тѣмъ же смѣющимся, весело злораднымъ и довольнымъ тономъ, — Графъ предлагаетъ мнѣ за согласіе на разводъ... Какъ ты думаешь, что? — двѣсти тысячъ рублей! *Ni plus, ni moins!*.. Но ты думаешь, это онъ изъ своихъ денегъ? — Нѣтъ, мой другъ, изъ твоихъ, изъ твоего личнаго наслѣдства, которое онъ рассчитываетъ женившись оттягать у дѣдушки. И знаешь, — въ похвалу ему будь сказано, — даже выказалъ при этомъ примѣрную заботливость о твоихъ интересахъ, — ей-Богу! — Сначала было поприжался и предложилъ только сто, но видя, я не соблазняюсь, — нечего дѣлать, накинулъ еще сто, даже черезъ часъ велѣлъ привезти предлагалъ. Видишь, какой онъ у насъ расчетливый, экономный, и какъ

это много общается для супружеской жизни!.. Что жъ вы стоите, графъ? — Садитесь!

Но графъ стоялъ по-прежнему въ невозможномъ положеніи, дуракъ дуракомъ, то блѣднѣя отъ внутренняго ужаса, то вспыхивая краской смущенія отъ безпопандной откровенности Ольги, каждое слово которой точно бы рѣзало его на части. Не находя въ замѣнательствѣ, куда дѣвать свои глаза и руки, онъ только время отъ времени нервно подрягивалъ въ колѣнѣ ногою да дробно притоптывалъ носкомъ сапога по полу, въ желаніи заглушить этимъ чувство нравственной боли, похожее на то, какъ будто его сѣкутъ или живьемъ на сковородкѣ поджариваютъ.

— Прежде чѣмъ сказать вамъ что-либо, — серьезно и сухо обратилась наконецъ къ нему Тамара, — позвольте васъ спросить, что сдѣлали вы съ письмами, которые я довѣрила вамъ переслать къ Ольгѣ?

Каржоль почувствовалъ, что настаетъ рѣшительная минута, для которой ему необходимо собрать все свое самообладаніе и проявить хоть какое-нибудь личное достоинство, — пускай фальшивое, пускай даже безстыжее, но достоинство, чтобы хоть этимъ спасти себя въ глазахъ Тамары, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть можетъ, спасти и послѣднюю, слабую нить надежды на примиреніе съ нею.

— Я... я ихъ препроводилъ... то-есть впововать, не то... Я не то хотѣлъ сказать, — заговорилъ онъ, не зная еще, что отвѣчать ей, но стараясь въ то же время сколько-нибудь овладѣть собою, встряхнуться, подбодриться и взять прилично независимую ноту. — Письма эти, — продолжалъ графъ, — выпрямляясь грудью впередъ, съ достоинствомъ свѣтскаго человѣка, и заложивъ, «*par contenance*», руку за бортъ своего застѣгнутаго парижскаго сюртука, — письма эти... Видите ли, если вамъ угодно будетъ удѣлить мнѣ полчаса на откровенный разговоръ *entre quatre yeux*, я вамъ все объясню и... смѣю думать, вы не бросите въ меня камень, когда все узнаете.

— Я желаю только знать, гдѣ эти письма? — повторила еще настойчивѣе Тамара.

— Письма у меня, положимъ, но... мнѣ необходимо прежде объяснить вамъ...

— У васъ? — персбила его дѣвушка. — Въ такомъ случаѣ, возвратите мнѣ ихъ сейчасъ же.

— Письма, можете быть увѣрены, — съ достоинствомъ заявилъ Каржоль, — будутъ возвращены по принадлежности; я прошу васъ не сомнѣваться въ этомъ.

— Они должны быть возвращены *мнѣ*, немедленно же я этого требую! — настойчиво и властно подтвердила Тамара.

— Къ сожалѣнію, — возразилъ графъ окончательно закутываясь во все неприступное величіе своего достоинства, — при всемъ жела-

ни сдѣлать вамъ удобное, я не въ состояніи исполнить это сейчасъ же: они еще нужны мнѣ, и повторяю вамъ снова, что если вы удѣлите мнѣ хоть полчаса для откровеннаго разговора, то сами придете къ убѣжденію, что я правъ, поступая такимъ образомъ... Вы сами первая пожалѣли бы, если бъ я отдалъ эти письма теперь же... Умоляю васъ, Тамара, прежде всего объясниться со мною!

Но на дѣвушку ни мало не подѣйствовали эти горячо и столь благородно произнесенныя фразы, хотя, возвративъ себѣ свое самообладаніе, Каржоль и рассчитывалъ поколебать ими въ свою пользу Тамару.

— Если въ васъ остается хоть капля совѣсти и чести,—заговорила она тѣмъ же ледянымъ тономъ,—вы сію же минуту отдайте ихъ мнѣ, изъ рукъ въ руки,—понимаете?—Я напонию вамъ, графъ, о вашей чести.

Напрасно, милая! не возвратитъ!—вмѣшалась въ разговоръ Ольга.—Они нужны ему для развода, какъ доказательство моей будто бы вѣрности.

— Vous l'avez dit, madame!—съ отрывистою галантною сдѣлалъ ей графъ комплиментное движеніе рукой и корпусомъ, какъ бы отдавая этимъ полную справедливость ея словамъ, и затѣмъ обратился къ Тамарѣ:

— Ольга Орестовна отчасти облегчила мнѣ задачу, потрудившись объяснить вамъ за меня, для чего собственно нужны мнѣ ея письма,—сказалъ онъ.—Противъ этого объясненія я ничего не имѣю, хотя многое могъ бы къ нему еще добавить, что, надѣюсь, окончательно оправдало бы меня въ вашихъ глазахъ, но во всякомъ случаѣ, могу дать вамъ слово, что по минованіи надобности, письма тотчасъ же будутъ возвращены ей, выѣтъ съ бумажникомъ и прочимъ.

— А, такъ?!—выступила впередъ Ольга.—По минованіи надобности?—Ну, такъ знайте же, милостивый государь!—обратилась она къ нему рѣшительно и вѣско.—Бумажникъ, который вы мнѣ сейчасъ показывали, былъ подаренъ мною вовсе не Пупу, и я не знаю, на какихъ основаніяхъ угодно вамъ утверждать противное.

Каржоль выпучилъ на нее удивленные глаза, недоумѣвалъ, къ чему бы могъ клониться этотъ странный изворотъ его супруга.

— Не Пупу?—проговорилъ онъ. — Такъ кому же?

— Вамъ!

— Мнѣ?!

— Да вамъ!—увѣренно и смѣло бросила она ему это слово, глядя прямо въ глаза съ такою твердою наглостью, которая изумила самого Каржоля.—Бумажникъ былъ подаренъ мною вамъ самимъ, на память,—продолжала Ольга тѣмъ же твердо убѣжденнымъ, доказа-

тельнымъ тономъ.—Карточка моя нарочно снята мною для васъ же, по вашему собственному желанію,—да иначе, какъ для мужей, такіе карточки и не снимаются. Надпись на ней посвящена мною вамъ же, въ память дня нашей свадьбы,—понимаете?—и письма всѣ писаны тоже къ вамъ, какъ мужу, уже послѣ нашего брака. Попытайтесь-ка доказать мнѣ противное!

Такой неожиданный оборотъ дѣла совершенно огорчилъ Каржоля, такъ что онъ даже ободился въ душѣ, но все-таки постарался выдержать свое напускное наружное спокойствіе, сознавая, что оно болѣе всего необходимо ему въ такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ.

— Trop d'honneur, madame, trop d'honneur!—иронически поклонился онъ ей.—Но вы забываете одно: въ этихъ письмахъ я нигдѣ не названъ по имени,—тамъ вездѣ стоитъ или «mon Apollon», или «mon Poupchik», а меня, кажется, зовутъ Валентиномъ, если вамъ угодно вспомнить.

Нѣтъ письма писаны къ вамъ, къ вамъ, милостивый государь, и ни къ кому другому!—съ настойчивымъ убѣжденіемъ подтвердила Ольга.—«Poupchik», это именно вы,—вы мой Пупчикъ.. «mon Apollon» c'est de même vous, monsieur!—Кому жъ не извѣстно, что нѣжныя супруги сплошь и рядомъ даютъ другъ другу разные уменьшительныя клички? Ну, мнѣ пришла фантазія звать васъ Пупчикомъ,—почему бы нѣтъ?—это такая распространенная кличка! И что-жъ тутъ удивительнаго, если я употребляла это ласкательное словцо и въ нашей интимной перепискѣ?!—Самое естественное дѣло!.. Точно такъ же, въ переносномъ смыслѣ, я могла величать васъ и олимпійскимъ богомъ,—«mon Apollon, mon idole; mon dieu»,—est-ce qu'un homme aussi beau, que vous ne pourrait être baptisé d'un nom pareil?

И откинувшись слегка назадъ, она остановилась въ нѣсколько театальной позѣ, съ указующимъ на него жестомъ простертой впередъ руки.

Каржоль чувствовалъ, что это съ ея стороны не болѣе, какъ буфонада, самая изыскательная насмѣшка, заранѣе торжествующее надъ нимъ издѣвательство, и въ то же время онъ понималъ, что наглое объясненіе, изворотливо приданное Ольгой ея письмамъ, не только низводитъ ихъ кривянальное значеніе до нуля, но и самого его можетъ поставить предъ судомъ въ крайне глупое, смѣшное и нравственно даже некрасивое положеніе! Однако же, несмотря на это, графъ и тутъ не воздержался отъ послѣдней попытки увернуться изъ-подъ ея неожиданнаго ловкаго удара, хотя попытка эта моментально вспыхнула въ немъ чисто рефлективнымъ образомъ, не столько изъ-за какихъ-либо дальнѣйшихъ видовъ на Тамару, сколько

изъ злости противъ Ольги, чтобы хоть чѣмъ ни-на-есть досадить и отомстить ей за ея издѣвательства и тѣмъ поддержать, хотя бы по вѣишности, предъ ней и Тамарой свое шельмуемое личное достоинство.

— Все это, можетъ быть, очень остроумно, — иронически согласился онъ, стараясь дѣлать, какъ говорится, *bonne mine à mauvais jeu*, межъ-тѣмъ какъ нижняя губа его уже дрожала отъ внутренняго волненія и мускулы лица начинали подергиваться порою нервною судорогой, въ видѣ не то гримасы, не то улыбки. — Пусть такъ, но вы не разочия однако того, что я могу фактически доказать, какъ поручикъ Аполлонъ Пуупъ былъ доставленъ мною 31 августа въ радишевскій госпиталь и сданъ на руки сестръ Тамарѣ, какъ затѣмъ я присутствовалъ на его похоронахъ, и какъ она вручала мнѣ при этомъ его бумажникъ. На все на это найдутся свидѣтели-очевидцы — ихъ можно будетъ разыскать — в изъ нихъ я прежде всего могъ бы указать на самое же госпожу Бендавидъ, да и смерть поручика Пуупа, конечно, занѣсена въ регистры госпиталя.

— А, вы намѣрены выставить свидѣтельницей Тамару? — съ живостью подхватила Ольга. — Хорошо-съ!.. А если эта свидѣтельница, — размыренно продолжала она съ коварною вѣскостью, дружески обнявъ и кладя на ея плечо руку, — если эта свидѣтельница скажетъ, что предсмертная воля поручика Пуупа заключалась только въ томъ, чтобы переслать въ полкъ оставшіеся у него пятнадцать золотыхъ, для раздачи людямъ его взвода, и что она исполнила эту волю, немедленно же передавъ кошелекъ начальнику общины, которая, конечно, тоже не откажется подтвердить этотъ фактъ, въ случаѣ надобности, но что никакого бумажника съ письмами покойника ей не оставляя и ничего больше не поручалъ?.. Ну-съ, какъ же тогда будетъ?

Графъ пытливо взглянулъ на Тамару, желая прочесть въ ея лицѣ — точно ли она въ состоянн сдѣлать это? И неужели обѣ онѣ обо всемъ уже переговорили и окончательно стакнулись между собою? Неужели онъ не обманулся въ роковомъ для себя значенн того убійственнаго взгляда Тамары, которымъ обдала она его сегодня при встрѣчѣ, и точно ли въ ней взаправду исчезла-последняя искорка тепла, добраго чувства къ нему, и онъ не встрѣтитъ въ ней больше никакого участія, ни малѣйшей поддержки себѣ? Но лицо дѣвушки оставалось все такъ же холодно и строго, — оно даже поразило его своимъ безстрастнымъ равнодушіемъ. И что за странное молчаніе съ ея стороны?! Этимъ своимъ молчаніемъ она какъ-будто соглашается съ Ольгой, она не протестуетъ, она тоже противъ него, она — его врагъ, союзница его

супруги... Господа! да гдѣ же прежняя Тамира?! Гдѣ она?..

— Что же вы замолчали, графъ? — ядовито обратилась къ нему Ольга, какъ бы поджигая и дразня его. — Я васъ спрашиваю, какъ же будетъ, если вы карветесь на такое заявленіе вашей свидѣльницы? — признаюсь, мнѣ очень любопытно.

— Погодите торжествовать, сударыня! — съ ѣдкою горечью, но уже замѣтно спустивши тонъ, возразилъ ей Каржоль, побуждаемый, однако, все тѣмъ же чувствомъ злобной досады и желаніемъ отмстить ей за всѣ ея издѣвательства. — Погодите!.. Покойникъ могъ передать мнѣ письма и ранѣе, хотя бы въ то еще время, какъ я везъ его въ госпиталь.

— Ахъ, такъ?

— Да, онъ мнѣ передалъ ихъ вмѣстѣ съ бумажникомъ на дорогѣ, иронически подтвердилъ ей графъ въ ея же увѣренномъ тонѣ.

— Да?.. Ну, въ такомъ случаѣ, я стою на прежнемъ и утверждаю, что письма писаны не къ нему, а къ вамъ, — окончательно порѣшила Ольга. — Показаніе ваше совершенно голословно, и никакіе ваши адвокаты свидѣтелей къ нему не подыщутъ!.. И вы — вы, столь «обождаемый супругъ», безъ стыда и совѣсти рѣшитесь воспользоваться самыми заветными письмами своей жены, писанными къ вамъ въ самомъ разгарѣ ея любви, чтобы извратить ихъ въ доказательство ея мнимой невѣрности!.. Ха, ха, ха!.. Попытайтесь-ка сдѣлать это, рыцарь безъ страха и упрека! — Да вы себя шлепнете въ общественномъ мнѣніи такъ, что вамъ никогда уже не смыть позора этого чудовишнаго поступка! Всѣ порядочные люди будутъ за меня, вся печать закричать объ этомъ!.. Попытайтесь!

Каржоль, какъ затравленный заяцъ, безсильно поникъ, наконецъ, головою и туло глядѣлъ въ землю, опершись руками на спинку легкаго золоченаго стула.

Нѣсколько мгновеній прошло въ молчанн, исполненномъ побѣдоноснаго торжества для Ольги и тяжкой удрученности для окончательно разбитаго Каржоля. Битва, очевидно, была имъ проиграна. Последняя надежда на Тамару исчезла, и онъ убѣдился наконецъ въ истинѣ, которой упорно не хотѣлъ повѣрить до последней минуты: теперь уже ясно, что прежней любви не осталось въ Тамарѣ и тѣни, что онъ для нея уже совершенное ничто, и никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не воскреснетъ въ ея сердцѣ. Изъ-за чего жъ ему, въ такомъ случаѣ, городить весь этотъ огородъ, строить всѣ эти сложныя машинны, бороться, добиваться развода, стремиться къ невозможному?.. Къ чему, когда все уже кончено, все рушилось, все лопнуло, какъ мыльный пузырь? — Не стоитъ!.. Да и въ немъ самомъ нѣтъ больше ни прежней энергіи, ни

охоты продолжать эту борьбу. разъ уже имъ сознана вся ея безцѣльность. Онъ усталъ наконецъ, измочалился, истрепался весь въ этой лихорадочной суетѣ, и теперь ему хотѣлось бы только успокоиться и забыться. — «И вотъ вамъ женщины! Вѣрь въ нихъ послѣ этого!» — А ужъ онъ ли не вѣрилъ въ любовь Тамары! Онъ ли не дѣлалъ все, чтобъ эта любовь ея увѣчалась наконецъ полнымъ счастьемъ!.. И вотъ благодарности!

Общее тяжелое молчаніе было наконецъ прервано Тамарой.

— И такъ, графъ? — обратилась она къ Каржолу все тѣмъ же ледянымъ тономъ, — спрашиваю въ послѣдній разъ, угодно вамъ возвратитъ мнѣ письма?

Онъ точно бы очнулся при этомъ вопросѣ, безмысленно какъ-то посмотрѣлъ ей въ лицо и затѣмъ молча досталъ изъ бокового кармана бумажникъ и молча вручилъ его Тамарѣ.

— Возвращаю тебѣ по принадлежности, — передала она его Ольгѣ. — Посмотри, все ли? — я его никогда не раскрывала и не знаю, что тамъ такое.

Ольга наскоро пересчитала и проверила всѣ письма и записочки и, уложивъ ихъ опять въ бумажникъ, немедленно же опустила его къ себѣ въ карманъ.

— Все, кажись, въ цѣлости, — успокоительно заявила она Тамарѣ.

— Очень рада! — отозвалась дѣвушка. — Прости еще разъ мою вину и прощай, дорогая!

— Куда же ты? — встрепнулась Ольга. — Останься, пообедаемъ вмѣстѣ!.. Успѣешь еще!

— Некогда, милая, послѣ завтра уже ѣду. Надо сдѣлать еще кое-какія покупки, приготовить, — хлопотъ полно руки!..

— Развѣ ты уже покончила? — удивилась Ольга. — Такъ скоро?

— Все, все уже! И готовый контрактъ подписала, и подѣльныя получила — у нихъ это живо! Да и чего же медлить? — чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше!

— Ну прощай!.. Сердечное спасибо за услугу!

И Ольга отъ души расцѣловалась съ нею, на этотъ разъ уже вполне искренно и съ неподдѣльнымъ благодарнымъ чувствомъ.

— А вамъ, графъ, скажу одно, — спокойно и беззлобно обратилась Тамара къ Каржолу. — Упрекать васъ пришлось бы слишкомъ много и за многое!.. поэтому я предпочитаю вовсе не дѣлать никакихъ упрековъ, — Богъ вамъ судья!

— Но я любилъ васъ, Тамара! — патетически и даже со слезами въ голосѣ воскликнулъ вдругъ Каржолъ, которому ея смягчившійся нѣсколько тономъ сейчасъ же подаль поводъ возстановить хоть сколько-нибудь въ ея глазахъ свой нравственный обликъ. «И въ самомъ дѣлѣ, подумалось вдругъ ему, если

ужъ Ольга такъ его презираетъ, то пускай хоть Тамара не думаетъ о немъ такъ дурно, тѣмъ болѣе, что онъ вовсе не такъ черенъ душою, какъ имъ кажется, благодаря этому несчастному стеченію независимыхъ отъ него обстоятельствъ. По совѣсти же, онъ себя, ей-Богу, ни въ чемъ обвинить не можетъ!»

— Любили? — горько усмѣхнулась дѣвушка на его возгласъ. — Это, однако, не мѣшало вамъ любить и разныхъ Маріуцъ въ то же время, — потеря, стало быть, не особенно велика для васъ.

При имени Маріуцы Каржолъ вдругъ вздрогнулъ, и лицо его вспыхнуло краской смущенія. — «Какъ! неужели она и про Маріуцу знаетъ?!» — Этого послѣдняго удара графъ никакъ уже не чаалъ, и онъ поневолѣ заставилъ его въ душѣ сознаться самому себѣ, что отношеніи его къ Маріуцѣ, про которыя онъ какъ-то совѣмъ позабылъ теперь, не придавая имъ особеннаго значенія, дѣлаютъ его, пожалуй, нѣсколько виноватымъ передъ Тамарой, но не на столько, однако, чтобы онъ никогда уже не могъ подняться на ея, ни въ своихъ собственныхъ глазахъ, потому что Маріуца, въ сущности, совершенный пустякъ и не стоитъ даже серьезнаго разговора.

— Не презирайте меня, по крайней мѣрѣ! — продолжалъ онъ въ томъ же патетическомъ родѣ, но уже упавшимъ голосомъ. — Время, быть можетъ, оправдаетъ меня и докажетъ вамъ, что я не такъ виноватъ, какъ кажется, — я только несчастенъ!.. Сами обстоятельства такъ саггались, а я!.. Неудачникъ я, — вотъ въ чемъ вина моя!..

Онъ невольно расчувствовался при этомъ самъ надъ собою, и на глазахъ его вдругъ показались крупныя слезы.

— Да, я несчастенъ, Тамара, глубоко несчастенъ, — вѣрьте мнѣ хоть въ этомъ!.. Хотя этимъ слезамъ моимъ повѣрьте — онѣ искренны! — говорилъ онъ, чувствуя себя въ самомъ дѣлѣ несчастнымъ, незаслуженно гонимымъ человекомъ, у котораго все, все уже огнято и все потеряно.

— Ни презирать васъ, ни помнить на васъ зла я не стану, — продолжала дѣвушка. — Я помню, что, благодаря вамъ, стала христіанкой, хотя, конечно, вы и сами не могли предвидѣть, къ чему оно приведетъ!.. Но, во всякомъ случаѣ, спасибо вамъ за это и!.. на этомъ и кончите!

— Нѣтъ! дайте мнѣ возможность оправдаться передъ вами! — съ новымъ жаромъ воскликнулъ Каржолъ. — Позвольте мнѣ хоть написать къ вамъ! Умоляю васъ!..

— Лишнее, графъ, — я ни въ чемъ не обвиняю васъ болѣе. Поблагодаримъ лучше Бога, что все кончилось такъ, какъ теперь: оно лучше и для васъ, и для меня, повѣрьте!.. Одно скажу: постарайтесь поскорѣе вычеркнуть

меня изъ вашей памяти, какъ и я, въ свой чередъ, постараюсь забыть васъ. Прощайте!

И Тамара, пожавъ еще разъ руку Ольги, удалилась изъ гостиной, повидному, такъ же спокойно, какъ и вошла въ нее.

XLIII.

Прелиминары и капитуляція.

Вслѣдъ за ней и Каржоль взялся-было за шляпу.

— Куда же вы, графъ?... Оставайтесь, мнѣ еще надо поговорить съ вами, — довольно любезно предложила ему Ольга.

— О чемъ говорить намъ больше! — съ горькой усмѣшкой пожалъ онъ плечами.

— Какъ знать. — Можетъ быть, до чего-нибудь и договоримся, — отчасти загадочно улыбнулась она, опускаясь въ кресло. — Присядьте и постарайтесь спокойно выслушать и взвѣснить то, что я скажу вамъ.

Онъ молча покорился ея предложенію и сѣлъ, все съ тѣмъ же удрученно усталымъ, апатичнымъ видомъ, который, казалось, говорилъ: все равно ужъ, какъ ни бей, больнѣе не ударишь!

— Надѣюсь, — начала Ольга, — теперь вы убѣдились окончательно, что Тамара для васъ потеряна?

— Къ несчастію! — согласился графъ со вздохомъ.

— А можетъ, и къ счастью, напротивъ. Почему знать! — возразила она съ тою же загадочной улыбкой. — Вы другъ другу не пара, это ясно, я миллионъ ей вамъ, все равно, не выдать, какъ ушей своихъ, хоть бы вы на ней и женились. Но, по крайней мѣрѣ, теперь вы видите, что я была права, когда убѣждала васъ бросить эту нелѣпую вашу затѣю съ разводомъ?

— Можетъ быть, — уклончиво согласился графъ.

— Да не «можетъ быть», а такъ! Это вѣрно! — подтвердила Ольга такимъ тономъ, какъ будто желала внушить Каржолу, — ты, молъ, батюшка, не вилай, меня не проведешь, да и не къ чему! — Ну, и что же? — спросила она, — намѣрены вы продолжать еще дѣло?

— Н...не знаю, право. Я ничего еще не рѣшилъ себѣ.

— Такъ хотите, я рѣшу за васъ?

— То-есть, какъ это? — взглянулъ на нее графъ съ недоумѣніемъ.

— А такъ, что всю эту глупость надо бросить сейчасъ же, понимаете? — немедленно! — авторитетно и рѣшительно, какъ бы тономъ приказанія, сказала Ольга.

— И что жъ затѣмъ?

— А затѣмъ, взаимнѣе развода, я имѣю предложить вамъ нѣчто такое, что — надѣюсь — устроитъ васъ несравненно лучше.

Каржоль тотчасъ же поднялъ голову и, какъ лягавый песъ, насторожилъ уши.

— Прежде всего, — начала она, — скажите мнѣ откровенно, неужели вамъ не надоело это вѣчное мыканье по свѣту, въ погонѣ за каковыми-то призраками и фантазіями, которыя никакъ не даются вамъ въ руки? Неужели вы еще не устали, не разочаровались? Или жизнь не достаточно еще васъ любила и проучила?

— Къ чему вы меня спрашиваете объ этомъ? — проговорилъ онъ съ горечью и грустью.

— Къ тому, что смотря по вашему «да» или «нѣтъ», я буду знать, стоитъ ли предлагать вамъ то, что я думаю.

— Что жъ отвѣчать вамъ на это? — пожалъ графъ плечами. — Мнѣ кажется, отвѣтомъ можетъ служить та сцена, свидѣтельницаю которой вы сами только-что были. — *Est-ce que vous n'êtes pas encore persuadé que j'ai perdu le combat et que je suis vaincu?*

— Да, я это видѣла и даже «пред-видѣла». Стало быть, вы сдаетесь?

— Что жъ еще остается мнѣ?! — печально усмѣхнулся онъ, склоняя голову.

— Думаю, что ничего больше. И это, съ вашей стороны, совершенно искренно?

— Полагаю, лгать мнѣ болѣе нѣтъ нужды, и наконецъ, письма у васъ въ карманѣ, — это вамъ лучшее доказательство.

— Правда и то, — согласилась Ольга. — Въ такомъ случаѣ, и я буду съ вами откровенна. Видите ли, въ чемъ дѣло...

И на минутку она приостановилась, соображая про-себя, съ чего бы начать половчѣе, но тутъ же рѣшила себѣ, что лучшимъ дипломатическимъ приемомъ въ данномъ случаѣ будетъ плата за откровенность — откровенностью, тѣмъ болѣе, что въ случаѣ упорства или отказа съ его стороны, у нея есть еще въ запасѣ одна существенная угроза.

— Вотъ уже два года, что я замужемъ, и живу на положеніи какой-то соломенной вдовы, — серьезно начала Ольга. — Не скрою, положеніе это довольно-таки странное, двусмысленное, — для меня, по крайней мѣрѣ. По моимъ дѣламъ и отношеніямъ, мнѣ совсѣмъ не удобно, чтобы въ свѣтѣ смотрѣли на меня, какъ на какую-то не то разводку, не то сепаратку... Я вовсе не желаю, чтобы на вопросъ обо мнѣ, какая-нибудь графиня Дора или княгиня Зина, которыя нисколько не лучше меня, подымали носъ и дѣлали сомнительную гримаску, или сухо отвѣчали бы «je ne la connais pas». Такимъ положеніемъ можетъ бравировать какая-нибудь авантюрька или кокетка, но я ни то, ни другое, и для меня оно неудобно. Разъ, что я ношу имя, которое даетъ мнѣ право на извѣстное положеніе въ обществѣ, я желаю, чтобы всѣ двери этого общества были открыты мнѣ, на правахъ равной. Мнѣ такъ нужно, — у меня есть свои виды и цѣли, которыя,

по моимъ соображеніямъ, требуютъ этого, и если разные свѣтскіе и сановные мужья у моихъ ногъ, то этого мнѣ еще не достаточно. я желаю, чтобъ и ихъ жены отъ меня не отворачивались.. Какъ видите, я высказывалась предъ вами довольно откровенно?—улыбнулась ему Ольга съ кокетливо подкупающей граціей.

— Кажется,—согласился графъ безразличнымъ тономъ, думая про себя: къ чему это она клонить, однако?

— Помнится мнѣ,—продолжала Ольга,—что въ день нашей свадьбы, вы, послѣ вѣнца, предлагали мнѣ забыть все прошлое, все горькое и начать новую жизнь вмѣстѣ, какъ слѣдуетъ... Если помните, я не отвергла вашего предложенія безусловно, но тогда оно казалось мнѣ несвоевременнымъ... Мнѣ думалось, что надо прежде дать всему улежаться, успокоиться, придти въ себя, даже провѣрять самихъ себя, а для всего этого нужно было время, и я отвѣчала вамъ, что пусть пройдетъ годъ, другой, и тогда мы посмотримъ... не такъ ли?

— Да, я искренно предлагалъ вамъ это,—согласился графъ,—но вы-то, искренно ли вы давали мнѣ взамѣнъ эту отсрочку?..

— Я не совсѣмъ понимаю вашъ вопросъ,—слегка нахмурясь, заявила ему Ольга.

— Ces malheureuses lettres, qui sont là, dans votre poche, madame, vous l'expliqueront bien ce que je veux dire!—пояснилъ онъ ей съ выразительною горечью.

Лицо Ольги передернулось досадливою гримаской.

— Оставьте наше прошлое!—предложила она. — Ни вамъ до моего, ни мнѣ до вашего нѣтъ дѣла!.. Я васъ не спрашиваю, какъ жили вы и что дѣлали за это время,—надѣюсь, чувство деликатности и вамъ должно подсказать то же самое.

Каржоль молча поклонился въ знакъ согласія. Разъ, что зываютъ къ чувству его деликатности, можетъ ли онъ не согласиться!

— И такъ,—продолжала она,—два года назадъ, я предоставила нашъ супружескій вопросъ времени. Теперь, мнѣ кажется, время это наступило. Мнѣ надобно жить въ фальшивомъ положеніи, мнѣ—повторяю вамъ—это не удобно по многимъ причинамъ и многому мѣшаетъ... а потому теперь уже я сама, въ свой чередъ, спрошу васъ, угодно вамъ жить со мною на тѣхъ условіяхъ, какія я вамъ сейчасъ предложу? И если да, то эту «новую жизнь» мы можемъ начать немедленно.

— Надо знать ваши условія, графиня.

— Ah, merci bien! Вы въ первый разъ еще, вмѣсто «сударыни», удостоили назвать меня «графиней».—Принимаю къ свѣдѣнію, зымѣтля Ольга въ видѣ любезной шутки, но не безъ колкой ироніи. — И такъ, — продолжала она, — мои условія вотъ въ чемъ: для свѣта, для общества, partout et pour tous, вы—мой

законный мужъ и сожитель; это ваша общественная роль,—понимаете?... До вашихъ будущихъ грѣшковъ, de vos petits amours мнѣ нѣтъ дѣла, я охотно буду смотрѣть на нихъ сквозь пальцы, но при одномъ лишь условіи, чтобъ вы не слишкомъ афишировались ими: les convenances et les apparences avant tout, это помните. Наша супружеская вѣнчанность въ глазахъ свѣта должна быть если не безупречной, то, по крайней мѣрѣ, не подавать поводовъ ни къ какимъ лишнимъ толкамъ и пересудамъ. Это должно быть совершенно приличное супружество, — мнѣ такъ нужно. Въ состояніи вы выполнить такое условіе?

— Въ немъ нѣтъ ничего труднаго,—согласился графъ.

— Прекрасно, въ такомъ случаѣ, я принимаю васъ къ себѣ на житье. Моя квартира достаточно просторна для насъ обонхъ; у васъ будетъ свой кабинетъ и своя отдѣльная спальня; остальные комнаты—общія, за исключеніемъ моей спальни и будуара, туда «входъ воспрещается». Мой столъ (поваръ у меня очень хорошій) всегда къ вашимъ услугамъ, экипажъ тоже, въ тѣ дни, впрочемъ, когда я сама имъ не пользуюсь; вашъ личный камердинеръ будетъ для насъ нанятъ,—такимъ образомъ, со стороны удобствъ домашней жизни вы совершенно обезпечены. Свѣтскія знакомства должны быть у насъ общія; впрочемъ, я охотно готова принимать и вашихъ собственныхъ пріятелей, если только это люди совершенно приличные. Въ воспитаніе нашего ребенка вы вмѣшиваться не будете, это уже мое дѣло, а за симъ, во всемъ остальномъ вамъ предоставляется полная свобода. Согласны вы на такіе условія?

— То-есть, другими словами, я долженъ поступить къ вамъ на содержаніе, чтобъ служить для насъ «свѣтскими ширмами», не такъ ли?—спросилъ графъ очень серьезно и сдержанно, но съ такимъ отгѣнкомъ, чтобы дать ей почувствовать, на сколько его предложеніе возмущаетъ въ немъ внутренне все чувства порядочности и человѣческаго достоинства.

— Не торопитесь оскорбляться,—предупредила его Ольга,—въ позвольте въ свой чередъ спросить васъ: какъ вы полагаете, еслибы вамъ удалось жениться на Тамарѣ и заполучить ей милліоны, вы бы не жили на ея содержаніи?

— Это совсѣмъ другое,—возразилъ графъ.—Еслибы я женился на Тамарѣ, она, полагаю, не поставила бы мнѣ условій насчетъ своей спальни, куда входъ для меня, конечно, не «воспрещался» бы, и я былъ бы ея мужемъ какъ для свѣта, такъ и дома, а это уже исключаетъ роль ширмы.

— Вы слишкомъ многого хотите, графъ, и при томъ сразу,—лукаво улыбнулась Ольга.—Намъ надо еще привыкнуть другъ къ другу.

Впрочемъ,—продолжала она,—могу васъ увѣрить, что «ширмой» въ томъ смыслѣ, въ какомъ вы полагаете, вамъ быть не придется; я не сдѣлаю ничего, за что вамъ пришлось бы краснѣть, и не скомпрометирую ваше имя, лишь бы вы сами его не компрометировали! Это вовсе не въ моихъ расчетахъ, да и дѣла мои, наконецъ, слишкомъ серьезны для этого. Конечно, у меня есть поклонники, но у какой же красивой женщины ихъ нѣтъ? — это еще ровно ничего не доказываетъ, и при томъ же мои поклонники—это, по большей части, или «государственные старички», какъ я ихъ называю, люди *hors de soupçon, grâces à leur ramollissement*, или дѣлцы *de la haute finance*, изъ міра желѣзнодорожниковъ, концессионеровъ, разныхъ прожектеровъ и учредителей, которые если и ухаживаютъ за мной, то вовсе не съ амурными, а съ чисто дѣловыми цѣлями, — стало быть, опасаться вамъ нечего. Со-временемъ, я рассчитываю, что вы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, можете быть для меня даже хорошимъ помощникомъ, и тогда мы, пожалуй, будемъ дѣлиться барышами. Вы видите, я ставлю вопросъ на совершенно дѣловую почву и, въ сущности, предлагаю вамъ роль компаньона въ дѣлѣ, которое мною поставлено уже на довольно твердую ногу.

— Но вы, кажется, забыли, Ольга Орестовна, мои средства,—я не имѣю достаточно денегъ, чтобы быть должникомъ такихъ предприятий, — уклончиво возразилъ графъ. — Не разстрой вы моего брака съ Тамарой, тогда другое дѣло: и ея капиталы, и самъ я — все это могло бы быть къ вашимъ услугамъ. А теперь чтѣ я могу принести вамъ, кромѣ лишней обузы? Ваше состояніе мнѣ извѣстно, оно не на столько велико, чтобы вы не стѣсняясь могли содержать и себя, и весь домъ, да еще и мужа на придачу. А не имѣя собственныхъ средствъ, даже на карманные расходы, вѣчно глядѣть все изъ вашихъ рукъ, выпрашивать у васъ чуть не каждую копейку, — это было бы для меня слишкомъ тяжело и стѣснительно.

— Во-первыхъ, — приступила она къ объясненію, — никакихъ особыхъ средствъ и капиталовъ отъ васъ не требуется; во-вторыхъ, хотя мой капиталъ, — то получила я въ приданое, еще и существуетъ, но онъ отчасти уже израсходованъ на всю эту обстановку, какую вы видите и которая мнѣ совершенно необходима, а затѣмъ, остальную его часть я отдѣлила въ неприкосновенный фондъ, на всякій случай. — Нельзя же тоже, чтобы и нашъ ребенокъ, въ случаѣ моей смерти, остался ни съ чѣмъ, а потому на этотъ мой капиталъ я вовсе не рассчитываю. — У меня есть свои особые, дѣловые источники, которые даютъ мнѣ порядочныя средства, на которые, собственно, я и живу. Что же касается до вашихъ личныхъ средствъ, то объ этомъ я уже подумала рань-

ше и могу предложить вамъ вотъ что: я предоставлю вамъ хорошее мѣсто, — на первый случай, хотя бы въ родѣ члена правленія въ какомъ-нибудь кредитномъ или желѣзнодорожномъ обществѣ, гдѣ вы, ничего не дѣлая, будете получать тысячу пять-шесть въ годъ содержанія, — довольно съ васъ этого? †

— На первый случай, еще бы! — согласился графъ. — Совершенно довольно!

— А затѣмъ, я полагала бы, — продолжала Ольга, — чрезъ кого-нибудь изъ моихъ милыхъ государственныхъ старичковъ опредѣлить васъ на службу. Нельзя, знаете, чтобы человѣкъ въ вашемъ положеніи, съ вашими именами, съ вашими свѣтскими достоинствами, чтобы мой мужъ, наконецъ, оставался безъ всякаго служебнаго положенія, — *cela nous pose, mon cher*. и пренебрегать этимъ не слѣдуетъ.

— Да, но какое же мѣсто я могу получить! — усомнился графъ съ искренностію, дѣлающею честь его самоощущенію. — Чинъ у меня небольшой, образованіе хотя и лицейское, но я такъ давно уже не служу, что трудно рассчитывать на что-нибудь порядочное, а тянуть лямку канцелярскаго чиновника, — на это меня не хватить.

— Объ этомъ не заботьтесь, — успокоила его Ольга; — вѣдь вамъ не служить, а лишь бы числиться; вамъ даже и жалованья никакого не нужно, при хорошемъ частномъ мѣстѣ. Чины вамъ, все равно, будутъ ядти своимъ чередомъ, ордена тоже, — чего же болѣе? Однимъ словомъ, если вы будете паянъка, я опредѣлю васъ въ одно изъ министерствъ, — лучше всего бы, конечно, *chez mon vieux prince*, но иностраннымъ дѣламъ, — тамъ можно уже ровно ничего не дѣлать, а между тѣмъ служба на виду, иностранные ордена идутъ чуть не каждый годъ, — все это чтѣ-нибудь да значить! — *d'autant plus que je veux voir mon mari bien décoré*.

Графъ молча поклонился ей съ довольною улыбкой, — такая перспектива начинала ему нравиться.

— Но это еще не все, — продолжала Ольга. — Черезъ годъ, много черезъ два, я постараюсь доставить вамъ придворное званіе, я сдѣлаю васъ камеръ-юнкеромъ — это мнѣ устроить легче легкаго... Оно хоть и не Богъ-вѣсть что, камеръ-юнкерство, но все же, мундиръ, визитная карточка, пріѣздъ ко двору. — Я могу тогда тоже быть представленною, — это не мѣшаетъ въ жизни. А со-временемъ, будьте увѣрены, проведу васъ и въ камергеры, и жизнь ваша, право, будетъ не хуже другихъ!.. Угодно?

— Н...надо подумать, — отвѣтилъ Каржоль, внутренно колеблясь.

— Какъ?! — вы еще собираетесь думать? — отъ всей души удивилась Ольга.

— Непремѣнно, я какъ же иначе?.. Оно, конечно, очень заманчиво, но все же...

— Ну, такъ я васъ предупреждаю, — перебила она, сразу перемѣнивъ свой дружески ласковый тонъ на рѣшительный и холодный, — жить съ вами порознь въ одномъ городѣ мнѣ совершенно неудобно. У меня свой избранный кругъ знакомства, своя недюжинная обстановка, а вы тамъ будете жить въ какихъ-то трущобныхъ нумерахъ, тереться въ разной грязи и знаться чортъ знаетъ съ кѣмъ, — все это будетъ только компрометировать меня и дѣлать наши отношения вѣчною темой для злословія. Я этого не желаю. Будетъ или помѣму; или вы должны уѣхать навсегда изъ Петербурга, — одно изъ двухъ. И знайте напередъ, — прибавила она весьма внушительно и твердо — если не уѣдете сами, добровольно и немедленно, то черезъ недѣлю васъ выплюнутъ отсюда съ жандармами, и вы очутитесь въ какомъ-нибудь дальнемъ захолустьи, подъ надзоромъ полиціи. — Хотите вы этого?

— Какъ! схватить человѣка и выслать ни за что? ни прочто? — возмутился графъ. — Да что это вы мнѣ второй разъ уже грозите все высылкой да высылкой? Мнѣ, слава Богу, еще не въ землѣ кафровъ или готтентотовъ!

— Ну, это уже мнѣ знать, гдѣ мы и будемъ ли за что!.. Только будьте увѣрены, что мои друзья не затруднятся сдѣлать для меня такую бездѣлицу и что съ моей стороны это вовсе не пустая угроза, — я не шучу, графъ!

— Да и я не шучу, графиня! Господь съ вами, я вовсе и не думаю отказываться отъ нашихъ предложеній, и если скажутъ, что надо еще подумать, то это лишь въ томъ отношеніи, что мнѣ хотѣлось бы нѣсколько болѣе выяснитъ... comment vous le dire... ma position intime auprès de vous, mon droit de mari, — voilà ce que je veux savoir! Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, являя подъ одною кровлею, мы навсегда останемся чужды другъ другу pour toutes les jouissances conjugales? Это было бы жестоко, хуже всякой пытки — жить съ прелестною женщиной, называться ея мужемъ и не смѣть прикоснуться къ ней!.. Ольга! Вспомните наконецъ наше хорошее прошлое, вѣдь были же въ немъ радости — и какія!.. Вѣдь я же вамъ нравился когда-то, и я же любилъ васъ!.. Скажу болѣе: вы единственная женщина, которую я любилъ въ своей жизни, единственная, какую я въ состояніи еще любить, я... если хотите знать всю правду, я и не переставалъ любить васъ, — любилъ и ненавидѣлъ въ одно и то же время! Я и до сихъ поръ люблю васъ въ глубинѣ сердца!

— А Тамара?.. а Мариюда? — лукаво и недовѣрчиво усмѣхнулась Ольга.

— Остаются, въ самомъ дѣлѣ, — развѣ можно все это брать въ серьезную сторону! — возразилъ Каржоль въ свое оправданіе, солидно логически и убѣждающимъ тономъ. — Ма-

риуца — это не болѣе какъ мимолетное увлеченіе, а Тамара... Тамара даже и не увлеченіе, а просто расчетъ, неудавшаяся комбинація, и только.

— Вотъ какъ!? — состроила себѣ Ольга приговорно удивленную физиономію. — А кто же, скажите пожалуйста, полчаса назадъ, патетически восклицалъ передъ нею, что любить ее, и со слезами умолялъ не презирать его? Кто-жъ это?

— Oh, madame, mais ce n'est qu'une manière de parler! ce sont des paroles! Надо же было кончить съ ней сколько набудь приличнымъ образомъ, согласитесь сами.

И на сколько искренно, полчаса назадъ, Каржоль плакалъ передъ Тамарой и молилъ ее повѣрить хоть этимъ слезамъ его, настолько же искренно и убѣжденно произносилъ теперь свою послѣднюю фразу. По его натурѣ, и то и другое было для него совершенною правдой въ обѣ данныя минуты. Какъ тогда, такъ и теперь, онъ не лгалъ передъ самимъ собою.

Ольга даже отъ души разсмѣялась при этомъ.

— Какъ же вы хотите, — сказала она, — чтобы я послѣ этого тоже брала au sérieux всё ваши увѣренія?!

— О, это совсѣмъ другое дѣло!

И графъ съ искреннимъ жаромъ, убѣжденно принялся объяснять и доказывать ей всю великую разницу между его чувствомъ къ ней и къ другимъ женщинамъ, попадавшимся ему на жизненной дорогѣ, — чувствомъ, которое даже въ самыя враждебныя минуты, несмотря на всю его злобу и ненависть къ ней, каждый разъ пробуждалось и пробуждается въ немъ, наперекоръ всему, какую-то даже болѣзненною страстью, при одномъ только видѣ Ольги, при первомъ прикосновеніи къ ней. Онъ и ненавидѣлъ-то ее, и мстить-то желалъ ей именно потому, что любить ее, потому что она для него какая-то роковая женщина, — и вотъ почему жить съ ней и не обладать ею, не смѣть даже переступить за порогъ ея спальни было бы для него несноснымъ мученіемъ, адскою пыткой, изъ-за страха которой онъ невольно отступаетъ даже предъ такою заманчивой и блестящей перспективой, какую открываетъ ему Ольга.

— Ну, хорошо, — согласилась она. — Вопросъ о нашихъ интимныхъ отношеніяхъ я оставляю пока открытымъ, — это будетъ зависѣть отъ того, на сколько вы будете ихъ стоить... Я не говорю ни да, ни нѣтъ, а тамъ, со временемъ, посмотримъ.

— О, вы меня воскрешаете! — стремительно бросился къ ней графъ, ловя и цѣлуя ея руки. — Вы подаете мнѣ надежду, — я счастливъ, я весь вашъ и навсегда! Располагайте мною, какъ знаете, дѣлайте изъ меня, что хотите; Я вашъ рабъ, ваша собака!..

— Значить, вы принимаете мое предложение?—дѣловито спросила Ольга, высвобождая изъ-подъ его поцѣлуевъ свои руки.

— Безусловно!—воскликнулъ онъ въ полнотѣ восторгѣ.

— Въ такомъ случаѣ, можете перевозить свои чемоданы,—разрѣшила она самымъ благосклоннымъ образомъ. — Къ завтрашнему дню двѣ комнаты будутъ для васъ очищены, а пока побѣждайте въ какой-нибудь хорошей мебельный магазинъ и выберите себѣ приличную обстановку для кабинета и спальни. Счетъ прикажите доставить ко мнѣ, я заплачу, что будетъ стоять.

Каржоль запротестовалъ—было съ чувствомъ собственного достоинства, что это-де онъ можетъ сдѣлать и на свои деньги, но Ольга не захотѣла и слушать.

— Что разъ я сказала, то такъ,—замѣтила она ему тономъ, не допускающимъ возражений,—и если вы не желаете, чтобы между нами выходили неприятности, вы никогда не будете мнѣ прекословить,—примите, мой другъ, это къ свѣдѣнію.

Послѣ этихъ словъ, Каржоль сразу почувствовалъ, что онъ попалъ къ ней подѣ башмакъ, въ безусловное подчиненіе. Но, къ собственному его удивленію, сознаніе это ни мало даже не огорчило его.—Что жъ, можетъ, оно и къ лучшему,—подумалось ему. «по размышленіи зрѣломъ». — «Да съ нашими братьями иначе и нельзя, цѣнить не будемъ. А зато ужъ за плечами такой женщины, какъ за каменной стѣной можно жить суюкойно!»

Онъ только позволялъ себѣ, послѣ этого, въ ея же интересахъ, выразить свое сомнѣніе, удобенъ ли будетъ ей, по отношенію къ своимъ уважаемымъ друзьямъ и знакомымъ, такой внезапный перевѣздъ его въ домъ? Не слѣдуетъ ли сначала подготовить ихъ немножко къ такому экстраординарному событію, а то, какъ бы оно не вызвало разныхъ коосновательныхъ комментарій и недоумѣній—зачѣмъ и почему, молъ, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ вдругъ ни съ того, ни съ сего, точно съ неба свалился?

Но Ольга возразила ему, что, напротивъ, если ужъ сходитьсѣ, то именно теперь, а не позднѣе, потому что теперь самое благоприятное время для этого, она только-что вернулась изъ-за границы, а онъ съ войны; знакомые ея, большею частью, еще не собрались къ зимнему сезону, а когда соберутся, то эта ихъ супружеская réunion будетъ уже совершившимся фактомъ, который не возбудитъ ни въ комъ особеннаго удивленія, ни особенныхъ толковъ въ ея обществѣ; всѣ найдутъ ее самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, тѣмъ болѣе, что война—это такая вѣская и законная причина для продолжительнаго отсутствія мужа! — Словомъ, toutes les apparences seront sauvées,—въ этомъ графъ можетъ быть совершенно спокоенъ.

И онъ успокоился, отдавъ въ душѣ должную справедливость сообразительности и находчивости своей супруги.—Нѣтъ, за нею, дѣйствительно, не пропадешь! Это изъ-ряду вонъ женщина!

Давно уже не чувствовалъ онъ себя такъ хорошо, такъ спокойно и въ такомъ отличномъ расположеніи духа, какъ сегодня, отправляясь, по порученію Ольги, выбирать себѣ мебель.—«И въ самомъ дѣлѣ», думалось ему, «изъ-за чего человѣкъ столько лѣтъ мытарился въ нелѣпой погонѣ за какими-то мечтательнымъ, призрачнымъ счастіемъ, когда настоящее-то самое реальное счастье и благоденствіе—вотъ оно, тутъ, подѣ-бокомъ!.. Да и надоѣло уже ему наткаться въ жизни на одни только барьеры да капканы, встрѣчать одишь лишь неудачи да прорухи и вѣчно оставаться въ дуракахъ!—Нѣтъ, довольно уже! Basta!.. Жизнь изрядно-таки поколотила его, намаяла онъ, настрадался, усталъ... теперь ему хочется только покоя и комфорта. А тутъ вдругъ и покой, и комфортъ разомъ!.. И поварѣ, говорить она, отличный, и содержаніе въ шесть тысячъ отъ какого-то тамъ «Правленія», и камеръ-юнкерскій мундиръ въ перспективѣ... И будетъ онъ, наконецъ, какъ въ, —чего же еще ему надо!.. И если эти «всѣ» ни за что, ни-прѣчто пользуются такими благами, то почему жъ бы онъ одинъ былъ лишенъ на нихъ права! Развѣ же онъ не такой «какъ всѣ»? Чѣмъ онъ хуже ихъ и чѣмъ они выше его?—Всѣ такіе же дѣти своего вѣка, — худы ли, хороши ли, но они такъ созданы, сама жизнь сдѣлала ихъ такими. И вотъ живутъ же, пользуются!.. Неужели онъ одинъ долженъ быть исключеніемъ?—Нѣтъ, и по своему рожденію, и по своему воспитанію,—словомъ, по всему рѣшительно, онъ имѣетъ полное право на свою долю въ общемъ пирогѣ избранныхъ,—право на обезпеченное содержаніе, на приличное и солидное положеніе въ обществѣ—естественное право d'être comme tous,—c'est-à-dire, comme tous les gens comme il faut — потому что со всѣми «ныими» не можетъ же онъ считаться!.. И судьба наконецъ-то готова отдать ему должное, что съ ея стороны будетъ только простая справедливость, не болѣе, за всѣ его испытанія и неудачи. Нѣтъ, вотъ оно, истинное-то счастье,—это подлѣ умной женщины. А онъ, дуракъ, искалъ какихъ-то жидовскихъ милліоновъ въ туманѣ и все ждалъ, скоро ль придетъ къ нему счастливая талія!—Анъ глядь,—талія-то подошла вдругъ отсюда отсюда, никогда и не чаялъ!.. Et c'est toujours la femme!.. Tout dans la femme, tout par la femme et tout pour la femme,—c'est de la philosophie ça!)

Всѣ эти соображенія и мысли погружали его даже въ сладостно размягченное, елеиное умиленіе, и онъ, за первымъ своимъ «домашнимъ» обѣдомъ en tête à tête, къ которому

удостоила пригласить его сегодня. Ольга, не воздержалась, въ отрывчиво сердечномъ порывѣ къ откровенности, сочувствію и дружбѣ, чтобы не подлыться съ нею, какъ съ «женой», эти-ми своими мыслями, высказавъ ей при этомъ, что въ концѣ концовъ, послѣ всѣхъ своихъ интаній, только теперь уразумѣлъ истинное свое назначеніе, — это именно, быть мужемъ такой женщины, какъ Ольга.

— *Chaque vilain trouve sa vilaine, mon cher!* — отвѣтила она ему на это, въ видѣ шутливаго правоученія, быть можетъ, и не подозревая, что на этотъ разъ сама истина глаголетъ ея устами.

XLIV.

Въ новый путь.

Возвратясь домой въ нѣсколько возбужденномъ состояніи отъ всей этой сцены, какому сопровождалось ея послѣднее свиданіе съ Каржолемъ, и отъ радостнаго сознанія, что, слава Богу, все уже кончено и съ нимъ, и съ письмами, Тамара огорача, подъ пернымъ, не остывшимъ еще, впечатлѣніемъ, принялась писать къ Атурину. Въ подробномъ и длинномъ письмѣ она изложила ему, на первомъ планѣ, это крупное событіе своей жизни и затѣмъ рассказала все, что случилось съ нею послѣ ихъ разлуки. Радостное чувство, порожаемое сознаніемъ своей окончательной свободы отъ нравственныхъ путъ Каржоля, невольно переливалось и въ ея письмо, сказываясь чуть не въ каждой его строчкѣ, даже въ ея нервномъ, порывистомъ быстромъ, на этотъ разъ, почеркѣ. Теперь она вольна располагать собою какъ хочетъ! И если Атуринъ не забываетъ ее, если онъ все тогъ же, то одно его слово, одинъ призывъ — и она тотчасъ же броситъ все и примчится къ нему хоть на край свѣта, и всю, всю себя, всю жизнь свою, всю свою душу отдастъ ему и посвятитъ на все доброе, разумное и честное, что только онъ ей укажетъ!

Письмо свое она не успѣла докончить и отправить въ этотъ же день, потому что пришла Любушка Кучаева и стала торопить ее въ «городъ», за необходимыми покупками къ дорогѣ, такъ какъ обѣ онѣ еще вчера вечеромъ условились между собою ѣхать въ Бабье-гонскъ вмѣстѣ, на половинныхъ расходахъ, и всѣ покупки свои, за-одно уже, дѣлать вмѣстѣ. — Любушка вѣдь ужъ гораздо вѣрнѣе, чѣмъ кто-либо, знаетъ, гдѣ, что и какъ купить лучше и дешевле, она умѣетъ и выбрать, и поторговаться, а безъ нея Тамару, пожалуй, надуютъ, возьмутъ въ три-дорога и подсадутъ какой-нибудь гниль изъ залежалаго. Времени остается имъ не много, а потому ѣхать, ѣхать и ѣхать сейчасъ же! Корреспонденція свои

можно кончить и потомъ, на досугѣ. — Словомъ, она заговорила, затормозила и затормозила Тамару такъ, что той оставалось только, чтобы не разстраивать компанію, поскорѣе сложить свой бьюваръ и безирекословно слѣдовать за энергичною Любушкой. Вечеромъ тоже не удалось окончить письмо, потому что къ Любушкѣ пришли гости, какая-то ея подруга да двѣ родственницы, и всѣ онѣ вмѣстѣ чай пили и заболтались. На другой же день утромъ, послѣ здороваго, крѣпкаго сна, проснувшись уже съ успокоенными нервами, когда весь первый пылъ и вся рѣзко яркая сторона вчерашнихъ впечатлѣній успѣли уже поохладиться и нѣсколько сгладиться, а приподнятое, возбужденное настроеніе духа улеглось и замѣнилось болѣе ровнымъ, обыденнымъ своимъ состояніемъ, Тамара снова взялась за письмо, чтобы продолжать его, но предварительно перечитавъ всѣ страницы, осталась имъ не вполне довольна. Общій тонъ его показался ей теперь чересчуръ уже порывистымъ и страстнымъ; но это бы еще ничего, а главное то, что на болѣе спокойный, болѣе разсудочный взглядъ, у нея явились нѣкоторые рефлексивныя соображенія, критическая провѣрка самой себя и взвѣсъ уже сложившихся публичнымъ образомъ обстоятельствъ, которыхъ она вчера упустила какъ-то изъ виду, но съ которыми во всякомъ случаѣ приходится считаться.

Прежде всего, ей показалось, это этимъ письмомъ своимъ она сама теперь какъ будто навязывается Атурину, какъ будто ловить его на сорвавшемся когда то у него словѣ и желаетъ воспользоваться имъ только потому, что у нея окончательно лопнуло дѣло съ Каржолемъ. Не въ правѣ ли онъ будетъ подумать о ней именно это?.. Отчего же раньше не вздумалось ей писать къ нему! Развѣ для этого не нашлось бы достаточной темы и матеріала? — Но вѣтъ, она пишетъ только теперь, то-есть, послѣ того уже, какъ порвала съ графомъ. Тутъ, дескать, сорвалось, — не вклинитъ ли тамъ? Не удалось-де быть «графиней» съ громкимъ именемъ Каржоль де-Нотреть, можно въ крайности помириться и со скромною кличкой «madame» Атуринной. Но вѣдь «madame Атуринной» она могла бы давно уже быть, еслибы хотѣла. Отчего жъ она тогда отклонила простое, честное предложеніе этого самаго Атуринна? Изъ-за гордаго побужденія остаться педантически вѣрно своему слову, вопреки всему и несмотря ни на что! Да, это такъ кажется ей, и она знаетъ, что это такъ, — ну, а оны? почему она непременно долженъ думать то же самое? Потому, что ей такъ угодно?.. А не могло ль бы ему придти въ голову, что отказъ ея, пожалуй, былъ основанъ на болѣе своекорыстныхъ расчетахъ, на томъ, что Каржоль казался ей все-таки болѣе

«выгоднымъ» женихомъ и что хотѣлось, къ тому же, быть графиней? Почему она остановила Атуряна и не захотѣла его слушать, когда онъ, при послѣднемъ свиданіи въ госпиталѣ, пытался было разоблачить ей, кто и что такое этотъ графъ Каржоль? — Не въ правѣ ли онъ былъ бы послѣ того думать, что именно поэтому?.. А теперь вдругъ къ нему, — теперь и онъ хорошъ, какъ пришла крутая минута!.. И почему она такъ увѣрена, что Атурянтъ непременно долженъ и до сихъ поръ считать ее за высоко-идеальную, безупречную личность? Развѣ она этими своими поступками не давала сама ему поводъ подумать о ней и противное? Если онъ никогда ни малѣйшимъ намекомъ не высказывался ей въ такомъ смыслѣ, то не слѣдуетъ ли скорѣе отнести это къ чувству его деликатности? И если даже въ послѣднюю минуту разлуки онъ ей напомнилъ еще разъ свои слова, прося разсчитывать на него, что бы ни случилось съ нею въ жизни, то не былъ ли это просто порывъ великодушія, подъ вліяніемъ увлеченія ею, которое теперь, можетъ быть, уже и остыло? — Вѣдь она не оставила ему ни малѣйшей надежды; она даже не въ перепискѣ съ нимъ, и потому не знаетъ ни что онъ дѣлаетъ, ни что думаетъ, ни что чувствуетъ. Очень можетъ быть, что онъ считаетъ ее уже замужемъ и потому постарался убитъ свое чувство; можетъ быть, даже нарочно сошелся съ другою женщиной, чтобы скорѣй и легче заглушить его... Да и почему бы, въ самомъ дѣлѣ, не могли образоваться у него за это время отношенія къ болѣе достойной дѣвушкѣ или женщинѣ, на которой онъ могъ бы жениться? Что-жъ тутъ невозможнаго! — Свѣтъ не клиномъ сошелся, а онъ свободенъ...

Но еслибы даже и не такъ, то все-таки, получивъ ея письмо, въ какомъ нашелся бы онъ положеніи? — Человѣкъ прочно ослѣпъ уже въ Болгаріи, служить, работаетъ тамъ, занятъ своими дѣлами; у него, безъ сомнѣнія, уже образовались тамъ свои служебныя и житейскія отношенія, установилась опредѣленная жизнь, есть извѣстные виды и пѣли, — и вдругъ, изъ за ея письма, бросить все это и летѣть къ ней! — Да легко ль бы ему было это, разъ что у него жизнь сложилась уже совсѣмъ иначе, и притомъ такъ, что она, Тамара, не входитъ болѣе въ расчеты и планы этой жизни?..

Но, наконецъ, пускай онъ все тотъ же, что прежде, и все такъ же любить ее, — и вотъ, она пишетъ, что готова летѣть къ нему хотъ

на край свѣта, по первому его отклику. Хорошо, но съ чѣмъ же это полетитъ она? на какія средства? — Съ бабѣгонскимъ мѣстомъ, конечно, пришлось бы немедленно же покончить, нарушить только-что подписанное условіе, возвратить подвѣнные деньги, которыя уже тронуты ею, и остаться лишь при своихъ собственнѣхъ тридцати съ чѣмъ-то рубляхъ, на которые не далеко уйдешь. Заработать не на чемъ, достать негдѣ, занять не у кого, — да и кто дастъ ей! — Пришлось бы, значить, просить у того же Атуряна, — приплите, молю, на выѣздъ, если желаете меня видѣть, — но вѣдь это уже ни на что не похоже!.. И выходить въ концѣ концовъ, сугубая и самая бездеременная съ ея стороны навязчивость. Нѣтъ, этого она не сдѣлаетъ!

Разъ, что она не хотѣла воспользоваться своимъ счастьемъ *тогда*, когда оно само шло и просилось къ ней въ руки, когда одного ея «да» было достаточно, чтобы то счастье прочно установилось для нихъ обоихъ на-вѣки; разъ, что она такъ рѣшительно отвергла его въ ту пору, — теперь уже собственная гордость ея и самолюбіе не позволяютъ ей, словно бы малодушной и капризной дѣвчонкѣ, искать и добиваться его возврата. Что съ возу упало, то пропало, говорить пословица. Пускай даже это ложная гордость и фальшивое самолюбіе; пускай она сама чересчуръ мнительна и склонна смотрѣть на все скептически, даже преувеличивать все въ дурную или мрачную сторону (что жъ дѣлать, таковъ ужъ ея недостатокъ!), но уже одинъ тотъ фактъ, что изъ ея отношеній къ Атуряну ничего не вышло, и что она не захотѣла или не сумѣла взять и его, и съ нимъ свое собственное счастье, когда они сами давались ей, — одно уже это доказываетъ ясно, что, значить, ей не судьба быть за этимъ человѣкомъ. А не судьба — это то же, что не Божья воля. Значить, она не была достойна такого счастья. Стало быть, нечего ей и теперь самопроизвольно насиловать жизнь, вопреки обстоятельствамъ, слагающимся совсѣмъ не такъ, какъ ей хотѣлось бы. И вспоминалась ей тутъ хохлатая поговорка, которую не разъ приходилось слышать въ родномъ Украинскѣ, — «нехай буде що буде, а буде то, що Богъ дасть!» — Пусть такъ! Онъ знаетъ лучше, куда и зачѣмъ вѣдетъ ее...

И письмо такъ и осталось недописаннымъ въ ея бюварѣ.

Черезъ день она уѣхала выѣсть съ Кучаевой въ Бабѣгонскъ.

ТОРЖЕСТВО ВААЛА.

РОМАНЪ.

(Продолженіе романа «Тамара Бендавидъ»).

I.

Новая учительница.

Подъ вечеръ сырого октябрьскаго дня, по скверной, раскисшей отъ дождей дорогѣ, добралась наконецъ Тамара на земско-почтовой парѣ до села Горьлова, составлявшаго цѣль ея путешествія. Село большое, длинное; избы стоятъ въ два порядка, вытянувшись вдоль одной широкой улицы; позади дворовъ идутъ огороды, амбары, сарайчики и орны. Большинство избъ въ старомъ великорусскомъ стилѣ, съ рѣзными подзорами и надоконниками, но есть уже нѣсколько домиковъ и въ провозѣ «городскомъ» вкусѣ: иные съ мезонинами, другіе даже въ два этажа. Видно по всему, что было когда-то село зажиточное, но теперь въ упадкѣ. За исключениемъ этихъ «городскихъ» домиковъ, большая часть избъ стоитъ покосившись, осунувшись отъ ветхости, съ обломившимися коньками и гребнями, съ выкрошившимся узорчьемъ на подоманныхъ подзорахъ и балковчикахъ. Иныя избы даже подпорты съ боковъ бревнами, чтобы окончательно не завалились; на другихъ давно прогнившія тесовыя крыши забраны соломой, а то и сплошь перекрыты подъ соломенную кровлю, третью уныло глядятъ на улицу своими наглухо заколоченными окнами, точно бы выморожены, — печальное свидѣтельство того, что хозяева ихъ въ отходѣ всею семьей, или пошли на переселеніе, искать себѣ по дальнимъ окраинамъ Россіи новыхъ мѣстъ и угодій, гдѣ въ берегахъ кисельныхъ текутъ рѣки молочныя. Понурия, топція коровы, слабосильныя шершавыя лошаденки видѣются кое-гдѣ оп

дворамъ и задворкамъ; босые крестьянскіе ребятишки въ однихъ рубашенкахъ, со спущенными отъ холода рукавами, бродятъ около заваленокъ передъ избами. Всѣ эти признаки видимо говорятъ о бѣдности и захудалости, а земскій ямщикъ, между тѣмъ, увѣряетъ Тамару: «какъ можно село самое богатѣющее»!

— Да почему жь ты такъ думаешь?

— Еще бы!.. Сама разочти! три лавки — одна суровская, да двѣ мелочныхъ, — два кабака, одна портерная, трактиръ при томъ же!.. Кабы бѣдные были мужики-то, нѣшто бы они вытянули столько запеденьевъ!.. Нѣтъ, это что говорить! По нынѣшнимъ временамъ, село богатое... Каждую недѣлю по воскресеньямъ торгъ бываетъ... Падо же съ чего пить-то...

По распоряженію Бабьинскаго училищнаго совета, Тамарѣ было назначено мѣсто сельской учительницы въ атомъ самомъ селѣ Горьловѣ. Проколесивъ добрую половину улицы, ямщикъ подвезъ ее къ пятистѣнному, крытому тесомъ домику изъ числа «фасонистыхъ», «городскихъ», гдѣ видѣлись даже кисейныя занавѣски въ окнахъ. На бѣлой доскѣ, прибитой надъ крылечкомъ этого домика, Тамара прочла черную надпись: «Волостной старшина». Выкарабкавшись изъ высокой телеги, она вошла въ незапертый сѣвныя и уланулась въ одну изъ боковыхъ дверей, которая подалась подъ ея нажимомъ, — и дѣвушка очутилась за порогомъ просторной комнаты, оклеенной разными остатками дешевенькихъ «шпалерокъ» и обмелированной не по-деревенскому. Старинный диванъ съ высокою выгнутою спинкой изъ краснаго дерева, такія же кресла и стулья съ тонкою рѣзьбою, массивный овальный столъ, покрытый синею памчатною салфеткой съ

уворами, буфетный шкафъ со стеклянными верхними створками, наполненный разною росписанною фарфоровою посудой и чайными чашками, — вся эта обстановка, несвойственная крестьянскому быту, видимо попала сюда задешево, «по случаю», изъ какого-нибудь помѣщичьяго гнѣзда. Въ этомъ предположеніи убѣждали Тамару и потемнѣвшая отъ времени картина на какой-то мнѳологическій сюжетъ, висѣвшая на стѣнѣ въ старинной золоченой рамѣ, и пустая клѣтка изъ-подъ попугая, въ углу на столикѣ. Передній уголъ былъ занятъ полкою съ образами, подъ которою нестрѣли приклеенны къ стѣнѣ портреты императорской фамиліи и разныя рыночныя олеографіи, повсюду замѣнявшія собою нынѣ лубочныя картинки добраго стараго времени. Въ простѣвкѣ между двумя окнами стоялъ большой письменный столъ, на которомъ лежали новыя хомуты, наполнявшіе комнату запахомъ юфти и порвана, а подъ хомутами — какія-то дѣловыя бумаги и счетныя книги. Надъ столомъ висѣли въ томъ же простѣвкѣ костяшковые счеты, линейка и настѣнный календарь изъ «приложеній» къ «Нивѣ». Часы съ лунцовымъ розакомъ на деревянномъ циферблатѣ скучаю отбивали размахами маятника секунду за секундой.

Осмотрѣвшись въ этой комнатѣ и видя, что въ ней никого нѣтъ, Тамара нарочно откашлялась погромче, чтобы подать какой-нибудь живой душѣ знакъ о своемъ присутствіи.

— Кто тамъ? — окликнулъ ее изъ смежной комнаты не совсѣмъ-то довольный мужской голосъ, какъ бы съ-просонья.

— Учительница новаѣ, — отозвалась дѣвушка. — Господинъ старшина дома?

За перегородчатой стѣною послышался трескъ деревянной кровати подъ встававшимъ съ нея человекомъ и заскрипѣли половицы подъ чѣмъ-то грузно-мягкими шагами, а затѣмъ, крехти и зѣвая, въ дверяхъ показалась дородная, коренастая фигура заспаннаго мужика, изъ такъ называемыхъ «бѣлотѣлыхъ», лѣтъ пятидесяти, въ резиновыхъ калошахъ на босу-ногу и въ ситцевой рубахѣ на выпускъ съ низко пушечной по чреву опоясочкой.

— Вы это что жъ безъ доклада? Такъ нельзя! — внушительно, почти тономъ выговора обратился онъ къ Тамарѣ.

Нѣсколько опѣшенная такимъ пріемомъ, дѣвушка объяснила, что если она вошла прямо сюда, то это по незнанію, такъ какъ никого не встрѣтила въ сѣняхъ, къ кому могла бы обратиться съ вопросомъ, и что, пріѣхавъ лишь сію минуту въ село, она не могла еще ознакомиться со здѣшними порядками настолько, чтобы знать, что можно и чего нельзя.

— То-то, что нельзя!.. Это совсѣмъ не порядокъ. Тутъ мало ли какихъ государственныхъ дѣловъ у меня, — пояснлъ старшина,

кивнувъ головою на письменный столъ, — и ежели, скажемъ такъ, каждый будетъ безъ доклада лѣзть прямо въ залъ, такъ это совсѣмъ не модель. Вамъ что же надо? — спросилъ онъ въ заключеніе своей речи уже болѣе мягкимъ образомъ.

Тамара объясняла, что когда ее отправляли сюда изъ Бабьегонской земской управы, такъ тамъ ей было сказано господиномъ де-Казатисъ, чтобы, по прибытіи на мѣсто, она обратилась къ волостному старшинѣ, который-де укажетъ ей квартиру и все, что требуется по ея должности.

— Это точно-что, — согласился старшина, — бумагу изъ управы насчетъ васъ мы получили еще вчера, и распоряженіе сдѣлано. Однако, поэтому рекомендую вамъ — къ старостѣ, онъ ужъ тамъ укажетъ.

И затѣмъ прибавилъ онъ тономъ снисходительнаго внушенія:

— Вамъ, барышня, спервоначалу къ старостѣ-то и слѣдовало бы явиться, — по вѣстанціи, значить, а ужъ потомъ ко мнѣ предстатись. Ну, да все равно! — махнулъ онъ рукою.

«Ого, да это совсѣмъ по чинамъ, строго-то, какія!» подумалось Тамарѣ. — «Точно бы и въ самомъ дѣлѣ начальство!» Однако она ничего не сказала ему на это послѣднее замѣчаніе и съ молчаливо сухимъ поклономъ повернулась къ выходной двери.

— Ты чего, дурыя голова, барышню пріперъ сюда? — напнулся волостой старшина съ выговоромъ на ямщика, выйдя вслѣдъ за Тамарою на крылечко. — Порядокъ не знаешь? а?... Сколь много должнъ я учить вашего брата, вахлака сиволапаго, и все ни къ-чему! — Народецъ тоже!.. Андельскаго терпѣнія, и того съ вами не хватитъ!.. Веди къ Ѳадѣй Саврасову, болванъ, скажи, старшина, молъ, приказали учительницу препроводить по назначенію.

Опять взобралась Тамара на обліпенную снаружи густою грязью телѣгу и снова тяжело заколесила вдоль села по колдобинамъ развороченной мостовой, мимо трехъ лавокъ, двухъ кабаковъ и портерной съ трактирнымъ «заведеніемъ», взапуски сопровождаемая хриплымъ лаемъ презлющихъ кудластыхъ собакъ, выползавшихъ изъ-подъ каждой подворотни на встрѣчу громахающей телѣги. Старосту Ѳадѣя Саврасова застала она дома, въ избѣ, за самоваромъ, въ самый пріятный для него моментъ, когда, разсѣвшись въ красномъ углу, рядомъ со своею бабой, онъ только-что приготовился было схлѣбывать горячій дымящійся паромъ чай съ ловко установленнаго на всей пятернѣ блюдца. Поэтому Ѳадѣй Саврасовъ вовсе не чувствовалъ себя въ расположеніи прерывать ради посторонней посѣтительницы свое пріятное занятіе.

— Это не ко мнѣ, это вамъ къ сотскому,

надо.—Онъ ужъ тамъ знаетъ, онъ и препроводитъ куда слѣдуетъ. Къ сотскому отправляйтесь,—предложили онъ Тамарѣ, которой становилось уже нѣсколько досадно, что всѣ отъ нея точно бы отпихиваются и никто ничего не хочетъ объяснить толкомъ, а заставляютъ ее только попусту колесить по глубокой грязи вдоль села то въ ту, то въ другую сторону.

Но нечего дѣлать, опять взбирается она на свою телегу, и везетъ ее ямщикъ, съ неудовольствіемъ ворча себѣ подъ-нось, къ сотскому. Тотъ, слава Богу, вышелъ къ ней самъ, на окликъ ямщика, постукавшаго въ окно кнуткомъ, и принялся неторопливо и раздумчиво разспрашивать сначала у него, а потомъ у нея, — какъ, что, зачѣмъ и почему, и наконецъ, выслушавъ до конца и взявъ себѣ въ толкъ все сказанное, почесавъ въ видимомъ затрудненіи — какъ тутъ быть, староста де ничего ему на этотъ счетъ не приказывалъ.

— Ну, да все едино!.. Васютка! — кликнулъ онъ своего мальчонку, — садись на облукѣ, проводи барышню въ училищу... Скажи тамъ сторожку Ефимычу, учительницу-де новую прислали... такъ пущай онъ тамъ, какъ знаетъ... Это евойно дѣло... Вы ужъ тамъ къ нему, барышня, онъ вамъ все покажетъ. — Ефимычъ, значитъ, — онъ знаетъ.

Побѣжали съ Васюткой на облукѣ къ училищу. На селѣ, между тѣмъ, замѣтили кое-гдѣ что какая-то новая барышня все колеситъ изъ конца въ конецъ, и это послѣднее обстоятельство вызвало въ обывателяхъ нѣкоторое любопытство, — кто, молъ, такая могла-бы это быть и чего ей тутъ надо? Одни изъ любопытныхъ провожали ее глазами изъ окошекъ, другіе выходили съ тою же цѣлью даже на улицу и удивленно глядѣли ей вслѣдъ, но все это съ какою-то тупою и совершенно равнодушною апатіей.

Сторожа Ефимыча не оказалось дома, всѣ наружныя двери заперты.

— Надо быть, въ трактирѣ — домекнулся Васютка и побѣжалъ его разыскивать.

Усталая, голодная и вся разбитая отъ долгой тряской дороги, Тамара пріѣхала пока на крылечкѣ, куда ямщикъ сложилъ всѣ ея пожитки, и осталась одна, послѣ того какъ тотъ, подучивъ съ ней на водку, направился на своей тощей парѣ къ тому же трактирному «заведенію».

Горѣловская школа — одноэтажное бревенчатое зданіе подъ тесовою кровлей — одиноко и какъ-то недомовито торчала особнякомъ на пустой и голой площадкѣ, противъ церковной ограды. За этой оградой бѣлѣлась старинная каменная церковь съ высокою колокольней, а вокругъ нея виднѣлось подъ березами нѣсколько намогильныхъ плитъ и два-три памятника. Съ противоположной стороны ограды, изъ-за ея рѣшетчатого частокла и выбѣленныхъ кир-

пичныхъ столбиковъ, выглядывалъ на школу своимъ мезонинчикомъ скромный старенькій домикъ, сопровождаемый крышами хозяйственныхъ надворныхъ построекъ и небольшимъ садомъ. Тамара сообразила, что тамъ, должно быть, живетъ адѣйшій священникъ.

Вечерѣло. Стая галокъ, осѣдая на почлегѣ, съ непрерывнымъ, сливающимся крикомъ кружила надъ церковными крестами и оголенными вершинами садовыхъ деревьевъ, въ вѣтвяхъ которыхъ чернѣли вороны гнѣзда. Небо сплошь было затянуто сѣрыми тучами, скрывавшими за своею холодною, непроницаемою мглою всѣ краски заката, и оттого наступившія безцвѣтныя сумерки казались еще сѣрѣе и скучнѣе. Въ окрестности, куда ни глянь, — все одна и та-же плоская, однообразная равнина, изрѣзанная по всѣмъ направлениямъ полосами распаханыхъ полей, и эта тишь да гладь полевая какъ-будто полна какого-то дремлогнаго недомоганья и мертвеннаго спокойствія. Было что-то невыразимо тоскливое въ бѣдномъ пейзажѣ, окружавшемъ село Горѣлово, что въ особенности живо чувствовалось Тамарѣ, привыкшей на юго-западѣ Россіи совсѣмъ къ другой природѣ, къ другимъ, болѣе разнообразнымъ и яркимъ краскамъ.

Васютка давно уже запропалъ куда-то въ поискахъ своихъ за Ефимычемъ, а вокругъ ни души, ни голоса человѣческаго, — и Тамара въ долготѣ и тишинѣ ожиданія возвращенія мальчонки или сторожа, среди всей этой монотонной и непривѣтливой картины, невольно поддавалась въ душѣ тоскливому чувству одиночества и скуки.

Такъ вотъ гдѣ предстоитъ ей жить и работать!.. Что-то ожидаетъ ее на новомъ поприщѣ, среди совершенно чуждыхъ и неизвѣстныхъ ей людей? Какъ-то они къ ней отнесутся? Освоятся ли съ нею, полюбить ли ее, или же останутся для нея совсѣмъ посторонними, равнодушными къ ея печалямъ и радостямъ, къ ея заботамъ и стремленіямъ на пользу ихъ же ребятишекъ?.. Да и какъ-то еще сама она примется за дѣло, знакомое ей до сихъ поръ только въ общихъ своихъ чертахъ, да и то лишь теоретически? Не слишкомъ ли самонадѣнно было съ ея стороны взяться съ легкимъ сердцемъ за такое серьезное и нравственно отвѣтственное дѣло? Справится ли она съ нимъ, будутъ ли понимать ее, а главное, сама-то она вѣрно ли пойметъ сразу, что именно здѣсь надо?.. Какъ бы не стать не на ту дорогу, на какую нужно, не взять фальшивую ноту, которую сразу можно испортить все дѣло? — А какая именно должна быть эта дорога и эта вѣрная нота, — для нея самой еще было не вполне ясно, и ей казалось, что если она и угадываетъ ихъ, то это скорѣе чувствомъ, чѣмъ отчетливо поставленнымъ «на научныхъ основахъ» сознаниемъ.

Первыя минуты пребыванія въ этомъ, совершенно новомъ для нея, мѣстѣ нѣсколько разочаровали Тамару. Будучи сюда, она представляла себѣ это село совсѣмъ не такимъ, какимъ оно казалось въ дѣйствительности, и почему-то ожидала совсѣмъ иного, болѣе привѣтливаго и теплаго къ себѣ отношенія со стороны его обывателей; ей казалось, что здѣсь будетъ ей гораздо веселѣй, что прїѣзду ея обрадуются, что встрѣтятъ ее добрые, радушные люди, обласкаютъ, обогрѣютъ, прїютятъ ее, — и вдругъ, вмѣсто всего этого, полное равнодушіе, полное безучастіе, какъ словно бы никому до нея и дѣла нѣтъ никакого! А вдобавокъ ко всему, со стороны этого толстаго старшины даже начальническій выговоръ какой-то получила здорово-живешь, по первому же шагу!.. Неужели и впредь пойдетъ все такъ же?!

Среди этихъ печальныхъ размышленій, Тамара и не замѣтила, что къ ней со стороны священническаго дома приближается какая-то сѣренькая, нѣсколько сторбленная фигурка, и только тогда очнулась отъ своего сосредоточеннаго раздумья, когда услышала вблизи себя слова:

— Здравствуйте, сударыня!

Съ удивленіемъ поднявъ глаза, она увидѣла предъ собою старенькаго священника, въ ватномъ демикотоновомъ подрясникѣ, съ рѣденькою бородкой и съ заплетенною сѣдою косицей на затылѣ. Старичекъ ласково привѣтствовалъ ее, приподнявъ свою широкополую, норыжѣлую отъ времени шляпу.

— Вѣрно, новая учительница наша?—спросилъ онъ, глядя на нее своими обвѣтренными слезящимися глазками, въ которыхъ тихо свѣтилась добрая улыбка, и получивъ отъ Тамары утвердительный отвѣтъ, — я такъ и думалъ! такъ и думалъ!—продолжалъ онъ, закивавъ на нее свѣнскою бородкой.—Вижу, подѣхала къ школѣ молодая особа, кому бы, думаю, быть, какъ не учительницѣ? Навѣрное учительница!—Анъ оно такъ и есть!.. Очень ради, очень ради вамъ, сударыня!..

— А вы, батюшка, вѣрно, священникъ здѣшній?—спросила въ свой чередъ Тамара.

— Бывшій, сударыня, бывшій... Сорокъ-пять лѣтъ на приходѣ сидѣлъ... ну, а нынѣ на покой живу... отпущенъ. Вотъ, отъ третьяго Спаса четвертый годъ пошелъ, какъ на покой. Владыко тогда въ Бабьегонскѣ былъ,—обѣздомъ по спархѣ, значить,—ну я меня къ себѣ вытребовалъ. «Пора бы, говоритъ, тебѣ, отецъ Макарій, и на покой, старъ ужъ ты сталъ и немощенъ, послужилъ, будетъ съ тебя! Надо бы и молодому мѣсто уступить».—Что жъ, говорю, владыко, оно и точно, человѣкъ я вдовый, одна дырѣя у меня, дѣвица, на врѣломъ уже возрастѣ, и кабы ей женихъ подходящій по нашей линіи, по священству, значить, я готовъ ему съ вашего архипастырскаго благо-

словенія приходъ уступить.—«Ладно, говоритъ, ступай съ миромъ, я пришлю жениха». И точно: мѣсяца не прошло, какъ прислалъ, не оставилъ въ забвеніи. Ну, порѣшили мы тогда свадьбу, и вотъ, такимъ-то родомъ, я и живу теперь при вятѣ... Онъ ужъ теперь священствуетъ, а я такъ только, въ добротную помощь ему, въ родѣ какъ викарный, скажемъ. Вотъ, и въ школѣ замѣсто его законъ Божій преподаю ребятамъ,—совмѣстно, значить, съ вами подвизаться будемъ, учительствовать...

Словохотливый старичекъ сразу понравился Тамарѣ своимъ неподдѣльнымъ добродушіемъ.—«Слава Тебѣ, Господи, хоть одна живая душа, кажись, будетъ!»—подумалось ей въ эту минуту.

— Да что-жъ вы сидите-то, сударыня, тутъ, на дворѣ?—спохватился онъ наконецъ.—Въ комнату бы пожаловали... Э, да никакъ и дверь на замкѣ?.. Ну, такъ и есть!.. Ай-ай, какъ же это такъ?.. Пойдемте хоть къ намъ пока,—предложивъ онъ,—обогрѣетесь, по крайности.

Тамара благодарила, объяснявъ, что рада бы душевно, да не можетъ отойти отъ вещей, которыхъ нѣ на кого покинуть,—сторожъ запропастился куда-то.

— Ну, вотъ!.. Ахъ, ужъ этотъ Ефимычъ!—досадливо закачалъ головой священникъ,—бѣда съ нимъ!.. И вѣдь хорошій человѣкъ, сударыня, совсѣмъ хорошій... Одно горе: выпивать любитъ. А кабы не это, работникъ-то какой золотой, я вамъ доложу,—на всѣ руки!.. Онъ у насъ и сапожникъ, онъ и башмачникъ, и столяръ, и маляръ, на всякую подѣлку домашнюю первый человѣкъ, одно слово!.. Ну, только чуть зашибъ копейку, сейчасъ въ трактиръ, и непремѣнно это чтобы въ компаніи..

— Семейный?—спросила Тамара, заинтересованная въ этомъ болѣе со стороны возможности найти въ его семьѣ кого-нибудь для своей домашней услуги.

— Нѣтъ, куда ему!—безнадежно махнулъ старичекъ рукою,—бобыль, старый солдатъ въ отставкѣ, жить негдѣ, — ну, и пристроили сторожемъ при школѣ, такъ, Христа ради... Изъ-за одного лишь теплаго угла живетъ. У насъ-то, сударыня, — началъ священникъ, помолчавъ немного, — вотъ, хоть школьное зданіе приличное есть, и то благодареніе Господу, — хорошее зданіе, что и говорить! — при старыхъ помѣщикахъ строено, лѣтъ двадцать, а то и поболь, назадъ. Все же нѣкоторое удобство вамъ будетъ, потому какъ тутъ и комната особливая для учителя полагается, и сторожъ для услуги есть. А вотъ, какъ въ другихъ-то селеніяхъ, я вамъ доложу, такъ и не приведи Богъ, сколь плохо! Школы-то земскія помѣщаются больше все по нашимъ лѣтнимъ избамъ, — тѣснота, холодъ, сырость, воздухъ спертый, да какъ еще на зиму печурку желѣзную приладить, совсѣмъ

смерть! — Учителяницы всю зиму такъ и не выѣзжаютъ ни днемъ, ни ночью изъ овчиннаго тулупа... Многія все здоровье потеряли на этомъ.

— И гдѣ же онѣ помѣщаются?—участливо спросила дѣвушка.—Неужели въ этихъ самыхъ школахъ?

— Нѣтъ, куды тамъ въ школахъ! Въ школахъ негдѣ,—и безъ того тѣснота, — а такъ, больше все по крестьянскимъ свѣтлкамъ, либо на задворкахъ, въ баняхъ ютятся, за уголъ платятъ хозяевамъ... Одинъ учитель, такъ тотъ цѣлую зиму въ амбарѣ выжилъ. А у насъ еще что! У насъ, слава Богу, жить можно! Да и лавки есть на селѣ,—того-сего купишь подъ рукою, а въ другой-то деревнѣ—не угодно ли верстѣ за пятнадцать на своихъ на двоихъ за четверкой чаю бѣжать! Шутка-ль!..

Наконецъ, Васютка разыскалъ и привелъ старика Ефимыча, немножко подъ хмѣлькомъ и потому не совсѣмъ довольнаго, что его оторвали отъ пріятной компаніи въ трактирѣ. Впрочемъ, увидѣвъ новую учителяницу вмѣстѣ съ отцомъ Макаріемъ, онъ пересталъ ворчать, сейчасъ подбодрился и браво, «по-николаевски», выпалилъ имъ свое «здравія желаю».

Старый «батюшка» началъ было слегка журить его, что какъ же-де можно такъ бросать безъ призора школу и пропадать невѣсть-гдѣ столько времени, — хоть бы ключъ оставлялъ ему, что-ли, когда уходитъ! Но тотъ только головой мотнулъ ему на это, какъ лошадь въ хомутѣ,—не замай, молъ! — и повернулся къ дѣвушкамъ.

— Съ прїѣздомъ честь имѣю проздравить!.. Вы наши наставники, мы ваши слуги, это я, значить, долженъ понимать... и совсѣмъ моимъ почтеніемъ... А батюшка это напрасно... потому я святымъ духомъ знать не могъ и къ мѣсту тоже человѣкъ не припѣтый. Вѣрно! А ежели виноватъ,—виноватъ, одно слово!.. Прошу любить да жаловать... Ужъ извините, смерзлись, чай, безъ меня-то? Ну, да вѣдь не ждали васъ сегодня, потому какъ...

— Отворите пожалуйста, — перебила его Тамара, предвидя, что если не напомнить ему объ этомъ, такъ болтовня его и конца не будетъ.

— Въ секунтъ!—подхватилъ сторожъ, встретившись по-военному.—Будьте покойны, сейчасъ отворимъ, и чемоданки ваши перенесемъ, и все что угодно, — въ одинъ секунтъ!.. Это мы живо... А вы, барышня, никакъ, изъ жидовъ будете?—съ добродушнымъ и наивнымъ удивленіемъ спросилъ онъ вдругъ, взглядывая въ черты лица Тамары.

Та нѣсколько смутилась отъ этого, совершенно уже неожиданнаго и не совсѣмъ пріятнаго ей вопроса; но не рѣшаясь отвѣтить ни «да», ни «нѣтъ», съ принужденной улыбкой спросила его въ свой чередъ, почему онъ такъ думаетъ?

— А съ лица быдто похоже показалось мнѣ, я и подумалъ себѣ... Мы тоже, вишь ты, въ Польшѣ въ этой самой долго стояли, въ Аршавѣ, значить, — пояснилъ онъ,—такъ тамъ ужъ чего-чего, а жидовъ —хоть прудъ пруди! И такъ намъ эти самые жиды примелькались, что вотъ и въ Рассеѣ теперь какиннаго, въ какой онъ одежѣ ни будь, сейчасъ по лицу признаю... Вѣрно!

— Ну, отворай-ка, отворай, братъ, поскорѣе, нѣчѣмъ пустяки болтать-то!—внушительно понудилъ его батюшка.—Барышня, вишь, и то зязябла вся, а ты зря только мѣловомъ мелешь!

— Зязябла?—предупредительно спохватился сторожъ.—Это ничего... Это мы мигомъ печку затопимъ! Вотъ только дровецъ-то гдѣ раздобыть, не знаю. Къ намъ-то мужички еще не собрались доставить изъ лѣсу. Просилъ она-мѣдн старосту, —обѣщался распорядиться, ну, а только еще не привозили!.. Да ничего, какъ-нибудь и такъ согрѣемя!.. Пожалуйте!—обратился Ефимычъ къ Тамарѣ, отворивъ ей наконецъ дверь.—Сюда-сюда, налѣво,—тутъ вотъ и будетъ эта самая ваша фатѣра, а направо—тамъ классная.

Черезъ темныя сѣни вошла Тамара въ небольшую прихожую, или кухню, съ широкою русскою печью, откуда одностворчатая низковатая дверь вела въ слѣдующую комнату о двухъ окнахъ.

— Вотъ здѣсь, значить, я, а тутъ, значить, вы, — пояснилъ Ефимычъ, указывая ей въ дверяхъ на оба смежныя помѣщенія.

Такое непосредственное сосѣдство со сторожемъ, не всегда къ тому же трезвымъ, показалось дѣвушкамъ не совсѣмъ удобнымъ; но, очевидно, дѣлать было нечего, приходилось мириться съ тѣмъ, что есть, и тѣмъ болѣе, если это помѣщеніе, по словамъ священника, считается еще, сравнительно съ другими, чуть не роскошнымъ. Учительская «фатѣра», однако, произвела на нее не очень-то пріятное впечатлѣніе: тускло, голо, да и холодно, какъ въ погребѣ; на стѣнахъ мѣстами облупилась штукатурка, на окнахъ и по угламъ протянулись пыльныя, тенета старой паутины, въ воздухѣ отдаетъ какою-то затхлостью нежилой каморы, которая давнымъ-давно уже не провѣтривалась и не подметалась. Ни мебели, ни вообще изъ предметовъ домашней обстановки не было ровно ничего. Выхода особаго тоже не оказалось,—приходится, значить, ходить черезъ помѣщеніе сторожа.

— На чемъ же я спать тутъ буду?—спросила Тамара, оглядывая вокругъ всю комнату, съ недоумѣвающимъ и нѣсколько брезгливымъ выраженіемъ.

— А вотъ!—показалъ ей сторожъ, похлопывая ладонью по кирпичной и когда-то даже выбѣленной лежанкѣ; — коли-ежели постонетъ-

печку, тутъ прѣчудесно! И снизу припекаетъ, и отъ стѣны духъ идетъ,—первый сортъ!.. Я-то самъ тоже на печи сплю, — лучше не надо!

Но у Тамары имѣлась при себѣ только одна подушка; тюфика не было, да и при школѣ, говоритъ Ефимычъ, такового не полагаются.

— Это ничего! — утѣшалъ онъ дѣвушку, — можно сѣнца либо соломки раздобыть, — это мы подстелемъ! И ежели что насчетъ стола или скамейки, такъ это тоже можно изъ классной захватить пока, — столу ничего съ того не сдѣлается. Это мы все можемъ и всѣмъ распорядимся.

Вещи Тамары были перенесены съ крыльца въ ея комнату, послѣ чего отецъ Макарій счелъ своевременнымъ откланяться ей, сказавъ на прощанье, что не смѣетъ долѣе стѣснять ее собою, такъ какъ она, конечно, устала съ дороги и навѣрное желаетъ отдохнуть, а въ случаѣ если нужно будетъ самоваръ, или другое что, такъ ужъ пожалуйте присылайте Ефимыча къ намъ, дочка отпуститъ все, что понадобится.

Старычскъ удался, а за нимъ въ припрыжку побѣжалъ домой и Васютка, получивъ отъ Тамары за свои хлопоты пѣлый пятакъ на гостинцы. Вслѣдъ за тѣмъ ушелъ и Ефимычъ добывать для нея гдѣ-нибудь охапку дровъ или хвороста, да соломы на подстилку, а кѣстатіи купить для нея же въ лавкѣ салютную свѣчку.

Въ ожиданіи его возвращенія, Тамара не раздѣваясь присѣла на лежанку и, въ раздумьи, тупо какъ-то и неподвижно уставилась глазами въ тусклыя окна своей, все болѣе и болѣе погружавшейся во мракъ, комнаты.

На дворѣ, между тѣмъ, совсѣмъ уже стемнѣло; въ оконцахъ избѣ, по ту сторону площади, замигали тамъ и сямъ огоньки, уличные звуки дневной жизни мало-по-малу затихли, — и въ самой комнатѣ установилась та мертвая тишина пустоты, при которой каждый случайный шорохъ, подпольный скребокъ мыши, или легкій трескъ половицы гораздо чутче улавляются ухомъ, кажутся громче обыкновеннаго и, какъ-то невольно останавливая на себѣ вниманіе, заставляють настороженно къ нимъ прислушиваться. Жуткое чувство одиночества въ-потымахъ еще тоскливѣе, чѣмъ давеча на крылечкѣ, охватило дѣвушку; грустныя мысли сами собою лѣзли въ голову, и перспектива будущей жизни ея въ этой школѣ стала представляться далеко не столь свѣтлою, какою казалась ей еще сегодня утромъ. Полное одиночество — вотъ какъ теперь — и матеріальное, и нравственное; не съ кѣмъ ни мыслыю подѣлиться, ни душу отвести. . Нужда, лишенія, можетъ быть, болѣзнь... Никого-то близкаго и нячего-то своего у нея нѣтъ, — ничего, даже изъ числа самыхъ необходимыхъ вещей, — всѣмъ, значитъ, надо обзаводиться, а средствъ

на это такъ мало... Да и когда-то еще, и гдѣ она успѣетъ обзавестись всѣмъ, что нужно!.. То-ли дѣло было въ Украинскѣ, въ дѣдушкиномъ домѣ, подъ крылышкомъ у «бобе Сорре», которая ее такъ любила, такъ нестовала!.. Да, была тамъ у нея когда-то своя уютная комната съ окнами прямо въ садъ, подъ которыми росли кусты сирени; была своя любимая библиотечка, своя мягкая, эластическая постель подъ свѣжно-бѣлымъ кисейнымъ дологомъ... И какъ тепло и свѣтло было въ этой комнатѣ, какъ хорошо и беззаботно жилось въ ней, и какъ ее всѣ тамъ любили!.. Кто-то теперь живетъ въ ней и что-то тамъ дѣлается?.. Вспоминають ли порою о ней, о «фѣйгеле-Тамарѣ», о «Тамарѣ-лѣбень», какъ звала ее, бывало, бабушка?.. Но что жъ это? Неужели сожалѣніе о прошломъ? Неужели это оно незаметно закрадось къ ней въ душу и вдругъ такою щемящею болью заговорило въ ея сердцѣ?.. Господа, да что жъ это съ нею?! Съ чего это вдругъ?.. Нѣтъ, нѣтъ, не надо!.. Не надо вспоминать объ этомъ... Все это было когда-то, давно уже, и все минуло, прошло, какъ дѣтскій сонъ... Со всѣмъ этимъ разъ навсегда уже покончено, — зачѣмъ же напрасно беречь старую рану!.. Лучше думать о чемъ другомъ, — о настоящемъ; о сегодняшнемъ.. О чемъ-бишь она думала?.. Да, о томъ, что ничего-то у нея нѣтъ — и что всѣмъ надо будетъ обзавестись. И то-по: нѣтъ вотъ ни стола своего, ни стула, ни постели, не говоря уже о самоварѣ, о чашкахъ, тарелкахъ и прочей посудѣ, — а гдѣ все это достанешь въ деревнѣ, и чего все это будетъ стоить!.. А потомъ еще вотъ что: гдѣ и что она будетъ ѣсть, и кто станетъ готовить ей пищу? Кто стирать бѣлье? Неужели все тотъ же Ефимычъ?.. Кабы вотъ у священника, что-ли, можно было столоваться... Хорошо, если тамъ согласятся принять ее на хлѣба за плату, а если нѣтъ, тогда какъ? Искать по крестьянамъ — не возьмется ли кто изъ нихъ, или же брать обѣдъ изъ трактира? Но послѣднее, вѣроятно, будетъ ей не по карману... Не надо забывать, что отнынѣ ей предстоитъ жить всего лишь на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ, удовлетворяя изъ этого скуднаго жалованья, какъ знаешь, всѣ свои житейскія нужды и потребности.

Въ первый разъ еще дѣтско-роду такіе насущные и чисто практическіе вопросы нужды и жизни встали предъ Тамарой, во всей своей наготѣ и неотразимости, и она невольно терялась пока предъ ихъ разрывненіемъ, сама еще не зная, какъ и что это будетъ даже завтра. На войнѣ было куда лучше и легче! Тамъ хотя и много было трудовъ и лишеній, но зато не приходилось самой заботиться ни о кускѣ хлѣба, ни о ночлегѣ, ни объ остальныхъ всѣхъ нуждахъ, — тамъ за нихъ, за сестеръ, заботились объ этомъ другіе, уполномоченные «Краснаго Креста», а

здѣсь теперь все сама обо всемъ подумай и сама все себѣ сдѣлай,—за всякую работу другимъ вѣдь не наклоняешься и не наплатишься,—ни поклоновъ, ни денегъ не хватить! Но, впрочемъ, что жъ! Это ее не особенно еще пугаетъ: живутъ же другія учительницы, да еще—вонъ сказываютъ—много хуже, чѣмъ ей здѣсь приходится. Чѣмъ же она лучше ихъ!? Назвался груздемъ, говоритъ пословица, полѣзай въ кузовъ! — Дастъ Богъ, проживетъ и она какъ-нибудь, пока есть молодость да силы. Энергіи пока, слава Богу, не занимать—стать, да и характеръ, и сила воли найдутся. Въ этомъ отношеніи она, какъ видно, вышла изъ своего покойнаго отпа: тому не разъ ужъ какъ вѣдь плохо приходилось въ жизни! Совсѣмъ прогоралъ человекъ, а все же духомъ не падалъ,—и каждый разъ одна только собственная своя энергія спасала!.. О, да, это былъ истинный боецъ жизни, думалось Тамарѣ,—боецъ до конца, пока смерть не сразила... И будь онъ живъ,—какъ знать!—ей сдается, ей чувствуется, ей вѣрится, что онъ не отнесся бы къ ней, въ своей Тамарѣ, такъ безсердечно и безпоощадно, какъ другіе, за то, что она поступила такъ, а не иначе, въ силу своего глубокаго внутренняго убѣжденія. Не даромъ же евреи всегда называли его вольнодумцемъ!.. Но дѣдушка? Неужели онъ, этотъ умный, добрый, сердечный дѣдушка не въ состояніи понять и простить ее?.. Правда, она много причинила ему горя, но все же она вѣдь родная ему, самая близкая, единственная родная теперь на свѣтѣ,—и неужели же онъ, въ самомъ дѣлѣ, способенъ искренно ненавидѣть и проклинать ее?!.. О, чего бы она не дала, чѣмъ бы не пожертвовала, чтобы видѣть и обнять его христіанскомъ, на столько же убѣжденнымъ и искреннимъ, на сколько теперь онъ убѣжденный еврей!.. Дѣдушка навѣрное полюбилъ бы тогда Атурину, благословилъ бы ихъ, и всѣ жили бы вмѣстѣ и всѣ были бы счастливы... Сколько добра можно бы было дѣлать!.. Однако, что жъ это? Блуждающія мысли ея опять незамѣтно возвращаются къ прошлому, къ родному гнѣзду, къ дорогимъ ей лицамъ.—Опять она ловить себя на этомъ. Да что съ нею сегодня дѣлается?! А, всему этому одна причина: ея одиночество... Да, одиночество,—это такъ понятно. Скорѣй бы что-ли за дѣло приниматься, отдаться ему всею душой, всѣми помыслами, всей, всей, какъ есть, уйти въ него, въ это дѣло, встряхнуться нравственно,—и всю эту блажь какъ рукою снять!.. Борьба? — Что жъ, будемъ бороться и съ голодомъ, и съ холодомъ, если ужъ судьба такая! Стало быть, для чего-нибудь это такъ нужно.

Но обращаясь мысленно къ сегодняшней дѣйствительности, одно только находила Тамара ужасно для себя неприятнымъ,—это то, что Ефимычъ угадалъ въ ней еврейку. Обсто-

ятельство само по себѣ совершенно пустое, но неприятно оно было тѣмъ, въ особенности, что подавало ей поводъ тревожиться за будущія отношенія къ ней деревенскихъ дѣтей, а главное, ихъ родителей. Ахъ, этотъ Ефимычъ противный!.. И нужно же было!.. Пойдутъ теперь «жидовка» да «жидовка»!..

И что это, въ самомъ дѣлѣ, за печать такая на ихъ племени! Ничѣмъ ее не изгладить!.. Ужъ кажется, въ ея лицѣ такъ мало этихъ рѣзкихъ, типично еврейскихъ чертъ и особенностей,—сами евреи не разъ, бывало, при ней высказывались объ этомъ, иные даже удивлялись «такой странности», а другіе сожалѣли, что въ ней, «въ отпрыскѣ корня Давидова», на ихъ взглядъ, совсѣмъ ничего нѣтъ «нашего», и за глаза не безъ ехидства называли ее «за» это «вѣнскимъ продуктомъ», желая набросить такую клочковатую сомнительную тѣнь на самую чистоту еврейскаго ея происхожденія. Разныя жидовочки-сверстницы еще въ гимназій дразнили ее изъ зависти этими самыми словами, что въ дѣтствѣ нерѣдко до слезъ оскорбляло и огорчало Тамару, заставляя ее еще болѣе егорючиться отъ своихъ маленькихъ соплеменницъ. И вотъ, поди жъ ты! — для «своихъ» она — «вѣнскій продуктъ», а здѣсь—простой солдатъ сразу узнаетъ въ ней еврею!

Происхожденія своего стыдиться, конечно, нечего, да она и не стыдится,—она не виновата, что въ ней течетъ семитическая кровь,—но тутъ досадно другое. Этотъ старый болтунъ ужъ навѣрное не утерпитъ, чтобы не разблагословить по всему селу, что наняла-де новая учительница «изъ жидовъ», и сдѣлаетъ это даже безъ всякаго злого намеренія, а такъ по тому же нанятому добродушію, съ какимъ онъ давеча задалъ и самый вопросъ свой Тамарѣ. А между тѣмъ, молва съ его словъ пойдетъ все дальше да дальше, и не трудно предвидѣть, что послѣдствіемъ ея на первыхъ же порахъ явятся у крестьянъ невольное предубѣжденіе противъ учительницы и недоверіе къ ней, какъ «жидовкѣ», которая естественнымъ образомъ перейдетъ отъ родителей и къ дѣтямъ, будущимъ ея ученикамъ и воспитанникамъ, а это уже совсѣмъ плохо, потому что сразу можетъ поставить ихъ въ ненадлежащія къ ней отношенія.—Вотъ что прискорбно. Тамъ поди еще, жди, пока-то отцы и дѣти разубѣдятся въ своемъ предубѣжденіи. Да и сколько нравственныхъ усилій, сколько осторожности и такта придется приложить къ дѣлу, чтобы возстановить между собой и ими доброе доверіе и хорошія, простые отношенія! Да и вопросъ еще.—удастся ли это исполнѣ, несмотря на всѣ ея старанія?—Можно скорѣе предполагать, что кое-какой осадокъ предубѣжденія все-таки останется въ душѣ если не у всѣхъ, то у нѣкоторыхъ, и глядя на нее, они будутъ себѣ думать: «хороша-то хороша, и очень тобой мы довольны, а какъ-

ни-какъ, все же ты изъ жидовъ выходишь, — значить, *не наша*», и будутъ отъ нея сторониться. Этого болѣе всего опасалась Тамара, предчувствуя, что подобное положеніе въ состояніи будетъ намного отравить ея существованіе въ русской деревнѣ. Раньше она и не думала объ этомъ, ей и въ голову не приходили такіа опасенія, — и вотъ одинъ простодушный вопросъ стараго солдата вводитъ ее въ сомнѣніе и нарушаетъ все ея радужныя мечты о жизни въ деревнѣ и надежды на благотворность своей скромной дѣятельности, среди народа, который она успѣла такъ полюбить за время войны, въ лицѣ того же русскаго солдата, считая и самой себя также «русскою». Неужели же эта несчастная «печать жидовства» будетъ служить ей вѣчною помѣхою въ жизни?!

* * *

На лѣсенкѣ школьнаго крыльца послышался наконецъ Тamarѣ тяжелый топотъ чьяхъ — то всходящихъ шаговъ, сопровождаемый крихтывьемъ человѣка, очевидно, тащившаго на себѣ какую-то тяжесть, которую, вслѣдъ за симъ, онъ грузно сбросилъ съ плечъ на полъ въ сѣняхъ; затѣмъ пѣвуче закрипѣла отворявшаяся дверь изъ сѣней, — и на порогъ раздался въ потемкахъ добродушный голосъ Ефимыча:

— Ну, вотъ и я!.. Соскучились, чай?.. сейчасъ свѣчку зажигаю, свѣтло будетъ. Староста вязанку хвороста отпустилъ! — продолжалъ онъ докладывать многодовольнымъ тономъ, словно бы ему и самому радостно было, что хлопоты его увѣнчались успѣхомъ. — Эво-на, какая вязанка! Я ужъ постарался — благо, своя рука владыка! — чтобъ и на завтра намъ хватило. А вотъ тоже отъ сотскаго сейчасъ сѣнничекъ вамъ принесутъ, — у нихъ, вишь ты, залишній напелся, — пушай-де, говорить, барышня поспитъ, пока свой справитъ, намъ ни къ чѣму. Важно?

— Спасибо, голубчикъ! — отъ души поблагодарила его Тамара.

— То-то, «спасибо»!.. Ты спасибо-то вонъ кому, — Богу, значить, говори, да добрымъ людямъ, а мнѣ что! — Я должность свою справляю... Вотъ, сожди малость, сейчасъ къ батькѣ за самоваромъ сбѣгаю.

И невятно ворча себѣ подъ-нось, Ефимычъ принялся шарить и копошиться надъ чѣмъ-то у себя на окнѣ да на печкѣ, послѣ чего, спустя минутку, внесъ къ Тamarѣ зажженную свѣчку, вставленную въ горлышко пустой бутылки изъ-подъ пива.

— Ишь ты, лимивация какая! — похвалился онъ, высоко поднявъ въ рукѣ свой импровизованный подсвѣчникъ, и съ основательнымъ видомъ поставилъ его пока на окошко.

Черезъ полчаса въ комнатѣ уже весело трещало и пощелкивало пылающій хворостъ въ

печкѣ, и стоялъ между окнами крапешный «учительскій» столикъ, на которомъ кипѣлъ и пылѣлъ поповскій самоваръ, наполняя комнату горячимъ паромъ; и лежали тутъ же тюрички съ чаемъ и сахаромъ, связка бубликовъ, холодная курица да ветчина съ колбасою, припасенныя Тamarой на дорогу еще въ Бабьегонскѣ, и сама Тамара сидѣла уже не на лежанкѣ, гдѣ Ефимычъ прилаживалъ ей теперь постель, а на стулѣ, позаимствованномъ все тѣмъ же Ефимычемъ у «батьюшки».

Расположеніе духа ея приняло менѣе грустное направленіе, и самъ Ефимычъ повеселѣлъ еще болѣе, — быть можетъ, отъ превращенія предстоявшаго ему удовольствія попарить нутро чайкомъ и спать сегодня у себя на давно нетопленной печи въ болѣе теплой температурѣ.

Чтобы достать себѣ чистую наволочку и простыни, пришлось Тamarѣ распаковать чемоданъ, и тутъ, разбирая въ немъ свое добро, она съ грустной усмѣшкой создалась себѣ, что зря накупила въ Петербургѣ предъ отъѣздомъ много лишняго, бесполезнаго. — Ну, на что ей напримѣръ, эти лайковыя и шведскія перчатки о шести пуговкахъ, если здѣсь, въ такомъ холодѣ, вѣнору носить только вязанныя варежки; на что этотъ красивый абажуръ при сальной свѣчкѣ въ пивной бутылкѣ, эта изысканная костяная раздѣлка, хрустальная чернильница съ бронзовою крышечкой, баночка любимыхъ духовъ, или эта пудра съ лебяжьей пуховкой, — къ чему все это, когда тутъ даже спать-то не на чемъ полудски! Не лучше ли было прибавить лишнюю копейку, да купить на нее желѣзную кровать съ матрацемъ... А теперь жди, пока-то еще скопишь денегъ на такую роскошь!.. Но что же дѣлать, — на то и промахи, чтобъ была впередъ наука.

Зато давно уже не пила она чаю съ булѣнками и мясными закусками съ такимъ удовольствіемъ и аппетитомъ, какъ сегодня, послѣ дѣлаго дня, проведеннаго на свѣжемъ, сыромъ воздухѣ, въ дорогѣ. Назавтра, обвѣтрившіяся щеки и уши ея разгорѣлись теперь, послѣ двухъ стакановъ чая, и пылали яркимъ алымъ румянцемъ. Да и сама она послѣ этого почувствовала себя гораздо благосостоятельнѣе, живѣе, спокойнѣе нервами, и потому замѣтно повеселѣла и уже не съ такимъ мрачнымъ сомнѣніемъ и недоумѣніемъ смотрѣла на свое будущее. Даже самая комната эта показалась ей теперь болѣе привѣтливой и удобной. — Ничего себѣ, стоять только немного почистить ее, вымыть полъ да стекла, оберечь углы и стѣны, — и будетъ, пожалуй, совсѣмъ сносно, особенно, если удастся со-временемъ кое-какую мебельшечку поставить.

«Нѣтъ», думалось ей въ эти минуты, «свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Найдутся они, безъ сомнѣнія, и въ Горьловѣ. Да что жъ,

хоть бы этот отецъ Макарій, напримѣръ, или даже этотъ Ефимычъ, — въ сущности говоря, вѣдь прекраснѣйшіе люди. Да и сотскій тоже, должно быть, хорошій человекъ: и слова, вишь, не сказалъ, а самъ еще охотно съ нимъ чекъ предложилъ, когда у него только содомы просили. Найдутся, вѣрно, и другіе хорошие, — стоитъ лишь пообщаться да приглядѣться къ нимъ поближе. А тамъ, дастъ Богъ, все хорошо пойдетъ, все наладится понемножку».

— Ну, барышня, спасибо, что остатки чайку старику пожертвовала, и на сахаръ благодарствую, — поклонился ей солдатъ, прибирая со стола лишнее. — Вотъ, значить, я и побалуюсь малость у себя въ кельѣ, за твое здоровье. Люблю я вта чаекъ-то, когда угостятъ!.. А ты запримѣнь на крючекъ, дверь-то, — тутъ крючекъ есть такой, — да и спи-себѣ съ Богомъ! — прибавилъ онъ въ тонѣ наставительнаго совѣта. — Ишь ты, лежанка-то какъ нагрѣлась, — одна сласть!

Посидѣвъ еще немного послѣ его ухода, Тамара почувствовала, какъ въ согрѣвшей комнатѣ ее все сильнѣй и сильнѣй начинаетъ разбирать охота ко сну. Постель на лежанкѣ, подъ чистымъ, свѣжимъ бѣльемъ и байковымъ одѣломъ, показалась ей и оригинальной, и даже привлекательной. На войнѣ и не такъ еще спать приходилось, и ничего, спала же! — а тутъ и подавно спать будетъ. Испытывая здоровую физическую усталость и на много уже успокоенная нравственно, она не хотѣла ни о чемъ болѣе думать сегодня, ни загадывать о будущемъ и, только ложась въ постель, горячо помолилась Богу, съ полною вѣрой и надеждой предавая себя Его святой волѣ и проси устроить о ней и о всемъ на благо, «яко же самъ Ты, Господи, вѣси!»

II.

На первыхъ порахъ.

На другой день утромъ Тамара прежде всего поспѣшила ознакомиться со своею «классной», гдѣ, по выраженію стараго «батюшки», отнынѣ предстояло ей «подвизаться». Три четверти комнаты были заняты ученическими «партами», а на остальномъ пространствѣ помѣщались учительскій столъ, книжный шкафъ и большая черная доска на треногѣ. По стѣнамъ висѣли «естественно-историческія таблицы» съ рисунками, карта обложъ полушарій земли и карта Россіи. Тамара раскрыла книжный шкафъ и нашла въ немъ небольшую библиотечку, даже съ каталогомъ книгъ, составленнымъ ея предшественникомъ. Это открытіе очень ее обрадовало, и она съ живымъ интересомъ принялась знакомиться по каталогу съ составомъ школьной библиотeki. Тамъ она встрѣтила въ довольно уже истрепанномъ

видѣ нѣсколько учебниковъ, «Букварь» Тихомирова, «Родное слово» и «Дѣтскій міръ» Ушинскаго, «Нашъ другъ» багона Корфа и «Книги для чтенія» Паульсона, Водовозова и др. Изъ книгъ религіознаго и духовно-нравственнаго содержанія оказались только «Святѣйшій градъ Іерусалимъ» да «Земная жизнь Пресвятыя Богородицы». Ни Евангелія, ни Псалтири, ни Часослова, ни Четви-Миней не было. Затѣмъ, въ каталогѣ, подъ рубрикою «книги, пожертвованныя почетнымъ почетелемъ горьловской сельской школы, господиномъ Алозіемъ Марковичемъ Агрономскимъ», значилась: «Въ чемъ вся суть?» Жемчужникова; «Дневникъ провинціала въ Петербургѣ» М. М.; «Соль земли», романъ; «Ташкентцы приготовительнаго класса» Н. Щедрина; «Артельныя сыроварни», «Швейцарская демократія», «Благонамѣренныя рѣчи» Н. Щедрина; «Русскія женщины» Мордовцева и, наконецъ, разрозненныя, за нѣсколько лѣтъ, книжки «Отечественныхъ Записокъ», «Дѣла» и «Современника».

«Неужели все это можетъ быть занимательно и нужно для крестьянскихъ мальчиковъ?» подумалось Тамарѣ, невольно остановившейся въ недоумѣніи предъ такимъ страннымъ и смѣшаннымъ выборомъ книгъ для скромной сельской школы. И въ самомъ дѣлѣ, что за странности! Она была увѣрена, что встрѣтитъ на стѣнахъ классной комнаты изображенія библейскія и евангельскія событія рядомъ съ картинками изъ русской исторіи, а вмѣсто того находить котловъ, куръ да лягушекъ на «естественно-историческихъ таблицахъ». Положимъ, и это, можетъ быть, не бесполезно; но то, казалось бы ей, гораздо важнѣе, потому что нравственно ближе, доступнѣе, какъ и все религіозное, сердцу крестьянскаго ребенка.

Далѣе Тамара нашла въ томъ же шкапу, на нижней полкѣ, между пустыми чернильницами, тряпками, мѣломъ и грифельными досками, засунутый въ глубь шкафа портретъ государя, въ черной рамкѣ подъ стекломъ, очевидно, предназначенный для классной комнаты. Она позвала Ефимыча и сказала ему, что царскій портретъ надо пообчистить отъ пыли и мухъ и повѣсить на стѣну, на видное мѣсто.

— Надо-то надо бы, это точно, — согласился сторожъ. — Анадьсь онъ и висѣлъ тутъ, а только убрать приказали.

— Кто приказалъ? зачѣмъ? — освѣдомилась двушка.

— Какъ кто! — Агрономскій приказалъ, попечитель нашъ, баринъ, онъ самый. Убери, говорятъ, въ чуланъ, сохраниѣе будетъ. А я себѣ думаю, зачѣмъ въ чуланъ! — словно бы и не пригоже какъ-то для царскаго-то лица, — да и припряталъ его въ шкафъ.

Тамара предложила ему сейчас же повѣсить портретъ на мѣсто.

— Нельзя безъ спросу,—отговорился сторожъ.—Забранится,—Агрономскій-то,—потому онъ приказалъ вывѣшивать его, только какъ ежели начальство какое ожидается, а безъ того, говорить, не смѣтъ!

Сомнѣваясь въ справедливости словъ Ефимыча, дѣвушка поглядѣла на него явно недо- вѣрчивымъ взглядомъ.

— Вѣрно!—подтвердилъ ей старикъ, по- нявъ значеніе этого ея взгляда.—Онъ не токма-что у насъ, онъ и въ другихъ школахъ, по всей округѣ, слышно, царскіе патреты со всей фамиліей, значить, какъ есть всѣ со стѣнъ снималъ,— для сохранности, гово- рить.

— Чтѣ за вадоръ такой!—пожала плечами Тамара.—Чтѣ портрету на стѣнѣ сдѣлается?!

— Ну, вотъ поди-жъ ты!.. Мужики и то говорятъ, что ребятамъ бы даже и лестно было на ликъ-то царскій взирать, а онъ— нельзя!.. Чтѣбъ не спортился, говорить... А какаа ему порча съ того, подѣ стекломъ-то!..

Тамара сказала, что сама сейчасъ же его пообчиститъ и повѣситъ,—глупости, молъ, все это,—и, взявъ портретъ, повесила-было его къ себѣ въ комнату.

— Чтѣ ты, чтѣ ты, барышня!—замахалъ на нее руками сторожъ.—Господь съ тобой! Али мѣста своа не жалко?!

— Мѣста? удивленно оглянулась на него дѣвушка.— Причѣмъ тутъ мое мѣсто?

— Эво-на! Причѣмъ!.. Попробуй-ка ему на- перекоръ, али не уважить въ чѣмъ, онъ тебя сейчасъ мѣста рѣшить.

— Это за портретъ-то, что я повѣшу его куда слѣдуетъ?

— Не за патреть, поясилъ старикъ,—а зачѣмъ супротивъ его приказанія,—вотъ!

— Приказанія?.. Да что онъ за начальство такое, что можетъ приказанія отдавать?..

— Начальство ли, нѣтъ ли, а только сила,— это ты мнѣ повѣрь. Ну, и заноза тоже!.. Чуть что не по-своейному,—ни кричать, ни ругаться не станеть, а только пожалѣть-пожалѣть головкой-то этга, поахаеть надѣ челоуѣкомъ, да сейчасъ и вонъ его, какъ пить дать!.. Это вѣрно! Учителей тоже, который ежели не пограбятъ ему, много сплавить!

— Пустяки ты говоришь, Ефимычъ.—Извини, голубчик!— не повѣрила ему дѣвушка.— Не онъ меня опредѣлялъ, не ему и смѣщать меня,— другіе есть на то, посылать.

— Толкуй тоже!—мотнулъ головой Ефи- мычъ.— Не знаемъ мы, что-ли!? Поѣдетъ этга въ городъ, переговарятъ тихимъ мане- ромъ съ кѣмъ слѣдуваеть, а ты и собирай, зна- чить, пожитки...

«Странный попечитель», подумалось Та- марѣ.—«И имя какое-то странное, совсѣмъ не

русское,—Алопай!.. Откуда онъ, и кто и что онъ такое?» задалась она вопросомъ, который, въ виду послѣдняго сообщенія Ефимыча, по- казался ей существенно для нея важнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, что это за «сила» такая, которая играетъ учителями, какъ пѣшками, и ворочаетъ всею судьбой ихъ по своему капризу, если только это правда? Сообщеніе Ефимыча было далеко не изъ успокоитель- ныхъ, и она рѣшила себѣ справиться обо всемъ этомъ, при случаѣ, у священника, ко- торому кстаи намѣревалась сдѣлать сейчасъ же свой первый визитъ. Ей хотѣлось позна- комиться съ нимъ и его семьею покороче и разузнать отъ нихъ объ условіяхъ мѣстной жизни, о мѣстныхъ отношеніяхъ, о людяхъ, съ которыми такъ или иначе придется стал- киваться въ своей дѣятельности, о помѣщи- кахъ и иныхъ сосѣдяхъ, есть ли между ними люди образованные, семейные, съ которыми можно бы было и стоило бы познакомиться, а также можно ли гдѣ и черезъ кого именно добывать для прочтенія книги, журналы и газеты... Все это казалось ей нужнымъ, даже необходимымъ, для того чтобы хоть сколько- нибудь на первыхъ порахъ осмотрѣться и приспособиться къ обстоятельствамъ въ но- вомъ и совершенно незнакомомъ ей мѣстѣ.

III.

У «батюшекъ».

У священника, отца Никандра, Тамара сразу натолкнулась на совершенно неожидан- ную для нея сцену. На спросъ ея, можно ли видѣть батюшку и нельзя ли, молъ, доложить о ней, простоватая батрачка, не уразумѣвъ даже смысла послѣдней, совсѣмъ необычной для нея, фразы, добродушно сказала «пожа- дуйте» и растворила передъ дѣвушкой дверь изъ сѣней въ «чистую комнату».

Обстановка этой единственной въ домѣ «чистой» комнаты, вообще довольно скудная, со старенькою сбродною мебелью, видимо до- стала въ отцу Никандру въ приданое за же- ною отъ тестя. Здѣсь прежде всего бросился въ глаза Тamarѣ передвиганный столъ, и это потому, что на немъ, казалось бы, совсѣмъ еще не ко времени, увидѣла она полуштофъ водки, а рядомъ съ нимъ миску, наполненную куряными яйцами и завязанную повареннымъ ситцевымъ платкомъ съ пестрыми разводами. Рядомъ съ этою миской лежалъ большой кусъ вареной солонины на тарелкѣ и цѣлый кара- вай пшеничнаго ситника на бѣломъ полотенцѣ съ узорчатыми концами.

Горьловскій «батюшка»,—человѣкъ еще мо- лодой, лѣтъ тридцати, съ пушистою бѣлоку- рою бородкой и такою же шевелюрой, которую его супруга собственноручно заплетала ему на

ночь въ мелкія косички а поутру взбивала гребнемъ кверху, «противъ ворса», отчего шелюра эта, либерально подстриженная на затылкѣ, являлась какъ бы нѣкимъ пышнымъ ореоломъ, разлетающимся отъ чела его въ стороны. Одѣтъ онъ былъ въ коричневый подрясникъ, опоясанный широкимъ поясомъ, на которомъ все тою же супругой собственноручно были вышиты ему нѣкогда гарусомъ ярко-пунцовыя розы и бутонны съ ярко-зелеными листьями. Изъ-подъ подрясника выглядывали у батюшки кончики «модныхъ» триловыхъ брюкъ, сѣреныхъ въ клетку. Въ моментъ появленія Тамары, онъ нѣсколько нервною походкой шагаль отъ угла до угла по комнатѣ, заложивъ руки за спину, и горячо возражалъ что-то благообразному пожилому мужику въ новой синей чуйкѣ, который въ своей чередѣ что-то ему доказывалъ по пальцамъ, стоя у стола съ закусками.

Тамара, мелькомъ окинувъ взглядомъ всю эту сцену и обстановку, въ нерѣзительности остановилась на порогѣ. Священникъ быстро повернулся на ходу въ ея сторону и уставился на нее вопрошающимъ взглядомъ. Нѣсколько смущенная дѣвушка отрекомендовалась ему въ качествѣ новой учительницы и поспѣшила извиниться въ томъ, что, кажется, она попала сюда не совсѣмъ-то во-время и нарушила своимъ приходомъ дѣловую бесѣду. Онъ тоже какъ будто смугился въ первое мгновеніе, не зная какъ быть съ этою гостьей-невпопадъ, которую, вдобавокъ, и сплавить-то некуда, но затѣмъ сразу же оправился и изобразилъ на лицѣ самую пріятную улыбку.

— Нѣтъ, отчего же, милости просимъ! — привѣтливо успокоилъ онъ Тамару. — Нисколько не во-время... напротивъ... Садитесь пожалуйста; попадья моя сейчасъ придетъ, — она, кажись, тамъ по хозяйству что-то съ батюшкой на огородѣ копаются... А меня прошу извинить пока, — любезно прибавилъ онъ съ повиннымъ поклономъ. — Вотъ, съ симъ субъектомъ дѣло надо кончить.

— Я, можетъ, мѣшаю вамъ? — предупредительно осведомилась дѣвушка.

— Н...нѣтъ, отчего же... Дѣло житейское: сына женить хочеть, — вотъ и ведемъ по сей статѣ дипломатическіе переговоры.

Благообразный мужикъ налилъ между тѣмъ стаканчикъ водки и, со степеннымъ поклономъ, осторожно, чтобы не расплескать, поднесъ его батюшкѣ. — Пожалуйста-съ!

— Да не угодай! — отбояривался тотъ. — Вѣдь сказано тебѣ, до обѣда не приѣмлю.

— Пригубьте хошѣ! — вторично поклонился въ поясъ мужикъ. — Не обезсудьте, батюшка! Не побрезгуйте!

— Да ужъ пригубилъ разъ, будетъ съ тебя.

— Вторительно-съ!.. Не откажите... по чести просимъ.

— Да ты что-жъ это, Иванъ Савельевъ, себя думаешь?.. Ты думаешь, я на твою водку польнусь?.. а?..

— Пожалуйте! — онова поклонился мужикъ, не отступая съ полнымъ стаканчикомъ отъ священника.

— Нѣтъ, постой... Ты думаешь, накачу, молъ, батюку въ-мякоть, такъ онъ и сдасъ? — Ня-я-и, другъ сердечный, эту тактику брось!.. А сказано тебѣ четвертую, и шабашъ!

— Помилуйте, батюшка, — взмолился мужикъ. — Отецъ Никандръ, помилосердуй!.. Шутка ль сказать, четвертую... Отколь я тебѣ возьму четвертую!..

— Отколь? — съ веселымъ лукавствомъ подмигнуть ему батюшка и перевелъ съ него такой же взглядъ на Тамару, точно бы заискивая въ ней сочувствія и молчаливой поддержки. — Отколь, говоришь ты. А попица за голенищемъ, тамъ въ тряницѣ найдешь

— Да нѣтъ же у меня такихъ денегъ, — вотъ какъ передъ Истиннымъ...

— Не божись, не божись, братъ, не бери грѣха на душу, — все равно не повѣрю.

— Вѣрь, отецъ, по чести говорю! — убѣждалъ мужикъ, положивъ руку на сердце. — Бери красненькую, какъ даю... Прошу тебя, бери! Самъ разочти-ка: ежели теперича за вѣнчанье четвертую, да тебѣ угощенье, да на причтъ еще водки особливо, да для сватовъ водка, да кумовьямъ водка, да всей роднѣ угощенье, да подарки, такъ это что-жъ?! — Вѣдь это же мужику заразъ одно разоренье!.. Что жъ, я для тебя въ петлю подѣзу, что-ли?

Но батюшка только улыбался на это шутило и недоувѣриво, а изрѣдка подмигивалъ на него Тamarѣ, — дескать, полюбуйтеся, какого сироту казанскую изъ себя строить!

— Зачѣмъ въ петлю, — въ карманъ подѣвай, — посоветовалъ онъ. — Тамъ найдется.

— Въ карманъ! — съ укоризненнымъ взглядомъ покивалъ на него мужикъ головою. — Шутинишь, отецъ Никандръ, все-то ты шутиши, а мнѣ не до шутокъ... По чести прошу: бери, Христа нашего ради, красненькую, отпусти ты душу мою!.. По рукамъ, что-ли?

— Нечего, нечего, Иванъ Савельевъ, Лазаря-то пѣтъ! — замахалъ на него священникъ рукою. — Кабы ты и въ самомъ дѣлѣ неимущій былъ, ну, тогда мы бы тебѣ и даромъ повѣнчали, а вѣдь ты только скаредъ, жмотъ! Думаешь, не знаю я, какъ ты на селѣ кулачиль, послѣднюю мѣру овса съ мужика за проценты выжимаешь? У тебя десять тысячъ въ банкѣ капиталу лежитъ, а ты на причтъ какихъ-нибудь двадцати пяти рублѣй жалѣешь, торгуешься, какъ жидъ какой, Лазаря изъ себя строишь!.. Нечего, братъ, — мужикъ богатый, вытянешь!

— Легко сказать, вытянешь! Побылъ бы ты въ моей шкурѣ... Ну, слышишь, отецъ, рѣ-

шительнымъ тономъ заговорилъ онъ наконецъ послѣ краткаго раздумья. — Ужъ такъ и быть, два рублика накину! — Дѣнадцать... а?... Бери дѣнадцать, по-божески, чтобы ни вамъ, ни намъ не обидно...

— Сказано тебѣ «слово твердо», и не приставай — оборвалъ его рѣчь батюшка. — Прощай, братъ, — некогда мнѣ тутъ съ тобой бобы разводить, — отваливай съ Богомъ!.. А на угощенья твоимъ спасибо... Солонинка-то только, кажись, тово... Ну, да всякое даданіе благо!

Иванъ Савельевъ, со вздохомъ сокрушенія мотнувъ головою, осторожно поставилъ на столъ невыпитый стаканчикъ и сталъ въ раздумчивой нерѣшительности, потупясь въ землю и переминаясь съ ноги на ногу.

— Что-жъ ты стоишь? — возрился на него священникъ. — Не до тебя, братъ, теперь, — извини! И то вонъ сколько времени гостью ждать заставилъ... Ужъ извините, сударыня, — обратился онъ къ Тamarѣ, — соскучились, пожалуй, приходскія дразга наши слушать?

Мужикъ, отдавъ по поклону, степенно направился къ двери.

— Слышь, Иванъ Савельевъ, равьше чѣмъ надумаешь, и не приходи, — напрасно будетъ! — проговорилъ вслѣдъ ему батюшка и затѣмъ, затворивъ за нимъ дверь и весело потирая себѣ руки, обратился въ шутиливомъ тонѣ къ Тamarѣ, не то съ похвалой, не то съ ироніей надъ собою. — Каково вымогательствомъ занимаемся?! Васъ, поди-ка, удивляетъ?

Но та ничего не въ состояніи была ему отвѣтить.

— Н-да-съ, что прикажете дѣлать! — вздохнулъ онъ, пожимая плечами. — И самъ понимаешь, что скверно все это, отвратительно, пастырское достоинство твое унижаетъ, а нячего не подѣлаешь!.. Семья... да и не своя одна: и за причѣтъ порадѣть надо... ѣсть-пить всѣмъ тоже хочется... малятки... А жалованье наше, сельско-духовное, какое оно?! На хлѣбъ засушный, и то порой не хватаетъ. Только и утѣшенія, что не ты одинъ такой-то, — дѣло заурядное, такъ что и скрывать-то тутъ нечего.

Послѣднія фразы были произнесены отцомъ Никандромъ съ отбѣнкомъ горькой ироніи и не безъ внутренняго раздраженія. Тамара, ведя, что попала сюда совсѣмъ не ко времени, что женѣ священника, вѣроятно, не до нея теперь, потому что не выходитъ къ ней такъ долго, — не захотѣла стѣснять ихъ дольше своимъ присутствіемъ и поднялась прощаться, отговариваясь, что лучше ужъ зайдетъ какъ-нибудь потомъ, въ другой разъ, когда и батюшкѣ, и супругѣ его будетъ подосушнѣе. Но отецъ Никандръ, какъ бы вдругъ спохватившись, настойчиво и притомъ самымъ, по-видимому, дружескимъ и радушнымъ образомъ воспротивился ея намѣренію уходить.

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы это?! Помилуйте, какъ можно!.. ужъ оставайтесь, пожалуйста, прошу васъ! — захопоталъ и засуетился онъ около нея. — Попадай моя сейчасъ, сію минуту придетъ, — замѣнилась вѣрно на огородѣ!.. Она будетъ очень, очень огорчена, если я упущу безъ нея такую милую, дорогую гостью... Позвольте — одну минутку! — я сейчасъ ее кликну...

И онъ торопливо вышелъ въ сосѣдную комнату, плотно притворивъ за собою двери. Оставшись одна, Тамара нѣсколько внимательнѣе окинула взглядомъ окружавшую ее обстановку. Единственнымъ роскошью являлась въ этой комнатѣ старинная двуспальная кровать краснаго дерева, застланная поверхъ пышной перины голубымъ атласнымъ, стеганымъ одѣяломъ и увѣчанная въ головахъ цѣлою пирамидкою подушекъ, покрытыхъ прошивными наволочками съ кясейными оборками. Но на этой кровати, какъ узнала впоследствии Тамара, никто никогда не спалъ и не ложился на нее, и даже съ краю не присаживался, а стояла она здѣсь на самомъ видномъ мѣстѣ, занимая весь уголъ и часть внутренней стѣны, исключительно «для параду». Ради того же «параду», надъ кроватью по стѣнкѣ былъ прибитъ продолговатый бархатистый коврикъ; на которомъ два турка, голубой и пунцовый, гарцовали на ворономъ и сѣромъ коняхъ, среди тропическаго сада, съ неизбѣжнымъ кіоскомъ и минаретомъ на заднемъ планѣ. На другой стѣнкѣ висѣли непремѣнные преміи изъ «Нивы» и литографическій видъ какой-то святой обители съ отверстыми надъ нею небесами. Въ переднемъ углу, — подъ темными образами, на пузатенькомъ поставцѣ, покрытомъ вязанною бѣлою салфеткой, виднѣлись требникъ и крестъ, завернутые въ старенькую епитрахиль, и нѣсколько зачерствѣвшихъ просфоръ. Диванъ, обитый зеленою клеенкой, нѣсколько такихъ же стульевъ да переддвинутый столъ съ закусками, принесенными въ даръ батюшкѣ Иваномъ Савельевымъ, а на окнахъ пять-шесть бутылей съ наливками и какими-то универсальными травяными настоянками «отъ семидесяти-семи недуговъ» довершали собою обстановку этой комнаты. Тамара не успѣла еще достаточно оглядѣть ея детали, какъ къ ней уже вошелъ съ надворья вчерашній старенькій батюшка, отецъ Макарій, экстренно направленный сюда своимъ зятемъ. Онъ опривѣтствовалъ ее по простотѣ, самымъ душевнымъ образомъ, какъ особу совсѣмъ уже ему знакомую, и предупредилъ, что Аннушка, дочь его, выйдетъ къ ней сію минуту, только приберется малость самую, — «потому какъ мы съ ней на огородѣ, хозяйскимъ дѣломъ, — извините, — картошку копали». И затѣмъ, стараясь «занимать» Тамару, онъ участливо сталъ ее разспрашивать, — ну, какъ и что? хорошо

ли спалось ей на новомъ мѣстѣ, и не беспокоя ли ее ночью Ефимычъ своимъ храпомъ и кашлемъ, и въ пору ли подать онъ ей утромъ самоваръ и сливки къ чаю, нарочито присланныя для нея Аннушкой, и каково-то показалось ей сегодня при дневномъ свѣтѣ ея обиталище?—Тамара благодарила и отвѣчала, что все хорошо и всѣмъ она пока довольна, и со николѣй уже нѣсколько ознакомилась, и съ ея библиотечкой, и даже успѣла узнать, что здѣсь большую роль играетъ какой-то господинъ Агрономскій.

— О, да, да!—подхватилъ старичекъ, принимая вдругъ значительный тонъ.—Еще бы!.. Очень даже большую!.. очень!.. И знаете,—добавилъ онъ, нагнувшись нѣсколько къ собесѣдницѣ и понижая голосъ до нѣкоторой таинственности,—по душѣ скажу, вамъ надо будетъ съ нимъ ладить,—это примите къ свѣдѣнію.

Тамара сообщила, что на этотъ счетъ и Ефимычъ говорилъ ей то же самое.

— Да, да, непременно ладить,—заботливо подтвердилъ отецъ Макарій,—потому какъ отъ него, можно сказать, все зависитъ: захочетъ,—прибавку къ жалованью исхочатайствуетъ, захочетъ — на худшую школу смѣстятъ. Онъ вѣдь не токмо-что нашъ попечитель, онъ и членъ училищнаго совѣта отъ земства, и связи у него тамъ большія... ну, и влияние...

— Да самъ-то онъ кто и что-такое, какъ человекъ-то?—спросила Тамара, которую начинать уже не на шутку озабочивать вопросъ о господинѣ Агрономскомъ и о томъ, каково-то, при такихъ условіяхъ, сложатся ихъ взаимныя отношенія?

— Мм... какъ вамъ сказать!—замаялся нѣсколько батюшка.—Человѣкъ онъ у насъ изъ новыхъ, недавній еще,—лѣтъ семь какъ проявился, не болѣе. Богъ его знаетъ, техникъ онъ тамъ какой-то, что-ли, не то инженеръ,—не сумѣю уже доложить вамъ доподлинно,—а только дѣло въ томъ, что какъ пролагали у насъ по уѣзду чугунокъ, такъ онъ тамъ при работахъ былъ чѣмъ-то, ну и нажился, надо быть, потому какъ вслѣдъ за окончаніемъ работы, сейчасъ же въ нашей вотъ сторонѣ отъ мѣнное имѣніе приглядѣлъ, да и приобрѣлъ, по случаю, — нашихъ же бывшихъ горюховскихъ помѣщиковъ имѣніе-то, господъ Гвоздого-Самуровыхъ, — богатое имѣніе!.. И вѣдь задешево что-то досталось, совсѣмъ какъ есть, съ усадьбой барскою, и домъ при ней съ колоннами, и садъ, и оранжереи... Ну, а затѣмъ ужъ, какъ сдѣлался, значить, крупнымъ помѣщикомъ въ уѣздѣ, сейчасъ это, конечно, въ земство баллотироваться, въ дѣтели, къ правящей партіи примкнулъ, и теперь вотъ—сила, большая даже сила, скажу вамъ. Но только, ежели правду говорить,—добавилъ, подумавъ, отецъ Макарій,—живетъ онъ въ эда-

комъ барствениномъ домѣ, супротивъ прежнихъ господъ,—извините—свинья свиньей.

— Семейный человекъ?—спросила Тамара.

— Какъ вамъ сказать!.. Пожалуй, и семейный, коли угодно: скотину свою—извините—къ себѣ приблизилъ, въ комнаты взялъ, да двухъ дѣтей отъ нея прижилъ, — ну, вотъ и бѣгаютъ теперь по двору, собакъ гоняютъ, совсѣмъ какъ послѣдніе мужицкіе ребятишки... Ни воспитанія это имъ надлежащаго, ни при-мотру, ничего, точно бы и не дѣти они ему, а щенята... Не хорошо все это!—вздыхнулъ старичекъ, послѣ нѣкотораго раздумья.—Осуждать не желаю, но и одобрить не могу.

Тамара замѣтила, что фамилія у него какая-то странная, Агрономскій,—точно бы дѣланная, искусственная какая-то.

— Фамилія? — Да, это точно,—согласился батюшка.—Фамилія такая, что съ одной стороны какъ будто и по нашему сословію выходить,—семинарская то-есть, а съ другой стороны ежели разсмотрѣть, то можетъ быть и польская, но возможно, что и еврейская даже.

— Развѣ еврейская!?—усомнилась Тамара, но подумавъ тутъ же созналась про-себя, что почему бы и нѣтъ? Вѣдь былъ же у нихъ въ Украинскіи одинъ еврей, Янкель Окружно-штабскій, почему же небыть и Агрономскому?—Впрочемъ, и имя у него, — прибавила она, — тоже какое-то странное, какъ будто не-русское.

Отецъ Макарій согласился, что, дѣйствительно, святаго Алозія въ святахъ греко-россійской церкви не обрѣтается и что имя это прямо католическое. — Вообще,—замѣтилъ онъ, — господинъ этотъ Агрономскій, сдается мнѣ, не то изъ полячковъ, не то изъ еврейчиковъ, а можетъ быть, и то и другое вмѣстѣ... Странное что-то, неопредѣленное.

Всѣ эти свѣдѣнія о человекѣ, отъ котораго можетъ какимъ-то страннымъ образомъ зависеть ея участь, показались Тамарѣ далеко не успокоительными. Ей хотѣлось поэтому разузнать о немъ еще что-нибудь болѣе точное или характерное, но, къ сожалѣнію, разговоръ ея съ отцомъ Макаріемъ былъ прерванъ на этомъ мѣстѣ появленіемъ отца Никандра вмѣстѣ съ «матушкою», которая успѣла за это время наскоро поприбраться и переодѣться, накинувъ себѣ на плечи большую французскую шаль «на манеръ персидской». Отецъ Никандръ тоже приварядился въ самую парадную свою рясу, полуатласную синюю, изъ-подъ которой уже не было видно у него ни широкаго пояса съ розанами, ни кончиковъ модныхъ брюкъ «въ клѣточку». Словомъ, супружеская чета эта вышла къ Тамарѣ во всемъ своемъ полномъ парадѣ, желая этимъ выразить ей не только свое вниманіе, но и дать понять, что мы-де тоже не какіе-нибудь, показать себя можемъ не хуже другихъ и свѣтскія приличія тоже довольно понимаемъ.

— Ну, вотъ вамъ и попадаья моя, Анна Макарьевна, самолично-сь!—весело возгласилъ отецъ Никандръ, подводя жену къ Тамарѣ.

«Матушка» радушно подступила къ дѣвушкѣ, взяла ее за обѣ руки и сразу разцѣловалась. На видѣ, это была женщина энергичная, работящая, но далеко не изъ красивыхъ собою и притомъ по крайней мѣрѣ лѣтъ на пять старше своего супруга. Первымъ дѣломъ она сейчасъ же принялась угощать Тамару. Привошеія Ивана Савельева были немедленно убраны со стола, при подручной помощи отца Макарія, а на мѣсто ихъ появились подносы съ чашками, кофейникомъ и лотокъ со одобреными сладкими крендельками собственного печенья, въ сопровожденіи маринованныхъ грибовъ, моченыхъ яблокъ и разныхъ копченій, солений и варений домашней заготовки, ва что Анна Макарьевна видимо была великою мастерицей. Она сразу же и безъ всякихъ фальшиво-переомонныхъ ломаній взяла съ Тамарой естественную свою ноту по наибольше сродной себѣ части практической экономіи и хозяйства, узнала, сколько та будетъ получать жалованья, разспросила, кѣмъ она думаетъ оборачиваться такими маленькими средствами и преподала кстати нѣсколько практическихъ совѣтовъ относительно того, какимъ образомъ распорядиться этими средствами наиболше экономнымъ способомъ, гдѣ и что дешевле достать, у кого и какъ можно забирать въ кредитъ на книжку, даже общала устроить ей «по случаю» покупу постели и необходимѣйшихъ домашнихъ вещей по дешевой цѣнѣ и притомъ въ разсрочку. Когда же Тамара откровенно созналась, что главное затрудненіе — это насчетъ стола, гдѣ и какъ здѣсь кормиться, и спросила, не можетъ ли Анна Макарьевна указать ей кого, кто согласился бы взять ее на хлѣбъ за извѣстную плату, то «матушка» — чего же проще! — предложила ей столонаться у нихъ же въ семействѣ: чѣмъ богаты, молъ, тѣмъ и рады, разносоловъ у насъ-де не бываетъ, а сыты будете; что сами ѣдимъ, то и вамъ дадимъ, и стоитъ все это будетъ шесть рублей въ мѣсяцъ, — чего нельзя ужъ дешевле, по двадцати копеекъ въ сутки! Тамара нашла, что лучшаго разрѣшенія задачи ей и желать невозможно, и, конечно, сейчасъ же согласилась на эти условія, отъ души благодаря Анну Макарьевну за ея предложеніе.

— Да вотъ, съ нынѣшняго же дня и начинайте, — пригласилъ ее отецъ Никандръ, — милости просимъ чѣмъ Богъ послалъ.

Большую часть этого дня Тамара провела или у нихъ, или вмѣстѣ съ ними: вмѣстѣ ходили гулять въ садъ и въ ограду церковную, — благо денекъ выдался безъ дождя, — вмѣстѣ осматривали еще разъ всю школу и все надворное хозяйство Анны Макарьевны, даже прошлись по сему, выбирая гдѣ посуше. Хо-

дили, за-одно уже, посмотрѣть и на барскую усадьбу господина Агрономскаго, расположенную за селомъ особо, въ полуверстѣ разстоянія, и видѣли издали, среди широкаго, запущеннаго двора этотъ, нѣкогда роскошный домъ, съ каменными львами на воротахъ, съ облупленными колоннами на фронтонахъ, круглымъ куполомъ надъ бельведеромъ безъ стеколъ и заколоченными боковыми павильонами, — убогій остатокъ времени стараго барства. Въ одномъ изъ этихъ павильоновъ помѣщался теперь хлѣбный амбаръ, а въ другомъ винный складъ господина Агрономскаго. Старый батюшка во многомъ служилъ какъ бы живую хроникой тѣхъ, отошедшихъ въ вѣчность, временъ и старыхъ баръ, и всей фамиліи дворянъ Гвоздово-Самуровыхъ. Но къ удивленію Тамары, въ воспоминавіяхъ отца Макарія о тѣхъ временахъ и людяхъ не слышалось ни малѣйшаго озлобленія или укора, тогда какъ молодой зять его, напротивъ, отзывался о прошломъ или съ ироніей, или прямо съ недобримъ, враждебнымъ чувствомъ, не испытывая въпрочемъ на себѣ лично ни одной пяди тяготъ этого прошлаго.

— Все это въ тебѣ, отецъ Никандръ, книжная жѣлчь говорить, — замѣчалъ ему старикъ.

— А въ васъ, батюшка, рабья отрыжка, закоренѣлая привычка къ рабству, — парировалъ зятюшка.

Впрочемъ, отецъ Никандръ, несмотря на маленькіе споры и пикировку съ тестемъ по вопросамъ отвлеченнаго характера, находилъ весь день въ обычномъ своемъ, благодушномъ и даже веселомъ настроеніи духа, бралъ на руки трехлѣтнюю свою дѣвочку или годовалаго сосунка-сынишку, возился съ ними, тормошилъ, цѣловалъ и ласкалъ ихъ, и бережно подбрасывалъ смѣющагося мальчонку вверхъ на рукахъ, выкликавъ при этомъ «у-тю-тю! у-ню-лю!» — словомъ, являлъ собою нѣжнѣйшаго и счастливіѣйшаго въ мірѣ родителя. Или вдругъ начиналъ онъ занучивать со своею «матушкой-попадѣй», слегка поддразнивать ее «на вы» и дружески трунить надъ нею, по части ея хозяйственныхъ наклонностей, говоря, что она у него «баба торговая», на рубль наторгуется, на два натараторитъ, а на копейку продастъ или купитъ. А не то, порою, принявъ вдругъ надлежащую «позитуру», принимался въ шутку донимать ее «стишкомъ» собственного сочиненія, декламируя его на мотивъ Третьяковскаго:

Анна, желанна,
Богомъ мнѣ данна,
Ты моя манна
Съ небеси посланна.

И когда «матушка» начинала за это слегка на него хмуриться и усовѣщевать — хоть бы гостя, молъ, на первый разъ постыдился, не конфузился бы сана! — «батюшка» не унимался,

особенно послѣ обѣда, и входя еще въ пушій стиховный задоръ по части декламаціи, съ комически вѣжливымъ наѣсомъ продолжалъ ей:

Сердцемъ пространна,
Мною обожанна,
Любя же ты Анна,
Меня окачина.

А за послѣобѣденнымъ чаемъ, принесъ отецъ Никандръ изъ спальни семиструнную гитару и, аккомпанируя себѣ на ней, уже «въ серьезъ» свѣлъ съ большимъ чувствомъ «Ночи безумныя» и вѣскольکو другихъ цыганскихъ романсовъ и русскихъ пѣсенъ. Хотя въ манерѣ его и слышалась отчасти семинарскій пошибъ, тѣмъ не менѣе, пѣсни его, а главное, хорошій, свѣжій голосъ производили свое впечатлѣніе и очень понравились Тamarѣ, давно уже не слыхавшей гнѣія, которое хватало бы за душу. Вообще, отецъ Никандръ видимо былъ сегодня въ ударѣ, особенно послѣ двухъ-трехъ рюмокъ сладкой наливки, которую и Тамара должна была отвѣдать, уступая общимъ просьбамъ и гостепріимнымъ настояніямъ.

За этотъ день, изъ общихъ разговоровъ и случайныхъ разсказовъ членовъ этой семьи ей удалось исподволь и внарокомъ познакомиться съ разными сторонами мѣстной жизни и быта. Все это было для нея ново и потому интересно. Ей хотѣлось поскорѣе приступить къ своему дѣлу и открыть въ школѣ занятія хоть съ завтрашняго дня, если это возможно. Но старый священникъ поохладилъ немножко ея пылъ, сообщивъ, что ученіе въ школѣ обыкновенно начинается у нихъ лишь съ половины октября, когда у крестьянъ окончатся всѣ работы въ полѣ, на гумнѣ, на огородѣ,—да и то хорошо, коли въ первые дни явятся трое, четверо учениковъ, потому что ежели осень сухая да теплая, такъ подростки въ это время еще скотъ пасутъ, или вѣзять съ отцами въ лѣсъ по дрова—заготовлять себѣ топливо на зиму, и вообще помогаютъ старшимъ при домашнихъ работахъ. Да и праздниковъ крестьянскихъ больше на осень приходится, и свадебъ тоже,—тутъ еще не до ученія. А вотъ, къ 1-му декабря, на св. Наума, въ школѣ будетъ уже полно, пожалуй и тѣсно, такъ что учительница поспѣвая только съ дѣломъ справляться! А тамъ, къ веснѣ, опять пойдетъ на убыль, и къ маю мѣсяцу—глядь—почти никого не останется.

Въ виду такого избытка свободнаго времени, Тamarѣ явилась мысль — нельзя ли воспользоваться имъ для частныхъ уроковъ. Можетъ быть, есть по близости какія-либо помѣщичьи семьи, которыя вуждаются въ преподавательницѣ, въ особенності для языковъ, для музыки,—она охотно взгляда бы учить тамъ за самую умѣренную плату, тѣмъ болѣе, что, при ея скромномъ жалованьи, это было бы для нея большимъ подспорьемъ.

Но и въ этой мечтѣ пришлось ей сразу же разочароваться.

— Вотъ тоже захотѣли чего!—грустно усмѣхнулся въ отвѣтъ ей отецъ Никандръ. — Ужъ какіе тутъ помѣщики! Разуваевы — развѣ съ Колупаевыми. Препкинымъ-то помѣщикомъ, который нуждался въ *парлѣ-франсѣ*, у насъ въ уѣздѣ уже и не пахнетъ. А если которые и уцѣлѣли еще кое-гдѣ неоповѣдимыми судьбами какими-то,—ну, такъ тѣ прозябаютъ по своимъ закутамъ въ-раздобрѣ, такъ сказать, снорадически, какъ рѣдкостное растеніе какое; ихъ почти и не видно, и не слышно. А Колупаевъ,—ему что?—Онъ въ ту же сельскую школу сына пошлетъ: все равно, и сельская школа хорошо подготовить хоть въ гимназію, хоть за прилавокъ.

— Нынѣ, сударыня, и помѣщикъ здѣсь все новый пошелъ, другой формаціи, значитъ,—вставилъ въ разговоръ свое слово и отецъ Макарій. — Да-съ!.. Да еще такой, что мужикъ его и не любитъ, и не уважаетъ. А по правдѣ сказать, и не за что уважать-то!—Вотъ къ примѣру, хоть бы тотъ же Агрономскій о народномъ просвѣщеніи печется—какъ же!—а самъ такіе контрактики съ мужиками заключаетъ, что почище всякаго Колупаева!.. Каждая крестьянская работа оцѣняется у него не на деньги, а на водку.—Точно-съ! Съ мѣста не сойти!.. И все это самымъ формальнымъ образомъ, по закону,—безъ закона онъ у насъ ни на шагъ!

Тамара, недоумѣвая, вскинула на него удивленный взглядъ.—Какъ это на водку?

— А очень просто-съ. Крестьяне, напри-мѣръ, обязываются по условію вывезти съ его скотнаго двора, да съ конюшни тамъ, да отъ содержимаго имъ кабака весь навозъ на его пахоту, а онъ за это обязывается, если работа будетъ сдѣлана хорошо, выставить имъ три ведра водки. Крестьяне должны выкопать ему лугъ, выжечь дочиста рожь, снять его овесъ, и такъ далѣе, а онъ за каждую изъ этихъ работъ, буде найдетъ ее исправною, повиненъ поставить имъ столько-то ведеръ. Да это что еще! А вотъ, прошлымъ лѣтомъ пожаръ случился въ Огузовѣ,—деревня тутъ по сосѣдству такая, и тоже кабакъ свой держать онъ тамъ.—Ну, прилетѣлъ на пожаръ, и сейчасъ это къ мужикамъ: «спасай, братцы, мой кабакъ, отстаивай, бочку водки за это вамъ выкачу!»—Ну, и выкатилъ, и что же?—Кабакъ-то отстояли, сами перепились, а деревня тѣмъ часомъ, какъ есть, вся до тла сгорѣла!.. Благодѣтель тоже называется, что ни есть первѣйшій либераль въ уѣздѣ!

— О, да! — подтвердилъ о. Никандръ.—На всѣхъ этахъ сѣздахъ, на всѣхъ земскихъ собраніяхъ просто расиивается за «мужичка», за «меньшого брата», а ужъ протестами такъ и сыплется: и противъ административнаго-то

произвола, и противъ министра Толстого; все-то у него это «деспотизмъ» да «обскурантизмъ»... Такого грохоту да пыли каждый разъ напустить, что думаешь себѣ только: ну, братъ, теперь шабашъ! посадятъ тебя, раба Божія, на цѣсуру!—Анъ нѣтъ, глядишь, ничего, благоденствуетъ и по сію минуту.

Изъ всего, что пришлось узнать за нынѣшній день о господи́нѣ Агрономскомъ и его дѣятельности, личность эта обрисовалась предъ Тамарой въ крайне антипатичномъ свѣтѣ. Еще не зная его лично и не выдавъ его въ глаза, она уже заранѣе составила себѣ предубѣжденіе противъ этого человѣка, основанное на смѣшанномъ чувствѣ боязни его и нравственной къ нему брезгливости. Онъ рисовался ей воображенію чуть не Змѣемъ-Горынычемъ какимъ-то, мрачною и злобною фигурой почти гигантскихъ размѣровъ, и она не на шутку боялась первой съ нимъ встрѣчи, заранѣе увѣренная, что онъ отнесется къ ней враждебнымъ образомъ, грубо и рѣзко, непременно оборветъ, оскорбитъ чѣмъ-нибудь ея самолюбіе, непременно постарается одѣлать ей какую-нибудь мерзость, и что поэтому ей надо ожидать себѣ въ близкомъ будущемъ всяческихъ непріятностей.

По возвращеніи вечеромъ къ себѣ домой, наединѣ сама съ собою, она стала разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ нынѣшняго дня. Ей живо чувствовалось, что въ семьѣ священника къ ней отнеслись хорошо. Несмотря на то, что она для этой семьи совсѣмъ посторонній и почти неизвѣстный человѣкъ, съ нею не стѣснялись особыми церемоніями, и никакой натянутости по отношенію къ себѣ Тамара въ этихъ людяхъ не замѣтила. Обыкновенная жизнь ихъ и взаимныя отношенія продолжали и въ ея присутствіи идти своимъ обычнымъ порядкомъ, и это служило ей лучшимъ знакомъ того, что на нее сразу взглянули здѣсь просто, безъ затѣй и безъ предубѣжденія, какъ на ближайшую свою сосѣдку, почти какъ на новаго члена своей собственной семьи, отъ котораго нечего замыкаться въ своемъ внутреннемъ мірѣ и домашнемъ бытѣ, такъ какъ, все равно, ни этого міра, ни этого быта, ни характера повседневной своей жизни и отношеній къ міру окружающему отъ нея не скроешь: не сегодня—завтра она ихъ, все равно, и сама узнаетъ. Не на одинъ же день они познакомились,—ближайшая, почти совмѣстная жизнь ихъ будетъ продолжаться не недѣлю, не мѣсяцъ, можетъ, и не одинъ даже годъ,—стало быть, чего же тутъ стѣснять человѣка излишними церемоніями и самимъ ради него стѣсняться въ своихъ порядкахъ и привычкахъ! Ей были даже рады, какъ новому, свѣжему человѣку, съ которымъ можно будетъ хоть лишнее слово перемолвить, среди однообразной деревенской скуки.

IV.

Съ крестьянскими матками.

На слѣдующее утро Тамару разбудилъ говоръ нѣсколькихъ дѣтскихъ голосовъ подъ ея окнами. Окончивъ свой утренній туалетъ, она вышла на крылечко и здѣсь, къ удивленію своему, увидѣла трехъ женщинъ да штукъ шесть ребятишекъ, отъ семи до тринадцатилѣтнаго возраста. Женщины оказались крестьянскими «матками», которыя привели «въ учёбу» своихъ дѣтей, узнавъ, что къ нимъ на село прислали новую учительницу; а тѣ мальчики, что постарше, сами пришли, провѣдавъ о ея пріѣздѣ. У каждой изъ трехъ женщинъ было въ рукахъ какое-нибудь «поклонное» для учительницы: у одной десятокъ свѣжихъ яицъ, у другой мотокъ суровыхъ нитокъ и свѣжій медовый сотъ на тарелкѣ, а у третьей даже живой пѣтухъ, который никакъ не желалъ сидѣть спокойно у нея на рукахъ и все порывался какъ-ни-на-есть выскользнуть изъ нихъ на свободу. Всѣ три матки сразу приступили къ учительницѣ со своими поклонами и приношеніями: прійми-де, голубушка, дары наши: крестьянскіе, это тебѣ отъ насъ, отъ матокъ. поклонное за учёбу, для-тово чтобы ты до ребятъ нашихъ ласкова была, въ книжку читать научила бы, уму-разуму наставила.

Тамара попыталась было отказатьсь отъ поклоннаго, но матки и слышать не хотѣли объ отказѣ.

— Нѣтъ, ужъ, желанная, не брезгуй!.. Какъ можно!.. Не обиждай ты насъ... Это намъ за большую обиду будетъ, потому какъ мы отъ всего сердца, чѣмъ богаты... Ты не сумлевайся, это ужъ такъ завсегды положеніе у насъ такое,—безъ поклоннаго нельзя.

Нечего дѣлать, пришлось подчиниться обычаю и принять приношенія.

— Только что-жъ я съ пѣтухомъ дѣлать буду?—спросила дѣвушка, очутясь вдругъ въ большомъ затрудненіи съ живую птицею въ рукахъ, которая продолжала громко и энергично протестовать противъ своего плѣна.

— А ничего, милая, пушай его погуляетъ,—уготовивали ее бабы,—другія матки придутъ, можетъ, курочками поклоннутся, хозяйство будетъ.

«Ахъ, хозяйство?! Въ самомъ дѣлѣ, у меня вдругъ свое хозяйство будетъ, это прелестно!»—весело подумалось Тамарѣ.

— Которые же тутъ ваши дѣтки?—спросила она, оглядывая обступившихъ ее ребятшекъ.

Матки указали, каждая на своего мальчика. Оказалось, что двумъ изъ нихъ по семи, а третьему всего только шесть лѣтъ. Относительно этого послѣдняго учительница вы-

разила сомнѣніе — не слишкомъ ли рано сажать его за грамоту, больно малъ еще, да и остальные двое тоже не велики, — погодить бы лучше.

— И, что ты, голубушка! Чего тамъ малы?! Куда годить-то? — вступился за всѣхъ трехъ всѣ матки разомъ. — Нѣтъмъ дома-то баловаться, пушай лучше въ школу ходатъ: скорѣе кончатъ учебу. А то постарше станутъ, тогда ужъ не до ученія, недосужно будетъ. Ты ужъ такъ приснорови, родная, чтобъ ко Святой покончить съ ними.

Тамара, однако, усомнилась, чтобы можно было такихъ маленькихъ обучить всему, что слѣдуетъ, въ столь короткій срокъ, когда на обученіе въ сельской школѣ обыкновенно полагается отъ двухъ до трехъ лѣтъ.

Но бабы этимъ не убѣдились.

— Зачѣмъ такъ много! — возразили онѣ. — Намъ много не надо, умѣли бы только во всякой книжкѣ разобрать да по родителямъ Псалтырь почитать, и за то спасибо! Съ насъ и того довольно! Куда намъ столько ученья! — Имъ вѣдь не въ поны идти, а былъ бы только билетъ на льготу.

Тамара сначала не поняла-было, о какомъ это билетѣ рѣчь, но изъ дальнѣйшихъ объясненій оказалось, что матки подразумеваютъ билетъ на право льготы по 4-му разряду въ общевоинской повинности. Пришлось растолковывать имъ, что для этого мальчикамъ необходимо окончить полный курсъ сельской школы и выдержать экзаменъ въ комиссіи.

Мать шестилѣтняго мальчугана, — нечего дѣлать, — согласилась, что ежели нельзя иначе, пушай кончается, — все же по девятому годку, вначитъ, освободится, и то хлѣбъ!

— Но вѣдь до жребія пройдетъ для него еще цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ, — возразила Тамара. — Вѣдь за такой долгій срокъ онъ, пожалуй, перезабудетъ все, чему учился.

— Это ничего! — хоромъ принялись увѣрять ее всѣ бабы. — Пушай его забудетъ, лишь бы билетъ!.. Расчетъ вѣдь тоже, шесть ли лѣтъ тянуть солдатску лямку, аль четыре года, сама разсуди!.. Другіе тоже забываютъ, да ничего, сходитъ, — это ужъ мы знаемъ.

Нечего дѣлать, пришлось и тутъ уступить настойчивымъ просьбамъ.

— Ну-съ, какъ же васъ зовутъ? — ласково обратилась учительница къ младшему изъ мальчиковъ.

— Насъ-то? — подхватила его matka, — Агафѣй, матушка, Агафѣй, а ее Матреной, — кивнула она на сосѣдку.

— А меня Марѣй звать, — откликнулась третья. — Телушкиныхъ Марѣй, значить.

Тамарѣ совѣстно стало въ душѣ и смѣшно на самой себя, что она къ шестилѣтнему ребенку обратилась вдругъ на «вы». Уразумѣвъ изъ наивнаго отвѣта непонявшихъ ее матокъ

всю ненужность и фальшь и всю чуждость ихъ быту подобныхъ «цивильскихъ» обращеній, она дала себѣ слово — впредь никогда не употреблять «вы» съ учениками.

— Ну, что-жъ, очень рада, приступимъ къ ученію; хоть завтра, — сказала она, стараясь поскорѣе отдѣлаться этимъ отъ собственного смущенія, вызваннаго своею же маленькою недолжностью.

Но тутъ одна изъ матокъ обратилась къ ней съ совсѣмъ неожиданною просьбой, разсказать имъ, какъ и что именно думаетъ она учить ихъ ребяташекъ. Та съ улыбкой отвѣтила, что это уже ея дѣло.

— Нѣтъ, ты, голубушка, не обижайся, это мы не зря пытаемъ, — ласково замѣтила ей, въ оправданіе свое, одна изъ женщинъ. — Мужикъ-отъ мой наказывалъ просить, чтобъ ты Ванюшку-то нашего спервоначалу по церковному обучала.

— Да ужъ и мовѣ тоже! — поклонилась въ поясъ Телушкина Марѣя. — И мой хозяинъ тоже, значить, проситъ: пушай, молю, пѣснямъ да побаскамъ не учить, этому ребята и сами научатся, а пусть, говорить, настоящему дѣлу учить, — крестному знаменію, да молитвамъ, да по святцамъ святыхъ разбирать, какой день какого святого, — вотъ!

— Это ужъ чего чудеснѣй бы! — умильно согласилась и третья matka. — А то у насъ допрежь тебя былъ уже такой учитель!.. Какъ ни идешь, бывало, мимо, остановишься послушать, — все-то у нихъ тамъ пѣсни да припѣвки!.. Сказки да побаски, бывало, учать, а воскресной молитвы не знаютъ.

— Какое ужъ это ученіе! — осудили «систему пѣсенокъ» и остальные бабы. — Чтобъ ужъ воскресной-то не знать — самое послѣднее дѣло! Грѣхъ одинъ, а не ученіе!

Но Тамара и сама не знала, что это за «воскресная молитва» такая, или, по крайней мѣрѣ, что именно подразумеваютъ онѣ подъ нею? Совѣстно было признаться, а спросить все-таки надо, хотя бы во избѣжаніе недоразумѣній на будущее время. Оказалось, что это «Да воскреснетъ Богъ», — и она общала маткамъ, что въ свое время школа всему научитъ ребятъ, что слѣдуетъ знать добрымъ христіанамъ.

— То-то, голубка, пожалуйста! — снова принялись кланяться ей бабы. — А главное, чтобы билетъ-отъ выправить имъ!.. на льготу-то. А ужъ мы тебѣ за то во-какъ благодарствовать будемъ! По веснѣ опять съ поклоннымъ придемъ, холостовъ принесемъ.

Остальные мальчики оказались уже не новичками: они отбыли въ школу прошлую зиму и заявляли, что читать и даже писать еще не разучились за лѣто и хотятъ продолжать ученіе. Но едва Тамара разговорилась съ ними, какъ сзади подбѣжалъ къ нимъ какой-то мужикъ и,

съ налету, прямо цапъ одного изъ нихъ за шиворотъ!

— Ты это что, пострѣлъ, а?.. Изъ дому сбегъ?.. Въ школу тебѣ, а? Дома работы plenty руки, а ты въ школу? Сестренку въ зыбкѣ покачать некому, а тебѣ шалберить? Я те дамъ!.. Я те покажу школу!.. Пшелъ домой, паршивецъ!

Двѣнадцатилѣтній мальчикъ и опомниться не успѣлъ, какъ родитель оттащала его за вихры и погналъ передъ собою до дому, продолжая по пути накладывать ему по загривку.

Тамару до такой степени поразила эта неожиданная сцена, что она не нашла даже, что сказать, а не то чтобы вступиться за мальчика. Но случай этотъ самымъ нагляднымъ образомъ объяснилъ ей, почему крестьянскія матки торопятся приводить своихъ ребятъ въ школу такими еще малыши: и билетомъ на льготу заручиться-то имъ хочется, и помощникъ по домашней работѣ нуженъ въ семьѣ, между тѣмъ какъ школа отрываетъ его отъ дому.

V.

Пробный урокъ

На слѣдующій день у нея въ школѣ прибавилось еще нѣсколько учениковъ, такъ что всѣхъ собралось человѣкъ четырнадцать, разныхъ возрастовъ, и изъ нихъ болѣе чѣмъ на половину прошлогонихъ. Это было для Тамары уже большой и неожиданный успѣхъ, объясняемый, впрочемъ, болѣе интересомъ къ ея собственной личности, какъ новой учительницы, чѣмъ стремленіемъ къ ученю. Последнее подтверждалось и еще однимъ обстоятельствомъ, котораго она тоже никакъ не ожидала: вмѣстѣ съ учениками пришло и нѣсколько взрослыхъ, преимущественно отцовъ, изъ числа степенныхъ мужиковъ, нарочно явившихся послушать, какъ и чему будетъ учить новая учительница. Она такъ прямо это ей и высказали, — пришли-де послушать, и степенно разсѣлись-себѣ рядомъ на одной изъ заднихъ скамеекъ. На такое вниманіе къ себѣ и къ учебному дѣлу со стороны отцовъ Тамара никакъ не рассчитывала. Это была для нея совершеннѣйшая новость. — «Неужели, думалось ей, темный мужикъ можетъ интересоваться такимъ дѣломъ и что-нибудь понимать въ немъ?» Однако же она и виду не подавала имъ о своемъ сомнѣніи и тотчасъ же принялась за первый свой урокъ, доставъ предварительно изъ шкафа нѣсколько учебныхъ пособій для класснаго чтенія.

— Ну, садитесь, дѣти, — предложила она ребятишкамъ, раздѣливъ ихъ по возрастамъ и

занявъ сама мѣсто за учительскимъ столомъ, противъ переднихъ партъ.

Дѣти гурьбою, тѣснися и толкаясь, споря изъ-за мѣстъ и шагая по скамейкамъ одинъ черезъ спину другого, разсѣлись наконецъ за четырьмя передними партами. Говорокъ и перешептываніе между ними мало-по-малу затихли, всѣ успокоились и приготовились слушать.

Учительница раскрыла одно изъ пособій и уже хотѣла-было начать, какъ вдругъ на задней скамѣ поднялась во весь ростъ почтенная фигура пожилого крестьянина.

— Извините, господа, на мужицкомъ нашемъ словѣ, — началъ онъ, слегка заинася, очень одержанно и вѣжливо, но несовсѣмъ довольнымъ и даже какъ-будто обиженнымъ тономъ, — на селѣ вотъ болтають, быдто ваша милость того... маленько... изъ жидовъ быдто будете.

Тамару точно бы что въ сердце кольнуло. — Опять это ея вѣчное жидовство... Господи, да доколы же! — Она невольно вспыхнула и, не понимая, къ чему могла бы вести эта прелюдія, вопросительно смотрѣла на говорившаго встревоженными и растерянными глазами.

— Мы-то и не повѣрили-было, — продолжалъ тотъ, — мало-ль какой пустяковины пустельга мелеть! — Ахъ выходитъ иначе же, быдто оно и на правду похоже, не въ обиду вамъ будь сказано.

Оскорбленная и смущенная до крайности дѣвушка, пересиливая свое волненіе, попросила его высказать яснѣе, чѣмъ это вызвано съ ея стороны такое обидное для нея замѣчаніе.

— Да какъ же, сами подумайте, — заговорилъ мужикъ, но уже съ болѣе мягкой укоризной въ голосѣ. — Мы хоца и простые люди, а почитаемъ такъ, что школа — дѣло, значить, Божье, святое дѣло, и надо бы ему, по-нашему, по мужицкому разуму, зачалъ-то класть съ благословенія да съ молитвой, а не то что... У насъ такъ не водится.

— Да, вы правы, — покорно согласилась, спохватившись про себя, Тамара, и чтобы скорѣй поправить свой существенный промахъ, сдѣланный ею чисто по недомыслию, отъ не привычки къ новой своей роли, тотчасъ же пригласила дѣтей встать и повернуться лицомъ къ иконѣ, а сама громко и внятно прочитала затѣмъ на память «Царю небесный», «Отче нашъ» и «молитву передъ ученіемъ», востово осѣняя себя по временамъ крестнымъ знаменіемъ. «Пускай же видятъ, что я такая же, какъ и оны, христіанка и православная!» думалось ей при этомъ.

— Вотъ теперь какъ слѣдъ! — удовлетворенно замѣтилъ ей мужикъ, съ благодарнымъ поклономъ.

По выраженію лицъ его и остальныхъ родителей, Тамара поняла, что послѣ этой молитвы они совершенно примирились съ нею и что подозрѣнія ихъ насчетъ ея жадовства разсѣялись. Это на много успокоило и, въ свой чередъ, примирило и ее съ ними, тѣмъ болѣе, что въ душѣ она сама признавала себя виноватою, и ей стало очень на себя досадно за свою оплошность.

Прежде чѣмъ приступить къ обученію, ей хотѣлось провѣрить ананія учениковъ прошлогодняго курса, чтобы знать, съ чего отправляться съ нимъ далѣе. Поэтому она попросила ихъ показать ей напередъ чему и какъ они обучались.

Старшіе ребята пошептались между собою, сговариваясь и подбодряя другъ друга, и затѣмъ всѣ разомъ, въ одинъ голосъ и тактъ, заговорили нараспѣвъ скороворкой:

Шли сорокъ мышей,
Несли сорокъ грошей.
Двѣ мыши поплосше
Несли по два гроша.

— Это что же такое?—съ удивленіемъ оглядѣла ихъ дѣвушка, какъ бы огорошенная всѣми этими «мышами» и «грошами».

— Вона, слышь, чему учили!—сдержанно и вполголоса слышалось замѣчаніе между взрослыми на задней скамейкѣ.

— Это такъ въ книжкѣ прописано,—доложилъ учительницѣ одинъ изъ мальчиковъ постарше и, для нущаго убѣжденія ея въ справедливости своихъ словъ, отыскавъ въ «Родномъ Словѣ» надлежащую страницу и подавъ ей раскрытую книжку.

Та прочла и собственными глазами убѣдилась, что стишокъ про сорокъ мышей, точно, въ ней находится.

— А то мы еще учили про «кота и козла», заявилъ тотъ же бойкій мальчикъ и, моргнувъ товарищамъ, сдѣлавъ имъ жестъ на манеръ зашѣвалы, послѣ чего весь хоръ старшихъ учениковъ подхватилъ за нѣмъ разомъ:

Идетъ козель мохнатый,
Идетъ бородастый.
Рожищами помахиваетъ,
Бородищей потрахииваетъ и т. д.

Окончивъ же эту «занятную» пѣсенку, хоръ сразу перешелъ на слѣдующую, съ притоптываньемъ каблукками объ полъ:

Тукъ, тукъ, тукъ! черный дятель стучить,
Носомъ кору долбить,
Длинный языкъ въ дыры запускаетъ,
Мурашей словно рыбку таскаетъ.

— Ну, хорошо,—похвалила Тамара.—А пропойте-ка мнѣ хоромъ «молитву Господню»,—вы такъ хорошо поете.

Мальчики переглянулись между собой и замѣлили: никто не хотѣлъ начинать первымъ. Они только подталкивали локтемъ одинъ другого,—начинай, молъ, ты!—Нѣтъ, ты!

— Что же вы, милые, призадумались?.. Ну-ка ты, бойкій? Какъ тебя звать-то?

— Пѣтра Чалыхъ,—отозвался мальчикъ.

— Ну, Пѣтра, начинай-ка первымъ, а другие за тобой подтавуть.

Тотъ затянулъ-было неувереннымъ голосомъ «Отче нашъ», но едва дойдя до «иже еси на», запнулся и сталъ: остальные не подхватывали. Сконфуженный зашѣвало, извиняясь, объяснилъ, что молитву Господню они хотя и знаютъ, но хоромъ пѣть ее не умѣютъ,—никогда-де не пробовали, потому что насъ этому не учили.

— Ишь ты, смекай-ка!.. Хорошо?—снова слышалось вполголоса на задней скамейкѣ у взрослыхъ между собою

— Ну, дасть Богъ, научимся!—ласково ободрила учениковъ Тамара.—А гимнъ народный знаете?—спросила она.

Тѣ опять стали втупикъ, и только переглядываются между собою, недоумѣвая, о чемъ это еще ихъ спрашиваютъ? Самое слово «гимнъ» оказалось имъ совершенно неизвѣстнымъ.

— Да это «Боже, Царя храни»,—пояснила дѣвушка,—неужели не слышали?!

— Слышать-то слышали, только въ книжкахъ у насъ этого нигдѣ нѣту,—отозвались нѣкоторые изъ мальчиковъ.—Насъ не учили этому.

— Придется, значитъ, научиться; этого стыдно не знать русскому мальчику,—замѣтила Тамара.—А еще чему же вы учились?

— Учили мы, какъ «жилъ себѣ дѣдъ да баба, у нихъ курочка раба».

— Вотъ какъ, а еще?

— А еще «тюшки-тетюшки, овсяны лепешки», и про «прилежнаго барина» тоже учили.

— Про «прилежнаго барина»?—переспросила она, —это что же такое?

— А это про то, какъ жилъ-былъ одинъ такой баринъ, что всегда говорилъ своему лакею: «раздѣнь меня, уложи меня, закрой меня, перекрести меня, а усну я уже самъ»,—больно умный, знать, баринъ былъ.

Мальчики разсмѣялись.

— Помѣщикъ тоже, баринъ-то!—раздастся чей-то ироническій голосенокъ, покрывшійся новымъ общимъ смѣхомъ.

— Почему же ты думаешь, что это былъ баринъ и помѣщикъ?—обратилась къ мальчику Тамара.

— Иванъ Павлычъ такъ объясняли намъ,—учитель, что до насъ былъ, потому, сказывали, никто окромя барина такимъ дуракомъ и лѣнтяемъ не можетъ быть, особенно какъ въ крѣпостное время, когда крестьянъ помѣщики угнетали.

Тамара захотѣла удостовѣриться, насколько ученики умѣютъ читать по печатному, и обра-

тилась къ крайнему на партѣ мальчику, раскрывъ передъ нимъ книжку на первой появившейся страницѣ.—Читай!

— «Грязна ваша хавроньюшка», — зачиталъ тотъ, нѣсколько заикаясь, — «грязна и обжорлива, все жретъ, все мнетъ, объ углы чешется, лужу найдетъ, какъ въ перину претъ, хрюкаетъ, нѣжится».

— Что же это прочиталъ ты, про кого, можешь объяснить? — спросила учительница.

— Про свинью читалъ, — отозвался чтецъ и пошелъ, какъ по-писанному. — Свинья есть животная четвероногая, млекопитающая, принадлежащая къ числу всеядныхъ, бываетъ очень полезна въ домашнемъ хозяйствѣ, но по неряшеству, свиньями называютъ также и нѣкоторыхъ людей, какъ ежели наприимѣръ, напьется кто пьянъ, — мужикъ ли, попъ ли, баринъ ли, — всѣ они одинаково будутъ свиньи. Поэтому крестьянинъ никогда не долженъ пить водки, хотя пьянство ему и простительнѣе, чѣмъ протѣмъ, по бѣдности состоянія его и по необразованности, почему-какъ деревенскій мужичекъ лишентъ пока всякихъ образовательныхъ и полезныхъ развлеченій, какъ наприимѣръ, народныхъ кіатеровъ, лекватурныхъ чтеній, а также какъ туманныя картины и прочее; но современемъ, конечно...

— Это вамъ тоже Иванъ Павловичъ все объяснял? — перебила его Тамара.

— Они самыя-съ, — подтвердилъ мальчикъ, и опять, какъ заведенная машинка, принялся было тѣмъ же тономъ продолжать прерванную фразу, — «но современемъ, конечно»...

Однако, Тамара прервала это «современемъ», перейдя къ его сосѣду. — Слѣдующій!

Сосѣдъ принялся нѣсколько бойчѣе, безъ запинки.

«Середь моря овинъ горить,
По чисту полю корабль бѣжитъ,
Мужики на улицѣ заколы бьютъ,
Они заколы бьютъ, рыбу ловятъ,
По поднебесью мелвѣдь летитъ,
Длиннымъ хвостикомъ помакиваетъ».

Мальчикъ кончилъ, и когда учительница спросила его, понялъ ли онъ прочитанное, тотъ рѣшительно сталъ въ-тупикъ, боясь отвѣтить невпопадъ и думая про-себя: «кто его знаетъ, что оно такое! Можеть, такъ хитро, что сразу и не разберешь».

— Не могу отвѣтить... не знаю... Небывальщина какая-то, — оробѣло проговорилъ онъ наконецъ вполголоса, видимо боясь, какъ бы не пристыдили его за тупость.

— Слѣдующій! — перешла учительница къ его сосѣду.

Плаксиво и какъ-то уныло раздалось новое чтеніе, на сей разъ по Паульсону:

— «Птичка летаетъ, птичка играетъ, птичка поетъ, птичка летала, птичка играла, птички ужъ нѣтъ... Котикъ усатый по садику бродить,

козликъ рогатый за котикомъ ходить, започкой котикъ»...

Въ эту минуту вдругъ распахнулась съ шумомъ дверь — и въ классную комнату авторитетно вошелъ самъ волостной старшина, въ сапогахъ со скрипомъ и съ глянцоватыми бураками, въ синей поддевкѣ тонкаго сукна и съ присвоеннымъ по должности «знакомъ» на груди. Онъ съ достоинствомъ и нѣсколько свысока протянулъ учительницѣ свою жирную руку и снисходительнымъ кивкомъ головы отвѣтилъ на поклонъ приветавшихъ ему мужиковъ.

— Вотъ и мы зашли, значить, посмотрѣть на нашу молодую сельскую телгенцию, каково-то вы тутъ съ ними справляетесь, — обратился онъ въ благосклонно покровительственнымъ тономъ къ Тамарѣ и тутъ же прибавилъ ей дружески внушительнымъ образомъ:

— А вы, барышня, напередки, коли ежели начальство въ классъ входитъ, должны въ тотчасъ же крикнуть мальчишкамъ «встать», — это примите къ свѣдѣнію... и къ исполненію. А то я вхожу, а вы сидите, и они сидятъ, — нешто это порядокъ?!

Опять пришлось Тамарѣ нѣсколько сконфузиться и извиниться за свою оплошность, оправдываясь новостью дѣла и недостаточнымъ знакомствомъ со здѣшними порядками.

— Ну, да это я только къ слову, — успокоилъ ее старшина, важно рассаживаясь на поданный ему сторожемъ стулъ, подлѣ учительницы.

— Ну-съ, продолжайте премудрость-то вашу, — предложилъ онъ ей надлежащимъ жестомъ, очевидно, переиятымъ у «начальства». — Продолжайте, а мы послушаемъ.

Тамара развернула одну изъ книгъ «для чтенія въ народныхъ школахъ». Ей хотѣлось теперь самой прочитать ученикамъ нѣсколько коротенькихъ статей, чтобы заставить ихъ потомъ рассказать себѣ прочитанное и посмотреть, на сколько легко усвоить они себѣ смыслъ читаемаго съ-наслуку. Попались ей статьи: «Хлѣбъ», «Столъ», «Огородъ», гдѣ излагалось, что хлѣбъ, «прибавляющій силушки», пекутъ изъ тѣста, тѣсто мѣсятъ изъ муки, воды и дрожжей, муку мелетъ мельникъ на мельницѣ изъ хлѣбныхъ зеренъ, зерна созрѣваютъ на поляхъ, а поля обрабатываются крестьянами. О столѣ повѣствовало, что онъ сдѣланъ столяромъ изъ дерева, у него-де есть верхняя доска, ящикъ и четыре ножки, а относительно огорода объяснялось, что огороды бываютъ возлѣ домовъ, удобряются навозомъ и обносятся плетнемъ, что въ огородѣ копають грядки и сажаютъ на нихъ овощи: картофель, лукъ, морковь, капусту, изъ которой варятъ щи; для гороха и бобовъ ставятъ тычинки и вѣшаютъ пугалы; въ засуху грядки поливаютъ водою и т. д. По мѣрѣ того, какъ читала все,

это Тамара, ей инстинктивно все болѣе и болѣе начинало казаться, что какъ-то неловко и совѣстно приставать съ подобными вещами къ крестьянскимъ ребятишкамъ, — точно бы они и сами всего этого не знаютъ! Во всемъ этомъ книжкомъ «развивательномъ методѣ» ей смутно чувствовалась какая-то фальшь, — чувствовалось, что для крестьянскихъ дѣтей, для сельской народной школы какъ будто-бы нужно совсѣмъ не это. А что именно нужно, — увы! она ни сама ясно представить себѣ не можетъ, ни въ «рекомендованныхъ» учебникахъ и «книжкахъ» этого не находитъ. Печальное внутреннее сознание, что занимается она, кажись, не серьезнымъ дѣломъ, начинало съ каждою новою строчкой этихъ «огородовъ» проникать въ нее все болѣе и дѣйствовать на ея душу угнетающимъ образомъ. Вздоръ ли все это, она еще не знаетъ, да и боится такъ думать; но что это непреходимо скучно, ей не трудно было убѣдиться по апатичной зѣвотѣ и скучающимъ лицамъ своихъ слушателей. Она прекратила чтеніе и молча, тоскливо, пытающимся взглядомъ обвела свою аудиторію. И ей стало вдругъ почему-то ужасно совѣстно. Общее и притомъ какое-то пришибленное и недоумѣвающее молчаніе было ей отвѣтомъ на ея вопрошающій взглядъ. Видно было, что не только ей, но и всѣмъ взрослымъ тоже какъ-то не по себѣ, — не то совѣстно, не то странно и дико слушать то, что сейчасъ читалось. Старшина, упершись фертомъ въ колѣни, потупленно сидѣлъ съ опущенными въ землю глазами и какъ-то сомнительно улыбался.

— Н-да, ученье свѣтъ, неученье тьма, — поучительнымъ тономъ, но ни къ кому собственно не относясь, проговорилъ онъ наконецъ — болѣе для того, чтобы хоть чѣмъ-нибудь прекратить это подавляющее молчаніе, — и слова его точно бы прорвали плотину.

— Да какое же это ученіе! — запротестовали вдругъ на задней скамейкѣ отцы, и въ особенности тотъ, что напоминалъ Тamarу о молитвѣ въ началѣ урока. — Чего имъ читать-то про хлѣбъ, да про огороды?! Они и сами тебѣ еще лучше расскажутъ, что тамъ посѣяно и что къ чему!.. Эка невпалъ какую нашли, какъ корова мычать, да какъ лаетъ собака! Всякій и безъ того знаетъ, что корова мычить, а собака лаетъ!.. Стихиры тоже учить заставляли, а какія это стихиры? — Тѣ стихиры, что въ церкви поютъ, — Богу поютъ, а этими стихирами развѣ бѣса тѣшить! Медвѣдь, вишь, по поднебесью леталъ, — нашли чего сочинять тоже, глупостей какихъ!.. Гдѣ бѣ отъ писанія почитать что, какъ Богъ небо-землю сотворилъ, какъ Христосъ съ апостолами ходилъ по свѣту, царіи какіе древніе были, а имъ про курицу-рябу!.. Вотъ, кабы обучали, какъ на крылосѣ пѣть да по божественному въ храмѣ Божіемъ читать, ну, это точно что школа была бы, либо-дорого

было бы послушать, да и спасибо великое мужики сказали бы вамъ. А то все про козловъ, да про котовъ! — Что имъ въ котакъ-то!..

Подъ градомъ этихъ негодующихъ единодушныхъ протестовъ Тамара только молча голову потупила, тѣмъ болѣе, что всѣ они обращались прямо къ ней, точно бы она одна повинна въ томъ, зачѣмъ существуютъ на свѣтѣ такіе книжки и зачѣмъ преподаютъ по нимъ въ школахъ. Но непосредственное, возмущенное чувство отцовъ этого не разбирало. Да и сама она смутно чувствовала въ этихъ простыхъ и грубо выражаемыхъ порицаніяхъ какую-то внутреннюю правду, противъ которой ей не подъ силу подыскать никакого вѣскаго, основательнаго возраженія, тогда какъ у нихъ эти ихъ взгляды, очевидно, общіе и коренятся глубоко. Развѣ вчерашнія матки крестьянскія, въ сущности, говорили ей не то же!

— Ну, однако, почтенные, вы тово... полегче! — вступился наконецъ въ дѣло старшина. — Нечего вамъ учительницѣ тыкать въ глаза, какъ и что ей дѣлать! Про то начальство знаетъ. Не отъ себя она книжки сочиняетъ, а какія начальство прислало, тѣ и есть. По нимъ и учи, коли велѣно! Не глупѣе васъ тоже люди, — поди, чай, тоже рассуждали, что къ пользѣ, а что нѣтъ. Стало быть, такъ надо, коли приказъ такой, — ну и молчи, не путайся не въ свое дѣло! Дѣло ваше темное!

Но отцы плохо соглашались съ доводами старшины и продолжали между собою порицать «земскую учёбу».

Воспользовавшись минутой, когда заволнованный и ворчливый говоръ ихъ нѣсколько стихъ, Тамара высказала имъ, что охотно бы готова учить дѣтей и по церковному, насколько сама знаетъ (а знала-то она плохо, но надѣялась про-себя, что у отца Макарія успѣетъ подучиться), да та бѣда, что въ школѣ у нихъ нѣтъ ни одной церковно-славянской книги. Поэтому она предложила имъ, пускай крестьяне сложатся и купятъ на общій свой счетъ нѣсколько экземпляровъ Псалтири и Евангелія.

Но противъ этого предложенія, какъ одинъ человѣкъ, возстали всѣ валичные отцы, да еще пуще прежняго. Какъ, молъ, такъ?! Земская управа ежегодно деньги съ насъ деретъ на школы, да мы же еще и книжки на свой счетъ покупаемъ?! Нѣтъ, ужъ это управа плуцая сама покупаетъ! У насъ и безъ того довольно есть куда платить, и то хребты трещать ужъ! Скоро, гляди, послѣднюю корову со двора сведутъ за недоимки!.. Послѣднюю копейку, и за тою чуть не съ ножомъ къ горлу пристають, — подай да подай! — то на подати, то на земство, а съ чего подать-то?.. Нѣтъ, ужъ это вы сами съ управой, какъ знаете, такъ и вѣдайтесь! А нѣтъ, мы я ребятъ въ школу посылатъ больше не станемъ, — лучше къ хожалымъ учителямъ отдавать, чѣмъ такъ-то!.. Да и впрямь лучше! —

Хожалому-то я за ученѣ палковѣй-рупѣ, а много, коли полтора заплачу, онѣ мнѣ за зину-то выучитъ мальчонку не по вашему, а по Часослову... Ну ее къ яду, земскую школу! Пропадай она и совсѣмъ! Одинѣ грѣхъ только съ нею!

И разобиженные отцы прямо изъ-за партѣ погнали своихъ ребятъ по домамъ и сами удалились слѣдомъ,—прощайте, молъ, да больше и не ожидайте!

— Что-же это такое!?—обратилась къ старшинѣ огорченная до глубины души Тамара.— За что это?..—Что такое я имъ сдѣлала или сказала обиднаго?

— Ничего, поартачатся да таковы же будутъ!—флегматично успокаивалъ ее тотъ.— Завтра, гляди, сами припашутъ ребятишекъ,—матки заставить. Солдатскою-то льготой, небойсь, каждому заручиться лего.

* * *

Распустивъ столь неожиданно разстроенный классъ, Тамара пошла къ священнику подѣлиться съ его семьей своими сегодняшними впечатлѣніями и рассказать все, какъ было.

— Вотъ пустяки-то! Есть изъ-за чего огорчаться!—воскликнулъ, выслушавъ ее, отецъ Никандръ.—Смотрите вы на все на это легче и спокойнѣе, получайте свое жалованье, благо вамъ пока его платятъ, и дѣлайте то, что отъ васъ требуетъ училищный совѣтъ,—чего тамъ?

— Не знаю, можетъ быть, крестьяне и правы,—проговорила она въ раздумьи.

— И даже не «можетъ быть», а *навѣрное* правы, въ этомъ вы можете не сомнѣваться,—увѣрилъ ее о. Никандръ.—Но что жъ изъ этого?

— То, что если это такъ, то я начинаю сомнѣваться въ себѣ, гоюсь ли я для своей роли,—пояснила она.

— А почему бы нѣтъ?—дѣвица въ образованная, дипломъ имѣете, охота есть къ тому же... Правда, для этого дѣла, если хотите, нужно особое призваніе, талантъ; но гдѣ же набрать все талантовъ? Большинству нашихъ сельскихъ учительницъ и даже учителей далеко до вашего образованія, да вѣдь учатъ же, ничего-себѣ!

— Да, учать,—согласилась Тамара;—но если крестьяне, какъ вы говорите, правы, то къ чему все это наше учительство?

— Ахъ, вотъ что!—улыбнулся о. Никандръ.—Ну, да пускай себѣ правы, вамъ-то что?!.—пожалъ онѣ плечами.—Не вы вѣдь завели такіе порядки и такую систему!

— Да, но если они и въ самомъ дѣлѣ не станутъ дѣтей въ школу пускать, тогда что?

— Ну, и Богъ съ ними, пусть ихъ не пускаютъ!—Худа отъ этого для нихъ не будетъ, а вамъ тоже, чѣмъ меньше съ этой шершавой дѣтворой возиться, тѣмъ легче. Есть о чемъ беспокоиться!—Вѣдь не передѣлаете!

— Одна, конечно, не передѣлаю,—согласилась дѣвушка,—но еслибы насъ, думающихъ какъ вы вотъ, что въ этомъ дѣлѣ слѣдовало бы прислушиваться къ желаніямъ и требованіямъ самаго народа,—еслибы насъ, говорю я, было больше, да еслибы къ нашимъ голосамъ присоединилось сельское духовенство,—вы, на-примѣръ, первый могли бы...

— Мы? духовенство?—перебилъ ее о. Никандръ.—Покорнѣйше благодарю! Будетъ съ насъ уже!.. Довольно!.. По крайней мѣрѣ, что до меня лично, я уываю руки. Я попытался было учить въ отсутствіи вашего предѣстника, — арестовали тутъ, было, его съ жандармами за какія-то тамъ знакомства, — и что же-съ?—Кромѣ неприяностей съ земскою управой да запросовъ и глупой переписки съ училищнымъ совѣтомъ, ничего не вышло! — По какому-де праву позволялъ я себѣ преподавать, не испросивъ, видите ли, предварительно у нихъ разрѣшенія! Даже вознагражденія никакого не дали... Да мало того-съ: возбудили даже сомнѣніе въ моей благонамѣренности! Вопросъ подымали!—Ну ихъ!—махнулъ онѣ рукою.

— Наши земскіе воротилы нынѣшніе, — вступилъ въ разговоръ отецъ Макарій,—позвольте ли видѣть, желаютъ какъ можно дальше держать сельскую школу отъ духовенства, лишить его тамъ, по возможности, всякаго вліянія; поэтому, между прочимъ, и плату нищенскую за преподаваніе Закона Божія назначили, да еще ограничили его однимъ платнымъ урокомъ въ недѣлю, а въ остальные дни если хочешь, то безвозмездно.

— Я ужъ и не зарюсь на нее, на плату-то, всю батюшкѣ предоставилъ, — кивнулъ о. Никандръ на тещу.—Надо же и ему, старичку, имѣть какую-нибудь свою копейку.

— Ну, да это чтѣ, не въ деньгахъ суть!—перебилъ его о. Макарій,—а главное, что разные господа Агрономскіе—вотъ—считаютъ себя призванными мѣшаться въ школьное дѣло. Крестьяне, на-примѣръ, особенно любятъ, чтобы дѣтки ихъ дома читали имъ что-нибудь духовно-нравственное, или историческое,—ну, а изъ школы, благодаря Агрономскимъ, подсовываютъ имъ о швейцарской демократіи, или больше все по естественной исторіи, про разные тамъ суставчики, членники да шупальцы у наѣкомыхъ,—ну, и не читаютъ, конечно. А которыя учительницы просятъ управу пополнить имъ библіотеки согласно желаніямъ крестьянъ, — отказъ: денегъ, молъ, нѣтъ. А жертвовать изъ земскаго сундука на женскіе курсы въ Петербургъ, по сту рублей, да на изданіе какихъ-то тамъ учебниковъ на грузинскомъ языкѣ, — на это, сдѣлайте ваше одолженіе, денегъ всегда сколько угодно!.. Ну, и понятію, если крестьяннѣ такіе школы не больно-то жалуютъ.

— Но вѣдь нельзя же и безъ нихъ,—воз-

разила Тамара, — нужна же наконецъ хоть какая-нибудь школа.

— Она и есть! — подтвердилъ отецъ Макарий, — не думайте, есть! Народъ, я вамъ скажу, — продолжалъ онъ, — стремится къ грамотѣ помимо земской помощи и независимо отъ земства: онъ заводитъ себѣ свои собственные школки грамотности съ хожальными учителями. Нужды нѣтъ, что учить тамъ какой-нибудь отставной солдатъ, или дьячекъ заштатный, — ему вѣрятъ. А почему? — потому что не вѣрятъ мужикъ земской школѣ. Даже болѣе: многія волостныя правленія избѣгали и избѣгаютъ-то о нихъ управу, — потому, значитъ, боялись, какъ бы дѣтели наши да сѣтели не внесли и въ эти ихъ школки своихъ нынѣшнихъ началъ, — вотъ что-съ!

— Да что жъ это за начала такія особенныя? — спросила недоумѣвая Тамара. — Вѣдь то, что преподается въ школахъ — утверждено правительствомъ, и по правительственнымъ же программамъ, и по рекомендованнымъ пособиямъ, — такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ, поживете — увидите, — уклонился отъ прямого отвѣта Макарий. — И что замѣчательно, — продолжалъ онъ, — школокъ этихъ больше всего оказывается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ больше земскихъ школъ, а это что значить? Это значить, что противъ каждой земской школы крестьяне ставятъ свою контрашколу, — вотъ оно что-съ!

Все это, въ связи съ сегодняшнею сценою въ классѣ, послужило для Тамары поводомъ къ новому и еще болѣе горькому разочарованію. А она-то такъ надѣялась на свою новую дѣятельность, на ея плодотворность, и что же? Съ самаго перваго шага уже приходится съ горечью убѣждаться, что все это чуть-ли не одно громадное недоразумѣніе, или — еще хуже, — одна фальшь, которая если еще и держится кое-какъ, то лишь чисто искусственною приманкой для крестьянскихъ матокъ на совѣмъ постороннюю льготу по волнской повинности. Неужели и вездѣ такъ? Неужели и повсюду то-же самое?.. Что-жъ будетъ далѣе? Какъ идти у нея дѣлу, если въ ней самой уже подорвана въ него вся вѣра?.. Поневоля руки опускаются.

— Э, подвоте, чего тамъ! Есть о чемъ печалиться! Пойдемте-ка лучше обѣдать, а то пця простынуть, — предлагалъ ей молодой «батюшка».

VI.

Въ области вѣковыхъ прелестей.

Въ первый же воскресный день, какъ только раздался благовѣстъ къ обѣднѣ, Тамара пошла въ церковь. Она всѣ эти дни даже съ особеннымъ нетерпѣніемъ ожидала воскресенья, именно затѣмъ, чтобы отправиться къ обѣднѣ.

На это были у нея особыя причины, казавшіяся ей чрезвычайно важными. Дѣло въ томъ, что слухи о ея еврейскомъ происхожденіи видимо успѣли уже распространиться по селу, и не чрезъ Ефимыча, какъ думала было вначалѣ Тамара, а черезъ волостное правленіе, или вѣрнѣе, черезъ писаря этого правленія, и въ этомъ не было ничего мудренаго, такъ какъ самая фамилія «Бендавидъ» указывала на ея нерусское происхожденіе. Но самое невыгодное для нея въ этихъ слухахъ и толкахъ было то, что большинство крестьянъ отождествляло ея происхожденіе съ религіею: «коли, молъ, изъ жидовъ, такъ, стало быть, она и жидовскаго закону, вѣры жидовской, значить». Намекъ на такое заключеніе она получила уже въ самомъ началѣ своего перваго урока, когда позабыла открыть его молитвой, и Тамара не сомнѣвалась, что если всѣмъ этимъ толкамъ и сомнѣніямъ не противопоставить на первыхъ же порахъ ясное, наглядное опроверженіе, то они будутъ распространяться все больше и далѣе, въ прямой ущербъ не только ей самой, но и ея дѣлу. Поэтому она и рассчитывала воспользо-ваться первымъ же воскреснымъ днемъ, чтобы присутствіемъ своимъ у обѣдни, воочию показать всѣмъ сомнѣвающимся, что она такая же православная, какъ и они сами.

Еще въ субботу, отпуская своихъ учениковъ послѣ утренняго урока, Тамара наказывала имъ, чтобы завтра утромъ они собрались къ ней въ школу.

— Затѣмъ? — удивились тѣ, — нѣшто и въ праздникъ учиться будемъ?

Она объяснила, что приглашаетъ ихъ не для ученія, а затѣмъ, чтобы выѣсть съ нею идти всею школою къ обѣднѣ, и спросила, почему они такъ удивлены? Развѣ прежде этого не дѣлалось?

Оказалось, что нѣтъ.

— Ну, такъ отнынѣ всегда будетъ дѣлаться, такъ вы это и знайте.

Ученики остались очень довольны такимъ нововведеніемъ и обѣщались придти непременно. И вотъ теперь, когда вся ея школьная команда еще до благовѣста собралась въ классной комнатѣ, одѣтая во все чистое, по-праздничному, съ расчесанными и примасленными волосами, — Тамара начала съ того, что громко прочла въ русскомъ переводѣ и растолковала мальчикамъ сегодняшнее евангеліе, которое будетъ читаться за обѣдней, удосто- вѣрилась изъ своихъ вопросовъ и ихъ отвѣтовъ — достаточно ли они его поняли и затѣмъ, построивъ учениковъ по-парно, что называется, лѣсенкою, мальчишками впередъ, — чиннымъ образомъ повела ихъ въ церковь и поставила въ порядкѣ за правымъ клиросомъ, а сама стала позади своей школьной команды.

Къ началу обѣдни собралось довольно много

прихожанъ, не только своихъ, горѣловскихъ, но и изъ сосѣднихъ деревень, приписанныхъ къ приходу. Пѣли на клиросѣ дьячекъ съ отцомъ Макаріемъ да двое любителей изъ крестьянъ, но нельзя сказать, чтобы пѣніе ихъ отличалось благозвучіемъ и стройностью: дьячекъ тянулъ охриплымъ басомъ, о. Макарій старчески дребезжащимъ теноркомъ, а изъ любителей всякъ старался самъ за себя, не сообразуясь съ остальными пѣвцами,—было бы только погромче да позакатистѣй! Здѣсь у Тамары впервые явилась мысль, что не мѣшало бы ей воспользоваться своими музыкальными способностями и знаніями, для того, чтобы приготовить на первое время хотя бы небольшой хорикъ изъ способныхъ учениковъ, — по крайней мѣрѣ, въ церкви у нихъ будетъ хоть сколько-нибудь благообразное пѣніе. Она надѣялась, что ни тотъ, ни другой изъ «батушекъ» не откажутъ помочь ей своимъ участіемъ въ этомъ дѣлѣ. Да и крестьянамъ должно понравиться,—думалось ей,—они вѣдь такъ опредѣленно высказывали ей въ школѣ свои желанія насчетъ «божественнаго». По временамъ она искоса и какъ бы невзначай оглядывалась въ сторону, на молящихся крестьянъ, съ цѣлью удостовѣриться, видятъ ли, замѣчаютъ ли они ее, обращаютъ ли на нее и ея команду хоть какое-нибудь вниманіе, на этотъ разъ не столько молитва сама по себѣ, сколько такія именно соображенія наполняли ея мысли и волновали душу. Поэтому она не забывала креститься какъ можно истовѣй и старалась не упустить ни одного случая, гдѣ слѣдовало преклонить голову, или положить земной поклонъ, раза два поправила двухъ-трехъ мальчиковъ, небрежно и неправильно крестившихся, или оказывавшихся недостаточно внимательными къ службѣ, а во время пѣнія молитвы Господней заставляла всѣхъ своихъ школьниковъ опуститься на колѣни и сама, съ нѣсколько показнымъ благоговѣніемъ, сдѣлала то же.

Отецъ Никандръ, чтобъ показать передъ прихожанами свое вниманіе, — такъ сказать, отличить ее въ ихъ глазахъ,—нарочно высалъ ей изъ алтаря въ концѣ службы просфору на тарелочкѣ, а когда она, вмѣстѣ со всею школой, подошла прикладываться ко кресту, онъ поздравилъ ее съ праздникомъ и пригласилъ къ себѣ на чай послѣ обѣдни.

Тамара въ томъ же порядкѣ, попарно, вывела своихъ мальчиковъ изъ церкви и, проходя съ ними по паперти, слышала сказанное кѣмъ-то послѣдъ ей замѣчаніе:

— Вишь ты, школа-то какъ важно!—Словно пріютскіе въ городѣ!.. И чего это зря болтаютъ, изъ жиловъ да изъ жидовъ, а она во-какъ, по правдѣ все это дѣйствуетъ!

— Хорошо!.. Что хорошо, то хорошо, отозвался на это, въ похвалу ей, чей-то другой голосъ.

При этихъ, случайно подхваченныхъ ею словахъ, Тамара почувствовала въ душѣ отраду перваго нравственнаго удовлетворенія.—«Сфарисействовала я сегодня, прости Господи!» созналась она себѣ, «и сильно-таки сфарисействовала, да что же дѣлать! Чѣмъ убѣдить ихъ иначе!?»

Доведя команду свою до школы, она распустила ее по домамъ, давъ наказъ идти по улицѣ чинно, безъ озорства и забѣчества, а сама отправилась на чай къ «батушкамъ».

* * *

У «батушекъ» въ «чистой» комнатѣ, на покрытомъ бумажно-камчатною салфеткой столѣ пыхтѣлъ уже большой, на славу вычищенный, ради праздника, самоваръ, около котораго усердно хлопотала надъ разнокалибернымъ чайнымъ приборомъ «матушка» Анна Макарьевна, въ шуршащемъ праздничномъ нарядѣ и даже съ блондовою наколкою на головѣ. Въ домѣ слегка припахивало ладаномъ, которымъ съ утра еще и тоже ради праздника не забыла, въ силу стараго обычая, покурить по комнатамъ та же «матушка». Здѣсь Тамара застала уже нѣсколькихъ почетныхъ гостей, имѣвшихъ всегдашнее обыкновеніе заходить на чашку чая къ «батушкамъ», послѣ обѣдни. На диванѣ и креслахъ возсѣдали тучный управляющій съ женою, съ сосѣдняго стекляннаго завода, сморчкообразный капитанъ-лейтенантъ въ отставкѣ, съ Анною въ петлицѣ—желкій земледелецъ изъ ближайшей окрестности, да холостякъ лѣсничій, жившій тоже по сосѣдству; а у стѣны, на стульяхъ, сидѣли въ рядѣ четверо почтенныхъ основательныхъ крестьянъ, изъ числа «прилежныхъ радильцевъ храму Божьему», какъ рекомендовалъ ихъ отецъ Макарій,—люди пожилые, почти старики, въ синихъ, смурыхъ и черныхъ чуйкахъ. То были Иванъ Лобанъ, Максимъ Липатъ, мельникъ Данило да Силантій кузнецъ, котораго всѣ звали «дѣдушкой», въ видѣ ласковаго ему почета. Всѣ гости степенно кушали чай изъ стакановъ и большихъ фарфоровыхъ чашекъ,—господа «въ накладку», а крестьяне «въ прикуску». Разговоръ тоже весьма степенно, и въ началѣ даже нѣсколько натянуто, вращался въ сферѣ хозяйственной, насчетъ того, каковы у кого были умоты ржи да овса, сколько кто четвертей ссыпалъ къ себѣ въ закромы, сколько мѣръ картошки накопили на зиму, каково гдѣ всходить озими и т. д.

Отецъ Никандръ представлялъ новую учительницу всему обществу своихъ гостей, и Тамара опять услышала похвалы себѣ за свое нововведеніе, особенно со стороны крестьянъ,—хорошо, молъ, это вы дѣлаете, что ребятъ ко храму Божію привлекаете и въ струнѣхъ содержите: мы-де сегодня очень хорошо примѣчали, что чуть который зазѣвается, сейчасъ вы это легонько до него доторкнетесь и поправите.—Ну, и насчетъ крестнаго знаменія тоже, все

это очень даже прекрасно, одобряли мужики. — А то здѣшніе ребята и отъ храма-то совсѣмъ было отбѣлись: съ утра уже, въ праздникъ, то въ бабки, гляди, то въ войну жарятъ промежъ себя, а вѣтъ того, чтобы лобъ-то хошѣ перекрестить бы.

Всѣ эти похвалы были Тамарѣ тѣмъ пріятнѣе, что изъ нихъ она могла видѣть, насколько начинается уже примиряться съ нею горьковское общественное мнѣніе, и что собственно требуется съ ея стороны для этого.

Отъ похвалъ учительницъ общій разговоръ перешелъ опять на сельско-хозяйственную часть и ея нужды, да на тяготу нынѣшнихъ временъ, отъ которой самый естественный переходъ, конечно, и къ «нынѣшнимъ порядкамъ», и эта жгуче больная тема сама собою внесла въ бесѣду значительное оживленіе. Максимъ Ляпугъ пожаловался на подесятинный налогъ, дошедшій въ послѣдній годъ до восемнадцати копеекъ.

— Восейнадцать? — остановилъ его Иванъ Лобанъ, — нѣтъ, братъ, погоди! На нынѣшнемъ земскомъ собраніи, сказываютъ, порѣшили догнать до двадцати копеекъ съ десятины, вотъ и вертись тутъ, какъ знаешь!

— Какъ такъ до двадцати?! Да не можетъ быть?! Господи! — пришли въ неподѣльный ужасъ остальные крестьяне. — Что жъ это совсѣмъ въ раззоръ хотятъ, что-ли?! Да вѣтъ Иванъ, ты это тово... вѣрно ли слышалъ-то? отъ кого?

— Чего не вѣрно! — Самъ вчера только изъ городу вернулся, свои же гласные въ управѣ сказывали.

— Эко дурасть какая!.. Господи! И чего-жъ они смотрѣли-то, нашто соглашались? — возмущались старики. — Гласные тоже называются!..

— Что спрашивать зря! — досадливо усмѣхнулся Лобанъ. — Сами знаете, «нашто!» — Супротивъ непремѣннаго члена нѣшто пойдешь? Куда захочетъ, туда и повернется.

Мужики не менѣе досадливо кряхтѣли только да головами потрахиwади въ неприятномъ раздумьи. — Внишь ты, грѣхъ какой!.. Одна напасть, да и все тутъ!.. И съ чего же это, по двадцати-то?

— А съ того, — пояснилъ Лобанъ, — что опять растраты большія по многимъ волостямъ объявились.

— Какъ? опять?! — удивились всѣ собесѣдники, не исключая и «батьшекъ».

— Опять! — безнадежно махнулъ Лобанъ рукою. — Нынче одиакъ Свистуновъ, писарь песчанскій, на пятнадцать, слышь, тысячевъ хватилъ и казенныхъ, и общественныхъ, да еще благодарность получилъ за это самое, — вотъ такъ дѣла!

— Ну!.. ужъ и благодарность! Еще чего! — усомнились почтенные.

— Съ мѣста не сойти! — подтвердилъ Лобанъ. — Да вотъ, ихъ благородіе третьева дни какъ изъ городу, — сослался онъ на лѣсничаго, — тоже, чай, слышали тамъ. Спросите, они вамъ еще лучше доложатъ.

Лѣсничій подтвердилъ слова Ивана Лобана и рассказалъ, какимъ образомъ случайно раскрылась песчанская растрата. Песчанское волостное правленіе донесло-де по начальству, что всѣ подати и недоимки взысканы у нихъ въ волости сполна и представлены уже въ казначейство. Исправникъ съ радости и донесилъ объ этомъ губернатору, губернаторъ сейчасъ же формальную благодарность Песчанскому правленію, — ну, всѣ и радуются, довольны, что безъ хлопотъ все обошлось, исправникъ спокоенъ, становой тоже, — вѣдать не надо выколачивать недоимку... Какъ вдругъ требованіе къ исправнику отъ казначейства, — понудить, наконецъ, Песчанское волостное правленіе къ уплатѣ одиннадцати тысячъ казенной недоимки. Переполохъ, конечно. Какъ? что? какими судьбами? Поднялась суматоха, пошли писанія да справки, да дознанія, да то, да се, — ну, и дознались, что деньги эти съ крестьянъ хотя и точно-что собраны, и даже сполна, но только въ волостномъ правленіи ихъ нѣтъ, тую-тую, значить! Стали повѣрять отчетность да кассу, анъ тутъ и оказывается, что не хватаетъ ни опекунскихъ суммъ, ни общественной сберегательной кассы, ни выручки за гульный скотъ, ни земскаго, ни страхового сбора, — словомъ, чисто!.. Выбрали на сходѣ учетчиковъ, а тѣ и досчитались, что всей-то растраты за пятнадцать тысячъ будетъ.

— Ай, Господи владыко! — ужасались и ахали крестьяне, качая головами. — Эки дѣла какія!.. Ну, а Свистуновъ-то что жъ? А старшина-то какъ же?

— Старшина, да что-жъ старшина? — «Знать не знаю, вѣдать не вѣдаю, деньги, молъ, непремѣнный членъ приказали Свистунову на отчетъ держать, онъ-де грамотнѣе», — а Свистунова просто отъ должности уволили, да и вся не долга!.. Но только онъ себѣ и въ усь не дуетъ.

— Какъ же! видѣлъ самъ его въ городѣ, — заявилъ Лобанъ, — видѣлъ друга сердечнаго!.. Миѣ, говоритъ, ровно что наплевать, никого я не боюсь и ничего миѣ не будетъ, потому какъ въ рукахъ у меня, говоритъ, документы есть, что я дѣлялся и съ непремѣннымъ членомъ, и съ членами управы — Сами себя, не бойсь, подъ судъ не потянуть, а на собраніи большинство-то за ними, — замажутъ, какъ ни на есть, — не впервой!

— Вреть, чай, Свистуновъ-то? — усомнились нѣкоторые.

— А ему что врать! Кабы вралъ, не то-бъ ему и было, — возразилъ Лобанъ, — а то слышь,

только и всего, что отъ должности увоили. Нашто ему съ деньгами-то должностъ! Невидаль какая!

— Ну, а какъ же теперича насчетъ расстраты?—спросилъ дѣдушка Сялантій,—пополнять-то кто будетъ?

Лѣсничій пояснилъ, что это уже все члены управы съ непремѣннымъ промахъ себя, на собраніи, своимъ большинствомъ порѣшили.— По бывшимъ, говорятъ, примѣрамъ,—какъ въ другихъ волостяхъ случалось, такъ и теперь,—разложить, говорятъ, взысканіе на всѣхъ крестьянъ Песчанской волости да и все тутъ!

— И разложили?—недовѣрчиво спросилъ отецъ Макарій.

— А то нѣтъ!—отозвался Лобанъ.—Извѣстно, какъ порѣшили, такъ и разложили. Имъ-то что! Не самимъ платить! А мужицкій хребетъ все вытянетъ!

— Ну, что-жъ, — разсудительно замѣтилъ Никанаръ.—Теперь, значить, этотъ господня Свистуновъ, того и жди, отъявнется въ наши палестины имѣніице себѣ приторговывать, землевладѣльцемъ сдѣлается,—для ценза, значить,—а тамъ, гляди, современемъ и самъ въ члены управы проскользнетъ,—тоже «по бывшимъ примѣрамъ».

— Проскользнетъ! какъ пить дать!—Это вѣрное слово ваше, батюшка! — согласился мужики чуть не въ одинъ голосъ.— Еще бы ему-то да не проскользнуть! Парень дошлый, мозговитый и ливію свою ведетъ твердо,—одно слово, молодецъ!

Тамара слушала да слушала всѣ эти происходившіе при ней разговоры и только дѣлала порою на собесѣдниковъ, что называется, большіе глаза, полные то недоумѣнія, то удивленія. Для нея все это было не только ново, но главное ужасно дико, тогда какъ здѣсь оно—самое заурядное дѣло или, въ наибольшемъ случаѣ, сенсационная новость дня, которая черезъ недѣлю, много черезъ двѣ поветѣи и забудется въ омутѣ подобныхъ же земскихъ уѣздныхъ новостей, дѣлшекъ и плутней.

За воскреснымъ чаемъ у «батьшекъ» собрался своего рода дружескій клубъ, для общаго всякими уѣздными и околodковыми новостями, а подчасъ и сплетнями, — нельзя же безъ этого, дѣло житейское! Но господствующій тонъ бесѣды все же былъ у нихъ солидный и вращался около предметовъ серьезныхъ или прямо насущныхъ, хозяйственныхъ, иногда только заходя въ отвлеченную и поучительную область «божественнаго», или сбиваясь на политику, насчетъ Бисмарка, турка и «англичанки». Тутъ нерѣдко друзья-крестьяне спрашивали у «батьшекъ» и добраго совѣта, какъ имъ быть въ томъ или другомъ случаѣ. Вотъ и нынче подошло такое, напри-

мѣръ, дѣло, что безъ совѣта никакъ невозможно: надумались нѣкоторые крестьяне прошеніе отъ цѣлой округи подавать объ освобожденіи ихъ поголовно отъ обязанностей присяжныхъ засѣдателей въ судѣ. Тамара слушаетъ и недоумѣваетъ, что это за дикіе люди такіе, что ищутъ зря, какъ бы отдѣлаться отъ столь высокаго гражданскаго права, какъ обезпеченіе правосудія своею же общественною совѣстью! Неужели же они-де до сихъ поръ еще не постигли на самомъ дѣлѣ, на практикѣ жизни, всѣ громадныя преимущества и выгоды такого суда для себя же самихъ?! Но по мужицкой логикѣ выходитъ, что этотъ судъ у нихъ уже на загривкѣ десяти-пудовой гирей вѣситъ: дойдетъ до мужика очередь въ присяжные, и изволь онъ за шестьдесятъ, а то и больше, верстѣ переть въ городъ на «сѣцію», отрываться отъ полевыхъ работъ особенно ежели еще въ страдную пору, нанимать за себя батраковъ, харчаться въ дорогѣ, харчиться двѣ недѣли въ городѣ, и все это даромъ, ни къ чему,—кто-то тамъ проитрафился, уголовщину сдѣлалъ, а ты за это разстройство въ хозяйствѣ неси, да траться,—ну ихъ, и съ присяжствомъ!—одно разореніе. Тамара вдумывается въ ихъ мужицкіе доводы, взвѣшиваетъ ихъ сама съ собою и приходитъ въ концѣ къ заключенію, что мужики вовсе не такъ глупы и дикі въ этихъ своихъ жалобахъ, какъ казалось ей всего лишь цѣсколько минутъ назадъ, по первому ихъ слову. Такъ было съ нею и во многомъ другомъ. Изъ тѣхъ же сегодняшнихъ разговоровъ познакомилась она со многими такими сторонами сельской и земской жизни, которыя прежде, изъ-подъ призмъ журнальных статей и разныхъ «интеллигентныхъ» разговоровъ, представлялись ей совсѣмъ иначе. Здѣсь довелось ей, между прочимъ, изъ устъ самихъ же крестьянъ услышать и сравненіе нынѣшняго положенія деревни съ прошлымъ «до-земскимъ» временемъ, и опять результатъ вышелъ для нея самый неожиданный. Съ ихъ словъ узнала она, что теперь на средній крестьянскій дворъ не приходится уже и половины того количества скота, какое повсюду было прежде, что денежные повинности до земства были втрое ниже нынѣшнихъ, да и отправлялись къ тому же всѣ почти натурой, а теперь платежъ съ одной только земли до того возвысился, что многіе земскіе недоимщики даже вовсе отъ нея отказываются,—берите, молъ, господа земство, ее всю и пользуйтесь сами, какъ знаете! Надѣльная крестьянская земля нерѣдко сдается кому хочешь, дешевле чѣмъ за половину повинностей, или за выплату казнь только выкупа, да и то почти нѣтъ охотниковъ; а есть надѣлы, которыхъ и даромъ не берутъ больше въ обработку: вся земля уже выпажана, скотина дро-

бится на семейныхъ раздѣлахъ,дохнетъ отъ чумы, отъ язвы, отъ безкоринцы, а нѣтъ скотины, нѣтъ, значить, и удобренія,—ну, и отказывается земля родить, хоть брось ее! Поэтому съ каждымъ годомъ растетъ и число бобылей, бросающихъ свои надѣлы, затѣмъ что оплачивать ихъ нечѣмъ.

— Прежде содержали мы однихъ господъ,—жаловались старики-крестьяне,—а новѣ содержимъ и чиновниковъ, и земство. Да мало того, содержимъ еще и нѣсколько неоплатныхъ волостей! Затянетъ ли волость за два-три года недоимки, аль просто запутается въ долгахъ, сейчасъ съ нея земство всѣ податные платежи долой, да на другихъ и разложить, плати, молъ, и за себя, и за несправнаго, на то, молъ, и круговая порука!

Удивленная всѣмъ этимъ, Тамара рѣшилась наконецъ скромно спросить отца Никандра, неужели содержаніе земства можетъ и въ самомъ дѣлѣ такъ тяжело ложиться на все крестьянство?

— А вотъ сейчасъ мы вамъ сдѣлаемъ маленькую справку,—отозвался священникъ и досталъ съ книжной полки какое-то уеміе статистическое изданіе губернской земской управы. Вотъ, изволите ли видѣть,—подавъ онъ дѣвушкѣ книгу, отыскавъ въ ней нужную страницу,—вотъ тутъ пропечатано совершенно точно и ясно, что всего въ нашей губерніи служащихъ по земству лицъ 858 человекъ,—чуть не цѣлый полкъ!—и всѣ они, въ совокупности, получаютъ 250.500 рублей жалованья, не считая всѣхъ остальныхъ земскихъ расходовъ. Вотъ и судите, во что оно обходится крестьянской-то шкурѣ!

— Да это что!.. Хотя бы какая-нибудь справедливость въ раскладкѣ соблюдалась, такъ и той-то лѣту!—замѣтилъ отецъ Макарій и, кстати, въ подтвержденіе своихъ словъ, рассказалъ, какъ земские дѣльцы въ прошломъ 1877 году, подъ шумокъ войны, дѣляли всѣ земли Бабьегонскаго уѣзда на шесть разрядовъ, для обложенія ихъ налогомъ, по качеству и доходности. Изъ этого разсказа оказалось, что нѣкоторые бѣднѣйшія волости, только потому, что въ нихъ состоитъ нѣсколько имѣній, принадлежащихъ лицамъ «противной партіи», вдругъ очутились въ двухъ высшихъ разрядахъ, тогда какъ нѣсколько другихъ волостей съ лучшими, наивыгоднѣйшими во всемъ уѣздѣ землями, поступили, какъ вайхундія, въ четвертый и даже въ пятый разрядъ, если въ нихъ попадались имѣнія разныхъ господъ Ширринговъ, Морсаковыхъ, Агропомскихъ, де-Казатисовъ, Глагольцевыхъ,—то-есть, всѣхъ воротилъ торжествующей и потому правящей мѣстной земской шайки,—и это все для того, чтобы всѣмъ этимъ господамъ самимъ платить поменьше, а врагамъ и противникамъ ихъ побольше. А

чтобъ такой фортель прошелъ имъ глаже и удобнѣе, придумали воротилы собирать свѣдѣнія и изслѣдовать почву да покосы въ декабрѣ, когда въ поляхъ на два аршина уже снѣгъ лежалъ. Наѣзжали тогда ихнія комиссіи, стогнались крестьяне съ нѣсколькихъ волостей въ одну какую-нибудь контору, гдѣ выставлялась имъ водка и гдѣ собирались у нихъ свѣдѣнія по разпросамъ; изъ этихъ свѣдѣній безапелляціонно дѣлался общій выводъ, какой хотѣлось самимъ «дѣтелямъ и сѣтелямъ»,—«свой человекъ» записывалъ все это въ изданію потомъ на счетъ земства статистику,—и вотъ, на основаніи этой-то книжки и зимнихъ разематриваній и изслѣдованій почвы, явилось, утвержденное земскимъ собраніемъ, раздѣленіе всей земли на разряды. А въ результатѣ—одна часть населенія въ уѣздѣ плати теперь болѣе другой, безъ конца и здорово живешь! Стояъ стоитъ по уѣзду, зато самимъ воротиламъ отлично!

— И чего-чего тутъ не затѣвалось, и надѣ чѣмъ только они не мудрили! — съ грустію досадливой усмѣшкой покачалъ головой о. Макарій.—Какъ же! Мы-де земство, интеллигенція! Мы сами и безъ крестьянъ рѣшимъ, что для нихъ нужно, мы это понимаемъ лучше, чѣмъ они!.. Ну, и рѣшили!.. Позаводили было сельскіе банкы, деньги для этого съ населенія усиленно собирали; но не прошло и четырехъ лѣтъ, какъ всѣ эти банкы полопались, за раздачею зря всѣхъ суммъ, съ которыхъ даже и процентовъ не получалось. Позаводили тоже артели,—и вѣдь какую еще агитацію вели во всѣхъ столичныхъ газетахъ!—«Артели, артели одно-деспасеніе! Самоуправленіе, самопомощь!—Ничего, молъ, народу окромѣ артелей не надо, ничего онъ больше не желаетъ, однихъ артелей жаждетъ!»—Ну, и наустраивали ему артелей — по всему уѣзду, по всей губерніи, и гвоздарныхъ-то тамъ, и кузнечныхъ, и сапожныхъ, и смолокурныхъ, и еще тамъ какихъ-то,—и все это на научныхъ, изволите видѣть основаніяхъ,—словно бы помѣшались всѣ на этихъ артеляхъ да на артельномъ началѣ, пораспинали всѣмъ имъ въ ссуду нѣсколько десятковъ тысячъ земскихъ денегъ: тѣ, конечно, порасхватили деньги по рукамъ, всякъ самъ за себя; которые попропивали, которые на другое что ухлюпали,—хватъ за работу,—нѣтъ ни работниковъ, ни денегъ!.. Артели поневоѣ пришлось закрыть, инвентаръ пораспродать, за что ни дай, въ вольныя руки, а земская ссуда такъ по сей день и гуляетъ за ними,—поминай какъ звали!..

— А сыроварни-то, забылъ? — подсказалъ, ухмыляясь себѣ въ бороду, дѣдушка Силантій.

— Да, вотъ еще и это!—вспомнилъ о. Макарій.—Отъ артелей въ сыроварни ударились, и ну, благовѣстить,—вотъ она гдѣ, Америка-то истинная!.. Опять пошелъ дымъ коромы-

словъ, земскія сыроварни, образцовыя фермы и ученые сыровары, сыроварныя школы со студентами, съ барышнями, съ земскими стипендіатками,—чего-чего только тутъ не было!.. Завели наконецъ на земскія деньги сыроварни эти самыя, ахъ глядь, — на мѣстѣ-то молока не хватаетъ, приходится выписывать его изъ другихъ уѣздовъ, даже изъ другой губерніи. И вотъ, съ одной стороны, восторги учредителей, восхваленія въ газетахъ, а съ другой—вопли крестьянскихъ ребятишекъ, у которыхъ эти самыя сыроварни отняли послѣднюю ихъ питательную пищу. Завопили-было наши земцы и на собраніяхъ, и въ газетахъ противъ жестокосердія сельскихъ отцовъ и матерей, липающихъ млека своихъ птенцовъ, да вдругъ и языкъ прикусили. Смотримъ, что такое? съ чего вдругъ такой внезапный молчокъ?—Ахъ оказывается, вспомнили голубчики, что деньги-то за молоко идутъ на пополненіе имъ же самимъ земскихъ недоимокъ. Ну, и пускай. значить, голодаютъ деревенскія дѣти, — было бы намъ наше жалованье да развѣдывая съ наградными!

— Ну, да все же, сыроварни-то хоть держатся еще покуда, — замѣтилъ молчавшій до селѣ капитанъ-лейтенантъ.

— Такъ что жъ, что держатся?!—возразилъ ему мужикъ Лобанъ, —эдакъ-то и ссудо-сберегательныя товарищества ихнія тоже, пожалуй, держатся, да что проку-то? Опутали только свыше пяти тысячей домохозяевъ въ одной лишь нашей округѣ, да кулакамъ на пользу порадили... Только одни кулаки отъ нихъ и пользуются, —нѣшто мы не знаемъ!

— Это вѣрно, —поддержали Лобана остальные мужики, — потому кулакъ, онъ возьметъ ссуду, да успѣетъ сдѣлать съ нею пять-шесть, оборотовъ, пока-то еще до отдачи, —тѣмъ же мужикамъ по мелочи раздастъ на двойной ростъ, — ну, кулаку оно и на-руку! А только ни одинъ мужикъ, опричь кулака, не сказалъ еще, чтобъ кассія эта самая хоть сколько ему взаправду помогла бы. Только запутасься съ нею на вѣчныхъ процентахъ да на пересрочкѣ росписокъ... Платишь, платишь безъ конца, а долгъ почитай-что все тотъ же остается!

— Это вотъ Агрономскому хорошо, потому какъ земство его распорядителемъ кассы этой назначило, —замѣтилъ мельникъ Данило, —ну, онъ и пользуется за это своимъ процентомъ, за распорядительность, значить, да на книги тамъ, да на писмоводителя вычитаетъ себѣ изъ доходовъ, да самъ отъ себя еще вклады на проценты, изъ двѣнадцати годовыхъ, дѣлаетъ; ему оно и чудесно: весь доходъ къ нему въ карманъ уходитъ!

— Потому-то они при этихъ кассіяхъ вездѣ своихъ людей и насажали, —пояснилъ мужикъ Липатъ. — Небойсь, знаютъ тоже, гдѣ раки зимуютъ, не ошибутся!.. И такъ-то все вотъ!

— Да, такъ-то все вотъ, —раздумчиво повторилъ вслѣдъ за нимъ дѣдушка Силантій, сложивъ свои жилистыя руки промежъ коленей.—Трудно жить становится!—со вздохомъ тряхнулъ онъ головою.—Что годъ, то труднѣе! А тутъ еще выдумали —не надо общественныхъ магазейновъ, нуцай капиталъ продовольственный заместо зерна будетъ, — зерно, вишь, чего-то имъ помѣшалось! Зачѣмъ?

— Да, ужъ это и я спрошу, зачѣмъ? Понять не могу!—сказалъ управляющій со стекольного завода.

— Очень просто-съ!—усмѣхнулся ему капитанъ-лейтенантъ.—Зерно въ магазинахъ отъ времени портится, затхлѣетъ, мышь его ѣстъ, крыса ѣстъ, а деньги-съ крыса не съѣстъ.

— Крыса не съѣстъ, зачѣмъ крысъ! — Деньги земство съѣстъ, — съ юмористическою серьезностію вставилъ слово дѣсницій.

Мужики слегка засмѣялись степеннымъ, на половину сдержаннымъ смѣхомъ.

— Нѣтъ, вѣдь это, въ самомъ дѣлѣ, курьезъ, но очень печальный, — обратился съ поясненіемъ къ Тamarѣ отецъ Никандръ. — Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ порѣшить запасныя магазины, учредили они земскую ссудную кассу и назвали ее кассой «для содѣйствія народному хозяйству и промышленности». Намѣренія-то вѣдь какія все благія! И все это на самыхъ широкихъ основаніяхъ: приходи и бери всякъ, кто хочеть, на обѣщаніе и на прочія нужды! Мужикъ и радъ: отчего не брать, коли дають! И пошли брать, — кто двадцать-пять, кто сорокъ и пятьдесятъ рублей, — кому нужно, кому и не нужно, всѣ!.. А тѣмъ часомъ сельскіе старосты да смотрители хлѣбныхъ магазейновъ, самовольно, за штофъ водки, безъ составленія приговоровъ, безъ разрѣшенія управы, давай раздавать изъ магазейновъ зерно направо и налево, — потому, говорятъ, куда его? все равно, теперь у насъ вѣсто зерна продовольственные капиталы будутъ, — ну, и роздали все, до чиста, въ какія-нибудь двѣ-три недѣли, а волостныя правленія не сочли нужнымъ даже донести объ этомъ. И что же вышло-съ? Крестьяне зря растратили и зерно, и денежную ссуду на обѣщаніе, —ну, и лопнуло все сразу: ни зерна въ магазинахъ, ни продовольственного капитала въ кассѣ, ни возврата ссуды, ни процентовъ, —ровнехонько-таки ничего!.. И теперь изъ пустующихъ магазейновъ растакиваютъ мужики не только дерево, но и кирпичъ изъ фундамента, а хлѣбъ запасный существуетъ лишь на бумагѣ, въ земскихъ отчетахъ. Ну, а какъ ежели при этомъ да вдругъ грянетъ заправскій голодъ, тогда что?

Мужики только вздыхали да потряхивали головами: они сознавали неотразимую, грозную правду этихъ словъ и чувствовали полное свое безсиліе передъ бѣдою, если, не дай Богъ, она нагрянетъ.

— Простите, батюшка, но вы рассказываете что-то ужасное, невероятное просто! — сказала о. Никандру Тамара. — Вѣдь есть же наконецъ и власть какая-нибудь!.. Что же власть? Что же земство, администрація, правительство?

— То-то и горе, что властей у насъ какъ быдто и много, а настоящей-то, заправской, ни одной, — замѣтилъ кузнецъ Силантій.

Тамара перевела съ него недоумѣвающий взглядъ на о. Никандра, точно бы спрашивая, неужели оно и въ самомъ дѣлѣ такъ?

— Это онъ правильно, — подтвердилъ его слова священникъ. — Властей у насъ въ уѣздѣ дѣйствительно много, но къ какой ни сунься мужикъ съ любымъ своимъ дѣломъ, ни одна не дастъ ему ничего опредѣленнаго, ни твердаго. Каждая власть у насъ только отпихивается отъ дѣла, а особенно отъ мужицкаго, — это-де до меня не касается, это надо къ становому; а становой: ступай-де въ земскую управу, это не наше дѣло; управа шлетъ къ неперемѣнному члену, а неперемѣнный отпихиваетъ къ мировому, мировой, «за неподсудностью», къ исправнику, или опять же къ тому самому становому, волостному, неперемѣнному, — куда угодно, хоть къ архіерею, только отстань! — И бродитъ несчастный мужикъ вокругъ до около властей, нигдѣ не находя себѣ никакого распорядка, ни участія, ни рѣшенія.

— Напутать каждая власть можетъ сколько угодно, а разрѣшитъ ни одна ничего на себя не возьметъ, это вѣрно, — согласился съ о. Никандромъ дѣсницій.

— Но какъ же жить при такихъ порядкахъ? — спросила изумленная дѣвушка.

— А вотъ, именно такъ, какъ живетъ теперь наша деревня, — ужъ на что лучше жизни! Превосходно! — пояснилъ онъ. — Конокрадство, поджоги, воровство, тайное корчемство, клауза, сутяжничество, — вотъ главные прелести этой нашей жизни. Ну, вотъ и живемъ, пока Богъ на насъ не оглянется...

— Повѣрите ли, — добавилъ къ этимъ словамъ отецъ Макарій, — рѣдко даже встрѣтишь теперь такую деревню, гдѣ бы не было тайныхъ кабачковъ и лавченокъ, а вѣдь это все притоны для воровъ и склады для краденаго. И всѣ это знаютъ, и никто пальца о палецъ ударить не хочетъ. Вѣдь вотъ, давно ли вы у насъ, а сколько уже на вашихъ глазахъ было окрестъ пожаровъ!..

Тамара вспомнила, что дѣйствительно, за эту недѣлю село ихъ три раза было будимо по ночамъ набатомъ, возвѣщавшимъ пожары въ ближайшей окрестности. Горѣли крестьянскіе дворы и помѣщичьи усадьбы, горѣли овина и хлѣбные амбары, горѣли скирды хлѣба и стогы сѣна, и все это становилось жертвою «краснаго пѣтуха», то отъ небрежности, то отъ неосторожности, то отъ поджога. Рѣдкій ве-

черъ проходилъ безъ того, чтобы гдѣ-нибудь на горизонтѣ не виднѣлось отдаленное зарево.

— Которые хрестыяны, — замѣтилъ Иванъ Лобанъ — по цѣлымъ недѣлямъ обь яну-пору даже не раздѣваются на ночь: боязно, вишь, какъ вдругъ, не дай Богъ, пожаръ али конокрады.

— «Конокрады», «поджигатели»! — передразнилъ его капитанъ-лейтенантъ, грустно и недовольно подфыркивая себѣ подъ-нось. — А почему же у васъ всѣ эти поджигатели да конокрады остаются безнаказанными? Нут-ка? Вѣдь всѣ они наперечетъ, и всѣ вы очень хорошо каждого изъ нихъ знаете! А попадетъ который, вы же первые передъ слѣдователемъ въ молчанку играете, — знать, молъ, не знаемъ, вѣдать не вѣдаемъ!

— Ну, что не путемъ толковать-то! — возражалъ ему мельникъ Данило. — Знамо дѣло, хоша и знаешь, а молчишь, — боязно показывать. Ты на ево докажешь, а онъ тебя за это потомъ сожжетъ. Нѣшто конокрадъ боится суда? Что ему судъ!.. Въ тюрьму приговорять? Эка важность! Онъ же первый тебѣ бахвалиться будетъ, — кому-де тюрьма, а мнѣ хоромы!.. Потому въ тюрьмѣ ему и тепло, и сыто, и компанство пріятное, и заботы ни о чемъ никакой.

— И это тоже вѣрно, — подтвердилъ отецъ Макарій. — А между тѣмъ, важно-то то, что безнаказанность всѣхъ этихъ сельскихъ преступленій плодитъ ихъ число и усиливаетъ дерзость злодѣевъ, и что же выходитъ? — Выходитъ, что цѣлыя тысячи мирныхъ и честныхъ крестьянъ живутъ подъ вѣчнымъ страхомъ нѣсколькихъ негодяевъ. Терроръ своего рода!

— Развѣ что своимъ судомъ-расправой, одно только и остается! — порѣшилъ мужикъ Липать, сопровождая свои слова выразительнымъ и всѣмъ понятнымъ жестомъ.

— Да, своимъ судомъ, легко сказать! — возразилъ дѣдушка Силантій. — А за свой-то судъ что? — Самыхъ на каторгу засудятъ... Нѣшто мало примѣровъ?! Нѣтъ, братъ, тутъ какъ ни кинь, все клинъ выходитъ... Почему-то страху въ людяхъ не стало, а страху нѣтъ, затѣмъ что строгости нѣтъ... Построже-то лучше бы было, — вотъ что!.. А теперь что? — Одно пылство да озарство, да послабленіе... Жалаяся, вишь, на безденежье да на нужду, — продолжалъ онъ, — а нужда-то, она въ кабаки сидитъ, вонъ она гдѣ!.. Слыханное ли дѣло было, хоша бы десять лѣтъ назадъ, чтобъ у мужика приходилось продавать съ молотка скотину за недоимки, а новѣ сплосъ и рядомъ... Теперьча у насъ вонъ цѣлые десятки селъ такихъ, что казенная недоимка зашла за двухгодовый вkladъ... Мірскіе-то капиталы порастрастались, магазинны пусты, скотъ ослабъ... Дошло до того,

что хрестьяны другъ у друга хлѣбъ съ полей по ночамъ воруютъ,—нѣнито прежде слыхано было такое зазорное дѣло!?. Ужъ чего хуже и грѣха-то нѣтъ!

— Жидъ многому причина,—замѣтилъ Иванъ Лобанъ.—Безъ жиды куды легче было!

Тамару опять точно бы что въ сердце кольнуло при этомъ «проклятомъ» словѣ.

— Какой жидъ?—не удержалась она, чтобъ не спросить, стараясь казаться равнодушною и спокойною.

— Да всякій, какого хощь,—нѣшто мало ово тутъ!

— Это, видите ли,—пояснилъ ей лѣсничій,—причина вся въ томъ, что благодаря нынѣшнимъ деревенскимъ порядкамъ, мужики потеряли всякій кредитъ. Имъ дають теперь лишь ростовщики на пять процентовъ въ мѣсяцъ, то-есть чисто уже на кабалу! А ростовщики эти—разные Разуаевы съ Колупаевыми, даже изъ интеллигентныхъ, да еврей изъ отставныхъ барабаниковъ, или фельдшера тамъ, писаря, приказчики хлѣбные и тому подобная жидовѣ.

— Но неужели и здѣсь есть евреи? — не-притворно удивилась Тамара.

— А вы думаете нѣтъ?—въ свою очередь удивленно спросилъ лѣсничій.

— Да, но какъ же тогда черта-то осядлости?—возразила она.—Вѣдь существуетъ же такая черта, я слышала,—какъ же это?

— Ну что жъ, черта чертою, а еврейскій наплывъ—наплывомъ. Конечно, — продолжалъ онъ,—большая часть изъ нихъ формально не имѣетъ ни малѣйшаго права на жительство въ здѣшнихъ мѣстахъ, но ничего, живутъ-себѣ приливючи, благо полиція смотритъ сквозь пальцы.

— А въ земствѣ-то развѣ мало ихъ! — напомнилъ капитанъ-лейтенантъ. — Посчитайте-ка: инспекторъ технологій Коганъ, инспекторъ сыроваренія Миквицы, инспекторъ лѣсоводства Лифшицъ, земскій дорожный мастеръ Шапиръ, земскій врачъ Гольдштейнъ, провизоръ земской аптеки Гюнцбургъ, а фельдшеровъ-то сколько — страсть!.. Да даже въ волостныхъ писаряхъ сидитъ еврейчикъ Кауфманъ! — Что твои Минская губернія!

— Но кто же ихъ пасажалъ сюда столько? — спросила все болѣе удивляясь Тамара.

— Мало ли тутъ!.. Одинъ Агрономскій, по своей протекціи, сколькихъ провелъ!

— Да и кромѣ Агрономскаго, — замѣтилъ отецъ Макарій.—Земство въ нашемъ уѣздѣ, изволите видѣть, считается либеральнымъ,—обратился онъ къ Тамарѣ,—ну, а въ программу либерализма, это ужъ какъ хотите, а юдофильство входитъ обязательно.

Тамара почувствовала себя нѣсколько неловко при этомъ оборотѣ общаго разговора, неосторожно вызваннаго, къ ея сожалѣнію и досадѣ, ею же самою. Почему знать, можетъ

быть, въ глазахъ всѣхъ этихъ господъ, и она такая же жидовка, какъ всѣ эти Коганы и Миквицы; можетъ быть они думаютъ, что и ее прислали сюда тоже по протекціи какого-нибудь земскаго юдофила. Положимъ, если они думаютъ такъ, то очень ошибаются, потому что теперь она скорѣе даже противъ жидовъ, чѣмъ симпатизируетъ имъ по крови; но все-таки ей оттого не легче, если эти господа заблуждаются на ея счетъ. Не пойдетъ же она ни съ того, ни съ сего разувѣрять ихъ, — нѣтъ, молъ, я не такая, какъ вы думаете!.. Но какъ бы то ни было, а только она никакъ не ожидала, чтобы въ Бабьегонскомъ уѣздѣ, въ глубинѣ одной изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, могло вдругъ найтись столько евреевъ. Это открытіе поразило ее крайне непріятно. Неужели и здѣсь не суждено ей отъ нихъ избавиться! Она знала, что такое еврейская кагальная солидарность, и знала, какъ относятся евреи вообще къ своимъ ренегатамъ, а потому съ полнымъ основаніемъ могла опасаться съ ихъ стороны всякихъ для себя клеветъ, подвоховъ и подкоповъ подъ свою жизнь, подъ свой кусокъ хлѣба и подъ доброе имя. Впрочемъ, никто, какъ Богъ! Узнають ее покороче, тогда и взгляды на нее перемѣнять, будутъ глядѣть какъ на свою, на русскую, и не дадутъ въ обиду. Значать же, наконецъ, что-нибудь русскіе въ Россіи!.. Да можетъ быть, эти господа и теперь не глядятъ на нее какъ на «жидовку»? Можетъ быть, это одно ея воображеніе и собственная, черезчуръ уже чуткая, мнительность. Во всякомъ случаѣ, всѣ они знаютъ, что она христіанка и притомъ православная. Но дальнѣйшій разговоръ о евреяхъ въ земствѣ былъ все-таки ей непріятенъ, и потому она поспѣшила перемѣнить эту, неудобную для себя, тему, ухватившись впрочемъ, за то же самое земство. Обратясь къ лѣсничему, который, за послѣднюю свою поѣздку въ Бабьегонскъ, нѣсколько разъ присутствовалъ на засѣданіяхъ земскаго уѣзднаго собранія, она выразила сожалѣніе, что ей за снѣгомъ ни разу не удалось побывать тамъ,—такъ торопили ее въ управѣ съ отъѣздомъ въ Горьлово!—а между тѣмъ, ей такъ хотѣлось хоть разъ заглянуть въ засѣданіе, чтобъ имѣть понятіе о томъ, что это такое.

— Занимательнаго для посторонняго чело-вѣка мало,—отвѣчалъ ей тотъ,—да вамъ и не понравилось бы.

Тамара заинтересовалась узнать, почему онъ такъ думаетъ, что не понравилось бы?

— Да чему тамъ нравиться, особенно молодой дѣвушкѣ, какъ вы! — пожалъ лѣсничій плечами.—Ну, представьте себѣ большую комнату, въ родѣ залы, съ голыми стѣнами; въ задней половинѣ длинный столъ подъ зеленымъ сукномъ, за столомъ — «интеллигентная» часть гласныхъ, а позади ихъ, на скамей-

кахъ,—гласные отъ крестьянъ, больше все изъ волостныхъ старшинъ, да частью изъ писарей и старостъ,—словомъ, все людъ подначальный непремѣнному члену, который и командуетъ имъ по своему усмотрѣнію, располагаясь за кулисами всѣми этими «крестьянскими голосами».

— Ну, а въ другой половинѣ залы?—спросила Тамара.

— А въ другой публика: служащіе въ земствѣ, нѣсколько любителей и любительницъ «преній», въ особенности стриженные барышни,—одна барышня интересуется такимъ-то хлесткимъ ораторомъ, другая такимъ-то, похлестче,—затѣмъ, нѣсколько молодыхъ «интеллигентовъ» изъ недоучившихся «учащихся», нѣсколько «поднадзорныхъ» и непремѣнный корреспондентъ-обыватель. Впрочемъ, публики вообще не много, но атмосфера невозможная, потому что все это засѣдаетъ и постоянно пытитъ папирозами, такъ что даже неслыханная пелена дыма стоитъ въ комнатѣ. Курятъ всѣ: и гласные, и публика, и барышни, и даже сторожа съ разсыльными, а отъ крестьянъ распространяется, сверхъ того, букетъ сивухи. Пока интеллигенты «дебатируютъ» или грызутся съ «меньшинствомъ», гласные отъ крестьянъ только потѣются да икаютъ, а больше все дремлютъ-себѣ, съ носовымъ присвистомъ, самымъ безмятежнымъ образомъ, и просыпаются только тогда, какъ приходитъ время баллотировать какой либо вопросъ, — ну, тутъ ужъ они, какъ бараны, только и глядятъ всѣ на непремѣннаго: подымется непремѣнный съ мѣста,—подымаются въ-разъ и они, сидятъ опъ—сидятъ и они, какъ пришитые, станеть непремѣнный съ правой стороны баллотировочнаго ящика,—значить, надо класть направо, станеть съ лѣвой,—валя калѣво! Такимъ образомъ, и получается «большинство». Механика самая яхотрала!

— И... и только?—удивилась Тамара.

— Да, и только, если не считать иногда скандаловъ и мордобитій, но это уже дѣло семейное: милые дерутся...

— А слышно было, и конѣшнее собраніе тоже чуть-было не сокрушилось,—сообщилъ Иванъ Лобанъ всему обществу.

— Что жъ, дѣло заобычное!—нисколько не удивясь, замѣтили крестьяне.

Тамара, не совсѣмъ уяснивъ себѣ послѣднее выраженіе Лобана, спросила у лѣсничаго, что это значить «сокрушилося», — передралось, что ли?

— Нѣтъ,—засмѣялся тотъ,—чуть было не состоялось, значить, за неприбытіемъ законнаго числа гласныхъ.

— Вѣдь эти земскія собранія у насъ то и дѣло крушатся,—поиснилъ ей отецъ Накадръ,—то большинство не признаетъ правъ нѣсколькихъ неугодныхъ ему гласныхъ, то

вдругъ гласные не придутъ, или сбѣгутъ куда-то, или разѣйдутся прежде времени, то одна «партія» явится въ собраніе въ пьяномъ видѣ и съ трескомъ разнесетъ въ залѣ всѣ стулья и столы, такъ что трезвымъ давай Богъ только ноги!—то вдругъ предсѣдатель заартачится, предсѣдательствовать не захочеть, или ни одинъ изъ гласныхъ не пожелаетъ принимать на себя секретарскихъ обязанностей... И все это яко-бы изъ-за «политической борьбы», а въ сущности, изъ-личныхъ дразгъ и пререканій.

— Картинка, однако!—усмѣхнулась, качнувъ головою, дѣвушка.

— А, зато это все «лучшіе людъ»,—съ ироническою важностью замѣтилъ лѣсничій.—Всѣ они сами себя такъ и величаютъ,—дѣскать, сокъ и соль земли нашей, дѣятели и сѣятели общественной нивы, пионеры правовыхъ порядковъ.

— Хорошо, но вѣдь должны же эти дѣятели что-нибудь тамъ дѣлать, заниматься чѣмъ?—подлюбопытствовала Тамара.

— О, всеконечно, заниматься!.. Но они и занимались,—тѣмъ же иронически важнымъ тономъ подтвердилъ лѣсничій.—Прежде всего, закусывали, каждый день закусывали неукоснительно (на земскій счетъ, разумѣется). Интеллигенція закусывала сама по себѣ, въ особой комнатѣ, наверху, съ винами знаменитой ланшинской фирмы братьевъ Зміевыхъ, а сѣбровъ вялау, особо, съ водкой Агрономскаго (этотъ уже за свой счетъ угощалъ «меньшую братію»), потомъ задали въ клубѣ, по подпискѣ, свой «семейный вечеръ» съ акушерками; потомъ, какъ и всегда, предлагали и постановляли единогласно благодарить отъ лица земства то того или другого, пріятнаго себѣ, члена, то разныя земскія коміссіи,—ну-съ, затѣмъ награды управскимъ назначали (это, конечно, главное), а потомъ «дебатировали» разные вопросы.

— Напримѣръ?—освѣдомилась Тамара, начиная заинтересовываться этимъ своеобразнымъ сообщеніемъ и не зная еще, вѣрнѣ ли ему, или не вѣрнѣ.

— Напримѣръ... призадумался на минуту лѣсничій,—ну вотъ, напримѣръ, порѣшили ходатайствовать передъ правительствомъ объ уничтоженіи зловреднаго института урядниковъ, затѣмъ просить правительство о предоставленіи земской управѣ возможности безостановочно взыскивать съ крестьянъ понудительными мѣрами свою земскую недоимку прежде казенной; потомъ разбирали и одобрили проектъ о томъ, чтобы земство мировыхъ судей выбирало, а правительство имъ жалованье платило; повысили десятинный налогъ, установили также новый налогъ съ крестьянъ за медвѣднскую помощь (сверхъ того, что уже ими платится), по пяти копеекъ за совѣтъ и доп-

тору по десяти копеекъ за рецель; даѣе подымали вопросъ о наградахъ священникамъ законоучителямъ за ихъ труды по школь...

— И конечно, по прежнимъ примѣрамъ, рѣшили отказать?—живо спросилъ отецъ Никандръ.

— Ну, разумѣется, отказать! О чемъ и спрашивать!?—развелъ руками лѣсничій.—Денегъ, молъ, лишнихъ нѣтъ на это. Затѣмъ,—продолжалъ онъ,—приняли предложеніе почитать литературную дѣятельность Щедрина и Некрасова учрежденіемъ стипендій ихъ имени.

— А на это деньги, небойсь, нашлись?—съ грустно-пронической усмѣшкой спросилъ отецъ Макарій.

— Какъ и всегда, конечно, коль скоро дѣлается подобное предложеніе: вѣдь о прибавкѣ законоучителямъ въ газетахъ писать не станутъ, а объ этомъ напишутъ и превознесутъ,—пояснилъ лѣсничій.—Ну-съ, что же еще?.. Да!—вспомнилъ онъ,—выбрали ревизіонную комиссію для провѣрки управскихъ книгъ и отчетовъ; но вѣдь это, вы знаете, одна только дань формѣ, а суть-то самая—дѣло, такъ сказать, семейное и ладится оно всегда между пріятелями.

— Ну, еще бы!—воскликнулъ капитанъ-лейтенантъ.—Рука руку моетъ, и объ чисты бываютъ.

— Затѣмъ-съ, — продолжалъ лѣсничій. — Развѣзданы деньги распредѣляя: двумъ членамъ управы по полторы тысячи рублей, да председателю училищнаго совѣта двѣ тысячи.

Капитанъ-лейтенантъ даже съ мѣста вскопчилъ отъ удивленія.

— Какъ?! Двѣ тысячи!—всплеснулъ онъ руками.—Это за то, что всего три раза въ годъ заѣхалъ въ двѣ ближнія школы?

— Да, но зато они натаивали экономію на земскихъ врачахъ, которымъ отпущено всего по двести рублей на развѣзды.

Что такое?! Да не можетъ быть! — изумился уже всѣ присутствующіе.—Земскимъ врачамъ, которые въ постоянныхъ развѣздахъ?!

— Пускай, значить, меньше развѣзжаютъ, — затѣмъ мужику врачебная помощь?—можетъ и такъ себѣдохнуть!

— Но двести рублей и двѣ тысячи, это... это, согласитесь...

— Ну, это тамъ уже ихъ дѣло! — махнулъ рукою лѣсничій. — Надо же было имъ изъ чего выкраивать, если назначили развѣздныя и нашему лѣсному ревизору, и акцизнымъ чиновникамъ.

— Какъ?! — вспомились всѣ разомъ. — Короннымъ-то чиновникамъ! Развѣздныя?.. Отъ земства? — Да вѣдь они ихъ и отъ правительства получаютъ, развѣздныя-то! Съ какой же стати еще и отъ земства? По какому такому праву?

— Ну, вотъ, еще права захотѣли! — засмѣял-

ся лѣсничій, какъ на рѣчи уже совсѣмъ наивныя. — Назначили... ну, просто, потому что назначили! По благоволенію управы, и только!.. Это ужъ акцизнымъ Агрономскій поусердствовалъ, — пояснилъ онъ,—чтобъ подобрѣе къ его заводу были.

— О-охъ, трещать земскія денежки, трещать!—съ кряхтѣньемъ помоталъ сокрушенно головою дѣдушка Силантій.

— Благодарителя тоже народу называютъ! Ироды!—съ горечью и злобой воскликнулъ мужикъ Липатъ.—Взять бы этихъ самыхъ благодѣтелей за шиворотъ, да всыпать хорошенько бы... И некому вотъ за хрестіянскую копейку заступиться!..

— Обидно! это точно-что обидно, — зароптали и остальные крестьяне. — Съ мужичьей шкуры, небойсь, послѣднее дерутъ, не жалючи, передохнуть не дадутъ, а тутъ—вали! На-ко-съ!.. За какія заслуги?.. И за что это, право, за какія такія вины государскія предали нашего брата земству этому самому? Что мы такого сдѣлали, чѣмъ проштрафались?

— Э-эхъ, братцы! Всего не переговоришь и на всякое горе не заплачешься! — махнулъ рукою дѣдушка Силантій, подымаясь съ мѣста. — А и что толковать, коли помочь нечѣмъ! — Себя, травить только!.. Ну, ихъ!.. Спасибо вамъ, отцы, на чай-сахаръ вашемъ, да на ласковомъ словѣ! — истово поклонился онъ въ поясѣ обоимъ священникамъ. — И матушкѣ-хозяйкѣ спасибо на угощеніи!.. А намъ пора и ко двору. Покаялка и буде! Прощайте!

Вслѣдъ за дѣдушкой поднялись и прочіе крестьяне, а затѣмъ разошлись и остальные гости—до слѣдующаго праздничнаго чая.

— Что, поучительно? — съ улыбкой обратился о. Никандръ, по уходѣ ихъ, къ призадумавшейся дѣвушкѣ.

Та съ грустію подняла на него глаза.

— Не поучительно, а... страшно! — промолвила она, стараясь дать самой себѣ отчетъ въ своихъ впечатлѣніяхъ.—За-себя страшно становится, вотъ что!

— За себя-а?—удивился священникъ.—Да чего же вамъ за себя-то бояться?

— Какъ чего! Вѣдь если правда все то, о чемъ здѣсь говорилось...

— Правда-ль?—перевѣилъ онъ.—Вы сомнѣваетесь, правда-ль?—Ну, такъ я вамъ скажу, не то что правда, а развѣ десятая доля всей правды-то.

— Тѣмъ хуже! — воскликнула она. — Вѣдь если такъ, то какъ же съ такими людьми жить, какъ съ ними дѣло имѣть?! Подумайте!.. Съ одной стороны крестьяне смотрятъ на тебя какъ-то странно, чуть не враждебно, не довѣряютъ тебѣ, выражаютъ свое недовольство школой; съ другой — эти всѣ Агрономскіе, отъ которыхъ зависятъ твои судьба... Знаете,—схватила она за голову, быстро

вставая съ мѣста. — Я просто начинаю пугаться будущаго, и... если бы только была мнѣ возможность уйти куда отъ всего этого, я бы, кажется, ушла хоть сію минуту!.. Мнѣ все это представлялось совсѣмъ, иначе—и деревня, и служба въ земствѣ, и само земство...

— Эка вы, еще ничего не видя и не испытавъ, да ужъ и уходить, съ одного послуху-то! — пожуриль ее о. Никандръ.

— Да что-жъ, если рвать, такъ ужъ лучше вначалѣ и самой, чѣмъ ждать, пока тобой распорядятся другіе.

— Уходить не зачѣмъ и бояться нечего, — успокоилъ онъ Тамару, подумавъ надъ ея словами, — а надо только знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло и не строить себѣ напрасныхъ иллюзій. Тогда и разочарованій не будетъ.

— Совѣтъ, пожалуй, хорошъ, — согласилась дѣвушка, — да не совсѣмъ-то по моей натурѣ.

— О, полноте! Смотрите на все на это нѣсколько со стороны; представьте себѣ, — продолжалъ онъ, — что вы зритель въ театрѣ, и передъ вами разыгрывается современная комедія изъ земской жизни, отъ которой вамъ порою смѣшно, или грустно, порою досадно, даже противно мѣстами; но — какова бы ни была мораль пьесы — это все-таки не помѣшаетъ вамъ возвратиться изъ театра домой такою, какою вы есть, и заняться своимъ собственнымъ дѣломъ.

— То-есть, другими словами, вашъ совѣтъ — относится ко всему и ко всѣмъ безразлично, — не такъ ли? — спросила Тамара.

— Ну, конечно, — согласился о. Никандръ. — Было бы изъ-за чего копыя ломать! А то изъ-за плохихъ актеровъ и плохо поставленной пьесы!

— Да, но вѣдь я отъ этихъ актеровъ завишу, — возразила она, — и притомъ же, мнѣ самой приходится играть нѣкоторую роль въ этой пьесѣ.

— Что-жъ дѣлать! — пожалъ онъ плечами. — Всѣ мы, болѣе или менѣе, отъ какихъ-нибудь актеровъ зависимъ, — на то и жизнь, и съ этимъ ничего не подѣлаешь. А что до вашей роли, то извиняйте, — поклонился онъ ей, — роль эта настолько маленькая, незамѣтная, что ея вамъ смущаться не приходится.

— Полно, о. Никандръ! Не дѣло ты говоришь! — вступился не совсѣмъ довольнымъ тономъ старикъ Макарій. — И роль совсѣмъ не маленькая, и дѣло вовсе не ничтожное... И если не вѣрить, что оно благое и большое дѣло, такъ лучше за него и не браться! А онъ — указавъ онъ на Тамару — слава Тебѣ, Господи, принялись какъ должно... Тутъ, братъ, смущать или проповѣдывать равнодушные не годится... Гдѣ бы поддержать, а ты...

— Да, но вотъ, если этому-то дѣлу мѣшать станутъ, тогда что? — поспѣшила заговорить

Тамара изъ опасенія, какъ бы дальнѣйшій разговоръ въ этомъ родѣ не принялъ между тѣстемъ и зятемъ нѣсколько остраго характера.

— Мѣшать? — повторилъ за нею о. Макарій. — А вы все-таки продолжайте его по совѣсти, какъ Богъ велитъ... И ежели сознание въ васъ крѣпко, тогда нечего смущаться: Богъ не выдастъ, Агрономскій не съѣстъ!

— И то правда! — беззаботно согласился молодой «батюшка». — Крестьянскіе батюшки съ матками за васъ будутъ.

VII.

Въ праздникъ на сельской улицѣ.

Послѣ чая, пока до обѣда, пошла Тамара вмѣстѣ съ обоими «батюшками» прогуляться по селу, посмотреть на базаръ, да на то, какъ въ праздникъ народъ гуляетъ. — благо день ему выдался сухой и солнечный. По оживленной улицѣ носились смѣшанный гулъ голосовъ, торговыхъ выкриковъ, хмѣльной ругани, визгливыхъ дѣвичьихъ пѣсень и звуковъ нѣсколькихъ гармоникъ, раздававшихся не только на базарной площади, но и въ разныхъ мѣстахъ и концахъ селенія. Нѣсколько пьяныхъ мужиковъ замѣтила Тамара еще утромъ, когда вмѣстѣ со своею школою шла къ обѣднѣ, а теперь число ихъ значительно увеличилось. Попадались на встрѣчу не только пьяные мужчины, но и пьяныя бабы, и даже мальчишки-подростки лѣтъ пятнадцати. Гидьки, савраски и сѣрки, запряженные въ пустыя телѣги, вытянувшись тѣсными рядами передъ колодами и коновязями у трактира и питейныхъ заведеній, уныло ожидали безъ корма своихъ загулявшихъ хозяевъ. На иныхъ телѣгахъ и возахъ, гдѣ была еще кое-какая кладь, купленная на базарѣ или привезенная съ собою на продажу, сидятъ, скучающія безъ отцовъ и матерей, малыя дѣти, или свои собаки, оставленные при кладѣ для охраны имущества, пока батюшки съ матками гуляютъ въ «заведеніяхъ». Передъ крыльцомъ каждаго изъ этихъ заведеній стояло по отдѣльной толпѣ молодыхъ парней, играющихъ въ кругу между собою въ орлянку, и неслись оттуда то побѣдные возгласы, то азартные споры, доходившіе иногда до взаимной потасовки. На площади, частью прямо съ груженыхъ возовъ, частью съ рогожекъ, разостланныхъ на землѣ, окрестные кустари продавали свои издѣлья: падушки, коромысла и ведра, деревянные ложки и миски, ободья и новенькія санки, муравленныя горшки, кувшины и глиняныя уточки-свистульки, звуками которыхъ мальчишки тамъ и сямъ оглашали базарную площадь. Вотъ сбились въ кучу овцы, пригнанные на продажу, мычатъ быченокъ на смывчѣ

и хрюкаютъ молодыя свинки, выведенныя съ тою же цѣлью. Вотъ стоятъ, окруженныя пестрою толпою дѣвушекъ, бабъ и ребятшекъ, тѣлѣги съ «краснымъ» и «наискимъ» товаромъ и ятки съ деревенскими лакомствами, здѣсь висятъ пестрые ситцевые платки и стеклянныя бусы, связки баранковъ и бубликовъ, и выставлены ящики съ мятными привками, рожками, леденцами, и холщевыя мѣшки съ калеными орѣхами и тыквенными да подсолнуховыми сѣмечками. На женщинахъ и дѣвушкахъ — ни на комъ не видать ни штофовыхъ шугаевъ, ни сарафановъ, ни старинныхъ головныхъ уборовъ, составлявшихъ когда-то роскошь и гордость каждой семьи и передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ бабушекъ внучкамъ въ приданое. Все это было когда-то, да сплыло... все давно уже перешло въ руки ростовщиковъ и кабатчиковъ, и отъ нихъ перебравлено въ жидовскія лавочки, въ Москву на Зарядье, или въ Петербургъ, въ Александровскій рынокъ. Теперь уже сельскія бабы и дѣвушки «подражаютъ модѣ». Теперь онѣ всѣ рядятся въ ситцевыя «нѣмецкія» платья краснаго, желтаго и розоваго цвѣта, съ оборками, тесьмою и кофтами; на каждой изъ-нихъ непременно малиновый или ярко-зеленый передникъ; на головахъ у дѣвушекъ пестрые ситцевые платочки, а у бабъ большіе шерстяные платки; на ногахъ козловыя, а то и «прунелевыя» ботанки, — даже башмаки носить онѣ уже «не согласны»: башмаки да коты нынѣ только старухи носятъ. Крестьянскіе парни, всѣ безъ исключенія, щеголяютъ тоже на нѣмецкій «скутъ», непременно въ синихъ или черныхъ суконныхъ «спинжакахъ» и «жалеткахъ», изъ-подъ которыхъ алѣютъ выпущенныя наружу кумачевыя или цвѣтныя ситцевыя рубашки, на головѣ — суконный картузъ съ козырькомъ, а на нѣкоторыхъ даже котелки «городскаго фасону»; ноги обуты въ высокіе сапоги со скрипомъ, у нѣкихъ же щеголей даже блестящія резиновыя калоши поверхъ сапогъ надѣты, хотя на дворѣ сегодня вовсе не грязно, такъ какъ легкимъ ночнымъ морозцемъ подсушило почву; но это и дѣлается вовсе не изъ-за грязи, а ради «форсу». Въ рукахъ у многихъ парней красуются варяжныя «гармоники», кричащими звуками которыхъ они немилосердно оглашаютъ на разные лады площадь и улицу. Многие мужики, перевалившіе уже за средній возрастъ, тоже изъ «подражанія модѣ», облеклись въ картузы и спинжаки. Одни только пожилые люди да старики придерживаются еще старинныя, оставаясь вѣрными зипуну да чуйкѣ. Они чинно сидятъ себѣ на завалинкахъ передъ избами, бесѣдуя между собою, а старухи, ради воскреснаго дня, празднично выглядываютъ на народъ изъ оконцевъ. На мно-

гихъ окнахъ видны бѣлыя занавѣски и горшки съ цвѣтами.

— Что же это старики-то говорятъ, что все въ деревнѣ пошло къ худшему, на разоренье да на нищету? — замѣтила Тамара, обращаясь къ своимъ спутникамъ. — Воля ваша, не вижу я этого! — Напротивъ, поглядите вонъ: пестряди и поскони уже ни на комъ не видать, а все мяткаль, да кумачъ, да ситецъ; лаптей тоже не замѣтно, и босикомъ никто не ходитъ; лучины по вечерамъ въ избахъ и въ поминѣ нѣтъ, а все керосинъ горитъ въ лампахъ: на полкахъ самовары, на окнахъ цвѣты... Все это, согласитесь, говоритъ скорѣе за общій подъемъ благосостоянія и вкусовъ, чѣмъ за упадокъ. Какъ же такъ это?

— Да, вкусы дѣйствительно измѣнились, — согласился съ нею отецъ Макарій, — но вкусы-то эти уже не сельскаго, а болѣе городскаго да фабричнаго характера... Старики за то-то и корятъ молодыхъ, что позаводили непостоянную себѣ роскошь и баловство, — вѣдь вотъ оно: вмѣсто домашней пряхи, которой и свосу не было, пошелъ красивый, да непрочный ситецъ, вмѣсто своей махорки жгутъ покупныя папирсы, самодѣльная балабайка замѣнилась городскою гармоникой, и такъ-то во всемъ, и все это стоитъ денегъ, и не малыхъ денегъ для крестьянина, а добывать ихъ все труднѣе и труднѣе становится.

Вотъ передъ волостнымъ правленіемъ виднѣются двѣ большія группы, состоящія исключительно изъ мужичинъ. Что тамъ такое? — Оказывается, волостной и сельскій сходъ, которые собираются преимущественно по праздникамъ, когда у мужиковъ болѣе досуга.

— Ахъ, это очень любопытно... Пойдемте туда, — проситъ Тамара своихъ спутниковъ, — я никогда не видала.

Подходятъ, остановились за толпою. Тамара прислушивается, о чемъ это тамъ галдятъ по нѣскольку голосовъ заразъ? Въ чемъ суть? Изъ-за чего такіе споры да покоры? — Въ сельскомъ кругу идетъ, между тѣмъ, судъ да дѣло. Судятъ миромъ двухъ мужиковъ, Мирона Сизѣго да Сазона Криваго. Миронъ Сизѣй перепалхалъ полосу Сазона Криваго, и хотя они еще до суда помирились между собою, по нѣскольку наиболѣе галдящихъ сходчиковъ находятъ, что, несмотря на мировую, оставлять поступокъ Мирона безъ возмездія все-таки нельзя, да и Сазонъ не имѣлъ права мириться съ Мирономъ помимо схода. — Таша, значить, къ отвѣту обоимъ!

— Да въ чемъ отвѣчать-то? — недоумѣваютъ обвиняемые.

— А въ томъ, что ставь на миръ оба по четверти, да и вся не долга!

Миронъ съ Сазономъ не желаютъ ставить, — нѣ за что, молъ, братцы! — и чествомъ просятъ

ихъ «ослобонить», потому какъ никакой вины за собой они не знаютъ и другъ на друга не жалуются.

— А, вы еще разговоры разговаривать! Помямо схода такіа дѣла промежъ себя вершить, да еще міру не поважать!.. Такъ вы эдакъ-то?— Ладно! Коли такъ, запродай ихъ полосы! У обоихъ запродай, и кончено! — рѣшаютъ все тѣ же нѣсколько крикуновъ и приступаютъ тутъ же къ запродажѣ полосъ Мирона Сизѣго и Сазона Криваго.—Кто, молъ, хочетъ взять за себя, тотъ ставъ міру полведра въ зада-токъ.

Подсудимые горячо протестуютъ, говорятъ, что подадутъ жалобы непремѣнному члену, до самого губернатора, коли что, дойдутъ.

Но крикуновъ и на губернатора не поддѣнешь.—Ладно! машутъ они на вихъ рукою,—подоѣте, жальтесь по начальству, сколько хотите! Съ міра взять нечего, міръ за свой приговоръ ни передъ кѣмъ не отвѣтчикъ; міръ—сила—какъ захочетъ, такъ и вершить, и никто ему не указъ! А станете еще артачиться, выберемъ въ безсмысленные караульщики на околицу, а то съ обоихъ душу ¹⁾ снимемъ, — вотъ и пляши тогда!

Нечего дѣлать, появившись да почесавъ затылокъ, раскошеливаются Миронъ съ Сазономъ и ставятъ міру по четверти каждый,—и міръ, по отпущенію къ нимъ, сейчасъ же предлагаетъ гнѣвъ свой на милость.—Ну, вотъ и хорошо, мужички поштенные! Это хорошо, что вы промежъ себя сами помирились, — худой міръ лучше доброй ссоры... По Божью-то куды лучше, безъ споровъ, безъ сумленія! А только міра свою забывать не слѣдъ! Вы тамъ миритесь какъ знаете, а міру уваженъе завсѣгды, значить, сдѣлать должны!

И начинается далѣе въ кругу совѣщаніе, кого бы еще привлечь къ отвѣтственности, чтобъ стянуть съ него на сходѣ хоть четвертную водки.

— Что это за крикуны такіе, что одни всѣ дѣла вершатъ? — спросила Тамара у «батюшекъ», отходя съ ними отъ круга, въ которомъ началось между тѣмъ поочередное распиваніе взысканной водки изъ одного общаго стаканчика.

— Эти-то?.. Это «каштаны», — улыбнулся въ отвѣтъ ей молодой батюшка, заранѣе увѣренный, что ее поразитъ такое чудное и неожиданное слово.

— Каштаны?—переспросила дѣвушка, думая не ослышалась ли.—Какое странное названіе!.. Что жъ это такое, каштаны,—кулаки, что-ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ кулаки!—Каштанъ не кулакъ,—пояснилъ ей о. Никандръ,—каштанъ—это просто дрянной мужиченко, лѣтній, міроѣдъ, гарлопанъ, который въ союзъ съ нѣсколькими

такими же каштанами-односельцами умѣетъ громко и бойко орать и ворочать всѣми дѣлами схода.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій относительно каштановъ и каштанства, Тамара узнала, что дѣлать ли сходъ землю, сдаетъ ли въ аренду оброчныя статьи, снпмаютъ ли самъ поля, луга и лѣса, — все это дѣлается по усмотрѣнію и благоизволенію однихъ лишь каштановъ, и все совершенно безконтрольно, и все не иначе какъ съ водкой. Нанимаютъ общественнаго пастуха—дери съ него водку, нанимаютъ на сѣль въѣзжую избу—съ хозяина ея водка; надо мужику получить ручательство общества на заемъ денегъ—опять-таки водка! Старому солдату не дадутъ безъ водки приговора о бѣдности, для полученія отъ казны трехрублеваго пособия. Неподдающиеся разверсткѣ клины и загоны при передѣлѣ земли непремѣнно «пропиваются» міромъ на счетъ тѣхъ, кто желаетъ ими воспользоваться. А ужъ при выборахъ сельскихъ должностныхъ лицъ, для каштановъ великій праздникъ и раздолье: тутъ ужъ они таянутъ по ведру и съ того, кто хочетъ быть выбраннымъ, и съ того, кто не хочетъ; волостные старшины иначе и не выбираютъ, какъ за нѣсколько ведеръ водки.

Въ это самое время, въ присутственной комнатѣ волостного правленія шелъ судъ. Тамарѣ захотѣлось поглядѣть и на него, какъ и что тамъ дѣлается.

— Да чего тамъ глядѣть-то! — стала отговаривать ее о. Макарій.—У насъ въ волости, я вамъ доложу, отправленіе правосудія совершается на половину въ правленіи, а на половину—вонъ въ томъ пріятномъ заведеніи, наперекосѣ,—указалъ онъ на трактиръ по ту сторону улицы.—Тамъ всѣ желающіе могутъ смягчать сердца судей посильными приношеніями и угощеніями; а какъ одинъ изъ судей водки у насъ не пріемлетъ, такъ его ублажаютъ пряниками и медомъ.

Тѣмъ не менѣе, Тамара съ молодымъ «батюшкой» пробралась черезъ толпу, заполнявшую собою улицу передъ правленіемъ, равно какъ лѣсенку, крылечко и сѣни послѣдняго. Въ этой толпѣ, на улицѣ, она замѣтила какіхъ-то небратку, полупушную личность съ помятымъ лицомъ и съ кокардой на замасленной форменной фуражкѣ. Личность эта съ жаромъ внушала что-то двумъ какимъ-то, обалдѣлымъ отъ неразумія, мужикамъ, ссылаясь на такіа-то статьи и такіе-то пункты. Другая, подобная же личность, только уже безъ кокарты, но зато съ либеральнымъ пошибомъ всей своей фигуры и фizioноміи, обросшей густою и неопратно растительностію, терлася между мужиками въ сѣняхъ и, разсматривалъ чье-то прошеніе, сильно критиковала его, тоже со ссылками на статьи и пункты. Вся присутственная комната до тѣсноты переполнена

¹⁾ Т. е. надѣлъ земельный.

была народомъ. Въ переднемъ углу, подъ образами и частію подъ портретомъ на боковомъ простѣнкѣ, засѣдали за большимъ столомъ, такъ называемые, «старички степенные», — трое судей въ чуйкахъ, со знаками на груди, — а сбоку волостной писарь, достаточно уже наспиритованный, строчилъ на бумагѣ заранѣе предопредѣленное рѣшеніе, къ которому судьямъ оставалось только, ничто же сумняся и не мудрствуя, прикладывать печати. Двое изъ судей находились уже въ нѣкоторомъ подпитіи, а третій (Тамара не могла не улыбнуться, вспоминая слова о. Макарія) дѣйствительно жевалъ медовую поврижку. Передъ столомъ стояли двое тяжущихся со своими свидѣтелями, а между ними, выступивъ на шагъ впередъ, нагло и велерѣчиво ораторствовала какая-то подпорательная, испитая и протягновенная личность съ длинною шеей, что-то въ родѣ городского забулдыжнаго мѣщанишки, въ длинномолотъ скюртукъ и съ мировымъ уставомъ въ рукахъ. О чемъ собственно судились тяжущіяся стороны, разобрать было невозможно, тѣмъ болѣе, что Тамара пришла уже въ серединѣ дѣла. Видѣла она только, что пока длинношей мѣщанинъ витѣйствовалъ какимъ-то дьячковски-дѣланымъ голосомъ и проповѣдническимъ тономъ, ссылаясь на статьи и пункты какихъ-то узаконеній и кассационныхъ рѣшеній, — «старички степенные» сонно моргаютъ отяжелѣвшими вѣками посоловѣлыхъ глазъ и, то и дѣло, клонютъ носомъ, усиленно перемогая одолевашую ихъ дремоту, а стороны и свидѣтели вполголоса считаются и переругиваются между собою, уличая въ чемъ-то другъ друга и не обращая ни малѣйшаго вниманія ни на судей, ни на нанятаго витію. Въ нагрѣвшемся и спертомъ воздухѣ присутственной комнаты, отъ множества скопившихся въ ней людей, стояла ужасная духота и пахло потомъ, сапогами, лукомъ и сивушными испареніями. Все это вмѣстѣ составляло такой ошибающій букетъ, что Тамара не могла вынести его долѣе двухъ-трехъ минутъ и поспѣшила выбраться изъ толпы на улицу.

— Скажите пожалуйста, что же это за странныя личности такіе, — въ сѣняхъ одинъ, и здѣсь вонъ другой, съ кокардой, и тамъ этотъ длинношей? — спросила она отца Никандра, очутивъ уже на свѣжемъ воздухѣ.

— О, это одно изъ величайшихъ золь крестьянской жизни! — отвѣчалъ онъ ей. — Это наши сельскіе, бродячіе «аблокаты».

— Да изъ какихъ они? — заинтересовалась дѣвушка.

— А всякіе-съ: калой-нибудь проворовавшійся писмоводитель, выгнанный полицейскій чиновникъ, некончальный забулдыга-семинаристъ, пропонца-поднадзорный изъ плутягъ, и тому подобный безпардонный людъ.. И развелось

ихъ у насъ по всѣмъ кабакамъ и трактирамъ видимо-невидимо!

— И что же они тутъ дѣлаютъ?

— А вотъ, пияются да сутяжничаютъ, какъ видите. Вѣдь онъ караулитъ мужика повсюду: въ кабакѣ, и на базарѣ, и просто на улицѣ; должника учить какъ отдѣлаться отъ долга, кредитора какъ содрать съ должника вдвое. Такъ-то вотъ и сосутъ мужика, и развращаютъ.

— И неужели ихъ терпятъ и имъ вѣрятъ? — удивилась Тамара.

— О, еще бы! Да и какъ не вѣрить, если у всѣхъ на глазахъ живые примѣры, какъ иной такой ловкачъ выигрываетъ завѣдомо неправыя, даже темныя, нечистыя дѣла, пользуясь неопытностью противника и формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу мирового! Вѣдь этотъ-то формализмъ мирового суда, — пояснилъ священникъ, — совсѣмъ не свойственный ни складу мужицкаго ума, ни мужицкому быту, — къ несчастію, онъ-то и отдаѣлъ всецѣло крестьянъ въ руки аблокатовъ, а эта тля разлила уже любовь ко кляузамъ до того, что иные мужики судятся между собою по нѣскольку лѣтъ, просуживаютъ все свое добро, остаются нищими и все-таки продолжаютъ платить по судамъ, за что и болѣе верстъ отъ дому, потому что аблокатъ науекиваетъ.

— А вотъ и нашъ дѣдушка Силантій! — указалъ отецъ Макарій на кузнеца, сидѣвшаго вмѣстѣ съ сосѣдомъ, Иваномъ Лобаномъ, на завалинкѣ своей избы.

— А что же вы, господа, на сходѣ не идете? — любезно обратилась къ нимъ Тамара. — Тамъ вонъ судятъ и рядятъ теперь такіе дѣла, что вашъ голосъ, можетъ быть, и пользу принесъ бы.

При этомъ замѣчаніи, показавшемся обоимъ мужикамъ нѣсколько наивнымъ («вишь ты, молъ, барышня, поучаетъ тоже!»), они сначала переглянулись между собою, а затѣмъ Лобанъ, глядя на нее, даже снисходительно какъ-то улыбнулся.

— На схо-одъ? — удивленно поднялъ, между тѣмъ, на нее глаза Силантій. — Нѣтъ ужъ, господа, не ходоки мы на сходъ-то, нечего намъ дѣлать тамъ.

— Какъ такъ? — удивилась она. — Развѣ васъ не интересуетъ общественное дѣло?

Мужики опять только улыбнулись на этотъ, еще болѣе наивный, вопросъ, такъ что дѣвушка даже нѣсколько сконфузилась.

— Какое тамъ тебѣ общественное дѣло! — презрительно махнулъ рукою Силантій. — Прежде вотъ, какинное общественное дѣло начиналось у насъ молебномъ, а нынѣ водкой... Нынѣ нѣтъ дѣла, чтобы рѣшалось на сходѣ безъ водки, а съ пьяну-то что ужъ за рѣшеніе!.. Нѣтъ, Богъ съ ними и совсѣмъ!.. Мы ужъ сколько годовъ не ходимъ, — чего намъ?!

Отец Никандръ, замѣтивъ нѣкоторое смущеніе дѣвушки, взявшей, по незнакомству съ дѣломъ, нѣсколько фальшивую ноту въ этомъ разговорѣ, постыдился пояснить ей, что изъ-за такихъ порядковъ, какіе завелись на мірскихъ сходахъ съ конца 60-хъ годовъ, хорошіе, уважающіе сами себя мужики давно уже перестали ходить на эти сходы, и даже дошло до того, что если мужикъ хочетъ передъ дѣмъ-нибудь похвалиться своею трезвостію и вообще порядочностію, то онъ первымъ же дѣломъ заявляетъ о себѣ, что я-де на сходы ни ногой!

— Вѣрно! — подтвердилъ ей Лобанъ, — потому больно ужъ дѣло это зазорное!

— У насъ, я вамъ скажу, господа, вотъ какъ дѣло однова было, — началъ слегка внушительнымъ тономъ дѣдушка Силантій. — Былъ у насъ на селѣ одинъ мужикъ тутъ, Григорій Соколовъ, — хороший мужикъ, обстоятельный. Вотъ, только каштаны и положили на сходы, — не смѣтъ работать по пятницамъ — чтобы всѣ, значить, девять пятницу, отъ Пятидесятницы до Прасковей-пятницы, гулять, а кто выйдетъ на работу въ пятницу, того, значить, пороть. Но только Григорій Соколовъ не взялъ, значить, того во вниманіе и выѣхалъ въ седьму пятницу носить, благо погода стояла. А каштаны за это за самое сейчасъ его на сходы, да и приговорили выпороть. Да не долго думая, заголивъ мужика, сѣдобородаго, тутъ же, передъ всѣмъ міромъ, въ кругу и выскки. А онъ приди домой, да отъ экого сраму въ сараѣ на вожжахъ и повѣсься! Вотъ оно, каковы сходы-те наши! Пойду я на сходы, а они, не ровень часъ, и меня драть разложить, чуть-что имъ поперекиши... Нѣтъ, ужъ Богъ съ ними! Пушай сами промежъ себя сѣкуются, а за нами недомогъ вѣтъ, всѣ повинности, — слава-те, Господи! — справлены, намъ, значить, и на сходы ходить не для-чего!

Покалякавъ еще минутку о томъ, о семъ со стариками, «батьками» съ учительницей простились съ ними и пошли-себѣ гуляючи далѣе по селу. Только вотъ, на встрѣчу имъ попадается нѣсколько разряженныхъ по-воскресному дѣвушекъ, — идутъ рядкомъ по улицѣ, однѣ подсопнухковыя сѣмочки на ходу лущатъ, другія звонкую пѣсню въ унисонъ закатываютъ. А вокругъ ихъ унываются три-четыре молодыхъ парня, въ «спинжакахъ» и съ «гармонками».

— Интересно бы послушать, что поютъ онѣ, — говоритъ Тамара.

— А что жъ, приостановимся, пожалуй, да и пойдемъ потомъ сторонкой, рядомъ съ ними, — предложилъ Макарій, — вы и прислушаетесь.

— Это хороводъ у нихъ? — спросила дѣвушка, знавшая доселѣ о хороводахъ лишь по учебнымъ пособіямъ къ русской словесности.

— Нѣтъ, какіе ужъ теперь хороводы! — разочаровалъ ее о. Никандръ. — Хороводовъ больше

не водятъ и даже вмѣсто трепака и «русской», отплевываютъ по-своему «кадрель», да «лянецъ», да «вальцу», да «аля-польку».

Для Тамары это послужило предметомъ новаго удивленія. — Тамъ вотъ куда и какая пошла уже «цивилизція»!

— Да, теперь въ деревнѣ чаще услышишь что-нибудь въ родѣ «Стрѣлочка», чѣмъ любую изъ старыхъ народныхъ пѣсень, — съ сожалѣніемъ промолвилъ отецъ Никандръ, — теперь на посѣдахъ и погулянкахъ распѣваютъ Богъ знаетъ что-за дребедень, въ родѣ какъ «съ водокатки вода льется, а у милой сердце бьется». — Это уже, какъ видите, поэтический продуктъ отъ проложенія желѣзной дороги.

Шеренга дѣвушекъ поровнялась, между тѣмъ, съ «батьками» — и въ виду ихъ, пѣвучи сразу застѣнчиво оборвала свою пѣсню, прикрывая себѣ лица съ ихъ стороны головными платочками и молча кланаясь имъ мимоходомъ.

— Что жъ вы примолкли, милыя? — ласково обратился къ нимъ отецъ Макарій. — Пойте, пойте, продолжайте себѣ, — дѣло хорошее... Вотъ, и учительница наша новая любопытствуетъ послушать вашихъ пѣсень, — указавъ онъ на Тамару.

Ободренные дѣвушки улыбаясь переглянулись между собою, перекинулись другъ съ дружкой нѣсколькими словами, и затѣмъ одна изъ нихъ — запѣвщица — затянула звонкимъ и нѣсколько визгливымъ голосомъ продолженіе прерванной пѣсни, которую затѣмъ, на второмъ стихѣ, подхватили и всѣ остальные подружки. Теперь Тамара ясно могла разслушать слова. — «Столь я сахару не съѣла», пѣлось въ этой пѣснѣ, —

„Столь я чаю не пила,
Сколько слезъ я пролила.
Черезъ блюдо слезы льются,
Не могу сердце унять“.

— А, знакомая пѣсня! — замѣтилъ, обратясь къ Тамарѣ, отецъ Никандръ. — Это у нихъ «модная»; а то есть другая, въ такомъ же родѣ, такъ та еще поновѣй и помоднѣе, — въ той говорится:

„Я отъ чаю все скушаю,
А отъ кофію грущу,
Шоколату не желаю,
Лиманату не хочу“.

Въ это время, съ другой стороны подходила, съ папиросами въ зубахъ, гуляющая ватага спивжачныхъ парней, одинъ изъ которыхъ, въ дотелкѣ на затылокъ, подыгрывая себѣ изъ гармоникъ, распѣвалъ въ савтиментально разухабистомъ родѣ:

„Я стою на галдарѣ,
Самъ держу въ рукахъ кольцо“.

Ватага эта прошла-себѣ мимо, безъ поклоновъ священникамъ, какъ бы не замѣчая ихъ

и не смущаясь ихъ присутствіемъ, а потому не переставая курить и горланить. Кое-кто изъ ватаги задралъ только словами встрѣчную компанію съ дѣвушками, любезно обозвавъ этихъ послѣднихъ «мокрохвостыми», на что ихъ парня, въ свою очередь, отвѣтили задириками какими-то, не менѣе пріятными, замѣчаніями, и на томъ обѣ стороны разошлись, безъ дальнѣйшихъ, на сей разъ, послѣдствій.

«Присылай, другъ, поскорѣя
Съ кутрамаркой письмецо!»

«Съ кутрамаркой-письмецо!» раздавался уже позади все тотъ же разухабистый, фабрично развращенный голосъ.

— Богъ знаетъ, что такое!—въ недоумѣніи пожала плечами Тамара.—«Съ кутрамаркой-письмецо»... И откуда только заимствуютъ они такіа глупыя пѣсни?

— Это еще что,—отозвался на ея слова о. Никандръ.—Тутъ по крайней мѣрѣ, есть хоть какой-нибудь смыслъ. А вѣдь сколько пошло уже межъ народа пѣсень, гдѣ, кромѣ набора одфѣльныхъ стиховъ да рѣмъ, нѣтъ ровно ничего! Начнетъ, напримѣръ, такая пѣсня съ описанія какихъ-нибудь «куликовъ», а кончить цинично «попомъ», коснувшись въ серединѣ и «медвѣди, звѣря злого», и «чугуночки лихой», и «портного городекого», и невѣсть чего еще, совершенно несообразнаго и глубоко пошлаго. Вотъ что печально-сть!

— Но что жъ это, по-вашему? Неужели и въ самомъ дѣлѣ вырожденіе народной пѣсни?—съ горечью спросила дѣвушка.

— Увы!—кажется, что къ тому идетъ,—съ сожалѣніемъ покачалъ онъ головою.—И все это подъ вліяніемъ отхожихъ промысловъ, городскихъ трактировъ, фабрикъ, да еще, благодаря чугункѣ, отъ шатаній нашихъ женщинъ «по мѣстамъ» въ городахъ и столицахъ.

— Ну, это еще полбѣды было бы, еслибы оно ограничивалось одною только пѣсней,—замѣтилъ отецъ Макарій.—А главная бѣда-то въ томъ,—продолжалъ онъ,—что всѣ эти шатанія да фабрики вносятъ въ крестьянскія семьи ужасную заразную болѣзнь, которая развѣдаетъ у насъ цѣлыя деревни, вноситъ разладъ семейный, развратъ, разложеніе. Вотъ гдѣ злое горе-то!.. И если подобныя явленія мы видимъ въ такихъ «медвѣжьихъ углахъ», какъ наши Бабьегонскія веси, то что же тамъ, гдѣ ближе къ большимъ городскимъ и фабричнымъ центрамъ?.. И някто объ этомъ подумать не хочетъ,—вотъ что, по истинѣ, страшно!

* * *

Уйдя послѣ обѣда къ себѣ, Тамара присѣла на скамейкѣ школьнаго крылечка и призадумалась.

Волостной и сельскій сходъ уже разошлись, и пьяные «капитаны» отправлялись допиваться

до положенія ризъ въ «заведенія». Базарная площадь тоже начинала пустѣть. Пріѣзжіе крестьяне, частію распродаютъ, а частію и не успѣвъ сбыть свои, привезенные на торгъ, издѣлія и продукты, спѣшили закупать себѣ въ лавочкахъ то, что было имъ потребно для домашняго обихода, и затѣмъ мирно развѣзжались во-свои. Начинали развѣзжаться и тѣ изъ окрестныхъ мужиковъ, что услаждались большую часть дня въ питейныхъ заведеніяхъ. Эти, по большей части, гнали съ-пьяну по улицѣ во весь духъ своихъ гнѣдковъ и саврасокъ, неистово гукая и ухая на нихъ всею утробой и хлѣща по чѣмъ ни попаало и плетью, и вожжами. Другіе же, допившіеся «до тихости», заваливались спать въ пустую телѣгу и предоставляли себя на волю собственной лошади,—довезетъ, молъ, какъ ни есть до дому, дорога знакома!—Продолжали гулять въ «заведеніяхъ» и на улицѣ одни только горѣловскіе. Мальчишки дрались между собой или жарили въ баблѣ и, гдѣ случится, подбирали и докуривали окурки папиросъ, бросаемые болѣе взрослыми парнями; дѣвушки еще звонче разливались въ своихъ «модныхъ» пѣсняхъ, а парня во всѣхъ концахъ села «наяривали» на гармоникахъ. Въ кучкахъ народа, что стояли передъ кабаками, нерѣдко подымался шумъ и споръ изъ-за «орлянки», и начинались драки, кончавшіеся разорванными рубахами и расквашенными мордами. Все чаще и чаще попадались на улицѣ хмѣльные мужики, влachaщіеся нетвердою походкой домой, опирались на своихъ трезвыхъ хозяекъ. Пьяный говоръ, гомонъ, уханье, пѣсни и ругань стояли въ воздухѣ... Гдѣ-то уже ошалѣло орали осипшимъ голосомъ «караулъ!» и въ канавкахъ лежало нѣсколько тѣлъ упившихся по безчувствію. А подъ вечеръ, вмѣстѣ съ визгомъ и смѣхомъ ловимыхъ парнями дѣвушекъ въ «горѣлкахъ», стали раздаваться перебранки и вопли бабъ, избиваемыхъ пьяными мужьями. Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ диче и безобразнѣе становилась вся эта печальная картина, отъ которой защемило наконецъ сердце у Тамары.

Стала она перебирать въ умѣ всѣ свои впечатлѣнія нынѣшняго дня, все, что довелось ей увидѣть самой и услышать отъ другихъ,—и чувство полной безотрадности начало при этомъ невольно заползать къ ней въ душу. Она уже не столько думала о самой себѣ и своемъ будущемъ, сколько обо всемъ томъ, что прошло сегодня предъ ея глазами. «Какой же, однако, выводъ изъ всего этого?» думалось ей въ эти грустныя минуты. «Упадокъ народа?.. Измельчаніе и вырожденіе его духовныхъ и нравственныхъ силъ?.. Но вѣтъ, кто, подобно ей, видѣлъ этотъ народъ во время послѣдней войны, въ лицѣ солдата, который та же плоть отъ плоти и кость отъ кости этого самаго народа, тотъ не можетъ такъ думать,—это было

бы грѣшно и несправедливо. Да и можно ли допустить мысль объ измѣлчаніи и вырожденіи, когда еще такъ недавно, на ея глазахъ, этотъ самый народъ являлъ столько подвиговъ истиннаго героизма и самоотверженія, столько христіанскаго смиренія въ своихъ великихъ трудахъ, столько долготерпѣнія, дисциплины, безропотной покорности судьбѣ и долгу, и столько теплой, глубокой вѣры среди страданій на зимнихъ бивакахъ и по госпиталямъ, гдѣ ей самой приходилось имѣть съ нимъ дѣло. Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы это было вырожденіе!.... Нѣтъ, это даже не измѣлчаніе, а что-то другое... Но что?—этого-то вотъ она и не знаетъ, и даже понять не можетъ, а видитъ только, что все здѣшнее до крайности противорѣчитъ тому, что было тамъ. Но гдѣ и въ чемъ лежатъ причины такой разницы и противорѣчій,—самой ей никакъ пока не додуматься. «А это оттого, что я не знаю этого народа, что я ему чужая, сколь бы ни хотѣлось быть съ нимъ своею!»

— О чемъ вы, барышня, такъ призадумались?—неожиданно подошелъ къ ней уже въ сумеркахъ отецъ Макарій.—Зову, зову васъ еще издала чай пить, а вы и не слышите.

Лицо его показалось Тамарѣ такимъ добрымъ, ласковымъ и разумнымъ, что сердцу ея неудержимо захотѣлось высказаться предъ нимъ сейчасъ же, не откладывая, а такъ, какъ есть, по первому порыву,—и она раскрыла старику всѣ свои думы и сомнѣнія, тяготившія въ эту минуту ея душу.

Тотъ задумался надъ ея словами.

— Мнѣ и самому не разъ такія мысли приходили въ голову,—тихо заговорилъ онъ, со вниманіемъ выслушавъ ее до конца.—И самъ я тоже думалъ надъ тѣмъ, что вамъ теперь кажется такимъ несогласнымъ противорѣчіемъ... Да, въ прежнія времена, пожалуй, такой распушенности не было,—продолжалъ онъ, подумавъ,—а пошло все такое съ тѣхъ поръ, какъ «порвалась цѣпь великая», хвативъ «однимъ конномъ по баряну, другимъ по мужику». Прежнее-то рушилось, а новое еще не сложилось.

— Господи, да сколько же лѣтъ еще ему складываться!—воскликнула, даже съ какимъ-то безотнотельнымъ укоромъ, Тамара.

— Ну, это какъ знать!—пожалъ плечамъ Макарій,—это въ руки Божіей... а только сдается мнѣ такъ, что все-таки явленіе это временное, переходящее... Вы говорите, война,—продолжалъ онъ.—Да вѣдь на войнѣ-то твердая и сильная власть была, идея была—ну, значитъ и порядокъ былъ, дисциплина, и духъ народный могъ проявляться во всей мощи. А здѣсь—гдѣ она, власть-то? У кого? Кисель одинъ, и только,—ну, во всѣ стороны и ползаетъ!.. Это ужъ, какъ хотите, послѣдствіе той безурядицы, да общаго равнодушія, да без-

принципности, да распушенности, которыя тамъ вонъ, помышле... А мы что,—мы люди маленькіе, у насъ тутъ невольное только отраженіе того, что творится тамъ, въ этихъ... интеллигентныхъ, такъ называемыхъ, сферахъ, въ столичныхъ. Ежели кончатся, дасть Богъ, тамъ всѣ эти ихнія шатанія, тогда другое дѣло! Пускай только переимѣнятся условія тамъ, да почувствуется повсюду твердая и разумная власть,—переимѣнятся все и здѣсь, по-вѣрите!

Эти простые слова стараго священника разомъ освѣтили для Тамары непонятную ей дотошъ причину цѣлаго ряда явленій, казавшихся ей столь противорѣчащими другъ другу.—и всѣ ея сомнѣнія и недоумѣнія разсѣялись. Если вѣрить въ свѣтлое будущее этого старика, стоящій уже одною ногою въ могилѣ, то какъ же не вѣрить ей, полной еще силъ и готовности работать! И вѣра эта тѣмъ болѣе была ей по-сердцу, что она соответствовала тому серьезному настроенію, съ которымъ съ самаго начала выступила Тамара на новое свое скромное поприще сельской учительницы. Ей такъ хотѣлось вѣрить по-прежнему, какъ въ дни войны, въ этотъ народъ, изучать его, работать для него, сродниться съ нимъ и быть самой полною русскою. Неужели это ей не удастся?..

VIII.

На школьной практикѣ.

Волостной старшина былъ правъ, когда, успокаивая Тамару послѣ пробнаго урока, сказалъ относительно разбидѣвшихся на нея крестьянскихъ отцовъ, что «ноартачатся да таковы же будутъ». Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней послѣ этого пробнаго урока, мальчишки, введенные тогда своими отцами изъ школы, явились въ нее частію сами, частію въ сопровожденіи своихъ матокъ, которыя пришли опять-таки съ «поклоннымъ» и, прося учительницу не сердчать на ихъ мужиковъ, а завѣяться съ ребятами построже, высказывались, что въ обученіи главное дѣло для нихъ—это заручка льготными свидѣтельствами.

— Только изъ-за этого самаго свидѣтельства и неволимъ ребятъ,—говорили онѣ.—А безъ того, что въ ей, въ школѣ-то!

Такимъ образомъ, Горьловская школа мало-по-малу съ каждымъ днемъ пополнялась учениками. Тамара отдѣляла «звуковиковъ», только что приступавшихъ къ изученію азбуки по «звуковой системѣ», отъ остальныхъ мальчишковъ, поглотившихъ уже прежде легкую премудрость «звуковки», и посвящала первымъ утренніе, а послѣднимъ послѣобѣденные часы занятій. Пока «звуковики» постигали смыслъ разныхъ «бъ», «въ», «гъ», старшее отдѣленіе

упражнялось въ списываніи отдѣльных буквъ и словъ съ классной доски, на которой учительница предварительно писала для нихъ каллиграфически эти слова и буквы.

По окончаніи урока со «звукониками», она либо отпущала ихъ домой, либо удерживала на нѣкоторое время въ школѣ, для упражненія въ хоровомъ пѣніи вмѣстѣ со старшими. Но прежній характеръ пѣнія былъ совершенно измѣненъ ею; согласно желаніямъ самихъ крестьянъ, вмѣсто разныхъ припѣвковъ насчетъ козловъ, козловъ и т. п., дѣти у нея пѣли «Отче нашъ», «Достойно есть», и другія молитвы, въ чемъ помогалъ ей и отецъ Макарій, а также познакомились и съ народнымъ гимномъ, и все обученіе это шло у нея прямо «съ голоса» на слухъ. Крестьяне были этимъ очень довольны и уже мечтали о томъ, что потъ, Богъ дастъ, вскорѣ ихъ Ванюшки и Павлушки будутъ пѣть и въ церкви, за обѣдней. Это ихъ утѣшало, да и самимъ дѣтямъ очень нравилось. Измѣнила она прежнюю систему обученія и со старшимъ отдѣленіемъ, вмѣсто того, чтобы морить его скукою на сухомъ и голомъ перечнѣ рѣкъ, морей, горъ и городовъ «по Водовозову», или на зоологическомъ и ботаническомъ отдѣлахъ «Дѣтскаго міра» Ушинскаго, гдѣ подробно описываются разные суставчики, членики, усики и слжки насѣкомыхъ, или пестики да тычинки явнотрачныхъ и тайнотрачныхъ растений въ ихъ постепенномъ развитіи, что крестьянскихъ дѣтей вовсе не интересовало, она, по совѣту отца Макарія, занялась съ ними прежде всего разсказами изъ священной и русской исторіи, а затѣмъ арифметикой и упражненіями на косяшковыхъ счетахъ. Благодаря всему этому, въ классѣ ея обнаружилось у мальчиковъ живое отношеніе къ дѣлу: она не скучала, слушали ее охотно, сами задавали ей вопросы, если чего не поймутъ, и отвѣчали изъ пройденнаго осмысленно и толково. Да и отцы съ матерями начинали менѣе недоверчиво относиться къ «новой учительницѣ», хотя все-таки осуждали ее—зачѣмъ она оканчиваетъ занятія съ дѣтьми еще засвѣтло, когда могла бы длить ихъ до сумерокъ, или зачѣмъ учить де «голосовать», а не «буки-азъ-ба», и зачѣмъ позволяетъ ребятамъ иногда поиграть и порѣзвиться на нѣсколько минутъ на дворѣ или въ классѣ, во время перемѣны между уроками,—«въ школу-де не играть ходить, а дѣло дѣлать». Но на сѣтованія подобнаго рода Тамара уже менѣе обращала вниманія, находя ихъ не совсѣмъ основательными. Что было дѣльнаго и справедливаго въ замѣчаніяхъ и притязаніяхъ отцовъ, все то приняла она къ свѣдѣнію, и съ самаго же начала старалась удовлетворить имъ, по мѣрѣ своихъ силъ и возможности. Въ общемъ, школа ея дѣлала замѣтные успѣхи, ученики шли къ ней охотно, и отцы, вообще го-

воря, если и не были еще вполне довольны, то все же значительно примирились съ нею, видя, что ребята ихъ поютъ уже «отъ божественнаго», и разсказываютъ дома про божественное.

Въ началѣ ей стоило не малаго труда сладить съ ребятами, которые, привыкнувъ дома къ «улицѣ» и ея нравамъ, были очень подвижны, рѣзвы, рѣзки и упрямы. Неусидчивость ихъ и разсѣянность, непривычка къ умственному труду и продолжительному напряженію мысли, зачастую крупная, грубая брань и драки съ товарищами, даже отчасти воровство другъ у друга разныхъ мелкихъ вещей, въ родѣ грифелей, ручекъ отъ перьевъ, бумаги или карандаша,—все это доставляло ей въ началѣ дѣла много неприятныхъ и тяжелыхъ минутъ и потребовало отъ нея большого запаса терпѣнія, хладнокровія и настойчивости, чтобы сломить всѣ эти недостатки. Уходя изъ школы и расходясь по домамъ, ребятами обыкновенно раздѣлялись на двѣ партіи—на «горьловскихъ» и «сусѣдскихъ», то-есть приходившихъ изъ ближнихъ деревень, и затѣвали между собою на улицѣ «войну», которая почти всегда кончалась подбитыми глазами и расквашенными носами. Но на вопросъ учительницы—изъ-за чего они такъ ссорятся, вся школа отвѣчала ей, что они все-де не ссорятся а только провожаютъ партію партію и играютъ «въ казаковъ и разбойниковъ», это-де игра такая, а не ссора. Отцы и матки приходили къ ней съ выговорами и жалобами на озорство ребятъ,—«вы-де гораздъ ихъ распускаете, баловаться много даете, прирастать сы слѣдовало»,—и Тамара пыталась было и страшать, и уговаривать, и стыдить драчуновъ передъ всѣмъ классомъ, но ничто не помогало, пока она не догадалась оставлять наиболѣе зазорныхъ и зачинщиковъ на часъ или на два въ школѣ, послѣ уроковъ. Средство подействовало, и драки прекратились, а затѣмъ, благодаря тому же средству, прекратились постепенно и брань, и взаимныя ссоры. Такимъ образомъ, дѣло у нея мало-помалу наладилось, и ученики старшаго возраста настолько уже облюбовали школу и самую учительницу, что приходили къ ней небольшими группами даже и въ праздничные дни,—пришли-де васъ провѣдать да попросить книжекъ, нѣтъ ли какихъ почитать? Но вотъ это-то послѣднее требованіе и ставило зачастую Тамару просто втупикъ. Выборъ книжекъ школьной бібліотеки былъ такъ ограниченъ, даже скуденъ, если не считать томовъ «Дѣла» и «Современника», что давать было рѣшительно нечего, а новыхъ взять неоткуда; управа же земская о выпискѣ книжекъ по списку, составленному самою Тамарою, и слышать не хотѣла, ссылаясь въ отзывѣ своемъ на то, что въ Горьловской школѣ книгъ-де-болѣе, чѣмъ доста-

точно, благодаря просвѣщенному и щедрому пожертвованію ея почтеннаго понечителя, г. Агрономскаго, и предложила «госпожѣ учительницѣ» удовлетворять потребность къ чтенію своихъ учениковъ изъ наличнаго запаса библиотекы, «гдѣ имѣются даже литературные журналы и такіе первоклассные писатели, какъ Шедринъ, Слыпцокъ, Рышетняковъ и проч.». Но Тамара, обсудивъ отвѣтъ управы вмѣстѣ съ отцомъ Макаріемъ, не рискнула по совѣсти послѣдовать ея совѣту и предпочла выписать изъ Москвы нѣсколько дешевыхъ духовно-нравственныхъ и общепользныхъ книжекъ и брошюръ на свои собственные деньги. Въ ея положеніи это была не малая жертва; зато крестьянскіе батки съ матками были ей очень признательны.

— Ужъ такъ-то мы тебѣ, сударыня, благодарны, ужъ такъ-то довольны, что книжечекъ хорошихъ на домъ отпускать стала дѣткамъ! И намъ-то вѣдь послушать лестно, какъ начнетъ эта Васютка читать про царей православныхъ, да про святыхъ житія, да про войны, что цари-то наши супротивъ враговъ Христовыхъ воевали, про Суворова, да про Петра-даря... или вотъ тоже про Аѳонъ-гору, аль про Соловецкую обитель;—и ахъ, сколь это все чудесно за занято! Не оторвался бы!

Эти книжки, такъ понравившіяся баткамъ съ матками, одѣлали то, что у нихъ въ душѣ сгладились послѣдніе слѣды недовѣрія къ новой учительницѣ, убѣдивъ ихъ окончательно, что учить она «по-божью», настоящему дѣлу, а не пустымъ «побаскамъ».

Вскорѣ послѣ этого довѣрія къ ней крестьянъ начало еще нагляднѣе выражаться въ томъ, что они стали приходить къ ней за врачевными совѣтами и помощью. Одна придетъ съ жалобою, что нутро у нея пало и что чего-чего ужъ ей не дѣлали, и горшокъ-то на брюхо ставили, и кудель-то въ этомъ горшкѣ закликали, чтобы подтянуть нутро на мѣсто, да все нѣтъ легче. Другой жалуется, что жерновъ, сказываютъ, нутрѣ перевернулся у него книзу, хлѣбushка не можетъ перемалывать, и что его уже подвѣшивали кверху ногами на прясло, и трясли, и били по животу круглымъ полѣномъ, да ничто не помогаетъ... И тотъ, и другая просятъ лекарствица, полегчить бы имъ чѣмъ ни-на-есть, заявляя, что они ходили ужъ и къ бабѣ-знахаркѣ въ село Княжево, и къ матушкѣ-попадѣ за крещенскою водою, и къ батюшкѣ съ просьбой «отчитать» ихъ, и все на къ чему!—Тамару въ началѣ все это крайне удивляло.

— Да вы, чѣмъ невѣсть куда ходить, лучше бы къ доктору шли! Почему же вы къ докторамъ не обращаетесь?—допытывалась она у приходящихъ къ ней за помощью. — Вѣдь у васъ есть теперь и земскіе врачи, и фельдшера

съ фельдшерицами, и пріемные покои, и больница земская?

Но мужики только откешивались да отплевывались и отъ врачей, и отъ больницы:

— Не про насъ все это, больно дорого! Въ больницѣ-то надо платить по полтинѣ въ день,—шутка-ль!.. Пропадай она и совсѣмъ!

Такое враждебное отношеніе къ больницѣ у всѣхъ крестьянъ вообще, столь озадачившее Тамару на первыхъ порахъ, стало ей совершенно понятно потомъ, когда она узнала, что въ ихъ же селѣ у одного мужика за земскую больничную недоимку было продано съ молотка все его имущество, а съ другой крестьянской семьи, оказавшейся поголовно зараженной отъ одного изъ своихъ же членовъ, возвратившагося съ заработковъ изъ Питера, и цѣлкомъ отправленной поэтому на излеченіе въ земскую больницу, было взыскано за лечение 165 рублей; но такъ какъ платежъ этой огромной суммы былъ для семьи окончательно непосиленъ, то у нея, по распоряженію земской управы, продали съ аукціона все имущество, не покрывшее и половины взыска, вслѣдствіе чего взысканіе остальныхъ денегъ управа обратила, черезъ полицію, на все сельское общество. Вотъ почему-де мужикъ и идетъ лечиться куда угодно и къ кому ни попало, только бы не къ докторамъ и не въ больницу. — Нечего дѣлать, пришлось и Тамарѣ волей-неволей принять участіе въ этомъ безпомощномъ положеніи крестьянъ, и въ особенности горѣловскихъ женщинъ и дѣтей, преимущественно обращающихся къ ней за помощью. Пришлось выписать изъ Москвы популярный лечебникъ, и изъ Бабьегона нѣсколько необходимыхъ, наиболѣе употребительныхъ врачевныхъ снадобій,—и все это опять—таки на свои собственные деньги. Эта новая жертва была для Тамары тѣмъ чувствительнѣе, что ради нея пришлось ей отказаться на три мѣсяца впередъ отъ многого, необходимаго въ своихъ жизненныхъ, и безъ того уже очень скромныхъ, потребностяхъ. Зато крестьяне, вѣря ей, охотно шли къ ней лечиться и принимали ея простыни, но вѣрные средства, и слава ея не только какъ учительницы, но и какъ лекарки, росла по всей округѣ. Вылеченные ею являлись къ ней благодарить за помощь, непременно съ «поклоннымъ», въ видѣ десятка яицъ, или мѣшечка крупы, или живой курицы и т. п. Сначала она, было, очень стѣснялась принимать всѣ эти вещественныя благодарности, но ничего не подѣлаешь, — надо было принимать, такъ какъ отказъ отъ нихъ крестьяне считали для себя за обиду.

Между тѣмъ наступила глубокая, мокрая осень, а затѣмъ и зима, и Горѣловская школа наполнилась учениками такъ, что въ классной комнатѣ стало уже и весьма тѣсно.

статокъ партъ поневоѣ заставлялъ мальчиковъ тѣсниться и жаться другъ къ другу; оказывался уже нѣкоторый недостатокъ въ букваряхъ и книгахъ, которые приходилось дѣлить по одной на трехъ-четырехъ учениковъ разомъ. Если, бывало, пишеть старшее отдѣленіе, то остальнымъ не хватаетъ или чернилъ, или ручекъ для перьевъ. Вѣстѣ съ этимъ обнаружались и другія неудобства. Нерѣдко приходилось воевать со старостой изъ-за топлива, если не привезутъ его во-время, а это случалось сплошь и рядомъ, такъ какъ обязанность отапливать школу была разложена на всѣхъ крестьянъ, въ видѣ мірской повинности. Поэтому классная комната зачастую оставалась нетопленною, такъ что у мальчиковъ, бывало, руки стынуть отъ холода, до невозможности держать перо въ пальцахъ, а сама учительница сидѣть все время закутавшись съ головою въ шерстяной платокъ и завернувшись въ теплую шубейку. Приходя въ школу, ученики приносили на ногахъ осеннюю грязь, а зимою снѣгъ, и тѣмъ разводили ежедневную сырость въ классѣ. Одежда ихъ въ эти мѣсяцы состояла только изъ полушубковъ поверхъ портковъ и сорочки; и полушубки эти, отсырѣвъ подъ дождемъ или снѣгомъ, прѣли и издавали неприятный запахъ, а мальчики, по привычкѣ, оставались въ нихъ по пяти, шести часовъ въ классѣ, не снимая съ плечъ: безъ полушубка холодно, въ полушубкѣ же, при этой тѣсотѣ, духотѣ и сырости, становится подъ-конечъ жарко,—и дѣти сидятъ всѣ въ поту, и потныя выходятъ изъ школы домой, а до дому нѣкимъ мальчуганамъ изъ окрестныхъ деревень надо идти въ непогодъ отъ двухъ до трехъ верстъ. Отъ этого у нихъ постоянно являлись простудныя болѣзни, особенно же воспаленіе горла. Въ классѣ, бывало, все время раздается неумолкаемый кашель, воздуха мало, вентиляцій ни малѣйшей,—поэтому начинаются головныя боли, и дѣти ежедневно къ концу занятій становятся утомлены, невнимательны, вялы, да и сама учительница нерѣдко возвращалась послѣ занятій въ свою комнату съ одурманенною головою, со стукомъ въ вискахъ и шумомъ въ ушахъ, и кидалась, вся закутанная, на холодную постель отлеживаться часа два въ тяжеломъ забытіи, ради необходимаго отдыха.

Горьловская школа, какъ и всѣ вообще училища въ уѣздѣ, находилась вѣдѣ всякаго врача, учебнаго надзора, служа, подобно имъ, разсадникомъ всякихъ заразныхъ болѣзней: кори, скарлатины, чесотки и проч. Ни уѣздный, ни земскіе врачи въ нее и не заглядывали, какъ и во всѣ остальные школы, потому что на это требовалось особое разрѣшеніе или приглашеніе общаго собранія училищнаго совѣта; а этотъ совѣтъ на самовольное появленіе того или другого врача въ любомъ училищѣ смотрѣлъ неприязненно, какъ на вторженіе въ

кругъ дѣйствій, врачамъ на подлежащихъ. Разъ и на этотъ разъ не замедлила своимъ появленіемъ. Въ окрестныхъ деревняхъ, а затѣмъ и въ Горьловѣ обнаружилось нѣсколько случаевъ дифтерита на дѣтяхъ. Земская управа распорядилась закрыть на время школу и послала на мѣсто своего члена и съ нимъ врача Гольдштейна, да нѣсколько набранныхъ слѣмъ послѣднимъ специальныхъ «дифтеритныхъ дезинфекторовъ» изъ какихъ-то недоучившихся медицинскихъ студентовъ, молодыхъ еврейчиковъ, некончавшихъ семинаристовъ и блыкающихъ безъ дѣла дѣвицъ въ званіи курсистокъ. Явилась вся эта компанія на мѣсто въ сопровожденіи станового и двухъ урядниковъ и принялась за дѣло столь усердно не по разуму, что на первыхъ же порахъ вызвала со стороны крестьянъ не только недовольство и ропотъ, но и явное сопротивленіе. И не мудрено: земскій членъ не распорядился предупредить крестьянъ заранѣе, а добровольцы-дезинфекторы, нагрянувъ на село, врывались не разбирая и въ зараженные, и въ здоровыя избы, дѣлали въ семьяхъ перенолохъ, немедленно выдворяли всѣхъ людей на дворъ, на улицу, въ сарай, клѣти, амбары, — «ступай, куда знаешь, хоть къ чорту, а вѣтъ,—сейчасъ урядника!»—затѣмъ череворачивали вверхъ дномъ весь домъ, всю рухлядь, утварь, посуду, промывали полный кавардакъ — Мамаево наше-ствие, да и только!—и начинали выкуривать сразу изъ каждого дома зажженою сѣрою. Но при этомъ въ одномъ мѣстѣ забудутъ предупредить хозяйку, чтобы вынесла изъ избы домашнюю птицу,—и всѣ эти куры-наседки, утки, индюшки задыхаются на-смерть въ сѣрныхъ парѣхъ; въ другомъ—налиютъ въ помой дезинфицирующей жидкости, не предупредивъ о томъ хозяевъ, а свиньи, собаки или коровы хлебнутъ этихъ помой идохнутъ. Дѣлалось все это, вѣроятно, но недомыслию; но на взглядъ крестьянъ, выходило оно какъ-будто умышенное озорство, какъ-будто нарочно для того, чтобы вызвать со стороны населенія недовольство и тревогу.—Начальство-де такъ приказало!—Стали наконецъ до-нага раздѣвать мужчинъ и женщинъ, отъ мала до велика, чтобы выкуривать ихъ бѣлье и одежду,—бабы и дѣвки подняли вой «отъ сорому», а мужики, возмущенные всѣмъ этимъ, вышли изъ послѣдняя терпѣнія и приняли дезинфекторовъ въ колы. Тѣ, было, подъ благодѣтельную защиту къ урядникамъ; но мужики, въ азартѣ, и урядникамъ бока намяли. «Дезинфекционная коммиссія» струсила, разбѣжалась и попряталась со всѣми своими «спеціальными» жидкостями и курсистками, и сейчасъ же, конечно, полетѣли отъ ея членовъ вошущія и взывающія депешы къ губернатору, къ жандармскому штабъ-офицеру, къ непремѣнному члену, къ председателю земской управы: «бунтъ! раз-

громъ! помогите! спасайте, выручайте!»—и пошла писать губернія!.. Немедленно же было распоричено по телеграфу—выслать на мѣсто «бунта» исправника, товарища прокурора, судебного слѣдователя; экстренно привезли туда же на подводахъ воинскую команду, «для устрашенія и усмиренія бунтовщиковъ»; волостному старшинѣ приказано заготовить цѣлый возъ розогъ, и дѣло чуть было не дошло да стрѣляній и «сѣкущій»; но къ счастью, съ приѣздомъ губернскаго начальства, все ограничилось только протоколами, дознаніемъ до волостною кузюкой для «зачинщиковъ» (разумеется, изъ крестьянъ), а въ эпизодъ—«мировымъ» со штрафами и тюремнымъ заключеніемъ для тѣхъ же «зачинщиковъ». По мнѣнію доктора Гольдштейна и другихъ просвѣщенныхъ дѣятелей, при всемъ ихъ либерализмѣ, — крестьяне несомнѣнно выходили кругомъ виноваты, и ихъ слѣдовало бы наказать примѣрнымъ образомъ, а вовсе не такъ, за то, что осмѣлились противиться благотѣльнымъ дѣйствіямъ дезинфекторовъ и подаять руку на такихъ самоотверженныхъ слушателей народу.

Недѣль около трехъ спустя, разрѣшено было вновь открыть Горьловскую школу, послѣ того какъ все ея помѣщеніе подверглось самой строгой дезинфекціи, выкурившей на это время и самой учительницу къ «бабушкамъ». На всѣ неудобства и недостатки этой школы Тамара еще раньше жаловалась волостному старшинѣ, но тотъ посовѣтовалъ ей только дожидаться приѣзда Агрономскаго, — «заявите-де ему, какъ вернется: онъ почетный попечитель, онъ все это можетъ, и насчетъ тѣсноты, и насчетъ пособіевъ, а я тутъ что-же?—мое дѣло сторона». Пыталась она писать и въ земскую управу, прося волостного подтвердить и съ своей стороны справедливость ея представленій, но волостной и отъ этого отказался. — «Пиши, не пиши, безъ Агрономскаго все равно ничего не будетъ и ничего вамъ не разрѣшатъ, напрасно только бумагу марать будете». Но Агрономскаго не было на мѣстѣ. Отправившись на земское собраніе въ Бабьегонскъ, онъ разѣхался съ Тамарой въ пути, не будучи еще съ нею знакомъ, а по окончаніи земскаго сѣзда, уѣхалъ по собственнымъ дѣламъ въ Москву; изъ Москвы же проѣхалъ прямо на губернское земское собраніе, въ качествѣ гласнаго, а тамъ—кто его знаетъ!—можетъ, опять въ Москву, либо въ Петербургъ, а можетъ, и домой вернется, — въ точности пока неизвѣстно. Воспользовавшись пребываніемъ въ Горьловѣ члена управы, по случаю дифтерійной дезинфекціи, Тамара обратилась къ нему съ тѣми же представленіями, прося его въ особенности ходатайствовать о скорѣйшей присылкѣ недостающихъ учебныхъ пособій. Тотъ выслушалъ ее очень

внимательно, но на всѣ ея жалобы только сочувственно покачивалъ головой, приговаривая: «Ахъ, Боже мой!.. Ахъ, это ужасно!.. Ахъ, бѣдные вы, бѣдные!» А чуть коснулось до собственного его содѣйствія, членъ сейчасъ же на попыткѣ: «мнѣ-де неудобно подымать такіе вопросы, это дѣло совѣта», — и посовѣтовалъ ей, точно такъ же, какъ и старшина, дожидаться Агрономскаго. — «Вы ужъ это къ нему... Нашъ многоуважаемый Алоновъ Марковичъ, онъ такъ все это близко къ сердцу принимаетъ... онъ, конечно, войдетъ въ ваше положеніе, пожалѣетъ этихъ бѣдныхъ дѣтей... онъ самъ увидитъ и сдѣлаетъ намъ все, что лишь возможно... Вы ужъ лучше его подождите».

Тамара просила члена, чтобы онъ, по крайней мѣрѣ, приказалъ старшинѣ хотя бы насчетъ топлива, — пускай бы хоть дрова доставляли аккуратно, а то когда привезутъ, а когда и нѣтъ, и школа сутокъ по-двое, по-трое остается нетопленною.

— Да я ужъ приказывалъ, и сколько разовъ говорилъ! — оправдывался старшина передъ членомъ. — Да что-жъ тутъ подѣлаешь, коли не слушаютъ! Народецъ тоже! Аванескій!.. Я ужъ и старостѣ, и сотскому, — свое же дѣти, говорю, терпѣть, — да вотъ поди-жъ ты, заставь-ко мужика!

— Ну, вотъ видите, онъ приказывалъ, — обратился членъ къ учительницѣ. — Онъ съ своей стороны и радъ бы, но что-жъ, если мужики такіе... не слушаютъ...

— Я полагаю, — замѣтила Тамара, — на столько-то у господина старшины есть власти, чтобы заставить себя послушать.

— Да, это вы полагаете, — высокомерно возразилъ старшина, — а я полагаю такъ, что власть-то тоже съ умомъ прилагать надо... Не штрафовать же мнѣ мужиковъ изъ-за вашихъ дровъ!.. Везутъ, когда можно; а коли не досугъ, — не бѣда, ежели когда и не вытопите, — нашимъ мальчишкамъ это ничего, дѣло за-обычное!

— Да, вотъ видите-ли, иногда, значитъ, и нельзя бываетъ, снова обратился членъ къ Тамарѣ, словно бы стараясь всячески оправдать старшину и хватаясь за первый попавшійся поводъ, лишь бы сказать въ его пользу. — Онъ тоже долженъ сообразоваться... Что-жъ тутъ дѣлать!.. Очень жаль, конечно, сердечно жаль, и я отъ души вамъ сочувствую... Но, мнѣ кажется... я думаю, — добавилъ онъ въ утѣшеніе учительницѣ, — я думаю, что нашъ почтеннѣйшій Алоновъ Марковичъ, — пусть только приѣдетъ, онъ все это вамъ устроитъ, онъ и способы, и средства изыщетъ... Ужъ вы лучше потерпите какъ-нибудь до его приѣзда.

Такъ и не добилая Тамара никакого толку.

— Нашли тоже къ кому обращаться! — съ дружескою ироніей попенялъ ей потомъ отецъ Никандръ, когда она рассказала ему этотъ свой разговоръ. — Станетъ членъ старшинъ приказывать! Старшина ему понуживе васъ, ссориться съ нимъ ему не расчесть, потому, какъ ни какъ, все же лишній голосъ за него на выборахъ... А старшинъ,—тому и подавно не до дровъ. Чтò ему, и въ самомъ дѣлѣ, ваши дрова, когда онъ теперь всю округу въ кабалу къ себѣ прикарманиваетъ! Есть ему когда думать о такихъ мелочахъ!

— Какъ въ кабалу?—удивилась, не вполне понявъ его, Тамара.

— А вы и не знали?!. Какъ же, помилуй-то!.. И все это изъ-за собственного своего великодушія—очень ужъ великодушный онъ у насъ человѣкъ!.. Ну, зато и къ медали на шею представленъ.

И отецъ Никандръ объяснялъ ей, что, пользуясь, по случаю неурожая, безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ сосѣднихъ съ волостью деревень, старшина великодушно предложилъ имъ брать у него хлѣбъ въ долгъ, но обставилъ этотъ кредитъ такими условіями, что мужикъ, взявшій займы известное количество хлѣба, обязанъ, во-первыхъ, возвратить такое же количество его ко времени новаго сбора и, во-вторыхъ, остальной свой хлѣбъ, послѣ сбора, продать ему же, старшинѣ, по 30-ти копеекъ за пудъ, и это въ то время, когда цѣна на хлѣбъ въ данной мѣстности держится обыкновенно около рубля за пудъ, а то и болѣе.

— Да вѣдь это же называется кулачество!—возмутилась Тамара.

— Самое настоящее, а вы какъ полагаете?

— И это старшина!.. И такого старшину терпѣть?!

— А кто-жъ его смѣнить? Закабаленные крестьяне, что-ли? — усмѣхнулся священникъ.—Повѣрьте, они же первые подадутъ за него голосъ и при слѣдующихъ выборахъ! Да и какъ не подать, если всѣ они у него въ лапахъ, благодаря все тому же «кредиту»... Ну, а для непремѣннаго члена и прочихъ,—продолжалъ о. Никандръ,—онъ самый удобный человѣкъ и первый другъ и пріятель. Еще бы!—деньги займы даетъ безъ росписокъ—развѣ можно эдакимъ-то человѣкомъ пожертвовать? Напротивъ, медаль ему на шею! «За усердіе!» И повѣрьте, что выхлопочутъ!.. А впрочемъ,—прибавилъ, онъ, пораздумавъ,—почему ему и не кулачать, если и другъ его, господинъ Агрономскій, да и другіе тамъ, кое-кто изъ интеллигентныхъ, занимаются точно такимъ же «кредитомъ» и кулачать еще почище!

И Тамара узнала, что со времени войны, въ послѣдніе два года, благодаря неурожаямъ, кулачество развилось до небывалыхъ размѣ-

ровъ, и не въ одной только ихней округѣ, но и повсюду. Въ деревнѣ, чѣмъ дороже хлѣбъ, тѣмъ больше рабочихъ рукъ и тѣмъ онъ дешевле. Поэтому, хочешь не хочешь, приходится тереться около людей денежныхъ, у себя ли въ селѣ, или въ сосѣдней усадьбѣ, и работать на нихъ, буквально-таки, даромъ. Не уродился у мужика хлѣбъ,—нечѣмъ ему ни семью прокормить, ни податей заплатить,—и идетъ онъ къ кулаку съ поклономъ, закладываетъ ему сначала пашню свою подъ царь или подъ засѣвъ. И если въ скудный годъ цѣна пашни всего четыре рубля съ десятины, то кулакъ даетъ ему только два рубля, а этихъ денегъ мужику даже и на подати не хватить,—и вотъ, по неволѣ, снова дѣлаетъ онъ заемъ у кулака, но на этотъ разъ уже подъ будущую свою полевою работу, а затѣмъ закабалилъ себя ему же и на сѣнокосъ, за пятнадцать копеекъ въ день, тогда какъ вездѣ въ уѣздѣ нормальная цѣна за день косы бы стоятъ не ниже тридцати копеекъ. Приходитъ весна, мужику нечѣмъ засѣять поле,—онъ опять къ кулаку со слезнымъ поклономъ: «благодѣтель, не погуби!»—и получаетъ зерно на засѣвъ по странно повышенной цѣнѣ. Но торговаться ему уже не приходится, благодаритъ!.. Наступаетъ срокъ для расплаты, а у мужика обыкновенно денегъ—«два бѣда, три колотила». Кулакъ отбираетъ у него за проценты корову или лошадь, а на капиталъ требуетъ новую росписку, съ другимъ срокомъ,—до 1-го марта, и еще съ большими процентами... И если мужикъ имѣлъ несчастіе разъ попасть въ этотъ круговоротъ переписыванія своихъ росписокъ, то уже друзья и сосѣди прямо говорятъ ему: «и духови твоему, аминь!» И самъ онъ знаетъ, что «аминь», что дѣйствительно пропалъ онъ уже на вѣки съ мертвою петлею на шеѣ. Проценты вырастаютъ скоро, такъ что и ихъ-то онъ платитъ не въ состояніи, а не то, чтобы капиталъ уплачивать; долгъ его растетъ и растетъ съ каждымъ полугодіемъ, и попадаетъ онъ такимъ-то образомъ къ сельскому своему кулаку или къ помещику новой формации въ кабалу неисходную, пожалуй, что похуже прежняго крѣпостного состоянія.

IX.

Г-нъ Агрономскій.

Къ половинѣ декабря возвратился, наконецъ, къ себѣ въ усадьбу и господинъ Агрономскій. О пріѣздѣ его, конечно, въ тотъ же день стало известно на селѣ, и отецъ Никандръ, сообщившій эту новость Тамарѣ, совѣтовалъ ей подготовиться къ посѣщенію «сего гуся», такъ какъ онъ, по всей вѣроятности, дня черезъ два-три навѣрное заглянетъ въ школу,—по крайней мѣрѣ, всегда оно такъ бывало.

— Да что жъ тамъ особенно-то готовится! — возразила дѣвушка, — что есть, то есть, а чего нѣтъ — скажу, если самъ не увидитъ.

— Нѣтъ, я къ тому собственно, — поясняетъ батюшка, — что прежніе учителя къ его пріѣзду всегда, бывало, натаскиваютъ учениковъ, словно щенковъ лагавыхъ, кого о чемъ спросить, значить, въ его присутствіи, чтобы показать степень успѣховъ.

— И это, по-моему, лишнее, — не согласилась съ нимъ Тамара. — Зачѣмъ? Какіе есть успѣхи, пускай самъ повѣряетъ.

— Эхъ, барышня, не умѣете вы, какъ я погляжу, товаръ-то лицомъ показывать! — въ шутку попенялъ ей о. Никандръ. — Начальству надо непременно очки втирать, коли жаждаете подвигаться, а безъ того оно на васъ — полъ вниманія!

— Ну, я повторю на этотъ разъ слова отца Макарія: «Богъ не выдастъ. Агрономскій не съѣстъ», — спокойно сказала Тамара.

* * *

Отецъ Никандръ не ошибся, предсказывая скорый визитъ Агрономскаго. Дѣйствительно, прошло не болѣе двухъ дней съ его пріѣзда, какъ онъ уже появился въ школѣ, приснаровивъ свое посѣщеніе какъ-разъ къ началу занятій, послѣ полуденной перемѣны.

Сторожъ Ефимычъ, впопыхахъ, едва успѣлъ предупредить учительницу въ классѣ о его прибытіи. У Тамары невольно ёкнуло сердце, хотя по наружности она осталась совершенно спокойною. Ей уже столько пришлось наслушаться изъ разныхъ устъ объ этомъ человѣкѣ, что она не ждала себѣ отъ встрѣчи съ нимъ ничего хорошаго и заранѣе приготовилась выдержать бурю и грозу, по возможности, хладнокровно, сдержанно, давъ себѣ слово — ни въ какомъ случаѣ не ронять предъ нимъ своего достоинства.

Но вотъ Ефимычъ торжественно распахнулъ дверь классной, и Тамара, мелькомъ взглянувъ на входящаго попечителя, скомандовала дѣтямъ: «встать!»

Весь классъ, какъ одинъ человѣкъ, разомъ поднялся на ноги.

— Сидите, сидите, пожалуйста, мои милые! — ласково замахалъ на учениковъ Агрономскій. — Что-за китайскія церемоніи!.. Вы не солдаты, слава Богу, и я же не губернаторъ какой, чтобы вскакивать предо мною! Зачѣмъ это?.. Не надо!

Но Тамара и по лицу его, и по тону голоса ясно поняла, что хотя онъ и отказывается лицемѣрно отъ такой почести, но въ душѣ она ему очень пріятна, и что попробуй только учительница проманировать ея, онъ былъ бы жестоко увлеченъ въ своемъ самолюбіи и едва-ли пропустилъ бы ей это безъ замѣчанія.

— Агрономскій, почетный попечитель школы и членъ уѣзднаго училищнаго совѣта, — отчет-

ливо и въ официальномъ тонѣ отрекомендовался онъ дѣвушкѣ. — А вы — госпожа Бендавидъ?

Тамара, въ отвѣтъ ему, молча поклонилась.

— Очень радъ познакомиться, — привѣтливо протянулъ онъ ей руку. — Такъ много слышанъ о васъ отъ моихъ друзей... отъ де-Каза-тиса и Коржикова... Вѣдь вы рекомендованы намъ Агриппиною Петровной?

— Да, госпожею Миропольцовой, — скромно подтвердила дѣвушка.

— Ну, вотъ!.. Такая лестная рекомендація!.. Это одно уже можно сказать, заранѣе гарантируетъ вамъ симпатіи всѣхъ честно мыслящихъ людей. Очень, очень пріятно познакомиться! — повторилъ онъ безъ всякаго уже официального оттѣнка, снова пожимая ей руку, какъ другъ и единомышленникъ.

Тамара все время глядѣла на него въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ и почти съ невольнымъ недоумѣніемъ: какъ же, молъ, это такъ? Неужели и въ самомъ дѣлѣ это Агрономскій? Это-то онъ самый и есть?! — Заочно она воображала его себѣ какимъ-то змѣемъ-горнычѣмъ, чуть не Геркулесомъ съ демагогическими замашками, съ зычнымъ грубымъ голосомъ, наглымъ взглядомъ и грубыми манерами, а между тѣмъ, передъ нею плохавая фитиолька кака-то, — человѣчекъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ промежуткѣ между тридцатью и пятьюдесятью годами, небольшого роста, сильно сутуловатый, съ головою почти втиснутою отъ природы въ широкія, приподнятыя плечи; на гулявомъ тѣмѣи облѣзлая проплѣшина; длинныя, рыжеватые съ легкою просѣдью волосы, повидимому, вовсе незнакомы съ гребенкой и висятъ неопрятными, сухими патлами, какъ у нѣкоего философа, ниспадая сзади на заношенный воротникъ жакетки и съ боковъ на плечи. Въ тонкихъ усахъ и въ рыжей съ просѣдью бородѣ застряла какія-то крошки отъ пищи. Въ лицѣ что-то заостренное, выдающееся впередъ; губы тонкія и растянутыя, но при этомъ въ воданисто голубыхъ, вѣчно увлажненныхъ глазахъ парить какое-то идеально-сентиментальное, чисто голубиное выраженіе. Говорить онъ мягко и тихо, съ какимъ-то вкрадчивымъ и, вмѣстѣ, конспиративнымъ оттѣнкомъ, точно бы тайну какую подъ величайшимъ секретомъ вамъ сообщаетъ, а когда улыбается — ротъ его растягивается еще болѣе, точно бы каучуковый, причемъ верхняя губа какъ-то странно заворачивается вверхъ, обнаруживая нѣсколько сѣро-желтыхъ зубовъ, рѣдкихъ и неровно торчащихъ врознь. Одѣтъ онъ небрежно, философъ, и смотритъ тихоней; но подъ этою дѣланною, напускною скромностію Тамарѣ невольно чувлось самолюбивѣе громадное и неменьшее же самолюбіе, чуткое притомъ до болѣзненности и никогда ничего никому не прощающее. Но въ общемъ, отъ г. Агрономскаго

получилось у нея впечатлѣніе скорѣе чего-то жалкаго, мизернаго, а ужъ никакъ не змѣягорыныча. Говорилъ онъ по-русски совершенно правильно, но въ интонаціяхъ его рѣчи и въ тонкомъ, почти неуловимомъ акцентѣ Тамарѣ послышалось нѣчто знакомое, сразу такъ и пахнувшее на нее Западнымъ краемъ — не то польское что то, не то еврейское, хотя и значительно уже сглаженное воспитаніемъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ и продолжительною жизнью въ Россіи, среди русскаго общества.

— Мнѣ бы хотѣлось, съ вашего позволенія, познакомиться съ вашимъ методомъ преподаванія, — какъ-то вкрадчиво и съ усиленною деликатностію обратился онъ къ учительницѣ, потирая и поджимая къ самой груди свои ручки. — Пожалуйста, продолжайте, на чемъ я васъ засталъ, не стѣсняясь мною... Забудьте о моемъ присутствіи, думайте, какъ будто меня здѣсь вовсе нѣтъ, и не было... Пожалуйста! А я, чтобъ не мѣшать, посижу пока—вотъ, въ уголочкѣ.

И онъ осторожно, чуть не на цыпочкахъ, отодвинулъ къ стѣнѣ принесенный Ефимичемъ стулъ, дѣлая видъ, какъ бы совершенно ступивъ на задній планъ, въ сторону.

Тамара поняла, что это для нея, въ нѣкоторомъ родѣ, экзаменъ, и приготовилась въ душѣ ко всему худшему. Будъ что будетъ! Пользуясь разрѣшеніемъ Агрономскаго не обращать на него вниманія, она начала съ того, что заставила учениковъ прочтѣть согласнымъ хоромъ нѣсколько молитвъ, послѣ чего задала четверемъ мальчикамъ, для упражненія, по задачѣ изъ ариметики, а остальныхъ стала спрашивать изъ пройденнаго раньше по Священной и Русской исторіи; затѣмъ, заставивъ каждого изъ четырехъ учениковъ разсказать и показать, какъ разрѣшалъ онъ данную ему ариметическую задачу, и поправивъ, если въ чемъ была у него ошибка, учительница перешла со всѣмъ стариннымъ отдѣленіемъ къ толковому чтенію. Агрономскій все время сидѣлъ тихо, ни разу не прервавъ ни ее, ни учениковъ какимъ-либо замѣчаніемъ или вопросомъ. Онъ слушалъ, повидимому, очень внимательно и только время отъ времени съ нѣсколю гримасой подергивался и поеживался въ плечахъ да досадливо пощипывалъ себѣ бороду. Всѣ эти его нервно-недовольныя движенія невольнымъ образомъ энергировали и Тамару, не могшую не замѣчать ихъ. — Богъ его знаетъ, что его такъ коробитъ и чѣмъ онъ недоволенъ! Хотѣ бы слово сказалъ, а то сидитъ, какъ воды въ ротъ набралъ, и только корежится! — Это до такой степени озадачивало ее и царапало ей нервы, и сбивало ея мысли, — словомъ, мѣшало ей, что она почувствовала наконецъ полную невозможность продолжать при немъ занятія, и потому, спустя около

часу, прекратила урокъ и молча повернулась къ Агрономскому съ выжидающимъ и вопросительнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вы кончили? — предупредительно поднялся онъ со стула.

— Кончила; но, можетъ быть, вамъ самимъ угодно спросить еще что, или замѣтить?

Тотъ отчасти замаялся, потирая себѣ по-ксендзовски сложенные ручки.

— М... да, то-есть... съ вашего позволенія, я бы желалъ высказать вамъ кое-какія скромныя замѣчанія... Позволяете?

— Сдѣлайте одолженіе, я буду очень признательна.

Агрономскій вѣжливо поклонился ей на это, закрывъ глазки и склонивъ на бочекъ голову, точно бы и въ самомъ дѣлѣ благодарить за позволеніе.

— Скажите, пожалуйста, — спросилъ онъ съ самою мягкой и даже приторною улыбкой, — развѣ вамъ въ управѣ ничего не передавали относительно направленія, въ какомъ вообще нашему земству желательно вести дѣло народнаго образованія?

— Ничего, — меня просто послали сюда, и только.

— М... да, и только, — машинально повторилъ онъ за нею въ раздумьи. — Такъ ничего? ровно-таки ничего?

— Ничего, — подтвердила дѣвушка.

— Хм!.. Оно, впрочемъ, и видно, — извините... Очень жаль, конечно, — грустно вздохнулъ онъ, — что вамъ пришлось потратить два мѣсяца труда почти совсѣмъ непроизводительно, — н-но... это, значитъ, вина уже не ваша, а наша...

Дѣвушка окинула его взглядомъ, съ выраженіемъ недоумѣвающаго вопроса, — то-есть, въ чемъ же собственно?

— М-м... Видите ли-съ, все это, можетъ быть, очень хорошо — и молитвы тамъ, и церковное пѣніе, и священное писаніе съ русской исторіей, — продолжалъ онъ, какъ-то нудясь, точно бы выжимая или туго выматывая изъ себя слово за словомъ и мысль за мыслью. — На случай пріѣзда, напримѣръ, какихъ-нибудь «особъ» въ родѣ губернатора тамъ, архіерея, или члена отъ министерства просвѣщенія, — неравно въ школу заглянуть, — ну оно, разумѣется, не мѣшаетъ, чтобы показать... Отчего же! Это иногда можетъ быть полезно... Но, вообще, если мы будемъ сидѣть только на этомъ, то не далеко уйдемъ... и мало того, мы рискуемъ въ такомъ случаѣ обратить школу въ орудіе обскурантизма и ретроградныхъ цѣлей, тогда какъ она должна служить орудіемъ широкаго прогресса... Вы меня понимаете?

— Да, конечно... согласилась дѣвушка, которой и прежде еще неоднократно приходилось встрѣчаться съ подобными воззрѣніями

и въ журналахъ, и во взглядахъ иныхъ своихъ знакомыхъ и отчасти даже своихъ собственныхъ гимназическихъ учителей, такъ что рация г. Агрономскаго, въ сущности, не открыла ей ничего новаго. Но согласившись съ нѣмъ, Тамара заявила ему, однако, что въ этомъ случаѣ она дѣлаетъ уступку настойчивымъ заявленіямъ крестьянъ, которые требуютъ, чтобы дѣтей ихъ обучали прежде всего «божественному».

— Мало-ль какихъ глупостей стануть они еще требовать,—солидно возразилъ Агрономскій.—Школа вонсе не обязана потрафлять на всякіе дикіе вкусы; у школы есть свои высшія задачи, отступать отъ которыхъ мы не имѣемъ права. А между тѣмъ, подобной системой вы придаете своему обученію слишкомъ... какъ бы это выразиться... слишкомъ уже клерикальскую закваску, дѣлаете его черезчуръ ортодоксальнымъ, а это ошибка,—этого надо избѣгать... Предоставьте мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ! Изъ-за чего намъ усердствовать?!.. Теперь вонъ, во всей Европѣ, а особенно во Франціи,—поглядите-ка—школа радикально принимаетъ характеръ чисто латинскій,—значитъ, и намъ надо стремиться къ тому же. И я бы рекомендовалъ вамъ,—прибавилъ онъ въ видѣ добраго дружескаго совѣта, таинственно понизивъ голосъ и отводя Тамару нѣсколько въ сторону,—я бы рекомендовалъ оставить въ ней эти «Достойно есть» и нагорныя проповѣди, тѣмъ болѣе, что, по распоряженію министерства, вы даже и права не имѣете касаться Закона Божія,—это дѣло законоучителя. На васъ изъ-за этого, пожалуй, еще доносятъ пошлы напишутъ,—мастера вѣдь тоже, охъ какіе!.. А вамъ слѣдуетъ придерживаться болѣе развивательнаго метода,—понимаете ли, раз-ви-ва-тельнаго.

— Извините,—попыталась было возразить ему Тамара.—Но относительно развитія учениковъ, я, кажется, и то...

— Н-да-съ, оно и то, да не то!—перебилъ ее Агрономскій.—Я, какъ видите, имѣлъ терпѣніе слушать васъ цѣлый часъ и вижу съ прискорбіемъ, что вы совсѣмъ на ложной дорогѣ... И пріемъ у васъ совсѣмъ не научный, не современный, не соответствующій требованіямъ рациональной педагогики. Развѣ такъ можно?!—Позвольте васъ спросить, зачѣмъ вы сидите на разныхъ одуряющихъ «житіяхъ» да на церковно-славянскій тарабарникъ, когда у васъ тутъ же, подъ рукою,—вотъ, въ этомъ самомъ шкафу,—цѣлая литература, избранная литература!.. Тутъ нужно совсѣмъ не это! Пускай они—кивнулъ онъ въ сторону учениковъ,—даже не особенно бойко читать, лишь бы были развиты, пускай честно мыслить научатся... Да вотъ, лучше всего,—воспримчиво метнулся онъ къ партамъ.—Позвольте мнѣ книгу Корфа или Водовозова.

Онъ взялъ одну изъ поданныхъ ему книгъ, пробѣжалъ оглавленіе, затѣмъ быстро перелистывалъ нѣсколько страницъ и произнесъ.—«Соколъ и Ястребъ»... Читали вы дѣтямъ это прелестное стихотвореніе?

Тамара созналась, что не читала еще.

— Почему же?—удивился и даже слегка обидѣлся этимъ Агрономскій.

— Некогда было; другимъ занимались,—отвѣтила она совсѣмъ просто.

— Жаль-съ!.. Очень, очень жаль,—соболезновательно закачалъ онъ головою.—Вѣдь это перлы! Это алмазы русской поэзіи! И вдругъ вы его такъ игнорируете!.. ай-ай-ай!.. Ну, да все равно, я вотъ прочту и покажу вамъ, что собственно тутъ требуется. Слушайте, дѣтки!

И Агрономскій отчетливо и выразительно сталъ читать по книжкѣ о томъ, какъ «хищный ястребъ высоко леталъ» и повстрѣчалъ въ небѣ сокола, который крайне удивился такой необычайной встрѣчѣ и высокомерно высказалъ, что ему, ястребу, не подъ вѣсью небесной летать, а развѣ куръ воровать по дворамъ; здѣсь же мѣсто совсѣмъ-де не такимъ,—«только мы да орлы здѣсь царимъ».—И соколъ начинаетъ хвастаться передъ ястребомъ, какъ высоко онъ летаетъ и какъ ловко бьетъ на лету птицу, и какъ встарь онъ съ князьями водилъ дружбу и слылъ у нихъ «благороднымъ соколомъ».—«Ну, а ты?»—презрительно обращается онъ къ ястребу.—«Тѣмъ тебѣ и хвастнуть, что курченка стянулъ гдѣ-нибудь».—«Вашей милости честь и привѣтъ!»—отвѣчаетъ соколу ястребъ и высказываетъ «не въ обиду» ему:

„Пусть, какъ ты, я не мастеръ летать,
Ловко птицъ на лету подшибать,
Пусть и въ пѣсняхъ не славятъ меня,—
Все жъ какъ будто съ тобой мы родня...
Оба мы что побьемъ, тѣмъ живемъ,
И корысть наша въ горѣ чужомъ,
То хвалится тебѣ предо мною
Не пристало бы славой такой,
Что красиво ты слабого бьешь,
Кровь родную искусѣе льешь,
Только вотъ, что полетъ твой другой,
А мы хищники оба съ тобой“.

— Поняли, дѣти, смыслъ этой побаски?—повысивъ голосъ, обратился онъ ко всему классу.

— Поняли,—раздалось въ отвѣтъ ему нѣсколько голосовъ съ разныхъ скамеекъ.

— О комъ это здѣсь говорится, расскажите-ка мнѣ, мои милые?

— О соколѣ и коршунѣ.

— Такъ, о соколѣ и коршунѣ,—вѣрно! А кто же такіе будутъ эти соколъ и коршунъ?

— Птицы будутъ,—наивно и просто отвѣтили два-три мальчика.

— Ой-ли?—заронилъ въ нихъ сомнѣніе Агрономскій.—Подумайте-ка, точно ли это птицы? Не другой ли кто?

— Нѣтъ, тутъ прямо говорится про сокола и коршуна, — значить птицы, — съ увѣренностью возражилъ одинъ изъ наиболѣ бойкихъ мальчугановъ.

— Видите, какая неразвитость, видите? — укоризненно замѣтилъ въ-полголоса Агрономскій Тamarъ и съ сокрушеннымъ вздохомъ покачалъ головою. — Такъ, по-вашему, птицы? — повернулся онъ къ мальчику. — Такъ-то такъ; пожалуй, и птицы, да понимать это, голубчикъ, надо иносказательно, наизнанку, то-есть. Вотъ, я васъ называлъ сейчасъ голубчикомъ. Что такое «голубчикъ»? — Уменьшительное и ласкательное отъ слова «голубь», не такъ ли?.. Ну, разумеется, такъ!.. Но развѣ, на самомъ-то дѣлѣ, вы голубъ? — Нѣтъ, вы мальчикъ, то-есть человѣкъ, а голубъ — птица. Значить, называлъ я васъ голубчикомъ иносказательно, — понимаете?.. Ну, такъ вотъ точно то же и въ этой побаскѣ: говорится про коршуна и сокола, а понимать надо людей. Какіе же это будутъ люди, соколъ и коршунъ? подумайте-ка, да и скажите.

— Нехорошіе люди, хищники, разбойники злые, — отвѣтилъ нѣкоторые мальчики.

— Вѣрно! Правильно, друзья мои!.. Отлично!.. Молодцы! — приходя въ восторгъ, расхваливалъ ихъ Агрономскій. — Ну, а изъ какихъ будутъ эти хищные люди, не доめкнетесь ли?

Мальчики, видимо, стали втупикъ и призадумались.

— Просто нехорошіе люди... всякіе, которые ежли злые, — высказался, наконецъ, одинъ изъ бойкихъ.

— Всякіе?.. Ну, нѣтъ, дружокъ мой, въ томъ-то и дѣло, что не всякіе, далеко не всякіе!.. Тутъ вонъ прямо говорится: «съ князьями дружбу водилъ, благороднымъ я соколомъ слылъ», — благороднымъ, понимаете ли, — выразительно подчеркнулъ Агрономскій. — *благороднымъ*. А кто такіе «благородные»? Кого мы обыкновенно «благородными» называемъ? Напримѣръ? Кто скажетъ?

— Напримѣръ, васъ называемъ, — брякнулъ ему съ-проста тотъ же мальчикъ.

Агрономскій точно бы поперхнулся отъ такой неожиданности и вскопчилъ, какъ ошпаренный.

— Меня?.. Какъ меня? Почему меня? — озадаченно заговорилъ онъ, весь покраснѣвъ, какъ ракъ, и перебѣгая растеряннo-сconfуженными взглядами съ мальчика на Тамару, съ Тамары на мальчика, на его сосѣдей и на весь остальной классъ, точно бы пытая отъ всѣхъ себя отвѣта. — Почему меня?.. Почему ты думаешь такъ?.. Развѣ я благородный въ подобномъ смыслѣ? Кто сказалъ тебѣ это? Кто? — присталъ онъ къ мальчику въ нѣсколько уже раздраженномъ тонѣ, позабывъ даже говорить ему «и», и готовый раздражиться сію минуту еще болѣе.

Мальчикъ совсѣмъ растерялся и молчалъ.

— Можетъ кто отвѣтить за него? — обратился попечитель къ остальному классу. — Отвѣчайте, братцы, смѣло, не робѣя! Робѣть тутъ нечего! Почему вы считаете, что я изъ такихъ же благородныхъ, какъ и этотъ соколъ?

— Потому, какъ вы баринъ, помѣщикъ тоже будете, — отвѣтилъ, наконецъ, одинъ изъ наиболѣ бойкихъ мальчугановъ, Петръ Чалыхъ.

— Да, я помѣщикъ, положимъ, — согласился, приходя въ себя, Агрономскій, — но я не такой помѣщикъ, какъ тѣ; я крѣпостными не владѣлъ и отцовъ вашихъ не дралъ на конюшнѣ, а я просто только землю купилъ себѣ, имѣніе... Поэтому я даже и не помѣщикъ, а землевладѣлецъ, — это громадная разница... Помѣщики — это тѣ, которые крѣпостными владѣли, дворяне... Понимаете ли, *дворяне*... Ну, такъ кого же мы обыкновенно «благородными» называемъ?

— Господь называемъ, помѣщиковъ, дворянъ, ежли которые крѣпостными владѣли, — отчеканилъ ему съ его же словъ все тотъ же Петръ Чалыхъ.

— Вотъ!.. Вотъ оно! — воскликнулъ, напуская на себя восторгъ, Агрономскій. — Помѣщиковъ называемъ!.. Именно, *дворянъ* — помѣщиковъ, баръ!.. Ай-да мальчикъ! — умилился онъ. — Ай-да умница! Золотая головушка!.. Дайте, дорогой мой, я васъ поцѣлую за это!.. И позвольте поощрить васъ за прекрасный, обдуманый отвѣтъ.

И онъ обѣими руками притянулъ къ себѣ черезъ столъ голову мальчика и облобызалъ его въ лобъ, а затѣмъ порылся у себя въ карманѣ и досталъ оттуда мѣдный трѣшникъ.

— На-те вамъ, голубчикъ, на прянички, на гостинцы, — полакомьтесь себѣ на здоровье!

Мальчикъ взялъ деньги и хотѣлъ-было попростотѣ поцѣловать, въ знакъ благодарности, руку Агрономскаго, но тотъ быстро и легодующе отдернулъ ее, точно бы съ испугу.

— Что это вы?!. Руку?.. Зачѣмъ?.. Никогда!.. Это стыдно! Это позоръ! Это безнравственно! — заговорилъ онъ благородновозмущеннымъ тономъ, никогда ни у кого не цѣлуйте руки, даже у отца родного! Это унижаетъ ваше человеческое достоинство, это остатки гнуснаго крѣпостного рабства. Никогда и ни у кого, — слышите ли?!

И онъ на минуту замолкъ, безсилно опустивъ утомленную голову на руку и тѣмъ показывая видъ, будто ему необходимо, послѣ такой потрясающей сцены, успокоить свое возмущенное чувство и привести въ порядокъ сбитыя со стройнаго пути мысли.

Удивленная Тамара, молча, во всѣ глаза глядѣла на всю эту ходульную продѣлку попечителя, не зная еще, вразвѣду ли ему дурно, или онъ только такъ притворяется, рисовки ради. Она уже хотѣла было предложить ему

стулъ и стаканъ воды, но тутъ Агрономскій, какъ бы очнувшись отъ своего напускного полузабытья, глубоко и томно вздохнулъ, проводя по глазамъ и по лбу ладонью. Онъ сдѣлалъ видъ, будто вовсе не замѣчаетъ удивленнаго взгляда учительницы и, собравшись съ духомъ, снова обратился къ ученикамъ.

— И такъ, молодые друзья мои,—менторски и даже съ умаленною нѣжностію продолжалъ онъ уже успокоеннымъ, но въ началѣ нѣскольکو утомленнымъ голосомъ,—подъ именемъ сокола должно разумѣть господъ, баръ, генераловъ тамъ разныхъ, губернаторовъ,—вообще, дворянство и высокое чиновничество. Такихъ людей называютъ также аристократами,—запишите у себя въ тетрадки это слово, чтобы лучше запомнить, *а-рис-то-кра-ты*. Вотъ такъ, хорошо!.. Но аристократы—это уже тѣ, что очень высоко летаютъ, выше обыкновенныхъ дворянъ,—это князья, графы, бароны, разные тамъ сѣятельныя и, такъ называемыя, «высокія» лица. Это вотъ они-то и есть тѣ орлы, про которыхъ говоритъ ястребу соколъ,—«только мы да орлы здѣсь царимъ». А орлы—такія же хищныя птицы, какъ и соколы, одного семейства, только еще похрустѣе да посильнѣе. Ну, а ястребъ—это уже мелкая сошка. Это какой-нибудь чиновничушка, что взятки съ васъ деретъ, напримѣръ: исправникъ, становой, квартальный офицерушка, урядничушка, пожалуй, и т. п. Но почему же ястребъ говорить соколу, что все же они родня между собой?—Потому, друзья мои, что всѣ они одинаково пьютъ кровь народную... Курчата тамъ и прочая мелкая птичка—это мы съ вами, народъ беззащитный, отданный всѣмъ этимъ хищникамъ на добычу и растерзаніе. Разница между кровопійцами нашими только та, что какой-нибудь становой деретъ съ живого и съ мертвого въ одномъ своемъ станѣ, а губернаторъ, напримѣръ,—ну, тому подавай уже всю губерцію! Большому кораблю большое и плаваніе. Ну, и подумайте, какія вы чувства можете послѣ этого питать ко всѣмъ подобнымъ людямъ? Можете ли любить ихъ, уважать ихъ. Можете ли желать, чтобы они продолжали и впредь тиранствовать надъ вами, надъ отцами вашими, надъ всѣмъ народомъ нашимъ?—Разумѣется, нѣтъ! Кто же врагъ себѣ!—Надо, напротивъ, желать и общими силами стремиться, чтобы такой ненавистный порядокъ скорѣе кончился. А какъ это сдѣлать, мы договоримъ когда-нибудь въ другой разъ. Ну-съ, понятна ли вамъ, мои милые, теперь эта побаска, что мы читали?

Но никто изъ учениковъ на этотъ вопросъ ему не отвѣтилъ, никто не поднялся съ парты, какъ это бываетъ, если кто хочетъ отвѣтить или спросить что-нибудь у преподавателя. Агрономскій тщетно ожидалъ такого подвѣтѣ, возпросительно обводя весь классъ глазами. Уче-

ники, очевидно, не были подготовлены къ такому объясненію побаски и потому не успѣли еще, что называется, переварить его и усвоить себѣ какъ должно. Они только глядѣли недоумѣлыми глазами на попечителя и софліи носомъ.

— Ну-ка, вы, мой милый,—обратился онъ къ Петру Чалыхъ.—Скажите-ка мнѣ, поняли вы мое объясненіе?

— Поняли,—какъ-то неувѣренно отвѣтилъ ему мальчикъ.

— Кто же будетъ соколъ?

— Дворяне, князья, губернаторъ...

— А ястребъ?

— Становой, урядникъ и прочіе.

— А мы съ вами кто будемъ?

— Куры будемъ, цыплята...

— А народъ-то кто же будетъ?

Мальчикъ запнулся и молчалъ, не зная, что отвѣчать.

— Ну, конечно, все тѣ же куры и цыплята, и всякая мелкая птица,—то-есть, опять же таки мы съ вами. Понятно ли вамъ теперь, мои милые?—обратился онъ ко всему классу.

— Понятно!.. Очень явственно даже,—отвѣтили нѣсколько голосовъ съ разныхъ скамеекъ.

— Такъ вотъ что собственно надо! Вотъ въ чемъ состоитъ развивательный методъ!—дружески наставительно обратился къ Тамарѣ Агрономскій, очень довольный собою.

Но дѣвушка не нашлась даже, что ему отвѣтить. Она теперь испытывала только крайнюю растерянность, точно бы ее завели въ какую-то трущобу, завертѣли тамъ, замотали, окончательно сбили съ толку и бросили,—и она не знаетъ, не можетъ дать себѣ отчета, гдѣ правая сторона, гдѣ лѣвая, куда идти, что дѣлать и кому, наконецъ вѣрить, книжки говорить одно, старикъ Макарій другое, этотъ третье... А вѣдь онъ—власть, онъ—сила, начальство... Гдѣ же, у кого и въ чемъ тутъ правда и чего хотѣть отъ нея?

Агрономскій, однако, такъ увлекся самимъ собою, что не замѣчалъ ея состоянія.

— Въ книжкахъ вашихъ,—продолжалъ онъ,—можно воспользоваться какимъ хотите, самымъ невиннымъ даже, текстомъ, любую даже басню Крылова, чтобы объяснить ее по-своему, въ извѣстномъ смыслѣ: здѣсь все зависитъ только отъ находчивости и остроумія самого преподавателя, отъ его умѣнья примѣняться къ обстоятельствамъ и пользоваться ими. Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—мы съ вами, надѣюсь, поговоримъ еще объ этомъ подробнѣе и обстоятельнѣе какъ-нибудь на досугѣ.

И онъ, кстати, сообщилъ ей, что предполагаетъ устроить у себя на святкахъ маленькій учительскій съѣздикъ,—совершенно, знаете, частнымъ образомъ, безъ всякихъ тамъ официальныхъ разрѣшеній и оповѣщеній, а просто-

себя, подъ видомъ интимнаго пикника, у себя въ усадьбѣ... И изъ бабегонскихъ кое-кто придетъ... Вотъ и васъ пригласимъ тоже, тогда и потолкуемъ, и повеселимся.

Она стала уже было прощаться, какъ вдругъ нарочно-разсѣянный взглядъ его, окидывая зачѣмъ-то всю классную комнату, остановился точно бы случайно на портретѣ государя, — и Агрономскій какъ бы весь загнулся на немъ, напуская для чего-то на себя выраженіе удивленнаго недоумѣнія. По этому искусственному его выраженію Тамара поняла, что это у него одно притворство, и даже не совсѣмъ искусное, что, по всей вѣроятности, на портретѣ обратилъ онъ свое вниманіе гораздо раньше, но дѣлаетъ зачѣмъ-то видъ, будто нечаянно замѣтилъ его только сію минуту.

— Это что жъ такое? — пробормоталъ, между тѣмъ, себя подъ носъ Агрономскій удивленнымъ и недовольнымъ тономъ, и, избѣгая какъ-то встрѣтиться глазами съ учительницей, точно бы изъ боязни, чтобы она не испортила ему эффектъ своимъ преждевременнымъ отвѣтомъ, поспѣшно кивнулъ въ классную сторожа.

Тотъ вошелъ съ его енотовой шубой, гаруснымъ шарфомъ и глубокими галошами.

— Скажите мнѣ, голубчикъ, почему это портретъ у васъ повѣшенъ? — обратился онъ къ Ефимичу самымъ, повидимому, кроткимъ и душевнымъ образомъ. — Кто вамъ позволялъ, если я просилъ васъ припрятать его подалеже?.. Кто это распорядился такъ безъ меня? Кто приказалъ вамъ?

Старый служивый молчалъ — ему не хотѣлось выдавать Тамару.

— Жаль, очень жаль мнѣ васъ, другъ мой! — съ сочувственнымъ вздохомъ подождалъ, покачивая головою, Агрономскій — Очень, очень жаль... сердечно жаль... Н-но... что же дѣлать, когда вы сами себя не жалѣете! И если вамъ теперь придется разстаться со своею должностію, то кто же будетъ виноватъ? — Ужъ, конечно, не я, мой милый! Я съ своей стороны — вы знаете, вы должны это помнить — я неоднократно дѣлалъ для васъ всякое снисхожденіе. Вѣдь вы, вонъ, и по водочкѣ любите пройтись; однако я на эту слабость вашу смотрѣлъ сквозь пальцы, — каюсъ! — да, сквозь пальцы, единственно изъ состраданія къ вашему инвалидному положенію, изъ-за того, что васъ, такого заслуженнаго воина, стараго севастопольца, начальство ваше вышвырнуло, при старости вашихъ лѣтъ, на улицу, на побирательство именемъ Христовымъ, безъ всякаго попеченія и призора за всю вашу службу, — вы это понимаете?.. Я первый принялъ въ васъ живое участіе и рекомендовалъ сельскому обществу на эту должность, — вы это знаете. Ну, а теперь ужъ извините, — умышленнаго неповиновенія и нарочнаго нарушенія моихъ распоряженій я не потерплю. Мнѣ, повторяю,

очень жаль васъ, такого почтеннаго старика, заслуженнаго ветерана, но что же дѣлать! — Пенайте на себя, мой драгоценнѣйшій!

Въ рѣчи Агрономскаго слышалось какое-то меланхолическое издѣвательство надъ старымъ солдатомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, зудѣла вовсе посторонняя, чисто академическая злоба на какое-то отвлеченное его «начальство», какъ на «начальство вообще», не безъ ехидной, можетъ быть, цѣли расшевелить и въ старикѣ такую же злобу противъ того же абстрактнаго «начальства», а самого себя поярче выставить, какъ благодѣтеля, и тѣмъ заставить его пасть себѣ въ ноги. Но Ефимичъ, не обмолвившись во время этой рѣчи ни единымъ словомъ, продолжалъ упорно молчать и по ея окончаніи, угрюмо и туповато глядя на Агрономскаго.

— Что жъ вы молчите, мой милѣйшій? Я васъ, кажется, русскимъ языкомъ спрашиваю, кто приказалъ вамъ нарушить мое распоряженіе?

Но тутъ неожиданно для всѣхъ выступила впередъ Тамара.

— Виноватъ не Ефимичъ, а я, — заявила она съ полнымъ спокойствіемъ и твердостью. — Это я повѣсила портретъ на мѣсто.

Агрономскій сейчасъ же устроилъ себѣ притворно-удивленную физиономію, точно бы онъ никакъ не ожидалъ отъ «народной учительницы» такого поступка. Тамарѣ, однако, еще раньше было ясно, что, замѣтивъ портретъ на стѣнѣ, Агрономскій долженъ былъ прекрасно понять, чья это инициатива, а потому и вся его рѣчь, въ сущности, читалась вовсе не для Ефимича, но косвеннымъ образомъ по ея собственному адресу, чтобы она сразу почувствовала и зарубила себѣ на память, чѣмъ могутъ пахнуть для нея ослушаніе его капризамъ и вообще самостоятельный образъ дѣйствій по школѣ.

— Вы?! — произнесъ онъ, стараясь еще болѣе подчеркнуть свое удивленіе.

— Я, — подтвердила ему Тамара. — Ефимичъ тутъ не при чемъ.

— Какъ не причѣмъ? — возразилъ Агрономскій. — Нѣтъ-съ, извините, при чемъ, и очень даже при чемъ. Вы могли и не знать, но онъ обязанъ былъ предупредить васъ о моемъ распоряженіи.

— Онъ и предупреждалъ меня, — заступилась она за солдата.

— Да?! — притворно расширилъ на нее глаза понечитель. — Предупреждалъ? Тогда это совершенно измѣняетъ картину дѣла... Такъ онъ дѣйствительно предупреждать васъ?

— Дѣйствительно предупреждалъ, — удосто- вѣрила Тамара.

— И тѣмъ не менѣе, вы все-таки повѣсили... Хм!..

— Повѣсила своими собственными руками, потому что, признаюсь, даже не повѣрила ему,

подумавъ, что онъ, вѣроятно, не такъ васъ понялъ и что-нибудь путаетъ.

— Ахъ, это напрасно! — соболѣзновательно закатилъ Агрономскій оводъ идеальные глазки. — Совершенно напрасно!.. И мнѣ *очень* жаль, зачѣмъ вы это такъ поступили, — отъ васъ я никакъ не ожидалъ... Меня это очень, очень удивляетъ.

— Извините, я не понимаю, что-жъ тутъ такого? — показала она плечами. — Развѣ это преступленіе какое, повѣсить царскій портретъ на свое мѣсто, развѣ что онъ есть въ школѣ?

— О, нѣтъ! — со сладостною улыбкой поспѣшилъ опровергнуть ее Агрономскій. — Всѣ мы, конечно, «вѣрнопопдаанные», и съ этой точки зрѣнія не можетъ быть никакого вопроса.

— Такъ въ чемъ же тогда дѣло?

— Дѣло очень просто съ: причина тутъ чисто хозяйственная, но никакъ не политическая, если вы думаете, — съ тонко иронической и лукавой усмѣшкой вильнувъ онъ въ сторону, — дескать, мени ты, матушка, не поймаешь, не на такого напала!

— Я ничего подобнаго не думаю и не смѣю думать, — сухо и даже обиженно замѣтила она, — но я просто не понимаю, въ чемъ моя вина, и прошу объяснить мнѣ.

— А вотъ, извольте-съ видѣть, — началъ онъ. — Въ Княжевской школѣ ученики, играя въ классной комнатѣ въ мячъ, разбила однажды стекло на портретѣ, а оно стоить рубль семьдесятъ пять копеекъ, легерное-съ. Кто именно разбилъ — не дознались; разыскать, значитъ, нѣ съ кого, управа на свой счетъ убытка не приняла, и пришлось пополнить его на счетъ учительницы — не донускай, значитъ, игры въ классной! — а она дѣвушка очень бѣдная, и заплатить такую сумму для нея было очень чувствительно. — Извольте ли видѣть. — Такъ ужъ поэтому, во избѣжаніе повторенія гдѣ-либо подобнаго случая, и жалѣя бѣдный учительскій карманъ, я и распорядился снять во всѣхъ школахъ царскіе портреты, а вывѣшивать ихъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, по моему приказанію, — по крайней мѣрѣ, сохранитѣе будутъ. Теперь понимаете-съ? — взглянулъ онъ на Тамару съ лукаво-васмѣшливой улыбкой, — дескать, что вяда, голубушка! Не ожидала такой грибъ скушать?

Та очень хорошо поняла, что это объясненіе у него чисто официальное, быть можетъ, нарочно даже придуманное имъ въ свое время, на случай запроса со стороны правительственныхъ лицъ, и что если въ Княжевской школѣ и былъ дѣйствительно когда-нибудь такой случай, то Агрономскій, несомнѣнно, только сумѣлъ воспользоваться имъ ловкимъ образомъ для удаленія, подъ удобнымъ предлогомъ, изъ школъ не нравящихся ему изображеній. Сомнѣніе это неволью отразилось на ея лицѣ — и

мысль ея, казалось, была уловлена и понята Агрономскимъ, который поспѣшилъ поэтому досказать ей, что къ тому же, именно этотъ портретъ не нравится ему еще и по своей анти-художественности, онъ даже и не похожъ, не тѣ черты, не тотъ характеръ лица, и что если ужъ вѣшать, такъ что-нибудь порядочное, достойное высокаго сюжета, а не лубочное изображеніе, которое можетъ только портить эстетическій вкусъ мальчишковыхъ.

— А вотъ, если управа выпишетъ намъ со-временемъ хорошіе олеографическіе портреты, въ золоченыхъ рамкахъ, подъ коронами, тогда мы ихъ съ удовольствіемъ повѣсимъ и будемъ хотъ молиться на нихъ, если прикажутъ.

Тамара замѣтила на это, что въ ожиданіи лучшаго, можно бы, однако, пользоваться пока и тѣмъ, что есть, хотъ оно пускай и не вполне удовлетворяетъ строго художественному вкусу, и тѣмъ болѣе, что у нея ученики въ классной комнатѣ въ мячъ не играютъ, а царскому портрету очень рады, да и отцы ихъ тоже.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ужъ пожалуйста вы мнѣ не противорѣчьте! — поспѣшно замахалъ на нее руками Агрономскій и даже уши себѣ закрылъ ладонями, точно бы и слушать дажѣ не хотеть. — Вы ужъ потрудитесь, — прибавилъ онъ въ видѣ дружеской, но внушительной просьбы, — въ точности исполнить распоряженія школьнаго начальства, если не желаете ссориться со мною.

И затѣмъ, обратясь къ Ефимычу, приказалъ ему тутъ же, при себѣ, снять портретъ со стѣны и убрать подальше.

— Н-ну-съ, а затѣмъ, — повернулся онъ къ Тамарѣ, весьма любезно протягивая ей руку, — надѣюсь, мы съ вами будемъ добрыми друзьями, особенно, когда покороче узнаемъ другъ друга... и я увѣренъ, что вы постараетесь оправдать на дѣлѣ лестную рекомендацію Агриппины Петровны, которой мы привыкли вѣрить безусловно... Одно уже ея имя, повторяю, гарантируетъ вамъ нашу дружбу, хотя замѣченныя мною кое-какія шероховатости... Ну, да впрочемъ, — перебилъ онъ самого себя, — желаю вѣрить, что это не болѣе, какъ дѣло недоразумѣнія и сгладится со-временемъ само собою... До свиданья-съ!

X.

Среди сомнѣній.

Распустивъ, вслѣдъ за отъѣздомъ Агрономскаго, учениковъ по домамъ, Тамара сейчасъ же пошла къ «батьшкамъ» рассказать о «со-бытіи» и подѣлиться своими впечатлѣніями. Она все еще чувствовала себя совершенно

сбитою съ толку и была полна удручающими сомнѣніями.

Кто-жъ теперь будетъ судить, правильна ли избранная ею система, и гдѣ тотъ высокоавторитетный судья, слову котораго она могла бы безусловно повѣрить? Отецъ Макарій утверждаетъ, что правильна; но еще бы ему-то не утверждать, если его же собственныя вліянія, его же внушенія и направили Тамару на этотъ путь преподаванія!.. Затѣмъ, крестьяне, очевидно, довольны ея системой, высказываютъ ей это, благодарятъ ее; мальчики дѣлають замѣтные успѣхи и въ чтеніи, и въ письмѣ, и въ пыфири,—казалось бы, чего же еще! И самой ей до сегодня тоже казалось, что путь ея наиболѣе правиленъ,—по крайней мѣрѣ, онъ ей болѣе по душѣ, симпатичнѣе всякаго другого. Но, можетъ быть, она и ошибается, именно потому, что поддается своимъ собственнымъ симпатіямъ. Собственныя симпатіи еще не ручательство за непогрѣшимость. И вотъ, является Агрономскій, до нѣкоторой степени авторитетъ, какъ членъ училищнаго совѣта, какъ извѣстный уже «дѣятель» по земско-народному образованію, ко взглядамъ и мнѣніямъ котораго считаютъ нужнымъ прислушиваться не только на земскихъ собраніяхъ, но даже и въ такихъ авторитетныхъ органахъ печати, какъ «Россійскія Вѣдомости», «Голосъ Петербурга», «Курьеръ Европы», «Наша Страна» и «Правовой Порядокъ», — является и сразу рѣшаетъ, что она и понятія не имѣетъ о научныхъ основахъ современной здравой педагогіи, стоятъ на ложной дорогѣ, на ложномъ принципѣ и только портить довѣренное ей дѣло. Господи, да что-жъ это такое?! Неужели правда?!.. Агрономскій предъявляетъ ей отъ имени земства совсѣмъ другія требованія и тоже находитъ для нихъ достаточные резоны, — вѣрить ему, или не вѣрить?.. Еслибы это было его единоличное мнѣніе, — ну, положимъ, онъ могъ бы и заблуждаться; но вѣдь то, что говоритъ Агрономскій, можно встрѣтить и въ педагогической, и въ общей журналистикѣ, и въ кругу педагоговъ; между собственными учителями Тамары въ Украинской гимназіи были такіе, что держались подобныхъ же взглядовъ, — да ~~потѣ~~ ^{хоть} бы Охрименко! — и множество педагоговъ слѣдуютъ той же системѣ, вся Европа, наконецъ, какъ справедливо замѣтилъ Агрономскій, — въ Германіи Kulturkampf, во Франціи лаическія школы, одни мы только назади со своимъ классицизмомъ, противъ котораго рѣшительно всѣ: и отецъ Никандръ, и даже самъ о. Макарій, — о. Макарій, кому всякое слово Каткова свято, и тотъ противъ!..

Такъ ли ужъ безусловно неправъ Агрономскій, какъ кажется о. Макарію, а вслѣдъ за о. Макаріемъ, и ей самой казалось?.. Не ведетъ ли она свою школу, и въ самомъ дѣлѣ, че-

резчуръ уже консервативнымъ, даже ретрограднымъ путемъ?.. Можетъ быть, такое направленіе вовсе даже не въ видахъ правительствѣ?.. Можетъ быть, правительство само желаетъ посредствомъ школы пересоздать и исподволь перевести народъ на новую дорогу, воспитать въ немъ чувство гражданственности и вообще прогрессивныя чувства и мысли, чтобы дать ему конституцію?.. Можетъ быть, все это именно такъ и надо, какъ совѣтуетъ Агрономскій, а она только мѣшаетъ дѣлу своимъ непониманіемъ? Вѣроятно, такъ. Да если бы было иначе, развѣ правительство терпѣло бы такихъ попочителей и такіе училищные совѣты? Развѣ въ его рукахъ нѣтъ власти и средствъ измѣнить все это, еслибы оно захотѣло?!

Но отецъ Макарій не соглашался съ нею и, разгорячившись въ спорѣ, обозвалъ всѣхъ этихъ Агрономскихъ и тому подобныхъ Тушинскими ворами.

— Они вамъ прикинутся всѣмъ, чѣмъ хочешь, — говорилъ онъ, — всякую шкуру на себя надѣнуть, чтобы легче было пакостить исподтишка, если гдѣ нельзя пока явно... Слушать ихъ совѣтовъ, такъ это себѣ же на гибель. Изъ-за такихъ-то совѣтовъ сколько уже погибло вашего брата, народныхъ учителей да учительницъ: кого въ казематъ засадили, кого въ не столь отдаленныя отправилъ, кого подъ надзоръ, а господа Агрономскіе, между тѣмъ, — посмотрите ка, — сидятъ себѣ на мѣстахъ да благоденствуютъ! Муть эта имъ на-руку, потому рыбу въ ней ловить куда способнѣе!..

Старикъ, увлекшись споромъ и опровергая доводы Тамары, которую отъ души было ему жалко, говорилъ съ полною искренностью и глубокою вѣрою въ то, что говорить и что составляло для него результатъ долгой житейской опытности. Горячая любовь къ Россіи, такой, какою создала ее исторія, сочувствіе къ народу вмѣстѣ съ пониманіемъ всѣхъ его недостатковъ и строгое уваженіе къ извѣчнымъ, заветнымъ идеаламъ этого народа — одушевляли сегодня его рѣчи и доводы, такъ что Тамара только диновалась на него: ни разу еще не видала она его столь затронутымъ живое, столь горячо убѣжденнымъ и даже краснорѣчивымъ по-своему. — Откуда только что бралось у этого старика, всегда столь тихаго, благодушно спокойнаго и скромнаго!.. И слушая его она опять, невольнымъ образомъ поддавалась его доводамъ, чувствуя въ нихъ какую-то внутреннюю, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ еще ею усвоенную, правду, относительно того, что нужно народу и чего этотъ народъ хочетъ. Ея сомнѣнія, одно за другимъ, начинали падать, и въ колеблющейся душѣ опять возрождались рѣшимость идти своимъ путемъ въ дѣлѣ народной школы, какъ шла доселѣ. Но какъ же быть тогда съ Агро-

номским? Вѣдь онъ уже сегодня достаточно ясно далъ понять ей, что не потернѣтъ уклоненія отъ своихъ требованій, которыя, по его словамъ, въ то же время и требованія земства. Что-жъ тутъ дѣлать? Уйти, отказаться отъ мѣста?—Хорошо, но чѣмъ же она въ такомъ случаѣ будетъ существовать? Гдѣ и когда-то еще найдетъ себѣ какое-нибудь занятіе? А вѣдь ей жить надо, ей нуженъ хлѣбъ насущный... Вѣдь если ее прогонятъ отсюда, съ этого мѣста, то это раздавитъ ее, какъ червяка какого, и кто же послѣ того въ земствѣ дастъ ей пріютъ и должностъ?.. Послѣдовать программѣ Агрономскаго — это, по словамъ отца Макарія, значить развращать мальчиковъ, дѣлать изъ нихъ ни то, ни се, людей отъ одного берега отставшихъ, къ другому не приставшихъ, да еще, кромѣ того, насильственно прививать имъ злобу къ существующему порядку, благодаря которой выйдутъ ли изъ нихъ революціонеры на западный манеръ—еще неизвѣстно, но что изъ многихъ выйдутъ формальные бездѣльники и негодяи, въ тягость себѣ и своимъ сельскимъ обществамъ,—это навѣрное. Поэтому послѣдовать безусловно совѣтамъ Агрономскаго, въ особенности теперь, послѣ такой бесѣды съ о. Макаріемъ, ей претило какое-то внутреннее чувство, совѣсть не позволяла. А идти путемъ, на который указываетъ о. Макарій,—это равносильно лишенію мѣста. Какъ же тутъ быть и что дѣлать?

— Помирить одно съ другимъ, — полупуштя, полу-серьезно посоветовалъ молодой батюшка.

Дѣвушка вскинула на него взглядъ, полный недоумѣнія и упрека.—Какъ кому, а ей теперь совѣтъ не до шутокъ!

— Да вѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, — продолжалъ онъ, поясняя свою мысль. — Что-жъ тутъ остается иначе?.. Крестьяне желаютъ церковнаго пѣнія, а земскіе педагоги — побасокъ. Ну, что-жъ, присоедините къ вашему пѣнію нѣсколько хорошихъ народныхъ пѣсень, нѣсколько подходящихъ стихотвореній Пушкина, Лермонтова, басенъ Крылова, — худа въ томъ не будетъ никакого, и сказать вамъ противъ этого никто ничего не посмѣетъ.

— Да я и сама думала дѣлать то же, — замѣтила Тамара.

— А думалъ, тѣмъ лучше! — Значить, и дѣлайте!.. Или вотъ тоже, — продолжалъ о. Никандръ. — Крестьяне желаютъ, чтобъ учили церковно-славянскому чтенію, а педагогамъ оно не по нутру. Хорошо-съ: у меня вотъ есть «Слово о полку Игоря» славянскимъ шрифтомъ, — воспользуетесь на первый случай хотя бы имъ и станете читать въ классѣ, чередуясь съ Минеемъ, — все же упражненіе, практика! — и опять-таки никто придратъ не можетъ, а Агрономскому, между тѣмъ, глотку

заткнете, лишивъ его права кричать, что вы ему черезчуръ уже церковите школу. — Нѣтъ, молъ, врешь, сударь, у насъ и то и другое равномѣрно!.. А затѣмъ, держитесь во всемъ остальномъ только одобренныхъ учебниковъ да рекомендованныхъ «книгъ для класснаго чтенія», безъ всякихъ особенныхъ комментарій, вотъ и только.

— Да, легко сказать!.. А если онъ этихъ-то комментарий и требуетъ? — возразила Тамара — Онъ, послушайте-ка, что говоритъ: самую невнятную вещь, говоритъ, можно объяснить по-своему, въ извѣстномъ смыслѣ; это, говоритъ, зависитъ только отъ находчивости и остроумія преподавателя.

— Ну, что-жъ дѣлать, «извините, молъ, господинъ Агрономскій, если я не настолько остроумна и находчива, какъ бы вамъ хотѣлось!» — входя въ роль учительницы, поклонилась съ разводомъ рукъ о. Никандръ предъ воображаемымъ попечителемъ. — «Но я, молъ, отъ данной мнѣ программы не отступаю и преподаю по книжкамъ, присланнымъ управою и рекомендованнымъ самимъ же вашимъ Совѣтомъ». Можетъ быть, онъ и будетъ морщиться, но сдѣлать вамъ за это ничего не посмѣетъ, и носа подъ васъ не подточитъ.

— Да, пожалуй, что вы и правы, — подумавъ, согласилась съ нимъ дѣвушка. — Но все-таки, вѣчно балансировать на такомъ канатѣ и жить подъ страхомъ, что не сегодня-завтра тебя прогонятъ, что ты всецѣло зависишь отъ чьего-то тамъ каприза, — это слишкомъ тяжело, это ужасно!..

— Позвольте, — перебилъ ее о. Никандръ. — А госпожа-то Миропольцева на что?!. Вѣдь вы говорите, онъ вамъ дважды самъ поминалъ ее сегодня: ею началъ, ею и кончилъ.

— Да, но что-жъ изъ этого? Жаловаться ей я не стану, да она мнѣ и не поможетъ, — спасибо и за то, что походатайствовала, на мѣсто опредѣлила.

— Во-во-вотъ оно-то и есть! — весело воскликнулъ о. Никандръ — Это главное, что опредѣлила, въ этомъ-то и вся сила ваша! А жаловаться ей вовсе вамъ не нужно, — зачѣмъ!? — Да и ей помогать вамъ больше не потребуется.

Тамара извинилась, что ей не совѣтъ-то ясно, что собственно хочетъ сказать этимъ батюшка?

— А то и хочу, что они считаютъ васъ ея протежѣ, — пояснилъ онъ. — Понимаете? — Значить, отнюдь не прогонятъ, не посмѣютъ прогнать, — будьте покойны!.. Она вѣдь тоже помѣщица наша.

Для Тамары это оказалось совершеннѣйшею новостью, которой она и не подозрѣвала.

— Какъ же-съ! — удостовѣрилъ батюшка. — Бабѣгонская-съ. Только вотъ не знаю, — давненько что-то въ имѣніе къ себѣ не жа-

хусть... а то, бывало, каждое хѣто у нея тутъ съѣзды!

— Такъ вотъ откуда у нихъ и связи съ нею!—домекнулась дѣвушка.

— Еще бы-съ! Они всѣ предъ этой Агрипиной прекрасной на заднихъ лапкахъ ходятъ, каждый изъ нихъ въ Питерѣ тамъ разныя дѣлишки свои черезъ нее обдѣлываетъ,—она имъ нужный человекъ, и важный человекъ, при томъ же.—Помилуйте, посмѣютъ они противъ ея желанія!.. Нѣтъ, ужъ чего-чего, а на этотъ счетъ вы можете быть совершенно покойны: не то что прогонять, а даже наваливать васъ будутъ передъ нею, ежели спросить.

На лицѣ Тамары, послѣ этихъ словъ, въ первый разъ сегодня появилась улыбка.

— Только сами-то вы,—продолжалъ о. Никандръ,—не дразните ихъ черезъ край уже «клерикализмомъ» этимъ самымъ.

Но тутъ перебилъ его о. Макарій:

— Дразнить?.. Дразнить тѣмъ, что говорить православнымъ дѣтямъ о Богѣ и вѣрѣ Христовой?.. Это клерикализмъ?! Да въ умѣ ли ты, отецъ Никандръ? Что ты совѣтуешь-то? Подумай!

— А что-жъ иначе дѣлать-то,—возразилъ тотъ.—Если имъ во всемъ нынче клерикализмъ да клерикальная партія мерещится? — Почитай-те-ка газеты!

— «Клерикализмъ»... Тфу, ты! словечко тоже избобрѣли, нечего сказать!.. Это въ православной-то Россіи «клерикальную партію» нашли, прости, Господи! Какъ словно духовенство православное можетъ быть «партіей» въ русскомъ государствѣ!.. Уши бы мои не слышали!.. До чего дожили!.. Нѣтъ Тamarушка!—сердечно, но и рѣшительно обратился онъ къ дѣвушкамъ.—Простите старика, что я васъ такъ отечески называю... Я къ вамъ—все равно, какъ къ дочери... Отъ сердца вырвалось.

— Зовите меня такъ всегда!.. И никогда иначе! — съ увлеченіемъ бросилась къ нему обрадованная и благодарная Тамара, протягивая для пожатія обѣ свои руки. Въ ея кругломъ сиротствѣ ей такъ отрадно прозвучало вдругъ это неожиданное ласковое имя, какъ точно бы услыхала она его изъ устъ родного, близкаго человека,—и невольно при этомъ возникъ въ ея воспоминаніи образъ дѣдушки, старика Бендавида, котораго она всегда такъ любила и любила...

— Я вотъ что хочу сказать вамъ,—продолжалъ, между тѣмъ, Макарій, отвѣчая на ея рукопожатіе,—не слушайте вы этихъ смутяновъ!.. И его,—живнулъ онъ на зятя,—и его не слушайте, коли онъ васъ будетъ учить носъ по вѣтру держать... Нѣтъ, дитя мое, будемъ продолжать съ вѣрой въ Бога вести дѣло такъ, какъ вели доселѣ!

— А вы, отецъ, возьмете ее къ себѣ на хлѣба, когда ее за это самое съ мѣста прогонятъ?—съ печальной и горькой ироніей спросилъ его о. Никандръ.—Вы дадите ей и кровъ, и пищу, и жалованье платить будете?

Старикъ откинулся нѣсколько назадъ, точно бы передъ нимъ вдругъ возникла кѣкая стѣна необоримая, и не нашелся, что отвѣтить. На какіе же хлѣба могъ бы взять ее онъ, самъ на хлѣбахъ у зятя живущій!..

— То-то же вотъ и есть!—мягко попенялъ ему послѣдній.—Смутяны-то выхожу не я... А я говорю только то, что сколь оно ни тяжело, а ничего не подѣлаешь, надо считаться съ дѣйствительностію!.. Поэтому мой совѣтъ вамъ,—продолжалъ о. Никандръ, обращаясь къ Тамарѣ,—держите себѣ ту среднюю линію, про которую я говорю,—и все, дастъ Богъ, пойдетъ прекрасно!.. А то, хотѣю, еще вотъ что!—оживленно спохватился онъ вдругъ, подъ напѣтомъ внезапно пришедшей идеи.—И въ самомъ дѣлѣ, это идея!.. Напишите-ка вы какъ-нибудь этой госпожѣ Мировольцевой письмецо одно, другое,—ну, хоть благодарственное тамъ, или поздравительное, что-ли, да только отправляйте черезъ управу, чтобъ они знали, что вы съ ней въ перепискѣ!.. Батюшки свѣты! Да тутъ уваженіе къ вамъ сейчасъ на пятьдесятъ градусовъ подымется, бояться васъ станутъ, ухаживать будутъ, этотъ самый Агрономскій—первый хвостомъ вляять начнетъ и ручки вамъ цѣловать!.. Попробуйте-ка, въ самомъ дѣлѣ, такъ вотъ и увидите!

Тамара даже разсмѣялась отъ этой мысли о. Никандра и представленной имъ комической картины.

— Ну, вотъ, и слава-те, Господи! — наконецъ-то солнышко на лицѣ у васъ проглянуло!—весело воскликнулъ онъ и, чтобы поддержать въ ней и во всѣхъ домашнихъ это прояснившееся настроеніе, снялъ со стѣны гитару, подстроилъ ее немножко и заплѣлъ цыганскую: «Очи черныя, очи лсныя».

— И совѣтъ тебѣ, попу, не къ лицу передъ барышнями такія пѣсни пѣть! — благодушно взяла и потаскала его за пушистую шевелюру «матушка» Анна Макарьевна.

— Не къ лицу?.. Ну, будь по-твоему!—покладливо согласился батюшка. — Стану, когда такъ, тебя величать! Воспою мою Анну-желанну, Богомъ мнѣ данну!

И ставъ передъ ней «въ позитуру» Аполлона Бельведерскаго, съ гитарой на-отмашъ, онъ съ комическимъ пафосомъ заплѣлъ, торжественно бряцая по струнамъ, свой нарочитый «стишокъ»:

Анна, желанна, сердцемъ пространна,
Люби же ты, Анна, меня, океанна!

XI.

Маленькій съѣзди́къ.

Накану́нъ сочельника дѣти были распущены по домамъ, и школа на все время рождественскихъ празднико́въ закрылась. На третій день Рождества, около полудня, вдругъ пожаловалъ туда г-нъ Агрономскій, въ сопровожденіи старшины, сельскаго старосты и сотскаго, и приказалъ Ефимычу попросить учительницу къ нему въ классную.

— А мы тутъ у васъ хотимъ маленькую пертурбацію произвести, — любезно обратился онъ къ Тamarѣ. — Нужно будетъ на время очистить эту комнату.

Та, не зная еще въ чемъ дѣло и въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій, только глядѣла на него съ выраженіемъ молчаливаго вопроса.

— Помните, я говорилъ вамъ насчетъ маленькаго съѣзда, — пояснялъ онъ. — Ну-съ, такъ вотъ, предполагается помѣстить тутъ у васъ четырехъ учителей, — вы ничего не будете имѣть противъ?

— Если это необходимо, — склоняя голову, поневоѣ согласилась Тамара, которой вовсе не улыбалась перспектива такого стѣснительнаго сосѣдства.

— Совершенно необходимо, — удостоверилъ онъ тономъ хотя и мягкимъ, но недопускающимъ дальнѣйшихъ возраженій, — совершенно-съ, потому что иначе никакъ не обойдемся. У меня въ домѣ больше нѣтъ свободнаго мѣста, все уже распределено и расписано, кому гдѣ, и вотъ, къ сожалѣнію, четверемъ человѣкамъ не хватаетъ помѣщенія. А тутъ у васъ цѣлый классъ свободенъ! Васъ это не стѣснить, надѣюсь, такъ какъ всѣ дни и вечера мы будемъ проводить тамъ, у меня, а сюда только на ночь. — Куда же имъ, бѣднымъ, дѣваться, сами согласитесь!

Тамара заявила, что если бы даже и стѣсняло, то что же дѣлать, когда нельзя иначе!

— Значитъ, вы согласны? — обрадовался Агрономскій. — Ну вотъ и прекрасно... А затѣмъ, и еще маленькая просьбонка! — слегка залезавъ на плечо, потирая себѣ ручки.

— Что прикажете? — отозвалась дѣвушка.

— Прошу-съ, *прошу*, — приказывать не смѣю! — съ усиленною любезностію поправилъ онъ ея выраженіе. — Дѣло въ томъ, что не пріютите ли вы у себя, кстати, и одну учительницу, которой тоже не хватаетъ мѣста?

— Отчего же, съ удовольствіемъ, — согласилась Тамара, — но замѣтила только, что у нея въ комнатѣ нѣтъ ни лишней постели, ни дивана, гдѣ могла бы помѣститься эта гостья.

— О, это ничего не значить! Это все вамъ доставить. — Вотъ, почтеннѣйшій нашъ Сазонъ

Флегонтовичъ, — любезно указавъ онъ на старшину, — это онъ уже всѣмъ распорядится... Онъ у насъ такой милый человѣкъ и другъ просвѣщенія, къ тому же, — всѣ хлопоты по этой части на себя возьмѣтъ... Кровати и сѣнники будутъ, — это онъ уже намъ раздобудетъ на селѣ, — ну, а насчетъ подушекъ тамъ, простынь, да одѣялъ, я уже оповѣстивъ учительскій персоналъ, чтобъ они все это съ собою захватили... У каждаго есть вѣдь какая-нибудь подушечка, да пледъ. Это-то не представляетъ затрудненій... Главное, теплый уголокъ былъ бы.

— Да ужъ это я распорядимся насчетъ дровъ, это не сумѣвайтесь! — отозвался польщенный «другъ просвѣщенія» не безъ самодовольнаго бахвальства. — Сегодня же начнемъ жарить всѣ печи, такъ что, — что твоя баня будетъ!

Агрономскій распорядился перенести черную доску къ себѣ въ усадьбу, для надобностей съѣзда, а парты убрать на время въ сарай, — и комната получила достаточно простора хоть бы и для восьми кроватей. Открытіе съѣзда предполагалось на слѣдующій день; но Тamarѣ, въ виду навязаннаго ей сожителства пяти постороннихъ лицъ, было главнымъ образомъ интересно знать, сколько времени можетъ онъ продолжаться.

— Это будетъ зависѣть отъ расположенія, — поморщился Агрономскій, — смотря какъ... дни два, можетъ и три, но больше-то едва-ли. Вѣдь тутъ главное доставить *вамъ* всѣмъ маленькое развлеченіе, — поспѣшилъ онъ пояснить ей съ елеюю улыбкой, — для нравственнаго, такъ сказать, освѣженія, чтобы съ новыми силами бодрѣе потомъ приняться за дѣло, — вотъ что-съ!.. Ну, и педагогическіе вопросы, конечно, — это ужъ само собою, — въ интересахъ общаго сближенія и общаго мысли... Знаете, для единства направленія въ преподаваніи, это очень важно. А вамъ въ особенности, — прибавилъ онъ, — будетъ полезно: познакомитесь съ товарищами, съ интеллигенціей нашей, — людей, по крайней мѣрѣ, увидите.

— Къ вечеру всѣ постели, собранныя у коекого изъ зажиточныхъ крестьянъ, были уже поставлены старостой на мѣсто, помыты, печи натоплены, — словомъ, какъ въ школѣ, такъ равно и въ барскомъ домѣ Агрономскаго, все уже приготовлено къ приему ожидаемыхъ гостей. А на слѣдующій день Тамара съ утра уже разновременно видѣла въ окно, какъ по селу плелись труппою къ усадьбѣ на одиночныхъ крестьянскихъ кляченкахъ, — кто на розвальняхъ, кто въ санкахъ, — сельскіе учителя и учительницы, закутавшись вылезавшіе въ свои пледы, со своими саками, узелками и чемоданчиками. Около часу дня, по направленію къ усадьбѣ же, прокатили вдоль села на двухъ тройкахъ съ бубенцами какіе-то,

должно быть городскіе, пріятелі Агрономскаго, съ двумя какими-то дамами, а за ними проковылялъ по ухабамъ закрытый со всѣхъ сторонъ возокъ стариннаго помѣщичьяго типа, на «собственныхъ» саврасыхъ выкорыпнахъ, Вскорѣ послѣ этого работникъ изъ усадьбы привезъ въ школу и сдалъ съ рукъ на руки Ефимычу скромные пожитки четырехъ учителей, а самъ заявилъ Тамарѣ, что «баринъ прислали-де по васъ лошадей и просятъ поскорѣе, всѣ уже собрались».

Легкія санки въ-одиночку живо доставили ее къ Агрономскому, гдѣ она застала уже довольно большое общество. Комнаты, въ которыхъ собралось это общество, во многомъ сохранили еще слѣды стариннаго барства, но, разумѣется, не изъ желанія со стороны новаго хозяина сохранить ихъ, какъ заветную память прошлаго (да и что могло быть тутъ для него заветнымъ?), а просто по невниманію и равнодушію къ нимъ, либо потому, что тотъ или другой остатокъ старины не успѣлъ еще пока получить у него болѣе утилитарнаго примѣненія. Высокіе потолки и стѣны съ лѣнными карнизами, со старинными люстрами по серединамъ, съ хрустальными бра и бронзовыми кенкетами въ простѣнкахъ, носили на себѣ въ иныхъ комнатахъ орнаментацию во вкусѣ рококо, а въ другихъ были росписаны въ классическомъ стилѣ «enfrise», изображая по угламъ и бордюрамъ жертвенные треножники, пламеники Гименея, голчаны Амура, да вакхическіе тирсы съ бубнами и масками въ гирляндахъ цвѣтовъ и винограда. На стѣнахъ висѣло нѣсколько законченныхъ картинъ въ массивныхъ, когда-то золоченыхъ рамахъ, и нѣсколько старинныхъ родовыхъ портретовъ, въ костюмахъ XVIII-го и начала нынѣшняго вѣка; но все это въ странномъ запущенномъ видѣ. Въ залѣ стояли англійскіе часы въ высокомъ деревянномъ футлярѣ, а въ углахъ, на мраморныхъ тумбахъ, бронзовые канделябры, въ видѣ египетскихъ обелисковъ, и фарфоровыя вазы старинной Невской фабрики. Мебель въ жанрѣ Louis XV, или Жакобъ, старинныя кресла и стулья краснаго дерева, либо корельской березы, съ деревянными спинками и подушками безъ пружинъ. Все это уцѣлѣло здѣсь еще со временъ дѣдовъ и прадедовъ нынѣшнихъ безпомѣстныхъ представителей рода Гвоздово-Самуровыхъ. Новый же хозяинъ внесъ сюда лишь нѣсколько фотографій, изображавшихъ, вѣроятно, его друзей и родственниковъ, да какой-то особенный патентованный спиртомѣръ, да еще разбросанные по всѣмъ подоконникамъ и, вообще, гдѣ попало отчеты и протоколы очередныхъ и экстренныхъ земскихъ собраній, номера «Голоса» и книжки либеральныхъ журналовъ. Самъ онъ похаживалъ теперь между своими гостями, что называется, голымъ, въ нѣсколько приподнятомъ, отчасти, даже торжественномъ

настроеніи, точно бы именинникъ. Онъ представлялъ Тамару всѣмъ своимъ гостямъ, въ числѣ которыхъ были почему-то двѣ земскія акушерики, и особо перезнакомилъ ее со всѣми учителями и учительницами. Учителя—все молодые люди—по большей части, отличались скромнымъ, неуклюже застѣнчивымъ видомъ и глядѣли вначалѣ бирюками, точно бы дивясь самимъ себѣ, — какъ это, молъ, попали мы въ такое большое общество и что изъ этого выйдетъ?.. Они каждый разъ неловко вставали передъ Агрономскимъ, если тотъ обращался къ кому изъ нихъ съ какимъ-либо вопросомъ, и разговаривали съ нимъ не плаче, какъ стоя. Видно было, что этотъ народъ, если и не чувствуетъ себя забытымъ, то съ непривычки вообще стѣняется передъ «начальствомъ». Зато учительницы держали себя гораздо развязнѣе и даже оами первыя заговаривали и зашучивали съ этимъ «начальствомъ», какъ бы желая показать передъ учителями и даже другъ передъ дружкой, что хотя оно и начальство, а мыѣ это все равно, я-де съ нимъ безъ чиновъ, со-всѣмъ запросто! Но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ порядочно-таки передъ нимъ лебезили и старались быть какъ можно любезнѣе; даже кокетничали съ нимъ по-своему. Учителя были одѣты скромно, но прилично, въ чистомъ бѣлѣ и черныхъ сюртукахъ, и только одинъ изъ нихъ, болѣе всѣхъ угрюмый и кашлатый, рѣзко отличался отъ остальныхъ своею вышитою рубашкой—косовороткой, отсутствіемъ галстука, клѣтчатымъ пиджакомъ и смазными сапожниками. Впрочемъ, и у остальныхъ сапоги были, болѣею частью, высокіе. Изъ четырехъ учительницъ двѣ оказались стриженными и въ очкахъ; но затѣмъ, въ остальномъ костюмѣ между всѣми четырьмя не замѣчалось почти никакого различія. На каждой изъ нихъ, поверхъ черной шерстяной юбки довольно узкаго и короткаго покроя, была надѣта сѣрая или синяя кофта, — въ родѣ рабочей блузы, стянутая кожанымъ кушакомъ, при совершенномъ отсутствіи корсета, такъ что темное кашемировое платье Тамары, несмотря на всю свою скромность, рѣзко выдѣлялось между ними своимъ, болѣе или менѣе, моднымъ фасономъ, изысканно обрисовывая стройную фигуру дѣвушки. Этотъ варіантъ ея составлялъ бы здѣсь совершенный диссонансъ, еслибъ не Марья Антоновна Шпидбартъ, — особа для педагогіи посторонняя, но приглашенная сюда собственно «для пріятной компаніи» земскихъ друзей г-на Агрономскаго. Это была одна изъ земскихъ акушеровъ,—дѣвица или дама весьма бойкаго и «моднаго» вида, съ золотымъ пенсне на носу, хотя и стриженная, но зато очень кокетливо завитая барашкомъ, и одѣтая даже съ извѣстнымъ «шикомъ» въ шелковое платье со шлейфомъ, и въ кокетливую полумужскую жакетку съ бархатными отворотами и шелковымъ

галстучкомъ на шей, изъ-подъ котораго спускалась длинная золотая цѣпочка отъ часовъ, а изъ нагруднаго карманка торчалъ наружу кончикъ пунцоваго фулара. Другая акушерка—крупная, краснощекая и круглоликая попова съ красными руками, — дѣвица изъ такъ называемыхъ «ядренныхъ», у которыхъ, какъ говорится, хоть орѣхи на плечѣ шелкай! — Эта хотя и приближалась по тону и ухваткамъ къ стриженнымъ учительницамъ, но «соблюдала себя» болѣе по-женски, отличалась, между прочимъ, роскошною косою, которая длиннымъ жгутомъ падала ей на спяну. Всѣ эти дѣвицы, для придавнн себѣ лучшей независимости, разговаривали и смѣялись нарочито громко и съ апломбомъ, ходили по залѣ очень бойко, размахивая руками, глядѣли самоувѣренно и безпрестанно дымили папиросами. Тамару, благодаря ей, не подходящей подъ ихъ шаблонъ, наружности, встрѣтили онѣ искоса и отнеслись къ ней съ самаго начала довольно сухо, за исключеніемъ, впрочемъ, нарядной Марьи Антоновны, которая сразу изъясняла даже нѣкоторую тенденцію взять ее какъ-бы подъ свое покровительство.

Кромѣ учительскаго и акушерскаго «персонала» здѣсь находились на лицѣ и нѣсколько пріятелей Агровомскаго, его соратниковъ по земству, изъ торжествующей, то-есть правящей партіи. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Ратафьевъ, съ почтенною наружностію крижеваго «русскаго человѣка», съ широкими скулами и маленькими медвѣжьими глазками, былъ достопримѣчателенъ тѣмъ, что ухитрился занимать одновременно чуть ли не до дюжины теплыхъ мѣстъ и хлѣбныхъ должностей въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ уѣзда. Будучи членомъ земской управы, онъ состоялъ, между прочимъ, товарищемъ директора общественнаго банка и бухгалтеромъ того же банка, и приходрасходчикомъ управы, и опекуномъ надъ имуществомъ какихъ то малолѣтнихъ, и членомъ конкурснаго управленія надъ дѣлами нѣсколькихъ несостоятельныхъ купцовъ, и почетнымъ мировымъ судьей, превратясь постепенно изъ простаго управскаго писца въ богатаго бабѣйгонскаго домовладѣльца и воротилу въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи.

Другой, г-нъ Семіоковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ «милаго Петра Ильича», или «милаго Пьеро», — высокій, не безъ умѣреннаго дородства, брюнетъ нѣсколько армянскаго типа, съ прелестными подкрашенными усами и вѣчно подвѣтою шевелюрой — кѣсками впередъ, въ томъ родѣ, какъ обыкновенно изображаются франты на провинціальныхъ парикмахерскихъ вывѣскахъ, одѣтый всегда изысканно, по модѣ самаго современнаго, но дурнаго тона, съ брильянтовыми запонками и множествомъ сверкающихъ самоцвѣтными камнями перстней и колецъ на короткихъ, припухлыхъ пальцахъ вы-

холенныхъ, бѣлыхъ рукъ. Воображая себя большимъ сердцеѣдомъ и, между прочимъ, покровительствуя подъ сурдинку Марьи Антоновны, г-нъ Семіоковъ ухитрился служить бесплатнымъ членомъ одновременно въ обѣихъ управахъ: и въ земской, и въ городской, — изъ одной-де безкорыстной любви къ «принципу зельфгувернмента». Но злые языки эту безкорыстную любовь объясняли тѣмъ, что «милый Петръ Ильичъ» очень любилъ братья за всякаго рода общественныя сооруженія «хозяйственнымъ способомъ» и вообще за всякія земскія и городскія дѣла и работы, если онѣ отдавались съ подряда. Является подрядъ въ земствѣ, — онъ, какъ «свой человѣкъ» обѣихъ управъ, очень обязательно доставляетъ «сходный» справочныя цѣны на весь потребный матеріалъ изъ городской управы въ земскую; открывается какая-либо работа для города, — «милый Пьеро» уже тутъ какъ тутъ со справочными цѣнами изъ земской управы въ городскую. Затѣмъ онъ приглашаетъ ту или другую управу къ себѣ на завтракъ, послѣ котораго келейно, съ глазу на глазъ, обуславливается круговая дѣлка между Петромъ Ильичемъ и приглашенными членами, — и выгодный подрядъ всегда благополучно остается за нимъ, какъ за самымъ «благонадежнымъ» и «добросовѣстнымъ» человѣкомъ, съ единогласнымъ устраненіемъ всѣхъ прочихъ конкурентовъ. Поэтому милаго Пьеро главно называютъ также «ходячую или перемѣтную справкой»; во насколько первыя двѣ клочки ему нравятся, настолько же послѣднюю онъ не любитъ, считая ее прямо за «даффамирующее его обстоятельство».

Третьимъ гостемъ, изъ самыхъ почетныхъ, являлся нѣкій гладенькій, члестенькій, всегда свѣже выбритый и надушенный старичекъ, съ отложными воротничками à l'enfant, съ младенческою улыбкой на устахъ, сложенныхъ всегда оитомъ, какъ будто-бы онъ собирается произнести французское слово «рошше», и съ глянцемъ на румяныхъ щечкахъ, дѣлавшихъ его похожимъ на крымское яблочко. То былъ Несторъ Модестовичъ Пихимовскій, снорачически уцѣлѣвшій какими-то судьбамистатокъ отъ прежнихъ помѣщичьихъ временъ, котораго крестьянская реформа, вмѣстѣ съ Герценемъ и Огаревымъ, сбили когда-то съ панталыку — даже до подачи «петиціи» о снятіи съ него дворянскихъ правъ, или о приравненіи таковыхъ къ правамъ крестьянскаго сословія, причемъ онъ такъ и остался безъ панталыку уже на вѣки, являя собою, въ нѣкоторомъ родѣ, либеральный земскій монца. На восьмомъ десяткѣ жизни и въ состояніи почти уже полнаго рамолисимента, онъ, подобно другу своему де-Казатису, тоже неукоснительно причислялъ себя къ «молодому поколѣнію» и вообще былъ очень озабоченъ тѣмъ, что о немъ подумаетъ

«молодое поколѣніе», что оно скажетъ и, въ особенности, что напишетъ о немъ въ газетахъ. И если въ какой-либо газетѣ появлялся о немъ порою отзывъ, хотя бы коротче воробьиного носа, какъ о либеральномъ земскомъ дѣятелѣ, онъ носился съ этимъ номеромъ, какъ «Хома съ писаною торбой», разбѣгая по всѣмъ своимъ знакомымъ и съ умиленіемъ показывая имъ лестныя для себя строки, — вотъ, дескать, вспомнили-таки, оцѣнили наконецъ и поняли!.. Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что это былъ человѣкъ чистаго сердца, мягчайшей души и невинѣйшаго мировоззрѣнія на практическую сторону жизни. Надувать его можно было сколько угодно — была бы только охота! — равно какъ и занимать у него деньги безъ отдачи, и этимъ, конечно, пользовались. Старый холостякъ и чуть ли не извѣстный дѣвственникъ, никогда не вкушавшій отъ древа познанія добра и зла, и потому крайне умѣренный въ личныхъ своихъ потребностяхъ, даже до такой степени, что не ѣлъ никогда никакого мяса, питая къ нему природное отвращеніе, — онъ обладалъ очень хорошимъ состояніемъ, котораго ему некуда было проживать и некому оставить, развѣ только какимъ-то внушатымъ племянникамъ. Поэтому онъ основалъ въ уѣздѣ на собственные средства «образцовую женскую школу рациональнаго мыловаренія», съ курсомъ химіи и «мыловѣдѣнія», отстранивъ ее роскошнымъ образомъ, въ изобиліи снабдилъ всѣмъ необходимымъ и, въ заключеніе, презентовалъ ее своему земству, продолжая ежегодно затрачивать немалыя суммы на поддержаніе этого въ сущности, ни на что и никому не дужнаго, своего дѣтища; но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы оно навсегда сохранило наименованіе «земской школы Пихимовскаго» и значилось бы подъ этимъ названіемъ во всѣхъ земскихъ отчетахъ. Въ этотъ состоялъ главное его самолюбіе. Кромѣ того, несмотря на свой рамолиментъ, а можетъ быть, именно вслѣдствіе такового, онъ выѣзжалъ себѣ какъ-бы въ священнѣйшій долгъ не пропускать, по возможности, ни одного земскаго собранія въ своемъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ и ни одного частнаго сѣзда земскихъ «дѣателей и сѣателей», если только сѣздъ этотъ мало-мальски могъ касаться «молодого поколѣнія». На всѣхъ такихъ собраніяхъ и сѣздахъ онъ непремѣнно «подымалъ вопросъ» о государственномъ значеніи спеціально женскаго, рациональнаго мыловаренія и о настоятельной необходимости пропагандировать его во всѣхъ земствахъ Россійской имперіи, дабы дать этой важнѣйшей отрасли государственнаго хозяйства возможно широкое распространеніе и полное примѣненіе. Обложженный и заткнутый ватой, обмотанный пуховымъ шарфомъ и окутанный мѣхами, онъ разбѣгалъ въ такомъ видѣ живой муміи по

земскимъ сѣздамъ и по своимъ знакомымъ — лѣтомъ въ старинномъ дормезѣ, зимою въ закрытомъ возкѣ, и всегда не иначе, какъ со здоровою, молодою мамкою, которая садилась съ нимъ рядомъ и обязанностью которой состояла въ томъ, чтобы кормить его грудью, когда запроситъ, и обтирать ему потомъ губы. Не кушая почти ничего, кромѣ манной каши, онъ увѣрялъ своихъ друзей, да и самъ, повидимому, былъ глубоко убѣжденъ, что женское молоко лучше всего поддерживаетъ его силы и даетъ энергію пропагандировать на общественныхъ сѣздахъ дорогое ему мыловареніе.

Поговоривъ о высокомъ значеніи «ученыхъ мыловарокъ» и вдосталь посочувствовавъ задачамъ и невзгодамъ «молодого поколѣнія», онъ выходилъ на время изъ залы засѣданія или изъ гостиницы добрыхъ знакомыхъ пососать грудь у своей мамки, все равно какъ отправляются люди покурить, и затѣмъ, если не засыпалъ на полчаса на ея груди, то всегда «возвращался къ вопросу». Не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи всѣ уже давно привыкли къ тому, что безъ этихъ либеральныхъ земскихъ мошей и безъ ихъ «мыловаренія» не обходится ни одно собраніе, и выходило даже такъ, что если какому-либо собранію желательно было придать особую помпезность или солидность, то оно казалось немыслимымъ безъ наличности сихъ земскихъ мошей, которыя какъ бы санкционировали его своимъ досточтимымъ присутствіемъ. Поэтому всѣ уже, такъ сказать, по преданію, относились къ нимъ со знаками благодушно-почтительнаго вниманія, а за спиною не менѣе благодушно подсмѣивались надъ «досточтимѣйшимъ младенцемъ» и его «воськой».

Нѣсколько поздне пріѣхали еще земскій врачъ мѣстнаго участка Гольдштейнъ, земскій провизоръ Гюнцбургъ и земскіе инспектора: сыроваренія — Миквицъ, технологія — Коганъ, лѣсоводства — Лифшицъ и земскій дорожный мастеръ Шапиръ. Всѣ они пріѣхали на одной тройкѣ, наглядно изображая собою во время пути если не сельдей въ боченкѣ, то пучекъ цыбулекъ въ кошникѣ, всѣ явили собою совершенно либеральныхъ и достаточно развязныхъ жидочковъ, всѣ, «какъ образовановали люди», даже очень довольно «зачувствовались» дѣлу народнаго просвѣщенія, и всѣ поэтому были встрѣчены хозяиномъ съ живѣйшимъ восторгомъ, какъ лучшіе друзья и пріятеля.

Для пріѣзжающихъ гостей еще съ утра были выставлены въ буфетной комнатѣ разныя консервыныя закуски и домашнія соленья и копченья, съ цѣлою батареей различныхъ водокъ «собственнаго» завода Агрономскаго, а для барышень — чай съ вареньемъ и бисквитами Алибера и цѣлый подносъ бутербродовъ съ сыромъ и колбасою. Барышни успѣли уже «сокрушить» стакана по три чаю и поѣсть

всѣ бутерброды, а «дѣятели и сѣятели» раза по три приложиться «съ дорожки» къ уѣмистымъ рюмкамъ и рассказать при этомъ другъ другу всѣ новости и сплетни своего уѣзда, обсулить вчерашнюю интересную партію въ винитъ у мирового, пересудачить отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, обругать и расписать враговъ, похвалить послѣднюю передовую «Голоса» и послать ко всѣмъ чертамъ ненавистнаго Каткова, переменить бока администраціи и правительству, уволить отъ министерства графа Толстого и словесно спасти погибающую Россію, съ помощью, конечно, самой либеральной конституціи и земства. Все это они уже совершили, какъ слѣдуетъ, даже выслушали мимоходомъ кое-что о спасительномъ для Россіи значеніи мыловаренія и сыроваренія, и находились теперь въ пріятномъ раздумьи—не дернуть ли, чортъ возьми, по четвертой,—а засѣданіе учительскаго съѣзда, между тѣмъ, все еще не открывалось, и несчастные, всѣмъ забытые сельскіе учителя, опасаясь, при всемъ желаніи, выпить въ присутствіи «начальства» даже по второй, чтобъ не сомлѣть неравно къ началу засѣданія, уныло торчали въ ожиданіи его рядкомъ на стульяхъ, или скучно бродили по залѣ, какъ сонныя мухи въ дождливый осенній день по оконнымъ стекламъ. Агрономскій поджидалъ еще почетныхъ своихъ гостей, въ лицѣ предсѣдателя управы де-Казатиса и уѣзднаго предводителя Коржакова, безъ которыхъ ему не хотѣлось приступить къ дѣлу. Но вотъ, слава Богу, пріѣхали наконецъ и они, да еще привезли съ собой и третьяго, тоже замѣчательнаго въ своемъ родѣ субъекта.

То былъ Ермолай Касьяновъ Передернинъ, земскій дѣлецъ, изъ «мужичковъ»—тѣхъ типичныхъ «мужичковъ-простаковъ» и «самородковъ», каковыми обыкновенно хвастаются квасные патриоты, когда хотятъ привести примѣры «русской» смыслености, находчивости, удали, дѣловитости и т. п. «Мужичекъ» этотъ хоть и кажется «простачкомъ», но всегда себя на умѣ и шельма прѣестественная, дотошно знающая, гдѣ раки зимуютъ и какъ ловить ихъ себя на пользу богобоязненнымъ способомъ, такъ что пальца въ ротъ ему не клади: благословясь, откусить. Ермолай Касьяновъ — красновато-рыжая, коренасто-приземистая фигура лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ красноватымъ лицомъ, которое отъ множества никогда не сходящихъ веснушекъ казалось тоже какимъ-то рыжымъ,—вышелъ въ «дѣятели» изъ простыхъ крестьянъ бабѣгонскаго уѣзда, и не потому, чтобы его «тянуло» кто-либо изъ «высокихъ» земцевъ, а просто самъ по себѣ, благодаря своему «талану» и «планидѣ». Но выйдя «въ люди», онъ остался вѣрять своему крестьянскому обычаю и привычкамъ, по средамъ и пятницамъ неукосни-

тельно рыгаль рѣдькою, ходилъ не иначе какъ въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ, что, однако, не мѣшало ему быть за панибрата со всѣми земскими «дѣятелями» и уѣздными чиновниками, загибалъ «слова» и рѣзалъ якобы по простотѣ «правду-матку», если находилъ это для себя выгоднымъ. Мужикъ плутоватый, мозговитый и дошлый, мастеръ на всякую изворотливую штуку, онъ отъ природы былъ тѣмъ, что называется тонко-продувною бестіей, и потому очень ловко и весьма быстро пролѣзъ изъ простыхъ «гласныхъ» въ «члены» земской управы, гдѣ и сдѣлался въ самомъ скоромъ времени рѣшительно необходимымъ, «золотымъ» человѣкомъ, такъ какъ въ корень понималъ сельскія дѣла и порядки и разносторонне, а главное, практически зналъ свой уѣздъ положительно лучше всѣхъ остальныхъ сочленовъ. Безъ него не вершилось тамъ никакого, мало-мальски важнаго, дѣла. Отъ земскаго пирога онъ откромсалъ на свою долю хотя и не казистую, но сытную краюшку, по части завѣдыванія вообще практическими дѣлами управы и черными работами, въ родѣ вывоза больничныхъ нечистотъ, очистки выгребныхъ ямъ и исправленія дорогъ и мостовъ «подрядно-хозяйственнымъ способомъ», то-есть съ подряда безъ торговъ, причемъ самъ же всегда являлся и подрядчикомъ, и наблюдающимъ за производителемъ и производствомъ работъ, и расходчикомъ ассигнованныхъ на нихъ суммъ, и уполномоченнымъ отъ земства контролеромъ надъ тѣми же суммами и работами. Въ результатѣ всего этого, у Ермолая Касьянова не вѣсть откуда выросли въ Бабѣгонскѣ, одианъ за другимъ, два прехорошенькихъ домика и уже приторговывался третій, съ банями и лавками и съ помѣщеніемъ подъ «трактирное заведеніе съ нумерами для пріѣзжающихъ», какъ вдругъ, за какія-то земскія прорухи попалъ Ермолай Касьяновъ подъ слѣдствіе и былъ, по предложенію губернатора, устранивъ пока-что отъ должности. Казалось бы, полный конфузъ и для него, и для «членовъ», но нѣтъ!—стыдъ не дымъ, глаза не выѣсть, и такъ какъ Ермолай Касьяновъ, въ качествѣ дѣльца и свѣдущаго человѣка, былъ рѣшительно необходимъ для предсѣдателя и остальныхъ членовъ управы, ибо безъ него управа была какъ безъ рукъ, то на первомъ же экстренномъ земскомъ собраніи предсѣдатель, въ обходъ губернаторскаго предложенія и, такъ сказать, «въ контру» и «въ пику» администраціи, добился отъ гласныхъ «единогласнаго» признанія Ермолая Касьянова «временно уполномоченнымъ отъ земства *при управѣ*». Да мало того; еще назначили ему и содержаніе, въ видѣ «благодарности» за якобы понесенные труды, и даже поднесли «выраженіе общественнаго сочувствія» въ особомъ адресѣ. И вотъ такимъ-то образомъ, Ермолай Касья-

новъ Передервинъ, первый другъ и пріятель всѣхъ «выдающихся» бабьеговскихъ земцевъ, продолжалъ фактически оставаться членомъ управы и вращать дѣлами попрежнему, даже и въ усъ себѣ не дунъ насчетъ слѣдствія, въ полной увѣренности, что такъ или иначе, а ужъ непременно выкрутятся. И всѣ были увѣрены въ томъ же.

Войдя въ залу, онъ первымъ дѣломъ трижды перекрестился на передній уголъ, хотя тамъ и не обрѣталось никакого образа, а затѣмъ, съ радостными восклицаніями и распространеными объятіями, какъ неожиданный, но достоянный гость, былъ встрѣченъ хозяиномъ и пустился лобызаться въ обѣ щеки, начиная съ Агрономскаго и переходя по-очередно въ объятія каждаго изъ своихъ управскихъ друзей и земскихъ пріятелей, не исключая и досточтимѣйшаго Нестора Модестовича Пихимовскаго, тоже подставившаго ему для прикладыванія свои крымскія яблочки. Его наскоро пригласили въ буфетную «догнать», вмѣстѣ съ де-Казатисомъ и Коржиковымъ, равнѣ прибывшихъ гостей насчетъ «подкрѣпленія», и такъ какъ теперь всѣ «почетные» были въ сборѣ, то оставалось только не очень уже длить догночную закуску и неизбежное при ней земское празднованіе.

XII.

Экспериментально-развивательная конференція.

Наконецъ Агрономскій громкогласно пригласилъ всѣхъ гостей своихъ въ залу, посреди которой былъ поставленъ продолговатый столъ подъ зеленымъ сукномъ, нарочно позаимствованнымъ для этого изъ земской управы. Вокругъ стола, съ трехъ сторонъ, стояло въ-сколькo креселъ, а противъ него—полукругомъ ряды легкихъ стульевъ и старинныхъ балъныхъ скамеекъ, крытыхъ штофною матеріей и составлявшихъ принадлежность этой залы. Въ сторонѣ былъ приготовленъ особый столикъ для «секретаря сѣзда», на обязанности коего лежало веденіе журнала засѣданій.

Самъ хозяинъ взялъ на себя роль «руководителя сѣзда» и потому помѣстился по серединѣ большого стола, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, а въ секретари выбралъ кашлатаго учителя въ вышитой косовороткѣ. Почетные гости, какъ де-Казатисъ, Коржиковъ, Пихимовскій, Ратафьевъ и Семіковъ, помѣстились въ креслахъ за тѣмъ же столомъ, по обѣ стороны отъ Агрономскаго, и къ нимъ сюда же присоединился съ краю, по собственной наглости, никѣмъ не прошенный Ермолай Касьяновъ, который, подобно прочимъ, тоже взялъ себѣ чистый листъ плесчей бумаги и карандашъ «для замѣтокъ». Остальная-вся публика размѣстилась на предназначенныхъ для нея

стульяхъ и скамейкахъ, на одной изъ которыхъ, въ заднемъ ряду, разсѣлся, въ качествѣ «друга просвѣщенія», и волостной старшина Сазонъ Флегонтовичъ,—«потому какъ я имъ таперича очино лесто было тоже посидѣть съ господами и послушать умныхъ разговоровъ телигенцыи». Онъ не безъ ироніи, но и не безъ зависти посматривалъ на Ермолая Касьянова, бормоча про-себя: «Ишь ты, залетѣла тоже ворона въ высокія хоромы!»

Помянувъ съ минутой и совѣдательно пошептавшись о чемъ-то съ де-Казатисомъ съ одной и съ Коржиковымъ съ другой стороны, Агрономскій привсталъ съ мѣста и, обведя исподлобья глазами всю публику торжественно произнесъ:

— Объявляю засѣданіе сѣзда открытымъ.

Послѣ этого онъ, во вступительной рѣчи своей къ милостивымъ государынямъ и государямъ, изъяснилъ, что уважаемое бабьеговское земство предполагаетъ устроить будущаго лѣтомъ общій сѣздъ учителей и учительницъ всего уѣзда, ради каковой цѣли уже ассигновано ему до тысячи рублей изъ земскихъ суммъ, и что для осуществленія этого сѣзда ведутся officialныя сношенія съ попечителемъ учебнаго округа и приглашенъ уже въ руководители одинъ изъ нашихъ извѣстѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ педагоговъ, Іона Филипповичъ Бубнаковъ, составившій себѣ громкое имя, какъ опытный руководитель учительскихъ сѣздовъ во многихъ земствахъ. Но такъ какъ отношенія съ officialномъ міромъ министерства народнаго просвѣщенія вообще затруднительны и отличаются досадною медлительностью, въ особенности при нынѣшнемъ его прискорбномъ и глубоко ненавистномъ для всѣхъ честно мыслящихъ людей направленіи, то онъ, Агрономскій, по совѣщаніи со своими многоуважаемыми друзьями и сотрудниками по земскому дѣлу (при этомъ благосклонный кивокъ полупоклономъ направо и такой же вальсо), рѣшился устроить предварительно маленькій сѣздиакъ, въ видѣ опыта, совершенно частнымъ образомъ, воспользовавшись для сего праздничнымъ временемъ, дабы соединить полезное съ пріятнымъ и доставить нашимъ достойнымъ труженикамъ и труженицамъ народной школы возможность свободного и освѣжающаго обмѣна мысли, внѣ стѣснительнаго контроля министерскихъ приставниковъ, вмѣстѣ съ возможностью повеселиться въ дружескомъ, единомышленномъ кружкѣ. Далѣе онъ заявилъ, что, по сношеніи съ предъизбраннымъ руководителемъ будущаго сѣзда, этотъ достойнѣйшій педагогъ уже прислалъ ему свой сочувственный откликъ, въ видѣ начертанной имъ самимъ программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на будущемъ сѣздѣ, како-

ую программу онъ, Агрономскій, будетъ имѣть честь сегодня же сообщить милостивымъ государямъ и государынямъ, дабы они, основательно познакомясь съ нею, могли подготовить къ будущему сѣзду свои рефераты по предложеннымъ въ ней чрезвычайно важнымъ и жизненнымъ вопросамъ первоначальной народной школы. А теперь, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ занятіямъ, онъ желалъ бы предложить высокоуважаемому собранію почтить вставаніемъ достойную память нѣкоторыхъ невинно пострадавшихъ и безвременно погибшихъ товарищей—педагоговъ народной школы и, въ томъ числѣ, одной сельской учительницы, отравившейся сѣрными спичками отъ избытка гражданской скорби, такъ какъ она была не въ силахъ оставаться дольше свидѣтельствомъ торжествующаго зла и тѣхъ гоненій, какія воздвигнуты нынѣ на все честно мыслящее въ Россіи и, въ особенности, на наше дорогое молодое поколѣніе. Къ этому онъ желалъ бы также присоединить и почтеніе памяти тѣхъ юныхъ учащихся, которые въ безвременномъ самоубійствѣ нашли себѣ единственный исходъ изъ нестерпимаго гнета Толстовской системы просвѣщенія.

Все это было сказано совершенно серьезно и даже торжественно съ надлежащимъ пафосомъ, — и по знаку Агрономскаго, все собраніе тихо поднялось съ мѣстъ и простояло около минутъ въ полномъ молчаніи, съ прилично удрученнымъ видомъ. Тинина прерывалась порою только чавканьемъ мягкихъ губъ Пихимовскаго, который точно бы помладенчески искалъ и не находилъ съ просонья своей достолюбезной соски. Затѣмъ Агрономскій перешелъ къ программѣ Бубнакова, заранѣе уже оттиснутой въ земской управѣ ректорграфическимъ способомъ на отдѣльныхъ листкахъ, розданныхъ имъ теперь всѣмъ присутствующимъ, и прочелъ слѣдующее:

«1) Психологическія данныя, служащія основой для правильной постановки обученія и нравственнаго воздѣйствія школы и учениковъ. Образование представленій и понятій. 2) Разъясненіе принципа наглядности и приимѣненіе его, во-первыхъ, ко всѣмъ предметамъ элементарнаго курса и, во-вторыхъ, въ формѣ самостоятельнаго предмета, называемаго «нагляднымъ обученіемъ». 3) Теорія чувствованій и желаній.—О темпераментахъ.—Принципъ индивидуальный и принципъ социальный. 4) Законы сочетанія душевныхъ продуктовъ. 5) Общія свойства правильнаго, доступнаго и причинаго элементарнаго обученія, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго».

— Скажите мнѣ откровенно, поняли вы здѣсь что-нибудь? — тихо чѣмъ вполголоса обратилась къ Тамарѣ ея сосѣдка-учительница,

которой было отведено у нея мѣсто постела, вслѣдствіе чего обѣ онѣ сочли нужнымъ познакомиться между собою поближе.

— Откровенно говоря, многого не понимаю,—пожала плечами Тамара.—Слишкомъ ужъ туманно!

— И я тоже,—призналась ей сосѣдка.—Но вѣдь на всѣ эти вопросы намъ отвѣчать и писать придется?

— Ну, что-жъ, такъ и отвѣтимъ, что не понимаемъ, и только.

— Ой, что вы!.. Это значило бы потерять въ ихъ глазахъ всю свою репутацію педагогическую... Лучше ужъ притвориться понимающими.

— О чемъ вы, сударини, говорите?—вдругъ обратился къ нимъ Агрономскій, обводя ту и другую вопрошающимъ взглядомъ.—Вы, кажется, сказать хотите что-то?

— Н...нѣтъ, я ничего... я такъ только,—замыслась въ отвѣтъ ему смутившаяся учительница.

— Въ такомъ случаѣ, я попросилъ бы болѣе вниманія,—замѣтилъ ей несовсѣмъ довольнымъ тономъ «руководитель» и перевелъ глаза на Тамару.—Можетъ быть, вы имѣете что спросить или замѣтить?

— Если позволите,—поднялась та съ мѣста.

— Пожалуйста-съ.

— Въ этой программѣ,—начала она,—кое-что для меня совсѣмъ непонятно, и я просила бы разъяснить мнѣ...

— Чтѣ же именно?—наморщился Агрономскій.—Напримѣръ?

— Напримѣръ, что эта за «психологическія данныя», во-первыхъ, прочла она въ своемъ листкѣ,—«служащія основой для правильной постановки обученія?» Во-вторыхъ, «теорія чувствованій и желаній», или вотъ тоже «принципъ индивидуальный и принципъ социальный»?.. и еще вотъ эти «законы сочетанія душевныхъ продуктовъ»?..

— Что же тутъ непонятнаго?—притворно удивился «руководитель», съ видомъ научнаго авторитета. —Самыя простыя, элементарныя вещи!

— Да все, если хотите,—откровенно созналась дѣвушка.

— Какъ «все»?!. Что вы хотите этимъ сказать?... Что это значить «все»?

— Просто, все непонятно, и только.

— Хм!.. Въ такомъ случаѣ, извините, мнѣ остается только пожалѣть о степени вашего развитія,—не безъ ядовитости замѣтилъ ей Агрономскій.

— Вотъ потому-то я и прошу разъяснить мнѣ,—скромно отвѣтила Тамара.

— Не будемте забѣгать впередъ: въ свое время все разъяснится,—увилькнувъ онъ отъ прямого отвѣта и прибавилъ внушительнымъ тономъ, что покорѣйше просилъ бы господъ

слушателей не нарушать вообще хода конференции.

— Очевидно, онъ и самъ не понимаетъ, — шепнула Тамара на ухо сосѣдкѣ, которая только улыбулась на это, закусивъ себѣ губы.

— Предметомъ сегодняшней нашей бесѣды, — началъ между тѣмъ докторальнымъ тономъ Агрономскій, — имѣетъ быть «раціональное обученіе и воспитаніе вообще», а въ частности, какъ путь къ его достиженію, — экспериментально-развивательный методъ элементарнаго образования и его преимущества передъ наглядно-звуковой и членораздѣльно-образовательной системой, по методу, рекомендуемой авторитетнымъ нашимъ педагогомъ, г. Паульсономъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ позволилъ въ стоявшій передъ нимъ бронзовый колокольчикъ, на звукъ котораго въ дверяхъ появился какой-то домашній парень — не то лакей, не то работникъ.

— Внесите сюда, прошу васъ, вещественные предметы, — приказалъ ему хозяинъ, — и черезъ минуту парень притащилъ и положилъ на полъ передъ столомъ, старую тѣлѣжную ось, дугу, пилу, ухватъ, вочергу и печную заслонку. — Благодарю васъ, можете удалиться, — кивнулъ ему «руководитель». — Или нѣтъ, останьтесь! — остановилъ онъ уходившаго парня. — Вы намъ сейчасъ пригодитесь.

Парень скромно отошелъ къ сторонкѣ и сталъ за стульями.

— Первая наша задача, — продолжалъ Агрономскій, обращаясь къ «учебному персоналу», — первый нашъ, такъ сказать, педагогическій долгъ, если мы желаемъ быть сознательно-раціональными педагогами начальной народной школы, это — не столько учить, сколько развивать, или иными словами: учить поменьше, развивать побольше, и притомъ не иначе, какъ забавляя, непременно забавляя. Все ученіе, въ сущности, должно быть легкою забавой.

— Да, и вотъ семь даровъ Фребеля, — началъ было, прервавъ его рѣчь, Пихимовскій, но на первыхъ же словахъ запнулся и далѣе не продолжалъ, будучи во-время предупрежденъ дружескимъ толчкомъ де-Казатиса, — не перебивайте, молъ, досточтимѣйшій!

— Но каждый разъ, прежде чѣмъ приступить къ своей задачѣ, — продолжалъ, какъ бы не слышавъ его, Агрономскій, — учитель непременно долженъ *фиксировать* вниманіе учениковъ. Напримѣръ: учитель хлопаетъ въ ладоши и спрашиваетъ учениковъ: «что я сдѣлалъ?» — Ученики должны отвѣчать ему: «вы ударили въ ладоши». Тогда учитель приступаетъ къ черченію пальцемъ въ воздухѣ различныхъ предметовъ; напримѣръ, чертитъ крестъ, или лѣстницу и т. д. и спрашиваетъ каждый разъ учениковъ: «что начертилъ я?» А тѣ отвѣчаютъ:

«вы начертили крестъ», или «вы начертили лѣстницу». И когда вниманіе ихъ достаточно уже будетъ этимъ способомъ фиксировано, — только тогда, но никакъ не раньше, можетъ учитель приступить къ экспериментально-развивательной лекціи. Госпожа Кульгяпкина, пожалуйста къ доскѣ! — вызвалъ онъ одну изъ учительницъ и затѣмъ обратился къ парню-работнику: Иванъ, подымите первый предметъ, лежащій на полу справа, считая по порядку отъ меня, то-есть отъ вашей лѣвой руки къ правой.

Иванъ ровно ничего не помышлялъ и тѣшело искалъ по полу глазами, что именно приказываютъ ему поднять, пока наконецъ не схватилъ на удачу кочергу съ заслонкой.

— Э, Боже мой, какъ вы невнимательны! — передернулся Агрономскій. — Справа, говорю, справа, то-есть отъ васъ первый предметъ слѣва.

— Это ось-то? — домекнулся наконецъ работникъ.

— Ну, конечно! Развѣ не видите?

— Да вы бы, сударь, давно такъ сказали!

— Что такое «давно»?.. Кажется, ужъ и то, мой способъ изъясненія точнѣе точнаго и не требуетъ никакихъ переэпросовъ, а только маленькаго вниманія.

Парень поднялъ ось и, положивъ ее горизонтально на руки, сталъ передъ столомъ въ совершенномъ недоумѣніи, зачѣмъ, молъ, это? и что изъ этого будетъ?

— Повернитесь, Иванъ, лицомъ къ этой барышнѣ, которую вы видите у черной классной доски, и покажите ей вашъ предметъ.

При этихъ словахъ, парень сразу точно бы обомлѣлъ и, метнувъ недоумѣвающий взглядъ сначала на своего хозяина, потомъ на барышню, потомъ опять на хозяина, продолжалъ стоять неподвижно, — только фізіономія его приняла нѣсколько смущенное и потому глупо улыбающееся выраженіе.

— Покажите же, говорю, вашъ предметъ этой барышнѣ, — вразумительно повторилъ ему Агрономскій.

— То-есть... какъ это... мой предметъ?.. запнулся въ замѣшательствѣ парень, готовый въ-концѣ уже сконфузиться.

— Какой вы странный! — солидно пристыдилъ его хозяинъ. — Понятно, тотъ предметъ, который вы держите въ рукахъ.

Парень повернулся къ дѣвицѣ у доски и протянулъ впередъ руки съ осью.

— Госпожа Кульгяпкина! — что вы видите въ рукахъ у Ивана?

— Вижу ось, — отозвалась барышня.

— Хорошо-съ. Возьмите мѣлъ и напишите на доскѣ это слово, сначала печатными, а затѣмъ письменными буквами.

Та написала «ось» два раза, какъ требовалось.

— Объясните, что именно вы написали?

— Я написала два раза слово «ось», изъ которыхъ первое по печатному, а второе по письменному алфавиту.

— Прекрасно-съ. Теперь вы должны фиксировать вниманіе учениковъ на составные элементы данныхъ литеръ, то есть, что именно мы въ нихъ находимъ?—Мы находимъ въ нихъ сначала кружокъ или ноликъ, затѣмъ полкружка или полунолика и наконецъ палочку съ булочкой или съ присасывающимся къ палочкѣ обратнымъ полуноликомъ, что и составляетъ вѣмую букву, глупо называвшуюся въ старыхъ букваряхъ «ерикомъ» и служащую для обозначенія мягкаго окончанія звука, а въ совокупности, все это составляетъ?..

— Составляетъ слово «ось», — подхватила барышня.

— Превосходно-съ!—Теперь пожамуйте поближе и рассмотрите внимательно данный предметъ, который вы видите въ рукахъ у Ивана. Рассмотрѣли?

— Рассмотрѣла.

— Хорошо рассмотрѣли?

— Кажется.

— «Казаться» ничего не должно въ нашемъ дѣлѣ, позвольте вамъ замѣтить, — внушительно проговаривалъ Агрономскій.—Здѣсь все требуетъ совершенно положительнаго опредѣленія и самаго точнаго выраженія. И такъ, хорошо ли вы рассмотрѣли предметъ?

— Рассмотрѣла хорошо, — удостоверила его г-жа Култышкина.

— Прекрасно-съ. Расскажите же и назовите намъ его составныя части. Что вы здѣсь видите?

Дѣвушка недоумѣло окинула его взглядомъ, потомъ—совершенно такъ же, какъ и Иванъ за минуту предъ этимъ—опять взглянула на «руководителя» и молчала въ видимомъ недоумѣніи—чего ему отъ нея надо? Чего онъ присталъ къ ней?

— Ну-съ, что же мы видимъ въ этомъ предметѣ?—продолжалъ онъ.—Начинайте-съ.

— Ось вижу, и только, — пожала она плечами, съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, которое невольно говорило: да отвяжитесь же, наконецъ, будьте такъ милостивы!

— Нѣтъ, не то!—сдѣлавъ нетерпѣливую гримасу Агрономскій, начиная уже досадливо и нервно корѣжиться. —Мы видимъ здѣсь,—докторально продолжалъ онъ недовольнымъ и какъ бы вдалбливающимъ тономъ, — первое — подушку; показывайте рукою на подушку... Вотъ такъ!.. Ну-съ, второе — плечи; показывайте изъ плеча, одно правое, другое лѣвое; третье—юга; указывайте рога въ томъ же порядкѣ, днѣтъ правый рогъ, другой лѣвый рогъ. Затѣмъ лѣдуютъ: шкворень, чеки, гайки и т. д. Вотъ то мы видимъ, понимаете-съ? Технически, на

языкѣ педагоговъ, это называется педагогическимъ *разсмотрѣніемъ* предмета.

— Да, и вотъ семь даровъ Фребеля,—началь было опять Пахимовскій, но опять замолкъ, не договоривъ, во-время остановившись де-Казатисомъ. Вмѣсто продолженія членораздѣльных звуковъ его рѣчи, слышалось нѣкоторое время одно только чавканье его губъ, какъ бы смаковавшихъ что-то, но и то вскорѣ затихло подвѣнтіемъ старческой дремоты.

— Затѣмъ,—продолжалъ Агрономскій,—вы должны сдѣлать *описаніе* предмета, то-есть опредѣлить, что такое ось, изъ чего она сдѣлана, ея назначеніе и употребленіе, а кстади, пересчитать составныя части телѣги и другихъ колесныхъ экипажей, отъ телѣги до фэтона и ландо, и объяснить при этомъ, кто вѣдять въ телѣгѣ, а кто въ ландо, возбудить сочувствіе къ первому и внушить достоодложное отношеніе ко второму. Послѣ этого наступаетъ очередь *катехизации* предмета. Учитель беретъ данный предметъ и спрашиваетъ у ученика: «что у меня въ рукахъ?» Тотъ отвѣчаетъ: «ось». — «Что такое ось? изъ чего она сдѣлана? какія ея составныя части? къ чему она служить?» и т. д. Затѣмъ, когда изъ катехизации предмета учитель убѣдится, что ученикъ достаточно усвоилъ себѣ, наконецъ, понятіе о томъ, что такое ось и ея назначеніе, роль ея въ составныхъ частяхъ экипажа и прочее, тогда онъ, для *гимнастики языка*, заставляетъ ученика произносить скороговоркой—непремѣнно скороговоркой!—слѣдующее упражненіе: «Оси не осы, и осы не оси. У осы усы. Нѣтъ, не усы у осы, у осы усики, и усики съ усиками». Учитель заставляетъ повторять эту скороговорку до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится произносить ее быстро, чисто и безъ запинки, а тогда уже, для *гимнастики мозга*, можетъ задать соотвѣствующую загадку, какъ относительно оси, такъ и относительно осы. Затѣмъ уже, въ слѣдующій урокъ, какъ совѣтуетъ г. Паульсонъ, можно въ послѣдовательномъ порядкѣ перейти къ экспериментально-развивательному упражненію съ дугой, ухватомъ, кочергой, заслонкой и т. д. Но каждое упражненіе обязательно кончать, для развлеченія и забавы, непремѣнно соотвѣтствующими скороговоркой и загадкой.

— Ну, нѣтъ, позвольте, однако! — авторитетно перебилъ его вдругъ Ермолай Касьяновъ. —Вы говорите, — загадки. Какова загадка тоже!.. Загадка загадкѣ рознь!.. Иная такая загадка, что бабамъ только платкомъ закрываться въ пору отъ сраму-то. Это такъ тоже нельзя, не годится.

— Хорошо-съ, но я не понимаю, къ чему вы это клоните? — обратился къ нему Агрономскій, очень недовольный, что опять его перебили. —Вы потрудитесь изложить намъ вашу мысль яснѣе

— А къ тому и клоню, изволите ли видѣть, что приходитъ эта ко мнѣ онамедни мой мальчонка младшій изъ школы. Хоть говоритъ, тятенька, я те загадку загадаю?—Ну, загадывай. А онъ мнѣ—на-ко-съ!—и выложи вдругъ, да такое, что при дамскомъ полѣ, извините, и сказать не отважусь. Я такъ и обомлѣлъ, — ушамъ своимъ не вѣрю!—да за вихоръ его, за вихоръ!.. Ахъ ты, мерзавецъ, говорю, смѣешь ты отцу такія мерзости докладывать! Да и оттаскалъ же его за вихры-то, благо своя рука владыка!.. А онъ реветъ эта, а самъ пытается: зашто, тятенька, бьешь? У насъ эта самая загадка въ книжкѣ пропечатана!—Врешь, говорю, пострѣлъ! 'Станутъ въ книжкахъ экой ерамъ печатать! Ни въ жисть не повѣрю!—А ей-Богу же, пропечатано! и самъ сейчасъ эта книжку привоситъ и показываетъ.—На, говоритъ, гляди. Глянулъ я, и самъ не понимаю, во снѣ ли мнѣ это, ахъ и въ самъ-дѣлѣ на яву по печатному читаю?!—Какая такая книжка, думаю? Глядь на обложку, — Паульсонова «Первая учебная книжка» прозывается, «классное пособие». Хорошо пособие!.. А вѣдь одобрена тоже!.. Такъ вотъ какія загадки-то бываютъ, — благодарю покорно! ⁴⁾).

Это сообщеніе Передерягина произвело во всемъ обществѣ нѣкоторый эффектъ скандала и вызвало въ меньшинствѣ отчасти смущеніе, а въ большинствѣ возбудило главнымъ образомъ игривый интересъ скабрёзнаго свойства. Всѣмъ захотѣлось познакомиться съ курьёзною загадкой, — что, молъ, тамъ такое? и какими судьбами могла она попасть въ «классное пособие»? Потребовали на сцену инкриминованную книжку и предложили Ермолаю Касьянову указать, гдѣ именно въчиталъ онъ такую прелесть? Тотъ отыскалъ страницу и молча, съ торжествующимъ видомъ, передалъ перегнутую книжку Агроному, который прочелъ въ ней просеба отгѣбленную загадку, но, къ удивленію Передерягина, ни мало не смутился.

— Не понимаю, что жъ вы тутъ нашли такого?—пожалъ онъ плечами и недоумѣло оглинулся на своихъ сосѣдей.—Посмотрите пожалуйста, господа, — можетъ быть, вы что-нибудь найдете, а я, признаюсь, не вижу ровно ничего непристойнаго. Самая невинная загадка!

Книжка пошла по рукамъ у всѣхъ засѣдающихъ за большимъ столомъ и вызвала нѣсколько удивленныхъ или двусмысленныхъ улыбокъ и нѣсколько пикантныхъ замѣчаній и поясненій на ухо между сосѣдами. Являлось предположеніе, что это кто-нибудь, вѣроятно,

подшутить надъ г. Паульсономъ, сообщивъ ему такую загадку, а онъ, какъ вѣмецъ, чуждый русскому народному быту и духу, взялъ да и вклеилъ ее, ничто же сумняся, въ свою книжку, — иначе оно, конечно, и быть не могло бы.

— Да вѣтъ, вѣдь это какъ понимать-съ! — заспорилъ съ вѣчнымъ своимъ капризнымъ кривляньемъ Агрономскій.—Зачѣмъ же непременно видѣть въ ней неприличныи смыслъ, когда ее можно приурочить къ чему хотите, — напримѣръ, къ орѣшку, къ куриному яичку, или къ улью съ медомъ, а можетъ и еще къ чему, такому же, — стоятъ только напрочь немножко свое остроуміе и подумать!

— Полноте! чего тамъ думать еще, куда приурочивать, если она испоконъ вѣка уже приурочена извѣстно къ чему, и весь народъ крещенный знаетъ это!—возразилъ ему Передерягинъ.

— А знаетъ, такъ изъ-за чего же вы тогда гвалтъ поднимаете?!—довольно рѣзко обратился онъ къ послѣднему.—Важность какая, скажите пожалуйста, если дѣти ваши прочтутъ въ книжкѣ то, что они и безъ того уже знаютъ!.. Истинно реальное воспитаніе въ томъ-то, батюшка мой, и состоитъ, чтобы приучать ребенка смотрѣть на вещи прямо, и понимать ихъ наголо, безъ флера и прикрасъ, а какъ есть въ самой природѣ, чтобы называть вещи настоящими ихъ именами. Въ этомъ весь смыслъ реальнаго воспитанія, и—воля ваша—я не понимаю, чѣмъ вы тутъ возмущаетесь?! Это—извините—съ вашей стороны порядочно-таки ретроградство, катковщина какая-то выходитъ!

— Да что вы мнѣ каждый разъ все катковщина да катковщина!—обиженно возвысилъ голосъ Передерягинъ.—Что я за Катковъ такой дался вамъ!.. Вы не смѣете обижать такъ порядочнаго человѣка!.. Я не позволю!.. Катковщина, скажите пожалуйста!.. У кого катковщина, а у кого жадовщина!.. Эдакъ-то коли учнемъ попрекать другъ друга...

— Господа!.. господа, позвольте! — солидно убѣждающимъ и примирительнымъ тономъ поспѣшилъ остановить ихъ де-Казатисъ.—Ермолай Касьянычъ! Алонзій Марковичъ!.. что вы это?! зачѣмъ?.. Позвольте помирить вашу споръ... Позвольте-съ, одинъ вопросъ: книжка эта одобрена ученымъ комитетомъ или не одобрена?

— Одобрена!—откликнулось ему нѣсколько голосовъ со скамеекъ и стульевъ.

— Тогда и толковать не о чемъ! Значитъ, она признана удобной и полезной для юношества, и никакого въ ней смысла особеннаго въ этихъ загадкахъ не найдено,—ну, и успокойтесь на этомъ, не будемъ спорить!.. Правительствомъ одобряетъ, цензура пропустила, такъ намъ-то что!

— Я прошу слова! — неожиданно, но какъ

⁴⁾ Щадя чувство скромности читателя, авторъ не можетъ себя позволить привести данную загадку, которую желающіе проверить автора могутъ найти на стр. 46 «Первой учебной книжки» г. Паульсона. Неприличный смыслъ этой загадки извѣстенъ всему русскому простонародью.

разъ кстати, поднялся съ мѣста Несторъ Модестовичъ Пихимовскій.

— Ну-у, заведетъ теперь машинку насчетъ мыловаренія! — подмигнувъ по сосѣдству Семіоковъ Ратафьеву, въ то время какъ Агрономскій съ Передериннымъ обмѣнивались между собою примирительными кивками и улыбками, выражая тѣмъ взаимныя извиненія.

— Я прошу слова! — повторилъ погромче старецъ, поводя, словно котикъ, направо и налево головкой.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. Просимъ!.. Господа, вниманіе!.. Слово досточтимѣйшему! — засуетился Агрономскій.

— Семь даровъ Фребеля, — началъ Несторъ Модестовичъ и призадумался.

— Семь даровъ Духа Святаго, хотите сказать вы? — громко и съ чуть-чуть насмѣшливою улыбкою поправилъ его Передериннъ.

— Духа? — удивленно взглянулъ въ его сторону старецъ, не взявъ еще себѣ въ толкъ, про какого духа говорить ему и что имъ надо. — Зачѣмъ духа?.. Нѣтъ, семь даровъ Фребеля, хочу сказать я... Не сбивайте меня, пожалуйста... Семь даровъ Фребеля, которые усвоены теперь въ моей образцовой школѣ мыловаренія, смѣю думать, служатъ наилучшимъ моторомъ для развитія юныхъ способностей. Дары эти суть: первый даръ — мячики, такіе хорошенькіе разноцвѣтные мячики, — лиловенькій, красненькій, синій, желтый и прочіе, съ цвѣтными шпурочками; второй даръ цилиндрики, третій даръ — кубики, много, много кубиковъ!.. Четвертый даръ — кирпичики, пятый даръ — призмочки, шестой — планочки, седьмой — дощечки. Изъ этихъ семи даровъ составляются всѣ познавательныя, математическія, жизненныя и изящныя формы.

— Позвольте, то есть какъ же это? — съ недоумѣніемъ спросилъ де-Казатисъ. — И математическія, и жизненныя, и что еще?..

— Изя-ящныя! — протянулъ Пихимовскій съ граціознымъ жестомъ въ родѣ воздушнаго поцѣлуя. — О, это чрезвычайно занимательно! Я самъ даже увлекаюсь иногда до такой степени, что дня по два, по три провожу съ этими кубиками, — ей-Богу!.. И даже времени не замѣдаю!.. Видите ли, какъ это дѣлается: начинается курсъ образованія ребенка съ мячикомъ; я беру мячъ за шпурочекъ и начинаю то вращать, то качать его передъ глазами моей ученицы, или ученика, — это какъ угодно. Вращаю и приговариваю, по руководству: «вотъ мячикъ! видишь, мячикъ!.. красный мячикъ, красный мячикъ, красный мячикъ...» Или «синій мячикъ, синій мячикъ, синій мячикъ» и т. д., до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не познаетъ всѣхъ цвѣтовъ спектра. Тогда я перехожу къ послѣдовательнымъ эволюціямъ съ мячикомъ, причемъ есть и пѣсенка, которую обучающій долженъ сперва самъ выучить наизусть:

„Катись, катись,
То вверхъ, то внизъ!
На ящикъ скокъ,
Черезъ правый бокъ!
Черезъ ящикъ скокъ,
На лѣвый бокъ!“

— Это все чрезвычайно развиваетъ вниманіе и познавательную способность ума! — умиленно воскликнулъ Пихимовскій. — Потомъ, милостивыя государыни и государи, перехожу къ кубикамъ — продолжалъ онъ; — и на этомъ второмъ дарѣ, въ цѣломъ рядѣ строго послѣдовательныхъ упражненій, развиваю въ обучаемомъ понятія о дѣлности тѣлъ, но вѣдь тутъ непременно съ пѣсенкой:

„Цѣлый кубикъ, цѣлый кубикъ,
Половинокъ двѣ;
Одна тутъ, одна тамъ, —
Вотъ и кубикъ пополамъ!“

— И при этомъ, конечно, варьирую посредствомъ манипуляцій, соединенныхъ съ эволюціями, соответствующія положенія кубиковъ:

„Двѣ половинки, двѣ половинки,
Эта вверхъ, эта внизъ.
Четыре четверки, четыре четвертушки, —
Двѣ четверки наверху,
Двѣ четверочки внизу.
Вотъ и двѣ впереди,
Вотъ и двѣ позади, —
Восемь вышло здѣсь восьмьюшекъ
Полезныхъ игрушекъ!“

— Я, вѣдь, нарочно бѣдиль за этимъ въ Петербургъ, — похвалился старецъ. — Да, нарочно!.. я бралъ уроки въ «дѣтскомъ саду» у фребелячекъ.

— Въ Демидовѣ? — съ комическою серьезностью спросилъ Семіоковъ.

При этой выходкѣ, многіе не выдержавъ такъ и прыгнули со смѣху.

Агрономскій съ безпокойствомъ оглянулся вокругъ себя и обвелъ укоризненно-строгимъ взглядомъ не въ мѣру смѣшливыхъ слушателей.

— Прекрасно-съ. Такъ что же собственно вы желаете? — поспѣшилъ онъ обратиться къ старцу, чтобы хоть этимъ вопросомъ притушить поскорѣе не въ пору разыгравшуюся веселость собранія, и предвидя, что если не положить всему этому конецъ сейчасъ же, то съ одной стороны кубикамъ и пѣсенкамъ, а съ другой смѣшливому фырканию, пожалуй, и конца не будетъ.

— Я?.. я собственно ничего не желаю, — скромно развелъ руками Пихимовскій; — но я хочу предложить почтенному собранію ввести семь даровъ Фребеля въ наши народныя школы, какъ главную основу для раціональнаго образованія русскаго народа, въ лицѣ его молодыхъ поколѣній, и если предложеніе мое будетъ удостоено благосклоннаго пріема, то я готовъ пожертвовать эти дары для каждой земской школы нашего уѣзда, отъ моего имени, на пользу общественную.

— Собрание своевременно обсудить ваше предложение,—обнадежилъ его Агрономскій,—а пока постановляетъ—надѣюсь, господа, единогласно?—обвелъ онъ пригласительнымъ жестомъ всю залу,—выразить нашему достойнѣйшему сочлену, за его великодушное предложение, общественную признательность.

— Согласны!.. Постановляемъ и утверждаемъ... Единогласную! общественную!.. Урра-а!—раздались со всѣхъ концовъ дружные голоса, смѣшавшіеся съ общими аплодисментами и шумомъ передвигаемыхъ при вставаніи стульевъ.

Осчастливленный знаками такого вниманія и раскланиваясь на всѣ стороны, старепъ умилялся, прослезился и дробными шажками поспѣшилъ удалиться на время изъ залы, чувствуя необходимость въ мамкѣ.

XIII.

Полезное съ пріятнымъ.

Послѣ этого «инцидента», Агрономскій, взглянувъ на карманные часы, объявилъ засѣданіе на нынѣшній день закрытымъ и пригласилъ всѣхъ гостей, вмѣстѣ съ учителями и учителями, «къ общему», какъ онъ выразился, «обѣду изъ трехъ блюдъ простыхъ, но питательныхъ, и притомъ чисто и вкусно приготовленныхъ».

Въ столовой земскіе «дѣтели и сѣтели», послѣ достаточныхъ «пропусканій» и закусовъ, размѣстились за «общимъ» длиннымъ столомъ такимъ образомъ, что между каждымъ изъ двухъ мужчинъ очутилось по одной барышнѣ, изъ числа акушерокъ и учительницъ, причемъ Тamarѣ досталось, какъ-бы самое почетное, послѣ Марьи Антоновны, мѣсто—между Агрономскимъ и де-Казатисомъ. Учителя же сгруппировались между собою въ особую кучку, безъ дамъ, въ концѣ стола, какъ люди молодіе. На нихъ менѣе всего обращали здѣсь вниманія, какъ на ненужный балластъ, вовсе не интересный и, въ сущности, никому даже не нужный, но отъ котораго изъ причинъ нельзя отдѣлаться. Съ ними, впрочемъ, и не чинились. Въ то время, какъ для земскихъ воротникъ и даже для жидочекъ въ были выставлены на столѣ бѣлыя или менѣе приличные виноградныя вина, на «учительскій конецъ» Агрономскій ущедрилъ одну только бутылку кашинской мадеры братьевъ Змѣевыхъ, да пары двѣ или три пива, — съ нихъ, молъ, и этого довольно, рыломъ пока еще для лучшаго не вышли! Барышни же угощали специально мускатъ-люнедемъ и фіалковымъ медомъ, а для Пихимовскаго была особо приготовлена на молокѣ мажная кашка. Обѣдъ изъ трехъ «питательныхъ, но чисто и вкусно приготовленныхъ» блюдъ, составляли лѣнныя щи съ кулебякой, жареная телятина съ картофелемъ и соевыми

огурцами и сливочный кремъ съ ванилью. Либеральные земскіе жидочки, чтобъ доказать свое просвѣщенное пренебреженіе къ религіознымъ предразсудкамъ, ѣли и пили все, не разбирая, «кошера» и «трефа», даже не погнушались и свиною колбасой за закуской. Въ началѣ обѣда было нѣсколько натянуто и серьезно, но послѣ телятины, лица у мужчинъ и нѣкоторыхъ барышень, которыхъ старательно поднаивали «сладенькимъ» господа-земцы, значительно уже подрумянились, повеселѣли, и самые разговоры стали гораздо громче, непринужденнѣе, приливъ даже игривое направленіе. При этомъ наибольшее оживленіе, съ задержкою либеральнымъ понимомъ и «цикантизмъ» лоскомъ, вносили въ общую бесѣду все тѣ же цыбулизированные жидочки, которые, съ обычной своею наглостію, воображая себя неотразимо «изъячными», остроумными и побѣдительными, жестикуютъ, вертѣлись на стульяхъ и галдели громче всѣхъ, первые смѣялись своимъ же собственнымъ остромамъ, ухаживали за барышнями и вообще держали себя «съ независимостію» и «игривостію», какъ самые галантные еврейскіе кавалеры. На учителей они не обращали ни малѣйшаго вниманія, развѣ нѣрѣдка, удостоивая того или другого изъ нихъ двумя-тремя благосклонными словами въ снисходительно любезномъ тонѣ, и только одинъ кашлатый въ косовороткѣ пользовался съ ихъ стороны нѣсколько большимъ вниманіемъ, почти какъ равный. Зато передъ барышнями жидочки такъ и рассыпались, стараясь занимать ихъ «пріятно-вумными» разговорами и развязно показывать имъ свои «изъячныя» и деликатныя манеры. Учителя въ эти ихъ бесѣды почти не вступали и, будучи выдѣлены общимъ невниманіемъ къ себѣ какъ-бы въ отдѣльный кружокъ, держались все время какъ-то особнякомъ и разговаривали за обѣдомъ только между собою. Но между земцами, сверхъ шуточекъ и двусмысленностей съ нѣкоторыми барышнями, застольные разговоры отличались и кое-какою серьезностію. Такъ, г-нъ Ратафьевъ «развивалъ» что-то на тему о необходимости «земскаго православія», въ отличіе отъ православія «офіціального», ибо это «земское православіе» должно-де выработать новый типъ «земскаго христіанства». Агрономскій убѣждалъ своихъ соратниковъ по земству въ естественномъ правѣ послѣдняго назначать своего собственнаго, выборнаго инспектора народныхъ училищъ, который, получая приличное содержаніе съ приличными «разѣздными», былъ бы главнымъ педагогомъ-руководителемъ земско-учебнаго дѣла, независимо отъ «мертвяцей» правительственной инспекціи. При этомъ онъ политично «проводилъ» мысль о «петиціи» насчетъ столь благотѣльнаго нововведенія, будучи несомнѣнно убѣжденъ про-себя, что кого же и выбрать на такую должность, какъ не

его самого! Ермолай Касьянов жаловался на «проклятую инстиутцию урядниковъ», которая очень ужъ стѣсняетъ его насчетъ вывоза земскихъ нечистотъ. Г-нъ Семіюковъ, желая поддѣлаться къ Пихимовскому, въ надеждѣ получить у него «подрадець» на ремонтъ зданія его школы, убѣдительно доказывалъ ему, что если на Ефимоновскую школу сыроваренія министерство государственныхъ имуществъ истратило 200.000 рублей, да кромѣ того, отпустило 100.000 рублей лично ея учредителю, да сверхъ этого, само же входитъ ежегодно въ Государственный Совѣтъ съ представленіями объ ассигнованіи на поддержку и развитіе этого ефимовскаго дѣла по 25.000 рублей, то и образцовая школа мыдоваренія имѣть не менѣе правъ на столь же сочувственную поддержку правительства, ибо мыло въ Россіи еще нужнѣе сыра. Докторъ Гольдштейнъ, со своей стороны, былъ весьма озабоченъ проектомъ сѣзда земскихъ врачей и доказывалъ воротиламъ крайнюю необходимость осуществить такое благотѣльное дѣло въ возможно скорѣйшемъ времени. И воротилы вполне съ нимъ соглашались, за исключеніемъ, къ удивленію всѣхъ, одного лишь прекраснодушнаго Пихимовскаго, который находилъ, что есть много дѣлъ гораздо полезнѣе и серьезнѣе, на кои земство должно бы обратить свое вниманіе, — напирѣмъ, что можетъ быть полезнѣе добродѣтели, и что сдѣлало земство для ея поощренія? А потому-де, чѣмъ сзывать сѣздъ врачей и тратить на это тысячу рублей, было бы гораздо полезнѣе употребить эти деньги на учрежденіе, изъ пяти процентовъ, преміи за добродѣтель, дабы поощрить ее въ наши печальныя времена, когда банковскія, нтендантскія и иныя хищенія расплодились до того, что начинаешь, наконецъ, сомнѣваться въ самомъ существованіи добродѣтели. Но дѣтели и сѣтели хотя и соглашались въ необходимости поддерживать добродѣтель, тѣмъ не менѣе находили, что и сѣздъ врачей тоже благотѣльное дѣло, а въ особенности, если докторъ Гольдштейнъ проситъ на устройство его такую бездѣлицу, какъ тысяча рублей изъ земской кассы! Наконецъ, подпавшій де-Казатисъ откровенно разболталъ, какъ ловко удалось ему, въ качествѣ председателя управы, провести, въ угоду Агриппинѣ Петровнѣ Миропольцевой, сборъ пожертвованій съ бабѣгонскихъ крестьянъ на театръ въ Омскѣ и женскіе курсы въ Нахичевани, а главное, на вѣнокъ Дарвину и на памятникъ Либиху, причѣмъ-де послѣднія двѣ статьи были всего труднѣе, такъ какъ крестьяне спрашивали, кто, молъ, такіе эти Либихъ съ Дарвиномъ и чѣмъ они отличались на пользу отечества?—Ну, и нечего дѣлать, пришлось объяснять имъ, что это-де «наши храбрые русскіе генералы», послѣ чего пожертвованія шли безпрепятственно. Либеральныя жидочки

очень много и одобрительно смѣялись такой остроумной находчивости г-на председателя и отдавали полную справедливость его «игрѣ ума» ради такой прекрасной, истинно либеральной цѣли, которая должна показывать всей Европѣ въ наилучшемъ свѣтѣ наше просвѣщенное бабѣгонское земство. Словомъ, обѣдъ прошелъ весьма оживленно и весело, причѣмъ не только учителя съ учительницами, но и господа-земцы остались вполне довольны его тремя «простыми, но питательными блюдами».

Послѣ обѣда послѣдовалъ нарочно устроенный для учительскаго «персонала» сюрпризъ. Любезный хозяинъ пригласилъ всѣхъ гостей своихъ въ залу, гдѣ слѣды давняго засѣданія были уже прибраны, столъ отодвинутъ къ стѣнѣ, скамейки и стулья разставлены вдоль стѣнъ по своимъ мѣстамъ, — и здѣсь пріятно удивленнымъ учительскимъ очамъ представало зрѣлище рождественской елки, блиставшей посреди залы огнями парафиновыхъ свѣчекъ и увѣшанной позлащенными орѣшками, яблоками, тверскими мятыми пряниками, въ видѣ стерлядокъ колечкомъ, и приличными котами съ наклеенными картиночными мордочками. Гости показывали видъ восхищенія и, по предложенію Агрономскаго, составили «дружный хороводъ» вокругъ елки, съ пѣнями и плясками. Танцовали учителя и жидочки съ учительницами и акушерками, усердно выплясывая весь вечеръ и кадрили, и вальсы, и «польки-трамбляны», подъ дѣтскую музыку «аристона», нарочно привезеннаго съ собою Пихимовскимъ, которому доставляло большое удовольствіе вертѣть его ручку. Учителя плясали усердно, но медвѣженато, сутулясь и какъ-бы бодая воздухъ склоненною впередъ головою, причѣмъ особенно много и громко топали въ тактъ своими толстыми подошвами. Жидочки же, напротивъ, старались танцовать на ципочкахъ и показывать въ легкихъ, «деликатныхъ» присѣданьяхъ колѣнками свою «изычную грацію» и «спашаво непринужденнаго веселостю». Одинъ только кашлатый угрюмо сидѣлъ все время въ углу, скрестивъ на груди руки, или многодумно пощипывая свою бородку и тѣмъ показывая грустное презрѣніе къ такому малодушному препровожденію времени, когда жгучіе вопросы «общаго дѣла» и проч. и проч. требуютъ особаго напряженія гражданской скорби и мысли.

Наконецъ и самъ Ермолай Касьяновъ не выдержалъ: воодушевившись нѣсколькими стаканами крѣпкаго пунша, до цвѣта пунцоваго піона въ лицѣ, и безтолково замѣшавшись въ карѣ между танцующими парами, онъ расчитилъ себѣ мѣсто и прошелся по залѣ «русскую», помахивая ентцовымъ платочкомъ и отбивая трепака каблукками, чѣмъ и вызвалъ единодушныя аплодисменты земцевъ и общее «браво». — «Ходи ты, ходи я, ходи милая

мой!» поддѣлывалъ онъ себѣ говоркомъ, поводя и передергивая плечами и подмигивая глазкомъ на барышнень:

Ходи изба, ходи печь,
Хозяину негдѣ лечь!

— Бррраво, Ермолай Касьяновъ! Валяй во всю! — поощрительно ревели ему земцы. — Брррраво-о! Урра-а!!! подхватывала вслѣдъ за ними вся остальная публика.

Танцы подъ аристонъ чередовались съ пѣніемъ. Пѣли хоромъ учителя съ барышниками и отчасти съ жидочками преимущественно «кружковскія» и студенческія пѣсни, въ родѣ «Есть на Волгѣ утѣсь, или «Проведемте, друзья, эту ночь веселѣй» и т. п. Агрономскій по этому поводу приходилъ въ восторгъ, и самъ начиналъ поддѣлывать фальшивымъ козелкомъ, подлаживаясь къ хору. Тамара въ теченіе нынѣшняго дня замѣтила, что онъ, нерѣдко по самымъ неожиданнымъ поводамъ, склоненъ впадать въ сантиментально восторженное состояніе и тогда начинаеть закатывать глазки и даже захлѣбываться. Но она замѣтила въ немъ и еще нѣчто такое, что начинало ее отчасти тревожить. Сегодня за обѣдомъ онъ взялъ на себя роль преимущественно ея кавалера и, обращаясь къ ней то съ тѣмъ, то съ другими маленькими застольными услугами и разговорами, какъ-бы оглаживалъ ее сластолюбивымъ взглядомъ, сличшкомъ выразительнымъ, чтобы не понять его значенія, и тѣмъ болѣе, что эти его взгляды постоянно сопровождалась сдержанною улыбкою Сатира. Онъ видимо начиналъ ухаживать за нею и дѣлалъ это столь откровенно, что и другіе не могли не замѣтить его аллюровъ. Скотницы своей, возведенной имъ въ положеніе подруги жизни съ лѣвой стороны, онъ гостямъ никогда не показывалъ, стараясь скрывать передъ посторонними самое существованіе этой особы съ двумя прижитыми отъ нея мальчишками, а на время съѣзда даже удалилъ ее съ дѣтьми въ особую баню, на задворкахъ усадьбы, давъ ей строгій наказъ не показываться въ домѣ, пока у него гости. Поэтому, изображая себя холостымъ и свободнымъ человѣкомъ, онъ весьма не прочь былъ при удобномъ случаѣ и пообласиячать, и такой-то вотъ случай представился ему нынче въ лицѣ красивой Тамары. При всей неказистости своей фигуры и фізіономіи, у него однако давно уже образовались насчетъ своей «неотразимости» и «успѣховъ» извѣстная самоувѣренность и самолюбіе, свойственныя вообще всѣмъ людямъ съ искривленіемъ позвоночника. Надо, впрочемъ, сказать, что для такого убѣжденія имѣлись у этого своеобразнаго ловласа и свои основанія, такъ какъ нѣкоторыя учительницы и земскія акушерки вовсе были не прочь, чтобы онъ поухаживалъ за ними, имѣя въ виду добиться

черезъ него повышенія себѣ оклада, или перевода на лучшее мѣсто, а иныя, какъ гласила молва, не безъизвѣстная черезъ «матушку» Анну Макарьевну и Тamarъ, даже отвѣчали на его авансы полною готовностію. Уже и сегодня за столомъ нѣкоторыя поглядывали на «горѣловскую учительницу» съ двусмысленною подозрительностію — «а-а, дескать, голубушка, никакъ ты того... въ педагогическія помпандурии мѣтишь!» — и дѣвушка съ сердечнымъ безпокойствомъ уже предвидѣла по отношенію къ себѣ въ будущемъ пѣлую перспективу двусмысленныхъ взглядовъ и колкихъ улыбокъ, а затѣмъ сплетенъ, злословій, клеветы и всяческой грязи, которыми, при малѣйшемъ поводѣ съ ея стороны, не замедлятъ очернять ея доброе имя — иныя изъ зависти и досады, зачѣмъ не онѣ на ея мѣстѣ, другія просто изъ любви къ мерзостямъ. Поэтому она рѣшила быть какъ можно сдержаннѣе и дальше отъ Агрономскаго и, не давая ему никакого повода къ ухаживаніямъ за собою, дѣлать видъ, какъ будто не замѣчаетъ и вовсе даже не понимаетъ его авансовъ. Но чтобы ни казаться ни ему, ни другимъ недотрогой или гордячкой (этого ей тоже не простили бы), ей надо было держать себя просто, скромно и быть одинаково любезною со всѣми — и съ учителями, и съ жидочками, и съ земцами, не отказывая никому въ турѣ вальса или польки, — и это казалось ей тѣмъ легче, что, будучи здѣсь красавѣе всѣхъ, она не встрѣтила недостатка въ добровольныхъ ухаживателяхъ и поклонникахъ. А между тѣмъ, эта ровность въ обращеніи со всѣми, по ея мнѣнію, должна была служить ей лучшею защитой противъ злословія.

Въ серединѣ вечера всѣмъ гостямъ стали раздавать по лотерейнымъ билетикамъ сюрпризы съ елки, состоявшие изъ различныхъ маскарадныхъ костюмовъ и головныхъ уборовъ, сдѣланныхъ изъ папирсной бумаги и заключенныхъ въ позолоченныя бумажные цилиндрики съ хлопушками. Передернину достался костюмъ маркиза, Агрономскому — бретонской пейзажи, Семіокову — Фигаро, а Пихимовскому — курицы-наседки. Всѣ неукоснительно должны были облечься во что кому досталось и проходить парами въ торжественной процессіи по залѣ, подъ звуки марша, причемъ Пихимовскій, какъ старѣйшій и досточтимѣйшій, единогласно удостоенъ былъ чести открывать, въ видѣ курицы, маскарадное шествіе, съ Марьей Антоновой Шницбергъ, преобразившейся въ матроса. Въ заключеніе, всѣмъ учителямъ и учительницамъ были розданы маленькіе «полезные» подарки: учителя получили по двѣ пары теплыхъ носковъ и по ситцевому носовому платку, а учительницы — по записной памятной книжкѣ «Agenda», въ коленкоровой обложкѣ, съ выдвижнымъ карандашикомъ, и по куску глицериноваго мыла

изъ образцовой школы Пихимовскаго. Всеми же вообще учительскому «персоналу» было роздано еще и по тюрику съ елочными гостинцами. «Многочтимѣйшій» тоже получилъ въ подарокъ привычнаго кота и коробку Ландрин-новской карамели, очень удобной для сосанья, чѣмъ и остался весьма доволенъ.

XIV.

Все хорошо, что хорошо кончается.

Пока молодежь плясала, люди болѣе солидные зашли въ винтъ, а неиграющіе пребывали преимущественно въ столовой, около большого пузатого самовара, согрѣваясь пуншемъ съ коньякомъ «жестокой марки» кашинскихъ братьевъ Змѣевыхъ, или «прохаживаясь» по домашнимъ наливкамъ Агрономскаго. У этого мирнаго пристанища держались преимущественно и Передернинъ съ волостнымъ Сазономъ Флегонтовичемъ, какъ люди положительные, и сюда же заглядывала «освѣжаться» въ антрактахъ между полками и кадрилими «танцующая телегенция», по выраженію того же Сазона. Агрономскій за каргы не присаживался и, въ качествѣ любезнаго хозяина дома, пребывалъ вездѣ и повсюду, разрываясь между танцующею залой, винтациею гостиниой и освѣжающеюся столовой.

Чѣмъ дольше тянулся вечеръ, тѣмъ все чаще и громче раздавались изъ этой столовой захмѣлѣвшіе или расчувствовавшіеся голоса и доносились въ другія комнаты отдѣльныя восклицанія и звуки дружескихъ изліяній, лобзаній, пререканій и споровъ. Тамъ уже титуловали теперь «женское сословіе» этого собранія не барышнями и госпожами, какъ давеча, а просто «мамзрами» и «мадамиами», чему первый примѣръ подалъ кашлатый носитель косоворотки и гражданской скорби. И мадамы съ мамзрами, въ большинствѣ своемъ, повидному, не обижались такими изящными кличками, а тѣ изъ нихъ, кому это не нравилось, хотя и морщились, но—нечего дѣлать!—терпѣли. Таковъ уже былъ господствовавшій здѣсь подъ конецъ вечера жанръ, протестовать противъ котораго было бы совершенно напрасно, а уйти тоже было некуда.

Кашлатый, послѣ маскарадной процессіи, предпочелъ удалиться изъ своего угла тоже въ столовую, поближе къ «жестокой маркѣ», и теперь ораторствовалъ тамъ передъ провизоромъ Гюнцбургомъ и докторомъ Гольдштейномъ о томъ, какъ «протестующія свѣтлыя личности» изъ московскаго купечества, на зло правительству, пожертвовали 500.000 рублей для женскихъ курсовъ, и распинался, бия себя въ грудь кулакомъ, за горячую любовь народа къ дѣлу женскихъ медицинскихъ курсовъ, о чемъ-де свидѣлствуетъ не только

онъ, знающій нашъ народъ въ корень, но и «Московский Курьеръ» и даже самъ «Голосъ».

Ермолай Касьяновъ Передернинъ слушалъ, слушалъ все это со стороны, да и брякнулъ ему наконецъ съ безцеремонной откровенностью, что «врете, молъ, вы съ вашимъ «Голосомъ», какъ сивые мерины,—потому народъ не токма-что бабыхъ курсовъ, а и земскихъ-то врачей знать не хочетъ».

Кашлатый оскорбился выраженіемъ «врете» и обозвалъ Ермолая «сиволапымъ мужланомъ», забывъ, вѣроятно, что въ социаль-демократическихъ устахъ подобное «сословное» выраженіе звучитъ болѣе чѣмъ странно.

Ермолай въ долгу не остался и обругалъ его «паршивцемъ». —Пушай, говоритъ, я мужланъ, да зато я членъ управы, домовладѣлецъ, уполномоченный отъ земства, а ты кто?—Мразь подзаборная! Голоштанецъ!.. Всякій паршивый учителяшка туда же, смѣетъ еще разговаривать!..

За кашлатата вступились Гольдштейнъ съ Гюнцбургомъ. Въ особенности послѣдній, чувствуя себя въ эту минуту «въ большинствѣ», съ чисто еврейскимъ наскокомъ и анлобкомъ наскочилъ на Передернина съ замѣчаніемъ, что онъ не смѣетъ «вешкорблять» подобными словами являющагося человека, и потребовалъ у него извиненія передъ кашлатымъ.

—Чего-о-съ?.. Извиненія?.. Да ты что такое? Откуда ты взялся? Чего ты вынешься?.. Что тебѣ отъ меня?.. Ты кто?.. Ты думаешь, ты провизоръ, такъ можешь мнѣ указъ читать?! Жиды вы пархатые,—вотъ вы кто!.. Чхать я на васъ хотѣлъ!

На этотъ шумъ приближалъ изъ гостиниой Агрономскій.—Что вы, что вы, господа? Въ чемъ дѣло?

Гольдштейнъ и Гюнцбургъ, наперебой другъ другу, горячо стали жаловаться ему, какъ хозяину, на «неслыханныя оскорбленія», которыми они, его гости, подверглись въ его домѣ, вмѣстѣ съ кашлатымъ, отъ «гасшпадина» Передернина.—И Алоизій Марковичъ, оскорбившійся не менѣе Гюнцбурга съ Гольдштейномъ словомъ «жиды», хотя къ нему и не относившимся, но такъ уже, потому что очень не любилъ этого слова,—рѣзко сталъ выговаривать Ермолаю Касьянову, что это-де свяство съ его стороны попрекать людей происхожденіемъ, когда они и вовсе не жиды, къ тому же,—и откуда онъ взялъ, что они жиды!.. Удивительное дѣло!.. Что жидъ, что русскій—не все ль равно?! А обозвать честнаго дѣятеля «паршивымъ учителяшкой» и «голоштанцемъ» это ужъ такая возмутительная, ретроградная пошлость, которой просто нѣтъ имени на языкъ порядочныхъ людей, чтобъ заклеить ее достойнымъ образомъ.

—Послѣ этого,—говорилъ онъ, все болѣе взвизгивая себя на тонъ «благороднаго» не-

годованія.—Послѣ этого, извините, ни одинъ честномыслящій человѣкъ не захочетъ подать вамъ руку!.. Это, съ вашей стороны, гнусное ретроградство, достойное развѣ Страстного бульвара!.. И мнѣ стыдно, я краснѣю, что до сихъ поръ могъ такъ ошибаться, считая васъ сыномъ народа и потому своимъ другомъ, тогда какъ вы, въ самомъ дѣлѣ, не болѣе какъ катковецъ!

— Ну, конечно!.. Ну, да!.. Еще бы!—выслушивая все это, ломаясь передъ нимъ—руки въ боки—Ермолай Касьяновъ.—Куда жъ намъ до васъ!.. Извѣстно!.. Вы вонъ—со слезами умиленія можете о прелестяхъ царевубійства говорить,—ну, а мы, слава те, Господи! до этого не дошли еще!

— Гасшпада!.. Гдѣ мы? съ кѣмъ мы?—съ благородно возмущеннымъ и брезгливо презрительнымъ видомъ глядя на Передернина, обратился ко всѣмъ свидѣтелямъ этой сцены докторъ Гольдштейнъ.—Между нами доносчики, шпионы, сикофанты!.. Мы не можемъ оставаться въ такомъ воядухѣ ни одной минуты!

— Или мы, или гасшпадинъ Передернинъ!—рѣшительно и гордо заявилъ завзятый Гюнцбургъ, чувствуя теперь за собою еще болѣшую поддержку, чѣмъ за минуту предъ этимъ.—И что вы себѣ думаете!—снова наскочилъ онъ съ горячею жестикюляціей на Ермолая Касьянова, держась, однако же, на приличномъ отъ него разстояніи.—Вы явились разстраивать нашего мирнаго, труженическаго праздника?.. Вы думаете, что вы накрали себѣ въ земствѣ два дома въ Бабьегонскѣ, такъ и можете вешкობлять счастливыхъ людей?

— Отъ вора слышу,—сидя у стола, отозвался Передернинъ.—Я пока еще хины изъ земской аптеки не воровалъ, да на-сторону не продавалъ.

Но тутъ вступился въ дѣло миротворцемъ, молчаливѣйшій доселѣ, волостной старшина.

— Господа, господа! Каки такіе слова?! Зачѣмъ?!—солидно пустился онъ уговаривать обоихъ.—Такіе преосвященные люди, въ такомъ высокопреосвященномъ обществѣ, и вдругъ—«воръ» да «воръ»,—что вы это?! Помилуйте!

— А-а, такъ я крадъ хина?! Я крадъ хина?.. Вы можете этово доказать? Вы имѣете свидѣтелей?—горичо вступился за себя Гюнцбургъ.—Гасшпада! будьте пожалуста свидѣтели!.. Что я крадъ хина, этого гасшпадинъ Передернинъ не докажетъ! А что онъ нажалъ въ управѣ два дома, этого всему свѣту звѣстно!

— Молчать!!!—стукнулъ Ермолай кулакомъ по столу такъ, что задребезжали всѣ стаканы и ложечки на блюдахъ.

— Молча-ать?.. Это передъ вами-то молчать?.. Хо-хо!.. Зачиво это?—нахально харахорился расхланившійся Гюнцбургъ, въ упованіи

все на ту же поддержку.—Вы думаете, такъ я и спугался?.. Нѣтъ, позвольте вамъ выразить, что этово только подлець можетъ сказать, что я крадъ хина!.. Да, подлець! Подлець!—вотъ кто!—кричалъ онъ, вызываясь глядя въ глаза Передернину.

— Эй, жидъ, не дразни! Плохо будетъ!—погрозилъ ему тотъ пальцемъ по краю стола, продолжая, однако, сидѣть на мѣстѣ.

— Слыто таково?.. Ви, кажется, мнѣ угрожаете?.. Пфсс!.. презрительно усмѣхнулся провизоръ.—Любопытнѣе былъ бы я очень посмотрѣть, какъ это можетъ быть мнѣ плохо!

Ермолай Касьяновъ—все такъ же руки въ боки—не торопясь, подступилъ къ нему поближе, молча смѣрилъ его въ упоръ налитыми кровью глазами, да какъ развернется—и трахъ его прямо въ физиономію.

Гюнцбургъ кубаремъ полетѣлъ на полъ, но тотчасъ же поднялся на ноги и, подпрыгнувъ, съ дикимъ визгомъ, какъ кошка, стремительно вцѣнился обѣими руками въ бороду Ермолая. Началась жестокая драка: одинъ, молча, тузилъ по чѣмъ ни понада кулаками, другой, нападая, визжалъ, паралася и кусался. Агрономскій съ Гольдштейномъ кинулись было разнимать ихъ, но тотчасъ же, какъ ошпаренные, отскочили въ стороны, схватясь рукою—одинъ себѣ за лѣвый глазъ, другой за ухо.

Въ слѣпномъ азартѣ, не разбирая уже кому и куда накладываетъ, Ермолай ненарокомъ закатилъ здороваго туза въ подглазье Агрономскому, а Гюнцбургъ нечаянно куснулъ за ухо, вмѣсто Ермолая, подвернувшася Гольдштейна. И чуть только оба миротворца успѣли отскочить въ сторону, какъ Передернинъ, схвативъ своего противника за горло, пихнулъ его отъ себя съ такою силою, что тотъ вторично повалился на полъ. Пользуясь этимъ моментомъ, Ермолай насѣлъ на него верхомъ, какъ медвѣдь на колоду, и принялся довольно спокойно и неторопливо кормить лежащаго наземъ Гюнцбурга разнѣренными пощечинами, приговаривая за каждымъ ударомъ:

— Вотъ тебѣ мой домъ!.. Вотъ тебѣ другой!.. А вотъ тебѣ «воръ»!.. Вотъ-те «подлець»!.. Не любишь?.. Ага!.. Не ругайся впередъ! не наскакивай!.. Не будь «любопытнѣе»!..

На суматошливый шумъ и крикъ, сопровождаемый хлесткимъ звукомъ эгихъ пощечинъ, обѣялись сюда, изъ любопытства и скандала ради, всѣ земцы, вивтѣры и танцоры, учителя и «мадамы», и общими усилиями, среди общаго гвалта, успѣли кое-какъ вытащить изъ-подъ Передернина злополучнаго жидка и увести его изъ столовой. На самого Ермолая насѣли при этомъ нѣсколько человѣкъ, старавшихся ухватить его сзади—кто за локти и руки, а кто за шиворотъ и плечи; но онъ все-таки успѣлъ, понагужась и крихтя,

подняться съ колѣнъ и, здорово встряхнувшись, разомъ сбросилъ съ себя весь этотъ живой грузъ, а затѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отошелъ къ столу и сѣлъ на свое мѣсто, оправляя себѣ маленькую бороду и прическу.

— Фу, окаянныя!.. Ажно взопрѣлъ съ ними, ей-Богу!

— Это безобразіе! Это чортъ знаетъ, что таково!.. Ми не позволимъ! Ми протестуемъ!.. Ми вамъ покажемъ еще!.. Ми требуемъ претоколъ!.. Претоколъ! — шумѣли между тѣмъ, выглядывая изъ-за чужихъ спинъ, остальные жидочки.

— Арияки! арияки!.. Воды холодной! Компрессъ скорѣе! Гдѣ у васъ арияка? — суетилось около Агрономскаго нѣсколько дамъ, тогда какъ самъ Агрономскій, морщась отъ боли, пассивно сидѣлъ въ концѣ стола, прикрывая облокаченной рукою свое подглазье.

— Мѣдный пятакъ приложить надо, — озбоченно совѣтовалъ Ратафьевъ. — Поскорѣ пятакъ, пока не вздулось, а то разнесетъ въ какъ!.. Нѣтъ ли у кого пятака, господа?

— У меня двугривенный, размѣнять можно, — предложилъ, не помявъ въ чемъ дѣло, досточтимѣйшій.

Изъ смежной комнаты доносились вскрипыванья и хныканье «потерпѣвшаго» Гюнцбурга. Этими своимъ хныканьемъ онъ разсчитывалъ привлечь къ себѣ сочувствіе общества, но обществу было не до него. Одни ухаживали за Агрономскимъ, другіе за докторомъ Гольдштейномъ, который растерянно прикладывалъ себѣ къ уху носовой платокъ, безпрестанно разсматривая, много ли на немъ крови. Крови, однако, на платкѣ было гораздо меньше, чѣмъ испуга на лицѣ доктора.

— Ай, бѣдный докторъ, и вамъ тоже досталось! — сочувственно качалъ передъ нимъ головою г-нъ Семіоновъ и дружески предлагалъ залѣпить ему ухо англійскимъ пластыремъ. — Давайте, я вамъ наклею!

Остальные приставали къ волостному съ разспросами, изъ-за чего и какъ все это случилось, — вы-де были тутъ съ самаго начала и видѣли, — но Сазонъ Флегонтовъ болѣе резонерствовалъ, чѣмъ разсказывалъ. — Помилуйте, — разсуждалъ онъ, разводя руками. — Я жъ имъ и говорю, — такіе пресвященныя господа, говорю, и вдругъ таперича, забывши всю свою великатность... гдѣ бы, скажемъ такъ, по примѣру священной уважаемой столицы, чтобы все это въ порядкѣ благочинія, а они — на-ко-съ — воръ да воръ! да другъ дружкѣ трахъ, значитъ, въ зубы!.. Словно сицилисты какіе, ай-Богу!

— Этово дѣла такъ осштавить нельзя! — «благородно» гадѣлъ, между тѣмъ, «благороднѣйшій» еврейчикъ Коганъ. — Это дѣло общественное!.. Да, общественное! Въ лицѣ насшево

Гюнцбургъ вскорблено все общество! И ми вотируемъ выраженіе негодованію!

— Выраженіе общественнаго презрѣнію! — подхватывалъ въ ладъ ему Миквицъ.

— Претестъ уфѣхъ счество мыслящихъ! — горячился Лифшицъ.

— Гасшпада! Выраженіе зачувствія къ доктору Гольдштейну!.. Адресъ къ Алоизію Марковичу!.. Адресъ и къ нашему бѣдному Гюнцбургъ! — раздавалось одновременно изъ разныхъ еврейскихъ устъ, все съ большимъ и большимъ задоромъ. — Ми поряцаемъ безобразнаво поступка гасшпадина Передернина!.. Ми желаемъ предавать его гласностью!.. Къ позорный ситлобъ!.. На снюдъ общественнаго мнѣнію!

— Тфу!.. энергично, плюнулъ въ ихъ сторону Ермолай Касьяновъ, подымаясь съ мѣста. Ну васъ къ ляду!.. Пойду лучше опать.

И онъ, нѣсколько пошатываясь отъ разбравшаго его хмѣля, равнодушно направился къ двери.

Жидочки тотчасъ же, какъ зайцы, шарахнулись передъ нимъ въ стороны и, разступаясь какъ можно шире, совершенно очистили ему выходъ изъ комнаты.

На этомъ пока и закончился протестъ «счество мыслящихъ».

* * *

Тамара съ ея временною сожительницей, не желая быть свидѣтельницами дальнѣйшихъ скандаловъ, которые, судя по общему возбудженному состоянію всей этой публики, легко могли возобновиться, постѣснила загода убраться въ себѣ домой, хотя бы даже пѣшкомъ, лишь бы поскорѣе. Но на ихъ счастье, у крыльца ожидала уже лошадь Агрономскаго, запряженная въ санки подъ своѣмъ квартирантовъ школы. Этими санками онъ первыи воспользовался. Обѣ были убѣждены, что съѣздъ теперь разстроился и больше не возобновится. Да и какъ, въ самомъ дѣлѣ, продолжаться ему послѣ такой скандальной исторіи? Всѣ гости, вѣроятно, сегодня же въ ночь поспѣшатъ разбѣжаться по домамъ, тѣмъ болѣе, что Агрономскому надо лечить свое подглазье, и ему конечно уже не до съѣзда, послѣ такого гостяца. Вскорѣ явились съ гамомъ и топотомъ на ночлегъ всѣ четверо подгулявшихъ учителей, и обѣ дѣвушки ясно слышали черезъ стѣну ихъ громкій возбужденный говоръ и толки о происшествіи. Тамъ тоже были увѣрены, что съѣздъ безвременно покончилъ свое существованіе, и обвиняли — одни Передернина, другіе Гюнцбурга и завязатыхъ жидочковъ; ожидали, что въ газетахъ навѣрное появится теперь какая-нибудь запозистая, обличительная статейка, и заранѣе уже смаковали всю прелесть того скандальнаго интереса, какой она возбудитъ во всемъ бабѣговскомъ заходустѣ.

— Мамзюрочки, вы спите! — слышался, выѣстъ со стукомъ въ стѣну, пьянеяый го-

лось кашлатого учителя.—Ходьте-ко лучше к намъ, или мы к вамъ... потолкуемте... у насъ пиво есть.

Дѣвушки не отвѣчали, но это не остановило кашлатого, который продолжалъ время отъ времени адресоваться къ нимъ черезъ стѣну со своими стуками и «товарищескими» предложениями,—нужды нѣтъ, что остальные уговаривали его оставить учительницъ въ покоѣ и не затѣвывать скандаловъ. Изъ-за этого возникъ среди учителей даже споръ съ кашлатымъ, дошедшій до крупной руготни и чуть было не до драки, но, слава Богу, успѣли какъ-то помириться между собою, перейдя на почву женскаго вопроса вообще и правъ женщины на уваженіе, въ частности... Затѣмъ будили стараго Ефимыча и заказывали ему раздобыть, какъ знаетъ и гдѣ хочетъ, четыре пары пива, а потомъ кашлатый сталъ орать пѣсни.—«Ахъ, ты, Домна, Богъ съ тобою!»—раздавался на весь домъ достаточно уже нахрипшій баритонъ его.—«Неужели еще ты мною довольна?»

«Я къ тебѣ со всей душою,
Ты же все ко мнѣ спиною,—
Это больно!»

Наконецъ квартирантка Тамары, выведенная изъ послѣдняго терпѣнія, рѣшительно и сердито объявила ему черезъ стѣну, что если онъ сейчасъ же не перестанетъ безобразничать и не оставить ихъ въ покоѣ, то онъ пожалуются Агрономскому. Угроза подействовала, и хотя кашлатый поворчалъ еще что-то насчетъ ихъ «кисейности» и «недоотрожества», однако больше не приставалъ и прекратилъ свою серенаду, да и остальные продолжали разговоры между собою уже вполголоса. Вообще, въ обѣихъ половинкахъ школы долго не могли успокоиться отъ впечатлѣній сегодняшняго вечера, а въ классной комнатѣ говоръ смѣнился храпомъ уже чуть не подъ утро. Какъ въ той, такъ и въ другой половинѣ общее убѣжденіе остановилось на томъ, что съѣздъ поконченъ, и завтра же, стало быть, можно будетъ всѣмъ убраться по-добру по-здорову во-своея.

Но каково-же было удивленіе Тамары, когда въ десять часовъ утра подкатили ко крылечку школы санки Агрономскаго, и сидѣвшій въ нихъ за кучера работникъ заявилъ ей, что баринъ-де проситъ на съѣздъ!.. Сперва-де приказали барышней привезти, а потомъ за господами опять пріѣхать.

* * *

Благодаря ли мѣдному пятаку, или компрессамъ съ арникой, слѣды вчерашняго побоища оглаивались для Агрономскаго и Гольдштейна лишь необходимыми кровоподтеками и ссадинами. Оба появились въ залѣ со своими трофеями: у одного повязка прикрывала подбитое подлѣздо, у другого укушенное ухо было залѣплено чернымъ англійскимъ пластыремъ, но

оба имѣли при этомъ совершенно спокойный видъ, точно бы вчера у нихъ ровно ничего «такого» не случилось. Но удивленіе и недоумѣніе Тамары возросло почти до крайнихъ предѣловъ, когда она увидѣла входящихъ въ ту-же залу Гюлцбурга съ припухшими щеками и Передерягина съ испаряннымъ лицомъ и носомъ, но тоже улыбающихся и даже дружески бесѣдующихъ между собою, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что жъ это такое? Они здѣсь? И оба вмѣстѣ?! — обратилась она къ своей квартиранткѣ, ровно ничего уже не понимая.

— Какъ видите,—улыбнулась учительница.

— Да какъ же это?.. Неужели помирились?!

— Разумѣется, помирились, а то что же!

— Но какъ же такъ, однако? Другъ другу надававши пощечинъ?!

— Вотъ именно потому-то, что другъ другу. Вы удивляетесь?—спросила она, сама не безъ удивленія взглянувъ на товарку.—Ничего, это у насъ бываетъ... знаете, по пословицѣ, мылые дерутся только тѣмъ такъ.

— Значитъ, «свои» люди—сочлиса, — ironically замѣтила Тамара.

— Непремѣнно сочлиса, а то какъ же? Вчера подрались—сегодня помирились, или сегодня подерутся—завтра помирятся: дѣло заурядное!—пояснила учительница и сослалась, кстати, на Марью Антоновну Шницбартъ, которая рассказываетъ-де, что Алоизій Марковичъ съ друзьями все утро уговаривали сегодня обѣихъ извинять другъ другу за взаимностью оскорбленій, потому что если даже и до суда дойдетъ, то и мировой не рѣшитъ имъ иначе, — ну, и уломали-таки, урезонили, пощмовать заставили и по волкѣ пройтись, въ знакъ примиренія.—Да и что имъ ссориться? — прибавила она.—Изъ-за чего? Пустяки одни, а интересы-то вѣдь общіе... Только партію земскую разстраивать!.. Да и управскіе ради Гюлцбурга Передерягинымъ не пожертвуютъ, а Гюлцбургъ тоже мѣстомъ своимъ дорожить: и жалованье тамъ, и доходишки—все это у нихъ въ соображеніи... Ссориться-то, значитъ, не выгодно,—понимаете?

— Ну, правы, однако! — озадаченно покачала головою Тамара.

— А что же правы?—правы, какъ правы, ничего-себѣ!—заступалась за бабьёгонцевъ учительница. — Въ другихъ земствахъ развѣ не то же? Почитайте-ка газеты,—вездѣ то же самое, когда не хуже... Есть уѣзды, гдѣ рѣдко которое собраніе безъ этого обходится: перепьются и подерутся, проснятся и помирятся. Не на дуэль же выходить, и въ самомъ дѣлѣ!.. Чего тамъ?!

Но Тамара никакъ не могла помириться съ такою сущностію дѣла: вѣдь если это и не «лучшіе люди», какъ сами себя они называютъ, то все же люди, болѣе или менѣе, обра-

зованные, интеллигентные, общественные, — какъ же такъ-то?!

— Это вамъ, душечка, еще съ непривычки кажется такъ странно, — утѣшила ее сожительница. — А вотъ, пообщиваетесь и перестанете удивляться.

Между тѣмъ, почетные гости и учителя съ и ученицами заняли, по-вчерашнему, свои мѣста, — и Агрономскій объявилъ засѣданіе открытымъ.

На этотъ разъ шли разговоры о законѣ Божіемъ. Руководитель конференціи доказывалъ, что законъ Божій, по-настоящему, слѣдовало бы, по примѣру Франціи и Бельгіи, совершенно исключить изъ предметовъ преподаванія въ училищахъ, удержавъ, вмѣсто него, одинъ только «курсъ морали», что «религиозные предрасудки вообще стѣсняютъ жизнь, и отъ этихъ стѣсненій необходимо освободить наконецъ страдающее человѣчество». — Конечно, — говорилъ онъ, — совершенно раздѣляю мнѣніе барона Корфа, что «законъ Божій въ рукахъ талантливаго человѣка, любящаго дѣтей, представляетъ собою ученикамъ рядъ художественныхъ картинъ прошлаго, передаетъ занимательныя притчи Христовы, посвящаетъ учащихъ въ прошлое, то-есть въ исторію своего и другихъ народовъ, переноситъ ихъ воображеніе въ интересныя страны, преисполненныя для ребенка чудесами природы», но для этого учитель непременно долженъ быть талантливъ, чтобы подъ предлогомъ закона Божія, онъ, въ сущности, могъ бы знакомить слушателей со всеобщей исторіей и географіей, этнографіей и статистикой, физикой и химіей, геологіей и вообще съ естественными и даже, пожалуй, съ политическими и политико-экономическими науками. Далѣе онъ охотно соглашался и съ мнѣніемъ одного изъ нашихъ современно-ученыхъ іереевъ, что, пожалуй, и «Христосъ достойнаго подражанія личность», — почему-жъ бы и нѣтъ, если взять Его, въ особенности, за образецъ стойкости за идею! — но что, во всякомъ случаѣ, нужно «спасти нашу школу отъ духовенства», нужно «навсегда оттолкнуть духовенство отъ школы», нужно уничтожить въ ней «обученіе неосмысленному, хотя и выразительному, церковно-славянскому чтенію и тому подобнымъ прелестямъ, за которыя яко-бы такъ стоитъ русскій народъ...» А чтобъ лишить духовенство возможности открывать на церковныя средства свои особыя церковно-приходскія школы, просвѣщенному нашему земству слѣдуетъ «ходатайствовать передъ правительствомъ о томъ, чтобы доходы и расходы церкви и прихода вѣдались не причтомъ, а приходскими попечительствами», которые тоже слѣдовало бы «реорганизовать просто въ волостныя попечительства», ибо только при такихъ условіяхъ земская народная шко-

ла можетъ свободно достигнуть высоты своего назначенія.

Затѣмъ были сдѣланы предложенія замѣнить на будущее время, согласно Паульсону, нынѣшніе грамматическіе термины новыми «народными», какъ наиболее отвѣчающими народному духу и пониманію, и потому впредь называть ими существительное — «предметнымъ словомъ», глаголъ — «дѣйнымъ словомъ», предложеніе — «сказомъ» и т. д. Рѣшено отложить вопросъ до общаго, большаго съѣзда.

Послѣ этого было предложено учителямъ и учительницамъ, не желаетъ ли кто изъ нихъ высказаться по какимъ-либо педагогическимъ вопросамъ сельско-народной школы? — И на это одна изъ стриженокъ заявила, что «въ виду желательнаго распространенія среди крестьянъ естествознанія, необходимо приобрести для сельскихъ школъ экспериментальныя физическія приборы и инструменты: магнитъ, лейденскую банку, электрофоръ, термометръ, барометръ, небольшою волнебный фонарь и т. п., а для упражненій въ химіи, столъ необходимой въ настоящее время, выписать реторты, колбы, ванны, печи и разные, необходимые для опытовъ, составы». — Предложеніе это принято къ свѣдѣнію и къ исполненію въ будущемъ, «какъ въ высшей степени симпатичное», особенно въ надеждѣ, что кто-либо изъ просвѣщенныхъ рабѣтелей школьнаго дѣла («тонкій» намекъ на Пихимовскаго), можетъ быть, пожелаетъ осуществить его на собственные средства.

Наконецъ, въ заключительномъ своемъ «словѣ» руководитель «занятій» съѣзда выразилъ, что «ученикъ сельской школы долженъ вынести изъ нея понятіе объ истинномъ, а не квасномъ гражданскомъ долгѣ, научиться уважать симпатичныхъ общественныхъ дѣятелей и ненавидѣть и презирать несимпатичныхъ, сочувствовать гонимымъ за независимыя, честныя убѣжденія, раздѣлять ихъ стремленія къ общему дѣлу», — вотъ-де ваша задача! — А безъ этого вы намъ будете не воспитывать, а только портить въ лицѣ дѣтей хорошій матеріалъ для будущаго, за который исторія строго спроситъ съ насъ отвѣтъ передъ грядущими поколѣніями. Всю эту тираду Агрономскій патетически закончилъ выдержкой изъ Некрасова:

«Сѣйте разумное, доброе, вѣчное,
Сѣйте... Спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ!»

Вслѣдъ за этимъ напутствіемъ, задача съѣзда была объявлена исполненною, и засѣданіе закрыто. Послѣдовало опять общій обѣдъ «изъ питательныхъ продуктовъ», а затѣмъ, по-вчерашнему, пѣніе и танцы, но на сей разъ уже безъ дивертисмента драки.

— Однако, вѣдь это все стало-таки въ копѣйку Агрономскому! — замѣтила Тамара своей квартиранткѣ.

— Ему?—удивилась та.—Съ какой статья?

— Да какъ же, вѣдь всѣ эти угощенія, обѣды, елка, подарки... вѣдь это же чего-нибудь да стоитъ!

— Ни мало!—засмѣялась учительница.—Вы заблуждаетесь: онъ дѣлалъ все это вовсе не на свои деньги.

— Какъ не на свои? Такъ на чьи же?

— На земскія: управа, просто, согласилась ассигновать ему авансъ изъ суммъ на непредвидѣнныя надобности, вотъ и только.

— Такъ вотъ оно что!—удивилась въ свой чередъ Тамара.

— А вы думали иначе?.. Какъ же, ставеть онъ тратиться! Самый изъ таковскихъ! — И учительница при этомъ сдѣлала даже предположеніе, что онъ за всю эту телятину съ огурцами и бутерброды, пожалуй, еще аптекарскій счетъ въ управу представить, изъ котораго добрая половина расходовъ останется въ его собственномъ карманѣ.

— Такъ это значить, что всѣ эти господа, подъ предлогомъ сѣзда, устраиваютъ себѣ маленькіе пикники для собственнаго удовольствія?

— Именно, это и значить, — подтвердила учительница,—а потому можете считать себя вислоко не обязанною благодарностью господину Агроному.

Но какъ разъ въ эту самую минуту сіяющій Агрономскій появился въ залѣ и, потребовавъ себѣ общаго вниманія публики, громкогласно объявилъ, что досточтимѣйшій Несторъ Модестовичъ Пихимовскій, желая освободить земскій сундукъ отъ расхода, ассигнованнаго на устройство настоящаго сѣзда, со свойственнымъ ему великодушіемъ, выразилъ свое согласіе принять всѣ вообще расходы по этому полезнѣйшему предпріятію на свой собственный счетъ, вслѣдствіе чего, всѣ участники сѣзда приглашаются принести магистру мценату въ особомъ адресѣ выраженіе общественнаго сочувствія и благодарности.

Всѣ тотчасъ же бросились къ Пихимовскому, окружили его тѣсною гурьбой и принялись качать, съ криками «ура» и превеликимъ гамомъ.

— Вотъ видите, какъ все прекрасно устроилось, — обратилась къ Тамарѣ ея квартирантка.—Стоило лишь уломать этого младенца!

— Это-то, кажись, не трудно, — замѣтила та,—но какъ же быть теперь съ аптекарскимъ счетомъ? Посократить придется?

— О, объ этомъ не беспокойтесь! Аптекарскій счетъ можетъ быть хоть утроенъ,—Пихимовскій спорать не станетъ.

* * *

Спустя недѣлю полторы послѣ этого «маленькаго сѣздика», бабьегонскіе земцы читали уже въ «Голосѣ Петербурга» идиаллическую

корреспонденцію, гдѣ повѣствовалось, между прочимъ, слѣдующее...

«Все было очень мило и весело. Общежитіи приглашенныхъ лицъ учебнаго персонала были оставлены такими возможными удобствами, какъ хорошія постели, чистое бѣлье, чай и проч. Завѣдываніе хозяйственною частью было поручено лицу, избранному всеобщимъ довѣріемъ бабьегонскаго земства, и лицо это вполнѣ оправдало возложенныя на него многосложныя заботы. Впрочемъ, къ чему излишняя скромность! Воздадимъ лучше должное должному, лицо это — самъ руководитель сѣзда, нашъ многоуважаемый передовой и симпатичный земскій дѣлатель, А. М. Агрономскій,—да простить онъ намъ нашу нескромность! На сѣздѣ было много постороннихъ посѣтителей и посѣтительницъ, изъ числа выдающихся, высокоинтеллигентныхъ лицъ, сочувствующихъ широкимъ и свѣтлымъ задачамъ и рациональной, въ духъ времени, постановкѣ русской народной школы, и именно не инымъ чѣмъ, какъ этимъ присутствіемъ общественнаго представительства слѣдуетъ въ значительной мѣрѣ объяснить успѣхъ Горьловскаго сѣзда. Въ четыре часа дня всѣ лица учебнаго персонала и всѣ приглашенные сходились къ общему обѣду изъ трехъ блюдъ, питательныхъ и хорошо приготовленныхъ, а затѣмъ, окончивъ дневныя занятія, собирались въ просторныхъ помѣщеніяхъ г. Агрономскаго для вечерняго чая, который сопровождался пѣніемъ и танцами, ровно какъ и живую, дружескою бесѣдой. Такимъ образомъ, учителя и учительницы, собравшіеся на Горьловскій сѣздъ, были избавлены отъ всякихъ заботъ и хлопотъ о квартирѣ, обѣдѣ и т. п., и прожили нѣсколько времени въ Горьловѣ совершенно спокойно и удобно, имѣя полную возможность сосредоточиться. Они цѣлый день были вмѣстѣ, и это много способствовало ихъ сближенію между собою, установленію дружескихъ отношеній, обмѣну мыслей. Съ другой стороны, для представителей нашего передоваго земства удовольствие сближенія съ учительницами и учителями принесло ту несомнѣнную пользу, что дало имъ возможность познакомиться съ личными качествами, характеромъ и направленіемъ, и оцѣнить по заслугамъ дѣятельность нашихъ скромныхъ тружениковъ. Присутствовавшій на всѣхъ занятіяхъ сѣзда, нашъ просвѣщеннѣйшій дѣлатель и создатель извѣстной образцовой школы специально женскаго, рациональнаго мыловаренія, многотимѣйшій Н. М. Пихимовскій, выѣхавъ изъ Горьлова съ твердымъ намѣреніемъ принять всевозможныя мѣры къ устройству подобныхъ же сѣздовъ и въ другихъ уѣздахъ нашей губерніи, не падая для этого своихъ собственныхъ и немалыхъ издержекъ». Далѣе воздавалась давъ похвалъ Пихимовскому, Агроному, де-Казатиусу и всѣмъ прочимъ бабьегон-

скимъ земскимъ дѣлателямъ и сѣятелямъ поименно. Не забытъ былъ даже и волостной старшина Сазонъ Флегонтовъ, — «этотъ истинный другъ народнаго просвѣщенія».

При чтеніи этой идилліи въ уѣздѣ, «по секрету» передавалось между друзьями и знакомыми, что составлялъ корреспонденцію самъ Агрономскій, и только заставлялъ своего кашлатого любимца переписать и подписать ее своимъ именемъ, приличія ради.

— Господи! Что-жъ это за сумасшедшій домъ такой! И что они дѣлають съ этими несчастными дѣтьми! — сокрушенно восклицалъ отецъ Макарій, когда Тамара рассказывала ему все, чему была свидѣтельницею на сѣздѣ.

ХУ.

Путанное время.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ Тамара стала учительствовать въ Горьловской школѣ. Личная жизнь ея за это время почти застыла въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, какія выяснились для нея въ первые же мѣсяцы новаго ея поприща, а то, что творилось за эти два года въ Россіи, доходило къ ней лишь урывками, въ отголоскахъ разныхъ слуховъ и толковъ, нерѣдко дикихъ и нелѣпыхъ, да въ газетныхъ извѣстіяхъ и отзывавъ, которые въ дружбѣ друзей, собиравшихся у «батьюшекъ» послѣ обѣда на праздничную чашку чая, казались иногда еще страннѣе и нелѣпѣе самыхъ несуразныхъ слуховъ. Жила Тамара все это время какъ-бы между двухъ теченій, до того несходныхъ, до того противныхъ одно другому, что если бы имъ пришлось непосредственно столкнуться между собою болѣе дѣйствительнымъ и энергичнымъ образомъ, то образовался бы такой круговоротъ, изъ котораго, казалось ей, не будетъ никакого выхода. То, что сокрушало отца Макарія и его скромныхъ друзей, что вызывало въ нихъ скорбный вздохъ или печальное недоумѣніе, — напротивъ, встрѣчалось здоравнымъ торжествомъ, или пріивѣтствовалось, какъ новая побѣда, въ кружкѣ Агрономскаго; и наоборотъ: все, что вызывало озабоченіе, гвалтъ и возгласы: «чѣмъ хуже, тѣмъ лучше!» у друзей Агрономскаго, — друзья о Макарія пріивѣтствовали, какъ проблескъ здраваго смысла, который долженъ же, наконецъ, когда-нибудь восторжествовать. Но эта послѣдняя надежда, глядя на то, что творится вокругъ и повсюду, вспыхивала у нихъ все слабѣе и рѣже, и оба теченія все больше и дальше расходились между собою. Одно изъ нихъ торжествовало, забирая себѣ съ каждымъ днемъ все новую силу и прыть, хотя и прикидывалось для виду угнетенною невинностью; другое же, не встрѣчая себѣ ни въ комъ и ни въ чемъ поддержки, сторушилось, какъ при-

шибленное, не дерзая поднять голову, ни высказать свой голосъ, заглушаемый гамомъ и свистомъ ожесточенной травли въ газетахъ и въ либеральномъ земствѣ, и лишь въ недоумѣніи ожидало, къ чему же все это приведетъ и чѣмъ кончится?.. Люди обонявъ теченій, въ концѣ концовъ, сошлись между собою въ одномъ общемъ убѣжденіи, что дальше такъ жить нельзя. Но на вопросъ, какъ же именно жить и что дѣлать? — опять подымалась такая путанная разногласица, что кромѣ сугубой путаницы, новой вражды и взаимной злобы ничего изъ нея не выходило. Такъ было въ провинціи, въ ея «интеллигентномъ» словѣ и вообще въ средѣ, возвышавшейся такъ или иначе надъ простымъ народомъ. Что же касается до этого народа, до «почвы», то здѣсь, въ такихъ «медвѣжьихъ углахъ», какъ бабьегонскія и яныя, подобныя имъ, веси и дебри, — все, творившееся на верхахъ жизни, переживалось по-своему, по большей части, чисто пассивнымъ образомъ, какъ нѣчто отдаленное и почти чужое, среди выступавшихъ на первый планъ своихъ собственныхъ сельскихъ нуждъ и заботъ о хлѣбѣ насущномъ да объ уплатѣ казны и земству податей и недоимокъ, становившихся уже непосильными. А между тѣмъ, въ столицахъ и въ большихъ центрахъ умственной и общественной жизни государства, какъ Кіевъ, Харьковъ, Казань, Одесса, дѣйствительно, творилось нѣчто необычайное, зловѣщее и подчасъ просто необъяснимое...

* * *

Началось это новое время съ весны 1878 года, послѣ войны, цѣлымъ рядомъ политическихъ убійствъ и посягательствъ, и не только у насъ, но и въ Европѣ, гдѣ было сдѣлано нѣсколько покушеній на жизнь королеванныхъ особъ, преимущественно членами интернаціоналки. Такъ, въ Берлинѣ дважды стрѣляли въ императора Вильгельма — 11-го мая Гедель, а десять дней спустя — Ноблингъ, оба социаль-демократы; 13 (25-го) октября былъ сдѣланъ выстрѣлъ въ испанскаго короля Альфонса рабочимъ-соціалистомъ Олива Мункася; 5 (17-го) ноября, въ Неаполѣ, ранилъ кинжаломъ короля Гумберта членъ интернаціонала, поваръ Джованни Пассаменте; въ декабрѣ — выстрѣлъ въ королеву Викторію, сдѣланный нѣкимъ Моденомъ; — затѣмъ слѣдовали вторичное покушеніе на жизнь испанскаго короля, совершенное въ декабрѣ 1879 года, Францискомъ Отеро, и позднѣе — покушеніе члена прреденты Оберданка на императора Франца-Иосифа, не говоря уже объ удавшемся покушеніи Гито въ Вашингтонѣ на жизнь президента Сѣверо-Американскихъ штатовъ Гарфильда и о нѣсколькихъ заговорахъ улемовъ и членовъ «молодой Турціи» въ Константинополь, противъ

султана Абдуль-Гамяда. Точно бы какая-то горячка или мания царевубийств охватила вдруг Европу; но несравненно сильнее проявилась она у нас, въ Россіи. Началось съ облитія, сѣрной кислотой и трехъ политическихъ убійствъ въ Одессѣ, продолжалось выстрѣломъ Вѣры Засуличъ въ Петербургѣ и убійствомъ жандармскаго капитана Гейкина въ Кіевѣ, а далѣе слѣдовали: 4-го августа 1878 года убійство генерала Мезенцова; 9-го февраля 1879 года убійство евреевъ Гершкой Гольденбергъ и полякомъ Людвигомъ Кобыляскимъ харьковскаго губернатора князя Кралюткина; 13-го марта покушеніе поляка Леона Марскаго на убійство генерала Дрентельна; апрѣля 2-го покушеніе Александра Соловьева на царевубійство на Дворцовой площади; въ ноябрѣ—посягательство на жизнь государя на желѣзно-дорожныхъ путяхъ подъ Александровскомъ и подъ Одессой; такое же покушеніе подъ Москвою, на Курско-Московской желѣзной дорогѣ, совершенное 19-го ноября Львомъ Гартманомъ; взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ, произведенный Степаномъ Халтурянымъ 5-го февраля 1880 года,—не считая уже убійствъ и множества покушеній на жизнь жандармскихъ и полицейскихъ чиновъ, при исполненіи ими своихъ обязанностей во время обысковъ и арестовъ, а также на жизнь дворниковъ, швейцаровъ и, наконецъ, своихъ же собратьевъ, подозрѣваемыхъ въ «измѣнѣ общему дѣлу». И главное, замѣчательно то, что всѣ эти наши преступники оставались какъ-то неудовны: сдѣлаешь середѣ бѣла-дня, на народѣ, и скроется,—тотъ ускользнетъ верхомъ, этотъ убѣжитъ по улицѣ, отмахиваясь отъ прохожихъ кинжаломъ, одинъ укатитъ на лихачѣ, другой просто на Ванькѣ-извозчикѣ, третій—Богъ его вѣдаетъ какъ, но тоже скроется, — и вотъ эта-то неудовимость преступниковъ, при всей ихъ наглости, казалась тогда наиболее удивительною. Болѣе года продолжался этотъ рядъ убійствъ и покушеній, не вызывая со стороны правительства почти никакихъ мѣръ, и лишь послѣ Соловьевскихъ выстрѣловъ послѣдовало 7-го апрѣля назначеніе временныхъ генералъ-губернаторовъ: генерала Тотлебена въ Одессу, графа Лорисъ-Меликова въ Харьковъ и генерала Гурко въ Петербургъ, да пять мѣсяцевъ спустя, въ сентябрѣ, увеличенъ до 550 человекъ составъ полицейскихъ урядниковъ, вопреки ходатайствамъ нѣкоторыхъ земствъ объ упраздненіи этого «института».

А между тѣмъ,—революціонная пропаганда и приготовленія къ новымъ и новымъ преступленіямъ въ это самое время продолжались съ усиленною и неустанною энергіей: 6-го мая 1879 года, въ Кіевѣ, на Подолѣ, была открыта «конспиративная» или «радикальная» квартира, гдѣ найдены ручные разрывные снаря-

ды, инструменты и матеріалы для ихъ приготовленія, большой сундукъ, наполненный ациками съ прессованнымъ пироксилиномъ англійской фабрикаціи, ручное оружіе, въ видѣ револьверовъ и кинжаловъ, и запасъ подложныхъ паспортовъ. Въ ночи на 10-е и на 11-е мая, въ Москвѣ были захвачены «приличныя» женщины, занимавшіяся расклейкою на улицахъ возмутительныхъ воззваній.

Въ ночь съ 3-го на 4-е іюня обокрадено болѣе чѣмъ на 1.579.000 рублей Херсонское губернское казначейство, черезъ подколъ изъ сосѣдняго дома. Героями этого дѣла были Елена Виттевъ, по фиктивному мужу (учителю) Россикова, содержавшая въ Херсонѣ учебный пансіонъ «для дѣтей высшаго сословія», и нѣкій Юрковский, извѣстный подъ именемъ «инженера Сашки», пойманный полиціею, но затѣмъ нарочно упущенный изъ-подъ ареста Днѣпровскимъ исправникомъ Миловачкой. Позднѣе, также черезъ подколъ, было обокрадено и Севастопольское казначейство. Въ продолженіе всего лѣта и осени 1879 года подпольныя изданія, въ родѣ «Земли и Воли», «Чернаго Передѣла», «Народной Воли» и др. продолжали безпрестанно появляться въ Петербургѣ и провинціи, что вызвало усиленный надзоръ за типографіями, не поведшій однако ни къ какимъ результатамъ, пока-то не была наконецъ открыта, въ ночь на 18-е января 1880 года, конспиративная квартира съ тайной типографіей «Народной Воли» въ Саперномъ переулкѣ. Открытіе это, какъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, сопровождалось вооруженнымъ сопротивленіемъ захваченныхъ тамъ мужчинъ и женщинъ и самоубійствомъ одного изъ ихъ сотарищей. При этомъ было найдено громадное количество только-что отпечатанной «Народной Воли», много типографскихъ шрифтовъ, фальшивыхъ печатей и паспортовъ, а также различные яды, взрывчатые вещества и принадлежности для взрывовъ. Затѣмъ, спустя десять дней, въ ночь на 28-е января, открыта была на Васильевскомъ островѣ тайная типографія «Чернаго Передѣла», гдѣ захвачены паспортные бланки, оружіе и нѣсколько соучастниковъ преступнаго сообщества. 4-го января 1881 года послѣдовало открытіе еще одной конспиративной квартиры въ Кіевѣ, гдѣ арестованы двое мужчинъ и двѣ женщины. При обыскѣ этой квартиры, найдена «Программа южнаго рабочаго союза», крайне террористическаго направленія, рекомендовавшая поджоги, грабежи, политическія и социально-экономическія убійства «несимпатичныхъ лицъ» изъ числа собственниковъ, фабрикантовъ, нечувствующихъ дѣлу мастеровъ и ремесленниковъ и проч., а также захвачены: разнаго рода оружіе, револьверы, кинжалы, топоры, всѣ принадлежности для тайной типографіи и

для фабрикаціи фальшивыхъ паспортовъ, до двадцати фальшивыхъ печатей, значительное число прокламаций, брошюры и книгъ революціоннаго содержанія и смертный приговоръ одному изъ начальниковъ кievскихъ военныхъ мастерскихъ. Всѣ приготовленія къ убійству его были уже сдѣланы, но не приведены въ исполненіе, благодаря лишь своевременному раскрытію этого замысла.

Въ это же время, въ военно-окружныхъ судахъ Петербурга, Москвы, Одессы, Харькова, Кіева, Курска, Казани, Архангельска и проч. слѣдовали цѣлые ряды политическихъ процессовъ, въ коихъ мотивами преступленій являлись: принадлежность къ тайнымъ революціоннымъ и анархическимъ сообществамъ, пропаганда бунтарства въ народѣ, войскахъ и учебныхъ заведеніяхъ, вооруженныя сопротивленія властямъ и административнымъ агентамъ, ограбленіе почтъ, казначействъ и полковыхъ ящиковъ, увѣія, истязанія и облитіе сѣрною кислотою лицъ, враждебныхъ пропагандѣ, убійства съ политическою и социально-экономическою цѣлью и покушенія на таковыя, покушенія на царубійство, фабрикація разрывныхъ снарядовъ, взрывы зданій и желѣзнодорожныхъ поѣздовъ и т. п. Во всѣхъ этихъ процессахъ красною нитью проходитъ прикосновенность ко всякаго рода политическимъ преступленіямъ еврейскаго элемента. Не говоря о прежнихъ процессахъ, объ этомъ свидѣлствуетъ цѣлый рядъ именъ за одинъ лишь двухлѣтній періодъ 1879—80 годовъ, гдѣ встрѣчаются: Лейба Дейчъ, Шмуль Абрамовъ Шнее, Лурия, Шлѣма Виттевербергъ, Микель Абрамовъ Морейниахъ, Аронъ Лейбовичъ Рапковъ, Гершко Левенсонъ, Абрамъ Баршъ, Сима Баршъ, Гершко Гольденбергъ, Зайднеръ, Майдаискій, Млодецкій, Фриденсонъ, Натансонъ, Арончикъ, Баська Якимова, Лейба Левеяль, Аронъ Зунделіовичъ, Лейзеръ Цукерманъ, Геся Гельфманъ, — и это пересчитаны только наиболѣе выдающіяся личности, не упоминая уже тѣхъ, что скрыли свое еврейское происхожденіе подъ чисто русскими именами и фамилиями, ни того множества второстепенныхъ и третьестепенныхъ соучастниковъ, перечисленіе коихъ поименно заняло бы слишкомъ много мѣста. И замѣчательно, что ближайшее и наиболѣе дѣятельное участіе евреевъ относилось именно къ наиболѣе выдающимся и тяжкимъ преступленіямъ, каковы, напримѣръ: Чигиринское дѣло (Лейба Дейчъ), кража изъ Херсонскаго казначейства (Абрамъ и Сима Баршты), покушеніе на жизнь государя на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ и подѣ Одессой (Гольденбергъ, Баська Якимова, Шлѣма Виттенбергъ), покушеніе Гартмана подѣ Москвою (Гольденбергъ и Арончикъ), покушенія Соловьева (Гольденбергъ и Аронъ Зунделіовичъ), взрывъ

Зимняго дворца (Лейзеръ Цукерманъ), 1-го марта (Геся Гельфманъ). Затѣмъ, весьма видное участіе въ разнородныхъ политическихъ преступленіяхъ принадлежитъ и лицамъ польскаго происхожденія, каковы: братья Владиславъ и Гекрихъ Избицкіе, Яць Зубрицкій, Владиславъ Красковскій, Леонъ Мирскій, Фелиція Левадонская, Викторія Гукоская, Людвигъ Кобылянский, Квятковскій, Гоштовъ, Андрузскій, Верцанскій, Гриневецкій и проч. Между политическими преступниками встрѣчались даже иностранцы, какъ прусскій подданный Брандтнеръ, саксонскій — Кизеръ, французскій — Доллеръ, австрійскіе — Флоріанъ Богдановичъ и Николай Франжоли, не считая жидковъ, оказывавшихся иногда то румынскими, то турецкими подданными. А что участіе этихъ иностранцевъ было далеко не маловажно, доказательство тому, что Брандтнеръ былъ приговоренъ къ смертной казни, а Богдановичъ, Франжоли и другіе къ каторжнымъ работамъ, и это несмотря на снисходительность суда, нерѣдко ходатайствовавшего о смягченіи участи осужденныхъ, и на крайнюю снисходительность генералъ-губернаторовъ, въ особенности во время Лорисъ-Меликова, когда смертная казнь зачастую замѣнялась срочною каторгой, каторга — ссылкой, а ссылка простымъ арестомъ. Впрочемъ, что нужно было этимъ иностранцамъ въ нашихъ внутреннихъ смутахъ, какіе интересы влекли ихъ къ участию въ нихъ, такъ и остался тогда не выясненнымъ, но потомъ уже стало очевиднымъ, что тутъ работала «интернационалка».

Всѣ политическіе процессы, въ особенности въ провинціи, обставлялись болѣе или менѣе эффектно, и даже торжественно. Въ Одессѣ и Кіевѣ иногда прибѣгали даже къ охранѣ суда войсками, причемъ на нѣсколько дней прекращалось всякое сообщеніе по улицамъ, призывающимъ къ зданію суда, и обозначались на нихъ военными караулами предѣлы, далѣе которыхъ публика къ суду не подпускалась. Дѣлалось все это въ томъ соображеніи, что революціонная партія въ названныхъ городахъ будто-бы такъ сильна, и «народъ» настолько уже революціонированъ ею, что можно-де опасаться всякихъ насилій и даже взятія зданій суда приступомъ. Это, конечно, служило для бунтарей нагляднымъ доказательствомъ, что ихъ боялся, внушало имъ вѣру въ самихъ себя и въ свою партію, подавало имъ жару, заставляло ихъ думать, будто они и въ самомъ дѣлѣ страшная сила, передъ которою правительство, не сегодня-завтра, должно капитулировать. Такое поведеніе представителей порядка въ названныхъ городахъ совсѣмъ не согласовалось съ официальными же увѣреніями, что революціонеры въ Россіи представляютъ собою не болѣе какъ «ничтожную горсть»

всякаго сброда, оторваннаго отъ почвы. Въ то же время официальные органы неукоснительно печатали подробные стенографическіе отчеты о происходившемъ на всѣхъ этихъ судахъ, гдѣ предсѣдательствующіе и прокуроры какъ бы соревновали между собою въ изысканной предупредительности и снисходительной мягкости къ подсудимымъ, а подсудимые, рисуясь передъ судьями и «избранною публикою», нагло щеголяли своимъ атеизмомъ, съ апломбомъ высказывали свою *confession de foi*, свои противогосударственные и социальные теоріи, свои критическіе взгляды на положеніе правительства и общества и старались выставиться въ красивыхъ роляхъ народныхъ героев и мучениковъ. Всѣ эти ихъ рѣчи тотчасъ же перепечатывались съ жадностью воими газетами и уличными листками, которые на-расхватъ раскупались въ розничной продажѣ и читались какъ въ столицахъ, такъ и въ провинціи, въ школахъ, въ военныхъ частяхъ, на базарахъ, въ кабакахъ и трактирахъ. Такимъ образомъ, привилегированные органы печати, по какому-то прискорбному недомыслию, являлись первыми распространителями этихъ идей и взглядовъ въ публикѣ, въ инертныхъ общественныхъ и народныхъ массахъ, въ праздно уличной и трактирной толпѣ, развивая въ ней смакъ и интересъ къ политическому скандалу. По истинѣ, путанное было время.

И въ самомъ дѣлѣ, вольнымъ или невольнымъ образомъ, многое выходило такъ, какъ словно бы дѣлается оно нарочно, для назващаго смущения общества. Въ концѣ 1878 года, въ астраханской казачьей станицѣ Ветлянкѣ появилась болѣзнь, которую врачи не рѣшались назвать настоящимъ ея именемъ—одни изъ болзни ошибиться, другіе изъ опасенія, какъ-бы не внести всеобщую панику въ Россію, а потому опредѣляли ее то крупознымъ воспаленіемъ легкихъ, то особою формою тифа, а такъ продолжалось до 10-го января, пока наконецъ профессоръ Боткинъ не взялъ на себя смѣлость назвать ее въ собраніи Общества практическихъ врачей прямо «индійскою чумою, близкою къ известной въ исторіи *черной смерти*, появившейся въ Европѣ въ XVI столѣтіи» и произведшей-де тогда «огромныя опустошенія». Газеты сразу же подхватили и усердно стали раздувать эту тему. Въ особенности старался «Голосъ», въ которомъ, наряду съ нѣкоторыми другими органами того же пошиба, безпрестанно стали печататься частныя телеграммы и корреспонденціи о появленіи «подозрительныхъ» заболѣваній въ Москвѣ и разныхъ городахъ, селеніяхъ, волостяхъ и болѣе значительныхъ районахъ губерній Полтавской, Рязанской, Нижегородской, Московской, Харьковской и еще нѣсколькихъ другихъ. Хотя всѣ эти телеграммы, вслѣдъ за ихъ по-

явленіемъ, опровергались съ мѣста контръ-телеграммами официального происхожденія, тѣмъ не менѣе, публика больше склонна была вѣрить первымъ, чѣмъ послѣднимъ, и потому всеобщее безпокойство, страхъ и даже паника въ обществѣ все возрастала. Анархисты прямо выражали въ своихъ подпольныхъ листкахъ злорадную надежду, что ветлянская чума поможетъ ихъ стремленіямъ скорѣе и лучше всякихъ одиночныхъ «предпріятій» для поднятія народнаго бунта. Какъ разъ, въ руку имъ, въ одной изъ одесскихъ газетъ появилась корреспонденція изъ Харькова, авторъ которой удостоивалъ, что у нихъ «въ городѣ смертность страшная», что «массы гробовъ, провозимыхъ по улицамъ, обезкураживаютъ жителей» и что «во всѣхъ церквяхъ совершаются молебствія о прекращеніи чумы». Извѣстіе это, сейчасъ же подхваченное другими органами, хотя и было на другой же день опровергнуто «Правительственнымъ Вѣстникомъ», какъ совершеннѣйшій и притомъ злонамеренный вздоръ, но опроверженію этому плохо вѣрили, тѣмъ болѣе, что авторъ корреспонденціи и газета, ее напечатавшая, остались совсѣмъ безнаказанными. Паника эта уже непосредственно охватила, наконецъ, и самый Петербургъ, когда тотъ же профессоръ Боткинъ, 13-го февраля, открылъ вдругъ чуму у знаменитаго съ того времени дворянина Артиллерійскаго училища, Наума Прокофьева. Къ счастью, паника эта разыгралась лишь учено-медицинскимъ скандаломъ, когда врачами исполнительной санитарной комиссіи было доказано, что этотъ Наумъ Прокофьевъ страдаетъ такою заурядною болѣзною, которую было болѣе чѣмъ странно не распознать столь опытному врачу и діагносту, какъ Боткинъ. Наконецъ, я-съхавшіеся на мѣсто европейскіе врачи изъ Австріи, Германіи, Франціи, Даніи, Турціи и Румыніи единогласно опредѣляли ветлянскую болѣзнь хотя и чумою, но вовсе не индійскою, какъ утверждалъ Боткинъ, а просто ея обыкновенною левантійскою формою. И, однако, даже и послѣ этого нѣкоторыя газеты все еще пытались поддерживать мнѣніе Боткина, набрасывая тѣнь сомнѣнія на авторитетъ европейскихъ врачей, хотя и самая чума въ это время, къ сожалѣнію нашихъ анархистовъ, совсѣмъ уже прекратилась.

Но бѣдствія Россіи въ ту эпоху далеко не исчерпывались одною ветлянскою чумою. Сама природа своими стихійными силами какъ-бы испытывала мѣру ея долготерпѣнія и выносливости, вслѣдъ за тяжелой войной и безпочетнымъ миромъ въ Берлинѣ. Сначала пошли было страшные разливы рѣкъ и наводненія, особенно въ польскихъ и западныхъ губерніяхъ, гдѣ явленія эти, вслѣдствіе ледяныхъ заторокъ, обнаружались еще въ самое суровое зимнее время. Затѣмъ, на югѣ появились на хлѣбахъ массы гессенской мухи и жучка «кузьки».

Урожай вообще оказался ниже среднего, а при вывозѣ хлѣба за границу дошло до того, что уже въ январѣ 1880 года во многихъ губерніяхъ обнаружился крайній недостатокъ продовольствія, вызвавшій необходимость не только израсходованія мѣстныхъ зерновыхъ запасовъ, которыхъ, кстати, у большинства уѣздныхъ земствъ вовсе и не было, кромѣ какъ на бумагѣ, но пришлось обращаться къ правительству съ ходатайствами о ссудахъ изъ государственнаго продовольственнаго капитала. Съ весною 1880 года опять пошли извѣстія съ юга объ отрожденіи тамъ кузьи и саранчи, а съ наступленіемъ лѣта страшныя вѣсти эти приняли прямо уже грозный характеръ: извѣщалось о такихъ массахъ хлѣбнаго жучка, что борьба съ нимъ стала окончательно невозможной. Нужда и безденежье почувствовались повсюду: и на Поволжьи, и въ Приазовьи, и въ Новороссійскомъ краѣ. Въ двухъ послѣднихъ краяхъ послѣднее крестьянское имущество и овцы сбывались за безцѣнокъ то грекамъ, то евреямъ, а у кого ничего уже не было, тѣ отправлялись нищенствовать или запродавались въ батраки. Арендаторы и колонисты-нѣмцы осаждались предложеніями рабочихъ рукъ, и не за плату уже, а только изъ-за прокормленія. На гумнахъ не видѣлось ни сѣна, ни соломы, ни топлива; о зернѣ и говорить нечего, даже и на огородахъ не было надежды. Отопчались лица угрюмыхъ крестьянъ, похудалы матери кормилицы, полунагіе, а то и вовсе нагіе ребятишки, съ естественно раздутыми животами, тощій, изъерошенный, едва волокащій ноги скотъ, повсюду рыщущіе скупщики-жиды, скупщики-греки, армяне, нѣмцы, словно жадная саранча надъ погибающимъ вародомъ, а вдали разглагольствующія «въ пустую» земствъ и бездѣйствующая администрація,—такова была картина голода на югѣ. Въ то же время на Поволжьи, въ Саратовѣ и другихъ городахъ, никогда не замѣчалось такого множества совершенно особенныхъ проституттокъ, какъ въ эту голодную зиму и лѣто: немощенное лицо, рубище на тѣлѣ, а на устахъ, вмѣсто словъ нахальства и безстыдства, слова тихой застѣливой мольбы... То былъ развратъ отъ голода, и къ нему нерѣдко прибѣгали двѣнадцатилѣтнія дѣти, а одновременно съ такимъ уличнымъ развратомъ, росло и число преступленій, вызванныхъ голодомъ и нищетою. Рядомъ съ безработицею шель унадокъ всякой промышленности и торговли, общее безденежье истощило общественныя кассы, городскія управы сидѣли безъ денегъ и задерживали жалованье учителямъ, полиціи и служащимъ въ своихъ канцеляріяхъ. Такое же безденежье было и въ земствахъ, такъ что многие даже изъ воротилъ и дѣлителей земскаго пирога должны были временно посократить свои широкія замашки и аппетиты. Дошло до того, что съ вѣдома

администраціи и непремѣнныхъ членовъ, во многихъ волостяхъ стали практиковаться въ грандіозныхъ размѣрахъ принудительныя отдачи крестьянъ въ заработки за казенныя и земскія недоимки—своего рода калала и невольничество, и это даже въ весьма либеральныхъ земствахъ!.. Впрочемъ, земства въ это время, подобно тверскому, разглагольствовали болѣе «о расширеніи правъ общества» да объ «увѣчаніи зданія», чѣмъ о существенныхъ нуждахъ своего населенія, а если и обращались къ нимъ послѣднимъ, то развѣ для того, чтобы заломить для своихъ уѣздовъ у правительства такія ссуды, какихъ хватило бы на цѣлыя области. Въ этомъ отношеніи болѣе другихъ отличилось тогда камышинское земство, не постыдившееся требовать для себя 1.708.000 рублей, — болѣе, чѣмъ отпущалось въ труднѣйшія времена цѣлымъ губерніямъ! Въ сентябрѣ 1880 года на югѣ опять появились массы перелетной саранчи, залагавшей на большихъ районахъ своя яйца, а это открывало перспективу борьбы съ голодомъ и въ будущемъ 1881 году,—выходило какое-то хроническое, затяжное бѣдствіе, которому, казалось, и конца не будетъ. И въ это-то ужасное время были обнаружены курьёзно-злостными попытками нѣсколькихъ «умныхъ» революционеровъ и ихъ догадливыхъ «мадамшъ» акклиматизировать саранчу въ средней и сѣверо-восточной полосахъ Великороссіи,—пуская-де и мордва съ чувашами, и сыряне съ вотяками познакомиться на практикѣ съ благодѣяніями саранчи, авось-де скорѣе подымутся!.. Дошло наконецъ до того, что къ намъ стали привозить иностранный хлѣбъ, сначала на Кавказъ и на Закавказье, а въ сентябрѣ уже и въ Петербургъ привезли изъ Штеттина нашу собственную рожь, подъ видомъ прусской,—явленіе до тѣхъ поръ небывалое!—и продавали ее нѣмцы здѣсь вътрое дороже того, за что сами у насъ покупали. Въ Петербургѣ куль ржи стоилъ 15 рублей, а фунтъ третьесортнаго чернаго хлѣба дошелъ до пяти копеекъ! Кредитный рубль палъ до 62-хъ копеекъ, и Берлинъ великодушно обѣщалъ намъ понизить его къ зимѣ еще болѣе. Къ январю 1881 года стали учащаться извѣстія изъ провинцій о голодномъ тифѣ, скорбутѣ, диссентеріи и случаяхъ голодной смерти. Въ Саратовской губерніи лебеда къ этому времени сдѣлалась уже обыкновенною пищею, а въ Уральскѣ, Самарѣ и Оренбургѣ бѣдствія голодовки представляли еще болѣе ужасные размѣры.

Но бѣдствія Россіи и на этомъ далеко еще не кончались въ ту достопамятную эпоху. Печально началась весна, печально продолжалось и лѣто 1879 года, да и все послѣдующее время было не лучше. Цѣлый рядъ наводненій смѣнялся пожарами, вѣсти о которыхъ безпрестанно слѣдовали, одна за другой, отовсюду.

Не успѣли опомниться отъ впечатлѣній опустошительнаго оренбургскаго пожара, испепелившаго почти весь городъ, какъ телеграфъ сталъ приносить все новыя и новыя извѣстія о страшныхъ опустошеніяхъ, произведенныхъ огнемъ: 26-го апрѣля—опять въ Оренбургѣ и въ Ирбитѣ, 29-го апрѣля—въ Уральскѣ, 30-го апрѣля—опять въ Ирбитѣ, 1-го мая—снова въ Оренбургѣ, 8-го мая—въ Перми; 22-го и 24-го июня, въ теченіе двухъ дней, выгорѣлъ весь Иркутскъ, а 25-го июня и въ послѣдующіе дни—Козловъ; 6-го іюля въ Нижнемъ сгорѣли торговые ряды, а 16-го августа казармы, и было, кромѣ того, нѣсколько случаевъ поджоговъ и пожаровъ на ярмаркѣ; 28-го августа новый крупный пожаръ въ Вязьмѣ, гдѣ выгорѣло 200 домовъ; 6-го сентября была сдѣлана, при сильномъ вѣтрѣ, попытка къ поджогу въ Екатеринославѣ, но сгорѣло только 7 домовъ, благодаря быстро принятымъ энергическимъ мѣрамъ; 26-го сентября—сильный пожаръ въ Уфѣ, не считая уже множества менѣе значительныхъ пожаровъ въ разныхъ городахъ и селеніяхъ по лицу земли Русской, составляющихъ, болѣе или менѣе, обычное у насъ явленіе. То же самое продолжалось и въ слѣдующемъ 1880 году: 9-го февраля, подъ Москвою, горѣла въ Петровскомъ-Разумовскомъ земледѣльческая академія, гдѣ понесено убытку отъ огня до 500.000 руб.; 25-го февраля страшный пожаръ фабрики Гвартовскаго въ Москвѣ, гдѣ погубило въ пламени до сорока рабочихъ. Съ весною погорѣли города въ губерніяхъ: Киевской—Радомысль, Подольской—Немировъ, Московской—Коломна, Тверской—Ржевъ и Торжокъ, и во всѣхъ этихъ городахъ пожары начинались непременно при сильномъ вѣтрѣ и удобномъ его направленіи, вслѣдствіе чего дома за одинъ разъ сгорали цѣлыми сотнями. 17-го іюня—сильнѣйшій пожаръ въ Рязани; затѣмъ пошли горѣть богатые слободы, села и посады, какъ напримѣръ, нѣвѣстное поволжское село Балаково, гдѣ выгорѣло 300 дворовъ, подгородная воронежская слобода Придача—вся; Костромской губернии посадъ Пучежъ—весь, и др. Кромѣ того, какъ и въ предшествовавшемъ году, безпрестанно появлялись отовсюду извѣстія о меншихъ пожарахъ въ городахъ, деревняхъ и селахъ, печальный счетъ которымъ былъ бы слишкомъ длиненъ и однообразенъ. Въ оба эти года подъяръ словно-бы какая-то пожарная эпидемія свирѣпствовала по всей Россіи, подобно такой же эпидеміи 1862—1864 годовъ. Часть этихъ пожаровъ, конечно, слѣдуетъ отнести ко всегдашнимъ и постояннымъ причинамъ нашихъ русскихъ погораній, но несомнѣнно была и систематическіе поджоги, въ которыхъ проглядываетъ какъ-бы цѣлый планъ дѣйствій огнемъ по отдѣльнымъ краямъ и районамъ: сначала на востокъ, потомъ на сѣверо-востокъ, потомъ

въ Нижнемъ, потомъ въ центральномъ фабричномъ и промышленномъ районѣ, потомъ въ земледѣльческихъ районахъ на Волгѣ въ Малороссіи, въ Украинѣ и на Югѣ. Хотя нѣкоторые либеральныя газеты того времени и старались упорно доказывать, что никакихъ-де «особенныхъ» поджоговъ нѣтъ и не было, что они существуютъ лишь въ горячечномъ воображеніи Каткова и ему подобныхъ безумцевъ и «сикофантовъ», тѣмъ не менѣе, военные суды надъ поджигателями въ Нижнемъ, Перми и Полтавѣ показывали противное. Поджоги были, но поджигатели, по большей части, дѣйствовали не сами лично, а чрезъ подговариваемыхъ дѣтей и подростковъ. Иные изъ подстрекателей, какъ Селявановъ, Мурзинъ, Чайковский и Донецъ были даже приговорены къ смертной казни, но помилованы представителями высшей власти въ провинціи. Такимъ образомъ, злонамѣренность въ большинствѣ этихъ, далеко не случайныхъ, пожаровъ не существовала развѣ для нѣкоторыхъ газетъ, да для тѣхъ петербургскихъ чивовниковъ, которые, воспитавшись на тѣхъ же газетахъ, привыкли слѣдить за ихъ голоса и глядѣть на все ихъ глазами, опасаясь болѣе всего, какъ-бы грозныя газетчики не сочли ихъ недостаточно либеральными, а между тѣмъ, въ дѣйствительности, пожары за эти два года обошлись Россіи болѣе чѣмъ въ миллиардъ рублей. Но удивлялись ли такому результату, если въ печатную программу извѣстной «южной фракціи» террористовъ прямо входили поджоги общественныхъ и частныхъ имуществъ, фабрикъ, заводовъ, городовъ и селеній, какъ средство породить «лауперизмъ» въ обездоленныхъ массахъ рабочаго и земледѣльческаго населенія, дабы вызвать въ народѣ озлобленіе противъ безсильнаго, по ихъ мнѣнію, правительства и тѣмъ подятыя наконецъ эти «инертныя» массы на революцію.

Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ скорѣ присоединились еще крестьянскія и фабричныя волненія въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Между крестьянами разныхъ губерній стали усиленно распространяться слухи о предстоящемъ, будто-бы, общемъ «черномъ» передѣлѣ земель, при которомъ вся земля будетъ окончательно отобрана отъ помѣщиковъ-дворянъ и передана въ общественную собственность крестьянъ. Толковалось и о новомъ «царскомъ указѣ», которымъ, пока что до передѣла, воспрещается, будто-бы, крестьянамъ брать менѣе сорока рублей съ помѣщичьей десятины, за уборку на ней хлѣба. Вскорѣ появились и особыя прокламаціи насчетъ близости «чернаго передѣла», которыми чьи-то невидимыя руки старались распространять въ войскахъ, между нижними чинами, вслѣдствіе чего утѣрь-офицеры не стали оставаться на вторичную службу, и многія части войскъ черезъ это ри-

сковали очутиться въ очень критическомъ положеніи. Среди всѣхъ этихъ возбудительныхъ слуховъ, не малую долю тревоги и озлобленія, но уже совсѣмъ съ другой стороны, вносили въ крестьянскую среду и полицейскіе урядники, которые, изъ усердія не по разуму, зачастую зря хватали и «привлекали» крестьянъ, за одно какое-нибудь неосторожное или неразумное слово, и вообще понимали сельское населеніе составленіемъ актовъ и протоколовъ, за все—про все, часто совсѣмъ вздорныхъ и даже нелѣпныхъ, но по которымъ мужика все же тягали то въ станъ, то къ мировому. Наконецъ, въ іюлѣ 1880 года проявилось нѣсколько случаевъ крестьянскихъ волненій и сопротивленія властямъ въ разныхъ уѣздахъ губерній Черниговской, Псковской и Тульской, такъ что для усмиренія ихъ потребовались даже войска, но, къ счастью, дѣло вездѣ кончалось только арестами нѣсколькихъ крестьянъ да мірскими расходами на содержаніе военныхъ постоевъ. До стрѣльній не доходило. Съ осени того же 1880 года пошли беспорядки и на большихъ фабрикахъ. Началось это дѣло съ Ярцевской мануфактуры Хлудова (въ Рославльскомъ уѣздѣ), гдѣ толпы забастовавшихъ рабочихъ били въ фабричныхъ зданійхъ стекла, выдергивали изъ грядъ огородныя овощи, а затѣмъ навязали на палку красный платокъ, вручили это знамя какому-то мальчику и носили послѣдняго на рукахъ, съ криками «ура!», по селенію. Это какъ-разъ напоминало подобную же выходку въ петербургской демонстраціи 1876 года на Казанской площади, и прямо наводило на мысль, что въ данномъ случаѣ, въ Ярцевѣ, было не безъ подстрекательства со стороны смутьяновъ-бунтарей, хотя корень беспорядковъ крылся и не въ нихъ (они только воспользовались имъ), а въ прижимкахъ фабричной конторы и въ ожидкахъ съ обусловленной задѣльной платы самими же владѣльцами фабрики. Въ октябрѣ послѣдовала новая большая забастовка, но на сей разъ уже въ Коломенскомъ уѣздѣ, на фабрикѣ Щербаковыхъ, а причиною была опять-таки сбавка платы, какъ-разъ во время дороговизны и голода. Сокращеніе производства и пониженіе рабочей платы, вызванные, въ свой чередъ, сокращеніемъ сбыта по случаю голодовки, отразились забастовками еще въ Гуслицяхъ и вообще на фабрикахъ Коломенскаго уѣзда, а вслѣдъ за тѣмъ и изъ Твери появились не менѣе тревожныя извѣстія, что на фабрикахъ Морозова распускаются цѣлыя сотни рабочихъ. Таиннымъ образомъ районъ фабричныхъ волненій распространился на три центральныя губерніи—Смоленскую, Московскую и Тверскую,—и правительство поневолѣ остановилось въ недоумѣніи передъ вопросомъ, что это, — единичныя ли случайности, или болѣе широкое бѣдствіе, которымъ не премиявали конечно, воспользо-

ваться подпольные агитаторы, для своихъ собственныхъ цѣлей? Но изъ подпольныхъ усилій на этотъ разъ ничего особеннаго не вышло, даже и послѣ того, какъ забастовки распространились на Владимирскую губернію. Что тутъ, однако, не безъ ихъ руки, на это указывали отчасти предшествовавшіе большіе и буйные беспорядки въ Ростовѣ-на-Дону, противъ полиціи, и въ Саратовѣ—противъ частной собственности вообще. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, еще передъ Рождествомъ 1879 г., появились на фонарныхъ столбахъ странныя объявленія, расклеенныя новѣйшомъ кѣмъ и вызывавшія ко гласнымъ думы и богатымъ людямъ города: «дайте намъ заработокъ, устройте бесплатныя столовыя, а иначе мы должны совершать преступленія». Подписаны были эти воззванія какимъ-то «предсѣдателемъ комитета будущихъ преступленій». Въ городѣ все это приняло-было сначала за чью-нибудь глупую шутку, о которой вскорѣ и забыли; но 20-го февраля 1880 года, ни съ того, ни съ сего, словно бы по чьей-то командѣ, вдругъ появились на площади большія толпы простолудиновъ, разныхъ крочниковъ, поденщиковъ, бурлаковъ и тому подобнаго люда,—толпы, которыя стали бѣгать по улицамъ и, съ криками «ура», разбивать лавки, магазины, трактиры и кабаки, растаскивать и разбрасывать товары и разносить домъ городского головы, пока, наконецъ, не уняла ихъ военная сила. Лишь послѣ такого погрома стало ясно саратовцамъ, что дѣло это было подстроено и организовано не безъ участія подпольныхъ анархистовъ; но полиція ни до погрома, ни послѣ его, никого и ничего не открыла.

Во время всѣхъ этихъ внутреннихъ безурядицъ и общественныхъ бѣдствій вишняя политика наша плелась на поводу у князя Бисмарка, въ хвостъ австро-германскаго, противъ насъ же заключеннаго, союза, да и состояніе финансовъ нашихъ тоже не представляло ничего утѣшительнаго въ настоящемъ и не обѣщало ничего добраго въ будущемъ. Дѣятельность тогдашнихъ направителей финансоваго вѣдомства, выразилась только въ установленіи измышленнаго желѣзнодорожнымъ «королемъ», евреевъ Блюхеръ, 25-ти процентнаго налога на пассажирскіе билеты, да въ налогѣ на страхованіе отъ огня (какъ-разъ кстати, въ эпоху усиленныхъ пожаровъ!), и не мудрено, если оба эти налога возбудили тогда всеобщее неудовольствіе и жалобы. Въ остальномъ же дѣятельность это выражалась лишь ежегодными поѣздками по Россіи, да обѣйномъ застольныхъ и иныхъ рѣчей съ мѣткими представителями промышленности и торговли, причѣмъ въ сличахъ этихъ выражалось много радужныхъ надеждъ и увѣреній, что наше экономическое положеніе вовсе не такъ дурно, какъ кажется. А между тѣмъ,

какъ-разъ въ этотъ самый двухлѣтній періодъ (1879—1880) совершился рѣзкій процессъ, обезцѣненія кредитнаго рубля, вызвавшій, между прочимъ, нерасчетливый усиленный вывозъ за границу хлѣба, что и создало, главнымъ образомъ, тогдашнюю голодовку. Вслѣдствіе паденія рубля появилась и неслыханная дороговизна, и застой въ торговлѣ и промышленности, и увеличеніе платежей по государственнымъ металлическимъ займамъ, котораго, однако, нельзя было услѣдить по краткимъ, чересчуръ лаковическимъ отчетамъ государственнаго контроля. Въ началѣ 1879 года была образована комитетъ о сокращеніи государственныхъ расходовъ; но вся ея видимая дѣятельность ограничилась лишь проектами упраздненія нѣсколькихъ третъестепенныхъ чиновничьихъ мѣстъ, какъ словно бы въ нихъ было все дѣло! Но затѣмъ, когда цѣны на все выросли болѣе, чѣмъ въ полтора раза противъ прежняго, оказалось, что и эти сокращенія ни къ чему не приводятъ. Бюджетъ 1880 года былъ заключенъ дефицитомъ въ 51 милліонъ рублей, да и виды на будущее не обѣщали въ этомъ отношеніи никакого облегченія.

И замѣчательно, что это-то самое тяжелое время было по преимуществу временемъ наиболѣе крупныхъ хищеній казны и ея имуществъ. Дѣятеля, въ родѣ интендантскаго чиновника Хвощинскаго, получая всего лишь нѣсколько сотъ рублей годового содержанія, не стѣснялись поразать соотечественниковъ своимъ роскошнымъ, безумно расточительнымъ образомъ жизни, когда, напримѣръ, одинъ какой-нибудь завтракъ, задаваемый этимъ самымъ Хвощинскимъ для «нужныхъ людей» и пріятелей, обходился ему ни болѣе, ни менѣе, какъ въ 45.000 рублей, а всего казеннаго имущества было имъ спущено болѣе чѣмъ на 2.350.000 рублей!.. Время крупныхъ арендъ, широкихъ спекуляцій, беззабѣдливаго совместительства нѣсколькихъ видныхъ и лакомыхъ должностей, изобрѣтательное время фиктивныхъ, но жирныхъ заграничныхъ и внутреннихъ командировокъ яко бы «для изученія» чего-либо, совершенно вздорнаго, бесполезнаго, никому и ни къ чему не нужнаго, время непотизма, концессій, гарантій, субсидій,—осата-нѣлое время безпардоннаго и безнаказаннаго хапанья, жамканья и загребанья... Безобразія насчетъ казенныхъ суммъ доходили до того, что даже частная служба оплачивалась иногда казною. Командируется, бывало, какой-нибудь чиновникъ изъ Петербурга въ какую-нибудь провинціальную межевую или иную палату, съ назначеніемъ ему оклада въ двѣ-три тысячи рублей, и числится по цѣлымъ годамъ «въ командировкѣ», никакихъ служебныхъ порученій не исполняетъ, въ палату свою, кромѣ какъ 20-го числа, и не заглядываетъ, а преспокойно управляетъ себѣ имѣніями того или

другого изъ петербургскихъ крупно-чиновныхъ тузовъ и еще получаетъ за это чины и отличія. Подобные примѣры нѣсколько позднѣе становились даже достояніемъ сенаторскихъ ревизій. И это все въ тѣ самые дни, какъ особая комитетъ изощрилась надъ проектами сокращенія государственныхъ расходовъ и усердствовала надъ урѣзываніемъ третъестепенныхъ чиновничьихъ... Но грандіознѣе всего въ эту эпоху, безъ сомнѣнія, была широкая раздача громаднхъ казенныхъ земель въ приволжскомъ, уфимскомъ и оренбургскомъ краяхъ, гдѣ получателями являлись преимущественно крупно-чиновныя особы,—раздача, извѣстная болѣе подъ именемъ «расхищенія башкирскихъ земель» и соединенная со слишкомъ уже явными и безцеремонными неправильностями, положительными отступленіями отъ закона и даже съ вопиющимъ нарушеніемъ правъ частной (башкирской) собственности. Богатыя земли эти яко бы продавались «на льготныхъ условіяхъ» за двадцатую часть ихъ дѣйствительной стоимости и притомъ еще съ долгосрочною разсрочкой платежныхъ взносовъ.

Не отставали по части хищеній и всевозможныя частныя и земскія банки съ различными кредитными обществами и учрежденіями. Такъ, въ одесскомъ коммерческомъ банкѣ растрачено было болѣе ста тысячъ рублей; въ харьковскомъ обществѣ взаимнаго кредита не досчитались болѣе трехсотъ тысячъ, вслѣдствіе чего общество это, имѣвшее однихъ вкладовъ свыше чѣмъ на милліонъ, прекратило платежи и пустило по міру до пяти тысячъ семействъ харьковскихъ обывателей; въ романовскомъ общественномъ банкѣ растрачено было семьдесятъ тысячъ рублей, и виновные отдѣлались либо выговоромъ по суду, либо были оправданы; въ херсонскомъ земскомъ банкѣ тоже обнаружена была очень крупная растрата при ревизіи, и т. д., и т. д. И въ то время какъ одни просто расхищали, другія общества выступали на поддержку разныхъ сомнительныхъ и дутыхъ, а особенно еврейскихъ, предпріятій, не отступая для этого ни предъ какими акціонерными скандалами въ общихъ собраніяхъ. Такъ, московское кредитное городское общество, понавъ подъ владычество еврейской клики, явно стало способствовать переходу московскихъ домовъ въ еврейскія руки, и тамъ, гдѣ прежній владѣлецъ дома не могъ добиться подъ него самой скромной ссуды въ «обществѣ», — покупщикъ-еврей, пріобрѣтая этотъ самый домъ, сейчасъ же получалъ подъ залогъ его громадныя деньги. Въ этихъ случаяхъ «общество» не стѣснялось даже милліонными ссудами, лишь бы только еврейское домовладѣніе преусиѣвало и множилося въ первопрестольной. И жиды все болѣе и болѣе захватывали Москву въ свои руки, даже до того, что не постѣснялись наконецъ устроить

свою грязную микву против храма Христа Спасителя.

Состояніе общества въ эту эпоху было какое-то путанное, неопредѣленное,—кавардакъ какой-то,—и это не только въ городѣ, но отчасти и въ деревнѣ. Съ одной стороны, цѣлым синклитомъ избирають Салтыкова въ почетные члены Харьковскаго университета, какъ обличителя и преслѣдователя, «общественнаго зла»; съ другой—въ Боровичскомъ уѣздѣ крестьяне живемъ сжигаютъ бабу Аграфену Игнатьеву, въ качествѣ колдуньи, въ полной увѣренности, что заслужить себѣ за это всеобщее одобреніе, а никакъ не порицаніе начальства, такъ какъ тоже обличаютъ и преслѣдуютъ—де «общественное зло». Г-да Стасюлевичъ со Спасовичемъ, съ одной стороны, ратуютъ за «расширеніе правъ печати», за свободу слова; съ другой—они же производятъ съ понатыми обыскъ и выемку въ редакціи «Новаго Времени» и тянутъ редактора и автора къ суду, за какое-то, обидное для ихъ самолюбія, стихотвореніе. Въ Тамбовской губерніи какой-то пожилой іеромонахъ одного монастыря и ризничая сосѣдняго съ нимъ женскаго монастыря, тоже преклоннаго возраста, слабившіеся между собою, оставляють монашество, соединяются бракомъ и открываютъ въ Усмани питейное заведеніе—и провинціальная газетка находитъ это «отраднымъ явленіемъ», а нѣкоторые столичные газеты перепечатываютъ извѣстіе объ этой «современной идилліи», совершенно соглашаясь со своею провинціальною сотоваркой. Въ публичные сады, кафе-шантаны и опереточные театры безпрестанно допускаются воспитанники и воспитанницы среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, вопреки запрещенію министра народнаго просвѣщенія, и это безобразіе вызываетъ наконецъ циркуляръ Харьковскаго генералъ-губернатора, такъ какъ «на этихъ публичныхъ увеселеніяхъ и представленіяхъ не всегда соблюдаются правила благопристойности и приличія, къ явному оскорбленію общественной нравственности»; циркуляръ этотъ взываетъ къ поддержкѣ «всѣхъ благомыслящихъ людей»,—а благомыслящіе люди, въ качествѣ «отцовъ», отиѣчаютъ въ газеткахъ будирующими заявленіями, что они, «какъ отцы», сами-де знаютъ, какъ лучше вести своихъ дѣтей и это начальство напрасно-де позволяетъ себѣ врываться въ домашній порядокъ ихъ быта и стѣснять ихъ бѣдныхъ, и безъ того уже измученныхъ Толстовскою системою, дѣтей даже въ невинныхъ развлеченияхъ и прогулкахъ, на которыхъ если они и бывають, то по большей частѣ выѣстъ со своими родителями. Въ Орлѣ гласный Нарышкинъ высказываетъ въ земскомъ собраніи свой взглядъ на женскія гимназіи, что онѣ, давая воспитаніе дѣтямъ бѣдныхъ горожанъ, отры-

ваютъ ихъ отъ своей среды и возбуждаютъ въ нихъ такія потребности, удовлетворять которыми тѣ не могутъ,—а «дѣятеля и сѣятеля», купно съ газетными корреспондентами—«отцами», начинаютъ за это проносить имя Нарышкина, яко золь глаголь, и пытаются даже поднять противъ него уголовный процессъ «за оскорбленіе родителей». Гвардейскій офицеръ Ландсбергъ желаетъ жениться «для карьеры» на дочери своего высокопоставленнаго начальника, и для поддержанія себя, въ качествѣ жениха, въ приличной обстановкѣ до свадьбы, не находитъ лучшаго способа какъ зарѣзать своего благодѣтеля, старика Власова. Въ апрѣлѣ 1880 года, въ петербургскомъ окружномъ судѣ разбиралось уголовное дѣло братьевъ Висленевыхъ, Катенева, Кутузова и нѣсколькихъ «этихъ дамъ», обвинявшихся въ подѣлкѣ временныхъ свидѣтельствъ 1-го восточнаго займа; Висленевы и Кутузовъ были осуждены на каторгу,—и извѣстная часть «прессы» дружно и злорадно возопила: «вотъ оно, русское дворянство! вотъ каковы его представители!» Но въ августѣ того же года и въ томъ же самомъ судѣ фигурировалъ, въ качествѣ подсудимаго, присяжный повѣренный Евгений Коршъ, обвинявшійся въ нѣсколькихъ преступленіяхъ по своему званію (мошенничество, обманъ своихъ довѣрителей, Шереметева и князя Урусова, и растрата ихъ денегъ, болѣе тридцати тысячъ рублей). Обвиняемый объяснялъ свои дѣянія на судѣ рядомъ жизненныхъ неудачъ, въ особенности неудачъ своихъ литературныхъ предпріятій, которыя оканчивались или запрещеніемъ издававшихся имъ газетъ, или такимъ съуженіемъ ихъ программъ, по распоряженію главнаго управленія по дѣламъ печати, что они проваливались съ крупнымъ дефицитомъ. Къ удивленію, присяжные его не оправдали, и Коршъ отправился на житье въ Томскую губернію; но либеральная «пресса» на этотъ разъ не вопіяла и не злорадствовала,—напротивъ, она всячески старалась заминать и замалчивать это крупное, въ общественномъ смыслѣ, дѣло, и безъ того уже поставленное на судебную сцену въ самый глухой сезонъ, такъ какъ тутъ проворовался свой братъ, либеральнѣйшій юристъ и издатель, сынъ извѣстнаго въ свою пору либеральнаго редактора. А между тѣмъ, въ то самое время, какъ «пресса» обмалчивала дѣло адвоката Корша, изъ провинціи сыпались безпрестанныя жалобы на подобную же адвокатскую дѣятельность. Дошло до того, что въ одну изъ городскихъ думъ (Бабринецкую, Херсонской губерніи) гласными ея официально было внесено заявленіе о крайнихъ беззаконіяхъ, творимыхъ мѣстными патентованными адвокатами, дѣятельность которыхъ, по словамъ заявителей, «не можетъ быть терпима обществомъ и закономъ». Въ подтвержденіе

этихъ словъ, выставлялся цѣлый рядъ мошенничества, подлоговъ, замотанія и присвоенія себѣ довѣрительскихъ денегъ, кражи документовъ, подкупоны свидѣтелей и т. д., причемъ гласные косвенно обвиняли и личный составъ своихъ мировыхъ учреждений. Городская дума постановила ходатайствовать предъ министромъ юстиціи о назначенія въ Елисаветградскій округъ сенаторской ревизіи, въ виду того, что обыватели сильно страдаютъ не только отъ адвокатскихъ плутней, но зачастую и отъ потворствующихъ имъ неправильныхъ рѣшій мировыхъ судей названныхъ округа. Но сенаторской ревизіи имъ не назначили,—потому сами же они этихъ судей себѣ выбирали. Извѣстія о подкупахъ присяжныхъ засѣдателей довольно часто появлялись въ это время въ газетахъ, наряду съ безобразными оправдательными приговорами, всяческими хищеніями, конокрадствомъ, дошедшимъ до ужасающихъ размѣровъ, порубками, поджогами, грабежами и «интересными» убійствами, съ женщинами, или изъ-за женщинъ. Уголовные процессы того времени нерѣдко носили пикантно-кровавый характеръ. Дѣвица Качка, напримѣръ, въ Москвѣ, въ веселой компаніи студентовъ и студентокъ, распѣвая пѣсни, вдругъ застрѣливаетъ ихъ съ того, ни съ сего студента Байрашевскаго, человека совершенно ей посторонняго. Въ обществѣ ходили тогда слухи, что это-де «жребій», въ родѣ Вѣры Засуличъ, но судъ призналъ ее только психопаткой и отдалъ подъ больничный присмотръ, впредь до выздоровленія. Въ роли quasi-политическихъ убійствъ являлись иногда чуть не дѣти,—таково было убійство близъ Орла двухъ лодочниковъ, совершенное тремя воспитанниками одесскаго технологическаго училища Гумидовыхъ, Войцеховскимъ и Триборномъ. Любители же болѣе легкой пикантной уголовщины усаживались тогда интересными воровскими похождениями красивой и шикарной жидовки Блювинтейнъ, извѣстной болѣе подъ прозвищемъ «Соньки-золотой ручки».

Вообще въ провинціи жилось какою-то смутною, чадно удушливою жизнью. Съ одной стороны, въ отвѣтъ на каждое, счастливо избѣгнутое, покушеніе, сыпались оттуда къ подножію трона безчисленные адреса съ изъявленіями вѣрнопопданническихъ чувствъ радости, преданности и негодованія противъ злодѣевъ-покушателей, служились молебны, дѣлались общественныя подписки на сооруженіе часовень, иконъ, кіотовъ, богоугодныхъ заведеній или на учрежденіе разныхъ благотворительныхъ стипендій «въ память событія»; съ другой же—это самое общество, въ особенности на югѣ, совершенно пассивно, какъ баранье стадо, допускало въ своей средѣ выпрашиванье и даже вымогательство денегъ для разныхъ преступныхъ цѣлей, въ родѣ вспомошествованія по-

литическимъ арестантамъ, или для предоставленія «незаконнымъ» возможности къ укрытельству, для воспособленія имъ на выѣздъ за границу и т. п., въ одномъ изъ большихъ южныхъ городовъ не постѣснились даже открыть подписку специально для взрыва императорскаго поѣзда на пути изъ Крыма,—и подписка на это дѣло, по печатному свидѣтельству самихъ бунтарей и взрывателей, пребывающихъ нынѣ за границею, дала имъ полторы тысячи рублей, которые я были немедленно отправлены въ кассу «динамитнаго комитета». Такіе сборы «на политическихъ» дѣлались довольно открыто: въ публикѣ, во время лубебныхъ засѣданій по политическимъ дѣламъ, на юбилейныхъ обѣдахъ, въ разныхъ собраніяхъ, на семейныхъ вечерахъ, спектакляхъ и литературныхъ чтеніяхъ, обыкновенно «въ пользу одного бѣднаго семейства», въ свѣтскихъ гостиныхъ, въ редакціяхъ нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ и т. п. И дошло это до такой безцеремонной публичности, что вызвало наконецъ особый строгій циркуляръ генералъ-адъютанта Тотлебена, въ бытность его одесскимъ генералъ-губернаторомъ.

Бабыгонское земство въ это время, подобно многимъ другимъ уѣзднымъ и губернскимъ земствамъ, вмѣсто того, чтобы заниматься прямыми своими дѣлами, упражнялось, главнѣйшимъ образомъ, въ lamentаціяхъ противъ графа Д. А. Толстаго и въ борьбѣ съ министерствомъ просвѣщенія изъ-за земскихъ школъ и учительскихъ семинарій, не желавшихъ подчиняться правительственному контролю надъ духомъ и направленіемъ ихъ преподаванія. И когда графъ Толстой палъ, наконецъ, какъ министръ народнаго просвѣщенія, земскимъ и журнальнымъ ликованіямъ не было конца: все это трубало и торжествовало свою побѣду, ибо теперь свободно можно было лягать лавнаго каждаго копытомъ и устранивать ему общественные скандалы, въ родѣ закидыванія его «черныками», когда, по выходѣ въ отставку, онъ пожелалъ-было баллотироваться въ гласные Михайловскаго уѣзда (Рязанской губерніи), какъ крупный мѣстный землевладѣлецъ. Это «прокатило на воронихъ» составляло верхъ злораднаго торжества у либеральныхъ земствъ, въ либеральной «прессѣ» и у столичныхъ дѣйствительныхъ явныхъ и тайныхъ сплетниковъ, которые въсплѣдствовали, когда Толстой снова былъ призванъ на государственный постъ, но уже въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ, не затруднившись первыя же лакейски «привѣтствовать» его назначеніе, лебезить и слагать ему хвалебныя гимны.

Среди этого общественнаго вихлянья и путанья, хорошо себя чувствовали одни евреи. Денегъ имъ во время войны и вслѣдъ за ея окончаніемъ перепали цѣлыя уймаща, а уголовнаго суда и ссылки за всѣ эти свои военно-

финансовые подвиги удалось имъ тогда съ-
стлливо избѣжать. Тутъ сразу какъ-то состави-
лись у нихъ новыя состоянія, выплыли новыя
финансовыя имена и предпріятія, стали выхо-
дить разомъ двѣ новыя еврейскія газеты,
«Разсвѣтъ» и «Русскій еврей», и вообще
Израиль замѣтно приободрился, приосанился и,
почувствовавъ за собою силу, поднялъ значи-
тельно выше свой тонъ, и свой носъ, и безъ
того уже достаточно нахальный. «Утучнѣлъ
Іешурупъ,—по слову пророка—и сталъ бры-
каться». Сила и увѣренность въ ней нашего
израиля сказались тогда, между прочимъ, въ
знаменитомъ Кутанскомъ дѣлѣ, когда предъ
мѣстнымъ окружнымъ судомъ предстало нѣ-
сколько евреевъ, обвинявшихся въ похищеніи
передъ Пасхою 1878 года христіанской дѣ-
вочки Сарры Мадебадзе. По поводу этого про-
цесса, еще раньше его начатія, появились въ
печати претензіи противъ самаго в возбужденія
«подобнаго дѣла», даже противъ начатія слѣд-
ствія, такъ какъ одно-де слѣдственное произ-
водство уже наноситъ будто-бы вредъ еврей-
ской репутаціи,—словомъ, явились крупныя и
наглая притязанія на какую-то особую приви-
легію для евреевъ, на изытіе ихъ изъ об-
щаго порядка судопроизводства. На судебную
защиту обвиняемыхъ, еще до выясненія самаго
дѣла, были уже отпущены значительныя суммы
совсѣмъ посторонними этому дѣлу евреями, от-
части даже заграничными, — и у кутанскихъ
жидковъ, несмотря на всю ихъ бѣдность,
оказались вдругъ дорогіе и «знаменитые» ад-
вокаты, гг. Александровъ и Куперникъ. Исходъ
дѣла уже заранѣе былъ предрѣшенъ самими
евреями, — и обвиняемые, несмотря на всю
вѣскость очевидныхъ и тяжкихъ уликъ, были,
согласно этому предрѣшенію, торжественно
оправданы. Дѣло было перенесено затѣмъ въ
Тифлискую судебную палату, но тамъ уже
прокуроръ отказался отъ обвиненія, — и палата
объявила обвиняемымъ новый оправдательный
приговоръ. Утучнѣвшій Іешурупъ торжество-
валъ, а юные сыны и дочери его не уставали
тѣмъ часомъ фигурировать въ безпрестанныхъ
политическихъ процессахъ.

Въ эту смутную, путанную и нервную эпоху,
за исключеніемъ весьма небольшого, сравни-
тельно, круга людей двухъ рѣзко противополо-
жныхъ направленій, трудно, почти невозможно
было отгадать, кто какихъ убѣжденій, кто
чего хочетъ, кто за кого и кто противъ чего,
кто чему сочувствуетъ и что отрицаетъ или
порицаетъ. Не даромъ же создавалась тогда
извѣстная характерная фраза: «съ одной сто-
роны нельзя не сознаться, съ другой—нельзя
не признаться». Это была какая-то всеобщая
вихлявость и сбитость съ панталыку. Одни
ошалѣвали, не понимая, что это вокругъ тво-
рится; другіе, напротивъ, понимая очень хо-
рошо, сбились половить себя въ мутной водѣ

рыбки и обработать, округлить свои личныя
дѣлишки; третьи малодушествовали и охали
въ полномъ упадкѣ духа; четвертые злорадно
и ехидно хихикали, приговаривая: «чѣмъ ху-
же, тѣмъ лучше», и всѣ одинаково ожидали
чего-то, пережѣвъ какихъ-то; но какихъ,—на
это никто не могъ дать никакого точнаго
опредѣленія. Въ чадномъ туманѣ, застила-
вшемъ глаза и мозгъ тогдашняго общества,
сквозило только нѣчто неясное, призрачное, въ
видѣ распылчататаго понятія о «конституціи», —
какой именно конституціи, на какихъ основахъ,
до этого не добивались, а такъ, желали «кон-
ституціи вообще», какъ «увѣнчанія зданія». Это
недомогающее состояніе общества очень
вѣрно было характеризовано тогдашнею «Не-
дѣлей» въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «То, что
случилось сегодня, завтра уже забывается,
какъ давно и безвозвратно минувшее; вѣч-
ное ожиданіе чего-то новаго, ожиданіе, страст-
ное до боли, жжетъ и томитъ всѣхъ не-
устанно. Никто не знаетъ, на чѣмъ оста-
новиться, чего держаться. Сомнѣніе, расте-
рянность и тупая, ноющая боль вносятся по-
всюду, какъ неизмѣнные наши спутники. Это
какой-то лихорадочный бредъ, съ рѣдкими ми-
нутами отрезвленія, какое-то торопливое хва-
таніе первой подвернувшейся подъ руку вещи
и отбрасываніе ея затѣмъ снова въ сторону.
Перепутанное время!.. О какой-либо послѣд-
овательности и опредѣленности вѣтъ и рѣчи»¹⁾.
И вотъ, въ это-то время вдругъ появляется
какъ-бы нѣкій Мессія.

XVI.

„Диктатура сердца“.

5-го февраля 1880 года, въ седьмомъ часу
полудни, послѣдовалъ извѣстный взрывъ въ
Зимнемъ дворцѣ, сопровождавшійся человѣче-
скими жертвами среди солдатъ, въ караульной
комнатѣ. Въ Петербургѣ наступила полная на-
ника. Распущены были слухи, что 19-го фе-
вряля всѣ парадныя подѣзды цѣлый день
будутъ занерты и всѣхъ проходящихъ по ули-
цамъ и входящихъ въ ворота домовъ будутъ
подвергать осмотру, такъ какъ этотъ день
назначенъ-де террористами для генераль-
ныхъ взрывовъ по всему городу. Поэтому мно-
гіе состоятельные и чиновные люди еще до
19-го числа посидѣли выѣхать на дачи, или
въ провинцію, а еще болѣе за границу, вообще,
постарались быть подальше отъ Петербурга;
множество же лицъ изъ оставшихся въ городѣ
бросали въ эти дни свои квартиры на произ-
воль прислуги и старались блыкаться по ули-
цамъ и ресторанамъ, въ Царскомъ, Павловскѣ,
Гатчинѣ и т. д. Переполохъ былъ ужасный.

¹⁾ „Недѣля“ 1880 г. № 9, стр. 291.

Даже биржевые хроникеры свидетельствовали, что «угрожающие слухи о каких-то предстоящих ужасах запугали до нестерпимости многочисленный класс крупных и мелких капиталистов; запуганные до нелюзя люди начали вбрызгивать самому вопиющему вздору, самым крайним нелюбимостям и, потеряв голову, прибегали к мбрам и дйствіямъ, лишеннымъ человеческого смысла». Въ числѣ разныхъ ужасовъ ожидался взрывъ государственнаго банка. Но вотъ, 12-го февраля Петербургъ узналъ вдругъ великую новость, что въ столицѣ учреждена «Верховная распорядительная коммисія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія» и что главнымъ начальникомъ ея назначенъ графъ Лористъ-Меликовъ, которому предоставлено избраніе Высочайше утвержденныхъ членовъ этой коммисіи и, сверхъ того, право призывать въ коммисію всѣхъ лицъ, безразлично, присутствіе коихъ будетъ признано имъ полезнымъ. вмѣстѣ съ этимъ, должность временнаго петербургскаго генералъ-губернатора, въ лицѣ генералъ-адъютанта Гурко, упразднилась — и генералъ поэтому удалился на житье въ свое тверское помѣстье.

Графъ Лористъ-Меликовъ тотчасъ же издалъ прокламацію къ обществу, гдѣ выставилъ прежде всего на видъ, что «рядъ политическихъ злодѣйствъ вызвалъ не только негодованіе русскаго народа, но и *отради-ніе* всей Европы» (?), и заявлялъ, взывая къ обществу, что на «поддержку общества» онъ смотритъ «какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правительственнаго теченія государственной жизни, отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы самого общества», а въ заключеніе, графъ манилъ это «общество» конфеткой «равно для всѣхъ дорогой» — возвращенія общества «на путь дальнѣйшаго мирнаго преуспѣянія». Хотя это были не болѣе, какъ общія расплывчатые и туманные фразы, но «общество» осталось въ убѣжденіи, что подъ ними должно разумѣть «конституцію». Изъ всей печати, одинъ только М. Н. Катковъ рѣшился замѣтить на это воззваніе, что практическихъ послѣдствій отъ призыва правительства, обращеннаго къ обществу графомъ Лористъ-Меликовымъ, можно бы было ожидать только при томъ условіи, чтобы правительство своимъ образомъ дѣйствій дало тонъ и направленіе умамъ и ясно опредѣлило, чего оно требуетъ отъ общества. Но вотъ именно новости-то этой и не хватало въ прокламаціи графа. — «Правительство, замѣчалъ Катковъ, дѣйствующее съ характеромъ, быстро переладить въ своемъ смыслѣ общественное настроеніе». Но и характера опредѣленнаго пока еще ни въ чемъ не проглядывало, — онъ проявился нѣсколько поздиѣ. За исключеніемъ «Московскихъ Вѣдомостей», вся

остальная печать откликнулась на назначеніе и воззваніе графа Лористъ-Меликова ликующимъ образомъ, исполненнымъ широкихъ и самыхъ радужныхъ упованій. «Надѣля» удостовѣряла, что, съ его назначеніемъ, вдругъ «повѣяло чѣмъ-то новымъ, какъ будто запахло весной». Другая газета утверждала, въ либеральномъ своемъ увлеченіи, что «одно имя графа, само по себѣ, есть уже *цѣлая программа*!» — «Новое Время» замѣтило, что «чѣмъ-то новымъ, успокоительнымъ, бодрящимъ повѣяло въ воздухъ», и что газетныя статьи и фельетоны (фельетоны — это главное!) приняли «нѣсколько праздничный тонъ». — «Слава Богу! На душѣ стало легче!» воскликнулъ «Голосъ». — «Новости» назвали «первое слово» графа «столь же симпатичнымъ, какъ и вся его дѣятельность». «С.-Петербургскія Вѣдомости» находили, что «общее высокое довѣріе, живѣйшее сочувствіе и любовь, которыя снискалъ себѣ бывшій харьковскій генералъ-губернаторъ, должны внушать намъ наилучшія надежды». Въ совокупности, все это было очень громко, очень радужно, но и очень неопредѣленно, какъ и сама прокламація графа. Одинъ только «Московскія Вѣдомости», безъ всякихъ увлеченій, утверждали, что верховная коммисія есть не болѣе какъ высшее полицейское управленіе и совѣтовала въ то время графу не искать себѣ популярности «вездѣ и у всѣхъ» и «не поддаваться вліянію чиновныхъ и свѣтскихъ круговъ петербургской интеллигенціи, бредявшихъ конституціей». За это вся либеральная «пресса» опрокинулась на Каткова и стала отрицать даже самую *raison d'être* его газеты и вообще охранительныхъ началъ, вопрошая, во имя чего же можетъ поднимать «эта партія» свой голосъ теперь, когда обстоятельства не допускаютъ уже колебаній, а требуютъ прямого и рѣшительнаго образа дѣйствій и совершенно опредѣленной политики, въ смыслѣ увѣчанія аданія?» А московскій журналъ «Русская Мысль», такъ тотъ дошелъ даже до требованій «обузданій», восклицая: «неужели все это пройдетъ (Каткову) даромъ и не будетъ обуздавъ этотъ оскорбительный для всего русскаго общества наглый, сумасшедшій крикъ распавшей инквизиціонной жаромъ фантазіи?» Это либералы-то взывали объ «обузданіи» къ правительству, за независимое слово!

— И такъ, за исключеніемъ Каткова, вся печать ликовала и надѣялась, а либеральная часть ея сразу же обнаружила нѣкоторую тенденцію руководить своимъ новымъ *protégé* и стала указывать ему, по своему собственному усмотрѣнію, «задачи Верховной коммисіи, ибо общество относительно-де къ ней «съ широкими и исполняемыми основательными (?) надеждами». Отъ коммисіи требовалось печатью «упростить и ускорить слѣдствія по политическимъ дѣламъ», «умѣрить излишнюю подозрительность и рве-

не исполнителей органов» и «увѣнчать зданіе благотѣльныхъ реформъ правовымъ порядкомъ», а нѣсколько поздиѣ, когда убѣдились, что графъ охотно слѣдуетъ этимъ указаніямъ, «пресса» еще съ большою настойчивостью приступила къ нему со своими совѣтами и требованіями якобы «необходимыхъ для умиротворенія Россіи мѣръ», въ ряду которыхъ прежде всего была поставлена необходимость похерить генералъ-губернаторовъ, съ ихъ «исключительными» правами и полномочіями, которыми они «не только *могутъ* пользоваться, но и *дѣйствительно* пользуются»; — затѣмъ настойчиво предлагались отміна бесполезно стѣснительныхъ паспортовъ и вообще всякихъ письменныхъ видовъ, отміна административной высылки и возвращеніе «какъ можно скорѣе» всѣхъ административно высланныхъ и поднадзорныхъ лицъ. О возбужденіи новыхъ политическихъ процессовъ отзывались съ неудовольствіемъ, слегка журуя за нихъ графа, и находили, что «подобные процессы теперь производить уже вѣчатлівые анахронизма»; даже по поводу разстрѣліянія двухъ нижнихъ чиновъ, въ Сумахъ и Кременчугѣ, за такія чисто воинскія, тяжкія преступленія, какъ убійство своего полкового врача и сорваніе погонъ со своего полкового командира, одна либеральная газета замѣчала съ неудовольствіемъ, что, къ сожалѣнію, дѣла этого рода *еще* разсматриваются на основаніи исключительныхъ военныхъ законовъ. Одновременно съ совѣтами и требованіями печати, раздались и изъ провинціи голоса разныхъ г-дъ Рагозиныхъ, де-Роберти, Гольцовыхъ, Корсаковыхъ, Гордіенковъ, Южаняновъ и др. по вопросамъ о расширеніи правъ земства, о сокращеніи дворянства, о ненужности административныхъ высылкъ, о строгостяхъ школьнаго надзора, объ отмініи Толстовской системы образованія, о снятіи запрещенія съ малороссійскаго языка, о благовременности «увѣнчання зданія» и т. д. и т. д. Что же касается террористовъ и бунтарей, то на всѣ эти туманныя обѣщанія и прокламаціи «новаго начальства» и на всѣ совѣты, требованія и заигрыванія «легалдой» либеральной прессы, они съ самаго начала, еще 20-го февраля, отвѣтили выстрѣломъ сврея Млодецкаго въ графа Лорисъ-Меликова и тѣмъ наглядно показали полную свою непримиримость ни съ какими «новыми эрами» и «новыми вѣяніями» и полное свое презрѣніе какъ къ правительству, такъ и къ либераламъ.

Млодецкаго на другой день судили, а на третій, утромъ, уже повѣсили на Семеновскомъ плацу, несказанно удививъ этимъ петербургскую публику, не пріученную еще къ такимъ быстрымъ расправамъ. Казалось бы, подобною быстротою графъ удовлетворилъ требованіямъ печати объ упрощеніи и ускореніи политическихъ слѣдствій и судовъ, но вышло такъ,

что ожидатели этимъ не удовольствовались, — имъ хотѣлось бы лучше видѣть Млодецкаго помилованнымъ, и не только помилованнымъ, но и совсѣмъ прощеннымъ, — ступай, дескать, милый человѣкъ, себѣ съ Богомъ на всѣ четыре, и пусть бунтари, видя этотъ умильный примѣръ великодушія, почувствуютъ все его значеніе и исправятся!.. Впрочемъ, выстрѣлъ этого еврея не измѣнилъ ровно ничего ни въ розовомъ настроеніи либеральствующей печати, ни въ готовности самого графа слѣдовать и далѣе ея указаніямъ. Нѣкоторые изъ публицистовъ и фельетонистовъ извѣстнаго лагеря, какъ было слышно тогда въ литературныхъ кружкахъ, получили даже премирующее и направляющее значеніе въ интимныхъ бесѣдахъ графа, въ его кабинетѣ, доступъ въ который разъ навсегда былъ открытъ имъ радушнымъ сановникомъ, а одинъ изъ ихнихъ доктринеровъ-издателей, въ поощреніе своей либеральной дѣятельности, какъ увѣряли тогда, былъ даже представленъ графомъ ко звѣздѣ св. Станислава.

Вскорѣ послѣдовалъ дѣльный рядъ общихъ мѣропріятій, перемѣнъ въ личномъ составѣ правительственныхъ учрежденій, подготовительныхъ работъ, разныхъ отмінъ, смягченій, послабленій, циркуляровъ, — и направленіе новой правительственной дѣятельности выяснилось. Графъ былъ очень доступенъ, любезно принималъ и выслушивалъ всѣхъ, особенно студентовъ и студентовъ, дѣлалъ для нихъ все, что могъ, расширялъ стѣны учебныхъ заведеній, распорядился быстро, гуманно, либерально, самовластно, обворожительно и заслужилъ себѣ имя «диктатора». Потомукъ армянскихъ властителей, онъ ничего не имѣлъ противъ этой клички, — напротивъ, она очень ему нравилась, и онъ охотно соглашался, что если это диктатура — пусть такъ, но только «диктатура сердца». Названіе «диктатуры сердца» сдѣлалось очень популярнымъ въ обществѣ, и вся эпоха правленія Лорисъ-Меликова перешла потомъ въ исторію подъ этимъ же, нѣсколько сентиментальнымъ, именемъ.

Въ первыхъ числахъ марта генералъ-адъютантъ Дренгелъ былъ уволенъ отъ званія шефа жандармовъ и должности главнаго начальника III Отдѣленія, безъ назначенія ему преемника. Пошли пріятные слухи, что и само III Отдѣленіе, какъ-сь, уничтожается; но въ публикѣ слухамъ этимъ еще не отвѣкивались вѣрить безусловно, — какъ же такъ, вдругъ, безъ Третьяго? Больно ужъ къ нему привыкли!

Въ апрѣлѣ, на мѣсто нелиберальнаго В. В. Григорьева, въ главное управленіе по дѣламъ печати былъ назначенъ другой руководитель, котораго общее мнѣніе печему-то сразу и безъ достаточныхъ основаній признало либеральнымъ. Отставка Григорьева была встрѣчена нѣсколькими газетами весьма злобно: съ нав-

шимъ чиновникомъ, благосклонности котораго вчера еще эти журналисты такъ заискивали, сегодня не считали уже нужнымъ церемониться, — вѣдь розничной продажи не запретятъ изъ-за этого!

Въ апрѣлѣ же петербургскимъ городовымъ категорически разрѣшено было графомъ не отдавать чести офицерамъ, ни даже генераламъ. На это нѣкоторыя газеты жаловались, что городовые, по старой дурной привычкѣ, все еще продолжаютъ прикладывать руку къ козырьку, а другіе, завидѣвъ офицера, слѣшать отвернуться въ сторону, чтобы не вводить себя въ искушеніе, — «ну, дескать, а какъ вдругъ возмужаю да отдамъ!» По этому поводу тѣ же газеты радовались, что «слава Богу, подпруга опущена!» и что онѣ теперь «понимаютъ лошадей, когда ей опустятъ подпруги».

Затѣмъ было сдѣлано графомъ распоряженіе о собраніи данныхъ относительно положенія и поведенія лицъ, административно высланныхъ подъ полицейскій надзоръ, въ видахъ облегченія ихъ участи, — и въ первые же мѣсяцы освобождено ихъ было 433 человѣка, изъ коихъ 279 человѣкъ безъ всякихъ ограниченій, а 58 переведены въ ближайшія, болѣе удобныя мѣстности. Потомъ слѣдовали еще новыя освобожденія, не въ меньшемъ количествѣ. Хотя нѣкоторые изъ этихъ освобожденныхъ отличались въ послѣдствіи въ новыхъ политическихъ преступленіяхъ, но въ мѣрѣ этой была, по крайней мѣрѣ, та хорошая сторона, что тихіе, захолустные городки нашего сѣвера и сѣверо-востока избавились наконецъ отъ этой, навязанной имъ, заразы, нравственно-разлагавшей ихъ молодежь и семьи.

24-го апрѣля министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой былъ уволенъ въ отставку. Величайшее торжество и ликованіе всѣхъ газетныхъ, земскихъ и чиновныхъ либераловъ встрѣтило паденіе этого человѣка, болѣе всѣхъ остальныхъ имъ ненавистнаго, за свою неуступчивую твердость противныхъ имъ убѣждений. Лгать и бросать въ него комками журнальной и земской грязи можно было теперь невозбранно. О графѣ Толстомъ графъ Лорисъ выразился: «я его спихнуть», а о его пріемникѣ — «я его предлагалъ, но я его не знаю». Первымъ дѣломъ новаго министерства было возстановленіе во всей своей силѣ Головинскаго «Университетскаго устава 1863 года» и отмена «преобразованій» графа Толстаго.

Высочайшимъ указомъ отъ 6-го августа упразднено наконецъ III Отдѣленіе. Маковъ изъ министра внутреннихъ дѣлъ превратился въ министра почтъ, телеграфовъ и иностранныхъ исповѣданій, а Верховная распорядительная комиссія, «за осуществленіемъ главной ея задачи», закрылась, и графъ Лорисъ-Меликовъ, съ его диктаторскими полномочіями, дѣлается всемогущимъ министромъ внутрен-

нихъ дѣлъ. По сему поводу въ либеральныхъ газетахъ писали, что «политика этого государственнаго человѣка состоитъ не только въ замѣнѣ людей, но въ измѣненіи самаго принципа», и указывали ему «условія общественной дѣятельности» и «съ чего слѣдуетъ начать». Онъ продолжалъ слушаться. Депутатія отъ петербургскихъ дамъ подносила ему за это букеты съ надписями на лентахъ «умиротворителю» и «въ знакъ умиротворенія». Одна изъ ликующихъ газетъ выразилась, что отнынѣ графъ Михаилъ Таріеловичъ «обобщается на всю Россію и самъ становится обобщителемъ». «Русская Рѣчь» обращалась къ нему съ мольбою: «Разбудите насъ, графъ! Вдохните въ насъ энергію!» А одинокіе изъ либеральныхъ жидовскихъ стихотворцевъ сравнивали его даже съ Моисеемъ и възвывали:

Доколы жъ намъ стоять середь пути,
Жить въ шалашахъ, питаться манной?
Гдѣ ты, о Моисей? Веди насъ, веди
Къ заветнымъ рубежамъ земли обѣтованной!

Либеральная колесница невозбранно катилась теперь по лицу земли Русской, и тогдашняя «Недѣля», въ статьѣ «Новые порядки», съ похвальною откровенностью высказывалась, что «никому въ настоящее время не придется въ голову объяснять тотъ или другой взглядъ желаніемъ заявить свою благонамѣренность, такъ какъ подобныя заявленія сдѣлались уже ненужными и даже нѣсколько компрометирующими, ибо въ настоящее время гораздо удобнѣе и *выгоднѣе* выставлять себя съ такъ называемой либеральной стороны, чѣмъ съ противоположной». И дѣйствительно, изъ независимыхъ органовъ печати, вѣрныхъ здравому смыслу и историческимъ началамъ русскаго народа и государства остались только «Московскія Вѣдомости» да «Русь», И. С. Аксакова, выступившаго наконецъ изъ-подъ запрета и вынужденнаго молчанія снова на публицистическое поприще. Но всякая попытка Каткова или Аксакова и какихъ бы то ни было частныхъ и даже духовныхъ лицъ къ разъясненію нигилистическихъ козней и сущности янглизма дружно и ретиво встрѣчалась гамомъ, лаемъ и травлей въ газетахъ и журналахъ, а еще болѣе въ уличныхъ, сатирическихъ и порнографическихъ листкахъ; люди эти объявлялись какъ-бы вѣй гражданскихъ правъ и закона, — совсѣмъ, какъ подъ жидовскимъ «херимомъ», — имена ихъ публично шельмовались, ихъ невозбранно обильвали помоями самой грязной клеветы, заподозривали ихъ честность, взводили на нихъ тяжкое обвиненіе въ продажности, обзывали ихъ сифофантами, доносчиками, добровольцами шпіонства и т. д. Подъ этимъ деспотическимъ давленіемъ разнузданной и ошалѣлой «прессы», даже духовные проповѣдники оставляли возвышенный и строгій церковно-ораторскій стиль и, говоря — довольно,

впрочемъ, сдержанно—о растлѣвающихся язвахъ современной русской жизни, старались на высотѣ церковныхъ кафедръ усвоивать себѣ вулгарно-модный газетный жаргонъ передовицъ «Голоса».

Въ концѣ августа появились въ газетахъ извѣстія о сенаторской ревизіи нѣсколькихъ губерній разомъ, подобранныхъ изъ самыхъ различныхъ мѣстностей сѣвера, востока, средней полосы, Малороссіи и западнаго края,—и все это «въ видахъ готовящихся крупныхъ реформъ», но какихъ собственно,—объ этомъ никто ничего положительнаго не вѣдалъ, и всѣ витали только въ области пріятныхъ предположеній насчетъ «правового порядка». Вообще, относительно этихъ реформъ, либеральные газеты общались, по выраженію одной изъ нихъ, «что-то широкое и неясное, а отчасти даже и положительно нехлѣбное», пока-то, наконецъ, не было обнародовано Высочайшее повелѣніе 22-го сентября, опредѣлявшее права и обязанности сенаторовъ, коимъ поручалось провѣсти ревизію восьми губерній. Это мѣропріятіе, вмѣстѣ съ преобразованиемъ бывшаго III Отдѣленія, составляло одну изъ дѣйствительныхъ заслугъ графа Лорисъ-Меликова. Къ сожалѣнію, не всѣ сенаторы, вмѣстѣ съ захваченными ими изъ Петербурга канцелярскими «силами» и «туманп», оказались на высотѣ порученной имъ задачи.

Но періодъ розоваго увлеченія графомъ и возбужденныхъ имъ надеждъ и ожиданій начиналъ уже колебаться. Явились скептики, и даже между наиболѣе ликовавшими пять мѣсяцевъ назадъ либералами. Освободительный престижъ и либеральная репутація «диктатора» въ ихъ глазахъ уже нѣсколько потускли, и—кто бы могъ ожидать!—ближайшею причиною этого было именно уничтоженіе III Отдѣленія. И въ самомъ дѣлѣ, на верховную комиссію, при ея возникновеніи, возлагались въ обществѣ, и особенно въ его либеральныхъ и чиновныхъ кружкахъ, чрезвычайъ уже богатые, но ни на чемъ положительномъ не основанныя надежды. Всѣ такіе господа почему-то были увѣрены, что въ эту комиссію непременно будутъ приглашены и они, вмѣстѣ съ прочими, какъ представители общества, земства, адвокатуры и печати, что изъ нихъ будетъ образованъ какой-то особый учредительный комитетъ, гдѣ будутъ выслушиваться ихъ мнѣнія, предложенія, совѣты, что правительство будетъ только покорнымъ исполнителемъ ихъ предначертаній и рѣшеній и т. д. И однакоже,—говорили будирующіе скептики,—ничего изъ этого не вышло, никого изъ «выдающихся» общественныхъ силъ не приглашали, никакихъ комитетовъ не учреждали, ничьихъ мнѣній не спрашивали, да и самая система, въ сущности, во всемъ осталась прежняя; перемѣнились развѣ лица кое-какія да названія, и толь-

ко! Но что же изъ того, что «III Отдѣленіе» переименовали въ «Департаментъ полиціи государственной»? Только названіе удлиннили,—прежнее было гораздо короче и потому удобнѣе,—а вѣдь сущность-то, функціи того и другого остались все тѣ же. Это выходитъ одинъ только отводъ глазъ почтеннѣйшей публикѣ, армянскій фокусъ-покусъ съ фальшивыми бумажками, не болѣе! Чему же тутъ радоваться? О чемъ ликовать и чего ожидать еще?

Чуткій по своему либеральному престижу, графъ Лорисъ-Меликовъ посигишилъ поддерживать въ обществѣ свою колеблющуюся репутацію и потому пригласилъ къ себѣ, 6-го сентября, на интимную бесѣду за чашкой чая редакторовъ девяти періодическихъ петербургскихъ изданій, преимущественно либеральнаго и радикальнаго лагеря, и откровенно раскрылъ передъ ними тѣ ближайшія задачи, которыя онъ поставилъ себѣ цѣлью своей дѣятельности, изложивъ за-одно уже и свою политическую программу, клонившуюся къ непрѣмному «увѣнчанію зданія». Польщенные такимъ вниманіемъ, редакторы сейчасъ же, конечно, оповѣстили объ этомъ свою публику и вынесли на базаръ ежедневной журналистики всю цинкитную суть своей интимной бесѣды съ «диктаторомъ». Вслѣдъ за этимъ, либеральные фонды графа снова поднялись въ публикѣ, и ожиданія ея опять оживились. Для поддержанія того и другого, онъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, съѣзжалъ на короткое время въ Ливадію, а по возвращеніи его оттуда съ шестью проектами, «касающимися», какъ писалось тогда, «различныхъ преобразованій въ области государственнаго управленія, опять лихорадочно пошли по Петербургу и Россіи новыя «сенсационныя» слухи, что теперь-де уже «окончательно конецъ всему старому»—конституціи!!! Конституція самая широкая, самая либеральная уже подписана и будетъ торжественно дана не сегодня—завтра, и вотъ зданіе реформъ наконецъ-то увѣнчается правовымъ порядкомъ!

А между тѣмъ, внутри Россіи продолжались и разрушительные пожары, съ поджогами, и голодъ, съ сопровождавшими его болѣзнями и смертностью, и странное конокрадство, и земскія неурядицы, дошедшія до того, что земліи войска Донскаго усерднѣе стала ходатайствовать объ избавленіи ея отъ благодѣяній навязаннаго ей земства; продолжались и крупныя хищенія изъ казенныхъ и земскихъ сундуковъ и банковыхъ кассъ, и безвластіе въ уѣздахъ среди избытка разнообразныхъ, но безсильныхъ властей, и спливание народа кулаками-кабатчиками и жидами, и кабада его у кулаковъ, и отдача обнищавшихъ крестьянъ въ принудительныя работы за недоимки, и фабричныя забастовки, и крестьянскія волненія по поводу «чернаго передѣла», и развра-

щеніе дѣтей въ земскихъ школахъ; вносимое туда разными Софьями Перовскими, Кутитонскими, Нечаевыми, Соловьевыми и Желябовыми, которые въ свое время всѣ были сельскими учителями и учительницами, — все это шло своимъ обычнымъ порядкомъ, равно какъ и подпольная работа притаившихся и притихшихъ, пока что, бунтарей, которые, тѣмъ не менѣе, въ это самое время энергичнѣе чѣмъ когда-либо готовили величайшее изъ своихъ злодѣяній. Но ко всѣмъ этимъ невзгодамъ прибавлялся еще и новал, давно уже не проявлявшаяся, въ видѣ повсемѣстныхъ студенческихъ волненій.

Начались эти волненія съ поѣздки представителя подлежащаго вѣдомства по учебнымъ округамъ, гдѣ въ каждомъ университетскомъ городѣ онъ считалъ нужнымъ обращаться со своими «руководящими» рѣчами и списками не только къ профессорскому персоналу, но и къ студентамъ, въ полномъ составѣ послѣднихъ. Эти красивые рѣчи, исполненные «новыхъ вѣяній» и идеи «децентрализаціи» учебного дѣла и освобожденія его отъ «излишней регламентаціи», вмѣстѣ съ критикой всѣхъ распоряженій и направленій графа Толстого и съ обѣщаніями полной ихъ отмены и полного восстановленія либеральнаго университетскаго устава 1863 года, — рѣчи эти изъ устъ такого лица, обращаемыя непосредственно къ самой молодежи, производили на нее тѣмъ болѣе сильное и охмѣляющее впечатлѣніе, что авторъ ихъ тутъ же представлялъ учащимся право входить къ нему съ «петиціями» о своихъ корпоративныхъ нуждахъ, потребностяхъ и желаніяхъ. А при этомъ еще и газеты, какъ столичныя, такъ и провинціальныя, съ торжествомъ возвышали *ordi et ubi*, что онъ «въ основу своей дѣятельности кладетъ принципъ диаметрально противоположный тому, какимъ руководствовался графъ Толстой, доводяшій регламентацію до крайнихъ предѣловъ возможнаго». Эта поѣздка по Россіи вызвала со стороны студентовъ разныхъ университетовъ и некоторыхъ специальныхъ институтовъ множество «петицій» о расширеніяхъ ихъ студентскихъ правъ и преимуществъ. По всѣмъ университетамъ пошли опять бурныя сходки, волненія и столкновенія съ начальствомъ, съ полиціей и т. д. Въ «петиціяхъ» этихъ ходатайствовало о невозбранномъ правѣ сходокъ, во всякое время, для обсужденія не только своихъ бытовыхъ, но и учебныхъ вопросовъ, о правѣ избирать самимъ своихъ профессоровъ, объ устраненіи общеполіцейскаго и уничтоженіи специально инспекторскаго надзора за студентами, внутри и вѣн стѣнъ университета, о восстановленіи университетскаго и особаго еще студенческаго суда, о правѣ подачи и впродъ петицій, помимо своего начальства, непосредственно самому министру, чрезъ своихъ выбор-

ныхъ представителей, о правѣ имѣть безконтрольно свои особыя библіотеки (помимо университетскихъ), свои читальни, кассы, кухмистерскія, о допущеніи въ университеты, безъ всякаго ограниченія, евреевъ и учащихся женщинъ въ признанномъ званіи студентовъ и со всѣми университетскими для нихъ правами, о правѣ студентовъ вступать въ бракъ и т. д. Такимъ образомъ, не иное что, какъ сами же эти «руководящія рѣчи» возбудили въ учащейся молодежи изліянія, не оправдавшіяся надежды и неумѣстныя притязанія, и отвлекли этихъ людей отъ занятій примымъ своимъ дѣломъ.

Понятно, что такія чрезымѣрныя притязанія студентовъ не могли быть безусловно удовлетворены никакимъ правительствомъ. Послѣдовали канцелярскія оттяжки, замѣтки, отказы, а это вызвало въ молодежи взрывы новыхъ неудовольствій и, прежде всего, разочарованіе въ самихъ представителяхъ вѣдомства. 5-го декабря начались крупныя беспорядки въ Московскомъ университетѣ, продолжавшіеся и въ послѣдующіе дни, такъ что 8-го числа пришлось прекратить чтеніе лекцій, и университетъ временно былъ закрытъ. По этому поводу поднялась горячая газетная перепалка, даже въ своемъ собственномъ либеральномъ лагерьѣ. Доктринерскіе органы подняли гвалтъ въ защиту представителей вѣдомства, стараясь отстоять ихъ отъ обвиненій въ томъ, что причиною беспорядковъ было ихъ популярничанье въ рѣчахъ; другіе же старались притупить исторію, усердно доказывая, что въ ней нѣтъ и не можетъ даже «въ настоящее время» быть ничего «политическаго», — просто-де домашнее дѣло изъ за кухмистерской да изъ-за исключенія шести товарищей, и только; прежде, молъ, такія исторіи могли, пожалуй, имѣть и политическій характеръ, но теперь, въ эпоху «новыхъ вѣяній», — это-де не мыслимо! Одна изъ газетъ старалась внушить кому слѣдуетъ даже такой взглядъ что главную пользу студенческихъ кассъ и кухмистерскихъ слѣдуетъ-де видѣть не въ томъ, что онѣ облегчаютъ матеріальныя нужды студенческаго быта, а въ томъ «нравственномъ» влияніи, какое эти учрежденія, въ связи со сходками, должны оказывать на студентовъ и которое будетъ составлять необходимое дополненіе къ университетскому образованію». Та же газета доказывала необходимость, чтобы университетское начальство, ближайшее и отдаленнѣйшее, измѣнило свой взглядъ на студенческіе беспорядки вообще и «смотрѣло бы на нихъ просто сквозь пальцы». Высшее начальство, повидимому, приняло и этотъ добрый совѣтъ къ исполненію, но уви! — такое безпримѣрное попустительство не утишило, а напротивъ, довело беспорядки до своего рода катастрофы.

Разыгралась эта катастрофа — скандалъ

8-го февраля 1881 года, въ Петербургѣ, на торжественномъ годовомъ университетскомъ актѣ, при большой и избранной публикѣ. Къ этому торжеству нарочно были подогнаны нѣкоторыя «отмѣны», которыми надѣялись угодить студентамъ. На первомъ планѣ стояла отмѣна «временныхъ правилъ», введенныхъ прежнимъ министерствомъ, о стѣснительности которыхъ наиболѣе распространялись студенческія «петиціи», а затѣмъ, въ числѣ прочихъ, была даже отмѣна и университетской «инспекціи». Все это было торжественно, громко и совершенно официально объявлено на самомъ актѣ, отъ лица присутствовавшего тутъ же представителя вѣдомства. Ожидались въ отиѣтъ радостныя рукоплесканія, благодарственныя восклицанія и трогательныя оваціи, — въ этомъ были увѣрены. Но вдругъ, вмѣсто ожидаемаго, вслѣдъ за объявленіемъ, съ хоръ университетской актовъ залы послышались «неумѣстные» возгласы, полные рѣзкихъ выходокъ и даже ругательствъ лично противъ того же представителя. Картина. Отмѣнная зала въ изумленіи обратила очи горѣ — и въ этотъ моментъ съ хоръ дождемъ посыпались на головы ученаго ареопага и публики литографированные листки съ прокламаціей отъ имени какого то «центрального кружка» студентовъ, выражавшей въ самой рѣзкой формѣ недовольство и неудовлетворенность молодежи состоявшимся «отмѣнами» и облегченіями. Новая картина и сугубое изумленіе. Чей-то голосъ съ хоръ началъ было читать эту прокламацію, но тутъ уже невозможно было разобрать ничего, потому что по всей залѣ, и сверху, и внизу, начался такой неистовый шумъ и гамъ, выстѣсъ топаньемъ, стукомъ, свистомъ, криками, мяуканьемъ и лопаньемъ стульевъ, что избранная публика и ученый синклитъ отбѣжали отъ ужаса. Тщетно ректоръ пригласилъ студентовъ къ порядку, надрываясь изо всѣхъ силъ, чтобы голосъ его былъ слышанъ, тщетно члены отмѣненной инспекціи и нѣкоторые «популярные» профессора бросались въ толпу манифестантовъ, съ уговариваньями и мольбами прекратить скандалъ, пощадить свою alma mater и достоинство науки, — ихъ не слушали, не замѣчали и потоками ложились впередъ... Среди общаго движенія, поднялась такая суматоха, толкотня и перетасовка по всей залѣ, что сразу унять этотъ безпорядокъ не представлялось никакой возможности. Въ этой сумятицѣ, продолжавшейся болѣе четверти часа, однимъ изъ негодяевъ было нанесено извѣстному лицу оскорбленіе, послѣ котораго не оставалось ничего болѣе, какъ поскорѣй ретироваться. Положеніе ужасное, — и все это изъ-за игры въ популярность. Прерванный актъ преждевременно кончился самъ собою, безъ всякой уже торжественности, а на послѣдовавшихъ затѣмъ сту-

денческихъ сходкахъ выяснилось, что большинство студентовъ хотя и высказывается противъ такой грубой формы манифестаціи, но все-таки считаетъ себя неудовлетвореннымъ, такъ какъ вѣдомство не сдержало слова своего представителя, и объявленные имъ облегченія далеко не даютъ всего того, на что они надѣялись, о чемъ просили въ «петиціяхъ» и что имъ было обѣщано. Но замѣчательно, что и тутъ не обошлось безъ евреевъ. Между зачинщиками всего этого безиримѣрнаго скандала, на первомъ планѣ стояли студенты: Лейба Коганъ, Бернштейнъ, Папій Подольскій, а затѣмъ уже шли Паули, Энгельгардтъ, Ходаскій и др. «Диктатура сердца» отнеслась къ нимъ вообще довольно снисходительно, а по городу пошли новыя слухи, будто представитель вѣдомства думаетъ оставить свой постъ, по разстроенному здоровью. Но это случилось уже позднѣе, послѣ 1-го марта.

Между тѣмъ, игра «диктатуры» въ популяриность продолжалась. Какъ было слышно, она готовилась подарить и поразить Россію такимъ «правовымъ порядкомъ», который превзошелъ бы самыя смѣлыя ожиданія г-дъ Градовскаго, Стасюлевича и Мелево-Полонскаго. И хотя время отъ времени полиція продолжала еще случайно захватывать въ Петербургѣ и въ провинціи бунтарей-соціалистовъ и террористовъ, но это «диктатуру сердца» не смущало, тѣмъ болѣе, что и газеты либеральнаго лагеря дружески совѣтовали ей не обращать на такіе пустяки серьезнаго вниманія. Одна изъ нихъ, по поводу поймки въ декабрѣ 1880 года двухъ важныхъ террористовъ, напечатала очень пикантную статью, подъ заглавіемъ «Блуждающіе огни», гдѣ проводилась параллель между «авархистами» и «охранителями» и доказывалось ихъ обоюдное средство между собою, почти полное тождество, а насчетъ декабрьскихъ поимокъ политическихъ злоумышленниковъ въ Петербургѣ и Харьковѣ говорилось, что подобные случаи — «не болѣе какъ блуждающіе огни, которые не должны сбивать насъ съ дороги, не должны заставлять насъ лихорадочно кидаться въ ихъ сторону, а иначе съ новой дороги мы опять легко можемъ забрести въ непролазныя дебри и болота». Подобнымъ совѣтамъ продолжали благоословно внимать и «не сбивались съ дороги».

Въ февральскіе дни 1881 года, въ чиновныхъ и журнальныхъ сферахъ всѣ весело торжествовали близость «увѣнчанія» и играючи утверждая, что все совершенно спокойно и тревожиться нечего, что это одинъ только безумный Катковъ каркаетъ тамъ что-то такое на своемъ Страстномъ бульварѣ, но на это старческое карканье не стоить-де обращать вниманія. Дѣйствительные статскіе и тайные либералы изъ чиновныхъ и сановныхъ и свѣтскія м-мез Рекамьѣ пошиба г-жи Мирополь-

цевой съ самодовольствомъ отмѣчали наши «поступательные шаги на пути къ свѣту и свободѣ», поставляя въ числѣ ихъ на первомъ планѣ отставку Толстаго, уничтоженіе III Отдѣленія, рѣши представителя просвѣтительнаго вѣдомства, освобожденіе административно выславныхъ и небывалый до сихъ поръ просторъ либеральной печати. Вообще же, дѣйствительныя статскіе и тайные «внѣтели» и «флиртировали» себѣ съ легкимъ духомъ, самымъ благодушнымъ образомъ, исправно получали себѣ награды и «подъемныя» на разныя развлекательныя командировки, произносили игриво-либеральные речи на юбилейныхъ и «товарищескихъ» обѣдахъ сослуживцевъ, усаждались женскимъ оголеніемъ въ «Стрекозы» и передовицами «Голоса» и «Порядка», entre autres слушали доклады и подписывали «текущіе» въ своихъ департаментахъ, или засѣдали въ десяти «временныхъ» коммисіяхъ разомъ, ѣздили на гастрономическіе завтраки къ его превосходительству Самуилу Соломоновичу Полякову, а по вечерамъ заглядывали въ балетъ или оперетку и нерѣдко рѣшали между собою важныя служебныя дѣла съ двухъ словъ, за картами въ клубѣ или въ антрактахъ, въ фойѣ Михайловскаго театра. Вообще, жили весело и довольно-таки беззаботно.

Утромъ 1-го марта, какъ сообщали въ газетахъ, въ высшихъ правительственныхъ сферахъ происходило уже совѣщаніе *уже совѣщаніе* — *немедленно* призывѣ депутатовъ изъ губерній, для совмѣстнаго съ правительствомъ обсужденія вопроса о томъ, какъ положить конецъ нынѣшнему «нестерпимому» положенію дѣлъ. Мысль эта обсуждалась въ послѣднее время въ одномъ изъ высшихъ учрежденій, и было уже предположено назначить коммисію для ея детальной разработки, «при участіи представителей отъ существующихъ выборныхъ учреждений». Газеты, предназначенныя на этотъ разъ къ подготовкѣ общественнаго мнѣнія у насъ и за границей («St. - PETERSBURG. Herald»), увѣрили, будто «при этомъ имѣется въ виду не ограниченіе верховной власти, а напротивъ, ея укрѣпленіе, желаніе оградить главу государства отъ ропота и борьбы партій, а также отъ опасностей, существенно облегчивъ его тяжелую отвѣтственность сложными частями ея на признанныхъ закономъ представителей страны». Представитель «диктатуры сердца» уже подготовилъ докладъ объ «увѣнчаніи зданія», который долженъ былъ представить на утвержденіе 1-го марта, — докладъ, начинавшійся знаменательными словами: «Въ настоящее время, когда крамола въ Россіи уже окончательно подавлена»... какъ вдругъ, въ два часа пополудни, на Екатерининскомъ каналѣ раздались два роковые взрывы.

XVII.

Вожделѣнія г-на Агрономскаго.

Послѣ учительнаго сѣзда въ Горьковѣ, Тамара стала замѣчать, что г. Агрономскій сдѣлался къ ней замѣтно любезнѣе, чѣмъ прежде: при встрѣчахъ съ нею, старается держать себя, что называется, тогolemъ, съ какимъ-то охорашивающимся подскокомъ, и все выразительнѣе поглядываетъ на нее съ игриво-плотоядною улыбкой плѣшиваго сатира. обнажая при этомъ свои проглынные сѣро-желтые зубы. Она дѣлала видъ, будто не замѣчаетъ этого, и продолжала держаться съ нимъ по-прежнему — ровно, спокойно, въ предѣлахъ чисто дѣловыхъ отношеній. Онъ, между тѣмъ, чаще сталъ заглядывать къ ней въ школу, и нерѣдко въ неурочные часы, по окончаніи ея занятій, оправдывая эти визиты какою-нибудь случайностью, въ родѣ того, что пошелъ-де прогуляться, шелъ мимо, да и зашелъ, — дай, молъ, провѣдаю, что подѣлываетъ наша милая учительница... Позвольте присѣсть, отдохнуть минутку? — «Сдѣлайте одолженіе». — Что жъ тутъ оставалось иначе, не выгнать же человека, да еще, въ вѣкоторомъ родѣ, «начальство»! — и длится эта минутка съ часъ, а то и больше. Въ другой разъ зайдетъ спросить, не хочетъ ли она новыхъ газетъ почтитать въ журналовъ, или зайдетъ «въ предложеніемъ, не желаетъ ли она прокатиться съ нимъ на его рысачкѣ, для освѣженія, — погода-де чудесная. Но отъ подобныхъ прогулокъ вдвоемъ Тамара всегда отказывалась: подъ какимъ-нибудь благовиднымъ предлогомъ. Тому такіе отказы ея были досадны, но, пока-что, приходилось скрывать эту досаду на свои неудачи и ждать перемѣны къ лучшему. Вѣдь она что такое, по мнѣнію Агрономскаго. — «Такъ, дѣвчонка себѣ, и только! Ни кола, ни двора, ни роду, ни племени. Въ такомъ положеніи, на ея мѣстѣ, сдѣлайте одолженіе, всякой бы лѣстало такое его вниманіе, а она... Дура еще, не понимаетъ своего счастья!» Но онъ не терялъ надежды, что «авось пообѣздается современемъ, пойметъ! И тогда можно будетъ предоставить ей разныя преимущества, жалованье увеличить, наградныя, пособіе дать, обстановочку маленькую сдѣлать, а наконецъ, и подарочки отъ него кое-какіе будутъ... Шляпка тамъ, пальтишко, платьице лишнее, поди-ка, тоже нужны вѣдь, а на пятнадцать рублей въ мѣсяцъ не больно-то разогнешься. — Все это должна же она когда-нибудь понять и почувствовать!»

Однѣжды онъ пригласилъ ее къ себѣ обѣдать, предупредивъ, что ожидаетъ кое-кого изъ Бабьёгонска, и прислалъ за нею лошадей. Тамара поѣхала, но никакихъ бабьёгонскихъ друзей на липо не оказалось.

— Надули, негодные!—извинялся и оправдывался, лукаво осклабясь, Агрономскій. — Не прѣхали!

И пришлось имъ обѣдать вдвоемъ. Алоизій Марковичъ расцѣдился при этомъ настолько, что даже бутылку шампанскаго приказалъ откупорить, въ пріятной надеждѣ подпоить недотрогу,—авось-либо станетъ уступчивѣй. Та поняла его цѣль и рѣшительно отказалась отъ вина, какъ ни уговаривалъ и ни упрямилъ ее Агрономскій хотъ пригубить. Нечего дѣлать, пришлось пить одному цѣлую бутылку («не выливать же, вѣдь оно денегъ стоитъ, проклятое!») и къ концу обѣда это сдѣлало его смѣлѣе. Восторженно закатывая свои водянистые глазки съ идеальнымъ выраженіемъ, онъ сталъ распространяться о прелестяхъ взаимной, раздѣленной любви, не прихвывая, впрочемъ, этого къ личностямъ, но такъ, вообще, въ отвлеченномъ смыслѣ и болѣе съ философскою, социологическою и биологическою точекъ зрѣнія. Онъ говорилъ, между прочимъ, что знаетъ нѣсколькихъ хорошихъ дѣвушекъ, изъ которыхъ однѣ даромъ только губятъ въ одиночествѣ свои лучшіе годы, свою молодость, которую и помянуть-то будетъ имъ нечѣмъ, когда она минетъ—и какая кому съ того польза?!—все равно, что собака на снѣгъ,—тогда какъ другія хорошія, и даже прелестныя, дѣвушки, наскучивъ себѣ такимъ одиночествомъ, махнули рукой на всякой условности, избрали каждая себѣ подходящаго друга—и счастливы! И благо имъ, потому-де это «настоящія» дѣвушки, передовыя, честно-мыслящія, съ независимымъ характеромъ и независимыми убѣжденіями, и всѣ порядочные люди еще болѣе уважаютъ ихъ за это,—именно за то, что онѣ такъ распорядились собою, признавая и уважая не условную нравственность, а только реально-естественные, физиологическіе законы, такъ какъ другихъ, пожалуй, и не существуетъ, если хотите. Затѣмъ онъ заговорилъ о преимуществахъ гражданскаго брака, потому-де, что бракъ этотъ свободенъ отъ всякихъ предразсудковъ, свободенъ по существу и основанъ только на взаимномъ уваженіи, безъ всякихъ уступокъ отжившимъ и ложнымъ привидѣніямъ и т. п., и наконецъ, въ жару своего увлеченія, схватилъ руку Тамары и жадно сталъ цѣловать ее и сверху, и въ ладонь, все съ тою же улыбкой сатира. Дѣвушка послѣдила освободить ее и сдержанно-сухо замѣтила, что не любить, чтобы ей цѣловали руки.

— Но вѣдь это въ знакъ уваженія!—оправдывался Агрономскій.

— Можно уважать и безъ поцѣлуевъ.

— О, какая вы, однако, строгая!—отшучивался онъ, почувствовавъ, какъ нельзя лучше, данный ему нравственный щелчокъ по носу.

Послѣ этого онъ дѣлалъ еще двѣ-три по-

пытки звать ее къ обѣду «запросто», но Тамара каждый разъ отказывалась отъ этой чести, подѣ тѣмъ или другимъ удобнымъ предлогомъ. Агрономскій наконецъ понялъ, что это не просто, а когда получалъ еще одинъ отказъ на новое свое приглашеніе, то рѣшилъ себѣ объясниться съ нею,—что, молъ, это значитъ, что она такъ упорно отказывается отъ его хлѣба-соли?

Тамара откровенно высказала ему, что не считаетъ такіе обѣды вдвоемъ, наединѣ, удобными для себя: здѣсь, въ деревнѣ, она живетъ вся на виду у всѣхъ отцовъ и матерей, своихъ учениковъ, для которыхъ голосъ ея только до тѣхъ поръ и авторитетенъ и которые только до тѣхъ поръ ее слушаютъ и уважаютъ, пока никакая сплетня, никакая тѣнь сомнѣнія или подозрѣнія не коснулась ея добраго имени, а потому она проситъ его разъ навсегда—ни на какія прогулки и обѣды наединѣ не приглашать ее больше.

Агрономскій ушелъ отъ нея совершенно опѣшенный. Но это объясненіе не охладило, однако, его домогательствъ: оно раздражило только его самолюбіе, вторично уже задѣтое дѣвушкой.—«Такъ итъ же, постой, я докажу тебѣ!»—Тамара видимо понравилась ему не на шутку, а онъ, привыкнувъ въ подобныхъ случаяхъ къ охотной уступчивости со стороны нѣкоторыхъ своихъ «подчиненныхъ», былъ очень озадаченъ и даже раздраженъ своимъ неуспѣхомъ у «этой дѣвочки».—Такая вдругъ неподатливости!—Какъ не цѣнить вниманія его, Агрономскаго, почетнаго попечителя, члена Совѣта и главнаго воротилы по учебнымъ дѣламъ уѣзда!? Нѣтъ, это что-то смѣшное даже! Другая бы счастливой почла себя, на ея мѣстѣ, а эта... смѣетъ фыркать еще! Скажите пожалуйста, важное кушанье какое!

Но прошло нѣсколько времени, и онъ рѣшился попытать Тамару съ новой стороны: не поддастся ли она на предложеніе насчетъ законнаго съ нимъ брака. Чѣмъ не женихъ? Годы его еще самые настоящіе, лицо дышетъ умомъ и полно выразительности, глаза идеально прелестны,—это ему не разъ говорили учительницы, и даже акушерки—интеллигентныя акушерки!—которыхъ онъ очаровывалъ своею неотразимостью, да онъ и самъ хорошо это знаетъ и видитъ каждый день въ зеркалѣ,—затѣмъ, богатъ, дѣловитъ, интеллигентенъ, вліятеленъ, уважаемъ всѣми порядочными, честно-мыслящими людьми, это ли еще не женихъ, въ самомъ дѣлѣ?! Какого-жъ рожна еще ей надобно!?. Женится ли онъ взаправду, или вѣрѣе, что какъ-нибудь обойдется,—это другое дѣло, вопросъ будущаго, и загадывать о немъ пока нечего; но для нея-то, для бѣдной, ничтожной учительницы, такое предложеніе, такая видная, можно сказать, блестящая партія,—да оно ей, поди-ка,

я во снѣ не спалось!.. Будетъ жить барыней, на всемъ на готовомъ,—надоѣло, поди-ка, мыкаться впроголодь!

Идея эта стала занимать почтеннаго Алонзія Марковича и все чаще и чаще приходило ему въ голову—сначала слегка, потомъ серьезно.—А почему бы и нѣтъ?.. еслибы, то-есть, и въ самомъ дѣлѣ жениться, вразвѣду?—Что-жъ, будетъ у него, по крайней мѣрѣ, красивая жена, неглупенькая, образованная, музыкантша (кстати, по случаю можно будетъ рояль для нея купить, чтобы недорого) по-французски, по англійски говорить (и это, пожалуй не лишнее... если и за границу какъ-нибудь поѣхать, переводчику платить не надо), и будетъ она, къ тому же, признательна ему за то, что осчастливилъ, изъ грязи и нищеты вытащилъ, изъ ничтожества барыней сдѣлалъ, положеніе далъ въ обществѣ, въ холѣ содержать, одѣваетъ, обуваетъ,—какого еще ей мужа надо! Ужъ это, извините, не она ему, а онъ ей жертву приноситъ.

Долго думалъ, раздумывалъ и передумывалъ самъ съ собою Агрономскій насчетъ своихъ матримоніальныхъ предположеній, прикидывалъ и такъ и эдакъ, высчитывалъ и взвѣшивалъ всѣ выгоды и удобства, какія можетъ принести ему женитьба; о невыгодахъ же ему какъ-то не думалось. Не то чтобъ онъ вовсе не приходили ему въ голову, но, какъ человѣкъ съ искривленнымъ позвоночникомъ, онъ вообще былъ слишкомъ самонадѣянъ и увѣренъ въ самомъ себѣ, въ своей наружности, въ своемъ умѣ и характерѣ, и потому не сомнѣвался, что сумѣетъ такую молодую, неопытную дѣвочку сразу взять въ руки, какъ слѣдуетъ, переработать ее по-своему, вылѣпить изъ нея, какъ изъ мягкаго воска, такую фигурку, какая самому болѣе по вкусу, и держать ее построжѣ, баловать не давая, молодыхъ халахоловъ въ домъ не принимать, да и въ гости одну никуда не пускать, а не угодно ли, сударыня, вмѣстѣ, вдвоемъ съ супругомъ, какъ велѣтъ долгъ и приличіе... И въ Петербургъ, и въ Москву вмѣстѣ поѣдемъ повеселиться, — въ театрѣ своєю васъ и въ оперу, къ Тѣгову или къ Палкину тамъ поужинать,—все это можно, отчего же? — но только вдвоемъ, не иначе-съ! Ужъ разъ что жена, разъ что человѣкъ рѣшается ради васъ пожертвовать своими принципами, своими лучшими, святыми убѣжденіями, и дѣлаетъ такую крупную уступку общественнымъ предразсудкамъ, такъ не угодно ли это цѣнить и быть ему примѣрною женою всегда и во всемъ, какъ слѣдуетъ, повиноваться безпрекословно и любить, а въ стороны на постороннихъ мужичицъ взглядовъ не запускать и глазками не стрѣлять! Нѣ-ѣтъ-съ, ужъ объ этомъ надобно перестать и думать, этого мы не позволимъ!

И вотъ, надумавшись, Алонзіи Марковичъ, наконецъ, рѣшился. Забывъ какъ-то къ Тамарѣ подъ вечеръ, онъ нашелъ минуту эту подходящую и обстоятельно сдѣлалъ ей тутъ же формальное предложеніе, выставивъ на видъ и свою любовь, и всѣ выгоды для такой бѣдной дѣвушки, какъ она, отъ подобнаго брака.

Тамара никакъ не ожидала такого предложенія. Оно ее ошеломило и даже испугало. Никогда еще Агрономскій не казался ей болѣе противенъ, какъ въ эту минуту, послѣ его предложенія, которое вдругъ открыло ей воображенію всю перспективу будущаго сожительства съ такимъ мужемъ. Нѣтъ, это сверхъ всякой уже возможности!—и потому она рѣшила себѣ положить конецъ его домогательствамъ теперь же и разомъ. Собравъ всѣ свои силы, чтобы быть сдержанной и спокойной, Тамара поблагодарила его за честь и попросила извинить ее, если она, въ отвѣтъ на это, позволятъ себѣ откровенно напомнить ему, что у него есть уже извѣстныя семейныя обязанности по отношенію къ женщинѣ, у которой, какъ всѣмъ извѣстно, отъ него двое дѣтей, и что поэтому, если кто имѣетъ наибольшее право на его руку и сердце, то это—конечно, та женщина, мать дѣтей его.

— Да, но вѣдь это простая баба, мужичка,—пробормоталъ сконфуженный Агрономскій.—И наконецъ, что-жъ такое!.. У кого этого не бываетъ!.. Ей можно дать... обезпечить... Она мужичка, говорю вамъ... и будетъ очень благодарна даже.

Послѣ этихъ словъ, Тамара окончательно уже почувствовала къ нему какое-то гадливо-презрительное отвращеніе, и ей стоило большаго усилія надъ собою, чтобы не выказать ему этого прямо.

— «Мужичка?» — повторила она, удивленно оглядѣвъ его смѣющимся взглядомъ.—И это говорите вы, социаль-демократъ и народникъ?

— А что-жъ такое?

— Какъ что? Гдѣ же ваша послѣдовательность, убѣжденія?..

— Хм... убѣжденія? — усмѣхнулся онъ въ свою очередь.—Значить, я люблю васъ, если рѣшился пожертвовать даже своими убѣжденіями.

— Напрасная жертва, — сухо замѣтила дѣвушка.—Позвольте мнѣ не принять ее и остаться при своемъ взглядѣ.

Агрономскій былъ окончательно срѣзанъ. Онъ ушелъ отъ нея подавленный и оскорбленный, понявъ, что отнынѣ между ними все уже кончено. Самолюбіе его вопіяло.—«Дура, дрянъ эдакая! Ей благодаріе сдѣлать хотѣли, а она «позвольте отказаться отъ чести»... «Ну, хорошо, матушка, посмотримъ!»—Хотѣлось бы какъ ни на есть отомстить «этой

дерзкой, самонадеянной дѣвчонкѣ», дать ей почувствовать... Но какъ? Прогнать ее съ мѣста?—Чего бы, казалось, проще и короче! Но нѣтъ, тутъ есть своя заковычка: что скажетъ на это г-жа Миропольцева?

«Да, г-жа Миропольцева,—это вопросъ!..»

Дѣло въ томъ, что Тамара послѣдовала въ свое время доброму совѣту и наставленію отца Никандра написать этой барынѣ благодарственное письмо, въ которомъ она описывала, между прочимъ, свою школу и жизнь въ Горьловѣ. Письмо это, по совѣту о. Никандра же, было отправлено черезъ земскую управу—чтобы знали-де и чувствовали. Тамара никакъ не разсчитывала на отвѣтъ: гдѣ ужъ такой важной барынѣ, при ея вѣчныхъ хлопотахъ и филантропіи, заниматься еще отвѣтами на письма какой-то тамъ сельской учительницы, которой она мимоходомъ успѣла оказать услугу! Но, сверхъ ожиданія, отвѣтъ былъ полученъ, и доставленъ изъ Бабьегонска въ Горьлово тѣмъ же самымъ путемъ, чрезъ управу, и отвѣтъ притомъ очень благосклонный, милый и любезный, принесшій Тамарѣ большое удовольствіе, а о. Никандру—истинное торжество.—«А что, говорилъ я вамъ! Такъ и вышло, и даже превзошло! Теперь можете быть за себя спокойны: не тронуть!»—Агрипина Петровна вообще очень любила осчастливливать смертныхъ своею корреспонденціей, съ изложеніемъ разныхъ умныхъ, хотя бы и со-всѣмъ не идущихъ къ дѣлу, мыслей, въ самомъ изящномъ стилѣ «à la mon ami Toungeneff». Это, прежде всего, доставляло большое удовольствіе ей самой: она не сомнѣвалась, что со временемъ, послѣ ея смерти, эти письма и эти ея изящныя и умныя мысли, какъ женщины, стоявшей въ центрѣ современнаго движенія, будутъ имѣть большое значеніе и непремѣнно появятся когда-нибудь въ «Русской Старинѣ»,—для этого она нарочно и съ М. И. Семеvскимъ познакомилась, чтобы заранѣе уже заручиться безсмертіемъ,—и пишучи свои письма, всегда имѣла въ виду не столько тѣхъ лицъ, къ кому они адресуются, сколько потомство. Такъ, и въ этомъ отвѣтѣ своему, достаточно очаровавъ, по ея мнѣнію, Тамару своею благосклонностью и умными мыслями на цѣлыхъ трехъ страницахъ самой изящной и красивой бумаги, она просила ее писать ей хоть изрѣдка объ интересныхъ сторонахъ мѣстной жизни и школы и, пожалуй, объ общихъ знакомыхъ, «нашихъ милыхъ и добрыхъ землякахъ», такъ какъ все это не безынтересно ей, въ качествѣ бабьегонской землевладѣлицы. Достаточно было одной пересылки писемъ этихъ черезъ управу, чтобы о нихъ сейчасъ же стало извѣстно де-Казитису и членамъ, а чрезъ сихъ послѣднихъ и Агрономскому.—«Вы-де смотрите, батенька, тово... охъ, оказывается, въ перепискѣ,—чортъ ее

знаетъ, что еще написать тамъ можетъ!» Алонзій Марковичъ въ то время мало обратилъ вниманія на это дружеское предостереженіе, но теперь вспомнилъ о немъ довольно кстати, и это обстоятельство воздержало его отъ крутой мѣры по отношенію къ горьловской учительницѣ.—«И въ самомъ дѣлѣ, чортъ ее знаетъ!—пожалуй, напишетъ еще, нажалуется, а та обозлится,—какъ, молъ, съ моею «протееею» смѣли такъ поступить!—да станетъ еще изъ-за этого въ чемъ-нибудь пакостить... и ни съ какой просьбой послѣ этого нельзя уже будетъ обратиться,—а тутъ мало-ли что можетъ понадобиться... По нынѣшнимъ временамъ, заручку въ Пятерѣ имѣтъ—охъ, какъ не мѣшаетъ!..» И Алонзій Марковичъ рѣшилъ, что чортъ съ ними, лучше быть доосторожнѣе.

Онъ прекратилъ свои посѣщенія школы въ неурочные часы, да и вообще сталъ заглядывать туда рѣдко, а при встрѣчахъ съ Тамарой показывалъ ей сухую холодность, держась въ строго официальныхъ рамкахъ. Бабьегонскимъ пріятелямъ его не безызвѣстно было, что онъ «приударяетъ» за горьловскою учительницей, да и самъ онъ вначалѣ не считалъ нужнымъ дѣлать изъ этого особенный секретъ.—«Свои люди, чего тамъ?»—и не скрывалъ отъ нихъ въ застольныхъ бесѣдахъ, особенно послѣ нѣсколькихъ рюмокъ, что «Тамарка эта прелесть что-за дѣвчонка!» и что онъ «пожалуй, толо... не прочь бы». Но теперь, несмотря на убѣжденіе въ своей «неотразимости», Агрономскій сталъ какъ-то заминать пріятельскіе разговоры на тему о «Тамаркѣ», и однажды въ клубѣ, на лукаво-интимный вопросъ «милаго Пьерѣ», г-на Семенову, какъ идутъ его сердечныя дѣлишки съ жидовочкой, отозвался даже съ легкимъ пренебреженіемъ:

— Ну ея! Ни рыба, ни мясо,—кислятина какая-то... Не стоить!

— Э, дружище, значить вамъ носъ натянули!—попросту брякнулъ ему на это присутствовавшій тутъ же Ратафьевъ.—Понимаемъ!.. То-то вы такъ и отзываетесь!

Дружеская компанія разсмѣялась на эту, не въ бровь, а въ глазъ попавшую, выходку; Агрономскаго же нервно передернуло, но онъ притворился, будто не понимаетъ, въ чемъ тутъ соль, и благоразумно смолчалъ.—«Не на дуэль же вызывать, въ самомъ дѣлѣ!.. По мордѣ развѣ дать, но... Ратафьевъ куда его сильнѣе: измозжить, пожалуй»... Зато въ душѣ онъ еще пуще обозлился, но не столько на друзей, сколько по рефлексу, камуфлетомъ какимъ-то—на Тамару: «это все изъ-за нея-де, проклятой!.. Погоди-жь ты!»

— Н-да-а-съ, а жидовочка-то прелесть!—поддразнивали его пріятели. Все это его взвинчивало и пилило ему по оскорбленному

самолюбію. Простить Тамарѣ онъ не могъ ни ея отказа, ни тѣмъ болѣе, своего fiasco передъ друзьями. Но все-таки, изъ-за этой Миропольцевой, ни съ какой стороны пока ее не укусишь: пожалуй, себѣ дорожке обойдется... Надо, значитъ, терпѣть и показывать полное равнодушіе.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и Тамара была очень рада, что наконецъ-то Агрономскій оставилъ ее совсѣмъ въ покоѣ, какъ вдругъ, получаетъ она черезъ управу форменное извѣщеніе, что по распоряженію училищнаго совѣта, она переводится на вакантную должность учительницы въ Пропойскую сельскую школу, куда и предлагается ей отправиться въ продолженіе трехдневнаго срока, сдавъ по инвентарю все школьное имущество Горбловскому сельскому старостѣ, подъ его росписку.

Какъ громомъ поразило ее это предписаніе. Ничего подобнаго она не ожидала и даже предполагать не могла. Какъ, за что, почему?.. Вѣдь эта Пропойская школа считается у нихъ въ уѣздѣ, все равно, какъ ссылка, куда смѣщаютъ, какъ-бы въ наказаніе, только несправныхъ учителей, пьяницъ какихъ-нибудь, или варадывыхъ... Вѣдь это глушь, медвѣжій уголъ, гдѣ слова перемолвить не съ кѣмъ, книжки почитать, такъ и той-то достать не у кого... Да тамъ и жалованья меньше, всего только десять или восемь рублей, и жить даже негдѣ: школа холодная, и комнаты учительской при ней не полагается, — придется, значитъ, нанимать уголъ у крестьянъ, гдѣ-нибудь въ лѣтникахъ или въ банѣ, питаться Богъ знаетъ чѣмъ и какъ, а заболѣешь, не дай Богъ, такъ и помощи подать некому... Господи, да за что же все это? что она сдѣлала, въ чемъ провинилась?.. Догадаться, что это все подстроено Агрономскимъ, было не трудно: очевидно, это ей мщеніе за ея отказъ, — хочеть, значитъ, доѣхать не мытьемъ, такъ катаньемъ.

И вся разстроенная, взволнованная, Тамара побѣжала къ «батюшкамъ» подѣлиться съ ними своимъ горемъ и посоветоваться. Тѣхъ, не менѣе ея самой, поразило и возмутило это неожиданное извѣстіе.

— Это все Агрономскій! Это его шутики, не иначе, — съ первыхъ ея словъ воскликнулъ съ негодованіемъ о. Никандръ. — Сдѣлаеть, негодняй, пакость, и самъ какъ-будто въ сторонѣ, сейчасъ за совѣтъ прачется... Вотъ она, іезуитская школа!

— Да, и у этого жидо-полая въ рукахъ народное образованіе всего уѣзда, въ руссифиціи изъ русскихъ губерній! — съ горечью вдохнулъ старикъ Макарій. — Господи, да что жъ это такое на свѣтѣ дѣлается! Онъ же и называетъ народъ, онъ же его и воспитываетъ!

— Но что жъ теперь дѣлать? Что дѣлать

мы, научите Господа-ради! — обращалась то къ тому, то къ другому растерявшаяся дѣвушка. — Неужели же такъ-таки черезъ три дня и ѣхать?

— Нѣтъ, стойте! — перебилъ ее о. Никандръ. — Ъхать — это пустяки! Ъхать никуда не надо! Это онъ вретъ, это мы еще посмотримъ!

— Но, вѣдь предписаніе? — заикнулась было Тамара.

— А хоть бы и десять, что жъ такое! Какъ даются предписанія, такъ и отменяются. Нѣтъ, вы вотъ что, — остановился онъ передъ нею, поднявъ указательный перстъ вверхъ, — вы, прежде чѣмъ что, благодѣтельницу за бока, госпожу Миропольцеву, понимаете?

— Да чѣмъ же она-то тутъ поможетъ? — въ недоумѣніи спросила Тамара.

— Всѣмъ, какъ-есть, всѣмъ: одно ей слово — и кончено, и никакихъ болѣе разговоровъ!.. Телеграфируете ей сейчасъ же... Или нѣтъ: телеграмма денегъ стоитъ, болно дорого, — пишите лучше письмомъ, сейчасъ же, немедленно, и выскажите все откровенно, — церемониться съ этимъ скотомъ больше нечего, — все, какъ-есть, понимаете: какъ онъ приставалъ къ вамъ, — слюнявецъ вѣдакій! — чего добивался, все!.. Садитесь и пишите, а я уже самъ отправлю, только на сей разъ не черезъ управу, а то догадуются.

Тамара возразила, что, во всякомъ случаѣ, письмо до Петербурга раньше трехъ-четырехъ сутокъ не дойдетъ, а черезъ три дня ей все-таки ѣхать надобно.

— И ни подъ какимъ видомъ! И думать не смѣйте!.. Въ крайнемъ случаѣ, пошлите имъ рапортъ: заболѣвъ, молъ, сего числа, ранѣе недѣли выѣхать не могу, — вотъ и кончено.

— Пришлютъ врача свидѣтельствовать.

— Ну и пускай! У нихъ вѣдь все это на канцелярскихъ формальностяхъ, — пока тамъ въ докладъ, пока предписаніе врачу, пока что, да пока врачъ соберется еще прійхать, — анъ недѣля-то вся и прошла! А въ недѣлю-то ужъ вѣрное чего-нибудь дождемся.

Тамара исполнила все, какъ совѣтовалъ ей о. Никандръ, тѣмъ болѣе, что и отецъ Макарій вполне раздѣлялъ на этотъ разъ его мнѣніе. Письмо къ г-жѣ Миропольцевой было написано, рапортъ тоже, и не только написанъ, но и препровожденъ въ волостное правленіе для отправки въ управу, а отецъ Никандръ, тѣмъ часомъ, запрягъ съ работникомъ пару своихъ «поповскихъ» саврасокъ и самъ отнесъ письмо въ ближайшую почтовую контору, гдѣ и сдалъ его «заказнымъ», чтобы ужъ повѣрѣе было.

На шестой день послѣ этого, сотскій принесъ отъ волостнаго Тамарѣ бумагу изъ уѣздной земской управы, гдѣ, въ отѣну прежняго распорядка, ей пред-

хотелось оставаться въ Горьловѣ и, если школьное зданіе съ его имуществомъ сдано уже ему, по инвентарю, мѣстному старостѣ, то «принять отъ него школу вновь въ свое заведываніе, по инвентарю же, и о послѣдующемъ донести».

— А что, не моя правда вышла?—торжествовалъ, потирая руки, и радовался отецъ Никандръ.— Въ воскресенье, ужъ такъ и быть, благодарственный отпоемъ вамъ! Ай-да благодѣтельница! Ай-да молодецъ!.. Хоть и дурьнда, а молодецъ,—исполать ей! Отстояла-таки, не дала въ обиду!

Впоследствии Тамара узнала отъ г. Семюкова, что де-Казатисъ совершенно неожиданно получилъ отъ Агриппины Петровны телеграмму, которая произвела тогда во всей управѣ большую сенсацию, хотя и состояла всего-то изъ пяти словъ: «Прошу оставить учительницу Бендавидъ въ Горьловѣ»,—и только.

— У васъ, однако, большая поддержка тамъ,—значительно замѣтилъ ей при этомъ г. Семюковъ не то завистливымъ, не то заискивающимъ тономъ.

— Что, батенька, грибъ скушали?!—привѣтствовали потомъ управскіе друзья Алоизія Марковича, при первомъ же пріѣздѣ его въ Бабьёгонскъ. — Вѣдь совѣтовалъ вамъ тогда де-Казатисъ не дѣлать этого, такъ нѣтъ, не послушались!.. Ну, вотъ и съ носомъ!

— Да я-то что же?—оправдывался съ видомъ совершенной невинности Агрономскій,—я-то при чемъ же тутъ!..

— Ну, да! толкуйте! Кому жъ оно, кромѣ васъ, зудѣло!

— Вотъ, господа, и всегда-то вы такъ! — укорялъ онъ при этомъ ихъ же самихъ. — Другіе сдѣлають, а на меня ваять! А я тутъ виноватъ столько же, какъ китайскій императоръ... Развѣ я смѣшалъ ее? Совѣтъ, а не я... Совѣтъ рѣшено было, по большинству-съ! А мнѣ она ровно что наплевать, я и думать позабылъ о ней!.. Стану я унижаться до мщенія какой-то тамъ дѣвчонкѣ, скажите пожалуйста!.. Стыдился бы вы и думать, а не то что высказывать мнѣ въ глаза такіа несообразности!

— Ну-ну, дружище, ужъ вы, никакъ, обижаться начинаете, пойдемъ-ка лучше, дербанемъ по маленькой, да въ винтикъ!

На томъ все это дѣло и кончилось.

Агрономскій совсѣмъ пересталъ посѣщать школу, кромѣ какъ въ самыхъ экстренныхъ и необходимыхъ случаяхъ, въ родѣ встрѣчи проѣзжающаго на ревизію губернатора, который пожелалъ посѣтить мимоходомъ Горьловскую школу, или въ родѣ экзамена на льготу по воинской повинности. Съ Тамарой онъ уже не разговаривалъ и даже пересталъ ей кланяться, а если встрѣтится, бывало, на улицѣ, то отвернется, или еще заранѣе перейдетъ на другую сторону.

XVIII.

«Излюбленные люди».

Во время поѣздки по Россіи новаго представителя вѣдомства просвѣщенія, въ газетахъ появилось какъ-то извѣстіе, что на жалобу, принесенную ему одною изъ уѣздныхъ земскихъ управъ въ лицѣ своихъ депутатовъ, на мѣстнаго инспектора народныхъ училищъ, съ просьбою удалить его, какъ яраго «толстовца» и гасильника истиннаго просвѣщенія, представитель вѣдомства будто-бы предложилъ этой управѣ самой указать ему кандидата изъ «излюбленныхъ людей» на должность инспектора. Управа указала, и кандидатъ ея будто-бы немедленно былъ назначенъ и утвержденъ въ должности.

Прочтя это извѣстіе въ газетѣ, Агрономскій сразу встрепетился и възглаголю духомъ, ослѣпленный ослѣпительною мыслью. Если Н-ской управѣ дозволили самой выбрать инспектора и утвердили его, то почему бы не сдѣлать того же и для Бабьёгонской? Вѣдь бабьёгонскій инспекторъ тоже «чинодралъ толстовскаго режима», и хотя онъ человѣкъ, пожалуй, смирный, инертный, въ дѣло мало теперь мѣшается, но все-таки мѣшается же иногда со своими дурацкими осылками на какіе-то тамъ циркуляры «его оіательства графа»; все же спорить и даже грызться съ нимъ приходится порою. Да и что жъ изъ того, что человѣкъ только «не мѣшается»? Въ настоящее время этого еще мало! Надо пользоваться такимъ рѣдко-счастливымъ временемъ, надо ловить минуту и работать,—работать для будущаго всѣми силами совмѣстно. Для дѣйствительной пользы дѣла надо, чтобъ инспекторъ не сторонился только, а помогалъ, чтобъ онъ дружно, рука объ руку, шелъ вмѣстѣ съ нимъ, Агрономскимъ, и его друзьями, къ одной общей цѣли; надо, чтобъ онъ работалъ въ ихъ духѣ и направленіи,—вотъ что надо!.. А еще лучше, еслибъ онъ самъ, Агрономскій, могъ занять такую должность,—земство его бы предложило, а правительство жалованье ему платило бы. Ужъ чего бы лучше!.. И если правда, что министерство поступило такъ, какъ пишутъ, то тутъ и раздумывать нечего, а слѣдуетъ скорѣе ковать желѣзо, пока горячо, — скорѣе снаряжать депутацію, составлять петицію и — гайда съ прошеніемъ! Такъ и такъ, молъ, на основаніи бывшаго примѣра, имѣемъ честь почтительнѣйше ходатайствовать и т. п. Во всякомъ случаѣ, это такое неожиданное и существенное расширеніе земскихъ правъ, что имъ слѣдуетъ воспользоваться, хотя бы только изъ-за принципа. И Агрономскій сейчасъ же полетѣлъ въ Бабьёгонскъ, поднялъ тамъ на ноги всѣхъ членовъ управы, оставилъ на дому

у де-Казатиса секретное совѣщаніе, сочинилъ проектъ самой забористой, въ «современномъ» вкусѣ «петиціи», съ критикой «прошлаго», со ссылками на «призывы къ обществу» и на «споспѣшествованіе мирному преусилію», въ духѣ благотѣльных реформъ, и въ два дня обработалъ «по секрету» всю эту свою затѣю. Совѣщатели, не долго думая, сами себя уполномочили (они слишкомъ хорошо знали настоящій, ими же подобранный, составъ своего земства и свою силу, чтобы постѣсняться «такимъ пустякомъ»), сами между собою избрали депутацію, въ составъ которой вошли безцвѣтный Коржиковъ, какъ уѣздный предводитель дворянства, солидный и представительный де-Казатисъ, какъ предсѣдатель уѣздной земской управы, и самъ Агрономскій, какъ почетный членъ училищнаго совѣта отъ земства, — а затѣмъ, сами же сейчасъ распорядились отчислить «г-мъ депутатамъ» изъ земскаго сундука подъемныя, прогонныя, суточные, да сверхъ того, еще на путевые и «непредвидимые» расходы, въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ, несмотря на всю скудость земской кассы. И вотъ, на другое же утро, втихомолку, не обмолвись о своей затѣѣ ни единымъ словомъ не только постороннимъ лицамъ, но и своимъ управскимъ служащимъ, «излюбленные люди» эти отправились на желѣзную дорогу. Насчетъ временнаго опустошенія ими земскаго сундука они не беспокоились, такъ какъ были увѣрены, что въ случаѣ удачи, да даже и при неудачѣ, «многоцѣннѣйшій сосудокъ» Пихимовскій не откажется пополнить ихъ «позаимствованіе», ради такой благой цѣли: вѣдь тутъ дѣло идетъ о такомъ важномъ «расширеніи правъ земства», да еще и по такому вопросу, который прямо касается будущности «молодого поколѣнія», въ лицѣ «дѣтей народа»! На такое дѣло Пихимовскій никогда не откажется!

Въ Петербургѣ ихъ приняли, гдѣ слѣдуетъ, очень любезно, — еще бы! «излюбленные люди», уполномоченные депутаты! — выслушали ихъ очень благосклонно, причемъ даже выказались въ смыслѣ полной готовности со своей стороны всегда содѣйствовать и удовлетворять, по силѣ возможности, всѣмъ справедливымъ и «симпатичнымъ» желаніямъ земства и, въ заключеніе, обвороживъ ихъ своею «доступностью», направили всю эту «почтенную депутацію» къ кому слѣдуетъ, въ департаментъ, — тамъ-де вашу петицію обстоятельно разсмотрятъ и дадутъ заключеніе.

Въ департаментѣ приняли ихъ тоже очень любезно, но уже не съ такою обворожительностью и, перейдя прямо на дѣловую почву, спросили, кого же именно они желали бы?

Но вотъ тутъ-то и встрѣтилось затрудненіе. Кого именно — они и сами не знали. Конечно, еслибъ можно было учредить должность ин-

спектора отъ земства, но съ содержаніемъ отъ министерства, какъ они и предполагали, между прочимъ, въ своей «петиціи», то «излюбленные» не затруднились бы предложить министерству «своего» кандидата. Но въ департаментѣ на этотъ счетъ ихъ очень разочаровали. Изъ департаментскихъ объясненій оказалось, что, къ сожалѣнію, такой должности создать для нихъ въ настоящую минуту никакъ нельзя, и не только «съ содержаніемъ», но даже и просто какъ «почетную», потому что это выходитъ, извините, что-то совсѣмъ уже новое, ни на какихъ бывшихъ примѣрахъ не обоснованное: инспекторъ вдругъ отъ земства! Тогда причемъ же контроль отъ правительства? А вы еще хотите, чтобы должность была въ одно и то же время и «по выбору» и «по назначенію»: вы будете выбирать, а мы оплачивать, — какъ же это такъ? на какомъ основаніи?.. Идея, можетъ быть, и очень остроумная; можетъ быть, она и понравится, но чтобы осуществить ее, нужно восходить до Государственнаго Совѣта, проводить вашъ проектъ въ законодательномъ порядкѣ, а это исторія долгая и, главное, теперь не до того: тутъ идетъ вопросъ объ «увѣщаніи зданія», а мы вдругъ станемъ дѣлать съ такими, извините, мелочами! Словомъ, это неудобно, несвоевременно, — просто нельзя, а потому нечего объ этомъ и разговаривать.

Земцы опѣшили, но сдаться сразу и уѣхать съ носомъ имъ не хотѣлось. Агрономскій, въ глубинѣ души сильно задѣтый за самолюбіе, пожелалъ объясниться и сослался на примѣръ N-ской земской управы, напечатанный въ газетахъ, — какъ же, молъ, такъ вы изволите говорить, что нашъ проектъ ни на какихъ бывшихъ примѣрахъ не обоснованъ? Примѣръ самый свѣжій, вчерашній!

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло, — возразили ему. — Еслибъ и вы тоже пожелали, какъ N-ская управа, выбрать вмѣсто нынѣшняго вашего инспектора, кого-нибудь изъ нашихъ же, изъ министерскихъ, — сдѣлайте ваше одолженіе! Новое министерство наше никогда не прочь оказать посильную любезность земствамъ, такъ какъ тутъ весь вопросъ сводится для насъ къ замѣщенію одного лица другимъ, — пришлось бы только сдѣлать, своего рода, маленькое *chassé-croisé*, перемѣстивъ двухъ чиновниковъ — одного на мѣсто другого, — это сколько угодно! И если вы желаете того же, мы къ вашимъ услугамъ.

— И то хлѣбъ! — согласился де-Казатисъ.

— Такъ вотъ, и подумайте, если согласны, можете вы указать на кого-либо?

Земцы призадумались. Чувствуютъ они, что нѣчто въ родѣ дураковъ изъ себя сломали, благодаря Агрономскому: сунулись просить, сами не зная толкомъ о чемъ. Вотъ-то и благосклонный пріемъ у министра! Но отступить

уже поздно: надо «думать», коли приглашают. — Думали они, думали, кого бы, въ самомъ дѣлѣ, назвать, на кого указать бы? — и никого не придумали. Спрашиваютъ у Агрономскаго, не знаетъ ли онъ кого, такъ какъ ему это дѣло ближе знакомо? — Но и онъ никого подходящаго назвать не можетъ. Однако, надо же наконецъ что-нибудь выдумать! А то, изъ-за чего же было и въ Питеръ ѣздить?!. Думайте, Алоизій Марковичъ, какъ знаете; это ваше дѣло; вы затѣяли, вы и думайте.

— Да я, господа, что же?.. дѣло общее, — отозвался Агрономскій. — По-моему, пускай само министерство назначитъ намъ кого угодно, лишь бы только не человѣка прежняго режима. Прежняго режима мы не желаемъ, съ насъ уже довольно, Богъ съ нимъ! Дайте намъ человѣка новаго, порядочнаго, честномыслящаго, который не дождался бы намъ бревномъ поперекъ дороги, а шелъ бы рука объ руку съ земствомъ, и мы скажемъ вамъ великое, наше русское спасибо!

— О, въ такомъ случаѣ, дѣло ваше совершенно упрощается. Да вотъ, не хотите ли, — предложили имъ. — Есть у насъ тутъ одинъ отчисленный отъ должности бывшимъ министромъ, причисленъ теперь къ департаменту безъ содержания... Онъ, вѣроятно, охотно пошелъ бы, да и мы ничего не имѣли бы противъ, такъ какъ теперь желательно давать ходъ именно всѣмъ тѣмъ, кто былъ обойденъ прежде.

А кто такой? — освѣдомились земцы.

— Да нѣкто Охрименко, коллежскій асессоръ, — въ Украинской женской гимназій учителемъ состоялъ, — отчисленъ по одному тамъ доносу мѣстной жандармеріи, но, очевидно, пустяки, потому что графъ Михайлъ Таріеловичъ приказалъ освободить его.

— Охрименко, — вдругъ припомнилъ Агрономскій. — Позвольте, да это не тотъ ли?.. Съ однимъ Охрименкой мы вмѣстѣ въ Одесской гимназій когда-то были, въ одномъ классѣ, на одной скамейкѣ сидѣли... Какъ его зовутъ? не Онуфриемъ ли?.. Нельзя ли справиться?

Потребовали «дѣло» объ Охрименкѣ, заглянули въ формуляръ, — такъ и есть. Оказывается, что и Онуфрій, и изъ Одесской гимназій.

— Батюшка, такъ это тотъ самый! — обрадованно воскликнулъ Агрономскій. — Я хорошо его знаю, — какъ же! Помилуйте, друзьями когда-то были... Пожалуйста, нельзя ли узнать его адресъ?

Дали справку и объ адресѣ. Пообщавъ въ департаментѣ завтра дать окончательный отвѣтъ насчетъ своего выбора, земцы откланились, и Агрономскій тутъ же, на швейцарской площадкѣ, рѣшилъ со своими товарищами, что поѣдетъ къ Охрименкѣ сегодня же — поцупать его насчетъ убѣжденій и прочаго, и если онъ

остался такимъ какъ былъ, то лучшаго намъ и не надо!.. Этого, молъ, человѣкъ энергичный и будетъ всегда шѣтъ въ унисонъ съ нами!

Въ тотъ же день вечеромъ, вернувшись въ свои «нумера» на Невскомъ, Алоизій Марковичъ радостно и съ полнымъ торжествомъ объявилъ друзьямъ своимъ, что Охрименко — тотъ самый и встрѣтился съ нимъ въ распростертыя объятія, чути лишь Агрономскій назвалъ свою фамилію, — расцѣловались, разговорились, вспомнили старину, потомъ поѣхали вмѣстѣ къ Палкину обѣдать, — «ужъ я, такъ и быть накормилъ его; счетъ вамъ потомъ представлю», выпили маленькую толику — ну, и ничего, человѣкъ оказался вѣренъ прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, не исподлился, такой же непримиримый, какимъ былъ и прежде, и даже пострадалъ за это въ послѣднее время, при Толстомъ... Словомъ, человѣкъ совсѣмъ порядочный и самый подходящий, — лучшаго не найти, да и искать не слѣдуетъ, благо онъ согласенъ.

Друзья Агрономскаго тоже согласились. Охрименко, такъ Охрименко, — все равно, пускай будетъ и Охрименко, если вамъ нравится, — а остальное обработать было уже не трудно, и «излюбленные люди» уѣхали во-свояси, заручившись въ департаментѣ обѣщаніемъ, что дѣло будетъ пушено въ первый же докладъ и болѣе двухъ-трехъ недѣль не затянется.

И дѣйствительно, мѣня, чѣмъ черезъ мѣсяцъ по возвращеніи своемъ въ Бабьёгонскъ, де-Казатисъ разослалъ уже циркуляръ по всѣмъ училищамъ уѣзда, что приказомъ по министерству народнаго просвѣщенія отъ такого-то числа, за № такимъ-то, инспекторъ училищъ такой-то переводится на соотвѣтственную должность въ N-скій уѣздъ Московской губерніи, а на мѣсто его назначенъ, тѣмъ же приказомъ, коллежскій асессоръ Охрименко, о чемъ и поставляются въ извѣстность всѣмъ г-да учителя и учительницы земскихъ народныхъ школъ, дабы они могли заранѣе приготовиться къ предстоящему въ непродолжительномъ времени инспекціонному объѣзду г-мъ Охрименкой всѣхъ училищъ вѣреннаго ему района.

По прочтеніи этого циркуляра, у Тамары похолодѣли и опустѣли руки. Охрименко!.. Неужели тотъ самый, ея бывший учитель, который когда-то хотѣлъ-было «развивать» ее и давалъ ей для этого «пять умныхъ книжекъ» какихъ-то, посвящалъ ее въ «общее дѣло», подговаривая, катати, събыть тайкомъ, обманымъ образомъ, ея материнскіе брильянты въ Одессу, а деньги за нихъ употребить на то же самое «общее дѣло» и самой «идти въ народъ»... Вспомнилось ей и то, какъ она осаждала его за это на семейномъ вечерѣ въ клубѣ, какъ онъ весь позеленѣлъ тогда отъ злости, и изъ ея поклонника, прямо съ мѣста превратился во врага... Все это припомнилось теперь Тамарѣ, —

и, вотъ быть можетъ, съ этимъ самымъ Охрименкой приходится ей снова столкнуться въ жизни... Что-то выйдетъ изъ этого?.. И неужели это, въ самомъ дѣлѣ, тотъ?!

Охрименко... одно уже это имя заставило ее вздрогнуть,—и на сердцѣ у нея смутно зашумѣло какъ-будто предчувствіе чего-то недобраго...

XIX.

Новый инспекторъ.

Наконецъ онъ появился, этотъ г-нъ Охрименко, желанный, жданный и заранѣе уже заочно прославляемый Агрономскимъ и всею земско-управскою кликой. — Вотъ-де инспекторъ, такъ инспекторъ! Дождались таки! Сами себя назначили,—сами подыскали, сами и выбрали!

* * *

Тамара присутствовала въ классѣ, вмѣстѣ съ отцомъ Макаріемъ, который объяснялъ дѣтямъ законъ Божій, когда ко крыльцу школы подъѣхалъ экипажъ Агрономскаго, и затѣмъ, минутою спустя, въ классную комнату сановито вступилъ неизвѣстный посѣтитель, въ сопровожденіи Алоизія Марковича и волостного старшины Сазона Флегонтова: всѣ вмѣстѣ сюда и пріѣхали, объѣзжая школы волости. Впустивъ «начальство» въ классную, вошелъ туда же за ними слѣдомъ и школьный сторожъ Ефимычъ. Осторожно затворивъ за собою дверь, онъ оставился у дверного косяка и застылъ въ солдатской позѣ на вытяжку.

При входѣ почетныхъ лицъ, учительница сейчасъ же скомандовала дѣтямъ «встать!», какъ училъ ее нѣкогда этотъ самый Сазонъ Флегонтовъ,—и ребятишки бойко поднялись со своихъ скамеекъ.

— Нашъ новый инспекторъ народныхъ училищъ, — представилъ Агрономскій почетнаго гостя безразлично всѣмъ присутствующимъ, назвавъ при этомъ его чинъ, имя, отчество и фамилію.

Инспекторъ не безъ важности отдалъ общій молчаливый поклонъ и сейчасъ же медлительно повелъ приподнятымъ носомъ по стѣнамъ классной комнаты, оглядывая съ кислотова наморщненнымъ выраженіемъ всю ея обстановку.

Для Тамары съ перваго же взгляда не осталось сомнѣнія, что это именно тотъ самый Охрименко, который нѣкогда преподавалъ физику и математику въ Украинской женской гимназіи. Но какъ онъ съ тѣхъ поръ перемѣнился!.. Въ лицѣ у него появилось теперь значительное, чиновно-солдатское выраженіе, какого прежде и тѣни не было. На носу, вмѣсто легкомысленнаго пенсне, сидѣли основательныя золотыя очки,—настоящія «ученныя» очки,—оказывавшія, впрочемъ, поползновеніе съвязать

иногда на самый кончикъ этого прыщеватаго носа. Когда-то волохатая, грива запущенныхъ волосъ приведена въ приличный видъ, значительно подстрижена и причесана; верхняя губа, подбородокъ и щеки гладки и до-сини выбриты, тогда какъ прежде заросли себѣ невозбранно, во всю силу своей природной растительности, такъ что Тамару даже удивило, какъ это онъ рѣшился разстаться со своею литературщицкой наружностью, какую придавали ему именно борода съ усами и лохматая грива. Бѣлые теперь у него чистое и туго накрахмаленное, вицъ-мундиръ словно бы сейчасъ съ иголочки, пуговицы съ гражданскими орлами такъ и сіяютъ, и—къ довершенію удивленія Тамары—въ петлицѣ этого вицъ-мундира алѣла овиженская орденская ленточка, и весело, но вовсе уже не либерально, болтался на ней, выглядывая изъ-за отложного борта, Анненскій крестикъ. Словомъ, на видъ это былъ и тотъ же Охрименко, да не тотъ. Вмѣсто прежняго кашлатого и развинченнаго разгильдяя, вѣчно бравировавшаго своимъ радикализмомъ и сочувствіемъ, если не сопричастіемъ, къ «общему дѣлу», предъ Тамарой стоялъ теперь форменный, чопорно подобранный и подтянутый чиновникъ, изъ числа видимо подающихъ большія надежды на дальнѣйшее преуспѣяніе свое въ чиновно-педагогическомъ мірѣ. На лѣвой рукѣ его, въ которой держалъ онъ свою новенькую форменную фуражку съ кокардой, была даже надѣта туго затянутая лайковая перчатка гриперловаго цвѣта, и отъ самого его пахло вс-букетомъ. Все это ясно свидѣтельствовало, что въ настоящее время онъ вполне усвоилъ себѣ извѣстное педагогическое правило, по которому истинный педагогъ долженъ быть всегда одѣтъ «не съ роскошествомъ, но съ изяществомъ». Отказался ли Охрименко въ душѣ отъ прежняго сочувствія «общему дѣлу»,—это другой вопросъ, но очевидно, что послѣ постигшей его непріятности, въ видѣ ареста по «прикосновенности» къ какому-то кожному политическому дѣлу, отъ котораго, впрочемъ, удалось ему счастливо отдѣлаться лишь благодаря «новымъ вѣяніямъ» извѣстной «диктатуры сердца», — онъ сталъ умнѣе, понявъ всю тщету своего пустозвоннаго бравирования и уразумѣвъ надлежащимъ образомъ, гдѣ раки зимуютъ, разомъ совлечь съ себя «ветхаго Адама» нигилизма и преобразился по внѣшности въ благонамѣреннаго чиновника. А что до «сочувствій» его, такъ вѣдь сочувствовать и «содѣйствовать» чему бы то ни было, конечно, гораздо выгоднѣе и безопаснѣе подъ солидною чиновничьею оболочкой, за которую казна еще и жалованье платитъ и награды даетъ,—это-то онъ понималъ. И такъ, это былъ Охрименко рафинированный, Охрименко въ новой фазѣ своего развитія, которую Тамара угадала въ немъ своимъ женскимъ чу-

тьемъ съ перваго же раза. Во всякомъ случаѣ,—такая метаморфоза явилась для нея новостью совсѣмъ неожиданною.

— Учительница Бендавидъ,—официальнымъ тономъ представилъ ее Агрономскій инспектору.

Охрименко, поверхъ очковъ, сползшихъ у него въ эту минуту на кончикъ носа, глянулъ исподлобья совсѣмъ безразличнымъ взглядомъ, какъ на особу, совершенно ему неизвѣстную, имя которой ровно ничего не говоритъ ему, и послалъ ей издали, вмѣсто поклона, кивокъ головою, точно бы и въ самомъ дѣлѣ видѣть ее въ первый разъ въ жизни и не имѣть о ней никакого понятія. Это притворство вышло у него довольно удачно, и Тамара, понявъ его про-себя именно какъ притворство, осталась въ душѣ даже довольна такимъ оборотомъ дѣла, который, по крайней мѣрѣ, избавлялъ ихъ обоихъ отъ лишнѣхъ фразъ и напоминаній другъ другу о непріятномъ прошломъ.

Затѣмъ, Агрономскій такимъ же порядкомъ представилъ Охрименку и отца Макарія, какъ законоучителя. И вотъ, къ величайшему удивленію Тамары, инспекторъ почтительно подошелъ къ нему подъ благословеніе, послѣ чего весьма любезно пожалъ его руку.

— Извините, батюшка, я, кажется, прервалъ ваши занятія? — обратился онъ къ старику. — Пожалуйста, продолжайте не стѣснясь... Мнѣ будетъ очень интересно послушать... Чѣмъ именно вы занимались?

— Толкованіемъ на текстъ «Воззрите на птицы небесныя».

— Ахъ, на «птицы небесныя»?.. Очень поучительно. Ну-съ? — повернулся онъ къ первому попавшемуся на глаза мальчугану. — Что же мы знаемъ о птицахъ небесныхъ?.. Во-первыхъ, скажите мнѣ, что такое птица? и почему она небесная? потому ли, что она небеснаго происхожденія, или по другому чему, какъ вы думаете?

— Птица? — заморгавъ на него мальчикъ недоумѣвающими глазенками.—Извѣстно что... Птица—она птица и есть... летаетъ.

— Да, но вѣдь и пухъ тоже летаетъ, и одуванчикъ летаетъ, и муха летаетъ; значитъ, и пухъ, и одуванчикъ тоже птицы по-вашему?

Мальчикъ замолкъ и только растерянно поглядывалъ то на о. Макарія, то на учительницу, словно бы ища у нихъ поддержки и отвѣта на свой безмолвный вопросъ—чего это пристали къ нему съ «птицей» и чего собственно хотятъ отъ него?—Воробей птица,—заговорилъ онъ, наконецъ,—галка птица, куры, гуси,—мало-ль ихъ тамъ!.. Птицъ много бываетъ... разные.

— Да, но что такое собственно есть птица?.. Организмъ ли это, или механизмъ какой? живое ли она существо, или же вещество не-

органическое?.. Какіе ея отличительные внѣшніе признаки? Почему, напримѣръ, мы говоримъ, что это есть птица, а не собака, не столъ, не грифель и т. д.

Отъ всѣхъ этихъ, педагогически «наводящихъ» вопросовъ мальчикъ напряженно пружился до поту, пыталъ, соображалъ, пошмаргивалъ носомъ и начиналъ съ отчаянія подумывать про-себя — ужъ не сказать ли лучше «позвольте, молъ, выдти, животъ болитъ».

— Чѣмъ, напримѣръ, отличается птица отъ человѣка? — попросилъ подсказалъ ему межъ тѣмъ отецъ Макарій.

— У птицы перья, крылья... она летаетъ, а человѣкъ летать не можетъ,—домекнулся наконецъ перетрусившій мальчонка, неуверенно и боязливо взглянувъ то на батюшку, то на инспектора.

— Ну вотъ! Наконецъ-то! — усмѣхнулся Охрименко.—Птица, значитъ, летаетъ, а человѣкъ ходитъ, собака бѣгаетъ, столъ стоитъ, а грифель лежитъ. Но этого мало,—продолжалъ онъ.—Вы должны бы отчетливѣе формулировать вашу мысль, слѣдовало бы отвѣчать такъ: птица есть существо органическое, способное къ произвольному передвиженію въ воздухѣ, отдѣляясь отъ почвы, потому что природа снабдила ее для этого крыльями и перьями, дающими ей способность летать, и при томъ летать, подчиняясь не направленію и силѣ случайнаго вѣтра, какъ пухъ, напримѣръ, но по собственной своей свободной волѣ, для чего у нея имѣется хвостъ, служащій ей при полетѣ какъ-бы рулемъ, или правиломъ. Понимаете?

Мальчикъ, вмѣсто отвѣта, шмаргнувъ только носомъ, что на обычномъ языкѣ ребячей школьной мимики равносильно былъ выраженію полного непониманія.

— Какое, однако, жалкое развитіе! — съ кисло-вато-сожалительною гримасой, въ полголоса обратился Охрименко, какъ-бы въ скобкахъ, къ Агрономскому.—Такихъ простыхъ вещей, и вдругъ ученикъ сразу объяснить не можетъ!.. Ужасно жалкое!

Алоизій Марковичъ со вздохомъ только плечами пожалъ на это замѣчаніе,—дескать, вижу и самъ, я скорблю, но что же прикажете дѣлать, если у насъ такая учительница!

— Ну-съ, такъ расскажите-ка мнѣ,—обратился къ другому мальчику инспекторъ,—что вамъ объяснялъ сейчасъ батюшка насчетъ птицъ небесныхъ?

— Птицы небесныя,—началъ въ отвѣтъ ему подбодрявшійся ученикъ!—онѣ не сѣютъ не жнутъ, ни въ житницахъ не собираютъ, а Богъ ихъ кормитъ.

— Такъ. Значитъ, Богъ ихъ кормитъ? — Правильно. Ну, а чѣмъ Онъ ихъ кормитъ?

— Чѣмъ случится... Которая на огородѣ клюнетъ, которая на гумнѣ, алибо въ овсахъ... Это какъ когда, всяко бываетъ.

— Ну, а человекъ можетъ такъ?

— Человекъ не можетъ.

— Развѣ не можетъ?.. Почему же птица можетъ, а человекъ не можетъ? Почему вы такъ думаете?

— Потому—птица чтѣ!.. Она уворуетъ себѣ и улетитъ,—ей ничего, а человека пымають и сичасъ въ острогъ!).

— Вотъ какъ!?. Убѣдительно!.. очень убѣдительно... и оригинально. Это вы, батюшка, такъ объясняете имъ евангельскія притчи?—сдерживая невольную улыбку, не безъ легкой ироніи обратился Охрименко къ Макарію.

Старикъ сконфузился и, въ оправданіе мальчика и себя, сталъ было докладывать, что тотъ не достаточно пока развитъ, такъ какъ недавно еще посѣщаетъ школу, да и самъ-де онъ, будучи прерванъ пріѣздомъ г-на инспектора, не успѣлъ еще довести до конца объясненіе ученикамъ данного текста, и потому пѣтъ ничего мудренаго, если мальчикъ далъ такой отвѣтъ, до котораго додумался самъ, на основаніи житейскаго быта, но что, впрочемъ, въ отвѣтѣ этомъ онъ, о. Макарій, кромѣ дѣтской наивности, не видитъ ничего особеннаго.

— Н-да, это вы не видите,—пожалуй, и я не вижу,—согласился Охрименко, не терпѣвшій никакихъ возраженій себѣ со стороны «подчиненныхъ»,—а начальство, можетъ быть, взглянетъ иначе-съ,—вѣско замѣтилъ онъ, выразительно кивнувъ приподнятыми бровями.—Найдете, напримѣръ, г-нъ губернаторъ или жандармскій штабъ-офицеръ, да услышитъ подобный отвѣтъ,—какъ вы полагаете, развѣ не могутъ они умозаключить изъ этого... ну, скажемъ, хотя бы о черезчуръ уже «реалистическомъ направленіи» нашего преподаванія?.. И безъ того уже земство Богъ знаетъ только въ чемъ не обвиняютъ!.. Обвинять еще, пожалуй, въ несогласіи съ духомъ христіанскаго вѣрученія, или усмотрѣть, въ нѣкоторомъ родѣ, нигилизмъ, потрясающій основы... Чего добраго!

Отецъ Макарій посмотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, не понимая, въ-серьезъ ли говорится эта глупость, или же г-нъ инспекторъ тонко иронизировать изволяетъ? Последнее показалось ему вѣрнѣе, и потому онъ скромно позволялъ себѣ замѣтить, что ничего подобнаго не полагаетъ, и даже предполагать не смѣетъ, такъ какъ не думаетъ, чтобы въ лицѣ такихъ особъ могли находиться люди столь недалекіе.

Охрименку слегка передернуло: опять, чортъ возьми, возраженіе, и даже дерзкое! Въ душѣ онъ принялъ эти слова за косвенный уколъ, и потому холодно смѣявъ о. Макарія не совсѣмъ-то признаннымъ взглядомъ, пробормotalъ себѣ подъ носъ.—«Какъ знать,

чего не знаешь!»—и отвернулся отъ него въ сторону.

— А «Божѣ Царя храни» они поютъ у васъ?—обратился онъ къ Тамарѣ.

— О, да!—подтвердила та.—Поютъ дѣлнымъ хоромъ. Угодно прослушать?

— Пожалуйста.

Учительница вызвала учениковъ изъ-за партъ и, разбѣвъ ихъ по голосамъ, выстроила всю группу въ должномъ порядкѣ. Отецъ Макарій, ставъ сбоку передъ хоромъ и вынувъ изъ кармана камертонъ, щипнулъ его за рожки, затѣмъ послушалъ надъ ухомъ звукъ и подалъ голосомъ тонъ:—«do, mi, sol, mi, do». И вотъ, по дирижерскому взмаху его рукъ, хоръ дружно и стройно грянулъ народный гимнъ.

Инспекторъ прослушалъ его съ сосредоточенно серьезнымъ видомъ, подобающимъ официальной важности этого момента, сложивъ на козырькѣ фуражки свои опущенныя руки и склонивъ, въ знакъ особаго вниманія, нѣсколько накловъ голову.

— Это вы занимаетесь хоромъ?—обратился онъ по окончаніи гимна къ о. Макарію.

— Да, вотъ, вмѣстѣ съ учительницей,—ласково указавъ старикъ на Тамару.—Стараемся, по силѣ возможности, и — благодареніе Богу—достигаемъ-таки кое-какого успѣха.

— Н-да, оно не дурно,—сниходительно отозвался тономъ знатока инспекторъ.—Видно, что слѣвншисъ, и голосишка есть. Но... не достаточно благоговѣнія.

Последняго замѣчанія ужъ никакъ не ожидали ни батюшка, ни тѣмъ болѣе Тамара, и потому съ невольнымъ недоумѣніемъ воззрились удивленными глазами на Охрименку.

— Благоговѣнія, говорю, не достаточно,—вразумительно повторилъ имъ послѣдній.—Надо больше, больше благоговѣнія... больше этого проникновенія, такъ сказать, высокимъ смысломъ священныхъ словъ гимна... чувства больше, вотъ что!

«Часть отъ часу не легче!»—думалось про себя удивленной Тамарѣ.—«Охрименко и вдругъ благоговѣніемъ требуетъ!.. Да ужъ не сонъ ли это?»

— А отчего жъ у васъ на стѣнѣ не вижу я царскаго портрета?—оглянувшись вокругъ, спросилъ вдругъ инспекторъ.—Дѣти должны пѣтъ гимнъ, обращаясь лицомъ къ портрету. Развѣ школа не имѣетъ его?

Тамара объяснила, что портретъ есть, но, по приказанію попечителя, снятъ и убранъ.

— Объясненіе это не совсѣмъ вѣрно,—скромно отозвался Агрономскій.—Я, дѣйствительно, приказалъ прятать портретъ, но это лишь въ обыкновенные дни, для болѣе охранности отъ порчи,—собственно говоря, отъ дѣтской рѣзвости, чтобы часомъ не разбили стекло мячикомъ, или не попортили какъ-нибудь раму; но я въ точности приказывалъ

¹⁾ Мотивъ заимствованъ авторомъ изъ книги «Что читать народу», т. II, стр. 71.

г-жѣ Бендавидъ всегда вѣшать его въ торжественныхъ случаяхъ и въ ожиданіи посѣщеній начальства. А о предстоящемъ инспекторскомъ объѣздѣ были циркулярно предувѣдомлены все школы, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ тому назадъ. Такова истинная подкладка этого дѣла. Но по какимъ причинамъ г-жѣ Бендавидъ не угодно было исполнить мое распоряженіе, мнѣ неизвѣстно.

— Почему вамъ не угодно было повѣсить портретъ?—обратился Охрименко къ учительницѣ въ сухомъ тонѣ официального вопроса, — или вы не находите его здѣсь уместнымъ?

«Вотъ этого только не доставало, чтобы меня же обвинить, какъ какую-то революционерку!» съ горькимъ смѣхомъ въ душѣ подумалось дѣвушкѣ. Но она не смутилась послѣднимъ вопросомъ инспектора и начала спокойно объяснять ему, что, по принятіи школы, въ первый же день, случайно найдя портретъ въ шкафу, она сама обмыла его и отчистила, и собственноручно повѣсила на надлежащее мѣсто, но г-нъ попечитель сдѣлалъ ей за это строгій выговоръ, и даже сторожа чуть было не прогналъ съ мѣста, что какъ тотъ смѣлъ допустить самовольную отмывку его распоряженіемъ, и тогда же приказалъ ему убрать портретъ подальше.

— Да, и я нахожу это распоряженіе вполне рациональнымъ, въ виду тѣхъ разъясненій, какія представлялъ г-нъ попечитель,—разсудительно рѣшающимъ образомъ отпарировалъ ея доводы инспекторъ.—Но это не снимаетъ съ васъ упрека въ небрежномъ отношеніи къ его приказаніямъ,—внушительно продолжалъ онъ.—Если вамъ было сказано, въ какихъ именно случаяхъ слѣдуетъ вывѣшивать, вы должны были исполнить,—нравится ли вамъ это, или не нравится, но должны. Тутъ нѣтъ никакихъ оправданій, и я васъ покорнѣйше прошу, потрудитесь пожалуйста повѣсить портретъ сегодня же!—распорядился онъ въ заключеніе внушительнымъ тономъ безусловнаго приказанія.

«А что, грибъ съѣла, матушка!» съ насмѣшливымъ торжествомъ, краснорѣчиво говорилъ ей устремленный на нее взглядъ Агрономскаго.

— А это что у васъ, библиотечка?—спросилъ инспекторъ, кивнувъ на книжный шкафъ.—Каталогъ есть?.. Позвольте-ка мнѣ каталогъ.

Тамара отвергла шкафъ и подала ему тетрадку со спискомъ библиотечныхъ книгъ и изданій. Охрименко просмотрѣлъ списокъ, видѣлъ въ немъ перечень всѣхъ этихъ, пожертвованныхъ Агрономскимъ, томовъ «Дѣла», «Современника», «Отечественныхъ Записокъ», «Шедринскихъ», «Благонамѣренныхъ рѣчей», «Ташкентцевъ» и проч., но ничего не сказалъ на это,—словно бы всѣмъ такимъ изданіямъ тутъ самое настоящее мѣсто. Пробормоталъ только сквозь зубы «очень хорошо съ», воз-

вращая учительницѣ тетрадку; но къ чему собственно это его одобреніе относилось,—къ составу ли школьной библиотечки, къ порядку ли, въ какомъ она содержится, или къ вѣдѣнію самаго каталога,—понимай, какъ знаешь.

— А это что такое у васъ тутъ написано? диктантъ?—прищурился онъ на классную доску и сталъ читать выведенныя на ней мѣломъ строки.—Заемная росписка какая-то?

— Да, росписка,—подтвердила та спокойно.

— Зачѣмъ же это?—въ недоумѣніи удивился Охрименко.

Учительница объяснила, что это она занимается иногда съ учениками старшаго возраста, съ цѣлью знакомить ихъ съ формами общепотребительныхъ дѣловыхъ бумагъ, чтобы они знали, какъ, на примѣръ, писать росписки, условія, довѣренности и т. п.

— «Росписки», «условія»,—съ оттѣнкомъ ироніи и недовѣрія повторилъ вслѣдъ за нею инспекторъ.—Ряди чего же это, однако?

— Ради того, вѣроятно, что оно можетъ пригодиться имъ въ практической жизни, въ ихъ повседневномъ быту,—пояснила дѣвушка.

— Ну, знаете, этой жидовской практикѣ насчетъ росписокъ и условій лучше бы ужъ въ кагальномъ хедерѣ обучать, а не въ школѣ; этому они вполнѣ способны и безъ насъ научиться сами.

Тамара вспыхнула, почувствовавъ въ этой грубой выходкѣ обидный намекъ на свое происхожденіе. Однако же она сдержалась, потому что, вдумавшись въ смыслъ упрека Охрименки, сознала въ душѣ, что, быть можетъ, онъ и правъ: къ чему, въ самомъ дѣлѣ, преждевременно посвящать двѣнадцати-лѣтнихъ мальчиковъ въ казуистическія формы юридическихъ и денежныхъ отношеній. Но въ оправданіе свое она замѣтила только, что учить этому не по собственной выдумкѣ, а по предложенію училищнаго совѣта, и притомъ до книгъ барона Корфа, гдѣ помѣщены образцы подобныхъ формъ.

— Мало ли что гдѣ помѣщается!—подфыркнулъ Охрименко.

— Книга рекомендована министерствомъ,—замѣтила на это Тамара.

— Такъ что же-съ?.. У Корфа свой взглядъ, а у меня свой, и я нахожу это излишнимъ.

Дѣвушка замолчала, такъ какъ возражать далѣе, очевидно, было бы бесполезно, да и зачѣмъ и отстаивать подобную учебную «практику», разъ что она сама, послѣ жесткихъ словъ Охрименки, внутренне сознала несообразность и фальшь этого дѣла.

Инспекторъ, между тѣмъ, взявъ одну изъ хрестоматій и, раскрывъ ее на случайно подвернувшейся страницѣ, положилъ передъ однимъ изъ мальчиковъ старшаго отдѣленія. — Читайте!

Тотъ довольно бойко, безъ особенныхъ за-

пинокъ, хотя и не совсѣмъ осмысленно, прочелъ стихотвореніе Пушкина «Пророкъ».

— Объясните мнѣ, что заключается въ этомъ стихотвореніи? какая мысль его?—предложилъ ему инспекторъ.

Ученикъ задумался въ видимомъ затрудненіи предъ такою задачею.

— Мы этого не проходили, — смущенно отозвался онъ наконецъ.

— Такъ что жъ что не проходили! Это не отговора. Вѣдь вы же прочли его, по-русски понимаете, — ну, и объясняйте.

Мальчикъ смутился еще болѣе и молчалъ. Одинъ уже видъ наѣзжаго «начальства» — всякаго, какое бы оно ни было — обыкновенно нагонялъ на весь классъ смущеніе и холодъ, какъ, впрочемъ, всегда и вездѣ, во всякой школѣ, потому, во-первыхъ, что само «начальство» кажется сельскимъ ученикамъ чѣмъ-то недостижимо высокимъ, важнымъ и умнымъ, а самая внезапность его пріида и эта торжественность пріема, какъ явленіе, сравнительно, весьма рѣдкое, исключительное, имъ совершенно не въ привычку. Но главное, весь этотъ холодъ и смущеніе нагонялись тѣмъ, что въ каждомъ «начальствѣ», значеніе коего не всегда было имъ понятно, ученики, по наибольшей части, встрѣчали не то простое, сердечное отношеніе къ дѣлу и къ самимъ себѣ, къ какому пріучила ихъ своя учительница, а что-то холодное, формалистичное, безучастно сухое и постороннее, — словно, бы какой-то контрольный аппаратъ, присланный сюда кѣмъ-то для провѣрки кого-то и чего-то. Въ «начальствѣ» они видѣли точно бы внезапно награвушій «страшный судъ» надъ собою и надъ учительницей — судъ, который вотъ наѣхалъ, Богъ его вѣсть, откуда и зачѣмъ, разнесъ за что-то и сейчасъ уйдетъ куда-то дальше... И кто его знаетъ, что это за «начальство» такое, и чего ему нужно, изъ-за чего разносило оно преподавателей и зачѣмъ спрашивало учениковъ изъ всѣхъ предметовъ по кусочку, понадергивая изъ cadaго и того, и сего, и десятого понемножку, на выдержку... Если даже оно и ласково, это «начальство», то и самая ласковость его опять же не та простая, сердечная ласковость, какую привыкли ученики встрѣчать въ своей учительницѣ, а какая-то дѣланная, принужденная, — словомъ, разсудочная, а не душевная ласковость, и это дѣти хоть и безсознательно, но всегда очень тонко чувствуютъ своимъ непосредственнымъ дѣтскимъ инстинктомъ. А тутъ, на этотъ разъ, «начальство» выходитъ совсѣмъ новое, — въ первый разъ и въ лицо-то они его видятъ, — и едва лишь наѣхало, какъ уже успѣло показать свою строгость учительницѣ, сказать что-то, какись, непріятное батюшкѣ, выказать свое неудовольствіе на что-то. Все это окончательно смущало учениковъ, парализуя, вслѣдствіе невольнаго

страха и недоумѣнія, ихъ волю, сообразительность, память, путая ихъ мысли и сбивая съ толку, подъ гнетомъ смутнаго опасенія, какъ бы не отвѣтить на задаваемые вопросы что-нибудь не впопадъ и тѣмъ не вызвать бы со стороны этого грознаго «начальства» новаго разноса себѣ и учительницѣ.

— Что значить «духовной жаждой томишь?» — продолжалъ, между тѣмъ, пытать ученика инспекторъ.

Мальчикъ упорно продолжалъ молчать.

— «Духовной жаждой»... Подумайте, — «духовной»... Что это такое «духовная жажда»?.. Не знаете?.. хм... Однако! — знаменательно взглянулъ Охрименко на Агрономскаго. А тотъ при этомъ опять пожалъ плечами, съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ: «я тутъ ничего подѣлать не могу, — сами теперь видите, какъ идетъ дѣло».

— Ну, а вы что скажете? — обратился инспекторъ къ сосѣду перваго мальчика. — Можете объяснить намъ, или тоже въ молчанку играть будете?

— «Духовной жаждой томишь», — началъ было мальчикъ, но сейчасъ же запнулся и сталъ растерянно поглядывать на учительницу, мучительно стараясь въ то же время выжать изъ себя какую-нибудь подходящую догадку, что такое могло бы значить это «духовной жаждой».

— Священникомъ, вѣрно, хотѣлъ быть, — высказался онъ, наконецъ, и самъ обрадовавшись, что, — слава Тебѣ, Господи, какись, додумался!

— Священникомъ?!. Вотъ тебѣ нѣ! — удивился Охрименко. — Почему же вы такъ полагаете? Почему священникомъ?

— Да потому, какъ тутъ сказано «духовной»...

Инспекторъ строго взглянулъ на учительницу и укоризненно покачалъ головой, — и вамъ, дескать, не стыдно!

Агрономскій даже потупился отъ притворнаго смущенія, межъ-тѣмъ, какъ на растянутыхъ губахъ его такъ и мелькала многодольная ядовитая ухмылочка. — «Тѣ-ли, молъ, еще будетъ, погодите!»

— Ну, а это что значить? — продолжалъ инспекторъ: —

Монхъ зѣяиць коснулся онъ, —
Отверались вѣщія зѣяицы...
Монхъ ушей коснулся онъ, —
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ».

— Какъ вы это понимаете? — обратился онъ вообще къ старшему возрасту, пытаясь посматривая то на того, то на другого изъ мальчиковъ. — Отвѣчайте, милые, кто можетъ... Не бойтесь, бояться нечего, — вѣдь я не съѣмъ васъ и не забодая — мнѣ только хочется знать, на сколько вы усвоиваете себѣ читаемое. Ну, кто же скажетъ?.. Живѣе, братцы, живѣе!

— Должно, затрепину дать здоровую,—домкнулся одинъ изъ бойкихъ.

— Что-о?!—выпучилъ на него глаза инспекторъ.—Затрепину?.. Благодарю, не ожидалъ!—проникновенно поклонился онъ учительницѣ. — Вотъ такъ сюрпризъ!.. Это вы какъ же, мой милый, додумались до затрепины-то? Объясните, пожалуйста,—любопытно.

— А какъ же?.. Известно, какъ ежели дать по уху, въ ѣмъ сейчасъ и зазвенить... и шумъ сейчасъ въ ухѣ сдѣлается...

— Нѣтъ, не то,—разсудительно перебилъ его другой мальчикъ.—Нешто серафимъ станетъ драться! У ево и рукъ вѣтъ, а одинъ крылья, какъ на картинкѣ показано. А это онъ чудо Господне, значить, явилъ. Вѣрно, тотъ былъ слѣпой и глухой, а потомъ сталъ видѣть и слышать... Испѣленіе, значить.

Инспекторъ только плечами пожалъ, укоризненно замѣтивъ учительницѣ. — Какое жалкое развитіе!

Тамара хотѣла было возразить ему, но онъ остановилъ ее, не давъ ей сказать даже слова:—Позвольте-съ, разговаривать съ вами мы будемъ потомъ, а теперь я желаю дойти до конца, чтобъ наглядно убѣдиться въ степени достигаемыхъ школою успѣховъ.

И онъ опять взялся за «Пророка» и дошелъ постепенно до «дольней лозы прозябанья». Тутъ оказалось, что подлѣ «лозой» одни понимаютъ лознякъ, растущій у нихъ по-надъ болотомъ, а другіе — просто «лѣзаны, сѣкутся которыми мужики промежъ себя на сходѣ, али можетъ, розгу на ребятъ непослушныхъ». Вообще, энергія учениковъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше все падала, и надежда постичь тайну прочитаннаго видимо у нихъ слабѣла и исчезала. Когда же потребовалось объясненіе на дальѣйшіе стихи, то одни изъ учениковъ старшаго возраста оказались того мѣлня, что тотъ, кто все это сдѣлалъ, должно быть, вовсе не серафимъ, а злой духъ, и только нарочно прикинулся серафимомъ,—для обольщенія, значить,—потому больно ужъ онъ надъ этимъ самымъ человѣкомъ гиравствовалъ и мучилъ его, и змѣю даже припущалъ къ нему въ ротъ, а дьяволъ, извѣстно, еще въ раю въ образѣ змія былъ. Другіе же высказывались, что это серафимъ, вѣроятно, казнилъ великаго грѣшника за грѣхи его, за лукавство и празднословіе, а третьи приходили въ полное недоумѣніе, что какъ же, молъ, такъ, сказано тутъ «пророкъ», а между тѣмъ ничего онъ не напророчилъ... И гдѣ онъ, и кто онъ,—Богъ его знаетъ! ¹⁾

— Какіе, однако, грустные результаты! — съ печально горькою усмѣшкой покачалъ головой Охрименко, обратясь къ Тамарѣ.—При-

знаюсь, я возмущенъ до глубины души. Въ первый разъ въ жизни приходится еще слышать и видѣть такое непониманіе, такое грубое искаженіе и профанацію высокой мысли — и кого же?—Пушкина!.. Такое, можно сказать, невѣжественное глумленіе надъ нашими великими народнымъ поэтомъ! И вамъ не стыдно?!

— Позвольте, г-нъ инспекторъ,—снова попыталась возразить ему Тамара. — Позвольте вамъ объяснить, они этого стихотворенія не читали, и я имъ никогда не объясняла его, потому что смыслъ его нахожу слишкомъ отвлеченнымъ для ихъ пониманія. Такую вещь едва-ли пойметъ и взрослый между простыми крестьянами, а это вѣдь дѣти, — примите во вниманіе.

— Позвольте-съ, — возразилъ ей, въ свой чередъ, Охрименко. — Эта книжка издана и одобрена для народнаго чтенія въ школахъ. Такъ-съ? Противъ этого, надѣюсь, вы спорить не будете?..

— Не буду. Но что жъ изъ этого?

— А то, что если составитель нашелъ умѣстнымъ включить въ нее и «Пророка», то, съ вашей стороны, полагаю, было бы слишкомъ самонадѣянно считать себя компетентнѣе его... «Отвлеченно»! Что такое значить «отвлеченно»?.. Это не отговорка-съ. Лѣбая молитва не менѣе отвлеченна, и однако же дѣти учатъ молитвы, имъ объясняютъ ихъ—и они понимаютъ. Ваше дѣло—развивать своихъ учениковъ, подымать ихъ до пониманія отвлеченныхъ идей, объяснять имъ, и наконецъ,—на то вы и учительница. Но, конечно, тамъ, гдѣ на первомъ планѣ—изученіе формъ долговыхъ росписокъ, тамъ не до отвлеченностей. Вотъ что прискорбно-съ!

— Они Пушкина знаютъ... все, что доступно ихъ пониманію, мы читали и читаемъ, — защищала себя Тамара.—Да вотъ, позвольте на провѣрку,—предложила она и обратилась къ одному изъ мальчиковъ.—Павликъ, расскажи-ка намъ содержаніе «Сказки о рыбацкѣ и рыбкѣ» Пушкина,—помнишь?

— Позвольте, — значительнымъ тономъ и жестомъ остановилъ ее инспекторъ.—Если я не ослышался, вы, кажется, обратитесь къ ученикамъ на «ты»?

— Да, я всегда говорю имъ «ты», — подтвердила Тамара.

— Хм... Вотъ какъ!.. Но на какомъ же это основаніи?

— На томъ, что «вы» для нихъ не сродно, ово ихъ путаетъ... даже звучитъ имъ какъ-то дико, въ ихъ возрастѣ.

— Да, но по какому же праву и съ чьего разрѣшенія вы позволяете себѣ отступать отъ установленныхъ требованій? Послѣ этого и они вамъ «ты» говорить будутъ!

— Да и говорятъ иные,—что жъ такое? Обиднаго для себя я тутъ ничего не вижу... Они вѣдь это по простотѣ... И притомъ, зави-

¹⁾ Основнымъ мотивомъ для всей этой сцены автору послужило изложенное относительно Пушкинскаго «Пророка», въ книгѣ «Что читать народу», на стр. 666, томъ I.

ните меня, но я думаю, что если это и отступление съ моей стороны отъ правилъ, то не особенно важное, тѣмъ болѣе, что обращеніе на «ты» для нихъ выходитъ гораздо теплѣе, сердечнѣе какъ-то, это сближаетъ и роднитъ ихъ съ учительницей.

— Нѣтъ-съ, извините, это не «сближаетъ», а унижаетъ ихъ человѣческое достоинство. Если законъ требуетъ, чтобы на судѣ даже преступникамъ «вы» говорили, то какъ же дѣтей-то, этихъ будущихъ гражданъ нашихъ, вы лишаете этого права?

— Позвольте и мнѣ, г-нъ инспекторъ, сказать свое слово,—скромно вмѣшался въ разговоръ отецъ Макарій. — Вотъ, госпожа учительница замѣтила, что «вы» дико звучитъ для дѣтскаго уха. А я скажу, оно не только дико, но—съ позволенія вашего—даже безтолково, потому дѣти это «вы», обращенное къ нимъ, обыкновенно принимаютъ въ коллективномъ, такъ сказать, значеніи, а не въ персональномъ. Въ личномъ смыслѣ они его даже не понимаютъ, потому такъ ужъ они у насъ въ деревнѣ привыкли, что всѣ имъ «ты» говорятъ.

— То-есть, вы этимъ не только оправдываете учительницу, но еще хотите сказать, что и вы тоже имъ «ты» говорите?—усмѣхнулся Охрименко, съ плохо скрытымъ ехидствомъ.

— Я отцамъ ихъ «ты» говорю, такъ ужъ къ ребятишкамъ-то на «вы» обращаюсь — извините—въ моемъ санѣ и при моихъ лѣтахъ, оно даже смѣшно какъ-то было бы.

— Отцамъ вы можете говорить какъ вамъ угодно,—замѣтилъ ему Охрименко тономъ, въ которомъ начинала уже непріятно проскальзывать нотка внутреннего раздраженія,—тамъ это ваше дѣло; но здѣсь уже наше-съ, и я вамъ долженъ сказать, что школьныя правила требуютъ, чтобы преподаватели говорили ученикамъ «вы», а не держали бы ихъ въ вѣчномъ напominаніи имъ этимъ «ты» временъ крѣпостничества. Они болѣе не рабы-съ, а такіе же полноправные будущіе граждане, какъ и мы съ вами.

— Да, *будущіе*, — подчеркнул о. Макарій,—согласенъ; но пока—они не болѣе какъ дѣти.

— Однимъ словомъ,—нетерпѣливо перебилъ его Охрименко,—изъ уваженія къ вашему сану, о которомъ самымъ вамъ угодно было напоминать, я бы покорнѣе просилъ васъ, святой отецъ, не нарушать на будущее время установленныхъ требованій новой школы относительно раціональныхъ педагогическихъ приемовъ... Да-съ!.. такъ какъ, въ противномъ случаѣ, мнѣ было бы очень прискорбно лишиться въ вашемъ лицѣ достойнаго преподавателя закона Божія.

— Старъ я, г-нъ инспекторъ, ломать свои привычки, — вздохнулъ съ видомъ отказа о. Ма-

карій. — И тѣмъ болѣе, что предосудительнаго, — воля ваша — ничего въ этомъ не вижу.

— Это уже ваше дѣло, — съ сухимъ полупоклономъ оборвалъ его рѣчь Охрименко, показывая тѣмъ самымъ, что не желаетъ дальнѣйшихъ объясненій на эту тему. — Я свое сказалъ, а тамъ—какъ вамъ угодно. А вамъ, сударыня,—повернулся онъ къ Тamarѣ,—предлагаю переимѣнить вашъ родъ обращенія съ учениками. Вы слышали, что я сказалъ батюшкѣ?—Ну-съ, такъ то же самое относится и къ вамъ. Имѣйте это въ виду, если вамъ желательно продолжать вашу службу.

Проговоривъ это официально-внушительнымъ тономъ, Охрименко взялся за другую попавшуюся ему подъ-руку, книжку.

— Да-съ, — говорилъ онъ, перелистывая и просматривая ея страницы,—такъ «Пророкъ» считается у васъ слишкомъ отвлеченнымъ произведеніемъ, недоступнымъ для пониманія? Хорошо-съ, возьмемъ что-нибудь попроще... что-нибудь совсѣмъ уже легкое, доступное... Ну, вотъ хоть это бы, что ли... Читайте! — предложилъ онъ мальчику лѣтъ восьми, положивъ передъ нимъ книгу и указавъ пальцемъ на выбранную статейку.

Тотъ, запинаясь нѣсколько на слогахъ, началъ читать неувереннымъ, монотоннымъ голосомъ. — «Какъ на морѣ-окиянѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ горючъ камень Алатырь».

— Про что вы читаете? — остановилъ его Охрименко.—Можете объяснить?..

— Про Алатырь-камень,—неуверенно отвѣтилъ мальчуганъ.

— Хорошо, — подбодрилъ его экзаменаторъ. — А что еще, Алатыремъ называется?

На этотъ вопросъ мальчуганъ не сумѣлъ отвѣтить и замолкъ, растерянно глядя мимо инспектора въ стѣну.

— Не знаете?... хм... Ну, можетъ быть, кто другой знаетъ? Кто можетъ отвѣтить?—обратился онъ ко всему классу.—Что еще Алатыремъ называется?

— Городъ, кажись, есть такой, отозвался одинъ изъ учениковъ старшаго возраста.

— Вѣрно. Но что это за городъ? гдѣ онъ находится? на какой рѣкѣ? въ какой губерніи? чѣмъ замѣчателенъ? сколько въ немъ жителей?

Но на весь рядъ этихъ, сыпавшихся одинъ за другимъ, вопросовъ, Охрименко не получилъ никакого отвѣта.

— Однако, милостивая государыня,—обратился онъ къ Тamarѣ,—позвольте васъ спросить, что-жъ это значитъ?... и чему, наконецъ, вы ихъ учитѣ?

— Г-нъ инспекторъ, подробности о малоизвестныхъ уѣздныхъ городахъ не входятъ

въ утвержденный курсъ сельскихъ школъ, — скромно и сдержанно отвѣтила ему учительница.

Охрименко не выдержалъ, наконецъ и вспыхнулъ.

— Что вы мнѣ тычете въ глаза «утвержденнымъ курсомъ»? — грубо накинулся онъ на дѣвушку. — Вамъ, кажется, угодно учить меня?.. Я знаю и безъ васъ, сударыня, что входитъ и что не входитъ, но вижу только одно, что они у васъ ровно ничего не знаютъ, то-есть, ровно-ничего ни-че-го! — Это я вижу.

— То, что полагается по программѣ, они знаютъ, то-есть, старшій возрастъ, по крайней мѣрѣ.

— Ахъ, вамъ угодно спорить? — подавляя въ себѣ свою вспышку, съ утрированной и ехидною вѣжливостью покорно склонился передъ нею инспекторъ. — Извольте-съ, я подчиняюсь вашему желанію, чтобъ доказать вамъ... Будь по-вашему! Пойдемъ далѣе. И такъ, мой милый, — сдержанно обратился онъ къ тому же мальчугану, — остановились мы съ вами на камнѣ Алатырь. Скажите мнѣ, гдѣ же онъ находится, этотъ Алатырь-камень?

— На островѣ...

— Отвѣнно. А что такое островъ?

— Островъ — у насъ деревня такая есть, Островомъ зовется ¹⁾.

— Ну, это, наконецъ, изъ рукъ вонъ!.. въ отчаяніи хлопнувъ себя по бедрамъ и разставивъ руки, обратился къ Агрономскому возмущенный инспекторъ. — «Островъ—деревня такая», — ну, сдѣлайте вѣне одолженіе!.. То-есть, ров-нѣховко-таки ни-че-го не понимаютъ!.. И даже совершенно не умѣютъ сколько-нибудь отчетливо формулировать свои представленія и мысли... Чему же ихъ учать, послѣ этого?

— Извините, г-нъ инспекторъ, если осмѣлюсь замѣтить, — выѣхался опять отецъ Макарій. — Не судите по одному этому мальчику; онъ еще только складывалъ прошель недавно, и если не имѣетъ пока понятія объ островѣ, то это потому, что никогда не видалъ его: у насъ на рѣчкѣ, изволите видѣть, острововъ никакихъ не имѣется, а деревня Островъ точно что есть въ нашей волости, — это вѣрно, и это онъ знаетъ.

Инспекторъ съ презрительной усмѣшкой лишь плечами пожалъ да вскинулъ со вздохомъ очи свои горѣ, — дескать, о, Господи! пошли только долготерпѣнія!.. Какъ-бы изнемогая отъ нравственнаго утомленія и безнадёжности, онъ снова оглядѣлся вокругъ стѣнъ и, замѣтивъ висѣвшія тамъ карты Россіи и обихихъ полушарій земли, сдержанно обратился къ Тамарѣ упавшимъ и почти кроткимъ голосомъ:

— Отечествовѣдѣніе преподаете имъ?

— То-есть, что это? — переспросила она. — Географію?

— Географія, собственно говоря, отжившее слово-съ, — все такъ-же кротко, но не безъ внутренняго ехидства и какъ-бы съ сожалѣніемъ о ея невѣжествѣ, пояснял онъ, — и къ тому же, географія есть собственно землевѣдѣніе, или мировѣдѣніе, если подразумѣвается міръ астрономическій, или же, наконецъ, народовѣдѣніе, если мы имѣемъ въ виду географію политическую, а я васъ спрашиваю объ отечествовѣдѣніи.

— Ахъ, это географію Россіи? — домекнулась Тамара. — Какъ же, преподаю, — старшему возрасту и въ общихъ чертахъ, конечно, согласно программѣ.

— А родиноуѣдѣніе преподаете?

На лицѣ дѣвушки отразилось нѣкоторое недоумѣніе.

— То-есть... отечествовѣдѣніе и родиноуѣдѣніе — это, полагаю, одно и то же? — проговорила она, приходя въ нѣкоторое смущеніе отъ странно кроткаго экзаменаторскаго тона этихъ его вопросовъ.

— Одно и то же? — проговорилъ онъ за нею и вздохнулъ съ томною грустью. — Нѣтъ-съ, не одно. Далеко не одно. Это меня, съ вашей стороны, даже изумляетъ, признаюсь откровенно... Какъ же это вы такъ учительствуете, а сами не знаете, что такое отечествовѣдѣніе и что родиноуѣдѣніе? Какая же вы — извините — учительница послѣ этого, когда не имѣете яснаго представленія о различіи такихъ простыхъ и даже азбучныхъ, можно сказать, предметовъ въ наукѣ?

Тамара только плечами пожала, въ полномъ недоумѣніи, чего отъ нея хотять и ради чего всѣ эти придирки? Если желаютъ отказать ей отъ мѣста, то не проще-ли сказать прямо: уходите, вы намъ не нравитесь; — но къ чему всѣ эти инквизиторскія издѣвательства надъ нею!

— Отечествовѣдѣніе, — продолжалъ, между тѣмъ, Охрименко наставительнымъ и поучающимъ тономъ, точно бы жуя и въ ротъ вкладывая ей, — отечествовѣдѣніе, сударыня, это — географія, статистика и этнографія Россіи, во всемъ объемѣ ея государственныхъ границъ. Понимаете?.. А родиноуѣдѣніе — та же географія, статистика и этнографія относительно одной своей губерніи, или уѣзда, города, или села, то-есть, той, административной округи, въ предѣлахъ которой родился и живетъ обучаемый ¹⁾. И вы такого пустяка не знаете!.. А

¹⁾ Мотивъ заимствованъ авторомъ изъ книги „Что читать народу“. Т. II, стр. 792.

¹⁾ Подраздѣленіе географіи на родиноуѣдѣніе, отечествовѣдѣніе, народовѣдѣніе и т. д., находится въ изданіи Ф. Ф. Пупиковича „для народныхъ и другихъ элементарныхъ училищъ“, одобренномъ ученымъ комитетомъ мнѣн. народн. просвѣщ. Спб., 1890 г., изд. 12-е.

еще учительница!.. Удивляюсь, удивляюсь без-
конечно,—обратился онъ къ Агрономскому. —
И откуда только вы такихъ учительницъ до-
бываете?! Вѣдь въ губерніи у васъ есть, ка-
зались бы, женская учительская семинарія,
неужели это оттуда выпускаютъ съ такими
познаніями?

— О, нѣтъ, какъ можно! — солидно всту-
пился Алоизій Марковичъ за достоинство этого
земскаго учрежденія. — Наша семинарія, —
помилюте, это образцовѣйшее заведеніе на
всю Россію. Но г-жа Бендавидъ не изъ нашей
семинаріи, — пояснялъ онъ тономъ ехиднаго
сносхожденія къ «убожеству» учительницы, —
она опредѣлена къ намъ по протекціи одной
высокопоставленной петербургской дамы, от-
казавшейся отъ нашихъ земцамъ, по нѣкото-
рымъ соображеніямъ, было трудно... Полагаю,
этимъ все сказано.

— Кто эта «высокопоставленная»? — ве-
брежно спросилъ Охрименко. — Не секретъ, на-
дѣюсь?

Агрономскій назвалъ г-жу Миропольцеву.

— Только-то?.. Ну, господа, извините! —
иронически поклонился ему инспекторъ, раз-
ставляя свои руки, — если земство почему-то
тамъ находить нужнымъ считаться съ какою-то
г-жею Миропольцевой, то мнѣ, какъ представи-
телю вѣдомства, до этого нѣтъ никакого дѣла.
И я не обязанъ справляться, будетъ ли это
тамъ пріятно кому или непріятно... У меня
есть свои инструкции, и мнѣ до этихъ протек-
цій нѣтъ никакого дѣла, я ихъ и знать не
хочу!.. Мое дѣло блюсти интересы народнаго
просвѣщенія, и только. А потому, извините,
я долженъ заявить вамъ безъ околичностей,
что подобную учительницу (онъ указалъ при
этомъ на Тамару) я нахожу совершенно не-
возможною,—да-съ, и именно здѣсь, въ Горь-
ловѣ. Помилюте, тутъ пробѣжій трактъ, на-
чальство разное: проѣзжаетъ, преосвященный,
губернаторъ, члены суда, наконецъ и туристы
могутъ случиться, корреспонденты разные,
мало ли кто!.. Иной можетъ и полюбопытство-
вать, зайдетъ въ школу, а тутъ ему вдругъ
преподнесутъ «островъ—деревня такая», или
«священникомъ хотѣлъ быть», — вѣдь это же
срамъ, скандалъ!.. — Да и въ самомъ дѣлѣ,
подумайте, что же это такое?!—Евангельскіе
тексты объясняютъ просто на смѣхъ, народ-
ный гимнъ поютъ, какъ деревняшки какія,
даже царскій портретъ,—такъ и того-то повѣ-
сить не потрудились!.. Нѣ-ѣтъ-съ, господа, такъ
нельзя!.. Подобныхъ безобразій я не потерплю,
и дѣло вести спустя рукава—не позволю-съ,
это ужъ какъ вамъ угодно!—обратился онъ съ
обобщающимъ жестомъ къ о. Макарію и Тамарѣ.

— Напрасно обижать изволите, ваше-скор-
діе! — раздался вдругъ посторонній и не со-
всѣмъ-то трезвый голосъ за спиной инспектора,
у двери.

Охрименковъ недоумѣнно обернулся назадъ. —
Тебѣ что надо? Ты кто?

— Сторожъ здѣшній, ваше-скордіе!—выпа-
лилъ Ефимычъ, не измѣняя своей солдатской
позы на вытяжку,—а только позволите нашей
милости доложить, это совсѣмъ занапрасно...
потому какъ ежели что насчетъ патрета, такъ
это не барышня вина... Вѣрно!

— Я тебя, любезный, не спрашиваю, такъ
ты и не суйся!—внушительно замѣтилъ ему
инспекторъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше скордіе, а только
позвольте доложить, — можетъ статься, что
баринъ нашъ, ихъ высокоблагородіе Агроном-
скій господинъ, запамятовала, а только-что
они сами приказали убрать патретъ-отъ, и
даже очень забрались тогда на насъ, такъ
это я—во, какъ передъ Истиннымъ...

— Молчи ты! — строго цыкнулъ на него
попотомъ старшина. Чего раскаркался?!. Аль
пьянъ уже? Съ утра-то зеньки залилъ?

— Пьянъ?—съ достоинствомъ повелъ на
него головою сторожъ, не мѣняя позы. — Съ
чего пьянъ? Нешто ты мнѣ подносишь?.. Ты
поднеси сначала, а потомъ корн. Не пьянъ я,
а надо правильно говорить, по присягѣ, по-
Божью! Вотъ что!.. И ты, коли ты есть стар-
шина, твое бы дѣло было сказать, а ты, же-
бойсь, молчишь!

— Ну-ну, нѣча тутъ, нѣча!.. Коли несвѣ-
дущъ съ законами, то и молчи!.. Пошелъ-ка
лучше вонъ!.. Пошелъ, пошелъ! — сталъ под-
талкивать его старшина къ двери.

— Не пойду!.. И ты не моги! — Потому я
тутъ при своемъ мѣстѣ состою, службу свою
справляю... Я, братъ, тоже свою праву понимаю
не хуже тебя,—у меня святыя медали, и ты
лучше меня не трошь!

— Да что жъ это за безобразіе, наконецъ!—
возвысилъ голосъ Охрименко.—Этого еще не
доставало, чтобы пьяный солдатъ какой-то
смѣлъ тутъ спены дѣлать!.. Прогнать его съ
мѣста, и кончено!

— Вотъ изволите примѣчать, какая прокла-
мация! — степенно обратился къ инспектору
Сазонъ Флегонтовъ, съ видомъ обличающей
упоризмы и жалобы указывая на солдата.—Я
ужъ неоднократно входилъ насчетъ его въ
сужденіе съ крестьянами и болѣе всего повто-
рялъ слова съ касаемымъ подтвержденіемъ о
желаніи тишины и спокойствія отъ тому по-
добныхъ я продчихъ сипилистовъ, а равно
какъ и о благополучіи, и даже самому ему
говорилъ, что за хорошее ваше мнѣніе насчетъ
тишины и спокойствія, будьте мнѣ другомъ.
Кажется, ужъ достаточно,—чего бы лучше!..
А онъ, изволите видѣть, какъ цѣнить, коло-
вращеніе какое и невѣжество показываетъ!
Вотъ каковъ народецъ анаемскій нынѣ по-
шелъ!—Ироды препонтійстія, одно слово!

Сазонъ Флегонтовъ говорилъ съ жаромъ, съ

увлечением, и самъ, казалось, заслушивался музыки своего красноречія. Съ тѣхъ поръ, какъ имя его, въ качествѣ «друга просвѣщенія», было напечатано въ знаменитой корреспонденціи объ учительскомъ съѣздѣ, онъ, любя и прежде уснащать свою рѣчь «образованными словами», сталъ послѣ этого сыпать ими уже безъ всякаго удержу, «какъ преосвященный человѣкъ», такъ что въ разговорахъ его съ «господами» зачастую невозможно было теперь донестись человѣческаго смысла, а бряцалъ въ нихъ, какъ металлъ звенящій, одинъ только безшабашный наборъ случайныхъ «образованныхъ словъ» да ганделярскихъ оборотовъ рѣчи. Съ мужиками говорилъ онъ по-прежнему — просто и толково, но съ «господами» и съ «теlegenцеей», — бѣда, да и только! И все это надѣлала одна статья въ газетѣ!

— И откуда вы взяли такого?! — возмущенно дивился, между тѣмъ, на Ефимыча инспекторъ. — Неужели нельзя было найти на должность сторожа приличнаго человѣка?.. Срамъ! Позоръ!.. Послѣ этого, порядочнымъ людямъ въ школу войти невозможно, чтобъ не наткнуться на скандалъ!

— Позвольте, честь имѣя войти въ формѣ доклада къ вашему высокородію, — снова заговорилъ съ подобающимъ достоинствомъ Сазонъ Флегонтовъ, — допрежъ училища, онъ у насъ, по общественному присужденію, въ починныхъ сторожахъ сидѣлъ при околѣцѣ; но только ходить, бывало, ночью по улицѣ, съ деревянными орудіями, въ испуганномъ положеніи, а потому сельскій сходъ, заслушавъ, мнѣніемъ своимъ приказалъ, согласно созаволенія ихъ высоблагородія, господина Аловизія Марковича, опредѣлить его, при старости лѣтъ, въ сторожа при школѣ. Но теперь, очевидно, слѣдуетъ учинить надъ нимъ отдыхъ и спокойствіе, посредствомъ привлеченія къ отвѣтственности за нарушеніе общественной тишины и благочинія спеціально въ офиціальномъ мѣстѣ, по имѣемой статьѣ уложенія.

— Просто, вонъ его, и конецъ! — порѣшилъ Охрименко.

— Позвольте, вонъ — это само по себѣ, а впродчемъ, я его по подверженности долженъ передать къ привлеченію по инстанціи мировыхъ учрежденій, за оскорбленіе, значить, моихъ привилегій, при исполненіи служебныхъ обязанностей.

— Предавай, куда хошь! — махнулъ рукой Ефимычъ, — мнѣ что!.. Невидаль какая, мѣсто-то ване сторожовское!.. Эка въ ѣмъ сласть, подумаешь!

— Ну, однако, я вижу, намъ лучше уйти отсюда, — замѣтилъ Агрономскому инспекторъ, — а то пререканыя эти, чего добраго, дойдутъ у нихъ еще и до драки, пожалуй. Что же касается васъ, сударыня, — прибавилъ онъ въ офиціально-холодномъ тонѣ, обра-

щаясь къ Тамарѣ, — то относительно себя вы получите на-дняхъ распоряженіе. — Честь имѣю планяться. Прощайте, батюшка! До свиданья, дѣти!

И г-нъ Охрименко, какъ за часъ предъ симъ вошелъ, такъ теперь и удалился изъ школы съ одинаковымъ достоинствомъ и сано-витымъ видомъ. Въ своемъ участкѣ, предъ сельскими учителями и учительницами, онъ мнилъ себя великою особой.

XX.

Люди познавшіе, въ чемъ суть“.

Въ этотъ же день, сидя у Агрономскаго за обѣдомъ, Охрименко, послѣ двухъ-трехъ рюмокъ водки и нѣсколькихъ стаканчиковъ вина, разговорился съ нимъ съ глазу на глазъ, по душѣ, какъ со старымъ школьнымъ товарищемъ и единомышленникомъ. Въ подобныхъ случаяхъ, при интимной бесѣдѣ, чувствуя приливъ благодушества и потребность выказать предъ «хорошимъ человѣкомъ» душу свою на-распашку, онъ, какъ прирожденный хохолъ и притомъ хохломанъ, всегда испытывалъ сердечный позывъ къ хохлацкому «жарту» и пересыпанью своей русской рѣчи разными малороссійскими словечками, отъ чего во всякое другое время строго воздерживался. Въ этой ихъ бесѣдѣ обнаружилось, что Аловизій Марковичъ остался нѣсколько шокированъ и не совсѣмъ-то доволенъ его инспекторскими приемами въ школѣ: зачѣмъ-де эта ортодоксальность, даже до подхода подъ благословеніе «къ этому старому козлу», когда «мы» только къ тому и стремимся, о томъ и хлопочемъ, чтобы какъ ни-на-есть освободить земскую школу отъ клерикальных элементовъ и вліяній; къ чему-де эта издѣлиная дойляность въ требованіяхъ насчетъ народнаго гимна, портрета и т. п., и для чего, наконецъ, передъ дѣтьми величать Пушкина «божественнымъ», «великимъ», «народнымъ поэтомъ», когда Писаревъ уже чуть не двадцать лѣтъ тому назадъ доказалъ, какъ дважды-два — четыре, что этотъ вашъ «геній» былъ не болѣе, какъ ограниченный пошлякъ, полный самыхъ уродливыхъ предразсудковъ, придворный льстецъ и, вообще, самый легкомысленный человѣкъ, никогда не возвышавшійся и не способный даже возвыситься до пониманія народной скорби и высшихъ социально-демократическихъ интересовъ, а мы вдругъ теперь опять его въ «ведикіе» возводимъ, — къ чему все это?! Не знаменуютъ ли подобныя требованія прямо регрессивный поворотъ назадъ и не сбиваютъ ли они съ толку дѣтей, толкая ихъ куда-то, совсѣмъ въ другую сторону отъ того строго-реальнаго и протестующаго направления, которое «мы» всѣчески стараемся

привить къ нимъ въ видахъ будущаго, въ интересахъ «общаго дѣла?» — Всѣ эти свои сомнѣнія и недолюбливанія онъ совершенно откровенно и въ самой дружеской формѣ высказалъ за стаканомъ вина старому другу, тѣмъ болѣе, что пріятель этотъ еще такъ недавно, въ Петербургѣ, за обѣдомъ у Палкина, самъ высказывался ему въ совершенно солидарномъ съ нимъ смыслѣ, и вдругъ сегодня такая странная съ его стороны эволюція!

Охрименко молча и терпѣливо выслушивалъ всю эту рѣчь и только глядѣлъ неотвѣднымъ взглядомъ въ лицо Агрономскому, тихо улыбаясь про-себя все время съ чисто-холодной, якобы простодушной, хитрею, — дескать, мели, мели мельница, пока все не вымелешь!

— Э-эх! простыня ты моя прямолинейная! — съ дружеской ироніей укоризненно покивалъ онъ на благопріятеля головою, когда тотъ наконецъ высказался. — Ничему-то жизнь васъ не научаетъ въ вашихъ медвѣжьихъ углахъ, какъ я погляжу!.. Какимъ сорвался со школьной скамьи, такимъ и остался, все въ тѣхъ же шорахъ ходишь; а жизнь-то, тѣмъ часомъ, она вѣдь куда ушла!.. Вѣдь съ нею, друже ты мой, хочешь не хочешь, а приходится считаться!..

— А развѣ же мы не считаемся? — задорно вступился за себя и «своихъ» Агрономскій. — Побывалъ бы ты хоть на одномъ земскомъ собраніи, такъ и увидѣлъ бы!

— Вы? — полупрезрительно, но благодушно ухмыльнулся Охрименко. — Ну, дѣ тамъ у чортова батька считается? Оппозиціонныя словопроверженія противъ губернатора загибаютъ, и только! Такъ развѣ же это «считаться» называется? — Все тѣ же либеральныя шоры!.. Э, братику мій рідный, колыхь-то бувъ и я такимъ-то, тоже въ шорахъ ходилъ, и доки-хотѣла за «общее дѣло», кричалъ не хуже любого голоцуцаго студента, и даже злѣпая былъ за это самое, якъ тій карасикъ у борщу, — ну, и отсидѣвъ свое у кутузці, и на допросы менѣ тагали, и усѣ такъ — бодай имъ сто чортявъ ихъ батькови!.. И вотъ тутъ-то, во время этого сидѣнья «во юзехъ», сталъ я самъ съ собою думу думать, тай додумавсь, что всѣ эти наши «хожденія въ народъ», прокламаціи, демонстраціи, динамиты, — все это не та кабака! — Одна брехня собака, або дівочья забавка, — от-такъ собі, махаймося картонными мечами «по воздуху», а въ точку-то самую, въ настоящую, значить, все это а-ни малюсенько не бьетъ!.. Для «общаго дѣла», выходить, по нынѣшнимъ временамъ, совсѣмъ не это нужно.

— Какъ не это? — вспыхнулъ рисуясь напускнымъ революціоннымъ жаромъ, Агрономскій. — Какъ, чортъ возьми, не это?! На какой же чортъ тогда все, чему мы учились,

во что мы вѣрили, къ чему стремились еще со школьной скамьи?.. Идеалы, значить, всѣ по боку?.. Всѣ наши авторитеты, Сан-Симоны Луи-Бланы, Фурье, Лассалы, Марксы, Бакунины, всѣ эти святые имена и ихъ завиты, и наши традиціи, и цѣлый мартирологъ нашихъ мучениковъ. — все это къ чорту?

— Чувайте, братику, все это съ вашей стороны, — выбачайте, — одна пустая фразеологія и метафизика, сирѣчь брехня; да къ тому же, я вовсе этого и не говорю, — спокойно возразилъ Охрименко. — Зачѣмъ же непременно по боку и къ чорту? — Я говорю только, что всѣ мы шли до сихъ поръ невѣрнымъ путемъ, что всѣ эти наши приемы уже устарѣли, выдохлись и больше не дѣйствуютъ. И въ самомъ дѣлѣ, развѣ же всѣ эти «Народныя Воли», «Хитрыя Механики», «Сказки про чetyрехъ братьевъ» не глупость? Ей-же Богу, одна белиберда и только!.. Тутъ нужно совсѣмъ другое!..

— Такъ что же по-вашему нужно? — съ ироническимъ недоверіемъ спросилъ Агрономскій.

— «По-нашему?...» хм! По-нашему, нужна новая эволюція, какъ самъ ты ее сейчасъ называлъ, — отъ цю!

— То-есть, что это значитъ «новая эволюція?»

— А то, что чѣмъ «ходить въ народъ», надо «идти въ правительство», — серьезно и вѣско отчеканилъ ему Охрименко.

Ошарашенный Агрономскій даже съ мѣста привскочилъ, не понимая еще ясно, что именно хочетъ сказать этимъ пріятель?

— Да, идти въ правительство, — утѣренно подтвердилъ послѣдній. — Народъ этотъ вашъ разлюбезный баранъ на баранѣ и болванъ на болванѣ. Съ нимъ ничего пока не подѣлаешь, — въ этомъ пора убѣдиться, — и ну его къ дьяволу!.. А надо идти въ правительство, говорю, въ чинодралы, и тамъ добиваться себѣ видныхъ мѣстъ и вліятельныхъ положеній.

— Это зачѣмъ же? — вытаращилъ на него глаза Агрономскій. Наша задача — бороться съ правительствомъ, а не присоединяться къ нему.

— Я не говорю «присоединяться», я говорю только «идти», — поправилъ его Охрименко. — Идти затѣмъ, чтобы работать для народа *помимо народа*, потому что народъ глупъ еще, не доросъ до нашей идеи, и надо его *заставить* принять ее. Правительство — оно тоже работаетъ для народа, но разница въ томъ, что оно думаетъ одно, а мы другое... Стремленія-то наши, пожалуй, одни, да цѣли разные.

— Да, но какимъ же образомъ думаете вы достигать «нашихъ» цѣлей, работая за-одно съ нашими злѣйшими врагами?

— О шоры, шоры! вѣчныя шоры!—воздѣль руки къ небу Охрименко.—Да пойми же ты, наконецъ, что если нужно для пользы «общаго дѣла» надѣть эту лаврею и даже подобный брелокъ привѣсить, — указаль онъ на свой вѣнь-мундиръ и на Анненскій крестикъ, — такъ надѣвай смѣло и то, и другое, и илюй на всѣхъ,—трясая ихъ матери!.. Коли надо для тѣхъ же цѣлей «Боже Царя храни» ить, —пой, пой громче другихъ и ори «восторженное ура» во всю глотку, ходи на всѣ высокаторжественныя молебны, на еимоны, на всеоконныя, бей земныя поклоны, если это надо,—выбавай лбомъ себѣ карьеру... Однимъ словомъ, поминишь, какъ у Тредьяковского: «Держись черни, а знай штуку». Вотъ въ этомъ-то и вся сила, чтобы «штуку» знать! Опредѣлять тебя на мѣсто,—все равно куда: въ полицію, положимъ, — будь Держимордой, но знай кому, когда и какъ дать зуботычину: въ цензуру — преслѣдуй «вольный духъ» во всѣхъ поварскихъ книжкахъ, но знай, что пропустить «своимъ» между строками, а что прихлопнуть, особенно у этихъ, у «консервативныхъ обличителей»; въ синодальную контору посадить, — будь паче Аскоченскаго и аввы Фотія, а по нашему вѣдомству—самаго Магницкаго превзойди, лишь бы только въ тебя повѣрили,—понимаешь?—лишь бы повѣрили и успокоились, закрыли на тебя очеса свои,—я тогда ты побѣдилъ, ты сила!

Теперь уже Агрономскій, въ свою очередь, молча слушалъ вѣщанія пріятеля, но не съ хитрецкою ухмылочкой, какъ тотъ, а съ полнымъ и серьезнымъ вниманіемъ, точно бы какое откровеніе.

— Ты, конечно, поминишь Конрада Валенрода?—спросилъ его Охрименко.

— О, еще бы!—съ чувствомъ горделиваго самолюбія востропнулъ Алоизій Марковичъ.—Моя мать, вѣдь, подька была.

— Ну, такъ вотъ тебѣ, друже, нашъ путь. Старайся всячески, хоть ужомъ проползай въ лагерь враговъ, облакайся въ ихъ шкуру, яждь и пей, и подпывай съ ними, усыли ихъ подозрительность, и незамѣтно, какъ Конрадъ, заражай всѣхъ и вся вокругъ себя своею чумою. Это, братъ, рецептъ вѣрный!.. И подумай-ка самъ, еслибы по всѣмъ-то вѣдомствамъ да сидѣло бы на верхахъ и подъ верхами хоть пятьдесятъ процентовъ «нашихъ», «своихъ»,—го-го, шо бъ воно було!.. Да мы бы, братъ, въ какой-нибудь одинъ, другой десятокъ лѣтъ тишкомъ-молчкомъ такъ обработали бы исподволь и незамѣтно нашу матушку Федору великую, довели бы ее до такого положенія, что ей, какъ тѣй поповій кобылицѣ, а-ни тирру, ни ну!.. Сама бы пошла на капитуляцію передъ нами, и тогда мы — господа положенія. Канцелярія!.. хм!.. Вотъ тоже дурни Бога нашего ругаютъ тамъ въ газетахъ

своихъ, да въ журналахъ канцелярію,—канцеляризмъ, вишь, заѣдаетъ насъ и проч. Нѣ-ѣтъ, голубе мій сизый, канцеляризмъ — великое дѣло, съ нашей точки зрѣнія, онъ намъ за лучшаго союзника, я съ нимъ мы куда скорѣе придемъ къ искомому результату!.. Похерить канцеляризмъ, живую власть поставить на мѣсто его,—да это Боже избави! Это погибель наша!.. И это публицистическое болванье такой простой штуки не понимаетъ!.. Дурни! братику, мы были со всѣми этими кождедьями въ народъ и конспиративными квартирами! Пропастъ «своихъ» только ни за пол-шелега погубили, пользы — а-ни на щепотъ кабака!.. Нѣ-ѣтъ, шалишь, братъ, больше никто меня на эту штуку не поддѣнетъ. Служить надо, канцелярію забирать въ свои руки, отъ шо!—а не донкихотствовать!.. И тогда подымись-ка что въ Россіи заправское,—одолейте вы, положимъ,—анъ мы тутъ какъ тутъ, мы готовы!—къ вашимъ услугамъ! При первомъ же серьезномъ успѣхѣ движенія,—конечно, мы ваши и съ вами, и всю государственную машину сохранимъ для васъ въ непрерывномъ дѣйствіи, и преподнесемъ ее вамъ, лѣтъ крашанку на Великѣ-день! — Ось вона вамъ, наша мать-канцелярія сиропитательница!

Агрономскій еще съ «лаврею» и «брелока» поймалъ уже хвостъ и уразумѣлъ суть его идеи, но не мѣшалъ ему высказываться до конца, потому что ему доставляло высокое, въ своемъ родѣ, наслажденіе слѣдить въ убѣжденной рѣчи друга за развитіемъ столь «симпатичной» ему темы и смаковать всю прелесть этой «умной и новой эволюціи». Какъ практикъ самъ, онъ не прочь былъ отдать дань достоюлжнаго уваженія своему практическому другу, раскрывшему вдругъ передъ нимъ такіе широкіе, новые горизонты, такая смѣлая теченія для «общаго дѣла», о существованіи которыхъ онъ и не подозрѣвалъ, сидя въ своемъ медвѣжьемъ углу и пережевывая жвачку писаревщины и чернышевщины 60-хъ годовъ. Чувствовалъ онъ только, что все это тѣмъ болѣе ему симпатично, что и самъ онъ, въ сущности, дѣлаетъ подобное же практическое дѣло, только попроще, въ болѣе суженной рамкѣ мѣстнаго земства и не задаваясь столь дальновидными цѣлями, а просто играя, съ одной стороны, въ свою пользу, въ либеральную оппозицію на земскихъ собраніяхъ и «способствуя просвѣщенію» въ извѣстномъ духѣ «дѣтей народа», а съ другой—преспокойно спавая въ то же время въ своихъ кабакахъ «отцовъ» этихъ самыхъ «дѣтей». Но то, чѣмъ является теперь передъ нимъ Охрименко съ его идеями и практическимъ ихъ примѣненіемъ, — это, очевидно, продуктъ новѣйшаго времени и новыхъ вѣяній, отъ которыхъ они, старые идеалисты нигилизма 60-хъ годовъ, куда какъ

отстали! «Да, все это превосходно, все это дивно хорошо», думалось ему, «если... если только пріятель не вретъ передъ старымъ товарищемъ, драмируя свою чиновничью фізію во львиную шкуру». Но идея—о! самая идея—это другое дѣло. Идея вправилась ему безконечно, независимо отъ того, правду ли говоритъ Охрименко, или вретъ, думая, можетъ быть, оправдать этимъ свое чинодральство.

— Однако... это вы гово... ловко!—проговорилъ онъ, чуть не захлебываясь отъ восторга, при представленіи себѣ этой идеи, и блаженно закатывая свои водянисто-идеальные глазки, на которыхъ даже слезы умиленія проступили.

— Ловко, братику, ловко, что и говорить!.. Узнали наконецъ, гдѣ раки зимуютъ и въ чемъ суть настоящая!—самодовольно похвалился, охорашиваясь передъ нимъ, Охрименко.—Ну, да и пора же наконецъ за умъ-то взяться... Такъ отъ воню що, голубонько мой!—подсѣвъ къ пріятелю, нитимно хлопнулъ онъ его по кофѣну,—уразумѣвъ, небѣже?.. Ну, то почаломъ-каемся; братику... Спасибѣ за хлѣбъ, за сѣль, та за паньску ласку!

И вставъ изъ-за стола, они, съ распростертыми объятіями, попеременно подставляли дважды другъ другу свои щеки для взаимнаго облизыванія и горячо пожали другъ другу руку.

— Теперь ты доволенъ мною?—вопросилъ Охрименко, похлопывая его, въ сознаніи своего превосходства, по плечу, съ оттянкомъ какъ-бы нѣкотораго покровительства даже, а у самаго на лицѣ такъ и просвѣчивало выраженіе: «дураки, молъ, вы, старые шестидесятники, куда вамъ до нашего брата»!—Пускай теперь пишутъ на меня какіе угодно доносы,—не поддѣнуйтъ!—продолжалъ онъ.—Иголки подъ себя подточить не дамъ: вынѣ, молъ, мы и сами «Боже-Царя храни» не хуже г-на Каткова воспѣваемъ... Хе-хе!.. Такъ-то оно гораздо умнѣе и спокойнѣе.

— Но что жъ ты думаешь дѣлать, однако, съ нашею-то школою, со здѣшнею?—озабоченно спросилъ Агрономскій.

— Да что жъ, батюку этого надо будетъ сплавить, какъ окончательно неспособнаго,—напишу въ губернію къ директору училищъ,—нехай, его тамъ сносятся съ консисторіей... Просить надо просто убрать эту археологическую ветхость, куда имъ угодно. Пускай значать хоть причетника, что ли, только изъ молодыхъ бы.

— Ну, а ее?—осторожно и съ напускнымъ видомъ равнодушія напомнилъ Алоизій Марковичъ про Тамару.

— А ее можно просто вонъ, и только.

Агрономскій какъ-то замаялся.

— Мм... оно, конечно... я, пожалуй, и не прочь бы, но... не удобно это, по нѣкоторымъ

соображеніямъ... Лучше бы просто удалить ее изъ Горѣлова.

— Ну, что жъ, удалить, такъ удалить,—охотно согласился Охрименко.—На первый случай можно, пожалуй, перевести куда-нибудь... Но здѣсь, и въ самомъ дѣлѣ, держать ее невозможно,—заговорилъ онъ солидно убѣждающимъ тономъ;—село большое, бойкое, на трактѣ, здѣсь нуженъ человѣкъ развитой и ловкій, чтобъ умѣлъ весь товаръ лицомъ показать и очки втереть, кому слѣдуетъ, а подъ сурдинку и дѣло дѣлать въ-настоящую,—у тебя вѣдь есть же, вѣроятно, такіе хлопці?

— О, какъ не бытъ! Найдутся!.. Да вотъ бы кого, напрямѣръ!

И Агрономскій назвалъ своего кашлатого любимца, умолчавъ, впрочемъ, о томъ, что этотъ любимецъ былъ его негласнымъ соучастникомъ по составленію извѣстной корреспонденціи объ учительскомъ съѣздѣ.

— Это тотъ, что ли, у котораго мы вчера утроемъ были,—въ красной косовороткѣ, такой мрачный съ виду, лохматый, нечесаный?—спросилъ припоминая инспекторъ.

— Онъ самый, а что?

— Да ничего... дубовать только и черезчуръ уже демонстративно типиченъ,—кисло-ватого поморщился Охрименко.—Пособмъ бы его слѣдовало и подстричь, да и костюмъ-то поприличнѣе посоветовать бы. А то вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нельзя же такъ рѣзко бить въ глаза постороннимъ такую наружность!.. Полегче все это надо, господа, помягче, поприличнѣе,—не тѣ времена уже!

«Ой, братъ, чинодралъ ты, кажись, и только»!—подумать про себя Агрономскій, впадалъ въ новое сомнѣніе насчетъ стараго друга, при этомъ новомъ, поставленномъ имъ требованіи, которое разрушало ужъ и самую внѣшнюю форму нигилизма, такъ сказать, самый мундиръ его. Но онъ это только подумалъ себѣ въ душѣ, а на словахъ не высказалъ — на словахъ онъ предпочелъ уступить эту внѣшнюю сторону, лишь бы сохранилъ внутреннюю суть, «ради пользы дѣла».

— Что жъ, это все можно, и пособіе ему на костюмъ исходатайствуемъ,—а ужъ зато человѣкъ самый подходящий, и вполне «наищъ», совсѣмъ надежный, — удостовѣрилъ Алоизій Марковичъ.

— Ну, то и дѣло,—согласился Охрименко.—Значить, такъ и запишемъ.

— А ее-то?—повторилъ Агрономскій свой вопросъ насчетъ Тамары.—У насъ вотъ остается вакантною Пропойская школа,—туда бы развѣ?

— Это ссылочная-то, что бабѣгонскою сибирью зовется?—ухмыльнулся инспекторъ.—Что жъ, можно и въ Пропойскую, если хочешь.

— Да я-то, собственно, ничего,—опять замаялся Агрономскій.—Одно только, говоря по правдѣ, меня смущаетъ...

И онъ выразилъ свои сомнѣнія насчетъ Миропольцевой, — какъ бы она опять не вступилась «за эту дрянь», — ослитъ на него, пожалуй, и тогда уже къ ней не приступить, а ему соориться съ нею не съ руки, неудобно...

— От-то бисова баба!.. И чо́го се вы въ ній нынѣ якъ цыгане съ писаною торбой!.. А по мнѣ, злишь она на меня, кильке влізе, — чхать я хотівъ!.. Мнѣ-то что!.. Я вѣдь не земскій человѣкъ, а коронный, у меня свое начальство, и мнѣ плевать!

— Да, тебѣ-то хорошо толковать, а мнѣ... ай-ай! — почесалъ у себя за ухомъ Агрономскій.

— Ну, такъ что же? Обидится, — вали все на меня, да и кончено! — предложилъ Охрименко. — Не я, молъ, а инспекторъ!.. А со мною разговоры коротки: я въ отвѣтъ, ежели что отъ высшаго начальства, сейчасъ «Боже, Царя храни» запою, и баста! — Не подходяща, молъ, ни по умственному, ни по нравственному развитію, ни по методу своего преподаванія, и не внушаетъ, къ тому же, особаго довѣрія по степени своей политической благонадежности, какъ прирожденная еврейка, — ось тобі и сказъ на показъ, мій друже!

* * *

Послѣдствія этого интимнаго разговора были для Горѣловской школы «самыя благотворныя». Въ непродолжительномъ времени первымъ номеромъ вылетѣлъ изъ нея сторожъ Ефимычъ, приговоренный мировымъ судьею за оскорбленіе волостного старшины, при исполненіи служебныхъ обязанностей, къ тюремному заключенію на мѣсяць. На мѣсто же Ефимыча былъ привезенъ Агрономскимъ изъ Бабьегонска какой-то выгнанный семинаристъ изъ «поднадзорныхъ», котораго онъ выпросилъ у исправника перевести, въ видѣ исключенія, къ нимъ въ станъ, изъ жалости и человѣколюбія-де, ради пропитанія, такъ какъ въ Бабьегонскѣ харчевыхъ денегъ отъ казны ему-де рѣшительно не хватаетъ, а тутъ онъ будетъ, по крайней мѣрѣ, сытъ и при должности, приче́мъ и жалованье особое ему отъ сельскаго общества положить, а надзирать за нѣмъ, кромѣ станового, можно бы поручить еще и мѣстному уряднику, если въ томъ окажется надобность. И дѣйствительно, благодаря Агрономскому, выставившему на сельскій сходъ два ведра водки, Сазонъ Флегонтовъ убѣдилъ «мужичковъ помѣтныхъ» положить новому сторожу жалованье отъ міра, по четыре рубля въ мѣсяць, да два пуда муки, да мѣру картошки, на мѣсяць же, а крупы — сколько кто самъ отсыплеть, по желанію, потому-де этотъ сторожъ не какой нибудь, а ученый и будетъ въ помощь учителю.

Вторымъ номеромъ вылетѣла изъ школы Тамара, получившая отъ инспектора бумагу о состоявшемся переводѣ ея въ селеніе Пропойскъ, отправиться куда предписывалось ей

«съ полученія сего — немедленно». Она еще не успѣла выѣхать изъ Горѣлова, какъ на ея мѣсто явился уже приняты отъ нея по инвентарю все школьное имущество кашлатый другъ Алонзій Марковича, удостоенный предъ сямъ, по его ходатайству, награды изъ земскихъ сумъ, въ семьдесятъ рублей, «на экипировку». Остался еще пока отецъ Макарій, но и его дни, въ качествѣ законоучителя, были уже сочтены: по достовѣрнымъ свидѣніямъ, вмѣсто прежняго пожилого дьячка, долженъ былъ въ непродолжительномъ времени быть присланъ въ Горѣловскій приходъ молодой причетникъ, изъ «современныхъ», который и будетъ-де законоучительствовать въ школѣ. Поговаривали еще, что есть слухи, будто и отецъ Никандръ скоро будетъ переведенъ на другой приходъ, такъ какъ здѣсь онъ не угоденъ Агрономскому, который будто-бы и оплавить его подальше, при содѣйствіи инспектора, имѣющаго-де руку въ консисторіи.

Такимъ образомъ, въ самое короткое время, радикально былъ «освѣженъ» весь личный составъ Горѣловской земской школы, что, по увѣренію Агрономскаго, непременно должно повести къ ея «нравственному оздоровленію» и преуспѣванію въ будущемъ.

XXI.

Среди деброй „Пропойскаго края“.

Все село Горѣлово въ тотъ же день обѣжала нежданная новость: нашу-де учительницу въ Пропойскъ переводятъ. Новость эта очень не понравилась семейнымъ мужикамъ изъ степенныхъ, а въ особенности крестьянскимъ маткамъ, которыя за время болѣе двухлѣтняго пребыванія Тамары въ Горѣловѣ успѣли оценить свою учительницу, вида, что дѣти ихъ и къ божественному принимаютъ, и въ грамотѣ преуспѣваютъ, дома читаютъ батькамъ съ матками душеспасительныя грамотки, по праздникамъ въ церкви поютъ и читаютъ, срамныхъ словъ и ругательствъ не употребляютъ въ играхъ и разговорахъ между собою, озорства куда меньше стало между ними, и драки почти совсѣмъ прекратились, а главное то, что противъ прежняго времени, за эти два года вдвое больше учениковъ окончило курсъ сельской школы съ правомъ на льготу по четвертому разряду. Это крестьянскія матки цѣнили въ особенности. Да и кромѣ того, учительницу свою облюбовали онѣ еще и за многое другое: полечить ли кого домашними средствами, письмомъ ли отписать той къ сыну въ полкъ, этой къ мужу «въ отходъ» въ Москву, либо въ Питеръ, посоветоваться ли насчетъ своихъ ребятъ, или по другому какому дѣлу, а то просто себѣ покалякать о томъ, о семъ въ досужую минуту, — за всѣмъ этимъ онѣ, бывало, идутъ къ

своей учительницѣ, зная, что встрѣтить въ ней всегда радужную готовность помочь чѣмъ можно, и словомъ, и дѣломъ. И вотъ теперь ее отъ нихъ убираютъ. Зачѣмъ? съ какой стати? чѣмъ она дурна? чѣмъ не угодила?

Десятка три-четыре крестьянскихъ матокъ собрались передъ крыльцомъ школы, видимо озадаченныя и озабоченныя этими вопросами. Здѣсь онѣ узнали отъ Тамары, что переводъ ея состоялся не по своей охотѣ, а по волѣ начальства, и потому ничего не подѣлаешь, надо ѣхать.

— Да нѣшто нельзя отмѣну сдѣлать?—совѣтовались промежъ себя матки.—Какъ можно, чтобы нельзя! Захотятъ—сдѣлаютъ!.. Просить надо!

И онѣ отправились гурьбой въ усадьбу къ Агрономскому съ просьбой—нельзя ли ему какъ устроить, чтобы не переводить учительницу въ Пропойскъ, такъ какъ онѣ, да и мужики ихъ, и дѣти очень ею довольны и не желаютъ разставаться съ нею.

Алоизій Марковичъ принялъ бабъ очень сочувственно и самъ даже соболѣзновалъ съ ними о случившемся,—прекрасная, молъ, учительница, и ему тоже-де жаль разставаться съ нею, но что же дѣлать?—онъ тутъ ни при чемъ,—видать Богъ, ни при чемъ, и напрасно бабы такъ думаютъ, будто онъ что-нибудь можетъ,—онъ ровно ничего не можетъ; можетъ увѣрить ихъ только въ томъ, что переводятъ учительницу не по его винѣ,—онъ и самъ-де просилъ уже за нее, хлопоталъ и писалъ, да ничего не добился, потому такова воля начальства. Зависъ это дѣло отъ земства, ну, тогда иная статья: земство — учрежденіе свое, народное, оно сейчасъ уважило бы мірскую просьбу, потому міръ — святое дѣло; но вѣдь тутъ не земство, тутъ, сами видите, начальство, а противъ начальства, извѣстно, ничего не подѣлаешь: на то оно и начальство, чтобы всѣмъ на зло да въ досаду дѣлать, безъ всякой надобности. Ну, да ничего! Новый-де учитель будетъ не хуже, а гляди,—много получше еще, такъ что дѣтки отъ этой перемѣны только выиграютъ.

И бабы-«ходательницы» ушли отъ Агрономскаго ни съ чѣмъ, такъ какъ онъ, хотя и съ сожалѣніемъ, но рѣшительно отказался доложить ихъ усердное ходатайство «начальству». Нечего, значить, дѣлать, придется разстаться съ учительницей.

И вотъ, въ часъ ея отъѣзда, опять собралась передъ школой толпа матокъ и ребятишекъ, да нѣсколько мужиковъ—проститься съ учительницей. Почти каждая изъ этихъ женщинъ явилась съ какимъ-нибудь узелкомъ, — «разстанное, молъ, на дорожку»: одна яицъ принесла, другая — хлѣба коровай, третья — оладушекъ съ медомъ да крупки мѣшечекъ, та—курцу жареную, эта—масла или творогу

въ чистой тряпичѣ и т. д. Всѣмъ имъ хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь выразить учительницѣ свою признательность и сожалѣніе объ ея отъѣздѣ. Это ихъ участие, во всей его искренности и простотѣ, тронуло Тамару до слезъ и послужило ей большимъ утѣшеніемъ въ постигшихъ ее неприятностяхъ. Оно напомнило ей дни войны и тѣхъ солдатъ въ госпиталѣхъ, что такъ просто и глубоко-искренно выражали ей свою благодарность за уходъ за ними, какъ и эти вотъ бабы. Она вспомнила, что въ тѣхъ госпиталѣхъ, въ лицѣ солдата, впервые познакомилась съ настоящимъ русскимъ народомъ, узнала и оцѣнила его душевную сторону и всѣмъ сердцемъ полюбила его такъ, что сама себя почувствовала вмѣстѣ съ нимъ русскою. И вотъ, тѣ же высокія въ своей простотѣ душевныя качества этого народа опять возстаютъ передъ нею въ эту горькую для нея минуточку, — онъ все тотъ же сердечно добрый, великодушный и серьезный народъ, умѣющий по-своему цѣнить и помнить всякое сдѣланное ему добро. И какими чуднымъ и чудовищнымъ наростомъ на немъ показались ей теперь всѣ эти Агрономскіе, Охрименки, де-Казатисы, Грюнберги, Семіоновы, — вся эта земско-чиновничья «теличенщина», со всѣмъ ея напускнымъ «печальничествомъ» о народѣ, со всѣмъ ея трескучимъ фразерствомъ и темными дѣлишками на счетъ и за счетъ того же самого народа.

Искренно всплакнула на прощанье съ нею и «матушка» Анна Макарьевна, — да и какъ же, въ самомъ дѣлѣ, иначе? Вѣдь, подумать только, больше двухъ лѣтъ прожили почти вмѣстѣ. Изо-дня-въ-день видалась другъ съ дружкой, и ни разу-то между ними никакой ссоры, никакого неудовольствія, даже простого недоразумѣнія не вышло, и такъ уже всѣ привыкли къ ней, совсѣмъ какъ за свою считали, и вдругъ разставаться приходится.

Отецъ Макарій тоже былъ тронутъ и негодуше взволнованъ даже, хорошо понимая, жертвой чего и кого является ѣдкая дѣвушка, и ясно сознавая все свое безсиліе измѣнить заведшіеся у нихъ порядки и помочь не только ей, но и этимъ покидаемымъ ею дѣтямъ и всей этой бывшей своей пастырѣ, отъ которой нагло оттираютъ ея пастырей какіе-то пришлецы новѣйшей формации,—эти, поистинѣ, волки въ овечьей шкурѣ, хитростно загоняющіе ее съ нивы Христовой въ поле, полное волчьихъ терній.

Старикъ, какъ нѣкогда мать Серафима въ Украинскѣ, благословилъ Тамару на прощанье образкомъ и взялъ съ нея слово писать его семьѣ о себѣ и обо всемъ своемъ новомъ обиходѣ, а въ особенности, если—не дай Богъ—случится съ нею что недоброе, болѣзнь или нужда, или неприятность какая, потому что, какъ бы какъ, а все же они ей замѣсто родныхъ и, по силѣ возможности, помочь чѣмъ ни есть постараются.

Отец Никандръ запрягъ свою пару въ рессорную тележку и самъ отвезъ Тамару съ ея двумя чемоданчиками въ новое мѣсто ея служенія, самъ сдалъ ее на руки пропойскому старостѣ и, выѣхавъ съ послѣднимъ, самъ подыскалъ и сторговалъ для нея за два рубля въ мѣсяцъ свѣтелку въ избушкѣ у старой бо-былки-солдатки, которая за тѣ же деньги взялась и варить ей пищу и бѣлье стирать.

— Ну, дай вамъ Богъ всего хорошаго!.. Смотрите же, пишите, ежели что, сейчасъ пишете!—наказывалъ онъ ей на прощанье.

* * *

Селеніе Пропойскъ вполнѣ оправдывало свое названіе, хотя таковое было дано ему вовсе не за пристрастіе современныхъ его обывателей къ кабаку, а еще изстари, по той причинѣ, что здѣсь, на логостѣ, какъ гласило мѣстное преданіе, когда-то встарь, отцы сватамъ невѣсть пропивали, — оттого-де и мѣсто Пропойскимъ стало зваться. Селеніе бѣдное, въ глуши, въ сторонѣ отъ почтовыхъ и большихъ проѣзжихъ дорогъ, заброшенное среди лѣсной и болотистой мѣстности, — оно не даромъ, какъ и весь этотъ участокъ Бабьёгонскаго уѣзда, слыло подъ именемъ «медвѣжьяго угла» или «Бабьёгонской Сибири». Тула и становой-то рѣдко заглядывалъ, развѣ только если мертвое тѣло объявится, или когда начальство понудитъ недомыки выколачивать.

Задалось-было земство цѣлью «оживить» этотъ уголокъ и поднять производительность «Пропойскаго края». Въ прежніе годы, еще съ незапамятныхъ временъ, почти всѣ жители этого участка занимались смолокуреніемъ; гнали смолу просто въ ямахъ, первобытнымъ способомъ: лѣсу было много, а присмотру за нимъ никакого, — мужикъ гдѣ хотѣлъ, тамъ и рылъ свою яму, копалъ сосновые пни, рубилъ даже стоячій лѣсъ, много истреблялъ его безъ толку, и все никакъ истребить не могъ, но заработокъ, во всякомъ случаѣ, былъ вѣрный. Это послѣднее обстоятельство и навело земскихъ «дѣятелей» на мысль, что надо все дѣло взять въ свои руки, «урегулировать».

Было это какъ-разъ въ періодъ всероссійскихъ увлеченій «культурно-артельнымъ началомъ», и потому земцы усиленно стали вводить смолокурныя артели «на современно-европейскихъ принципахъ этого дѣла», по Шульце-Деличу. Правда, крестьянъ съ большимъ трудомъ приходилось улаживать на устройство такихъ «раціональныхъ» шульце-деличевскихъ артелей, но что-жъ имъ оставалось дѣлать, если иначе ихъ промыселъ подвергался бы большому стѣсненію отъ непомирнаго обложенія маленькихъ хозяйскихъ заводовъ со стороны земства.

Сейчасъ же «дѣятели и сѣятели» завели въ пропойскихъ дебряхъ на широкую ногу заводъ, который назвали «образцовымъ земскимъ

заводомъ для разработкы древесныхъ продуктовъ» и который, по ихъ предположенію, долженъ былъ служить «разсадникомъ раціональныхъ усовершенствованій въ крестьянскомъ смолокурении на научномъ основаніи» и вырабатывать не только смолу и скипидаръ, но и парафинъ, и машинныя легкія и тяжелыя масла, и колесныя мази, и древесный спиртъ, и пустить въ ходъ въ народѣ производство вкусныхъ солей, — и все это, конечно, съ благою цѣлью «улучшить матеріальное благосостояніе крестьянъ и возвысить ихъ умственный и нравственный уровень». Ради всего этого «оживленія» и «поднятія», сейчасъ же отчислили въ «безвозвратные расходы» здоровый кушъ земскихъ денегъ — на содержаніе и развѣзды «по артельнымъ дѣламъ» члену управы Ратафьеву, какъ завѣдующему «артельнымъ отдѣломъ» по части «изобрѣтенія и принятія мѣръ къ улучшенію и развитію мѣстныхъ промысловъ на артельномъ началѣ»; поназначили жалованье и выписнымъ техникамъ, и особымъ участковымъ «артельнымъ наблюдателямъ», на должности которыхъ понапили разныхъ студентовъ-технологовъ, некончалыхъ студентовъ-медиковъ, жидковъ и семинаристовъ, изъ поднадзорныхъ и «подозрительныхъ» (объ этомъ уже особо Алонзій Марковичъ постарался), а остальная сумма разошлась по карманамъ «милаго Пьерѣ» Семіонова и Ермолая Касьянова Передернина, не упустившихъ пріятнаго случая взять на себя подрядецъ на постройку завода «хозяйственнымъ способомъ».

Затѣмъ, въ видахъ того же оживленія и поднятія нравственного и экономическаго уровня, задумали «дѣятели и сѣятели» заводить на пропойскихъ болотахъ артельное сыровареніе, — надо же вѣдь и ихъ «утилизовать», — для чего, первымъ деломъ, командировали за границу, на земскій счетъ, невѣсть откуда вдругъ объявившихся родственниковъ — «специалистовъ» — «изучать вопросъ», то-есть, «раціонально-научные приемы сыроваренія» — голландскую систему, швейцарскую систему, грюйерскій способъ и эментальскій способъ, голландское маслодѣланіе, шведскую систему отстигиванья, варку американскихъ сыровъ въ Англіи и т. д., и поручили всѣмъ этимъ «специалистамъ» непременно найти и выписать въ бабьёгонскія дебри, на земскій же счетъ и на хорошее жалованье, швейцарскую семью, голландскую семью, голландскую мастерицу и шведскую дѣвицу, — послали даже въ Америку «познакомиться чѣмъ можно» и отъ американцевъ одного молодого человѣка, котораго «интересъ дѣла» притянулъ для этого даже изъ Сибири. Выѣхавъ съ тѣмъ завели, разумѣется, при «образцовой сыроварнѣ» и особую «экспериментальную школу», куда «привлекали» преимущественно дѣвицы духовнаго званія, въ

качества будущих «ученых маслобойниц и сыроварниц», между которыми не обошлось, однако, и без Файги Розенблюм, интеллигентной дочери бабёгонского часовых дѣла мастера и закладчика.

Дѣло сначала пошло-было бойко, что и подало Агрономскому, принимавшему въ устройствѣ артелей самое живое участіе, удобный поводъ завести въ «Пропойскомъ краѣ» вѣскольно липшихъ кабаковъ. Но кончились всѣ эти артельно-смолокурныя и сыроварныя затѣи тѣмъ, что крестьяне изъ-за копеечной выгоды лишали своихъ ребятшекъ послѣдней кринки молока, а тутъ, кетати, и коровы ихъ подошли отъ сибирской язвы, противъ которой земство много и хорошо говорило въ экстренномъ собраніи, но мѣръ никакихъ не принимало, кромѣ поздней отправки на мѣсто земскаго ветеринара; «для изслѣдованія причинъ эпизоотіи». Затѣмъ явилось и еще одно «непредвидѣнное» обстоятельство: вѣскольно извѣстныхъ кулаковъ-скупщиковъ смолокурныхъ продуктовъ устроили между собою стачку и сначала значительно понизили на нихъ цѣны, а затѣмъ и вовсе перестали брать ихъ съ земскаго завода и его «филиальныхъ» артелей. Изъ чистой выручки рабочимъ ничего не выдавалось, да и сколько именно прибылей получалось, артельные надзиратели никогда имъ не объявляли, — дѣло велось «на довѣріи» и отлично расписывалось только въ земскихъ «отчетахъ», — и потому рабочіе-смолокурны и маслобон поразбѣгались изъ артелей, ученыя поповны пошли на разные «курсы», Файга Розенблюмъ въ желобовскую шайку, а всѣ эти голштинскія и швейцарскія «семьи», мастерицы и дѣвчпы, не получая жалованья, — частью поразбѣрелись куда глаза глядятъ, проклиная «русски свинѣ» и свою довѣрчивость, а частью пристроились къ кое-какимъ купеческимъ саврасамъ «на содержаніе».

Неудачу всѣхъ своихъ «оживленій» и «поднятіи» земскіе дѣятеля и сѣятеля свалили въ своихъ «отчетахъ» на дороговизну казеннаго смольника, на трудность «новаго» дѣла, на полную неразвитость населенія, непривычкаго-де къ самостоятельной, свободной дѣятельности, вслѣдствіе долгой своей крѣпостной зависимости, и наконецъ — на «неблагопріятныя условія вообще». Заслушавъ все это, земское собраніе въ концѣ концовъ постановило — выразить достоинственнымъ г-мъ Ратафьеву и Агрономскому свою «живѣйшую благодарность за ихъ благотворную дѣятельность по устройству артелей», а въ деньгахъ никому отчитываться не пришлось, такъ какъ и выданы-то онѣ были на расходы «безвозвратные». Да и кромѣ того, дѣятелямъ было уже не до артелей, — ну, ихъ къ праху! Какія тутъ артели, помните, когда имъ предстояло немедленно заняться другимъ, чрезвычайно важнымъ съ

гуманно-соціальной точки зрѣнія, проектомъ объ улучшеніи быта семей конокрадовъ, семаемыхъ по общественнымъ приговорамъ въ Сибирь».

Такимъ образомъ, въ результатѣ ото всѣхъ этихъ научно-артельныхъ опытовъ, какъ ничто положительное, остались одни лишь кабаки Агрономскаго, дальнѣйшему процвѣтанію коихъ крушеніе всѣхъ этихъ образцовыхъ заводовъ и экспериментальныхъ школъ ни мало не попрепятствовало. Крестьяне же, утративъ своихъ прежнихъ скупщиковъ и получивъ себѣ въ регуляціи и обложеніи своего извѣснаго промысла значительное пренятствіе къ веденію дѣла прежнимъ порядкомъ, совсѣмъ забросили его и обвиняли больша прежняго. Только и утѣшенія осталось имъ что кабаки ихъ просвѣтители.

Тамара попала въ Пропойскъ уже послѣ окончательной ликвидаціи попытокъ оживленія, такъ что на ея долю пришлось только слышать крестьянскія жалобы и ругань по адресу всѣхъ этихъ земскихъ «оживителей». Нашла она тутъ и церковь, но церковь пустую, вѣчно запертую на замокъ, и даже съ заколоченными окнами, чтобъ меньше соблазна было для святотатцевъ, такъ какъ при ней теперь не имѣлось и сторожа. Эта несчастная церковь, древней постройки, съ шатровымъ куполомъ, послѣ вѣскольныхъ столѣтій совершаемаго въ ней богослуженія, попала канцелярскимъ порядкомъ подъ упраздненіе, постигшее ее въ извѣстный періодъ сокращенія числа приходовъ, въ видахъ особенныхъ заботъ объ улучшеніи быта сельскаго духовенства. Крестьяне пропойскіе по этому случаю были приписаны тогда къ сѣбѣднему приходу, за семь верстъ отъ своего села, куда ходить имъ было совсѣмъ неудобно. Подняла-было они по этому поводу особое мірское ходатайство — попадать, не упразднятъ ихъ древній храмъ, снаряжали ходяковъ съ прошеніемъ въ свой губернскій городъ и даже въ Питеръ; но все это было втунѣ. Ходяки ни тутъ, ни тамъ ничего не добились, потому-де упраздненіе совершенно изъ высшихъ соображеній, каковыя не ихъ ума дѣло, — и пропойскіе мужики, въ концѣ концовъ, почти совсѣмъ перестали ходить въ церковь, за дальностью. Зато необычайно процвѣлъ у нихъ на селѣ кабакъ Агрономскаго, единственно оставшійся отъ этого въ положительномъ выигрышѣ.

Школу пропойскую нашла Тамара въ ужасномъ состояніи, которое особенно сказалось впоследствии, когда настало зимнее время. Помѣшалась эта школа въ наемномъ лѣтннкѣ, то-есть въ лѣтнемъ отдѣленіи крестьянской избы, гдѣ поэтому не было никакой печи, такъ что воздухъ зимою согрѣвался тамъ лишь естественною теплотою самихъ учащихъ и вѣчно былъ спертъ и удушливъ до невозможности.

Тонкобренчатые стѣны лѣтника промерзали насквозь и стояли покрытыя внутри помѣщенія матовымъ налѣтомъ инея. На трехъ маленькихъ подслѣповатыхъ окнахъ—вѣчныя ледяныя сосульки и замѣты снѣга, набившагося въ скважины оконъ. А въ ростепель съ отсырѣлыхъ стѣнъ и съ подоконниковъ текутъ, бывало, ручьи и отовсюду каплетъ; полъ весь въ грязи и въ лужахъ; свѣту мало, тѣснота и духота страшная; въ три часа дня читать съ дѣтми уже невозможно отъ темноты, а плохая керосиновая лампочка-жестянка на стѣнѣ больше коптитъ, чѣмъ свѣтитъ. У дѣтей во время класса непрерывный кашель, чиханье и сморканье,—просто сердце надрывалось у Тамары, глядя на этихъ несчастныхъ полубольныхъ ребятишекъ въ плохой одеждѣ, въ дырчатыхъ и намокшихъ саножинкахъ. Эта жалкая школа въ позднюю осень и зимою была вѣчнымъ разсадникомъ кори, скарлатины, коклюша и чесотки, которыми дѣти заражались другъ отъ друга. Много пришлось Тamarѣ на первыхъ же порахъ хлопотать насчетъ ремонта и упрямивать пропойскихъ мужиковъ, чтобъ они сообщи улучшить какъ-нибудь школьное помѣщеніе, хоть печку желѣзную согласились бы поставить, что-ли, да рамы перемѣнить въ окнахъ.

— Э, матушка, живете и такъ!—беззаботно отвѣчала ей на всѣ ея просьбы ва сельскомъ сходѣ.—Чай, и дѣло-то ваше не больно велико. Въ книжку-то читать—это вѣдь не рожь молотить.

— Нечего ей дѣлать-то, такъ и выдумываетъ, сиди на мѣстѣ!—ворчали вслухъ другіе.

— Да вѣдь не за себя хлопоту,—возражаетъ имъ учительница.—О вашихъ же дѣтяхъ забочусь.

— Э, матушка, наши дѣтушки ко всему привыкливы, имъ и дома-то, почитай, не лучше! О нихъ не печалуйся: померзнуть, да таковы же будутъ, имъ что!..

— Болѣютъ вѣдь, безъ угару угораютъ отъ духоты одной, глаза въ-потѣмахъ портить.

— Ну, что жъ,—разсудительно возражаютъ ей.—Угаръ и въ каждой избѣ есть, безъ угару нельзя. А коли тѣсно да темно, такъ вотъ, подожди, потерпи малость, зима пройдетъ, весной свѣтло будетъ, и на дворѣ заниматься будете, на просторѣ, а теперь что жъ подѣлаешь, теперь и вездѣ темно!

— Да звѣри вы, наконецъ, или люди!? Пожалѣйте дѣтей своихъ!—въ отчаяніи зывала ко сходу Тамара.

— Поживи-ка, какъ мы, по-нашему,—озвѣрѣешь и ты, какъ жрать-то нечего... Намъ и школа-то ни къ чему!.. Нищета одна круглая... Только и осталось, что заколотить избы да дѣромъ драть отсюдова,—одно разоренье!

Такъ и не добравшись отъ нихъ Тамара никакого толку.

По первоначалу у пропойскихъ крестьянъ относительно ея сказалось такое же предубѣжденіе, какъ и въ Горѣловѣ, въ первое время. До сихъ поръ къ нимъ только «ссылали» учителей за пьянство и другія «художества», такъ что мужики привыкли уже относиться къ нимъ, какъ къ шелопаемъ, вздорщикамъ или сутягамъ, а тутъ вдругъ прислали «барышню». Неужто и эта изъ таковыхъ же? И по ея наружности, и по манерѣ держать себя, они видѣли въ ней лицо совершенно другого, чуждаго имъ міра, да къ тому же еще еврейку. Слухи о ея происхожденіи успѣли уже и сюда проникнуть какими-то судьбами. Поэтому крестьяне держали себя какъ-то поодаль отъ нея, сдержанно и недоувѣрчиво, даже дѣтей своихъ посылали въ школу весьма неохотно. — Вы-де—барышня, и къ тому же будете изъ жидовъ, Богъ васъ тамъ знаетъ, какъ и чему еще учите!» У нея поневолѣ опускались отъ этого руки, и порою просто отчаяніе брало. Начинай, значить, и здѣсь опять сначала и старайся заслуживать себѣ ихъ довѣріе, сломить ихъ предубѣжденіе противъ себя, а легко ли это, особенно, какъ взглядишься въ окружающую жизнь!..

Скука страшная, круглое одиночество, читать нечего,—кромѣ трепанныхъ учебниковъ, книгъ и газетъ никакихъ. Что дѣлается въ Божьемъ мірѣ,—ничего не знаешь, и вѣста о томъ получить не отъ кого, даже слова сказать не съ кѣмъ, кромѣ какъ со своею хозяйкой бобылкой. Во всей ближайшей округѣ нѣтъ человѣка, съ которымъ можно бы было поговорить по-человѣчески, мыслью своею подѣлиться, душу свою облегчить.

Явился къ ней какъ-то, по окончаніи утреннихъ занятій въ школѣ, мѣстный урядникъ, изъ бабьегонскихъ мѣщанъ, случившійся проездомъ въ Пропойскъ.—Здравствуйте!—говоритъ ей и пытливо оглядывается вокругъ по верхамъ, угламъ и полкамъ, точно бы осматривается, или ищетъ чего-то.

— Здравствуйте,—отвѣчаетъ она ему.—Что прикажете?

— А вотъ, собственно, зашелъ къ вамъ посмотришь, какъ это у васъ тово... чѣмъ вы занимаетесь, и прочее...

А самъ все продолжаетъ осматриваться.

— Мои занятія извѣстны, учу въ школѣ.

— Такъ-съ; иначе жъ, я должонъ подзирать за вами.

— То-есть, какъ это подзирать? зачѣмъ?—въ недоумѣніи оглядѣла его Тамара.

— А зачѣмъ, что... извѣстно, какъ насчетъ пропаганды и прокламацьевъ.

— Я этимъ не занимаюсь, — улыбнулась она.—Вы напрасно такъ думаете.

— Мало ли что!.. Хопя и не занимаетесь, а все же я могу у васъ и обыскъ сдѣлать.

— Если вамъ это нужно, — пожалуйста, я не имѣю ничего противъ.

— То-то вотъ, сами знаете, какія понѣ времена.

— Совершенно понимаю, и потому несколько не буду на васъ въ претензіи. Мои вещи всѣ на лицо, вотъ онѣ. Только, вѣдь... по закону, кажется, при этомъ свидѣтели нужны?

Урядникъ, вмѣсто отвѣта на послѣдній вопросъ, преспокойно усѣлся на лавку и, не торопясь досталъ изъ кармана пачку папиросъ и спички.

— Папироску позволите выкурить?

— Курите.

Выкурить молча одну, — зажигаетъ другую. Тамара ждетъ, что будетъ дальше, — ничего, сидитъ и куритъ.

— Послушайте, однако, — рѣшилась, наконецъ, она замѣтить. — Если вамъ нужно сдѣлать обыскъ, такъ дѣлайте; а то вѣдь, согласитесь, это... довольно стѣснительно.

Тотъ молчать и куритъ, сосредоточенно пыхтя и глядя на тлѣющую пепель папироски. Такъ прошло съ минуту. Онъ ни гу-гу, и она ни слова, только вопросительно глядитъ на него во всѣ глаза, съ возрастающимъ недоумѣніемъ.

— Послушайте, что же вамъ надо, наконецъ? Чего вы здѣсь сидите?

— Я-то?.. А для подозрительности. Вѣдь сказано вамъ, подозрять должнъ я.

— И долго это будетъ продолжаться?

— Сколькіи потребуются, — это ужъ начальство знаетъ.

— Но въ чемъ же я виновата? За что все это, объясните, пожалуйста?..

— Не можемъ знать, — про то начальство знаетъ.

— Да что жъ это, послалъ васъ кто сюда, что ли?

— Это ужъ не ваше дѣло.

Тамара, какъ пойманная въ клѣтку звѣречь, начинаетъ нервно ходить по комнатѣ, похрустывая отъ внутренней ажитации пальцами потираемыхъ рукъ.

Прошло минутокъ съ десять. Урядникъ сталъ, наконецъ, крахтѣть и поеживаться.

— Чтой-то, сиверко нонѣ какъ, — заговорилъ онъ наконецъ. — Индо нутро все прозябло... Вотъ, кабы рюмочку кто поднесъ — спасибо сказать бы.

Тамара, остановившись на секунду, поглядѣла на него съ удивленіемъ, но не сказала ничего и опять заходила по комнатѣ.

— Хозяюшка!.. а, хозяйюшка! — обратился онъ къ выглядывавшей изъ-за двери бабѣ-бобылкѣ. — Слышь-ка, нѣтъ ли у тебя рюмашки?.. ась?

— Чево-о? — отозвалась та, — каку те, сударь, рюмашку?

— Очистительной, значить, нутро вспокоить.

— Что-й ты, Христосъ съ тобой! — совѣстливо попеняла она ему: — мы дома не держимъ, да намъ и непошто. — Мы не пьющія.

— А послать бы малость... нешто нельзя?.. Сороковушечку? Ась?

— И, батюшка, гдѣ мнѣ взять!.. Я чело-вѣкъ не капитальный, мое дѣло бобылье, — гдѣ ужъ!..

— А можетъ, госпожа вотъ, — подмигнувъ онъ на Тамару, — не соблаговолитъ ли начальству на сороковку пожертвовать?.. Поднесла бы, право... не согрѣшила бы.

— Вы хотите выпить? — спросила его прямо Тамара.

— ежели милость ваша будетъ, оно точно-что.. желательно бы.

— Извольте, я вамъ дамъ, — согласилась она — но съ тѣмъ, чтобы вы сейчасъ же ушли отсюда и больше не возвращались. На такомъ условіи угодно?

— Покорѣйше благодаримъ, — любезно ухмыльнувшись урядникъ, — чувствительно-съ!.. И мы завсегды къ вамъ, ежели что такое, со всѣмъ нашимъ уваженіемъ, — будьте, значить, покойны-съ.

— Хорошо, но только скажите мнѣ откровенно, кто и зачѣмъ послалъ васъ ко мнѣ?

— Секретъ-съ, не могу выразить, — полусмущенно улыбаясь, потупилъ взоры урядникъ.

— Однако?.. Я никому не скажу, но мнѣ бы хотѣлось знать, кому я обязана такимъ вниманіемъ? и за что собственно?

— Начальство-съ... Бумажка, значить, такая, секретная, получена у насъ въ становой фатерѣ, отъ начальства вашего, отъ инспекции, чтобы подозрять, значить, за вами, насчетъ благонадежности-съ.

Для Тамары стало теперь совершенно ясно, что и этою новою каверзой она обязана г-ну Охрименкѣ и, вѣроятно, не безъ нравственнаго участія въ ней Агрономскаго. Ей стало больно и досадно до злости. Мало того, что сослали ее въ эту «Сибирь», въ трущобу, но еще и глумятся, издѣваются надъ нею, лишаютъ ее спокойствія даже и здѣсь... По какому, наконецъ, праву отравляютъ ей жизнь? За что? — за то, что не отдалась Агрономскому? или за то, что не украла въ Украинскѣ материнскіе брильянты для Охрименки на «общее дѣло»? И эти люди дѣйствуютъ, прикрываясь правительствомъ, и душатъ ее отъ имени его же! Господи, да что жъ это такое на свѣтѣ дѣлается?! Что-за время настало?! Вѣдь это жить нельзя!.. И уйти ей отъ нихъ некуда, — потому тутъ единственный кусокъ ея хлѣба... Некуда, — развѣ въ одну только могилу.

Получивъ на водку, убоготоренный урядникъ удалился, но спустя около недѣли появился опять у Тамары.

— Вы зачѣмъ?.. Что скажете?

— Да все насчетъ же подозрительности,—подозирать приказано.

— Опять?!

— Всенепремѣнно-съ. Приказано навѣдываться какинный разъ, что бываю въ Пропойскомъ, и доносить. — Что дѣлать, служба-съ?

И каждый разъ урядникъ получалъ отъ нея на «сороковку», а случались эти его навѣдки почти каждую недѣлю, такъ что «сороковки» стали, наконецъ, ложиться на ея восьмидесятирублевый мѣсячный бюджетъ весьма чувствительнымъ бременемъ. Но избавиться отъ нихъ не было возможности, или, иначе, приходилось выносить у себя въ комнатѣ его упорно молчаливое и продолжительное присутствіе и дышать воздухомъ, отравленнымъ его табачищемъ, лукомъ и сивушнымъ полугаромъ. — «Какое, однако, мелкое мнѣніе!» думалось при этомъ дѣвухѣ, невольно вспоминаявшей объ Агрономскомъ и Охрименкѣ.

Одиночество ея становилось, между тѣмъ, все тяжелѣе. Хоть бы душу съ кѣмъ отвести, вылить всю накопившуюся въ ней горечь и злобу предъ живымъ человекомъ,—все же, казалось ей, легче бы стало отъ этого. Хоть побранить бы этихъ негодяевъ, рассказать добрымъ людямъ, каковы они,—и то уже было бы утѣшеніемъ. А можетъ быть, нашлись бы добрыя души, которыя приняли бы въ ней участіе, дали бы какой-нибудь практической совѣтъ, какъ ей избавиться отъ этой каторги, помогли бы ей своимъ содѣйствіемъ. Но никого такого нѣтъ по близости,—не даромъ же это «медвѣжій уголь». Къ приходскому священнику развѣ?—И то правда,—почему бы нѣтъ? Можетъ быть, и въ немъ она встрѣтитъ такую же отзывчивость какъ нѣкогда въ отцѣ Макаріѣ и въ о. Никандрѣ. И вотъ, въ одно изъ воскресній порядала она себѣ подводу и поѣхала къ обѣднѣ. Но и тутъ постигло ее, съ перваго же шага, нѣкоторое разочарованіе. Священникъ человекъ еще молодой, но служить не такъ истово, какъ о. Никандръ, и ужъ совѣтъ не такъ благоговѣйно и умилительно, какъ о. Макарій, а какъ-то ordinarily, точно бы торопится сбыть поскорѣй свою повинность. Представясь ему послѣ обѣдни, на паперти, въ качествѣ учительницы Пропойской школы, она встрѣтила съ его стороны взглядъ, исполненный какого-то недовѣрчиваго удивленія и любопытства.

— Изъ Пропойской?—какъ-то озадаченно проговорилъ онъ.—Вотъ какъ!.. Не ожидалъ!

— Отчего же не ожидали, батюшка?.. Я, напротивъ, очень желала познакомиться съ вами и съ вашимъ семействомъ.

— Благодарю покорно,—приподнял онъ съ поклономъ свою шляпу,—но все же странно-съ... что изъ Пропойской... Да, да,—не ожидалъ... Гм!.. скажите пожалуйста!

— То-есть, что же намъ странно, батюшка?—въ недоумѣніи спросила Тамара, начиная уже нѣсколько смущаться всѣми этими словами.

— Мнѣ-то?.. Да то и странно, что въ Пропойскѣ могли назначить особу вашего пола... Не ожидалъ... За что жъ это васъ такъ-то?

Тамара объяснила, что сдѣлано это по распоряженію новаго инспектора.

— А, такъ?.. Ну, это другіе дѣло!.. А то я подумалъ-было, извините, тово... Потому у насъ ни разу еще не случилось, чтобы дамскій полъ по учебному сословію въ Пропойскѣ посылали. Значитъ, подаять желаютъ школу?—Что жъ, это хорошо, не мѣшаетъ.

И какъ-то помаявшись, точно бы раздумывая въ нерѣшительности, сдѣлать ли, не сдѣлать ли ему чего-то, онъ наконецъ рѣшился—на была-не-была—и пригласилъ Тамару зайти къ себѣ, но сдѣлалъ это словно бы только пріянія ради, а не отъ сердца.—Можетъ быть, зайти ко мнѣ пожелаете?.. Что жъ, милости прошу,—съ супругой познакомитесь..

Зашла и познакомилась. Но «супруга» ей не понравилась: стриженная, желтая, и все папироски, одну за другою, палить наотмани, сидя съ поджатой подъ себя ногою. А главное, держала она себя съ гостей больно ужъ натянуто, точно бы насторожѣ, недоброжелательно какъ-то оглядывая покоса ея прическу и безукоризненно сшитое, ловко сидящее на ней платье, и глядѣла на нее все время съ такимъ подозрительнымъ выраженіемъ, которое чуть не говорило: и на кой чортъ тебя принесла сюда нелегкая? чего тебѣ отъ насъ надо?

Невольно чувствуя это и желая оправдать передъ нею свой визитъ, Тамара заговорила съ батюшкой, что ученики ея нуждаются въ преподаваніи имъ закона Божія и что поэтому она нарочно пріѣхала, между прочимъ, и затѣмъ, чтобъ условится съ нимъ, по какимъ днямъ и въ какіе часы предполагаетъ онъ посѣщать ея школу. Но за мужа своего отвѣтила ей супруга, а самъ батюшка только улыбался, потирая себѣ руки, съ какимъ-то не то смущеннымъ, не то извѣвающимся видомъ, да переминался съ ноги на ногу, все время не присѣвъ даже ни разу. Очевидно, въ этомъ домѣ царицей была сама «матушка», и грозною притомъ царицей.

— Школу?—какъ-то вараспѣвъ и подфыркивая переспросила она.—Да позвольте, съ чего жъ это станетъ онъ убиваться, когда земство всего по тридцати копеекъ за годовой часъ предлагаетъ! Было бъ изъ-за чего время и трудъ свой тратить!

Огнѣнная такимъ отвѣтомъ, Тамара даже смѣшалась на минуту и скромно пояснила, что сочла себя въ правѣ спросить объ этомъ на основаніи того, что батюшка числится въ

Пропойской нѣкогда преподавателемъ закона Божія

— Ну да, еще бы! Не было ему печали за семь верстѣ ѣздить киселя хлебать! Такъ я и позволила!.. Пускай платятъ—ну, хоть по шестидесяти копеекъ за часъ, тогда будемъ ѣздить, а такъ благодарю покорно.

— Да, но кто жъ тогда будетъ учить ихъ слову Божію?

— Кто хочетъ, намъ-то что!.. Желаютъ учиться, пускай и платятъ за это, пусть отъ себя доплачиваютъ половину.

Тамара замѣтила, что это очень затруднительно, такъ какъ крестьяне пропойскіе очень бѣдны, обременены недоимками, разорены разными земскими предпріятіями, и платять имъ рѣшительно не изъ чего.

— А въ кабаки ходить есть на что?

— Да, но вотъ потому-то именно и надо бы, мнѣ кажется, подумать объ ихъ нравственномъ и религіозномъ просвѣщеніи,—вѣдь это же прямая обязанность ихъ пастырей.

— Пастырей?—полупрезрительно подфыркнула «матушка». — Полноте, пожадуйте! Неужели въ наше время можно серьезно говорить о такихъ глупостяхъ, да еще аргументировать ими? Какіе же мы пастыри?.. Позвольте васъ спросить, развѣ правительство дозволяетъ «пастырямъ» свободное слово съ кафедръ? Развѣ у насъ можно объяснять социально-демократическое значеніе личности Христа и его пропанды, такъ, какъ понимаетъ ихъ современная наука, въ лицѣ Страуса, Ренана и... и прочихъ авторитетовъ?.. Пастыри!.. Чиновники по духовнымъ требамъ,—съ этимъ, если угодно, я согласна. А пастырство, апостольство, миссіонерство по указкѣ самодержавія,—извините, я нахожу, что у людей мыслящихъ вся эта метафизика давно уже отжила и сдана въ архивъ. Почитайте-ка Бокля, Писарева, Ткачева, Зайцева, и вы увидите, что русскій народъ гораздо умнѣе и практичнѣе, чѣмъ думаютъ, и онъ уже настолько понимаетъ, что не дѣлаетъ никакого различія между «пастыремъ» и становымъ, напримѣръ.

Тамара подняла на нее большіе удивленные глаза.

— Да разумѣется, — продолжала завзятая попадья.—Становой функционіруетъ въ сферѣ своихъ обязанностей такъ же, какъ мой мужъ функционіруетъ въ сферѣ своихъ («функционіруетъ»—эко словечко какое! — съ невольною улыбкой про-себя подумалось Тамарѣ). Вся разница между ними развѣ въ томъ, что функція господина станового оплачена правительствомъ гораздо лучше, чѣмъ функція моего мужа,—вотъ и только!

Послѣ этого Тамара увидѣла, что дѣлать ей тутъ нечего и потому поспѣшила сократить свой первый визитъ, о которомъ рѣшила себѣ, что онъ же будетъ и послѣднимъ.

Видитъ она, однако, что дѣти ни о заповѣдяхъ, ни о литургіи, ни о священной исторіи понятія неимѣютъ, даже необходимыхъ молитвъ, по большей части, не знаютъ, или же путаютъ ихъ и переверкаютъ слова до невозможности. А между тѣмъ, отъ родителей и здѣсь, какъ въ Горьловѣ, приходится ей, то и дѣло, выслушивать сѣтованія на это и желанія, чтобы дѣтей учили первѣе всего закону Божію, а не побаскамъ, и чтобы на домъ уроки чтенія задавались имъ болѣе изъ книгъ церковно-славянскихъ, чѣмъ какія-нибудь «пустыхъ сказки», подъ именемъ которыхъ крестьяне разумѣютъ всѣ вообще статьи не духовнаго содержанія въ учебникахъ. Въ то же время и нѣкоторые изъ мальчиковъ заявляютъ ей, что имъ отцы не велятъ учить дома стиховъ и басенъ, а заставляютъ учить псалтирь, и что если они и выучиваютъ свѣтскіе стихи, то это втайнѣ отъ родителей. И сами родители, наконецъ, выражаютъ ей свой ропотъ: что жъ это за ученіе, если дѣтей даже молитвамъ не учатъ! Имъ-де такого ученія, какъ у васъ въ школѣ, не надо; лучше-де я совсѣмъ не посылать ребятъ въ школу, чѣмъ такъ-то!

Что тутъ ей дѣлать? Вѣдь они правы, эти крестьянскіе отцы и матери. Неужели же оставлять и дальше ихъ несчастныхъ дѣтей расти въ понятія о законѣ Божіемъ, не научить ихъ молитвамъ и заповѣдямъ? — подумала она, да и рѣшила себѣ по голосу собственной совѣсти, что такъ нельзя, что если кому-то преподавать имъ законъ Божій, такъ она сама будетъ учить ему—и благословясь приступила къ дѣлу. Дѣло пошло было на ладъ, и родители, и дѣти были довольны; но тутъ прѣзжаетъ вдругъ ревизовать свои кабаки Агрономскій и, какъ земскій членъ училищнаго совѣта, счелъ себя обязаннымъ обревизовать за-одно и школу. Явился онъ совершенно неожиданно и, къ удивленію Тамары, такую Лисю Патрикѣвну, такимъ привѣтливымъ и мягкимъ, какъ бывало, въ первое время въ Горьловѣ, словно бы между нимъ и ею никогда не существовало никакихъ неприяностей. Онъ освѣдомился даже, хорошо ли она устроилась на новомъ мѣстѣ и каково ей тутъ живется, не нужно ли чего,—скажите, молъ, откровенно, я отъ души готовъ, чѣмъ могу, посодѣйствовать. Но Тамара, зная уже по опыту, каково можетъ быть «содѣйствіе» г-на Агрономскаго, холодно и кратко поблагодарила его, прибавивъ, что ей ничего не нужно.

— Будто ужъ такъ всѣмъ довольны? — удивленно спросилъ онъ съ лисей улыбкой.

— Я ни на что и никому не жаловалась,—безразлично проговорила дѣвушка.

— Да, но все же... Впрочемъ, какъ знаете!—саркастически извиняющимся образомъ пожалъ онъ плечами, съ легкимъ полупоклономъ.—Я, съ своей стороны, счелъ только долгомъ спро-

силь и... готовъ былъ служить; но... конечно... если не желаете,—это ужъ ваше дѣло... Какъ угодно-сь.

— Благодарю васъ покорно, — еще разъ повторила она тѣмъ же холоднымъ тономъ.

— Ну-съ, а чѣмъ же теперь изволите вы заниматься съ дѣтками? Могу я послушать? — спросилъ онъ съ откровенно галантнымъ видомъ: дескать, самъ я не смѣю, но если позволите,—и получилъ въ отвѣтъ, что занимаются они закономъ Божиимъ.

— Очень хорошо-сь. А кто же преподаетъ имъ законъ Божій?

— Я сама,—отвѣтила Тамара.

— Вы сами?—удивился онъ.—То-есть, какъ же это?

— По краткому катихизису и по руководству протоіерея Соколова.

— Нѣтъ, я не про то, — пояснилъ онъ свою мысль, — я спрашиваю, почему именно вы сами?

— Потому что некому больше.

— Да, но съ чьего же это разрѣшенія?

— Ни съ чьего, — надо же кому-нибудь учить.

— Хм!.. Конечно, но... мнѣ кажется, это вы тово-сь... не совсѣмъ осторожно, безъ разрѣшенія нельзя,—развѣ вамъ не извѣстно?

— Да, но если нѣтъ законоучителя?..

— А, это уже не наше дѣло входить въ обсужденіе высшихъ распоряженій. Впрочемъ, лично я ничего не имѣю противъ, пожалуйста, не думайте, — поспѣшилъ онъ оговориться, какъ бы умывая руки; — мое дѣло сторона, я только такъ... полюбопытствовалъ, не больше.

«Ну, навѣрное надо ждать теперь какой-нибудь новой каверзы!» — подумала себѣ Тамара по отъѣздѣ Агрономскаго. И дѣйствительно, прошло не болѣе десяти-двѣнадцати дней, какъ отъ Охрименки пришелъ къ ней формальный запросъ, на бланкѣ и за надлежащимъ №, — на какомъ-де основаніи и съ чьего разрѣшенія она позволяетъ себѣ вторгаться въ сферу преподаванія такихъ предметовъ, которые, по существующему положенію, учительницамъ сельскихъ школъ не предоставлены? Поставляя это строго на видъ г-жѣ учительницѣ Пропойской школы, инспекторъ въ той же своей бумагѣ внушительно предлагалъ ей «воздержаться на будущее время какъ отъ чтенія ученикамъ, такъ и отъ объясненія имъ предметовъ, превышающихъ степенъ ея компетенціи, тѣмъ болѣе, что преподаваніе таковыхъ законъ предоставляетъ исключительно лишь священно и церковно-служителямъ».

«Вотъ и каверза!» съ горькой усмѣшкой подумала Тамара. «Значитъ, не смѣй больше учить, — пускай несчастныя дѣти растутъ, какъ звѣрята, безъ понятія о Богѣ, безъ религіознаго воспитанія!.. Не смѣй даже читать имъ священную исторію!.. Дѣло!»

— О чемъ бумага-то? — спросилъ ее сельскій староста, передавъ пакетъ, присланный черезъ волостное правленіе.

— Чтобъ не учить больше закону Божію, — отвѣтила ему дѣвушка.

— Ну?! — недоувѣрчиво воскликнулъ онъ. — Шутнишь, поди-чай!.. Какъ не учить? Почему такъ?

— А такъ. Не приказано, и все тутъ.

— Кто не приказываетъ?

— Инспекторъ.

— Врѣ?

— Не вѣришь,—читай самъ.

И она передала старостѣ бумагу. Тотъ недоувѣрчиво повертѣлъ ее въ рукахъ и, отдаливъ противъ свѣта на достаточное разстояніе отъ глазъ, сталъ наморщась разбирать про-себя ея строки.

— Не явственно! — проговорилъ онъ, наконецъ, тряхнувъ головой и очевидно не понявъ канцелярскаго смысла мудреныхъ словъ. — Про законъ чьего-то говорятъ, точно-что, а что—Богъ яво вѣдаетъ,—не разберешь!

— А то и говорится,—объяснила ему Тамара,—что сельскія учительницы, по закону, не имѣютъ права учить ребятъ закону Божію. Староста съ недоувѣріемъ уставился на нее удивленными глазами.

— Да нѣшто есть такой законъ?

— Значитъ, есть, когда въ бумагѣ пишутъ.

— Чудно!.. ай-Богу, чудно!.. Пона убрали, церковь заколотили, закону не учи,—да что жъ это, въ самъ-дѣлѣ, на смѣхъ, что ли?!

Тамара только плечами пожала,—не знаю, молъ.

— Да нѣ-ѣтъ, слышишь, это что-нибудь не такъ... а?.. Ты мнѣ толкомъ скажи-ка?

— Такъ, по крайней мѣрѣ, инспекторъ объясняетъ,—замѣтила она.—Ну, и требуетъ,—что жъ тутъ подѣлаешь!

— Инспектырь?.. по закону?.. Н-да-а!—въ сомнительномъ раздумьи опять мотнулъ онъ головою.—Это выходитъ по пословицѣ, по нашей—по мужицкой, значитъ—законъ что дышло: куда повернулъ, туда и вышло.

— Видно, что такъ,—согласилась съ нимъ Тамара, которой при этомъ пришло на мысль, что и въ самомъ дѣлѣ, для такихъ господъ, какъ Охрименко съ Агрономскимъ, законъ всегда что дышло, которое они умѣютъ, когда имъ нужно, поворачивать въ свою сторону. Но, какъ бы то ни было, а преподаваніе закона Божія пришлось ей прекратить, сколько ни роптали на это крестьяне. Нравственной поддержки, какая прежде являлась ей въ лицѣ отца Макарія, здѣсь у нея не было, а восьмирублевое жалованье служило единственнымъ источникомъ для существованія. Лишиться мѣста,—и что же тогда?.. Куда?

XXII

Въ Желтогорской земской больницѣ.

Однажды утромъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, въ мятель и стужу, съ трудомъ пробирался изъ своей избы въ школу по глубокимъ сугробамъ снѣга, перемѣтившимъ всю улицу, Тамара простудилась не на-шутку. Она и до этого раза чувствовала себя уже не совсѣмъ здоровой, — насморкъ да кашель, — но все думала: пройдетъ! А тутъ вдругъ ее и совсѣмъ прихватило. Еще во время урока почувствовала она лихорадочное недомоганье, потягу и тяжесть въ головѣ, — ко сну все клоняло; однако-же, кое-какъ перемогала себя до конца занятій. Домой пришлось возвращаться по тѣмъ же сугробамъ и по такой же погодѣ. — «А-то что», думалось ей, «а вотъ бѣдныя дѣти — нмъ каково, въ плохой одежонкѣ!» — И ей казалось, что если дѣти терпятъ и выносятъ такую непогоду и все-таки бредутъ въ школу, такъ ей-то и подавно надо. Вѣдь завтра, несмотря ни на какую погоду они все-таки придутъ и будутъ ждать ее, — значить, и жить ей не приходится, а надо дома выпить чего-нибудь теплаго, потогоннаго, чтобы согрѣться, да укутаться получше, и — дастъ Богъ, на завтра все кончится. Но къ вечеру сдѣлалось ей такъ уже плохо, что и совсѣмъ слегла. Страшная головная боль и ломота во всѣхъ членахъ не позволили ей на слѣдующее утро встать съ постели. Какъ ни совѣстно, а пришлось послать отказъ въ школу, чтобы дѣти не ждали ее понапрасну. Чувствуя, что съ нею начинается что-то серьезно нехорошее, она сознавала полное свое безсиліе бороться въ своей домашней обстановкѣ противъ болѣзни, какъ и полное отсутствіе способовъ и средствъ для леченія. Что съ ней такое, — она и сама не знаетъ. Никогда еще такъ скверно не бывало. И хозяйка тоже не знаетъ; головой только жалостливо качаетъ да въ банькѣ испариться совѣтуетъ, а то предлагаетъ знахарку позвать, — знахарка-де на воду пошенчетъ да четверговой соли въ нее нажѣпаетъ, дастъ испить, и все какъ рукой сниметъ. Пришли двѣ сосѣдки, позванные бобылкой на совѣтъ, но и эти только соболѣзнуютъ; одна совѣтуетъ зажечь кудель въ горшкѣ да на животъ его поставить, чтобы все нутро въ него втянуло, другая рекомендуетъ ту же баньку, но съ тѣмъ чтобы попарившись вывалиться нагишомъ въ чистомъ снѣгѣ, на дворѣ, и опять, значить, въ баньку. Слушаютъ ихъ Тамара и цѣнить въ душѣ это доброе, простое участіе, но совѣтамъ послѣдовать не рѣшается, — гдѣ ужъ ей!... Можетъ быть, средства и хороши, да ае по ея натурѣ. А болѣзнь, между тѣмъ, разыгрывается своимъ порядкомъ и все больше забираетъ надъ нею

свою силу. Что тутъ дѣлать? Къ кому и куда обратиться за настоящею помощью? Вокругъ, кромѣ этихъ бабъ, — никого изъ близкихъ, кто бы могъ и захотѣлъ принять въ ней разумное участіе. Увѣдомить развѣ отца Макарія, который взялъ съ нея слово писать сейчасъ же, если съ ней что случится. И въ самомъ дѣлѣ, это одно, что остается. Поэтому, дорожа временемъ, пока она еще въ памяти, дѣвушка собрала всѣ свои силы, чтобы написать карандашемъ на листкѣ бумаги нѣсколько словъ о. Макарію о своей безпомощной болѣзни, прося его и отца Никандра, если возможно, прислать ей доктора. Хозяйка, по ея просьбѣ, сбѣгала за старостой. Добрый человекъ — спасибо — не замедлилъ явиться, и Тамара попросила его отправить ей записку съ нѣрочнымъ въ Горьлово, къ «батюшкамъ». Староста вскорѣ привелъ къ ней охочаго мужика, который согласился за рубль да за двѣ сороковки водки «на дорожку» сейчасъ же отвезти письмо по назначенію. Торговаться не приходилось, лишь бы свезъ. Къ вечеру стало ей еще хуже: та же ломота и, вдобавокъ, сильный жаръ, доводившій ее по временамъ до безсмысленнаго бреда.

Получивъ записку Тамары, вся семья отца Макарія исполнилась. — Скорѣй, скорѣй, не запоздать бы! — «Матушка» Анна Макарьевна собрала ей въ узелокъ чай, сахару, булокъ домашнихъ, бутылку густого клюквеннаго морса для питья, слянку укуса для примочки, и еще, и еще чего-то; старикъ о. Макарій присоединилъ къ этому нѣсколько медикаментовъ изъ своей домашней аптечки, а о. Никандръ сейчасъ же снаряжалъ свои сани, приладилъ къ нимъ взятую съ почты кибитку съ цыновочнымъ козыремъ и фаругами для защиты отъ вѣтра и съ мѣховою полостью ради тепла, велѣлъ батраку запрягать пару своихъ лошадей и самъ немедленно собрался въ дорогу, рѣшивъ заѣхать по пути за докторомъ. На слѣдующій день утромъ онъ былъ уже въ Пропойскѣ и привезъ съ собою врача. Этотъ послѣдній, осмотрѣвъ больную, нашель у нея, повидному, начало тифа и высказалъ батюшкѣ, что оставаться ей въ такой обстановкѣ немислимо, а надо сейчасъ же везти ее въ земскую больницу. — Куда же, однако? въ какую? въ Бабьегонскъ — далеко; къ нему, въ приемный покой, — но тамъ нѣтъ такого помѣщенія, тамъ только одна комната для амбулаторныхъ; а ближе всего, по мнѣнію доктора, въ Желтогорскъ, — тридцать верстъ не велико разстояніе, а зато тамъ какая ни-на-есть, да все-таки больница земская, есть постоянный врачъ, есть уходъ и средства, и все такое, въ чемъ можетъ встрѣтиться надобность; и больная, наконецъ, имѣетъ право лечь въ эту больницу, какъ служащая въ земствѣ. Отецъ Никандръ предложилъ было отвезти ее къ себѣ въ Горьлово, но Тамара настоялась, зная, что у

батьюшки нѣтъ лишней комнаты, и присутствіе больной крайне стѣснило бы всю ихъ семью, да и докторъ къ тому же нашелъ, что Горь-лово тоже не ближній конецъ, и врача тамъ нѣтъ, ни аптеки по близости, — все равно врачу пришлось бы ѣздить туда, а этого невозможно дѣлать часто: и безъ того въ участкѣ масса больныхъ, каждый день онъ въ разѣздахъ, — поспѣвая только изъ одной деревни въ другую! — «Нѣтъ, ужъ какъ хотите, а самое удобное будетъ въ Желтогорскѣ. Одѣтъ потеплѣе, закутать хорошенъко, — у васъ къ тому же удобная кибитка, чуть не цѣлый возокъ, — а дамъ записку къ тамошнему врачу, чтобы принять, и везите сегодня же. Выкормите вотъ лошадокъ, и съ Богомъ!» — Такъ они и порѣшили, тѣмъ болѣе, что сама Тамара нашла, что, дѣйствительно, ей лучше всего было бы лечь въ Желтогорскую больницу: у нея тамъ знакомая фельдшерица, — Любушка Кучаева, съ которою она и на войнѣ вмѣстѣ въ «сестрахъ» была, и въ Бабьегонскѣ вмѣстѣ на службу прѣехала, — тамъ, по всей вѣроятности, ей будетъ не дурно.

Подавъ больной предварительную помощь, докторъ уѣхалъ на очередной обывательской подводѣ во-свояси, а о. Никандръ, давъ отдохнуть лошадямъ, повезъ укутанную въ два овчинныхъ тулупа Тамару въ Желтогорскъ, — заштатный городишко Бабьеговскаго уѣзда.

* * *

Задумало какъ-то земство устроить въ Желтогорскѣ больницу. Для этого оно, прежде всего прочаго, завело необходимый штатный персоналъ будущей больницы, въ лицѣ врача, акушерки, фельдшерицы, фельдшера, провизора и смотрителя, причемъ трое послѣднихъ, опредѣленныхъ по протекціи Агрономскаго, оказались, по обыкновенію, изъ жидковъ. Тѣмъ временемъ управа, прикинувъ предварительно на глазъ, что все устройство больницы, вмѣстѣ съ постройкой «хозяйственнымъ способомъ», обойдется земству не свыше полуторы тысячи рублей, уполномочила своихъ членовъ, Ермолая Касьянова Передерягина и г. Семіокова, заняться специально этимъ дѣломъ, въ качествѣ «строителей и наблюдающихъ за постройкой». Эти двое сейчасъ приглядѣли старый помѣщичій домъ, сторговали его на сносъ, перенесли весь разобранный строительный матеріалъ на чужую землю, принадлежавшую, въ качествѣ пустопорожняго мѣста какому-то желтогорскому обывателю, и, не стѣняясь этимъ обстоятельствомъ, начали строить. Земское собраніе, умилясь такою дешевизной «хозяйственного способа», сейчасъ же разрѣшило кредитъ на затраченную уже сумму, утвердило Передерягина съ Семіоковымъ въ качествѣ уполномоченныхъ строителей и наблюдателей и, въ заключеніе, благодарило управу. Такимъ образомъ, въ одинъ прекрасный день,

на вновь отстроенномъ изъ стараго матеріала зданіи, появилась свѣженькая, блестящая вывѣска: «Желтогорская Земская Больница», за что собраніе опять выразило управѣ и ея «уполномоченнымъ» свою признательность. Сейчасъ же, конечно, отпраздновали открытіе, съ кухлякой и шампанскимъ, послали объ этомъ событіи хвалебныя телеграммы и корреспонденціи въ либеральныя газеты обихъ столицъ и расписали всю эту операцію въ земскомъ своемъ «отчетѣ», какъ нѣкій высокій подвигъ на пользу страждущаго человѣчества. Но не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ оказалось, что хваленая постройка нигуда не годится и надо ее перестраивать, а перестройку меньше какъ за три тысячи рублей не сдѣлаешь. Экстренно созванное по этому поводу земское собраніе очень удивилось, но, вслѣдъ за своими вожаками, согласилось на отпускъ просимыхъ управою денегъ. Больницѣ кое-гдѣ подиравляли, гдѣ перестроили, гдѣ достроили, новою краскою подмазали, — блестятъ! И земское собраніе опять выражаетъ свою признательность управѣ и ея «уполномоченнымъ». А на слѣдующій годъ опять та же исторія: зданіе-де не проконопачено, продувается, надо стѣны обить тесомъ снаружи и отштукатурить изнутри, сдѣлать желѣзныя скрѣпленія въ стропилахъ и т. д., и на все на это требуется опять не менѣе трехъ тысячъ рублей; да кромѣ того, надо выстроить флигель подъ квартиры для «штатнаго персонала служащихъ», которымъ иначе жить негдѣ, — и все это подъ страхомъ, что владѣлецъ пустопорожняго мѣста попроситъ въ одинъ прекрасный день снести съ его земли больницу, или заломитъ за мѣсто такую цѣнницу, что у земцевъ, лишь при одной мысли объ этомъ, уже заранѣе начинаютъ затылки чесаться. Тѣмъ не менѣе, собраніе рѣшило, что сколь ни дико такое положеніе, но земству не остается ничего другого, какъ достраивать и ремонтировать свой «санаторіумъ». Поэтому опять убухали три тысячи, не считая того, во что обошелся отдѣльный флигель, опять разослали въ «сочувственныя» газеты блестящія корреспонденціи и, конечно, опять «единогласно» благодарили Ермолая Касьянова съ Семіоковыми. Но прошель годъ, и управа докладывала очередному собранію, что больница хотя и обшита тесомъ, однако же холодъ въ ней чрезъ это не устраненъ, и «вопросъ» объ этой постройкѣ остается-де «по-прежнему открытымъ»; больница построена-де изъ стараго матеріала и потому, уже по ветхости самого зданія, не могла быть удобною для лечебнаго заведенія: объѣмъ комнатъ малъ и неудобенъ, окна всѣ худы, и рѣдкое можно отворить лѣтомъ безъ того, чтобы не вывалилась рама; баня выстроена отдѣльно отъ зданія, и больные могутъ пользоваться ею только лѣтомъ,

такъ какъ зимою въ ней вода на полу мерзнетъ, — словомъ, недостатковъ въ больницѣ масса, а достоинство одно: отличная вентиляция — черезъ стѣны, и въ довершеніе всего, управа не имѣетъ-де возможности принять какія-либо серьезныя мѣры для приобретенія находящейся подъ больницею чужой земли. Собраніе выражаетъ надежду, что управа постарается изыскать эту возможность и опять разрѣшаетъ ей отпустить «уполномоченнымъ» три тысячи рублей на необходимый ремонтъ зданія. Проходитъ еще годъ, и управа опять докладываетъ собранію, что «не мало было потрачено ею силъ, энергіи и благихъ пожеланій» (главное, «благихъ пожеланій!») на ремонтъ этой постройки, и тѣмъ не менѣе, толки ея грозятъ обрушеніемъ, въ крышѣ течь во множествѣ мѣстъ, «стѣны имѣютъ движеніе», печи разстроены, холодъ изрядный, а потому необходимъ-де новый ремонтъ, и перестройка больницы обойдется приблизительно до трехъ съ половиною тысячъ. Шокорное большинство барановъ земскаго собранія и на сей разъ утвердило представленіе управы. Такимъ образомъ, тянулась эта земско-управская «сказка про бѣлаго бычка» въ теченіе многихъ лѣтъ, къ особому удовольствію Ермолая Касьянова и Пьеро Семіокова, неукоснительно получавшихъ къ тому же каждый разъ отъ собранія «выраженіе признательности и благодарности». Но вотъ, послѣ долгихъ лѣтъ, чужая земля подъ больницей была наконецъ приобретена, чуть не за десятирубную цѣну, въ собственности земства, и поэтому поводу управа предложила собранію передѣлать больницу заново, на что-де потребуется кредитъ, въ размѣрѣ, приблизительно, 4.300 рублей. Собраніе опять согласилось и заранѣе уже благодарило «уполномоченныхъ» за ихъ «готовность» и на сей разъ послужить своимъ трудомъ и опытностью на пользу земскаго дѣла. А на слѣдующій годъ желтогорскій земскій врачъ въ отчетѣ своемъ докладывалъ собранію, что лечебница, переведенная въ новое помѣщеніе, стала въ эту зиму, какъ и нужно было ожидать, еще хуже, нежели была прежде: воздухъ въ ней, несмотря на устроенную вентиляцію, до невозможности плохъ, потому что стѣны этого стараго, перестроеннаго зданія давно уже успѣли впитать въ себя всевозможные больничные запахи, а съ ними и миазмы, благодаря чему, конечно, и появились знакомыя уже по прежней лечебницѣ — рожи, пиѣмія и случаи зараженія тифомъ въ самой больницѣ. Многие больные только поэтому, не могли-де быть принимаемы, другія же болѣзни затягивались въ своемъ леченіи, и вообще, лечебница настолько-де плоха, что существованіе въ ней еще одну зиму становится рѣшительно невозможнымъ. Какъ только пойдутъ, бывало, дожди, вѣтра и холода, въ больницѣ начи-

нается борьба съ этими врагами. Вездѣ дуетъ, любой пазъ стѣны до того дурно проконопаченъ, что свободно впускаетъ палецъ и отклоняетъ пламя свѣчи или дымъ папиросы; больные тѣтено ищутъ такого мѣста, гдѣ бы не дуло, и не находя покидаютъ лечебницу, — «но мы-де усердно топимъ, и холодъ не такъ чувствителенъ»; вѣтеръ же хотя и свободно гуляетъ по всѣмъ палатамъ, — «но это способствуетъ вентиляціи зданія и пока еще терпѣть можно»; больные не выдѣлаютъ изъ-подъ собственныхъ шубъ и полушубковъ, которые врачъ поневолѣ долженъ имъ оставлять «противъ правилъ». Когда же къ холоду и вѣтру присовокупляется еще новый врагъ — продолжительный или проливной дождь, то въ палатахъ нужно ставить ванны и тазы для сбора дождевой воды, льющейся сквозь потолки; кровати сдвигаются со своихъ мѣстъ, чтобы не мочило лежащихъ на нихъ больныхъ, и врачъ, совершая свои визитаціи, долженъ искусно лавировать между сдвинутыми койками и капелями. Оказывается, что крыша нигуда не годна и требуетъ капитальной перестройки. Однажды, послѣ обѣда, когда больные отдыхали, вдругъ затрещали стѣны и потолокъ, и сверху посыпались земля, песокъ и мусоръ. Больные, кто только могъ, вскочили и бросились вонъ, остальные же лежали и ждали себѣ конца: но, къ счастью, дѣло на этотъ разъ ограничилось тѣмъ, что изъ средней палаты выперло три бревна въ угловую, а въ угловой три же соответственныя бревна — на улицу. Двѣ недѣли, пока управа не исправляла поврежденій, врачъ съ опаской ходилъ по стѣнкамъ, а больные кучались на сдвинутыхъ койкахъ по угламъ, въ мѣстахъ относительно болѣе безопасныхъ. Но вотъ, наступила зима, и въ больницѣ стало возможно съ успѣхомъ морозить волковъ; температура въ палатахъ падала до нуля и ниже, въ аптекѣ стыла масла, а въ приемной врача изъ-за лютаго холода нельзя было заниматься приѣмомъ больныхъ. Кромѣ того, всѣ печи растрескались отъ усиленной топки, и потому каждый разъ, пока не разгорятся дрова, во всѣ печныя щели начинало дымить, и въ палатахъ свѣту Божьяго не было видно. Больничнаго хозяйства не было, существовалъ, правда, подрядчикъ, но безъ контракта и безо всякаго даже условія, который поэтому и поставлялъ припасы — какіе и когда ему угодно, выводя, вмѣстѣ со смотрителемъ и провизоромъ, за все, про все «аптекарскія цѣны», а больнымъ ѣсть было почти нечего, погрѣться негдѣ и нечѣмъ, ходить не въ чемъ, такъ какъ халаты отъ ветхости обратились въ дырявыя лохмотья, а носильное и постельное болѣе того обветшало, что годилось развѣ на корцію. И за всѣ эти удобства, за содержаніе въ больницѣ, вималось земствомъ по 57 копеекъ въ сутки съ

человѣка, а управа на медицинскую часть въ уѣздѣ выводила по 20.000 рублей въ годъ въ своихъ отчетахъ и смѣтахъ⁴⁾.

Въ такомъ-то «образцовомъ» состояніи находилась эта больница, когда отецъ Никандръ привезъ въ нее Тамару.

Съ помощью фельдшера и кухоннаго мужика, внесли больную въ приемный покой и дали знать во флигель доктору. Тутъ сейчасъ же прибѣжала и Любушка Кучаева, чуть только узнала, что это учительницу изъ Пропойска привезли. Она приняла въ ней живѣйшее участіе, но не скрыла отъ священника, что приходится въ ужасъ при мысли, каково это будетъ Тamarѣ лежать въ такомъ невозможномъ помѣщеніи, откуда больные просто бѣгутъ, чуть лишь есть къ тому малѣйшая возможность,—и вкратцѣ рассказала ему, что это за прелесть ихъ пресловутая Желтогорская лечебница. У о. Никандра и руки опустились. — Что-жъ теперь дѣлать, какъ быть съ больною? Но тутъ вскорѣ явился врачъ, которому онъ передалъ письмо отъ его собрата и сосѣда по земско-медицинскому участку.

— Ну, батюшка, принять-то мы примемъ,—согласился врачъ, прочитавъ записку, но выразилъ непримиримое удивленіе, какъ это его коллега рѣшился направить больную къ нимъ въ Желтогорскъ.—Да и вы-то сами развѣ не знаете, что это за больница?!

Отецъ Никандръ даже сконфузился. Знать-то онъ зналъ отчасти, слыхавъ отъ другихъ, что не особенно хорошо, но чтобъ ужъ такъ плохо, какъ самъ теперь видитъ,—этого онъ, признаться сказать, и думать не смѣлъ; привезъ же больную потому, что тутъ всего ближе отъ Пропойска. —Куда-жъ было дѣвать ее! Думалъ, что какъ ни какъ, а все же больница, учрежденіе...

— Да, «учрежденіе»!.. Мы вотъ образцовыя земскія колоніи для умалишенныхъ,—это сдѣлайте ваше одолженіе, это мы охотно устраиваемъ, и не иначе, какъ по Френсису Скотту, по шотландской системѣ, — для самихъ себя, должно быть,—а тутъ простое, самонужнѣйшее дѣло, для мужика,—живетъ и такъ, молъ, — ну его!

Отецъ Никандръ соглашался, что все это

⁴⁾ Весь этотъ рассказъ лишь въ самой незначительной долѣ составляетъ плодъ фантазіи автора, и то лишь насколько это требовалось самою фабулой романа. Изложенные здѣсь факты заимствованы авторомъ изъ цѣлаго ряда печатныхъ, за нѣсколько послѣдовательныхъ лѣтъ, отчетовъ и протоколовъ очередныхъ и экстренныхъ земскихъ собраній одного либеральнѣйшаго уѣзда въ одной изъ центральныхъ великорусскихъ губерній, и могутъ быть удостовѣрены точными ссылками на года и страницы этихъ земскихъ наданій, если бы нашлись люди, сомнѣвающіеся въ возможности подобныхъ фактовъ.

очень горько и прискорбно, но тѣмъ не менѣе, что-жъ теперь дѣлать съ больною? Онъ уже готовъ былъ везти ее къ себѣ въ Горьково, — пусть ужъ лучше у него въ семьѣ лежать, хоть помѣщеніе не Богъ-вѣсть какое, да ничего, какъ-нибудь потѣсимся.

Но тутъ энергично вступилась Любушка Кучаева:

— Что вы! Какъ можно! Только-что приѣхали, да опять чуть не сто верстъ везти тифозную! Да это безъ смерти смерти!.. Ни за что!.. Этого, какъ хотите, а я я не могу позволить,—она моя товарка, и я ужъ сама о ней позабочусь!

Докторъ, однако, выразилъ сомнѣніе, что врядъ ли ея заботы приведутъ къ чему путному, если температура въ женской палатѣ стоитъ на точкѣ замерзанія, а при вѣтрѣ, и на два ниже нуля бываетъ.

— Въ палату?.. Да что вы, Господь съ вами! Съ ума я сошла, что ли! — отмахивалась отъ его словъ Любушка. — Къ себѣ положу, въ свою комнату,—у насъ во флигелѣ, слава Богу, не продуваетъ.

Врачъ согласился, что это дѣло другое, и разрѣшилъ перенести одну изъ больничныхъ кошетъ съ принадлежностями въ комнату фельдшерицы, гдѣ и была сейчасъ же уложена Тамара. Теперь отецъ Никандръ могъ уѣхать домой со спокойнымъ духомъ, зная, что оставляетъ ее на надежныя руки и въ наиболѣе сносныхъ условіяхъ. При отъѣздѣ, онъ вызвалъ Любушку въ сѣни и передалъ ей подъ секретомъ десять рублей изъ своихъ собственныхъ денегъ,—все, что могъ удѣлить отъ себя, при скудости собственныхъ достатковъ, на нужды больной,—нравно что понадобится. —Только не говорите, что отъ меня!.. Не надо.

Любушка устроила Тамару довольно удобно. Стѣну и полъ передъ ея постелью затянули войлочными ковриками и заслонили кровать отъ дверей ширмами, чтобы не дуло; провизоръ отпустилъ изъ аптеки дезинфицирующихъ средствъ для постояннаго оздоровленія воздуха въ комнатѣ, и, наконецъ, Любушка, не будучи въ состояніи, по обязанностямъ своей службы, безотлучно проводить все время подлѣ Тамары, наняла для ухода за нею въ часы своего отсутствія особую сидѣлку «съ воли», на что и пригодилась часть денегъ, оставленныхъ о. Никандромъ. Словомъ, для удобства больной, Любушка, до крайности стѣснивъ самоѣ себя, сдѣлала все, что лишь было въ силѣ ея возможности.

Братски заботливый уходъ, своевременная медицинская помощь, сносныя условія помѣщенія, а главное, молодая сила своей собственной здоровой природы помогли Тamarѣ перенести тяжелую болѣзнь благополучно. Только волосы ея стали падать,—надо было поэтому расстаться съ ними, съ этою чудною косою,

которую она всегда такъ холила и которую — увы! — пришлось совсѣмъ обрѣзать.

— Ну вотъ, теперь мы васъ въ ваше «согласіе» постригли, — шутила съ нею по этому поводу Любушка. — Тоже стриженной барышней ходить будете, какъ и мы, грѣшныя.

Скучно было больничное питаніе дляправляющейся Тамары, но добрые люди и тутъ помогли ей. Сначала на остатки денегъ, данныхъ о. Никандромъ, а потомъ и на свои собственныя маленькія сбереженія, Любушка ежедневно покупала ей то курицу для бульона, то свѣжихъ яицъ, то вина бутылку, не говоря уже о бѣломъ хлѣбѣ, чаѣ и т. д. Узнавъ объ этомъ стороною, пожелалъ и докторъ помочь отъ себя чѣмъ можно и сталъ присылать каждый день отъ своего стола по порціи супа да по котлетѣ.

«Нѣтъ, есть же добрые люди на свѣтѣ!» — думалось въ порывѣ благодарнаго чувства Тамарѣ, которую въ душѣ огорчало одно, что, со своей стороны, она ничѣмъ не можетъ отблагодарить ихъ, кромѣ добраго слова.

Здоровье и силы ея стали восстанавливаться довольно быстро, и она уже подумывала о томъ, какъ бы поскорѣ вернуться къ себѣ домой и вновь приступить къ занятіямъ въ школѣ. Но отъ этого всячески отговаривала ее Любушка. — Опять къ занятіямъ, опять въ ту же школу? Да вѣдь это значитъ идти на рискъ сейчасть же простудиться снова и заболѣть чѣмъ-нибудь еще хуже тифа! Крупозное воспаленіе легкихъ получить желаете, а то чахотку?

Докторъ также рѣшительно совѣтовалъ ей отдохнуть, будучи того мнѣнія, что до весны нечего и думать о занятіяхъ, въ особенности въ такихъ условіяхъ помѣщенія, какія существуютъ въ Пропойскѣ. Она все это отлично и сама понимала; но что же однако ей дѣлать и на что рассчитывать? Вѣдь нельзя же, во-первыхъ, беззастѣночно стѣснять собою Любушку. — Но Любушка объ этомъ и слышать не хочетъ, увѣряя и божась, что это ее не только ни чуточки не стѣсняетъ, но напротивъ, ей даже веселѣе вдводемъ: войну напоминаетъ, Боготъ, Филиппополь, Санъ-Стефано, — тамъ онѣ тоже все вышѣ жили. Вотъ бы еще сестру Степаниду, такъ и совсѣмъ бы коммуна ихъ боготскимъ образовалась!

— Хорошо, — соглашается Тамара, — но вѣдь пребываніе на больничномъ содержаніи чего-нибудь да стоитъ; вѣдь здѣсь не даровое же пользованіе, и земство ни въ какомъ случаѣ не сложить съ нея подневную плату за леченіе.

Но Любушка доказываетъ ей, что лежитъ она не въ больницѣ, а у нея, — значитъ, какъ бы на частной квартирѣ, и земству нѣтъ до этого никакого дѣла.

— Что жъ изъ того? — возражаетъ Тамара. —

Положимъ, лежитъ она не въ самомъ помѣщеніи больницы; однако же, пользуется вотъ и постелью больничною, — занимается, стало быть, чью-нибудь койку, — и помощью врачебною, со-вѣтами, лекарствами, даже столомъ, отчасти, — вѣдь за все за это ей, во всякомъ случаѣ, придется платить тѣ же 57 копеекъ въ сутки, а это, въ сложности, составитъ для нея сумму совсѣмъ непосильную. И ее серьезно тревожить, — какъ и чѣмъ будешь потомъ расплачиваться съ земствомъ. Но докторъ утѣшаетъ, что ей окажутъ и некоторое списхождение, — вы-де можете просить управу о скидкѣ съ васъ известной части съ этой платы, такъ какъ не пользовались ни пищею, ни уходомъ больничнымъ. Уходъ же Любушки и его докторскіе визиты, — это уже ихъ частное дѣло, ихъ личная добрая воля. А ей надо только въ управу прошеніе, и тогда управа представить его на разсмотрѣніе очереднаго земскаго собранія, а собраніе, по всей вѣроятности, разрѣшитъ вопросъ въ благопріятномъ смыслѣ.

— Хорошо, пусть даже и такъ, — продолжаетъ спорить Тамара, — пусть даже скинутъ ей наполовину, чего однако и ожидать нельзя, но все же и тогда ей нѣ изъ чего будетъ заплатить въ больницу сразу всю сумму, которая, между тѣмъ, съ каждымъ днемъ ея дальнѣйшаго пребыванія здѣсь, будетъ расти все больше и больше. Но докторъ съ Любушкой и на этотъ счетъ успокаивали ее, увѣряя, что земство охотно согласится разсрочить взносы этой суммы по частямъ, ежемѣсячными маленькими вычетами изъ ея жалованья. Докторъ былъ такъ добръ, что брался даже лично походатайствовать объ этомъ у председателя и членовъ управы, представить имъ всѣ уважительные резоны и проч. — Не истуканы же они какіе, и не звѣри, — войдутъ, поди-чай, въ положеніе и согласятся!

Все это нѣсколько успокоило Тамару, хотя перспектива вычетовъ изъ восьмирублеваго жалованья представлялась ей, во всякомъ случаѣ, очень тяжелою. И безъ того уже, этого жалованья не хватаетъ на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей, такъ какъ нерѣдко она бываетъ вынуждена отказывать себѣ то въ горячей пицѣ, то въ лишней чашкѣ чая, то въ фунтѣ пшеничнаго ситника, и сидитъ цѣлыми вечерами со своею бобылкой при свѣтѣ лучины, а то и совсѣмъ въ-потьмахъ, за неимѣніемъ ни сальной свѣчи, ни керосина. А если теперь пойдутъ еще ежемѣсячные вычеты, что же ей останется изъ жалованья? — Едва-едва на хлѣбъ насущный, да и на то-то не всегда хватитъ, если взять въ расчетъ, что нужно еще и одѣться, и обуться, а вотъ ужъ отъ чая, ситника и тому подобной роскоши надолго придется и совсѣмъ отказаться. Но это не особенно еще пугало Тамару, — были бы только силы да здоровье!

Перспектива долгих лишений, правда, неприятна, но всё только неприятно, а не невыносимо. Вынести можно, конечно, и не это еще, — было бы из-за чего выносить-то! Но вот вопрос, — из-за чего?.. И стоять ли?.. Что впереди-то хорошего? Не обманула ли ее жизнь со всех сторон? Или сама она не обманулась ли в жизни? Из-за чего все это она сдѣлала съ собою?

Вопрос этот, полный горечи и развѣдающего сомнѣнія, еще въ первый разъ въ жизни предсталъ ей въ такой ясности и цинической наготѣ.

«... Из-за чего?..»

«... Отъ одного берега сама отбилась; отъ другого ее, то и дѣло, отталкиваютъ, пристагъ не даютъ. И въ самомъ дѣлѣ, что дала ей жизнь, кромѣ ряда горькихъ разочарованій и нравственныхъ тычковъ, послѣ того рокового ея шага, въ Украинскѣ, въ пасхальную ночь, когда она впервые бросилась Каржолу на шею и вскорѣ затѣмъ ушла съ нимъ въ монастырь къ матери Серафимѣ?

«... Из-за чего?.. И что жъ теперь впереди, въ будущемъ?..»

Но все-таки среди ея сомнѣній и колебаній, среди этого горькаго и нѣсколько озлобленнаго раздумья надъ самой собою и своею судьбой, которую сама же она себѣ устроила, ей какъ будто мелькала еще въ смутной дали этого будущаго какая-то надежда на что-то лучшее, на что-то, можетъ быть, даже совсѣмъ хорошее, свѣтлое. На что именно, — этого и сама она не знала; но это «хорошее» представлялось ей въ образѣ тѣхъ хорошихъ людей, съ которыми, среди всякихъ невзгодъ и жизненныхъ разочарованій, все-таки сталкивала ее порою судьба и съ которыми, можетъ быть, та же судьба опять сведетъ ее когда-нибудь въ будущемъ... Вотъ они проходятъ передъ нею, эти образы, въ нити ея воспоминаній: мать Серафима, сестра Степанида, вотъ Любушка Кучаева — она тоже добрая, ужасно добрая, славная такая! — отецъ Макарій съ его семьею, даже старикъ сторожъ Ефимычъ... крестьянскія матки, солдаты на войнѣ, Атуринъ... Да, и Атуринъ! — Атуринъ, съ которымъ, повидимому, все у нея кончено, а тѣмъ не менѣе, образъ его все-таки рисуется ей впереди, какъ лучъ какой-то смутной надежды, — глупой, дѣтской, ни на чемъ не основанной, но... все-таки это надежда, какая-то внутренне инстинктивная, ей самой неопытная, но живая. Наконецъ, еще одинъ образъ, — ея дѣдъ, старикъ Бендавидъ, который когда-то такъ много и глубоко любилъ ее, свою единственную внучку... Неужели она никогда никого изъ нихъ не увидитъ?.. Неужели такъ и загложутъ ей, одинокой и забытой всеми, въ этомъ Пропойскѣ?.. Нѣтъ, должно же быть впереди что-нибудь лучшее! Должно! Иначе это было бы несправедливо.

Если Богъ Израилевъ мститъ до седьмого колѣна, то Богъ христіанскій прощаетъ и говоритъ: «Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я успокою васъ». Она христіанка, она вѣруетъ въ Бога и потому хочетъ вѣрить, что все переносимое ею бремя есть не болѣе какъ временное испытаніе, — можетъ быть даже спасительное для нея же самой и потому необходимое. Пускай жизнь противорѣчитъ этому ея убѣжденію, но она хочетъ, хочетъ и хочетъ вѣрить, что это такъ, — вѣрить наперекоръ всему, какова бы ни была окружающая ее дѣйствительность. Да, это все преходящее, временное, такъ только покуда... А жизнь — жизнь еще впереди. Иначе, гдѣ смыслъ жизни? И зачѣмъ тогда жить, если не вѣрить?

«Жить?.. и жить?» — смутно шепчетъ ей, въ то же время, какъ будто другое какой-то, внутренний, предостерегающій голосъ. — «Глупая, да развѣ это оздѣшней жизни сказано!» — Нѣтъ, нѣтъ, и о здѣшней! о здѣшней тоже! подымается въ ней противъ этого шопота громкій голосъ ея молодости, который заглушаетъ собою все, потому что молодость эта жаждетъ еще жизни.

И вотъ, несмотря на гнетъ наплывавшихъ на нее порою сомнѣній и злобы, она все-таки успокоивалась на время душою и мирилась съ настоящею своею «покуданіемъ» жизнью, потому что хотѣла жить, а хотѣла потому, что вѣрила еще въ жизнь и въ добро, и въ людей, и въ Бога.

Здоровье ея, между тѣмъ, достаточно уже поправлялось, и надо было поэтому подумать въ самомъ дѣлѣ о скорѣйшемъ возвращеніи въ Пропойскъ. На дворѣ стоялъ уже январь въ началѣ, — значить, черезъ нѣсколько дней ребятишки опять соберутся послѣ праздникова въ школу, а времени для ихъ ученія и такъ уже пропущено много.

Но не успѣла еще Тамара собраться въ дорогу, какъ получила наканунѣ своего предполагаемаго отъѣзда пакетъ за печатью уѣздной земской управы.

Инстинктивно уже ожидая себѣ съ этой стороны мало хорошаго, она съ невольнымъ волненіемъ въ душѣ вскрыла конвертъ и принялась за чтеніе форменной бумаги.

Управа извѣстила ее, что вслѣдствіе ея продолжительной болѣзни, г-нъ участковый инспекторъ народныхъ училищъ, принимая во вниманіе интересы учениковъ Пропойской сельской школы, слишкомъ много страдающихъ отъ продолжительнаго отсутствія учительницы, вошелъ въ уѣздный училищный совѣтъ съ представленіемъ о немедленномъ замѣненіи должности этой другимъ лицомъ, изъ имѣющихся кандидатовъ. А потому, поставляя ее въ извѣстность о состоявшемся, въ утвердительномъ смыслѣ, рѣшеніи о семь училищнаго совѣта, управа

предлагаетъ ей явиться въ присутствіе оной, за полученіемъ окончательнаго расчета по день ея увольненія, причемъ присовокупляетъ, что въ случаѣ ея согласія, управа можетъ имѣть ее въ виду для опредѣленія на должность сельской учительницы впослѣдствіи, на одну изъ могущихъ открыться со-временемъ вакансій.

Бумага эта жестоко поразила Тамару. Она усомнилась даже—такъ ли поняла ея смыслъ, не обочлася ли, читая наскоро глазами,—самой себя не повѣрила, и потому перечла еще разъ.—Нѣтъ, такъ; все совершенно ясно. Такого конца она не ожидала. Не то чтобы онъ никогда не приходилъ ей въ голову, или чтобы она не предвидѣла его возможности,—нѣтъ, имѣя дѣло съ подобными людьми, надо было всегда ожидать, что рано ли поздно ли они ее выживутъ, или что сама предпочтетъ уйти отъ нихъ при первомъ подходящемъ случаѣ. Но не ожидала она такого конца именно въ настоящую минуту: онъ захватилъ ее врасплохъ, совершенно несприготовленною, и испровергъ всѣ ея предположенія и расчеты. Тамара не сомнѣвалась, что если на сей разъ относительно ея ничуть не постѣснились даже протекціей Агриппины Петровны Миропольцевой, то это потому, что для нихъ явилась возможность спрятаться за спину инспектора и свалить все на него: «Это не мы-де, это инспекторъ, правительство».—Такова обычная уловка г-дъ Агрономскихъ.

И такъ, значитъ, конецъ. Она вышвырнута на улицу и остается не причемъ,—безъ мѣста, безъ крова, безъ хлѣба и даже безъ надежды на что-либо опредѣленное въ будущемъ. Она очень хорошо понимаетъ, что обѣщаніе «имѣть ее въ виду» — не болѣе какъ фраза или, такъ сказать, золотая пилюля, которую управа думала сдобрить ей горечь ея внезапнаго увольненія. Она знаетъ, что новое мѣсто въ земствѣ можетъ быть добыто ею лишь цѣною униженія предъ Агрономскимъ, и хороша еще, если только этимъ... Нѣтъ, Богъ съ ними совсѣмъ! Она и сама ни за что не вернется къ нимъ больше на службу. Довольно!

Но что же ей дѣлать теперь? Что будетъ съ нею дальше? Чѣмъ жить и какъ жить?..

Вотъ она когда пришла, роковая-то минута!

И Тамара точно бы застыла въ своемъ тяжеломъ раздумьи, какъ пришибленная, не видя предъ собой никакого исхода.

Въ этомъ положеніи застала ее вернувшаяся изъ больницы Любушка.

— Что съ вами, душечка?!—въ недоумѣніи окинула она подругу пытливымъ взглядомъ.—На васъ лица нѣтъ... Разстроены?... Что случилось?

Тамара, вмѣсто словъ, подала ей полученную бумагу. Та пробѣжала ее глазами и, видимо, пораженная, опустила руки.

— Какая мерзость, однако!.. Не могли подождать какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ!—тихо проговорила возмущенная Любушка.—Что же вы думаете дѣлать?—быстро спросила она Тамару, послѣ минутнаго раздумья.

Та только плечами пожала на это. Что могла она отвѣтить!

— Надо, однако же, чтонибудь предпринять,—энергично продолжала Любушка.—Идите предводителю, пишите директору училищъ, жалуйтесь, просите, требуйте, наконецъ,—вѣдь нельзя же прогнать человека только за то, что онъ какихъ-нибудь пять-шесть недѣль былъ боленъ!

— Ахъ, болѣзнь—это только одинъ предлогъ для нихъ!—горько усмѣхнулась Тамара.—Тутъ не въ болѣзни дѣло.

— Какъ не въ болѣзни? Такъ въ чемъ же?

— Совсѣмъ другое!.. Надо было податливо отвѣчать на ухаживанія господина Агрономскаго, понимаете?—пояснила она съ гадливо-презрительною миной.

— Ахъ, вотъ оно что!—домекнулась та.—Какіе они у насъ, однако, честненькіе, чисто-плотненькіе!..

— И вообще,—продолжала Тамара,—я имъ не ко двору,—значитъ, нужно было, такъ или иначе, меня выжить.

— По моему, все-таки пишите! Пишите предводителю, директору, или кому тамъ,—настоячиво совѣтовала Любушка.—Пусть знаютъ, по крайней мѣрѣ, истину... За что же такъ-то? Помилуйте!.. Вѣдь если порядочные люди, они примутъ въ васъ участіе, защитятъ или, можетъ быть, дадутъ мѣсто въ другомъ участкѣ, въ другомъ уѣздѣ,—наконецъ, мало ли гдѣ!.. Неужели некому вступиться?!

— Кому же? Дѣло земское! — усмѣхнулась Тамара.—Станутъ они изъ-за какой-то тамъ учительницы ссориться съ Агрономскимъ!.. Да и Богъ съ ними.—махнула она рукой.—Будетъ съ меня!.. Не хочу я больше!

— Но, милая, какъ же быть тогда?

— Не знаю.

— Пишите, въ такомъ случаѣ, роднымъ,—вѣдь у васъ есть родные?

— У меня никого нѣтъ.

— Какъ?! Такъ-таки рѣшительно никого?

— Никого. Впрочемъ, — какъ бы нѣхотя призналась она,—есть одинъ... дѣдъ мой.

— Ахъ, да! — вспомнила Любушка.—На войнѣ еще, помнится, говорили — изъ докторовъ кто-то,—что у васъ дѣдъ очень богатый, и сами вы, будто бы, миллионная наследница... Мы еще не вѣрили,—съ какой стати, думаемъ, миллионерша пойдетъ вдругъ въ сестры!

— Все это такъ,—подтвердила Тамара;—у дѣда, дѣйствительно, большое состояніе.

— Ну, вотъ! — радостно подхватила та, словно бы находку какую сдѣлала.—Чего же лучше!.. Пишите, значитъ, къ дѣдушкѣ.

— Это невозможно, — рѣшительно заявила Тамара.

— Почему невозможно? — удивилась Любушка. — Къ родному дѣду-то?

Дѣвушка объяснила ей, что съ тѣхъ поръ, какъ она приняла христіанство, у нея съ еврействомъ все порвано и кончено навсегда.

— Ну да, съ еврействомъ — это понятно; но не съ дѣдомъ же!

— Если съ еврействомъ, то и съ дѣдомъ, и со всѣми, со всѣмъ ихъ міромъ, — таково ужъ у нихъ законъ, нельзя иначе.

— Полюте, дорогая моя! По человѣчеству не такъ, не должно быть такъ, не можетъ!.. Вѣдь онъ же родной вамъ? Кровь-то въ немъ говорить вѣдь?!. Скажите, любилъ онъ васъ?

— Очень.

— Ну, вотъ видите!.. Значитъ, тѣмъ болѣе вы неправы. Ужъ если любилъ, то и любить, продолжаетъ любить, повѣрьте, — потому нельзя иначе, по естеству нельзя. Можетъ быть, онъ только виду чужимъ не показываетъ, а сердце въ немъ по васъ, — почему вы знаете? — можетъ оно и теперь болить!..

— Вы думаете? — раздумчиво спросила Тамара, которой въ глубинѣ души было отрадно слушать эти слова и доводы Любушки; но она все еще какъ бы не смѣла, или не рѣшалась повѣрить имъ окончательно, — точно бы ей нужно и пріятно было, чтобы ее еще и еще убѣждали въ томъ, въ чемъ она сама убѣждена въ душѣ, да только самой себѣ признаться въ этомъ не смѣетъ, и хочетъ, чтобы другой, дружескій голосъ укрѣпилъ въ ней это убѣжденіе. — Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы думаете?

— А вы сомнѣваетесь? — спросила ее, въ свой чередъ, Любушка.

— Какъ вамъ сказать!.. По крайней мѣрѣ, я знаю только одно, что онъ ничего для меня сдѣлать не можетъ.

— Это почему же?.. Развѣ вы къ нему уже обращались?

— Ни разу.

— Такъ откуда жъ у васъ такая увѣренность? Почему вы это «знаете»?.. А я думаю, напротивъ, что вы ровно ничего тутъ не знаете, а что это въ васъ одно только предубѣжденіе.

— Нѣтъ, знаю, — оспорила ее Тамара. — Таковъ законъ еврейскій.

— Законъ? Оставьте, пожалуйста!.. И что вы мнѣ про законъ, когда я вамъ про кровь говорю! Родная кровь, — вотъ что! Поймите вы это!.. Какіе тамъ у нихъ законы ни будь, а кровь все-таки скажется, ей не запретишь! Тамара призадумалась надъ ея словами.

«И въ самомъ дѣлѣ, почему бы не обратиться къ дѣду? Что мѣшаетъ? — гордость? самолюбіе? сознаніе, что пришлось-таки въ

концѣ концовъ смириться и просить о помощи?.. Но что жъ такое? — не у чужого просить!.. И наконецъ, если бы онъ не захотѣлъ помочь ей изъ своихъ средствъ, пусть поможетъ изъ ея собственныхъ, изъ того наслѣдства, что оставлено ей покойнымъ отцомъ, — это-то вѣдь ужъ ея личное достояніе. Хотя оно, по всей вѣроятности, и подъ запретомъ, но вѣдь хранится-то у него же на рукахъ, — однихъ процентовъ за это время сколько уже накопилось!.. Пусть пришлетъ что-нибудь хоть изъ процентовъ!.. Вѣдь ей же не на прихоти, а на хлѣбъ насущный. Она не требуетъ многого. Какіхъ-нибудь триста, четыреста рублей, чтобы перебится только, пока не придетъ себѣ новаго мѣста или какихъ-либо занятій. Что ему стоитъ такая ничтожная сумма!.. И неужели онъ не пойметъ ея горькой, крайней нужды? Неужели въ немъ дѣйствительно окаменѣло къ ней сердце, только потому, что кагалъ велѣлъ окаменѣть ему?.. И оно не тронется ея положеніемъ?.. Какъ! каменное сердце?! У этого добраго, великодушнаго человѣка, который всю жизнь свою помогалъ и словомъ, и дѣломъ другимъ, не только роднымъ, но и совсѣмъ постороннимъ людямъ?! — Нѣтъ, этого быть не можетъ!.. Сколь ни виновата она передъ нимъ, но все же не чужая она ему!.. Любушка права: тутъ дѣло родного сердца, дѣло кровное.

«Вѣдь любить же она сама этого дѣдушку, и какъ еще любить! — тѣмъ горячѣй и мучительнѣй, чѣмъ больше сознаетъ, какой ударъ былъ нанесенъ ему ею. Онъ такой разумный, такой отзывчивый, — онъ долженъ понять это, и онъ пойметъ, пойметъ навѣрно!..

«...Да, Любушка права, тысячу разъ права: надо писать къ дѣду, — другого выхода нѣтъ.

«Потому что если не это, то что-жъ ей остается больше? — Улица, или могила: огдаться Агрономскому, или пеглю на шею.

«...Да, надо писать. Надо изложить ему всѣ эти мысли, рассказать все, все какъ есть, и все, что было съ нею, — совсѣмъ откровенно, просто, искренно, — пускай все знаетъ, пусть приметъ ея задушевную исповѣдь, весь крикъ, всю боль ея сердца, и если это его не тронетъ, — ну, тогда будь что будетъ!.. Но пока этого не сдѣлано, надежда для нея еще не потеряна.

«...Дѣдушка, дорогой мой, милый! — мысленно обращалась она къ нему. — Прости меня и прійди, прійди ко мнѣ, къ своей «Фейгеле-Тамарѣ», — помнишь, какъ ты всегда, бывало, называлъ меня, ласкалъ!»

И горячо помолилась наединѣ Богу, чтобы осѣнилъ и просвѣтилъ ее благою мыслью, и благословилъ ея начинаніе, если оно Ему

угодно, Тамара тотчас же принялась за письмо, и написала его сразу, горячо и искренно, отъ сердца, полного любви и горя, не скрывъ ничего отъ дѣда относительно своего прошлаго и настоящаго положенія, и умоляла помочь ей, потому что она погибаетъ, — помочь матеріально, хоть чѣмъ-нибудь, чтобы она могла кое-какъ пережить столь трудное для нея время. Не скрыла она и того, что это ея послѣдняя надежда, послѣ которой, если онъ ее отвергнетъ, ей ничего не остается, кромѣ позора или смерти. Письмо было написано по-еврейски, на наиболѣе понятномъ старику, современномъ жаргонѣ, и это сдѣлала она для того, чтобы при чтеніи его, рабби Соломону не было надобности прибѣгать къ посторонней помощи. «Пусть самъ прочитаетъ, — кромѣ его, никто не долженъ знать, что тамъ написано».

На слѣдующее утро Любушка, по просьбѣ Тамары, для пущей вѣрности, сама снесла и сдала письмо это, заказнымъ, на почту.

XXIII.

Въ городѣ Украинскѣ, какъ и во всѣхъ вообще городахъ и мѣстечкахъ Западной Россіи, въ такъ называемой «чертѣ европейской осѣдлости», испоконъ вѣка существуетъ своя особая, еврейская почта, окрещенная еще во времена польскаго владычества названіемъ «почты пантофлѣвой», каковое остается за нею и по настоящее время. Благодаря этой своей почтѣ, еврейство узнаетъ всѣ вообще коммерческія, политическія и нынѣ новости гораздо раньше мѣстныхъ христіанскихъ населеній и даже раньше правительственныхъ органовъ. Способы сообщеній почты пантофлѣвой весьма разнообразны: отъ телеграфа и телефона до пенедральныхъ перебѣжекъ, особыхъ нарочныхъ изъ одной придорожной корчмы въ другую, отъ одного еврейскаго жилья или мѣстечка къ слѣдующему и т. д. На каждомъ такомъ этапѣ оповѣщенная новость разносится уже своими мѣстными средствами и путями далѣе, по всей округѣ, облетая такимъ образомъ весь еврейскій міръ въ самое короткое время, съ замѣчательною быстротою и точностію. А такъ какъ въ прежнія времена евреи въ Польшѣ и Западномъ краѣ почти не носили другой обуви, кромѣ туфель (по-польски *pantofil*), то отсюда и названіе ихъ почты — «пантофлѣвою». Изобрѣтательности еврейской и умѣнью приспособиться въ этомъ отношеніи ко всевозможнымъ средствамъ сообщенія нѣтъ мѣры и предѣла. (Вѣдетъ, напримѣръ, становой, а то и самъ исправникъ, въ то или другое мѣстечко по секретному дѣлу, касающемуся тамошнихъ евреевъ, и думаетъ ошеломить ихъ внезапностію своего налета, а тамъ уже знаютъ о цѣли его пріѣзда. Какими судьбами? — А

очень просто: онъ самъ же привезъ объ этомъ публикацію, потому что изъ пункта его отправленія, почтосодержатель-еврей, либо же кто-нибудь изъ всезнающихъ и всепроникающихъ жидочковъ написалъ мѣломъ надлежащее извѣщеніе по-еврейски на спинкѣ перекладной телѣги, или даже его собственнаго экипажа.) Подобнымъ же образомъ, всѣ биржевыя цѣны на хлѣбныхъ и иныхъ рынкахъ, всѣ колебанія денежныхъ курсовъ и акцій, всѣ важныя для еврейства политическія и внутреннія извѣстія, равно какъ и всѣ, имѣющія общее для евреевъ значеніе, постановленія, рѣшенія и «херимы» мѣстныхъ кагаловъ вкратцѣ пишутся въ пунктахъ отправленія камышъ-нибудь ловкимъ еврейчикомъ на наружныхъ стѣнкахъ товарныхъ вагоновъ готоваго къ отходу поѣзда, — и пишутся, конечно, по-еврейски, никому непонятнымъ, кромѣ самихъ евреевъ, алфавитомъ и языкомъ, и это тѣмъ легче, что въ числѣ железнодорожныхъ служащихъ и агентовъ на южныхъ и западныхъ дорогахъ у насъ имѣется множество евреевъ. Подобныя надписи ни въ комъ даже и подозрѣній никакихъ не возбуждаютъ, потому что евреи обыкновенно объясняютъ ихъ, какъ номенклатуру отправляемаго товара, число его мѣтъ, его вѣсъ и адресъ получателя, якобы неумѣющаго читать по-русски, чтобы ему легче-де было отыскать вагоны со своимъ грузомъ. Поѣздъ идетъ-себѣ по пути, а еврейскіе факторы, приказчики и «почталіоны пантофлѣвы», всегда кишащіе на каждой станціи, читаютъ во время его остановокъ эти еврейскіе іероглифы и, если нужно, то преспокойно, съ самымъ невнимательнымъ видомъ, списываютъ ихъ въ свои записныя книжки, не возбуждая опять-таки ни въ комъ никакихъ подозрѣній, — и вотъ, какая-либо важная новость живо распространяется по всему краю, будучи разносимая для евреевъ во всѣ стороны пантофлѣвыми вѣстовщиками, нарочными и почталіонами, вслѣдствіе чего существующія цѣны на тѣ или другіе продукты вдругъ начинаютъ, какъ бы ни съ того ни съ сего, падать или подыматься, смотря по тому, что выгодно для евреевъ, а христіанское населеніе, не понимающее причины такого капризнаго явленія, только кричатъ да въ затылокъ у себя почесываетъ, просчитываясь на своихъ насущныхъ расчетахъ. Зато еврейскіе гешефты преуспѣваютъ.

Точно также, въ каждомъ городѣ и мѣстечкѣ Западнаго и Южнаго края непремѣнно имѣется свой, уполномоченный мѣстнымъ кагаломъ, факторъ или почталіонъ-машура, обязанность котораго состоитъ въ томъ, чтобы въ дни пріхода почты являться въ почтовую контору къ разбору корреспонденціи и тамъ получать всѣ, кромѣ денежныхъ, письма, адресованныя какъ мѣстнымъ, такъ и прожи-

вающимъ въ ближайшей округѣ евреямъ. Благодаря этому, евреи, между прочимъ, сейчасъ же знаютъ до точности, кто именно изъ ихъ христіанскихъ клентовъ и должниковъ получилъ по почтѣ деньги и какую сумму. Развозка еврейскихъ писемъ по назначенію лежитъ уже на обязанности этихъ пантофлевыхъ почталіоновъ - мишурисовъ, которые, прежде передачи ихъ получателямъ, доставляютъ всѣ письма въ свой кагалъ, гдѣ, въ случаѣ надобности, то или другое письмо подвергается специально - еврейской перлюстраціи. Не выдаются на руки мишурисамъ только денежные да заказныя письма, но и то не вездѣ: по крайней мѣрѣ, въ прежнее, весьма еще впрочемъ недавнее, время сплошь и рядомъ бывало, что заказныя выдавались кагалному почталону - мишурису подѣ его росписку, по формальному, разѣ навсегда, уполномочію еврейскаго общества. Для казенныхъ почталіоновъ это было большимъ облегченіемъ, а для мишурисовъ—прямая выгода, такъ какъ за каждое доставленное письмо они получаютъ съ адресата извѣстный «бакшешъ» — нѣсколько грошей, въ видѣ благодарности за свой трудъ, что и даетъ имъ средства къ существованію. Для кагала же такой почтовый порядокъ крайне важенъ, ибо даетъ ему въ руки возможность втайнѣ слѣдить за самою интимною корреспонденціей всѣхъ членовъ своей общины и узнавать ихъ сокровѣннѣйшія тайны, въ каждомъ случаѣ, когда это почему-либо понадобится.

Такимъ образомъ, въ кучѣ разныхъ еврейскихъ писемъ, попало въ кагалную канцелярію города Украинска и письмо Тамары къ Соломону Бендаvidу. Одинъ изъ шамешей, разбравшихъ почту, обратилъ на него вниманіе и посмотрѣлъ на оттискъ почтового штампа, чтобъ узнать, откуда оно прислано. На оттискѣ этомъ значилась печать Желтогорской почтовой конторы и названіе губерніи.—Отъ кого бы это могло быть?—заинтересовался шамешъ.—Изъ внутренней Россіи.. почеркъ какъ будто женскій... заказное... Странно!.. Кто бы это могъ корреспондировать съ достопочтеннѣйшимъ раббѣ Соломономъ изъ Желтогорска?.. Любопытное дѣло, тѣмъ болѣе, что, сколько помнится, Бендаvidъ раньше не получалъ отъ туда никакихъ писемъ.

И шамешъ пошелъ показывать письму очередному тубу, находившемуся въ присутствіи.—Какъ, молъ, вы полагаете, не вскрытъ ли?

— Зачѣмъ?—удивился тубъ.

Тотъ сообщилъ ему свои любопытствѣнные соображенія, но тубъ не согласился съ его мнѣніемъ.—Что жъ тутъ особеннаго, что письмо изъ центральной Россіи? Мало-ль откуда можетъ коммерческій человѣкъ получать письма, а тѣмъ болѣе человѣкъ, извѣстный своею благотворительностью!.. Женскій почеркъ? — Не

что-жъ, можетъ быть и женскій!.. Можетъ быть, какая-нибудь просьба о пособіи отъ бѣдной еврейской вдовы, или сироты-дѣвочки, — развѣ мало нашихъ разсѣяно теперь по всей Россіи?!

— Да, но все-таки подозрительно.

— Оставьте пожалуйста! Въ чемъ вы можете подозрѣвать такого человѣка, какъ досточтимѣйшій ребѣ Соломонъ?.. Смѣшно и думать!

— Конечно, такъ,—почтительно согласился шамешъ.— А все же, съ вашего позволенія, раббѣ, смѣю думать, что лучше бы вскрытъ.. Ну, хоть изъ любопытства... Какъ вы полагаете?

— Полагаю, что это будетъ очень не деликатно съ нашей стороны по отношенію къ такому уважаемому и высокопоставленному члену общины.

— Но если я постараюсь сдѣлать это такъ осторожно, такъ искусно, что и слѣдовъ никакихъ не останется?

— Убирайтесь, любезнѣйшій, съ вашимъ бабьимъ любопытствомъ!—оборвалъ наконецъ его тубъ и хлопнулъ къ себѣ почталіона-мишуриса, которому приказалъ отнести письмо сейчасъ-же, въ очередь, къ Бендаvidу и доставить къ себѣ росписку его въ полученіи.

Такимъ образомъ, письмо Тамары было получено ею дѣдомъ безъ кагалной перлюстраціи. Онъ вскрылъ его, не обративъ вниманія на почеркъ и потому не зная, кто ему пишетъ, и не подозрѣвая въ письмѣ ничего особеннаго. Но съ первыхъ же строкъ, лицо его вдругъ поблѣднѣло, брови тревожно сдвинулись и похолодѣвшія руки задрожали. Въ первую минуту онъ даже испугался, узнавъ, что это отъ внучки. «Боже мой! зачѣмъ это?... Что ей надо!.. Зачѣмъ она къ нему обращается, чего хочетъ отъ него,—она, отчужденная, отлученная разѣ навсегда отъ семьи, отъ еврейства?.. Что можетъ быть у нихъ общаго? Видѣ она умерла для него, для дома, для всѣхъ... и вдругъ теперь это письмо, этотъ ея голосъ, точно бы голосъ изъ-за могилы... Долженъ ли онъ его слушать? Имѣетъ ли право на это?.. Не совершаетъ ли онъ этимъ *хетъ тодумъ*—великій грѣхъ предъ Израилемъ?.. Не лучше ли бросить это письмо не читая, разорвать его, уничтожить, сжечь, чтобъ и слѣдовъ не оставалось?..

И перепугавшійся старикъ, наединѣ въ своемъ кабинетѣ, тревожно оглядываясь по сторонамъ, какъ бы въ опасеніи, чтобъ его не застали или не подглядѣли за преступнымъ чтеніемъ «такого» письма, поспѣшилъ запереть его на письменномъ столѣ, подѣ разными своими бумагами.

Онъ сознавалъ, что раньше тѣмъ придти къ какому либо рѣшенію, ему необходимо успокоиться—прежде всего успокоиться, а потомъ, да еще—тамъ уже будетъ видно, что ему дѣлать и какъ поступить. Онъ налилъ себѣ воды

изъ графиня и сдѣлать нѣсколько глотковъ, ходя по комнатѣ. Чувство, овладѣвшее имъ, было какое-то смѣшанное: тутъ былъ и страхъ предъ невѣдомымъ еще содержаніемъ письма, и смутный страхъ за себя передъ кагаломъ, точно бы онъ совершилъ предъ этимъ учрежденіемъ какое-то преступленіе уже тѣмъ, что получилъ такое письмо отъ отверженной отступницы и позволилъ себѣ вскрыть его и начать чтеніе... Что подумаютъ, что скажутъ, если неравно узнаютъ объ этомъ?!.. Но къ этому страху примѣшивалась и невольная радость, что внучка его—единственная близкая, и кровная его отрасль—еще жива и вспоминала наконецъ о немъ, о своемъ дѣдѣ, и начинаетъ свое письмо такими теплыми, ласковыми словами. Бѣдное дитя!.. Онъ считалъ ее

безвозвратно погибшей, безсердечной, искоренившей его изъ своего легкомысленнаго сердца, а она между тѣмъ вызываетъ къ нему «милой, добрый, дорогой мой дѣдушка!» Она, значить, попрежнему любитъ его... А онъ?.. Развѣ онъ не любитъ ее... Правда, ему запретили питать къ ней это чувство, но развѣ сердце его, въ самой заповѣдной глубинѣ своихъ тайниковъ, послушалось этихъ запрещеній... Развѣ возможно сердцу человѣческому не любить, не сострадать, не болѣть о своей крови?.. А вѣдь она родная, наслѣдственная кровь его, кровь Бендавидовъ... Но о чемъ она пишетъ?.. Вѣрно ужъ не даромъ и не по пустякамъ, если послѣ столькихъ лѣтъ молчанія рѣшилась наконецъ обратиться къ нему...

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

«Торжество Ваала» осталось не законченнымъ и романъ оборвался на двѣнадцатомъ листѣ. Причиной этого досаднаго обстоятельства явилось назначеніе Всеволода Владиміровича осенью 1892 года редакторомъ-издателемъ «Варшавскаго Дневника».

Чрезвычайно трудное и отвѣтственное положеніе редактора этого подцензурнаго и офиціознаго органа исключало всякую возможность свободного творчества. Всѣ почти три года газетной дѣятельности покойнаго писателя отиѣтились полнымъ нулемъ въ суммѣ его беллетристическихъ работъ, если не считать передѣлки давно написаннаго разсказа: «Какъ умеръ мой дядя», выпущеннаго въ 1894 году отдѣльнымъ изданіемъ. Постоянно висѣвшій надъ головой Всеволода Владиміровича Дамокловъ мечъ цензора, готовый обрушиться ежедневно и притомъ зачастую невѣдомо за что, заставлялъ всѣ силы и помыслы сосредоточивать исключительно на одной газетѣ—и для окончанія романа не хватало уже ни энергіи, ни времени. Будучи близокъ съ покойнымъ я неоднократно приставалъ къ нему съ просьбами взяться, наконецъ, за окончаніе долголѣтнаго труда, но Всеволодъ Владиміровичъ съ обычной шутовщицею каждый разъ отвѣчалъ, что если онъ примется за него, то это будетъ дѣйствительно «Торжество», но не Ваала, а цензора, ибо тогда его легче будетъ на чемънибудь подвести. Странно писать эти строки на рубежѣ двадцатаго вѣка, а между тѣмъ нельзя не сказать той правды, что отношенія цензуры къ редактору Варшавскаго Дневника дѣйствительно имѣли характеръ какой-то постоянной травли.—Разумѣется таковая не

могла не дѣйствовать на нервы Всеволода Владиміровича—и свободный полетъ мысли постоянно заключался въ болѣе чѣмъ тѣсныя рамки цензурнаго карандаша.

Обсуждая, какъ выйти изъ этого положенія, мы какъ-то пришли къ рѣшенію, что покойный на мѣсяцъ или два передастъ мнѣ редакторство (я былъ тогда негласнымъ его помощникомъ), а самъ всецѣло займется романомъ, но на это мнѣ, какъ строевому офицеру, на отвѣтственной должности (я командовалъ эскадрономъ въ лейбъ-гв. Гродненскомъ гусарскомъ полку), не было дано разрѣшенія моимъ непосредственнымъ начальствомъ. Вскорѣ послѣ этого отъ трудовъ и сопряженныхъ съ ними неизбежныхъ непріятностей и волненій Всеволодъ Владиміровичъ началъ хворать, причемъ часто говаривалъ: «Вотъ брошу редакторство, возьму большой отпускъ, поѣду за границу и тамъ и закончу своего «Жида». Но мечтамъ этимъ за усиливавшейся болѣзью не суждено было сбыться. Въ ноябрѣ 1894 года, Всеволодъ Владиміровичъ ничѣмъ уже не могъ заниматься.—а въ февралѣ 1895 года мы его похоронили. На вопросы мои, какъ думаетъ онъ закончить свою трилогію, онъ ни разу не далъ мнѣ опредѣленнаго отвѣта. Видно было, что онъ колебался—въ какой мѣсяцъ дать силу торжеству кагала и преслѣдуемыхъ имъ пѣлей но несомнѣнно одно, что идея всего произведенія формулировалась именно заглавіемъ послѣдняго труда. Черезъ всѣ три романа красной чертой все время проходила одна мысль—показать силу еврейства въ нашей общественной жизни и полное безсиліе и беспомощность вышей славянской расы по свойственному ей

добродушію и халатности, не могшей противопоставить еврейской сплоченности и энергіи, ни твердых убѣжденій, ни сильнаго противодѣйствія, ни оказать вступившей въ новую среду неопиткѣ-еврейкѣ столь необходимой для нея нравственной поддержки. Дѣйствительно, мы видѣли, что сначала героиня романа Тамара Бендавидъ, уйдя изъ мрачной обстановки кагала и будучи не въ силахъ нести ея гнетъ, вступила въ интеллигентную русскую среду съ полной вѣрой въ то, что общество не только приметъ ее, какъ ближняго, но и дружно защититъ отъ всѣхъ напастей и козней ея единоплеменниковъ. И здѣсь съ грустью надо сознаться, что Тамара Бендавидъ не нашла ничего, чего такъ жадно ждала и искала въ христіанской средѣ. Авторъ не случайно далъ названіе первому роману трилогіи «Тьма Египетская»: этимъ онъ хотѣлъ опредѣлить то хаотическое состояніе, въ которомъ въ концѣ семидесятихъ годовъ находилось наше общество, и ту нравственную тьму, въ которую попала прозелитка.

Послѣ многихъ блужданій въ этомъ хаосѣ и горькихъ разочарованій въ своихъ мечтахъ и идеалахъ, спасаясь отъ преслѣдованій своихъ единоплеменниковъ, Тамара пришла къ печальному выводу, что наша интеллигенція не есть тотъ оплотъ, котораго она искала, что всѣ иллюзіи ея разсѣялись навсегда и, тогда она рѣшила только перемѣнить обстановку: искать спасенія въ трудѣ, служеніи народу и, не колеблясь, посвятила себя не легкому дѣлу —

сельской учительницы, надѣясь хотя немного отдохнуть наболѣвшей душой. Но и здѣсь ждалъ ее рядъ тяжелыхъ испытаній. Всеволодъ Владиміровичъ мастерски нарисовалъ мрачными, но вѣрными красками безотрадную картину жизни сельской учительницы, среди грубой, не понимавшей ея крестьянской среды, съ одной стороны, и представителей уѣздной интеллигенціи и кулачества—съ другой. Въ концѣ концовъ мы видимъ, что послѣ цѣлаго ряда тяжелыхъ нравственныхъ испытаній, борьбы, горя и непосильнаго труда разбитая жизнью Тамара Бендавидъ рѣшила, какъ въ притчѣ о блудномъ сынѣ, обратиться за помощью къ своему дѣду. На этомъ и обрывается «торжество Ваала». Хотя оно и не окончено повѣствованіемъ, но въ смыслѣ выясненія идеи произведенія авторомъ можно придти къ заключенію, что она вырисовывается передъ читателями вполне опредѣленно. Что-бы потомъ ни сдѣлала Тамара, какъ бы ни пыталась она устроить свою жизнь—это уже не такъ интересно для насъ, а важно то, что всѣ, самыя энергическія, попытки героини уйти изъ среды еврейства и порвать съ ними всякія связи оказались тщетными. А потому, закрывая послѣдній томъ сочиненій незабвеннаго Всеволода Владиміровича, невольно приходится прислушаться къ его горячему и остерегающему призыву: «Жидъ идетъ!»

Ю. Елецъ.

Монте-Карло.
Мартъ 1900 г.

Оглавленіе восьмого тома.

1) ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ.

	Стр.		Стр.
1. Шабосъ-кодешъ	1	17. Изъ «Дневника» Тамары	88
2. Слово рабби Ионаана	10	18. Новыя наслоєнія	100
3. Да или нѣтъ	20	19. Переломъ	112
4. Теперь или никогда	27	20. Новыя наслоєнія	119
5. Два сюрприза	31	21. Не выгораетъ	128
6. Божья воля	35	22. Последняя надежда	132
7. Дѣла идутъ на ладъ	40	23. Отъѣздъ Каржолы	133
8. Поресъ грейсе!—Великія бѣды!	48	24. Передъ грозю	135
9. Не та	53	25. Вогулесъ у-Махлейкесъ	136
10. Вывернулся	54	26. Еврейскій погромъ	142
11. Аунусъ Нефососъ	58	27. Моэсъ-эйлего!—Смерть гойямъ!	147
12. Великій Совѣтъ Кагала	64	28. Минъ гошо манмъ.—Такъ суждено свыше	148
13. Рабби Ионаанъ и рабби Абрамъ ходатаи	73	29. Рѣшающее слово	150
14. Дальнѣйшіе ходы Каржолы	76	30. Отъѣздъ Тамары	152
15. Скрутили	79	31. Первая капля яду	153
16. Мать Серафима съ Тамарой	86	32. Торжество кагала	154

2) ТАМАРА БЕНДАВИДЪ. Романъ.

	СТР.		СТР.
Нежданые гости	157	23. Миръ	274
Какъ все это случилось	160	24. Планы Атурина	278
По-кавказски	168	25. Пасхальная ночь въ Санъ-Стефано	280
Полицеймейстеръ въ хлопотахъ	172	26. За время томленія подъ Царьградомъ	284
Въ западнѣ	174	27. Правда сказала	293
Часъ-отъ-часу не легче	180	28. Поздній откликъ	294
Свадебный подарокъ Каржолы	187	29. На отлетѣ	297
Новокрещена	191	30. Восходящее свѣтло Блудштейна	300
Передъ войною	199	31. Непріятные сюрпризы	302
Подъ самымъ преданнымъ надворомъ	207	32. Въ окончательной обработкѣ	306
1. На новыя рельсы	212	33. Новымъ путемъ—къ старой дѣлѣ	310
2. Среди «друзей» и «союзниковъ»	218	34. По «спеціалистамъ»	314
3. У его экзеквенци, господина Мерзеску	223	35. «Судьба» опять ставитъ барьеры	323
4. По примѣру страусовъ	230	36. На распутіи	325
5. При переправѣ	232	37. Свободолюбивая филантропка	330
6. Встрѣтились	238	38. Среди «учащихся» и «протестующихъ»	334
17. Послѣ свиданія	244	39. Чего ни та, ни другая не ожидала	336
18. Въ дни «Третьей Плевны»	246	40. Въ ожиданіи развязки	340
19. 30-е августа	249	41. Передъ атакой	342
20. Печальная находка	254	42. Атакванъ	345
21. Находка болѣе счастливая для Каржолы	258	43. Прелиминары и капитуляціи	350
22. Въ Боготѣ	265	44. Въ новый путь	355

3) ТОРЖЕСТВО ВААЛА. Романъ.

	Стр.		Стр.
1. Новая учительница	357	13. Полезное съ пріятнымъ	422
2. На первыхъ порахъ	365	14. Все хорошо, что хорошо кончается	425
3. У «батьшечъ»	366	15. Путанное время	431
4. Съ крестьянскими матками	372	16. «Диктатура сердца».	441
5. Пробный урокъ	374	17. Возжелѣнія г-на Агрономскаго.	448
6. Въ области земскихъ прелестей	379	18. «Изалюбленные люди»	453
7. Въ праздникъ на сельской улицѣ.	389	19. Новый инспекторъ	456
8. На школьной практикѣ	395	20. Люди познавшіе «въ чемъ суть»	465
9. Г-нъ Агрономскій	400	21. Среди дебрей «Пропойскаго края».	469
10. Среди сомнѣній	407	22. Въ Желтогорской земской больницѣ.	478
11. Маленькій съязникъ	411	23.	486
12. Экспериментально-развивательная конфе- ренція	416	Послѣсловіе	488

